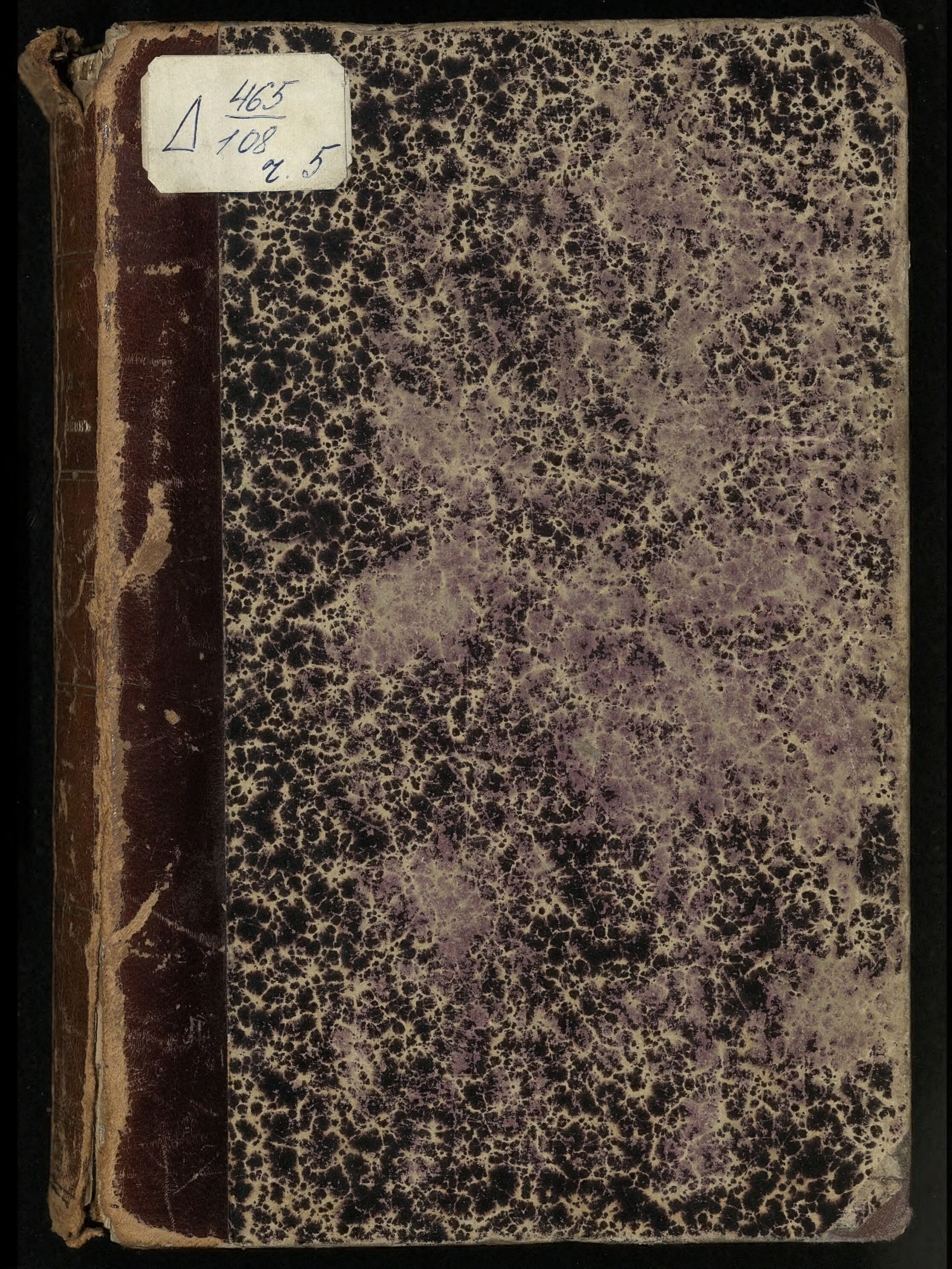
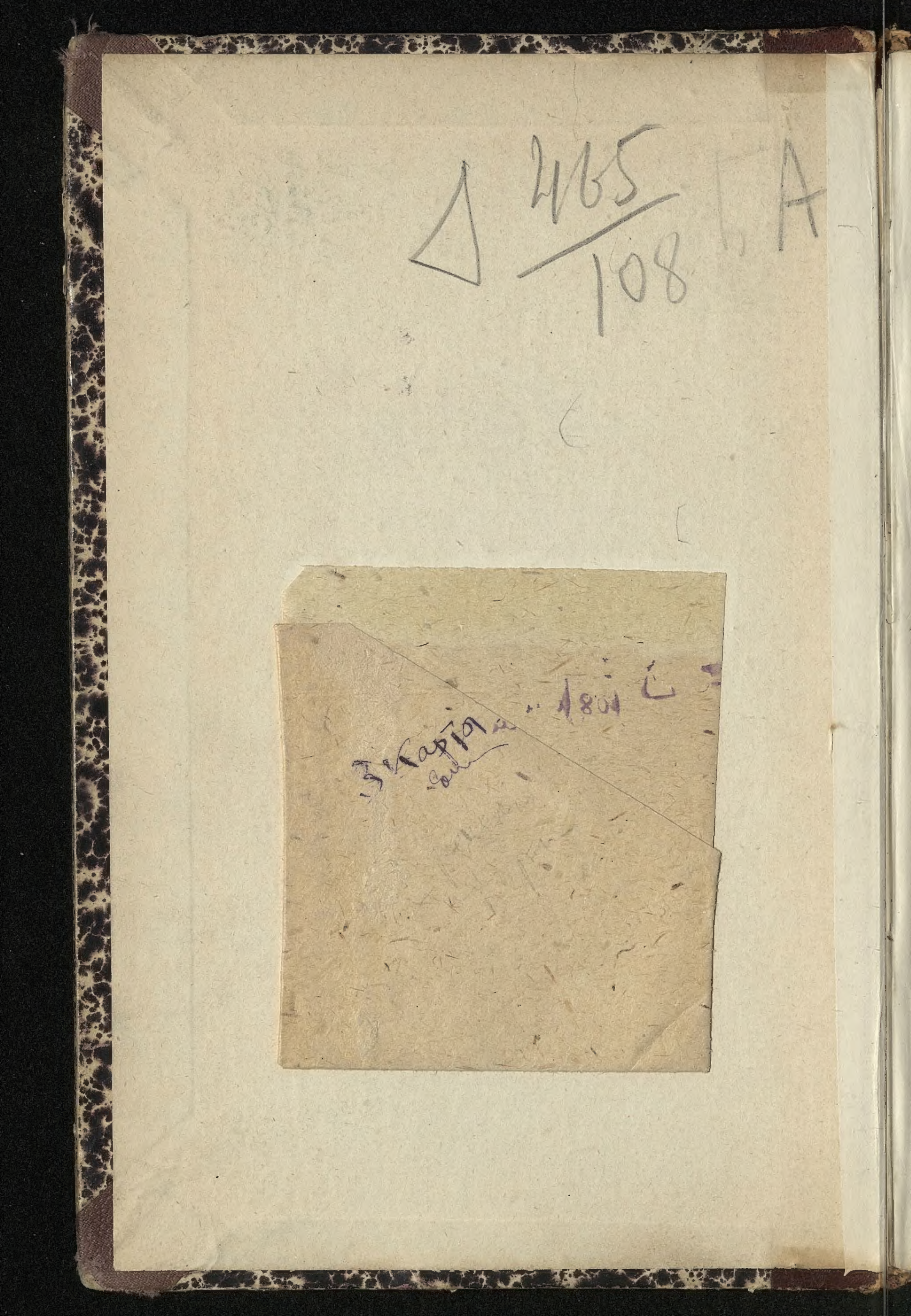
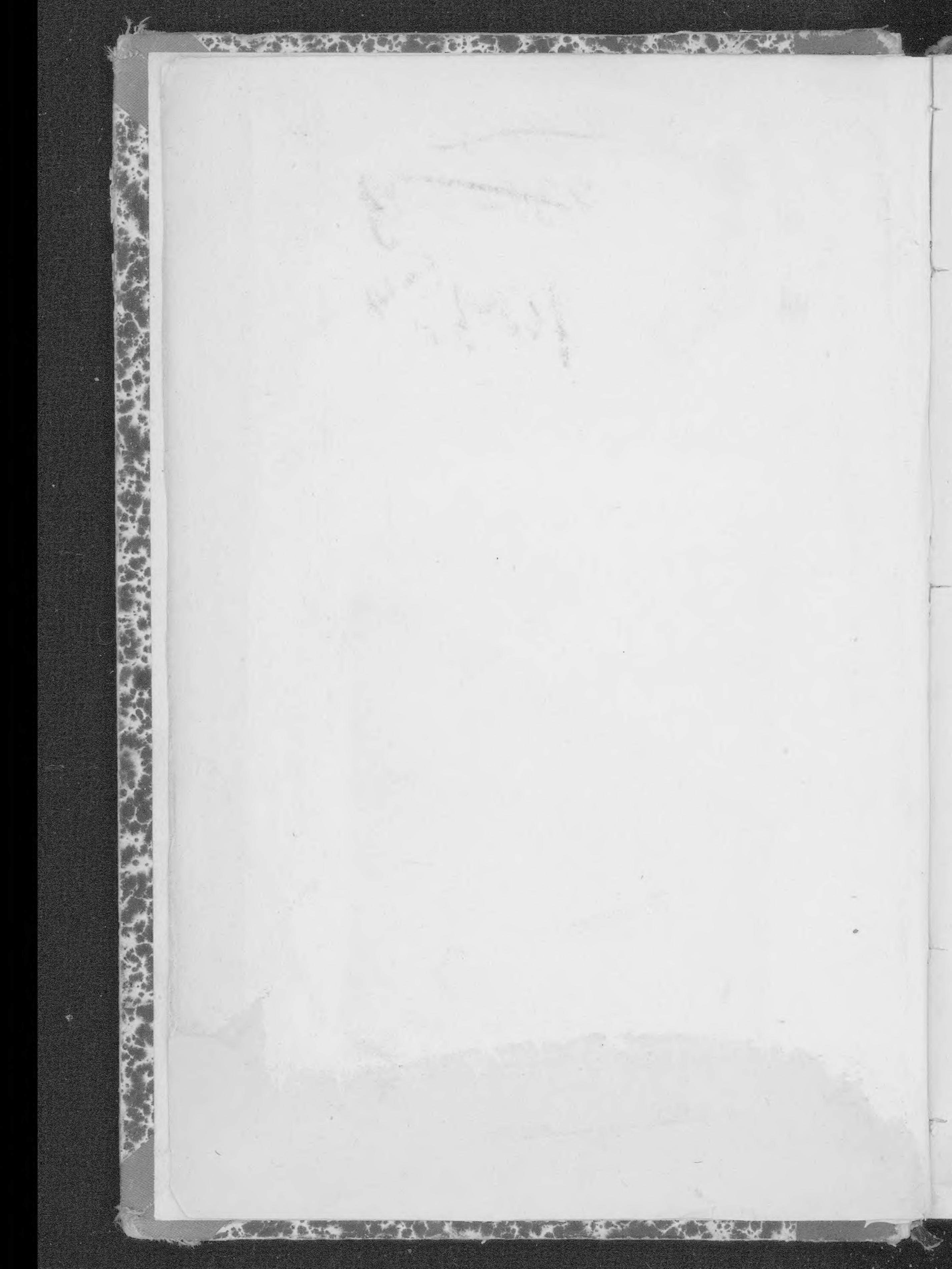
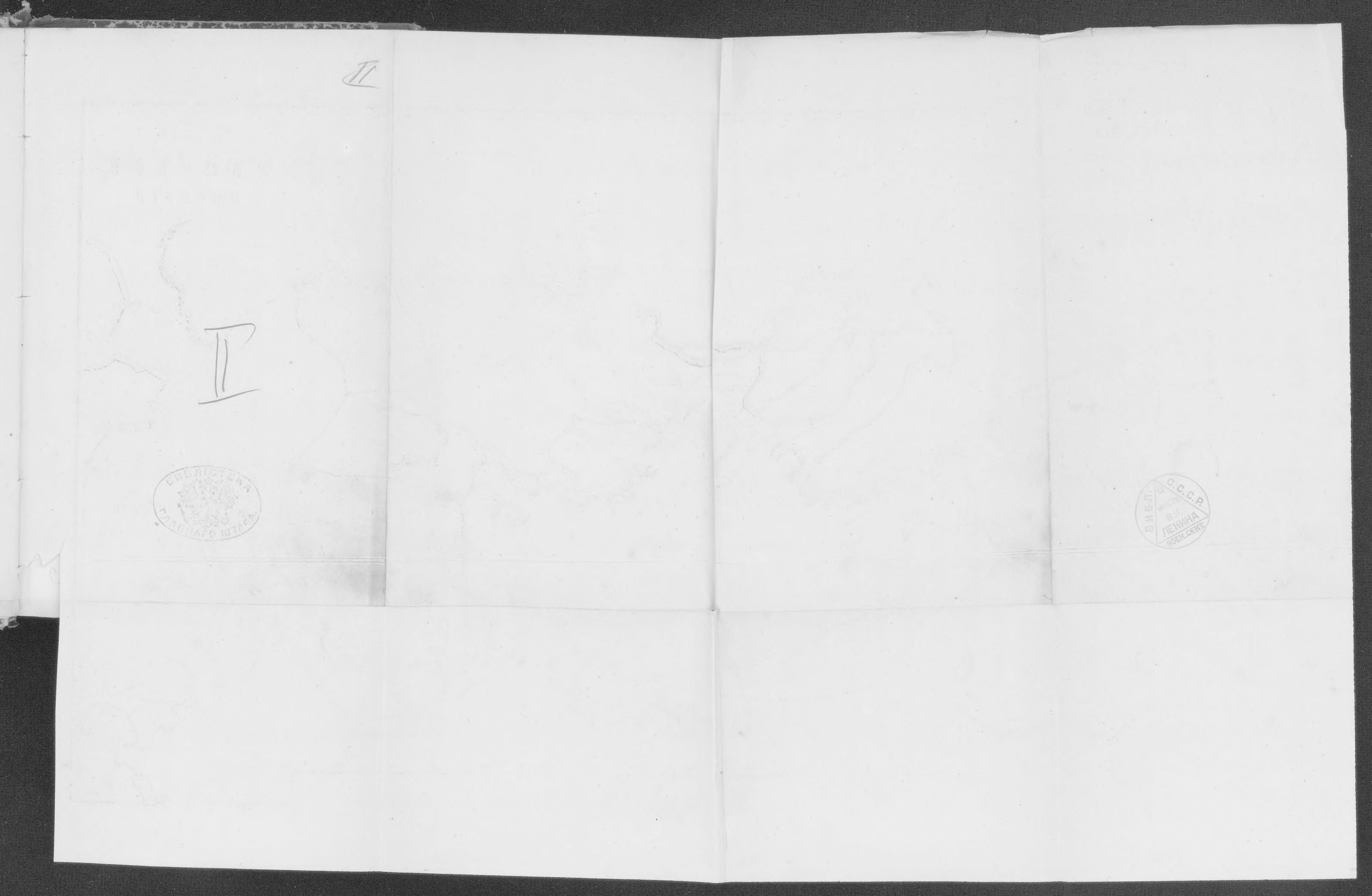

Д 465/108
ч. 5

ГЕРМАНІЯ
во времена Римской имперіи
въ I, II, III, IV и V вѣкахъ по Р.Х.
Масштабъ
1/7,000,000
Нѣмецк. мили (7 верстъ)
СѢВЕРНОЕ МОРЕ
ВОСТОЧНОЕ (БАЛТІЙСКОЕ) МОРЕ
ФРИЗЫ
ХАУКИ или КАУКИ
АНГРИВАРІИ
ЛОНГОБАРДЫ
БАТАВЫ
БРУКТЕРЫ
ХЕРУСКИ
МЕНАПІИ
МОРИНЫ
ЭБУРОНЫ
МАРСЫ
СИКАМБРЫ
ХАТТЫ
ГЕРМОДУРЫ или ГЕРМАНДУРЫ
АТРЕБАТЫ
НЕРВІИ
ТОНДУЗІИ
ФЕРМАНЫ
АМБІАНЫ
ТРЕВИРЫ
МАРКОМАННЫ
БЕЛЛОВАКИ
МЕДІОМАТРИКИ
ВАНГІОНЫ
САРМАТЫ
КВАДЫ
СЕНОНЫ
ЛИНГОНЫ
ВИНДЕЛИЦІЯ
НОРИКЪ
ЭДУИ
СЕКВАНЫ
ГЕЛЬВЕТЫ
РЭЦІЯ
ВЕРХНЯЯ
ПАННОНІЯ
НИЖНЯЯ
ИСТРІЯ
СѢВЕРНАЯ ИТАЛІЯ
ВЕРХНЯЯ
МИЗІЯ
Адріатическое море
Картограф. Зав. А. Ильина Екатер. пр. д. № 11-43

II
II

КАРТА
РИМСКОЙ
ИМПЕРІИ
ЛАЦІУМЪ
ИТАЛІЯ
РИМЪ во времена РЕСПУБЛИКИ
Британія
Германія
Сарматія
Галлія
Испанія
Понтъ Евксинскій
Средиземное море
Адріатическое море
Тирренское море
Іоническое море
Египетъ
Африка
Мавританія
Кипръ
Армения
Месопотамія
Каспійское море
Колоніи Финикійскія Греческія
Картограф. зав. А. Ильина

ВСЕОБЩАЯ ВОЕННАЯ ИСТОРІЯ ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

От Августа до паденія Западной Римской Имперіи

(30 г. до Р. Х. — 476 г. по Р. Х.).

СОСТАВИЛЪ

Князь Н. С. Голицынъ,

Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ, Членъ Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба и Королевской Шведской Академіи военныхъ наукъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
Большая Подьяческая, № 39.
1876.

П

БИБЛ. С.С.С.Р.
ИМЕНИ
В.И.
ЛЕНИНА
ВОЕН. СЕКТ.
В-39-3730

2014080256

Les faits passés sont bons pour nourrir l'imagination et meubler la mémoire: c'est un répertoire d'idées que le jugement doit épurer.

Frédéric II.

La tactique, les évolutions, la science de l'officier du génie, de l'officier d'artillerie peuvent s'apprendre dans des traités; — mais la connaissance de la grande tactique ne s'acquiert que par l'expérience et par l'étude de l'histoire des campagnes de tous les grands capitaines.

Napoléon I.

Faites la guerre offensive comme Alexandre, Annibal, César, Gustave-Adolphe Turenne, le prince Eugène et Frédéric; — lisez, relisez l'histoire de leurs 88 campagnes, modelez-vous sur eux, — c'est le seul moyen de devenir grand capitaine et de surprendre le secret de l'art: votre génie, ainsi éclairé, vous fera rejeter des maximes opposées à celles de ces grands hommes.

Napoléon I.

Wissenschaftliches Streben und wissenschaftliche Erfahrung bilden den Feldherrn, nicht bloss eigene Erfahrung; — denn welches Menschenleben ist thatenreich genug, um sie im vollen Maasse zu gewähren? — und wer hatte je Uebung in der schweren Kunst des Feldherrn, ehe er zu dieser erhabenen Stelle gelangte? — sondern Bereicherung des eigenen Wissens durch fremde Erfahrung, durch Kenntniss und Würdigung früherer Nachforschungen, durch Vergleiche berühmter Kriegsthaten und folgenreicher Ereignisse aus der Kriegsgeschichte.

Erzherzog Karl.

*

ВСЕОБЩАЯ
ВОЕННАЯ ИСТОРІЯ
ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ОТЪ АВГУСТА ДО ДІОКЛИТІЯНА.

(30 г. до Р. Х. — 284 г. по Р. Х.).

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ПОСОБІЯ.

I. Древніе.

1) Діонъ Кассій (Dio Cassius, см. В. В. И. древн. вр. Ч. I, источники, стр. 41). Его Римская исторія (до 229 г. по Р. Х.) обнимаетъ наибольшую часть этого періода времени, но, къ сожалѣнію, изъ 80 книгъ до насъ вполнѣ дошли только 19 (XXXVI—LIV). Книги LI—LX относятся къ періоду отъ воцаренія Августа до смерти Коммода (36 г. до Р. Х.—193 г. по Р. Х.). Изъ послѣднихъ же 20 книгъ (LX—LXXX) до насъ дошло только краткое и часто неполное извлеченіе Ксифилина (Xiphilinus); — изъ нихъ книги LXXIII — LXXX отъ смерти Коммода доходятъ до консульства самаго Діона Кассія въ 229 г., при Александрѣ Северѣ. Такъ какъ Діонъ Кассій служилъ въ военной службѣ въ высшихъ чинахъ, начальствовалъ войсками и участвовалъ въ войнахъ и походахъ, то исторія его въ военномъ отношеніи имѣетъ своего рода достоинство, событія въ ней изложены по порядку времени и современныя автору, равно и тѣ, въ которыхъ онъ самъ участвовалъ, изображены вѣрно.

2) Тацита (Tacitus, см. В. В. И. древн. вр. Ч. I, источники, стр. 37—38): а) въ Лѣтописяхъ (Annales) римская исторія отъ Тиберія до Веспасіяна (14—68 г.г. по Р. Х.), но не вполнѣ, потому что книги, заключавшія въ себѣ часть царствованія Тиберія (32—34 г.г.), царствованіе Калигулы, 6 первыхъ лѣтъ царствованія Клавдія I (41—47 г.г.) и послѣдніе $1\frac{1}{2}$ года царствованія Нерона—утрачены;—б) Исторіи (Historiae), изъ которой до насъ дошли только 4 книги и часть 5-й (первые три года 69—71);—в) о нравахъ и обычаяхъ германцовъ (De situ, moribus et populis Germaniae),— и г) Жизнеописаніе Агриколы (De vita et moribus Cn. Jul. Agricolae). Особенно важны первое и третье сочиненія.

3) Суэтонія (Suetonius, см. В. В. И. др. вр. Ч. I, источники, стр. 37-я). Жизнеописанія 12-ти Цезарей (римскихъ императоровъ) отъ Юлія Цезаря до Домиціяна, имѣютъ особенную цѣну въ томъ отношеніи, что знаніе характеровъ и дѣяній первыхъ императоровъ римской имперіи очень важно для военной исторіи этого времени.

4) Веллейй Патеркулъ (Velleius Paterculus), писатель I вѣка по Р. Х., начальствовалъ конницей въ арміи Тиберія въ Германіи, былъ съ нимъ во всѣхъ походахъ и наконецъ преторомъ Рима, усерднымъ и льстивымъ приверженцомъ Тиберія и Сеяна. Его Исторія, изъ которой до насъ дошли только 2 книги, и тѣ безъ начала, хотя писана въ духѣ льстиваго царедворца, однако очень любопытна въ отношеніи къ царствованіямъ Августа и Тиберія.

5) Флоръ (Florus), римскій историкъ начала II вѣка, написалъ краткое обозрѣніе (Epitome) римской исторіи отъ основанія Рима до перваго закрытія храма Януса при Августѣ.

6) Плутарха (Plutarchus, см. В. В. И. древн. вр. Ч. I, источники. стр. 38). Жизнеописанія императоровъ Гальбы и Отона.

7) Іосифа Флавія (Josephus Flavius, см. В. В. И. древн. вр. Ч. I. источники, стр. 37) Исторія Іудейской войны при Веспасіянѣ и Титѣ.

8) Меньшихъ писателей исторіи Августовъ (Scriptores historiae Augustae minores): Юлія Капитолина (Julius Capitolinus), Флавія Вописка (Flavius Vopiscus), Элія Лампридія (Aelius Lampridius), Элія Спарціяна (Aelius Spartianus). Требеллія Полліона (Trebellio Pollio) и др. жизнеописанія всѣхъ римскихъ императоровъ отъ Адріяна до Діоклитіяна (117—284 г.г.).

9) Иродіяна (Herodianus), греческаго историка II—III вѣковъ: 8 книгъ Исторіи обнимаютъ періодъ времени отъ Коммода до Гордіяна (180—244 г.г.).

10) Евтропія (Eutropius), IV вѣка, служившаго въ войскѣ императора Юліяна: сокращенная римская исторія отъ основанія Рима до Валента (364—378 г.), которому посвящена, и такія же исторіи Аврелія Виктора (Aurelius Victor) и Секста Руфа (Sextus Rufus), полезны въ отношеніи къ періоду времени отъ Коммода до Діоклитіяна (193—284 г.г.).

11) Зонары (Zonara), IV вѣка: Лѣтописи (Annales), начиная съ XII книги, относятся къ періоду времени отъ Коммода до Діоклитіяна (и далѣе).

12) Зосимы (Zosimus), языческаго историка IV вѣка и подражателя Полибія: Исторія послѣднихъ вѣковъ римской имперіи;—до-

шедшія до насъ $5\frac{1}{2}$ книгъ ея относятся къ періоду времени начиная со 2-й четверти III вѣка.

13) Аммiяна Марцеллина (Ammianus Marcellinus, см. В. В. И. др. вр. Ч. I, источники, стр. 41) исторія римскихъ императоровъ отъ Нервы до Валента (96—364 г.г.), 31 книга, изъ которыхъ до насъ дошли только 18 послѣднихъ (начиная съ 5-й главы XXIII книги и съ 2-й четверти III вѣка). Она имѣетъ особенное достоинство въ военномъ отношеніи, такъ какъ авторъ былъ военный и начальствовалъ войсками въ войнахъ и походахъ.

14) Іорнанда (Iornandes): О дѣяніяхъ готѳовъ (de rebus gothicis), главный источникъ исторіи этого народа; начало этого сочиненія относится къ III вѣку.

II. Новые.

15) Lenain de Tillemont: Histoire des empereurs et des autres princes qui ont régné dans les six premiers siècles de l'Eglise, 5 v. 8°, Bruxelles, 1707.

16) Crévier: Histoire des empereurs romains depuis Auguste jusqu'à Constantin, 12 v. 8° Paris 1749,—продолженіе римской исторіи Роллена, ученикомъ его и въ его духѣ.

17) Goldsmith: Roman history from the fundation of the city of Rome to the destruction of the Western Empire, 2 v. 8° London 1774,—общій взглядъ на исторію этого времени.

18) Gibbon: History of the decline and fall of the Roman Empire, 13 v. 8° Basiliae 1787;—первыя 6 главъ относятся къ этому періоду.

19) Hübler: Geschichte der Römer unter den Imperatoren, wie auch der gleichzeitigen Völker, 3 B. 8° Freiberg 1803,—доходитъ до Константина В.

20) De Bugny: Pollion, ou le siècle d'Auguste,—особенно важна XIII глава 1-й части, о военномъ бытѣ римлянъ при Августѣ и послѣ него.

21) Blackwell: Memoirs of the court of Augustus, 3 v. 4° London 1768;—послѣднія двѣ части содержатъ въ себѣ исторію царствованія Августа, на основаніи сочиненія Суэтонія.

22) Larrey: Histoire des triumvirats, augmentée de l'histoire d'Auguste, 4 v. 8° Trévoux 1741;—послѣдняя часть заключаетъ въ себѣ исторію Августа.

23) Mannert: Geographie der Griechen und Römer, III Theil.

24) Mascow: Geschichte der Deutschen, I, II и III книги, отъ пораженія кимвровъ до пораженія Вара.

25) Schmid: Geschichte der Deutschen, I Buch, 1—6 Kapiteln.

26) Freiherr von Gagern: Die National-Geschichte der Deutschen: 1—2—3 Abschnitte, von dem ersten Erscheinen deutscher Völker bis auf Cäsars Kriegszüge, 4—r Abschnitt—Augusts Zeitalter.

27) Iost: Geschichte der Israëliten seit der Zeit der Maccabäer bis auf unsere Zeit.

28) Richter: Historisch-kritischer Versuch über die Arsaciden- und Sassaniden-Dynastie, nach den Berichten der Perser, Griechen und Römer.

29) Beaufort: Histoire de César Germanicus, Leyde 1741.

30) Cramer: D. Vespasianus, sive de vita et legislatione T. Flavii Vespasiani Jmp. commentarius, Ienae 1785.

31) Fiedler: Geschichten und Alterthümer des untern Germaniens aus dem Zeitalter der rômischen Heerschaft, 1824,—особенно: Geschichte der römischen Heerschaft am Niederrhein, zunächst in Vetera und an der Lippe.

32) Rittershusii Trajanus in lucem reproductus, Ambeguae 1608.

33) Mannert: Res Trajanis imperatoris ad Danubium gestae, Norimbergae 1793.

34) Engel: Commentatio de expeditionibus Trajani ad Danubium et origine Valachorum, Vindobonae 1794.

35) Marquis d'Orbessan: Vie de Titus, Paris 1781.

36) Barott: Histoire des deux règnes de Nerva et de Trajan, Paris 1761.

37) Bayeux: Réflexions sur le règne de Trajan, Paris 1782.

38) Gautier de Sibert: Vie des empereurs Tite Antonin et Marc-Aurèle, 8° Paris 1769.

39) Meiners: De M. Aurel. Antonini ingenio, moribus et scriptis, въ Comment. Soc. Gotting. vol. VI.

40) Hegewisch: Ueber die glücklichsten für die Menscheit Epochen der römischen Geschichte, 8° Hamburg 1800.

41) Majer: Histoires romaines, Héliogabale et Alexandre Sévère, 1777.

42) Du Bos: Histoire des quatre Gordiens.

43) De Bréguigny: Recherches sur la famille de Gallien, et Histoire de Posthume, empereur dans les Gaules, — въ Mémoires de l'Acad. des Inscriptions XXXII et XXX.

44) Manso: Ueber die dreissig Tyrannen, unter dem römischen Kaiser Gallienus (въ приложенія къ его же жизнеописанію Константина В.).

45) Hauteville: Histoire de Zénobie, reine de Palmyre, 1758.

46) De la Bastie: Eclaircissement sur la durée de l'empire de Pro-

bus, Carus, Carinus et Numérien, въ Mém. de l'Acad. des Inscriptions XIII.

III. Новѣйшіе.

47) Hoffmann: Die vier Feldzüge des Germanicus in Deutschland, 8° Göttingen 1816.

48) Ripault: Marc-Aurèle, ou histoire philosophique de l'empereur Marc-Antonin, 4 v. 8° Paris 1820.

49) Soulié: Considérations sur l'administration de la guerre chez les peuples anciens et modernes, 3 v. 8° Paris 1820—21.

50) D-r. Münter: Der jüdische Krieg unter den Kaisern Trajan und Hadrian, 8° Altona und Leìpzig, 1821.

51) Reichhardt: Germania unter den Römern, Nürnberg 1824.

52) Kausler: Versuch einer Kriegsgeschichte aller Völker, 4 B. 8°,— Wörterbuch und Atlas der Schlachten, Treffen und Belagerungen,— и Synchronistische Tabellen der Kriegsgeschichte etc., 1825—30.

53) Handbibliothek für Offiziere: 1-r B. 1-te Abth. Das Kriegswesen des Alterthums (von Cyriaci) 1828,—и 5-r B. Der Haushalt der Kriegsheere, 1-r. Theil (historischer) (von Richthofen) 1839.

54) Simonde de Sismondi: Histoire de la chúte de l'empire romain et du déclin de la civilisation, de l'an 250 à l'an 1000, 2 v. 1832.

55) Dumont: Précis de l'histoire des empereurs romains et de l'Eglise pendant les quatre premiers siècles, 1832.

56) Барона Зедделера: Обозрѣніе исторіи военнаго искуства, Ч. I. Исторія военнаго искуства древнихъ народовъ, 8° СПБ. 1836.

57) Bibliothèque historique et militaire, publiée par Liskenne et Sauvan, T. 3-me 8° Paris 1840.

58) Д-ра Лоренца: Руководство къ Всеобщей Исторіи, Ч. II Отд. I, 8° СПБ. 1844.

59) Rospatt: (Oberl.) Die Vertheidigungskriege der Römer am Rhein, seit der 1-ten Hälfte des 3-ten Iahrhunderts n. Chr. bis zum Untergange der Römerherrschaft in Gallien, gr. 4° Köln 1847.

60) Rückert: Das römische Kriegswesen, 1850.

61) Wietersheim: Der Feldzug des Germanicus an der Weser im I. 16 n. Chr., mit 1 lith. Karte, gr. 4° Leipzig 1850.

62) Esselen: Ueber den Ort der Niederlage der Römer unter Varus, mit 2 Nachträgen, gr. 8° Hamm 1853—54.

63) Reinking: Die Niederlage des Quintilius Varus und Germanicus Kriegszug durch das Bructerenland, mit 1 Karte, gr. 12° Warendorf 1855.

64) Die Giefer'sche Hypothese über den Ort der Varianischen Niederlage etc., gr. 8° Paderborn 1856.

65) D-r Meyer: Der Freiheitskrieg der Bataven unter Civilis, gr. 4° Hamburg 1856.

66) Bessel: Die Schlacht am Lokkumer-Berge im I. 16 n. Chr., mit 2 Karten, 12° Göttingen 1857.

67) Essellen: Das römische Kastell Aliso, der Teutoburger Wald und die Pontes Longi, ein Beitrag zur Geschichte der Kriege zwischen den Römern und Deutschen in der Zeit vom I. 12 vor bis zum Frühjahr 16 nach Chr., 8° Hannover 1857.

68) D-r Wallner: Die Kämpfe der Germanen gegen die erobernden Römer bis zum Tode Armin's des Cherusker-Fürsten, nach den überkommenen Quellen, nebst einem geographischen Anhange, 12° Regensburg 1857.

69) Архимандрита Макарія: Примѣры благочестія среди соблазновъ, или поведеніе древнихъ христіанъ въ отношеніи къ язычникамъ, 16° СПБ. 1858;—это небольшое, но прекрасное сочиненіе послужило руководствомъ къ изображенію въ § 429 главы LXI состоянія христіанства и христіанъ въ первые три вѣка по Р. X., преимущественно въ отношеніи къ римскому войску.

70) Untersuchungen über die Kriegführung der Römer gegen die Deutschen in den Feldzügen des Cäsar, Drusus, Germanicus und Tiberius,—von K. F., einem alten Soldaten, 8° Mainz 1862.

71) Lamarre: De la milice romaine depuis la fondation de Rome jusqu'à Constantin, 1863.

72) Masquelez (capitaine en retraite): Etude sur la castramétation des Romains et sur leurs institutions militaires (approuvée par l'Institut de France), 1 v. 8° Paris 1864.

73) Egli: Feldzüge in Armenien von 41—63 n. Chr., ein Beitrag zur Kritik des Tacitus, gr. 8° mit 1 Plane und 1 Karte, Leipzig 1868.

74) Erhard: Kriegsgeschichte von Bayern, Franken, Pfalz und Schwaben, 1-r Band: Kriegsgeschichte und Kriegswesen von der ältesten Zeit bis 921, gr. 8° München 1870.

Затѣмъ переводы сочиненій древнихъ историковъ и писателей на новѣйшіе языки и оригинальныя сочиненія и изданія всякаго рода писателей новыхъ и новѣйшихъ временъ, имѣвшія предметомъ исторію военныхъ: быта, искуства, древностей и исторіи въ древнія времена вообще, указаны въ статьѣ: Историческія пособія для изученія военной исторіи древнихъ временъ, въ Введеніи къ 1-й части настоящей Всеобщей Военной Исторіи древнихъ временъ (стр. 44—65).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Періодъ четвертый.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

КАРТЫ И ЧЕРТЕЖИ,

ПРИЛОЖЕННЫЕ КЪ НАСТОЯЩЕЙ ЧАСТИ.

КАРТЫ:

(въ началѣ книги)

1) Римской имперіи въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, съ сопредѣльными странами, въ I—V вѣкахъ по Р. Х.
2) Германіи, съ сопредѣльными странами, въ тоже время.

ЧЕРТЕЖИ:

(въ концѣ книги)

1) Строя легіона по когортамъ при Цезарѣ.
2) » » » » въ 2 и 1 линіи.
3) » » » » Вегеція.
4) » когорты по Вегецію.
5) » центуріи » »
6) Семи боевыхъ порядковъ.
7) Боевыхъ порядковъ по Вегецію и Жомини.
8) Римскаго лагеря при императорахъ, по Игину.
9) Тарана.
10) Подвижной осадной башни.
11) Катапультъ.
12) Баллистъ.

Карты древнихъ: Европы, Азіи, Африки, Греціи и Италіи приложены къ I и II частямъ В. В. И. древнихъ временъ.

ВАЖНѢЙШІЯ ИСПРАВЛЕНІЯ,

КОТОРЫЯ НЕОБХОДИМО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ИМѢТЬ ВЪ ВИДУ.

СТРАН.	СТРОКИ.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
4	13 сверху	средней Азіи	верхней Азіи
8	5 снизу	длинными, тяжелыми копьями (pilum)	тяжелыми полукопьями (pilum)
19	20 »	Оносандръ,	достовѣрно неизвѣстно, жилъ-ли онъ въ III или въ IV вѣкѣ.
—	19—18 »	Полліенъ Фронтинъ	Полліенъ былъ не изъ числа лучшихъ писателей, а Фронтинъ—напротивъ.
52	18 сверху	возпамѣрился достигнуть царской власти.	въ этомъ подозрѣвали и обвиняли Германа или Арминія враги и противники его, а онъ, напротивъ, не хотѣлъ допустить до того Марбода или кого-либо изъ другихъ германскихъ вождей.
80	15 снизу	(начальникомъ чиновъ императорскаго двора).	(начальникомъ дворцовыхъ войскъ или гвардіи).
95	20 »	Въ эти послѣдніе три года	Эти послѣдніе три года
—	19—18 »	не ознаменовалось	не ознаменовались

ВСЕОБЩАЯ

ВОЕННАЯ ИСТОРІЯ

ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОТЪ АВГУСТА ДО ПАДЕНІЯ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.

(30 г. до Р. Х. — 476 г. по Р. Х.).

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ОТЪ АВГУСТА ДО ДІОКЛИТІЯНА.

(30 г. до Р. Х. — 284 г. по Р. Х.).

ГЛАВА СОРОКЪ ДЕВЯТАЯ.

ВОЕННЫЯ: УСТРОЙСТВО, УЧРЕЖДЕНІЯ И ИСКУСТВО ВЪ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ ВЪ ЭТОМЪ ПЕРІОДѢ.

(30 г. до Р. Х.—284 г. по Р. Х.).

§ 343. Военное устройство и военныя учрежденія.—§ 344. Различные роды войскъ, вооруженіе и число ихъ. — § 345. Строй и образъ движеній и дѣйствій войскъ. — § 346. Внутреннее устройство и духъ войскъ. — § 347. Кастраметація, фортификація, поліорцетика и баллистика. — § 348. Состояніе военнаго искуства вообще. — § 349. Морскія военныя силы и искуство.

§ 343.

Военное устройство и военныя учрежденія.

Съ единодержавіемъ Цезаря Октавіяна Августа *) настаетъ новый порядокъ вещей. Преобразовавъ республику римскую въ монархію, хотя еще и съ республиканскими формами, Августъ далъ ей и новое, сообразное съ тѣмъ, военное устройство. Для поддержанія и обезпеченія верховной власти, пріобрѣтенной силою оружія, и для охраненія внутреннихъ порядка и тишины и внѣшней безопасности государства, онъ учредилъ постоянное въ мирѣ и войнѣ войско, образовавъ оное частію изъ войска, оставшагося отъ междуусобій, частію же посредствомъ новаго набора. Изъ войска, оставшагося отъ междуусобій (45 легіоновъ и 15 т. чел. конницы) онъ уволилъ всѣхъ отпущенниковъ, рабовъ и имъ подобныхъ людей, а своевольныхъ и буйныхъ ветерановъ и эвокатовъ, въ числѣ болѣе 120 т. чел., разсе-

*) Съ 27 г., вслѣдствіе сенатскаго постановленія, Цезарь Октавіянъ получилъ почетное званіе Августа (Augustus—достойный уваженія), которое было періодически возобновляемо и перешло къ преемникамъ Цезаря Октавіяна.

*

лилъ по розданнымъ имъ землямъ и 28 поселеніямъ въ Италіи. Оставшіяся же затѣмъ войска онъ пополнилъ посредствомъ новаго и тщательнаго въ государствѣ набора, и образовалъ 25 полныхъ легіоновъ и неопредѣленное число вспомогательныхъ пѣшихъ когортъ и конныхъ вексиллъ (auxiliares cohortes atque vexillae). Легіоны были составлены изъ однихъ римскихъ гражданъ, распредѣлены по пограничнымъ, непосредственно Августу подвѣдомственнымъ областямъ (provinciae principis)[1] и расположены въ нихъ въ постоянныхъ лагеряхъ (castra stativa), изъ которыхъ важнѣйшими были устроенные на Рейнѣ, Дунаѣ и Евфратѣ (castra aut legiones Germanicae, Illyricae et Syriacae). Такого рода распредѣленіе и расположеніе легіоновъ имѣло цѣлію: 1) защиту границъ государства отъ варваровъ, т. е. народовъ германскихъ, средней Азіи и сѣверной Африки и 2) удаленіе воиновъ отъ роскоши, изнѣженности, разврата, козней и крамолъ столицы и городовъ. Вспомогательныя войска были выставляемы подвластными Риму областями Европы, Азіи и Африки и распредѣлены въ нихъ въ соразмѣрности [2]. Внутреннюю стражу въ Италіи составляли 6 городскихъ когортъ (cohortes urbanae) въ Римѣ и 7 когортъ (vigiles) въ другихъ городахъ. Сверхъ того, для обезпеченія столицы и въ особенности верховной власти, Августъ образовалъ 10 преторіянскихъ когортъ (cohortes praetorianae), въ 1,000 чел. каждую. Онѣ были набраны въ Этруріи, Умбріи, Лаціѣ и самыхъ древнихъ римскихъ поселеніяхъ въ Италіи и составляли особую, почетную стражу собственныхъ тѣлохранителей (гвардію) Августа [3]. Общее число всѣхъ этихъ различныхъ войскъ, по приблизительному расчету, составляло свыше 300,000 человѣкъ.

Съ этого времени войска при наборѣ приносили присягу слѣдующаго содержанія: именемъ императора клянусь безусловно повиноваться ему, никогда не покидать знаменъ и не щадить жизни за императора и государство. Срокомъ службы Августъ назначилъ, въ преторіянскихъ когортахъ — первоначально 12, а въ послѣдствіи 16 лѣтъ, въ легіонахъ же—сначала 15, а потомъ 20 лѣтъ, а для замѣщенія выслужившихъ сроки и увольняемыхъ отъ службы установилъ чрезъ каждые три года производить тщательный наборъ. Онъ значительно ограничилъ права и преимущества воиновъ, чрезмѣрно увеличившіяся во времена междуусобій.

---

[1]) Въ Испаніи 3, въ Галліи 8, въ Иллиріи, на Дунаѣ въ Панноніи, въ Мизіи, Египтѣ и остальной Африкѣ по 2, въ Сиріи 4.

[2]) Такъ въ Мавританіи находились войска царя Юбы, во Ѳракіи войска тамошнихъ князей, данниковъ римскихъ, и т. п.

[3]) Изъ нихъ 3 когорты были расположены въ Римѣ, а 7 въ важнѣйшихъ окрестныхъ городахъ.

Содержаніе же войска онъ вполнѣ обезпечилъ и поставилъ себя въ этомъ отношеніи въ совершенную независимость отъ сената тѣмъ, что сверхъ прежней, **государственной** казны (aerarium), которою могъ располагать только посредствомъ сената, учредилъ **военную** или **собственную** (aerarium militare aut fiscus), которою могъ располагать совершенно по своему произволу и въ которую поступали какъ всѣ доходы, уже и прежде поступавшіе на содержаніе войска, такъ и всѣ съ ходомъ времени вновь назначенные налоги и подати. Въ званіи **императора**, т. е. верховнаго предводителя всѣхъ вооруженныхъ силъ государства, онъ повелѣвалъ ими неограниченно и такимъ же образомъ управлялъ важнѣйшими въ государствѣ областями, въ которыхъ были расположены легіоны, и располагая казною, изъ которой войско получало свое содержаніе, былъ неограниченнымъ повелителемъ государства, и власть его была вполнѣ основана на войскѣ.

Высокія личныя качества Августа, его умѣренность и правительственныя мудрость и дарованія были причинами, что въ продолженіи 44-лѣтняго, *мирнаго, счастливаго и блистательнаго* его правленія, военное устройство, данное имъ римскому государству, было благодѣтельно для послѣдняго, постоянно охраняя внутренніе его порядокъ и тишину и внѣшнюю безопастость, и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивая и верховную власть, никогда однако не служа къ злоупотребленію ею. Но въ отчужденіи войска отъ народа, которому были положены первыя начала, въ недостаточной опредѣленности положенія, въ которое Августъ поставилъ себя въ государствѣ, и наконецъ въ совершенной зависимости пользы новаго военнаго устройства для государства—отъ личныхъ качествъ и дарованій правителей послѣдняго, скрывался источникъ многихъ золъ и бѣдствій въ будущемъ. При неумѣренности, неспособности или слабости правителей, обширная власть ихъ, основанная на войскѣ, неминуемо должна была вести къ неограниченному военному самовластію ихъ самихъ, либо войска, что̀ дѣйствительно и обнаружилось уже при первыхъ преемникахъ Августа. Ненависть народная и частые заговоры, возбужденные самовластіемъ и жестокостью такихъ правителей, какъ Тиберій, Калигула, Клавдій и Домиціянъ, принудили послѣднихъ искать опоры въ войскѣ и для того всячески ласкать его, потворствовать ему и снова увеличивать его права и преимущества.

Уже 9 лѣтъ спустя по смерти Августа (въ 23-мъ г. по Р. Х.) первый преемникъ его, Тиберій, недовѣряя жителямъ Рима и склоняясь на представленія любимца своего, преторіянскаго префекта Элія Сеяна, собралъ всѣ 10 преторіянскихъ когортъ и расположилъ ихъ въ постоянномъ лагерѣ (castra praetoriana) предъ Виминальскими во-

ротами Рима. Съ этого времени преторіанцы становятся грозою, ужасомъ и язвой государства. Чувствуя, сколько они были необходимы для императоровъ и страшны для народа, они присвоили себѣ незаконное и рѣшительное вліяніе на дѣла государственныя, и умерщвленіемъ Калигулы и провозглашеніемъ впервые Клавдія императоромъ присвоили себѣ право располагать этимъ званіемъ по своему произволу. По пресѣченіи Цезарева рода смертію Нерона (68 г.), примѣру ихъ послѣдовали и легіоны, начавшіе провозглашать любимыхъ своихъ полководцевъ императорами. Такъ, по смерти Нерона, менѣе нежели въ два года войскомъ возведены были на престолъ, одинъ послѣ другáго, четыре императора: Гальба, Отонъ, Вителій и Веспасіанъ (68—69). И за исключеніемъ 11 лѣтъ мирныхъ и счастливыхъ правленій Веспасіана и Тита (69—81), весь періодъ времени отъ смерти Августа до Нервы (14—96) исполненъ ужасовъ военнаго самовластія. Въ это время, вслѣдствіе упадка воинскаго духа въ народѣ и постепенно увеличивавшейся потребности въ умноженіи числа войскъ, какъ по причинѣ внутреннихъ смутъ и междуусобій, такъ и для защиты границъ отъ варваровъ, въ легіоны снова стали набирать отпущенниковъ, рабовъ, преступниковъ, даже разбойниковъ и тому подобныхъ людей. Легіоны набирались уже въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ были расположены въ постоянныхъ лагеряхъ. Срокъ службы былъ постоянно увеличиваемъ. Тиберій и Калигула вовсе не хотѣли даже увольнять воиновъ отъ службы, чтó было причиной жестокихъ бунтовъ, но потомъ, съ ходомъ времени, получило силу закона. Слѣдствіемъ этого было усилившееся взаимное отчужденіе народа и войска. Народъ сталъ совершенно неспособенъ къ военной службѣ и войнѣ, а войско вполнѣ содѣлалось орудіемъ самовластія правителей, образовало государство въ государствѣ и, питая глубочайшее презрѣніе къ гражданамъ и всѣмъ непринадлежавшимъ къ военному званію, само предавалось всѣмъ возможнымъ порокамъ и безпорядкамъ.

Въ продолженіи 85-ти лѣтъ кроткаго, счастливаго и славнаго правленія Нервы, Траяна, Адріана, Антонина и Марка Аврелія (96—181), самовластіе войска было обуздано, безпорядки его прекращены, а порядокъ въ немъ возстановленъ и постоянно соблюдаемъ. Но нравственный упадокъ народа и войска, вслѣдствіе всеобщаго и чрезмѣрнаго распространенія роскоши, изнѣженности и разврата, равно предшествовавшихъ частыхъ и жестокихъ смутъ, междуусобій и переворотовъ, сдѣлалъ уже такіе успѣхи, что военное устройство и военныя учрежденія римскаго государства быстро стремились къ упадку, не взирая на всѣ старанія мудрыхъ императоровъ поддержать ихъ. Уже и во времена Августа случались примѣры, что римскіе

граждане изувѣчивали себя (большею частію отрубая себѣ большой палецъ правой руки), для того только, чтобы избавиться отъ тягостной для нихъ военной службы; однако Августъ наказывалъ за это чрезвычайно строго. Но въ это время служба и званіе военныя внушали уже римскимъ гражданамъ, и даже данникамъ и союзникамъ Рима, такое непреодолимое отвращеніе, что изувѣчиваніе себя, для избѣжанія ихъ, сдѣлалось общимъ и постояннымъ. А между тѣмъ въ восточной и средней Европѣ началось уже великое движеніе народовъ къ западу и югу. Германцы, до временъ Домиціяна (81—96) дѣйствовавшіе только оборонительно, съ этого времени начали уже дѣйствовать противъ римскихъ владѣній наступательно, а съ востока римскіе предѣлы все сильнѣе и сильнѣе тѣснили грозные парѳяне. Въ этихъ крайнихъ обстоятельствахъ императоры были вынуждены еще болѣе прежняго пополнять войска наборомъ самой подлой и презрѣнной черни, а наконецъ — и набирать наемниковъ между варварами. Маркъ Аврелій (161—180) первый принялъ наемныхъ варваровъ на службу въ римскомъ войскѣ. Мѣра эта была пагубна по своимъ послѣдствіямъ и имѣла чрезвычайное вліяніе на судьбу государства: но иной, лучшей для спасенія его не было и по необходимости должно было прибѣгнуть къ ней. Страшно было имѣть въ службѣ государства людей полудикихъ, привыкшихъ къ необузданной свободѣ и служившихъ изъ одной корысти; но все же лучше было имѣть ихъ въ войскѣ, нежели изнѣженныхъ, слабыхъ и малодушныхъ римлянъ.

105-ти-лѣтній періодъ времени отъ смерти Марка Аврелія до Діоклитіяна (180—284) ознаменованъ неограниченнымъ и самымъ ужаснымъ самовластіемъ войска. Уже при первомъ преемникѣ Марка Аврелія, Коммодѣ, преторіянцы, а за ними и легіоны, снова пріобрѣли власть и вліяніе, которыя, быстро возрастая, вскорѣ достигли высшей степени силы; преторіянцы и легіоны безпрестанно бунтовали, провозглашали императорами своихъ любимцовъ, либо тѣхъ, которые давали имъ болѣе денегъ или болѣе щедрые дары, либо болѣе ласкали ихъ и потворствовали имъ. Такъ ими провозглашены Коммодъ, Каракалла, Элiогабалъ и другіе, подобные имъ изверги. Подобно первымъ преемникамъ Августа, и они также своими самовластіемъ и жестокостью, возбуждая ненависть народную, принуждены были искать опоры въ войскѣ, и для того безпрерывно увеличивали права и преимущества воиновъ и попускали между ними своеволіе и ужасные безпорядки. Напротивъ, императоры, которые недостаточно удовлетворяли ихъ корыстолюбію, либо пытались возстановить между ними порядокъ, были низлагаемы и умерщвляемы ими. Такъ жертвами ихъ сдѣлались Пертинаксъ, Пробъ и достойные лучшихъ вре-

менъ и лучшей участи Александръ Северъ и Авреліанъ. Въ эти времена жестокихъ самовластія и своеволія войска, внутреннихъ смутъ, междуусобій и переворотовъ и нападеній извнѣ германцовъ и персовъ, заступившихъ мѣсто пареянъ, военное устройство государства пришло въ совершенный упадокъ. Дарованіемъ правъ римскаго гражданства всѣмъ безъ исключенія римскимъ подданнымъ (для большаго сбора податей) Каракалла нанесъ ему рѣшительный ударъ. Съ этого времени и граждане, и войско содѣлались совершенно чуждыми Риму и были римскими только по названію. Наборъ войскъ въ областяхъ производился легатами, проконсулами и т. п. лицами съ величайшими злоупотребленіями и неправильностью. Составъ войска становился все хуже и хуже и въ него все более и более входили варвары, въ особенности германцы. Отчужденіе войска отъ угнетаемаго имъ народа сдѣлалось еще рѣзче прежняго, а права и преимущества войска достигли наибольшаго развитія. Самая сильная и вредная часть войска—преторіянцы были преобразованы Септиміемъ Северомъ, который учредилъ вмѣсто ихъ, изъ отборнѣйшихъ воиновъ всѣхъ *легіоновъ, новую*, вчетверо сильнѣйшую (40 т. чел.) стражу тѣлохранителей. Александръ же Северъ, при которомъ особенно развилась у римлянъ страсть ко всему греческому, образовалъ, по совѣту Юлія Африкана, изъ 6-ти легіоновъ—фалангу, на подобіе бывшей большой македонской, а изъ ветерановъ—дружины хрисаспидовъ (златощитниковъ) и аргираспидовъ (среброщитниковъ), также на подобіе македонскихъ. Но по смерти его эти учрежденія рушились.

§ 344.

Различные роды войскъ, вооруженіе и число ихъ.

При Августѣ и первыхъ его преемникахъ войска были вооружены и по вооруженію раздѣлялись—такъ же, какъ и во времена междуусобій. Но мечъ становился постепенно менѣе и менѣе, а копья, полукопья и дротики, напротивъ, более и более употребительнымъ родомъ оружія. Въ періодѣ отъ Нервы до Коммода въ составѣ легіоновъ были два рода тяжелой или легіонной и столько же легкой пѣхоты. Перваго разряда тяжелая пѣхота (соотвѣтствовавшая древнимъ принципамъ) была вооружена мечами и длинными, тяжелыми копьями (pilum) и носила шлемы, латы и щиты, а втораго разряда (соотвѣтствовавшая древнимъ гастатамъ) имѣла тоже вооруженіе, съ тою только разницею, что копья (spiculum, lancea) были легче. Оба же рода легкой пѣхоты (соотвѣтствовавшіе древнимъ рораріямъ и акцензамъ) были

вооружены дротиками и стрѣлами. Каракалла и Александръ Северъ, подражая грекамъ, вооружили легіоны по образцу македонскихъ фалангъ, но это вооруженіе существовало только при нихъ. Вообще же въ періодѣ отъ Коммода до Діоклитіяна вооруженіе войскъ стало болѣе и болѣе облегчаться, ибо слабые и изнѣженные воины уже находили его слишкомъ тяжелымъ. Прежніе тяжелые шлемы были замѣнены легкими греческими шишаками, а металлическія латы—легкими кожаными, или холщевыми, или бумажными стегаными и т. п. Длина копій была увеличена, а число ручнаго метательнаго оружія умножено, и какъ тяжелая, такъ въ особенности легкая пѣхота стала раздѣляться на многіе роды и различаться названіями по главному своему оружію. Такъ, напримѣръ, были копьеносцы (lancearii), щитоносцы (scutarii), стрѣлки изъ луковъ (sagittarii), метатели дротиковъ вообще (iaculatores), трагулъ или особаго рода дротиковъ (tragulatores), каменьевъ либо стрѣлъ изъ ручныхъ баллистъ (ballistarii) и т. п.

Конница была: 1) легіонная, 2) вспомогательная, 3) выставляемая подвластными народами и 4) наемная. Легіонная была возстановлена Августомъ, но только по названію, ибо набиралась уже не изъ сословія римскихъ всадниковъ, а такимъ же образомъ, какъ и легіонная пѣхота. Со времени же Каракаллы всякое различіе между легіонною и вспомогательною конницею уничтожилось: испанская, галльская, ѳракійская, азіятская и африканская или нумидійская, наемная германская и др. составляли во времена имперіи вообще наибольшую и лучшую часть конницы въ римскихъ арміяхъ. По вооруженію конница была тяжелая и легкая. Тяжелая (clybanarii, cataphracti) была вооружена по прежнему на подобіе греческихъ катафрактовъ, и какъ всадники, съ ногъ до головы, такъ и самыя лошади были покрыты латами.. Легкая конница была вооружена преимущественно метательнымъ оружіемъ.

Сверхъ пѣхоты и конницы, въ непремѣнномъ составѣ римскихъ армій этого времени являются военныя метательныя орудія: онагры и малыя ручныя баллисты. При Августѣ метательныя орудія были приданы легіонамъ для употребленія только въ ихъ постоянныхъ лагеряхъ. Но послѣ Августа легіоны, выступая изъ своихъ лагерей въ поле, нерѣдко брали съ собою и меньшія, болѣе удобныя къ перевозкѣ орудія. Съ ходомъ времени обычай этотъ болѣе и болѣе распространялся и дѣлался общимъ, въ особенности во времена Траяна и въ періодѣ отъ него до Діоклитіяна. Каждое орудіе было перевозимо: онагръ на 2-хъ-воловьей повозкѣ, а ручная баллиста на одноконной, и на каждое орудіе полагалось по 11-ти человѣкъ прислуги. Они метали большія стрѣлы, каменья, свинцовыя пули и дру-

гія тѣла и тяжести, поодиночно либо цѣлыми пуками или кучами, горизонтально и преимущественно навѣсно, на разстояніи до 300 и 400 шаговъ, съ чрезвычайною, по словамъ древнихъ писателей, силой; но по устройству своему и способу перевозки своей они были очень неуклюжи, неповоротливы и неудободвижимы.

Наконецъ, сверхъ пѣхоты, конницы и метательныхъ орудій, римляне употребляли въ этомъ періодѣ, въ полевыхъ сраженіяхъ, также и слоновъ, но довольно рѣдко и то почти исключительно въ Азіи и Африкѣ. Каракалла въ войнѣ съ пареянами употреблялъ въ сраженіяхъ даже обученныхъ дикихъ звѣрей; другіе съ тою же цѣлію употребляли огромныхъ собакъ и т. п. Но эти средства пораженія непріятеля, недостойныя военнаго искуства, свидѣтельствуютъ только о безразсудствѣ и малодушіи употреблявшихъ ихъ и еще болѣе объ упадкѣ римлянъ и военнаго искуства у нихъ.

Относительное число пѣхоты, конницы и метательныхъ орудій въ составѣ римскихъ легіоновъ и армій измѣнялось въ этомъ періодѣ тѣмъ, что съ постепеннымъ облегченіемъ вооруженія и распространявшимся употребленіемъ метательныхъ оружія и орудій, число тяжелыхъ войскъ вообще и тяжелой пѣхоты въ особенности уменьшалось, а число конницы, легкой пѣхоты и легкихъ войскъ вообще умножалось, такъ что подъ конецъ легкія войска, конница и, какъ сказано, метательныя орудія составляли уже главную силу легіоновъ и армій.

Полный составъ легіона, какъ тактической единицы римскихъ армій, былъ, въ продолженіи всего этого періода, почти всегда одинаковъ, а именно въ немъ было: при Августѣ—5,000 человѣкъ тяжелой, 1,000 чел. легкой пѣхоты и 300 чел. конницы. — при преемникахъ Августа — 6.100 (а иногда 6.650) чел. тяжелой пѣхоты и 132 (и иногда 462) чел. конницы,—а вообще среднимъ числомъ отъ 6,300 до 7,000 слишкомъ человѣкъ, но послѣ Августа легіоны рѣдко были въ полномъ составѣ. Наконецъ, что касается числа легіоновъ въ арміяхъ и числительной силы послѣднихъ вообще, то первое никогда не превышало 8 — 10, а послѣднее — 50 - 60.000 чел., но часто, особливо въ послѣднія времена, они бывали и гораздо малочисленнѣе.

Знамена и военная музыка въ войскахъ были тѣже, что и прежде, съ тою только разницей: во 1-хъ что поверхъ орла въ каждомъ легіонѣ было изображеніе (imagis) императора съ его именемъ, носимое на древкѣ имагинаріями (imaginarii),—во 2-хъ что со времени Траяна вошли въ употребленіе знамена съ большими тканями, вырѣзанными на подобіе драконовъ, почему носившіе ихъ воины назывались драконаріями (draconarii), и въ 3-хъ что сверхъ прежнихъ трубъ и роговъ, въ этомъ періодѣ въ римскую военную музы-

ку введена была особаго устройства флейта, обложенная мѣдью и бывшая въ большомъ употребленіи.

§ 345.

Строй и образъ движеній и дѣйствій войскъ.

Строй и образъ движеній и дѣйствій войскъ въ походѣ и бою измѣнялся въ этомъ періодѣ постепенно болѣе и болѣе: во 1-хъ вслѣдствіе измѣненій въ военномъ устройствѣ государства, въ составѣ армій и въ вооруженіи, раздѣленіи и тактическомъ устройствѣ войскъ, — во 2-хъ вслѣдствіе нравственнаго упадка римскихъ народа и войска, — и въ 3-хъ вслѣдствіе необходимости примѣнять строй и образъ дѣйствій римскихъ войскъ къ строю и образу дѣйствій тѣхъ народовъ, съ которыми римляне преимущественно вели въ этомъ періодѣ войны, именно: германцовъ,—народовъ, двигавшихся изъ восточной Европы въ западную и южную,—пароянъ и потомъ персовъ. Строй и образъ дѣйствій германцовъ и пароянъ (смотри главы XXXII § 210 и § 214) въ особенности принудили римлянъ, уже въ періодѣ отъ Августа до Траяна, постепенно измѣнить прежній обычный строй легіона слѣдующимъ образомъ:

Для усиленія 1-й линіи, 3-я была уничтожена и легіонъ начали строить только въ 2 линіи, по 5-ти когортъ въ каждой. А дабы на случай опасности имѣть отборныя и надежныя войска, 1-ю когорту начали (со временъ Адріана) составлять изъ воиновъ испытанныхъ мужества и храбрости и въ числѣ вдвое сильнѣйшемъ противъ прочихъ когортъ. Въ каждой изъ послѣднихъ именно было отъ 500 до 550 чел. пѣхоты и иногда по 66-ти чел. конницы, въ 1-й же когортѣ—отъ 1,000 до 1,100 и иногда даже 1,200 чел. пѣхоты (почему она и называлась тысячною (cohors milliaria) и 132 чел. конницы. 1-я когорта раздѣлялась на двѣ равныя половины и на 10 центурій, а прочія—на 7 центурій каждая. Всѣ когорты строились одинаково, сначала въ 10, а въ послѣдствіи въ 8 шеренгъ. Въ общемъ же строѣ 1-я когорта становилась обыкновенно на правомъ флангѣ 1-й линіи, но иногда, смотря по обстоятельствамъ и надобности, и на другихъ важныхъ пунктахъ, напримѣръ на обоихъ флангахъ 1-й линіи по-поламъ, или въ серединѣ той же линіи, либо въ головѣ или въ тылу легіона. 2-я, 3-я, 4-я и 5-я когорты становились отъ 1-й когорты по старшинству нумеровъ влѣво; изъ нихъ 3-я, находившаяся въ серединѣ, и 5-я,—на лѣвомъ флангѣ 1-й линіи, были составляемы, подобно 1-й когортѣ, также изъ отборныхъ, храбрѣйшихъ воиновъ, и 5-я,

сверхъ того, иногда и въ такомъ же, какъ 1-я, числѣ людей. 6-я, 7-я, 8-я, 9-я и 10-я когорты становились во 2-й линіи, противъ промежутковъ когортъ 1-й линіи. Промежутки когортъ обѣихъ линій были уменьшены вдвое противъ прежняго, т. е. равнялись только полдлинѣ фронта когортъ. Разстояніе же линіи отъ линіи было прежнее. Конница также раздѣлялась и строилась по прежнему, но только съ меньшими промежутками и разстояніями линіи отъ линіи. Таковъ былъ квинкунціяльный строй легіона по когортамъ въ 2 линіи, уже болѣе сомкнутый и твердый, нежели строй по когортамъ въ 3 линіи, и почти всегда съ пользою и успѣхомъ употреблявшійся противъ германцовъ и парѳянъ, къ строю и образу дѣйствій которыхъ былъ преимущественно приспособленъ.

Но при дурномъ составѣ римскихъ армій и усилившихся дѣйствіяхъ противъ народовъ сѣверныхъ и восточныхъ, вскорѣ и этотъ строй уже былъ признанъ не довольно сомкнутымъ и твердымъ, и вслѣдствіе того Траянъ первый ввелъ уже строй легіона по когортамъ въ одну линію, приближавшійся къ древнему, первоначальному строю легіона по классамъ народа. *По описанію* Арріана и Вегеція онъ состоялъ въ слѣдующемъ:

Въ легіонѣ по прежнему было 10 когортъ, но 1-я состояла изъ 960 отборныхъ пѣшихъ воиновъ, раздѣленныхъ на 10 центурій, и изъ 240 чел. конницы, раздѣленныхъ на 8 турмъ; остальныя же когорты были силой въ 480 чел. пѣхоты и дѣлились на 6 центурій каждая. Въ каждой когортѣ было два рода легіонной или тяжелой и два рода легкой пѣхоты, о которыхъ говорено выше (въ § 344). Легіонная или тяжелая пѣхота строилась по Арріану въ 8, а по Вегецію въ 6 шеренгъ: въ четырехъ или трехъ переднихъ стояли воины перваго или старшаго, а въ четырехъ или трехъ заднихъ — воины втораго или младшаго разрядовъ тяжелой пѣхоты. Въ строю каждый воинъ занималъ 3 фута въ ширину и 1 футъ въ глубину, а шеренга отъ шеренги находилась въ 6-ти футахъ. За тяжелою пѣхотой стояли такимъ же образомъ одна или двѣ шеренги одного и за ними одна шеренга другаго рода легкой пѣхоты. Всѣ 10 когортъ строились такимъ образомъ въ одну линію, съ самыми незначительными промежутками: 1-я на правомъ, 10-я на лѣвомъ флангѣ, а 5-я въ серединѣ. За легіономъ, позади легкой пѣхоты, становили метательныя орудія, дѣйствовавшія навѣсно, а на флангахъ легіона и, если мѣсто позволяло, въ промежуткахъ центурій — орудія, дѣйствовавшія горизонтально. Наконецъ особенные отряды отборныхъ пѣшихъ и конныхъ войскъ (напримѣръ преторіянцы и т. п.), соотвѣтствовавшихъ древнимъ тріаріямъ, становились въ нѣкоторомъ разстояніи позади линіи орудій, обыкновенно противъ фланговъ и середины легіона, съ большими

промежутками, для того, чтобы въ случаѣ надобности пропускать сквозь нихъ или принять въ нихъ легіоны. Легіонная конница строилась, по Вегецію, на флангахъ легіона, по Арріану же конные стрѣлки становились позади пѣхоты для навѣсной стрѣльбы, а изъ легіонной конницы 4 турмы — на флангахъ или за флангами пѣхоты, а 3—въ одной линіи за пѣхотой.

Этотъ строй легіона, вполнѣ развившійся во II-мъ вѣкѣ, былъ, по обстоятельствамъ того времени, не безъ достоинствъ и выгодъ. Хорошо приспособленный къ тогдашнему составу римскихъ армій, равно къ строю и образу дѣйствій германцовъ и восточныхъ народовъ, онъ былъ равно способенъ и къ натиску, и къ оборонѣ, на мѣстности ровной и пересѣченной, противъ пѣхоты и конницы, удобно могъ дѣлиться на двѣ линіи по двумъ родамъ тяжелой пѣхоты, и на отряды по когортамъ; легіонные воины въ немъ могли, по своему вооруженію, съ одинаковымъ удобствомъ дѣйствовать и въ сомкнутомъ, и въ разсыпномъ строѣ, а отборныя запасныя войска въ тылу легіона—удобно подкрѣплять и поддерживать его въ бою на всѣхъ пунктахъ и прикрывать отступленіе его. Эти достоинства и выгоды строя легіона по когортамъ въ одну линію, при искусномъ употребленіи его такими полководцами, каковы въ это время были Траянъ, Адріанъ и многіе другіе, значительно способствовали успѣхамъ римскаго оружія въ этомъ періодѣ и побѣдамъ римлянъ надъ германцами и пареянами. Траянъ и Адріанъ въ особенности отличались искуснымъ примѣненіемъ этого строя къ мѣстности, обстоятельствамъ и образу дѣйствій непріятеля и этому преимущественно были обязаны побѣдами, одержанными ими надъ даками и пареянами, и тѣмъ, что въ войнѣ съ послѣдними не подверглись одинаковой съ Крассомъ и Антоніемъ участи.

Въ III-мъ вѣкѣ строй легіона только временно при Каракаллѣ (211—217) и Александрѣ Северѣ (222—235) былъ совершенно измѣненъ въ строй македонской фаланги, а за исключеніемъ этого времени сохранялъ тотъ же самый видъ, какой получилъ во II-мъ вѣкѣ. Но онъ не имѣлъ уже прежнихъ достоинствъ и не оказывалъ прежней пользы потому, что среди ужасовъ военнаго самовластія этой эпохи грубая сила торжествовала надъ искуствомъ и никакихъ слѣдовъ искуснаго употребленія этого строя не усматривается.

Изъ построеній легіона употребительнѣйшимъ было въ видѣ пустаго внутри четыреугольника (agmen quadratum), чаще всего на походѣ, на открытой мѣстности вблизи непріятеля или при внезапномъ нападеніи послѣдняго, либо для обороны противъ превосходныхъ силъ или многочисленной конницы. Поэтому онъ всего болѣе употреблялся на востокѣ. Нерѣдко также были употребляемы, и иногда

съ большимъ успѣхомъ, построенія клиномъ и клещами. Такъ, напримѣръ, въ сраженіи римлянъ, при Веспасіанѣ, съ Цивилисомъ при Тревирѣ (нынѣ Трирь на Мозелѣ), въ 70-мъ году, 21-й легіонъ рѣшилъ побѣду въ строѣ клинообразномъ.

Походныя движенія армій совершались первоначально, въ І-мъ и II-мъ вѣкахъ, съ большими или меньшими правильностью, порядкомъ, осторожностью и быстротой. О порядкѣ оныхъ можетъ дать нѣкоторое понятіе описаніе Іосифомъ Флавіемъ походныхъ движеній Веспасіяна и Тита съ арміями, перваго въ 67 г. изъ Сиріи въ Галилею, а втораго въ 70 г. изъ Самаріи къ Іерусалиму. У Веспасіяна впереди шли легкія войска, преимущественно вспомогательные стрѣлки, поддержанные частью тяжелыхъ пѣхоты и конницы, для развѣдыванія о непріятелѣ и перваго удержанія его, — за ними рабочіе для устроенія лагерей и исправленія дорогъ,—тяжести военачальниковъ подъ прикрытіемъ сильнаго отряда конницы, — самъ Веспасіянъ съ состоявшими при немъ лицами, — метательныя орудія и вьюки подъ прикрытіемъ легіонной конницы,—главныя силы арміи, т. е. легіоны, шедшіе флангомъ въ 6-ти-рядномъ походномъ строѣ (нынѣ въ 6-ти-рядной колоннѣ),— за ними ихъ тяжести и обозы, и наконецъ наемныя войска, окруженныя изъ предосторожности римскими пѣхотой и конницей. У Тита впереди шли вспомогательныя войска съ рабочими для исправленія дорогъ и военными чинами, обязанными выборомъ мѣстъ подъ лагери и разбивкой лагерей,—за ними самъ Титъ съ отборными дружинами,—легіонная конница, — метательныя орудія,—легіоны въ 6-ти-рядномъ строѣ, имѣя орлы и трибуновъ въ головѣ, а тяжести и обозы въ хвостѣ, — наемныя войска и наконецъ задній сторожевой отрядъ. Вообще легіоны въ походѣ слѣдовали всегда въ 6-ти-рядномъ строѣ, если только не шли въ строѣ agmen quadratum. Въ III-мъ вѣкѣ правильность, порядокъ, осторожность и быстрота походныхъ движеній римскихъ армій уменьшались постепенно болѣе и болѣе. Уменьшеніе быстроты движеній ихъ въ особенности происходило отъ уменьшенія ихъ удободвижимости, вслѣдствіе слабости и изнѣженности воиновъ, умноженія метательныхъ орудій, тяжестей и обозовъ, и возраставшихъ разоренія и бѣдности края въ государствѣ и затруднительности продовольствованія войскъ отъ того.

Обыкновенный боевой порядокъ армій заключался въ томъ, что арміи строились, подобно легіонамъ, въ 3, 2 или 1 линію, имѣя легіоны въ серединѣ, вспомогательныя когорты — на крылахъ, вспомогательную конницу — по флангамъ, метательныя орудія, дѣйствовавшія горизонтально — по флангамъ и между центуріями и когортами, а дѣйствовавшія навѣсно—за пѣхотой, легкія войска вообще—впере-

ди и по флангамъ, легкую же пѣхоту въ особенности — при всѣхъ вообще отдѣленіяхъ пѣхоты и конницы и при всѣхъ орудіяхъ, такъ что она наполняла всѣ промежутки ихъ. Легіоны занимали мѣста въ боевомъ порядкѣ иногда по жребію, а иногда слабѣйшіе изъ нихъ ставились между болѣе сильными.

Образъ дѣйствій въ бою, во времена строя легіона по когортамъ въ 2 линіи, былъ тотъ же, что и во времена строя въ 3 линіи; но со временъ *Траяна* и строя легіона въ одну линію онъ нѣсколько *измѣнился. Бой* открывали легкія войска и метательныя орудія *сильною стрѣльбой*. По приближеніи линіи тяжелой пѣхоты, легкія войска быстро отступали сквозь нее, для чего четные ряды заходили за нечетные и потомъ снова становились въ свои мѣста. Затѣмъ линія тяжелой пѣхоты или производила натискъ и ударъ ручнымъ оружіемъ, или же выжидала нападенія и оборонялась, стоя на мѣстѣ, при чемъ переднія шеренги, какъ въ фалангѣ, смыкались и брали копья на руку, а заднія метали свои копья навѣсно. Между тѣмъ легкая пѣхота, ставъ за тяжелою, содѣйствовала ей или прикрывала орудія навѣсною стрѣльбой. Тоже дѣлали и конные стрѣлки, прочая же конница дѣйствовала на флангахъ своего и непріятельскаго войска, стараясь охватывать послѣднее. Достоинства и выгоды этого образа дѣйствій соотвѣтствовали достоинствамъ и выгодамъ самаго строя въ одну линію, о которыхъ было говорено выше.

Съ III-го вѣка постепенный упадокъ нравственной силы войска римляне старались вознаградить, подобно грекамъ, тактическими, ничтожными и безполезными тонкостями, дѣйствіями въ бою почти исключительно оборонительными, а не наступательными, и въ особенности усиленіемъ дѣйствія метательныхъ: оружія и орудій. Вслѣдствіе малодушія римлянъ и упадка военнаго искуства у нихъ, страшась рукопашнаго боя пуще смерти, они всячески старались удерживать, разстроивать и поражать варваровъ на дальнѣйшемъ, по возможности, разстояніи дѣйствіемъ метательныхъ: оружія и особенно орудій, на которыя поэтому и возлагали всю свою надежду. Но метательныя орудія, по причинѣ неудободвижимости и неповоротливости ихъ, производили только замѣшательство и безпорядокъ въ рядахъ, шеренгахъ и линіяхъ собственныхъ войскъ и нимало не удерживали варваровъ, которые, презирая ихъ столько же, сколько и самыя римскія войска, уже въ самомъ началѣ боя устремлялись прямо на нихъ, безъ труда овладѣвали ими и еще легче разбивали римскія войска въ рукопашномъ бою, если только они не обращались тотчасъ же въ бѣгство и осмѣливались выжидать нападенія. Въ рукопашномъ бою, въ которомъ побѣду обыкновенно рѣшаютъ тѣлесная сила и личная храбрость болѣе, нежели тактическое искуство, варвары, какъ весьма

естественно, имѣли рѣшительное превосходство надъ римскими войсками.

Итакъ вообще римская тактика въ этомъ періодѣ постепенно утрачивала коренной, истинный характеръ свой и измѣняла его въ чуждый ей греческій. За всѣмъ тѣмъ, въ I-мъ и II-мъ вѣкахъ, благодаря личнымъ дарованіямъ и искуству нѣкоторыхъ императоровъ и полководцевъ, она по крайней мѣрѣ поддерживалась еще и, можно сказать, не безъ славы. Но съ III-го вѣка, при постепенно возраставшихъ разстройствѣ государства и войска и нравственномъ упадкѣ послѣдняго, и она также падала все ниже и ниже.

§ 346.

Внутреннее устройство и духъ войскъ.

Такому же ходу слѣдовали и внутреннее устройство и духъ войскъ и армій римскихъ. Отъ опредѣленности, правильности, порядка и тщательности всѣ части внутренняго устройства войскъ переходили постепенно къ безпорядку и упадку, а воинскіе: подчиненность, порядокъ и духъ въ войскахъ, возстановленные и неослабно поддерживаемые Августомъ, приходили въ бо̀льшія и бо̀льшія послабленіе и униженіе.

Такъ военное чиноначаліе при Августѣ отличалось простотою, малосложностью и опредѣленностью и сохраняло еще почти всѣ прежнія свои черты. Только когортами въ легіонахъ начальствовали уже трибуны, легіонами — легаты, преторіянскими когортами — 2 преторіянскихъ прэфекта, арміями — императорскіе или консульскіе легаты (намѣстники императорскихъ областей), при которыхъ были помощники въ званіи квэсторовъ и прокураторовъ,; наконецъ самъ Августъ, въ званіи императора, былъ, какъ говорено выше, верховнымъ предводителемъ всѣхъ военныхъ силъ государства. Но со временъ Отона (68 г.) легіонами уже стали начальствовать легіонные прэфекты (praefecti legionibus), а со временъ Септимія Севера прэторіянскіе прэфекты, сверхъ начальствованія прэторіянскими когортами, стали также завѣдывать финансовою и судебною частями въ государствѣ и такимъ образомъ содѣлались одними изъ первыхъ и важнѣйшихъ сановниковъ въ немъ.

Военное управленіе до Діоклитіяна и Константина В. оставалось вообще на томъ же основаніи, на которомъ установлено было Августомъ. Императоръ управлялъ войскомъ лично, при пособіи и содѣйствіи довѣренныхъ лицъ (какъ напримѣръ Агриппа при Августѣ),

или военныхъ сановниковъ, пріобрѣвшихъ особенное вліяніе на государственныя дѣла (какъ напримѣръ прэторіянскихъ прэфектовъ со временъ Тиберія и Сеяна), либо военныхъ совѣтовъ и отчасти сената.

Жалованье войскамъ со временъ Августа выдавалось изъ военной или собственной императорской казны (aerarium militari, fiscus), по произволу императора и совершенно независимо отъ сената. Чтобы снискивать расположеніе войска, императоры, начиная съ самаго Августа, весьма часто увеличивали оклады жалованья и сверхъ того еще безпрестанно дѣлали особые, болѣе или менѣе щедрые, денежные дары (donativum). Августъ увеличилъ жалованье войску вообще противъ окладовъ Цезаря, а прэторіянцамъ назначилъ двойное жалованье. При Тиберіѣ и Домиціянѣ жалованье было снова увеличено и войска получали уже: при Тиберіѣ, пѣшій воинъ—10 римскихъ ассовъ (6 к. с.) въ сутки или 1 золотой (aureus-1 р. 80 к. сер.) въ мѣсяцъ, центуріонъ — вдвое, а конница и прэторіянцы — втрое; при Домиціянѣ же—всѣ вообще вчетверо болѣе, т. е. пѣшій воинъ—4 золотыхъ (7 р. 20 к. сер.), центуріонъ—8 золотыхъ (14 р. 40 к. сер.), а конница и прэторіянцы—12 золотыхъ (21 р. 60 к. сер.) въ мѣсяцъ. Но и послѣ Домиціяна жалованье войскамъ продолжало увеличиваться и въ концѣ III-го вѣка достигло наибольшихъ окладовъ. Первоначально изъ жалованья производились, какъ прежде, большіе вычеты за казенныя одежду, оружіе, продовольствіе, ставки и проч.; но въ послѣдствіи жалованье выдавалось безъ всякихъ вычетовъ. По причинѣ щедраго и обильнаго содержанія отъ казны, воинамъ запрещено было заниматься земледѣліемъ, ремеслами, промыслами и торговлею. Однако прэторіянцы, а подъ конецъ и всѣ вообще войска присвоили себѣ право этихъ занятій, особливо торговыхъ—къ явному вреду для воинскихъ порядка и духа. Невыдача же либо несвоевременная выдача жалованья были причиной частыхъ бунтовъ и большихъ безпорядковъ въ войскѣ, особенно между наемными и корыстолюбивыми варварами.

Продовольствованіе войскъ отъ казны обезпечивалось: въ мирѣ—складами запасовъ (horrea) въ городахъ, постоянныхъ лагеряхъ или крѣпостяхъ, а въ войнѣ — подвозомъ, закупкою и сборомъ съ края, правильнымъ или неправильнымъ, соединеннымъ съ грабежомъ. Для этого были особые чиновники (frumentarii и др.). На квартирахъ въ городахъ и селеніяхъ обыватели обязаны были давать войскамъ соль, уксусъ, масло и нѣкоторые другіе припасы. Съ увеличившимися роскошью, изнѣженностью и прихотями войскъ съ одной стороны и съ разореніемъ, обезлюденіемъ и обнищаніемъ государства съ другой, продовольствованіе войскъ становилось постепенно и изобильнѣе, и роскошнѣе, и затруднительнѣе. Дачи съѣстныхъ припасовъ увеличива-

лись, особенно преторіянцамъ и военачальникамъ. Что касается до переноски воинами и перевозки при войскѣ продовольствія, то послѣдняя увеличивалась въ такой же мѣрѣ, въ какой первая уменьшалась.

Тяжести и обозы, перевозимые при легіонахъ и арміяхъ, вообще увеличивались также въ той мѣрѣ, въ какой переносимыя воинами на себѣ уменьшались, и наконецъ арміи римскія, по огромному количеству своихъ тяжестей и обозовъ, получили совершенное подобіе армій восточныхъ народовъ. А отъ этого постепенно уменьшались и движимость ихъ, и быстрота ихъ движеній и дѣйствій. Нѣкоторые императоры и полководцы уменьшали количество тяжестей и обозовъ при арміяхъ, но эти мѣры были только временными исключеніями. И могли-ли тяжести и обозы не быть огромными, когда при арміяхъ перевозились на вьючномъ скотѣ, на повозкахъ и на судахъ моремъ и рѣками: продовольствіе, оружіе, орудія, лѣсной и желѣзный матеріалъ и всякаго рода рабочія орудія для постройки военныхъ машинъ, исправленія дорогъ и производства осадныхъ и различныхъ военныхъ работъ, особаго устройства походные мосты (понтоны), ставки, въ особенности же огромные обозы военачальниковъ и вообще все, что необходимо было не только для веденія войны, но и для удовлетворенія роскоши и чувственныхъ наслажденій переродившихся римлянъ. При тяжелыхъ обозахъ находилось обыкновенно множество разнаго рода нестроевыхъ чиновъ и лицъ, мастеровыхъ и рабочихъ, рабовъ и всякой обозной челяди.

Военныя упражненія войскъ, возстановленныя Августомъ и исполняемыя съ большею или меньшею тщательностью при лучшихъ изъ императоровъ первыхъ двухъ вѣковъ, особенно при Веспасіанѣ, Титѣ и Антонинахъ, съ III вѣка стали приходить въ совершенное пренебреженіе и даже забвеніе. При Августѣ и первыхъ его преемникахъ, изъ новобранцовъ (tyrones) составляли особыя когорты и не менѣе 4-хъ мѣсяцовъ до распредѣленія въ легіоны обучали ихъ тому, въ чемъ прежде постоянно упражнялись всѣ вообще граждане, какъ несовершеннолѣтніе, такъ и совершеннолѣтніе. При Августѣ же и потомъ при Адріанѣ были вновь введены прежніе примѣрные походы войскъ, по крайней мѣрѣ 3 раза въ мѣсяцъ, съ полною и иногда двойною ношею, по разнообразной мѣстности. А для тактическихъ упражненій цѣлыхъ армій, въ большомъ видѣ, въ первые два вѣка существовали различныя постановленія и правила. Сверхъ того, въ этотъ же періодъ времени войска были занимаемы различными большими военными и государственными работами по укрѣпленію лагерей и городовъ, устроенію укрѣпленныхъ линій, военныхъ дорогъ, мостовъ, водопроводовъ, общественныхъ зданій и т. п. Изъ этихъ работъ особеннаго вниманія заслуживаютъ во всѣхъ отношеніяхъ военныя до-

роги, прочное и искусное устройство которыхъ и теперь возбуждаетъ справедливое удивленіе. Но, рядомъ съ этими полезными упражненіями, уже со временъ Августа становятся общественныя игры (ludi circenses), какъ-то: гладіаторскіе бои, бои дикихъ звѣрей, бои на судахъ на водѣ (naumachiae) и т. п. жестокія, безчеловѣчныя, позорившія только Римъ и римлянъ, а для римскаго войска не только безполезныя, но и крайне вредныя. После Антониновъ до Діоклитіяна правительство не обращало уже никакого вниманія на обученіе юношества и воиновъ военному дѣлу и на занятіе оныхъ воинскими упражненіями и полезными работами; войска проводили время въ праздности, буйствѣ и развратѣ, и вмѣстѣ съ народомъ жаждали крови на играхъ, но малодушно бѣжали передъ непріятелемъ. Попытки же нѣкоторыхъ императоровъ употреблять войска на полезныя работы почти всегда стоили имъ жизни. Такъ Пробъ (270—275) первый употребилъ войска на полевыя работы, заставивъ легіоны, расположенные въ Галліи и Панноніи, насаждать и воздѣлывать въ нихъ виноградъ; но легіоны взбунтовались и убили его.

Военноученаго образованія у римлянъ во времена имперіи не было вовсе. Военноученое же находилось въ довольно большомъ, но, какъ и у грековъ въ послѣднія времена, большею частію въ ложномъ развитіи, ибо главными чертами его были педантизмъ, безполезныя тонкости и компиляторство. Лучшіе военные писатели этого періода были греки: Арріанъ Никомидійскій, полководецъ Адріана, Онесандръ, Эліянъ, Полліенъ и нѣк. др. Прочіе же римскіе военные писатели, Игинъ, Фронтинъ и нѣк. другіе, занимаютъ весьма второстепенное мѣсто. И изъ историковъ, писавшихъ политическую и вмѣстѣ военную исторію римскую, лучшими изъ римлянъ были только Титъ-Ливій при Августѣ и Тацитъ при Траянѣ; прочіе же—или, хотя и римляне, стоятъ гораздо ниже, какъ напримѣръ Суэтоній, Амміянъ Марцеллинъ и нѣк. др., или же, какъ Плутархъ Херонейскій, современникъ Траяна, и др.—были греки. Такимъ образомъ военно-литтературныхъ трудовъ и военноученаго образованія на долю римлянъ въ этомъ періодѣ приходится весьма мало, и въ теченіи всего этого періода у нихъ не было ни одного военнаго писателя, который не только сравнялся бы съ Цезаремъ, но хотя бы нѣсколько приближался къ нему.

Но самою мрачною стороною римскаго войска въ этомъ періодѣ и главною причиною разстройства и дурнаго состоянія его во всѣхъ частяхъ и отношеніяхъ былъ постепенный и наконецъ совершенный упадокъ нравственной силы и воинскихъ качествъ и достоинствъ, подчиненности, порядка и духа въ немъ. Причинами тому были: 1) роскошь, изнѣженность и развратъ, изъ Рима распространившіеся по областямъ и цѣлому государству, отъ высшихъ сословій перешедшіе

*

къ низшимъ и къ войску и глубоко вкоренившіеся въ нихъ, и 2) положеніе, въ которое Августъ поставилъ себя, преемниковъ своихъ, до Діоклитіяна и Константина В., войско и народъ въ государствѣ, и вслѣдствіе котораго императоры, имѣя главную опору власти своей въ войскѣ, всячески ласкали его, потворствовали ему и ослабляли воинскій порядокъ, въ противномъ же случаѣ—или только на время обуздывали его своеволіе и буйство, или же сами дѣлались жертвами послѣднихъ. Нравственныя силы войска уже при Августѣ были поколеблены въ основаніи предшествовавшими междуусобіями. Но Августъ по крайней мѣрѣ дѣлалъ все, что отъ него зависѣло, если и не для возстановленія прежнихъ воинскихъ добродѣтелей, что было невозможно, то для соблюденія въ войскѣ строгаго воинскаго порядка и лучшаго по возможности одушевленія войска. И если при немъ римскія войска сражались съ успѣхомъ, честію и славой, то этимъ были вполнѣ обязаны самому Августу и достойнымъ полководцамъ его. Тоже самое должно сказать о войскѣ римскомъ и при лучшихъ изъ преемниковъ Августа: Веспасіянѣ, Титѣ, Траянѣ, Антонинахъ, Александрѣ Северѣ, Авреліянѣ и маломъ числѣ другихъ императоровъ, которые болѣе или менѣе поддерживали или даже возстановляли строгость воинскаго порядка, хотя и не могли уже возстановить прежнихъ воинскихъ добродѣтелей и духа, утраченныхъ на вѣки. Но, за этими исключеніями, римское войско является верхомъ разстройства въ нравственномъ отношеніи, какимъ-то чудовищемъ, созданнымъ не къ благу, а на пагубу государства. Самыя низкія, подлыя чувства и страсти заступили мѣсто прежнихъ благородныхъ чувствъ чести, славы и любви къ отечеству, а безначаліе, своеволіе, буйство, развратъ и распутство—мѣсто прежнихъ строгихъ подчиненности и порядка и суровыхъ воинскихъ нравовъ и добродѣтелей. И зло, на время обуздываемое, потомъ снова росло, росло и наконецъ достигло невѣроятной, ужасающей степени. Были въ исторіи примѣры нравственныхъ развращенія и упадка войскъ, какъ у древнихъ персовъ и у грековъ, но въ такой ужасной степени, какъ у римлянъ въ этомъ періодѣ—другаго подобнаго примѣра въ исторіи нѣтъ и врядъ-ли будетъ, ибо хуже этого ничего вообразить нельзя и быть не можетъ. Нравственное униженіе римскаго войска въ это время навѣки осталось живымъ и грознымъ урокомъ потомству, подобно тому какъ нравственное совершенство его въ первоначальныя времена Рима навѣки должно пребыть предметомъ удивленія и подражанія.

Наказанія за воинскія преступленія становились въ этомъ періодѣ постепенно строже или, правильнѣе, жесточе. Никогда у римлянъ не было такого разнообразія въ наказаніяхъ и особенно въ смертной

казни воиновъ, и всѣ эти наказанія и казни были большею частію жестокія и мучительныя. Воины, развращенные и малодушные, страшились смерти, но еще болѣе истязаній и мученій, и однимъ этимъ страхомъ можно еще было хоть нѣсколько удерживать ихъ.

Съ другой стороны никогда и ни у одного народа не было такихъ щедрыхъ, великолѣпныхъ и пышныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ столь частыхъ, несправедливыхъ, незаслуженныхъ и жалкихъ наградъ за дѣйствительныя или мнимыя отличія военныя. Вѣнки давались уже не иначе, какъ изъ самыхъ дорогихъ цвѣтовъ, вѣнцы—изъ драгоцѣнныхъ металловъ, знамена и одежды—изъ пурпуровыхъ и другихъ дорогихъ тканей, оружіе—съ самыми богатѣйшими украшеніями и драгоцѣнными каменьями и проч. Сверхъ того, въ видѣ награды увольняли воиновъ отъ военныхъ работъ, отъ тяжелыхъ обязанностей службы въ лагеряхъ и полѣ, раздавали огромные участки земель и богатѣйшія помѣстья, войску въ дни провозглашенія императоровъ или принятія ими власти, въ празднества деценналій (sacra decennalia) или 10-лѣтій правленія ихъ и въ дни ихъ рожденія, равно и за особенно важныя заслуги давали особые денежные дары (donativum) и проч. Но всѣ эти награды далеко превосходилъ своими роскошью и пышностью большой тріумфъ, присуждаемый уже однимъ императорамъ. Сверхъ того, уже со временъ Августа введенъ былъ такъ называемый апоѳеозъ (apotheosis), т. е. обоготвореніе умершихъ императоровъ или причтеніе ихъ къ лику боговъ и сооруженіе имъ храмовъ—до такой степени достигло безуміе римлянъ!

§ 347.

Кастраметація, фортификація, поліорцетика и баллистика.

До временъ Граціяна (375—383) римскія арміи въ военное время продолжали по-прежнему каждую ночь располагаться въ укрѣпленныхъ лагеряхъ. По причинѣ веденія римлянами въ этомъ періодѣ войнъ въ многоразличныхъ по мѣстности странахъ свѣта, расположеніе и укрѣпленіе этихъ лагерей были гораздо разнообразнѣе и болѣе примѣняемы къ видоизмѣненіямъ мѣстности, нежели въ прежнія времена. Лагери имѣли и четырехъ, и трехъ-угольную, и круглую, и полукруглую формы, смотря по числу войскъ, мѣстности и обстоятельствамъ. По описанію Игина громатика (gromaticus, военный землемѣръ) и военнаго писателя временъ Антониновъ (во II вѣкѣ), лагерь, обыкновенной въ эти времена римской арміи имѣлъ видъ четвероугольника, величина котораго зависѣла отъ силы арміи, но глубина вообще двумя

третями превосходила ширину, что почиталось наилучшимъ для лагеря размѣромъ. Двѣ параллельныя переднему боку дороги: передняя или главная (via principalis) и задняя или квинтанская (via quintana) раздѣляли лагерь въ глубину на три неравныя части: прэтентурную (praetentura) или переднюю, бо́льшую и самую глубокую, прэторій (praetorium) или среднюю и менѣе глубокую, и ретентурную (retentura) или заднюю, наименьшую и наименѣе глубокую. Предполагая, что армія, занимавшая описываемый имъ лагерь, имѣла около 24,000 чел. пѣхоты и около 10,000 чел. конницы, Игинъ размѣщалъ эти войска слѣдующимъ образомъ: 30 когортъ трехъ легіоновъ—въ нѣкоторомъ разстояніи отъ вала, вдоль передняго бока лагеря, въ 2 линіи, вдоль праваго и лѣваго—въ глубокомъ строѣ (колоннахъ) по когортамъ справа, а вдоль задняго—въ одну линію; затѣмъ во внутреннемъ пространствѣ онъ ставилъ: 1) въ прэтентурной части, за когортами передняго легіона, по обѣ стороны прэторіянской дороги, раздѣлявшей эту часть въ ширину пополамъ—различные полки, роты и дружины вспомогательной конницы и часть легкой пѣхоты, больницы и ставки трибуновъ и легатовъ; 2) въ прэторіѣ, посрединѣ, противъ прэторіянской дороги—прэторій или ставку полководца, впереди прэторія—площадь съ жертвенникомъ, каѳедрой и карауломъ, позади—придворное войско (statores), справа и слѣва—ставки придворныхъ чиновъ, прэторіянцовъ, конницу и когорты, конные полки (alae) и вспомогательныя когорты безъ конницы и наконецъ 3) въ ретентурной части, по обѣ стороны декуманской дороги, раздѣлявшей ретентурную часть въ ширину по поламъ—ставки квэстора и его чиновниковъ, ставки пословъ, вспомогательныя когорты съ конницей и безъ оной, и пѣшія войска подвластныхъ народовъ. Подъ каждую центурію полагалось 10 ставокъ, а въ каждой ставкѣ помѣщалось по 8 воиновъ. Когорты располагались въ 2, а если мѣстность не позволяла, то въ 3 и 4 ряда ставокъ, обращенныхъ однѣ къ другимъ тыломъ. Конница располагалась такъ же, но только съ бо́льшими промежутками между палатками, для лошадей начальниковъ и запасныхъ.

Изъ этого видно, что расположеніе войскъ въ лагерѣ, по описанію Игина, было далеко не такъ правильно, удобно и способно къ оборонѣ, какъ въ лагерѣ по описанію Полибія, которому (лагерю) поэтому и принадлежитъ значительное въ этомъ отношеніи преимущество.

Укрѣпленія полевыхъ лагерей были тѣже, что и прежде, только профили имъ давали нѣсколько бо́льшія. Лагерь, по описанію Игина, имѣлъ 6 воротъ: прэторіянскія или переднія, декуманскія или заднія, правыя и лѣвыя главныя и правыя и лѣвыя квинтанскія. Каждыя изъ воротъ были прикрыты небольшимъ полукруглымъ укрѣпленіемъ.

Постоянные лагери были укрѣпляемы такъ тщательно, прочно и сильно и имѣли такіе размѣры и величину, а укрѣпленія ихъ—такіе профили, что болѣе или менѣе уподоблялись крѣпостямъ. Подобно имъ, они имѣли на главномъ валѣ болверки или башни и были вооружаемы большими и малыми метательными орудіями. Сверхъ искуственныхъ укрѣпленій, они были усиливаемы также неудободоступною мѣстностью, на которой были располагаемы. Веспасіянъ и Агрикола въ особенности отличались искусными выборомъ сильной мѣстности подъ лагери и примѣненіемъ къ ней ихъ расположенія. Августъ, Антонины и другіе, подобно имъ, миролюбивые императоры, *помышляя* болѣе объ охраненіи, нежели о распространеніи предѣловъ государства, устроивали постоянные лагери обыкновенно по сю сторону рѣкъ, составлявшихъ границы его съ варварами, какъ-то на лѣвомъ берегу Рейна, на правыхъ берегахъ Дуная и Евфрата и проч. Такъ образовались съ ходомъ времени многія пограничныя крѣпости, особенно важныя по Рейну, Дунаю и Евфрату, и обладавшія преимущественно оборонительною силой. Только одинъ Траянъ въ войнѣ съ даками построилъ въ 105 г. на нижнемъ Дунаѣ знаменитый каменный мостъ свой, прикрытый на противуположномъ, лѣвомъ берегу двойнымъ укрѣпленнымъ лагеремъ и двойнымъ предмостнымъ укрѣпленіемъ. Еслибы преемники его послѣдовали его примѣру, то могли бы, какъ полагать должно, имѣть болѣе средствъ къ удержанію варваровъ.

Сверхъ постоянныхъ лагерей, границы государства были часто и тщательно прикрываемы устроеніемъ укрѣпленныхъ линій, земляныхъ валовъ, каменныхъ стѣнъ и крѣпостей. Такъ Агрикола устроилъ (78—85), на крайнемъ сѣверномъ предѣлѣ римской Британніи, рядъ малыхъ крѣпостей. Адріанъ отнесъ далѣе на сѣверъ границу римской Британніи, провелъ великую стѣну или валъ (Адріановъ валъ) отъ устья р. Тины (нынѣ Тайнъ, Tyne) на разстояніи около 112 верстъ до Итунскаго (нынѣ Солвейскій, Solway) залива. При Антонинѣ валъ этотъ былъ отнесенъ еще далѣе на сѣверъ, отъ Глоттскаго (нынѣ Клайдскаго, Clyde) залива до устья рѣки Тая, а Септимій Северъ устроилъ здѣсь стѣну. Но Каракалла уступилъ завоеванныя здѣсь земли, и Адріановъ валъ снова сдѣлался границею римской Британніи на сѣверѣ. Траянъ построилъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ между нижнимъ Дунаемъ и Эвксинскимъ Понтомъ валъ, слѣды котораго, подъ названіемъ Траянова вала, сохранились доселѣ (по направленію отъ Чернаводы къ Кюстенджи). Пробъ (276—282) построилъ крѣпкія стѣны отъ Дуная близъ Царственнаго лагеря (Castra Regina, нынѣ Регенсбургъ) до Рейна и валъ между р.р. Дунаемъ и Ницеромъ или Никаромъ (нынѣ Неккаръ). Авреліянъ (270—

275) оградилъ Римъ, сверхъ прежнихъ стѣнъ, еще новыми укрѣпленіями, и мн. т. п. Вообще въ этомъ періодѣ весьма много было сдѣлано для укрѣпленія границъ римскаго государства. Для фортификаціи это было весьма полезно и, хотя она, въ особенности полевая, со временъ Цезаря не сдѣлала особенно важныхъ и замѣчательныхъ успѣховъ и далеко не достигала огромныхъ размѣровъ Цезаревыхъ фортификаціонныхъ работъ, за всѣмъ тѣмъ однако находилась не въ упадкѣ, а въ большомъ развитіи. И поліорцетическое искуство также было доведено римлянами въ этомъ періодѣ, въ отношеніи какъ атаки, такъ и обороны, до крайнихъ въ древности предѣловъ своего развитія, чему особенно способствовали многочисленныя, болѣе или менѣе важныя, осады этого времени. Прежнія поліорцетическія средства были усовершенствованы, усилены, умножены вновь изобрѣтенными и введенными въ употребленіе, и многія изъ нихъ доведены до огромныхъ размѣровъ. Въ правильныхъ осадахъ главными и наиболѣе употребительными средствами по прежнему были насыпи (agger) и таранъ, въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ и часто достигавшіе неимовѣрныхъ размѣровъ и величины. Такъ у Тита при осадѣ Іерусалима было четыре большихъ насыпи, а у Веспасіана въ Іудейской войнѣ (67—68) былъ таранъ длиною въ 50 футовъ, съ огромною головою и тяжестью или гирею, на заднемъ концѣ, вѣсомъ въ 1,500 римскихъ талантовъ (около 1,875 центнеровъ или около 5,700 пудовъ). Для перевозки его потребны были 150 паръ воловъ или 300 паръ лошадей или муловъ, а для дѣйствія имъ—посмѣнно до 1,500 чел.

Подкопное (минное) искуство также было въ большихъ употребленіи и развитіи. Особенно замѣчательны подкопы и подземная война, веденныя Титомъ при осадѣ Іерусалима (70 г.).

Изъ другихъ поліорцетическихъ средствъ въ это время замѣчательно, между прочимъ, употребленіе двойныхъ, одна надъ другою, черепахъ изъ щитовъ, для всхода на стѣны непріятельскихъ городовъ (такъ онѣ съ успѣхомъ употреблены были при осадѣ Кремоны въ 69-мъ году, и др.), а со стороны осажденныхъ — метаніе зажигательнаго состава, дѣйствіе котораго было весьма сильно, и пр. По поводу этого зажигательнаго состава необходимо замѣтить, что вопросъ о зажигательныхъ составахъ и употребленіи ихъ въ древности вообще заслуживаетъ особеннаго вниманія, по отношенію къ судьбѣ ихъ въ послѣдующія времена. Извѣстно, что въ древности и греки, и римляне, и другіе народы Европы, Азіи и Африки употребляли при осадѣ и оборонѣ городовъ зажигательные составы, но изъ чего состояли эти составы—неизвѣстно. Еще Ѳукидидъ указывалъ, что въ означенныхъ случаяхъ употребляли кипящее масло и

смолу, но ни изъ его указаній, ни изъ позднѣйшихъ не видно, чтобы эти вещества употреблялись для произведенія пожаровъ горѣніемъ. Извѣстно что во времена Александра В., Аннибала и Юлія Цезаря были употребляемы, для произведенія пожаровъ, зажигательныя стрѣлы, съ прикрѣпленными къ остріямъ ихъ зажигательными веществами (паклей, обмокнутой въ растопленную смолу и зажженной и т. п.). Греки называли эти стрѣлы фаларикамы, а римляне falaricae. И во времена имперіи также очень часто встрѣчаются примѣры употребленія осажденными и осаждавшими метанія зажигательныхъ составовъ, напримѣръ при осадѣ Септиміемъ Северомъ въ 199 г. города Атры въ Пареіи, Максиминомъ въ 237 г. города Аквилеи въ Италіи (въ обоихъ случаяхъ со стороны осажденныхъ) и пр. т. п. Но какія именно вещества входили въ эти зажигательные составы и какъ именно послѣдніе употреблялись—неизвѣстно. Одинъ греческій военный писатель, Эней тактикъ (одно сочиненіе котораго, изданное Казаубономъ, Casaubonus: Commentario poliorcetico, дошло, а другія не дошли до насъ) указывалъ на зажженіе предметовъ смѣсью смолы, сѣры, пакли и кусочковъ смолистаго дерева, зажигаемою и метаемою посредствомъ метательныхъ оружія и орудій (стрѣлъ и катапультъ). Для предохраненія же предметовъ отъ зажженія этимъ составомъ, Эней указывалъ на употребленіе уксуса и песка. Другіе древніе военные писатели указывали на зажигательныя ядра, стрѣлы и т. п., которыя были метаемы посредствомъ метательныхъ оружія и орудій съ незначительною скоростью, такъ какъ при быстромъ полетѣ зажигательный составъ этихъ ядеръ, стрѣлъ и пр. могъ гаснуть *). И такъ вообще достовѣрно, что въ древнія времена и особенно во времена имперіи, при осадѣ и оборонѣ городовъ, укрѣпленныхъ мѣстъ, лагерей и т. п. были часто употребляемы метательные зажигательные составы и снаряды, но, какъ сказано, изъ чего именно они составлялись и какъ употреблялись—неизвѣстно.

Баллистическое искуство въ особенности было значительно распространено въ употребленіи, развито и усовершенствовано въ этомъ періодѣ. Число метательныхъ орудій, употреблявшихся при осадахъ городовъ, увеличилось также, какъ и въ полевыхъ дѣйствіяхъ. Такъ, по свидѣтельству Іосифа Флавія, у Тита при осадѣ Іерусалима было 300 катапультъ и 40 баллистъ. Позже названіе катапультъ вышло, кажется, изъ употребленія и было замѣнено названіемъ баллистъ для всѣхъ вообще орудій, метавшимъ тѣла преимущественно горизон-

---

*) См. объ этомъ Г. М. Эгерштрома: Объ изобрѣтеніи пороха и огнестрѣльнаго оружія, С.-ПБ. 1875.

тально; орудіямъ же, метавшимъ тѣла преимущественно навѣсно, присвоено общее названіе онагровъ. Впрочемъ въ этомъ отношеніи и древніе, и новѣйшіе писатели несогласны между собою. Орудія были усовершенствованы въ устройствѣ. Изъ нихъ осадныя, равно какъ и осадныя машины (тараны, подвижныя черепахи и башни и проч.), строились на мѣстѣ и весьма часто въ огромныхъ размѣрахъ. При арміяхъ же перевозился только нужный для приведенія орудій и машинъ въ возможность дѣйствовать матеріалъ (какъ-то: желѣзо, гвозди, канаты, и т. п.).

§ 348.

Состояніе военнаго искуства вообще.

Сообразивъ все сказанное выше о состояніи въ этомъ періодѣ у римлянъ тактики, кастраметаціи, фортификаціи, поліорцетики и баллистики, должно будетъ сознаться, что вообще военное искуство въ это время, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, не было въ упадкѣ, но даже было болѣе прежняго развито и усовершенствовано, именно въ I и II вѣкахъ—преимущественно въ практическомъ отношеніи, а съ III вѣка—въ теоретическомъ. Успѣхи римскаго оружія въ первыхъ двухъ вѣкахъ и большое число военно-теоретическихъ сочиненій съ III вѣка могутъ отчасти служить свидѣтельствомъ въ томъ. Но при постепенно возраставшемъ, отъ начала до конца этого періода, упадкѣ военнаго устройства римскаго государства, равно устройства и нравственнаго состоянія римскаго войска, римляне успѣхами своего оружія въ первыхъ двухъ вѣкахъ были обязаны не столько практическому усовершенствованію своего военнаго искуства, сколько высокимъ личнымъ военнымъ дарованіямъ и искуству нѣкоторыхъ своихъ императоровъ и полководцевъ. Съ III же вѣка, при совершенныхъ уже разстройствѣ и нравственномъ упадкѣ римскаго войска, военное искуство у римлянъ, при всемъ своемъ развитіи и даже усовершенствованіи въ теоретическомъ отношеніи, было безжизненною, пустою и ничтожною формой, какъ тѣло безъ души. А потому въ этомъ отношеніи справедливо можно сказать, что оно въ этомъ періодѣ, въ сравненіи съ періодомъ междуусобій и особенно съ періодомъ цвѣтущихъ временъ римской республики, находилось въ состояніи постепенно возраставшаго упадка.

§ 349.

Морскія военныя силы и искуство.

Со времен Августа въ составъ военныхъ силъ римскаго государства входили уже, сверхъ постоянныхъ сухопутныхъ, и постоянныя морскія. Учредивъ постоянное войско, Августъ въ тоже время учредилъ и два постоянныхъ флота, находившихся обыкновенно, одинъ — въ Равеннѣ на Адріатическомъ морѣ, а другой — въ Мизенѣ, на Тирренскомъ (Средиземномъ у западныхъ береговъ Италіи). Сверхъ того морскія военныя суда, взятыя Августомъ въ битвѣ при Акціѣ, были отосланы въ Форумъ Юліевъ (нынѣ Fréjus, въ Провансѣ, во Франціи), на южныхъ берегахъ Галліи, для прикрытія и обезпеченія ихъ, и въ послѣдствіи составили третій постоянный флотъ. На важнѣйшихъ рѣкахъ, Рейнѣ, Дунаѣ и др., были сверхъ того рѣчные флоты или флотиліи. Въ послѣдствіи, съ ходомъ времени, число флотовъ постепенно увеличивалось.

Лучшими по постройкѣ судами въ Августовомъ флотѣ, наиболѣе способствовавшими къ одержанію побѣды въ битвѣ при Акціѣ, были либурнскія (Либурніей называлась береговая часть восточной Иллиріи, что нынѣ Далмація). А потому со времен Августа римскія военно-морскія суда строились преимущественно по образцу либурнскихъ, весьма тщательно и искусно, въ одинъ, два и до пяти, а иногда и болѣе, рядовъ веселъ. Сверхъ большихъ военно-морскихъ судовъ, были такія же легкія, употреблявшіяся для развѣдыванія о непріятелѣ, для внезапныхъ нападеній и перехватыванія непріятельскихъ судовъ съ продовольствіемъ, и сверхъ того—военныя перевозныя морскія и рѣчныя суда.

Люди и войска на флотахъ были набираемы и устроены также, какъ и прежде. Неронъ хотѣлъ, но не успѣлъ устроить морскія войска въ видѣ легіоновъ. При Гальбѣ они потребовали исполненія этого, получили отказъ, взбунтовались, и въ одинъ день было истреблено ихъ до 7 т. чел. Вообще морскія войска, по своему составу, были самыми презрѣнными: преступниковъ отсылали большею частью на флотъ (обычай, сохранившійся въ позднѣйшія времена и въ западной Европѣ, въ отсылкѣ преступниковъ въ каторгу на галеры).

Флотами начальствовали императорскіе легаты, а въ послѣдствіи прэфекты и проч.

Морская тактика была таже, что и прежде.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

НАРОДЫ, СЪ КОТОРЫМИ РИМЛЯНЕ ВЪ ЭТОМЪ ПЕРІОДѢ ВЕЛИ ВОЙНЫ.

§ 350. Германцы. — § 351. Народы восточной Европы. — § 352. Іудеи. — § 353. Персы и другіе народы Азіи и Африки.

§ 350.

Германцы.

Въ числѣ народовъ, съ которыми римляне въ этомъ періодѣ вели войны, первое мѣсто принадлежитъ германцамъ, почти въ безпрерывной войнѣ съ ними упорно защищавшимъ свою независимость, жестоко громившимъ потомъ римскую имперію и наконецъ разрушившимъ западную половину ея.

Римляне, по своимъ географическимъ понятіямъ, разумѣли подъ общимъ названіемъ Германіи (Germania) все пространство сѣверной и средней Европы отъ Рейна до Вислы (Germania Transrhenana и Transvistulana) и отъ Дуная до Нѣмецкаго и Балтійскаго морей, и даже всѣ невѣдомыя имъ страны къ сѣверу, востоку и югу отъ этихъ морей, именно нынѣшнія: Норвегію, Швецію, Данію, Финляндію, Эстляндію, Лифляндію, Курляндію, восточную и западную Пруссію, западную Россію и Австро-Венгрію. Страна, по ихъ понятіямъ составлявшая собственно Германію, между Рейномъ, Дунаемъ, Вислой и сѣверными морями, была покрыта обширными лѣсами и болотами, имѣла климатъ сырой и холодный и вообще была страною дикою и суровою. Римляне называли ее Германіей, какъ полагаютъ, потому, что жители ея называли себя германами или верманами (Heermann или Wehrmann, военные люди или воины), а по божеству своему, Теуту, теутонами или тевтонами (Teutonen). Они состояли изъ множества племенъ,

но всѣ были одного происхожденія и сходствовали между собою въ главныхъ чертахъ. Вообще они были народъ дикій и грубый, стоявшій на низкой степени гражданственности и образованности, но по преимуществу воинственный, мужественный и храбрый. Высокіе ростомъ, крѣпкіе и сильные тѣломъ, они легко переносили холодъ и голодъ, но не могли переносить жаровъ и жажды. Они жили отдѣльными племенами, поколѣніями и семействами, въ отдѣльныхъ жилищахъ, составлявшихъ въ соединеніи между собою общины (gau), подъ управленіемъ старѣйшинъ (grau или grav). Они раздѣлялись на два сословія, изъ коихъ высшее и господствующее одно владѣло землями, занималось войною, составляло собственно народъ и управляло общественными дѣлами; низшее же, находившееся въ совершенной зависимости отъ перваго, заключало въ себѣ всѣхъ жившихъ на его земляхъ и занимавшихся только воздѣлываніемъ ихъ, либо грубыми работами и службою землевладѣльцамъ. Сверхъ того были рабы изъ военноплѣнныхъ. Война была не только главнымъ, любимѣйшимъ занятіемъ, но и страстію высшаго сословія, средствомъ къ пріобрѣтенію богатства, могущества и славы. Поэтому германцы вели безпрерывныя войны между собою и съ чуждыми народами, а если не вели войны, то либо производили набѣги, разбои и грабежи, чего вовсе не считали постыднымъ, а напротивъ благороднымъ и полезнымъ для юношества упражненіемъ, либо проводили время на охотѣ, въ пирахъ или въ праздности. Воздѣлываніе же земли и всѣ домашнія работы считались недостойными воиновъ и были предоставлены рабамъ, слугамъ, старикамъ и женщинамъ. Лица высшаго сословія никогда, даже въ мирѣ, не покидали своего оружія. Молодымъ людямъ этого сословія, достигшимъ совершеннолѣтія и признаннымъ въ народномъ собраніи достойными чести носить оружіе (wehrhafte), вручали среди этого собранія, съ особенными обрядами и торжественностью, копье и щитъ, и съ этой поры они принадлежали уже не семейству, а обществу, и считались въ дѣйствительной общественной службѣ. Обыкновенно они добровольно поступали на службу къ какому нибудь, избранному ими, храброму и знаменитому воинскими подвигами воину, клялись защищать его до послѣдней крайности, спасать его отъ опасностей, умирать вмѣстѣ съ нимъ въ бою и составляли его дружину или гелейтъ (Geleit). Предводитель же гелейта содержалъ ихъ на своемъ иждивеніи, дарилъ и награждалъ отличавшихся. Война служила ему главнымъ источникомъ необходимыхъ для того издержекъ. Сверхъ того община дѣлала предводителю гелейта добровольныя приношенія въ хлѣбѣ и скотѣ, а иногда и сосѣдніе народы присылали ему, въ знакъ уваженія, боевыхъ коней, оружіе, деньги и т. п. Гелейтъ составлялъ особенный воинскій от-

рядъ, въ которомъ было свое чиноначаліе, и чины раздавалъ предводитель по достоинству, что возбуждало сильное соревнованіе между членами его дружины. Предводители также, съ своей стороны, поставляли честь и славу свои въ томъ, чтобы имѣть многочисленнѣйшія и храбрѣйшія дружины. На время войны, въ народныхъ собраніяхъ избирали обыкновенно герцоговъ (Herzog) или вождей изъ числа храбрѣйшихъ лицъ высшаго сословія. Но власть вождей и предводителей вообще была довольно ограничена: они не имѣли права ни наказывать, ни казнить смертію своихъ подчиненныхъ и начальствовали ими болѣе силою личныхъ примѣра и вліянія, нежели силою власти. Это происходило отъ того, что германцы вообще выше всего цѣнили личную свободу и не признавали иной власти, кромѣ воли своихъ боговъ, объявляемой жрецами. А слѣдствіемъ этого было то, что они не знали ни воинской подчиненности, ни воинскаго порядка. И въ арміяхъ или, лучше сказать, общенародныхъ ополченіяхъ ихъ также не было никакого правильнаго устройства. Всѣ совершеннолѣтніе, способные и достойные носить оружіе члены отдѣльныхъ семействъ и поколѣній шли на войну особенными толпами, подъ предводительствомъ старшихъ между ними и въ сопровожденіи женщинъ и дѣтей. Женщины въ битвахъ ободряли сражавшихся, заботились о раненыхъ, выносили тѣла убитыхъ, помогали грабить и сносить добычу и нерѣдко принимали еще болѣе дѣятельное участіе въ битвахъ, съ оружіемъ въ рукахъ и съ неменьшею противъ мущинъ храбростью сражаясь въ рядахъ ихъ или защищая станы свои. Но составъ германскихъ ополченій изъ многихъ отдѣльныхъ дружинъ, каждый изъ предводителей которыхъ дѣйствовалъ независимо по своему произволу, былъ противенъ всякому понятію о воинскихъ единодушіи и согласіи.

Тактическое устройство германцовъ было также весьма простое и несовершенное. Они сражались частію на коняхъ, большею же частію пѣшими, и хотя нѣкоторые изъ германскихъ племенъ и славились какъ искусные всадники и наѣздники и имѣли хорошую конницу, но вообще главную силу германскихъ ополченій составляла пѣхота. Поэтому германцы и имѣли обыкновеніе перемѣшивать конницу свою съ пѣхотой, т. е. между всадниками ставить легкихъ пѣшихъ воиновъ. Цезарь упоминаетъ объ этомъ обычаѣ въ своихъ запискахъ и хвалитъ его. Лошади германскія не отличались ни красотою, ни быстротою, но, по словамъ Тацита, были очень крѣпки, сносливы и хорошо наѣзжены. Вооруженіе было весьма простое и несложное. Обыкновеннымъ нападательнымъ оружіемъ была фрамея (Framea) или короткое копье съ небольшимъ и узкимъ остріемъ. Его употребляли и въ рукопашномъ бою, и какъ метательное оружіе.

Конница была вооружена только фрамеями, но пѣхота имѣла сверхъ того дротики, которые метала на огромное разстояніе и съ необыкновенною силой. Единственнымъ же оборонительнымъ вооруженіемъ, какъ конницы, такъ и пѣхоты, былъ деревянный разкрашенный щитъ. Только весьма немногіе изъ германцовъ были вооружены мечами и длинными копьями и носили шлемы и латы: всѣ прочіе сражались полуобнаженными или прикрытые самою легкою верхнею одеждой. По этой-ли или иной причинѣ, щитъ пользовался у нихъ большимъ уваженіемъ, и бросить его или лишиться его почиталось безчестіемъ. Вмѣсто знаменъ служили грубыя изваянія животныхъ, утвержденныя на древкахъ и во время мира хранимыя въ заповѣдныхъ священныхъ лѣсахъ. Въ походѣ германцы слѣдовали толпами по семействамъ и поколѣніямъ, безъ особенныхъ правильности и порядка. Впереди шли обыкновенно пѣшіе воины, чрезвычайно быстрые на бѣгу, избранные изъ всего юношества и превосходно обученные совокупнымъ дѣйствіямъ съ конницей. Каждая община выставляла по сту такихъ пѣшихъ воиновъ, которые и носили поэтому почетное названіе **сотенъ**. За войскомъ слѣдовали, сверхъ женъ и дѣтей, повозки съ припасами и имуществомъ. Этими повозками германцы и ограждали станы свои. Идя въ бой, они одушевляли себя воспѣваніемъ подвиговъ ихъ древнихъ героевъ и увѣщаніемъ подражать имъ. Пѣніе это служило имъ также предзнаменованіемъ успѣха въ бою: ибо большія или меньшія сила и звучность голосовъ возбуждали въ нихъ надежду или сомнѣніе. Дикость и нестройность этого пѣнія увеличивались еще тѣмъ, что они особеннымъ образомъ прикладывали при этомъ щиты свои къ губамъ. Они сражались въ сомкнутыхъ, одинаково глубокихъ и широкихъ толпахъ, также, какъ шли походомъ, т. е. по семействамъ и поколѣніямъ. По словамъ Тацита, обыкновеннымъ боевымъ порядкомъ ихъ былъ клинообразный. Въ бою они сражались съ необыкновенною храбростью, но безъ всякихъ правильности, порядка и твердости въ строю. Отступать и даже бѣжать для того, чтобы потомъ снова напасть, почиталось у нихъ не только не постыднымъ, но весьма искуснымъ. Но оставить щитъ во власти непріятеля почиталось величайшимъ безчестіемъ. Подвергавшіеся ему были исключаемы изъ религіозныхъ и народныхъ собраній, и нерѣдко сами себя лишали жизни, чтобы не переживать этого безчестія. Конница сражалась вмѣстѣ съ легкою пѣхотой, съ которою была перемѣшана, и нерѣдко спѣшивалась, сражалась какъ пѣхота и потомъ снова садилась на коней.

Такимъ образомъ германцы не имѣли ни правильнаго военнаго устройства, ни хорошаго вооруженія, ни воинскихъ подчиненности и порядка, но за всѣмъ тѣмъ были страшными врагами не

только для народовъ и войскъ неблагоустроенныхъ, но и для самыхъ римлянъ. Ни одинъ изъ народовъ, съ которыми когда-либо воевали послѣдніе, не сопротивлялся имъ съ такими упорствомъ и успѣхомъ, не наносилъ имъ такихъ жестокихъ пораженій. Какая же была тому причина? Необыкновенные: воинственный духъ, мужество и храбрость ихъ и сильнѣйшее нравственное одушевленіе, соединенное съ силою физическою или тѣлесною. Въ случаяхъ же, когда они были побѣждаемы римлянами, причиною того было превосходство послѣднихъ въ вооруженіи и военномъ искуствѣ и иногда тѣлесное и вслѣдствіе того душевное изнеможеніе германцовъ отъ сильныхъ жаровъ, къ которымъ римляне были гораздо болѣе привычны, нежели они.

Таковы были главныя и общія всѣмъ германцамъ черты ихъ общественнаго быта, военнаго устройства и образа дѣйствій въ бою въ I и II вѣкахъ по Р. Х. Но съ ходомъ времени эти черты во многомъ измѣнились. Необходимость защиты отъ хищничества единоплеменниковъ и отъ оружія римлянъ побудила германскія племена составлять между собою (уже съ I вѣка по Р. Х.) союзы, сначала частные, отдѣльные, съ цѣлію преимущественно оборонительною, въ послѣдствіи же (съ III вѣка по Р. Х.) — большіе и сильные, съ цѣлію преимущественно наступательною, а именно — нападенія на богатыя римскія области для разграбленія ихъ. Съ этого времени племена, составлявшія союзъ, смѣшивались и подчинялись одному верховному вождю—герцогу или королю (Chuning, Konung). Управленіе сохранило прежнія главныя основанія, но изъ семейнаго и племеннаго обратилось въ военное. Союзы и земли, занимаемыя ими, раздѣлялись на военныя общины и области (Mark, марки или маркіи), подъ управленіемъ старѣйшинъ и правителей (Gaugrafen, Markgrafen, Fürsten), которые соединяли въ себѣ власть гражданскую и преимущественно военную. Важнѣйшія дѣла союзовъ рѣшались по совѣту верховныхъ вождей съ старѣйшинами и правителями, на народныхъ собраніяхъ, происходившихъ большею частію два раза въ годъ, весною и осенью. Въ случаѣ общенародной войны, въ поле выступали всѣ совершеннолѣтніе и способные носить оружіе мущины, подъ предводительствомъ своихъ старѣйшинъ и правителей. Это общее ополченіе называлось геербанномъ (Heerbann). Для предводительствованія имъ былъ избираемъ на время войны герцогъ, либо оно шло подъ предводительствомъ вождя союза Въ случаѣ же какихъ-либо частныхъ военныхъ предпріятій, на войну шли отличнѣйшія своею храбростью и знаменитѣйшія своими подвигами лица, съ собственными дружинами или гелейтами. Иногда гелейтъ составляли толпы охотниковъ, собиравшихся

для произведенія набѣга или другаго какого-либо частнаго военнаго предпріятія и избиравшихъ изъ среды своей вождя, которому обязывались вѣрностью и повиновеніемъ, а онъ съ своей стороны содержалъ ихъ и раздѣлялъ съ ними добычу. Такого-то рода гелейтами и была завоевана бо̀льшая часть западной римской имперіи.

Безпрерывныя войны съ римлянами произвели съ ходомъ времени многія измѣненія и въ военномъ дѣлѣ у германцовъ. Какъ чрезъ римскихъ воиновъ, бывшихъ въ плѣну у нихъ, и чрезъ римскихъ переметчиковъ и бѣглецовъ, такъ и чрезъ своихъ единоплеменниковъ, въ большомъ числѣ служившихъ въ римскомъ войскѣ и возвращавшихся на родину, германцы заимствовали постепенно многое изъ вооруженія, устройства, строя и образа дѣйствій римскихъ войскъ. Употребленіе большихъ мечей и длинныхъ копій, шлемовъ и латъ распространялось болѣе и болѣе. Сверхъ того вошли въ употребленіе боевыя сѣкиры о двухъ лезвіяхъ, а при осадѣ и оборонѣ городовъ—луки и стрѣлы. Германцы сражались по прежнему большею частію пѣшими, но вожди, предводители и знатнѣйшія лица̀ высшаго сословія—на коняхъ. Сражались они уже въ строю, болѣе правильномъ, съ раздѣленіемъ на крыла и середину. Нападая на непріятеля, они сначала разбивали щиты его, ловко и сильно метая въ нихъ издали свои сѣкиры, а затѣмъ устремлялись на него съ мечами или копьями въ рукахъ и вступали съ нимъ въ рукопашный бой, въ которомъ необыкновенныя: тѣлесная сила, ловкость, проворство и особенно храбрость почти всегда доста̀вляли имъ скорую и легкую побѣду. Подобно римлянамъ въ прежнія времена, они располагались уже въ укрѣпленныхъ станахъ, по близости воды, затрудняя подступы къ стану засѣками, кольями, на половину вбитыми въ землю колесами и т. п. Осаду и оборону городовъ они производили почти также, какъ римляне: употребляли, хотя можетъ быть и съ меньшимъ искуствомъ, тѣ же работы и тѣ же орудія для разрушенія стѣнъ, метанія тяжестей и прикрытія работъ, равно зажигательныя стрѣлы для зажиганія деревянныхъ строеній и осадныхъ орудій и машинъ, а для предохраненія послѣднихъ отъ огня, покрывали ихъ сырыми шкурами и т. п. Такимъ образомъ, къ прежнему своему превосходству въ нравственномъ отношеніи они присоединили уже то, чего имъ не доставало прежде, т. е. лучшіе: вооруженіе, устройство и даже воинскій порядокъ. Этимъ превосходство ихъ надъ римлянами возвысилось на столько же, на сколько сами римляне упали противъ прежняго въ нравственномъ и отчасти въ тактическомъ отношеніяхъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о нѣкоторыхъ изъ герман-

скихъ племенъ, примѣчательнѣйшихъ какими-нибудь особенностями въ военномъ отношеніи или по участію въ войнахъ съ римлянами.

Изъ племенъ южной Германіи: 1) Квады (населяли часть нынѣшней Австріи, Моравію и восточную Богемію) принадлежали къ союзу Суэвовъ или Свевовъ, равно какъ 2) Маркоманны, многочисленный и сильный народъ, обитавшій между Рейномъ, Майномъ и среднимъ Дунаемъ, и 3) Алеманны, составлявшіе союзъ многихъ племенъ, обитавшіе отъ верховьевъ Дуная по Рейну до Майна и бывшіе чрезвычайно многочисленны. Квады, Маркоманны и Алеманны были дѣятельнѣйшими въ войнахъ противъ римлянъ, особливо въ великой маркоманнской войнѣ при Маркѣ Авреліѣ, а Аллеманны по смерти Проба совершенно разрушили рядъ крѣпостей римскихъ между Дунаемъ и Рейномъ и тѣмъ впервые открыли германцамъ входъ въ западную римскую имперію.

Изъ племенъ западной Германіи: 1) Тенктеры, весьма многочисленный и сильный народъ, принадлежавшій къ союзу Херусковъ, жили на правомъ берегу нижняго Рейна, издревле славились и отличались между всѣми германскими племенами искуствомъ въ наѣздничествѣ и отличною конницей; по словамъ Тацита, кони составляли главную, лучшую часть ихъ достоянія, а конныя упражненія—предметъ постоянныхъ занятій ихъ въ теченіи цѣлой жизни; 2) Бруктеры, весьма сильный и воинственный народъ, обитавшій на с. отъ р. Липпы, между р. р. Исселемъ и Везеромъ; какъ союзники Херусковъ, были главными участниками въ пораженіи легіоновъ Вара, а во времена Траяна были сами истреблены сосѣдями,— и 3) Хауки или Кауки—сильный народъ, жившій отъ р. Эмса, по берегу Нѣмецкаго моря до р. Эльбы, — были, по словамъ Тацита, благороднѣйшимъ изъ всѣхъ германскихъ народовъ, поддерживали свое величіе болѣе справедливостью, нежели силой, не производили разбоевъ и грабежей и не искали случаевъ къ войнѣ, но въ случаѣ надобности умѣли и сражаться храбро и искусно, и были одинаково сильны и пѣхотой, и конницей. Замѣтимъ, что эти похвалы Тацита имѣли причиной, можетъ быть, то, что хауки, во времена Августа, были врагами херусковъ и друзьями римлянъ.

Изъ племенъ внутренней Германіи: 1) Катты или Хатты (у Цезаря Суэвы) жили при р. Фульдѣ и до Майна и были однимъ изъ главныхъ, сильнѣйшихъ и воинственнѣйшихъ народовъ Германіи, между которыми отличались совершенствомъ въ военномъ дѣлѣ, необычайною храбростью и въ особенности правильнымъ военнымъ устройствомъ и строгими воинскими подчиненностью и порядкомъ, по этой причинѣ Каттовъ всѣ желали имѣть въ своей службѣ, и Катты, какъ наемники, служили всегда съ примѣрною вѣрностью; 2) Хе-

руски, во времена цвѣтущаго своего состоянія въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х., жили вокругъ горнаго хребта Гарца, были славны своими воинственностью и храбростью и особенно возстаніемъ противъ римлянъ подъ предводительствомъ вождя своего Германа или Арминія и пораженіемъ легіоновъ Вара въ Тевтобургскомъ лѣсу; 3) Марсы (Marsi), нѣкогда многочисленный и сильный народъ, во времена Друза обитали при раздѣленіи Рейна на рукава, но потомъ поселились на сѣверномъ берегу р. Липпы и по верховьямъ р. Эмса; они вмѣстѣ съ Бруктерами и Херусками участвовали въ пораженіи легіоновъ Вара; и 4) Сикамбры или Сигамбры, народъ многочисленный и сильный, обитали по Рейну отъ р. Сига (Sieg) на с. до р. Липпы, были нѣсколько разъ побѣждаемы Друзомъ, а въ V-мъ вѣкѣ составляли главную часть союза Франковъ.

Народовъ восточной Германіи римляне причисляли къ двумъ главнымъ племенамъ: Суэвамъ и Вандаламъ, изъ которыхъ первые обитали, кажется, къ З. а послѣдніе къ В. отъ Одера. Къ Суэвамъ принадлежали: Лонгобарды, Семноны и Марсигны, а къ Вандаламъ: Ругіи, Бургундіоны, Лигіи и Готоны, Гуттоны, Готы или Готѳы. Всѣ эти народы являются въ такъ называемомъ переселеніи народовъ, иные отдѣльно, а иные въ соединеніи съ другими. Всѣхъ замѣчательнѣе изъ нихъ Лонгобарды, союзъ Вандаловъ и Готѳы, изъ которыхъ послѣдніе въ III-мъ вѣкѣ раздѣлились на Западныхъ (Вестготовъ или Визиготовъ) и Восточныхъ (Остготовъ или Остроготовъ). Изъ отдѣльныхъ поколѣній Готѳскихъ замѣчательны Гепиды.

Наконецъ къ народамъ сѣверной Германіи принадлежали: 1) Кимвры, уже малочисленные и вскорѣ смѣшавшіеся съ Саксонами, и 2) Тевтоны, или нѣсколько племенъ подъ этимъ общимъ названіемъ, обитавшіе, кажется, на берегу Нѣмецкаго моря, между Эльбою и Одеромъ; 3) Англы, жившіе по обѣимъ сторонамъ нижней Эльбы, и 4) Саксоны, обитавшіе отъ устья Эльбы по берегу моря до р. Травы. Всѣ эти народы не приходили въ прямое столкновеніе съ римлянами.

§ 351.

Народы восточной Европы.

Народы, обитавшіе въ восточной Европѣ, т. е. къ В. отъ Вислы и Германіи и къ С. отъ нижняго Дуная, Чернаго и Азовскаго морей и Кавказа, и вмѣстѣ съ германцами болѣе или менѣе участвовавшіе въ войнахъ противъ римлянъ и въ разрушеніи западной Римской

имперіи, были весьма мало извѣстны грекамъ и римлянамъ, которые называли ихъ вообще Скиѳами и Сарматами, а по нимъ и страны, въ которыхъ они обитали—Скиѳіею и Сарматіею. Съ III-го вѣка по Р. Х. названіе сарматовъ римляне присвоивали преимущественно народамъ, обитавшимъ непосредственно возлѣ германцовъ, на пространствѣ отъ верхней Вислы и Днѣстра на В. до Танаиса (Дона), за исключеніемъ сѣверныхъ прибрежій Чернаго и Азовскаго морей, которыя, во времена переселенія народовъ, служили мѣстами временнаго жительства различнымъ народамъ, двигавшимся изъ Азіи въ Европу, съ востока на западъ. Различіе между сарматами и скиѳами съ одной стороны и германцами съ другой заключалось, по словамъ греческихъ и римскихъ писателей, въ томъ, что сарматы и скиѳы вели кочевую жизнь, имѣли другіе нравы и обычаи, говорили другимъ языкомъ, носили широкую одежду, сражались всегда на коняхъ, составляли отличную легкую конницу и были вооружены метательнымъ оружіемъ. Замѣчательнѣйшими изъ сарматскихъ племенъ, по участію въ войнахъ съ римлянами, были Аланы, Роксоланы и Языги. Въ сѣверо-западной части восточной Европы, отъ Вислы вдоль берега Балтійскаго моря, до р. Нѣмана, обитали Эстіи, Эстіэи или Эсты, и при нихъ, во внутренности земель, Фенны или Финны, а между эстами и феннами съ С. и сарматами съ Ю., отъ Вислы, при впаденіи въ нее Буга, до Нѣмана и отъ Нѣмана, вдоль берега Балтійскаго моря, до Наровы и Чудскаго озера—Венды или Венеды. Изъ нихъ эсты были народъ болѣе земледѣльческій, нежели воинственный, а фенны—племя чрезвычайно дикое, грубое и бѣдное. Оружіемъ первыхъ была палица, а вторые употребляли только луки и стрѣлы на охотѣ. О вендахъ же Тацитъ говоритъ, что они заимствовали у сарматовъ многіе ихъ обычаи и недостатки, подобно имъ вѣчно бродя по лѣсамъ и горамъ и занимаясь разбоями и грабежомъ, но что за всѣмъ тѣмъ вендовъ причисляютъ болѣе къ германцамъ, потому что они не кочуютъ, а живутъ въ постоянныхъ жилищахъ, носятъ щиты, сражаются пѣшими и славятся быстротою въ бѣгу, между тѣмъ какъ сарматы проводятъ жизнь на коняхъ. Новѣйшія изслѣдованія исторической критики не оставляютъ никакого сомнѣнія во 1-хъ въ томъ, что венды, сарматы и вообще бóльшая часть народовъ, обитавшихъ въ западной, средней и южной части восточной Европы въ первыхъ пяти вѣкахъ по Р. Х., были позднѣйшіе Славяне, явившіеся въ исторіи подъ этимъ именемъ съ VI-го вѣка по Р. Х., во 2-хъ въ томъ, что въ союзахъ германскихъ и азіятскихъ народовъ, какъ-то Готѳскомъ, Гуннсскомъ и другихъ, совершившихъ грозныя нашествія на римскую имперію, во множествѣ находились народы сарматскаго и скиѳскаго или славянскаго племени, и что народы эти имѣли,

наравнѣ съ германцами, наибольшее участіе въ разрушеніи западной римской имперіи, и въ 3-хъ—что черты отличія, которыя греческіе и римскіе писатели находили между всѣми вообще сарматами и скиѳами съ одной и германцами съ другой стороны, принадлежали, можетъ быть, только части сарматовъ и скиѳовъ, кочевавшей въ обширныхъ степныхъ пространствахъ нынѣшней южной Россіи, но что вообще сарматы и скиѳы, подобно всѣмъ тогдашнимъ дикимъ и полудикимъ народамъ Европы, въ главныхъ чертахъ общественнаго и военнаго устройства своего, вѣроятно мало отличались отъ германцовъ. Положительныхъ же свѣдѣній о военномъ устройствѣ и образѣ дѣйствій ихъ въ то время не имѣется.

§ 352.

Іудеи.

Іудеи занимаютъ не послѣднее мѣсто въ числѣ народовъ, съ которыми римляне въ этомъ періодѣ вели войны, какъ по важности войны своей съ ними въ 66—71 г.г. по Р. Х., такъ и по военному быту своему. Война эта, важная въ религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ, не менѣе замѣчательна и въ военномъ. Въ отношеніи же къ военному быту своему іудеи отличались отъ другихъ народовъ, упорно держась уставовъ и обычаевъ старины и отвергая всякое вліяніе греческое или римское. Поэтому военный бытъ ихъ въ главныхъ основаніяхъ своихъ представляетъ почти тѣ же черты, что̀ и въ древности, въ частности же — нѣкоторыя особенности, проистекавшія отъ времени и обстоятельствъ. Среди всеобщаго возстанія народнаго, возбужденнаго изувѣрствомъ и ненавистью къ римскому владычеству болѣе, нежели приверженностью къ вѣрѣ и любовью къ независимости, среди жестокихъ внутреннихъ раздоровъ, междуусобій и смутъ, іудеи не могли имѣть и не имѣли никакого правильнаго военнаго устройства. Все, что̀ было способно носить оружіе, вооружилось, какъ и чѣмъ могло, усилилось всемъ, что̀ было самаго презрѣннаго въ народѣ, бродягами, разбойниками, бѣглецами, переметчиками, сосѣдними иноплеменниками и проч., пристало къ различнымъ партіямъ, на которыя раздѣлился народъ, и отдѣльными шайками, подъ предводительствомъ изувѣровъ и извергов — з и л о т о в ъ (ревнителей), каковы были Іуда галилеянинъ, сынъ его Манаимъ, Елеазаръ и позже Іоаннъ Гискалъ, Симонъ и др., открыло дѣятельнѣйшую малую войну, жестоко грабя и разоряя край, истребляя все огнемъ и мечомъ и не щадя ни римлянъ, ни своихъ, ни пола, ни возраста, ни состоянія. Послѣ пораженія Цесція Галла, римскаго пра-

вителя Сиріи, и отступленія римлянъ изъ Палестины, зилоты, овладѣвъ всею страной, приступили къ болѣе правильнымъ: образованію и устройству народнаго возстанія. Народный совѣтъ назначилъ въ Іерусалимъ и различныя: области и города военныхъ начальниковъ и дѣятельно занялся устройствомъ и усиленіемъ войскъ и укрѣпленіемъ Іерусалима и городовъ. Успѣвъ въ послѣднемъ, онъ не могъ однако успѣть въ первомъ, при всеобщихъ неустройствѣ и безпорядкѣ и искони свойственномъ іудеямъ строптивомъ, непокорномъ и мятежномъ духѣ. Составленныя частію изъ конницы, а большею частію изъ пѣхоты, іудейскія войска, одушевляемыя изувѣрствомъ, являли отчаянную храбрость или, скорѣе, смѣлую, безразсудную, дерзкую отважность, но были весьма худо устроены, совершенно чужды воинскихъ подчиненности и порядка и, по самой природѣ своей, весьма мало способны къ военному дѣлу. Замѣчательное въ этомъ отношеніи исключеніе составляли войска въ Галилеѣ, управленіе которою ввѣрено было историку Іосифу Флавію, свидѣтелю и участнику войны іудеевъ съ римлянами и описавшему ее весьма подробно и съ несомнѣнными добросовѣстностью и истиною. Онъ укрѣпилъ большое число городовъ Галилеи, набралъ въ ней до 100 т. войскъ, изъ которыхъ половину назначилъ для дѣйствій въ полѣ, а другую — для содержанія стражи въ городахъ и мѣстечкахъ и для снабженія полевыхъ войскъ продовольствіемъ. Войскамъ вообще онъ далъ римское военное устройство, стараясь преимущественно ввести строгіе подчиненность и порядокъ и тщательныя военныя упражненія. Съ первою цѣлію онъ умножилъ число частныхъ отдѣленій и начальниковъ войскъ, а съ послѣднею—пріучалъ войска къ всякаго рода построеніямъ, необходимымъ въ бою для нападенія и обороны, по сигналамъ на трубахъ, къ чему присовокуплялъ словесныя увѣщанія для поощренія войскъ и отклоненія ихъ отъ свойственныхъ въ это время іудеямъ пороковъ: воровства, грабежа, разбойничества, насильства, обмановъ и проч.,—и самъ подавалъ личный примѣръ строгой жизни и умѣренности. Оборона городовъ Галилеи и особенно Іотапата доказала, что усилія Іосифа не остались тщетными: войска и жители Іотапата защищались чрезвычайно мужественно и храбро, а самъ Іосифъ истощилъ всѣ пособія искуства для противудѣйствія различнымъ способамъ атаки Веспасіяна, и городъ былъ взятъ въ 48-й день осады только посредствомъ хитрости (67).

Описаніе Іосифомъ осады Іерусалима три года спустя (70) заключаетъ въ себѣ любопытныя подробности объ укрѣпленіяхъ Іерусалима, войскахъ и жителяхъ, оборонявшихъ его, и о самой оборонѣ онаго. Упомянемъ вкратцѣ о главнѣйшихъ. Іерусалимъ, по мѣстному положенію и искуственному укрѣпленію своимъ, былъ однимъ изъ са-

мыхъ крѣпкихъ городовъ въ мірѣ. Онъ состоялъ изъ 4-хъ частей: Сіона, Акры, Храма и Везеѳы, расположенныхъ на 6-ти отдѣльныхъ холмахъ, которые отдѣлены были одни отъ другихъ глубокими лощинами. Сіонъ и Везеѳа господствовали надъ Храмомъ, а Храмъ—надъ Акрою. Укрѣпленія состояли изъ тройнаго ряда высокихъ и толстыхъ стѣнъ съ башнями, которыхъ было на наружной стѣнѣ 90, на внутренней—14 и на Сіонской—60, на разстояніи 200 локтей одна отъ другой и вышиною отъ 50 до 90 локтей. Храмъ Іерусалимскій былъ составленъ изъ соединенія многихъ зданій, окруженныхъ большими крытыми ходами или галлереями, служившими ему вмѣсто укрѣпленій. Стѣны и башни были вооружены большимъ числомъ метательныхъ орудій и военныхъ машинъ, которыя іудеи отчасти отняли у римлянъ при пораженіи Цесція Галла и отчасти сами построили во время осады, подъ руководствомъ римскихъ переметчиковъ. Сначала они были крайне невѣжественны и неискусны въ употребленіи ихъ, но съ ходомъ времени научились тому отъ тѣхъ же римскихъ переметчиковъ. Войскъ, городскихъ жителей и іудеевъ вообще, прибывшихъ изъ Палестины и чужихъ земель по случаю Пасхи, было въ Іерусалимѣ, по исчисленію Іосифа, всего до 3.000,000 чел. Въ томъ числѣ находилось множество хищныхъ зилотовъ, привыкшихъ къ разбоямъ и грабежу. Въ началѣ осады, въ городѣ господствовали двѣ враждебныя одна другой партіи: Іоанна Гискала, у котораго было 8,400 чел. войскъ въ Храмѣ, и Симона, который имѣлъ 10 т. іудейскихъ и 5 т. идумейскихъ войскъ въ Сіонѣ или верхнемъ городѣ. Эта горсть изступленныхъ изувѣровъ держала цѣлый городъ въ страхѣ и образовала воиновъ, отважныхъ и дерзкихъ до невѣроятія, которыхъ нелегко было побѣдить. Лучшими были войска Симона, отличавшіяся въ особенности покорностью ему, а потому и бо̀льшимъ порядкомъ. Подъ конецъ осады, когда жестокій голодъ крайне истощилъ и ослабилъ іудеевъ, они сражались однако слабѣе. Что касается самой обороны въ искуственномъ отношеніи, то, кромѣ успѣшныхъ: употребленія подкоповъ, для разрушенія римскихъ осадныхъ машинъ и работъ, веденія подземной войны и устроенія Іоанномъ Гискаломъ второй стѣны за проломомъ въ главномъ валѣ, главное или, лучше сказать, единственное преимущество на сторонѣ іудеевъ заключалось въ неимовѣрной, дерзкой отважности, съ которою они производили безпрестанныя вылазки, и въ одной изъ нихъ сожгли почти всѣ римскія осадныя машины и работы.

§ 353.

Персы

и другіе народы Азіи и Африки.

До 226 г. по Р. Х. римляне въ Азіи вели почти непрерывныя и жестокія войны съ пароянами. Военное устройство и военное дѣло у послѣднихъ уже были изображены въ § 214 XXXII главы III части Всеобщей Военной Исторіи древнихъ временъ. Въ 226 г. обширное царство пароянъ было разрушено персами и замѣнено персидскимъ, подъ властію царской династіи Сассанидовъ. Съ этого времени начинаются и нѣсколько вѣковъ продолжаются почти непрерывно жестокія войны нераздѣльной и потомъ восточной Римской имперіи съ персами. Военное устройство и военное дѣло у этихъ послѣднихъ представляютъ почти тѣже главныя черты, что и у древнихъ персовъ и отчасти у пароянъ. Главную силу и лучшую часть персидскихъ армій составляли царскіе тѣлохранители и дружины вельможъ и богатѣйшихъ землевладѣльцовъ персидскихъ, которые были обязаны военною службою въ соразмѣрности съ количествомъ владѣемой ими земли. Въ случаѣ войны они вооружали извѣстное число воиновъ и присоединялись съ ними къ войску. Богатое, знатное и гордое высшее сословіе персидское еще хранило обычаи старины и въ молодости получало военное воспитаніе, отчасти напоминавшее прежнее и состоявшее въ различныхъ тѣлесныхъ, военныхъ и конныхъ упражненіяхъ. Въ составъ персидскихъ армій входили сверхъ того войска подвластныхъ царей и народовъ. Арміями начальствовали сами цари, либо сыновья ихъ, къ которымъ, въ такомъ случаѣ, были назначаемы, для совѣта и содѣйствія, по одному опытнѣйшему и искуснѣйшему полководцу. Частное начальствованіе войсками было распредѣлено между лицами высшаго сословія персидскаго. Послѣднее служило и сражалось всегда на коняхъ, а потому главный и лучшій родъ войскъ составляла весьма хорошая конница, отчасти тяжелая (конные латники), большею же частію легкая, на статныхъ и быстрыхъ коняхъ, равно страшная и быстротою движеній, и силою удара. Она была вооружена весьма хорошо, разнообразно и богато. Пѣхота была гораздо хуже, хотя и многочисленнѣе, ибо состояла большею частію изъ народныхъ ополченій, наскоро набранныхъ, почти невооруженныхъ и побуждаемыхъ только надеждою на грабежъ и добычу.

Главнымъ родомъ оружія персовъ вообще было метательное: дротики, луки и стрѣлы, въ дѣйствіи которыми они славились большимъ искуствомъ. Они употребляли также военныя колесницы, вооруженныя косами, и слоновъ, вооруженныхъ башнями съ стрѣлками. По Лампридію, у Артаксеркса I въ 234 г., въ сраженіи въ срединѣ Персіи съ Александромъ Северомъ, было 120 т. чел. конницы, 1,000 военныхъ колесницъ съ косами и 700 слоновъ; въ числѣ убитыхъ, однихъ конныхъ латниковъ было 10 т. чел. (?). Строй и образъ дѣйствій были тѣже, что̀ и у древнихъ персовъ и у пароянъ. Среди роскоши и изнѣженности, чуждые воинскихъ добродѣтелей и порядка, персы полагали надежду свою болѣе на числительное превосходство силъ, нежели на храбрость и воинскіе подчиненность и порядокъ, и въ дѣйствіяхъ своихъ безпрестанно прибѣгали къ хитростямъ. Цари и вельможи персидскіе переносили въ военные станы всю роскошь своихъ дворцовъ. Многочисленнѣйшая прислуга, множество лошадей и верблюдовъ и огромные обозы замедляли военныя движенія и дѣйствія, и нерѣдко посреди успѣшнаго похода персидскія арміи страдали и даже гибли отъ голода. Въ заключеніе должно сказать, что персы, хотя и довольно часто осаждали города, но были невѣжественны въ поліорцетикѣ, равно какъ въ кастраметаціи и полевой фортификаціи, и непріятельскіе города брали большею частію приступомъ, либо внезапнымъ нападеніемъ, либо хитростью.

Другіе народы, съ которыми римляне въ этомъ и слѣдующемъ періодахъ вели войны, какъ-то: въ Европѣ — Бритты или Британцы и Каледоняне (въ нынѣшнихъ Англіи и Шотландіи), жители Мизіи, Ѳракіи и Дакіи, въ Азіи — жители Арменіи и Кавказа и въ Африкѣ — жители Эѳіопіи и странъ къ Ю. отъ Мавританіи и Нумидіи, занимали второстепенное мѣсто и отчасти уже были изображены, въ военномъ отношеніи, въ своихъ мѣстахъ прежде.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВАЯ.

КРАТКІЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ И СОСѢДНИХЪ СЪ НЕЮ СТРАНЪ ВЪ ЕВРОПѢ, АЗІИ И АФРИКѢ.

I. Римская имперія. — § 354. Владѣнія въ Европѣ. — § 355. Владѣнія въ Азіи. — § 356. Владѣнія въ Африкѣ.—II. Сосѣднія страны.—§ 357. Въ Европѣ. — § 358. Въ Азіи и Африкѣ.

I.

Римская имперія.

§ 354.

Владѣнія въ Европѣ.

Обыкновенными границами Римской имперіи отъ Августа до 476 г. по Р. Х. (хотя она иногда временно переступала за нихъ) были: въ Европѣ—Рейнъ и Дунай, въ Азіи—Евфратъ, въ Сиріи—песчаная пустыня и въ Африкѣ — также песчаныя пустыни. Такимъ образомъ Римская имперія заключала въ себѣ самыя лучшія страны Европы, Азіи и Африки вокругъ Средиземнаго моря и на берегахъ Атлантическаго океана.

Владѣніями ея въ Европѣ были:

I. Испанія (Hispania). Границы: Пиренеи, океанъ и Средиземное море. Главныя рѣки: Minius (Миньо), Durius (Дуро), Tagus (Таго),

Anas (Гуадіяна), Boetis (Гуадалквивиръ) и Iberus (Эбро). Горы (сверхъ Пиренеевъ): Idubeda вдоль р. Ибера, и Orospeda (Сіерра-Морена). Провинціи: 1) Лузитанія (Lusitania, н. Португаллія); границы: на С. Durius, на Ю. Anas. Главные народы: Lusitani, Turditani. Главный городъ: Augusta Emerita;—2) Бэтика (Boetica); границы: на С. и З. Anas, къ В. горы Orospeda; главные народы: Turduli и Bastuli; главные города: Corduba (Кордова), Hispalis (Севилья), Gades (Кадисъ), Munda;—3) Испанія Тарраконская (Tarraconensis) заключала въ себѣ всю остальную Испанію; главные народы: Callaeci, Astures, Cantabri, Vascones—на С.; Celtiberi, Carpetani, Ilergetes — внутри; Indigetes, Cosetani и пр. — на берегахъ Средиземнаго моря; главные города: Tarraco (Таррагонъ), Carthago nova (Картахена), Toletum (Толедо), Ilerda (Лерида), Saguntus и Numantia (разрушены). Къ Испаніи принадлежали острова Балеарскіе: Major (Маіорка) и Minor (Минорка).

II. Галлія Трансальпійская (Gallia Transalpina). Границы: съ С. и З.—океанъ, съ В.—Рейнъ и отъ истоковъ его до р. Варъ (Varus) включительно, съ Ю.—Пиренеи и Средиземное море. Главныя рѣки: Garumna (Гаронна), Liger (Луара), Sequana (Сена) и Scaldis (Шельда), текущія въ океанъ; Rhodanus (Рона), съ притокомъ Arar (Саона)—въ Средиземное море; Mosella (Мозель) и Mosa (Маасъ) — въ Рейнъ. Горы: Пиренеи, Юра, Вогезы (Vogesus), Севенны (Cebennae). Четыре провинціи: 1) Галлія Нарбонская (Gallia Narbonensis aut Braccata, т. е. широкоплатяная), ограниченная съ З. Пиренеями, съ В. р. Варъ и съ С. Севеннами. Главные народы: Allobroges, Volcae, Salyes. Главные города: Narbo (Нарбонъ), Tolosa (Тулуза), Nemausus (Нимъ), Massilia (Марсель), Vienna (Віеннъ). — 2) Галлія Лугдунская или Кельтійская (Gallia Lugdunensis aut Celtica). Границы: къ Ю. и З.—Луара, къ С.—Сена, къ В.—Саона. Главные народы: Aedui, Lingones, Parisii, Cenomani—всѣ кельтійскаго племени. Главные города: Lugdunum (Ліонъ), Lutetia Parisiorum (Парижъ), Alesia (Ализъ).—3) Галлія Аквитанская (Gallia Aquitanica). Границы: къ С. и В. — Луара, къ Ю.—Пиренеи, къ З. — океанъ. Главные народы: Aquitani (испанскаго племени), Pictones, Arverni и другіе—кельтійскаго племени. Главные города: Climberris, Burdigalla (Бордо).—4) Галлія Бельгійская (Gallia Belgica). Границы: къ С. и В.—Рейнъ, къ Ю.—Рона до Ліона, къ З.—Саона, такъ что она сначала обнимала страны, сосѣдственныя съ Рейномъ и Гельвеціей; однако эти страны въ послѣдствіи были отдѣлены отъ нея подъ названіемъ Нижней и Верхней Германіи (Germania Inferior et Superior). Главные народы на С. — бельгійскіе: Nervii, Bellovaci и др., и германскіе: Treviri Ubii и др.; внутри—кельтійскіе: Sequani, Helvetii

и др. Главные города: Vesontio (Безансонъ), Verodunum (Вердёнь) и др.; вдоль Рейна, въ Нижней Германіи: Colonia Agrippina (Кёльнъ), въ Верхней Германіи: Moguntium (Майнцъ), Argentoratum (Страсбургъ) и др.

III. Галлія Цизальпинская или Тогатная (Gallia Cisalpina aut Togata, т. е. носившая тогу, н. Ломбардія и Піемонтъ). Такъ какъ жители ея уже со временъ Юлія Цезаря вполнѣ пользовались правами римскихъ гражданъ, то ее и считали въ составѣ Италіи.

IV. Сицилія, раздѣленная на 2 провинціи: Сиракузскую и Лилибейскую.

V. Острова Сардинія и Корсика.

VI. Британскіе острова, изъ которыхъ только нынѣшнія: Англія и часть южной Шотландіи были, со временъ Нерона, обращены въ римскую провинцію подъ названіемъ Римской Британніи (Britannia romana). Главныя рѣки: Tamesis (Темза) и Sabrina (Саверна). Главные города: Eboracum (Іоркъ) на С. и Londinum (Лондонъ) на Ю.—Что касается Шотландіи (Britannia barbara aut Caledonia), то хотя римляне часто проникали въ нее, но никогда не могли вполнѣ покорить ее. Въ Ирландію же (Hibernia) проникали только римскіе купцы, а легіоны никогда не ступали въ нее.

VII. Страны къ Ю. отъ Дуная, покоренныя Августомъ и обращенныя въ римскія провинціи, были: 1) Винделиція (Vindelicia); границы: къ С.—Дунай, къ В.—рѣка Aenus (Иннъ), къ Ю.—Рэтія, къ З.—Гельвеція. Главные народы: Vindelicii, Brigantii и др. Главные города: Augusta Vindelicorum (Аугсбургъ) и Brigantium (Брегенцъ). 2) Рэтія (Rhaetia); границы: къ С.—Винделиція, къ В.—р. р. Иннъ и Зальца, къ Ю.—Альпы отъ Лаго-Маджоре (Lacus Verbanus) до Беллинцоны, къ З.—Гельвеція. Главный народъ — Rhaeti. Главные города: Curia (Coire, Куръ), Veldidena (Wilten, Вильтенъ) и Tridentum (Тріентъ). 3) Норикъ (Noricum): къ С.—Дунай, къ В.—горы Cetius (Cahlenberg), къ Ю.—Юлійскія Альпы и р. Сава (Savus), къ З.—р. Иннъ. Главный народъ—Boii. Города: Juvavium (Зальцбургъ) и Boiodurum (Пассау). 4) Верхняя Паннонія (Pannonia superior): къ С. и В.—Дунай, къ Ю.—р. Раабъ (Arabo), къ З.—горы Cetius (Каленбергъ). Города: Vindobona (Вѣна) и Carnutum. 5) Нижняя Паннонія (Pannonia inferior): къ С.—р. Раабъ, къ В.—Дунай, къ Ю.—р. Сава. Города: Taurinum (Бѣлградъ), Mursa (Eszek, Эссекъ) и Sirmium. 6) Верхняя Мизія (Moesia superior): къ С.—Дунай, къ В.—рѣка Искія (Ischia, Cebrus), къ Ю.—горы Скодрскія (Scardus aut Scodrus), къ З.—Паннонія. Города: Singidunum (Землинъ) и Naisus (Нисса). 7) Нижняя Мизія (Moesia inferior): къ С.—Дунай, къ В.—Черное море (Pontus Euxinus), къ Ю.—Балканы (mons Haemus),

къ З.—mons Cebrus (нынѣ горы турецкой Герцеговины и Динарскія Альпы). Города: Odessus и Tomi.

VIII. Иллирикъ (Illiricum) или Иллирія. Подъ этимъ названіемъ вообще разумѣли всѣ страны къ Ю. отъ средняго Дуная, начиная отъ Рэтіи, съ включеніемъ нынѣшней Далмаціи. Но Иллирія въ собственномъ или тѣсномъ смыслѣ заключала въ себѣ только земли вдоль Адріатическаго моря отъ Истріи (Istria) въ Италіи до рѣки Дрина (Drinus) и къ В до р. Савы (Savus). Города: Salona, Epidaurus (недалеко отъ нын. Рагузы) и Scodra (Скутари).

IX. Македонія (Macedonia): къ С.—Скодрскія горы, къ В.—Эгейское море, къ Ю.—горы Камбунійскія (mons Cambunicus), къ З.—Адріатическое море. Рѣки: Nestus, Strymon, Haliacmon, впадающія въ Эгейское море, и Apsus и Aous—въ Адріатическое. Главные народы: на С. Paeones, на Ю. Pierii и Mygdones. Главные города: Pidna, Pella, Thessalonica (Солунь), Philippi и многія греческія колоніи, а на западномъ берегу Dyrrachium (Дураццо) и Apollonia.

X. Ѳракія (Thracia), сначала имѣла своихъ царей, подвластныхъ Риму, но при императорѣ Клавдіѣ была обращена въ римскую провинцію. Границы: къ С. — Балканы, къ В. и Ю. — море, къ З. рѣка Nestus. Рѣка — Nebrus. Главные народы: Triballi, Bessi и Odrysae. Города: Byzantium (Византія), Apollonia и Berrhaea.

XI. Ахаія (Achaia) или Греція.

XII. Дакія (Dacia) — страна Даковъ (Daces), обращенная Траяномъ въ римскую провинцію (нынѣ Румынія). Границы: къ С.—Карпаты (Carpates aut Carpati), къ В. — рѣка Hierassus (Прутъ), къ Ю.—Дунай, къ З.—рѣка Tibiscus (Тисса или Тейса). Города: Ulpia Trajana и Tibiscum.

§ 355.

Владѣнія въ Азіи.

I. Передняя, Нижняя или Малая Азія. Провинціи: 1) Азія, 2) Виѳинія съ Паѳлагоніей и частію Понта и 3) Киликія съ Писидіей.

II. Сирія съ Финикіей.

III. Островъ Кипръ.

IV. Области, въ началѣ имперіи имѣвшія еще своихъ царей, хотя и подвластныхъ Риму, но съ ходомъ времени обращенныя въ римскія провинціи: 1) Іудея — съ 44 г. по Р. Х.; 2) Коммагена — съ 79 г. и вмѣстѣ съ Іудеей присоединена къ Сиріи; 3) Каппадокія—съ 17 г. и 4) Понтъ—со времени Нерона.

V. Области, въ началѣ имперіи еще независимыя, но потомъ обращенныя въ римскія провинціи: 1) острова Родосъ и Самосъ — съ 70 г. и 2) Ликія—съ 43 г.

Арменія и Месопотамія по ту сторону Евфрата были обращены Траяномъ въ римскія провинціи, но вскорѣ послѣ того покинуты Адріаномъ, дабы отвесть границу снова за Евфратъ, т. е. на правый берегъ его.

§ 356.

Владѣнія въ Африкѣ.

Римскія провинціи: I. Египетъ, II. Киренаика съ островомъ Критомъ, III. Собственно Африка, IV. Нумидія и V. Мавританія, до 42 г. имѣвшая своего царя, но въ этомъ году обращенная въ двѣ римскія провинціи: 1) Мавританію Цезарейскую (Mauritania Caesarensis), между р. Ампсагомъ (Ampsagus) на В. и р. Мулуккой (Mulucka) на З.,—и 2) Мавританію Тингитанскую (Mauritania Tingitana), отъ р. Мулукки на западъ до океана. Главный городъ—Тингисъ (Tingis).

II.

Сосѣднія страны.

§ 357.

Въ Европѣ.

1) Германія. Границы: къ С.—море (Сѣверное или Нѣмецкое), къ В. — неопредѣленныя, хотя римляне вообще простирали ихъ до Вислы, къ Ю.—Дунай, къ З.—Рейнъ. Главныя рѣки: Дунай, Рейнъ, Albis (Эльба), Visurgis (Везеръ), Viadrus (Одеръ) и Vistula (Висла) сверхъ того римляне часто упоминали р. р. Lippia (Липпа) и Amisia (Эмсъ). Горы и лѣса: Герцинійскій лѣсъ (Hercyniensis), обнимавшій всѣ горы, покрытыя лѣсами, въ восточной Германіи (Рудныя, Исполинскія, Силезскія и пр.), Melibocus (Гарцъ), Судеты (Турингскій лѣсъ), Тевтобургскій лѣсъ (къ Ю. отъ Вестфаліи). Въ древней Германіи, во времена римской имперіи (до 476 года), не было политическаго раздѣленія, а можно только указывать

мѣста жительства главныхъ племенъ (они были означены выше). Но слѣдуетъ замѣтить, что эти племена часто, особенно съ II вѣка, были принуждены мѣнять мѣста своего жительства, и что названія, которыя римляне давали нѣкоторымъ главнымъ народамъ Германіи, часто означали союзы многихъ большихъ и малыхъ племенъ. Главными народами на сѣверѣ Германіи во времена Августа были: Батавы (Batavi) въ нын. Голландіи, Фризы (Frisii) въ н. Фрисландѣ, Бруктеры (Bructeri) въ н. Вестфаліи, Хауки или Кауки (Chauci majores et minores) въ земляхъ Бременскихъ и Ольденбургскихъ, Херуски (Cheruşci), союзъ многихъ племенъ, въ н. Браунштейгѣ, и Катты (Catti) въ н. Гессенѣ. На югѣ же Германіи были Германдуры (Hermandũri) въ н. Франконіи, Маркоманны (Marcomanni) въ н. Богеміи и Алеманны (Alemanni), также союзъ нѣсколькихъ племенъ, появившіеся только въ III вѣкѣ. Во времена Августа всѣ эти народы Германіи, особенно восточной, которую римляне начинали понемногу узнавать, носили у нихъ одно общее названіе Суэвовъ (Suevi).

Сѣверныя страны Европы римляне почитали островами въ германскомъ океанѣ и потому принадлежавшими къ Германіи. Таковы были Скандинавія или Скандія (Scandinavia, Scandia)—н. южная Швеція, Неригонъ (Nerigon)—н. Норвегія, и Эннигія или, можетъ быть, Финнигія (Eningia, Finingia)—н. Финляндія. Самый сѣверный же островъ они называли Туле (Thule).

Восточную Европу отъ Вислы на востокъ до р. Танаиса (Tanais), н. Донъ, римляне называли вообще Сарматіей (Sarmatia). Но кромѣ странъ, сосѣднихъ съ Дунаемъ, именно Дакіи и др., они знали до извѣстной степени также берега Балтійскаго моря, по причинѣ производившихся на нихъ добыванія янтаря и торговли имъ.

§ 358.

Въ Азіи и Африкѣ.

Въ Азіи Римская имперія граничила съ Великою Арменіей, царствомъ Пареянскимъ (съ 226 г. — Персидскимъ), простиравшимся отъ Евфрата до Инда, и съ Аравійскимъ полуостровомъ.

Восточная Азія или Индія была извѣстна римлянамъ по торговымъ сношеніямъ, которыя они содержали съ нею со времени завоеванія Египта. Они раздѣляли ее: I) на Индію по сю сторону Ганга (Jndia intra Gangem), т. е. 1) страны между Индомъ и Гангомъ, 2) полуостровъ съ той же стороны, преимущественно запад-

ный берегъ его (Малабарскій), довольно хорошо извѣстный, — и II) на Индію за Гангомъ (India extra Gangem), къ которой принадлежала Серика (Serica), самая отдаленная изъ извѣстныхъ странъ. Но вообще всѣ эти страны были очень мало извѣстны римлянамъ.

Наконецъ въ Африкѣ Римская имперія граничила съ Эѳіопіей къ югу отъ Египта и съ Гетуліей и Ливійскою большою песчаною пустыней къ югу отъ другихъ западныхъ римскихъ провинцій въ Африкѣ.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ ВТОРАЯ.

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ВОЙНЪ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ ВЪ ЭТОМЪ ПЕРІОДѢ.

§ 359. При Августѣ (30 г. до Р. Х. — 14 г. по Р. Х.). — § 360. Отъ Августа до Нервы (14 — 96 г.г.). — § 361. Отъ Нервы до Коммода (96 — 180 г.г.). — § 362. Отъ Коммода до Діоклитіяна (180 — 284 г.г.).

§ 359.

При Августѣ (30 г. до Р. Х. — 14 г. по Р. Х.).

Войны, веденныя Августомъ въ теченіи 44-хъ-лѣтняго, продолжительнаго и мирнаго, блистательнаго и счастливаго для имперіи царствованія его, большею частію имѣли побудительною причиной и цѣлію обезпеченіе спокойствія государства внутри и безопасности его извнѣ, а результатами — чрезвычайно важное расширеніе предѣловъ его. Такъ для первой цѣли весьма полезно было совершенное покореніе сѣверной Испаніи и западной Галліи (25 г. до Р. Х.), а для второй — предположенный, хотя и не исполненный, походъ противъ пароянъ (20 г. до Р. Х.) и дѣйствительно совершенный—въ Арменіи (2 г. по Р. Х.). Но важнѣйшимъ было завоеваніе странъ къ Ю. отъ Дуная: Рэтіи, Винделиціи и Норика, въ соединеніи съ Паннонісй, уже покоренной, и съ Мизіей (до 15 г. передъ Р. Х.). Но походъ въ Счастливую Аравію (29 г. до Р. Х.) имѣлъ полную неудачу, а походъ въ Эѳіопію (24 г. до Р. Х.) имѣлъ только тотъ результатъ, что прикрылъ съ этой стороны границы имперіи.

Но всѣ эти завоеванія, взятыя вмѣстѣ, не стоили Риму стольких

пожертвованій и потерь, сколько попытка покорить Германію, произведенная сначала двумя пасынками Августа, Друзомъ и Тиберіемъ Нерономъ, а потомъ сыномъ перваго, Германикомъ, и имѣвшая полную неудачу. Нельзя рѣшить, было-ли это дѣйствительно политическою ошибкой, потому что невозможно опредѣлить съ достовѣрностью, до какой степени это предпріятіе было нужно для обезпеченія границъ имперіи *).

Со временъ Цезаря, нѣкоторыя германскія племена (убіи, вангіоны, трибоки, неметы и др.) перешли на лѣвый берегъ Рейна, покорились римлянамъ и поселились преимущественно на верхнемъ Рейнѣ. Съ тѣхъ поръ римляне называли этотъ берегъ Рейна, отъ Гельвеціи до Castra vetera (нынѣ Ксантенъ), 1-ю и 2-ю Германіей (Germania prima et secunda). Съ зарейнскими же германцами они вступали въ торговыя сношенія, строили на лѣвомъ берегу укрѣпленія, но переходить черезъ Рейнъ не отваживались или, лучше сказать, уклонялись отъ войны съ германцами. Это ободрило послѣднихъ, внушило имъ мысль самимъ перейти черезъ Рейнъ, и въ 16 г. до Р. Х. значительное число ихъ вторглось въ Галлію. Начальствовавшій войсками въ ней Лоллій хотѣлъ отрѣзать германцамъ, обремененнымъ добычей, отступленіе за Рейнъ, но былъ разбитъ ими и потерялъ одного орла. Тогда Августъ призналъ необходимымъ занятіе Германіи на правомъ берегу Рейна, для обезпеченія Галліи, и поручилъ это Друзу, который, съ братомъ своимъ Тиберіемъ, покорилъ передъ этимъ народы, жившіе къ Ю. отъ Дуная, и по опыту зналъ образъ веденія войны германцами. Результатомъ походовъ его отъ 13 г. до 9 г. передъ Р. Х. въ Нижней Германіи (Вестфаліи, Нижней Саксоніи и Гессенѣ) было то, что римляне проникли съ сухаго пути и съ моря до самой Эльбы и пріобрѣли твердые пункты на правомъ берегу Рейна. Въ 9 г. до Р. Х. Друзъ умеръ, проложивъ путь для будущаго завоеванія Германіи, и этимъ путемъ продолжали слѣдовать преемники Друза въ начальствованіи римскими войсками въ Германіи, отъ 9 г. передъ Р. Х. до 4 г. по Р. Х. (всего 13 лѣтъ), Тиберій, Домицій Агенобарбъ, Виниціи и снова Тиберій. Слѣдуя древней политикѣ Рима, они являлись союзниками однихъ, слабѣйшихъ племенъ, противъ другихъ, сильнѣйшихъ, и мало по малу превращали союзы свои, заключаемые съ германцами, жившими между Рейномъ и Везеромъ, въ настоящее господство надъ ними. Они старались пріучить ихъ къ римскимъ законамъ, нравамъ, обычаямъ, потребностямъ, роскоши и образованности, воспитывали въ Римѣ молодыхъ людей знатнѣйшихъ родовъ, доставляли имъ по-

*) Heeren.

четныя званія начальниковъ въ римскихъ войскахъ и т. п. Въ такомъ положеніи, въ 4 г. по Р. Х. начальникомъ римскихъ войскъ въ Германіи былъ назначенъ Квинтилій Варъ. Долгое время передъ этимъ пробывъ на востокѣ и привыкнувъ тамъ къ рабской покорности подданныхъ, онъ безразсудно сталъ такимъ же образомъ обращаться и съ германцами и этимъ раскрылъ имъ глаза касательно дѣйствительныхъ намѣреній римлянъ. Съ этого времени знатнѣйшіе роды германцовъ рѣшились освободиться отъ нихъ. Этому особенно содѣйствовалъ молодой и знатный херускъ Германъ или Арминій, сынъ Зигмара и зять Сегеста, союзника римлянъ. Хотя онъ получилъ образованіе въ римской военной службѣ, но сохранилъ живѣйшее чувство любви къ независимости германцовъ. Однако исполнить замыслы Германа и его единомышленниковъ было нелегко, потому что у Вара было сильное войско и нѣкоторые знатные германскіе роды были въ союзѣ съ нимъ. Въ такомъ положеніи Германъ прибѣгнулъ къ хитрости — заманивъ Вара съ его войскомъ, въ 9 г. по Р. Х., въ обширный, дремучій и непроходимый Тевтобургскій лѣсъ (близъ нын. гор. Детмольда). Здѣсь, когда римскіе легіоны Вара не могли двинуться ни впередъ, ни назадъ, а проливной дождь не позволялъ имъ производить никакихъ передвиженій и перестроеній, германскія вспомогательныя войска, состоявшія при нихъ, перешли къ своимъ соотечественникамъ — и тогда всѣ германцы стремительно и сильно напали на римлянъ разомъ со всѣхъ сторонъ и не прекращали жестокаго боя съ ними до тѣхъ поръ, пока все войско Вара не было частію истреблено, частію взято въ плѣнъ. Варъ съ отчаянія умертвилъ себя собственнымъ мечомъ. Слѣдствіемъ этого жестокаго и рѣшительнаго удара, нанесеннаго германцами римлянамъ, было взятіе и разрушеніе первыми укрѣпленій, построенныхъ послѣдними на правомъ берегу Рейна, уничтоженіе разомъ всѣхъ плодовъ 22-хъ-лѣтнихъ усилій римлянъ къ покоренію Германіи и убѣжденіе германцовъ, что римскіе легіоны не были непобѣдимы. Вѣсть о пораженіи и гибели Вара и его войска повергли Римъ въ ужасъ, а Августа въ такую горесть, что онъ восклицалъ: «Варъ, отдай мнѣ мои легіоны!» (Quintili Vare, legiones redde! Sueton). Съ трудомъ успѣли наскоро собрать войско, съ которымъ Тиберій, вмѣстѣ съ Германикомъ, отправился къ Рейну и хотя успѣлъ снова явиться на правомъ берегу его, однако болѣе для того, чтобы развѣдать о положеніи дѣлъ на немъ, нежели для возвращенія прежнихъ укрѣпленныхъ пунктовъ. Съ этого времени все ограничилось только неважными сшибками на немъ между римлянами и германцами, доколѣ Германикъ въ 14 — 15 г.г. по Р. Х. не

успѣлъ проникнуть до Везера и даже одержать приИдиставизѣ (Минденѣ) побѣду надъ германцами. Но при возвращеніи оттуда моремъ, онъ потерялъ отъ бури флотъ свой и часть арміи своей на немъ. А между тѣмъ Тиберій убѣдился, что лучшею политикою для Рима въ этихъ обстоятельствахъ было предоставить германцовъ постояннымъ несогласіямъ и междуусобіямъ своимъ, не упуская случаевъ раздѣлять ихъ, чтобы господствовать надъ ними. А когда, по смерти Августа, онъ принялъ послѣ него правленіе, то вскорѣ (17 г.) отозвалъ Германика, частію потому, что, по своей подозрительности, опасался оставлять Германику большую силу, большею же частію потому, что благоразумно хотѣлъ уклониться отъ дальнѣйшей войны съ германцами, уже стоившей столько людей и денегъ, но не доставившей ни малѣйшей пользы. Такого рода политика его вскорѣ оправдалась: Германъ, ставъ вождемъ большаго и сильнаго союза германцовъ противъ римлянъ, вступилъ въ войну съ другимъ германскимъ вождемъ Марбодомъ, соединившимъ подъ своимъ предводительствомъ придунайскихъ германцовъ, побѣдилъ его, загналъ въ римскія владѣнія и вознамѣрился достигнуть царской власти. Но это произвело, въ 21 г., возстаніе противъ него, и въ войнѣ съ своими противниками онъ былъ убитъ.

Такимъ образомъ съ этого времени германцы уже не были тревожимы римлянами въ Германіи, но вскорѣ сами начали нападать на нихъ въ собственныхъ предѣлахъ ихъ.

§ 360.

Отъ Августа до Нервы (14—96 г.г.).

Царствованіе Тиберія (14—37 г.г.) было довольно спокойное, хотя бунты паннонскихъ и особенно рейнскихъ легіоновъ, усмиренные только уступками, уже показали, что легіоны сознавали въ себѣ силу и власть возводить на престолъ императоровъ. Но главнымъ предметомъ зависти и ненависти Тиберія былъ Германикъ, пользовавшійся необыкновенною любовью войска и народа. Поэтому Тиберій отозвалъ его (17 г.) изъ Германіи и послалъ на востокъ, для прекращенія возникшихъ тамъ безпорядковъ. Германикъ счастливо усмирилъ ихъ и совершилъ удачные походы, результатомъ которыхъ было назначеніе имъ царя въ Арменію и обращеніе Каппадокіи и Коммагены въ римскія провинціи (18 г.), но въ 19 г., по повелѣнію Тиберія, былъ отравленъ, а вдова его, Агриппина, и дѣти его были подвергнуты преслѣдованіямъ и гибели. Вслѣдъ затѣмъ, въ

23 г., недовѣрчивый и подозрительный Тиберій, дабы имѣть твердую опору и защиту своей власти, соединилъ всѣ преторіянскія когорты (учрежденныя Августомъ и, за исключеніемъ 3 когортъ въ Римѣ, расположенныя по окрестнымъ городамъ) въ укрѣпленномъ лагерѣ передъ Виминальскими воротами Рима, подъ начальствомъ префекта ихъ, Элія Сеяна. Вскорѣ преторіянцы, не видя передъ собою внѣшнихъ враговъ, живя у воротъ Рима въ довольствѣ и роскоши, обнаружили вліяніе на государственныя дѣла, а префектъ ихъ сталъ первымъ лицомъ послѣ императора.

4-хъ-лѣтнее правленіе племянника и преемника Тиберія, полуумнаго и жестокаго Каія Калигулы (37—41 г.г.), было исполнено всякаго рода ужасовъ и злодѣяній въ Римѣ и имперіи, но не ознаменовалось никакими особенными военными дѣйствіями.

Дядя и преемникъ Калигулы, убитаго преторіянцами (41 г.), 50-лѣтній Клавдій, преторіянцами же провозглашенный императоромъ, даровалъ за то имъ и всему войску денежную награду подъ названіемъ donativum, что́ для послѣдующихъ императоровъ сдѣлалось уже обязательнымъ. 13-лѣтнее правленіе его (41—54 г.г.), исполненное также ужасовъ и злодѣяній внутри государства, извнѣ было не безъ славы для римскаго оружія и не безъ пользы для имперіи. Съ германцами и пареянами происходили только неважныя сшибки за границы, но предѣлы имперіи были еще расширены новыми пріобрѣтеніями. Мавританія въ 42 г., Ликія въ 43 г., Іудея въ 44 г. и Ѳракія въ 47 г. были обращены въ римскія провинціи. На востокѣ римскіе легіоны утвердили свой прежній перевѣсъ, и пареяне и армяне были принуждены допустить въ своихъ внутреннихъ раздорахъ посредничество Рима. Въ 43 г. Плавтій началъ покореніе Британніи (куда отправился и самъ Клавдій), а Осторій Скапула счастливо и съ успѣхомъ продолжалъ его.

Въ правленіе преемника Клавдія, Нерона (54—68 г.г.), послѣдняго императора изъ дома Цезарей, продолжалась война въ Британніи, бо̀льшая часть которой была покорена Суэтоніемъ Паулиномъ и обращена въ римскую провинцію. Въ Арменіи храбрый Корбулонъ счастливо велъ войну съ пареянами, а съ 66 г. столь же удачно была ведена война въ Іудеѣ. Но безумства, злодѣйства и нестерпимая тираннія Нерона распространили наконецъ неудовольствіе между высшими и низшими начальниками войскъ въ разныхъ частяхъ государства, а отъ нихъ оно перешло и въ находившіяся подъ ихъ начальствомъ войска. Сульпицій Гальба, одинъ изъ отличнѣйшихъ легатовъ этого времени, управлявшій Испаніей, но находившійся уже въ преклонныхъ лѣтахъ, узнавъ, что Неронъ осудилъ его на смерть, и видя, что это возбудило въ его войскахъ негодованіе,

отказалъ Нерону въ повиновеніи. Въ тоже время Юлій Виндексъ, родомъ изъ Аквитаніи, возбудилъ бунтъ въ Галліи и обратился къ Гальбѣ; къ нему присоединился также правитель Лузитаніи Отонъ, и 3 апрѣля 68 г. Гальба объявилъ себя легатомъ сената и народа. Хотя Виндексъ былъ разбитъ и убитъ рейнскими легіонами, но преторіянцы въ Римѣ большими обѣщаніями заговорщиковъ были склонены къ отпаденію отъ Нерона, а тогда и сенатъ осмѣлился объявить послѣдняго врагомъ отечества и призналъ императоромъ избраннаго испанскими легіонами Гальбу. Неронъ спасся отъ мести сената и народа самоубійствомъ (11 іюля 68 г.) и съ нимъ пресѣкся домъ Цезаревъ — и началось возведеніе на престолъ императоровъ войсками! И съ этого времени, въ продолженіи не болѣе полутора года, три императора: Гальба, Отонъ и Вителлій были войсками провозглашены императорами и низложены. Гальба навлекъ на себя ненависть преторіянцовъ и рейнскихъ легіоновъ и низвергнутъ Отономъ помощью первыхъ изъ нихъ. Но въ тоже время рейнскіе легіоны провозгласили императоромъ своего полководца Вителлія и весною 69 г. двинулись черезъ Альпы въ Италію, а имъ на встрѣчу — Отонъ съ своими войсками. 13 апрѣля 69 г. онъ былъ разбитъ въ сраженіи при Бедріакѣ, близъ Кремоны, и самъ лишилъ себя жизни. Но едва Вителлій прибылъ въ Римъ, какъ вскорѣ узналъ, что восточные легіоны провозгласили императоромъ своего полководца Веспасіяна. Легіоны мизійскіе, паннонскіе и иллирійскіе, подъ предводительствомъ Антонія Прима, двинулись въ Италію. Здѣсь Вителліевы рейнскіе легіоны, изнѣженные климатомъ Италіи и жизнію въ Римѣ, ни въ одномъ сраженіи съ легіонами Прима не оказали надлежащей твердости и наконецъ были совершенно разбиты при Кремонѣ. Примъ двинулся къ Риму, ворвался въ него и истребилъ въ немъ Вителліевы войска, причемъ и самъ Вителлій былъ умерщвленъ (30 декабря 69 г.).

Съ Флавіемъ Веспасіяномъ (59-ти лѣтъ) на римскомъ престолѣ воцарился новый родъ, давшій Риму, одного за другимъ, трехъ императоровъ. Истощенная безпрестанными, со времени смерти Августа (14—69 г.г.), междуусобіями, переворотами и расточительствомъ правителей, римская имперія обрѣла наконецъ въ Веспасіянѣ (69—79 г.г.) и старшемъ сынѣ его, Титѣ (79—81 г.г.), такихъ императоровъ, которые именно были необходимы ей въ это время, чтобы загладить всѣ бѣдствія, претерпѣнныя ею въ предшествовавшія 55 лѣтъ. Оба они, мудрымъ правленіемъ своимъ, употребили всѣ усилія для возвращенія государству порядка, спокойствія и благосостоянія и вмѣстѣ съ тѣмъ ознаменовали себя счастливыми, славными и

полезными для него внѣшними войнами, особенно въ Іудеѣ и въ Батавіи.

Веспасіянъ возстановилъ совершенно разстроенные финансы государства, между прочимъ, обращеніемъ снова въ римскія провинціи Родоса, Самоса, Ликіи, Ахаіи (Греціи), Ѳракіи, Киликіи и Коммагены, которыя безумный Неронъ освободилъ отъ подданства Риму. Но въ военномъ отношеніи онъ особенно прославилъ себя счастливыми и удачными: покореніемъ Іерусалима, Іудеи и подавленіемъ сильнаго и грознаго возстанія батавовъ.

Іудейская война началась еще при Неронѣ, въ 65—66 г.г., явнымъ возстаніемъ іудеевъ противъ римлянъ. Зилоты, стоявшіе въ главѣ возстанія, овладѣли Іерусалимомъ, разбили римскаго правителя Сиріи, Сесція Галла, заставили римскія войска очистить Іудею, завладѣли всею этою страною, устроили возстаніе правильнымъ образомъ и сильно укрѣпили Іерусалимъ и всѣ другіе города. Веспасіянъ, заступившій мѣсто Сесція Галла, предпринялъ войну съ іудеями не прежде, какъ собравъ 60-тысячную армію и приготовивъ ее надлежащимъ образомъ къ войнѣ, столько же трудной, сколько и важной. Весною 67 г. онъ открылъ ее вступленіемъ въ Галилею, отлично защищаемую историкомъ Іосифомъ Флавіемъ, почему покореніе оной заняло Веспасіяна цѣлый годъ. По прошествіи его, Галилея была опустошена, жители ея погибли въ битвахъ или проданы въ рабство, но Іосифъ спасъ свою жизнь и свободу и позже находился при арміи Веспасіяна и Тита. Въ 68 г. Веспасіянъ вступилъ въ Іудею только по овладѣніи всѣми укрѣпленными пунктами на пути къ Іерусалиму. Приблизясь къ послѣднему, онъ убѣдился, что не овладѣетъ имъ, не разрушивъ прежде всѣхъ укрѣпленныхъ пунктовъ въ окрестностяхъ его. Но въ то самое время, когда онъ занимался исполненіемъ этого плана, пришла вѣсть о низверженіи Нерона и провозглашеніи Гальбы, почему въ военныхъ дѣйствіяхъ и произошла остановка до тѣхъ поръ, пока Веспасіянъ самъ не былъ превозглашенъ императоромъ. Во время этой остановки, между возставшими іудеями произошли такія несогласія, что въ самомъ Іерусалимѣ начались жестокія междуусобія партій Гискала и Симона. Но когда сынъ Веспасіяна, Титъ, принявшій послѣ него начальствованіе надъ арміей, въ началѣ 70 г. двинулся изъ Самаріи съ значительными силами снова къ Іерусалиму, тогда общая опасность соединила раздорствовавшихъ въ немъ іудеевъ. Не смотря на то, Титъ въ маѣ овладѣлъ Везеѳой и внѣшнею стѣною города. Тогда начался почти безпрерывный, ежедневный, упорнѣйшій бой у второй стѣны, и когда наконецъ римляне успѣли сдѣлать проломъ въ ней и ворвались въ городъ, то встрѣтили такое отчаянное сопротивленіе, что были принуждены тѣмъ же

путемъ поспѣшно отступить или, лучше сказать, бѣжать. Іудеи тотчасъ же задѣлали проломъ, и осада города пришла въ прежнее положеніе. Римлянамъ осталось только ждать конца ея и войны отъ голода въ Іерусалимѣ. Для скорѣйшаго достиженія этой цѣли, Титъ громадными работами окружилъ весь Іерусалимъ непрерывною укрѣпленною линіею стѣнъ и башенъ и совершенно отрѣзалъ городу всякій подвозъ продовольствія. Вскорѣ въ немъ дѣйствительно произошелъ голодъ, достигшій наконецъ такихъ ужасающихъ размѣровъ, что осажденные пожирали не только трупы, но и живыхъ людей, однако упорно держались и не сдавались. Когда римлянамъ удалось овладѣть крѣпостью Антоніей и второю стѣной, іудеи продолжали держаться на храмовомъ холмѣ и въ Сіонской крѣпости, гдѣ начальствовали, на первомъ—Іоаннъ Гискалъ, а во второй — Симонъ. Римляне сначала атаковали храмовой холмъ, въ августѣ проникли до самаго храма, зажгли его и, послѣ кровопролитнаго боя, происходившаго во время пожара, совершенно обратили храмъ въ груды развалинъ. Защитники его, съ Іоанномъ Гискаломъ въ главѣ, бѣжали въ Сіонскую крѣпость, но и она въ сентябрѣ была взята съ боя, и тѣмъ положенъ конецъ осадѣ, и Іерусалимъ былъ покоренъ. Іоаннъ, Симонъ и другіе вожди были пощажены для тріумфа Тита, съ прочими же плѣнными Титъ поступилъ самымъ жестокимъ образомъ. Въ слѣдующемъ 71 г. римляне покорили прочіе, еще остававшіеся во власти іудеевъ, города Іудеи, и іудейскій народъ лишился своей политической самобытности, а Іудея обращена вполнѣ въ римскую провинцію.

Война съ батавами началась при самомъ вступленіи Веспасіана на престолъ. Батавецъ Цивилисъ (Civilis), образовавшійся въ римской военной службѣ, въ 69 г. воспользовался войною Веспасіана съ Вителліемъ для того, чтобы, подъ предлогомъ защиты правъ перваго, поднять батавовъ противъ римлянъ. Но онъ могъ прикрывать себя именемъ Веспасіана только до конца 69 г., потому что послѣ сраженія при Кремонѣ и рейнскіе легіоны также признали Веспасіана. Тогда Цивилисъ уже открыто возсталъ противъ римлянъ, и возстаніе его въ союзѣ съ жадными къ добычѣ германцами и всегда склонными къ мятежу галлами получило угрожающій и опасный характеръ. Но посланный Веспасіаномъ легатъ Петилій Церіалисъ однимъ рѣшительнымъ ударомъ и полною побѣдой при Трирѣ (70 г.) принудилъ Цивилиса и его союзниковъ съ урономъ отступить въ Батавію и потомъ заключилъ съ нимъ миръ, возстановившій прежнія отношенія между римлянами и батавами. Этимъ была скоро, счастливо и удачно кончена война съ батавами, гораздо болѣе важная и опасная, нежели іудейская.

Кромѣ того, въ концѣ царствованія Веспасіяна Юлій Агрикола, искусный полководецъ римскій, посланный имъ въ Британнію, не только покорилъ всю нынѣшнюю Англію и ознакомилъ ее съ римскими нравами и обычаями, но и нападалъ на Каледонію (Шотландію) и объѣхалъ вокругъ Британніи моремъ на флотѣ.

Кратковременное царствованіе Тита (79—81 г.г.) не было ознаменовано никакими войнами; но войны и походы римлянъ при порочномъ и жестокомъ братѣ и преемникѣ его, Домиціянѣ (81—96), чрезвычайно замѣчательны въ политическомъ отношеніи. Походъ, предпринятый Домиціяномъ въ 82 г. противъ германскаго племени или скорѣе союза племенъ каттовъ, кончился неудачно. Но еще неудачнѣе, безславнѣе, опаснѣе и вреднѣе для имперіи, по послѣдствіямъ своимъ, была война Домиціяна съ даками или дакійцами (обитавшими въ нынѣшней Румыніи), предводимыми искуснымъ вождемъ своимъ Децебаломъ. Домиціянъ цѣною золота купилъ у нихъ миръ, обѣщаясь платить имъ ежегодную дань — явное признаніе слабости, ободрившее варваровъ къ смѣлѣйшему нападенію на римскую имперію. Такимъ образомъ, какъ безразсудный и неудачный походъ Домиціяна противъ каттовъ послужилъ первымъ свидѣтельствомъ непомѣрныхъ гордости и самонадѣянности Домиціяна, а одновременное отозваніе изъ Британніи покорителя ея, Агриколы — зависти къ нему, такъ еще болѣе война съ даками, повлекшая за собою войну съ ихъ сосѣдями маркоманнами, квадами и язигами (послѣдніе были славянскаго племени), покрыла Домиціяна и римлянъ позоромъ. А все это, вмѣстѣ взятое, впервые дало международнымъ отношеніямъ римлянъ и варваровъ совершенно новый и рѣшительный оборотъ, ибо съ этого именно времени варвары отъ своего прежняго оборонительнаго положенія перешли къ смѣлому наступательному противъ римской имперіи.

Отозваніе Домиціяномъ Агриколы изъ Британніи было, по своимъ послѣдствіямъ, не менѣе неудачъ противъ каттовъ, даковъ и пр. названныхъ выше варваровъ, чрезвычайно важно для римской имперіи. Нужно сказать, что утвержденіе римлянъ въ Британніи началось еще при Клавдіѣ, чему особенно содѣйствовали успѣхи оружія римскаго полководца Осторія Скапулы (какъ было сказано выше), который покорилъ многія британскія племена и храбрѣйшаго изъ вождей ихъ, Карактака, отослалъ плѣннымъ въ Римъ. Но римское иго въ Британніи вскорѣ повлекло за собою всеобщее возстаніе въ ней въ 62 г., которое быстро охватило весь островъ въ то время, когда римскій полководецъ Суэтоній Паулинъ предпринялъ походъ противъ острова Моны (нынѣ Энглеси). Возстаніе бриттовъ, подъ предводительствомъ женщины, царицы Боадицеи, было такъ сильно и грозно,

что римляне вездѣ были принуждены отступать, оставлять свои колоніи въ добычу бриттамъ, искать защиты за Темзой и даже покинуть Лондонъ, который уже тогда велъ значительную торговлю. Не прежде, какъ сосредоточивъ свои силы въ выгодномъ въ военномъ отношеніи мѣстѣ, римляне могли дать и дали отпоръ бриттамъ и одержали надъ ними побѣду, столько же легкую, сколько и рѣшительную. Боадицея отравилась, а Суэтоній Паулинъ началъ такъ строго и даже жестоко поступать съ побѣжденными, что въ Римѣ сочли нужнымъ смѣнить его болѣе кроткимъ Петроніемъ Турпиліяномъ. Съ этого времени въ Британніи не произошло ничего особенно важнаго до самаго прибытія въ нее Агриколы въ 78 г. Агрикола съ самаго начала преимущественно старался кротостью и правосудіемъ склонить бриттовъ къ принятію римской образованности и тѣмъ—къ покорности римскому владычеству, и въ три года такъ успѣлъ въ этомъ, что бритты начали усердно усвоивать себѣ языкъ и обычаи римлянъ, и вскорѣ Британнія, какъ Галлія со временъ Цезаря, сдѣлалась совершенно римскою провинціей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Агрикола распространилъ власть римлянъ до Думбриттонскаго и Эдинбургскаго заливовъ, и такъ какъ разстояніе между ними было не болѣе 50 верстъ, то онъ устроилъ цѣлый рядъ укрѣпленій отъ одного моря до другаго, дабы преградить воинственнымъ и хищнымъ жителямъ горъ Каледоніи (Шотландіи) пути къ вторженіямъ въ Британнію. Въ тоже время онъ приказалъ флоту своему объѣхать сѣверные берега Каледоніи и убѣдился, что Британнія съ Каледоніей была островомъ. Всѣ эти дѣйствія и успѣхи Агриколы возбудили такіе страхъ и зависть въ Домиціанѣ, что онъ успокоился только тогда, когда вызвалъ его въ Римъ и отравилъ. Но вскорѣ послѣ того (18 сент. 96 г.) онъ самъ былъ умерщвленъ, и убійцы его провозгласили императоромъ 70-лѣтняго Кокцея Нерву.

§ 361.

Отъ Нервы до Коммода (96—180 г.г.).

Нервою начинается 84-хъ-лѣтній періодъ исторіи римской имперіи, столь же счастливый для нея, сколько и 44-хъ-лѣтнее царствованіе Августа. Въ теченіи этого времени, на престолъ римской имперіи вступали, одинъ за другимъ, пять императоровъ, отличавшихся добродѣтелями, мудростью правленія и счастливыми гражданскими и военными дѣйствіями и успѣхами. Однако, не смотря на это, въ римской имперіи все видимо и быстро клонилось къ упадку, потому

что нравы все болѣе и болѣе развращались и мѣсто любви къ отечеству заступили общіе всѣмъ эгоизмъ, низкій образъ мыслей и крайнее малодушіе.

Неистовства буйныхъ преторіянцовъ, убійствами мстившихъ за смерть Домиціяна, заставили добраго, но престарѣлаго, слабаго и болѣзненнаго Нерву избрать себѣ, посредствомъ усыновленія, соправителя и преемника въ лицѣ начальствовавшаго рейнскими легіонами Ульпія Траяна, родомъ испанца. Это прекратило всѣ безпорядки въ Римѣ, и преторіянцы не осмѣлились воспротивиться благодѣтельной мѣрѣ Траяна — выводу ихъ изъ Рима и распредѣленію по разнымъ легіонамъ.

По смерти Нервы, 27 января 98 года, Траянъ принялъ правленіе и былъ первымъ императоромъ не-италійскаго происхожденія, одинаково великимъ какъ человѣкъ, государь и полководецъ. Въ 20 лѣтъ своего царствованія (98—117 г.г.) онъ, рядомъ съ мудрыми и благодѣтельными мѣрами управленія гражданскими дѣлами имперіи, велъ замѣчательныя, счастливыя и полезныя внѣшнія войны съ даками, парѳянами и арменцами, и обратилъ Дакію, Месопотамію, Арменію и часть Аравіи въ римскія провинціи.

Первую войну съ даками онъ предпринялъ по необходимости, отказавъ имъ въ дани, обѣщанной Домиціяномъ. Когда они за то вторглись въ римскія владѣнія, Траянъ въ 100 г. двинулся противъ нихъ перешелъ черезъ Дунай и послѣ 3 лѣтъ войны принудилъ вождя ихъ. Децебала заключить миръ (въ 103 г.) и занялъ римскими войсками многія укрѣпленныя мѣста въ Дакіи. Децебалъ, видя въ этомъ намѣреніе Траяна покорить Дакію, въ 105 г. снова возсталъ противъ него войною. Траянъ построилъ постоянный каменный мостъ черезъ Дунай (въ нын. Малой Валахіи), длиною въ 3,500 шаговъ, и оба конца его прикрылъ сильными укрѣпленіями (остатки этого моста до сихъ поръ сохранились на Дунаѣ). Послѣ того Децебалъ былъ такъ стѣсненъ Траяномъ въ Дакіи со всѣхъ сторонъ, что, боясь попасть живымъ въ руки римлянъ, въ 106 г. самъ себя лишилъ жизни, а даки покорились Траяну, который обратилъ страну ихъ въ римскую провинцію, учредилъ въ ней многія римскія колоніи и успѣлъ ввести въ ней въ общее употребленіе языкъ и обычаи римскіе. Въ память этого завоеванія Дакіи, онъ соорудилъ въ Римѣ извѣстную подъ его именемъ Траянову колонну, вышиной въ 110 футовъ, съ колоссальною статуею своею на вершинѣ и съ изображеніемъ подвиговъ своихъ на колоннѣ.

Первая удачная война съ даками увлекла Траяна въ новыя войны, единственно изъ страсти къ завоеваніямъ и военной славѣ. Для этого онъ избралъ не Германію, а востокъ, и первымъ поводомъ къ

тому послужили внутреннія дѣла Арменіи, принужденной принять царя отъ пароянъ. Исторія 1-го похода Траяна въ 113 г. въ Азіи очень темна, потому что позднѣйшіе историки смѣшивали событія 1-го и 2-го походовъ. Извѣстно только, что Траянъ обратилъ Арменію въ римскую провинцію, изъ нея вступилъ въ Месопотамію и потомъ возвратился въ Римъ, дабы сдѣлать необходимыя приготовленія къ продолженію войны противъ пароянъ. Въ 114 г. онъ снова прибылъ въ Азію, и чѣмъ успѣшнѣе шли военныя дѣйствія его, тѣмъ обширнѣе становились его планы. Онъ покорилъ всю Месопотамію, овладѣлъ столицею пароянъ—Ктезифономъ, обратилъ Ассирію въ римскую провинцію и проникъ до Персидскаго залива. Не смотря на то, что эти новыя завоеванія его въ Азіи, за Евфратомъ, нисколько не были обезпечены въ тылу его, онъ, желая превзойти славою самаго Александра В., велѣлъ готовить флотъ, для нападенія съ моря на Индію. Но пока онъ приготовлялся къ тому, покоренныя страны въ тылу его возстали и отложились—и онъ былъ принужденъ воротиться назадъ и отъ претерпѣнныхъ при этомъ трудовъ и лишеній всякаго рода заболѣлъ и 11 августа 117 г. умеръ въ Киликійскомъ городѣ Селинунтѣ. Такимъ образомъ завоеванія его на востокѣ не принесли имперіи никакой прочной пользы, а завоеванія его въ Аравіи (въ 116 г.) ограничились только сѣверною частью ея, такъ какъ Каменистая Аравія была покорена еще въ 107 г. легатомъ Корнеліемъ Пальмой. Траянъ завоевалъ также (въ 114 г.) восточный берегъ Чернаго моря до города Діоскуры.

По смерти Траяна, восточные легіоны провозгласили императоромъ усыновленнаго имъ родственника его, Элія Адріана, котораго и сенатъ былъ принужденъ признать. Адріанъ (117—138 г.г.) тотчасъ обнаружилъ совсѣмъ другую—миролюбивую политику, заключилъ миръ съ пароянами, уступивъ имъ всѣ завоеванныя Траяномъ области (Ассирію, Месопотамію и Арменію) и снова перенеся границу римской имперіи на правый берегъ Евфрата. Онъ желалъ покинуть даже и Дакію, но сохранилъ ее только для того, чтобы не пожертвовать учрежденныхъ въ ней римскихъ колоній. Для поддержанія въ арміи военной дисциплины, онъ лично объѣзжалъ всѣ провинціи имперіи, и всюду легіоны чувствовали твердость и строгость его. Украшая не одинъ Римъ, но и главные города провинцій, Адріанъ построилъ въ Британніи замѣчательный укрѣпленный валъ отъ моря до моря, противъ набѣговъ горныхъ каледонянъ. Сарматы, разорявшіе Дакію, были отражены преимущественно съ помощью батавскихъ вспомогательныхъ войскъ, и съ ними заключенъ миръ (120 г.). Въ 134 г. легатъ Арріанъ (извѣстный военный писатель) отразилъ алановъ, вторгшихся въ Мидію и Каппадокію. Между тѣмъ Адріанъ, намѣре-

ваясь возстановить Іерусалимъ изъ развалинъ, поселилъ на нихъ римскую колонію, названную по его имени Элія Адріана, а на горѣ построилъ храмъ Юпитеру Капитолійскому. Іудеи, озлобленные такимъ оскверненіемъ священнаго для нихъ мѣста, снова возстали (въ 132 г.) въ Палестинѣ, подъ предводительствомъ одного обманщика, выдававшаго себя за Мессію и называвшаго себя Варъ-Кохеба (сынъ звѣзды), но въ послѣдствіи прозваннаго іудеями Варъ-Казба (сынъ лжи). Происшедшая вслѣдствіе того упорная и кровопролитная война римлянъ съ іудеями могла быть рѣшена одолѣніемъ послѣднихъ не ранѣе, какъ черезъ 3 года (133—135), легатомъ Юліемъ Северомъ. Затѣмъ на развалинахъ Іерусалима уже былъ заложенъ новый городъ, прозванный Элія Капитолина, и іудеямъ было запрещено, подъ страхомъ смерти, приближаться къ нему.

Преемникъ Адріана, усыновленный имъ Аррій Антонинъ, прозванный Піемъ—(Pius, набожный), царствовалъ съ 138 г. до 151 г. вполнѣ мирно, такъ что при немъ никакихъ большихъ войнъ ведено не было.

Но при преемникѣ его, также усыновленномъ имъ Маркѣ-Авреліѣ Антонинѣ, прозванномъ Философомъ (161—180 г.г.), до 169 г. правившемъ имперіей вмѣстѣ съ усыновленнымъ имъ Коммодомъ Веромъ, съ сѣвера и востока разразились бури, образовавшіяся въ правленія Адріана и Антонина Пія. Съ сѣвера германскія и славянскія племена на Дунаѣ, изъ которыхъ сильнѣйшими и важнѣйшими были германскія племена или союзы маркоманновъ и каттовъ, начали вести наступательныя войны противъ римской имперіи, а съ востока прервали миръ и стали нападать на нее паѳяне. Противъ послѣднихъ были посланы лучшіе легіоны и полководцы римскіе, подъ главнымъ начальствомъ Коммода Вера. Но Веръ предоставилъ всѣ труды и славу войны своимъ легатамъ, изъ которыхъ особенно отличился Авидій Кассій; самъ-же Веръ во все время войны (162—166 г.г.) жилъ лѣтомъ въ Дафнѣ, а зимою въ Лаодикеѣ и только два раза показался на время передъ войскомъ. О ходѣ войны съ паѳянами извѣстно только то, что результатъ ея былъ выгоденъ для римлянъ и оба императора торжествовали по этому случаю тріумфъ въ Римѣ (въ 166 г.). Но, воротясь изъ Сиріи, легіоны вынесли оттуда и распространили по разнымъ областямъ имперіи чуму, которая свирѣпствовала много лѣтъ и постигла имперію въ одно время съ вторженіемъ германцовъ и славянъ на Дунаѣ. Маркъ-Аврелій самъ съ войскомъ перешелъ въ 167 г. черезъ Альпы, взявъ съ собою и Коммода Вера. Принявъ всѣ мѣры для защиты Иллиріи, служившей оплотомъ Италіи, онъ въ тоже время старался переговорами склонить германцовъ къ прекращенію вторженій и къ миру,

при чемъ позволилъ многимъ племенамъ варваровъ поселиться въ римскихъ владѣніяхъ и многихъ варваровъ принялъ въ римское войско. На возвратномъ пути, въ Аквилеѣ въ 169 г. Веръ умеръ отъ чумы, и это освободило Марка Аврелія отъ большихъ безпокойствъ. Впрочемъ миръ, заключенный Маркомъ Авреліемъ, продолжался недолго. Варвары (къ которымъ уже присоединились многія другія племена, особенно квады, вандалы и языги), ободренные бѣдственнымъ положеніемъ Рима, снова начали производить набѣги и вторженія и такъ удачно, что, побѣдивъ легатовъ Марка Аврелія, овладѣли Илиріей и осадили Аквилею. Маркъ Аврелій пришелъ въ такое затруднительное положеніе, что былъ принужденъ продать всѣ драгоцѣнности свои и своей жены, дабы собрать необходимыя для веденія войны денежныя средства, такъ какъ видѣлъ невозможность обременять государство новыми налогами. Въ 172 г. онъ выступилъ въ походъ съ войскомъ, частію вновь набраннымъ, и прежде всего освободилъ Аквилею. Затѣмъ, принудивъ квадовъ къ миру, онъ наказалъ варваровъ, поселившихся на римскихъ земляхъ, за то, что они присоединились къ своимъ единоплеменникамъ, и пораженіемъ, нанесеннымъ языгамъ на замерзшемъ Дунаѣ, принудилъ ихъ выдать римскихъ плѣнниковъ и никогда впредь не тревожить римскихъ владѣній (!). Но еще прежде окончанія этой войны, легатъ Авидій Кассій на востокѣ, вслѣдствіе ложной вѣсти о смерти Марка Аврелія, провозгласилъ себя въ 174 г. императоромъ. Маркъ Аврелій поспѣшилъ обратиться противъ него въ Азію, но еще прежде прибытія его туда, Авидій Кассій былъ убитъ собственными своими войсками. Маркъ Аврелій воротился на Дунай, чтобы вести снова начавшуюся войну съ варварами. Но, не смотря на многія побѣды свои надъ ними, онъ не могъ принудить ихъ къ покорности и умеръ 17 марта 180 г., не докончивъ войны, занимавшей его почти все время его правленія. Эта первая маркоманнская война очень замѣчательна тѣмъ, что была первою наступательною войною варваровъ сѣверной Европы, германскаго и славянскаго племенъ, веденною большимъ союзомъ ихъ, подъ общимъ названіемъ маркоманновъ (коренныя жилища которыхъ были въ позднѣйшей Чехіи или Богеміи), въ огромныхъ силахъ и съ необыкновенными энергіей, отважностью до дерзости и рѣшительностью дѣйствій, и уже тогда грозила Риму чрезвычайною опасностью. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что одновременно съ этою войною, хотя и безъ всякой связи съ нею, начались нападенія на римскую Дакію другихъ варваровъ восточной Европы — бастарновъ, аланъ и иныхъ, которые двигались противъ Дакіи, тѣснимые народами сѣверовосточной Европы, вѣроятно готѳами, которые съ своей стороны начали двигаться съ сѣ-

вера на югъ. То были уже первые признаки и начатки послѣдующаго великаго переселенія сѣверныхъ и восточныхъ народовъ въ Европѣ.

§ 362.

Отъ Коммода до Діоклитіяна (180—284 г.г.).

Съ смертію Марка Аврелія начинается и 104 года до Діоклитіяна продолжается крайне смутный и мрачный періодъ исторіи Римской имперіи. Система усыновленія, принятая императорами со времени Нервы, обуздывала своеволіе войска. Но Маркъ Аврелій назначилъ наслѣдникомъ по себѣ мнимаго сына своего (дѣйствительно же побочнаго сына распутной жены его Фаустины) Коммода Антонина — чудовища злобы, жестокости, низости и распутства. Спасительный обычай усыновленія былъ уничтоженъ, и Коммодъ, а за нимъ и преемники его снова стали править и дѣйствовать по примѣру недостойнѣйшихъ императоровъ періода отъ Августа до Нервы. Войско снова захватило въ свою власть престолъ и право возводить на него и низвергать съ него хорошихъ и дурныхъ императоровъ безъ разбора, по побужденію своихъ страстей и выгодъ, а не въ виду государственной и общественной пользы. Отъ этого силы государства приходили въ упадокъ, а между тѣмъ на предѣлы его все настойчивѣе и рѣшительнѣе нападали съ сѣвера германскіе и славянскіе народы, а съ востока пареяне и вскорѣ потомъ персы новаго персидскаго царства Сассанидовъ.

Коммодъ сначала (180—183) руководствовался совѣтами друзей своего отца и предоставлялъ имъ заботы о государствѣ, а самъ предавался удовольствіямъ, не обнаруживалъ склонности къ жестокости и не обагрялъ рукъ кровью. Тотчасъ по провозглашеніи его императоромъ, онъ хотѣлъ удалиться изъ лагеря войскъ, ведшихъ войну на Дунаѣ, въ Римъ, но друзья его отца успѣли удержать его при войскѣ до заключенія выгоднаго мира съ варварами. Съ 183 г. въ Коммодѣ произошла совершенная перемѣна, вслѣдствіе одиночнаго покушенія на его жизнь. Страхъ и ненависть, трусость и жестокость овладѣли его душою, и важнѣйшимъ лицомъ снова сталъ префектъ преторіянцовъ, сначала Переннисъ, а послѣ него Клеандръ, низвергнутые, первый въ 186 г. по требованію британскихъ легіоновъ, а послѣдній—по ненависти римской черни. Коммодъ же все болѣе и болѣе становился жестокимъ и вмѣстѣ презрѣннымъ своею безумною страстью къ играмъ амфитеатра, боямъ гладіаторовъ

и съ дикими звѣрями (гдѣ онъ самъ являлся дѣйствующимъ лицомъ, хвалясь быть другимъ Геркулесомъ) и вслѣдствіе того къ расточительности и жестокости, доколѣ не былъ убитъ (въ послѣдній день 192 г.). Войны, происходившія въ его правленіе на границахъ, въ Дакіи и Британніи, были съ успѣхомъ ведены легатами его, образовавшимися еще въ войнахъ Марка Аврелія.

При всемъ томъ, бѣдствія отъ войны и чумы при Маркѣ Авреліѣ и безумства Коммода, хотя и причинили вредъ государству, однако все таки не ослабили его, и въ концѣ періода Антониновъ оно все еще было во всей своей силѣ и благосостояніи. Еще два вѣка противупоставляло оно упорное сопротивленіе сильнымъ и страшнымъ нападеніямъ извнѣ. Но при этомъ нравственныхъ силъ и величія въ римлянахъ уже не было нисколько: иначе они не допустили бы себя такъ легко покориться жестокому игу Коммода и послѣ него преторіянцовъ и легіоновъ.

По убіеніи Коммода, преторіянцы провозгласили императоромъ Гелвія Пертинакса, 67-лѣтняго префекта Рима, одного изъ прежнихъ друзей Марка Аврелія. Но вскорѣ онъ, своими бережливостью и суровостью, возбудилъ противъ себя ненависть преторіянцовъ, которые черезъ три мѣсяца взбунтовались и убили его, сдѣлались совершенными владыками имперіи, положили продать достоинство императора тому, кто больше дастъ, продали его 57-лѣтнему, развратному богачу Дидію Юліяну и ввели его въ Римъ. Въ провинціяхъ это возбудило всеобщее негодованіе, а въ легіонахъ—открытый бунтъ, и почти въ одно время иллирійскіе легіоны провозгласили императоромъ Септимія Севера, сирійскіе—Песценнія Нигера, а британскіе—Клодія Альбина. Слѣдствіемъ этого, конечно, долженствовала быть междуусобная война. Септимій Северъ, бывшій ближе всѣхъ къ Риму, поспѣшилъ къ нему и занялъ его, а сенатъ казнилъ Юліяна и призналъ Септимія Севера. Послѣдній удалилъ преторіянцовъ и образовалъ изъ числа своихъ легіоновъ новую, вчетверо сильнѣйшую числомъ, преторіянскую стражу. Прежде всего онъ обратился противъ Нигера, а чтобъ обезопасить себя со стороны Альбина, призналъ его Цезаремъ или соправителемъ. Средоточіемъ военной силы Нигера была Византія: Северъ осадилъ ее половиною своей многочисленной арміи, а другою открылъ дѣйствія противъ Нигера въ открытомъ полѣ. Побѣдою надъ нимъ при Кизикѣ онъ открылъ себѣ путь на востокъ, вслѣдъ затѣмъ разбилъ Нигера при Никеѣ и наконецъ—при Иссѣ въ Киликіи, гдѣ взялъ въ плѣнъ и умертвилъ его (195 г.). Византія, страшась строгости Севера, оборонялась съ необыкновеннымъ упорствомъ, но наконецъ (въ 196 г.) была принуждена сдаться, укрѣпленія ея были срыты, права отняты, и она

щена въ мѣстечко и подчинена лежавшему напротивъ нея городу Перинѳу. Послѣ того Северъ обратился въ Галлію противъ Альбина, который перешелъ туда же изъ Британніи и въ кровопролитномъ сраженіи при Ліонѣ (въ февралѣ 197 г.) былъ разбитъ и убитъ. А Северъ, воротясь въ Римъ, казнилъ 42 сенаторовъ, державшихъ сторону Альбина, и съ тѣхъ поръ утвердилъ свою власть на военной силѣ, давъ войскамъ такія преимущества, которыя навсегда ослабили военную дисциплину; сенатъ же онъ держалъ въ страхѣ, рабской зависимости и презрѣніи. Однако, чтобъ удержать войска отъ мятежей военными предпріятіями, онъ повелъ ихъ на востокъ противъ парѳянъ. Но во время этого похода онъ нѣсколько разъ испыталъ неповиновеніе ихъ и не имѣлъ инаго средства поддерживать расположеніе ихъ къ себѣ, какъ только дарами и потворствомъ, которые на время устраняли зло, но увеличивали его на будущее время. Такъ какъ парѳянское царство, вслѣдствіе внутреннихъ междуусобій, уже было близко къ своему паденію, то Северъ безъ особеннаго труда проникъ далеко во внутренность его, разграбилъ многіе города и взятую въ нихъ добычу раздѣлилъ между войсками своими. По возвращеніи изъ Парѳіи, онъ пробылъ нѣсколько времени въ Сиріи и Египтѣ и затѣмъ воротился въ Римъ. Наслѣдникомъ по себѣ онъ назначилъ двухъ сыновей своихъ, Бассіана, извѣстнаго потомъ подъ именемъ Каракаллы, и Гету, заклятыхъ враговъ между собою. Имѣя въ виду, вѣроятно, удалить ихъ изъ Рима и на войнѣ подъ своимъ надзоромъ пріучить къ дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и занять легіоны, Северъ, не смотря на свои преклонныя лѣта и слабое здоровье, въ 208 г. отправился въ Британнію. Здѣсь онъ три года велъ войну съ жителями сѣверной горной Каледоніи (Шотландіи), которые, прорвавшись сквозь построенный противъ нихъ валъ, снова начали вторгаться въ Британнію. Северъ проникъ далеко во внутренность Каледоніи, прорубалъ просѣки въ лѣсахъ ея, прокладывалъ дороги и навѣрное смирилъ бы или истребилъ бы дикихъ каледонянъ, еслибы скорбь, причиненная ему враждою сыновей его, не ускорила его смерти, послѣдовавшей въ Эборакѣ (Іоркѣ) 4 февраля 211 года.

По смерти его, оба императора, Каракалла и Гета, воротились въ Римъ и стали жить, хотя въ одномъ дворцѣ, но раздѣльно, принимая всевозможныя предосторожности одинъ противъ другаго. Безполезныя предположенія касательно раздѣленія между ними имперіи повели только къ тому, что, по приказанію Каракаллы, Гета былъ умерщвленъ въ самыхъ покояхъ матери ихъ, старавшейся примирить ихъ. Каракалла большими дарами склонилъ преторіянцовъ на свою сторону и съ 212 г. сталъ править одинъ, начавъ казнію всѣхъ при-

верженцовъ Геты (по показанію Діона Кассія—до 20 т. чел.). Однако совѣсть мучила его и, чтобы заглушить ее, онъ отправился воевать сначала (214 г.) на Рейнъ, потомъ (215 г.) на Дунай и наконецъ (216 г.) на востокъ. Вовсе не имѣя никакихъ дарованій полководца, онъ вздумалъ подражать Александру В., и уже изъ этого можно заключить, что онъ былъ не въ полномъ умѣ и даже въ умопомѣшательствѣ, подъ вліяніемъ котораго совершалъ величайшія жестокости, избивая людей тысячами. Въ Германіи онъ воевалъ съ каттами и аллеманнами, между которыми оставался довольно долго, то другомъ, то врагомъ ихъ. А потомъ, проходя черезъ провинціи вдоль Дуная и въ Азію до Египта, онъ разорилъ все на своемъ пути, какъ для уплаты войскъ, такъ и для искупленія мира съ пограничными народами. Изъ Египта онъ выступилъ въ походъ противъ пареянъ, и такъ какъ они въ это время были заняты своими междуусобіями, то онъ успѣлъ опустошить нѣсколько областей ихъ. Проведя зиму на 217 г. въ Эдессѣ, весною онъ хотѣлъ снова идти противъ пареянъ, но 4 апрѣля этого года былъ убитъ однимъ низшимъ военноначальникомъ своей арміи.

Четыре дня послѣ его убіенія, римская имперія не имѣла императора, но на пятый восточные легіоны провозгласили имъ префекта преторіянцовъ Опелія Макрина (217—218 г.г.), виновника убіенія Каракаллы. Макринъ тотчасъ объявилъ Цезаремъ (т. е. соправителемъ) 9-лѣтняго сына своего Антонина Діадулина. Купивъ миръ у пареянъ, готовившихся вторгнуться въ римскія владѣнія, онъ впалъ въ презрѣніе у собственныхъ войскъ, а стремленіемъ къ преобразованіямъ возбудилъ ненависть ихъ. Но вмѣсто того, чтобы распустить легіоны въ ихъ постоянные лагери, онъ продержалъ ихъ всю зиму въ Сиріи, и вскорѣ въ арміи распространилось неудовольствіе, произошелъ бунтъ и легіоны провозгласили императоромъ Бассіана Эліогабала, молодаго внука императрицы Юліи Домны (вдовы Марка Аврелія), верховнаго жреца въ храмѣ сирійскаго идола Эліогабала въ городѣ Эмесѣ и котораго мать его представила легіонамъ, какъ будто сыномъ Каракаллы. Бассіанъ, съ собравшимися къ нему со всѣхъ сторонъ войсками, двинулся противъ Макрина и, встрѣтивъ его на одинъ день пути отъ Антіохіи, разбилъ въ сраженіи, не дождавшись конца котораго, Макринъ обратился въ бѣгство. Но задержанный въ Халкидонѣ противными вѣтрами, онъ былъ схваченъ посланными Бассіана и 8 іюня 218 г. убитъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ.

Бассіанъ (218—222 г.г.) сначала принялъ имя Марка Аврелія Антонина, но потомъ Эліогабала, и безъ стыда, публично предался самымъ гнуснымъ порокамъ чувственности и разврата, хотя имѣлъ всего только 14—18 лѣтъ. Сами войска, избравшія его, ста-

ли стыдиться его и обратили вниманіе на его двоюроднаго брата, Алексіана или Александра, своими прекрасными качествами и чистою нравственностью заслужившаго общую любовь войска и народа. Эліогабалъ, хотя и объявилъ его Цезаремъ, однако хотѣлъ убить, но вмѣсто того самъ былъ убитъ (11 марта 222 г.) раздраженными войсками.

Александръ Северъ (222—225), воспитанный матерью своею, Маммеей, въ правилахъ самой чистой нравственности *), составлялъ рѣдкое и замѣчательное исключеніе среди цѣлаго ряда злодѣевъ, отребій рода человѣческаго, носившихъ званіе императоровъ римскихъ, и былъ однимъ изъ лучшихъ правителей имперіи въ такую эпоху и на такомъ престолѣ, когда добродѣтели для императора были опаснѣе пороковъ. Александръ Северъ образовалъ изъ 16 сенаторовъ государственный совѣтъ, предсѣдателемъ котораго назначилъ префекта преторіянцовъ Ульпіана. Послѣдній старался загладить все зло предшествовавшихъ правленій и замѣнить возвышенныхъ тогда ничтожныхъ людей достойнѣйшими. Преторіанцы, любя въ Александрѣ Северѣ свое созданіе, относили всѣ выгодныя для государства и народа, но невыгодныя для нихъ мѣры не къ нему, а къ Ульпіяну, и въ бунтѣ противъ него (въ 228 г.) убили его въ самомъ дворцѣ, у ногъ самаго императора. А правительство было такъ слабо въ отношеніи къ войску, что не осмѣлилось судить и казнить виновниковъ бунта и убіенія Ульпіяна, но сдѣлало это уже въ послѣдствіи, и то съ большими предосторожностями. Участь Ульпіяна угрожала и историку Діону Кассію, еслибы Александръ Северъ не позволилъ ему выйти изъ службы и удалиться на свою родину, въ Никею, гдѣ въ 229 г. онъ и окончилъ свою исторію. Тогда опасность начала уже угрожать самому Александру Северу и гибельно для него разразилась тогда, когда онъ, вызванный на востокъ новымъ, опаснымъ врагомъ имперіи, не удовлетворилъ ожиданіямъ войскъ. Врагъ этотъ были персы, въ 225—226 г.г. сокрушившіе парѳянское царство и на развалинахъ его основавшіе новое-персидское, подъ правленіемъ династіи Сассанидовъ.

Обширное царство парѳянское стало клониться къ упадку съ того времени, какъ подверглось вліянію Рима и римляне пріобрѣли на востокѣ рѣшительное вліяніе, какъ въ политикѣ, такъ и въ войнѣ. Выше было уже сказано, что Траянъ проникалъ далеко во внутрен-

*) Если Маммея и не была, какъ говоритъ Орозій, христіанкой, то во всякомъ случаѣ религія и нравственность христіанскія очевидно имѣли большое вліяніе на воспитаніе Александра. Онъ былъ великимъ почитателемъ Христа и хранилъ образъ Его между изображеніями извѣстнѣйшихъ своими добродѣтелями людей (Lampridius in Alexan. cap. 43).

*

ность этого царства, а Септимій Северъ грабилъ столицы его. Пораженія со стороны внѣшнихъ враговъ, а внутри возстанія сатраповъ и войны за престолъ уже поставили пароянское царство на край гибели, когда въ 216 г. на престолъ его вступилъ Артабанъ IV (Арзакъ XXXI). При немъ произошло вторженіе Каракаллы въ Пароію, за которое Макринъ золотомъ купилъ миръ. Въ это время одинъ персъ Арджиръ Бабеганъ, греками называемый Артаксерксомъ, производившій родъ свой отъ древней династіи царей персидскихъ Ахеменидовъ и съ отличіемъ служившій въ войскѣ Артабана IV, пріобрѣлъ расположеніе Дарабшіадскаго правителя и сдѣлался наслѣдникомъ его. Онъ успѣлъ возбудить въ свою пользу народную гордость персовъ, вооружить ихъ противъ Артабана и — неизвѣстно по какой именно причинѣ — въ главѣ ихъ открыто возстать противъ царя пароянскаго. По Малькольму (History of Persia), въ одномъ 3-хъ-дневномъ сраженіи между Бабеганомъ и Артабаномъ, въ 226 г., въ долинѣ Рамъ-Гормузѣ, недалеко отъ города Шустера или Шушдера, Артабанъ былъ на голову разбитъ и убитъ. На общемъ собраніи въ Балхѣ, въ Хорасанѣ, Арджиръ Бабеганъ былъ признанъ царемъ персидскимъ и возстановилъ персидское царство, принявъ титулъ Шаханъ-Шаха (царя царей). Основанная имъ царская династія названа Сассанидскою, потому что Арджиръ производилъ происхожденіе свое отъ Ахеменида Сассана. Новый шахъ персидскій возстановилъ религію Зороастра, сталъ жестоко преслѣдовать всѣ другія религіи, требовать всего, чѣмъ владѣли древніе персидскіе цари во времена наибольшихъ силы и славы своихъ, и въ томъ числѣ—всѣхъ странъ и областей, которыми Римъ владѣлъ въ Азіи. Александръ Северъ принялъ это требованіе за объявленіе войны и тотчасъ двинулся съ преторіянцами и легіонами въ Азію. Онъ пробылъ тамъ долго (съ 227 г. до 235 г.) и успѣлъ защитить восточные предѣлы римской имперіи, но лишился уваженія войскъ, потому что Маммея, сопровождавшая его, изъ страха за его жизнь и здоровье не допускала его дѣлить съ войсками военные труды и опасности.

Между тѣмъ на Рейнѣ легіонами начальствовалъ Максиминъ, родомъ изъ Ѳракіи, сынъ готоа и аланки (славянки), обоихъ изъ простыхъ сельскихъ жителей. За 35 лѣтъ передъ тѣмъ, онъ, своимъ необыкновенными ростомъ, силою и ловкостью обратилъ на себя вниманіе Септимія Севера, который и принялъ его въ свою конную стражу тѣлохранителей и вскорѣ произвелъ въ низшій начальническій (офицерскій) чинъ. По смерти Каракаллы и при Эліогабалѣ онъ не хотѣлъ служить и жилъ въ удаленіи, но Александромъ Северомъ былъ постепенно возвышенъ во всѣ чины, до званія главноначаль-

ствующаго рейнскими легіонами включительно. Эти легіоны гордились имъ, а Александръ Северъ до того благоволилъ ему, что даже хотѣлъ выдать сестру свою за его сына. По прибытіи его (въ 235 г.) съ востока въ Галлію на Рейнъ, Максиминъ произвелъ, въ присутствіи его, своими легіонами военныя упражненія (ученья и маневры). При этомъ легіоны были непріятно поражены тѣмъ, что императоръ оставался безучастнымъ зрителемъ ихъ упражненій, а между тѣмъ часто отдавалъ приказанія о соблюденіи строгой дисциплины. Это произвело въ нихъ неудовольствіе, потомъ ропотъ, а когда Александръ Северъ отказалъ во многихъ требованіяхъ галльскихъ легіоновъ, то и явный бунтъ ихъ—и всѣ эти легіоны принудили Максимина принять главное начальствованіе надъ ними. Вслѣдъ затѣмъ въ мартѣ 235 г. Александръ Северъ былъ убитъ вмѣстѣ съ матерью своею недалеко отъ Майнца. И хотя войско выразило искреннее сожалѣніе о томъ и наказало убійцъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ признало Максимина императоромъ.

Максиминъ (235—238 г.г.)—полный и совершенный представитель тогдашняго деспотизма войска—вскорѣ сдѣлался ненавистнымъ для всѣхъ сословій въ Римѣ, какъ грубый ѳракійскій варваръ-поселянинъ въ званіи правителя образованнаго и утонченнаго римскаго міра. Вскорѣ въ Африкѣ взбунтовавшаяся чернь провозгласила императоромъ 80-ти-лѣтняго правителя этой провинціи, Гордіяна, вмѣстѣ съ его сыномъ, также Гордіяномъ. Сенатъ призналъ ихъ, а Максимина объявилъ врагомъ отечества — и въ Римѣ произошли страшные безпорядки. Въ Африкѣ же личный врагъ Гордіяновъ, правитель Мавританіи, Капелліянъ, разбилъ и убилъ въ сраженіи Гордіяна-сына, а Гордіянъ-отецъ самъ себя лишилъ жизни. Капелліянъ, именемъ Максимина, вступилъ въ управленіе провинціей Африкой, но въ тоже время готовилъ войско, дабы, въ случаѣ неудачи Максимина, самому сдѣлаться императоромъ. Максиминъ, при вѣсти о приговорѣ сената, въ бѣшенствѣ пылая мщеніемъ, немедленно двинулся съ войскомъ отъ Сирмія въ Италію. Сенатъ, угрожаемый опасностью, избралъ въ императоры двухъ сенаторовъ: опытнаго полководца Клодія Пупіена Максима и искуснаго въ гражданскихъ дѣлахъ Децима Целія Балбина. Но войска и народъ потребовали еще третьяго императора не изъ сената — и сенатъ былъ вынужденъ провозгласить третьимъ императоромъ Гордіяна III, внука перваго и племянника втораго Гордіяновъ. Такимъ образомъ въ Римской имперіи въ одно время явились четыре императора! Весною 238 г. Максиминъ вступилъ въ Италію и осадилъ Аквилею, но уже съ изнуреннымъ отъ разныхъ недостатковъ и недовольнымъ войскомъ. Встрѣтивъ въ Аквилеѣ упорное сопротивленіе, онъ, въ

ярости отъ неудачи своихъ приступовъ, сдѣлался несправедливымъ и жестокимъ къ собственнымъ войскамъ своимъ, которыя и убили его (въ маѣ 238 г.), вмѣстѣ съ его сыномъ, и признали трехъ императоровъ, назначенныхъ сенатомъ. Никогда еще, можетъ быть, Римъ не былъ свидѣтелемъ такихъ ужасовъ, какія предшествовали убіенію Максимина и послѣдовали за нимъ. Максимъ отослалъ легіоны его на границы, а преторіанцовъ взялъ съ собою въ Римъ. Общая ненависть къ гражданской власти (сенату), которая впервые назначила императоровъ, соединила прибывшихъ преторіянцовъ съ находившимися въ Римѣ—и 15 іюля 238 г. они убили Максима и Балбина и въ своемъ лагерѣ провозгласили императоромъ 13-ти-лѣтняго Гордіана III! Послѣдній, сначала находившійся подъ опекой своей матери и евнуховъ, вскорѣ, по совѣту своего учителя Мисиѳея, свергнулъ съ себя это иго, назначилъ Мисиѳея префектомъ преторіянцовъ, женился на его дочери и, слѣдуя мудрымъ совѣтамъ этого отличнаго человѣка, успѣлъ утвердить свою власть. Чтобы пріучить его къ войнѣ, Мисиѳей повелъ его сначала на германскія границы, а потомъ на персидскія. Арджиръ умеръ въ 240 г. и ему наслѣдовалъ сынъ его, Шапуръ или Сапоръ I. Пользуясь безпорядками въ римской имперіи, онъ вторгнулся въ Месопотамію, и такъ какъ часть римскаго войска перешла на его сторону (!), то такъ далеко проникъ въ Сирію, что даже угрожалъ Антіохіи. Но по прибытіи Гордіана съ войскомъ, персы отступили и вывели свои гарнизоны изъ занятыхъ ими городовъ. Гордіанъ, чтобъ отмстить имъ за вторженіе въ Сирію, уже готовился вторгнуться въ Персію, какъ смерть Мисиѳея лишила его главной опоры своей. Арабъ Юлій Филиппъ, заступившій мѣсто Мисиѳея и хотѣвшій заступить мѣсто и Гордіана, возбудилъ противъ него неудовольствіе войска, и по убіеніи Гордіана, въ 244 г. провозгласилъ себя императоромъ, заключилъ съ персами миръ и воротился въ Римъ праздновать тысячелѣтіе основанія его (въ 752 г. до Р. Х.). Это торжество было отпраздновано блистательнѣйшимъ образомъ — и тотъ народъ, который за 1000 лѣтъ передъ тѣмъ состоялъ только изъ 35 трибъ, а въ это время разросся въ милліоны людей, властвовавшихъ надъ милліонами же покоренныхъ его оружіемъ народовъ, въ общественныхъ празднествахъ забылъ на время всѣ перенесенныя имъ униженія, особенно то, что повелителей ему уже давало войско, большею частію составленное изъ алчныхъ наемниковъ всѣхъ націй, въ томъ числѣ враговъ Рима — варваровъ.

Но едва кончились эти жалкія, одурявшія празднества, какъ произошелъ такой переворотъ, который уже началъ угрожать совершеннымъ, конечнымъ паденіемъ. Между тѣмъ какъ похитители рим-

скаго престола терзали и разоряли имперію своими кровавыми междуусобіями, пограничныя съ Германіей римскія провинціи уже были буквально переполнены германцами. Въ III-мъ вѣкѣ германскій міръ, дотолѣ раздѣленный на множество племенъ и поколѣній, принимаетъ совсѣмъ иной видъ. Названія германскихъ народовъ, описанныхъ Тацитомъ, изчезаютъ; образуются новыя, большія массы, затѣмъ раздѣляющіяся на двѣ части, изъ которыхъ одна еще обожала силы природы въ лѣсахъ и источникахъ, а другая приняла религію Одина, принесенную съ сѣвера поклонниками ея, саксами и готѳами, изъ которыхъ первые утвердились на сѣверѣ Германіи, а послѣдніе наводнили юговосточную Европу (отъ р. Тейсы до Дона) и такимъ образомъ стали на Дунайскихъ границахъ римской имперіи. Нашествіе саксовъ заставило племена сѣверной Германіи, не хотѣвшія покориться ихъ владычеству, соединиться въ большія массы. Такъ возникли франки (между Рейномъ и Везеромъ) и аллеманны (между Везеромъ, Эльбой и Одеромъ). Защитившись отъ скандинавскихъ нашественниковъ, они общими силами стали рѣшительно нападать на Рейнѣ и Дунаѣ на римскую имперію. Въ тоже время на востокѣ, въ Азіи, тоже самое стала производить возрожденная персидская нація, и такимъ образомъ отъ устьевъ Рейна до Евфрата многочисленные, воинственные и грозные народы одновременно обложили Римскую имперію и разомъ устремились на нее. А въ ней между тѣмъ, въ это же самое время, являлось по нѣскольку императоровъ вдругъ и число ихъ возрасло наконецъ такъ, что ихъ было столько же, сколько армій (они извѣстны въ исторіи подъ названіемъ тридцати тиранновъ). Громимая извнѣ, терзаемая внутри, римская имперія еще не пала однако, но успѣла возстановить свое единство и отбиться отъ внѣшнихъ враговъ. Вотъ, въ общихъ, главныхъ чертахъ исторія послѣднихъ 35-ти лѣтъ до Діоклитіана.

Уже тотчасъ по окончаніи празднествъ 1000-лѣтія Рима, германцы и готѳы на Рейнѣ и Дунаѣ одновременно открыли (съ 249 г.) наступательныя дѣйствія противъ римской имперіи. А легіоны, вмѣсто того, чтобы защищать отъ нихъ границы ея, провозглашали своихъ полководцевъ императорами, которые вели междуусобныя войны. Такъ въ 249 г. мизійскіе легіоны провозгласили императоромъ своего полководца Траяна Деція, который разбилъ при Веронѣ Филиппа: послѣдній былъ убитъ въ сраженіи, а сынъ и наслѣдникъ его—въ Римѣ. Децій былъ принужденъ немедленно идти противъ готѳовъ, которые въ несмѣтномъ числѣ перешли черезъ Дунай и осадили Никополь. По приближеніи Деція, они сняли осаду этого города, но только для того, чтобы двинуться къ Филиппо-

полю и либо овладѣть имъ, либо принудить римлянъ къ сраженію—и успѣли въ томъ и другомъ. Нечаянно напавъ на Деція, двинувшагося къ Филиппополю, они разбили перваго и взяли послѣдній, въ которомъ избили почти всѣхъ жителей. Въ числѣ взятыхъ ими плѣнниковъ находился братъ Филиппа Прискъ: они заставили его провозгласить себя императоромъ и вмѣстѣ съ нимъ, какъ союзники его, двинулись противъ Деція. Послѣдній самъ напалъ на нихъ въ 251 г. и поставилъ ихъ въ такое трудное положеніе, что они уже хотѣли выдать всю свою добычу цѣною мира и свободнаго отступленія. Но Децій не согласился на то, надѣясь совершеннымъ истребленіемъ ихъ устрашить и удержать задунайскихъ и зарейнскихъ варваровъ отъ вторженій въ предѣлы имперіи. Этимъ онъ принудилъ ихъ къ отчаянному сопротивленію — и былъ разбитъ и убитъ вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ своимъ, а армія его отступила съ урономъ и въ безпорядкѣ (251 г.). Сенатъ назначилъ двухъ императоровъ: младшаго сына Деціева Гостиліяна и любимаго войскомъ полководца Вибія Галла (251 — 253 г.г.). Но такъ какъ Гостиліянъ вскорѣ умеръ, то Галлъ назначилъ на его мѣсто сына своего, Волузіяна. Золотомъ купилъ онъ миръ съ готѳами, оставилъ имъ всю ихъ добычу, позволилъ взять съ собой плѣнниковъ и даже обѣщалъ платить имъ ежегодную дань, если они не будутъ тревожить границъ имперіи! Такою постыдною политикой онъ раздражилъ противъ себя легіоны и полководцевъ ихъ, а когда Эмиліянъ, полководецъ паннонскихъ легіоновъ, разбилъ готѳовъ и отнятую у нихъ добычу раздѣлилъ между своими войсками, то они провозгласили его императоромъ (253 г.). Эмиліянъ тотчасъ двинулся въ Италію и при Сполеттѣ встрѣтилъ Галла и Волузіяна; но оба послѣдніе были убиты своими войсками еще прежде, нежели дѣло дошло до сраженія. Эмиліянъ объявилъ сенату, что поручаетъ ему управленіе государствомъ, а самъ будетъ только его полководцемъ, обѣщая вскорѣ обезопасить границы имперіи и на западѣ, и на востокѣ. Но ему не достало времени на то: легатъ Лициній Валеріанъ, посланный Галломъ привесть ему на помощь легіоны изъ Галліи, прибылъ, когда Галлъ уже былъ убитъ, и рѣшился по крайней мѣрѣ отмстить за убіеніе его. По приближеніи его къ Сполетту, войска Эмиліяна, узнавъ о намѣреніи Валеріяна, убили перваго и провозгласили послѣдняго императоромъ.

Валеріянъ (253 — 260 г.г.) и принятый имъ въ соправители сынъ его, Галліенъ, воцарились въ то самое время, когда варвары устремились со всѣхъ сторонъ на имперію. Франки прошли черезъ всю Галлію и Испанію и распространили свои опустошительные набѣги даже до сѣверныхъ береговъ Африки. Аллеманны черезъ

Гельвецію и Рэтійскія Альпы вторглись въ Италію и угрожали самому Риму. Готеы, овладѣвъ Таврическимъ полуостровомъ, впервые явились грозными и на моряхъ, опустошили берега Эвксинскаго Понта (Чернаго моря), потомъ чрезъ Босфоръ и Геллеспонтъ проникли въ Архипелагъ и разграбили богатые острова его и берега Греціи и Малой Азіи. Наконецъ въ тоже время Сапоръ I вторгнулся въ римскія владѣнія въ Азіи. Валеріянъ, предоставивъ оборону запада сыну своему Галліену, самъ поспѣшилъ на востокъ. Приведя сначала приморскіе города въ оборонительное состояніе противъ морскихъ нападеній готеовъ, онъ двинулся затѣмъ на встрѣчу Сапору, но былъ разбитъ имъ въ сраженіи при Эдессѣ (260 г.) и, при свиданіи съ Сапоромъ, вѣроломно взятъ въ плѣнъ, въ которомъ Сапоръ и держалъ его до самой смерти его (Валеріяна). Римской же имперіи онъ самъ назначилъ императоромъ нѣкоего Циріада, который и повелъ его въ Сирію. Вторженіе его въ нее было такъ неожиданно, что онъ напалъ совершенно въ расплохъ на Антіохію, такъ что жители ея, и не думая защищаться, предоставили городъ персамъ на разграбленіе и разрушеніе. Впрочемъ персы не думали утвердиться въ Сиріи и воротились въ Персію съ добычей и плѣнными, въ томъ числѣ съ Валеріаномъ, съ которымъ Сапоръ обходился самымъ презрительнымъ образомъ, а Циріада предоставилъ собственной его участи. Галліенъ принялъ вѣсть о плѣнѣ своего отца съ величайшимъ равнодушіемъ и вовсе не пытался освободить его, ни деньгами, ни оружіемъ. Ограничиваясь обороною Италіи, онъ съ трудомъ выходилъ изъ бездѣйствія и занимался болѣе науками и наслажденіями жизни, нежели государственными дѣлами. Оттого неудивительно, что онъ не могъ поддержать единства имперіи и что явилось столько же императоровъ, сколько было армій. Историкъ Требеллій Полліонъ, написавшій исторію ихъ, довелъ число ихъ до 30-ти и назвалъ ихъ тридцатью тираннами. Но ихъ было не болѣе 20-ти (хотя и того было слишкомъ много), а именно: Циріадъ, Макріянъ, Баллиста, Оденатъ, царь Пальмирскій, и жена его Зиновія—на востокѣ; Постумій, Лолліянъ, Викторинъ съ матерью Викторіею, Марій и Тетрикъ — въ Галліи; Ингенуй, Регилліянъ и Ауреолъ—на Дунаѣ; Сатурнилъ, Требелліянъ, Пизонъ и Валентъ—въ греческихъ провинціяхъ; наконецъ Эмиліянъ—въ Египтѣ и Цельзъ—въ Африкѣ. Эти императоры большею частію правили недолго, столь же скоро и насильственно бывъ низлагаемы, сколько и возвышаемы. Только исторія Одената и жены его Зиновіи заслуживаетъ особеннаго вниманія. Оденатъ былъ вождемъ одного аравійскаго племени, кочевавшаго въ пустынѣ вокругъ Пальмиры, основанной Соломономъ,

мало по малу достигшей самаго цвѣтущаго состоянія и принявшей греческое образованіе. Когда персы стали угрожать и этому обширному, богатому и великолѣпному городу, Оденатъ принялъ на себя защиту его. Предводительствуя аравитянами, гражданами Пальмиры и остатками разсѣянной римской арміи, онъ двинулся на встрѣчу персамъ и при Евфратѣ нанесъ имъ рѣшительное пораженіе. Съ этого времени онъ принялъ званіе царя Пальмирскаго и объявилъ жену свою Зиновію и старшаго сына своего, Ирода, соправителями. Войну противъ персовъ онъ продолжалъ дѣятельно и счастливо и отнялъ у нихъ Месопотамію. Такъ какъ въ тоже время онъ низложилъ и умертвилъ Баллисту, провозгласившаго себя на востокѣ императоромъ, то Галліенъ и назначилъ его правителемъ востока (dux Orientis) и, какъ кажется, позволилъ ему принять и императорскій титулъ. Онъ правилъ востокомъ мудро, счастливо и съ славой до 267 г., когда былъ убитъ, вмѣстѣ съ сыномъ Иродомъ, однимъ своимъ родственникомъ за личную обиду. Вдова его Зиновія приняла правленіе за младшихъ сыновей своихъ. Въ это время римская имперія и міръ варваровъ на сѣверѣ и востокѣ находились въ такомъ страшномъ броженіи и волненіи, что невозможно было ни рѣшить, ни предвидѣть, что выйдетъ изъ этого всеобщаго хаоса. Въ римской имперіи похитители престола вели войны между собою и противъ законнаго императора, и то прогоняли варваровъ, то призывали ихъ на помощь, такъ что имперія, казалось, была совершенно готова либо распасться на множество отдѣльныхъ государствъ, либо стать добычей варваровъ. А эти послѣдніе, франки, аллеманны и готѳы въ Европѣ и персы на востокѣ въ Азіи, все сильнѣе и сильнѣе нападали на римскую имперію и грозили разрушить ее. Поэтому всѣ въ ней были убѣждены, что, пока былъ живъ Галліенъ, нельзя было и думать о поддержаніи единства и самобытности имперіи, и лучшіе, преданнѣйшіе Галліену военноначальники положили умертвить его и исполнили это въ 268 г. по слѣдующему случаю. Дунайскіе легіоны провозгласили императоромъ полководца своего, Ауреола, и потребовали, чтобъ онъ повелъ ихъ въ Италію. Галліенъ двинулся на встрѣчу ему, разбилъ его и принудилъ запереться въ Медіоланѣ (Миланѣ). Тогда, во время осады этого города, префектъ преторіянцовъ Геракліянъ и легаты Марціянъ и Цекропій составили заговоръ противъ жизни Галліена, произвели поздно вечеромъ ложную тревогу — и Галліенъ въ темнотѣ былъ, неизвѣстно кѣмъ, смертельно раненъ кинжаломъ, но передъ смертію своею успѣлъ еще назначить преемникомъ себѣ лучшаго изъ своихъ полководцевъ, Марка Аврелія Клавдія, который былъ признанъ и войскомъ, и сенатомъ.

Клавдій (268 — 270 г.г.) возстановилъ въ нѣкоторой степени, хотя и на короткое время, поколебленное въ основаніи государство. Онъ явилъ столько способности, мудрости и справедливости въ дѣлахъ государственныхъ, и столько твердости, строгости и искуства въ дѣлахъ военныхъ, что всѣ римскіе писатели, христіанскіе и языческіе, друзья и враги происшедшаго отъ него поколѣнія Константина В., единогласно воздали ему хвалу. Онъ продолжалъ осаду Медіолана и принудилъ къ сдачѣ Ауреола, который, по требованію войскъ, былъ казненъ. Но если имперія наконецъ получила хорошаго императора, то съ другой стороны къ бѣдствіямъ ея присоединились почти всеобщіе и страшные голодъ и чума, изъ которыхъ послѣдняя жестоко свирѣпствовала цѣлыхъ 15 лѣтъ и опустошила провинціи, пощаженныя внѣшними врагами. Между тѣмъ Клавдій, по взятіи Медіолана и низложеніи Ауреола, обратился съ войною не противъ похитителей престола, а противъ германцовъ. Разбивъ аллеманновъ, онъ пошелъ во Ѳракію противъ готѳовъ, которые почти ежегодно нападали на римскія владѣнія, и на сухомъ пути, и съ моря. Разбивъ и истребивъ отдѣльныя толпы ихъ во Ѳракіи, онъ успѣлъ нанесть готѳамъ рѣшительное пораженіе при Наиссѣ (Ниссѣ, н. Нишъ), въ верхней Мизіи. Разбитые готѳы бѣжали въ горный хребетъ Гемуса (Балкановъ), гдѣ были обложены и заперты до тѣхъ поръ, пока всякаго рода недостатки и лишенія, болѣзни и смертность не истребили ихъ совершенно. Но эти заразительныя болѣзни сообщились и войску Клавдія, и онъ самъ сдѣлался жертвою ихъ въ 270 г. въ Сирміѣ, назначивъ передъ смертію преемникомъ своимъ полководца Ауреліяна или Авреліяна.

Авреліянъ (270—273) былъ сынъ поселянина одной изъ дунайскихъ провинцій и, вступивъ въ военную службу рядовымъ воиномъ, съ отличіемъ прошелъ всѣ военныя степени до высшихъ чиновъ, по рекомендаціи императора Валеріяна былъ усыновленъ знатнымъ сенаторомъ Ульпіемъ Криnитомъ, женился на его дочери и славою своихъ военныхъ заслугъ заставилъ совершенно забыть о своемъ низкомъ происхожденіи. Онъ довершилъ начатое Клавдіемъ возстановленіе государства, для чего всего болѣе важнымъ считалъ возстановленіе дисциплины въ войскѣ и неослабно соблюдалъ ее съ чрезвычайною строгостью; но, самъ подавая во всемъ примѣръ войскамъ, успѣлъ внушить имъ, вмѣстѣ съ страхомъ, уваженіе къ себѣ своимъ безпристрастіемъ и справедливостью, удивленіе своимъ военнымъ дарованіямъ и любовь за свой истинно-воинскій духъ. Принудивъ готѳовъ къ твердому и прочному миру, онъ уступилъ имъ Дакію на лѣвой сторонѣ Дуная, за что они обязались выставлять въ римскую армію 2 т. чел. вспомогательной легкой конницы и прекратить набѣги на

римскія провинціи. Въ обезпеченіе этого договора, готскіе князья отдали Авреліяну своихъ сыновьей и дочерей на воспитаніе въ Римѣ, что много способствовало слиянію германскаго міра съ римскимъ, скрѣпленію дружбы и довѣрія обѣихъ націй и обезпеченію надолго мира на Дунаѣ. Отсюда Авреліянъ обратился противъ аллеманновъ, вторгшихся въ Италію, но при Плаценціи попалъ въ засаду, устроенную ими, и потерялъ значительную часть своей арміи. Аллеманны устремились къ Риму, но Авреліянъ успѣлъ оправиться, послѣдовалъ за ними и разбивъ ихъ въ Умбріи, принудилъ отступить, разбилъ еще въ двухъ сраженіяхъ — и аллеманны получили миръ на условіи не тревожить болѣе границъ имперіи и выставлять вспомогательное войско. Между тѣмъ вторженіе ихъ въ Италію и движеніе къ Риму произвело въ немъ такой страхъ, что положено было укрѣпить его и начато возведеніе стѣнъ, которое, по причинѣ обширности города, окончено было впрочемъ только позже (при Пробѣ, см. ниже). Счастливо обезпечивъ границы имперіи съ сѣвера, Авреліянъ обратился противъ похитителя престола, Тетрика, утвердившагося въ Галліи. Послѣдній самъ желалъ сложить съ себя званіе императора и даже вступилъ въ тайные переговоры съ Авреліяномъ, но, страшась своихъ войскъ, не смѣлъ явно покориться ему. Однако, не смотря на невыгодное положеніе, въ которое онъ съ намѣреніемъ поставилъ свою армію при нын. Шалонѣ въ Шампаніи, ни на то, что самъ въ началѣ сраженія перешелъ на сторону Авреліяна, легіоны его сражались съ отчаяннымъ сопротивленіемъ до тѣхъ поръ, пока не были перебиты до послѣдняго человѣка, нанеся и побѣдителямъ большой уронъ. Слѣдствіемъ этой побѣды было покореніе Авреліяномъ Галліи, Британніи и Испаніи. Затѣмъ Авреліяну оставалось еще возстановить единство имперіи на востокѣ, гдѣ твердо и мудро правила, именемъ сыновей своихъ, Пальмирская царица Зиновія, съ помощью главнаго сановника своего, грека Лонгина. Зиновія славилась своимъ происхожденіемъ отъ Птолемэевъ, красотою и привлекательностью, какъ прабабка ея, Клеопатра, но была цѣломудреннѣе и предпріимчивѣе ея. Она владѣла уже тогда Сиріею, Египтомъ и частью Малой Азіи, и Лонгинъ внушилъ ей мысль возстановить независимое отъ Рима греческое царство. Противъ нея и обратился Авреліянъ въ 272 г., по присоединеніи отпавшихъ на западѣ провинцій и по приведеніи всѣхъ дѣлъ въ порядокъ. Зиновія сосредоточила главныя силы свои въ Сиріи, и здѣсь, при Эмесѣ, произошло рѣшительное сраженіе, въ которомъ римляне одержали побѣду, но, по словамъ историка Вописка, сами приписали ее сверхъестественному чуду. Зиновія отступила въ Пальмиру, въ которой Авреліянъ обложилъ ее и требовалъ сдачи, но она, ожидая помощи отъ

персовъ, гордо и оскорбительно отказала въ томъ. Когда же помощи отъ персовъ не послѣдовало, а въ Пальмирѣ произошелъ голодъ, то Зиновія бѣжала изъ нея на верблюдѣ и уже была на Евфратѣ, когда посланные за нею въ погоню Авреліяномъ взяли ее въ плѣнъ и привезли въ римскій лагерь. Тогда Пальмира сдалась и жители ея выдали Авреліяну правителей и полководцевъ Зиновіи головой. Тогда Зиновія упала духомъ и сложила всю вину на этихъ людей, которые и были казнены, а Зиновія послѣдовала за Авреліяномъ въ Римъ, для украшенія его тріумфа. Но онъ не успѣлъ еще дойти до предѣловъ Европы, какъ узналъ, что Пальмира снова возстала, и немедленно пошелъ обратно къ ней, взялъ ее приступомъ и въ гнѣвѣ своемъ не пощадилъ ея отъ ярости своихъ войскъ. Жители ея были истреблены, а самый городъ разрушенъ—и съ тѣхъ поръ стоитъ въ развалинахъ, которыя свидѣтельствуютъ о его обширности и великолѣпіи его зданій. Отъ Пальмиры Авреліянъ пошелъ въ Египетъ, гдѣ произошло возмущеніе и нѣкто Фирмъ даже былъ провозглашенъ императоромъ. Но Авреліяну не стоило большаго труда подавить возстаніе и возстановить прекращенный подвозъ продовольствія изъ Египта въ Римъ. По возвращеніи своемъ въ Римъ, Авреліянъ въ 274 г. торжествовалъ въ немъ блистательный тріумфъ. Впереди, въ длинной процессіи, были ведены дикіе звѣри изъ всѣхъ странъ свѣта, потомъ плѣнники въ своихъ національныхъ одеждахъ и въ числѣ ихъ Тетрикъ и Зиновія, послѣдняя въ золотыхъ цѣпяхъ; далѣе везли всякаго рода добычу; за нею на тріумфальной колесницѣ, запряженной 4-мя оленями, ѣхалъ самъ Авреліянъ, и наконецъ сенатъ и войско заключали шествіе. Но Авреліянъ пробылъ въ Римѣ недолго: онъ чувствовалъ себя передъ сенатомъ и народомъ не на своемъ мѣстѣ, которое было передъ войскомъ, и потому слѣдующею же весною (275 г.) повелъ легіоны снова на востокъ противъ персовъ, которымъ еще не было отмщено за пораженіе Валеріяна. Онъ дошелъ уже до Византіи и готовился къ переправѣ въ Малую Азію, когда въ мартѣ 275 г. былъ убитъ, не войсками, а старшими начальниками ихъ, вслѣдствіе заговора, составленнаго обманомъ частнаго письмоводителя его, Мнесѳея. Легіоны искренно сожалѣли о смерти, хотя и чрезвычайно строгаго, но воинственнаго и побѣдоноснаго Авреліяна, особенно когда обнаружился обманъ Мнесѳея. Послѣдній былъ наказанъ, а старшіе начальники войскъ, обманутые имъ, выразили свое раскаяніе тѣмъ, что никто изъ нихъ не домогался званія императора. Тогда произошло странное, небывалое въ римской имперіи обстоятельство: армія предоставила выборъ императора сенату изъ своей среды, а сенатъ отказался отъ этого и предоставилъ право выбора арміи, и такъ до трехъ разъ. Въ этихъ переговорахъ

между ними прошло болѣе полугода, и если въ продолженіи всего этого времени не явилось ни одного похитителя престола и не произошло ни одного мятежа и непріятельскаго вторженія, то въ этомъ нельзя не видѣть благодѣтельныхъ послѣдствій твердости и строгости Авреліяна, при его военныхъ дарованіяхъ и воинственномъ духѣ. И еслибы всѣ или по крайней мѣрѣ многіе изъ римскихъ императоровъ были подобны ему, то единство, самостоятельность и безопасность еще могли бы быть поддержаны и продлены.

Когда наконецъ сенатъ согласился избрать императора изъ своей среды, то 25 сентября 275 г. выборъ его палъ на 75-лѣтняго сенатора Клавдія Тацита, вовсе неспособнаго къ этому призванію по своей старости и по тѣмъ невоеннымъ занятіямъ, которымъ онъ дотолѣ посвящалъ свое время, хотя былъ достойный во многихъ отношеніяхъ человѣкъ. Онъ началъ съ того, что возвратилъ сенату нѣкоторыя права его, чѣмъ возбудилъ радость его и надежды на возстановленіе древняго значенія его. Но онѣ были непродолжительны: Тацитъ, по прибытіи въ армію, тотчасъ обнаружилъ неспособность свою внушить войскамъ уваженіе къ себѣ и черезъ полгода (въ мартѣ 276 г.) умеръ, неизвѣстно — отъ болѣзни-ли или насильственною смертію. Тогда восточные легіоны, не обращаясь уже къ сенату, сами провозгласили императоромъ легата Марка Аврелія Проба, между тѣмъ какъ въ Римѣ братъ Тацита, Флоріянъ, принялъ званіе императора и былъ признанъ сенатомъ и европейскими провинціями, но еще прежде, нежели дѣло дошло до междуусобія, былъ убитъ своими людьми, и Пробъ остался одинъ императоромъ (276—282 г. г.). Подобно Авреліяну, онъ также возвысился изъ рядовыхъ воиновъ и своими военными подвигами прославился во всѣхъ странахъ имперіи: притомъ онъ былъ въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ мужества. Онъ началъ свое правленіе славнымъ подвигомъ — освобожденіемъ Галліи отъ франковъ, вандаловъ и бургундцовъ, которые завладѣли ею. Изгнавъ ихъ, онъ положилъ напасть на нихъ въ собственной ихъ странѣ и попытаться покорить Германію, убѣжденный, что, не обративъ ее въ римскую провинцію, нельзя было и думать о продолжительномъ спокойствіи границъ. Но такого рода предпріятіе, неудавшееся при Августѣ, теперь было совершенно невыполнимо: Римъ уже потерялъ силу и стремленіе къ завоеваніямъ и даже къ наступательнымъ войнамъ и былъ вынужденъ только обороняться, чтобы не погибнуть. Попытка Проба доказала это цѣлому свѣту — во вредъ Риму. Хотя Пробъ въ 277 г. перешелъ черезъ Рейнъ и проникъ во внутренность Германіи, но вскорѣ убѣдился въ невозможности покоренія ея и ограничился только устроеніемъ укрѣпленной линіи отъ Дуная (при нын. Регенсбургѣ) до Рейна, поселеніемъ

множества плѣнныхъ германцовъ въ Галліи и другихъ пограничныхъ провинціяхъ имперіи, на Рейнѣ и Дунаѣ, принятіемъ множества же германцовъ въ римскія войска и размѣщеніемъ германскихъ войскъ между легіонами. Но эти мѣры были гораздо болѣе вредны и опасны, нежели полезны: въ нѣдра имперіи были введены и водворены большія массы германцовъ, которые, привыкши на родинѣ заниматься только войною и охотой, не терпѣли трудовъ и были неспособны къ осѣдлой жизни и земледѣлію, буйны и мятежны. Слѣдовательно Пробъ къ больному государству привилъ еще опасный для него элементъ—политика очень неразумная. Впрочемъ Пробъ, успѣвъ на время водворить спокойствіе на границахъ съ Германіей, получилъ возможность обратиться на востокъ и установить мирныя отношенія къ персамъ. Между тѣмъ легаты его отразили отъ Египта эфіопское племя блеммійцовъ (негровъ). Воротясь въ Римъ, Пробъ торжествовалъ такой же блистательный тріумфъ, какъ и Авреліяновъ, и затѣмъ старался успокоить государство и уврачевать раны его. Чтобы не оставлять войска въ праздности и бездѣйствіи, онъ впервые сталъ употреблять ихъ для земледѣльческихъ работъ и велѣлъ имъ насадить виноградъ въ Галліи и Панноніи. Работы, на которыя ихъ прежде употребляли, какъ-то: сооруженіе военныхъ укрѣпленій и дорогъ и т. п., они считали согласными съ ихъ призваніемъ, но употребленіе ихъ на земледѣльческія работы произвело между ними неудовольствіе, затѣмъ частныя возмущенія, какъ напримѣръ: въ Египтѣ (Сатурнина), въ Галліи (Боноза и Прокула) и др. и наконецъ открытый бунтъ. Именно, въ 282 г. Пробъ собралъ армію на Дунаѣ, чтобы вести ее противъ персовъ, но до выступленія въ походъ заставилъ войска производить тяжелыя работы — рыть около Сирмія каналы, чтобы осушить болота и сдѣлать землю способнѣе къ обработыванію. Въ жаркіе дни августа это произвело въ войскахъ ропотъ, а когда Пробъ сталъ запальчиво понуждать ихъ, то и явный бунтъ, среди котораго они въ раздраженіи убили Проба, но тотчасъ горько раскаялись, припоминая хорошія качества его, не смотря на его строгость, и провозгласили императоромъ префекта преторіянцовъ Марка Аврелія Кара. Послѣдній (282—283 г. г.) былъ уже старикъ, посѣдѣвшій въ военной службѣ. Старшаго сына своего Карина онъ назначилъ Августомъ и соправителемъ себѣ и послалъ его въ Галлію, для защиты ея отъ германцовъ, а младшаго сына Нумеріяна назначилъ Цезаремъ и взялъ съ собою въ 283 г. въ походъ противъ персовъ. Такъ какъ послѣдніе, имѣвшіе тогда царемъ Варама или Варарама II, заняты были войною на границѣ съ Индіей, то Каръ безъ сопротивленія проникъ за Тигръ и овладѣлъ Ктезифономъ и Селевкіей. Затѣмъ онъ готовился уже къ даль-

нѣйшему походу, какъ однажды, лежа больнымъ въ палаткѣ, вмѣстѣ съ нею сгорѣлъ во время страшной грозы. Всѣ думали, что онъ былъ убитъ молніей, а мѣста, пораженныя молніей, считались у римлянъ несчастливыми, и потому войска не захотѣли идти далѣе, и Нумеріянъ, заступившій мѣсто отца своего, былъ принужденъ вести ихъ назадъ. Тихій, кроткій и изнѣженный, онъ напоминалъ собою Александра Севера, между тѣмъ какъ Каринъ, напротивъ, соединялъ въ себѣ качества Эліогабала и Домиціяна. Персидскій походъ очень вредно подѣйствовалъ на слабое здоровье Нумеріяна, такъ что его въ походѣ несли въ крытыхъ носилкахъ, а тесть его, префектъ преторіянцовъ Аррій Аперъ, правилъ всѣми дѣлами и ежедневно объявлялъ арміи приказанія отъ имени Нумеріяна. Когда армія достигла Халкидона, въ ней распространился слухъ, что Нумеріяна уже не было болѣе въ живыхъ—и открылось, что Аперъ умертвилъ его. Онъ былъ схваченъ и въ цѣпяхъ приведенъ передъ армію, а начальники войскъ въ ней избрали въ императоры Марка Валерія Діоклеціяна или (по гречески) Діоклитіяна, который былъ званіемъ Regens Domesticos (начальникомъ чиновъ императорскаго двора). Принявъ званіе императора и клятвою оправдавъ себя въ неучастіи своемъ въ умерщвленіи Нумеріяна, Діоклитіянъ собственноручно убилъ Апера (284 г.). Каринъ не призналъ его и между ними произошла война, продолжавшаяся 7 мѣсяцовъ и кончившаяся въ августѣ 285 г. сраженіемъ при Маргѣ въ Мизіи. Хотя Каринъ и одержалъ въ немъ побѣду, но вслѣдъ затѣмъ былъ убитъ однимъ изъ частныхъ начальниковъ войскъ, лично оскорбленнымъ имъ, и тогда обѣ арміи признали Діоклитіяна императоромъ.

Съ этого времени исторія Рима, какъ политическая, такъ и военная, вступаетъ въ новый періодъ времени, получаетъ совершенно иной характеръ и потому составитъ предметъ 2-го отдѣленія настоящей книги. Здѣсь же, послѣ общаго историческаго обзора войнъ, веденныхъ Римомъ съ 30 г. передъ Р. Х. до 285 г. по Р. Х., изложены будутъ замѣчательнѣйшія изъ нихъ.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ ТРЕТЬЯ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЕ ВОЙНЫ И ПОХОДЫ РИМЛЯНЪ ВЪ ЭТОМЪ ПЕРІОДѢ.

(30 г. до Р. Х.— 284 г. по Р. Х.)

I.

Походы Друза, Тиберія и Германика.

(12 г. до Р. Х.—19 г. по Р. Х.).

§ 363.

Первые походы Друза и Тиберія въ Рэтіи (15 г. до Р. Х.).

По учрежденіи римской имперіи, когда планы римскихъ войнъ стали принимать обширные размѣры, Августъ призналъ (въ 15 г. до Р. Х.) своевременнымъ открыть прямой путь изъ Италіи къ

истокамъ Рейна въ Альпахъ. Это исполнено было очень замѣчательнымъ способомъ и удачно. Діонъ Кассій, самъ бывшій хорошимъ полководцемъ, излагаетъ это въ своей римской исторіи слѣдующимъ образомъ:

Рэтійцы, жители Рэтіи между Норикомъ и Галліей, возлѣ Рэтійскихъ или Тридентинскихъ Альповъ, производили вторженія въ сосѣднія съ ними земли Галліи и Италіи, грабили и убивали римскихъ и иныхъ путниковъ, которые слѣдовали изъ Италіи въ Галлію и обратно черезъ ихъ земли (именно черезъ Сплугенъ). Вслѣдствіе того Августъ послалъ противъ нихъ сначала (въ 15 г.) пасынка своего, Друза. Рэтійцы двинулись на встрѣчу ему, но въ Тридентинскихъ Альпахъ (на нын. верхнемъ Адижѣ, близъ Тріента) были разбиты имъ, послѣ кратковременнаго боя, и обращены въ бѣгство. Такъ какъ вслѣдствіе того путь въ Италію былъ прегражденъ имъ, но они продолжали вторгаться въ Галлію, то Августъ послалъ противъ нихъ и другаго пасынка своего, Тиберія, съ другой—западной стороны. Тогда Друзъ и Тиберій проникли въ Рэтію одновременно съ разныхъ сторонъ нѣсколькими путями и колоннами, предводимыми частію ими лично, частію подчиненными имъ начальниками войскъ, причемъ Тиберій даже напалъ на рэтійцовъ черезъ Боденское или Констанцское озеро на судахъ. Такого рода нападеніемъ съ разныхъ сторонъ Друзъ и Тиберій привели рэтійцовъ въ ужасъ, потому что принудили ихъ сражаться раздѣленными силами, безъ особеннаго труда разбивали ихъ по частямъ и окончательно одолѣли. Но какъ рэтійцы были очень многочисленный народъ и вѣроятнымъ казалось, что они вскорѣ снова возстанутъ, то Друзъ и Тиберій принудили бо̀льшую часть изъ нихъ, молодыхъ и способныхъ сражаться, удалиться изъ Рэтіи, оставивъ въ ней только такое число жителей, которое было достаточно для воздѣлыванія земли, но неспособно осмѣлиться на возстаніе *). Такимъ образомъ Рэтія была легко покорена и обращена въ римскую провинцію.

§ 364

Походы Друза въ Германіи (12—9 г. г. до Р. Х.).

Когда покореніемъ Рэтіи былъ открытъ прямой путь изъ Италіи къ верховьямъ Рейна, Августъ составилъ, кажется, планъ новаго на-

*) Такой образъ дѣйствій былъ часто употребляемъ римлянами въ послѣдствіи, для ослабленія враждебныхъ имъ народовъ.

ступательнаго, такъ сказать клинообразнаго, движенія отъ Гельвеціи внизъ по долинѣ Рейна, между этою рѣкою и Вогезскимъ горнымъ хребтомъ, для отдѣленія Галліи отъ Германіи, въ связи съ одновременнымъ наступательнымъ же движеніемъ изъ Бельгіи къ нижнему Рейну, съ цѣлію совершеннаго покоренія лингоновъ, медіоматриковъ и тревировъ, обитавшихъ на верхнихъ Мозѣ (Маасѣ) и Мозеллѣ (Мозели) и до тѣхъ поръ тщательно щадимыхъ. Неизвѣстно съ достовѣрностью, въ какомъ именно году и какимъ полководцемъ занято было пространство Рейнской долины отъ Гельвеціи до устья нын. р. Наге (Nahe) и покорились-ли рavраки, секваны, медіоматрики, трибокки, вангіоны и неметы добровольно или насильственно. Діонъ Кассій, подъ 13 г. до Р. Х., говоритъ только, что Августъ, устроивъ всѣ дѣла въ Галліи, въ Германіи (римской провинціи на лѣвой сторонѣ Рейна) и въ Италіи, воротился въ Римъ, оставивъ Друза въ этой провинціи Германіи. А Титъ Ливій также говоритъ только, что Друзъ воевалъ съ общинами Германіи по сю и по другую сторону Рейна и усмирилъ возстаніе, происшедшее въ Галліи. Изъ этихъ краткихъ указаній и изъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдованій можно, кажется, съ вѣроятностью заключить, что Августъ въ 14—13 г. г. до Р. Х. поручилъ Друзу исполненіе означеннаго выше плана, который Друзъ, за рановременною смертію своею, не успѣлъ однако совершить вполнѣ.

Извѣстно то, что въ 1-мъ походѣ своемъ въ 12 г. до Р. Х. Друзъ разбилъ сикамбровъ въ то время, когда они пытались перейти на лѣвый берегъ Рейна, вступилъ въ земли узипетовъ и изъ нихъ двинулся къ предѣламъ земель сикамбровъ, опустошая край на пути. Затѣмъ онъ спустился на флотиліи внизъ по Рейну до самаго устья его и покорилъ фризовъ и хауковъ.

Въ слѣдующихъ году (11 г.) и походѣ онъ перешелъ въ Castra vetera (нынѣ Ксантенъ) на правую сторону Рейна, покорилъ узипетовъ, построилъ мостъ черезъ р. Луппію (Липпу), вверхъ по долинѣ ея вторгнулся въ земли марсовъ и херусковъ до р. Визургисъ (Везеръ) и на пути къ нему построилъ многія укрѣпленія. Отъ дальнѣйшаго движенія онъ долженъ былъ отказаться по недостатку въ продовольствіи и по близости зимы. При обратномъ движеніи къ Рейну онъ потерпѣлъ много вреда отъ частыхъ засадъ германцовъ, однако нанесъ имъ рѣшительное пораженіе, когда они слишкомъ опрометчиво и сильно стали тѣснить его, и устроилъ при сліяніи Луппіи съ р. Элизономъ (нынѣ Альме), а также на Рейнѣ и въ земляхъ каттовъ, множество отдѣльныхъ укрѣпленій и даже малыхъ крѣпостей (фортовъ), по словамъ историка Флора—на Маасѣ, Везерѣ и до 50 фортовъ на Рейнѣ, соединивъ Боннъ и Гезоніякъ, на-

супротивъ его, мостами и для обезпеченія ихъ поставивъ тутъ флотилію. А по словамъ Тацита, онъ устроилъ также укрѣпленія въ горномъ хребтѣ Таунуса и во многихъ мѣстахъ долины средняго Рейна, но главную силу составляли 8 легіоновъ (отъ 40 до 50 т. чел.), поставленныхъ тутъ въ постоянное расположеніе, въ обезпеченіе со стороны какъ германцовъ, такъ и галловъ.

Въ 10 г. до Р. Х. Друзъ воевалъ съ каттами и маркоманнами, изъ которыхъ первые, по приказанію римлянъ, переселились въ земли сикамбровъ, но тамъ возмутились. При этомъ съ вѣроятностью предполагается, что Друзъ предпринялъ этотъ 3-й походъ свой отъ нынѣшняго Майнца и проложилъ другой, новый укрѣпленный путь внутрь Германіи, между Таунусомъ и Майномъ.

Въ 9 г. до Р. Х. весною Друзъ вторгнулся съ средняго Рейна чрезъ земли каттовъ въ земли суэвовъ, но встрѣтилъ съ ихъ стороны упорнѣйшее сопротивленіе и былъ принужденъ каждый шагъ завоевывать цѣною большаго кровопролитія. Отсюда онъ обратился противъ херусковъ, перешелъ черезъ Везеръ и дремучій Герцинійскій лѣсъ и, разоряя край на пути, проникъ до самой Эльбы, но тщетно старался перейти черезъ нее, вслѣдствіе какого-то зловѣщаго сновидѣнія или, вѣроятнѣе, ширины и быстроты рѣки. Соорудивъ на лѣвомъ берегу побѣдные трофеи, отдѣльныя укрѣпленія и крѣпостцы, онъ предпринялъ обратное движеніе къ Рейну, но, не дойдя до него, заболѣлъ и умеръ (какъ полагаютъ—на мѣстѣ нын. селенія Вальдорфа, къ с. отъ Шлюхтерна, между р.р. Заале и Рейномъ). Тѣло его было погребено въ Римѣ съ большою торжественностью; ему съ сыновьями его дано было прозваніе Germanicus (Германскій) и въ память его были сооружены на берегахъ Рейна статуи, тріумфальныя врата и великолѣпные памятники.

Такимъ образомъ Друзъ искусно и удачно исполнилъ мудрый планъ Августа, разъединивъ Галлію и Германію сильною оборонительною и укрѣпленною линіею въ долинѣ Рейна, отъ Базеля до Нимвегена, однимъ фронтомъ обращенною къ Германіи, а другимъ, у подошвы Вогезовъ, къ Галліи. Затѣмъ онъ произвелъ, одно за другимъ, три наступательныя движенія: 1) внизъ по Рейну противъ фризовъ и хауковъ,—2) съ нижняго Рейна къ среднему Везеру,—и 3) съ средняго Рейна къ средней Эльбѣ и Заале, и всѣ эти три движенія обезпечилъ и упрочилъ устроеніемъ укрѣпленій, занятыхъ гарнизонами. Но первыя два движенія были вполнѣ удачны, послѣднее же, какъ кажется, не имѣло надлежащаго успѣха. Во всякомъ случаѣ Друзу первому принадлежитъ честь устроенія твердаго и прочнаго основанія дѣйствій на среднемъ и нижнемъ Рейнѣ и проложенія отъ него трехъ укрѣпленныхъ путей въ Германію, одного—до бере-

говъ Сѣвернаго моря и двухъ—до Везера и Эльбы. И эти искусныя движенія и дѣйствія Друза не остались безъ полезныхъ для римлянъ результатовъ: пока онъ былъ живъ, покоренныя имъ племена германцовъ оставались спокойными и начали уже привыкать къ римлянамъ, которые, съ своей стороны, строгою дисциплиной заслужили ихъ уваженіе.

§ 365.

Походы Тиберія въ Германіи (8—7 г.г. до Р. Х.)

По смерти Друза, покоренныя имъ племена германцовъ снова пришли въ движеніе, чтобы освободиться отъ ига римлянъ. Самъ Августъ былъ вынужденъ отправиться на Рейнъ, но не перешелъ черезъ него, а ввѣрилъ продолженіе войны съ германцами и довершеніе начатаго Друзомъ Тиберію. Страхъ имени Августа и Тиберія принудилъ многія прирейнскія племена просить мира; только сикамбры вооружились и возстали и позже тщетно просили мира Подробности двухъ походовъ Тиберія за Рейномъ въ Германіи и результатовъ ихъ неизвѣстны. Извѣстно только то, что движенія и дѣйствія Тиберія были направлены по долинамъ р.р. Руръ, Зигъ и Ланъ, и 40 т. сикамбровъ (предки позднѣйшихъ австразійскихъ франковъ) были принуждены переселиться съ праваго берега Рейна на лѣвый и образовать на немъ колоніи или поселенія. Сосѣднія же съ ними племена были принуждены къ покорности римлянамъ. Веллей Патеркулъ говоритъ по этому случаю, что Тиберій умѣлъ исполнить тяжелое бремя войны съ германцами, возложенное на него Августомъ, съ свойственными ему способностью и счастіемъ: онъ побѣдоносно прошелъ черезъ всѣ части Германіи между Рейномъ и Везеромъ, безъ малѣйшаго урона для своей арміи, о чемъ имѣлъ особенную заботливость. Онъ такъ могущественно одолѣлъ этотъ край, что послѣдній едва отличался отъ подвластной Риму провинціи. За то Августъ дозволилъ ему принять отъ арміи почетный титулъ императора и торжествовать тріумфъ, и назначилъ его вторично консуломъ и главнымъ начальникомъ рейнской арміи на мѣсто Друза. Но въ это самое время, когда счастье такъ улыбалось Тиберію, онъ, еще въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ, положилъ удалиться отъ государственныхъ дѣлъ и отъ Рима (на о. Родосъ).

§ 366.

Дѣйствія въ Германіи, Паннонiи и Далмаціи съ 6 г. до Р. Х. и истребленіе арміи Вара въ Тевтобургскомъ лѣсу въ 9 г. по Р. Х.

По удаленіи Тиберія, до 4 г. по Р. Х. не происходило никакихъ наступательныхъ дѣйствій римлянъ въ Германіи. Діонъ Кассій говоритъ только, что «Домицій Агенобарбъ, начальствовавшій легіонами на Дунаѣ, а по удаленіи Тиберія — на Рейнѣ (6—2 г.г. до Р. Х.), переселилъ, въ часть покинутыхъ маркоманнами земель, гермундуровъ, также покинувшихъ свои земли и бродившихъ по Германіи для отъисканія другихъ (германскія племена непрестанно находились въ такого рода передвиженіяхъ). Онъ перешелъ также, безъ сопротивленія, черезъ Эльбу (какъ полагаютъ при нын. Доммичѣ) и заключилъ дружественные договоры съ обитавшими на правой сторонѣ ея племенами. Когда же онъ предпринялъ обратный походъ къ Риму и хотѣлъ, съ помощію сосѣднихъ племенъ, воротить часть херусковъ на ихъ земли, изъ которыхъ они были вытѣснены своими единоплеменниками, то это не удалось ему и имѣло слѣдствіемъ то, что и другіе варвары презрѣли римлянъ». Однако въ этомъ мирномъ походѣ Домиція можно видѣть не иное что, какъ большую рекогносцировку края до Эльбы и за нею, долженствовавшую доставить свѣдѣнія о немъ и о связяхъ жителей его съ племенами въ тылу новаго и большаго маркоманнскаго союза (въ нын. Богеміи), какъ бы въ видѣ приготовленія къ позднѣйшему охвату его римлянами. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ теченіи времени отъ 7 г. до Р. Х. по 4 г. послѣ Р. Х. взаимныя связи между германскими племенами на правой сторонѣ Рейнѣ уже начали ослабѣвать.

Послѣ Домиція легіонами на Рейнѣ начальствовалъ (2 г. до Р. Х.—3 г. по Р. Х.) Виниційі, но о военныхъ дѣйствіяхъ его въ Германіи ничего неизвѣстно.

Съ возвращеніемъ Тиберія въ 4 г. по Р. Х. снова къ начальствованію легіонами на Рейнѣ, предприняты были новыя наступательныя дѣйствія—на этотъ разъ противъ племенъ, обитавшихъ на берегахъ Сѣвернаго моря, между Рейномъ, Везеромъ и Эльбой. Эти дѣйствія уже съ 1-го похода были подкрѣплены флотомъ на морѣ, который во 2-мъ походѣ поднялся вверхъ по Эльбѣ и соединился на ней съ арміей Тиберія. Веллей Патеркулъ излагаетъ эти походы слѣдующимъ образомъ: въ 4 г. по Р. Х. Тиберій двинулся отъ нижняго Рейна и Липпы на востокъ, покорилъ каннинефатовъ, аттуаріевъ и

бруктеровъ, а херусковъ склонилъ на свою сторону, перешелъ черезъ Везеръ, вступилъ въ край за нимъ, до самой зимы пріобрѣлъ всѣ выгоды вполнѣ успѣшнаго похода и на зиму воротился лично въ Римъ, назначивъ арміи, подъ начальствомъ Сенція Сатурнина, зимній лагерь ad caput Juliae (нынѣ Грюнингенъ въ Веттерау, у истоковъ Липпы). Весною 5 г. онъ воротился въ этотъ лагерь и предпринялъ 2-й, такой же побѣдоносный походъ, пронесъ римское оружіе черезъ всю Германію, побѣдилъ такія племена, которыхъ имена дотолѣ были почти неизвѣстны, склонилъ на свою сторону хауковъ, сокрушилъ силу лонгобардовъ, самыхъ дикихъ изъ германскихъ племенъ, наконецъ провелъ свои легіоны отъ Рейна на 400 римскихъ миль (80 нѣмецкихъ = 560 верстъ) до Эльбы и за нею. Счастію и заботливости его и мудрому расчету имъ времени римляне были обязаны тѣмъ, что флотъ ихъ, проплывшій вдоль всѣхъ береговъ Сѣвернаго моря отъ нижняго Рейна до Эльбы, поднялся вверхъ по ней и соединился съ арміей Тиберія при лагерѣ ея на лѣвомъ берегу Эльбы. Побѣдивъ всѣ племена и во всѣхъ мѣстахъ, черезъ которыя проходила армія римская, не понеся урона, Тиберій привелъ ее назадъ въ зимній лагерь у истоковъ Липпы и на зиму снова отправился въ Римъ. «И не напрасно» — прибавляетъ Веллей Патеркулъ — «позже, бывъ отозванъ изъ Германіи, писалъ онъ Германику, что, девять разъ посланный Августомъ въ Германію, онъ пріобрѣлъ болѣе успѣха умомъ, нежели силой!» Дѣйствительно, несомнѣннымъ кажется, что Тиберій, одновременными дѣйствіями арміи и флота, частію силою оружія, большею же частію мирными переговорами, которые всегда предпочиталъ первой, умѣлъ и успѣлъ подчинить римскому вліянію какъ приморскія племена, такъ и херусковъ, охранявшихъ Везеръ. Но при этомъ не имѣется указаній, чтобы римляне прочно утвердили власть свою гораздо далѣе зимняго лагеря у истоковъ Липпы, и сомнительны нѣкоторыя показанія, будто Сенцій Сатурнинъ, по приказанію Тиберія, проникъ и даже покорилъ край до самой Вислы. Результатомъ же обоихъ походовъ Тиберія вообще слѣдуетъ признать обезпеченіе пространства края въ Германіи, прочно занятаго Друзомъ на правой сторонѣ Рейна, и пріобрѣтеніе дружественнаго расположенія приморскихъ племенъ.

Между тѣмъ въ обширной странѣ, обитаемой маркоманнами (нынѣ Богемія и далѣе къ ю. до Дуная), вождь ихъ Марбодъ (Marobodus) образовалъ могущественный союзъ племенъ подъ своимъ верховнымъ управленіемъ, въ 200 римскихъ миляхъ (40 нѣмецкихъ = 280 верстахъ) отъ римскихъ границъ. Въ молодости получивъ римское воспитаніе, онъ образовалъ 70 т. чел. пѣхоты и 4 т. чел. конницы, вооруженныхъ, устроенныхъ и обученныхъ по римски. Одаренный

большимъ умомъ и сильною волей, онъ избралъ мудрую политику въ отношеніи къ римлянамъ—избѣгать враждебнаго столкновенія съ ними, не уклоняясь однако отъ дружественныхъ отношеній къ нимъ, но и не страшиться ихъ и безбоязненно принимать къ себѣ изгнанныхъ ими и бѣжавшихъ отъ нихъ враговъ ихъ. Весьма естественно, что Тиберій, при дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ своихъ отъ Рейна на востокъ внутрь Германіи, не хотѣлъ оставлять такого противника на флангѣ и въ тылу у себя и потому положилъ въ 6 г. по Р. Х. атаковать его одновременно съ разныхъ сторонъ. Планъ его, приготовленія къ нему и выполненіе его Веллей Патеркулъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ: Сенцій Сатурнинъ получилъ отъ него назначеніе изъ зимнихъ лагерей ad caput Juliae (Грюнингена) и Castra Vetera (Ксантена), черезъ земли каттовъ и Герцинійскій горный (нынѣ Турингскій) лѣсъ, вести рейнскіе легіоны въ Bojohemum — такъ назывался край, въ которомъ находилось средоточіе Марбодова союза. А самъ Тиберій долженъ былъ въ тоже время вести туда иллирійскіе легіоны отъ Карнута (Carnutum, нынѣ Гайнбургъ на Дунаѣ, между Вѣной и Пештомъ), какъ ближайшаго оттуда пункта въ Норикѣ. Въ обѣ арміи были назначены 12 легіоновъ (около 72 т. чел.), въ числѣ которыхъ находились и расположенные въ Панноніи и Далмаціи. Согласно съ этимъ планомъ, Тиберій уже устроилъ зимній лагерь на Дунаѣ и приказалъ Сатурнину, стоявшему не далѣе 5 переходовъ отъ маркоманнской границы, начать свое наступленіе и соединиться съ нимъ, Тиберіемъ, въ предназначенномъ пунктѣ внутри владѣній Марбода—какъ въ это самое время вся Паннонія, по выходѣ изъ нея и Далмаціи легіоновъ, возстала вмѣстѣ съ послѣднею и сосѣдними съ ними племенами противъ римлянъ. Вооруженныя силы ихъ, подъ предводительствомъ Бато, возросли постепенно до 800 т. чел., съ одною третью которыхъ Бато хотѣлъ вторгнуться чрезъ Тергесту и Наупортъ въ Италію, съ другою—въ Македонію, а третью—оставить въ тылу для защиты собственныхъ земель.

Это поставило Тиберія въ весьма трудное положеніе. Но прежде, нежели изложить, какъ онъ вышелъ изъ него, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о планѣ его нападенія на Марбода. Крайніе пункты начала движеній Тиберія и Сатурнина—Гайнбургъ и Ксантенъ—въ прямой линіи находились одинъ отъ другаго въ разстояніи 100 нѣмец. миль (700 верстъ) и эта линія проходила черезъ нынѣшніе Будвейсъ, Пильзенъ, Эгеръ, Франкенвальдъ, Тюрцигервальдъ и Кассель до Падерборна. Мѣсто расположенія Марбода, по показанію Веллея Патеркула—въ 200 рим. миляхъ отъ границъ Италіи, слѣдуетъ искать въ окрестностяхъ Будвейса и по этому къ нему же и направ-

леніе Тиберія и Сатурнина. При этомъ Тиберій упростилъ задачу движенія къ Будвейсу тѣмъ, что повезъ свою армію на флотѣ вверхъ по Дунаю до нын. Кремса и Маутерна или Линца, которые отстоятъ именно на 5 переходовъ отъ Будвейса, т. е. на столько же, на сколько Сатурнинъ отстоялъ отъ маркоманнской границы. Но движеніе послѣдняго отъ Ксантена и Грюннигена, чрезъ земли каттовъ, концентрически, какъ полагаютъ, къ нын. Герстунгену на р. Веррѣ, а оттуда уже сосредоточенными силами вдоль Тюрингервальда далѣе, кажется до самаго Пильзена, было несравненно труднѣе. Но въ этомъ концентрическомъ направленіи двухъ армій съ двухъ противуположныхъ концовъ Германіи къ одному пункту—Будвейсу—нельзя не признать искуства въ соображеніи плана Тиберія и точнаго знанія географическихъ и топографическихъ свойствъ Германіи между двумя исходными пунктами, особливо между нижнимъ Рейномъ и Липпой и между Будвейсомъ. Этому вѣроятно много способствовали, какъ предъидущіе походы Друза, Тиберія и Домиція, такъ и состоявшіе при римскихъ арміяхъ развѣдчики (speculatores и exploratores). И еслибы планъ Тиберія вполнѣ удался въ исполненіи и Богемія была покорена римлянами, то все пространство Германіи между Рейномъ, Майномъ и Дунаемъ было бы отрѣзано, власть римлянъ распространилась бы за Тюрингервальдъ и Богемскія горы и, вѣроятно, не образовался бы въ послѣдствіи союзъ аллеманновъ, который сокрушилъ силу Рима.

Но грозное возстаніе паннонянъ, далматовъ и пр. въ тылу Тиберія принудило его тотчасъ заключить миръ съ Марбодомъ, дабы обратиться въ Паннонію и Далмацію. Возставшіе жители ихъ соединяли съ природною дикостью и отчаянною храбростью также и нѣкоторое знакомство съ римскимъ военнымъ бытомъ и искуствомъ. Войну открыли они (въ 6 г. по Р. Х.) повсемѣстнымъ избіеніемъ всѣхъ римскихъ чиновниковъ и купцовъ между ними, а затѣмъ вторглись въ Македонію и опустошили ее огнемъ и мечемъ. Вѣсть объ этомъ произвела въ Римѣ такой страхъ, что самъ Августъ объявилъ въ сенатѣ, что если не будутъ немедленно приняты самыя энергическія мѣры, то черезъ 16 дней непріятель будетъ у воротъ Рима. Вслѣдствіе того, съ величайшею поспѣшностью были набраны войска, со всѣхъ сторонъ собраны ветераны и Тиберію ввѣрено главное начальствованіе ими. Однако, еще прежде, нежели Тиберій могъ вступить въ Паннонію, римскій преторъ Мизіи Цецина Северъ, двинулся на встрѣчу паннонянамъ, внезапно напалъ на нихъ при р. Дравѣ, разбилъ ихъ въ кровопролитномъ сраженіи, хотя и не безъ большихъ усилій и урона, удержалъ за собою поле сраженія и усилился новыми войсками и союзами. Это было боль-

шимъ счастіемъ и для Тиберія, и для Рима. Тиберій вступилъ наконецъ въ Паннонію, предшествуемый небольшою арміей Валерія Мессанина, изгнаннаго изъ Панноніи и Далмаціи правителя ихъ. Сначала разбитый Батомъ въ открытомъ бою, потомъ онъ разбилъ его въ свою очередь изъ засады. Съ этого времени война превратилась въ рядъ частныхъ дѣлъ, потому что Бато сталъ избѣгать общаго сраженія. Въ слѣдующемъ 7 г. Паннонія покорилась и оставалось только покорить Далмацію. Тиберій, оставивъ Марка Лепида съ частію арміи въ Панноніи, съ другою открылъ походъ въ Далмаціи. Августъ, уже не довѣряя ему, въ 8 г. послалъ ему въ помощь племянника его, Германика (сына Друза), съ вспомогательными войсками. Германикъ, не смотря на свою молодость, дѣйствовалъ такъ благоразумно и искусно, что въ томъ же году покорилъ макеевъ—одно изъ главныхъ племенъ въ Далмаціи. Позже (въ 9 и 10 г.г.), при неудачномъ приступѣ къ городу Рэтію, онъ потерпѣлъ большой уронъ, но покорилъ Серетій и многіе другіе города. Затѣмъ Тиберій раздѣлилъ всю свою армію на 3 части: одну ввѣрилъ легату Сильвану, другую—Марку Лепиду, а съ третьею, вмѣстѣ съ Германикомъ, обратился противъ Бато. Послѣдній отступилъ и заперся въ горной крѣпости Андеріѣ (Anderium) и былъ обложенъ въ ней римлянами. Здѣсь произошелъ кровопролитный бой, въ которомъ римляне одержали побѣду. Германикъ двинулся далѣе, осадилъ городъ Ардубу (Arduba) и покорилъ его послѣ упорнаго сопротивленія. Затѣмъ бо̀льшая часть остальныхъ городовъ Далмаціи также покорилась римлянамъ, и Германикъ, предоставивъ легату Постумію покорить и остальные, присоединился къ Тиберію (въ концѣ 10 г.). Бато, покинутый всѣми, униженно просилъ у Тиберія мира, ссылаясь на нестерпимыя угнетенія и поборы римскихъ правителей и чиновниковъ. Миръ былъ заключенъ, но не на долго, потому что угнетенію Далмаціи римлянами предѣла положено не было. Война же въ Панноніи и Далмаціи стоила римлянамъ большихъ пожертвованій деньгами и лучшими войсками.

Но въ то самое время, когда Римъ торжествовалъ побѣды Тиберія и Германика въ Панноніи и Далмаціи, страшная вѣсть объ истребленіи римской арміи въ Германіи замѣнила общую радость общею горестью.

Сказанія римскихъ историковъ объ этомъ событіи не даютъ никакихъ данныхъ въ отношеніи собственно къ искуству веденія римлянами войны въ это время въ Германіи. Но они важны тѣмъ, что изображаютъ тѣ отношенія, въ коихъ Тиберій, послѣ своихъ походовъ въ 4 и 5 г. по Р. Х. въ Германіи, оставилъ въ ней римскую армію.

Діонъ Кассій говоритъ, что римляне заняли нѣкоторые пункты въ Германіи не разомъ, но постепенно, смотря по обстоятельствамъ. Римскія войска стояли въ нихъ въ зимнихъ лагеряхъ, построены были города, открыты рынки и мирныя сношенія съ варварами, и послѣдніе, вліяніемъ римскихъ нравовъ и обычаевъ, какъ будто совершенно преобразились, однако не забыли ни нравовъ и обычаевъ своихъ предковъ, ни своей свободной жизни, ни той силы, которую имъ доставляло оружіе. Поэтому, пока они были постепенно и осторожно преобразуемы, они не находили своего положенія обременительнымъ и сами не замѣчали, какъ преображались. Но когда Квинтилій Варъ, дотолѣ начальствовавшій легіонами въ Сиріи, заступилъ въ Германіи мѣсто Сатурнина, установилъ въ Германіи свое высшее римское правленіе, захотѣлъ преобразовать германцовъ съ бо̀льшими скоростью и насиліемъ, сталъ повелѣвать ими, какъ рабами и вымогать отъ нихъ денегъ, въ видѣ податей и налоговъ, тогда они не могли снести этого. Открыто возстать они не смѣли, зная, что римскія войска были многочисленны (2 легіона Аспренаса у нын. Майнца или у Бонна на Рейнѣ и 3 легіона съ вспомогательными войсками внутри Германіи, слѣдовательно по меньшей мѣрѣ 30 т. чел.). Напротивъ, они по виду охотно приняли мѣры Вара и изъявили готовность исполнить все, что̀ онъ имъ повелитъ, но между тѣмъ завлекли его въ земли херусковъ на Везерѣ и тамъ, живя въ мирѣ и дружбѣ съ нимъ, привели его къ мысли, что они могли быть рабами и безъ римскаго войска.

Веллей Патеркулъ, съ своей стороны, говоритъ, что Варъ въ Германіи пришелъ къ той мысли, что были люди, у которыхъ, кромѣ языка и тѣла человѣческихъ, ничего человѣческаго не было, и что кого нельзя было одолѣть мечомъ, того можно было обуздать правомъ (jus) или закономъ. Съ такою мыслію прибылъ онъ въ середину Германіи и проводилъ лѣтнее время въ производствѣ суда и расправы съ своей судейской каѳедры, какъ будто находился посреди совершенно мирнаго населенія. А они (т. е. германцы), хитрые и коварные, нарочно обращались къ его суду и расправѣ, льстили и обманывали его, выхваляли римскую справедливость и пр. и такимъ образомъ совершенно усыпили бдительность Вара. А между тѣмъ, дабы раздѣлить его силы, они просили у него отрядовъ войскъ, то для охраненія какого нибудь мѣста, то для прикрытія транспортовъ, то для поимки разбойниковъ и т. п. И такимъ образомъ Варъ не держалъ всѣхъ своихъ войскъ вмѣстѣ, какъ слѣдовало въ непріятельскомъ краю, а раздробилъ ихъ въ немъ на части. Главные заговорщики, Германъ (или Арминій) и Сегестъ, были постоянными собесѣдниками и даже сотрапезниками его. А пока онъ

не ожидалъ ничего дурнаго и даже отвергалъ предостереженія (особенно Сегеста), прежде всѣхъ возстали обитавшіе далѣе отъ Вара и ближе къ Рейну (вѣроятно марсы и сикамбры), для того, чтобы при движеніи Вара противъ нихъ легче было напасть на него, нежели еслибы всѣ поднялись разомъ. И когда онъ двинулся, то они остались назади, будто бы для сбора и присоединенія къ нему вспомогательныхъ войскъ. Но присоединивъ къ себѣ войска, уже скрытно собранныя въ назначенныхъ мѣстахъ, а данные имъ римскіе отряды истребивъ, они двинулись вслѣдъ за нимъ и въ то время, когда онъ вступилъ въ дремучіе лѣса, изъ которыхъ не было выхода, однимъ ударомъ истребили его войско и доказали, что они хотѣли быть врагами, а вовсе не подданными римлянъ.

Таковы сказанія римскихъ историковъ, въ римскомъ духѣ и смыслѣ, объ этомъ событіи. Но новѣйшая историческая наука изслѣдовала его глубоко и многосторонно, особенно въ Германіи, потому что побѣда германцовъ надъ Варомъ и истребленіе его легіоновъ въ Тевтобургскомъ лѣсу спасли политическую независимость Германіи, самостоятельное развитіе германской націи и ея языкъ, нравы и обычаи отъ вліянія и власти Рима. Кромѣ того, это событіе достойно особеннаго вниманія и по сравнительному отношенію его къ позднѣйшимъ судьбамъ славянскихъ племенъ, о чемъ будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ позже.

На основаніи новѣйшихъ историческихъ изслѣдованій, это важное и замѣчательное событіе въ сущности представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Побѣды Друза присоединили къ римской имперіи всѣ земли германцовъ между Рейномъ, Эльбой и Салой (или Заале). Для удержанія воинственныхъ жителей этихъ странъ Германіи, римляне принимали всѣ мѣры, которыя могли внушить имъ благоразуміе и знаніе характера вновь покоренныхъ племенъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ-то сикамбры, были переселены на лѣвую сторону Рейна и даже во внутренность Галліи, а вѣрность другихъ римляне обезпечивали заложниками и дарованіемъ дѣтямъ знатнѣйшихъ германскихъ вождей римскаго воспитанія и образованія въ Римѣ. Въ числѣ ихъ находился, между прочими, Германъ (у Тацита и другихъ римскихъ историковъ извѣстный подъ именемъ Арминія), сынъ Сигимера, главнаго и знатнаго вождя херусковъ, родившійся за 18 лѣтъ до Р. Х. Но ни благоволеніе Августа, ни преимущества римскаго образованія не могли измѣнить въ Германѣ врожденныхъ: германскаго духа, любви и преданности къ своему отечеству, религіи, правамъ и обычаямъ своихъ предковъ. Научась въ Римѣ военному искуству, онъ воротился въ Германію въ то время, когда римскими войсками въ ней

начальствовалъ Варъ, по выраженію одного современнаго ему римскаго писателя, «вошедшій бѣднымъ въ богатую Сирію и вышедшій богатымъ изъ бѣдной Сиріи». Наглость и лихоимство его и подчиненныхъ ему римскихъ чиновниковъ возбудили справедливое негодованіе германцовъ, которое усилилось еще болѣе вслѣдствіе старанія Вара ввести между ними римскіе законы. Пылкій Германъ задумалъ освободить свое отечество, находя время для того благопріятнымъ; но, не надѣясь достигнуть этого открытою войной, онъ прибѣгнулъ къ хитрости. Показывая видъ совершенной преданности Риму, втайнѣ онъ старался и успѣлъ склонить къ возстанію вождей почти всѣхъ германскихъ племенъ между Рейномъ и Эльбой. Тщетно Сегестъ, вождь каттовъ и союзникъ римлянъ, предупреждалъ Вара о грозившей ему опасности: безразсудный Варъ пренебрегъ его предостереженіемъ, а Германъ усугубилъ стараніе разсѣять сомнѣнія и усилить безпечность его. Онъ обратилъ вниманіе его на частныя возмущенія, происшедшія въ разныхъ, отдаленныхъ частяхъ Германіи и возбужденныя имъ же самимъ, Германомъ, для раздѣленія силъ Вара. Коль же скоро при Варѣ остались только 3 легіона, нѣсколько когортъ и вспомогательныя германскія войска, возстаніе сдѣлалось болѣе общимъ. Германъ и единомышленники его убѣдили Вара въ необходимости идти и подавить возстаніе на самомъ мѣстѣ его, не дожидаясь, чтобы мятежники двинулись противъ него, Вара. Снова и тщетно Сегестъ предостерегалъ его: Варъ не послушался его и углубился въ страну. Послѣ труднѣйшихъ переходовъ, онъ вступилъ въ обширный и дремучій Тевтобургскій лѣсъ, въ земляхъ бруктеровъ (близъ нынѣшняго города Детмольда) и тутъ, среди горъ и непроходимой мѣстности, увидѣлъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ, на горахъ и въ ущельяхъ, германцами и узналъ, что предводителемъ ихъ былъ Германъ. Вспомогательныя германскія войска перешли на ихъ сторону — и римскія войска, послѣ 3-хъ-дневнаго, жестокаго и кровопролитнаго боя, хотя и совершили чудеса отчаянной храбрости, были разбиты на голову и истреблены почти всѣ до одного (за исключеніемъ немногихъ, успѣвшихъ спастись, пользуясь темнотою ночи). Самъ Варъ лишилъ себя жизни. Германъ не остался послѣ того въ бездѣйствіи, разрушилъ укрѣпленія, построенныя римлянами на Эльбѣ, Везерѣ и Рейнѣ и, освободивъ Германію, всѣми мѣрами старался поддерживать въ германцахъ воинственный жаръ, справедливо признавая его лучшимъ оплотомъ противъ алчности римлянъ къ завоеваніямъ въ Германіи. Усилія его не были безплодны, но вовлекли его въ войну съ своими же единоплеменниками. Осажденный имъ Сегестъ, у котораго онъ похитилъ дочь Туснельду,

обѣщанную въ жены другому германскому вождю, призвалъ на помощь римлянъ—и завязалась новая, упорнѣйшая война.

§ 367.

Походы Тиберія и потомъ Германика въ Германіи (10—16 г.г.) и послѣдняго въ Азіи (17—19 г.г.).

Пораженіе и гибель Вара повергли Августа въ такую скорбь, что онъ восклицалъ: «Варъ! отдай мнѣ мои легіоны!», а римлянъ—въ такой ужасъ, что Августъ, опасаясь вторженія германцовъ, приказалъ, подъ страхомъ смертной казни неповиновавшимся, немедленно набрать войска и, вызвавъ Тиберія, послалъ его на Рейнъ.

Тиберій, обезпечивъ Галлію и занятіе оной и всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстъ по Рейну, въ 10 г. перешелъ черезъ эту рѣку около Майнца и вторгнулся въ земли каттовъ для того, чтобы принудить къ раздѣленію общія силы германцовъ, угрожавшія нижнему Рейну. А между тѣмъ Аспренасъ съ своими 2-мя легіонами двинулся внизъ по Рейну къ Castra vetera (Ксантену), дабы обезпечить отъ германцовъ нижній Рейнъ и упрочить вѣрность германскихъ племенъ, жившихъ на лѣвой сторонѣ его и уже начинавшихъ колебаться. Отсюда онъ подалъ помощь римлянамъ, осажденнымъ германцами въ Ализо, на правой сторонѣ Рейна.

Тиберій, съ самаго начала прибытія своего въ Галлію и на Рейнъ, вѣрно оцѣнилъ перемѣну, происшедшую въ Германіи, вслѣдствіе пораженія Вара. Въ военномъ отношеніи, вся предъидущая система покоренія Германіи—движеніями къ Эльбѣ и потомъ съ двухъ сторонъ противъ Марбода—была разрушена, и оставались только два опорные пункта на Рейнѣ—у Майнца и Ксантена. Но еще важнѣе было то, что весь предъидущій трудъ римлянъ—преобразовать германцовъ вліяніемъ римской цивилизаціи—былъ низпровергнутъ однимъ ударомъ. Поэтому всѣ дѣйствія Тиберія въ 10 и 11 г.г. на правомъ берегу Рейна были сопряжены съ величайшею осторожностью. Суэтоній говоритъ, что онъ не дѣлалъ ни одного шага безъ совѣщанія съ военнымъ совѣтомъ, тогда какъ до того всегда и вездѣ дѣйствовалъ совершенно самостоятельно, по собственному усмотрѣнію. Такъ, при переходѣ черезъ Рейнъ, онъ переправилъ весь обозъ (для котораго далъ опредѣленныя предписанія) не прежде, какъ лично удостовѣрясь на берегу, что ни въ одной повозкѣ не было ничего, кромѣ необходимаго и дозволеннаго. Это показаніе Суэтонія достаточно доказываетъ и многочисленность обозовъ римскихъ армій въ Германіи, и то, что для движеній по ней, арміямъ по необходи-

мости нужно было избирать предпочтительно горные водораздѣлы и ведшіе черезъ нихъ горные пути, въ избѣжаніе переходовъ черезъ многія рѣки и рѣчки, на которыхъ не было мостовъ.

Далѣе Суэтоній говоритъ, что, перейдя черезъ Рейнъ, Тиберій обѣдалъ, сидя на травѣ, ночь проводилъ подъ открытымъ небомъ, безъ ставки, и всѣ приказанія свои отдавалъ письменно, съ тѣмъ, что еслибы что кому было неясно, тотъ долженъ былъ обращаться за объясненіемъ къ нему одному во всякое время, даже ночью. Дисциплину въ войскахъ онъ соблюдалъ строжайшую, возстановивъ многія, уже пришедшія въ пренебреженіе, мѣры строгости и наказаній.

Также точно дѣйствовалъ онъ и въ 11 г., когда при немъ находился и Германикъ. Діонъ Кассій говоритъ, что оба они совершили походъ отъ Рейна во внутренность Германіи, прошли черезъ нѣсколько земель ея, не встрѣтили никакого сопротивленія, не покорили никого, изъ опасенія попасть (подобно Вару) въ засаду, опасность и бѣду, не удалялись слишкомъ отъ Рейна и воротились къ нему осенью. Предводительствованіе двухъ полководцевъ, Тиберія и Германика, и расположеніе двухъ армій на среднемъ и нижнемъ Рейнѣ три года спустя — въ 14 г., позволяетъ предполагать, что и въ 11 г. также были въ движеніи и дѣйствіи двѣ арміи, отъ Майнца и Ксантена, и что въ этомъ послѣднемъ начальствовалъ Германикъ.

Въ эти послѣдніе три года (11—13) царствованіе Августа, по этой причинѣ и вслѣдствіе спокойствія между германцами, не ознаменовалось никакими особенными военными дѣйствіями въ Германіи. Тацитъ въ своихъ «Лѣтописяхъ» говоритъ, что Августъ повелѣлъ Германику начальствовать 8-ю легіонами на Рейнѣ, а Тиберію—усыновить его себѣ: войны же въ это время не было надобности вести, кромѣ Германіи, и то только въ отмщеніе за пораженіе Вара, а не для распространенія предѣловъ имперіи. А Аврелій Викторъ, говоря, что Августъ умеръ въ Нолѣ 19 августа 14 г., 76 лѣтъ отъ роду, прибавляетъ, что онъ покорилъ Рэтію и Иллирикъ и принудилъ къ миру дикихъ жителей чужихъ странъ, но только не Германіи.

По смерти Августа и принятіи власти послѣ него Тиберіемъ, Германику въ томъ же августѣ 14 г. пришлось усмирить возстаніе, не германцовъ, а рейнскихъ легіоновъ (уже первое тотчасъ по смерти Августа). То, что говоритъ объ этомъ Тацитъ въ «Лѣтописяхъ», сообщаетъ подробности состава и расположенія рейнской арміи и потому очень важно для объясненія и предшествовавшихъ, и послѣдовавшихъ походовъ въ Германіи.

На Рейнѣ стояли двѣ арміи: одна, верхнерейнская—подъ начальствомъ легата Кайя Силіуса, а другая, нижнерейнская — легата Аула

Цецины, обѣ—подъ главнымъ начальствомъ Германика, который находился въ Галліи для сбора податей. Армія Силіуса (въ лѣтнемъ лагерѣ у Майнца), въ двусмысленномъ настроеніи, ждала, какой успѣхъ будетъ имѣть возмущеніе арміи Цецины (въ лѣтнемъ лагерѣ въ земляхъ убіевъ, какъ полагаютъ—у нын. Бонна). Въ этой послѣдней первый знакъ къ возмущенію подали 21-й и 5-й легіоны, увлекшіе за собою и 1-й, и 20-й. Въ это самое время Германикъ получилъ извѣстіе о смерти Августа и тотчасъ заставилъ ближайшихъ къ нему секвановъ, а также и бельговъ, присягнуть въ вѣрности, а затѣмъ поспѣшилъ въ лагерь арміи Цецины. Мятежники вышли изъ лагеря на встрѣчу ему съ жалобами на затрудненія въ увольненіи ихъ отъ службы и въ разныхъ служебныхъ работахъ, на скудное жалованье и т. п. Германикъ едва успѣлъ уклониться отъ нихъ и удалиться въ свою ставку для совѣщанія съ военнымъ совѣтомъ. Положеніе было трудное: легіоны Цецины могли разграбить главный городъ убіевъ (Кёльнъ), а потомъ и Галлію; германцы же воспользовались бы этимъ для вторженія также въ Галлію (хотя римляне въ это время владѣли нѣкоторыми пунктами на правомъ берегу Рейна и землями болѣе или менѣе далеко отъ него). Употребить же противъ мятежниковъ союзныя и вспомогательныя войска значило бы начать междуусобную войну. Нечего было дѣлать — выслужившихъ сроки уволили, а выдача жалованья была отсрочена до зимняго лагеря. Но 5-й и 21-й легіоны выступили туда не прежде, какъ по полученіи всего жалованья сполна, на что Германикъ и его друзья употребили всѣ свои собственныя деньги. Цецина повелъ 1-й и 20-й легіоны къ Кёльну, а Германикъ отправился въ армію Силіуса и заставилъ 2-й, 13-й и 16-й легіоны безъ сопротивленія присягнуть на вѣрность. Вексиллы въ гарнизонахъ у хауковъ (между нижними Везеромъ и Эмсомъ) также сдѣлали-было попытку возмутиться, но были усмирены—и вся армія вступила въ зимніе лагери.

Между тѣмъ къ Германику (близъ Кёльна) прибыли послы сената. 1-й и 20-й легіоны и уволенные ветераны, опасаясь, чтобы они не отняли у нихъ дарованнаго имъ, стали угрожать имъ смертью. Но Германикъ силой словъ своихъ усмирилъ ихъ и привелъ къ раскаянію, такъ что они сами собой умертвили зачинщиковъ.

Но оставалось еще усмирить 5-й и 21-й легіоны, стоявшіе въ 60-ти римскихъ миляхъ (12-ти нѣмецкихъ=84 верстахъ) оттуда въ Castra vetera (Ксантенъ). Уже было приготовлено нападеніе на эти легіоны, когда Германику удалось, черезъ Цецину, обратить ветерановъ противъ зачинщиковъ—наибольшею частью новонабранныхъ изъ черни Рима, которые и были изрублены ветеранами. Германикъ, прибывъ вслѣдъ затѣмъ въ лагерь, сказалъ войскамъ съ горькими слезами:

«случившееся есть не изцѣленіе зла, а новое пораженіе!». Это такъ подѣйствовало на умы воиновъ, еще сильно возбужденные, что послѣдніе выразили желаніе идти противъ непріятеля. Германикъ не замедлилъ воспользоваться этимъ, велѣлъ построить мостъ черезъ Рейнъ (выше устья Липпы) и перейти по немъ 12 т. легіонеровъ, 26 когортамъ союзниковъ и 8-ми турмамъ конницы, которыя при возмущеніи не нарушили дисциплины. Быстро и неожиданно для торжествующихъ германцовъ повелъ Германикъ эти войска черезъ Цэзійскій лѣсъ и начатый Тиберіемъ валъ (лѣсистый горный отрогъ между р. р. Рейномъ, Липпой и Руръ). На этомъ валу онъ устроилъ лагерь, укрѣпленный спереди и сзади валами и рвами, а съ обоихъ боковъ—засѣками. За тѣмъ, изъ двухъ путей, одного—кратчайшаго и уже употребленнаго прежде, а другаго — дальняго и труднаго, но еще не употребленнаго и не наблюдаемаго непріятелемъ, онъ избралъ послѣдній (какъ полагаютъ — между нынѣшними городами Реклингсгаузеномъ и Люненомъ, южнѣе перваго пути, къ р. Руръ и большой дорогѣ отъ Дортмунда 10 нѣм. миль=70 верстъ до Падерборна и Марсбурга, тогда въ земляхъ марсовъ). Цецинѣ Германикъ приказалъ идти впереди съ легковооруженными когортами и, гдѣ было нужно, рубить въ лѣсу просѣки; за нимъ — авангарду, а за авангардомъ—легіонамъ. Движеніе это было предпринято въ тихую осеннюю ночь, при ясномъ, звѣздномъ небѣ. Прибывъ въ земли марсовъ, праздновавшихъ одинъ изъ своихъ праздниковъ, Германикъ окружилъ ихъ караулами и постами и, раздѣливъ легіоны на 4 колонны, на протяженіи 50-ти римскихъ миль (10 нѣмецкихъ=70 вер.), разорилъ край на немъ огнемъ и мечомъ. Сопротивленія не было: ни жителямъ, ни жилищамъ ихъ, ни даже весьма уважаемому у нихъ храму Танфаны (при которомъ жили знаменитая у германцовъ прорицательница Велледа и жрецы)—никому и ничему не было пощады. Это вооружило сосѣднихъ бруктеровъ, тубантовъ и узипетовъ, и они заняли лѣсистыя горы (вѣроятно Цэзійскій лѣсъ), черезъ которыя пролегалъ путь отступленія римлянъ. Германикъ, узнавъ объ этомъ, двинулся назадъ въ полной готовности къ бою. Германцы, допустивъ армію его совершенно войти въ лѣсъ, атаковали ее спереди и съ боковъ слабо, но всѣми силами сзади. Шедшія въ головѣ легкія когорты уже были приведены въ безпорядокъ, когда, по воззванію Германика, 20-й легіонъ произвелъ сильную атаку и въ тоже время головныя войска дошли до конца лѣса и устроили укрѣпленный лагерь. Дальнѣйшее движеніе совершено было спокойно и въ концѣ 14 г. войска вступили въ зимніе лагери.

Въ слѣдующемъ 15 г. раннею весною Германикъ послалъ Цецину съ 4-мя легіонами, 5 т. чел. вспомогательныхъ войскъ и нѣсколь-

кими вспомогательными войсками колоній лѣвой стороны Рейна—съ нижнихъ частей этой рѣки, между р. р. Липпой и Руръ, въ земли херусковъ и марсовъ, для диверсіи, а самъ, съ 4-мя легіонами и 10 т. чел. вспомогательныхъ войскъ, налегкѣ, безъ тяжестей, пошелъ съ средняго Рейна (отъ Майнца къ Фрицлару) въ земли каттовъ. На горномъ хребтѣ Таунусѣ онъ устроилъ отдѣльное укрѣпленіе (фортъ), оставилъ назади Апронія, для обезпеченія дорогъ и переправъ черезъ рѣки, и напалъ на каттовъ такъ неожиданно, что бо̀льшую часть ихъ истребилъ или взялъ въ плѣнъ. Способная сражаться часть каттовъ противустала Германику на берегу р. Адраны (Эйдеръ), но послѣ краткаго боя была опрокинута и обращена въ бѣгство назадъ въ лѣса. Германикъ сжегъ главный городъ (или мѣстечко) ихъ, Маттій, разорилъ земли ихъ и спокойно, безъ всякаго препятствія, воротился къ Рейну.

Вскорѣ послѣ того къ нему прибыли послы отъ Сегеста, съ просьбой о помощи противъ Германа и союзныхъ съ нимъ вождей, обложившихъ Сегеста въ его бургѣ (укрѣпленномъ жилищѣ), въ сѣверной части земель херусковъ. Германикъ поспѣшилъ на его призывъ, освободилъ его, родныхъ и друзей его и взялъ обратно бо̀льшую часть добычи германцовъ при пораженіи Вара, а въ числѣ плѣнныхъ—жену Германа, Туснельду. Послѣднюю — беременную — самъ отецъ ея, Сегестъ, выдалъ римлянамъ. Но Германикъ поступилъ съ нею и съ прочими плѣнными великодушно, и за то Тиберій даровалъ ему почетный титулъ императора.

Германъ, въ высшей степени раздраженный выдачей Туснельды римлянамъ, возбудилъ противъ нихъ всеобщее возстаніе херусковъ и другихъ племенъ и положилъ внезапнымъ нападеніемъ на римлянъ истребить ихъ, какъ легіоны Вара. Дядя его, Ингіомаръ, снискавшій себѣ славное имя въ римскомъ войскѣ, также сталъ на сторону Германа. Но Германикъ принялъ мудрыя мѣры противъ того: дабы раздѣлить силы непріятеля, онъ послалъ Цецину съ 40 когортами черезъ земли бруктеровъ къ р. Эмсъ, префекта Педо съ конницей—въ земли фризовъ, а самъ съ 4-мя легіонами сѣлъ на суда въ устьяхъ Рейна и на р. Эмсъ соединился съ Цециной и конницей. Это перенесеніе театра военныхъ дѣйствій съ средняго Рейна на нижній Эмсъ приносило Германику много чести. Хауки, слишкомъ слабые для сопротивленія, присоединились къ нему. Бруктеры были разбиты легатомъ Стертиніемъ, который начальствовалъ отдѣльнымъ летучимъ отрядомъ и при этомъ случаѣ отнялъ у бруктеровъ взятаго при пораженіи Вара, орла 9-го легіона. Послѣ того Германикъ разорилъ весь край между р.р. Эмсъ и Липпой до самаго Тевтобургскаго лѣса. Предавъ землѣ кости павшихъ въ немъ (къ Ю.

отъ Детмольда, около Горна) воиновъ Вара и воздвигнувъ надъ ними могильный холмъ, армія Германика, съ усугубленной жаждой мщенія, продолжала походъ противъ Германа къ Везеру. Цецина съ легкими войсками снова пошелъ впередъ, для развѣдыванія дремучихъ лѣсовъ и построенія мостовъ и плотинъ черезъ болота и топкія низменности. Германъ расположился вблизи одного неизвѣстнаго римлянамъ болота, и смѣло, въ порядкѣ атаковалъ и опрокинулъ головныя войска римлянъ, которыя были спасены отъ совершеннаго истребленія только скорымъ прибытіемъ на помощь имъ Германика и благоразумными распоряженіями его. Затѣмъ послѣдній повелъ армію снова къ р. Эмсъ, посадилъ легіоны опять на суда и послалъ ихъ обратно моремъ въ устья Рейна; Цецина же, конница и позже 2-й и 13-й легіоны, высаженные съ флота, пошли туда же порознь вдоль береговъ моря. Цецина, начальствовавшій при этомъ арріергардомъ, спасся отъ пораженія усиленнымъ ночнымъ переходомъ, давъ однако германцамъ, запальчиво напавшимъ на него, въ жаркомъ бою кровавый урокъ — что безумная отвага была безсильна противъ храбрости и стойкости правильно устроенныхъ войскъ. Не смотря на то, два успѣха Германа распространили такой страхъ между римскими войсками, оставленными на Рейнѣ, что они уже положили разрушить мостъ на немъ, однако были удержаны отъ того женою Германика, Агриппиной, которая мужественнымъ поведеніемъ своимъ въ этомъ случаѣ ободрила устрашенныхъ, возстановила довѣріе, но навлекла тѣмъ на себя и на Германика ненависть Тиберія.

Слѣдующую зиму Германикъ употребилъ на пополненіе убыли въ арміи подкрѣпленіями изъ Галліи, Испаніи и Италіи, на поднятіе упавшаго въ арміи духа заботливостью своею о раненыхъ, дарами, убѣдительными рѣчами, похвалами и обѣщаніями наградъ и на приготовленія къ слѣдующему походу. А между тѣмъ, убѣдясь, что войска его, въ войнѣ съ германцами, гораздо болѣе терпѣли отъ постоянныхъ и усиленныхъ походныхъ движеній черезъ лѣса и болота и отъ недостатка продовольствія, нежели отъ боя съ германцами, положилъ въ слѣдующемъ 16 году атаковать послѣднихъ съ моря. Съ этою цѣлію онъ приказалъ построить 1 т. судовъ, одинаково удобныхъ для перевозки и высадки войскъ и перевозки и выгрузки продовольствія, назначивъ общимъ сборнымъ пунктомъ островъ батавовъ (нынѣ Бетуве, между старымъ Рейномъ и Вааломъ). А пока все это приготовлялось, въ 16 г. онъ предпринялъ походъ снова отъ Майнца и Ксантена, дабы ввести германцовъ въ заблужденіе и отвлечь вниманіе ихъ отъ приготовленій къ нападенію на нихъ съ моря. Легату Силіусу онъ приказалъ съ отрядомъ отборныхъ войскъ вторгнуться отъ Майнца въ земли каттовъ, а самъ съ 6-ю легіонами двинулся къ

*

форту Ализо на р. Липпѣ, осажденному непріятелемъ. Однако Силіусъ, по причинѣ внезапныхъ проливныхъ дождей, успѣлъ только захватить нѣсколько добычи, а осаждавшіе Ализо, узнавъ о движеніи противъ нихъ Германика, сняли осаду и разсѣялись, разрушивъ при этомъ могильный холмъ, воздвигнутый въ 15 г. въ Тевтобургскомъ лѣсу. Германикъ прочно укрѣпилъ валами и плотинами на дорогахъ весь край между Ализо и Рейномъ, оставилъ часть войскъ для защиты ихъ и воротился назадъ. Укрѣпленіе этого пространства края входило въ предположенный планъ Германика напасть на германцовъ съ моря, вверхъ по р. р. Эмсъ и Везеру, какъ полезное содѣйствіе тому. Пріобрѣтенная этимъ военная позиція обнимала пространство между р. р. Липпой и Руръ, прикрывавшими оба фланга, имѣя съ фронта Ализо, на верхней Липпѣ, а въ тылу — Рейнъ.

Когда наконецъ флотъ былъ готовъ и собранъ, 8 легіоновъ и вспомогательныя войска посажены на него, а продовольственные запасы высланы впередъ, Германикъ вошелъ въ каналъ, устроенный Друзомъ между Рейномъ и Исселемъ (нын. Арнгеймомъ и Дуйсбургомъ), а изъ него переправился черезъ озера въ океанъ и вдоль береговъ моря приплылъ въ р. Эмсъ. Флотъ присталъ и остался у Амизіи на лѣвомъ берегу ея. Это было ошибкой со стороны Германика: такъ какъ ему предстояло идти отъ р. Эмсъ къ В., то ему слѣдовало пристать, высадиться и укрѣпиться выше на правомъ берегу и тѣмъ избѣжать постройки моста для переправы, что потребовало нѣсколькихъ дней. Кромѣ того мѣсто высадки на лѣвомъ берегу нижняго Эмса было полузатоплено морскимъ приливомъ. По переправѣ черезъ Эмсъ, Германикъ двинулся въ направленіи (какъ полагаютъ) отъ нын. Леера вдоль Везера, ниже такъ называемой тогда Porta (Porta Westphalica — ущелья въ горномъ хребтѣ, идущемъ, выше Миндена, параллельно среднему теченію Везера, который, поворачивая съ востока на сѣверъ, этимъ ущельемъ течетъ мимо Миндена). Въ этихъ мѣстахъ, особенно выше Porta, обитали херуски, которые и служили цѣлію всего похода. Ближайшихъ свѣдѣній о походѣ Германика отъ р. Эмсъ до р. Везера не имѣется. Тацитъ говоритъ только, что пока Германикъ устроивалъ лагерь (кажется на Везерѣ), онъ узналъ, что въ тылу его отложились отъ него ангриваріи и послалъ противъ нихъ Стертинія съ конницей и легкой пѣхотой, который огнемъ и мечомъ наказалъ вѣроломныхъ ангриваріевъ. Изъ этого заключаютъ: 1) что ангриваріи жили по обѣимъ сторонамъ р. Везера, выше впаденія въ нее р. Аллеръ, 2) что лагерь, о которомъ говоритъ Тацитъ, долженъ былъ находиться на лѣвомъ берегу Везера, ниже нын. Миндена, и 3) что Германикъ, вѣроятно, шелъ отъ устья р. Эмсъ, черезъ р. Гунте (Hunte) при Ольденбургѣ, къ Ніенбургу и вверхъ по

лѣвому берегу Везера—къ Миндену, при чемъ Везеръ служилъ для перевозки по немъ продовольствія для арміи.

Германикъ переправился тутъ черезъ Везеръ, но въ какомъ именно мѣстѣ — неизвѣстно. На правомъ берегу Везера стоялъ Германъ съ херусками. Германикъ, признавая недостойнымъ своего званія и опаснымъ ввести легіоны въ бой прежде, нежели мосты черезъ Везеръ не были построены и прикрыты укрѣпленіями на правомъ берегу, послалъ Стертинія (уже воротившагося) и Эмилія съ конницей черезъ нѣсколько бродовъ въ Везерѣ атаковать херусковъ съ двухъ сторонъ. Германикъ во время этого боя перешелъ черезъ Везеръ и узналъ отъ одного перебѣжчика, въ какомъ мѣстѣ Германъ намѣревался принять бой: именно — изъ священнаго у херусковъ Геркулесова лѣса херуски хотѣли ночью напасть на лагерь римлянъ. Оба войска, по словамъ Тацита — каждое силой до 80 т. чел., ночью стояли близко одно отъ другаго, такъ что въ римскомъ лагерѣ были видны огни херусковъ и передовыя легкія войска ихъ, и были слышны голоса людей и ржаніе коней.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня оба войска построились одно противъ другаго, и Германикъ сказалъ своему: «Если вы, воины, утомленные морскимъ плаваніемъ и сухопутнымъ походомъ, желаете окончанія войны, то можете достигнуть этого предстоящимъ сраженіемъ; Эльба уже ближе, нежели Рейнъ, и далѣе (т. е. Эльбы) войны уже не будетъ, но только внесите ее туда, по слѣдамъ отца и дяди моихъ, какъ побѣдители.»

Мѣста перехода его черезъ Везеръ и происшедшаго затѣмъ сраженія—послѣдняго на равнинѣ Idistaviso — обозначаются у Тацита тѣмъ, что эта равнина простиралась между правымъ берегомъ Везера и рядомъ холмовъ, составлявшихъ нагорный берегъ его, въ неодинаковой ширинѣ, смотря по бо́льшимъ или меньшимъ изгибамъ рѣки и холмовъ. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, мѣсто Idistaviso должно было находиться при нын. Эсторфѣ, въ одной милѣ (7 верстъ) выше Ніенбурга.

Сраженіе въ этомъ мѣстѣ—при Idistaviso—было, по словамъ Тацита, великою, но некровопролитною для римлянъ побѣдой. Непріятель усѣялъ своими тѣлами и оружіемъ пространство въ 10 т. римскихъ шаговъ (2 нѣмец. мили=14 верстъ), и римскіе воины на полѣ сраженія громко привѣтствовали императора Тиберія и воздвигли побѣдные трофеи и холмъ. Этой побѣдой Германикъ завоевалъ долину Везера и предположенный дальнѣйшій путь къ Эльбѣ, вверхъ по долинѣ праваго берега Везера къ Porta или описанному выше горному ущелью. Но на походѣ туда всѣ главныя силы херусковъ—«весь народъ, вся знать, молодые и старые, старая жаж-

дой отмщенія»—внезапно напали на армію Германика съ лѣваго фланга ея и привели ее въ безпорядокъ. Сражаясь съ ними, римляне увидали наконецъ мѣсто для боя, ограниченное Везеромъ и большимъ лѣсомъ (нынѣ Шаумбургскимъ), между которыми находилась тѣсная, мокрая равнина, а по опушкѣ лѣса — глубокія болота; по одну сторону этого мѣста ангриваріи задолго передъ тѣмъ воздвигли широкую плотину или валъ, въ защиту противъ херусковъ. Тутъ-то и расположилась римская пѣхота, а конница укрылась въ ближайшихъ рощахъ, дабы при вступленіи пѣхоты въ лѣсъ, находиться въ тылу ея. Германикъ направилъ движеніе арміи въ этомъ направленіи въ томъ именно намѣреніи, чтобы самихъ херусковъ принудить къ бою тыломъ къ болотистому лѣсу (Шаумбургскому) и отрѣзать ихъ отъ двухъ горныхъ проходовъ выше ущелья (Porta), ведшихъ въ главныя земли ихъ (херусковъ), къ чему могла и должна была вести атака противъ лѣваго фланга ихъ. Бой между пѣхотой съ обѣихъ сторонъ, особенно у вала ангриваріевъ, былъ кровопролитный; римская конница сражалась съ сомнительнымъ успѣхомъ, и всякое дальнѣйшее движеніе Германика, какъ къ Эльбѣ, такъ и во внутренность земель херусковъ, сдѣлалось невозможнымъ. Поздно ввечеру, послѣ сраженія, Германикъ вывелъ одинъ легіонъ изъ 1-й линіи и разбилъ за нею лагерь, который сталъ крайнимъ и послѣднимъ предѣломъ его военныхъ подвиговъ въ Германіи.

Побѣдивъ германцовъ на равнинѣ Idistaviso и отразивъ потомъ внезапное нападеніе ихъ на лѣвый флангъ его, во время движенія вверхъ по правому берегу Везера, гдѣ, запертый между рѣкою, горами, лѣсами и болотами, никакого исхода не имѣлъ и вся надежда была на храбрость войскъ, а спасеніе въ побѣдѣ,—Германикъ, такъ какъ лѣто уже было почти на исходѣ, предпринялъ обратный походъ, воздвигнувъ на мѣстѣ послѣдняго сраженія побѣдный трофей. Стертинію онъ снова поручилъ двинуться въ земли ангриваріевъ, дабы заставить ихъ покориться, что они и исполнили безъ сопротивленія. Одинъ легіонъ (вѣроятно съ конницей и союзными войсками) былъ посланъ въ зимніе лагери на Рейнѣ; остальныя же войска свои Германикъ посадилъ на р. Эмсъ на флотъ и поплылъ съ ними въ океанъ. Но жестокія бури на морѣ истребили бо́льшую часть флота, изъ войскъ же и людей на немъ часть погибла, а другая, бо́льшая, была спасена, хотя и съ трудомъ, и прибыла въ устья Рейна въ совершенномъ разстройствѣ.

И римляне, и германцы одинаково сознавали, что лѣтній походъ не достигъ своихъ цѣлей и старались загладить это или воспользоваться тѣмъ въ новомъ осеннемъ походѣ: германцы—для новаго нападенія на римлянъ, а Германикъ — для отраженія ихъ. Послѣдній,

пославъ Силіуса съ 30 т. чел. пѣхоты и 3 т. чел. конницы отъ Майнца противъ каттовъ, грозившихъ возстаніемъ, самъ съ главными силами двинулся отъ Ализо, между р. р. Липпой и Руръ, въ земли возставшихъ марсовъ (къ р. Диммель). Одна часть марсовъ была на сторонѣ римлянъ и съ помощью ея былъ обратно взятъ еще одинъ орелъ изъ трехъ, потерянныхъ при пораженіи Вара. Затѣмъ Германикъ проникъ далѣе внутрь земель марсовъ, разорилъ первыя, разсѣялъ послѣднихъ, оказавшихъ сопротивленіе, и тѣмъ навелъ на нихъ большой страхъ, доказавъ имъ, по словамъ Тацита, что римляне, даже и послѣ истребленія своего флота на морѣ, снова могли въ значительныхъ силахъ отважно и храбро воевать внутри Германіи. Въ тоже время и такой же успѣхъ имѣлъ и походъ Силіуса въ земляхъ каттовъ, и затѣмъ всѣ войска, какъ его, такъ и Германика, окончательно воротились въ свои зимніе лагери на Рейнѣ, радуясь, что неудачный исходъ лѣтняго похода загладили успѣхомъ осенняго. Германцы же колебались и уже были склонны искать мира, и почти несомнѣннымъ казалось, что послѣ еще одного лѣтняго похода въ слѣдующемъ году, война съ германцами была бы приведена къ концу выгодно для римлянъ.

Но Тиберій уже давно частыми письмами убѣждалъ Германика воротиться въ Римъ; что уже довольно было и успѣховъ—и неудачъ, и побѣдъ—и большихъ потерь; что онъ, Тиберій, девять разъ посыланный Августомъ въ Германію, болѣе совершилъ въ ней мирными переговорами, нежели силой оружія; что и херусковъ, и другія враждебныя племена Германіи можно было предоставить ихъ собственнымъ внутреннимъ раздорамъ. Когда же Германикъ просилъ хотя еще одного года, для довершенія начатаго имъ, Тиберій настойчиво требовалъ умѣренности, представляя, что еслибы война и должентствовала быть продолжена, то должна была предоставить свою долю славы Друзу, который снискалъ въ Германіи титулъ императора и привезъ изъ нея только одни побѣдные лавры. Но все это было только лицемѣріе Тиберія, который завидовалъ, боялся и ненавидѣлъ Германика и хотѣлъ непремѣнно удалить его изъ Германіи. Тогда уже Германикъ съ прискорбіемъ вынужденъ былъ отказаться отъ продолженія и окончанія войны въ Германіи, въ которой Друзъ и Тиберій, а за ними и онъ, одержали такіе успѣхи. Съ удаленіемъ его, кончилась завоевательная война римлянъ въ сѣверной Германіи, продолжавшаяся 28 лѣтъ (12 г. до Р. Х. — 16 г. по Р. Х.), и вмѣсто нея наступили дѣйствія политическія — коварныя и недостойныя: отравленіе главныхъ германскихъ вождей, сѣяніе раздоровъ между племенами Германіи и т. п., имѣвшія цѣлью истребленіе херусковъ и покореніе ихъ земель власти Рима.

Между тѣмъ, въ послѣдніе два года (15—16) войны Германика въ Германіи, на востокѣ—въ Каппадокіи, Сиріи и Іудеѣ произошли смуты и безпорядки, подавшіе Тиберію желанный имъ предлогъ удаленія туда Германика. По возвращеніи послѣдняго зимою 16—17 г.г. въ Римъ, Тиберій даровалъ ему большой тріумфъ и назначилъ его вторымъ консуломъ и главнымъ начальникомъ всѣхъ провинцій и войскъ на востокѣ, для прекращенія безпорядковъ тамъ. Германикъ въ два года (17—18) счастливо и удачно прекратилъ ихъ, обратилъ Каппадокію и Коммагену въ римскія провинціи и далъ Великой Арменіи царя, по изгнаніи изъ нея Арзака, сына пароянскаго царя Артабана III, завладѣвшаго престолами Пареіи и Арменіи. Но затѣмъ въ 19 г. доблестный Германикъ умеръ жертвой зависти и ненависти Тиберія, отравленный, по наущенію его, Кнеіемъ Пизономъ и его женою Планциной, а вдова его, Агриппина, дѣти и весь родъ его подверглись жестокому гоненію.

II.

Войны и походы отъ Клавдія до Траяна (41—98 г.г.).

§ 368.

Въ Британніи.

Первое военное предпріятіе римлянъ противъ Британніи было произведено еще Калигулой въ 39 г., будто бы подъ предлогомъ усмиренія смутъ въ ней, но единственно для разграбленія ея, какъ и предъ тѣмъ Испаніи, для пополненія государственной казны, истощенной расточительностью этого безумнаго и недостойнаго императора, и для снисканія чести тріумфа. Весь этотъ походъ былъ не иное что, какъ разбойничій набѣгъ, при возвращеніи изъ котораго Калигула, не встрѣтившій никакого сопротивленія и даже въ глаза не видавшій вооруженнаго непріятеля, но хотѣвшій по крайней мѣрѣ сослаться на какое нибудь военное дѣло, поставилъ свою германскую стражу тѣлохранителей въ засаду въ лѣсу и, для виду побѣдивъ ее, плѣнною привелъ въ Римъ и торжествовалъ тріумфъ.

Но первый и важный, со времени Юлія Цезаря, походъ въ Британнію былъ произведенъ въ 43 г., по приказанію императора Клавдія, на-

чальствовавшимъ въ Галліи легатомъ Плавтіемъ, хотя войска его и съ трудомъ побуждены были имъ къ этому походу. Бритты не препятствовали высадкѣ ихъ: неприготовленные къ войнѣ, они уклонялись отъ боя и искали укрытія за болотами и лѣсами, надѣясь тѣмъ принудить римлянъ къ отступленію. Плавтій, послѣ многихъ и трудныхъ переходовъ, наконецъ напалъ на слѣдъ ихъ и побѣдилъ двухъ царей или вождей ихъ, вслѣдствіе чего племя бодўновъ покорилось добровольно. Оставивъ въ земляхъ ихъ, для занятія оныхъ, отрядъ войскъ, Плавтій двинулся далѣе внутрь страны и дошелъ до одной рѣки, на противуположномъ берегу которой бритты были безпечно расположены въ своемъ станѣ, въ полной увѣренности, что римляне не перейдутъ черезъ рѣку безъ моста на ней. Но Плавтій успѣлъ скрытно переправиться черезъ нее и, внезапно напавъ на бриттовъ въ ихъ лагерѣ, разбилъ ихъ на голову, опрокинулъ къ р. Темзѣ, переправился и черезъ нее и вторично разбилъ ихъ. Но, не отважившись идти далѣе внутрь страны, онъ просилъ Клавдія прибыть и дѣйствовать самому. Клавдій, прибывъ въ Британнію, разбилъ бриттовъ въ открытомъ полѣ, взялъ городъ Камулодунъ и покорилъ многія племена. Эти побѣды доставили ему два раза титулъ императора, вопреки римскому обычаю, по которому его можно было получать только одинъ разъ въ одной и той же войнѣ. Затѣмъ, оставивъ Плавтія правителемъ въ Британніи, съ войскомъ и приказаніемъ покорить въ ней остальныя племена, Клавдій воротился въ Римъ и торжествовалъ тріумфъ.

Семь лѣтъ спустя—въ 50 г. въ Британніи произошли новыя смуты. Начальствовавшій въ ней римскій пропреторъ Осторій Скапула поспѣшно собралъ когорты и сталъ поступать съ бриттами чрезвычайно строго: обезоружилъ покоренныя племена и поставилъ на лѣвой сторонѣ р.р. Ауфоны и Сабрины наблюдательные отряды, для удержанія набѣговъ непокоренныхъ племенъ. Но главное изъ послѣднихъ племя иценовъ стало въ главѣ другихъ и вызвало римлянъ на бой, однако послѣ упорнаго сопротивленія было разбито имп. Затѣмъ Осторій двинулся противъ карговъ, покорилъ какъ ихъ, такъ и бригантовъ, и для удержанія ихъ въ покорности устроилъ въ Камулодунѣ римскую колонію изъ римскихъ ветерановъ. Между тѣмъ въ земляхъ ордовиковъ знатный британскій вождь Карактакъ, въ главѣ спларовъ, расположился въ выгодной для боя мѣстности. Но послѣ упорнаго сопротивленія онъ былъ разбитъ Осторіемъ, выданъ ему бригантами и долженъ былъ со всемъ своимъ семействомъ украсить въ Римѣ тріумфъ побѣдителя. Но мужественныя и храбрыя дѣйствія его побудили Клавдія помиловать его.

Однако смуты въ Британніи продолжались, и римляне никакъ не

могли покорить именно силаровъ. Они причиняли римлянамъ большой вредъ малою войной и увлекли за собою и другія племена. Въ 51 г. преемникъ Осторія, преторъ Дидій, обремененный лѣтами, ограничился только тѣмъ, что чрезъ своихъ частныхъ начальниковъ войскъ старался удерживать въ повиновеніи покоренныя племена. Также поступалъ и его преемникъ Вераній (въ 61 г.). Но посланный въ Британнію послѣ него Нерономъ преторъ Суэтоній Паулинъ, славный своими военными подвигами, принялъ сильныя мѣры противъ набѣговъ бриттовъ и именно положилъ напасть на нихъ на островѣ Мона, куда они удалялись послѣ каждаго набѣга. Съ этою цѣлью онъ приказалъ построить плоскія суда или плоты для пѣхоты, а конницу послалъ на островъ черезъ мели въ бродъ. Послѣ упорнаго сопротивленія бриттовъ, къ которому особенно возбуждали женщины, островъ Мона былъ взятъ силой и священныя рощи на немъ, въ которыхъ бритты приносили плѣнныхъ въ жертву своимъ богамъ, истреблены.

Но вслѣдъ затѣмъ Суэтоній узналъ о возстаніи покоренныхъ племенъ, происшедшемъ вслѣдствіе угнетенія жителей римлянами. Возстаніе началось въ Камулодунѣ, гдѣ римскіе ветераны, одолѣнные превосходнымъ числомъ возставшихъ, были частію взяты въ плѣнъ, частію истреблены. Затѣмъ мятежники двинулись противъ 9-го легіона, спѣшившаго на помощь ветеранамъ, подъ начальствомъ легата Петилія Церіалиса, разбили и его и съ большимъ урономъ опрокинули въ его укрѣпленный лагерь.

Между тѣмъ Суэтоній, проникшій уже до Студинія, покинулъ его и богатый городъ Веруланій (въ которыхъ мятежники истребили затѣмъ болѣе 70 т. (?) римскихъ гражданъ и союзниковъ) и двинулся съ 14-мъ и 21-мъ легіонами (всего около 20 т. чел.) противъ мятежниковъ. Не смотря на ихъ огромное превосходство въ числѣ и необыкновенную храбрость въ бою, онъ разбилъ ихъ въ открытомъ полѣ, нанеся имъ до 80 тыс. человѣкъ (?) урона, самъ же потерявъ только 400 (?) убитыхъ и столько же раненыхъ. Затѣмъ онъ сосредоточилъ всѣ находившіяся въ Британніи римскія войска въ одинъ укрѣпленный лагерь, съ тѣмъ, чтобы по возможности окончить войну. Неронъ прислалъ ему въ подкрѣпленіе 20 т. чел. легіонной пѣхоты, 8 т. чел. вспомогательныхъ войскъ и 1 т. чел. конницы, послѣ чего Суэтоній разорилъ всю страну огнемъ и мечомъ. Но окончанію войны сильно мѣшало несогласіе между Суэтоніемъ и начальникомъ присланныхъ ему подкрѣпленій, легатомъ Юліемъ Глацисіаномъ, который изъ зависти къ Суэтонію, дѣлалъ все наперекоръ ему. Древній римскій духъ уже такъ упалъ въ это время, что Неронъ, для прекращенія несогласій между обоими

легатами, послалъ въ Британнію вольноотпущенника Поликлета! Эта недостойная мѣра произвела такое невыгодное для римлянъ впечатлѣніе на бриттовъ, что они еще тѣснѣе соединились между собой для защиты своей свободы. Суэтоній же, вслѣдствіе одной неважной неудачи своей оклеветанный передъ Нерономъ, получилъ отъ него въ 62 г. приказаніе передать начальствованіе войсками бывшему консулу Петронію Турпилліяну. А этотъ послѣдній, лѣнивому бездѣйствію своему придавъ значеніе почетнаго мира, радъ былъ, что бритты нѣсколько времени оставляли его въ покоѣ.

Только 12 лѣтъ послѣ того, легату Юлію Агриколѣ, опытному, искусному и благоразумному полководцу, назначенному въ Британнію въ 78 г. императоромъ Веспасіяномъ, досталась честь совершеннаго покоренія Британніи. Прибывъ въ нее, онъ еще въ концѣ лѣта 78 г. разбилъ воинственное племя ордовиковъ и затѣмъ обратился противъ острова Мона, который, по удаленіи Суэтонія, снова освободился. Онъ напалъ на этотъ островъ (переведя пѣхоту черезъ мели и броды) такъ неожиданно для жителей его, что они просили мира и получили его. Послѣ того онъ ограничилъ роскошь римскихъ чиновниковъ и возстановилъ въ войскахъ дисциплину, ослабѣвшую въ теченіи продолжительнаго мира.

Съ началомъ весны 79 г. онъ собралъ войска и принялъ мѣры для энергическаго открытія похода. Онъ безпрестанно тревожилъ непріятеля и затѣмъ, достаточно устрашивъ его, пощадой его снова указывалъ ему всѣ выгоды мира. Такимъ образомъ дѣйствій онъ достигъ того, что многія племена, сохранившія свою независимость, сами добровольно покорились и дали заложниковъ. Зиму же Агрикола употребилъ на то, чтобы наиболѣе дикихъ бриттовъ, жившихъ въ разсѣяніи, водворить въ городахъ и селеніяхъ, пріучить ихъ къ осѣдлой жизни и спокойствію, сыновей знатныхъ людей воспитывать и образовать по римски и научить ихъ римскому языку и т. п.

Въ 3-мъ походѣ своемъ, въ 80 г., онъ проникъ до р. Таусъ (нынѣ Tweede, на границѣ Англіи и Шотландіи) и заложилъ въ надлежащихъ мѣстахъ отдѣльныя укрѣпленія. Тацитъ говоритъ, что Агрикола такъ хорошо умѣлъ выбирать мѣста для нихъ и строить ихъ, что ни одно изъ нихъ съ тѣхъ поръ никогда не было взято непріятелемъ, либо сдано или покинуто гарнизономъ.

Четвертый годъ—81-й—своего начальствованія въ Британніи Агрикола употребилъ на обезпеченіе и упроченіе сдѣланныхъ имъ завоеваній.

Въ 82-мъ г. онъ совершенно вытѣснилъ непріятелей (т. е. непокорныхъ и немирныхъ) изъ Британніи и занялъ ту часть ея, кото-

рая находилась противъ Иберніи (Ирландіи), въ надеждѣ внести оружіе свое и въ эту послѣднюю.

Весною 83-го г. онъ напалъ на непокорныя племена по другую сторону р. Бодотріи и развѣдалъ непріятельскія приморскія гавани посредствомъ построеннаго имъ флота. Между тѣмъ жители Каледоніи вооружились и возстали, и Агрикола двинулся противъ нихъ, вопреки мнѣнію своихъ частныхъ начальниковъ войскъ. Хотя 9-й легіонъ и пострадалъ значительно отъ внезапнаго нападенія каледонянъ, однако Агрикола принудилъ ихъ къ отступленію, которое они и совершили безъ преслѣдованія, подъ прикрытіемъ неудобопроходимыхъ для римлянъ болотъ. Въ этомъ году флотъ Агриколы объѣхалъ вокругъ Британніи и Каледоніи и открылъ, что онѣ составляли одинъ морской островъ.

Между тѣмъ бритты, придя къ сознанію, что только въ тѣсномъ соединеніи и согласіи ихъ заключалась надежда на освобожденіе ихъ отъ власти римлянъ, зимою 83—84 г.г. призвали всѣ племена къ оружію, собрали многочисленное войско и вождемъ его избрали знатнаго и храбраго Калгака. Послѣдній, сильно одушевивъ ихъ, въ 84 г. повелъ свое войско противъ Агриколы. Но и послѣдній также ободрилъ свои войска, повелъ ихъ на встрѣчу Калгаку и самъ первый атаковалъ его вспомогательными войсками, поставивъ легіоны въ резервѣ во 2-й линіи. Послѣ продолжительнаго и упорнаго боя, бритты были разбиты съ большимъ для нихъ урономъ (по словамъ Тацита — до 10 т. убитыхъ, тогда какъ римляне потеряли только 340 чел. убитыми?). Разбитые бритты разсѣялись во всѣ стороны, до того, что Агрикола не нашелъ и слѣдовъ ихъ и двинулся въ землю гевестовъ, взялъ съ нихъ заложниковъ и затѣмъ, снова пославъ флотъ вокругъ Британніи, воротился въ зимніе лагери.

Успѣхи его въ Британніи и особенно послѣдняя побѣда его до того возбудили противъ него зависть, ненависть и страхъ императора Домиціяна, что послѣдній отозвалъ его изъ Британніи въ Римъ и хотя удостоилъ его тріумфомъ, но назначилъ его правителемъ Сиріи, на пути куда доблестный Агрикола внезапно умеръ, какъ полагаютъ—отравленный по приказанію Домиціяна.

§ 369.

Въ Арменіи (51—63 г.г.).

При императорѣ Клавдіи, въ 51 г., произошла война между Арменіей и Иверіей (Грузіей), которая въ послѣдствіи произвела войну

между римлянами и пароянами. Въ это время въ Пароіи царствовалъ Вологезъ, а въ Иверіи Фарасманъ; въ Арменію же былъ назначенъ царемъ, съ помощью римлянъ, братъ Вологеза — Митридатъ. Сынъ Фарасмана Радамистъ хотѣлъ завладѣть престоломъ Арменіи. Римскій легатъ Цэлій Поллiонъ воспротивился тому, но наконецъ былъ подкупленъ, и Радамистъ, умертвивъ Митридата, завладѣлъ Арменіей. Преторъ Сиріи, Уммидій Квадратъ потребовалъ отъ Фарасмана, чтобы онъ отозвалъ своего сына и очистилъ Арменію. Въ эту распрю вмѣшался римскій правитель Каппадокіи, Юлій Пелигнъ: въ надеждѣ обогатиться, онъ набралъ въ Каппадокіи вспомогательныя войска и вторгнулся въ Арменію, грабя ее. Разбитый арменцами, онъ, чтобы спасти себя, присовѣтовалъ Радамисту быть царемъ Арменіи, даже безъ согласія римскаго сената. Въ наказаніе за то, легатъ Гельвидій Прискъ былъ посланъ съ 1 легіономъ изъ Сиріи въ Арменію. Двинувшись туда усиленными переходами и перейдя черезъ горный хребетъ Тавръ, онъ уже успѣлъ мѣрами кротости почти все привесть въ порядокъ, когда получилъ приказаніе воротиться въ Сирію, дабы Римъ не былъ вовлеченъ въ войну съ пароянами. Именно — Вологезъ призналъ это время благопріятнымъ для того, чтобы завладѣть Арменіей и отдать ее брату своему, Тиридату. Хотя главные города Арменіи, Артаксата и Тиграноцерта, и сдались ему, но недостатокъ продовольствія принудилъ его очистить Арменію. Тогда Радамистъ снова завладѣлъ ею и началъ поступать съ жителями ея такъ жестоко, что они изгнали его (54 г.).

Когда же пароянe въ 55 г. замыслили овладѣть Арменіей, императоръ Неронъ приказалъ пополнить легіоны въ сосѣднихъ провинціяхъ, придвинуть ихъ къ границамъ Арменіи и построить мосты черезъ Евфратъ—и назначилъ начальникомъ войскъ въ Каппадокіи отличнаго полководца Домиція Корбулона, между тѣмъ какъ Уммидій Квадратъ долженъ былъ оставаться въ Сиріи съ 2-мя легіонами и вспомогательными войсками; оба же вмѣстѣ назначались дѣйствовать противъ пароянъ.

Въ 56 г., по ихъ требованію, Вологезъ далъ имъ въ заложники знатнѣйшихъ лицъ изъ рода Арзакидовъ, дабы между тѣмъ спокойнѣе приготовиться къ войнѣ и устранить подозрительныхъ соперниковъ. Но какъ онъ не хотѣлъ согласиться, чтобы братъ его Тиридатъ отказался отъ престола Арменіи, то, послѣ 2-хъ лѣтнихъ приготовленій къ войнѣ, онъ и открылъ ее (въ 58 г.), противъ римлянъ.

Между тѣмъ Корбулонъ нашелъ такой упадокъ дисциплины въ сирійскихъ легіонахъ, что, по словамъ Тацита, въ нихъ были ветe-

раны, никогда не бывавшіе въ караулѣ и не видавшіе ни валовъ, ни рвовъ, ни тына! Поэтому онъ уволилъ всѣхъ ветерановъ, набралъ, вмѣсто нихъ, молодыхъ людей въ Галатіи и Каппадокіи, присоединилъ къ себѣ 1 легіонъ изъ Германіи, заставилъ всѣ войска, въ продолженіи крайне суровой зимы, жить въ ставкахъ, дабы пріучить ихъ къ военнымъ лишеніямъ и трудамъ, и древнеримскою строгостью прекратилъ побѣги и возстановилъ дисциплину. Такъ, между прочимъ, примипила Орфита, вопреки его приказанію вступившаго весною въ бой съ парѳянами и разбитаго ими, онъ заставилъ, съ его отрядомъ, день и ночь стоять впереди лагеря, до тѣхъ поръ, пока все войско не испросило помилованія ему.

А между тѣмъ Тиридатъ, поддерживаемый Вологезомъ, разорялъ Арменію быстрыми набѣгами, уклоняясь при этомъ отъ боя. Тогда Корбулонъ раздѣлилъ свою армію на нѣсколько частей и наступленіемъ ихъ съ различныхъ сторонъ такъ стѣснилъ наконецъ Тиридата, что онъ отправилъ къ Корбулону пословъ для переговоровъ. Но какъ онъ потомъ, при личномъ свиданіи съ Корбулономъ, коварно замышлялъ измѣну, то послѣдній энергически продолжалъ войну противъ него. Взявъ приступомъ городъ Воландъ, между тѣмъ, какъ частные начальники войскъ его брали такъ же другіе города, онъ двинулся наконецъ къ столицѣ Арменіи, Артаксатѣ. Тиридатъ поспѣшилъ на помощь ей и предложилъ Корбулону бой, однако отступилъ, какъ скоро послѣдній обратился противъ него. Артаксата сдалась Корбулону добровольно, и жители ея были помилованы, но самый городъ разрушенъ, потому что требовалъ слишкомъ большаго гарнизона, котораго Корбулонъ не могъ отдѣлить отъ своей арміи.

Наконецъ, послѣ многихъ пораженій и потерь, Тиридатъ, по мудрому совѣту Корбулона, въ 63 г. отправился въ Римъ, сложилъ съ себя къ ногамъ Нерона свой царскій вѣнецъ и изъ его же рукъ принялъ его обратно, чѣмъ и положенъ былъ конецъ войнѣ въ Арменіи.

§ 370.

Война Іудейская (65—71 г.г.).

Общій ходъ этой войны былъ вкратцѣ изложенъ выше (въ § 360) и въ сущности заключался въ слѣдующемъ:

Война эта имѣла тѣсную связь съ предшествовавшими событіями въ Іудеѣ еще до Р. Х. Во времена споровъ Маккавеевъ за престолъ, Помпей, покровительствовавшій Гиркану противъ Аристовула, въ 64 г.

взялъ Іерусалимъ и велѣлъ разрушить стѣны его, которыя однако черезъ нѣсколько лѣтъ были возстановлены. Въ 38 г. пароянскій князь Фаноръ занялъ Іерусалимъ именемъ Антигона, сына Аристовула. Иродъ, защищавшій городъ, удалился изъ него, но въ 37 г. воротился и, съ помощью римскихъ войскъ, осадилъ его, овладѣлъ имъ и взялъ Антигона въ плѣнъ. Съ тѣхъ поръ римляне содержали въ замкѣ Антонія гарнизонъ. По смерти Ирода, въ 3 г. по Р. Х., они два раза занимали самый городъ и ограбили храмъ Соломоновъ. Однако, не смотря на то, Іерусалимъ достигъ такой степени великолѣпія, которая во многихъ отношеніяхъ превосходила даже прежнее величіе этого города. Въ 44 г., при императорѣ Клавдіѣ, Іудея была обращена въ римскую провинцію. Въ 65 г., при Неронѣ, іудеи, доведенные до отчаянія притѣсненіями, лихоимствомъ и грабительствомъ корыстолюбивыхъ римскихъ правителей и чиновниковъ въ Іудеѣ, возстали, умертвили нѣсколько тысячъ римлянъ, изгнали остальныхъ и провозгласили Іудею независимою. Префектъ Сиріи Цестій Галлъ вступилъ въ нее съ 20 т. войскъ, обложилъ Іерусалимъ и пытался взять его приступомъ, но былъ отраженъ и принужденъ удалиться изъ Іудеи. Тогда Неронъ поручилъ усмиреніе мятежа въ ней и обратное покореніе ея одному изъ лучшихъ римскихъ полководцевъ того времени, Флавію Веспасіяну. Послѣдній, собравъ 60 т. войскъ у Птолеманды (Акры), весною 67 г. вступилъ въ Галилею, управляемую и обороняемую искуснымъ іудейскимъ полководцемъ, извѣстнымъ историкомъ Іосифомъ Флавіемъ, и, послѣ мужественной обороны имъ города Іотапата, овладѣлъ этимъ и многими другими городами Галилеи и разорилъ Галилею, жители которой или погибли въ битвахъ, или были проданы въ рабство. Весною 68 г. Веспасіянъ вступилъ въ Іудею и, покоривъ всѣ укрѣпленные города и мѣстечки на пути къ Іерусалиму, хотѣлъ овладѣть имъ и тѣмъ рѣшить войну. Нô вскорѣ онъ убѣдился, что не достигнетъ этого прежде, нежели не овладѣетъ всѣми укрѣпленными пунктами вокругъ него. Въ то время, когда онъ былъ занятъ приготовленіями къ этому, онъ узналъ о низверженіи и смерти Нерона и провозглашеніи императоромъ Гальбы (11 іюня 68 г.) и это, равно какъ и послѣдующія смутныя событія въ Римѣ, обративъ на себя все вниманіе Веспасіяна, пріостановили военныя дѣйствія его въ Іудеѣ до самаго провозглашенія его, 30 декабря 69 г., императоромъ. Тогда, передавъ начальствованіе арміей въ Галилеѣ сыну своему, Титу, Веспасіянъ отправился въ Италію. А между тѣмъ іудеи почти въ два года времени (съ половины 68 г. до весны 70 г.) успѣли чрезвычайно сильно укрѣпить Іерусалимъ и другіе города въ Іудеѣ и собрать много войскъ. Весною 70 г. Титъ съ арміей двинулся отъ Самаріи къ Іеру-

салиму и приступилъ къ знаменитой осадѣ его, въ которой и сосредоточились вся важность и весь интересъ Іудейской войны. Поэтому она заслуживаетъ изложенія въ нѣкоторой подробности, тѣмъ болѣе, что очень замѣчательна въ фортификаціонномъ и поліорцетическомъ отношеніяхъ. Для этого необходимо предварительное краткое описаніе мѣстнаго положенія и укрѣпленія Іерусалима въ это время.

Онъ раздѣлялся на двѣ главныя части—верхній городъ или Сіонъ, и нижній или Акру — расположенныя на отдѣльныхъ высотахъ, раздѣленныхъ глубокою лощиной, и окруженныя, каждая особо, высокими и толстыми стѣнами съ башнями. Къ Акрѣ съ восточной стороны примыкала гора Морія, съ храмомъ Соломона на ней, соединеннымъ съ Сіономъ посредствомъ моста черезъ глубокую лощину или оврагъ. Четыре стѣны изъ дикаго камня, каждая въ 600 футовъ вышины, составляли уступчатую террасу, на вершинѣ которой возвышался храмъ, доступный только чрезъ входы, обращенные на четыре страны свѣта. Къ сѣверу отъ горы Моріи, на высокой скалѣ Везеѳѣ, находился замокъ (или цитадель) Антонія, также сооруженный на вершинѣ террасы, окруженной стѣнами и башнями; крытые ходы соединяли замокъ съ храмомъ. Кромѣ того, весь городъ вообще былъ окруженъ, въ 2 и въ 3 ряда, каменною стѣною съ такими же башнями. Внѣ города, по другую сторону потока Кедрона, возвышалась гора Элеонская или Масличная. Изъ этого ясно видно, что Іерусалимъ не напрасно считался однимъ изъ самыхъ сильныхъ мѣстностью и укрѣпленіями, городовъ въ тогдашнемъ мірѣ. Народонаселеніе его, умноженное богомольцами, собравшимися въ него, по обыкновенію, со всѣхъ странъ свѣта, по случаю наступленія іудейской Пасхи, простиралось до 1 милліона (а по словамъ Іосифа Флавія—даже до 3 милліоновъ) человѣкъ и до 60 т. чел. войскъ. Между ними господствовали духъ партій и фанатизмъ религіозныхъ сектъ, нерѣдко доводившіе до кровопролитныхъ битвъ въ городѣ и неукрощенные даже угрожавшею общею опасностью. Элеазаръ, глава секты зилотовъ или ревнителей религіи, утвердился въ храмѣ и замкѣ Антонія; Іоаннъ Гискалъ (или изъ Гишалы) — въ Акрѣ, а Симонъ Варъ-Гіора, съ саддукеями — въ Сіонѣ. Всѣ они твердо рѣшились на упорнѣйшую оборону и имѣли въ изобиліи военные запасы, но нуждались въ продовольственныхъ.

Что касается Тита, которому предстояла крайне трудная задача одолѣть совокупную силу мѣстности, укрѣпленій и защитниковъ Іерусалима, то всѣ военныя силы его состояли изъ 6-ти легіоновъ= около 30 т. чел. римскихъ войскъ и такого же числа союзныхъ и вспомогательныхъ сирійскихъ, аравійскихъ и другихъ.

Въ началѣ мая римляне, занявъ и разоривъ внѣшнія предмѣстія го-

рода, приступили къ обложенію его. Войска ихъ были раздѣлены на 3 смѣны, одна устроивала подступы, другая прикрывала ее, а третья отдыхала. Титъ приказалъ устроить 3 насыпи (agger) противъ Акры, соединенныя поперечными земляными ходами (параллелями), вооружилъ ихъ подвижными башнями и, подъ прикрытіемъ ихъ, началъ дѣйствовать противъ стѣнъ описаннымъ выше (см. § 317) громаднымъ тараномъ. Іудеи оборонялись храбро и упорно, щипцами и другими машинами противудѣйствовали тарану, подкопали римскія насыпи и въ сильной высадкѣ зажгли одну изъ римскихъ осадныхъ башенъ, при чемъ самъ Титъ былъ раненъ. Это раздражило римскія войска: они съ яростью ударили на непріятеля, опрокинули его и овладѣли внѣшнею стѣною. Іудеи отступили за вторую, и тутъ произошелъ новый, не менѣе упорный и жестокій бой, продолжавшійся непрерывно 5 дней и 5 ночей. Наконецъ римлянамъ удалось овладѣть 2-ю стѣною и частью Акры. Титъ, желая употребить мѣры кротости, запретилъ разрушать зданія Акры, но іудеи сочли это слабостью и, пользуясь узкостью и кривизною улицъ, извѣстныхъ имъ, но неизвѣстныхъ римлянамъ, успѣли вытѣснить послѣднихъ изъ Акры и снова завладѣть 2-ю стѣной. Но Титъ подоспѣлъ съ свѣжими войсками и на 3-й день кровопролитнаго боя вторично овладѣлъ стѣною и Акрой, которыя были большею частью разрушены, а башни заняты войсками.

Затѣмъ послѣдовало 4-хъ-дневное бездѣйствіе, для отдыха римскихъ войскъ. Въ продолженіи его, Титъ, съ цѣлію склонить іудеевъ къ покорности, въ виду ихъ производилъ смотры своей арміи и послалъ находившагося при немъ, взятаго въ Іотапатѣ въ плѣнъ, Іосифа Флавія съ предложеніемъ выгодной капитуляціи. Но іудеи прогнали Іосифа Флавія со стыдомъ и рѣшились обороняться до послѣдней крайности. Изступленіе ихъ доходило до того, что многіе изъ нихъ, притворно передавшіеся римлянамъ, ночью убивали часовыхъ, отравляли колодези, поджигали осадныя машины и т. п., а другіе, руководимые Іоанномъ Гискаломъ, разрушали римскіе подступы подземными подкопами. Титъ окружилъ Іерусалимъ сильною контръ-валаціонною линіей въ 9 верстъ длины, съ множествомъ возвышенныхъ укрѣпленій (кавальеровъ) на нихъ, съ взаимнымъ фланкированіемъ, и эти громадныя работы, усердіемъ римскихъ войскъ, были совершены въ трое сутокъ! и совершенно прервали всѣ сообщенія города съ окрестностями. Вслѣдствіе того, въ Іерусалимѣ вскорѣ произошли: голодъ, заразительныя болѣзни, смертность и такіе ужасы, которые наконецъ достигли самой крайней и страшной степени. Столпившіяся въ городѣ массы людей тысячами гибли и трупами своими распространяли смрадъ и заразу; живые

питались травою, кожами, падалью животныхъ, даже трупами людей; были даже примѣры, что матери убивали и пожирали своихъ младенцовъ. А между тѣмъ буйная и неистовая чернь грабила запасы зажиточныхъ людей и даже храмы и производила величайшія насилія и убійства. Но о сдачѣ никто не смѣлъ и думать, подъ страхомъ мучительной казни. Не менѣе жестокая участь постигла іудеевъ, спасшихся въ римскій лагерь: слухъ, будто они, изъ алчности къ деньгамъ, проглотили свои деньги и драгоцѣнности, побудилъ хищныхъ сиріянъ и аравитянъ тайно убить до 2 т. этихъ іудеевъ и разрѣзать имъ животы! Не менѣе того плѣнныхъ іудеевъ было распято на крестахъ въ виду города.

А между тѣмъ римляне довели уже свои осадныя работы до самаго замка Антонія и готовились къ приступу. Начальствовавшій въ замкѣ Іуда готовъ былъ сдаться, но Симонъ Варъ-Гіора умертвилъ его и, напавъ на атаковавшихъ римлянъ, послѣ жесточайшаго боя опрокинулъ ихъ и разрушилъ часть деревянныхъ осадныхъ работъ ихъ. Послѣ того Титъ еще два раза, но тщетно возобновлялъ приступъ, однако наконецъ успѣлъ овладѣть замкомъ посредствомъ внезапнаго ночнаго нападенія. Но, проникая оттуда въ храмъ, римляне были остановлены отчаяннымъ сопротивленіемъ іудеевъ. Приказавъ разрушить замокъ, для облегченія подступовъ къ храму, Титъ еще разъ потребовалъ сдачи. Многіе жители передались ему, но бо́льшая часть ихъ продолжала упорствовать, рѣшась погибнуть вмѣстѣ съ своими святилищами. Тогда Титъ, избравъ храбрѣйшихъ воиновъ, приказалъ имъ, подъ предводительствомъ трибуна Цереала, ночью проникнуть въ храмъ черезъ потаенный ходъ, между тѣмъ какъ другія войска устроивали насыпи и подвозили тараны. Закипѣлъ жестокій бой: іудеи зажгли ближайшія зданія, мужественно встрѣтили Цереала и, не смотря на всѣ усилія римлянъ, принудили ихъ отступить. Титъ желалъ, во что ни стало бы, спасти великолѣпный храмъ Соломоновъ, но, видя отчаянное упорство защитниковъ его и слабое дѣйствіе тарана противъ массивныхъ стѣнъ и террасъ его, рѣшился сжечь ворота — и римляне наконецъ ворвались во дворъ храма. Здѣсь, при пламени пожара, продолжался ожесточенный бой. Іудеи, нападая на римлянъ, какъ атаковавшихъ ихъ, такъ и тушившихъ пожаръ по приказанію Тита, до того раздражили ихъ, что одинъ изъ нихъ, не смотря на запрещеніе Тита, бросилъ внутрь самаго храма пылавшій факелъ. Пламя быстро распространилось по всему храму — и онъ весь сгорѣлъ до тла, а въ немъ и нѣсколько тысячъ іудеевъ, въ изступленіи фанатизма искавшихъ смерти внутри его (4—5 августа). На дымившихся и залитыхъ кровью развалинахъ

храма побѣдители водрузили орлы свои и привѣтствовали Тита императоромъ.

Но этимъ не кончилось еще одолѣніе защитниковъ Іерусалима: Іоаннъ и Симонъ заперлись въ Сіонѣ. Титъ снова предложилъ имъ сдаться, и часть мятежниковъ (идумейцы) согласились на то, но остальные дали рѣшительный отказъ. Тогда Титъ приказалъ сжечь и разорить весь нижній городъ, окружилъ верхній насыпью и 2 сентября произвелъ общій приступъ къ нему. Изнемогая отъ голода и болѣзней, защитники Сіона упали духомъ и оборонялись слабо. Римляне ворвались въ Сіонъ—и въ ярости своей противъ ненавистныхъ имъ враговъ произвели между ними страшное кровопролитіе. Нѣсколько тысячъ ихъ погибло въ бою, другіе были преданы различнымъ, жестокимъ казнямъ. Іоаннъ, Симонъ и другіе вожди іудеевъ были пощажены для украшенія тріумфа Тита въ Римѣ, а остальные— частію проданы въ неволю, частію же отосланы въ египетскія рудокопни.

Такъ кончились эта безпримѣрная осада Іерусалима и взятіе и разрушеніе его Титомъ въ 71 г. по Р. Х. и вполнѣ исполнились предсказанія пророковъ и наконецъ самаго Іисуса Христа о судьбахъ Іерусалима! Въ слѣдующемъ 72 г. Титъ покорилъ всѣ, еще остававшіеся во власти іудеевъ, города въ Іудеѣ, и она была окончательно обращена въ римскую провинцію, а іудейская нація совершенно лишена своей самобытности.

§ 371.

Война Батавская (69—70 г.г.)

Во время войнъ римлянъ съ германцами при Августѣ и Тиберіѣ, батавы сохранили свою свободу только подъ условіемъ выдачи римлянамъ оружія своего и людей, способныхъ носить его. Въ войнѣ въ Британніи они, какъ союзники римлянъ, очень отличились, особенно въ переплываніи рѣкъ, не только пѣшіе, но и конные на лошадяхъ. Между главными вождями ихъ особенно отличался Клавдій Цивилисъ, происходившій отъ царскаго или княжескаго рода и получившій образованіе въ римской военной службѣ. При Неронѣ онъ былъ обязанъ Гальбѣ жизнію, но позже подвергся опасности вслѣдствіе тайныхъ козней и съ этого времени питалъ непримиримую ненависть къ Риму. По провозглашеніи императоромъ Веспасіяна, онъ скрылъ свои замыслы подъ личиной приверженности къ послѣднему и правамъ его. Во время войны его съ Вителліемъ, Цивилисъ получилъ

отъ него приказаніе отказать Вителлію въ потребованныхъ имъ легіонахъ, подъ предлогомъ возстанія въ Германіи. Цивилисъ, твердо намѣренный освободить батавовъ отъ власти римлянъ, еще скрылъ однако свои замыслы, но въ намѣреніи исполнить ихъ, смотря по обстоятельствамъ. Случай къ тому представился тогда, когда Виттелліемъ было приказано произвесть въ Батавіи наборъ войскъ. Батавы, давно ненавидя послѣдній, вслѣдствіе крайнихъ злоупотребленій и притѣсненій при томъ римскихъ чиновниковъ, отказали въ немъ. Цивилисъ воспользовался тѣмъ, собралъ знатнѣйшихъ и храбрѣйшихъ вождей и возбудилъ ихъ къ возстанію противъ римлянъ. Затѣмъ онъ привлекъ на свою сторону каннинефатовъ и находившихся въ римской военной службѣ, въ Могонціакѣ (Майнцѣ), батавовъ. Храбрый вождь каннинефатовъ Бринно пытался возбудить также и фризовъ противъ римлянъ, внезапно напалъ на 2 римскія когорты въ ихъ зимнемъ лагерѣ и истребилъ ихъ. При вѣсти объ этомъ, другія римскія войска собрались въ верхнихъ частяхъ страны, потому что, по отозваніи Вителліемъ лучшихъ когортъ, были слишкомъ слабы для противудѣйствія каннинефатамъ.

Между тѣмъ Цивилисъ все еще скрывалъ свои намѣренія и, упрекая римскія войска, что они покинули свой лагерь, совѣтовалъ имъ воротиться въ него, дабы тѣмъ легче разбить ихъ по частямъ. Но когда эта хитрость не удалась ему, онъ возсталъ открыто и въ главѣ ополченія каннинефатовъ, фризовъ и батавовъ двинулся противъ римлянъ. Недалеко отъ Рейна произошелъ бой, въ которомъ римскія войска, по отложеніи отъ нихъ когорты тунгровъ, были разбиты и истреблены. Въ тоже время мятежники завладѣли и римскимъ флотомъ, экипажъ котораго былъ частію составленъ изъ батавовъ, а морскія войска на этомъ флотѣ были большею частью перебиты.

Вѣсть объ этой побѣдѣ Цивилиса быстро распространилась въ Галліи и Германіи, и галлы дарами старались привлечь Цивилиса къ союзу съ собою, а германцы предложили ему свои вспомогательныя войска. Такимъ образомъ римлянамъ грозила большая опасность со стороны Батавіи, Галліи и Германіи, тѣмъ болѣе, что главныя силы ихъ были отвлечены въ это время междуусобною войною въ Италіи.

При вѣсти объ успѣхахъ Цивилиса и пораженіяхъ римлянъ въ Батавіи, преторъ Флаккъ Гердеоній послалъ легата Муммія Луперка съ 2-мя легіонами (5-мъ и 14-мъ) противъ мятежниковъ. Луперкъ присоединилъ къ себѣ вспомогательныя войска сосѣднихъ убіевъ и тревировъ, но они въ самомъ началѣ боя съ Цивилисомъ обратились въ бѣгство, и Луперкъ былъ принужденъ искать защиты

въ укрѣпленномъ лагерѣ у Castra vetera (н. Ксантенъ на нижнемъ Рейнѣ).

Въ тоже время посланные Цивилисомъ вѣстники настигли вспомогательныя когорты каннинефатовъ и батавовъ, шедшія къ Риму, и извѣстили ихъ о происшедшемъ въ Батавіи возстаніи. Тщетно Гердеоній старался удержать ихъ—онѣ пошли назадъ къ нижнему Рейну и, прибывъ къ нын. Бонну, гдѣ находился легатъ Гереннiй Галлъ съ 1-ымъ легіономъ, потребовали свободнаго пропуска. Но Гереннiй съ 3 т. легіонеровъ и на-скоро собраннымъ отрядомъ вспомогательныхъ войскъ, преградилъ этимъ когортамъ путь и былъ разбитъ съ большимъ урономъ. Затѣмъ побѣдители безъ препятствія двинулись далѣе къ нын. Кёльну и близъ Castra vetera присоединились къ войску Цивилиса. Послѣдній заставилъ оное принесть присягу въ вѣрности императору Веспасіяну и потребовалъ того же и отъ обоихъ легіоновъ Луперка. Но Луперкъ отвѣчалъ, что не исполнитъ требованія измѣнника и не отложится отъ императора Вителлія. Это такъ раздражило Цивилиса, что онъ возбудилъ уже всю Батавію къ общему возстанію, привлекъ къ себѣ бруктеровъ и тенхтеровъ и пригласилъ и другихъ германцовъ къ себѣ.

Луперкъ, угрожаемый такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ, возобновилъ и усилилъ укрѣпленія Castra vetera и разрушилъ всѣ зданія вокругъ этого лагеря, но не запасся продовольствіемъ, а имѣвшееся у него не позаботился раздавать бережливо. Тогда Цивилисъ двинулся со всѣми своими силами къ Castra vetera, имѣя впереди себя, на обоихъ берегахъ Рейна, германцовъ, а на самомъ Рейнѣ—сопровождавшій его флотъ. Войска его произвели стремительный и сильный приступъ противъ лагеря Луперка, но, не имѣя нужной для того опытности, были отражены съ урономъ. Тогда Цивилисъ обложилъ лагерь Луперка и, зная, что у него мало продовольствія, положилъ выморить войска его голодомъ.

Гердеоній, узнавъ объ этомъ, поспѣшно набралъ войска въ Галліи и послалъ съ ними и съ 18-мъ легіономъ легата Диллія Вокулу усиленными переходами на помощь Луперку. Самъ же онъ остался въ бездѣйствіи въ Могонціакѣ (Майнцѣ) и успокоилъ крайне недовольныя имъ войска свои только тѣмъ, что связалъ вѣстниковъ, привезшихъ письма отъ Веспасіяна, и отослалъ ихъ къ Вителлію.

Между тѣмъ Вокула прибылъ къ нын. Бонну, гдѣ 1-й легіонъ былъ особенно раздраженъ противъ Гердеонія. Въ Колонію (Кёльнъ) прибыли многочисленныя галльскія вспомогательныя войска, которыя сначала были совершенно на сторонѣ римлянъ. Здѣсь однако раздраженіе легіонеровъ достигло высшей степени, вслѣдствіе лживыхъ подстрекательствъ одного изъ нихъ, но Вокула, нимало не медля, ве-

лѣлъ схватить и изрубить его и тѣмъ разомъ прекратилъ волненіе легіонеровъ, которые единогласно провозгласили его своимъ главнымъ полководцемъ—и Гердеоній предоставилъ ему главное начальствованіе.

Въ Новезіѣ Вокула присоединилъ къ себѣ 16-й легіонъ и принялъ легата Геренния въ товарищи. Такъ какъ оба они не отважились идти къ Castra vetera съ упавшими духомъ легіонами, то и устроили при Гельдубѣ укрѣпленный лагерь и землекопными работами старались снова пріучить воиновъ къ военнымъ трудамъ. Это, равно какъ и предъидущіе безпорядки, доказываетъ, до какой степени дисциплина въ это время упала въ римскихъ войскахъ.

Вскорѣ Вокула, оставивъ Геренния въ лагерѣ, разорилъ сосѣднія земли гугерновъ, выставившихъ войска въ армію Цивилиса. Въ отсутствіи Вокулы, римскія войска, оставшіяся въ лагерѣ, обвинили Геренния въ измѣнѣ, и только скорое возвращеніе Вокулы спасло Гереннію и Гердеонію жизнь. Вокула подвергъ зачинщиковъ жестокой казни и тѣмъ снова возстановилъ спокойствіе и порядокъ въ лагерѣ. Причиной всѣхъ этихъ безпорядковъ отчасти могло быть то, что рядовые воины были преданы Вителлію, бо̀льшая же часть частныхъ начальниковъ ихъ склонялась на сторону Веспасіяна.

Между тѣмъ Цивилисъ ежедневно усиливался прибывавшими германцами, велѣлъ разорить земли убіевъ и тревировъ и послалъ отрядъ черезъ р. Мозу (Маасъ) въ земли менапіевъ и мориновъ, дабы тревожить границы Галліи. Когорты убіевъ, противъ которыхъ мятежники были болѣе всего озлоблены за то, что онѣ приняли римское названіе Агриппинцовъ, были истреблены въ бою при Маркодурѣ. А Castra vetera былъ болѣе и болѣе стѣсняемъ, дабы Луперкъ не могъ узнать о близости римскихъ войскъ Вокулы, и войска Цивилиса производили приступъ за приступомъ. Но Луперкъ оборонялся столько же храбро, сколько и искусно, и отражалъ всѣ приступы непріятеля съ такимъ урономъ для послѣдняго, что Цивилисъ наконецъ прекратилъ ихъ и старался подметными воззваніями и обѣщаніями поколебать духъ войскъ Луперка.

Вѣсть о пораженіи Вителлія при Кремонѣ внезапно измѣнила положеніе дѣлъ на нижнемъ Рейнѣ. Галльскія вспомогательныя войска тотчасъ отложились отъ защиты интересовъ Вителлія, а римскіе ветераны колебались и при новой присягѣ ему упорно молчали. Цивилисъ же на требованіе Веспасіяна—прекратить военныя дѣйствія, сначала отвѣчалъ уклончиво, а вскорѣ затѣмъ явно враждебно, самъ остался противъ Castra vetera, а Юлія Максима и племянника своего, Клавдія Виктора, съ старыми батавскими когортами и съ германцами послалъ противъ Вокулы. При внезапномъ и быс-

тромъ нападеніи ихъ на него при Асцибургіѣ, онъ былъ сначала разбитъ, но нѣсколько васконскихъ (баскскихъ, изъ Испаніи) когортъ, напавъ на батавовъ съ тыла, возстановили бой—и окончательно батавы въ свою очередь были разбиты на-голову. Вокула, вмѣсто того, чтобы немедленно воспользоваться этой побѣдой, простоялъ нѣсколько дней на мѣстѣ въ бездѣйствіи и потомъ уже двинулся къ Castra vetera, въ виду Цивилиса устроилъ укрѣпленный лагерь и затѣмъ, оставивъ въ немъ всѣ тяжести, двинулся на-легкѣ противъ Цивилиса. Въ тоже время и Луперкъ произвелъ вылазку—и Цивилисъ, которому паденіе съ лошадью его угрожало плѣномъ, былъ разбитъ на-голову. Но Вокула снова не воспользовался побѣдой, а ограничился усиленіемъ лагерей римскихъ войскъ, чѣмъ справедливо возбудилъ въ нихъ подозрѣніе, что съ намѣреніемъ затягивалъ войну. Неудовольствіе войскъ возрасло еще болѣе вслѣдствіе недостатка въ продовольствіи, потому что на берегахъ Рейна не возможно было добывать его по причинѣ препятствія тому со стороны германцовъ. Поэтому Вокула, уже соединившійся съ Луперкомъ, послалъ, подъ небольшимъ прикрытіемъ, повозки въ Новезій за продовольствіемъ. Въ первый разъ онѣ воротились благополучно и войска были удовлетворены; но во второй разъ Цивилисъ внезапно напалъ на прикрытіе и произошелъ жаркій бой, прекращенный только наступленіемъ ночи. Пользуясь ею, прикрытіе съ трудомъ достигло лагеря при Гелдубѣ. Вокула двинулся туда же съ частію войскъ на помощь обозу и его подкрѣпленію. А Цивилисъ между тѣмъ снова обложилъ и стѣснилъ Луперка въ Castra vetera.

Но этимъ не ограничились еще жалкія дѣйствія римскихъ полководцевъ и войскъ, вслѣдствіе неискуства первыхъ и мятежнаго духа послѣднихъ. Легіоны потребовали обычные дары (donativum), присланные Вителліемъ при его провозглашеніи императоромъ. Гердеоній имѣлъ слабость выдать эти деньги — и легіонеры, перепившись, убили его, а Вокула спасся только бѣгствомъ. Цивилисъ, узнавъ объ этомъ, напалъ на римскій лагерь — и римскія войска, бросивъ тамъ оружіе свое, также обратились въ бѣгство! Однако наконецъ 1-й, 4-й и 21-й легіоны соединились и послѣдовали за Вокулой, который заставилъ ихъ присягнуть Веспасіяну, къ Могонціаку (Майнцу), обложенному каттами, узипетами и маттіаками. При вѣсти о приближеніи Вокулы, они сняли обложеніе и стали отступать, но въ преслѣдованіи Вокулой понесли большой уронъ.

Между тѣмъ въ концѣ декабря 69 г. получено было извѣстіе, что 20 числа этого мѣсяца Вителлій былъ убитъ въ Римѣ и на мѣсто его провозглашенъ и признанъ императоромъ Веспасіянъ (такимъ образомъ описанныя выше военныя дѣйствія въ Батавіи и на ниж-

немъ Рейнѣ продолжались цѣлыхъ 6 мѣсяцовъ, не приведя ни къ чему рѣшительному). Тогда уже Цивилисъ не могъ долѣе скрывать своихъ настоящихъ замысловъ и въ началѣ 70 г. открыто возсталъ противъ римлянъ. Въ тоже время и въ Галліи возстаніе усилилось, вслѣдствіе ложнаго слуха, будто легіоны въ Мизіи и Панноніи были окружены сарматами и даками, и истолкованія друидами сожженія Капитолія въ Римѣ (при бунтѣ 20 декабря 69 г.) гнѣвомъ боговъ противъ него и близкимъ паденіемъ его.

Въ этихъ обстоятельствахъ Цивилисъ вступилъ въ союзъ: 1) съ вождемъ тревировъ Классикомъ, происходившимъ отъ древняго княжескаго рода, знатнымъ, богатымъ и болѣе врагомъ, нежели другомъ римлянъ, 2) съ тревиромъ Юліемъ Туторомъ, которому Вителлій поручилъ охрану береговъ нижняго Рейна, и 3) съ знатнымъ лингономъ (галломъ) Юліемъ Сабиномъ, который хвалился происхожденіемъ будто бы отъ Юлія Цезаря. Въ общемъ собраніи представителей галловъ, тревировъ, убіевъ, тунгровъ и лингоновъ рѣшено было освобожденіе Галліи, и посланы были вѣстники для призванія всѣхъ другихъ племенъ ея къ возстанію.

Вокула, узнавъ о ненадежности своихъ легіоновъ, не отважился предупредить это возстаніе. Окруженный тайными врагами, онъ положилъ употребить противъ нихъ ихъ же собственныя хитрости. Освободивъ Могонціакъ, онъ двинулся сначала къ Колоніи (Кёльну), а оттуда противъ батавовъ у Castra vetera. Классикъ и Туторъ, находившіеся при его войскахъ, отправились впередъ, будто на рекогносцировку, заключили договоръ съ предводителями германцовъ и затѣмъ отозвали свои войска отъ легіоновъ и расположились съ ними въ отдѣльномъ лагерѣ. Тщетно Вокула представлялъ имъ весь позоръ такого поступка ихъ и, не могши отклонить ихъ отъ него, пошелъ, вмѣсто Castra vetera, къ Новезію. Галлы, стоявшіе лагеремъ не далѣе 2 т. рим. шаговъ (около $1^1/_2$ версты) отъ Новезія, обѣщаніями склонили римскихъ центуріоновъ и воиновъ къ отложенію, а легаты были частію убиты послѣдними, частію выданы ими галламъ. Вокула сталъ сильно и горько упрекать легіонеровъ за ихъ вѣроломство, но былъ убитъ однимъ изъ переметчиковъ по приказанію Классика. Послѣдній немедленно самъ явился въ римскомъ лагерѣ, привелъ римскихъ легіонеровъ къ присягѣ на освобожденіе Галліи! и наградилъ главныхъ измѣнниковъ. Тоже самое сдѣлалъ Туторъ съ верхнерейнскими римскими гарнизонами, а въ Castra vetera Классикъ послалъ часть римскихъ переметчиковъ, чтобы предложить римскому гарнизону либо помилованіе, либо безпощадное истребленіе. Но когорты этого гарнизона, угрожаемыя съ одной стороны голодною смертью, а съ другой стыдомъ и позоромъ, положи-

ли обороняться до послѣдней крайности и такимъ образомъ явили прекрасный, но рѣдкій въ эти времена примѣръ вѣрности присягѣ и долгу, доколѣ страшный голодъ не вынудилъ ихъ сдаться и покориться галламъ. Но вскорѣ онѣ были измѣннически окружены германцами и перебиты до послѣдняго человѣка. Затѣмъ Castra vetera былъ разграбленъ и разрушенъ, и подобная же участь постигла всѣ вообще укрѣпленные лагери римлянъ на Рейнѣ, исключая только Могонціака и Виндониссы. 16-й же отложившійся легіонъ, вмѣстѣ съ вспомогательными войсками, былъ направленъ, подъ стражей галловъ!, къ Тревиру (Триру), а 1-й легіонъ присоединился къ нему въ Боннѣ. Вслѣдъ затѣмъ Цивилисъ занялъ земли саниціевъ и вторгнулся въ земли тунгровъ, бетазіевъ (Bethasii) и нервіевъ, разбилъ въ нихъ римскаго военачальника Клавдія Лабео и пріобрѣлъ бы еще бо́льшіе успѣхи, еслибы между предводителями мятежниковъ было болѣе согласія и одинъ общій планъ дѣйствій.

Между тѣмъ Веспасіянъ принялъ мѣры для отправленія въ Батавію и Галлію 6-го и 10-го легіоновъ изъ Испаніи, 16-го изъ Британніи и 2-го, новонабраннаго 6-го, 8-го и 21-го изъ Италіи, всего 7-ми (отъ 35 до 42 т. чел.). Вѣсть объ этомъ умѣрила пылъ и дерзость галловъ: они созвали собраніе въ земляхъ ремовъ, но оно повело, по обыкновенію, только къ раздорамъ. Цивилисъ гонялся въ земляхъ бельговъ за разбитымъ Клавдіемъ Лабео, Классикъ предался бездѣятельности, а Туторъ не позаботился преградить на верхнемъ Рейнѣ и въ Альпахъ пути легіонамъ изъ Италіи. Это дозволило 21-му легіону—изъ Виндониссы и вспомогательнымъ когортамъ подъ начальствомъ Секстилія Феликса—черезъ Рэтію проникнуть въ нижнюю Германію. Къ нимъ присоединился Юлій Бригантикъ, племянникъ и врагъ Цивилиса, съ конницей сингуларіевъ (Singularii), отряда отборныхъ императорскихъ войскъ. Хотя Туторъ и успѣлъ усилить свое войско вангіонами, каракатами и трибокками, однако всѣ они вслѣдъ затѣмъ перешли къ приближавшемуся Секстилію Феликсу. Съ оставшимися войсками Туторъ былъ разбитъ при Бингіѣ (Бингенъ), легіоны же, приставшіе къ галламъ и находившіеся въ Новезіѣ и Боннѣ, по собственному побужденію снова стали за Веспасіяна и заперлись въ дружественномъ къ римлянамъ городѣ Медіоматрикѣ (Mediomatricum, нын. Мецъ). Цивилисъ и Классикъ, при вѣсти о пораженіи Тутора, сосредоточили свои войска и послали сказать Тутору, чтобы онъ, съ приближеніемъ уже отовсюду римскихъ войскъ, не предпринималъ ничего рѣшительнаго.

Въ это время въ римскую армію наконецъ прибылъ вновь назначенный главный полководецъ Цереалисъ (Cerealis), умный, энергическій, опытный и искусный—и дѣла тотчасъ приняли иной оборотъ,

чему уже давно была пора. Тремя колоннами двинулся онъ къ Ригодулу (Rigodulum), въ которомъ заключился вождь тревировъ Валентинъ. Цереалисъ сразу взялъ этотъ укрѣпленный городъ приступомъ и въ немъ плѣнилъ Валентина и знатнѣйшихъ бельговъ, а на другой день силою вступилъ въ Тревиръ (Триръ), который съ трудомъ могъ охранить отъ ярости раздраженныхъ войскъ своихъ. Цивилисъ и Классикъ пытались склонить его къ отложенію отъ Веспасіяна, предлагая ему верховную власть надъ Галліей. Но Цереалисъ счелъ ниже своего достоинства отвѣчать имъ и отослалъ письма ихъ и доставившихъ оныя въ Римъ Веспасіяну. Послѣ этой неудачи Цивилисъ сосредоточилъ всѣ свои силы, чтобы энергически вести войну. Онъ внезапно напалъ на лагерь римскихъ войскъ у Трира и уже успѣлъ взойти на валъ и отнять мостъ на р. Мозели, когда Цереалисъ успѣлъ отбить Цивилиса и отъ моста, и отъ лагеря, разбить его и завладѣть собственнымъ его лагеремъ. Хотя затѣмъ Цивилисъ побѣдилъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ римскую конницу, высланную впередъ Цереалисомъ, усилился войсками германцовъ и утвердился въ Castra vetera, однако Цереалисъ преслѣдовалъ его со всѣми своими силами, вторично разбилъ его въ 2-хъ-дневномъ сраженіи, но по случаю дурной погоды, не могъ довершить преслѣдованія и окончательнаго пораженія его. Еслибы римскій флотъ во-время прибылъ къ мѣсту переправы германцовъ черезъ Рейнъ, то война могла бы тутъ же и тогда же быть рѣшена. Но, какъ этого не случилось, то Классикъ и Туторъ и успѣли спастись за Рейнъ; Цивилисъ же вскорѣ атаковалъ караульные лагери когортъ въ четырехъ мѣстахъ разомъ, но на всѣхъ былъ отраженъ и спасся только вплавь за Рейнъ. Римскій флотъ прибылъ сюда уже послѣ того, потому что Цереалисъ, дѣйствуя очень быстро, оставилъ ему слишкомъ мало времени на то.

Въ то время, когда Цереалисъ осматривалъ зимній лагерь при Новезіѣ, въ одну темную ночь онъ былъ внезапно атакованъ германцами и только счастливому случаю былъ обязанъ своею жизнію. Это подтверждаетъ обвиненіе его въ томъ, что онъ, при всѣхъ своихъ военныхъ достоинствахъ, недостаточно соблюдалъ въ войскахъ дисциплину и порядокъ службы, особенно охранной. При этомъ нападеніи германцовъ, многія суда римскаго флота на Рейнѣ были захвачены ими, и взятая въ томъ числѣ преторская (адмиральская) галера принесена въ даръ прорицательницѣ Велледѣ.

Цивилисъ, послѣ тщетной попытки одержать побѣду на морѣ, перешелъ обратно на лѣвую сторону Рейна, въ то время, пока Цереалисъ разорялъ батавскіе острова. Съ наступившею между тѣмъ осенью Рейнъ такъ вышелъ изъ своихъ береговъ, что затопилъ эти острова; у римлянъ оказался недостатокъ въ судахъ и въ подвозѣ продо-

вольствія, и германцы желали открыть новый походъ, но Цивилисъ, утомясь и наскучась продолжительною войной, склонился къ миру. Цереалисъ воспользовался тѣмъ и предложилъ батавамъ миръ, а Цивилису помилованіе. Послѣ личнаго совѣщанія его съ Цивилисомъ на мосту черезъ р. Ваалъ, въ концѣ осени 70 г. наконецъ былъ заключенъ миръ, и съ тѣхъ поръ батавы оставались друзьями и союзниками римлянъ.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТАЯ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЕ ВОЙНЫ И ПОХОДЫ РИМЛЯНЪ ВЪ ЭТОМЪ ПЕРІОДѢ.

(Продолженіе).

III. Войны и походы Траяна и Марка Авремія (98—180 г.г.).—§ 372. Войны Траяна (98—117 г.г.) — § 373. Войны Марка Аврелія (161 — 180 г.г.).—IV. Войны и походы при Коммодѣ и Септиміѣ Северѣ (182 — 211 г.г.).—§ 374. Войны при Коммодѣ съ даками, сарматами и бриттами (182—184 г.г.).—§ 375. Междуусобная война (193—197 г.г.).— § 376. Война съ парѳянами (198—200 гг.).—§ 377. Война въ Британіи (208—211 г.г.).

III.

Войны и походы Траяна и Марка Аврелія.

(98—180 г.г.).

---

§ 372.

Войны Траяна (98—117 г.г.).

Траянъ, по провозглашеніи его императоромъ (24 января 98 г.), предпринялъ (въ 100 г.) походъ противъ даковъ, возставшихъ противъ римлянъ подъ предводительствомъ Децебала, которому вождь даковъ, Дурасъ, добровольно передалъ правленіе, какъ опытному и

искусному въ военномъ дѣлѣ. Траянъ разбилъ Децебала при городѣ Тапы (Tapae, въ нын. Валахіи), преслѣдовалъ его въ Карпаты и двинулся противъ главнаго города даковъ, Зармизегетузы (Zarmizegethusa), между тѣмъ какъ легатъ его Луцій угрожалъ Децебалу съ другой стороны. Стѣсненный ими Децебалъ былъ вынужденъ просить мира, на колѣняхъ передъ Траяномъ обязался выдать ему оружіе, военныя машины и переметчиковъ, очистить завоеванныя даками земли и быть другомъ римлянъ и врагомъ ихъ враговъ, и на этихъ условіяхъ получилъ просимый миръ. А Траянъ, оставивъ въ укрѣпленномъ лагерѣ при Зармизегетузѣ сильный наблюдательный отрядъ войскъ, воротился въ Римъ, и сенатъ утвердилъ миръ и удостоилъ Траяна тріумфомъ и прозваніемъ Дакійскаго.

Но заключеніе Децебаломъ мира было вынужденное и притворное. Онъ тотчасъ же сталъ покупать оружіе, принимать къ себѣ римскихъ переметчиковъ, возбуждать сосѣднихъ народовъ къ войнѣ противъ римлянъ и завоевалъ часть земель сосѣднихъ съ Дакіей, на сѣверѣ, языговъ (славянскаго племени).

Римскій сенатъ объявилъ его врагомъ Рима, и Траянъ въ 101 г. предпринялъ 2-й походъ противъ него и снова побѣдилъ его и принудилъ просить мира. Но во время переговоровъ о немъ Децебалъ поступалъ такъ коварно и вѣроломно, что даже нѣсколько разъ покушался на жизнь Траяна, который, вслѣдствіе того, сталъ вести войну противъ него очень осторожно (102—104 г.). Въ это время онъ приказалъ построить каменный мостъ черезъ Дунай, прикрытый на обоихъ берегахъ сильными предмостными укрѣпленіями (фортами). Остатки этого моста, подъ названіемъ Траянова, до сихъ поръ сохранились въ руслѣ Дуная, противъ Малой Валахіи. Перейдя по немъ черезъ Дунай въ 103 году, Траянъ взялъ съ боя Зармизегетузу и въ 104 г. завоевалъ бо́льшую часть Дакіи. Децебалъ же, страшась живымъ попасть въ его руки, самъ себя лишилъ жизни; голова его была послана въ Римъ, а Дакія обращена въ римскую провинцію (105 г.).

Семь лѣтъ спустя, въ 112 г. парѳянскій царь Хозрой самовольно возвелъ Экседара на престолъ Арменіи, на который Неронъ назначилъ Тиридата. Траянъ возсталъ противъ такого нарушенія правъ Рима и предпринялъ походъ въ Арменію, втайнѣ собственно съ намѣреніемъ завоевать ее и обратить въ римскую провинцію, для чего время и обстоятельства казались ему особенно благопріятными, потому что Парѳія была раздираема междуусобіями. Однако, еще прежде отправленія своего изъ Рима въ походъ, Траянъ пытался уладить несогласія съ Хозроемъ посредствомъ переговоровъ. Но Хозрой отвѣчалъ такъ высокомѣрно, что Траянъ немедленно сдѣлалъ всѣ приготовленія къ войнѣ и походу. Прибывъ въ 113 г. въ Аѳины,

онъ получилъ тамъ отъ Хозроя посольство, дары и извѣстіе, что послѣдній уже низвелъ Экседара съ престола Арменіи и просилъ Траяна возвесть на него брата своего, Пареамизириса (Parthamisiris). Траянъ отвѣчалъ на это, что положитъ рѣшеніе по этому дѣлу, когда прибудетъ въ Сирію и ближе изслѣдуетъ его на мѣстѣ.

Въ 114 г. онъ вступилъ въ Арменію и не встрѣтилъ въ ней никакого сопротивленія. Всѣ города добровольно покорились ему, вся Арменія была завоевана, и Пареамизирисъ, сначала ставшій-было въ ней въ оборонительное положеніе, потомъ обратился къ Траяну съ униженными просьбами оставить его царемъ Арменіи, но Траянъ не далъ ему никакого отвѣта. Пареамизирисъ вторично писалъ Траяну, уже не называя себя царемъ Арменіи и прося о мирныхъ переговорахъ съ римскимъ правителемъ Каппадокіи, Юліемъ. Результатъ этихъ переговоровъ неизвѣстенъ, но вѣроятно былъ неблагопріятенъ для Пареамизириса, потому что онъ вскорѣ прибылъ съ небольшою свитой въ лагерь римской арміи близъ арменскаго города Элегіи и на колѣняхъ передъ Траяномъ отрекся отъ престола Арменіи, въ надеждѣ, что Траянъ великодушно возвратитъ ему оный. При видѣ этого униженія гордаго Арзакида, римская армія провозгласила Траяна императоромъ. Послѣдній объявилъ Пареамизирису рѣшительно, что Арменія принадлежитъ Риму и должна оставаться римскою провинціей. Тогда Пареамизирисъ прибѣгнулъ къ оружію, но силы его были слишкомъ незначущи и онъ былъ разбитъ и въ бою убитъ, а Арменія осталась во власти римлянъ.

Оставивъ въ городахъ ея римскіе гарнизоны, Траянъ двинулся въ Месопотамію, царь которой Авгарь уже давно соблюдалъ колебавшуюся между римлянами и пареянами политику. Слишкомъ слабый для сопротивленія римлянамъ, онъ покорился имъ, а они, по завоеваніи сопротивлявшихся городовъ Батны, Зингары и Низиба, завладѣли всею Месопотаміей.

Дальнѣйшее продолженіе войны Траяна съ пареянами мало извѣстно, но кажется имѣло благопріятный для Траяна исходъ, потому что Хозрой выдалъ заложниковъ, а Траянъ получилъ отъ римскаго сената прозваніе Пареянскаго (Parthicus).

Къ этому же времени (114 г.) относится также окончательное покореніе римлянами Каменистой Аравіи, покоренной въ 105 г. римскимъ легатомъ Корнеліемъ Пальмой, но потомъ возставшей и отложившейся. Траянъ былъ принужденъ лично двинуться въ нее съ частью своей арміи, покорилъ безпокойныя племена ея и обратилъ ее въ римскую провинцію.

Въ обѣихъ этихъ войнахъ Траянъ умѣлъ искусно и успѣшно соблюдать въ своей арміи строгіе, какъ въ древнія времена Рима, во-

енные дисциплину и порядокъ, самъ лично подавая примѣръ въ томъ. На переходахъ онъ шелъ въ главѣ арміи пѣшкомъ, искалъ въ рѣкахъ броды, какъ послѣдній рядовой воинъ, и неослабнымъ, бдительнымъ надзоромъ соблюдалъ всѣ порядки службы въ лагеряхъ и въ полѣ. Изъ частныхъ начальниковъ арміи его, исторія называетъ особенно мавританца Лузія Квіета (Lusius Quietus), который взялъ городъ Зингару послѣ упорной обороны его и тѣмъ такъ заслужилъ благоволеніе Траяна, что послѣдній назначилъ его преторомъ и позже консуломъ.

По заключеніи мира съ Хозроемъ, Траянъ обратился противъ племенъ, обитавшихъ къ сѣверу отъ Арменіи, между Эвксинскимъ Понтомъ и Каспіемъ (Чернымъ и Каспійскимъ морями, въ нынѣшнемъ Закавказьѣ). Онъ назначилъ албанцамъ царя, а царей Иверіи (Грузіи), Колхиды (на восточномъ берегу Чернаго моря) и другихъ сосѣднихъ съ ними земель принудилъ признать верховную власть Рима, между тѣмъ какъ Лузій, по его приказанію, побѣдилъ и покорилъ племя мардовъ. Затѣмъ весь восточный берегъ Эвксинскаго Понта до города Діоскуры или Севастополя покорился власти Рима. Неизвѣстно, какъ долго продолжались военныя дѣйствія Траяна противъ закавказскихъ племенъ. Извѣстно только, что послѣ 1-го похода его на востокѣ онъ воротился въ Римъ, но вскорѣ снова былъ вызванъ на востокъ происшедшимъ въ немъ возмущеніемъ и въ 115 г. въ Антіохіи съ трудомъ избѣжалъ смерти отъ страшнаго землетрясенія, совершенно разрушившаго этотъ городъ.

Прежде нежели предпринять 2-й походъ противъ парѳянъ, онъ, по совѣту своихъ приближенныхъ, вопросилъ оракула финикійскаго города Эліополя объ исходѣ этого похода. Загадочный отвѣтъ этого оракула не удержалъ Траяна отъ предпринятія похода, и онъ перешелъ въ 116 г. черезъ Тигръ по мосту на судахъ, въ постоянномъ бою съ жителями страны, вступилъ въ область Адіабену и покорилъ какъ ее, такъ и Ассирію, равно и знаменитые побѣдами Александра В. города Арбелы и Гавгамелы. Затѣмъ онъ перешелъ обратно за Тигръ въ Вавилонію, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія, потому что парѳянское царство въ это время уже было крайне ослаблено внутренними междуусобіями. Снова перейдя черезъ Тигръ, онъ завладѣлъ двумя столицами парѳянъ, Ктезифономъ и Сузой, и въ нихъ дочерью и золотымъ престоломъ парѳянскаго царя.

За всѣ эти завоеванія, именно: Арменіи, Месопотаміи и Ассиріи, сенатъ присудилъ Траяну нѣсколько тріумфовъ, даже сколько ему самому угодно было бы торжествовать. Эти успѣхи ослѣпили Траяна касательно истинныхъ пользъ и выгодъ государства. Вмѣсто того, чтобы упрочить новыя завоеванія, онъ увлекся славой дальнѣйшихъ

до того, что замыслилъ, подобно Александру В., проникнуть до Инда и Ганга и даже до Индійскаго моря и покорить Риму обитавшіе тамъ народы! Съ этою цѣлію онъ двинулся внизъ по долинѣ Тигра, завоевалъ, не безъ личной опасности, островъ Мезене, образуемый двумя рукавами Тигра и моремъ (Персидскимъ заливомъ), затѣмъ на флотѣ переплылъ весь этотъ заливъ, через Ормуздскій проливъ, къ югу и высадился на берегахъ Счастливой Аравіи, гдѣ завладѣлъ одною важною приморскою гаванью, очень довольный, что успѣлъ въ этомъ, тогда какъ Александръ В. не вносилъ своего оружія въ Счастливую Аравію! Этимъ однако и ограничились, по счастію, тщеславные, но безплодные замыслы его, и онъ тѣмъ же путемъ воротился въ устья Тигра, посѣтилъ развалины Вавилона и совершилъ на нихъ торжественную тризну въ память умершаго въ этомъ городѣ Александра В.

Но здѣсь именно и оказались прискорбныя послѣдствія неупроченія имъ, въ своемъ тылу, сдѣланныхъ имъ завоеваній: во многихъ вновь покоренныхъ областяхъ жители возстали и изгнали или истребили римскіе гарнизоны—и нужно было снова покорять возставшихъ. Траянъ послалъ противъ нихъ съ разныхъ сторонъ легатовъ Лузія и Максима. Первый снова покорилъ Низибъ, взялъ приступомъ и разрушилъ Эдессу, а его частные начальники войскъ покорили Селевкію. Но Максимъ былъ разбитъ и убитъ. Хотя спокойствіе на востокѣ и было возстановлено, однако Траянъ убѣдился въ необходимости отказаться отъ своихъ обширныхъ замысловъ, а вмѣсто покоренія парѳянъ, назначилъ имъ, вмѣсто изгнаннаго ими Хозроя, другаго царя—Парѳамаспаѳа, котораго и возвелъ въ Ктезифонѣ торжественно на престолъ (въ 116 г.). Затѣмъ онъ отправился къ осажденному римскими войсками и обитаемому аравитянами городу Атра, между Низибомъ и Тигромъ, и сталъ лично управлять осадой его. Но жители его оборонялись такъ упорно и искусно, что Траянъ, не смотря на всѣ свои усилія, былъ принужденъ снять осаду и предпринялъ обратное движеніе въ Сирію. Едва прибывъ въ нее, онъ заболѣлъ и, по настоятельной просьбѣ сената, въ 117 г. отправился въ Римъ, ввѣривъ главное начальствованіе на востокѣ преемнику своему Адріяну, хотя и лично храброму, но невоинственному и неспособному энергически продолжать войну, съ каждымъ днемъ становившуюся все болѣе трудною. Такимъ образомъ римляне еще при жизни Траяна (умершаго 11 августа 117 г.) утратили бо̀льшую часть завоеваній его въ Азіи. Парѳяне изгнали Парѳамаспаѳа и снова признали Хозроя, Арменія же и Месопотамія свергли съ себя римское иго и возстановили свою независимость подъ властію собственныхъ царей.

§ 373.

Войны Марка Аврелія (161—180 г.г.).

Первою важною войною его была война съ парѳянами. Царь ихъ Вологезъ II, еще при жизни предшественника Марка Аврелія, Антонина, сдѣлалъ большія приготовленія къ войнѣ съ римлянами, вѣроятно въ отмщеніе за многія пораженія и униженія парѳянъ Траяномъ. Арменія—этотъ постоянный предметъ войнъ между парѳянами и римлянами — была раздираема внутренними смутами. Вологезъ положилъ воспользоваться этимъ для обратнаго покоренія ея и въ 161 г. вторгнулся въ нее. Римскій легатъ Северіянъ, съ своей стороны, двинулся туда же изъ Каппадокіи, но былъ обложенъ парѳянскимъ полководцемъ Озроемъ въ укрѣпленномъ городѣ Элегіи, долго держался въ немъ, претерпѣлъ въ немъ страшный голодъ, но никакъ не хотѣлъ сдаться въ плѣнъ и наконецъ, вмѣстѣ съ войсками своими, погибъ при взятіи города приступомъ. Вслѣдъ за тѣмъ Вологезъ съ другой стороны вторгнулся въ Сирію, разбилъ въ ней римскаго легата Корнеліяна и возмутилъ всю ее противъ римлянъ.

Маркъ Аврелій послалъ въ Сирію и Арменію соправителя, наслѣдника и зятя своего, Вера, съ арміей. Но послѣдній шелъ такъ медленно и на пути предавался такимъ распутствамъ, что заболѣлъ въ Канузіѣ и очень поздно прибылъ въ Антіохію, въ которой и оставался все время въ восточномъ сластолюбіи, поручивъ веденіе войны легатамъ Стацію Приску, Авидію Кассію и Марцію Веру. Изъ нихъ послѣдній особенно соединялъ къ себѣ достоинства отличнаго полководца и искуснаго политика. Трудною для этихъ легатовъ задачей были, съ одной стороны—оборона Сиріи, а съ другой—изгнаніе изъ Арменіи царя, поставленнаго въ ней Вологезомъ. Поэтому Авидій Кассій двинулся въ Сирію, а Прискъ и Веръ—въ Арменію. Всѣ они дѣйствовали счастливо и успѣшно, а Кассій даже нанесъ парѳянамъ рѣшительное пораженіе при гор. Европѣ (Europus), силой перешелъ черезъ Евфратъ, прошелъ черезъ всю Месопотамію, покорилъ и разрушилъ Селевкію на Тигрѣ, взялъ приступомъ Ктезифонъ и разрушилъ въ немъ дворецъ Вологеза. Но при обратномъ движеніи въ Сирію онъ лишился большей части своей арміи отъ голода и болѣзней и воротился въ Сирію весьма ослабленнымъ. Между тѣмъ въ Арменіи Прискъ покорилъ столицу Артаксату, а Веръ держалъ въ страхѣ возставшій городъ Кэнополь (Cänopolis), захватилъ сатрапа

Тиридата, одного изъ главныхъ виновниковъ безпокойствъ въ Арменіи, и побѣдоносно проникъ до Атропатенской Мидіи.

Кромѣ того, ближайшихъ свѣдѣній объ этой войнѣ, продолжавшейся четыре года (161—165), не имѣется, но кажется, что парояне были изгнаны изъ Арменіи и въ ней возстановлено прежнее правленіе. Въ 166 г. былъ заключенъ миръ, продолжавшійся ненарушимо 30 лѣтъ.

Хотя главными военными дѣйствіями въ этой войнѣ руководилъ самъ Маркъ Аврелій изъ Рима и часто посылалъ оттуда подкрѣпленія войскамъ въ Сиріи и Арменіи, Веръ же лично не принималъ въ войнѣ никакого участія, однако онъ три раза получилъ почетный титулъ императора и прозваніе Арменскаго, Пароянскаго и Мидійскаго, а по возвращеніи въ Римъ торжествовалъ вмѣстѣ съ Маркомъ Авреліемъ тріумфъ, и оба получили отъ сената почетное прозваніе отцовъ отечества.

Гораздо важнѣе была маркоманнская война (166—180 г.г.) огромнаго союза германскихъ племенъ *), въ главѣ котораго стояли маркоманны, противъ римлянъ. Военныя дѣйствія открыли первые—катты, вторгшіеся въ Рэтію и угрожавшіе вторженіемъ и въ Италію. Легатъ Дидій Юліянъ (въ послѣдствіи императоръ) отразилъ и прогналъ ихъ, и съ тѣхъ поръ названіе ихъ изчезаетъ въ названіи Франковъ.

Вскорѣ послѣ того, именно въ то самое время, когда главныя силы римлянъ дѣйствовали въ Сиріи и Арменіи, начались наступательныя дѣйствія маркоманновъ и ихъ союза. Маркъ Аврелій, избѣгая двойной войны и съ пароянами, и съ германцами, заключилъ съ первыми миръ и обратилъ главныя силы свои противъ послѣднихъ. Но эта самая причина побудила маркоманновъ увеличить свои силы, между тѣмъ какъ римскія войска были значительно ослаблены чумою, вынесенною съ востока. Поэтому маркоманнская война была такъ страшна и опасна для римской имперіи, что самъ Маркъ Аврелій и современники его сравнивали ее съ нашествіемъ кимвровъ и тевтоновъ и даже съ 2-ю пуническою войною. А потому и вооруженія римлянъ для нея были произведены чрезвычайныя, именно: въ войско были набраны охотники изъ рабовъ, гладіаторы, которыхъ въ Римѣ и Италіи было очень много, даже разбойники изъ Далмаціи и Дарданіи и, наконецъ, наемные германцы. Маркъ Аврелій, не желая оставлять неспособнаго Вера въ Римѣ, ни поручать

---

*) Историкъ Юлій Капитолинъ называетъ маркоманновъ, нарисцовъ (Narisci), гермундуровъ, квадовъ, суэвовъ, лотринговъ и буріевъ, виктоваловъ, созибэвъ, сиготовъ, кастобокковъ, вандаловъ (всѣхъ — германскаго племени), сарматовъ, языговъ, роксоланъ, аланъ, бастарновъ и певкиновъ (славянскаго племени).

ему веденіе войны, въ полномъ собраніи сената объявилъ необходимымъ, чтобы оба императора лично начальствовали арміей. Въ 166 г. они двинулись въ Апулію и зимовали въ ней, дабы слѣдующею весною какъ можно ранѣе открыть походъ. А между тѣмъ они часто вступали съ германцами въ переговоры, которые Веръ особенно сильно подкрѣплялъ, гораздо болѣе желая участвовать въ удовольствіяхъ Рима, нежели въ войнѣ. По счастію онъ умеръ на походѣ, и Маркъ Аврелій могъ уже совершенно свободно дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. Впрочемъ кажется, что единственною выгодою, пріобрѣтенною въ этой 3-хъ-лѣтней войнѣ римлянами, было то, что они укрѣпили и обезпечили границы Италіи и Иллиріи.

Между тѣмъ какъ Маркъ Аврелій, послѣ смерти Вера, принималъ въ Римѣ нужныя военныя мѣры, преторіянскій преторъ Виндексъ былъ на голову разбитъ маркоманнами и потерялъ до 20 т. чел. Побѣдители проникли до самой Аквилеи и обложили ее, и этотъ городъ съ трудомъ держался противъ нихъ. При вѣсти объ этомъ, Маркъ Аврелій поспѣшилъ изъ Рима къ Аквилеѣ и 5 лѣтъ сряду велъ дѣятельную войну противъ маркоманновъ, не внимая совѣтамъ своихъ приближенныхъ—прекратить такую трудную и опасную войну, но твердо положивъ, не только отразить, но и покорить непріятелей (170 г.). Четыре года спустя (174 г.) маркоманны и языги просили мира, послѣ чего Маркъ Аврелій обратился противъ квадовъ и разбилъ ихъ въ кровопролитномъ сраженіи, по словамъ Діона Кассія — преимущественно помощію легіона, по прозванію молніеноснаго (legio fulminatrix). При этомъ взятъ былъ въ плѣнъ конунгъ или вождь квадовъ, который, какъ избранный ими безъ согласія Марка Аврелія, былъ заточенъ въ Александрію. Затѣмъ Маркъ Аврелій постепенно принудилъ бо̀льшую часть возставшихъ германскихъ и иныхъ племенъ просить мира. Однако кажется, что римляне понесли въ продолженіи этой войны значительный уронъ, потому что, по мирнымъ договорамъ, имъ были возвращены до 100 т. плѣнныхъ и Маркъ Аврелій дозволилъ варварамъ основать колоніи въ Паннонін, на Рейнѣ и даже въ Италіи. Такимъ образомъ варвары достигли цѣли своей войны—пріобрѣсть новыя земли для водворенія на нихъ.

Между римскими полководцами, особенно отличившимися въ маркоманнской войнѣ, историки называютъ Руфа Базея, изъ рядоваго легіонера возвысившагося до званія преторіянскаго префекта, Помпеяна — зятя Марка Аврелія, и Пертинакса—въ послѣдствіи императора.

Въ 175 г. Маркъ Аврелій, по очищеніи уже Паннонін отъ непріятеля и обезпеченіи сѣверныхъ границъ, былъ удержанъ отъ покоренія маркоманновъ и сарматовъ внезапнымъ возстаніемъ легата Авидія

Кассія. Послѣдній, въ награду за отличныя военныя дѣйствія свои въ войнѣ съ пареянами (см. выше) назначенный правителемъ Сиріи, сначала возстановилъ тамъ въ войскахъ древнеримскую строгую дисциплину. Онъ призвалъ обратно въ ряды войска всѣхъ тѣхъ, которые самовольно покинули орлы свои и удалились въ городъ Дафны, близъ Антіохіи, извѣстный своею роскошью, удовольствіями и развратомъ, а всѣмъ тѣмъ, которые не воротятся оттуда или вновь осмѣлятся уйти туда, грозилъ безчестнымъ увольненіемъ изъ войска. Строгость его иногда доходила до жестокости: такъ однажды онъ приказалъ воиновъ, обворовавшихъ одного поселянина, распять на крестахъ и затѣмъ тѣла ихъ сжечь или бросить въ море. Бѣглыхъ (дезертировъ) онъ наказывалъ отсѣченіемъ ногъ и рукъ, а центуріоновъ, которые безъ приказанія вступали въ бой съ непріятелемъ, присуждалъ къ позорной смертной казни.

Утвердивъ такимъ образомъ дисциплину въ сирійской арміи, онъ замыслилъ низложить съ нею Марка Аврелія, котораго въ насмѣшку называлъ сочинителемъ философскихъ діалоговъ (двоесловій). Во время маркоманнской войны Маркъ Аврелій поручилъ ему покорить разбойничье племя буколовъ или вуколовъ въ Египтѣ. Авидій Кассій исполнилъ это очень разумно, успѣшно и безъ всякаго урона для себя. Въ 176 г. онъ наконецъ приступилъ къ исполненію своего замысла, въ которомъ его поддерживала, какъ полагаютъ, императрица Фаустина. Воспользовавшись болѣзнію Марка Аврелія, онъ распустилъ слухъ о его смерти и побудилъ сирійскіе легіоны провозгласить его, Авидія, императоромъ. Антіохія, Египетъ и бо́льшая часть восточныхъ римскихъ провинцій признали его въ этомъ санѣ.

Маркъ Аврелій узналъ объ этомъ въ Панноніи отъ правителя Каппадокіи, Марція Вера. Авидій пользовался столь громкою военною славой, что паннонскіе легіоны боялись идти на войну противъ него, а въ Римѣ распространился страхъ. Маркъ Аврелій успокоилъ сенатъ и войско, нисколько не позволивъ себѣ унизить Авидія, и немедленно двинулся съ войскомъ противъ него. Но еще прежде, нежели онъ прибылъ въ Сирію, Авидій Кассій, 3 мѣсяца проносивъ титулъ императора, былъ убитъ однимъ центуріономъ. Таже участь постигла сына его, Меціяна, и преторіянскаго префекта его. Семейство же Авидія и всѣ принявшіе участіе въ его возмущеніи (въ числѣ которыхъ не было ни одного христіанина) были помилованы Маркомъ Авреліемъ (176 г.).

Два года спустя, въ 178 г. Маркъ Аврелій былъ вынужденъ снова лично отправиться изъ Рима въ походъ противъ маркоманновъ, которыхъ никакъ не могли удержать отъ вторженій въ римскіе предѣлы, ни легатъ Пертинаксъ, посланный противъ нихъ изъ Сиріи,

ни два брата Квинктиліи, всѣ три извѣстные какъ опытные и искусные полководцы. Маркъ Аврелій лично предпринялъ изъ Паннонія походъ противъ маркоманновъ, но подробности его мало извѣстны. Извѣстно только, что одинъ изъ легатовъ Марка Аврелія, Патернъ, одержалъ надъ маркоманнами полную и рѣшительную побѣду, вслѣдствіе которой Маркъ Аврелій въ 10-й разъ получилъ отъ войска почетный титулъ императора и уже надѣялся совершенно покорить маркоманновъ, когда заболѣлъ и 17 марта 180 г. умеръ въ Виндобонѣ (нынѣ Вѣна) въ Панноніи.

Сынъ (какъ полагаютъ—распутной жены его Фаустины) и преемникъ его, Коммодъ, едва совершивъ погребеніе тѣла его, положилъ, вопреки совѣтамъ опытныхъ полководцевъ Марка Аврелія, немедленно воротиться изъ Панноніи въ Римъ. Для того онъ поспѣшно заключилъ мирные договоры съ непріятелями, изъ которыхъ многіе были склонны подчиниться имъ. Главнымъ изъ нихъ—маркоманнамъ миръ былъ дарованъ подъ условіемъ выдачи ими заложниковъ и римскихъ плѣнниковъ, ежегодной дани зерновымъ хлѣбомъ, выставленія вспомогательныхъ войскъ и неведенія ими войны съ вандалами и языгами. Затѣмъ Коммодъ вывелъ изъ ихъ крѣпостей римскіе гарнизоны и отправился въ Римъ, пожертвовавъ большія, уже почти совершенно удавшіяся завоеванія Марка Аврелія въ южной Германіи—изъ непомѣрной жажды наслажденій въ Римѣ, по прибытіи въ который, безъ всякихъ личныхъ заслугъ и права, торжествовалъ тріумфъ надъ германцами.

IV.

Войны и походы при Коммодѣ и Септиміѣ Северѣ

(182—211 г.г.).

§ 374.

Войны при Коммодѣ съ даками, сарматами и бриттами (182—184 г.г.).

Въ первые годы правленія Коммода даки и сарматы (къ С. отъ нижняго Дуная) возстали противъ римлянъ. Коммодъ послалъ противъ нихъ легатовъ Альбина и Нигера, которые заставили ихъ, хотя и не безъ труда, покориться (182 г.).

Но важнѣйшею при Коммодѣ войною была британская, вслѣдствіе того, что бритты прорвались сквозь Адріановъ валъ, опустошили римскую провинцію Британнію огнемъ и мечомъ и обратили въ бѣгство римскую армію въ ней. Коммодъ послалъ противъ нихъ Улпія Марцелла, одного изъ лучшихъ полководцевъ, образовавшихся еще въ войнахъ умершаго Марка Аврелія. Возстановивъ, прежде всего, древне-римскую строжайшую дисциплину въ войскахъ и пріучивъ ихъ къ военнымъ работамъ и трудамъ, Улпій Марцеллъ повелъ ихъ затѣмъ противъ бриттовъ и разбивалъ ихъ вездѣ, гдѣ только ни встрѣчалъ. Но этимъ самымъ онъ навлекъ на себя ненависть недостойнаго Коммода, былъ отозванъ имъ, обвиненъ подъ ничтожнымъ предлогомъ и только по счастливому случаю спасъ жизнь свою. Преемникъ его, Пертинаксъ, также хорошій полководецъ Марка Авреля, хотя и покорилъ бриттовъ, но только крайнею строгостью успѣлъ подавить возмущеніе собственныхъ войскъ. Они громко требовали низложенія Коммода и провозгласили императоромъ Пертинакса, который пребылъ однако вѣрнымъ Коммоду, не смотря на опасность быть убиту разъяренными воинами.

§ 375.

Междуусобная война (193—197 г. г.).

По убіеніи Коммода въ Римѣ 31 декабря 192 г., убійцы его провозгласили императоромъ Пертинакса, незадолго передъ тѣмъ воротившагося изъ Британніи и Коммодомъ назначеннаго въ градоначальники Рима. Пертинаксъ, хотя уже и 68 ми лѣтъ отъ роду, тотчасъ же вполнѣ мудро и справедливо повелъ дѣла государственныя. Имя его такъ подѣйствовало на пограничныхъ враговъ Рима, что многіе изъ нихъ, знавшіе его изъ прежнихъ войнъ, добровольно положили оружіе. А внутри онъ положилъ предѣлы высокомѣрію и своеволію преторіянцовъ. Но этимъ самымъ онъ раздражилъ ихъ противъ себя и, возбужденные префектомъ своимъ Лэтомъ, убійцею Коммода, они убили (28 марта 193 г.) и Пертинакса—и продали званіе императора наиболѣе денегъ давшему за оное, развратному и распутному богачу, Дидію Юліяну, не смотря на явное презрѣніе къ нему народа.

Между тѣмъ иллирійскіе легіоны, при вѣсти объ убіеніи Пертинакса, немедленно провозгласили полководца своего, проконсула Септимія Севера, императоромъ и потребовали, чтобы онъ повелъ ихъ противъ убійцъ Пертинакса. Септимій Северъ немедленно

двинулся съ ними усиленными переходами къ Риму; но еще прежде, нежели въ Римѣ узнали о томъ, сирійскіе легіоны провозгласили императоромъ правителя Сиріи, храбраго, кроткаго и любимаго всѣми Песценнія Нигера, который и былъ признанъ почти всѣми римскими провинціями на востокѣ.

Пока Септимій Северъ быстро шелъ къ Риму, Дидій Юліянъ въ немъ не принялъ никакихъ мѣръ обороны, былъ покинутъ сенатомъ и казненъ, а Септимій Северъ признанъ императоромъ. Послѣдній, прибывъ въ Римъ, немедленно разкассировалъ преторіянскія когорты и разослалъ ихъ по пограничнымъ легіонамъ, а 300 человѣкъ изъ нихъ, виновныхъ въ убіеніи Пертинакса, казнилъ. Затѣмъ, выбравъ храбрѣйшихъ и надежнѣйшихъ воиновъ изъ своихъ иллирійскихъ легіоновъ, образовалъ новыя, вчетверо сильнѣйшія (40 т. чел.), преторіянскія когорты. Но прежде, нежели обратиться на востокъ противъ Песценнія Нигера, онъ положилъ обезпечить себя со стороны Клодія Албина, начальствовавшаго легіонами въ Британніи и подозрѣваемаго въ намѣреніи провозгласить себя императоромъ. Съ этою цѣлію онъ назначилъ его Цезаремъ, чтобы привлечь его на свою сторону, и тогда уже сдѣлалъ большія приготовленія къ войнѣ съ Нигеромъ. Войскамъ, оставшимся въ Иллиріи, онъ приказалъ идти во Ѳракію, флоты у Равенны и Мизена имѣли перевезти войска изъ Италіи въ Грецію, а въ Африку были посланы легіоны, для обороны Египта и Киренаики противъ Нигера. Затѣмъ Септимій Северъ, не объяснивъ сенату, куда и зачѣмъ отправлялся, выѣхалъ изъ Рима. На походѣ войска его возмутились, требуя обычной денежной награды (donativum), но были усмирены уплатой части ея.

Между тѣмъ Нигеръ, съ своей стороны также сдѣлавшій на востокѣ большія приготовленія къ войнѣ, двинулся изъ Азіи въ Европу, съ многочисленнымъ войскомъ изъ Сиріи и Малой Азіи, на встрѣчу Септимію Северу. Одинъ изъ лучшихъ полководцевъ его, Эмиліянъ, начальствовалъ передовымъ отрядомъ. Отъ союзныхъ царей Арменіи и Пароіи Нигеръ не могъ получить вспомогательныхъ войскъ, и только одинъ Варземисъ (Barsemis), владѣтель Атры прислалъ ему отрядъ стрѣлковъ. Вся Сирія, и особенно Антіохія, выставили ему многочисленные отряды войскъ. Въ Византіи онъ былъ принятъ съ восторгомъ. Отсюда онъ имѣлъ въ виду завладѣть всѣмъ берегомъ моря до Геллеспонта, откуда ему предлежалъ кратчайшій путь въ Европу. Но близъ Перинѳа онъ встрѣтилъ легата Ираклія, высланнаго Септиміемъ Северомъ впередъ для защиты Виѳиніи. Ираклій отразилъ Нигера и заставилъ его отступить къ Византіи. Такъ какъ при этомъ Нигеръ первый открылъ военныя дѣйствія и въ первыхъ стычкахъ и дѣлахъ убилъ многихъ знатныхъ

римлянъ, то Септимій Северъ, постановленіемъ сената, объявилъ Нигера врагомъ государства. Между тѣмъ послѣдній вступилъ въ переговоры съ нимъ, требуя принятія его въ соправители. Но Северъ соглашался, въ случаѣ покорности Нигера, только даровать ему жизнь и достаточное содержаніе въ изгнаніи. Вслѣдствіе несогласія Нигера на то, споръ между ними должно было рѣшить оружіе.

Северъ, прибывъ съ войскомъ во Ѳракію, не призналъ благоразумнымъ и возможнымъ осадить Нигера въ сильно-укрѣпленной Византіи и положилъ исполнить первоначальный планъ свой — перенесть войну въ Азію, куда въ 194 г. и послалъ моремъ лучшія войска свои. Они встрѣтили при Кизикѣ Эмиліана и разбили его: войска послѣдняго были частію истреблены, частію разсѣяны, а самъ Эмиліянъ взятъ въ плѣнъ и, какъ врагъ государства, казненъ.

При вѣсти объ этомъ Нигеръ, оставивъ въ Византіи гарнизонъ, переправился обратно въ Малую Азію, а Северъ отрядилъ часть своей арміи для осады Византіи. Нигеръ собралъ въ Виѳиніи сильную армію и въ горныхъ тѣснинахъ между Никеей и Кіемъ (Cius) вступилъ въ сраженіе съ Кандидомъ, полководцемъ Севера. Лично начальствуя своею арміей, онъ, какъ опытный полководецъ, не пренебрегъ принятіемъ надлежащихъ въ его расположеніи мѣръ. Успѣхъ долго переходилъ съ одной стороны на другую, но наконецъ склонился на сторону Кандида — и разбитый Нигеръ былъ принужденъ отступить за горный хребетъ Тавра. Тутъ, какъ предусмотрительный полководецъ, онъ озаботился приведеніемъ въ сильное оборонительное положеніе, посредствомъ устроенія укрѣпленій, горныхъ тѣснинъ, ведшихъ изъ Каппадокіи въ Киликію, такъ что побѣдоносная армія Севера была остановлена тутъ небольшимъ числомъ войскъ. А это дало Нигеру время притянуть къ себѣ новыя войска. Северъ, усиленными переходами прошедшій черезъ Виѳинію, Галатію и Каппадокію, тщетно старался силой перейти черезъ Тавръ и во многихъ атакахъ своихъ былъ отраженъ съ урономъ. Онъ уже началъ сомнѣваться въ успѣхѣ, какъ, къ счастію для него, неожиданный случай помогъ ему. Отъ внезапнаго ливня вода въ горныхъ потокахъ такъ поднялась, что разрушила въ различныхъ мѣстахъ укрѣпленія Нигера. Войска послѣдняго, устрашенныя тѣмъ, покинули укрѣпленія и отступили — и Северъ безъ сопротивленія проникъ въ Киликію.

При Иссѣ — мѣстѣ знаменитаго сраженія Александра В. съ Даріемъ — Нигеръ противусталъ Северу съ арміей, хотя и равносильною, но составленною большею частію изъ молодыхъ, неопытныхъ воиновъ. Въ происшедшемъ здѣсь сраженіи побѣда также склони-

лась на сторону европейской армiи противъ азiятской: Нигеръ былъ на голову разбитъ легатами Севера Аннуниномъ и Валерiемъ, съ урономъ до 20 т. чел. (?), бѣжалъ въ Антiохiю, а оттуда въ Парѳiю, но, еще не достигнувъ Евфрата, былъ захваченъ преслѣдовавшею его конницей Севера и обезглавленъ (195 г.) Голову его Северъ велѣлъ показать осажденнымъ византiйцамъ, дабы побудить ихъ къ сдачѣ, а затѣмъ отослать въ Римъ, какъ побѣдный трофей свой. Древнiе историки свидѣтельствуютъ, что Нигеръ заслуживалъ лучшей участи и былъ искусный полководецъ, всегда лично начальствовавшiй своими войсками, между тѣмъ какъ Северъ велъ войну посредствомъ своихъ легатовъ, никогда лично не подвергаясь опасности. Съ семействомъ и приверженцами Нигера онъ поступилъ крайне строго, даже жестоко, подвергнувъ ихъ, смотря по большей или меньшей приверженности къ Нигеру, или смертной казни, или изгнанiю, или денежнымъ пенямъ. Войска же Нигера, страшась строгой кары Севера и не довѣряя обѣщанному имъ всепрощенiю, большею частiю перешли къ парѳянамъ и лишь немногiя—къ Северу. Этому обстоятельству именно слѣдуетъ приписать позднѣйшiе успѣхи парѳянъ надъ римлянами, потому что первые научились отъ римскихъ переметчиковъ какъ изготовленiю римскаго оружiя, такъ и римскимъ: строю, образу дѣйствiй, порядкамъ службы и т. п.

По смерти Нигера, Северъ строго покаралъ и города, принявшiе сторону перваго. Стѣны Антiохiи и Наплуса въ Галилеѣ были разрушены, а для ослабленiя Сирiи, Палестина была отдѣлена отъ нея и обращена въ особую провинцiю, съ главнымъ городомъ Тиромъ въ ней.

Между тѣмъ Византiя 3 года упорно оборонялась противъ осадныхъ войскъ Севера, чему особенно способствовалъ искусный виѳинскiй зодчiй и механикъ Прискъ. Но страшный голодъ принудилъ наконецъ въ 196 г. осажденныхъ къ сдачѣ — и ихъ также постигла жестокая кара Севера. Всѣ, имѣвшiе власть въ городѣ, и всѣ, носившiе оружiе, были преданы смерти, остальные жители — лишены своихъ правъ, стѣны Византiи — разрушены, городъ этотъ — обращенъ въ мѣстечко и подчиненъ насупротивъ лежавшему городу Перинѳу.

Затѣмъ Северъ обратился съ войною противъ жителей Аравiи, Адiабены, Озроэны и Парѳiи, болѣе или менѣе поддерживавшихъ Нигера. Онъ завладѣлъ Месопотамiею, Маркомъ Аврелiемъ и Веромъ обращенною въ римскую провинцiю, но въ которую со всѣхъ сторонъ вторглись непрiятели, и упрочилъ за собою обладанiе Низибомъ, весьма важнымъ городомъ по своему мѣстному положенiю и обширной торговлѣ.

Возстановивъ такимъ образомъ страхъ римскаго оружiя на восто-

кѣ, гдѣ уже 30 лѣтъ не видали римлянъ, Северъ въ 197 г. обратилъ свое вниманіе на Британнію, гдѣ Цезарь Албинъ обнаруживалъ притязанія на высшій титулъ—Августа, т. е. императора, привлекъ на свою сторону Галлію и Испанію и даже искалъ связей на востокѣ. Коль же скоро онъ призналъ себя уже достаточно сильнымъ, то открыто провозгласилъ себя Августомъ.

Северъ, узнавъ объ этомъ на обратномъ пути въ Римъ, немедленно объявилъ Албина врагомъ государства, а 8-ми лѣтняго сына своего, Бассіана, съ именемъ Марка Аврелія Антонина (въ послѣдствіи Каракаллы)—Цезаремъ, и двинулся съ войскомъ въ Мизію. Между тѣмъ Албинъ переправился изъ Британніи въ Галлію, съ тѣмъ чтобы идти черезъ Альпы въ Римъ. Но Северъ, проникнувъ его намѣреніе, частію своихъ силъ занялъ горные проходы черезъ Альпы въ Италію, а съ главными силами двинулся усиленными переходами въ Галлію, гдѣ Албинъ уже занялъ большой городъ Лугдунъ (Ліонъ). По близости послѣдняго обѣ противныя арміи расположились въ укрѣпленныхъ лагеряхъ. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ произошло общее сраженіе (197 г.), въ которомъ обѣ стороны долгое время упорно силились одержать побѣду, но наконецъ она рѣшительно склонилась на сторону Севера, которому историки приписываютъ превосходство надъ Албиномъ въ военныхъ дарованіяхъ. Лугдунъ былъ разграбленъ, а Албинъ, послѣ пораженія и истребленія своей арміи лишась всякой надежды, самъ себя лишилъ жизни. Онъ былъ даровитый и храбрый полководецъ, но ему не доставало надлежащей предосторожности противъ своего хитраго противника. Съ семействомъ и знатнѣйшими приверженцами его, взятыми въ плѣнъ, Северъ поступилъ съ большою жестокостью. Въ Галліи и Испаніи были произведены, по его приказанію, строгія слѣдствія, и всѣ, объявившіе себя тамъ за Албина, были наказаны по меньшей мѣрѣ конфискованіемъ ихъ имуществъ. Мщеніе его пало также и на сенатъ, склонившійся на сторону Албина, и 41 изъ знатнѣйшихъ сенаторовъ были казнены.

Пробывъ нѣсколько времени въ Галліи и раздѣливъ Британнію на двѣ провинціи, Северъ воротился съ своею арміею въ Римъ, уже единодержавнымъ императоромъ, въ 4 года междуусобной войны избавясь отъ трехъ соперниковъ, присвоившихъ себѣ императорскій титулъ.

§ 376.

Война съ пареянами (198—200 г.г.).

Весною 198 г. Северъ снова отправился на востокъ, дабы наказать пареянъ, во время войны его съ Албиномъ въ Галліи вторгнувшихся въ Месопотамію и осаждавшихъ Низибъ. Пославъ туда уже тотчасъ послѣ сраженія при Лугдунѣ легата Лэта (Laetus) съ частію силъ, онъ послѣдовалъ за нимъ съ главными силами изъ Рима. При вѣсти о томъ пареяне сняли осаду Низиба и отступили. Тогда Северъ воротился въ Сирію и на походѣ въ нее принудилъ царя Озроэны Авгаря къ покорности, выдачѣ заложниковъ и выставленію вспомогательныхъ войскъ.

Зиму, весну и почти все лѣто 199 г. Северъ употребилъ на большія приготовленія къ энергическому походу противъ пареянъ, который и открылъ только въ самомъ концѣ лѣта, въ избѣжаніе сильнаго лѣтняго зноя. Прибывъ къ Евфрату, онъ посадилъ часть арміи на большое число судовъ, заранѣе построенныхъ по его приказанію на этой рѣкѣ, и послалъ этотъ флотъ внизъ по ней, а самъ съ главными силами сопровождалъ его по обоимъ берегамъ, имѣя при себѣ брата пареянскаго царя Вологеза III (по Иродіяну — Артабана) и пользуясь его знаніемъ мѣстности. Не встрѣтивъ сопротивленія, прибылъ онъ къ Вавилону и потомъ къ Селевкіи, покинутымъ жителями, и осадилъ столицу Пареіи Ктезифонъ, въ которую укрылся и заключился Вологезъ. Послѣ крайне трудной осады, стоившей арміи Севера большаго урона убитыми, ранеными и умершими отъ болѣзней и голода, Ктезифонъ наконецъ былъ взятъ приступомъ и разграбленъ. При этомъ римскія войска пріобрѣли громадную добычу и взяли до 100 т. чел. въ плѣнъ. А Вологезъ спасся бѣгствомъ.

По случаю этой побѣды, Северъ во 2-й разъ получилъ отъ своей арміи почетный титулъ императора и самъ придалъ себѣ прозваніе Parthicus Maximus (Пареянскій Великій), приказалъ изобразить въ картинахъ свои великіе подвиги и публично выставить ихъ народу, а старшаго сына своего, Бассіяна (или Вассіяна — Каракаллу), заставилъ армію провозгласить Августомъ, младшаго же Гету назначилъ Цезаремъ.

Изъ Ктезифона онъ пошелъ въ Арменію. Царь ея Вологезъ двинулся на встрѣчу ему съ войскомъ, но, убѣдясь въ числительномъ превосходствѣ арміи Севера, склонилъ послѣдняго къ миру денежною уплатой и выдачею заложниковъ. Тогда Северъ обратился противъ владѣтеля Атры, Барземиса, поддерживавшаго Нигера во

время междуусобной войны и сильно укрѣпившаго Атру, и безъ того очень сильную мѣстностью. Северъ осадилъ ее, но всѣ усилія взять ее были отражены съ большимъ урономъ для него, и онъ былъ принужденъ снять осаду. Но вскорѣ онъ снова предпринялъ ее, и при этомъ происшедшее, вслѣдствіе его скупости, возмущеніе въ его арміи принудило его произвесть открытый приступъ къ городу, уже на половину одолѣнному осадой. Но послѣ 20-ти-дневныхъ непрерывныхъ приступовъ и кровопролитнаго боя, онъ былъ принужденъ вторично снять осаду.

Затѣмъ онъ обратился въ Аравію и часть оной покорилъ, впрочемъ мало прибавилъ къ завоеваніямъ Траяна, и единственною выгодой военныхъ предпріятій его на востокѣ было то, что онъ болѣе упрочилъ на немъ колебавшееся владычество Рима и на многіе годы возстановилъ спокойствіе тамъ.

Въ Палестинѣ, гдѣ іудеи снова пытались возстать, онъ безъ особеннаго труда покорилъ ихъ (200 г.). Походомъ противъ нихъ руководилъ, кажется, Каракалла, потому что сенатъ назначилъ ему тріумфъ надъ іудеями.

§ 377.

Война въ Британніи (208—211 г.г.).

Между тѣмъ какъ Северъ занятъ былъ войнами: междуусобною и на востокѣ, каледоняне безпрестанно производили вторженія въ Британнію и разоряли ее. Находившійся въ ней легатъ Лупъ, имѣя слишкомъ слабыя противъ нихъ силы, былъ принужденъ купить у нихъ миръ цѣною золота. Однако они и затѣмъ продолжали разорять Британнію. Наконецъ въ 207 г. Северъ, хотя уже и обремененный лѣтами и недугами, отправился въ Британнію, чтобы положить конецъ вторженіямъ каледонянъ и еще болѣе увеличить свою военную славу. Зиму съ 207 на 208 г. онъ употребилъ на сосредоточеніе войскъ, учрежденіе складовъ продовольствія, постройку мостовыхъ судовъ (понтоновъ) и пр. т. п.

Устрашенные тѣмъ каледоняне просили пощады и предложили покориться. Но Северъ отказалъ въ томъ и, оставивъ Гету въ римской Британніи, съ Каракаллой и главными силами двинулся въ Каледонію (208 г.). Въ этой горной и крайне пересѣченной странѣ онъ встрѣтилъ всякаго рода естественныя препятствія: нужно было прорубать просѣки черезъ дремучіе лѣса, срывать горы, строить мосты черезъ рѣки и плотины черезъ болота и т. п. Съ такими необык-

новенно трудными работами онъ достигнулъ наконецъ самой сѣверной части Каледоніи, нигдѣ не встрѣтивъ однако жителей ея въ большихъ массахъ. Они раздѣлились на небольшіе отряды и вели дѣятельную малую войну, нападая на отсталыхъ и, изъ засадъ, на фуражировъ. Поэтому общаго боя не было, а происходили частыя стычки, въ которыхъ нерѣдко каледоняне имѣли успѣхъ, а римляне терпѣли неудачу. Слѣдствіемъ всего этого было то, что Северъ потерялъ въ этомъ походѣ до 50 т. (?) чел. убитыми, ранеными и умершими отъ болѣзней, безъ всякой иной выгоды, какъ только занятія полосы края между валомъ Антонина и морскими заливами Глоты и Бодотріи. Для прикрытія римскихъ провинцій отъ набѣговъ каледодонянъ, онъ приказалъ возвесть земляной валъ, далѣе котораго уже никогда болѣе не простирались римскія владѣнія.

При вѣсти объ этомъ завоеваніи, сенатъ присвоилъ Северу почетное названіе Britannicus Maximus (Британскій Великій), а каждому изъ двухъ сыновей его — совершенно незаслуженное имя — Britannicus (Британскій).

Изъ нихъ старшій — Каракалла, очень мало участія принимавшій въ походѣ, пытался привлечь на свою сторону часть арміи, съ цѣлію, чтобы она провозгласила его императоромъ. Северъ, узнавъ о томъ, приговорилъ всѣхъ заговорщиковъ къ смерти, но потомъ помиловалъ ихъ по убѣдительнымъ просьбамъ арміи. Удрученный лѣтами, болѣзнію и горемъ, онъ простилъ даже покушеніе на его жизнь, въ виду цѣлой арміи, недостойнаго сына своего Каракаллы, хотя нѣкоторые историки полагали, что Северъ уже положилъ казнить его (209 г.), но только смерть воспрепятствовала ему исполнить это.

Между тѣмъ жители сѣверной Британніи въ 210 г. снова возстали, и Северъ уже потребовалъ отъ своей арміи истребительной войны противъ нихъ, когда смерть его, 4 февраля 211 г. въ Эборакѣ (Іоркѣ), отъ болѣзни, положила предѣлъ его военнымъ предпріятіямъ.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЯТАЯ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЕ ВОЙНЫ И ПОХОДЫ РИМЛЯНЪ ВЪ ЭТОМЪ ПЕРІОДѢ.

(Окончаніе)

V. Войны и походы отъ Каракаллы до Діоклитіяна (214—284 г.г.).— § 378. Война съ германцами при Каракаллѣ (214—215 г.г.).—§ 379. Война съ пареянами при Каракаллѣ (216—217 г.г.). — § 380. 1-я война съ персами при Александрѣ Северѣ (229—235 г.г.). — § 381. Война съ германцами при Максиминѣ (235—236 г.г.). — § 382. Война съ персами при Гордіянѣ (241—243 г.г.). — § 383. Войны внутреннія и внѣшнія отъ Филиппа до Клавдія II (249—268 г.г.).—§ 384. Походы Клавдія II (268—270 г.г.). — § 385. Походы Авреліяна (270—275 г.г.). — § 386. Походы Проба (276—282 г.г.).—§ 387. Походы Кара (282—283 г.г.).

VI.

Войны и походы отъ Каракаллы до Діоклитіяна.

(214—284 г.г.).

§ 378.

Война съ германцами при Каракаллѣ (214—215 г.г.).

Каракалла, умертвивъ младшаго брата своего Гету, дарами склонивъ войска на свою сторону и въ три года (211—213) совершивъ въ Римѣ и Галліи неимовѣрныя злодѣйства, въ 214 г., мучимый совѣстью за братоубійство, предпринялъ походъ противъ ценновъ и аллеманновъ, обитавшихъ между р.р. Майномъ, Рейномъ и Дунаемъ.

Аллеманны, тогда еще незначущее племя, сначала удивились, что Каракалла вступилъ въ ихъ земли не врагомъ, а другомъ, и безъ сопротивленія допустили его построить во многихъ мѣстахъ укрѣпленные замки. Но равнодушіе ихъ внушило Каракаллѣ, сначала не смѣвшему напасть на нихъ въ открытомъ полѣ, коварную мысль употребить противъ нихъ хитрость. Онъ собралъ молодыхъ людей ихъ, подъ предлогомъ взять ихъ въ службу на жалованье — и приказалъ войскамъ своимъ внезапно напасть на нихъ и всѣхъ избить! И послѣ такого низкаго и позорнаго поступка онъ не устыдился принять прозваніе Allemanicus (Аллеманнскій), громко хвалясь, что побѣдилъ варваровъ хитростью, такъ какъ силою оружія одолѣть ихъ было нельзя! Плѣнныя жены аллеманновъ, изъ предложенныхъ имъ Каракаллой—продажи въ рабство или смерти, избрали послѣднюю, и хотя были проданы, однако сами себя, а многія и дѣтей своихъ, лишили жизни.

Но со стороны ценновъ (или у Діона Кассія—каттовъ) Каракалла встрѣтилъ сильное сопротивленіе. Въ открытомъ бою съ нимъ они сражались противъ римскихъ войскъ съ такимъ ожесточеніемъ, что даже зубами вырывали изъ своихъ ранъ стрѣлы озроэнскихъ (азіятскихъ) стрѣлковъ, дабы руки ихъ были свободны для убіенія римлянъ! Но, умѣвъ устоять противъ храбрости ихъ, они не могли устоять противъ подкупа—и Каракалла цѣною золота искупилъ себѣ свободное отступленіе и возможность назвать себя побѣдителемъ!

Такими поступками онъ унизилъ себя не только въ глазахъ собственныхъ войскъ, но и передъ всѣми германцами. Племена ихъ на Эльбѣ грозили войной—и онъ и отъ нихъ отдѣлался также деньгами. А между тѣмъ какъ германцы глубоко презирали его, онъ, съ своей стороны, имѣлъ особенное пристрастіе къ нимъ: изъ красивѣйшихъ и храбрѣйшихъ между ними составилъ себѣ стражу тѣлохранителей, принялъ одежду ихъ и даже часто носилъ поддѣльные русые волосы!

Отъ береговъ Рейна онъ двинулся къ нижнему Дунаю, грабя и разоряя край на пути, даже въ римскихъ провинціяхъ. На нижнемъ Дунаѣ онъ встрѣтилъ готѳовъ, отъ Вислы передвинувшихся въ Дакію, здѣсь впервые пришедшихъ въ столкновеніе съ римлянами и въ послѣдствіи имѣвшихъ такое значительное участіе въ разрушеніи западной римской имперіи. Въ неважныхъ стычкахъ, успѣхъ которыхъ неизвѣстенъ, впервые измѣрили они свои силы съ римлянами и затѣмъ заключили союзъ съ независимыми даками, обмѣнявшись заложниками.

Не останавливаясь долго въ Дакіи, Каракалла въ 215 г. прошелъ черезъ Ѳракію и Македонію, переправился черезъ Геллеспонтъ, совер-

шилъ въ Иліонѣ смѣшное и жалкое торжество въ память Ахилла и провелъ зиму 215—216 г.г. въ приготовленіяхъ къ походу противъ пароянъ и армянцовъ.

§ 379.

Война съ пароянами при Каракаллѣ (216—217 г.г.).

Единственною цѣлію похода безумнаго Каракаллы противъ пароянъ и армянцовъ было только желаніе его присвоить себѣ прозваніе Parthicus (Пароянскій). Предлогомъ же служило ему то, что пароянскій царь Артабанъ, вопреки послѣднему договору, давалъ у себя убѣжище римскимъ преступникамъ-переметчикамъ. Артабанъ, только что вступившій на престолъ Пароіи, уже сильно колебавшійся хотѣлъ избѣжать войны и, выдавъ всѣхъ римскихъ переметчиковъ, получилъ за то миръ.

Затѣмъ Каракалла коварною хитростью захватилъ правителя Эдессы, Авгаря, который, какъ римскій союзникъ, прибылъ, по приглашенію Каракаллы, въ его лагерь—и въ немъ былъ закованъ въ оковы, а область его обращена въ римскую провинцію. Но армянцы прибѣгли къ оружію и разбили неспособнаго римскаго легата Ѳеокрита, изъ вольноотпущенниковъ, хотя и не успѣли этимъ освободить Авгаря.

Послѣ того Каракалла, въ злобѣ своей, обратился противъ жителей Александріи, дозволившихъ себѣ насмѣхаться надъ этимъ безумнымъ римскимъ императоромъ. Послѣдній приказалъ своей арміи ворваться въ Александрію и въ ней грабить и убивать, сколько угодно! Это продолжалось нѣсколько дней и ночей, и армія Каракаллы избила половину жителей Александріи, полуразрушила этотъ городъ и награбила несмѣтную добычу!

Отсюда Каракалла потребовалъ отъ Артабана пароянскаго дочь его себѣ въ жены и, получивъ отказъ, открылъ изъ Антіохіи походъ противъ Артабана такъ быстро, что напалъ на пароянъ, неготовыхъ къ войнѣ, совершенно врасплохъ. Они стали собирать войска въ горахъ за Тигромъ, а Каракалла между тѣмъ разорилъ Мидію и, нигдѣ не встрѣтивъ непріятелей, воротился въ Месопотамію, назвалъ себя, въ посланіи къ сенату, покорителемъ востока и всѣхъ странъ за Евфратомъ! — и за то былъ удостоенъ чести тріумфа и почетнаго прозванія Parthicus (Пароянскій)! Но во время приготовленій къ продолженію войны противъ пароянъ, 4 апрѣля 217 г. онъ былъ убитъ центуріономъ Марціалисомъ, по побужденію преторіян-

скаго префекта Макрина, лично оскорбленнаго Каракаллой и три дня спустя провозглашеннаго арміей императоромъ.

Войны Каракаллы съ германцами и парѳянами приведены здѣсь въ числѣ замѣчательнѣйшихъ войнъ и походовъ римлянъ въ этомъ періодѣ не потому, чтобы онѣ были замѣчательны искуствомъ или иными достоинствами, чего въ нихъ ни малѣйше не было, но какъ рѣзко характеризующія тогдашнее время въ военномъ отношеніи и дающія понятіе, до чего доходило злоупотребленіе войною и для чего и какъ велась она такого рода императорами, какъ Калигула, Домиціянъ, Каракалла и имъ подобные безумцы и злодѣи.

§ 380.

1-я война съ персами при Александрѣ Северѣ (229—235 г.г.).

Выше (§ 362) было изложено, какъ въ 226 г. персъ Арджиръ Баберанъ, разбивъ парѳянскаго царя Артабана IV или Арзака XXXI, возстановилъ персидское царство, былъ провозглашенъ царемъ его, подъ именемъ Артаксеркса I (такъ называютъ его греческіе историки), и потребовалъ отъ римлянъ возвращенія ему всѣхъ завоеванныхъ ими областей въ Азіи и Африкѣ, и какъ Александръ Северъ, принявъ это за объявленіе войны, положилъ отправиться на востокъ противъ Артаксеркса.

Послѣдній, между тѣмъ, перешелъ черезъ Тигръ и осадилъ Атру, съ цѣлію образовать изъ нея главный военный опорный, и складочный пунктъ въ Месопотаміи. Но упорная оборона Атры и смуты, возникшія въ Мидіи и Парѳіи, принудили его снять осаду и двинуться въ эти области. Усмиривъ ихъ, онъ предпринялъ огромныя вооруженія для веденія рѣшительной войны противъ римлянъ на востокѣ.

Александръ Северъ въ 229 г. отправилъ къ нему посольство, для убѣжденія его не начинать, въ тщетной надеждѣ на завоеванія, такой войны, которая грозила поколебать весь міръ; что римская имперія и персидское царство были достаточно обширны, чтобы не выходить изъ своихъ предѣловъ, а впрочемъ, если Артаксерксъ нападетъ на римскую имперію, то вспомнилъ бы побѣды Траяна, Вера и Септимія Севера, которыя опять возобновятся.

Артаксерксъ отвѣчалъ на это открытіемъ военныхъ дѣйствій. Онъ вторгнулся въ Месопотамію, разорилъ и разграбилъ ее, напалъ на римскій легіонъ, оборонявшій переправы черезъ рѣки, осадилъ Низибъ и даже угрожалъ вторженіемъ въ Каппадокію. Этими успѣхами онъ былъ обязанъ не столько своему искуству или храбрости своихъ

войскъ, сколько раздорамъ и несогласіямъ въ сирійскихъ легіонахъ, изъ которыхъ очень многіе воины перешли на сторону персовъ!

Тогда Александръ Северъ положилъ начать самымъ энергическимъ образомъ войну противъ персовъ. Такъ какъ для этого онъ нимало не могъ положиться на сирійскіе легіоны, дисциплина въ которыхъ совершенно упала, то зимою 229—230 г.г. пополнилъ европейскіе легіоны новыми наборами, образовалъ изъ 6-ти полныхъ легіоновъ (36 т. чел.) македонскую большую фалангу, а изъ ветерановъ—2 отборные отряда хрисаспидовъ (златощитниковъ) и аргираспидовъ (среброщитниковъ), роздалъ войскамъ деньги, объявилъ сенату свои намѣренія и двинулся изъ Рима съ арміей на востокъ. Во время похода туда онъ принималъ всѣ возможныя мѣры для снабженія войскъ всѣмъ необходимымъ и для соблюденія между ними строгой дисциплины, и самъ подавалъ имъ примѣръ умѣренности, воздержности и перенесенія трудовъ и лишеній. Прибывъ въ Антіохію, онъ снова пытался переговорами склонить Артаксеркса къ миру.

Но Артаксерксъ, принявъ это за признакъ слабости и страха, высокомѣрно повелѣлъ Александру Северу очистить Сирію и всѣ области между Киликійскимъ и Эгейскимъ морями и Эвксинскимъ Понтомъ, т. е. всю Малую Азію. Въ отвѣтъ на это дерзкое требованіе, Александръ Северъ уже положилъ немедленно открыть рѣшительныя военныя дѣйствія, какъ въ это самое время сирійскіе и египетскіе легіоны взбунтовались. Однако они были вскорѣ усмирены строгимъ наказаніемъ виновниковъ бунта, и Александръ Северъ, по совѣщаніи съ военнымъ совѣтомъ, состоявшимъ изъ заслуженныхъ и отличныхъ военныхъ людей, составилъ слѣдующій, основательно соображенный планъ дѣйствій.

Онъ положилъ раздѣлить свою армію на три части и напасть на персидское царство съ трехъ различныхъ сторонъ: одна часть арміи, на лѣвомъ флангѣ, должна была чрезъ Арменію вторгнуться въ Мидію, другая, на правомъ флангѣ — напасть на персовъ при сліяніи Тигра и Евфрата, а самъ Александръ Северъ съ главными силами въ центрѣ—черезъ Месопотамію двинуться въ самую середину персидскаго царства. Всѣ три части имѣли потомъ сосредоточиться въ назначенномъ сборномъ мѣстѣ.

Къ сожалѣнію, подробностей и даже вѣрныхъ свѣдѣній объ исполненіи этого плана въ 232 — 233 г.г. не имѣется. Историкъ Лампридій говоритъ только, что Александръ Северъ разбилъ въ сраженіи Артаксеркса, имѣвшаго 120 т. чел. конницы, 1 т. военныхъ колесницъ съ косами и 700 вооруженныхъ слоновъ. Историкъ же Иродіанъ, заслуживающій однако менѣе вѣроятія, говоритъ, будто Александръ Северъ былъ разбитъ и съ стыдомъ воротился въ Римъ (что явно не-

вѣрно). Безпокойства, возникшія въ это самое время на Рейнѣ и Дунаѣ, воспрепятствовали Александру Северу продолжать свои успѣхи надъ персами и надлежащимъ образомъ воспользоваться ими. Однако прежде, нежели обратиться съ востока на западъ, онъ обезпечилъ границы Сиріи и Месопотаміи отъ вторженій персовъ и затѣмъ уже воротился въ Римъ. Здѣсь онъ, по свидѣтельству Лампридія, представилъ сенату слѣдующій отчетъ о войнѣ съ персами:

«Мы побѣдили персовъ. Излишне было бы подробно излагать эту побѣду. Довольствуюсь изображеніемъ вооруженія и военныхъ силъ персовъ. Они имѣли 700 слоновъ, вооруженныхъ стрѣлками: изъ нихъ 300 были взяты, 200 убиты, а 18 приведены въ Римъ. Далѣе персы имѣли 1 т. военныхъ колесницъ, вооруженныхъ косами: изъ нихъ 200, лошади которыхъ были убиты, мы могли бы привезть съ собою и представить вамъ, но признали это ненужнымъ, такъ какъ устройство ихъ извѣстно. Конница персовъ, обращенная въ бѣгство, состояла изъ 120 т. чел. Изъ числа ихъ, 10 т. латниковъ, подъ названіемъ клибанаріевъ (chlibanarii), были изрублены въ сраженіи и вооруженіемъ ихъ вооружены наши войска. Многіе персы были взяты въ плѣнъ и проданы. Мы снова завоевали всю Месопотамію. Пораженіе и бѣгство великаго именемъ и подвигами Артаксеркса были таковы, что собственная страна его видѣла бѣгство его, потерю его знаменъ и побѣдоносное шествіе нашихъ войскъ. Вотъ наши подвиги. Войска воротились обогащенными и побѣда ихъ искуплена безъ всякой невыгоды для государства. Вамъ принадлежитъ устроить торжественное благодарственное празднество, дабы намъ не быть виновными въ неблагодарности передъ богами!».

На это сенатъ отвѣчалъ единогласно: «Александръ Августъ! боги хотятъ сохранить тебя. Справедливо носишь ты названіе Parthicus и Persicus. Мы видѣли твои трофеи и твои побѣды; хвала тебѣ, юный императоръ, отецъ отечества и верховный первосвященникъ (Pontifex maximus). Подъ твоимъ покровомъ мы заранѣе увѣрены въ побѣдѣ, которая всегда склоняется на сторону полководца, соблюдающаго дисциплину. Сенатъ, войско и народъ—все наслаждается счастіемъ подъ твоею властію!»

Эта рѣчь Александра Севера и отвѣтъ на нее сената, которые, по словамъ Лампридія, извлечены имъ изъ актовъ сената, любопытны изображеніемъ какъ вооруженныхъ силъ персовъ и побѣды римлянъ надъ ними, такъ и тогдашними отношеніями между римскими императорами и сенатомъ.

Александръ Северъ торжествовалъ въ Римѣ великолѣпный тріумфъ надъ персами, сопровождаемый народными играми и зрѣлищами.

Въ слѣдующемъ 234 г. германцы неразъ переправлялись черезъ

Рейнъ и вторгались въ Галлію. Александръ Северъ поспѣшилъ на помощь 3 легіонамъ, которые одни стояли на Рейнѣ, и повелъ туда собранную имъ армію, усиленную преимущественно легкими войсками и стрѣлками. По прибытіи его въ Галлію, найдя, что германцы уже удалились изъ нея, и заботясь тутъ также поддержать миръ, онъ приказалъ построить мостъ черезъ Рейнъ, между тѣмъ какъ вступилъ въ переговоры съ германцами. Зиму 234—235 г.г. онъ употребилъ на возстановленіе строгой дисциплины въ галльскихъ легіонахъ, въ которыхъ она была въ совершенномъ упадкѣ. Но они взбунтовались, и легатъ Максиминъ, которому Александръ Северъ подчинилъ ихъ, былъ провозглашенъ императоромъ, по убіеніи ими Александра Севера, вмѣстѣ съ его матерью Мамміей, въ августѣ 235 г. близъ Могонціяка (Майнца).

§ 381.

Война съ германцами при Максиминѣ (235—236 г.г.).

Максиминъ, утвердивъ свою власть строгими до жестокости мѣрами, перешелъ черезъ Рейнъ и вторгнулся въ Германію съ значительными силами. Германцы, слишкомъ слабые для сопротивленія имъ, укрылись въ свои лѣса и болота. Максиминъ разорилъ открытый край, сжегъ мѣстечки и селенія, во многихъ дѣлахъ разбилъ германцовъ, которые хотѣли воспрепятствовать ему въ томъ, и при всякомъ случаѣ отличался необыкновенною личною храбростью. «Словами не могу выразить»—писалъ онъ сенату—«что̀ мы все сдѣлали здѣсь. На пространствѣ сорока миль сожгли мы германскія жилища, угнали скотъ, увели плѣнныхъ, истребили вооруженныхъ людей, сражались въ болотахъ и пр.»

Война съ германцами длилась цѣлыхъ два года (235—236). Кромѣ того Максиминъ воевалъ также съ даками и сарматами и побѣждалъ ихъ во всѣхъ дѣлахъ. Онъ имѣлъ въ виду покорить всѣ эти племена и распространить предѣлы римской имперіи до самыхъ береговъ Сѣвернаго моря. Замѣчательно, что ему приписываютъ тотъ же планъ, что̀ и Юлію Цезарю, именно—начавъ военныя дѣйствія съ нижняго Дуная, заключить ихъ у устьевъ Эльбы или даже Одера и Вислы совершеннымъ покореніемъ Германіи. Послѣ 2-го похода противъ германцовъ, онъ писалъ сенату: «въ короткое время я велъ столько войнъ, сколько никто не велъ въ древности (!), столько взялъ плѣнныхъ, что римскія владѣнія едва могутъ вмѣстить ихъ (!)», и тому подобныя безстыдныя хвастовства. А между тѣмъ, про-

водя зиму въ Сирміѣ, въ Панноніи, онъ такъ жестоко угнеталъ всѣхъ и все — знатныхъ и богатыхъ, города и цѣлыя провинціи, что всѣ его возненавидѣли. Даже храмы и драгоцѣнности ихъ были разграблены—все для того, чтобы обогатить войска. Всѣ высшія должности и званія были розданы самымъ недостойнымъ людямъ, которые немилосердно грабили страну и ея жителей. Всеобщее неудовольствіе повело прежде всего къ бунту въ Африкѣ и къ провозглашенію императорами проконсула Гордіяна и сына его, также Гордіяна, а сенатъ призналъ ихъ и объявилъ Максимина врагомъ государства. Но Гордіянъ-сынъ вскорѣ былъ разбитъ и убитъ въ сраженіи съ правителемъ Мавританіи, Капелліяномъ; Максиминъ весною 238 г двинулся въ Италію и осадилъ Аквилею, а сенатъ избралъ сначала двухъ императоровъ, Клодія Пупіена и Децима Целія Бальбина, а потомъ, по требованію войска и народа, еще третьяго— Гордіяна III, внука перваго и племянника втораго Гордіяновъ. Максиминъ же, встрѣтивъ геройское сопротивленіе со стороны жителей Аквилеи, въ ярости на неудачи своихъ приступовъ къ ней, до того озлобился и ожесточился, что въ маѣ 238 г. былъ убитъ собственными своими войсками.

§ 382.

Война съ персами при Гордіянѣ (241—243 г.г.).

Со временъ Александра Севера персы соблюдали миръ съ римлянами. Но по смерти перваго царя персидскаго, Артаксеркса I, въ 238 г. сынъ и преемникъ его, Сапоръ I, тотчасъ же вторгнулся въ Арменію, взялъ Низибъ и Карры и осадилъ Антіохію. Это распространило ужасъ до Италіи и Рима, и молодой Гордіянъ III (ему тогда было только 12 лѣтъ) или, лучше сказать, сенатъ произвелъ огромныя вооруженія и приготовленія для войны съ Сапоромъ. Однако не ранѣе весны 242 г. двинулся Гордіянъ съ войскомъ черезъ Мизію и Ѳракію. Разбивъ тутъ готѳовъ и сарматовъ, вторгнувшихся въ эти двѣ провинціи, онъ переправился черезъ Геллеспонтъ, двинулся въ Сирію и открылъ войну съ такими дѣятельностью и настойчивостью, что Сапоръ поспѣшно отступилъ къ своимъ границамъ, золотомъ искупивъ у жителей края переправу черезъ Евфратъ. А Гордіянъ, освободивъ Антіохію и изгнавъ персовъ изъ Сиріи, переправился черезъ Евфратъ, разбилъ персовъ близъ гор. Разены, отнялъ у нихъ Карры и Низибъ и покорилъ обратно Месопотамію (242 г.). Увѣдомляя о томъ сенатъ, онъ справедливо отнесъ честь

одержанныхъ успѣховъ въ особенности преторіянскому префекту Мисиѳею, человѣку дѣйствительно отличному. Вслѣдствіе того, сенатъ присудилъ Гордіяну тріумфъ на четырехъ слонахъ, а Мисиѳею на четырехъ лошадяхъ (т. е. въ колесницахъ).

Но среди своихъ заботъ о продолженіи войны съ персами, Гордіянъ лишился въ 243 г. своего руководителя Мисиѳея, отравленнаго, какъ кажется, легатомъ арабомъ Филиппомъ, втайнѣ стремившимся къ императорской власти. Назначенный Гордіяномъ на мѣсто Мисиѳея, онъ старался отложить войска отъ Гордіяна и, пока они шли къ Ктезифону, съ намѣреніемъ приказалъ задержать плывшія за ними суда съ продовольствіемъ, а происшедшій отъ того недостатокъ послѣдняго приписалъ Гордіяну. Недовольное этимъ войско громко потребовало, чтобы Гордіянъ назначилъ Филиппа своимъ соправителемъ, и едва Гордіянъ исполнилъ это, какъ былъ убитъ по приказанію Филиппа, который затѣмъ провозгласилъ себя императоромъ (въ февралѣ 244 г.). Онъ заключилъ съ персами миръ, отвелъ армію назадъ въ Сирію, богатыми дарами расположилъ ее къ себѣ и, назначивъ брата своего, Приска, начальникомъ сирійскихъ легіоновъ, отправился въ Римъ.

§ 383.

Войны внутреннія и внѣшнія отъ Филиппа до Клавдія II (249—268 г.г.)

20-ти лѣтній періодъ времени—отъ празднованія въ 248 г. въ Римѣ 1000-лѣтія съ основанія его, до воцаренія въ 268 г. Клавдія II—замѣчателенъ тѣмъ, что въ это именно время едва не пала обширная монархія римская подъ ударами враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Между тѣмъ какъ франки, алеманны, готы, сарматы и скиѳы—съ сѣвера, а персы—съ востока въ одно время обложили римскую имперію и яростно устремились на нее, внутри ея столько же императоровъ, сколько было армій, или такъ называемые тридцать тирановъ жестоко терзали другъ друга и вмѣстѣ съ тѣмъ злосчастную римскую имперію. Поэтому весь этотъ періодъ времени исполненъ внѣшнихъ и внутреннихъ войнъ, замѣчательныхъ столько же въ военномъ отношеніи, сколько и въ политическомъ, потому что были ведены большею частію лучшими римскими полководцами, которыхъ арміи ихъ провозглашали императорами.

Войны эти начались съ того, что едва Римъ торжественно и великолѣпно отпраздновалъ въ 248 г., при Филиппѣ, свое 1000-лѣтіе; какъ на Рейнѣ и Дунаѣ германцы, готы, сарматы и скиѳы, а на

Евфратѣ персы открыли свои нападенія на римскую имперію съ сѣвера и востока, а внутри сирійскіе легіоны провозгласили императоромъ мнимаго родственника Александра Севера, Іотапіяна, мизійскіе же въ то же время—центуріона Карвилія Марина. Филиппъ немедленно послалъ легата Декія смирить бунтъ въ Мизіи. Но и Іотапіянъ, и Карвилій были вскорѣ убиты своими же взбунтовавшимися войсками, и мизійскіе легіоны провозгласили Декія императоромъ. Къ нимъ присоединились и паннонскіе легіоны, и Декій въ главѣ ихъ двинулся въ Италію, а Филиппъ на встрѣчу ему. Они встрѣтились и сразились при Веронѣ, и Филиппъ былъ разбитъ и убитъ. (249 г.).

Декій вскорѣ былъ принужденъ идти противъ готѳовъ, въ несмѣтномъ числѣ перешедшихъ черезъ Дунай, вторгнувшихся въ Иллирію, Ѳракію и Македонію и осадившихъ Никополь. По приближеніи Декія, они сняли осаду Никополя, но устремились къ другому важному городу Филиппополю, съ тѣмъ чтобы либо овладѣть имъ, либо принудить Декія къ сраженію, и успѣли въ томъ и другомъ: разбили Декія, взяли и разграбили Филиппополь и истребили почти всѣхъ его жителей. Взявъ въ числѣ плѣнныхъ брата Декіева, Приска, они заставили его провозгласить себя императоромъ и, какъ союзники его, продолжали войну противъ Декія (250 г.). Послѣдній, собравъ новую армію, въ 251 г. снова напалъ на нихъ и такъ стѣснилъ ихъ со всѣхъ сторонъ и отрѣзалъ отъ Дуная, что они за миръ и свободное отступленіе уже готовы были уступить всю свою добычу. Но Декій захотѣлъ совершенно истребить ихъ, дабы тѣмъ устрашить сѣверныхъ народовъ и воздержать ихъ отъ дальнѣйшихъ вторженій въ римскіе предѣлы. Но этимъ онъ принудилъ готѳовъ къ отчаянному сопротивленію — и въ кровопролитномъ сраженіи съ ними былъ разбитъ и убитъ вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ своимъ, а армія его отступила съ урономъ, въ разстройствѣ и безпорядкѣ.

Сенатъ назначилъ императорами младшаго сына Декіева, Гостиліяна, и любимаго войскомъ полководца Вибія Галла (251 г.). Но какъ Гостиліянъ вскорѣ умеръ, то Галлъ назначилъ на его мѣсто сына своего, Волузіяна. Галлъ особенно заботился объ освобожденіи дунайскихъ провинцій отъ готѳовъ, но прибѣгнулъ для этого не къ силѣ оружія, а къ золоту, купивъ имъ миръ и не только оставивъ готѳамъ всю ихъ добычу, но и позволивъ имъ взять съ собою всѣхъ плѣнныхъ и даже обѣщавъ ежегодно платить имъ дань, если они не будутъ нападать на римскія границы. Такимъ постыднымъ поступкомъ онъ такъ раздражилъ паннонскіе легіоны и ихъ начальниковъ, что когда главноначальствовавшій ими, Эмиліянъ, разбилъ готѳовъ, прогналъ ихъ за Дунай и отнятую у нихъ добычу раз-

дѣлилъ между своими войсками, то они провозгласили его императоромъ, и онъ двинулся въ Италію (252 г.). Галлъ тотчасъ послалъ легата Валеріяна на Рейнъ, съ приказаніемъ вести галльскіе и рейнскіе легіоны въ Италію, а самъ двинулся съ арміей противъ Эмиліяна и встрѣтилъ его при Сполеттѣ (а по другимъ при Интерамніѣ въ Умбріи). Но еще прежде, нежели дѣло дошло до сраженія, войска Галла убили его и сына его и перешли на сторону Эмиліяна (253 г.).

Валеріянъ, узнавъ объ этомъ, положилъ отмстить за убіеніе Галла и двинулся противъ Эмиліяна, находившагося еще при Сполеттѣ. Войска послѣдняго, страшась мщенія Валеріяна, убили Эмиліяна и провозгласили Валеріяна императоромъ (253 г.).

Валеріянъ былъ извѣстенъ своею честностью, но вовсе не имѣлъ необходимыхъ, въ тогдашнихъ крайне трудныхъ обстоятельствахъ, дарованій. Римская имперія находилась въ это время въ самомъ ужасномъ положеніи: внутри—междуусобія, вслѣдствіе безпрестанной перемѣны императоровъ, извнѣ — беззащитность границъ, потому что войско было нужно въ Римѣ для утвержденія власти императоровъ. Все это и многія другія обстоятельства такъ ослабляли государство, что оно казалось готовымъ или раздробиться, или сдѣлаться добычей внѣшнихъ враговъ. Германцы на Рейнѣ, бургундіоны, карпіи, готѳы, сарматы и др. на Дунаѣ и персы на востокѣ—всѣ въ одно время настойчиво и сильно нападали на границы римской имперіи. Валеріянъ положилъ противудѣйствовать имъ всѣмъ въ одно время, хотя вовсе не былъ способенъ къ тому, и въ 254 г., назначивъ сына своего, Галліена, Цезаремъ, а въ помощники и совѣтники ему—опытнаго полководца Постума, послалъ ихъ въ Галлію противъ германцовъ, а самъ положилъ обратиться противъ сарматовъ и скиѳовъ, разорявшихъ Иллирію и сѣверозападныя области Азіи (къ югу отъ Кавказа и Каспія).

На Рейнѣ Галліенъ, руководимый Постумомъ, успѣлъ, частію переговорами, частію силой оружія отразить германцовъ и снискалъ себѣ незаслуженное имъ прозваніе Germanicus Maximus (Германскій Великій). Онъ заключилъ союзъ съ однимъ изъ германскихъ вождей, который обязался признавать Рейнъ границей и удерживать своихъ единоплеменниковъ отъ перехода черезъ нее (256 г.). Затѣмъ Галліенъ въ томъ же году обратился противъ аллеманновъ, вторгшихся въ Италію, и, не смотря на превосходство силъ ихъ, разбилъ ихъ при Медіоланѣ (Миланѣ). Въ то же время самъ Валеріянъ, помощью своихъ полководцевъ, особенно Клавдія и Проба (въ послѣдствіи—императоровъ), съ успѣхомъ велъ въ Иллиріи войну противъ квадовъ, готѳовъ и сарматовъ. По отраженіи ихъ и обезпеченіи

Иллиріи и дунайскихъ провинцій, Валеріянъ обратился противъ скиѳовъ, произведшихъ въ огромныхъ силахъ опустошительное нашествіе съ Кавказскаго перешейка на Малую Азію. Между скиѳскими племенами особенно отличались бораны: они напали на пограничный римскій городъ Питіунтъ (Pythiuntum), однако были съ большимъ урономъ отражены гарнизономъ его, подъ начальствомъ храбраго трибуна Сукцесіяна. Но вскорѣ они произвели новое вторженіе и взяли приступомъ Питіунтъ, въ которомъ тогда уже не было Сукцесіяна, назначеннаго Валеріяномъ въ преторіянскіе префекты. Затѣмъ они обрушились на Трапезунтъ, обороняемый 10-ти-тысячнымъ гарнизономъ, и этотъ богатый городъ взяли приступомъ, разграбили и разрушили, захватили въ немъ богатѣйшую добычу и, разоривъ провинцію Понтъ, воротились къ себѣ, на восточный берегъ Эвксинскаго Понта (Чернаго моря). Тамъ къ нимъ присоединились другія племена ихъ, построили подъ руководствомъ римскихъ плѣнниковъ морской флотъ и на немъ поплыли вдоль западныхъ береговъ Эвксинскаго Понта къ Византіи, между тѣмъ какъ сухопутныя полчища ихъ перешли по льду черезъ Дунай и направились туда же. Но найдя Византію сильно укрѣпленною, они переправились черезъ Геллеспонтъ и взяли Халкедонъ безъ сопротивленія, потому что римскій гарнизонъ постыдно бѣжалъ. Такой же участи подверглись богатые города Никомидія, Никея, Кій (Cius) и Пруса, и только высоко поднявшаяся вода въ р. Риндакѣ (Rhyndacus) удержала ихъ. Сжегши Никомидію и Никею и нагрузивъ на флотъ всю награбленную добычу, они воротились въ свои земли (258 г.). Это было первое, страшное нашествіе скиѳовъ (такъ называли греки и римляне народовъ, обитавшихъ на сѣверныхъ и восточныхъ берегахъ Чернаго моря) въ одно время на Малую Азію, Мизію и Ѳракію.

А Валеріянъ между тѣмъ спокойно, въ бездѣйствіи, оставался въ Антіохіи и только послѣ долгихъ колебанія и медленія послалъ легата Феликса для прикрытія Византіи, а самъ двинулся въ Каппадокію. Но узнавъ объ удаленіи скиѳовъ, онъ воротился въ Антіохію, нигдѣ не встрѣтивъ непріятелей.

Между тѣмъ, въ одно время съ нашествіемъ скиѳовъ, въ восточныхъ римскихъ провинціяхъ страшно свирѣпствовала чума, занесенная изъ Сиріи, а Сапоръ, возбужденный римскимъ переметчикомъ Циріадомъ (Cyriades) и зная слабое положеніе римской имперіи, вторгся въ Месопотамію. Взявъ Низибъ и Карры приступомъ, онъ вторгнулся въ Сирію, напалъ внезапно на Антіохію и взялъ, разграбилъ и разрушилъ ее. Затѣмъ онъ отправился со всею несмѣтною награбленною добычей въ Персію, въ намѣреніи снова на-

стойчиво продолжать войну въ римскихъ владѣніяхъ. Цпріадъ же, предоставленный имъ своей участи, принялъ титулъ Цезаря, но вскорѣ былъ убитъ своими же войсками (259 г.).

Валеріянъ, воротясь въ Антіохію, приказалъ возстановить ее и потому принялъ смѣшной титулъ возстановителя востока!

Въ 260 г. Сапоръ вторично вторгнулся въ Малую Азію и осадилъ Эдессу. Валеріянъ двинулся на освобожденіе этого города, но въ сраженіи при немъ былъ, вслѣдствіе измѣны римскаго легата Макріяна, разбитъ, взятъ въ плѣнъ, увезенъ въ Персію и умеръ въ плѣну. Галліенъ, ставъ послѣ этого императоромъ, ничего не сдѣлалъ ни для освобожденія своего отца, ни для защиты государства, къ чему былъ совершенно неспособенъ. А между тѣмъ сѣверные народы и персы не переставали производить опустошительныя нашествія на Галлію и на дунайскія и восточныя римскія провинціи. Внутри имперіи въ это именно время появилось до 20-ти императоровъ (съ Цезарями при нихъ они извѣстны подъ названіемъ 30-ти тирановъ), Сицилія была разоряема бунтами рабовъ, а въ Римѣ и во всѣхъ провинціяхъ свирѣпствовала чума.

Вскорѣ, въ томъ же 260 г., Сапоръ снова вторгнулся въ Сирію и взялъ Антіохію, потомъ двинулся въ Киликію, взялъ Тарсъ и осадилъ Цезарею или Кесарею въ Каппадокіи. Римскій легатъ Демосѳенъ оборонялъ ее упорно, однако наконецъ былъ принужденъ уступить превосходнымъ силамъ персовъ. Сапоръ, простирая все далѣе свои завоеванія, уже готовился покорить всю Малую Азію и возстановить монархію Кира, когда римскій легатъ Балиста и правитель Пальмиры Оденатъ положили предѣлъ его успѣхамъ. Первый собралъ остатки разбитыхъ персами римскихъ войскъ, освободилъ осажденный персами Помпеіополь и искуснымъ веденіемъ малой войны принудилъ Сапора удалиться за Евфратъ. При переправѣ его черезъ эту рѣку, онъ былъ атакованъ Оденатомъ, присоединившимся къ Балистѣ: персидское войско было приведено въ безпорядокъ и вся награбленная имъ добыча отнята у него. Послѣ этого Низибъ, Карры и вся Месопотамія были снова покорены римлянами. Оденатъ же преслѣдовалъ персовъ въ самую Персію, осадилъ Ктезифонъ и взялъ въ плѣнъ многихъ знатныхъ персидскихъ сатраповъ, надѣясь размѣномъ ихъ освободить Валеріяна, однако не успѣлъ въ этомъ. Въ награду за его заслуги, Галліенъ назначилъ его главнымъ правителемъ и начальникомъ римскихъ войскъ на востокѣ.

Балиста же соединился съ Макріяномъ, и послѣдній провозгласилъ себя и двухъ сыновей своихъ императорами, Балисту назначилъ своимъ преторіянскимъ префектомъ и послалъ его, съ сыномъ

своимъ Квіетомъ (Quietus) противъ Одената, пребывшаго вѣрнымъ Галліену, а самъ съ другимъ сыномъ своимъ, Макріяномъ положилъ двинуться черезъ Грецію въ Италію. Ахаія или Греція въ это время была подъ управленіемъ проконсула Валента. Макріянъ послалъ легата Пизона съ отрядомъ войскъ убить Валента; но послѣдній, узнавъ о томъ, провозгласилъ себя императоромъ, а его примѣру послѣдовалъ и Пизонъ, не успѣвшій свергнуть его — и вскорѣ оба они погибли въ междуусобной войнѣ. Освободясь отъ нихъ, Макріянъ двинулся въ Иллирію. Въ ней и въ Паннонія начальствовалъ легатъ Ингенуй (Ingenuus), который, отразивъ сарматовъ, провозгласилъ себя императоромъ.

Эти вѣсти устрашили Галліена, все время между тѣмъ спокойно остававшагося въ Галліи. Онъ двинулся въ Иллирію, разбилъ при гор. Мурзѣ Ингенуя и принудилъ его самаго себя лишить жизни. Затѣмъ пылая мщеніемъ, онъ приказалъ произвесть въ Иллиріи всеобщее поголовное избіеніе всѣхъ, безъ различія возраста, пола и званія. Легіоны и жители Мизіи, страшась той же участи, провозгласили императоромъ дака Регилліяна, но онъ вскорѣ былъ убитъ своими же войсками. Противъ Макріяна Галліенъ выслалъ въ Иллирію легата Авреола, который на-голову разбилъ Макріяна. Войска послѣдняго отложились отъ него и убили его вмѣстѣ съ сыномъ его Макріяномъ. Подобная же участь постигла и другаго сына его, Квіета. Оденатъ, изгнавъ персовъ изъ римскихъ владѣній, осадилъ его и Балисту въ Эмесѣ. Но Балиста умертвилъ Квіета и тѣло его сбросилъ съ стѣны, послѣ чего Оденатъ снялъ осаду, а Балиста захватилъ сокровища Квіета, провозгласилъ себя императоромъ и оставался имъ три года, доколѣ, по приказанію Одената, не былъ убитъ собственными войсками. Галліенъ назначилъ Одената правителемъ востока (Dux Orientis), и Оденатъ правилъ имъ счастливо и съ славой до 267 г. Онъ удерживалъ персовъ, сохранялъ на востокѣ миръ и тишину и пребылъ вѣрнымъ Галліену, хотя и превосходилъ его въ силахъ. Въ благодарность за то, Галліенъ наименовалъ его Августомъ или, по крайней мѣрѣ, позволилъ ему пользоваться императорскимъ титуломъ. Онъ торжествовалъ тріумфъ по поводу одержанныхъ, не имъ, а Оденатомъ, побѣдъ надъ персами, но вмѣстѣ съ тѣмъ нималѣйше не заботился объ освобожденіи отца своего, Валеріяна, изъ персидскаго плѣна.

Въ 262 г. въ Александріи, вслѣдствіе маловажной причины, произошелъ мятежъ. Префектъ въ Египтѣ, Эмиліянъ, послѣ кровопролитной войны съ мятежниками, не имѣвъ возможности одолѣть и смирить ихъ, провозгласилъ себя императоромъ и этимъ соединилъ народъ и войско, потому что оба ненавидѣли правленіе Гал

ліена. Весь Египетъ призналъ Эмиліяна, и послѣдній правилъ нѣсколько времени съ мудрою умѣренностью, отразилъ нападенія аравитянъ и эѳіоплянъ и уже готовился къ войнѣ противъ индійцовъ, когда Галліенъ послалъ противъ него проконсула Ѳеодота. Эмиліянъ былъ разбитъ имъ, отступилъ въ Брухій (Bruchium) — одну изъ обширнѣйшихъ частей Александріи — и былъ осажденъ въ ней. Наконецъ онъ попалъ, вѣроятно вслѣдствіе измѣны, въ руки Ѳеодота, который отослалъ его къ Галліену, а этотъ приказалъ казнить его.

Въ 265 г. легіоны въ провинціи Африкѣ взбунтовались противъ Галліена, провозгласили императоромъ Цельза — и черезъ 6 дней убили его. Даже въ Исавріи, на восточномъ берегу Эвксинскаго Понта, славившейся разбоями, одинъ морской разбойникъ Требелліянъ провозгласилъ себя императоромъ, но былъ разбитъ и убитъ въ бою съ братомъ Ѳеодота, Каузизолеемъ (Causisoleus). Однако, не смотря на то, исаврійцы продолжали свои разбойничьи набѣги на римскіе предѣлы, между тѣмъ какъ германцы, готѳы и сарматы дѣлали тоже самое на Рейнѣ и Дунаѣ. Эти народы буквально наводнили собою Галлію, Италію, Иллирію и дунайскія области. Между тѣмъ, какъ Галліенъ воевалъ съ германцами-франками въ Галліи, сенатъ противупоставилъ аллеманнамъ въ Италіи сильную армію, которая, хотя удержала непріятелей отъ нападенія на Римъ, но не могла воспрепятствовать имъ разграбить и разорить всю сѣверную и среднюю Италію. Въ тоже время та часть сарматовъ и скиѳовъ, которая устремилась на Иллирію, оттуда вторглась во Ѳракію и Македонію и даже осадила Ѳессалонику — ключъ Ахаіи или Греціи. Не успѣвъ взять этотъ городъ, она вторглась въ Эпиръ и Акарнанію и, все на пути разграбивъ и разоривъ, съ несмѣтною добычей воротилась во-свояси.

При вѣсти о нашествіи варваровъ, Галліенъ двинулся противъ нихъ изъ Галліи въ Италію, но прибылъ туда уже когда они удалились. Византію, пропустившую Макріяна, онъ покаралъ съ крайнею жестокостью. Нашествія сѣверныхъ народовъ вообще продолжались во все время царствованія его (259 — 268 г.г.), но въ какіе именно годы — трудно опредѣлить изъ неполныхъ отрывковъ современныхъ историковъ и позднѣйшихъ сократителей (аббревіаторовъ) ихъ. Но вообще можно сказать, что иллирійскія, греческія и малоазіятскія провинціи, равно острова Эгейскаго моря и даже Греція всего болѣе подверглись опустошительнымъ нашествіямъ варваровъ и что при этомъ всѣ завоеванія Траяна за Дунаемъ были отняты у римлянъ и въ первый разъ въ исторіи упоминается о герулахъ — одномъ изъ готѳскихъ племенъ. По сказанію

Требеллія Полліона, они впервые явились на разбойничьемъ флотѣ изъ Palus Maeotis (Азовскаго моря) въ Эвксинскомъ Понтѣ (Черномъ морѣ), покорили Византію и Хрисополь, вторглись съ моря въ Пелопоннесъ, разграбили и разорили его (только Аѳины отстоялъ отъ нихъ храбрый Дексиппъ) и воротились черезъ Віотію, Эпиръ и Ѳессалію. Но близъ р. Несса (Nessus) они были разбиты Галліеномъ и вождь ихъ Навлобатъ (Naulobatus) просилъ мира и получилъ его. Въ провинціи Понтѣ они претерпѣли вторичное пораженіе отъ Одената и остатки ихъ воротились моремъ къ себѣ. Но вслѣдъ затѣмъ (въ 267 г.) Оденатъ былъ убитъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Иродомъ, однимъ изъ своихъ родственниковъ, въ отмщеніе за личную обиду. По смерти его, вдова его Зиновія приняла, за своихъ младшихъ сыновей, правленіе на востокѣ и правила мужественно, твердо и мудро.

Между тѣмъ внутри несчастной римской имперіи не переставали являться, по нѣскольку разомъ, самозванные императоры. Такъ въ 261 г. въ Галліи недовольные Галліеномъ легіоны провозгласили императоромъ легата своего Постума (Posthumus), который 7 лѣтъ правилъ мудро и справедливо и, соединяя въ себѣ гражданскія и военныя достоинства, возстановилъ въ войскахъ дисциплину, изгналъ изъ Галліи франковъ и другихъ германцовъ и обратилъ ихъ въ своихъ союзниковъ. Тщетно старался Галліенъ въ 265 г. избавиться отъ такого опаснаго противника, самъ былъ раненъ стрѣлою въ бою съ нимъ и прекратилъ войну противъ него, такъ что Постумъ еще 3 года оставался императоромъ въ Галліи и даже покорилъ себѣ Британнію и Испанію! Но въ 267 г. одинъ изъ его легатовъ, Лолліянъ, возсталъ противъ него и, хотя былъ разбитъ имъ, приказалъ убить его, вмѣстѣ съ сыномъ его, котораго онъ назначилъ Цезаремъ. Лолліянъ провозгласилъ себя императоромъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцовъ другой легатъ, Викторинъ, убилъ его и занялъ его мѣсто. Онъ явилъ большія дарованія, но и еще бо́льшіе пороки — и былъ убитъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. Мать его Викторія заставила провозгласить императоромъ нѣкоего Марія, отличившагося храбростью, но уже черезъ 3 дня убитаго однимъ своимъ военнымъ товарищемъ за личную обиду. Викторія имѣла такое вліяніе, что заставила провозгласить новаго императора Галліи, Британніи и Испаніи, именемъ Тетрика, изъ одного старинного рода патриціевъ, и онъ продержался цѣлыхъ 6 лѣтъ.

Такимъ образомъ въ правленіе Галліена, и въ римскомъ, и въ варварскомъ мірѣ былъ такой хаосъ, что никто не могъ предвидѣть, что́ изъ него выйдетъ, но всѣ въ римской имперіи были убѣждены, что, пока Галліенъ будетъ живъ, нельзя было и думать о возстановле-

нія единства ея. Наконецъ даже преданнѣйшіе ему военачальники положили умертвить его. Случай къ тому представился въ 268 г., когда дунайскіе легіоны провозгласили императоромъ полководца своего Авреола и потребовали, чтобы онъ повелъ ихъ въ Италію. Галліенъ, воевавшій въ это время въ Илиріи противъ готѳовъ, передалъ начальствованіе арміей легатамъ Клавдію и Марціяну и обратился съ другою арміей противъ Авреола, разбилъ его, принудилъ запереться въ Медіоланѣ (Миланѣ) и осадилъ въ немъ. Клавдій и Марціянъ разбили готѳовъ въ Илиріи во многихъ дѣлахъ и Клавдій хотѣлъ совершенно истребить ихъ. Но Марціянъ удержалъ его отъ того, готѳы удалились, а Клавдій и Марціянъ, очистивъ отъ нихъ Илирію, повели свои легіоны на присоединеніе къ Галліену при Медіоланѣ. Тутъ, во время осады, преторіянскій префектъ Иракліянъ (Heraclianus) и легаты Марціянъ и Цекропій составили заговоръ противъ жизни Галліена, ночью произвели ложную тревогу — и въ темнотѣ и смятеніи невооруженный Галліенъ былъ кѣмъ-то смертельно раненъ кинжаломъ въ грудь, однако передъ смертію успѣлъ еще назначить по себѣ императоромъ одного изъ лучшихъ легатовъ своихъ, упомянутаго выше Марка Аврелія Клавдія, который и былъ признанъ войскомъ и сенатомъ и извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ Клавдія II (268—270 г.г.). Въ его правленіе, хотя и кратковременное, римская имперія вздохнула свободнѣе, потому что Клавдій возстановилъ единство, спокойствіе и — на время—безопасность ея извнѣ.

§ 384.

Походы Клавдія II (268—270 г.г.).

По провозглашеніи и признаніи Клавдія императоромъ, Авреолъ потребовалъ, чтобы Клавдій принялъ его въ соправители. Но Клавдій отказалъ ему въ томъ, объявилъ его врагомъ государства, двинулся противъ него и разбилъ его на берегахъ р. Адды, близъ Медіолана. Смерть Авреола при этомъ положила конецъ междуусобнымъ войнамъ тридцати тиранновъ и, за исключеніемъ Галліи, Британніи и Испаніи, которыми еще правилъ Тетрикъ, Клавдій сталъ единодержавцемъ всей имперіи. Но прежде возвращенія своего въ Римъ, онъ разбилъ еще, въ кровопролитномъ сраженіи на берегахъ Гардскаго озера, аллеманновъ, вторгнувшихся въ Италію.

Въ нѣсколько мѣсяцовъ затѣмъ, мудрыми законами и надлежащею строгостью возстановивъ въ Римѣ и провинціяхъ спокойствіе и ти-

шину, Клавдій въ 269 г. обратился прежде всего противъ готѳовъ, которые уже снова разоряли иллирійскія, паннонскія и мизійскія провинціи, съ тѣмъ чтобы, отразивъ ихъ, обратиться потомъ на западъ противъ Тетрика и наконецъ на востокъ — противъ Зиновіи.

Готѳы въ несмѣтныхъ силахъ (по словамъ древнихъ историковъ — въ числѣ до 320 т. чел., какъ будто ихъ можно было пересчитать) въ 269 г. двинулись къ устьямъ р. Тираса (Tyras—н.Днѣстръ), сѣли на 2 т. судовъ, поплыли на юго-востокъ къ гор. Томи, въ Малой Азіи, высадились тамъ и двинулись къ Марціанополю. Затѣмъ, не безъ опасности и урона, они направились моремъ въ Ѳракійскій Босфоръ и напали на Византію и потомъ на Кизикъ, но были отражены отъ обоихъ и, переправясь черезъ Геллеспонтъ, частію силъ осадили Ѳессалонику и Кассандру. Остальная же часть силъ ихъ на флотѣ разорила берега Ѳессаліи и Ахаіи или Греціи, острова Критъ, Родосъ, Кипръ и даже берега Памфиліи въ Малой Азіи. Города въ нихъ оборонялись и держались, но открытый край вездѣ былъ страшно разграбленъ и разоренъ готѳами. Только одни Аѳины не устояли противъ ихъ нападенія, однако вскорѣ были освобождены Клеодемомъ, который напалъ на готѳовъ и разбилъ ихъ. Между тѣмъ Ѳессалоника и Кассандра, крайне стѣсненныя готѳами, уже были близки къ паденію, когда, по счастію, на освобожденіе ихъ явился Клавдій. При вѣсти о приближеніи его, готѳы сняли осаду обоихъ городовъ и поспѣшно двинулись въ верхнюю Мизію и къ нижнему Дунаю. Клавдій преслѣдовалъ ихъ усиленными переходами, настигъ ихъ при Наиссѣ (нын. Нисса или Нишъ) и въ кровопролитномъ сраженіи, въ которомъ обѣ стороны сражались съ крайними ожесточеніемъ и упорствомъ, одержалъ надъ готѳами рѣшительную побѣду, преимущественно вслѣдствіе искусныхъ своихъ распоряженій. Онъ преслѣдовалъ остатки войска готѳовъ съ необыкновенными дѣятельностью и быстротой и почти совершенно истребилъ ихъ, не смотря на упорное сопротивленіе. Послѣдніе остатки ихъ спаслись въ горы Гемуса (Балканы), гдѣ были обложены и стѣснены Клавдіемъ и всѣ погибли отъ голода и заразительныхъ болѣзней.

Между тѣмъ другая часть готѳовъ на флотѣ, обремененная огромною добычей, воротилась въ Македонію, чтобы соединиться съ частію, которая осаждала Ѳессалонику и Кассандру. Но высадившіеся на берегъ были истреблены въ нѣсколькихъ дѣлахъ, а флотъ, съ оставшимися на немъ, частію взятъ, частію истребленъ. Клавдій, извѣщая о томъ сенатъ, писалъ: «мы истребили 320 т. готѳовъ и 2 т. судовъ ихъ; щитами ихъ покрыты всѣ рѣки, мечами и копьями — всѣ берега, костями и трупами ихъ завалены всѣ дороги; весь огромный обозъ ихъ брошенъ, женъ ихъ взято столько, что каждому нашему

воину досталось по 2 и по 3». Между плѣнными были даже короли (конунги) и королевы. Плѣнныхъ было такъ много, что всѣ молодые изъ нихъ были распредѣлены по легіонамъ, а множество остальныхъ поселено въ обезлюдившихся римскихъ провинціяхъ. Со стороны римлянъ, послѣ самаго Клавдія, наиболѣе отличился легатъ Авреліанъ.

Заразительныя болѣзни, погубившія готѳовъ въ Гемусѣ, къ несчастію сообщились и римской арміи, и самъ Клавдій сталъ жертвою ихъ въ 270 г. — слишкомъ рано для римской имперіи. По крайней мѣрѣ онъ, передъ смертію своею, назначилъ императоромъ достойнаго того Авреліана, а войско и сенатъ утвердили его выборъ.

§ 385.

Походы Авреліана (270—275 г.г.).

Авреліанъ — сынъ дунайскаго поселянина, изъ рядовыхъ воиновъ храбростью и отличными военными подвигами возвысившійся до высшихъ чиновъ, достойно послѣдовалъ по стопамъ Клавдія и довершилъ начатое имъ. Считая особенно важнымъ возстановленіе въ войскѣ строжайшей, древнеримской дисциплины, онъ неослабно соблюдалъ ее, даже съ жестокостью, но самъ подавалъ во всемъ личный примѣръ и такимъ образомъ внушилъ войскамъ спасительные страхъ и уваженіе къ себѣ. Необыкновенно воинственный духъ его, храбрость, тѣлесная сила и строгость были причиной, что въ войскѣ прозвали его manu ad ferrum (желѣзная рука).

Хотя легіоны при Аквилеѣ и провозгласили императоромъ брата умершаго Клавдія, Квинтилла, но послѣдній, сознавъ, что ему не возможно было устоять противъ Авреліана и его арміи, самъ себя лишилъ жизни.

Авреліанъ поспѣшилъ въ Римъ, но недолго пробылъ въ немъ и вскорѣ отправился въ Паннонію, куда уже снова вторглись готѳы. Но еще до прибытія туда, онъ приказалъ всѣмъ сельскимъ жителямъ въ Панноніи свезти зерновой хлѣбъ въ города, дабы лишить онаго готѳовъ и обезпечить онымъ продовольствованіе собственной арміи. Возстаніе германцовъ ускорило движеніе его въ Паннонію и, по прибытіи его къ Дунаю, онъ напалъ на готѳовъ, только-что перешедшихъ черезъ эту рѣку, разбилъ ихъ и опрокинулъ за нее. Готѳы просили мира и получили его (270 г.).

Затѣмъ Авреліанъ въ 271 г. обратился противъ аллеманновъ, маркоманновъ, ютонговъ (Iuthongi) и вандаловъ, вторгнувшихся въ Италію.

На походѣ противъ нихъ онъ разбилъ на верхнемъ Дунаѣ ютонговъ, которые тотчасъ прислали въ лагерь Авреліана пословъ для мирныхъ переговоровъ. Но какъ они гордо требовали быть союзниками римлянъ, то Авреліанъ хотѣлъ устрашить ихъ видомъ грозной римской арміи и полнаго блеска своего императорскаго сана. Однако они упорно стояли на своемъ, и Авреліанъ положилъ настойчиво продолжать войну съ ними и совершенно истребить ихъ. Съ этою цѣлію, когда они двинулись черезъ Альпы въ Италію, онъ занялъ въ тылу ихъ главные горные проходы. Однако германцы перешли черезъ Альпы близъ Медіолана и вторглись въ Италію, гдѣ распространили ужасъ до самаго Рима. Авреліанъ послѣдовалъ за ними, но при Плаценціи (Піаченцѣ) былъ внезапно атакованъ ими и на-голову разбитъ, такъ что въ Римѣ уже отчаявались въ спасеніи и приняли самыя крайнія мѣры. Осторожнѣе послѣдовалъ Авреліанъ за германцами и настигъ ихъ при Фаннѣ на р. Метаврѣ, уже на полъ-пути къ Риму—и здѣсь, въ кровопролитномъ сраженіи, разбилъ ихъ на-голову и принудилъ отступать тѣмъ же путемъ, которымъ пришли. Преслѣдуемые Авреліаномъ, они вторично были разбиты при Плаценціи, въ третій разъ—на равнинахъ р. Тицина и окончательно изгнаны изъ Италіи, преслѣдованы даже за Альпы и тамъ вступили въ переговоры о мирѣ и принуждены заключить его. Изъ нихъ вандалы выдали заложниковъ, воротились въ свои земли, до Дуная были снабжены продовольствіемъ и 2 т. чел. конницы ихъ поступили въ римскую службу.

Менѣе года употребилъ Авреліанъ для окончанія этой важной войны и притомъ такъ, что съ этой стороны римскія владѣнія во все время его царствованія уже не были болѣе тревожимы. Воротясь въ Римъ, онъ началъ укрѣплять Римъ, во всемъ объемѣ его, стѣнами и башнями, что́ однако, по чрезвычайной обширности города, было докончено только позже при Пробѣ (Римъ и прежде давно былъ огражденъ стѣнами, но не весь, и притомъ эти стѣны со 2-й пунической войны не были исправляемы).

Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Римѣ, Авреліанъ положилъ обратиться противъ Тетрика, который уже 6 лѣтъ правилъ Галліей, Британніей и Испаніей совершенно независимо, съ званіемъ императора *). Но какъ послѣднему власть уже давно стала бременемъ, то онъ и хотѣлъ сложить ее; однако войска принудили его отказаться отъ этого. Тогда онъ вступилъ въ тайные переговоры съ

*) Обратное покореніе этихъ трехъ провинцій Авреліаномъ показывается историками различно: Евтропіемъ, Евсевіемъ и Гиббономъ — прежде разрушенія Пальмиры и царства Зиновіи, а Полліономъ, Вопискомъ, обоими Викторами, Кревье и др. новѣйшими—послѣ того. Но первое кажется болѣе вѣроятнымъ.

Авреліаномъ, прося снять съ него власть, которую онъ, страшась своихъ войскъ, не смѣлъ явно сложить съ себя. Съ своей стороны, онъ сдѣлалъ все возможное для облегченія этого Авреліану: двинулся на встрѣчу ему съ арміей, съ намѣреніемъ поставилъ ее въ невыгодное для боя положеніе при Дуро-Каталаунѣ (Duro-Catalaunum, нынѣ Шалонъ на Марнѣ) и, въ самомъ началѣ сраженія здѣсь, лично перешелъ съ своимъ сыномъ на сторону Авреліана. Не смотря на все это, легіоны его сражались съ такимъ упорствомъ отчаянія, что были истреблены всѣ до послѣдняго человѣка, но дорого продавъ жизнь свою, ибо нанесли и войскамъ Авреліана огромный уронъ. За то побѣда послѣдняго имѣла рѣшительныя послѣдствія, однимъ ударомъ воротивъ подъ его власть Галлію, Британнію и Испанію.

Тогда уже Авреліану, побѣдившему германцовъ и покорившему три западныя провинціи, осталось только покорить востокъ, которымъ Зиновія Пальмирская, именемъ младшихъ сыновей своихъ Тимолая и Геренніана, правила совершенно независимо и даже покорила себѣ Виѳинію, Каппадокію, Сирію, Египетъ и др. римскія провинціи.

Въ 272 г. Авреліанъ двинулся съ арміей изъ Италіи черезъ Иллирію и далѣе въ Сирію. На пути туда, онъ возстановилъ въ Далмаціи спокойствіе, нарушенное самозванцомъ-императоромъ Септиміемъ; далѣе разбилъ готѳскаго короля Канабаса (Canabas или Canaban), изъ Византіи переправился въ Виѳинію и безъ особеннаго труда снова покорилъ ее. Анкира, главный городъ Галатіи, добровольно покорилась ему, а Тіаной въ Каппадокіи онъ овладѣлъ посредствомъ измѣны.

Между тѣмъ Зиновія, съ многочисленнымъ войскомъ двинувшаяся противъ Авреліана, уже дошла до Антіохіи и выслала впередъ своего полководца Забдаса (Zabdas) съ конницей. Авреліанъ, помощью военной хитрости, разбилъ его при Имнѣ, близъ Антіохіи, куда Забдасъ, потерявъ въ бою бо̀льшую часть своей тяжелой конницы (латниковъ), отступилъ и распустилъ слухъ, будто Авреліанъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. А на другой день онъ продолжалъ отступать къ Эмесѣ, гдѣ приготовился къ упорной оборонѣ. Жители Антіохіи и другихъ городовъ Сиріи, на пути Авреліана, изъ страха мести его, покинули свои города. Но Авреліанъ объявилъ повсемѣстно, что считаетъ отложеніе ихъ не преступленіемъ, а слѣдствіемъ необходимости, и требовалъ возвращенія ихъ въ свои города, что они и исполнили. Этимъ Авреліанъ привязалъ ихъ къ себѣ и обезпечилъ свою армію продовольствіемъ. Оставшійся въ предмѣстіи Антіохіи, Дафне, отрядъ войскъ Зиновіи былъ выбитъ оттуда и разбитъ, и на походѣ къ Эмесѣ Авреліанъ покорилъ города Апамею,

Лариссу и Аретузу. Наконецъ при Эмесѣ онъ встрѣтилъ Зиновію съ 70 т. войскъ и въ упорномъ и кровопролитномъ сраженіи разбилъ ее, не смотря на личную храбрость ея въ бою. Послѣ того она, будучи не въ состояніи выставить противъ Авреліяна новую армію заперлась въ Пальмирѣ и приготовилась къ упорнѣйшей оборонѣ въ ней. Авреліянъ немедленно и быстро послѣдовалъ туда за нею, не задерживая своего похода нападеніями аравитянъ, и по прибытіи къ Пальмирѣ, приготовился къ осадѣ ея, однако прежде вступилъ въ переговоры. Но Зиновія высокомѣрно отказала ему во всемъ, и Авреліянъ тотчасъ приступилъ къ осадѣ. Зиновія оборонялась мужественно, упорно и долго, часто производила вылазки и въ одной изъ нихъ самъ Авреліянъ былъ раненъ. Но наконецъ въ 273 г. голодъ принудилъ Пальмиру сдаться, а Зиновія бѣжала на верблюдѣ къ Евфрату, но была настигнута и захвачена посланною въ погоню за нею конницею Авреліяна. Армія его требовала казни Зиновіи, но Авреліянъ помиловалъ ее и младшаго сына ея, а казнилъ министровъ и совѣтниковъ ея, побудившихъ ее къ войнѣ противъ римлянъ. На Пальмиру онъ наложилъ огромную контрибуцію, жителямъ же ея даровалъ жизнь и свободу.

Между тѣмъ римскій легатъ Пробъ снова покорилъ Египетъ римской власти, и Авреліянъ, устроивъ дѣла на востокѣ, двинулся обратно въ Европу. Онъ переправился уже черезъ Геллеспонтъ и разбилъ карпіевъ, вторгнувшихся во Ѳракію, какъ вдругъ получилъ извѣстіе, что жители Пальмиры возстали и вырѣзали римскій гарнизонъ. Немедленно и быстро двинулся онъ тѣмъ же путемъ обратно къ Пальмирѣ, взялъ ее приступомъ, отдалъ ее своимъ войскамъ на разграбленіе, истребилъ ея жителей, а самый городъ разрушилъ до основанія.

Отсюда онъ двинулся въ Египетъ къ Александріи, куда многіе бѣжали изъ Пальмиры, произвели возстаніе, и мятежники провозгласили нѣкоего Фирма, приверженца Зиновіи, императоромъ. Авреліянъ легко подавилъ возстаніе, а Фирма обратилъ въ бѣгство, осадилъ, взялъ и казнилъ. Затѣмъ, возстановивъ прекращенный подвозъ хлѣба изъ Египта въ Римъ, а на всемъ востокѣ миръ и спокойствіе, Авреліянъ воротился въ Римъ и въ 274 г. торжествовалъ въ немъ великолѣпный тріумфъ (см. § 362). Сенатъ былъ недоволенъ, что при этомъ тріумфѣ былъ подвергнутъ публичному позору римскій гражданинъ и сенаторъ изъ старинпаго рода патриціевъ—Тетрикъ. Но Авреліянъ удовлетворилъ сенатъ тѣмъ, что не только помиловалъ Тетрика, но даже облагодѣтельствовалъ въ послѣдствіи какъ его, такъ и все его семейство.

Вскорѣ послѣ тріумфа, въ 274 г. въ Римѣ произошелъ бунтъ, вслѣдствіе исправленія Авреліяномъ монетной системы. Рабочіе на монет-

номъ дворѣ, возбужденные рабомъ Фелициссимомъ, которому Авреліанъ доставилъ мѣсто казнохранителя, осмѣлились подделывать новую монету низшимъ достоинствомъ. Бунтовщиковъ пришлось усмирять вооруженною силой—и въ кровопролитномъ бою войскъ съ ними на Цэлійскомъ холмѣ (mons Coelius) они были разбиты, но при этомъ, по словамъ Авреліана сенату, «въ бою съ ними пали 7 т. лучшихъ воиновъ, обыкновенно стоявшихъ въ Дакіи и дунайскихъ лагеряхъ». По крайней мѣрѣ это однимъ рѣшительнымъ ударомъ подавило въ самомъ началѣ опасную междуусобную войну.

Вслѣдъ затѣмъ Авреліанъ обратился противъ аллемановъ, вторгнувшихся въ Винделицію, изгналъ ихъ оттуда и двинулся въ Иллирію и Паннонію. Опытомъ предшествовавшихъ 150 лѣтъ наученный, что невозможно было удерживать завоеванной Траяномъ Дакіи, онъ покинулъ ее, переселивъ жителей римскихъ колоній въ ней на правый берегъ Дуная въ Мизію. Затѣмъ онъ положилъ предпринять походъ противъ персовъ, которымъ еще не было отомщено за пораженіе Валеріана и за варварское обращеніе съ нимъ. Въ мартѣ 275 г. онъ дошелъ уже до Византіи и готовился переправиться въ Малую Азію, когда, вслѣдствіе плутовства своего ближняго письмоводителя, былъ умерщвленъ старшими легатами и военачальниками своей арміи (см. § 362), къ крайнему сожалѣнію послѣдней, уважавшей Авреліана, хотя и чрезвычайно строгаго, но мужественнаго, воинственнаго и всегда побѣдоноснаго. Слѣдствія убіенія его также были изложены выше (§ 362).

§ 386.

[illegible]

Пробъ, подобно Авреліану возвысившійся изъ рядовыхъ воиновъ до званія легата, преемникомъ Авреліана Тацитомъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ войскъ на востокѣ, а по смерти Тацита, въ 276 г. провозглашенъ своими легіонами императоромъ. Прославившійся своими отличными военными подвигами во всѣхъ странахъ имперіи и бывшій еще въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ мужества, онъ болѣе престарѣлаго Тацита былъ способенъ управлять имперіею въ тогдашнія трудныя для нея времена.

Между тѣмъ братъ Тацита Флоріанъ, занятый преслѣдованіемъ алановъ, вторгнувшихся отъ Мэотійскаго (Азовскаго) моря чрезъ Кавказскій перешеекъ въ Малую Азію и отраженныхъ Тацитомъ и Флоріаномъ, провозгласилъ себя императоромъ, былъ признанъ

сенатомъ и европейскими провинціями и двинулся противъ Проба. Послѣдній медленно пошелъ на встрѣчу ему, имѣя болѣе въ виду не побѣду въ бою, а то, что европейскія войска Флоріяна не перенесутъ непривычнаго имъ сильнаго южнаго зноя. Дѣйствительно, вскорѣ между ними распространились болѣзни, и, недовольныя Флоріяномъ, они умертвили его и перешли къ Пробу.

Тогда первымъ дѣломъ Проба было двинуться въ Галлію, для освобожденія ея отъ франковъ, вандаловъ и бургундовъ, завладѣвшихъ ею при Тацитѣ. Пробъ разбилъ ихъ въ трехъ большихъ сраженіяхъ, нанесъ имъ до 400 т. чел.(?) урона, отнялъ у нихъ большую часть награбленной ими добычи и до 70 покоренныхъ ими городовъ, и преслѣдовалъ ихъ за Рейнъ, на правой сторонѣ котораго уже со времени Максимина не являлись римскія арміи. Пробъ побѣдоносно проникъ за Неккаръ и даже до самой Эльбы, огнемъ и мечомъ опустошилъ весь пройденный край, истребилъ жителей его и захватилъ несмѣтную добычу. Это навело такой ужасъ на отвыкшихъ отъ того германцовъ, что они униженно просили мира и получили его на условіи выдачи заложниковъ, равно хлѣба и скота въ вознагражденіе издержекъ войны, и ежегодной платы римлянамъ дани тѣмъ же. Пробъ хотѣлъ было даже запретить германцамъ носить оружіе, но благоразумно отказался отъ этого на томъ основаніи, что для этого прежде всего нужно было покорить Германію и обратить ее въ римскую провинцію, безъ чего невозможно было и думать о безопасности и спокойствіи римскихъ границъ. Но то, что не удалось при Августѣ, въ это время было уже совершенно неисполнимо: обстоятельства вполнѣ измѣнились, Римъ утратилъ стремленіе къ завоеваніямъ и необходимую для того силу и вынужденъ былъ не нападать, а защищаться, тогда какъ сѣверные народы, напротивъ, находились прямо въ обратномъ положеніи, имѣя и стремленіе къ завоеваніямъ, и громадную силу для того. Самъ Пробъ благоразумно отложилъ еще на время завоеваніе Германіи и ограничился тѣмъ, что распредѣлилъ 17 т. молодыхъ германцовъ по легіонамъ, поселилъ множество германцовъ въ Галліи и другихъ областяхъ имперіи и, для прикрытія границъ ея со стороны германцовъ, построилъ обширную и сильную укрѣпленную линію, съ высокими и толстыми валами и башнями, на протяженіи около 41 географ. миль (308 верстъ) отъ нын. Регенсбурга и Нейштадта на Дунаѣ до Вимпфена на Неккарѣ и оттуда до Рейна.

Въ слѣдующемъ 278 г. Пробъ пошелъ въ Рэтію, гдѣ возстановилъ спокойствіе, и оттуда въ Иллирію, которую разоряли сарматы. Пробъ безъ особенныхъ усилій и труда изгналъ ихъ, отнявъ у нихъ награбленную ими добычу. Затѣмъ онъ двинулся во Ѳракію противъ

грабившихъ ее готѳовъ, и страхъ имени его заставилъ ихъ немедленно исполнить всѣ прежніе договоры съ римлянами. Но въ Малой Азіи Пробъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе со стороны хищныхъ исаврійцовъ (жителей восточнаго прибрежья Чернаго моря), давно и жестоко разорявшихъ римскія провинціи. Вождь ихъ Лидій (а по Вописку — Палфурій) засѣлъ въ крѣпкомъ горномъ замкѣ Кремма, былъ осажденъ въ немъ Пробомъ и послѣ долгаго и упорнаго сопротивленія взятъ въ плѣнъ и казненъ, послѣ чего исаврійцы сдались. Пробъ поставилъ въ ихъ горные замки и притоны сильные гарнизоны изъ римскихъ ветерановъ, которымъ роздалъ окрестныя земли.

Затѣмъ онъ обратился противъ персовъ, нападавшихъ на восточныя границы имперіи, а одного изъ своихъ легатовъ съ частію арміи послалъ въ Египетъ, который разоряло дикое племя блеммійцовъ (Blemmii) и завладѣло городами Контосомъ и Птолемаидой. Послѣдніе были отняты у нихъ, а они сами изгнаны, и у нихъ взято множество плѣнныхъ.

Вѣсть о томъ принудила персидскаго царя Варана II мирными переговорами отклонить войну, которою угрожалъ ему Пробъ. Посланное имъ посольство встрѣтило Проба въ горахъ Арменіи, и твердыя рѣчи Проба такъ подѣйствовали на пословъ, что, по совѣту ихъ, Варанъ имѣлъ личное свиданіе съ Пробомъ и согласился на всѣ его условія.

Обезпечивъ такимъ образомъ спокойствіе и безопасность на востокѣ, Пробъ былъ принужденъ снова идти во Ѳракію, опять разоряемую задунайскими народами. Дабы положить конецъ ихъ вторженіямъ, Пробъ переселилъ во Ѳракію до 100 т. бастарновъ, которые издавна оказывали большую приверженность къ нему. Они вскорѣ приняли римскіе нравы и обычаи и стали вѣрными подданными Рима. Но гепиды, франки и вандалы, съ которыми Пробъ хотѣлъ поступить такъ же на среднемъ и верхнемъ Дунаѣ, вовсе не исполнили его ожиданій и часто возмущались, такъ что Пробъ большую часть ихъ истребилъ во многихъ дѣлахъ съ ними, а остатки ихъ воротились къ себѣ. Особенно слѣдуетъ упомянуть объ одномъ отрядѣ франковъ, который Пробомъ былъ отброшенъ къ берегамъ Эвксинскаго Понта. Къ несчастію, отрядъ этотъ завладѣлъ римскимъ флотомъ, находившимся въ одной изъ приморскихъ гаваней. На немъ они поплыли въ Босфоръ и Геллеспонтъ, разграбили берега Азіи, Африки, Греціи и Сициліи, сожгли Сиракузы, направились далѣе на западъ черезъ Геркулесовы столбы (н. Гибралтарскій проливъ) вдоль береговъ Испаніи и Галліи и наконецъ высадились на берегахъ Сѣвернаго моря, въ земляхъ фризовъ!

Между тѣмъ въ разныхъ мѣстахъ снова явились императоры-самозванцы. Первымъ былъ Сатурнинъ, начальствовавшій сирійскими легіонами, и александрійцами провозглашенный императоромъ. Пробъ обѣщалъ помиловать его, если онъ сложитъ съ себя званіе императора, но половина сирійскихъ легіоновъ не допустила до того Сатурнина, а другую половину, оставшуюся вѣрною Пробу, послѣдній обратилъ противъ измѣнившей ему. Разбитый во многихъ дѣлахъ, Сатурнинъ наконецъ заперся въ крѣпкомъ замкѣ Апамеи и послѣ кратковременнаго сопротивленія былъ взятъ и казненъ.

Въ Галліи возмутился трибунъ Прокулъ, въ Колоніи (Кёльнѣ) провозгласилъ себя императоромъ и вскорѣ завладѣлъ всею Галліей, Британніей и Испаніей. Но напрасно старался онъ привлечь на свою сторону германцовъ: они пребыли вѣрными Пробу и сильно поддержали его противъ Прокула. Послѣдній былъ разбитъ въ сраженіи и бѣжалъ къ франкамъ, но былъ выданъ ими и казненъ. По этому случаю Вопискъ замѣчаетъ, что римляне въ это время уже до такой степени сдѣлались чужды чувствамъ чести, долга и вѣрности, что ни во что не вмѣняли ихъ и нарушали легко и смѣясь.

Казнь Сатурнина и Прокула не удержала легата Боноза, начальствовавшаго отрядомъ въ Галліи, отъ послѣдованія ихъ примѣру. По его нерадѣнію, германцы завладѣли римскимъ флотомъ на Рейнѣ—и Бонозъ, изъ страха строгаго Пробова наказанія, провозгласилъ себя императоромъ! Не безъ труда былъ онъ разбитъ Пробомъ и съ отчаянія повѣсился въ Колоніи. Но Пробъ помиловалъ семейство его.

Легче было послѣднему подавить бунтъ гладіаторовъ въ Римѣ, послѣ чего онъ торжествовалъ тріумфъ свой надъ германцами и блеммійцами (281 г.).

Возстановивъ такимъ образомъ миръ и тишину въ цѣлой имперіи, Пробъ въ 282 г. положилъ исполнить то, что̀ хотѣлъ, но не успѣлъ исполнить Авреліанъ, именно—отмстить персамъ за пораженіе, униженіе и смерть Валеріяна. Съ этою цѣлію онъ собралъ въ Илиріи армію и, имѣя обыкновеніе держать войска въ постоянной дѣятельности, заставилъ ихъ рыть каналъ для осушенія болотъ въ окрестностяхъ Сирмія и самъ присутствовалъ при ихъ работахъ. Недовольныя тѣмъ войска, особенно возроптали въ одинъ знойный день августа мѣсяца, громко жалуясь, что ихъ, какъ преступниковъ, употребляютъ не на военныя, а на общественныя работы. Пробъ сталъ запальчиво укорять и принуждать ихъ, при чемъ неосторожно выразился, что «вскорѣ въ воинахъ не будетъ болѣе надобности». Тогда они, въ мгновенномъ раздраженіи, бросились на него и умерт-

вили его, но тотчасъ же глубоко раскаялись и добровольно соорудили этому достойному императору и полководцу надгробный памятникъ.

Дѣйствительно, въ эти времена глубокаго нравственнаго упадка римлянъ и опаснаго положенія имперіи ихъ, Пробъ, подобно Авреліяну, вполнѣ достоинъ быть поставленъ въ числѣ лучшихъ императоровъ и полководцевъ. Онъ соединялъ въ себѣ въ удивительной степени мужество, храбрость, величіе души, благоразуміе, доброту, справедливость и военныя дарованія. Строгимъ соблюденіемъ дисциплины въ войскѣ онъ возвысилъ нравственную силу и духъ въ немъ—и цѣлыхъ 6 лѣтъ своего правленія былъ грозою и ужасомъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ и надежнымъ оплотомъ колебавшагося и падавшаго Рима!

§ 387.

Походы Кара (282—283 г.г.).

По смерти Проба, легіоны его провозгласили императоромъ преторіянскаго префекта его, Марка Аврелія Кара, какъ достойнѣйшаго того (хотя онъ былъ и не безвиненъ въ умерщвленіи Проба). Сенатъ призналъ его, а онъ назначилъ Цезарями двухъ сыновей своихъ, совершенно непохожихъ одинъ на другаго — порочнаго Карина и добродѣтельнаго Нумеріяна.

Вѣсть объ умерщвленіи Проба тотчасъ подняла варваровъ, которыхъ онъ держалъ въ страхѣ—и сарматы первые ринулись на Ѳракію, Иллирію и даже Италію. Каръ двинулся противъ нихъ и разбилъ въ сраженіи, въ открытомъ полѣ, нанеся имъ уронъ въ 16 т. убитыхъ и 20 т. плѣнныхъ (?).

Затѣмъ Каръ положилъ исполнить предположеніе Проба — идти войною на персовъ. Сыну своему Карину онъ поручилъ защиту Галліи противъ германцовъ, по смерти Проба уже готовившихся снова вторгнуться въ эту страну. Самъ же Каръ, съ сыномъ своимъ Нумеріяномъ и съ главными силами войска, двинулся въ 283 г. на востокъ. Внутреннія междуусобія, раздиравшія въ это время Персію, благопріятствовали ему. Онъ безъ особенныхъ усилій и труда снова завоевалъ Месопотамію, Селевкію и Ктезифонъ и уже принялъ почетное прозваніе Persicus (Персидскій) и готовился далѣе распространить свои успѣхи, какъ внезапно постигла его смерть—отъ молніи, сжегшей во время грозы ставку его и его самаго въ ней; но болѣе вѣроятнымъ кажется, что онъ былъ убитъ и сожженъ въ ней, во время этой грозы, преторіянскимъ префектомъ своимъ, Арріемъ

Апером, человѣкомъ ненасытнаго честолюбія и порочнаго образа мыслей и чувствъ.

По смерти Кара, легіоны его провозгласили императорами сыновей его Карина и Нумеріяна. Суевѣріе римлянъ, считавшихъ мѣста, пораженныя молніей, неблагополучными, и старинное прорицаніе оракула, означавшее Тигръ предопредѣленнымъ предѣломъ римскаго государства, заставили римскую армію требовать, чтобы Нумеріянъ повелъ ихъ обратно. На этомъ походѣ Нумеріянъ былъ тайно убитъ Арріемъ Аперомъ (17 сентября 284 г.), который былъ схваченъ и въ цѣпяхъ поставленъ передъ армію—и по избраніи и провозглашеніи императоромъ начальника дворцовыхъ войскъ и чиновъ (Regens domesticos), Марка Валерія Діоклеціяна (или по гречески Діоклитіяна), послѣдній собственноручно убилъ Апера.

Разсматривая вообще весь этотъ періодъ полнѣйшаго военнаго деспотизма, можно очевидно убѣдиться, что послѣдній слѣдуетъ отнести ни къ чему иному, какъ къ полному отдѣленію военнаго сословія отъ гражданскаго, вслѣдствіе учрежденія постоянныхъ армій. Легіоны все рѣшали, потому что народъ былъ безоруженъ. А между тѣмъ только въ легіонахъ, расположенныхъ вдали отъ Рима, большихъ городовъ и ихъ изнѣженности и находившихся въ постоянной борьбѣ съ варварами, и сохранялись еще остатки древняго римскаго духа. Провозглашеніе ихъ полководцевъ императорами было естественнымъ слѣдствіемъ не только неопредѣленности престолонаслѣдія, но часто также необходимости, потому что совершалось въ лагеряхъ армій подъ вліяніемъ крайнихъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ цѣлый рядъ отличныхъ полководцевъ достигъ императорскаго званія—и неудивительно, потому что какую власть могъ бы имѣть императоръ не-полководецъ? Но всякое прочное преобразованіе въ государствѣ сдѣлалось невозможнымъ вслѣдствіе быстраго преемничества императоровъ, изъ числа которыхъ лучшіе и достойнѣйшіе никакъ не могли заниматься внутренними дѣлами, потому что были принуждены употреблять всѣ свои военныя силы либо для защиты границъ, либо для борьбы съ императорами-самозванцами, которые, съ своей стороны, за исключеніемъ признанія ихъ сенатомъ, въ сущности имѣли равныя съ ними права *).

При всемъ этомъ, упадокъ римской имперіи неминуемо долженъ былъ имѣть еще болѣе быстрый ходъ также отъ усиленія роскоши

*) См. Геерена Древняя исторія.

въ римскомъ обществѣ и особенно въ общенародныхъ торжествахъ, тріумфахъ, зрѣлищахъ и т. п., при одновременномъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайнемъ обѣдненіи городскаго и сельскаго населенія, вслѣдствіе безпрестанныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ войнъ *).

И однако, собственно въ военномъ отношеніи, періодъ этотъ представляетъ немаловажную степень занимательности, болѣе или менѣе искусными и замѣчательными войнами, походами и разнаго рода военными дѣйствіями (стратегическими, тактическими, фортификаціонными, поліорцетическими и пр.) многихъ отличныхъ полководцевъ, какъ-то: Друза, Тиберія, Германика, Веспасіяна, Тита, Траяна, Марка Аврелія, Септимія Севера, Александра Севера, Максимина, Клавдія II, Авреліяна и Проба. Подъ ихъ предводительствомъ и вліяніемъ, римское военное искуство еще не являлось въ упадкѣ и знаменовалось блистательными успѣхами и побѣдами, а римскія арміи въ дѣйствіяхъ своихъ еще напоминали времена прежней военной славы своей.

---

*) См. Геерена Древняя исторія.

ВСЕОБЩАЯ
ВОЕННАЯ ИСТОРІЯ
ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ОТЪ ДІОКЛИТІЯНА ДО ПАДЕНІЯ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.

(284—476 г.г. по Р. Х.).

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ПОСОБІЯ.

I. Древніе.

1) Евтропія (Eutropius) сокращенная римская исторія до Валента (364—378 г.г.), см. выше источники 1-го отдѣленія.

2) Зосимы (Zosimus) римская исторія,—

3) Зонары (Zonara) Лѣтописи (Annales),—

4) Аммiяна Марцеллина (Ammianus Marcellinus) исторія римскихъ императоровъ,—и

5) Іорнанда (Iornandes) De rebus Gothicis—см. тамъ же источники 1-го отдѣленія.

6) Павла Орозія (Paulus Orosius) римская исторія, особенно кн. VII, замѣчательна въ числѣ другихъ современныхъ сочиненій историковъ-сократителей (или аббревіаторовъ и компиляторовъ).

7) Panegyrici veteres (древніе панегирики), были большею частію учители краснорѣчія въ училищахъ Галліи и говорили свои панегирики или похвальныя слова либо въ присутствіи императоровъ, либо въ особенно торжественные дни, при многочисленномъ собраніи людей. Они обнимаютъ время отъ Діоклитіяна до Θеодосія В. включительно. Не смотря на то, что въ панегирикахъ ихъ съ высокопарностью выраженій соединены величайшее преувеличеніе событій и самая низкая лесть, къ нимъ должно однако обращаться, хотя и съ большою осторожностью, для извлеченія нѣкоторыхъ чертъ, поясняющихъ исторію. Къ числу этихъ панегириковъ относятся: Аврелій Викторъ, Евменій и Клавдій Мамертинъ (о Діоклитіянѣ, Максиміянѣ и Констанціѣ Хлорѣ), Олимпіодоръ (о Гоноріи), Клавдіянъ, Просперъ, Идацій, Исидоръ, Кассіодоръ и др.

8) Евсевія (Eusebius), епископа Кесарійскаго, Исторія Церкви и Жизнеописаніе Константина В., творенія его продолжателей: Сократа, Θеодорита, Созомена и Эвагрія, и христіанскаго писателя Лактанція, суть важные источники и для исторіи IV вѣка.

9) Notitia dignitatum utriusque imperium, com commentar. Gu. Pancirolli, in Graevii Thesaur. Antiq. Rom. T. VII, сообщаетъ свѣдѣнія о составѣ и іерархіи государственныхъ чиновъ (въ томъ числѣ и военныхъ), учрежденныхъ Константиномъ В. въ римской имперіи. Новое изданіе этого важнаго сочиненія было предпринято Бёкингомъ (Böking) и 1-я часть его вышла въ 1839 г. (см. ниже).

10) Iuliani Imperatoris opera ex ed. Ez. Spanhemii, Lipsiae 1696 (сочиненія императора Юліяна), даютъ понятія объ образѣ мыслей, отношеніяхъ и дѣяніяхъ Юліяна (о томъ же сообщаютъ свѣдѣнія Амміянъ Марцеллинъ, Либаній язычникъ и Св. Григорій Богословъ).

11) Synesii, episcopi Cyrenes, oratio deregno ad Arcadium imperatorem, in op. a. D. Petavio edit. Paris 1640 folio;—въ этой рѣчи Синезія, епископа Кирепейскаго, есть весьма хорошія мысли и взгляды на современное состояніе римскаго общества.

12) Прокопій (Procopius) написалъ два сочиненія о войнахъ съ вандалами и готѳами (de bello Vandalico et de bello gothico).

13) Викторъ Витензій (Victor Vitensis), въ сочиненіи своемъ: De persecutione Africana sub Genserico et Hunnerico, Arianis, Vandalorum regibus, оставилъ намъ подробнѣйшее описаніе опустошеній, произведенныхъ въ его время вандалами въ Африкѣ.

14) Прискъ (Priscus), историкъ, современный Аттилѣ, резиденцію котораго на Дунаѣ и Тейсѣ онъ описалъ въ своей исторіи готѳовъ; описаніе это сохранилось въ извлеченіяхъ Фотія (Excerpt. de legation. edit. Paris). Іорнандъ много заимствовалъ изъ Приска.

15) Сидоній Аполлинарій (Sidonius Apollinaris) сообщаетъ много свѣдѣній о гуннахъ и хотѣлъ описать подробно, но не описалъ войны съ гуннами.

II. Новые.

16) Le Beau: Histoire du Bas-Empire, en commençant à Constantin le Grand, continuée par Améilhon, 20 v. 8° Paris 1824, édition revue, augmentée et enrichie de notes d'après les historiens orientaux, par S-t Martin, membre de l'Institut de France;—къ этому періоду относятся только первыя семь частей.

17) Guthrie and Gray: всеобщая исторія (см. В. В. И. Ч. I др. вр. источники, стран. 60);—нѣмецкій переводъ ея, 5 частей, Лейпцигъ 1768, былъ весьма полезно обогащенъ трудами Риттера.

18) Corentin Royou: Histoire du Bas-Empire, depuis Constantin jusqu' à la prise de Constantinople, 4 v. 8° Paris 1803,—сокращенная исторія.

19) Crévier,—
20) Gibbon,—
21) Mascow и
22) Freiherr von Gagern (см. выше источники 1-го отдѣленія).
23) Le Révérend Pére Bernard de Varennes: Histoire de Constantin le Grand, 4° Paris 1778.
24) Abbate Fr. Gusta: Vita di Costantino il Grande, 1786.
25) De la Bletterie: Histoire de l'empereur Iovien, 2 v. 12° Paris 1748.
26) Neander: Ueber Kaiser Iulianus und sein Zeitalter, ein historisches Gemälde, Leipzig 1812.
27) P. Erasm. Müller: De genio saeculi Theodosiani, 2 v. Haviniae 1798,—весьма ученое и во всѣхъ отношеніяхъ отличное изображеніе современнаго, глубокаго упадка римской имперіи.
28) Fléchier: Histoire de Théodose le Grand.
29) Desguignes: Histoire genérale des Huns et des Turcs avant et aprés la N. I. C. jusqu' aux tems modernes,—нѣм. пер. Dähnert, 4° 1768;—авторъ, въ этомъ сочиненіи и многихъ другихъ, находящихся въ *Mém.* de l' *Acad.* des Inscriptions, старался согласить китайскихъ лѣтописцовъ и монгольскія преданія съ западными, но исполнилъ это съ помощью множества искуственныхъ гипотезъ, странныхъ толкованій и натянутаго словопроизводства, результаты которыхъ были однако приняты Гиббономъ.
30) Fessler: Attila, König der Hunnen.
31) Mannert: Geschichte der Vandalen.
32) Montesquieu: Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence, 1734 (см. В. В. И. др. вр. Ч. I, источники, стран. 64),—особенно главы XVII и XIX.
33) Vertôt: Histoire critique de l' établissement des Bretons dans les Gaules.
34) Muratori: Storia d' Italia fino a 1500, нѣмецкій пер. Baudes 1745.
35) Schulze: Stilicon, oder der Wallenstein des Alterthums, 1805,—писано однако не съ намѣреніемъ сдѣлать сравненіе между ними.

III. Новѣйшіе.

36) Manso: Leben Konstantins des Grossen, 8° Breslau 1817.
37) Naudet: Des changements opérés dans toutes les parties de l'administration de l'empire romain sous les règnes de Dioclétien, Constantin et de leurs successeurs jusqu' à Iulien, 2 v. 8° Paris 1817.

38) Aschbach: Geschichte der Westgothen, 8° Frankfurt a. M. 1827.

39) Dr. Felix Papencordt: Geschichte der Vandalischen Herrschaft in Africa, Berlin 1837.

40) Бёкинга (Böking) новѣйшее изданіе сочиненія: Notitia dignitatum utriusque imperium (см. выше), Ч. I-я Notitia dignitatum in partibus orientis continens, вышла въ свѣтъ въ Боннѣ въ 1839 г.

41) Nitzsche: Der Gothenkrieg unter Valens und Theodosius dem Grossen, gr. 4° Altenburg 1871.

Въ отношеніи къ скиѳамъ, сарматамъ и позднѣйшимъ словенамъ или славянамъ здѣсь должно указать только на новѣйшія сочиненія:

42) Lindner: Skythien und die Skythen des Herodots und seine Ausleger, Stuttgart 1844.

43) Надеждина о Скиѳіи и скиѳахъ, въ Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей, T. I 1844.

44) Венелина, Морошкина, Савельева - Ростиславича и др. о древнихъ словенахъ или славянахъ.

45) Погодина, Соловьева, Бестужева-Рюмина и Иловайскаго о нихъ же въ ихъ Исторіяхъ Россіи.

Указаніе же всѣхъ источниковъ и историческихъ пособій о древнихъ словенахъ или славянахъ будетъ означено въ своемъ мѣстѣ позже.

Къ этому отдѣленію также относятся указанныя въ Введеніи 1-й части В. В. И. древнихъ временъ (историческія пособія и пр., стран. 44—65) переводы древнихъ писателей и оригинальныя сочиненія писателей новыхъ и новѣйшихъ временъ объ исторіи военнаго искуства и военной исторіи въ древнія времена.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что вообще въ числѣ всѣхъ оригинальныхъ сочиненій послѣдняго рода имѣется очень много монографій объ отдѣльныхъ предметахъ исторіи военнаго искуства и военной исторіи древнихъ временъ, но всеобщей военной исторіи этихъ временъ, во всей ея цѣлости, въ связи съ исторіей политической и военныхъ: устройства и учрежденій, искуства и науки, и литературы ихъ—не имѣется.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Періодъ четвертый.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СТРАН.

СТРАН.

ВАЖНѢЙШІЯ ИСПРАВЛЕНІЯ,

КОТОРЫЯ НЕОБХОДИМО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ИМѢТЬ ВЪ ВИДУ.

СТРАН.	СТРОКИ.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
192	19 сверху	аллеманны	аланы
217	20 »	Приблизясь къ ней (т. е. къ арміи Максентія близъ Рима), Константинъ велѣлъ водрузить надъ орлами въ своей арміи крестъ и пр., а на щитахъ изобразить монограмму имени Христа.	Константинъ исполнилъ это еще въ Галліи, на походѣ въ Италію.
219	1	22 мая	21 мая
229	10 » и вездѣ ниже	Аларикъ,	Аларихъ,
229	12 »	выгодныхъ мѣстъ,	выгодныя мѣста
—	15 »	низвергнуть другъ друга,	низвергнуть одинъ другаго,
231	16 снизу	Константа,	Константина,
251	16 »	Hoc signo vince (симъ побѣждай),	Hoc signo vinces (симъ знакомъ побѣдишь),
257	9 »	22 мая	21 мая
284	4—3 »	на свои искусныя распоряженія и на отчаянную храбрость своихъ войскъ,	на его искусныя распоряженія и на отчаянную храбрость его войскъ,
296	21—22 сверху	его, Алариха, магистромъ войскъ гвардіи (comes domesticorum).	его, Алариха, магистромъ всѣхъ войскъ, а Атаульфа—гвардіи (comes domesticorum).
321	14 »	громоносный	молніеносный
—	3—4 снизу	астрологія, магія, философія	астрологію, магію, философію
327	7 »	Hermanduren	Hermannduren
347	въ заглавіи	Германнъ или Арминій.	Цивилисъ.
353	17 снизу	и вдову Ирода,	вдову Ирода,
397	10 сверху	пріобрѣлъ	имѣлъ
406	9—8 снизу	въ 111 т. чел., въ томъ числѣ 38 т. оплитовъ и 37 т. спартанскихъ илотовъ.	въ 110 т. чел., въ томъ числѣ 39 т. оплитовъ и 71 т. псиловъ.
438	1 »	правителями.	правителями».
439	17 »	illustris (сіятельнаго).	illustris (знаменитаго, славнаго).
447	13 сверху	они нападали	нападали
495	17 снизу	всѣ 441 футъ	всего 441 футъ

СТРАН.	СТРОКИ.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
506	20 сверху	всей средней, малой и западной Азіи,	всей верхней (т. е. южной), малой и западной Азіи,
508	17 »	и одержали въ ней	и одержали при немъ
525	7 »	Jolaterranus),	Volaterranus),
533	4— 5 »	объ учрежденіи	объ уложеніи
—	5— 9 »	Даже Вегецій и т. д. до слова стратегія.	Фронтинъ и Вегецій употребляли слово стратегія въ текстѣ своихъ сочиненій.
535	18—19 »	не подумалъ,	могъ подумать,
536	въ выноскѣ внизу	«Remarques sur Polyen et Frontin».	Эти «Remarques sur Polyen et Frontin» принадлежатъ французскому военному писателю XVIII вѣка—Joly de Maizeroy.
544	3—4 снизу	о понятіяхъ ея	о понятіяхъ о ней

ВСЕОБЩАЯ
ВОЕННАЯ ИСТОРІЯ
ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОТЪ АВГУСТА ДО ПАДЕНІЯ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.

(30 г. до Р. Х. — 476 г. по Р. Х.).

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ОТЪ ДІОКЛИТІЯНА ДО ПАДЕНІЯ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.

(284 г. до Р. Х. — 476 г. по Р. Х.).

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ ШЕСТАЯ.

ВОЕННЫЯ: УСТРОЙСТВО, УЧРЕЖДЕНІЯ И ИСКУСТВО ВЪ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ ВЪ ЭТОМЪ ПЕРІОДѢ.

§ 388. Военныя: устройство и учрежденія. — § 389. Различные роды войскъ, вооруженіе и число ихъ. — § 390. Строй и образъ движеній и дѣйствій войскъ. — § 391. Внутреннее устройство и духъ войскъ. — § 392. Кастраметація, фортификація, поліорцетика, баллистика и огнестрѣльные снаряды. — § 393. Состояніе военнаго искуства вообще. — § 394. Морскія военныя силы и искуство.

§ 388.

Военныя: устройство и учрежденія.

Со времени Діоклитіяна (284 — 305) военное устройство римской имперіи получаетъ совершенно иной, новый видъ. Положивъ первое начало преобразованію римскаго государства въ монархію подъ неограниченною властію императоровъ, Діоклитіянъ преобразовалъ соотвѣтственно тому и военное устройство его. Онъ сосредоточилъ верховную военную власть въ собственныхъ рукахъ и въ своемъ дворѣ. Видя необходимость сокрушить власть и вліяніе преторіянскихъ префектовъ и войска, онъ значительно ограничилъ оныя изданіемъ строгихъ законовъ и введеніемъ строгаго порядка, преторіянцовъ же распредѣлилъ по пограничнымъ легіонамъ, срылъ постоянный лагерь ихъ у воротъ Рима, а на мѣсто ихъ поставилъ въ Римъ, не столько для его защиты, сколько для охраненія въ немъ порядка и тишины, 2 иллирійскіе легіона, подъ названіемъ іовіянъ и геркуліянъ (по принятымъ имъ и Максиміяномъ Августомъ прозваніямъ Іовія и Геркулія).

*

Начатое имъ преобразованіе довершилъ Константинъ В. Имѣя еще болѣе побужденій, нежели Діоклитіянъ, къ сокрушенію власти и вліянія войска, онъ совершенно отдѣлилъ военную власть отъ гражданской, для того, чтобы лишить намѣстниковъ средствъ употреблять ее во зло и дабы усилить и утвердить власть императорскую. А послѣ побѣды надъ Максенціемъ (312) онъ совершенно и навсегда уничтожилъ преторіянцовъ и ввелъ новыя: раздѣленіе и распредѣленіе войскъ. Съ этого времени всѣ военно-сухопутныя силы имперіи были распредѣлены по 4-мъ префектурамъ, 13-ти діоцезамъ или округамъ и 117-ти провинціямъ или областямъ, на которыя Константинъ В. раздѣлилъ имперію, и состояли: 1) изъ легіоновъ (Legiones, Numeros, Praefecturae), 2) изъ вспомогательныхъ пѣшихъ ротъ (Auxiliae) и конныхъ вексиллъ (Vexillae), 3) изъ пѣшихъ когортъ и крылъ или конныхъ ротъ пограничнаго войска (Cohortes et Alae limitanes) и 4) изъ императорскихъ тѣлохранителей или гвардіи, старой и молодой (Domestici, Protectores), раздѣленной на схолы (Scholae) или роты. Изъ нихъ легіоны и вспомогательныя войска были троякаго рода: 1) Палатинскіе (Palatinenses), или палатные, императорскіе; они составляли дѣйствующія полевыя войска, не имѣли постоянныхъ мѣстъ расположенія и получали большее противъ нижеозначенныхъ войскъ жалованье; 2) Комитатскіе (Comitatenses) или областные (отъ слова Comitatus, область); они составляли родъ земскаго ополченія, были постоянно расположены въ областяхъ, выставлявшихъ ихъ, по домамъ, собираясь только на короткое время для военныхъ упражненій, но были во всегдашней готовности къ войнѣ; наконецъ 3) Псевдо-Комитатскіе (Pseudo-Comitatenses) или Подкомитатскіе составляли родъ запаснаго земскаго ополченія, назначеннаго на усиленіе комитатскихъ войскъ, въ случаѣ особенной важности или крайней опасности. Что касается войскъ пограничныхъ, то они были поселены на границахъ и составляли на нихъ особыя военныя поселенія. Сверхъ того войска, какъ и прежде, различались также названіями, или по нумерамъ (Legio prima, secunda etc.), или по областямъ, въ которыхъ были набираемы (Illyricae, Pannonicae, Dalmatae, Syriacae, Maurii), или по именамъ императоровъ, образовавшихъ ихъ (Flavialis, Joviana, Herculiana), или по какимъ-либо особеннымъ, оказаннымъ ими, отличіямъ или свойствамъ (Martiarii, Vindices, Pii).

Константинъ В. значительно уменьшилъ противъ прежняго число войскъ; но упадокъ нравственныхъ силъ въ народѣ содѣлывалъ все болѣе и болѣе необходимымъ принятіе въ римское войско варваровъ, и потому число ихъ въ составѣ не только легіоновъ, но и

вспомогательныхъ войскъ, безпрерывно умножалось. Со временъ Константина В. христіане начали уже составлять главную часть римскаго войска, и какъ при наборахъ, такъ и при воцареніи императоровъ, въ дни ихъ рожденія и при празднованіи деценналій (Sacra decennalia) или десятилѣтій ихъ царствованія, войска приносили присягу такого же содержанія, что и прежде со временъ Августа, но только уже во имя Св. Троицы и императорскаго величества. Константинъ В. умножилъ число военныхъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ, установилъ взаимную между ними зависимость и подчиненность, на основаніи вновь введеннаго чиноначалія, и подчинилъ ихъ различнымъ высшимъ государственнымъ управленіямъ (министерствамъ), которыя сосредоточивались въ лицѣ императора. Такъ все высшее военное управленіе было подчинено двумъ Магистрамъ пѣхоты и конницы (Magistri peditum et equitum) и двумъ начальникамъ пѣшей и конной гвардіи (Comites Domesticorum peditum et equitum).

Преобразованія, совершенныя Діоклитіяномъ и Константиномъ В., имѣли рѣшительное вліяніе на военное устройство римской имперіи. Доселѣ военное званіе почиталось еще почетнѣйшимъ и прибыльнѣйшимъ въ государствѣ, по тѣмъ обширнымъ правамъ и преимуществамъ, которыми обладало войско, по тому богатому содержанію, которое получало, по неограниченной своей власти и безнаказанному своеволію. Но съ той поры, какъ оно было лишено этихъ правъ и преимуществъ, подчинено строгому воинскому порядку и обязано нести тяжелую службу, никто не хотѣлъ болѣе служить въ немъ, а всѣ стали предпочитать болѣе легкую, прибыльную и видную службу гражданскую и особенно придворную. Отъ того, при совершенномъ упадкѣ физическихъ и нравственныхъ силъ народа и при необыкновенныхъ злоупотребленіяхъ и лихоимствѣ императорскихъ вербовщиковъ, въ войско были набираемы, по словамъ Вегеція, такіе негодные люди, которыхъ граждане не захотѣли бы имѣть и рабами. Для предупрежденія же и пресѣченія безпрестанныхъ и безчисленныхъ побѣговъ, новобранцовъ клеймили, какъ преступниковъ, и усиливали военныя наказанія. Но какъ эти средства были далеко недостаточны для содержанія войска въ надлежащемъ составѣ, и притомъ народонаселеніе въ государствѣ все болѣе и болѣе уменьшалось, то императоры и были принуждены умножать число наемныхъ варваровъ въ войскѣ—и со временъ Граціяна и Ѳеодосія В. (367 — 395) они начали уже составлять бо́льшую и главную силу войска и занимать въ немъ мѣста военачальниковъ и полководцевъ. Вступая въ римское войско, они вносили въ него свои военныя учрежденія и устройство и такимъ образомъ военное устройство рим-

ской имперіи стало принимать характеръ римско-германскій. Такъ въ 382 г. вестготы и остготы, находившіеся въ предѣлахъ имперіи, бывъ приведены Ѳеодосіемъ В. къ покорности и мирному поселенію въ назначенныхъ имъ областяхъ, получили отъ него земли, съ обязанностью имѣть всегда въ готовности для императора 40 т. войскъ. Они считались въ службѣ государства, признавали императора верховнымъ своимъ военнымъ королемъ, но имѣли собственныхъ своихъ вождей и такимъ образомъ составили первое, въ предѣлахъ римскаго государства, германское военное государство. Въ 394 г., въ войнѣ Ѳеодосія В. съ Арбогастомъ, магистромъ войска на западѣ, у перваго въ войскѣ были почти одни готы, а у послѣдняго—почти одни франки и аллеманны. При Ѳеодосіѣ В. германцы являются даже и въ императорскихъ тѣлохранителяхъ (гвардіи).

По раздѣленіи римской имперіи Ѳеодосіемъ В. на восточную и западную, военносухопутныя силы ихъ состояли:

Въ восточной: изъ 1 пѣшей и 1 конной схолъ тѣлохранителей перваго или старшаго разряда (старой гвардіи) и 7 схолъ втораго или младшаго (молодой гвардіи),—изъ 70 легіоновъ: 13-ти палатинскихъ, 30-ти комитатскихъ и 19-ти псевдо-комитатскихъ, изъ 41 пѣшей и 41 конной ротъ вспомогательныхъ войскъ и изъ 53 когортъ и 66 конныхъ ротъ пограничнаго войска,—всего изъ 140,000 чел. пѣхоты и 15,000 чел. конницы.

Въ западной: изъ 1 пѣшей и 1 конной схолъ тѣлохранителей перваго и 5 схолъ втораго разряда, изъ 63 легіоновъ: 12 палатинскихъ, 32 комитатскихъ и 18-ти псевдо-комитатскихъ, изъ 65-ти пѣшихъ и 42 конныхъ ротъ вспомогательныхъ войскъ и изъ значительнаго, но неопредѣленнаго числа когортъ и конныхъ ротъ пограничнаго войска,—всего изъ 70,000 чел. пѣхоты, 8,500 чел. конницы и примѣрно около 50,000 пѣшаго и коннаго пограничнаго войска.

Очевидно, какъ малочисленны были эти силы, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, въ отношеніи къ обширности этихъ имперій и особенно западной. Доказательствомъ этому служитъ то, что во время нападенія Алариха, при Гоноріѣ въ 403 году, на Италію, Стиликонъ, магистръ войска на западѣ, принужденъ былъ совершенно раскрыть границы Каледоніи (Шотландіи) и Рейна для того, чтобы прикрыть Италію. Составленныя, сверхъ того, почти исключительно изъ однихъ наемныхъ, корыстолюбивыхъ и продажныхъ варваровъ, малочисленныя военныя силы западной римской имперіи не въ состояніи были удерживать направленнаго преимущественно противъ нея, стремленія многочисленныхъ полчищъ мощныхъ тѣломъ и духомъ народовъ сѣвера.

Наконецъ послѣднее 30-ти-лѣтіе со времени смерти Гонорія до

паденія западной римской имперіи было ознаменовано рѣшительнымъ перевѣсомъ германцовъ и въ государствѣ вообще, и въ войскѣ въ особенности. Въ это время они уже исключительно составляли войска обѣихъ римскихъ имперій и занимали всѣ военноначальническія званія въ нихъ. Главные же полководцы — магистры милиціи, также изъ германцовъ и другихъ варваровъ, пріобрѣли необыкновенныя силу, значеніе и власть въ государствѣ и совершенныя независимость и самостоятельность въ отношеніи къ императорамъ, потому что набираемыя ими наемныя арміи варваровъ уже вполнѣ зависѣли отъ нихъ. Таковы были Бонифацій, Кастинъ, Аэцій, Рицимеръ, Гундобальдъ, Орестъ и послѣдній изъ нихъ — Одоакръ, положившій конецъ существованію западной римской имперіи.

§ 389.

Различные роды войскъ, вооруженіе и число ихъ.

Вооруженіе войскъ уже было постепенно облегчено до того, что войска, можно сказать, почти вовсе ничѣмъ не были прикрыты и защищены. При Граціанѣ они уже совершенно перестали носить шлемы и латы, и даже легкіе греческіе шишаки, находя ихъ слишкомъ тяжелыми, замѣнили паннонскими мѣховыми (бараньими и др.) шапками. Мечъ и копье также были постепенно болѣе и болѣе облегчены, и такимъ образомъ, говоритъ Вегецій, римляне погибали на войнѣ скорѣе какъ скоты, нежели какъ люди.

Онъ же говоритъ, что конница въ составѣ римскихъ армій отличалась въ его время (въ концѣ IV вѣка) хорошими: вооруженіемъ и обученіемъ всадниковъ и добротою коней. Но въ этомъ можно сомнѣваться, потому что конница эта не предохраняла римскія арміи отъ пораженія варварами, и во всякомъ случаѣ, еслибы она даже и была хороша, то не могла бы вознаградить недостатка хорошей пѣхоты.

Со временъ Діоклитіяна и особенно Константина В. полевыя метательныя орудія начали, точно также какъ и варвары, составлять главную силу римскихъ армій.

Относительнымъ числомъ разныхъ родовъ войскъ въ легіонѣ, по словамъ Вегеція, въ его время, въ концѣ IV вѣка, было 6,100 чел. тяжелой пѣхоты и 726 чел. конницы, не считая легкихъ войскъ, а вообще среднимъ числомъ до 7 т. слишкомъ чел. всѣхъ войскъ. Но это сомнительно, ибо при Діоклитіянѣ и Константинѣ В. дѣйствительная сила легіоновъ простиралась только отъ 4 до 5 т. чел. раз-

ныхъ войскъ, а позже уменьшалась постепенно и доходила до 2,500, 2 т. и даже 1 т. чел. Полевыхъ метательныхъ орудій, по свидѣтельству Вегеція, въ его время было по одной ручной баллистѣ на центурію и по одному онагру на когорту, слѣдовательно по 60 первыхъ и по 10 послѣднихъ на легіонъ, или по 1 орудію на 100 слишкомъ человѣкъ — число несоразмѣрно большое! Сила вспомогательныхъ когортъ до Константина В. простиралась въ иныхъ до 500 чел., а въ другихъ до 1 т., считая, а иногда и не считая въ томъ числѣ конницу. Со временъ же Константина В. пѣшія роты вспомогательнаго войска состояли изъ 100 чел., а когорты пограничнаго—изъ 500, конныя же роты вспомогательнаго войска изъ 200, а пограничнаго—изъ 100 чел. Составъ и число войскъ, выставляемыхъ подвластными народами, были неопредѣленные и неодинаковые, завися отъ военныхъ устройства и обычаевъ этихъ народовъ и отъ обстоятельствъ.

Легіонные орлы Константинъ В. уже осѣнилъ крестами на верху, ввелъ, кромѣ орловъ, хоругви (labarum) или знамена на крестообразныхъ древкахъ, съ изображеніемъ Животворящаго Креста или лика Іисуса Христа, монограммой имени его І. С. замѣнивъ прежнюю монограмму S. P. Q. R. (Senatus Populus Que Romanus).

§ 390.

Строй и образъ движеній и дѣйствій войскъ.

Въ IV и V вѣкахъ строй легіона уже рѣшительно сталъ болѣе и болѣе приближаться къ строю фаланги въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, хотя и отличался отъ него въ другихъ. Такъ, напримѣръ, легіонъ строился уже почти совсѣмъ безъ промежутковъ (интерваловъ), но только въ 6 шеренгъ, т. е. отъ разомкнутаго строя перешелъ къ сомкнутому и отъ глубокаго къ тонкому. Послѣднее было естественнымъ слѣдствіемъ непомѣрнаго умноженія числа метательныхъ орудій при легіонахъ. Въ этомъ случаѣ легіонъ уже до того измѣнился видомъ противъ прежняго, что только однимъ названіемъ напоминалъ древній римскій легіонъ, а съ другой стороны не былъ вполнѣ и фалангой и представлялъ нѣчто столь же безпорядочное, неправильное и безобразное, сколько и самый этотъ періодъ времени.

Правильность, порядокъ, осторожность и быстрота походныхъ движеній римскихъ легіоновъ и армій, начиная уже съ III вѣка, уменьшались постепенно болѣе и болѣе. Уменьшеніе быстроты ихъ происходило въ особенности отъ уменьшенія удободвижимости армій

римскихъ, вслѣдствіе изнѣженности и слабости воиновъ, умноженія числа метательныхъ орудій, тяжестей и обозовъ, и возраставшихъ: разоренія, обезлюденія и обѣдненія края въ государствѣ и трудности, вслѣдствіе того, продовольствованія войскъ.

Расположеніе войскъ въ походныхъ и постоянныхъ укрѣпленныхъ лагеряхъ изложено выше (§ 347).

Что касается дѣйствій войскъ въ бою, то необходимо сказать, что постепенный съ III вѣка упадокъ нравственной силы войска римляне уже старались вознаграждать, подобно грекамъ въ послѣднія времена, тактическими, мелочными, ничтожными и безполезными тонкостями, дѣйствіями въ бою—преимущественно и наконецъ исключительно оборонительными, а не наступательными, и въ особенности усиленіемъ дѣйствія метательныхъ: оружія и орудій издали. Но это вовсе не достигало своей цѣли, а только явно доказывало малодушіе римлянъ и упадокъ у нихъ военнаго искуства. Страшась рукопашнаго боя пуще смерти, они всячески старались удерживать, поражать и разстроивать непріятеля съ дальнѣйшаго, по возможности, разстоянія сильнымъ дѣйствіемъ метательныхъ: оружія и особенно орудій, на которыя поэтому и возлагали всю свою надежду. Но метательныя орудія, по причинѣ неудободвижимости и неповоротливости своихъ, производили только безпорядокъ и замѣшательство въ рядахъ, шеренгахъ и линіяхъ собственныхъ войскъ и нимало не удерживали непріятеля, особенно варваровъ. Послѣдніе, презирая ихъ столько же, сколько и самыя римскія войска, уже въ началѣ боя устремлялись на нихъ, безъ труда овладѣвали ими и затѣмъ еще легче разбивали римскія войска въ рукопашномъ бою, если только они тотчасъ же не обращались въ постыдное бѣгство и осмѣливались выжидать нападенія. Въ рукопашномъ же бою, въ которомъ побѣду рѣшаетъ превосходство тѣлесной силы и личной храбрости болѣе, нежели тактическаго искуства, варвары весьма естественно имѣли рѣшительное превосходство надъ римскими войсками.

Такимъ образомъ римская тактика все болѣе и болѣе утрачивала свой коренной, истинный, древне-римскій характеръ и принимала чуждый ей греческій, и то временъ упадка у грековъ военнаго искуства. Въ IV и V вѣкахъ, при постепенно возраставшихъ разстройствѣ государства и нравственномъ упадкѣ войска, и она также падала все ниже и ниже, и наконецъ, достигнувъ самаго жалкаго состоянія, вмѣстѣ съ паденіемъ западной римской имперіи совершенно пала въ западной Европѣ и сохранилась еще только въ восточной римской или византійской греческой имперіи.

§ 391.

Внутреннее устройство и духъ войскъ.

Со временъ Діоклитіяна и Константина В. военное чиноначаліе получило совершенно новый видъ и приняло характеръ, который всегда имѣло у восточныхъ народовъ. Военная власть была совершенно отдѣлена отъ гражданской и чрезвычайно умножены, безъ особенной отъ того пользы для войскъ, различные чины и званія военные. Начальствующими чинами въ легіонахъ были: декуріоны, подцентуріоны, центуріоны (изъ которыхъ старшіе пять 1-й когорты назывались ординатами и были помощниками трибуновъ) и трибуны. Легіонами начальствовали легіонные префекты, пограничными и областными войсками—комисы (Comes, Comites) и дуксы (Dux Duces), которыхъ было 35, а всѣми войсками въ имперіи — 1 магистръ пѣхоты (Magister peditum) и 1 магистръ конницы (Magister equitum), учрежденные Константиномъ В. вмѣсто преторіянскихъ префектовъ, которые управляли префектурами и имѣли уже только одну гражданскую власть. Войсками же императорской гвардіи начальствовали 1 комисъ пѣхоты и 1 комисъ конницы (Comites domesticorum peditum et equitum), и надъ ними особые магистры, которые назывались Magistri praesentales; главное же завѣдываніе войсками гвардіи принадлежало сановнику подъ названіемъ Magister officiorum (который соотвѣтствовалъ нынѣшнимъ министрамъ двора и внутреннихъ дѣлъ). Верховнымъ же повелителемъ всѣхъ военныхъ силъ имперіи былъ самъ императоръ. При Θеодосіѣ В. число магистровъ было увеличено до 5-ти, а послѣ него, по раздѣленіи имперіи на восточную и западную, до 8-ми и болѣе. Въ это время въ каждой имперіи было по 2 комиса гвардіи (одинъ пѣхоты, а другой конницы) и по одному магистру всего войска (Magister militiae), который начальствовалъ всѣми военными силами имперіи и имѣлъ такую же обширную власть, какъ нѣкогда преторіянскіе префекты.

Сверхъ того, въ IV и V вѣкахъ, въ римскихъ арміяхъ было множество чиновъ и званій, разныхъ родовъ и наименованій, имѣвшихъ какое-либо спеціальное начальствованіе или управленіе, или обязанныхъ содѣйствовать начальникамъ войскъ въ начальствованіи и управленіи послѣдними, чего прежде въ римскомъ войскѣ не было, по крайней мѣрѣ въ такихъ развитіи и объемѣ. Такъ въ арміяхъ были: 1) разнаго рода префекты, напримѣръ: префекты лагерей

(Praefecti castrorum), завѣдывавшіе выборомъ мѣстъ подъ лагери, разбивкою и укрѣпленіемъ послѣднихъ, расположеніемъ войскъ въ нихъ, метательными орудіями, больницами, лекарями, больными и пользованіемъ ихъ, ставками, вьюками, тяжестями и обозами;—префекты военнорабочихъ, подчиненные префектамъ лагерей и завѣдывавшіе всѣми военнорабочими и мастеровыми, состоявшими при легіонахъ, и легіонными мастерскими и складами, въ которыхъ изготовлялись, исправлялись и хранились оружіе, орудія, машины и проч.;—префекты государственныхъ: оружейныхъ заводовъ, складовъ оружія, орудій, запасовъ и проч.;—2) метаторы и мензоры (Metatores, Mensores), подчиненные префектамъ лагерей и обязанные пріискивать мѣста подъ лагери, разбивать послѣдніе и располагать войска въ нихъ;—3) тессераріи (Tesserarii, отъ Tessera—парольная дощечка), употреблявшіеся для военнаго письмоводства, отдачи пароля и приказаній и т. п.;—4) многочисленные помощники магистровъ, комисовъ и дуксовъ, различныхъ чиновъ и званій, подъ именемъ ассессоровъ, адъюторовъ, аппариторовъ (Assessores, Adjutores, Apparitores) и проч., подчиненные, при каждомъ магистрѣ, комисѣ и дуксѣ, своему особому начальнику (Princeps *).

Вообще въ IV и V вѣкахъ военное чиноначаліе въ римской имперіи, по непомѣрному числу чиновъ, званій и должностей, большею частію только почетныхъ (титулярныхъ), и по образу жалованія ими и занятія оныхъ, вполнѣ имѣло характеръ, свойственный восточнымъ монархіямъ. Военные чины, званія и должности раздавались во множествѣ, не такъ какъ вдревлѣ лицамъ, отличавшимся усердіемъ къ службѣ, строгимъ исполненіемъ ея обязанностей, мужествомъ и храбростью въ бояхъ, но царедворцамъ, вельможамъ, лицамъ, никогда не служившимъ въ войскѣ, льстецамъ и людямъ, жившимъ дворскими происками и козпями. Естественнымъ слѣдствіемъ этого были: тревожное, ненасытное честолюбіе, низкіе происки, безчисленныя злоупотребленія, несправедливость, неудовольствія, производившія въ войскѣ только безпорядки, разстройство и т. п.

Военное управленіе со времени Діоклитіяна и особенно Константина В. было раздѣлено между множествомъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ, подчиненныхъ одни другимъ, сосредоточивавшихся въ спеціальныхъ высшихъ управленіяхъ, которыми, подъ верховною властію императора, завѣдывали исчисленные уже высшіе военные сановники. Такъ по части вооруженія войскъ имѣлось особое управ-

---

*) Они соотвѣтствовали нынѣшнимъ чинамъ штабовъ, подчиненнымъ начальникамъ послѣднихъ.

леніе, завѣдывавшее изготовленіемъ, исправленіемъ, храненіемъ и выдачей казенныхъ: оружія, орудій, военныхъ машинъ и пр. и всѣми государственными военными заводами, складами и хранилищами (арсеналами) въ Римѣ, Константинополѣ, областныхъ городахъ, пограничныхъ постоянныхъ лагеряхъ и крѣпостяхъ и при арміяхъ въ полѣ. Оружейные и машинные заводы и склады состояли въ вѣдѣніи особенныхъ смотрителей, а всѣ вообще—въ главномъ завѣдываніи особеннаго префекта заводовъ (Praefectus fabrorum). Оружіе было запрещено изготовлять частнымъ лицамъ, частнымъ образомъ, не на государственныхъ заводахъ, равно продавать какъ оное, такъ и металлы варварамъ (которые, не смотря на то, добывали его всячески, и въ бою, и грабежомъ на войнѣ, и за деньги, и не только никогда не имѣли недостатка въ немъ, но все болѣе и болѣе пріобрѣтали его).

Жалованье войску Діоклитіанъ и Константинъ В. нѣсколько уменьшили и вмѣстѣ съ тѣмъ ограничили и роскошь въ войскѣ. Но послѣ нихъ и то, и другая снова стали все болѣе и болѣе увеличиваться, и въ послѣднія времена, въ V вѣкѣ, достигли уже такой степени, что, напримѣръ, высшіе военачальники содержали на войнѣ до 200 чел. прислуги и до 150 лошадей каждый.

Продовольствованіе войскъ Константинъ В. нѣсколько ограничилъ уменьшеніемъ огромнаго содержанія, дотолѣ получаемаго военачальниками, особенно высшими, замѣнивъ денежныя выдачи—выдачами натурой. Но послѣ него все снова приняло прежніе и даже бо̀льшіе размѣры.

Тяжести и обозы при арміяхъ чрезвычайно увеличились въ числѣ, какъ потому, что продовольствіе и подъ конецъ даже оружіе и личныя ноши (багажъ) воиновъ не были переносимы ими на себѣ, а перевозились на повозкахъ и вьючныхъ животныхъ, такъ и по необычайной роскоши военачальниковъ, особливо высшихъ.

Военныя упражненія (строевое обученіе и т. п.) исполнялись еще съ большею или меньшею тщательностью отчасти и при Діоклитіанѣ, и при Константинѣ В. Но послѣ Константина правительство уже не обращало никакого вниманія ни на военныя упражненія войскъ, ни на занятіе ихъ общеполезными работами (постройкой укрѣпленій, дорогъ, мостовъ, зданій и т. п.), и войска все мирное время проводили въ праздности и распутствѣ, своеволіи, буйствѣ и насиліи, и подобно народу и особенно черни Рима, жаждая крови на общественныхъ зрѣлищахъ въ циркахъ, малодушно боялись смерти въ бою и позорно бѣжали передъ непріятелемъ. Военноученое образованіе у римлянъ хотя и было, но, какъ у грековъ въ послѣднія времена, въ ложномъ и жалкомъ состояніи, ибо главными чертами его

были пустой педантизмъ, безполезныя тонкости и жалкое компиляторство. Лучшіе военные писатели были греки, а изъ римлянъ только одинъ Флавій Вегецій въ царствованіе Валентиніяна II, въ концѣ IV вѣка, но и тотъ не былъ военнымъ.

Военные порядокъ и духъ въ войскахъ были еще болѣе или менѣе хороши при Діоклитіянѣ, Константинѣ В., Юліянѣ, Ѳеодосіѣ В. и маломъ числѣ другихъ императоровъ и полководцевъ, которые старались возстановлять и поддерживать тотъ и другой по возможности. Но, за этими исключеніями, они падали все ниже и глубже, до безпримѣрной въ исторіи степени. Дѣйствительно, никогда и ни у кого, ни прежде, ни послѣ, невозможно усмотрѣть такого глубокаго нравственнаго упадка, до котораго дошло римское войско и котораго и изобразить невозможно иначе, какъ самыми мрачными красками. Наказанія за военные проступки и преступленія становились все жесточе и жесточе: преступниковъ подвергали мучительнымъ истязаніямъ, били палками до смерти, четвертовали, зарывали живыми въ землю и т. п. Но все это нималѣйше не помогало: воины боялись истязаній и мучительной смерти, но еще болѣе—открытаго боя съ непріятелемъ и смерти въ немъ—и малодушіе или, лучше сказать, подлость и трусость были гнусными пороками глубоко павшихъ потомковъ древнихъ славныхъ предковъ!

За то въ системѣ наградъ ихъ произошли совершенно противуположныя системѣ наказаній перемѣны, но не въ хорошую, а въ дурную сторону. Если наказанія были безчеловѣчно жестоки, то награды достигли крайней, безумной степени. Рядовыхъ воиновъ, за военныя отличія, вмѣсто производства въ чины, стали награждать увеличеніемъ жалованья, разными цѣнными знаками отличія, причисленіемъ къ разнымъ почетнымъ классамъ войскъ, какъ-то: campigeni, т. е. родившимся въ лагеряхъ, beneficiarii, т. е. получившимъ въ даръ бенефицію или помѣстье, torquati, т. е. получившимъ золотое ожерелье! (какъ женщины), armaturae duplares, т. е. получавшимъ двойное жалованье и пр. т. п. Такого рода награды, преимущественно денежныя, постепенно возвышались соразмѣрно съ чинами и для высшихъ достигали непомѣрныхъ размѣровъ. Но и эти награды, снискиваемыя, по словамъ Вегеція, не дѣйствительными заслугами и отличіями, а раболѣпствомъ, лестью, искательствомъ, происками и даже подкупомъ, не только не были въ состояніи возвратить прежнихъ военныхъ добродѣтелей, но и еще сильнѣе растлѣвали военный духъ въ войскахъ. Что касается самыхъ высшихъ наградъ — тріумфа и апоѳеоза, то первый, котораго Діоклитіянъ и Максиміянъ удостоились въ 303 г. въ послѣдній разъ, послѣ того былъ, по счастію, уничтоженъ навсегда, потому что Діоклитіянъ

и преемники его уже стали считать его незначущимъ и недостойнымъ самодержавныхъ императоровъ, а для частныхъ лицъ, напротивъ, слишкомъ значительною и недостойною ихъ наградой. Апоѳеозъ же, т. е. причтеніе умершихъ императоровъ къ лику боговъ (!), былъ уничтоженъ Константиномъ В. тотчасъ по объявленіи христіанской вѣры господствующею религіей въ имперіи.

§ 392.

Кастраметація, фортификація, поліорцетика, баллистика и огнестрѣльные снаряды.

Со временъ Граціана (375—383 г.г.) слабые и изнѣженные римскіе воины, неспособные болѣе ни къ какимъ военнымъ работамъ и питавшіе непреодолимое отвращеніе отъ нихъ, уже совершенно перестали укрѣплять свои полевые лагери на каждую ночь и, лишивъ себя такимъ образомъ главныхъ средствъ защиты, подвергали себя внезапнымъ нападеніямъ непріятелей и истребленію послѣдними.

Для прикрытія же и защиты границъ, все болѣе и болѣе строились обширныя укрѣпленныя линіи, валы, стѣны, отдѣльныя укрѣпленія (форты) и т. п. Такъ Констанцій Хлоръ, отецъ Константина В., построилъ такія крѣпостцы среди самыхъ земель независимыхъ германцовъ; Улій Цимберъ (Ulius Cimber), намѣстникъ Виѳиніи—цѣлый рядъ деревянныхъ укрѣпленій (блокгаузовъ) въ горномъ хребтѣ Тавра, для прегражденія вторженій тарсянъ; Валентиніанъ I въ 368 г.—укрѣпленные замки или крѣпостцы (форты) отъ Рэтіи до самаго океана, и пр. т. п. Вообще границы были усѣяны большими и малыми крѣпостями или даже сплошь прикрыты укрѣпленными линіями, съ земляными валами или каменными стѣнами и башнями и т. п. Но все это нималѣйше не удерживало варваровъ и не препятствовало ихъ набѣгамъ, вторженіямъ и нашествіямъ. И крѣпости, и укрѣпленныя линіи, какъ бы сильны онѣ ни были, не могли удерживать ихъ, когда въ защитникахъ этихъ крѣпостей и линій не было болѣе ни малѣйшихъ мужества и храбрости для защиты ихъ. Но собственно для фортификаціи, какъ искуства, это время было не безплодно и хотя фортификація, особенно полевая, со временъ Юлія Цезаря и не сдѣлала особенно важныхъ и замѣчательныхъ успѣховъ и далеко не достигала огромныхъ размѣровъ Цезаревыхъ работъ, однако все таки находилась не въ упадкѣ, а въ большомъ развитіи. Тоже слѣдуетъ сказать и о поліорцетическомъ искуствѣ, которое, въ отношеніи какъ къ атакѣ, такъ и къ оборонѣ, было доведено до крайнихъ въ древнія времена предѣловъ развитія и совершенства.

Этому особенно способствовали многія болѣе или менѣе важныя и замѣчательныя осады этого времени. Въ отношеніи къ подкопному (минному) искуству и подземной осадной войнѣ особенно замѣчательны такого рода работы, веденныя императоромъ Юліяномъ при осадѣ города Маогамалхи въ Персіи, въ 363 г. Вообще то, что̀ было сказано выше въ § 347 о состояніи поліорцетики въ періодѣ съ 30 г. до Р. Х. по 284 г. послѣ Р. Х., относится также и къ настоящему періоду 284—476 г.г. послѣ Р. Х.

Что касается метательныхъ зажигательныхъ составовъ и снарядовъ, то о нихъ, въ дополненіе къ изложенному выше въ § 347, здѣсь должно сказать, что дальнѣйшихъ свѣдѣній о нихъ, относящихся къ этому періоду времени, не имѣется, но извѣстно только то, что употребленіе ихъ римлянами распространялось все болѣе и болѣе. По мѣрѣ того, какъ образъ веденія ими войны и разныхъ военныхъ дѣйствій принималъ характеръ преимущественно и наконецъ почти исключительно оборонительный, то, съ умноженіемъ числа метательныхъ: оружія и орудій, увеличивалось также и употребленіе метательныхъ зажигательныхъ составовъ и снарядовъ, какъ на сухомъ пути, такъ и на морѣ, какъ при осадѣ и оборонѣ городовъ и укрѣпленій, такъ едва-ли и не въ полевыхъ военныхъ дѣйствіяхъ, противъ полевыхъ укрѣпленныхъ лагерей и вѣроятно даже и въ полевыхъ сраженіяхъ. Поводомъ къ послѣднему предположенію можетъ служить то, что римскія войска и арміи, дѣйствуя преимущественно оборонительно, старались всячески вредить непріятелю съ дальнѣйшихъ, по возможности, разстояній, чему, вмѣстѣ съ метательными: оружіемъ и орудіями, могли служить также и метательные зажигательные составы и снаряды.

§ 393.

Состояніе военнаго искуства вообще.

О состояніи военнаго искуства вообще у римлянъ въ это время приходится сказать немного, и это немногое не представляетъ ничего свѣтлаго и отраднаго. Изъ совокупности всего сказаннаго выше, въ §§ 388—392, уже можно усмотрѣть, что, за исключеніемъ временъ Діоклитіяна, Константина В., Юліяна, Ѳеодосія В. и весьма немногихъ другихъ императоровъ и полководцевъ, римское военное искуство, говоря вообще, не могло, естественнымъ образомъ, не слѣдовать общему въ государствѣ упадку во всѣхъ отношеніяхъ, какъ политическомъ и гражданскомъ, такъ и военномъ, и, падая все ниже

и ниже, достигло наконецъ, во времена разрушенія западной римской имперіи, самаго жалкаго состоянія и въ такомъ видѣ на западѣ Европы перешло къ народамъ германскаго племени, разрушившимъ эту половину римской имперіи и основавшимъ на развалинахъ ея свои новыя государства; на востокѣ же сохранилось въ этомъ же видѣ въ восточной римской или византійской греческой имперіи и перешло также, болѣе или менѣе, къ народамъ восточной Европы и западной Азіи — наслѣдство, какъ видно, не очень завидное, но изъ котораго въ западной Европѣ постепенно, мало по малу, стало развиваться новое военное искуство, о чемъ въ своемъ мѣстѣ позже будетъ говорено подробнѣе.

Въ частности же можно сказать, что изъ всѣхъ отраслей римскаго военнаго искуства, сравнительно, въ лучшемъ еще видѣ сохранились и перешли къ ближайшему потомству фортификація, особенно долговременная, поліорцетика и баллистика, со включеніемъ въ послѣднюю метанія зажигательныхъ составовъ и снарядовъ, чрезвычайно важнаго по своимъ позднѣйшимъ послѣдствіямъ.

§ 394.

Морскія военныя силы и искуство.

Морскія военныя силы и число римскихъ флотовъ, какъ морскихъ, такъ и рѣчныхъ, у римлянъ въ этомъ періодѣ постепенно увеличивались. По раздѣленіи римской имперіи Ѳеодосіемъ В. въ 395 г. на западную и восточную, за 81 годъ до паденія первой, въ этой послѣдней, у береговъ Италіи, Африки, Испаніи, Галліи и Британніи, равно на Дунаѣ въ Панноніи, на Рейнѣ и др. рѣкахъ было всего 17 большихъ и малыхъ, морскихъ и рѣчныхъ флотовъ, а въ восточной, у береговъ Иллиріи, Далмаціи, Греціи, 1-й и 2-й Мизій, Ѳракіи, Дакіи, Скиѳіи, Малой Азіи, Сиріи и Египта—18 такихъ же флотовъ, какъ и въ западной имперіи.

Составъ, устройство и образъ дѣйствій этихъ флотовъ оставались въ томъ же видѣ, что и въ предъидущемъ періодѣ (см. § 349), съ тою только разницей, что составъ людей на флотахъ становился все хуже и презрѣннѣе, а морскія военныя силы и искуство, говоря вообще, слѣдовали общему ходу упадка сухопутныхъ.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМАЯ.

НАРОДЫ, СЪ КОТОРЫМИ РИМЛЯНЕ ВЕЛИ ВОЙНЫ ВЪ ЭТОМЪ ПЕРІОДѢ.

§ 395. Германцы.—§ 396. Готѳы.—§ 397. Даки.—§ 398. Вандалы.—§ 399. Скиѳы.— § 400. Сарматы.—§ 401. Словене или Славяне.— § 402. Гунны. § 403.—Персы.

§ 395.

Германцы.

Выше (§ 350) помѣщены были свѣдѣнія о германцахъ по сказаніямъ древнихъ греческихъ и римскихъ писателей, особенно Тацита. Здѣсь же слѣдуетъ уже привесть свѣдѣнія о нихъ по изслѣдованіямъ новѣйшей исторической критики *).

Древнѣйшія, хотя и темныя, миѳологическія и историческія преданія, сходство древнихъ германцовъ и персовъ въ нравахъ и обычаяхъ, а нѣмецкаго языка—съ санскритскимъ и персидскимъ, даютъ поводъ думать, что германцы, подобно другимъ народамъ, перешли въ Европу изъ Азіи. Время переселенія ихъ неизвѣстно, но мѣста, гдѣ они сначала поселились, съ вѣроятностью указываются на сѣверныхъ берегахъ Эвксинскаго Понта (Чернаго моря) и на р. Танаисѣ (Донѣ). Позже, тѣснимые съ востока новыми выходцами изъ Азіи—сарматами (см. ниже § 400), они передвинулись къ Днѣпру и Вислѣ, а потомъ къ Эльбѣ, Дунаю, Рейну и постепенно распространились по всему пространству между Рейномъ и Вислой, Дунаемъ и Сѣвернымъ моремъ и за нимъ въ Скандинавіи. Тогда извѣстны были три главныя поколѣнія германцовъ: истевоны, ингевоны и гер-

*) См. объ этомъ статью: Древняя Германія, въ Военномъ Энциклопедическомъ Лексиконѣ 1853 г. т. IV.

міоны. Послѣдніе, жившіе между Эльбой и Вислой, были кореннымъ народомъ и назывались также тевтонами и семнонами. Отъ нихъ ингевоны переселились на западъ, а истевоны на сѣверъ. Эти три главныя племени были весьма различны одно отъ другаго, и еслибы было доказано, что отъ ингевоновъ происходятъ вестфальцы, нижнесаксонцы, датчане и шведы, отъ истевоновъ — прирейнскіе нѣмцы, франки и гессенцы, а отъ герміоновъ — швабы, баварцы и австрійцы, то оказалось бы, что древнее различіе, по крайней мѣрѣ въ языкѣ, существуетъ и доселѣ.

Замѣчательнѣйшія германскія племена истевонскаго происхожденія, между Рейномъ, Везеромъ, среднею Эльбой, Заале и Майномъ, были хамавы, узипіи, ансиваріи, бруктеры, сикамбры, марсы, тревиры, тенхтеры, туроны и др. и наконецъ херуски — обитатели Гарца. Всѣ эти истевонскія племена являются соединенными въ три большіе союза: сикамбровъ, херусковъ и каттовъ, а изъ нихъ въ позднѣйшія времена (въ III вѣкѣ по Р. Х.) произошли два большіе и сильные союза франковъ и аллемановъ.

Ингевонскія племена — смѣсь германцевъ, словенъ (см. ниже § 401), литвы и чуди, обитали отъ устьевъ Рейна вдоль поморья до восточныхъ береговъ Балтійскаго моря, въ Ютландіи и въ Великой Скандинавіи. Къ нимъ принадлежали могущественные: фризы, хауки, саксы, съ тремя племенами своими: остфальцами, вестфальцами и ангриваріями, англы и сѣверные альбигенцы, которые, въ соединеніи съ саксами, названы нордманнами, а позже датчанами; въ Пруссіи—авіоны, венеды и скирры; въ Скандинавіи—геллевіоны или, какъ ихъ распредѣляетъ Тацитъ, свіоны и ситоны (нын. шведы), финны, эсты, готѳы и левоны или ливоны.

Наконецъ герміонскія племена, большею частію словенскаго и литовскаго корня, скитались или кочевали отдѣльными поколѣніями между Вислой, Эльбой и Исполинскими горами (римляне называли ихъ суэвами или свевами). Между ними были варины, сидины, лемовіи, ругіи, герулы, готоны или гутоны съ разными племенами своими, вандалы, семноны, бургундіоны и ругіи. Отдѣльными племенами или военными союзами племенъ (ариманніи, германнеи, Heermanneyen) герміоновъ, поселившимися южнѣе ингевоновъ и истевоновъ, были, какъ полагаютъ, лонгобарды и англы, обитавшіе: первые—на Эльбѣ, а потомъ въ бывшихъ земляхъ херусковъ (въ Гарцѣ), вторые же — возлѣ саксовъ, отъ праваго берега Эльбы къ востоку.

На югѣ Германіи были только переселенцы съ сѣвера, которые,

смѣшавшись съ многими коренными племенами, позже образовали нѣкоторые сильные союзы племенъ, какъ-то: квадовъ (т. е. злыхъ), маркоманновъ (т. е. пограничныхъ людей или жителей маркъ— пограничныхъ волостей или областей), происходившихъ отъ нихъ боіоаріевъ, гермундуровъ и др.

Первымъ появленіемъ германцовъ въ исторіи было нашествіе кимвровъ и тевтоновъ, въ концѣ II вѣка до Р. X. (113—101 г.г.), на Галлію и Италію, кончившееся пораженіемъ ихъ Маріемъ. Затѣмъ германцы не нападали болѣе на римскую республику, но уже были такъ грозны для римлянъ, что самъ Юлій Цезарь, два раза переходившій на правую сторону Рейна, не отважился углубиться въ Германію и утвердиться въ ней. Только при Августѣ Друзъ, Тиберій и Германикъ покорили часть западной при-рейнской и южной придунайской Германіи. Германъ или Арминій на время освободилъ первую, а Марбодъ во второй основалъ сильный союзъ маркоманновъ. Но до III вѣка по Р. X. римляне все еще нападали, болѣе или менѣе, на германцовъ; съ III же вѣка отношенія измѣнились и уже германцы начали все сильнѣе и сильнѣе нападать на римлянъ, прежде—на границахъ, а потомъ—все болѣе и далѣе внутри римской имперіи. Нѣкоторые воинственные и искусные императоры и полководцы римскіе полагали, но лишь на время, преграду нашествіямъ германцовъ, но затѣмъ они возобновлялись съ сугубою и непреодолимою силой и повели къ завоеванію Британніи, сѣверной Галліи и римской Германіи большими германскими военными союзами, въ главѣ которыхъ стояли саксы, франки и аллеманны, а Панноніи—вандалами и аланами. Наконецъ въ V вѣкѣ послѣдовало общее переселеніе народовъ изъ восточной Европы въ западную и изъ сѣверной въ южную—и тогда германцы, сами тѣснимые съ востока и сѣвера новыми пришельцами, неудержимо ворвались въ западную римскую имперію и завоевали всѣ владѣнія ея внѣ Италіи. Вандалы (см. ниже § 398) разорили южную Галлію, покорили Испанію и, изъ нея переправясь въ Африку, основали въ ней свое, новокарѳагенское государство (въ 427 г.). Вслѣдъ затѣмъ вестготы, подъ предводительствомъ конунга или короля своего Алариха, уже вторглись въ самую Италію, разграбили Римъ и, по слѣдамъ вандаловъ, пошли въ южную Галлію и Испанію. Наконецъ Одоакръ, король и вождь геруловъ и другихъ германскихъ и иноплеменныхъ варваровъ, окончательно разрушилъ остатки западной римской имперіи въ Италіи и на развалинахъ ея основалъ свое, новое Италійское королевство (въ 476 г.), которое 18 лѣтъ спустя (въ 494 г.) было въ свою очередь разрушено остготами подъ предводительствомъ своего короля Ѳеодорика.

Что касается общественнаго и военнаго быта германцовъ въ IV и V вѣкахъ по Р. Х., то онъ будетъ обстоятельно изображенъ въ своемъ мѣстѣ позже, въ то время, когда германцы уже основали свои, новыя государства на развалинахъ западной римской имперіи. Здѣсь же достаточно будетъ сказать только, что отъ продолжительнаго столкновенія и наконецъ слиянія германскаго міра, въ теченіи первыхъ 5-ти вѣковъ по Р. Х., съ римскимъ постепенно образовался, такъ сказать, переходный, смѣшанный міръ римско-германскій, въ которомъ много было уже римскаго, но еще болѣе оставалось германскаго, въ отношеніи какъ общественнаго, такъ и военнаго быта. Такъ, въ отношеніи собственно къ послѣднему, германскіе народы уже весьма многое заимствовали у римлянъ изъ военнаго устройства, вооруженія, строя и образа дѣйствій войскъ и вообще военнаго искуства ихъ, хотя и въ томъ состояніи упадка ихъ, которое было изображено выше, а изъ этого смѣшенія образовались въ западной Европѣ первыя начала новыхъ военныхъ устройства и искуства.

§ 396.

Г о т ѳ ы.

Готѳы или готы, готоны, гуттоны, гитоны (Gothi, Gothones, Guttones, Gythones), народъ германскаго племени, по свидѣтельству собственныхъ ихъ преданій и историковъ Кассіодора, Іорнанда и др., первоначально жили на берегахъ Вислы и Одера и на Скандинавскомъ полуостровѣ (гдѣ и понынѣ одна часть Швеціи называется Готландомъ или Готландіей). До временъ римскихъ императоровъ Антониновъ (96—180 г.г. по Р. Х.) они оставались въ этихъ первобытныхъ жилищахъ своихъ. Но вскорѣ послѣ того, какъ можно полагать съ достовѣрностью, готѳы въ первой половинѣ III вѣка начали передвигаться съ сѣвера Европы на югъ, къ нижнему Дунаю и сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря. Увлекая на своемъ пути другіе народы (преимущественно славянскаго племени, см. ниже § 401) они такъ усилились, что впервые появившись въ 215 г. на нижнемъ Дунаѣ, уже при Александрѣ Северѣ (222—235 г.г.) сдѣлались весьма опасными сосѣдями римской Дакіи. Поселившись въ плодородныхъ странахъ нынѣшней южной Россіи и питая непримиримую ненависть къ римлянамъ, начало которой преданія ихъ относятъ еще ко временамъ Одина, они начали и не переставали нападать на границы римскихъ дунайскихъ областей. Эти нападенія ихъ приняли особенно сильный и грозный характеръ при императорахъ Деціѣ, Галліенѣ

и Клавдіѣ II, и не только на сухомъ пути, но и на моряхъ Черномъ и Средиземномъ, пользуясь сосѣдствомъ съ ними и опытностью и искуствомъ своими въ морскомъ дѣлѣ, пріобрѣтенными еще на Балтійскомъ морѣ. Въ IV вѣкѣ они являются подъ различными названіями, вслѣдствіе раздѣленія своего на отрасли, именно: жившіе между Дономъ и Днѣстромъ—подъ названіемъ восточныхъ или остготоовъ, остроготтовъ или грейтунговъ, а жившіе между Днѣстромъ и Тейсою—западныхъ или вестготоовъ, визиготтовъ или терванговъ. Сверхъ того была еще одна отрасль ихъ подъ названіемъ мезоготоовъ, мезоготтовъ или малыхъ готоовъ, которые отличались отъ прочихъ своимъ просвѣщеніемъ и епископъ которыхъ Вульфила или Ульфила около 360 г. перевелъ Св. писаніе на готѳскій языкъ. Остготоы и вестготоы имѣли своихъ особенныхъ конунговъ или королей, которыхъ избирали, первые—изъ рода Амаловъ, а вторые—изъ рода Балтовъ. Въ такомъ состояніи раздѣльности они оставались до временъ остготоскаго короля Германриха, соединившаго въ половинѣ IV вѣка всѣ готоскія племена въ одну обширную и сильную монархію, на пространствѣ отъ Балтійскаго моря до Чернаго. Но нашествіе гунновъ (см. ниже § 402), подъ предводительствомъ Баламіра, въ 375 г., разрушивъ готоскую монархію Германриха, снова и уже навсегда отдѣлило остготоовъ отъ вестготоовъ. Первые, покоренные гуннами, вождемъ или королемъ ихъ Аттилою были увлечены въ нашествія его на Германію, Галлію и Италію (въ 445—453 г.г.). Паденіе государства Аттилы и гунновъ въ 453 г. возвратило остготоамъ независимость, они начали нападать на границы восточной римской имперіи и въ 473 г. принудили императора Леона или Льва I платить имъ дань и уступить пространныя земли на нижнемъ Дунаѣ. Въ послѣдствіи (въ 494 г.) знаменитый король ихъ Ѳеодорикъ I Великій переселился со всемъ своимъ народомъ въ Италію, которую отнялъ у короля ея Одоакра. Вестготоы же, по покореніи остготоовъ гуннами, удалились въ Карпатскія горы и получили отъ императора Валента позволеніе поселиться въ разоренной Мизіи. Но скоро Валентъ, раскаясь, что поторопился водворить ихъ въ предѣлахъ римской имперіи, не сталъ болѣе внимать жалобамъ ихъ на угнетавшихъ ихъ императорскихъ правителей и чиновниковъ, особенно во время страшнаго голода, свирѣпствовавшаго въ Мизіи. Тогда вестготоы, доведенные до отчаянія, возстали подъ предводительствомъ вождя своего Фритигерна, разорили Мизію и Ѳракію и въ кровопролитномъ сраженіи при Адріанополѣ въ 378 г. разбили Валента, который самъ палъ въ бою. Племянникъ его, западный императоръ Граціянъ назначилъ знаменитаго полководца своего, испанца Ѳеодосія, Августомъ и правителемъ

восточной части имперіи. Θеодосій смирилъ вестготθовъ, и съ тѣхъ поръ они составляли значительную часть войска римской имперіи. Но по смерти его они, подъ предводительствомъ короля своего Алариха, напали на Италію, взяли Римъ (въ 410 г.) и основали бы въ ней римско-германское государство, еслибы Аларихъ не умеръ. Зять его, Атаульфъ, вмѣсто того, двинулся въ южную Галлію и Испанію, но при Барселонѣ былъ убитъ (въ 415 г.). Преемники его, среди непрерывныхъ войнъ съ преждеприбывшими германцами и съ римлянами, основали въ южной Галліи и въ сѣверной Испаніи вестготθское королевство. Вскорѣ чрезмѣрное распространеніе его въ Галліи повело къ внутреннему ослабленію его, а послѣдованіе вестготθовъ аріянскому еретическому лжеученію сдѣлало ихъ ненавистными православнымъ потомкамъ римскихъ переселенцовъ, которые присоединились къ Риму противъ вестготθовъ-аріянъ. Однако, несмотря на то и на смуты и безпорядки отъ безпрестаннаго упраздненія престола и отъ борьбы политическихъ партій, королевство вестготθовъ въ первое столѣтіе своего существованія (въ V вѣкѣ) все болѣе и болѣе распространялось, особенно къ югу отъ Пиренеевъ, гдѣ свевы, аллеманны и вандалы были частью покорены вестготθами, частью же принуждены удалиться въ Африку. 5-й король ихъ, Эйрихъ (466—483 г.г.), послѣ совершеннаго паденія западной римской имперіи, сдѣлалъ новыя, еще бо́льшія завоеванія въ Галліи и Испаніи и далъ вестготθамъ, которые дотолѣ управлялись обычаями, письменные законы. А преемникъ его, Аларихъ II, собралъ законы и для римскихъ подданныхъ своихъ, извлеченные преимущественно изъ кодекса Θеодосія В.

§ 397.

Даки.

Дакія (Dacia) была страна, лежавшая къ сѣверу отъ нижняго Дуная и заключавшая въ себѣ нынѣшнія: Валахію, Молдавію, Бессарабію и Трансильванію. Она раздѣлялась на Рипейскую, Альпійскую и Среднюю. Въ ней обитало племя, которое называли то даками, то гетами; но, по свидѣтельству Страбона, даками называли собственно ту часть этого племени, которая жила на верхнемъ (или среднемъ) Дунаѣ, въ сосѣдствѣ съ германцами, гетами же — поколѣнія, обитавшія близъ Чернаго моря; тѣ и другіе говорили однимъ языкомъ. Новѣйшіе ученые полагали, что эти Getae, Henetae, Enetae были тѣ самые анты, ванды, венды или венеды, которые жи-

ли въ той же странѣ около VII вѣка и которые были словене или славяне, что̀ подтверждаютъ многія собственныя имена вождей, князей, городовъ, озеръ и рѣкъ въ странѣ даковъ и гетовъ. Такимъ образомъ аборигенами или коренными жителями при-дунайскихъ земель слѣдуетъ признать славянъ, которые подъ другимъ названіемъ были извѣстны грекамъ еще во времена Гомера (см. § 401). Но при этомъ слѣдуетъ допустить, что между ними жили также многія мелкія инородныя поколѣнія другихъ племенъ, особенно галльскаго или кельтійскаго, которые по временамъ усиливались и которыхъ римляне называли также даками и гетами по именамъ страны, ими обитаемой. Уже со временъ Домиціяна (81—96 г.г.) даки начали нападать на римскіе предѣлы и, подъ предводительствомъ храбраго царя и вождя своего Децебала, даже принудили Домиціяна платить имъ дань. Траянъ, напавъ на нихъ, не только освободилъ имперію отъ этой постыдной дани, но и принудилъ Децебала къ покорности (101—103 г.), по возстаніи же его потомъ, окончательно обратилъ Дакію въ римскую провинцію и основалъ въ ней римскія колоніи (105—106 г.г.), вслѣдствіе чего въ ней распространились и надолго утвердились нравы, обычаи и особенно языкъ римлянъ (послѣдній сохранился во многомъ и въ нынѣшнемъ языкѣ румыновъ, что̀ означаетъ римлянъ, подобно тому, какъ и страна ихъ на румынскомъ языкѣ называется Цара-Румыняска, т. е. terra romanesca или земля римская). При Маркѣ Аврелiѣ (161—180 г.г.) даковъ начали уже тѣснить съ сѣвера и востока бастарны, аланы и др. племена, въ свою очередь тѣснимыя народами сѣвера, особенно готѳами. Подъ ихъ напоромъ, даки съ своей стороны начали тѣснить римскіе предѣлы и вмѣстѣ съ сарматами вели частыя войны противъ римлянъ. Такъ продолжалось до 250 г., когда Дакію разорили и покорили готѳы, которымъ Авреліянъ потомъ (270 — 275 г.г.) уступилъ ее и она вошла въ составъ дунайскаго вестготѳскаго королевства (см. выше § 396 г.).

§ 398.

Вандалы.

Вандалы (Vandali, Vindili), народъ германскаго племени, подобно готѳамъ, но смѣшанный, кажется, съ вендами, венедами или словенами, первоначально обиталъ въ нынѣшней Лузаціи. Древніе римскіе писатели говорятъ о вандалахъ очень неопредѣлительно. Въ концѣ II вѣка нѣкоторыя племена вандаловъ явились союзниками римлянъ

вмѣстѣ съ маркоманнами и квадами, потомъ вели войны съ Авреліяномъ и Пробомъ, были побѣждены и частію истреблены, частію переселены въ Британнію. Сѣверовосточные же вандалы около 272 г. поселились въ нынѣшнихъ Трансильваніи и восточной Венгріи, но, вытѣсненные отсюда готѳами, получили отъ Константина В. позволеніе селиться въ Паннонiи, съ обязательствомъ только давать римлянамъ вспомогательныя войска. Въ 406 г. они покинули свои новыя жилища въ Паннонiи и, подъ предводительствомъ вождя своего Гундериха, двинулись на западъ, соединились на пути съ аланами и свевами и вступили въ Галлію. Разграбивъ и разоривъ Страсбургъ, Майнцъ и др. города, они разбили франковъ, въ 409 г. перешли черезъ Пиренеи и вторглись въ Испанію. Здѣсь они водворились въ нын. Галиціи, свевы—въ Старой Кастиліи, а аланы—въ Португалліи. Около 420 г. вандалы покорили алановъ и побѣдили свевовъ, но тѣснимые вестготѳами, подобно имъ переселившимися изъ Галліи, были принуждены удалиться въ южную, Бэтическую Испанію, названную въ послѣдствіи, по ихъ имени, Вандалузіей или Андалузіей. Королемъ ихъ тогда былъ храбрый и предпріимчивый Гензерихъ, братъ и преемникъ Гундериха. Призванный въ римскую провинцію Африку правителемъ ея, Бонифаціемъ, Гензерихъ переправился туда изъ Испаніи моремъ со всемъ своимъ народомъ. Но когда онъ прибылъ въ Африку, Бонифацій, примирившійся между тѣмъ съ императрицей Плацидіей, не хотѣлъ исполнить данныхъ имъ Гензериху обѣщаній и старался изгнать его изъ Африки силою оружія. Но Гензерихъ, раздраженный его вѣроломствомъ, разбилъ его и, при содѣйствіи туземныхъ жителей, постепенно покорилъ все сѣверное поморье Африки отъ Тангера до Триполи и основалъ новое карѳагенское государство, столицею котораго назначилъ Карѳагенъ. Вскорѣ онъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Сицилію, Сардинію, Корсику, Маіорку и Минорку; флотъ его господствовалъ въ западной части Средиземнаго моря, распространялъ на ней ужасъ, грабилъ берега Италіи и въ 455 г. даже Римъ былъ взятъ и разграбленъ вандалами. Въ 477 г. Гензерихъ умеръ, и вскорѣ затѣмъ государство, основанное имъ, стало клониться къ упадку, ускоренному еще тѣмъ, что, по завѣщанію Гензериха, престолъ всегда долженъ былъ принадлежать старшему въ родѣ. 57 лѣтъ спустя — въ 534 г. Велисарій, полководецъ Юстиніяна, положилъ конецъ царству вандаловъ въ Африкѣ, существовавшему 105 лѣтъ.

§ 399.

Скиѳы.

Подобно тому, какъ выше (§§ 350 и 395) были приведены древнія и новѣйшія свѣдѣнія о германцахъ, обитавшихъ отъ Рейна на востокъ и отъ Дуная до Сѣвернаго моря, такъ здѣсь теперь слѣдуетъ привести такого же рода свѣдѣнія о народахъ, обитавшихъ къ востоку отъ германцовъ, въ восточной Европѣ, отъ Балтійскаго моря до Чернаго, и прежде всего о скиѳахъ и сарматахъ — древнѣйшихъ обитателяхъ этихъ странъ.

Скиѳіею древніе греки называли сначала всю нынѣшнюю южную Россію, а въ послѣдствіи распространили это названіе на всю восточную Европу до самаго сѣвера. Геродотово описаніе Скиѳіи было предметомъ изслѣдованія для многихъ европейскихъ ученыхъ послѣднихъ трехъ столѣтій; но вполнѣ удовлетворительно объяснить его наконецъ удалось только двумъ новѣйшимъ ученымъ: Линднеру (Lindner: Skythien und die Skythen des Herodot, und seine Ausleger, Stuttgart 1841) и Надеждину (въ «Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ», т. I, 1844). Изъ ихъ изслѣдованій оказывается слѣдующее:

Скиѳія, по понятіямъ грековъ, образовала четыреугольникъ отъ устьевъ Истра (Дуная) до торжища Кримны (около нын. Бердянска), слѣдовательно заключала въ себѣ нынѣшнія: Таврическую и Херсонскую губерніи, Бессарабскую область, часть губерній Екатеринославской, Подольской и Кіевской, почти всю Молдавію, Буковину и Коломійскій округъ въ западной Галиціи. Обитатели береговъ Танаиса (Дона) назывались уже не скиѳами, а савроматами (см. ниже сарматы), хотя и сходствовали языкомъ съ скиѳами. Обитатели же южнаго берега нын. Крыма назывались таврами и сообщили этому полуострову названіе Тавриды.

Скиѳію греки раздѣляли на Большую и Малую. Въ первой рѣки назывались: Напарисъ — Быстрица, Араросъ — Молдава, Тіарантосъ — Серетъ, Ордессосъ — Бырладъ, Парата — Прутъ, Тирасъ — Днѣстръ, Ипаписъ — Тилигулъ (и Бугъ), Пантикапесъ — Ингулъ, Ипакирисъ — Ингулецъ, Эрросъ — Бузулукъ, Борисѳенъ — Днѣпръ. Малою же Скиѳіею называлась страна отъ низовьевъ Днѣпра на юговостокъ и полуостровъ Таврида.

Обитателями малой Скиѳіи были скиѳы царственные (Βαςιλῖοι), близъ Днѣпровскаго лимана, мѣстопребыванія скиѳскихъ царей.

Мѣсто ниже Днѣпровскихъ пороговъ — землю яровъ—греки называли Герры или Эрры: оно было кладбищемъ скиѳскихъ царей. Страну между Эрросомъ (Бузулукомъ) и Пантикапесомъ (Ингуломъ) занимали скиѳы кочующіе (Νομάδες; ихъ землями начиналась съ востока Великая или Главная Скиѳія. Страна къ западу отъ Днѣпра, отъ лимана до устья Бузулука, называлась Гилеей, т. е. землею Древянскою. Между Ипанисомъ и Пантикапесомъ жили скиѳы земледѣльческіе (Γεῶργοι) или поляне, южныя племена которыхъ назывались борисѳенитами, а греческіе поселенцы этихъ мѣстъ — ольвіополитами, по имени города Ольвіи на правомъ берегу Буга, близъ впаденія его въ Днѣпровскій лиманъ. Обитатели страны между Ипанисомъ и Тирасомъ (Бугомъ и Днѣстромъ) славились коневодствомъ, почему и назывались у грековъ прекрасноконными (Καλλιπίδαι), сосѣди ихъ съ сѣвера между Бугомъ и Днѣстромъ — бродниками (Αλαζῶνες), а жители береговъ Тираса (Днѣстра) — тиритами. Гранитная гряда, идущая отъ Карпатовъ въ глубину нынѣшнихъ степей, прорѣзывала сѣверную часть земель бродниковъ и тиритовъ и называлась Эксампеосъ (священные пути). Далѣе къ западу отъ Днѣстра до крайнихъ границъ Великой Скиѳіи страна была мало извѣстна Геродоту. Югозападнымъ предѣломъ Великой Скиѳіи были: торжище истрійское при устьѣ Истра (Дуная, близъ нын. Кюстенджи) и земли придунайскихъ гетовъ (см. § 397), а сѣверозападнымъ — горный хребетъ Карпатовъ, которые у древнѣйшихъ греческихъ писателей назывались Рипами, Рипеями или Рифеями. Страны, лежавшія за ними къ сѣверу, были почти неизвѣстны грекамъ, а жители ихъ фантазіей грековъ превращены въ агаѳирсовъ (золотоносныхъ — рудокоповъ), грифовъ (хранителей золота), одноглазыхъ аримаспевъ, плѣшивыхъ отъ рожденія аргипеевъ, далѣе — исседоновъ и на крайнемъ сѣверѣ — иперборэевъ (блаженнѣйшихъ, будто бы, смертныхъ въ мірѣ) и т. п. вымыслы.

Изъ внутренней Скиѳіи, незадолго до Геродота, невры или нуры (кудесники, зимою превращавшіеся, будто бы, въ волковъ, т. е. носившіе волчьи шубы) поднялись вверхъ по Днѣпру на сѣверозападъ и поселились въ земляхъ будиновъ (на сѣверномъ краю Подольской губерніи). На сѣверозападъ отъ нихъ греки поселяли ѳиссагетовъ и ирковъ или иврковъ, промышлявшихъ звѣриною ловлей въ лѣсахъ нынѣшнихъ сѣверозападной Волыни и сѣверовосточной Галиціи. Изъ пустыни ѳиссагетской Геродотъ выводитъ рѣки, изливавшіяся въ Будинское озеро (Пинскія болота): западный Танаисъ (Припять), Сиргисъ (Стырь), Оаросъ (Горынь) и Ликосъ (Случь). Сосѣди ѳиссагетовъ съ сѣверозапада — невры имѣли

къ востоку отъ себя сосѣдями андрофаговъ (людоѣдовъ), которые жили въ нын. Кіевской губерніи по р. Роси, къ сѣверу отъ скиѳовъ-земледѣльцовъ (полянъ). А земли андрофаговъ Днѣпръ отдѣлялъ отъ земель меланхленовъ (черноплатяныхъ или носившихъ черную одежду). Далѣе на сѣверъ отъ этихъ племенъ Геродотъ помѣщаетъ обширную страну большаго, многочисленнаго народа будиновъ, съ голубыми глазами и свѣтлорусыми волосами. Въ странѣ будиновъ жили также, по Геродоту, гелоны — потомки греческихъ черноморскихъ поселенцовъ, удалившіеся сюда въ деревянный городъ Гелонъ (стоявшій на мѣстѣ нын. Кіева).

Разумѣется, что всѣ изчисленныя выше названія были не племенныя скиѳскія, а данныя греками по внѣшнимъ признакамъ туземцовъ, безъ всякаго этнографическаго различія между послѣдними. Когда же позже Александръ В. проникъ до Яксарта и встрѣтилъ тамъ скиѳовъ (сарматскихъ алановъ, см. ниже), то греки начали увѣрять, будто достигли Танаиса (Дона) и Скиѳіи. Отъ того у греческихъ писателей вошло въ употребленіе названіе Азіятской Скиѳіи, которымъ они начали называть нынѣшній Туркестанъ. Позже Страбонъ, современникъ Августа, знаетъ уже только одну Скиѳію — въ Азіи, а европейская уже называется у него Сарматіей. Съ этого времени греки и римляне начали называть коренныхъ туземцовъ (аборигеновъ) нынѣшней Россіи: южной (скиѳской), донской (сарматской) и сѣверной (будинской) — безразлично то скиѳами, то сарматами. По мѣрѣ распространенія между греками и римлянами географическихъ свѣдѣній о Германіи и восточной Европѣ, прежніе Рипеи или Рифеи были постепенно отодвигаемы къ востоку, къ Рифейскому (Уральскому) горному хребту, а гипербореи — къ самому Сѣверному морю. Послѣ паденія западной римской имперіи, латинскіе писатели среднихъ вѣковъ называли восточную Европу до р. Дона Европейскою Скиѳіею, а страну отъ Дона на востокъ — Азіятскою. Византійскіе же лѣтописцы называли нынѣшнюю Европейскую Россію — вообще Скиѳіей, а принадлежавшее византійской имперіи болгарское поморье Добричь (Добруджу), отъ Манкале (Мангаліи) до устьевъ Дуная — Малою Скиѳіей.

Такова древняя греческая и римская географія Скиѳіи, заслуживающая особеннаго вниманія по отношенію къ дѣйствительной географіи ея въ первые пять вѣковъ по Р. Х. и въ послѣдующіе четыре, какъ означено будетъ ниже.

Не менѣе того, въ томъ же отношеніи, заслуживаетъ вниманія и древняя этнографія Скиѳіи. Древніе греческіе и римскіе писатели описываютъ скиѳовъ народомъ высокорослымъ и русоволосымъ, а языкъ ихъ — сходнымъ съ языкомъ донскихъ сарматовъ и дунай-

скихъ гетовъ и даковъ. О миѳологіи скиѳовъ извѣстно очень мало. Величайшею почестью пользовался у нихъ Яръ (Ares)—богъ войны, которому они поклонялись въ образѣ священнаго меча. Какъ у народа воинственнаго и вмѣстѣ земледѣльческаго, предметами религіознаго почитанія у скиѳовъ были священные: плугъ, ярмо и копье, ниспосланные имъ небомъ; они тщательно хранились царями и ежегодно выносились народу для поклоненія. Могилы царей въ землѣ яровъ (или днѣпровскихъ пороговъ) также считались священными. На могилѣ умершаго царя умерщвляли женъ его, нѣсколько высшихъ сановниковъ, множество слугъ и коней, и все это, вмѣстѣ съ оружіемъ царя, торжественно зарывалось въ царскомъ курганѣ. А въ годовщину смерти царя, на могилѣ его совершалась еще такая же кровавая тризна.

Какъ обитатели обширныхъ степей, скиѳы славились скотоводствомъ и коневодствомъ, были отличными всадниками и войну вели и сражались на коняхъ. Оружіемъ ихъ были сѣкиры, мечи, кинжалы и луки съ выдававшимися впередъ концами, чѣмъ они и отличались отъ луковъ у другихъ народовъ. Они были отличные стрѣлки изъ лука съ коня, на всемъ скаку и во всѣ стороны. Образъ веденія ими войны и дѣйствій въ бою лучше всего усматривается изъ описанія похода противъ нихъ Дарія Гистаспа (см. ч. I В. В. И. древнихъ временъ, гл. V, § 35, стр. 103—106). Убитымъ непріятелямъ скиѳы отрубали головы и сдирали съ послѣднихъ кожу съ волосами; кто послѣ боя не представлялъ непріятельскаго черепа, тотъ лишался участія въ добычѣ. Заключеніе мира закрѣплялось кровавою клятвой: скиѳы вливали въ чашу кровь изъ своей руки и, оросивъ ею свое оружіе, выпивали ее. Одежда ихъ отличалась отъ одежды другихъ народовъ тѣмъ, что состояла изъ туники или кафтана съ рукавами, саги или малаго плаща (бурки) и широкаго исподняго платья изъ домашняго холста или и изъ греческихъ тканей. Какъ кажется, скиѳы брили голову, исключая волосъ на вершинѣ ея (въ родѣ чуба у малороссовъ).

Не смотря на свою необразованность, скиѳы отличались честностью и простотою нравовъ. За преступленіе отца семейства отвѣчалъ весь родъ его; дѣтей преступника мужескаго пола предавали смерти, дабы они не были подобны отцу. Греки пытались, но безуспѣшно, ввести между скиѳами свою цивилизацію, посредствомъ браковъ скиѳскихъ князей съ гречанками. Въ VI вѣкѣ передъ Р. Х. одинъ скиѳскій царевичъ Анахарсисъ плѣнился греческою образованностью, поѣхалъ въ Аѳины, учился тамъ у Солона, получилъ отъ грековъ названіе мудреца и, воротясь на родину, началъ вводить греческое поклоненіе кумирамъ. Но какъ религія грековъ придавала

богамъ ихъ нарушеніе цѣломудрія, то скиѳы и умертвили нововводителя Анахарсиса. Впрочемъ они не чуждались истинно-полезныхъ плодовъ гражданственности. Письменное искуство было извѣстно имъ и сношенія ихъ съ персами производились на письмѣ.

Военная исторія ихъ представляетъ два особенно великія событія, засвидѣтельствованныя Геродотомъ и Ктезіемъ: 1) нашествіе на Малую Азію въ VII вѣкѣ передъ Р. Х. и 2) походъ Дарія Гистаспа въ Скиѳію въ VI вѣкѣ (см. выше).

Первое заключалось въ томъ, что скиѳскій царь Матьяшъ, сынъ Противоя, въ VII вѣкѣ двинулся съ многочисленнымъ войскомъ чрезъ Кавказскій горный хребетъ въ Верхнюю Азію, во владѣнія царя Мидіи Ціаксара (624—585 г.г.), разорилъ ихъ, прошелъ побѣдителемъ чрезъ всю Малую Азію, Сирію и Палестину до Египта, и цари Мидіи и Фригіи обязались платить ему дань. Господство скиѳовъ въ Азіи продолжалось 28 лѣтъ. Наконецъ Ціаксаръ, никакъ не успѣвъ освободиться отъ скиѳовъ силою оружія, избавился отъ нихъ азіятскою коварностью: пригласивъ важнѣйшихъ скиѳовъ къ себѣ на пиръ и упоивъ ихъ виномъ, всѣхъ избилъ; остальные частію были также избиты, частію удалились за Кавказъ въ свои земли *).

§ 400.

Сарматы.

Сарматами или савроматами позднѣйшіе древніе греки называли жителей Сарматіи или Савроматіи — нынѣшней Россіи по обѣимъ сторонамъ Дона. По мѣрѣ распространенія между греками и римлянами свѣдѣній о востокѣ и сѣверѣ Европы, имя савроматовъ распространялось сначала, по однородству, на будиновъ и другихъ обитателей восточной Европы, а потомъ, по одноплеменности, на балтійскихъ венедовъ (см. ниже), такъ что самое Балтійское море было названо Сарматскимъ, а съ другой стороны — до хребта Карпатовъ. Такое обширное употребленіе этого имени встрѣчается у римскихъ историковъ и географовъ, которые сокращенно писали Sarmatae. Земли сѣверовосточной Европы они назвали Европейскою Сарматіей, а страны между Дономъ и Волгой — Азіятскою Сарматіей. Жители послѣдней раздѣлялись на

*) Н. В. Савельева-Ростиславича: Скиѳія и Скиѳы, Воен. Энцикл. Лексиконъ, т. XI, 1856.

нѣсколько племенъ, а сами себя называли разными именами. Извѣстнѣйшими изъ нихъ были аланы и роксаланы.

Аланы (Alani) жили на восточной или лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ нын. южной Россіи, и раздѣлялись на многія племена. За 40 лѣтъ до Р. Х. гунны оттѣснили ихъ до Меотійскаго (Азовскаго) моря, а нѣкоторые изъ нихъ зашли даже на Кавказъ, гдѣ были извѣстны подъ своимъ именемъ еще въ средніе вѣки. Аланы были искусные и неутомимые наѣздники, любили войну, и смерть въ бою считали большою честью. Кавказскіе аланы именно вторглись при Веспасіянѣ въ Мидію и Арменію, такъ что пареянскій царь Вологезъ былъ принужденъ искать помощи римлянъ противъ нихъ. При Гордіянѣ аланы вторглись въ Македонію, въ 406 г. перешли отъ Дуная къ Рейну, присоединились тамъ къ свевамъ и вандаламъ, разорили Галлію, а въ 409 г. многіе изъ нихъ, подъ предводительствомъ Батака, перешли въ Испанію и поселились тамъ въ нын. Португалліи. Около 420 г. они были покорены переселившимися съ ними вандалами, а потомъ вестготеами Гензериха, по удаленіи же послѣднихъ въ Африку, покорились императору Гонорію. Въ 451 г. они являются союзниками Аттилы, а въ 464 г. были разбиты въ Италіи, близъ Бергамо, Рицимеромъ, зятемъ императора Анеимія: вождь ихъ Біоръ былъ убитъ, а они почти совершенно истреблены.

Роксаланами (Roxalani) греческіе и римскіе писатели называли обитателей донской и днѣпровской аланей или обширныхъ и тучныхъ пастбищъ, удобныхъ для пастьбы многочисленныхъ табуновъ коней. Имя роксаланъ впервые упоминается около 94 г. передъ Р. Х., какъ названіе того же самаго народа, который у другихъ писателей назывался танаисскими (донскими) савроматами или сарматами (см. выше). Роксаланы между Дономъ и Днѣпромъ были покорены Діофантомъ, полководцемъ понтійскаго царя Митридата Евпатора, но по смерти послѣдняго снова являются независимымъ и сильнымъ народомъ. Въ I вѣкѣ по Р. Х. они часто воевали съ римлянами и вторгались въ Мэзію. Римскій историкъ Спарціянъ (Spartianus) говоритъ, что императоръ Адріянъ (117—138 г.г.) велъ переговоры съ царемъ роксалановъ Распарасаномъ объ уменьшеніи дани, платимой ему римлянами, и когда эти переговоры привели къ успѣху, то воздвигнулъ въ полѣ статую въ честь этого царя, присоединивъ къ его имени свое и назвавъ его P. Aelius Rasparasanus. Позже, послѣ появленія готеовъ на Черноморьѣ, имя побѣжденныхъ ими роксаланъ упоминается уже все рѣже, а въ V вѣкѣ и совсѣмъ изчезаетъ. Другая отрасль роксалановъ является гораздо позже при устьяхъ Вислы.

Языкъ сарматовъ признавался сходнымъ съ иллирійскимъ (позднѣйшими болгарскимъ и сербскимъ), а коренными жилищами ихъ считали земли отъ Дона до Біарміи (Перми), Литвы и Польши, послѣ чего уже очевидна ошибка тѣхъ писателей XVIII и XIX вѣковъ, которые называли Польшу Сарматіей, а поляковъ — сарматами.

Сарматы, подобно скиѳамъ, поклонялись богу войны въ образѣ священнаго меча, въ жертву ему убивали коней, лѣто проводили въ полѣ, а зимою жили въ землянкахъ. Правители ихъ назывались царями и князьями, а верховный царь носилъ званіе господина (Spadines); старѣйшинами же и судьями были витязи, прославившіеся на войнѣ. Войско у сарматовъ всегда было многочисленное: такъ, по свидѣтельству Страбона, сираки или угры, сарматское племя, дали босфорскому царю въ помощь 20 т., а господинъ—царь аорсовъ, другаго племени сарматовъ — 200 т. чел. конницы, которая вообще составляла главную силу сарматскаго войска. Она дѣйствовала преимущественно набѣгами, производила неимовѣрно быстрые и дальніе походы и сражалась луками и стрѣлами, намазанными ядомъ, длинными копьями, мечами и кинжалами. Щитовъ сарматы не употребляли, а латы и шлемы дѣлали изъ звѣриныхъ шкуръ или изъ роговъ и лошадиныхъ копытъ, искусно сложенныхъ на подобіе чешуи. Они съ раннихъ лѣтъ привыкали къ верховой ѣздѣ и военному дѣлу, и даже женщины ихъ сражались въ бою на коняхъ. Одежду у сарматовъ составляли: широкое исподнее платье (шаравары) ниже колѣнъ и длинный плащъ безъ рукавовъ, застегнутый на плечѣ—носимые на голомъ тѣлѣ; зимою же — кафтаны съ рукавами, изъ звѣриныхъ шкуръ, и наголовники (капюшоны), покрывавшіе голову и лицо, кромѣ глазъ. Сарматы были высокорослы, крѣпки и сильны тѣломъ, красивы, съ бѣлокурыми волосами и большими голубыми глазами, которые, по свидѣтельству Амміяна Марцеллина, метали грозный взоръ.

Всегдашними занятіями ихъ были звѣриная охота и война, а главными источниками доходовъ—дань съ сосѣднихъ народовъ, ежегодные денежные дары римскихъ императоровъ и грабежъ задунайскихъ и закавказскихъ странъ. Сарматы увлекали плѣнниковъ на арканахъ и только за деньги возвращали имъ свободу. Вольныя дружины донскихъ бродниковъ нанимались на службу къ европейскимъ и азіятскимъ народамъ, а въ качествѣ союзниковъ дѣйствовали въ передовыхъ войскахъ римскихъ, въ Европѣ и Азіи, и персидскихъ (въ послѣдствіи же греческихъ и даже аравійскихъ и монголо-татарскихъ). Безъ нихъ не начинался бой и не рѣшалась побѣда, почему Амміянъ Марцеллинъ справедливо писалъ въ IV вѣкѣ: «Аланами усѣяно

все пространство отъ Балтійскаго моря до Азійскихъ путей и до Ганга».

Въ событіяхъ историческаго міра сарматы принимали видное участіе, начиная съ 94 г. передъ Р. Х., когда понтійскій царь Митридатъ IV Евпаторъ съ многочисленнымъ войскомъ вступилъ въ земли ихъ и скиѳовъ и разбилъ царя ихъ Таша. Но вскорѣ послѣ смерти Митридата, сарматы снова являются господствующимъ народомъ между Днѣпромъ и Дунаемъ, откуда и начали нападать на римскіе предѣлы въ Европѣ и Азіи. Побѣда, одержанная надъ ними въ 15 г. до Р. Х. Азиніемъ Галломъ, не удержала ихъ отъ участія въ войнѣ противъ римлянъ на Дунаѣ и за нимъ, вмѣстѣ съ гетами и другими единоплеменными народами, обитавшими между Днѣпромъ и Дунаемъ. Въ 69 г. при Отонѣ они вторглись въ Мизію, но были изгнаны изъ нея легатомъ Апоніемъ. При Веспасіянѣ (69—79 г.г.) они въ одно и тоже время производили нашествія въ Европѣ за Дунай и въ Азіи за Кавказъ, гдѣ разоряли Мидію, такъ что персидскій царь просилъ у Веспасіяна помощи противъ нихъ. При Домиціянѣ (81—96 г.г.) они дѣятельно помогали дакамъ въ войнѣ ихъ съ римлянами, и хотя въ 85 г. были разбиты римскимъ легатомъ Юліяномъ, однако война кончилась тѣмъ, что Домиціянъ обязался платить дакамъ и сарматамъ ежегодную дань. Траянъ, покоривъ даковъ (101—106 г.г.), оттѣснилъ сарматовъ къ Днѣстру и укрѣпилъ его сильнымъ военнымъ поселеніемъ. Адріанъ (117—138 г.г.), по причинѣ продолжавшихся частыхъ вторженій сарматовъ въ Дакію, хотѣлъ-было даже совсѣмъ покинуть эту страну и только деньгами склонилъ сарматовъ къ миру. Но при Маркѣ Авреліѣ (161—180 г.г.) они приняли участіе въ войнѣ маркоманновъ противъ римлянъ, и Маркъ Аврелій, побѣдивъ ихъ, выбилъ медаль, на которой назвалъ себя побѣдителемъ сарматовъ. Но могущество ихъ нимало не было сокрушено тѣмъ, а слова миръ и покой не имѣли у нихъ, по свидѣтельству римлянъ, никакого значенія. Послѣ Марка Аврелія, римскіе императоры были принуждены очень часто воевать съ ними. При Авреліянѣ (270—275 г.г.) они, вмѣстѣ съ готѳами, освободили Дакію и принудили Авреліяна переселить изъ нея римскихъ поселенцовъ въ Мизію. Скоро все Карпатское Угорье и Потисье (земли по р. Тисѣ или Тейсѣ) перешли во власть сарматовъ, противъ которыхъ въ 294 г. и вооружился Діоклитіянъ, почему закарпатскія туземныя племена (Carpiani) стали называться Sarmatae servi, въ отличіе отъ повелителей ихъ—Sarmatae liberi jasyges. Нашествіе готѳовъ и утвержденіе ихъ въ странахъ днѣпровскихъ (см. выше § 396) прервало связь между дунайскими и донскими сарматами, такъ что первые уже не могли получать подкрѣпленій отъ

послѣднихъ. Константинъ В. (306—337 г.г.) воспользовался этимъ, побѣдилъ дунайскихъ сарматовъ и принудилъ ихъ и готѳовъ просить мира и выдать заложниковъ. Но вскорѣ въ задунайскихъ земляхъ произошли новыя волненія: сарматы подъ-угорскіе, подвластные (Sarmatae servi, limigantes) въ 334 г. возстали противъ сарматовъ дунайскихъ, свободныхъ (Sarmatae liberi, arcaragantes) и принудили ихъ удалиться частію къ квадамъ (въ нын. Богемію), частію въ римскіе предѣлы, гдѣ они и вступили, въ числѣ до 300 т. чел., въ римскую службу. Константинъ В. поручилъ имъ охраненіе дунайскихъ границъ, которыя и прикрылъ крѣпостями: Дистрой или Доростоломъ (Силистрія), Констанціей (Кюстенджи), Плесковомъ и Мегалополемъ или Великою Преславой. Констанцій воевалъ съ ними въ 357—358 г. г. При Валентѣ (364—378 г.г.), когда принятые въ римскія владѣнія готѳы возстали противъ римлянъ и призвали на помощь алановъ, то и сарматы также вторглись въ Мизію, однако были вытѣснены изъ нея преемникомъ Валента, Ѳеодосіемъ I (379 г.). Наконецъ въ V вѣкѣ дунайскіе сарматы продолжали постоянно воевать то за римлянъ, то противъ нихъ, и въ это время съ славой упоминаются вожди ихъ: Бугай или Вида или Венда, и Бабай, которые покорили было Сингидунъ (Singidunum, нынѣ Бѣлградъ), но вскорѣ потомъ сами были разбиты готѳами.

А между тѣмъ многочисленные и воинственные донскіе сарматы, соединясь съ гуннами (см. ниже § 402), образовали могущественную державу Хазарскую или Козарскую, владычество которой распространилось на все сѣверное Черноморье съ Тавридой и на многія страны Кавказа.

§ 401.

Словене или Славяне.

Таковы были географія, этнографія и исторія скиѳовъ и сарматовъ съ древнѣйшихъ, до-историческихъ временъ до паденія западной римской имперіи въ концѣ V вѣка—по сказаніямъ греческихъ и римскихъ историковъ и географовъ.

Но новѣйшая историческая критика подняла завѣсу этихъ полутемныхъ и полудостовѣрныхъ сказаній, скрывавшую историческую истину, и раскрыла послѣднюю въ совершенно иныхъ видѣ и свѣтѣ. На основаніи ея изслѣдованій, съ несомнѣнною достовѣрностью оказалось: 1) что если на пространствѣ западной Европы между Рейномъ, Дунаемъ и Сѣвернымъ моремъ обитало множество народовъ одного

общаго всѣмъ имъ германскаго племени, въ пять вѣковъ постоянной борьбы съ Римомъ сокрушившихъ наконецъ его и западную часть его имперіи, то на пространствѣ еще большемъ, въ восточной Европѣ, отъ Вислы и даже Одера на востокъ и отъ Балтійскаго моря до Чернаго, въ тоже время обитало едва-ли не еще большее множество народовъ, также одного общаго имъ всѣмъ, но совершенно инаго, нежели германское, племени, еще не имѣвшихъ одного общаго имени, но почти въ одинаковой съ германцами мѣрѣ участвовавшихъ въ разрушеніи западной римской имперіи и въ основаніи на развалинахъ ея новыхъ государствъ,— и 2) что хотя эти одноплеменные народы восточной Европы еще не имѣли одного, общаго имъ всѣмъ, нарицательнаго имени, но что народы, извѣстные грекамъ и римлянамъ подъ названіемъ скиѳовъ и сарматовъ, со всѣми ихъ племенными подраздѣленіями, вообще были предками и родоначальниками того многочисленнаго, однороднаго племени, которое впослѣдствіи, съ VI вѣка по Р. Х., является на историческомъ поприщѣ уже подъ собственнымъ, общимъ нарицательнымъ прозваніемъ словенъ, а въ новѣйшія времена извѣстно подъ такимъ же названіемъ славянъ!

И такъ, хотя исторія словенъ или славянъ собственно начинается съ VI вѣка, но исторія предковъ и родоначальниковъ ихъ, скиѳовъ и сарматовъ, какъ политическая, такъ и военная, начинается гораздо ранѣе и въ первые пять вѣковъ по Р. Х. пріобрѣтаетъ особенную важность, по отношенію какъ къ разрушенію западной римской имперіи сѣверными народами, такъ и къ послѣдующей затѣмъ исторіи словенъ или славянъ и всего славянскаго міра. Поэтому, изобразивъ ее вкратцѣ по сказаніямъ греческихъ и римскихъ историковъ, изобразимъ ее здѣсь также вкратцѣ на основаніи послѣднихъ выводовъ новѣйшей исторической критики. При этомъ, въ избѣжаніе повтореній и недоразумѣній, означенные выше однородные народы восточной Европы будемъ уже называть позднѣйшимъ, общимъ имъ, собирательнымъ именемъ славянъ, хотя оно есть собственно книжное, а не настоящее. Въ древности оно произносилось и писалось словене, словени — отъ слова, а не отъ славы, и принадлежало собственно дунайскимъ племенамъ этого народа. Древніе греческіе и римскіе писатели переводили его словомъ Rheti, отъ греческ. rheton — слово. Когда же дунайскіе словене были покорены римлянами, то плѣнники ихъ, увлекаемые въ Италію въ рабство, стали прозываться по римски sclavi — рабы. Но, по мѣрѣ распространенія въ западной Европѣ географическихъ свѣдѣній о востокѣ и сѣверѣ Европы, названіе Sclavi, Sclavini,

Sthlavi, Sthlavini постепенно стало быть распространяемо греками и римлянами на всѣхъ народовъ восточной Европы, говорившихъ языкомъ, болѣе или менѣе одинаковымъ съ дунайскими словенами. Такимъ образомъ и составилось общее, собирательное имя Sclavi, Slavi. Но вообще должно сказать, что греки и римляне знали славянъ менѣе подъ ихъ собственными именами, нежели подъ различными своими, между которыми преобладающимъ въ IV и V вѣкахъ было имя венетовъ или венедовъ (Геродотовы генеты). Плиній и Тацитъ упоминаютъ о венедахъ, жившихъ около Вислы, а географъ Птолемей называетъ Балтійское море венедскимъ заливомъ. Именемъ венедовъ римляне называли обыкновенно балтійскихъ и адріатическихъ славянъ, изъ которыхъ первые были издавна знакомы имъ по торговлѣ янтаремъ, а послѣдніе прежде всѣхъ вошли въ ближайшія сношенія съ ними на югѣ. Сами же славяне имѣли различныя племенныя имена, а если и называли себя однимъ общимъ именемъ, то, какъ полагаютъ, вѣроятно сорабами или сербами.

Несомнѣнно то, что славяне принадлежали къ племени индо-европейскому или арійскому и, подобно германцамъ, пришли въ Европу изъ Азіи еще во времена до-историческія, но когда именно—опредѣлить невозможно. Напротивъ пространство земли (территорію), которое постоянно со временъ глубокой древности было заселено славянами въ восточной Европѣ, опредѣляютъ съ большею точностью. По разнымъ уважительнымъ причинамъ полагаютъ, что славяне ранѣе заселили югозападъ восточной Европы, нежели прочія части ея, а именно—страну Карпатскую или Подъ-Карпатскую, и отсюда уже разселились въ разныя страны: на сѣверъ — до Балтійскаго моря и на югъ—до Адріатическаго, вытѣсненные изъ карпатскихъ и дунайскихъ земель влахами или волохами, по инымъ — кельтами, или даками, или римлянами, и имя которыхъ иные производятъ отъ готскаго слова Wallen или отъ болгарскаго Wlach, означающихъ то и другое странниковъ или кочевниковъ. Переселившіеся на сѣверъ и сѣверовостокъ отъ карпатскихъ странъ умножили на Одерѣ, Вислѣ и Днѣпрѣ число обитавшихъ тамъ единоплеменниковъ своихъ или отняли земли у иноплеменниковъ, особенно финскихъ. Въ этихъ-то за-карпатскихъ странахъ, которыя греки и римляне называли вообще Скиѳіей и Сарматіей (см. выше) греческіе и римскіе писатели IV и V вѣковъ по Р. Х. знали уже нѣсколько племенъ венетовъ подъ именами будиновъ, сербовъ, хорватовъ, полянъ, велетовъ, словенъ, кривичей, сѣверянъ и др. Дальнѣйшему распространенію славянъ на востокъ помѣшало движеніе на западъ народовъ финскаго и тюркскаго племенъ, именно гунновъ и аваровъ или обровъ. Тѣснимые и въ послѣдствіи

*

покоренные ими, славяне отхлынули на западъ, въ свою очередь стали тѣснить обитавшія тамъ племена, особенно германскія, и распространяться до Эльбы и снова на юго-западъ, въ страны карпатскія и дунайскія.

Въ IV вѣкѣ по Р. Х. готы, какъ было означено выше (§ 396), двинувшись отъ Балтійскаго моря къ Черному, покорили обитавшія на этомъ пространствѣ славянскія и финскія племена и основали въ нынѣшней западной Россіи могущественное государство готское. По разрушеніи его въ 375 г. гуннами, послѣдніе, двинувшись въ Паннонію, увлекли за собою множество славянъ. Вообще переселеніе народовъ въ IV и V вѣкахъ по Р. Х. привело въ движеніе и славянскій міръ, и на югѣ, отъ Чернаго моря до Атлантическаго океана, съ германскими племенами смѣшались и многія славянскія (особенно аланы), а на западѣ послѣднія распространились до Эльбы и западныхъ богемскихъ горъ (Böhmerwald). Послѣ гунновъ, частью подвластныхъ имъ славянскихъ племенъ владѣли авары или обры, вслѣдъ за гуннами основавшіе также могущественное государство аварское. Съ конца V вѣка по Р. Х. на Дунаѣ являются болгары, часть многочисленнаго народа тюркскаго племени, господствовавшаго на берегахъ Волги и Камы и вслѣдствіе того значительно смѣшаннаго съ коренными, туземными, финскими племенами. Дунайскіе болгары основали свое государство между славянами въ Мизіи (нынѣшней Болгаріи). Этимъ и заканчиваются разныя переселенія славянъ до паденія западной римской имперіи, послѣ чего они являются уже въ исторіи подъ различными собственными своими именами, на пространствѣ отъ Лабы (Эльбы) и Салы (Заале) до истоковъ Волги, Двины и Днѣпра, и отъ Балтійскаго моря до Чернаго, что уже будетъ изложено позже въ своемъ мѣстѣ.

Здѣсь же слѣдуетъ привесть нѣсколько свѣдѣній объ общественномъ и военномъ бытѣ древнихъ славянъ до конца V вѣка.

Основою общественнаго быта славянъ въ отдаленныя времена былъ бытъ семейный, по однимъ — родовой, а по другимъ — общинно-семейный. Послѣднее воззрѣніе болѣе вѣроятно, потому что родъ у славянъ въ древности означалъ семью, хотя имѣются нѣкоторые намеки, что у нихъ было и нѣчто подобное родовому быту. Первоначальные роды-семьи жили въ разрозненности, на смягченіе которой вѣроятно дѣйствовалъ обычай умыканія или похищенія, выкупа или покупки и продажи невѣстъ, а также и раздѣлы по смерти отца—главы семьи. Семьею (домомъ, челядью) управлялъ глава ея—отецъ, а по смерти его, можетъ быть, ему наслѣдовалъ старшій сынъ, или, если онъ былъ несовершеннолѣтній либо его вовсе не было, домомъ или имуществомъ управляла вся семья сообща, вы-

бравъ себѣ изъ своего рода старшину или владыку.. Это повело со временемъ къ общности владѣнія домомъ или имуществомъ рода-семьи—всѣми членами ея сообща или—къ семейной общинѣ (по славянски вервь, задруга). Изъ такихъ семейныхъ общинъ потомъ вѣроятно образовались земельныя (территоріальныя). Отсюда производили понятіе, право и явленіе родовой мести въ родовыхъ распряхъ и платы виры (денежной сдѣлки). По мягкости нравовъ славянъ вообще, женщина у послѣднихъ пользовалась значительною долею свободы и независимости, имѣла свою отдѣльную собственность, и почти у каждаго славянскаго народа встрѣчаются женщины—правительницы. Оттого, не смотря на многоженство, союзъ семейный былъ крѣпокъ, нравы были чисты и преступленія противъ цѣломудрія наказывались строго.

Семейный бытъ, семейная община, съ общими: происхожденіемъ, сожительствомъ, землевладѣніемъ и судомъ, послужили основой и общественнаго быта славянъ въ древности. Нѣсколько семейныхъ общинъ, въ большемъ или меньшемъ числѣ, соединяясь въ одинъ союзъ, образовали волость съ выборнымъ старшиной подъ разными названіями. Въ центрѣ волости было городище (насыпь, огражденная землянымъ валомъ, со входомъ съ востока), служившее и для религіозныхъ обрядовъ, и для общихъ собраній (вѣча), и для суда и расправы. Въ послѣдствіи мѣсто городищъ заступили земляные и деревянные грады (или ограды) въ средоточіи волости, болѣе обширные, строившіеся всею волостью сообща.

Разрозненность волостей вела къ частымъ раздорамъ между ними и вообще между славянскими племенами — черта, замѣченная иноплеменными лѣтописцами (а въ послѣдствіи и славянскими) и подавшая поводъ къ выраженію славянская рознь. Имѣются нѣкоторыя довольно раннія указанія, что у иныхъ славянскихъ племенъ даже были цари, но этимъ указаніямъ нельзя вполнѣ вѣрить. Полагають, что государственная власть у славянъ съ ходомъ времени возникла не изъ власти племеннаго старѣйшины, а изъ другихъ условій, напримѣръ изъ власти вождя, переводившаго племя изъ однихъ земель въ другія, или изъ заложенія этой власти иноплеменными народами или вождями ихъ. Вообще же власть волостнаго или племеннаго старѣйшины была нѣкоторымъ образомъ неограниченная, но только доколѣ онъ былъ въ согласіи съ народомъ, а народъ довѣрялъ ему, любилъ и уважалъ его. Главнымъ призваніемъ и назначеніемъ старѣйшины было—судить между враждующими общинами. Весь родъ его имѣлъ право быть выбранымъ въ старѣйшины, а каждый членъ его—получать въ удѣлъ или надѣлъ участокъ земли (начало происхожденія позднѣйшихъ владѣтельныхъ удѣловъ).

Если же народъ не довѣрялъ, не любилъ и не уважалъ болѣе своего старѣйшину, то выбиралъ другаго, вообще выражая волю свою посредствомъ вѣча или народнаго собранія, которое искони существовало у всѣхъ славянскихъ племенъ. Власть вѣча, не ограничивая власти старѣйшины, была, такъ сказать, равномѣрна ей, доколѣ, какъ сказано, народъ вѣрилъ старѣйшинѣ. Послѣдній въ случаяхъ важныхъ самъ собиралъ вѣче, и дѣла на послѣднемъ рѣшались единогласіемъ, а не большинствомъ. Всѣ славяне были свободны и такъ любили свободу, что готовы были умереть за нее. Пріѣзжіе къ нимъ иноземцы также были свободны у нихъ; рабства же у славянъ не было, и военныхъ плѣнниковъ своихъ они держали у себя въ работахъ только опредѣленное время, по минованіи котораго плѣнники, заплативъ выкупъ, могли уйти къ себѣ или остаться между славянъ свободными и друзьями ихъ.

Съ такимъ общественнымъ бытомъ древнихъ славянъ былъ согласенъ и военный бытъ ихъ. Вопросы войны и мира рѣшало вѣче и по роду военныхъ предпріятій опредѣляло число вооруженныхъ людей для нихъ, въ случаяхъ менѣе важныхъ—менѣе, болѣе важныхъ—болѣе, а въ наиболѣе важныхъ или опасныхъ—и поголовное ополченіе всѣхъ взрослыхъ и способныхъ носить оружіе. Военнымъ вождемъ или предводителемъ вѣче избирало извѣстнѣйшаго умомъ, опытностью, мужествомъ, храбростью или военными подвигами своими. Ополченіе составлялось по-семейно и по общинно, подъ предводительствомъ ихъ старѣйшинъ. Вооруженіе и образъ веденія войны и военныхъ дѣйствій скиѳами и сарматами, изображенные выше, могутъ отчасти дать нѣкоторое понятіе о состояніи того же у древнихъ славянъ, но съ нѣкоторыми различіями въ III, IV и V вѣкахъ по Р. Х. Такъ сарматы и особенно скиѳы сражались почти исключительно на коняхъ, славяне же, напротивъ, пѣшими. Изъ нихъ южные, дунайскіе, отъ постоянныхъ, совмѣстныхъ, военныхъ дѣйствій съ германцами противъ римлянъ, безъ сомнѣнія, многое заимствовали у тѣхъ и другихъ въ вооруженіи и образѣ веденія войны и военныхъ дѣйствій, тѣмъ болѣе, что всегда, и прежде, и послѣ, всѣ славяне вообще были очень переимчивы. Воюя съ римлянами, южные славяне даже не могли не быть болѣе или менѣе хорошо вооружены, а часто побѣждая римлянъ и грабя города и поселенія ихъ, получали въ добычу много всякаго рода вооруженія ихъ. Нѣчто подобное можно, кажется, сказать и о сѣверныхъ, при-балтійскихъ славянахъ, которые, живя у моря и занимаясь морскою торговлей, часто подвергались нападеніямъ съ моря, на флотахъ, жителей сѣвернаго балтійскаго поморья (Скандинавіи), производившихъ морскіе разбои. Поэтому необходимость защиты сдѣлала ихъ воинственными, а тор-

говыя сношенія и богатство позволяли имъ имѣть хорошія: вооруженіе и военное устройство. Но тѣ славянскія племена, которыя жили и переходили съ мѣста на мѣсто на пространствѣ между южными и сѣверными славянами и между германцами и пришельцами изъ Азіи, вѣроятно уступали первымъ и вторымъ, не уступая однако ни третьимъ, ни четвертымъ въ вооруженіи и образѣ веденія войны и военныхъ дѣйствій. Но вообще слѣдуетъ сказать, что за исключеніемъ южныхъ славянъ и отчасти, можетъ быть, сѣверныхъ, всѣ прочіе между ними были скорѣе миролюбивый, нежели войнолюбивый, какъ германцы, народъ. Если они и воевали, то либо между собою, изъ-за славянской розни, о которой говорено выше, либо — въ IV и V вѣкахъ особенно—въ защиту дорогой имъ свободы и независимости противъ сильныхъ иноплеменныхъ народовъ—готѳовъ, гунновъ, аваровъ или обровъ.

Болѣе подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія, какъ объ общественномъ, такъ и о военномъ бытѣ славянъ въ послѣдующія времена—съ VI вѣка по Р. Х.—будутъ уже приведены въ своемъ мѣстѣ позже.

§ 402.

Гунны.

Гунны, въ концѣ IV вѣка по Р. Х. вторгнувшіеся изъ средней Азіи въ юговосточную Европу и силою оружія водворившіеся на пространствѣ между нижними Волгой и Дунаемъ, а въ V вѣкѣ образовавшіе, подъ властію вождя или царя своего, Аттилы, могущественное и грозное царство, едва не сокрушившее западной римской имперіи, были народъ, по инымъ финскаго, по большему же мнѣнію монгольскаго происхожденія. Современные историки описываютъ ихъ самыми мрачными красками: безобразный, отвратительный, звѣрскій видъ ихъ наводилъ ужасъ не только на грековъ и римлянъ, но даже и на европейскихъ варваровъ; необыкновенныя дикость, грубость и свирѣпость ихъ нравовъ увеличивали еще ужасъ, наводимый ихъ наружностью. Они вели жизнь кочевую, и общественное устройство ихъ было вполнѣ военное. Они раздѣлялись на множество отдѣльныхъ поколѣній или ордъ, подъ управленіемъ своихъ родовыхъ старѣйшинъ или правителей. Орды эти были одна отъ другой независимы, но соединялись въ большемъ или меньшемъ числѣ для большихъ нашествій, подобныхъ произведеннымъ ими на Китай и народы верхней Азіи и южной Европы. На войну гунны шли раздѣленные по ордамъ, поколѣніямъ и семьямъ, предводимымъ своими правителями,

родоначальниками или старѣйшинами, въ сопровожденіи женъ, дѣтей и стадъ своихъ. Изъ нихъ послѣднія и между ними особенно лошади составляли все ихъ богатство и главное средство для веденія войны и продовольствованія въ ней: питаясь мясомъ и молокомъ своихъ стадъ, гунны сражались всегда на коняхъ, малорослыхъ и некрасивыхъ, но крѣпкихъ, сносныхъ и чрезвычайно быстрыхъ на бѣгу, были отличными всадниками и наѣздниками и составляли превосходную легкую конницу. Одеждою ихъ были звѣриныя шкуры или грубыя ткани, а вооруженіемъ—копья, мечи, большіе луки и большія стрѣлы. Послѣдними они столько же искусно дѣйствовали съ коней, на всемъ скаку, взадъ и впередъ, сколько твердо и ловко ѣздили на коняхъ и управляли ими. Страшные и этимъ искуствомъ въ стрѣльбѣ и наѣздничествѣ, и умѣренностью въ пищѣ, и способностью терпѣливо переносить всѣ непогоды, труды и лишенія, и невѣроятною быстротою своихъ движеній, которыхъ не въ состояніи были удерживать ни высочайшія горы, ни глубочайшія рѣки, гунны были столько же страшны и въ бояхъ. Подобно всѣмъ восточнымъ и другимъ народамъ, сражавшимся на коняхъ, они, при встрѣчѣ съ непріятелемъ, немедленно производили на него стремительное и яростное нападеніе со всѣхъ сторонъ, стараясь сломить его однимъ ударомъ и подавить числительнымъ превосходствомъ силъ. Еслиже это не удавалось съ перваго раза, то они разсѣявались и, снова обращаясь назадъ, тревожили, утомляли, ослабляли непріятеля частными нападеніями и наконецъ довершали его пораженіе послѣднимъ, дружнымъ, рѣшительнымъ ударомъ. Сражались они всегда на равнинахъ, имѣя въ тылу за собою свои станы, огражденные многочисленными повозками, составлявшими ихъ обозы.

Таковы главныя черты, которыя имѣли гунны и въ первоначальныхъ, частныхъ набѣгахъ своихъ на восточную римскую имперію, и въ то время, когда, соединенные подъ единовластіемъ Аттилы, устремились на южную Германію, Галлію и Италію. Только число ихъ было значительно умножено сарматами и другими народами восточной Европы и германцами, силою или добровольно присоединенными къ нимъ, а военное устройство, данное имъ Аттилой, имѣло болѣе единства, твердости и даже правильности, нежели прежде. Оно держалось однако исключительно необыкновеннымъ нравственнымъ вліяніемъ Аттилы на подвластныя ему племена, заботливостью его о нихъ, щедростью къ нимъ и столь же необыкновенными взаимными любовью и уваженіемъ ихъ къ нему. По смерти его, союзъ или царство, имъ образованное, столь же скоро рушилось, сколь скоро и образовалось. Въ одеждѣ и вооруженіи гунновъ произошла уже большая перемѣна: обогащенные несмѣт-

ными сокровищами, добытыми войною, гунны одѣвались и вооружались уже гораздо лучше и богаче прежняго, а полководцы и знатнѣйшіе воины ихъ—даже съ роскошью, съ такимъ же богатствомъ украшая и конскія сбруи лошадей своихъ. Впрочемъ они по прежнему сражались исключительно на коняхъ и образъ дѣйствій ихъ въ бояхъ былъ подобенъ прежнему. Въ жестокой и кровопролитной битвѣ на поляхъ Каталаунскихъ (въ Шампаніи), въ 451 г., Аттила съ храбрыми и вѣрными своими гуннами занималъ средину боеваго порядка своей арміи, имѣя по обѣимъ сторонамъ войска подвластныхъ ему гепидовъ, остготовъ, ругіевъ, гелоновъ, скирровъ, бургундовъ, беллонотовъ, невровъ, бастарновъ, турииговъ и другихъ германскихъ и сарматскихъ (славянскихъ) племенъ. Битва началась сильными: стрѣльбою изъ луковъ и метаніемъ дротиковъ, причемъ со стороны Аттилы особенно искусно дѣйствовали скиѳы (славяне). Затѣмъ конница и пѣхота съ обѣихъ сторонъ вступили въ рукопашный бой. Гунны, одушевленные присутствіемъ Аттилы, прорвали слабый центръ непріятеля, отдѣлили одно отъ другаго оба крыла и, быстро обратясь влѣво, устремили всѣ свои усилія противъ вестготовъ и опрокинули ихъ. Но сами атакованные другою частью вестготовъ во флангъ и тылъ, а опрокинутыми и снова устроившимися вестготоами — съ фронта и слабо поддержанные гуннскими данниками, были наконецъ принуждены отступить въ свой станъ. Здѣсь конница гуннская спѣшилась и приготовилась къ упорной оборонѣ стана дѣйствіемъ въ пѣшемъ строю позади повозокъ. Первыя непріятельскія войска, двинувшіяся на приступъ, были отражены и отчасти истреблены жестокимъ дѣйствіемъ метательнаго оружія, послѣ чего непріятель не отваживался болѣе нападать на Аттилу и позволилъ ему безпрепятственно отступить за Рейнъ.

§ 403.

Персы.

Объ исторіи Персіи въ періодъ владычества династіи Сассанидовъ (происходившей отъ Сассана) сказанія восточныхъ и западныхъ историковъ болѣе согласны между собою, нежели о предъидущемъ періодѣ владычества Селевкидовъ и пароянъ — Арзакидовъ. Возстановленіе персидской монархіи внукомъ Сассана, Арджиромъ Бабеганомъ, въ 226 г. по Р. Х., и притязанія его на всѣ римскія владѣнія въ Азіи, принадлежавшія нѣкогда Персіи, вовлекли его и преемниковъ его въ постоянныя войны съ римлянами,

преимущественно за Месопотамію и Арменію. Арджиръ или Артаксерксъ I (226—241 г.г.) успѣлъ удержать первую за собою, а сынъ его, Сапоръ I (241—271 г.г.), присоединилъ къ Персіи и Арменію. При правнукѣ его, Варанѣ II (276—293 г.г.), римскіе императоры Каръ и Діоклитіанъ отняли и Месопотамію, и Арменію. Сынъ Варана III, Нарзесъ (294—301 г.г.), утратилъ и Ассирію. Сапоръ II (309—380 г.г.) успѣшно воевалъ съ римлянами. Послѣ ряда шести царей персидскихъ съ 380 г. до 457 г., Гормидъ III былъ свергнутъ съ престола старшимъ братомъ своимъ Перозомъ (457—488 г.г.), который погибъ въ неудачной войнѣ съ гуннами, а младшій братъ его, Валентъ (488—491 г.г.), даже сдѣлался данникомъ гунновъ и погибъ въ войнѣ съ аравитянами.

Съ римлянами персы съ 226 г. до 476 г. почти постоянно и болѣе или менѣе удачно вели войны, какъ будетъ изложено ниже; но успѣшнѣе всѣхъ царей ихъ воевалъ Сапоръ II.

Военное устройство персовъ и военное дѣло у нихъ въ этомъ періодѣ времени (284—476 г.г.) оставались въ томъ же состояніи, что и съ 226 г. по 284, которое было изображено выше (§ 353).

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ ВОСЬМАЯ.

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ВОЙНЪ РИМЛЯНЪ ВЪ ЭТОМЪ ПЕРІОДѢ.

(284—476 г.г.).

§ 404. Войны при Діоклитіанѣ и Константинѣ В. (284—337 г.г.).—§ 405. Войны отъ Константина В. до Юліана (337 — 361 г.г.). — § 406. Войны отъ Юліана до Өеодосія В. (361—379 г.г.).—§ 407. Войны и походы Өеодосія В. (376 — 395 г.г.). — § 408. Войны отъ Өеодосія В. до паденія западной римской имперіи (395—476 г.г.).

§ 404.

Войны при Діоклитіанѣ и Константинѣ В. (284—337 г.г.).

Діоклитіанъ, убѣжденный, что образъ правленія римской имперіи нуждался въ перемѣнѣ и что одинъ императоръ долженъ былъ, но не могъ въ одно и тоже время лично быть во многихъ мѣстахъ, внутри—для обузданія честолюбія полководцевъ и мятежнаго духа легіоновъ, а на границахъ—для отраженія внѣшнихъ враговъ, положилъ: для воспрепятствованія распаденію имперіи на нѣсколько государствъ, оставивъ верховную власть единою по мысли, раздѣлить ее въ дѣйствительности между двумя императорами. Съ этою цѣлію, въ 286 г. онъ принялъ въ соправители военнаго сподвижника своего, Марка Валерія Максима Максиміяна, человѣка воинственнаго, но нрава дикаго и жестокаго, который воевалъ на Рейнѣ съ аллеманнами и бургундами. При этомъ самъ Діоклитіянъ принялъ титулъ Іовія (Iovius), а Максиміянъ—Геркулія (Herculius). Но въ 6 лѣтъ времени послѣ того сами событія и обстоятельства показали, что и два императора не могли нести бремя правленія и защищать гра-

ницы. Поэтому въ 292 г. оба императора, принявъ титулъ Августовъ, избрали себѣ каждый по Цезарю, Діоклитіянъ — Кая Галерія, а Максиміянъ—Флавія Констанція Хлора, которые оба особенно отличились какъ полководцы. Съ этого времени за основаніе новаго образа правленія было принято, чтобы правителями имперіи всегда были два Августа и два Цезаря и чтобы, по смерти или отреченіи Августовъ, мѣсто ихъ заступали Цезари, сами избирая и усыновляя себѣ новыхъ Цезарей. Этимъ у войска было отнято право избранія императоровъ и основанъ новый порядокъ престолонаслѣдія, который, по видимому, обѣщалъ государству долгую и счастливую будущность.

Четыре новые правителя тотчасъ раздѣлили между собою провинціи имперіи такъ, что Діоклитіянъ удержалъ за собою всѣ восточныя, Максиміянъ — Италію и Африку съ принадлежавшими къ нимъ островами, а оба Цезаря получили въ управленіе, Галерій — Иллирію, Ѳракію и дунайскія провинціи, а Констанцій—Галлію, Британнію, Испанію и Мавританію. Но это дѣленіе не препятствовало одному производить судъ и расправу и начальствовать войсками въ областяхъ другаго, и постановленное однимъ признавалось постановленіемъ всѣхъ. При этомъ Римъ потерялъ уже прежнее свое значеніе, потому что Діоклитіянъ основалъ свое мѣстопребываніе въ Никомедіи, Максиміянъ—въ Медіоланѣ (Миланѣ), Галерій—въ Сирміѣ, а Констанцій — въ Тревирѣ (Трирѣ). А низпаденіе Рима повлекло за собою и совершенное униженіе римскаго сената, который уже лишился всякаго значенія и вліянія и сохранился только по одному имени своему, какъ памятникъ древности. Провинціи только почувствовали на себѣ лишнюю тягость налоговъ, вслѣдствіе умноженія числа войскъ и чиновниковъ въ нихъ и содержанія четырехъ пышныхъ императорскихъ дворовъ, совершенно на подобіе азіятскихъ. Вообще нравственныя узы, которыя доселѣ налагали на императоровъ авторитетъ сената и еще не совсѣмъ забытое имя республики, рушились совершенно—и римская имперія вполнѣ приняла формы и характеръ восточной неограниченной монархіи *).

Но раздѣленіе ея принесло на время ту пользу, что внутри императоры - самозванцы были подавлены, а для защиты границъ приняты лучшія мѣры. Такъ Діоклитіянъ низложилъ самозванца Ахилла въ Египтѣ, Максиміянъ—Юліяна въ Африкѣ, а Констанцій—сперва Каравзія и потомъ Аллекта въ Британніи, которую покорилъ снова. Противъ внѣшнихъ враговъ римляне прежде всего одержали превосходство надъ персами, съ которыми вступили въ войну

*) Лоренцъ: Руководство къ Всеобщей Исторіи, Ч. II, Отд. I.

въ 296 — 297 г.г., за овладѣніе имп престоломъ Арменіи. Діоклитіянъ послалъ противъ персидскаго царя Нарзеса (какъ его называли греки) Галерія, съ тѣмъ, чтобы послѣдній напалъ на него совокупными силами, по присоединеніи египетской арміи. Но Галерій, не дождавшись ея, двинулся съ малочисленною конницей тѣмъ самымъ путемъ, которымъ нѣкогда шелъ Крассъ противъ парѳянъ, и имѣлъ почти одинаковую съ нимъ участь: окруженный между Каллиникомъ и Каррами, онъ едва успѣлъ спастись съ большимъ урономъ (296 г.). Діоклитіянъ, въ наказаніе его за то, сдѣлалъ ему публичный выговоръ, и Галерій, чтобы смыть съ себя это пятно, напрягъ всѣ свои силы и въ 297 г. съ новою арміей двинулся въ Арменію, между тѣмъ какъ Діоклитіянъ выставилъ сильный наблюдательный отрядъ войскъ на Евфратѣ и тѣмъ раздѣлилъ вниманіе и силы персовъ. Галерій такъ искусно составилъ и исполнилъ свой планъ нападенія на лагерь Нарзеса, что овладѣлъ имъ со всѣми находившимися въ немъ сокровищами и царскимъ гаремомъ; самъ Нарзесъ, раненый, едва спасся отъ плѣна. Пылкій Галерій хотѣлъ-было воспользоваться тѣмъ для покоренія всей Персіи, но Діоклитіянъ благоразумно удовольствовался только уступкой Нарзесомъ Арменіи, Месопотаміи и еще трехъ областей и, даровавъ ему миръ, прочно и надежно обезпечилъ римскія границы съ Персіей, прикрывъ оныя укрѣпленіями, равно какъ и границы по Рейну и Дунаю. Затѣмъ въ 303 г. онъ, вмѣстѣ съ Максиміяномъ, торжествовалъ въ Римѣ тріумфъ — послѣдній, видѣнный Римомъ. Крайне недовольный слишкомъ вольнымъ духомъ жителей Рима, онъ въ самую дурную погоду удалился изъ него въ Равенну, климатъ которой былъ очень нездоровъ. Болѣзнь, постигшая его здѣсь, усилилась еще во время продолжительнаго и труднаго путешествія сухимъ путемъ въ Никомедію. Цѣлый годъ былъ онъ въ опасномъ положеніи и даже по выздоровленіи впалъ въ душевное разслабленіе. Чувствуя себя неспособнымъ болѣе править государствомъ, въ 305 г. онъ отрекся отъ престола, уговоривъ и Максиміяна сдѣлать тоже (хотя послѣдній исполнилъ это очень неохотно). Вмѣсто нихъ Августами сдѣлались Констанцій и Галерій, Цезарями же всего естественнѣе казалось назначить сыновей, перваго—Константина и Максиміянова—Максентія, но Галерій склонилъ выборъ на двухъ своихъ друзей и военныхъ сподвижниковъ, Флавія Севера и Каія Максимина, и Констанцій, въ избѣжаніе раздора, согласился на это. Северъ получилъ въ удѣлъ Италію, а Максиминъ—Египетъ и Сирію. Но молодой Константинъ, воспитывавшійся при дворѣ Діоклитіяна и занимавшій на востокѣ одно изъ высшихъ военачальническихъ званій, оскорбился обойденіемъ его при выборѣ и, даже страшась за личную свою безопас-

ность, испросилъ себѣ у Галерія позволеніе участвовать въ походѣ отца своего противъ жителей горной Каледоніи (Шотландіи) и поспѣшно отправился въ Галлію (306 г.). Но вскорѣ послѣ прибытія его изъ Галліи въ Британнію, именно лѣтомъ 306 года, отецъ его, Констанцій, умеръ отъ болѣзни въ Эборакѣ (Іоркѣ) — и армія его тотчасъ провозгласила Константина Августомъ. Константинъ, послѣ нѣкоторыхъ отговорокъ, для извиненія себя въ глазахъ Галерія, принялъ званіе Августа. Галерій сперва пришелъ въ ярость, но потомъ, одумавшись, назначилъ Севера Августомъ, а Константина—Цезаремъ. Хотя такимъ образомъ система Діоклитіяна и была выполнена въ точности, но избраніе императора снова легіонами нанесло ей смертельный ударъ. Примѣръ этотъ тотчасъ вредно подѣйствовалъ на гражданъ Рима и остатки преторіанцовъ — и они, по поводу впервые наложенныхъ Северомъ на Римъ податей, взбунтовались, а Максентій склонилъ ихъ провозгласить его императоромъ (въ октябрѣ 306 г.). Вслѣдъ затѣмъ и отецъ его, Максиміянъ, также прибылъ въ Римъ и снова сталъ императоромъ. Когда Северъ съ частію войскъ двинулся отъ Медіолана къ Риму для подавленія бунта, ветераны отложились отъ него и перешли на сторону Максиміяна. Северъ же, съ немногими, оставшимися вѣрными ему, бѣжалъ въ Равенну. Хотя этотъ городъ по своему положенію и укрѣпленіямъ былъ такъ крѣпокъ, что Северъ могъ держаться въ немъ до прибытія Галерія, но Северъ былъ такъ устрашенъ измѣной войскъ, что сдался на условіи сохраненія ему жизни. Но Максентій объявилъ ему, что если онъ не желалъ насильственной смерти, то долженъ былъ самъ себя лишить жизни, что̀ Северъ и исполнилъ. Тогда Максиміянъ и Максентій, чтобъ утвердиться въ Италіи противъ Галерія, уже шедшаго въ нее съ войскомъ, искали союза съ Константиномъ. Послѣдній не отказался отъ союза съ ними, женился на дочери Максиміяна Фаустѣ и принялъ званіе Августа, но впредь до болѣе благопріятнаго времени воздержался еще отъ участія въ междуусобной войнѣ. Между тѣмъ походъ Галерія въ Италію былъ совершенно неудаченъ: страшась быть покинутымъ и выданнымъ своими войсками, онъ поспѣшно воротился въ дунайскія провинціи и назначилъ Августомъ, на мѣсто Севера, военнаго сподвижника своего, Лицинія. Такимъ образомъ римская имперія имѣла теперь шесть императоровъ, трехъ на востокѣ и трехъ на западѣ! Но вскорѣ число ихъ уменьшилось: Максиміянъ, разсорясь съ сыномъ, бѣжалъ къ Константину, который въ 310 г. умертвилъ его; въ 311 г. умеръ Галерій, и послѣ него Максиминъ принялъ званіе Августа. Римская имперія снова была подъ правленіемъ четырехъ императоровъ и почти въ томъ же видѣ, какой далъ ей Діо-

клитіянъ: не доставало только согласія между этими императорами, а они, напротивъ, были такъ враждебны одинъ другому, что вражда ихъ неминуемо должна была вскорѣ разразиться. Но наиболѣе надежды на успѣхъ въ ней могъ имѣть тотъ, который склонилъ бы на свою сторону христіанъ, а ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ столько правъ на довѣріе послѣднихъ, сколько имѣлъ ихъ Константинъ, который былъ столько же расположенъ и снисходителенъ къ нимъ, сколько его отецъ, и мать котораго, Елена, была ревностною христіанкой. Междуусобную войну началъ Максентій: слишкомъ полагаясь на многочисленность своихъ войскъ, онъ, подъ предлогомъ отмщенія за умерщвленіе своего отца, объявилъ Константину войну и составилъ союзъ съ Максиминомъ, а Константинъ—съ Лициніемъ. Но Максентій, преданный только однимъ удовольствіямъ, никогда не предводительствовалъ войскомъ; Константинъ же, напротивъ, давно и постоянно находился въ напряженной военной дѣятельности и привыкъ къ ней. Предупредивъ Максентія открытіемъ войны, въ 312 г. онъ явился въ Италіи и, одержавъ побѣду при Тавринѣ (Туринѣ), завладѣлъ всею сѣверною Италіей и двинулся къ Риму, около котораго Максентій собралъ многочисленную армію. Приблизясь къ ней, Константинъ велѣлъ водрузить надъ орлами въ своей арміи крестъ, какъ символъ побѣды, а на щитахъ изобразить монограмму имени Христа Въ арміи его, состоявшей большею частію изъ христіанъ, это произвело въ величайшей степени религіозный восторгъ и нравственное одушевленіе. Въ происшедшемъ вслѣдъ затѣмъ (въ октябрѣ 312 г.) сраженіи при Мильвійскомъ мосту на Тибрѣ, близъ Рима — сраженіи не столько двухъ императоровъ о власти, сколько христіанской вѣры противъ языческой религіи—въ виду языческаго Капитолія, Константинъ, подъ сѣнію креста, одержалъ рѣшительную побѣду надъ Максентіемъ, который въ бѣгствѣ былъ опрокинутъ съ моста въ Тибръ и утонулъ въ немъ. Константинъ, вступивъ въ Римъ торжествующимъ побѣдителемъ, немедленно водрузилъ на Капитоліѣ крестъ, подъ сѣнію котораго одержалъ побѣду! Въ тоже самое время и Лициній, женившійся на сестрѣ Константина, Констанціи, съ такимъ же успѣхомъ восторжествовалъ въ 313 г. надъ Максиминомъ при Адріанополѣ, точно также обязанный тѣмъ большинству христіанъ въ своей арміи и ихъ религіозному восторгу и одушевленію. Побѣжденный Максиминъ, отчаявшись въ возможности удержаться противъ Лицинія, въ іюлѣ 313 г. отравилъ себя. Жена и сынъ его, равно дѣти Галерія и Севера, вдова и дочь Діоклитіяна были лишены жизни, а всѣ родственники ихъ подверглись преслѣдованію.

Константинъ и Лициній вовсе не были намѣрены назначить себѣ, по системѣ Діоклитіана, Цезарей, но каждый изъ нихъ явно стремился къ возстановленію единства имперіи подъ своимъ единоличнымъ правленіемъ. Вслѣдствіе того, уже въ 314 г. между ними открылась война—и 8 октября этого года при Цибалисѣ, близъ впаденія Дравы въ Дунай, произошло сраженіе. Лициній былъ разбитъ, однако собралъ во Ѳракіи новую армію—и при Мардіи произошло второе сраженіе — нерѣшительное: хотя Константинъ и удержалъ за собою поле сраженія, но потерпѣлъ очень большой уронъ. Поэтому онъ призналъ за лучшее вступить въ мирные переговоры—и Лициній, нуждаясь въ мирѣ, уступилъ Константину Грецію, Македонію, Иллирію, Паннонію и западную Мизію (314 г.).

Восемь лѣтъ послѣ того они оставались въ мирѣ, но дѣйствовали совершенно различно. Константинъ, имѣя подъ своею властію бо́льшую и сильнѣйшую часть имперіи, постоянно дѣйствовалъ къ пользѣ ея и ея жителей, то какъ полководецъ, то какъ законодатель, и такимъ образомъ соединялъ на своей сторонѣ и матеріальное, и нравственное превосходство надъ Лициніемъ, который преслѣдовалъ христіанъ и страшно угнеталъ своихъ подданныхъ денежными налогами и поборами. Наконецъ въ 322 г. между ними снова произошла война — и сухопутная армія Лицинія въ іюлѣ 323 г. была разбита при Адріанополѣ, а флотъ его частію истребленъ флотомъ Константина, частію погибъ отъ бурь. Лицинію оставалось только искать средствъ къ сопротивленію и защитѣ въ Азіи; но Константинъ быстро и сильно преслѣдовалъ его въ ней—и въ 324 г. разбилъ его при Хрисополѣ. Тогда Лицинію осталась уже только одна надежда—на великодушіе и милость Константина. По ходатайству сестры послѣдняго, жены Лицинія, Констанціи, Константинъ обѣщалъ сохранить ему жизнь, если онъ откажется отъ власти, но нарушилъ свое обѣщаніе и въ 325 г. велѣлъ умертвить его, вмѣстѣ съ его сыномъ Лициніяномъ, и затѣмъ остался единственнымъ и самодержавнымъ императоромъ всей римской имперіи.

Съ этого времени правленіе его протекло почти постоянно въ мирѣ и спокойствіи, и римская имперія была столько же страшна сосѣднимъ внѣшнимъ врагамъ, сколько уважаема въ отдаленныхъ странахъ. Поэтому въ 336 г. онъ могъ безъ опасенія предпринять войну противъ Персіи. Царь ея Сапоръ или Шапуръ II еще въ 333 г. помѣнялся съ Константиномъ посольствомъ и дарами въ знакъ мира, но въ 336 г., неизвѣстно по какой причинѣ, потребовалъ возвращенія областей, уступленныхъ по договору съ Діоклитіаномъ, и, получивъ отказъ въ этомъ, открылъ войну. Весною 337 г. Константинъ лично отправился изъ Константинополя въ армію

свою на востокѣ, но, застигнутый внезапною болѣзнью, 22 мая этого 337 г. умеръ въ Никомидіи, 64 лѣтъ отъ роду, принявъ передъ тѣмъ христіанское крещеніе.

§ 405.

Войны отъ Константина В. до Юліяна (337—361 г.г.).

По смерти Константина В. сыновья его: 1-й—Константинъ II, 2-й—Констанцій и 3-й—Константъ, на съѣздѣ въ Сирміѣ, въ 338 г., раздѣлили имперію между собою такъ, что Константинъ II получилъ Галльскую префектуру, Константъ—Италійскую и Иллирійскую, а Констанцій—Восточную и вмѣстѣ съ нею войну съ персами. Послѣдняя продолжалась съ небольшими промежутками все время его правленія (338—361 г.г.), хотя безъ славы, но и безъ вреда для римской имперіи. Крѣпости Месопотаміи, особенно Низибъ, мужественно и счастливо выдержавшій троекратную осаду, препятствовали успѣхамъ персовъ.

Между тѣмъ на западѣ Константинъ, захотѣвшій присоединить къ своей префектурѣ Италію и Африку, въ 340 г. вступилъ въ междуусобную войну съ Константомъ, вторгнулся въ Италію и уже проникъ до Аквилеи, но здѣсь попалъ въ разставленную ему засаду и былъ убитъ. Вслѣдствіе того Константъ сдѣлался обладателемъ болѣе двухъ третей имперіи и сначала съ жаромъ принялся за дѣла правленія, но скоро предался страсти своей къ удовольствіямъ, а дѣла правленія предоставилъ начальникамъ: финансовъ—Марцеллину и тѣлохранителей (гвардіи)—Магненцію. Послѣдній, родомъ франкъ, при пособіи Марцеллина, въ 350 г., въ нын. Отёнѣ (Autun), въ Галліи, гдѣ тогда находился дворъ, провозгласилъ себя императоромъ, былъ признанъ гвардіей, и средствами захваченной имъ казны усилилъ возмущеніе. Константъ со страху бѣжалъ переодѣтый въ Испанію, но у подошвы Пиренеевъ былъ настигнутъ посланными за нимъ въ погоню и убитъ. Галлія, Британнія и Испанія присягнули Магненцію, а послѣ паденія сына Константиновой сестры Евтропіи, Непотіяна, провозгласившаго себя императоромъ въ Римѣ, и Италія также была принуждена покориться Магненцію. Но иллирійскіе легіоны провозгласили Августомъ полководца своего Ветраніона. Такимъ образомъ римская имперія снова увидѣла себя во власти трехъ враждебныхъ между собою императоровъ. Констанцій съ твердостью отказался вступить въ переговоры съ убійцой своего брата, Магненціемъ, и, чтобъ отвлечь отъ него Ве-

траніона, призналъ послѣдняго соправителемъ. На свиданіи съ нимъ въ 351 г., въ Сардикѣ, онъ привлекъ къ себѣ воиновъ Ветраніона рѣчью, а начальниковъ ихъ — деньгами, и они признали его одного императоромъ, а Ветраніонъ добровольно сложилъ съ себя званіе императора. Между тѣмъ Магненцій уже шелъ противъ Констанція изъ Галліи съ войскомъ, главную силу котораго составляли германцы. Въ тоже время и Сапоръ персидскій возобновилъ военныя дѣйствія. Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ Констанцій вызвалъ своихъ двоюродныхъ братьевъ Галла и Юліяна, дотолѣ содержавшихся нѣкоторымъ образомъ въ государственномъ заточеніи, и старшаго, Галла, назначилъ Цезаремъ, женилъ на своей сестрѣ Константинѣ и поручилъ ему защиту востока отъ персовъ, съ столицей въ Антіохіи. Галлъ испросилъ младшему брату своему Юліяну, одаренному необыкновенными умомъ и силой духа и воли, отцовское наслѣдіе и позволеніе свободно продолжать свои ученыя занятія. Въ сентябрѣ 351 г. при Мурзѣ на Дравѣ полководцы Констанція (лично не начальствовавшаго арміей), послѣ долгаго, упорнаго и кровопролитнаго сраженія съ Магненціемъ, одержали рѣшительную побѣду надъ нимъ. Войска его, подкупленныя Констанціемъ, большею частію перешли на его сторону, и между тѣмъ, какъ флотъ его утвердилъ власть его въ Африкѣ и Испаніи, онъ самъ въ 352 году безъ большаго труда покорилъ Италію. Въ 353 г. онъ перешелъ черезъ Альпы въ Галлію и вторично разбилъ Магненція при Систеронѣ на р. Дуранціи. Тогда Магненцій уже не могъ болѣе полагаться на вѣрность своихъ воиновъ: говоря имъ рѣчь, чтобы возбудить мужество ихъ къ новой войнѣ, онъ получилъ въ отвѣтъ: «да здравствуетъ императоръ Констанцій». Страшась быть выданнымъ ими послѣднему, онъ велѣлъ умертвить свое семейство и самъ лишилъ себя жизни, а примѣру его послѣдовалъ и братъ его Деценцій, котораго онъ назначилъ Цезаремъ. Такимъ образомъ Констанцій снова соединилъ всю имперію подъ своею властію, но тѣмъ обнаружилъ свою слабость, неспособность, недовѣріе къ своимъ полководцамъ и правительственнымъ лицамъ и довѣріе къ своимъ евнухамъ и зависимость отъ нихъ. Изъ числа ихъ особенно пользовался неограниченнымъ вліяніемъ на Констанція и государство евнухъ Евсевій. Онъ возбудилъ въ Констанціѣ подозрѣніе противъ Галла и убѣждалъ лишить его не только власти, но и жизни. Констанцій послалъ въ Антіохію префекта Домиціяна и квестора Монція съ цѣлою коммиссіею, для разсмотрѣнія состоянія дѣлъ на востокѣ и убѣжденія Галла отправиться въ Италію. Но Галлъ, раздраженный оскорбительнымъ высокомѣріемъ Домиціяна, велѣлъ заключить его въ темницу, воору-

жилъ гвардію и потребовалъ отъ жителей Антіохіи защиты его особы. Народъ убилъ Домиціяна и Монція, и послѣ этого Галлу не оставалось другаго средства къ спасенію, кромѣ открытаго возстанія. Но Констанцій вывелъ мало по малу изъ Сиріи всѣ старые легіоны и потомъ коварно, но чрезвычайно ласково пригласилъ Галла къ своему двору. Галлъ въ 354 г. отправился изъ Антіохіи и до Константинополя ѣхалъ еще какъ Цезарь, но по выѣздѣ изъ этого города—уже какъ плѣнникъ, подъ конвоемъ, и по прибытіи въ Норикъ былъ отвезенъ въ городокъ Полу, въ Истріи, и здѣсь, послѣ пытки и истязаній, казненъ. Затѣмъ изъ всего многочисленнаго потомства Констанція Хлора уже остался въ живыхъ только одинъ Юліянъ, сводный братъ Галла. Евнухи очень хотѣли извести и его, но за него вступилась и спасла императрица Евсевія. Ей Юліянъ былъ обязанъ тѣмъ, что не погибъ и, послѣ 7-ми-мѣсячнаго пребыванія при дворѣ въ Медіоланѣ, получилъ позволеніе удалиться въ Аѳины, для занятій науками. Но уже въ 355 г. Констанцій вызвалъ его обратно въ Медіоланъ, чувствуя, что управленіе государствомъ ему одному было не по силамъ, и по убѣжденію Евсевіи женилъ Юліяна на сестрѣ ея, Еленѣ, и съ званіемъ Цезаря назначилъ его правителемъ за-альпійскихъ провинцій. Внезапно промѣнявъ ученыя занятія на оружіе и высокое положеніе, молодой, необыкновенно даровитый и образованный Юліянъ былъ торжественно облеченъ въ Медіоланѣ въ достоинство Цезаря — и войска громко одобрили назначеніе его, обѣщавшаго быть героемъ, но, къ несчастію, запятнавшаго себя ненавистью къ христіанству, отступничествомъ отъ него и гоненіемъ его, какъ только воцарился въ 361 г.

Констанцій, пославъ Юліяна въ Галлію, самъ отправился на Дунай, гдѣ оставался до 359 г., когда поспѣшилъ на востокъ, гдѣ Сапоръ снова вторгнулся въ Месопотамію и овладѣлъ крѣпостью Амидой. Между тѣмъ Юліянъ въ Галліи дѣйствовалъ какъ можно осторожнѣе, чтобы не подавать ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію, и этимъ достигнувъ наконецъ полной свободы, обнаружилъ необыкновенныя: мужество, знаніе и терпѣніе. Въ 357 г., имѣя при себѣ не болѣе 13 т. войскъ., онъ разбилъ при Страсбургѣ многочисленное войско аллеманновъ, занявшихъ восточныя части Галліи со временъ Магненція, перешелъ черезъ Рейнъ и тѣснилъ аллеманновъ до тѣхъ поръ, пока они не стали просить мира. Затѣмъ онъ обратился въ Бельгію противъ франковъ и хотя не могъ вытѣснить ихъ оттуда, но по крайней мѣрѣ принудилъ ихъ къ миру и признанію опредѣленныхъ границъ. Послѣ того превосходное управленіе имъ Галліей такъ увеличило славу его, что подвластные ему жители этой страны единогласно восхваляли и превозносили его. Но это самое

*

дало врагамъ его при дворѣ Констанція поводъ внушить этому слабому и недовѣрчивому императору подозрѣнія и обезоружить Юліяна. Въ 360 г., въ Лютецію или городъ паризіевъ (Парижъ), гдѣ Юліянъ учредилъ свое мѣстопребываніе, прибыли послы Констанція, съ повелѣніемъ его—немедленно отправить въ Азію 4 полныхъ легіона. Въ составѣ ихъ находились многіе германцы, такъ называемые foederati или союзники, которымъ было именно обѣщано, что ихъ никогда не будутъ употреблять для военныхъ дѣйствій за Альпами. Юліянъ повиновался, но поставилъ на видъ опасность исполненія этого. Дѣйствительно, войска, особенно проходившія черезъ Лютецію, обнаружили сильное негодованіе на то, что ихъ разлучали съ любимымъ ими полководцемъ. Въ полночь они собрались передъ дворцомъ Юліяна и вызывали его, съ тѣмъ чтобы провозгласить его Августомъ. Но Юліянъ, по видимому, пришелъ въ смущеніе и страхъ, заперся въ своемъ дворцѣ и показался войскамъ только на другой день утромъ. Какъ только онъ явился, воины подняли его на щитахъ и провозгласили Августомъ. Послѣ того Юліянъ уже не могъ отказаться отъ власти, и отъ имени его и войска къ Констанцію было отправлено посольство съ извѣстіемъ о случившемся и съ просьбой объ утвержденіи. Констанцій, подъ вліяніемъ евнуховъ, обѣщалъ Юліяну прощеніе, если онъ сложитъ съ себя званіе Августа. Письмо, содержавшее въ себѣ это условіе, было прочтено передъ всею галльскою арміей, и сначала она, а потомъ и Юліянъ отвергли условіе Констанція и Юліянъ торжественно провозгласилъ, что поручаетъ себя и свое дѣло волѣ безсмертныхъ боговъ, и этимъ выразилъ вмѣстѣ отпаденіе свое и отъ Констанція, и отъ христіанской вѣры! Въ слѣдующемъ 361 г. онъ двинулся съ войскомъ въ Иллирійскую префектуру и вступилъ въ нее въ то самое время, когда Констанцій съ своимъ войскомъ шелъ усиленными переходами отъ Евфрата во Ѳракію. Но, заболѣвъ на походѣ, въ ноябрѣ 361 г. онъ умеръ въ городкѣ Мопсукренѣ, у подошвы Киликійскихъ горъ. Армія его съ негодованіемъ отказалась вести войну, къ которой уже не было болѣе никакого повода, и признала Юліяна императоромъ.

§ 406.

Войны отъ Юліяна до Ѳеодосія В. (361—379 г.г.)

Юліянъ, послѣдній и самый даровитый императоръ изъ дома Константина В., образованный и ученіемъ, и несчастіемъ, бывшій не

безъ недостатковъ, но во всякомъ случаѣ безъ пороковъ, только омрачившій себя отступничествомъ отъ христіанской вѣры, жестоко поплатился бы за то, еслибы не погибъ въ походѣ, предпринятомъ имъ въ 363 г. противъ персовъ. Для этого похода онъ собралъ лучшую часть римской арміи и самъ двинулся съ нею внизъ по Евфрату до того мѣста, гдѣ онъ наиболѣе сближается съ Тигромъ. Здѣсь онъ положилъ перейти черезъ Тигръ и соединиться съ царемъ Арменіи и съ римскими войсками, подкрѣплявшими его, которымъ назначилъ спуститься по лѣвому берегу Тигра, между тѣмъ какъ по Евфрату за нимъ плылъ римскій флотъ, суда котораго онъ разсчитывалъ перевести изъ Евфрата въ Тигръ соединявшимъ ихъ каналомъ. Но, найдя каналъ этотъ заваленнымъ, онъ былъ принужденъ сначала очистить его съ большими усиліями, а когда достигъ Тигра и перешелъ черезъ него при Ктезифонѣ, то не нашелъ тутъ подкрѣпленій, ожиданныхъ изъ Арменіи, и очутился въ крайне трудномъ и непріятномъ положеніи. Не имѣя возможности идти ни впередъ — на востокъ, ни назадъ—откуда пришелъ, онъ вынужденъ былъ двинуться вверхъ по лѣвому берегу Тигра, а какъ при этомъ ему не возможно было везти за собою флотъ по Тигру на людяхъ, не употребивъ на то половины своей арміи, то онъ и былъ вынужденъ сжечь его. На походѣ же вверхъ по Тигру, такъ какъ никто въ римской арміи не зналъ дороги, то по необходимости должно было довѣриться персидскимъ проводникамъ, а они, отдаливъ сначала Юліана съ арміей отъ Тигра чрезъ плодородный край, потомъ завели ихъ въ обширную и безплодную пустыню и скрылись. Въ тоже время со всѣхъ сторонъ начали показываться многочисленные отряды персовъ, которые всячески старались затруднять слѣдованіе римской арміи и наносить ей вредъ. Хотя Юліану и удалось дойти до Тигра, но переправиться черезъ него безъ судовъ и въ виду персовъ было невозможно, и необходимо было продолжать 20-дневный походъ въ Арменію по труднымъ дорогамъ, чрезъ разоренный персами край, при палящемъ зноѣ, и при этомъ войскамъ нести все продовольствіе на себѣ и отбиваться отъ персидскихъ стрѣлковъ и конницы. Не смотря на все это, они продолжали походъ, хотя и медленно, но мужественно. Юліанъ самъ подавалъ примѣръ имъ и сталъ жертвой своей отважности. Однажды, когда, по причинѣ зноя, онъ снялъ съ себя латы, персы произвели нападеніе, и Юліанъ, не теряя времени на свое вооруженіе, бросился на нихъ, обратилъ ихъ въ бѣгство, но, преслѣдуя ихъ, былъ раненъ дротикомъ въ грудь и вскорѣ умеръ (25 іюня 363 г.).

Провозглашенный императоромъ, 33-лѣтній начальникъ дворцовыхъ войскъ или гвардіи, Флавій Іовіанъ, приказалъ продолжать

походъ. Но онъ становился все труднѣе, тѣмъ болѣе, что персы, узнавъ о смерти Юліяна, начали сильнѣе тѣснить римлянъ. Послѣдніе пытались, но тщетно, построить мостъ черезъ Тигръ; продовольствіе у нихъ совершенно истощилось, и въ виду голодной смерти, они волей-неволей были принуждены, на 7-й день послѣ смерти Юліяна, согласиться на тяжкія условія мира, предложенныя Сапоромъ. Римляне возвратили ему всѣ области, уступленныя имъ Діоклитіяну и пожертвовали крѣпостями Низибомъ и Сингарой, съ трудомъ испросивъ жителямъ ихъ позволеніе удалиться съ своимъ имуществомъ.

Воротясь въ римскіе предѣлы, Іовіянъ зимою 363—364 г.г. выѣхалъ изъ Антіохіи въ Константинополь и на пути туда, между Анкирой и Никеей, 26 февраля 364 г. умеръ отъ угара. Десять дней послѣ того армія никого не могла избрать императоромъ и только на 11-й день въ Никеѣ провозгласила имъ опытнаго и любимаго войсками префекта Валентиніяна, который 28 марта объявилъ соправителемъ брата своего, Валента, и предоставилъ ему управленіе востокомъ, а себѣ—западомъ.

Здѣсь Валентиніянъ I (364—375 г.г.), въ 367 г. провозгласившій Августомъ 8-лѣтняго сына своего, Граціяна, провелъ все время своего правленія въ постоянной войнѣ съ германцами, возставшими въ отмщеніе за неудачи, претерпѣнныя ими при Юліянѣ. Онъ обратился сначала на Рейнъ противъ франковъ, саксовъ и аллеманновъ, а потомъ на Дунай противъ квадовъ и другихъ за-дунайскихъ народовъ. Съ помощью отличныхъ полководцевъ, между которыми особенно отличился и возвысился Θеодосій (отецъ бывшаго въ послѣдствіи императора Θеодосія В.), онъ успѣлъ наконецъ утвердить безопасность границъ и поддержать спокойствіе внутри. По смерти его, въ ноябрѣ 375 г., въ нын. Гюнцѣ въ Венгріи, правленіе перешло въ руки слабаго и неспособнаго Граціяна, который началъ съ того, что безвинно и позорно казнилъ въ 376 г. доблестнаго Θеодосія, по навѣту враговъ его.

Не менѣе неспособнымъ и недостойнымъ правителемъ оказалъ себя на востокѣ и Валентъ (364—378 г.г.), который былъ принужденъ бороться съ сильнымъ возстаніемъ, возбужденнымъ его приверженностью къ аріянству и жестокостью въ сборѣ податей и налоговъ, и честолюбіемъ единственнаго, еще остававшагося въ живыхъ, родственника Юліяна, Прокопія. Послѣдній въ 365 г. былъ провозглашенъ арміей близъ Константинополя императоромъ, овладѣлъ столицей, женился на вдовѣ императора Констанція, отъ котораго у нея оставалась 5-ти-лѣтняя дочь. Приверженность къ дому Константина В. была причиной, что возстаніе распространилось во Θра-

кіи и Виѳиніи, а Валентъ совершенно разтерялся. Но твердость и мужество его полководцевъ спасли его: вліяніемъ своимъ на войска, подкрѣпленнымъ деньгами Валента, они успѣли въ томъ, что въ 366 г., когда дѣло дошло до сраженія при Наколіи въ Фригіи, войска Прокопія отложились отъ него и выдали его Валенту, который и казнилъ его и многихъ соучастниковъ его. А какъ Прокопій былъ въ связяхъ съ готѳами, то вслѣдъ за подавленіемъ его возстанія произошла война съ ними, продолжавшаяся 3 года (367—369 г.г.) и окончившаяся миромъ, тягостнымъ для готѳовъ. Имъ были прекращены, какъ прежняя свобода международныхъ сношеній, такъ и ежегодная уплата римлянами денежныхъ подарковъ (иначе—дани). Тотчасъ послѣ того Валентъ былъ принужденъ обратиться противъ персовъ, которые заняли Арменію и угрожали Малой Азіи. Война между Валентомъ и Сапоромъ за замѣщеніе престола Арменіи продолжалась 5 лѣтъ (370—375 г.г.) довольно слабо и съ перемѣннымъ успѣхомъ и кончилась сама собою ничѣмъ. Престарѣлый Сапоръ уже не чувствовалъ болѣе въ себѣ прежнихъ силъ и честолюбія, а вниманіе Валента и римлянъ уже было отвлечено отъ востока на западъ, гдѣ грозное нашествіе гунновъ возвѣстило начало великаго переселенія народовъ.

Выше (§§ 396 и 402) уже было изложено, какъ гунны въ 375 г. покорили готѳовъ на пространствѣ отъ Дона до Тейсы и какъ вестготы получили отъ Валента позволеніе поселиться, вмѣстѣ съ вандалами, въ Панноніи, а потомъ, вслѣдствіе угнетенія ихъ римскими правителями и чиновниками, возстали противъ римлянъ. Къ нимъ присоединилась и часть остготѳовъ, бѣжавшихъ отъ гунновъ, съ своимъ несовершеннолѣтнимъ королемъ Витерихомъ, и безъ согласія римскихъ властей переправившихся на правую сторону Дуная. Тѣ и другіе возстали въ 376 г. при Марціанополѣ. Римскій правитель Ѳракіи, Лупицинъ, напалъ на нихъ, но потерпѣлъ страшное пораженіе, и готѳы выместили понесенныя ими несправедливости на безвинныхъ въ томъ жителяхъ Ѳракіи. Къ нимъ присоединилось множество варваровъ, какъ поселенныхъ прежде во Ѳракіи или находившихся въ римской военной службѣ, такъ и ѳракійскихъ горцовъ и рудокоповъ хребта Гемуса (Балкановъ), и даже гунновъ и алановъ изъ-за Дуная. Въ продолженіи всего 377 г. военныя дѣйствія римлянъ противъ нихъ были совершенно безуспѣшны: готѳы и пр. съ ними перешли черезъ Гемусъ и страшно разоряли край до самой Ѳессаліи. И еслибы не былъ въ скорости положенъ предѣлъ разоренію ихъ, то можно было бы опасаться за существованіе римской имперіи. Поэтому въ 378 г. Валентъ перешелъ съ азіятскими легіонами изъ Азіи въ Европу, а Граціанъ двинулся на помощь ему

съ запада. Но еще до прибытія послѣдняго, Валентъ, увлеченный нетерпѣніемъ, 9 августа 378 г. напалъ на варваровъ при Адріанополѣ—и претерпѣлъ такое страшное пораженіе, что Амміянъ Марцеллинъ сравниваетъ его съ Каннскимъ. Самъ Валентъ, бо̀льшая часть высшихъ военачальниковъ и двѣ трети римской арміи пали въ бою. Этотъ страшный ударъ постигъ римскую имперію въ то время, когда она уже едва держалась. Но, какъ послѣ Каннскаго пораженія Римъ былъ спасенъ Фабіемъ, такъ теперь—сыномъ казненнаго въ 376 г. Ѳеодосія, именемъ также Ѳеодосія. Послѣдній, уже имѣвшій одинъ изъ высшихъ чиновъ въ арміи, вышелъ послѣ казни отца изъ службы и жилъ частнымъ человѣкомъ въ своихъ помѣстьяхъ на своей родинѣ — Испаніи (близъ нын. Вальядолида). Въ 379 г. Граціянъ вызвалъ его оттуда и назначилъ Августомъ и правителемъ всего востока, съ тѣмъ, чтобы онъ сперва очистилъ Ѳракію отъ варваровъ.

§ 407.

Войны и походы Ѳеодосія В. (379—395 г.г.).

Ѳеодосій вполнѣ оправдалъ выборъ Граціяна: избѣгая рѣшительныхъ сраженій съ варварами, онъ ограничился только обороной укрѣпленныхъ пунктовъ и нанесеніемъ вреда варварамъ въ частныхъ дѣлахъ, искусно умѣя въ тоже время поселять раздоры между ними и пользоваться тѣмъ. Готѳы, по смерти короля своего Фритигерна, уже не имѣли одного общаго, признаннаго всѣми вождя, и частные вожди ихъ постепенно заключили съ Ѳеодосіемъ отдѣльные договоры. Такимъ образомъ, 4 года послѣ пораженія Валента при Адріанополѣ — въ 382 г. готѳы были повсемѣстно приведены къ покорности и мирному поселенію въ назначенныхъ имъ областяхъ, именно: вестготѳамъ—во Ѳракіи, а остготѳамъ—въ Фригіи и Лидіи, въ Малой Азіи. Живя въ нихъ вмѣстѣ, по своимъ законамъ и обычаямъ, имѣя своихъ королей, признавая восточнаго римскаго императора главнымъ военнымъ королемъ своимъ, для котораго, за розданныя имъ земли, обязались всегда имѣть на готовѣ 40 т. чел. вспомогательныхъ войскъ, готѳы такимъ образомъ впервые образовали въ предѣлахъ римскаго государства германское военное государство. Ѳеодосій надѣялся, что они въ слѣдующемъ поколѣніи сольются по духу и образованію съ римлянами; но вышло наоборотъ, что варварскій (какъ его называли римляне, но въ существѣ германскій, смѣшанный съ славянскимъ) міръ упрочилъ

свою самобытность и простеръ свое вліяніе даже до самаго императорскаго двора.

Между тѣмъ Граціянъ на западѣ лишился и престола, и жизни. Въ 383 г. въ Британніи соотечественникъ и военный сподвижникъ Өеодосія, испанецъ Максимъ былъ провозглашенъ легіонами въ званіи императора и, какъ утверждалъ, принужденъ ими къ принятію его. Перейдя въ Галлію, онъ былъ признанъ и тамошними легіонами. Граціянъ рѣшился бѣжать и искать защиты за Альпами у брата своего, Валентиніяна II, но въ Лугдунѣ (Ліонѣ) былъ задержанъ посланными въ погоню за нимъ и умерщвленъ. Все это произошло такъ скоро, что Өеодосій узналъ объ этомъ разомъ въ одно время и, по прибытіи пословъ Максима для переговоровъ, былъ принужденъ руководиться болѣе политикой, нежели собственными чувствами. Результатомъ переговоровъ было признаніе Максима императоромъ, съ тѣмъ, чтобы онъ довольствовался одною Галльскою префектурой (т. е. Галліей, Британніей и Испаніей), а Италійская префектура (Италія, Иллирія и Африка) осталась во владѣніи Валентиніяна II, за несовершеннолѣтіемъ котораго правила мать его Юстина. Өеодосій и Максимъ держались православнаго ученія, но Юстина — аріянскаго, изъ-за чего вошла въ жестокій раздоръ съ архіепископомъ Медіолана Амвросіемъ и съ своими подданными. Максимъ рѣшился воспользоваться тѣмъ, чтобы отнять у Валентиніяна II префектуру его. Въ 387 г. онъ такъ быстро перешелъ черезъ Альпы и вторгнулся въ Италію, что Юстина съ сыномъ своимъ едва успѣла спастись въ Аквилею, откуда моремъ отправилась въ Өессалонику, ко двору Өеодосія, просить его защиты и помощи. Өеодосій, хотя и не сочувствовалъ ей, какъ аріянкѣ, но изъ собственныхъ выгодъ и по долгу благодарности принялъ ея сторону. Въ 388 г., одержавъ побѣду надъ полководцемъ Максима Андрагатомъ, онъ такъ быстро подступилъ къ Аквилеѣ съ арміей, составленной изъ готовъ, гунновъ и алановъ, что Максимъ не успѣлъ принять въ Аквилеѣ мѣръ къ оборонѣ. Войска его измѣнили ему, захватили его, сорвали съ него знаки императорскаго достоинства и приволокли его въ лагерь Өеодосія, къ ногамъ его. Өеодосій желалъ помиловать его, но войско потребовало его казни за смерть Граціяна и изгнаніе Валентиніяна II—и Өеодосій былъ вынужденъ предоставить его ярости войскъ, которыя и убили его и сына его, Виктора.

Послѣ этого Өеодосій остался полнымъ властителемъ всей римской имперіи и во все время пребыванія своего на западѣ правилъ одинъ. Однако, отправляясь въ 391 г. на востокъ, онъ возвратилъ Валентиніяну II западъ въ хорошемъ устройствѣ и цвѣтущемъ состояніи. Молодой Валентиніянъ подавалъ большія надежды, но вскорѣ былъ

убить главнымъ помощникомъ своимъ, магистромъ войска, франкомъ Арбогастомъ, за личную обиду. Послѣдній, именемъ его правившій дотолѣ государствомъ, положилъ продолжать это именемъ другаго императора, въ званіе котораго и возвысилъ бывшаго письмоводителя и друга своего, ритора Евгенія, произведеннаго имъ въ важный чинъ magister officiorum. Но Ѳеодосій не призналъ его и въ 394 г. двинулся на западъ съ многочисленнымъ войскомъ, главную силу котораго составляли готѳы, и между ними находился между прочимъ Аларикъ, изучавшій подъ предводительствомъ Ѳеодосія римское военное искуство, которое въ послѣдствіи употребилъ противъ самихъ римлянъ. Арбогастъ съ своей стороны также собралъ многочисленное войско, главную силу котораго составляли франки и аллеманны. Занявъ сильную укрѣпленную позицію между Альпами и Адріатическимъ моремъ, онъ выждалъ въ ней нападенія Ѳеодосія и отразилъ первый приступъ его съ большимъ урономъ для послѣдняго. Но вторичный приступъ былъ удачнѣе, чему много способствовало то, что въ рѣшительную минуту поднялся страшный вихрь, понесшійся прямо въ лицо арміи Евгенія и Арбогаста. Ѳеодосій одержалъ полную и совершенную побѣду и разомъ рѣшилъ ею войну. Евгеній былъ взятъ въ плѣнъ и обезглавленъ, а Арбогастъ самъ себя лишилъ жизни. Такимъ образомъ Ѳеодосій вторично завоевалъ западъ и снова соединилъ его съ востокомъ подъ своею единоличною властію. Но это продолжалось только четыре мѣсяца, потому что, хотя Ѳеодосій былъ еще въ такомъ возрастѣ, который, по видимому, обѣщалъ ему долгое царствованіе, но, вслѣдствіе трудовъ и заботъ послѣдняго похода, въ немъ такъ быстро развилась болѣзнь, зародышъ которой онъ носилъ въ себѣ, что 17 января 395 г. онъ кончилъ славную жизнь свою и не менѣе славное царствованіе свое, достойно снискавъ имя Великаго. Передъ смертію своею онъ окончательно раздѣлилъ римскую имперію на западную и восточную, назначивъ первую младшему сыну своему, 11-лѣтнему Гонорію, подъ опекой искуснаго и испытанной вѣрности полководца, вандала Стиликона, а вторую — старшему сыну, 18-лѣтнему Аркадію.

§ 408.

Войны отъ Ѳеодосія В. до паденія западной римской имперіи (395—476 г.г.).

Сыновья Ѳеодосія В. не имѣли, кажется, большихъ природныхъ дарованій, а данное имъ воспитаніе не способствовало исправленію

врожденныхъ недостатковъ ихъ. Поэтому и Аркадій, хотя по своему возрасту и могъ бы править самостоятельно, совершенно подчинился вліянію сначала галла Руфина, а по паденіи его — евнуха Евтропія и жены своей, корыстолюбивой Евдоксіи. Хотя мысль, что обѣ половины имперіи должны были составлять одно государство, и не изчезала еще долго, однако взаимное отчужденіе ихъ постепенно усиливалось все болѣе и болѣе, потому что каждая начала слѣдовать своей особенной политикѣ и ревностно старалась уклоняться отъ вліянія другой половины имперіи. Этими отношеніями и воспользовался предпріимчивый Аларикъ, дабы силою оружія доставить присоединившимся къ нему и избравшимъ его своимъ королемъ вестготθамъ выгодныхъ мѣстъ въ той части Иллирійской префектуры, которая принадлежала восточной римской имперіи.

Съ самаго начала, по смерти θеодосія В., Стиликонъ и Руфинъ, завидуя другъ другу, старались низвергнуть другъ друга, но первый одержалъ верхъ. Руфинъ, не успѣвъ женить Аркадія на своей дочери и, послѣ брака его съ Евдоксіей, дочерью франка Бауто, бывшаго въ римской военной службѣ, чувствуя, что сила и вліяніе его, Руфина, стали колебаться, между прочимъ потребовалъ отъ Стиликона возвращенія съ запада на востокъ легіоновъ, принадлежавшихъ къ восточной арміи. Стиликонъ возвратилъ ихъ, но подъ предводительствомъ преданнаго ему полководца, готθа Гайны. Когда въ ноябрѣ 395 г. Аркадій вышелъ съ Руфиномъ изъ Константинополя на встрѣчу этимъ легіонамъ, Руфинъ, по знаку Гайны, былъ окруженъ и убитъ готθами. Но Стиликонъ ничего не выигралъ отъ этого, потому что, вмѣсто Руфина, именемъ Аркадія стали править евнухъ Евтропій и Евдоксія, а Гайна, за чинъ magistri militum, посвятилъ себя и свое войско службѣ восточной имперіи. Стиликонъ вознаградилъ неудачу свою на востокѣ тѣмъ, что въ 398 г. женилъ 14-лѣтняго Гонорія на дочери своей Маріи и тѣмъ еще болѣе и даже вполнѣ утвердилъ свою власть на западѣ, а власть полководцевъ на немъ, которые всѣ были изъ германцовъ, развивалась соразмѣрно съ тѣмъ.

Въ это время Аларикъ, предложивъ правительству восточной имперіи услуги своихъ готθовъ и получивъ отказъ, склонилъ послѣднихъ къ нарушенію договора, заключеннаго ими съ θеодосіемъ В.— и они снова вторглись во θракію, Македонію, θессалію и въ 396 г. чрезъ θермопилы даже въ Грецію, страшно грабя и разоряя край. Овладѣвъ судами въ гаваняхъ послѣдней, они стали производить морскіе грабежи и на Адріатическомъ морѣ и угрожать берегамъ Италіи. Стиликонъ, для предупрежденія нападенія ихъ на Италію, переправился съ войскомъ на флотѣ въ Пелопоннесъ. Готθы отступили

передъ нимъ въ горы Аркадіи и были окружены имъ въ нихъ. Тогда-то Аларикъ проявилъ великія военныя дарованія свои: онъ успѣлъ счастливо пробиться въ Эпиръ, и Константинопольскій дворъ, чтобы не имѣть въ немъ опаснаго врага, а въ Стиликонѣ—тягостнаго союзника, согласился на прежнія предложенія перваго, возвелъ его въ санъ magistri militum восточной Иллирійской префектуры и далъ въ ней войскамъ его земли. Эти слабость и уступчивость пробудили въ Аларикѣ чувство собственнаго превосходства и жажду новыхъ завоеваній. Провозглашенный вестготѳами королемъ ихъ, онъ на первое время ограничился только лучшимъ вооруженіемъ ихъ изъ государственнаго склада оружія и сталъ выжидать благопріятныхъ обстоятельствъ и случая къ завоеваніямъ.

Между тѣмъ въ 398 г. Стиликонъ снова покорилъ Африку, въ которой братъ бывшаго самозванца-императора Фирма, Гильдонъ, провозгласилъ себя императоромъ, а на востокѣ Евтропій былъ низверженъ Гайной, но послѣдній не имѣлъ достаточно благоразумія и энергіи для утвержденія своей власти и, вслѣдствіе злоупотребленія ею, былъ изгнанъ и умерщвленъ. Послѣ того восточная имперія пользовалась нѣкоторое время спокойствіемъ, которое было нарушаемо только церковными смутами, вслѣдствіе преслѣдованія, низложенія и заточенія Евдоксіей и ея партіей Константинопольскаго архіепископа Іоанна Златоуста, сторону котораго принялъ преданный ему народъ и даже Гонорій, грозившій брату своему Аркадію войною, если онъ не возвратитъ Іоанна изъ заточенія. Только смерть послѣдняго отвратила эту войну.

Между тѣмъ Аларикъ, утвердясь въ восточной части Иллирійской префектуры, потребовалъ отъ Стиликона и западной части ея и въ 402 г. вторгнулся въ Италію. Пока Стиликонъ собиралъ войско, Гонорій искалъ убѣжища въ Равеннѣ, и съ тѣхъ поръ этотъ городъ, по причинѣ своего крѣпкаго мѣстнаго положенія и удобства спасаться изъ него моремъ, сталъ, взамѣнъ Медіолана, мѣстомъ пребыванія императоровъ и двора западной имперіи. Стиликонъ, прибывъ въ Италію съ войсками, выведенными изъ Британніи и Галліи и набранными въ Германіи, встрѣтилъ готѳовъ Аларика при Асти и въ недѣлю Пасхи 403 г. принудилъ ихъ при Полленціи къ сраженію, которое, хотя и не имѣло вполнѣ рѣшительнаго результата, однако доставило главныя преимущества Стиликону. Готы, потерявъ обозъ и плѣнныхъ, отступили, наблюдаемые и преслѣдуемые Стиликономъ, и въ томъ же году были еще разбиты при Веронѣ. Тогда Стиликонъ, давъ почувствовать Аларику превосходство своихъ силъ, согласился на его требованія и предоставилъ его управленію западную часть Иллирійской префектуры, что возбудило въ Италіи противъ Стили-

кона крайнее неудовольствіе и сильное подозрѣніе въ его вѣрности и честолюбивыхъ замыслахъ, хотя онъ имѣлъ въ виду только доставить западной имперіи защиту и бо́льшую твердость.

Но едва была отклонена опасность со стороны Аларика, какъ въ 405 г. многочисленныя силы различныхъ германскихъ народовъ, подъ предводительствомъ готөа Радагайса, имѣвшаго подъ своимъ начальствомъ до 12 т. знатныхъ людей съ ихъ дружинами, явились на сѣверовосточныхъ предѣлахъ западной имперіи и требовали принятія ихъ въ службу на такихъ же условіяхъ, что и готөы Аларика. Стиликонъ не хотѣлъ впустить ихъ въ предѣлы имперіи, но не былъ въ силахъ удержать вторженія ихъ чрезъ рэтійскія Альпы (нынѣ Граубюнденъ и Тироль) въ Италію, ни разоренія ими всей сѣверной Италіи, пока не нашелъ средства къ тому въ Аппеннинахъ. Здѣсь искусными движеніями и дѣйствіями онъ умѣлъ и успѣлъ такъ окружить и стѣснить германцовъ, что они частію погибли отъ меча или голода, частію же были принуждены сдаться. Самъ Радагайсъ былъ взятъ въ плѣнъ и умерщвленъ, а прочими плѣнниками Стиликонъ пополнилъ убыль въ легіонахъ. Но, вмѣсто признательности за двукратное спасеніе Италіи, онъ заслужилъ самую несправедливую неблагодарность и подозрѣніе, по поводу того, что пока онъ защищалъ Италію, Галлія и Испанія сдѣлались добычей варваровъ (вестготөовъ, вандаловъ и аланъ), а въ Британніи въ 407 г. явился самозванецъ-императоръ Константинъ, провозглашенный британскими легіонами. Послѣдній переправился въ Галлію и, разбивъ въ ней посланнаго противъ него, готөскаго префекта Сара, овладѣлъ ею, очистилъ ее отъ варваровъ и въ 408 г. занялъ также Испанію, въ которую послалъ сына своего, Константа, подъ руководствомъ префекта Геронтія. По подчиненіи имъ своей власти всей галльской префектуры, слабый Гоноріи призналъ его императоромъ. Враги Стиликона воспользовались всѣми этими событіями для возбужденія противъ него подозрѣній Гонорія, обвинили его будто бы въ намѣреніи, въ союзѣ съ Аларикомъ, идти къ Константинополю и возвесть въ немъ на престолъ сына своего Евхерія и составили заговоръ для погубленія его. Ставшій въ главѣ этого заговора новый любимецъ Гонорія Олимпій умѣлъ искусно воспользоваться слабостью послѣдняго и завистью римлянъ и иноземныхъ войскъ, обвинить Стиликона въ стремленіи къ завладѣнію престоломъ и наконецъ, 23 августа 408 г., казнить его, равно сына его, Евхерія, и всѣхъ друзей его. Это лишило западную имперію единственнаго полководца, который могъ еще защитить ее, обладавшаго великою энергіей и дарованіями въ управленіи какъ гражданскими, такъ и военными дѣлами, и оказавшаго несомнѣнныя и важныя заслуги государству.

Послѣдствія этого обнаружились немедленно: готѳы, аланы и другіе варвары, дотолѣ удерживаемые уваженіемъ или страхомъ къ военнымъ дарованіямъ Стиликона, но теперь побуждаемые необходимою, по понятіямъ германцовъ, кровною местью и алчностью къ добычѣ, возстали противъ Гонорія и Олимпія и подъ предводительствомъ Аларика въ 408 г. вторглись въ Италію. Аларикъ нашелъ ее совершенно беззащитною, безъ войскъ, и дошелъ безъ сопротивленія до Равенны, но, не теряя времени на осаду ея, двинулся прямо къ Риму, съ тѣмъ, чтобы изъ него объявить свои повелѣнія. Римъ вовсе не былъ приготовленъ къ осадѣ, и когда Аларикъ обложилъ его и отрѣзалъ ему всѣ подвозы продовольствія, то въ немъ произошелъ такой страшный голодъ, что, по сказанію историка Зосимы, чернь требовала позволенія продавать человѣческое мясо! Поэтому римскій сенатъ былъ вынужденъ вступить въ переговоры съ Аларикомъ и значительною суммою денегъ откупиться отъ обложенія. Въ концѣ 408 г. Аларикъ отступилъ въ Тусцію, расположился тамъ на зимнихъ квартирахъ, усилился присоединеніемъ къ нему множества новыхъ готѳовъ, гунновъ и другихъ варваровъ и велъ переговоры съ Гоноріемъ о назначеніи его, Аларика, магистромъ всѣхъ войскъ (utriusque militiae). Но какъ Гонорій никакъ не соглашался на это, то Аларикъ заставилъ жителей Рима провозгласить префекта его, Аттала, императоромъ и получилъ отъ послѣдняго санъ магистра всѣхъ войскъ, а зять его Атаульфъ — начальника гвардіи (comes domesticorum). Но когда это не уменьшило гордости и непреклонности Гонорія, Аларикъ низложилъ Аттала и въ 410 г. въ третій разъ подступилъ къ Риму. Хотя жители его и приготовились къ оборонѣ, но это не помогло имъ: ночью на 24 августа готѳамъ были отворены Саларійскія ворота (porta Salariana) — и войска Аларика вторглись въ Римъ и три дня грабили его (исключая церквей) и производили страшное кровопролитіе въ немъ. Множество жителей Рима и Италіи, въ томъ числѣ знатнѣйшихъ, лишившихся всего имущества своего, бѣжали въ Африку и Азію до самаго Іерусалима. Аларикъ чрезъ нѣсколько дней вышелъ изъ разграбленнаго и разореннаго имъ Рима и двинулся въ южную Италію, въ намѣреніи покорить Сицилію и Африку, но это не удалось ему. Онъ съ горестью видѣлъ, какъ на глазахъ его гибли утлыя суда, на которыхъ онъ хотѣлъ переправить свои войска, и умеръ въ томъ же году. Готѳы избрали, на мѣсто его, королемъ своимъ Атаульфа, который сначала хотѣлъ было совершенно истребить даже имя Рима и на развалинахъ его образовать новое царство готѳовъ. Но потомъ онъ убѣдился, что готѳы еще не были способны нести надъ собою мирное и благоустроенное правленіе, и сталъ искать славы въ поддержаніи западной имперіи и прими-

ренія съ Гоноріемъ. Этому много способствовала сестра послѣдняго Плацидія, взятая въ Римѣ въ плѣнъ и внушившая Атаульфу такую сильную страсть къ себѣ, что онъ требовалъ руки ея. Когда наконецъ Гонорій и дворъ согласились на это, въ 412 г. состоялся договоръ, по которому готѳы были приняты въ военную службу западной имперіи и обязались снова привесть въ покорность отложившуюся галльскую префектуру. Въ томъ же 412 г. они покинули разоренную ими Италію и перешли въ Галлію. Но еще прежде того Геронтій возмутился противъ Константина III и, умертвивъ сына его, Константина, осадилъ его самого въ Арлѣ, впрочемъ провозгласилъ императоромъ не себя, а друга своего Максима. Гонорій воспользовался этимъ и послалъ въ Галлію префекта Констанція, который образовалъ себѣ войско въ Иллиріи. По появленіи его въ Галліи, Геронтій, страшась измѣны своихъ приверженцовъ, бѣжалъ, но, видя невозможность спастись, лишилъ себя жизни. Максимъ искалъ защиты у варваровъ въ Испаніи, но въ 422 г. выданъ ими Гонорію и казненъ. Константинъ III вскорѣ сдался вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Юліяномъ, на условіи личной безопасности, однако оба были казнены. Такая же участь постигла и еще новаго самозванца-императора Іовина: въ 413 г. онъ былъ взятъ въ плѣнъ готѳами и по приказанію Атаульфа умерщвленъ. А въ послѣдствіи и самъ Атталъ попалъ въ руки Гонорія и за свою невольную вину былъ наказанъ отсѣченіемъ руки.

Такимъ образомъ единоличная верховная власть Гонорія была возстановлена; однако всѣ эти возмущенія не остались безъ послѣдствій. Послѣ паденія Геронтія, бывшіе въ его службѣ варвары овладѣли большею частію Испаніи: свевы, подъ предводительствомъ Германриха, поселились въ нын. Галиціи, аланы (славяне), подъ предводительствомъ Атакса—въ нын. Португалліи, а вандалы, подъ предводительствомъ Гундериха — сначала въ нын. Кастиліи, а потомъ въ нын. Андалузіи. Атаульфъ двинулся противъ нихъ съ своими готѳами изъ Галліи въ Испанію, но дошелъ только до нын. Барселоны, гдѣ въ 415 г. палъ жертвою кровной мести друзей убитаго имъ, стараго врага своего рода, Сара, братъ котораго Сигерихъ и былъ избранъ ими въ короли вестготѳовъ. Но недостойные поступки его съ семействомъ Атаульфа и даже съ Плацидіей возбудили негодованіе готѳовъ, и уже чрезъ семь дней они умертвили его и провозгласили королемъ на его мѣсто Валлію. Послѣдній отпустилъ Плацидію къ Гонорію, который выдалъ ее за Констанція и возвышалъ его отъ одного званія къ другому, дабы еще болѣе привязать къ себѣ этого вѣрнаго ему полководца, и наконецъ въ 421 г. провозгласилъ его Августомъ и своимъ соправителемъ. Валлія возобновилъ также съ

Гоноріемъ договоръ, по которому готѳы должны были возвратить ему захваченную варварами Испанію и получить за то земли въ Аквитаніи для своего поселенія, что и было исполнено съ обѣихъ сторонъ. За исключеніемъ Галиціи, въ которой утвердились свевы, и южной Португалліи, гдѣ удержались вандалы и аланы, готѳы съ 411 г. до 418 г. покорили всю остальную затѣмъ Испанію и возвратили ее Гонорію, а въ награду за это получили земли въ Аквитаніи и водворились въ ней, и король ихъ утвердилъ свое пребываніе въ Тулузѣ. Такимъ образомъ въ 43 года времени вестготѳы (а съ ними и аланы) отъ Дакіи и потомъ Ѳракіи на Дунаѣ прошли постепенно черезъ всю римскую имперію до Аквитаніи въ Галліи. Почти въ одно время съ ними въ послѣдней даны были земли и другому германскому племени—бургундамъ, по имени которыхъ область ихъ и была названа впослѣдствіи Бургундіей (Bourgogne).

Тогда, на всемъ пространствѣ отъ устьевъ Дуная до крайней оконечности Испаніи, западную римскую имперію частію обложила, частію пресѣкла цѣлая цѣпь германскихъ и славянскихъ народовъ, совершенно отрѣзавъ ей сообщеніе съ римскими провинціями къ сѣверу отъ этой линіи. Бритты и арморики на сѣверо-западныхъ берегахъ Галліи отложились и объявили себя независимыми. Предводители же варваровъ, поселившихся въ римскихъ провинціяхъ, признавали верховную власть римскаго императора тѣмъ, что принимали и носили титулы римскихъ званій и должностей и считали за честь называться socii—союзниками и hospites — гостями римлянъ. Между тѣмъ восточная римская имперія, сравнительно съ смутами западной, наслаждалась спокойствіемъ. По смерти Аркадія въ 408 г., ему наслѣдовалъ 7-лѣтній сынъ его Ѳеодосій II, подъ опекой префекта Анѳимія, который мудро правилъ до 414 г., а съ того времени—сестра Ѳеодосія Пульхерія. Восточная имперія значительно усилилась и могла рѣшительно вмѣшаться въ дѣла западной имперіи, когда, по смерти Гонорія въ 423 г., престолъ перешелъ къ несовершеннолѣтнему сыну Констанція и Плацидіи, Валентиніяну III, и въ это время явился похититель престола, по слѣдующимъ причинамъ:

При тѣхъ отношеніяхъ, которыя въ правленіе Гонорія развились въ военномъ сословіи, особа императора въ той же мѣрѣ утрачивала вѣсъ, въ какой особа полководца пріобрѣтала значеніе. Главные предводители войскъ сдѣлались самостоятельными въ отношеніи къ императору, потому что войска, набираемыя ими изъ варваровъ, зависѣли болѣе отъ нихъ, нежели отъ правительства. Важнѣйшими изъ нихъ въ западной имперіи въ это время были Бонифацій въ Африкѣ и Кастинъ въ Италіи, ненавидѣвшіе другъ друга. А какъ Бонифацій пользовался особенною благосклонностью Плацидіи, то Кастинъ

возсталъ противъ послѣдней и Валентиніяна, и его сторону принялъ полководецъ Аэцій, пользовавшійся у варваровъ большими извѣстностью и уваженіемъ и находившійся въ одинаковыхъ дружественныхъ отношеніяхъ какъ къ готѳамъ, такъ и къ гуннамъ. По смерти Гонорія, Кастинъ и Аэцій тотчасъ провозгласили императоромъ государственнаго министра его, Іоанна. Послѣдній осмѣлился отправить къ восточному двору посольство съ извѣщеніемъ о вступленіи своемъ на престолъ. Но Ѳеодосій II положилъ силою оружія поддержать право двоюроднаго брата своего, Валентиніяна III, на престолъ. Въ 425 г. полководцы его, начальствовавшіе: Ардабурій—флотомъ и сынъ его Аспаръ—сухопутною арміей (при которой находились также Плацидія и Валентиніянъ), двинулись на западъ. Между тѣмъ какъ Аспаръ овладѣлъ Салоной и осадилъ Аквилею, Ардабурій съ своею адмиральскою галерой попалъ въ середину непріятельскаго флота и былъ взятъ въ плѣнъ. Но, отвезенный въ Равенну, гдѣ находился Іоаннъ, онъ подкупилъ его войска и указалъ Аспару выгодное для нечаяннаго нападенія на Равенну мѣсто. Пользуясь тѣмъ и другимъ, Аспаръ успѣлъ проникнуть въ Равенну и захватить въ ней Іоанна, который и былъ казненъ. Между тѣмъ Аэцій набралъ для Іоанна войско, большею частію изъ гунновъ, но прибылъ къ Равеннѣ уже послѣ казни Іоанна и, имѣя въ своей власти набранное имъ войско, предложилъ свои услуги Плацидіи, которая и приняла его въ свою службу, дабы не имѣть его противъ себя, и даже назначила его главнымъ предводителемъ всѣхъ войскъ западной имперіи. Кастинъ же потерялъ всякое значеніе. Но Аэцій наслѣдовалъ отъ него ненависть къ Бонифацію и положилъ низложить этого страшнаго и опаснаго для него соперника. Вслѣдствіе козней его и противъ Бонифація, и противъ Плацидіи, первый отложился отъ послѣдней и призвалъ въ Африку, на помощь себѣ, Гейзериха съ вандалами изъ Испаніи. Въ 429 г. Гейзерихъ прибылъ въ Африку съ вандалами и аланами, къ которымъ присоединились еще многіе готѳы и другіе варвары, а въ Африкѣ — туземцы-еретики, ненавидѣвшіе православныхъ. Изъ всѣхъ варварскихъ народовъ, вторгавшихся въ римскую имперію, вандалы особенно отличались своею страстью къ разрушенію, такъ что имя ихъ обратилось въ этомъ отношеніи въ поговорку. Такъ и въ Африкѣ они страшно разорили всю эту страну все разрушая, и въ 430 г. завладѣли уже всѣми городами въ ней, кромѣ Цирты, Гиппона и Карѳагена. Тогда Бонифацій раскаялся въ призваніи ихъ и, примирившись съ Плацидіей и соединясь съ Аспаромъ, хотѣлъ изгнать ихъ силою оружія, но былъ разбитъ ими и осажденъ въ Гиппонѣ. По сдачѣ этого города, въ 431 г. Цирта и потомъ Карѳагенъ также были принуждены покориться вандаламъ,

которые, по удаленіи Аспара въ Константинополь, а Бонифація въ Равенну, основали въ Африкѣ свое, новокарѳагенское государство, завладѣли Сардиніей, Корсикой и всею западною частью Средиземнаго моря, производили на немъ морскіе разбои и разоряли самые берега и острова Италіи.

Между тѣмъ Аэцій, находившійся въ Галліи, гдѣ старался утвердить вліяніе римскаго правительства на варваровъ, узнавъ о примиреніи Бонифація съ Плацидіей и назначеніи его главнымъ предводителемъ войскъ западной имперіи, въ 432 г. двинулся съ арміей въ Италію, чтобы изгнать изъ нея Бонифація, а послѣдній пошелъ съ арміей же на встрѣчу ему. Въ происшедшемъ сраженіи между ними Аэцій былъ разбитъ, но смертельно ранилъ Бонифація, который и умеръ черезъ три мѣсяца. Аэцій удалился къ гуннамъ и, предводительствуя набраннымъ изъ нихъ войскомъ, принудилъ Плацидію къ возвращенію ему званія главнаго предводителя всѣхъ войскъ западной имперіи.

А между тѣмъ эта послѣдняя уже лишилась болѣе нежели на половину своихъ владѣній, именно: Британнія была добровольно покинута въ 426 г., южная Галлія, Испанія и Африка отторгнуты вестготѳами, свевами, аланами и вандалами съ 411 г. по 431 г., а Паннонія, Далмація и Норикъ уступлены Валентиніаномъ III восточной имперіи въ 437 г., за выкупъ жены его Евдокіи. Такимъ образомъ у него оставались только Италія, Рэтія и Винделиція. Въ юго-восточной Галліи образовалось въ 435 г. королевство бургундское, обнимавшее всѣ земли до Роны и Саоны, Гельвецію и нын. Савоію, а въ югозападной Галліи (Аквитаніи)—королевство вестготѳовъ, и только сѣверная Галлія, къ сѣверу отъ р. Луары, еще оставалась подъ управленіемъ римскихъ намѣстниковъ (изъ которыхъ послѣдній, Сіагрій, былъ разбитъ въ 486 г., въ сраженіи при Суассонѣ, Клодвигомъ, королемъ франковъ).

И въ это самое время гунны, въ 375 г. разрушившіе царство готѳовъ въ восточной Европѣ, отдѣльными ордами начавшіе нападать на дунайскія области римской имперіи, поселившіеся въ Панноніи и находившіеся въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Аэцію, въ 441 г., подъ предводительствомъ двухъ братьевъ, Аттилы и Бледы, сыновей Мунцука, принудили Ѳеодосія II къ постыдному миру и уплатѣ двойной дани. Въ слѣдующіе четыре года (442—445) всѣ гуннскія племена, равно какъ и обитавшія между ними германскія, славянскія и иныя, принуждены были покориться Аттилѣ и Бледѣ. Первый изъ нихъ въ 445 г. умертвилъ послѣдняго и образовалъ обширное и могущественное царство гунновъ, средоточіемъ котораго и царскимъ мѣстомъ пребыванія Аттилы сдѣлался обширный деревян-

ный городъ—градъ Аттилы—на равнинѣ между Дунаемъ, Тейсой и Карпатами. Отсюда Аттила все болѣе и болѣе тѣснилъ восточную римскую имперію и однимъ страхомъ своего имени заставлялъ слабаго Ѳеодосія II отклонять дарами и деньгами всякій поводъ къ разрыву съ гуннами. Но по смерти Ѳеодосія II въ 350 г., сестра и преемница его, Пульхерія, вступила въ бракъ съ сенаторомъ Маркіяномъ и провозгласила его императоромъ. Маркіянъ, съ отличіемъ прошедшій всѣ степени высшихъ гражданскихъ и военныхъ должностей, успѣлъ поддержать достоинство имперіи и прекратить рабскую покорность ея гуннамъ. Съ этого времени Аттила оставилъ восточную имперію въ покоѣ и обратился противъ западной. Къ нападенію на нее, съ одной стороны побуждалъ его король вандаловъ Гейзерихъ, опасавшійся за свои владѣнія въ Африкѣ, а съ другой стороны подала поводъ вражда двухъ франкскихъ князей, изъ которыхъ одинъ обратился съ просьбой о помощи къ римлянамъ, а другой—къ гуннамъ. Аттила, рѣшивъ силою оружія поддерживать дѣла своихъ союзниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ себя защитникомъ сестры Валентиніяна III, Гоноріи, которая, желая избавиться строгаго надзора при дворѣ брата своего, предложила Аттилѣ свою руку. Аттила, потребовавъ руки Гоноріи и съ нею приличнаго приданаго и получивъ отказъ, въ 451 г. двинулся со всѣми своими силами въ римскую (сѣверную) Галлію. Всѣ племена, обитавшія на пути его, были принуждены признать власть его и присоединиться къ его войску, а именно: гепиды и остготы, подъ предводительствомъ королей своихъ Гардериха и Валаміра, ругійцы, гелоны, скирры, бургунды, беллоноты, невры, бастарны, турниги и другія германскія и славянскія племена. Эти громадныя и страшныя силы построили, на всемъ пространствѣ Рейна отъ нын. Кольмара до Мастрихта, перевозныя суда, переправились черезъ Рейнъ и Маасъ и, не встрѣчая сопротивленія, наводнили всю страну до Луары и осадили Орлеанъ.

Между тѣмъ Аэцій дѣятельно вооружилъ вестготовъ и другихъ варваровъ, находившихся въ римскихъ владѣніяхъ, и поспѣшилъ на помощь Орлеану. По приближеніи его, Аттила снялъ осаду и отступилъ на поля Каталаунскія (campi Catalaunici, Шалонскія равнины въ Шампаніи), представлявшія наиболѣе выгодъ для дѣйствій многочисленной конницы его. Аэцій послѣдовалъ туда за нимъ и при Мури, близъ нын. Труа, занялъ обширную высоту, господствовавшую подъ равниной. Происшедшее здѣсь сраженіе было одно изъ громаднѣйшихъ и кровопролитнѣйшихъ въ исторіи и рѣшилось не въ пользу Аттилы. Послѣ тщетныхъ усилій разорвать ряды Аэція, гунны начали отступать въ безпорядкѣ, а вестготы — сильно нападать на нихъ. Король послѣднихъ, Теодорихъ, былъ убитъ, но они

не прежде замѣтили это, какъ уже принудивъ гунновъ искать защиты за своими повозками, которыми былъ огражденъ лагерь ихъ. Аэцій не отважился произвесть рѣшительное нападеніе на него, а напротивъ не препятствовалъ спокойному отступленію ихъ за Рейнъ. Хотя сѣверная, римская Галлія была страшно разорена при этомъ, но за то была спасена Аэціемъ отъ покоренія ея гуннами.

Однако Аттила не отказался отъ своего плана нападенія на западную римскую имперію, но только избралъ другое направленіе— и въ 452 г. вторгнулся въ Италію. Такъ какъ Аэцій, по видимому вовсе не ожидавшій того, не принялъ мѣръ къ занятію проходовъ въ Юлійскихъ Альпахъ, то гунны, по взятіи и разрушеніи Аквилеи, разлились по всей сѣверной Италіи. Жители ея, въ томъ числѣ образованнѣйшіе и богатѣйшіе, бѣжали съ имуществомъ и капиталами своими на отмели и острова сѣвернаго прибрежья Адріатическаго моря и положили первыя основанія образовавшимся тутъ, въ послѣдствіи времени, городу Венеціи (Venetia, отъ славянскихъ венетовъ или венедовъ) и его республикѣ.

Между тѣмъ Аэцій собралъ всѣ, какія только могъ, войска и присланныя въ помощь ему Маркіяномъ вспомогательныя и занялъ съ ними проходы въ Аппенинахъ. Валентиніянъ бѣжалъ изъ Равенны въ Римъ и отправилъ къ Аттилѣ послами искусныхъ переговорщиковъ Авіена и Тригеція и всѣми высоко уважаемаго епископа римскаго Льва I Великаго. Аттила находился тогда въ Мантуанской области, крайне нездоровой лѣтомъ, особенно для сѣверныхъ народовъ, и потому въ войскѣ Аттилы открылись повальныя болѣзни между людьми и лошадьми. Аттила, видѣвшій затрудненія, которыя могли встрѣтиться ему при продолженіи похода къ Риму, тѣмъ скорѣе склонился на представленія пословъ Валентиніяна и особенно епископа Льва и не пошелъ къ Риму, а снова обратился въ Галлію. Но вестготы, подъ предводительствомъ короля своего Торисмунда, оказали такое сильное сопротивленіе Аттилѣ, что онъ снова принужденъ былъ удалиться изъ Галліи безъ успѣха. Онъ воротился въ свою столицу или въ свой градъ и вскорѣ внезапно умеръ, оставивъ по себѣ многочисленное потомство. Старшій сынъ его, Еллакъ, объявилъ свои притязанія на наслѣдство отца, но встрѣтилъ соперниковъ въ другихъ братьяхъ. Германскіе народы, покоренные Аттилой, воспользовались несогласіями ихъ, чтобы свергнуть съ себя иго гунновъ, и подъ предводительствомъ короля гепидовъ, Гардериха, въ 453 г. вступили въ рѣшительное сраженіе съ гуннами въ Панноніи, на берегахъ рѣчки, которую Іорнандъ называетъ Нетодомъ, но положеніе которой неизвѣстно. Въ этомъ сраженіи гунны были разбиты, Еллакъ убитъ и гунская нація распалась. Часть ордъ ея, подъ предводительствомъ

одного изъ сыновей Аттилы, Денгизиха, держалась еще въ придунайскихъ странахъ, пока наконецъ не была совершенно истреблена совокупнымъ нападеніемъ остготѳовъ и римлянъ восточной имперіи. Остальныя же орды гунновъ, подъ предводительствомъ любимаго сына Аттилы Ирнака, удалились обратно за Днѣпръ и мало по малу изчезли въ степяхъ за нимъ, откуда вышли. Въ покинутыхъ гуннами странахъ водворились германскіе побѣдители ихъ, гепиды въ Дакіи, остготѳы—вдоль Дуная отъ нын. Вѣны до Сирмія (нын. Бѣлграда), а прочія племена—въ остальной части Иллирійской префектуры.

Изъ паденія гуннскаго царства больше всего пользы извлекла восточная римская имперія. Она была однороднѣе въ своемъ составѣ, нежели западная, въ которой германцы уже пріобрѣли рѣшительный перевѣсъ. Поэтому первая при Маркіанѣ и преемникѣ его, Львѣ I, могла снова укрѣпиться, между тѣмъ какъ вторая быстро клонилась къ своему паденію, ускоренному еще тѣмъ, что Валентиніянъ умертвилъ Аэція — защитника и спасителя западной имперіи, названнаго послѣднимъ римляниномъ. Валентиніянъ, по смерти матери своей, Плацидіи, съ 450 г. правившій одинъ и находившій положеніе Аэція слишкомъ тягостнымъ и опаснымъ для себя, склонясь на внушенія евнуха Иракліяна и другихъ придворныхъ, враговъ и завистниковъ Аэція, снизошелъ на вѣроломное, недостойное, собственноручное убіеніе послѣдняго въ собственныхъ покояхъ своего дворца, а вслѣдъ затѣмъ и всѣ друзья Аэція подверглись той же участи. Это возбудило всеобщее негодованіе, а въ оставшихся живыми друзьяхъ Аэція и особенно въ варварахъ, находившихся въ римскомъ войскѣ—жажду мести. Съ этою цѣлію друзья Аэція соединились съ римскимъ сенаторомъ Петроніемъ Максимомъ, котораго Валентиніянъ обезчестилъ, и 16 марта 455 г. умертвили послѣдняго, вмѣстѣ съ внукомъ его Ираклiяномъ, на Марсовомъ полѣ.

Со смертію Валентиніяна III родъ Ѳеодосія В. пресѣкся, и на престолъ уже полуразрушенной западной римской имперіи вступилъ Петроній Максимъ, правившій всего только три мѣсяца. Насильно вынужденная выйти замужъ за него—убійцу ея мужа, вдова Валентиніяна Евдоксія обратилась съ просьбой о помощи къ королю вандаловъ Гейзериху. Послѣдній посадилъ вандаловъ и мавровъ на всѣ галеры и даже лодки, какія могъ собрать, и въ іюнѣ 455 г. вошелъ съ ними въ Тибръ. При первой тревогѣ Максимъ хотѣлъ спастись бѣгствомъ, но былъ убитъ войскомъ и народомъ, а устрашенные жители Рима выслали къ Гейзериху того же римскаго епископа Льва В., который склонилъ Аттилу къ пощадѣ Рима, но Гей-

зериха успѣлъ упросить только о правильномъ разграбленіи этого города, безъ убійствъ и пожаровъ. Этотъ правильный грабежъ продолжался цѣлыхъ 14 дней, и вандалы и мавры Гейзериха нагрузили на свои суда несмѣтную и богатѣйшую добычу, въ томъ числѣ рѣдкія произведенія искуствъ, и сверхъ того взяли множество плѣнныхъ, большею частію изъ высшихъ и богатыхъ сословій, съ тѣмъ чтобы получить за нихъ большой выкупъ.

Замѣщеніе упраздненнаго и уже ничего не значившаго престола имперіи взяли на себя вестготы, король которыхъ Теодорихъ II въ августѣ 455 г. склонилъ префекта Мецилія Авита въ Испаніи принять императорское достоинство и обѣщалъ ему свою помощь, а Авитъ за то уступилъ ему, кажется, часть Испаніи. Но Авитъ, хотя и признанный восточнымъ дворомъ, въ Римѣ былъ принятъ враждебно, потому что былъ возвышенъ вестготами, а не варварами, бывшими въ римскомъ войскѣ. Между вождями послѣднихъ особенно возвышался въ это время Рицимеръ, родомъ свевъ по отцу, но готъ по матери. Онъ отказалъ въ повиновеніи Авиту, который самъ отрекся отъ престола и поступилъ въ духовное званіе (456 г.). Послѣ того верховная власть уже находилась въ рукахъ Рицимера съ 16 октября 456 г. до 1 апрѣля 457 г., и еслибы онъ провозгласилъ себя королемъ Италіи, то западная римская имперія уже тогда перестала бы существовать. Но онъ предпочелъ выгоднѣйшимъ для себя имѣть вліяніе на варваровъ въ ней—подъ именемъ выбраннаго имъ императора, друга своего, Юлія Маіоріяна. Восточный императоръ Левъ I, въ 457 г. наслѣдовавшій Маркіяну, призналъ Маіоріяна, а Рицимера возвелъ въ санъ патриція.

Оба двора, восточный и западный, убѣжденные, что западная имперія не могла существовать, если не возвратитъ себѣ Африку, снабжавшую Римъ и Италію хлѣбомъ, положили общими силами отнять ее у вандаловъ. Маіоріянъ самъ занимался приготовленіями къ тому и при этомъ выказалъ столько же искуства, сколько и энергіи. Но когда все было кончено, Гейзерихъ въ 460 г. внезапно напалъ на римскій флотъ, стоявшій въ гавани Карѳагена, и сжегъ его. Это несчастіе сдѣлалось еще важнѣе по своимъ послѣдствіямъ, потому что Рицимеръ воспользовался имъ для низложенія Маіоріяна. Приписавъ его неспособности сожженіе флота, въ которомъ онъ вовсе не былъ виноватъ, Рицимеръ склонилъ войска къ низложенію его—и 2 августа 461 г. Маіоріянъ былъ принужденъ отречься отъ престола, а черезъ 9 дней умеръ — вѣроятно насильственною смертію. Съ тѣхъ поръ до ноября 461 г. императора не было, и Рицимеръ снова правилъ одинъ, въ ноябрѣ же этого года выбралъ и провозгласилъ императоромъ Либія Севера, человѣка самаго незначущаго и даже

неизвѣстнаго происхожденія и не признаннаго ни германскими военными королями, ни римскими намѣстниками въ Галліи и Далмаціи, и воевавшаго только въ Италіи и областяхъ, въ которыхъ повелѣвалъ Рицимеръ. Послѣдній вскорѣ самъ убѣдился въ невозможности такого положенія и, низложивъ въ 465 г. Севера, предоставилъ назначеніе новаго западнаго императора восточному императору Льву I, который и назначилъ зятя умершаго Маркіана, Анѳимія. Послѣдній въ 467 г. былъ принятъ въ Италіи съ тѣмъ бо̀льшимъ восторгомъ, что прибылъ съ войскомъ и богатою казною. Анѳимій, для утвержденія добраго согласія съ Рицимеромъ, выдалъ за него дочь свою, и оба двора, восточный и западный, снова предприняли отнять у вандаловъ Африку. Они вооружили для того многочисленные флотъ и войско, но предпріятіе ихъ снова не имѣло успѣха, вслѣдствіе неискуства начальника флота, Василиска. Послѣдній, вступивъ въ переговоры съ Гейзерихомъ, тянулъ ихъ до тѣхъ поръ, пока Гейзерихъ, выждавъ благопріятнаго для себя вѣтра, не напалъ на римскій флотъ съ своими зажигательными судами и не сжегъ его снова. Слѣдствіемъ этого было то, что вандалы завладѣли и Сициліей, и Италія, теряя одну область за другою, все болѣе и болѣе заключалась въ одни собственные предѣлы. А къ этому присоединились еще открытая вражда и за нею война между Анѳиміемъ и Рицимеромъ. Послѣдній, выбравъ въ императоры сенатора Олибрія, женатаго на дочери Валентиніана III, Плацидіи, осадилъ Анѳимія въ Римѣ. Анѳимій оборонялся въ немъ три мѣсяца, по истеченіи которыхъ, 11 іюля 472 г. Рицимеръ взялъ Римъ приступомъ и отдалъ его своимъ войскамъ на разграбленіе, которое было ужаснѣе всѣхъ, потому что Римъ былъ опустошенъ не только мечомъ и огнемъ, но и чумой. Анѳимій былъ взятъ въ плѣнъ и убитъ, но и самъ Рицимеръ 20 августа 472 г. умеръ отъ чумы. Олибрій замѣнилъ его родственникомъ его, бургундскимъ графомъ Гундобальдомъ, который по смерти Олибрія, 23 октября того же года, въ свою очередь провозгласилъ императоромъ нѣкоего неизвѣстнаго Гликерія. Но въ тоже самое время восточный дворъ выбралъ родственника императрицы Верины, Юлія Непота, въ западные императоры. Между нимъ и Гликеріемъ произошла бы война, еслибы Гундобальдъ, по случаю смерти отца своего, не былъ принужденъ воротиться изъ Италіи въ Бургундію. Гликерій, покинутый своими подданными въ Италіи, покорился Непоту, прибывшему въ нее въ маѣ 474 г., и поступилъ въ духовное званіе. Непотъ никакъ не могъ найти человѣка, который, подобно Рицимеру и Гундобальду, вліяніемъ своимъ на варваровъ, доставилъ бы силу и повиновеніе императорской власти, и только уступилъ вестготѳамъ въ Галліи область арверновъ (нын. Овернь).

Наконецъ онъ назначилъ главнымъ начальникомъ войска (magister militum) Ореста, родомъ римлянина, но нравомъ варвара, который отличился своими военными и гражданскими способностями въ войскѣ Аттилы. Орестъ тотчасъ же воспользовался своею властію противъ Непота и, предводительствуя мятежными войсками, принудилъ его бѣжать, а на мѣсто его въ октябрѣ 475 г. назначилъ малолѣтняго сына своего, Ромула. Наскучивъ столь частыми перемѣнами императоровъ, германскія войска въ Италіи потребовали отъ Ореста твердаго и прочнаго опредѣленія своихъ отношеній къ правительству и третьей части Италіи для своего поселенія. Получивъ отказъ, они отложились отъ Ореста и обратились къ магистру войска (magister militum) Одоакру съ тѣмъ же требованіемъ. Тогда вокругъ Одоакра собрались войска варваровъ изъ всѣхъ городовъ и лагерей Италіи, и Одоакръ повелъ ихъ къ Павіи, гдѣ Орестъ хотѣлъ защищаться. Но въ августѣ 476 г. Одоакръ взялъ Павію, гдѣ Орестъ былъ убитъ, и затѣмъ двинулся къ Равеннѣ. Разбивъ Орестова брата Павла, онъ взялъ Равенну и въ ней императора Ромула Августула, низложилъ его и назначилъ ему мѣстопребываніемъ бывшее помѣстье Лукулла въ Кампаніи, съ пенсіей въ 6 т. золотыхъ въ годъ. Затѣмъ Одоакръ далъ своимъ войскамъ земли въ Италіи для поселенія и самъ остался главою ихъ съ титуломъ короля Италіи, между тѣмъ какъ данный ему восточнымъ дворомъ титулъ римскаго патриція доставилъ ему законную власть и надъ римскимъ народонаселеніемъ Италіи. Впрочемъ существованіе титула императора западной римской имперіи, а съ нимъ и самой этой имперіи, прекратилось собственно лишь по умерщвленіи (4 мая 480 г.) Непота, болѣе трехъ лѣтъ державшагося въ Салонѣ.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТАЯ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЕ ВОЙНЫ И ПОХОДЫ РИМЛЯНЪ ВЪ ЭТОМЪ ПЕРІОДѢ.

§ 409. Войны при Діоклитіанѣ (284—305 г.г.).—§ 410. Войны при Константинѣ В. (306—337 г.г.).—§ 411. Войны и походы Юліяна.—1-й походъ (356 г.).—§ 412. 2-й походъ Юліяна (357 г.).—§ 413. 3-й походъ Юліяна (358 г.).—§ 414. 4-й походъ Юліяна (359 г.).—§ 415. 5-й походъ Юліяна (361 г.).—§ 416. Война съ персами (362—363 г.г.).—§ 417. Войны и походы Валентиніяна I.—1-я война (366 г.).—§ 418. 2-я война Валентиніяна I (367 г.). — § 419. 3-я война Валентиніяна I (368—369 г.г.).— § 420. 4-я война Валентиніяна I (370—371 г.г.).

§ 409.

Войны при Діоклитіанѣ (284—305 г.г.).

Провозглашеніе Діоклитіяна императоромъ въ 284 г. повело къ 15-й (по счету) римской междуусобной войнѣ. Каринъ, обладавшій западомъ, хотѣлъ обладать всею имперіей, но своими пороками и жестокостью возстановилъ противъ себя сенатъ и народъ. Діоклитіянъ же, обязанный избраніемъ въ императоры своимъ отличнымъ дарованіямъ и военнымъ подвигамъ, не былъ намѣренъ уступить Карину правъ своихъ, и оба провели зиму 284—285 г.г. въ приготовленіяхъ къ войнѣ.

Весною 285 г. оба двинулись одинъ противъ другаго и въ маѣ вступили въ кровопролитное сраженіе на равнинѣ близъ городка Марга на Дунаѣ, въ Мизіи. Діоклитіянъ потерпѣлъ пораженіе и уже отчаявался въ спасеніи чести и даже жизни своихъ, когда побѣди-

тель Каринъ былъ убитъ однимъ своимъ трибуномъ за личное оскорбленіе. Смерть его прекратила войну въ самомъ началѣ, и Діоклитіянъ, ставъ единодержавнымъ правителемъ имперіи, не преслѣдовалъ противной партіи Карина и, признанный сенатомъ и народомъ въ Римѣ, провелъ зиму 285—286 г.г. въ Никомидіи, въ приготовленіяхъ къ походу противъ персовъ, снова завоевавшихъ, по отступленіи Нуменіяна, Месопотамію и намѣревавшихся завоевать и Сирію.

Поручивъ Максиміяну, избранному имъ въ соправители, прекращеніе безпорядковъ, возникшихъ въ Галліи, Діоклитіянъ весною 286 г. двинулся противъ персовъ. Но страхъ его имени заставилъ персидскаго царя Варана II просить мира, который и былъ дарованъ ему за уступку Месопотаміи и признаніе р. Тигра границей.

Изъ отрывковъ современныхъ историковъ усматривается, что послѣ того Діоклитіянъ побѣдилъ аравитянъ, сарматовъ, ютунговъ, квадовъ, карпіевъ и готѳовъ на Дунаѣ, но подробности этого неизвѣстны.

Между тѣмъ Максиміянъ въ Галліи принудилъ покориться возмутившихся багаудовъ и затѣмъ обратился противъ германцевъ, вторгнувшихся въ Галлію и страшно грабившихъ ее. Аллеманамъ и бургундамъ онъ отрѣзалъ способы продовольствованія и выморилъ ихъ голодомъ, а хаибоновъ и геруловъ разбилъ на голову въ открытомъ полѣ, одержавъ побѣду преимущественно личною своею храбростью. Онъ не ограничился этими успѣхами, въ 288 г. перешелъ черезъ Рейнъ и разорилъ край по ту сторону его мечомъ и огнемъ. При этомъ два германскіе вождя, франкъ Гексобонъ и Атехъ просили мира и получили его отъ Максиміяна. Въ тоже время послѣдній поручилъ одному опытному моряку Каравзію съ флотомъ очистить Сѣверное море отъ франковъ и саксовъ, производившихъ на немъ морскіе разбои. Но Каравзій подвергся обвиненію въ лихоимствѣ и, избѣгая казни, назначенной ему Максиміяномъ, направился съ флотомъ къ берегамъ Британніи, склонилъ на свою сторону находившійся въ ней легіонъ и провозгласилъ себя императоромъ. Затѣмъ онъ усилилъ свой флотъ, пригласилъ франковъ и саксовъ, производившихъ морскіе разбои, присоединиться къ нему и образовалъ себѣ такимъ образомъ морскія силы, которыя грозили сдѣлаться опасными для римлянъ.

Максиміянъ, занятый войною съ германцами, долженъ былъ употребить нѣсколько лѣтъ времени для образованія новаго флота. Каравзій воспользовался этимъ для значительнаго усиленія себя на морѣ и утвержденія въ Британніи. Такимъ образомъ Максиміянъ не рѣшился ничего предпринять противъ него съ новымъ флотомъ и новонабранными морскими войсками, а Каравзій продолжалъ носить

титулъ императора и владѣть Британніей, пока въ 294 г. не былъ убитъ вслѣдствіе заговора.

Максиміанъ же, побѣдивъ прирейнскихъ германцовъ, переселилъ многія племена франковъ и летовъ въ земли тревировъ и нервіевъ въ Галліи и призналъ границы имперіи достаточно обезпеченными этимъ (291 г.).

Въ 292 г., по случаю возстанія Каравзія въ Британніи и Ахилла въ Египтѣ, набѣговъ дикихъ племенъ на Африку и угрозы новой войны со стороны персовъ, Діоклитіанъ и Максиміанъ назначили Констанція Хлора и Галерія Цезарями, раздѣлили между собою и ими имперію, какъ было означено выше, и приступили, каждый въ своихъ областяхъ, къ водворенію порядка и спокойствія въ нихъ и къ отраженію внѣшнихъ враговъ.

Констанцій Хлоръ прежде всѣхъ долженъ былъ побѣдить и Каравзія, и франковъ, съ помощью его завладѣвшихъ страною батавовъ. Спачала онъ обратился въ 293 г. противъ укрѣпленнаго города Гессоріяка (нынѣ Булонь), въ который Каравзій поставилъ сильный гарнизонъ. Констанцій обложилъ этотъ городъ съ сухаго пути и моря, овладѣлъ имъ послѣ непродолжительнаго сопротивленія и поступилъ съ жителями его великодушно, дабы пріобрѣсть въ нихъ вѣрныхъ подданныхъ. Между тѣмъ какъ по его приказанію строился новый флотъ, онъ напалъ на франковъ, водворившихся въ странѣ батавовъ, именно въ устьяхъ Рейна и Шельды и въ множествѣ рукавовъ ихъ, образовавшихъ низменные и болотистые острова. Но ни эта трудная мѣстность, ни лѣса на ней не могли укрыть франковъ отъ войскъ Констанція, не смотря на необыкновенную затруднительность веденія войны въ такомъ краю. Преодолѣвъ все своею энергіей и настойчивостью, Констанцій не только покорилъ обратно занятую франками страну, но и принудилъ ихъ положить оружіе и переселилъ ихъ съ женами и дѣтьми въ тѣ области Галліи, которыя сами они незадолго передъ тѣмъ разорили. А дабы упрочить свое предпріятіе, Констанцій построилъ на границахъ и даже внутри независимой Германіи укрѣпленные лагери и крѣпостцы (форты).

Военныя приготовленія его противъ Британніи еще не были кончены, какъ онъ получилъ извѣстіе объ умерщвленіи Каравзія и провозглашеніи Алекта себя императоромъ (294 г.). Вслѣдствіе того Констанцій положилъ снова покорить Британнію, уже почти 10 лѣтъ отторженную отъ римской имперіи. А дабы во время его отсутствія изъ Галліи послѣдняя была защищена отъ нападеній германцовъ, Максиміанъ съ войскомъ прибылъ изъ Италіи на Рейнъ и страхомъ имени своего удержалъ германцовъ отъ набѣговъ.

Констанцій, положивъ напасть на Британнію съ двухъ сторонъ,

раздѣлилъ свой флотъ на двѣ части: одну, подъ личнымъ своимъ предводительствомъ—въ гавани Гессоріяка, а другую, подъ начальствомъ префекта Асклепіодота, опытнаго и храбраго полководца, образовавшагося еще въ войнахъ Авреліяна и Проба — въ устьѣ р. Сены. Алектъ съ своей стороны также съ однимъ флотомъ прикрылъ отъ Констанція западные берега Британніи, а другой флотъ поставилъ у нын. острова Уайта (Wight). Однако оба флота Констанція, благодаря густому туману, избѣжали бдительности флотовъ Алекта и благополучно пристали къ берегамъ Британніи, но только Констанцій нѣсколько позже Асклепіодота. Послѣдній, дабы заставить войска свои возложить всю надежду на побѣду, сжегъ свой флотъ. Алектъ же, собравъ свое войско близъ Лондина (Лондона), тѣмъ самымъ оставилъ берега безъ защиты и, разбитый на сухомъ пути въ открытомъ бою, хотѣлъ спастись бѣгствомъ, но былъ настигнутъ и убитъ. Войско его, состоявшее большею частію изъ варваровъ, вскорѣ было разсѣяно, и Лондинъ спасенъ частію флота Констанція отъ разграбленія. Однимъ этимъ рѣшительнымъ ударомъ Британнія была снова покорена римской власти и кромѣ того возстановлено господство римлянъ въ Сѣверномъ морѣ, которое было очищено отъ морскихъ разбойниковъ, уже бывшихъ не въ состояніи сопротивляться превосходнымъ въ силахъ и побѣдоноснымъ римскимъ флотамъ. Констанцій поступилъ съ покоренными бриттами великодушно, положилъ конецъ всѣмъ притѣсненіямъ, претерпѣннымъ ими при Каравзіѣ и Алектѣ, и упрочилъ въ Британніи тишину и спокойствіе благоразумными законами (301 г.), а затѣмъ изгналъ изъ Галліи франковъ и аллеманновъ (302 г.).

Между тѣмъ Діоклитіянъ, по примѣру Авреліяна, въ 296 г. переселилъ безпокойныхъ карпіевъ въ Паннонію и низложилъ самозванца-императора Ахилла въ Египтѣ. Послѣ 8-ми мѣсячной осады его въ Александріи, онъ взялъ этотъ городъ и Ахилла въ немъ—и первый, въ наказаніе, отдалъ войскамъ на разграбленіе, а послѣдняго казнилъ. Два другіе возставшіе города въ Египтѣ, Бузирисъ и Коптосъ, были взяты и разрушены. Въ этихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ Египтѣ Діоклитіяна сопровождалъ молодой сынъ Констанція Хлора, Константинъ, и особенно отличился во многихъ случаяхъ.

Наконецъ и Максиміянъ въ 297 г. счастливо воевалъ въ Африкѣ съ племенемъ квинквегентовъ (Quinquegentii) и съ мавританцами и низложилъ самозванца-императора Юліяна.

А пока Діоклитіянъ былъ занятъ покореніемъ Египта, персидскій царь Нарзесъ, уже съ 294 г. старавшійся распространить свои владѣнія завоеваніемъ римскихъ областей, успѣлъ завладѣть частію Арменіи. Діоклитіянъ поручилъ Галерію отнять ее у персовъ. Но по-

ходъ Галерія кончился очень неудачно и несчастливо: Галерій, храбрый, но не довольно осторожный, былъ разбитъ персами между городами Карры и Каллиникомъ (Никифòромъ) и едва успѣлъ спастись отступленіемъ, но чрезвычайно труднымъ и опаснымъ и съ большимъ урономъ войскъ въ бояхъ, отъ голода и болѣзней. Діоклитіянъ наказалъ его, воротясь изъ Египта, тѣмъ, что сдѣлалъ ему выговоръ передъ всѣмъ войскомъ и заставилъ его цѣлую римскую милю пройти въ головѣ арміи пѣшкомъ и въ полномъ императорскомъ облаченіи. Это такъ возбудило въ Галеріѣ честолюбіе и намѣреніе смыть съ себя это пятно, что онъ, пока Діоклитіянъ собиралъ въ Сиріи вспомогательную (резервную) армію, напалъ въ Арменіи на персовъ и нанесъ имъ полное и рѣшительное пораженіе (297 г.). Самъ Нарзесъ, раненый, едва спасся бѣгствомъ, а лагерь его былъ взятъ, со всѣмъ царскимъ семействомъ, множествомъ знатныхъ персовъ и всѣми сокровищами, имуществомъ и тяжестями, находившимися въ немъ. Нарзесъ униженно просилъ мира и получилъ его цѣною уступки 5 областей своихъ. Плѣнники персидскіе не были возвращены и украсили собою тріумфъ Діоклитіяна. Галерій же принялъ прозваніе Persicus, Armenicus и Adiabenicus и съ тѣхъ поръ такъ возгордился, что заставилъ называть себя сыномъ Марса!

По окончаніи войны съ персами, миръ на востокѣ 5 лѣтъ (298—302 г.г.) ничѣмъ не былъ нарушаемъ, и Діоклитіянъ занялся обезпеченіемъ границъ имперіи крѣпостцами (фортами), которыя вновь построилъ на Евфратѣ, Дунаѣ и Рейнѣ. При этомъ Амміянъ Марцеллинъ особенно упоминаетъ дотолѣ неважный городъ Цирцезій (Circesium) въ Месопотаміи, который Діоклитіянъ приказалъ укрѣпить по причинѣ важнаго въ военномъ отношеніи мѣстоположенія его при сліяніи р. Хабораса (Chaboras) съ Евфратомъ.

Въ 305 г. 1 мая Діоклитіянъ отрекся отъ престола и уговорилъ и Максиміяна сдѣлать тоже. Галерій и Констанцій Хлоръ заступили мѣста ихъ въ званіи Августовъ и первый назначилъ Цезарями сыновей сестры своей, Максимина и Севера.

Діоклитіянъ былъ несомнѣнно великій государь и полководецъ и въ военномъ отношеніи оказалъ римской имперіи большія заслуги обезпеченіемъ мира, тишины и спокойствія въ ней внутри и извнѣ. Но это продолжалось только во время 20-лѣтняго царствованія его и нарушилось вскорѣ по отреченіи его.

§ 410.

Войны при Константинѣ В. (306—337 г.г.).

По смерти Констанція Хлора 25 іюля 306 г. въ Эборакѣ (Eboracum, нынѣ Іоркъ), назначившаго преемникомъ по себѣ сына своего Константина, британскіе легіоны провозгласили его Августомъ, но Галерій назначилъ въ это званіе Севера, а Константина—Цезаремъ.

Три мѣсяца спустя, 23 октября 306 г., въ Римѣ произошло возмущеніе, вслѣдствіе неудовольствія на перенесеніе изъ него мѣстопребыванія императоровъ, угнетенія Галерія и упраздненіе преторіянскихъ когортъ. Этимъ воспользовался Максентій, сынъ Максиміяна и зять Галерія, для того, чтобы провозгласить себя императоромъ, при чемъ и отецъ его Максиміянъ, прибывъ въ Римъ, снова принялъ сложенное имъ съ себя званіе императора, и снова въ римской имперіи явились 4 Августа и 2 Цезаря и между ними произошла междуусобная война (16-я).

Северъ немедленно (въ ноябрѣ 306 г.) двинулся изъ сѣверной Италіи къ Риму съ арміей, составленной большею частію изъ войскъ, прежде служившихъ подъ начальствомъ Максиміяна и еще очень преданныхъ ему. Поэтому они перешли на его сторону, а Северъ бѣжалъ въ Равенну и въ ней былъ осажденъ Максиміяномъ. Но какъ осада затянулась на долгое время и Максиміянъ опасался, что Галерій изъ Ѳракіи и Иллиріи пришлетъ на помощь Северу подкрѣпленія, то предложилъ Северу сдаться на условіяхъ. Северъ, повѣривъ ему, сдался, но, по волѣ Максентія, былъ принужденъ самъ себя лишить жизни (въ апрѣлѣ 307 г.). Максиміянъ же, опасаясь мщенія Галерія, заключилъ союзъ съ Константиномъ.

Послѣдній между тѣмъ, тотчасъ по провозглашеніи его императоромъ (25 іюня 306 г.), обратился противъ франковъ, вторгнувшихся въ Галлію, разбилъ ихъ, и двухъ королей ихъ, взятыхъ въ плѣнъ, предалъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ. Затѣмъ онъ перешелъ черезъ Рейнъ, разорилъ огнемъ и мечомъ земли бруктеровъ и съ ихъ плѣнниками также поступилъ жестоко, надѣясь тѣмъ удержать впредь германцовъ отъ вторженій въ Галлію. Для бóльшаго же обезпеченія границъ, онъ построилъ на берегахъ Рейна укрѣпленные лагери и поставилъ въ нихъ сильные гарнизоны, а на самомъ Рейнѣ постоянно содержалъ сильный флотъ. Пораженіе, нанесенное имъ брукте-

рамъ, такъ подѣйствовало на многія прирейнскія племена германцовъ, что они просили мира и выдали заложниковъ.

Около этого времени Максиміянъ прибылъ въ Галлію и, для упроченія союза своего съ Константиномъ, назначилъ его Августомъ и выдалъ за него дочь свою Фавсту.

Во время отсутствія его изъ Италіи, Галерій прибылъ въ нее, для отмщенія Максентію за смерть Севера. Но подкупленныя Максентіемъ войска Галерія большею частію отложились отъ него, а съ остальными онъ поспѣшно отступилъ въ Иллирію, лишь съ большимъ трудомъ и потворствомъ грабежамъ и убійствамъ ихъ успѣвъ увлечь ихъ за собою.

Максентій предался такому безграничному деспотизму, что самъ Максиміянъ хотѣлъ низложить его, но какъ войска были на сторонѣ Максентія, то былъ принужденъ бѣжать къ Константину, а отверженный имъ — въ Никомидію къ Галерію (въ ноябрѣ 307 г.), который только-что назначилъ на мѣсто Севера Лицинія и поручилъ ему правленіе Паннопіей, Рэтіей и Италіей.

Въ 308 г. Максиміянъ вторично отрекся отъ престола и удалился въ Галлію, а Цезарь Максиминъ, оскорбленный назначеніемъ Лицинія Августомъ, самъ себя провозгласилъ имъ. Галерій призналъ его и Константина Августами и такимъ образомъ снова въ имперіи явились 4 Августа, а 5-й—Максентій—признанъ ими самозванцомъ! Но видно этого было мало: пока Константинъ былъ занятъ отраженіемъ новаго вторженія франковъ въ Галлію, Максиміянъ въ третій разъ возсталъ въ ней, захватилъ императорскую казну, подкупилъ оставшіяся войска и снова провозгласилъ себя императоромъ. Константинъ, только-что разбившій франковъ на берегахъ Рейна, немедленно двинулся усиленными переходами къ Кабиллону (Cabillonum, нынѣ Шалонъ на Саонѣ), посадилъ на р.р. Арарѣ (Саонѣ) и Роданѣ (Ронѣ) войска свои на флотъ и спустился по Родану до Арелата (Арля), гдѣ надѣялся настигнуть Максиміяна. Но послѣдній, будучи слабѣе въ силахъ, укрылся въ Массиліи (Марсели). Этотъ городъ тотчасъ открылъ ворота свои Константину, какъ только послѣдній подступилъ къ нему, и Максиміянъ былъ выданъ отложившимися отъ него войсками Константину, который помиловалъ его (309 г.). Но въ слѣдующемъ году Максиміянъ принялъ участіе въ заговорѣ противъ жизни Константина; заговоръ этотъ былъ открытъ, Константинъ предоставилъ ему самому избрать для себя родъ смерти—и Максиміянъ повѣсился.

Между тѣмъ на востокѣ Галерій своими угнетеніями навлекъ на себя общую ненависть, но въ маѣ 311 г. умеръ отъ болѣзни, бывшей слѣдствіемъ его невоздержности, послѣ 19-лѣтняго жестокаго

правленія и гоненія христіанъ. По смерти его, Константинъ, Лициній и Максиминъ, всѣ трое въ званіи Августовъ, раздѣлили между собою римскую имперію такъ, что первый правилъ Галліей, Британніей и Испаніей, Лициній—Илиріей, Ѳракіей, Македоніей и Греціей, а Максиминъ—всѣми восточными провинціями въ Азіи и Египтомъ. Италія же и Африка были во власти непризнаннаго имп Максентія. Африкой послѣдній овладѣлъ въ 311 г., разбивъ и казнивъ похитителя ея, нѣкоего Александра, и затѣмъ сталъ готовиться къ войнѣ противъ Константина, подъ предлогомъ отмщенія за смерть отца своего, Максиміяна. Но эта война изнѣженнаго, невоинственнаго, не имѣвшаго ни дарованій, ни опытности военной и ненавидимаго народомъ и войскомъ, тиранна Максентія противъ Константина, соединявшаго въ себѣ государственную мудрость и военныя дарованія, и въ постоянной войнѣ съ германцами пріобрѣтшаго большую военную опытность и пріучившаго войска свои къ дѣятельности и побѣдамъ, несомнѣнно должна была только погубить Максентія.

Выше было сказано, что Константинъ въ 308 г. разбилъ на берегахъ Рейна франковъ, вторгнувшихся въ Галлію, и затѣмъ обратился противъ Максиміяна въ южную Галлію. Въ 310 г., пока онъ находился въ Массиліи, бруктеры, хамавы, херуски и другія германскія племена соединились для общаго вторженія въ Галлію. Константинъ, покончивъ съ Максиміяномъ, обратился противъ нихъ, лишь съ двумя довѣренными лицами пробрался въ ихъ лагерь, все высмотрѣлъ и вывѣдалъ, затѣмъ на-голову разбилъ ихъ и за это получилъ и принялъ прозваніе Maximus — Великій, которое исторія и сохранила за нимъ, какъ достойное вслѣдствіе военныхъ подвиговъ и особенно государственныхъ учрежденій его. Галлія прежде всѣхъ другихъ римскихъ областей была многимъ обязана ему: столицей ея онъ назначилъ Тревиръ (Триръ), много пострадавшій отъ варваровъ, но имъ возстановленный, расширенный и значительно украшенный общественными зданіями. Онъ возстановилъ также полуразрушенный варварами городъ Августодунъ (Augustodunum. Бибракту временъ Юлія Цезаря, нынѣ Autun), въ благодарность ему принявшій названіе Flavia (по одному изъ именъ его, Флавій, до принятія имъ христіанской вѣры). При этомъ онъ возстановилъ и укрѣпленія городовъ Галліи, особенно сѣверной и восточной, и построилъ новыя, равно отдѣльныя укрѣпленія или постоянные укрѣпленные лагери (крѣпостцы, форты, замки и т. п.) вдоль всего Рейна и поставилъ въ нихъ гарнизоны.

Въ 311 г. предложенія, сдѣланныя имъ Максентію для сохраненія общаго мира, были отвергнуты Максентіемъ не только высокомѣрно, но и оскорбительно для Константина. Вслѣдствіе того, послѣдній

заключилъ съ Лициніемъ не только военно-политическій дружественный союзъ, но и семейный, выдавъ за него сестру свою Констанцію. Максентій же, съ своей стороны, вступилъ въ союзъ съ Максиминомъ; однако ни Лициній, ни Максиминъ не приняли участія въ воспослѣдовавшей 17-й римской междуусобной войнѣ Константина и Максентія.

Послѣдній собралъ 170 т. чел. пѣхоты и 18 т. чел. конницы и для продовольствованія ихъ учредилъ въ Италіи большіе склады запасовъ. Константинъ, съ своей стороны, образовалъ двѣ арміи: одну, въ значительныхъ силахъ, оставилъ въ Галліи, для обезпеченія границъ ея отъ вторженія варваровъ, а съ другою, въ числѣ 90 т. чел. пѣхоты и 8 т. чел. конницы (вдвое слабѣйшею Максентіевой арміи), въ 312 г. двинулся изъ Галліи въ Италію. Въ эти времена число христіанъ въ римской имперіи умножилось уже до того, что въ обѣихъ арміяхъ было множество христіанъ, еще тайныхъ въ арміи Максентія, но уже болѣе явныхъ въ арміи Константина, заимствовавшаго у своего кроткаго отца и первыя правила честной жизни, и отвращеніе отъ язычества, и расположеніе къ христіанской вѣрѣ, и покровительство христіанамъ. Уже близкій къ христіанству по чувствамъ сердца своего, Константинъ, именно въ Галліи, на походѣ въ Италію, окончательно обращенъ былъ къ истинному Богу и Христу чудеснымъ явленіемъ ему знаменія Креста на небѣ, съ словами надъ нимъ: Hoc signo vince (симъ побѣждай), и немедленно устроилъ въ своей арміи, вслѣдствіе того, христіанскія крестообразныя хоругви (labarum), съ изображеніемъ на нихъ и на шлемахъ и щитахъ воиновъ монограммы имени Іисуса Христа—І. С.*). Это произвело общій религіозный восторгъ между христіанскими воинами арміи его и необыкновенно одушевило ихъ совершенно иными чувствами, нежели тѣ, коими дотолѣ обыкновенно одушевлялись римскія языческія арміи. Это же имѣло и необыкновенное вліяніе на послѣдующія военныя событія войны съ Максентіемъ — первой войны христіанской арміи римской противъ такой же языческой.

Первое сопротивленіе Константинъ встрѣтилъ со стороны города Сегузіо (Segusio, нынѣ Суза въ Піемонтѣ), по переходѣ черезъ Альпы. Сильный гарнизонъ его не хотѣлъ впустить Константина въ городъ —и Константинъ сразу взялъ послѣдній приступомъ и двинулся къ Таврину или Августѣ тавриновъ (Augusta Taurinorum, нынѣ Туринъ). Здѣсь онъ встрѣтилъ Максентіевы войска, главную силу кото-

---

*) Евсевія: Исторія Церкви и Жизнь Константина В., а также Le Beau: Histoire du Bas Empire, en commençant à Constantin le Grand, и др. (см. источники).

рыхъ составляло большое число конныхъ латниковъ (катафрактовъ). Послѣ кровопролитнаго боя, Константинъ разбилъ ихъ и обратилъ въ бѣгство. Августа тавриновъ отворила свои ворота побѣдителю и тѣмъ подала всей транспаданской Италіи (по лѣвую сторону р. Пада или По) примѣръ отложенія отъ Максентія. Съ восторгомъ встрѣтили Константина жители Медіолана (Милана), главнаго города этой части Италіи, и всѣ другіе города до самой Бриксіи (Brixia, нынѣ Брешія). Здѣсь Константинъ (соблюдавшій въ своей арміи строжайшіе дисциплину и порядокъ) разбилъ и опрокинулъ еще одинъ сильный непріятельскій отрядъ конницы. Послѣдній бѣжалъ къ Веронѣ, гдѣ полководецъ Максентія Рурицій Помпеіянъ собралъ новую армію, но сдѣлалъ грубую ошибку, не занявъ войсками переходовъ черезъ р. Атезисъ (Athesis, нынѣ Адижъ). Пользуясь этимъ, Константинъ перешелъ черезъ эту рѣку нѣсколько выше Вероны, тотчасъ осадилъ послѣднюю съ лѣваго берега и отразилъ многія вылазки осажденныхъ. Рурицій, оставивъ въ Веронѣ сильный гарнизонъ, собралъ па правой сторонѣ Атезиса новое войско, перешелъ на лѣвую сторону рѣки и расположился въ тылу Константина, дабы тѣмъ принудить его къ снятію осады. Константинъ, оставивъ часть своей арміи для продолженія осады, съ главными силами обратился противъ превосходнаго въ силахъ Рурція и искусными своими распоряженіями и примѣромъ личной своей храбрости одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду. Рурицій былъ разбитъ и убитъ, войска его частію истреблены или разсѣяны, большею же частію взяты въ плѣнъ, а Верона сдалась. Ея примѣру послѣдовали Аквилея и Мутина (Модена), и такимъ образомъ вся сѣверная Италія была во власти Константина и ему былъ открытъ свободный путь до самаго Рима.

Только тогда вышелъ изъ своего безразсуднаго усыпленія недостойный Максентій, все время дотолѣ остававшійся въ Римѣ, не только въ военномъ бездѣйствіи, но и погруженный въ грубыя чувственныя наслажденія. Возложивъ безумную надежду на прорицаніе языческаго оракула, что въ ближайшемъ бою врагъ Рима погибнетъ, онъ выступилъ изъ Рима въ главѣ сильной арміи, которую и расположилъ вдоль праваго берега Тибра, имѣя въ тылу за собой эту рѣку и на ней мостъ, подъ названіемъ Мильвійскаго. Мостъ этотъ былъ устроенъ такъ, что середина его легко могла быть обрушена, и на нее-то безумный Максентій положилъ заманить армію Константина и потомъ потопить ее въ Тибрѣ! Вотъ какія тактическія соображенія пришли ему на умъ для одержанія побѣды надъ своимъ противникомъ! Но то, что онъ готовилъ послѣднему, исполнилось

надъ нимъ самимъ, и надъ нимъ же, врагомъ Рима, исполнилось и прорицаніе оракула. Въ сраженіи, происшедшемъ въ октябрѣ 312 г. у Мильвійскаго моста на Тибрѣ, Константинъ на голову разбилъ армію Максентія и бо́льшую часть ея опрокинулъ въ Тибръ, а остальную на мостъ, куда бросился и Максентій. Середина моста не выдержала напора огромной массы бѣгущихъ и вмѣстѣ съ ними и Максентіемъ обрушилась въ Тибръ, гдѣ Максентій и утонулъ.

На слѣдующій день Константинъ торжественно вступилъ въ Римъ, въ предношеніи отрубленной головы ненавистнаго всѣмъ Максентія. Одержавъ побѣду надъ нимъ подъ сѣнію Креста, Константинъ, въ благодарность Богу за то, немедленно водрузилъ этотъ внѣшній символъ христіанской вѣры на вершинѣ языческаго Капитолія—и тѣмъ впервые посвятилъ Римъ Христу! Только ближайшіе приверженцы и пособники Максентія были казнены, всѣхъ прочихъ же Константинъ помиловалъ, хотя народъ настоятельно требовалъ казни ихъ. Остатки буйныхъ преторіянцовъ—единственныя войска, обнаружившія приверженность дѣлу Максентія—были разжалованы и разосланы въ разныя мѣста, лагерь ихъ у Виминальскихъ воротъ Рима срытъ, а всѣ остальныя войска Максентія посланы на Дунай и Рейнъ противъ варваровъ. Въ тоже время Константинъ освободилъ изъ заключенія множество сенаторовъ и консульскихъ лицъ, возвратилъ изгнанниковъ, очистилъ сенатъ, возстановилъ его прежній блескъ и издалъ самыя мудрыя и благодѣтельныя постановленія. Изъ безчисленныхъ свидѣтельствъ признательности, которыми сенатъ и народъ осыпали Константина В., особеннаго упоминовенія заслуживаютъ тріумфальныя ворота въ Римѣ, до сихъ поръ сохранившіяся и въ надписи на которыхъ Константинъ названъ Великимъ, Благочестивымъ и Счастливымъ. Гоненія христіанъ были прекращены и послѣднимъ дарована полная свобода вѣроисповѣданія на всемъ пространствѣ римской имперіи.

Послѣ 2-хъ-мѣсячнаго пребыванія въ Римѣ, Константинъ въ 313 г. имѣлъ въ Медіоланѣ свиданіе и совѣщаніе съ Лициніемъ и потомъ отправился въ Галлію, которой уже снова угрожали франки. Быстрое прибытіе его удержало ихъ отъ перехода черезъ Рейнъ, но Константинъ выманилъ ихъ военною хитростью на лѣвый берегъ и разбилъ на голову. Множество взятыхъ у нихъ плѣнныхъ онъ приказалъ, подобно прежнимъ, предать растерзанію дикихъ звѣрей, для удержанія франковъ и другихъ германцовъ отъ вторженій въ Галлію (хотя эта жестокая мѣра уже не согласовалась съ христіанскимъ настроеніемъ Константина).

По смерти Максентія, римская имперія уже была раздѣлена между тремя императорами, изъ которыхъ Константинъ владѣлъ западными

областями и Италіей, Лициній—Иллиріей и прочими областями къ востоку отъ нея въ Европѣ, а Максиминъ—въ Азіи и Египтѣ. Только въ послѣднихъ продолжалось еще гоненіе христіанъ, вскорѣ прекращенное однако эдиктомъ Константина и Лицинія. Раздраженный этимъ Максиминъ положилъ внезапно напасть на Лицинія. Въ то время, когда послѣдній торжественно праздновалъ зимою 312-313 г.г. бракосочетаніе свое съ сестрою Константина Констанціей, Максиминъ собралъ въ Виѳиніи 70 т. чел. войскъ, безъ сопротивленія переправился черезъ Геллеспонтъ, послѣ 13-дневной осады взялъ Византію и уже овладѣлъ Гераклеей, когда Лициній поспѣшно двинулся противъ него съ наскоро-собраннымъ, небольшимъ числомъ войскъ. При Адріанополѣ во Ѳракіи онъ имѣлъ уже до 30 т. войскъ, съ которыми и вступилъ на равнинахъ города Серены (Serena), между Адріанополемъ и Гераклеей, въ сраженіе съ превосходными силами Максимина и, не смотря на то, одержалъ рѣшительную побѣду надъ нимъ. Бо́льшая часть арміи Максимина была истреблена, а остальная передалась Лицинію. Самъ Максиминъ въ одеждѣ раба бѣжалъ въ Никомидію и оттуда въ Каппадокію, гдѣ сталъ собирать новую армію.

Лициній переправился въ Виѳинію, издалъ эдиктъ о свободѣ вѣроисповѣданія и двинулся противъ Максимина въ Киликію. Здѣсь Максиминъ оставилъ лучшія войска свои для обороны горныхъ проходовъ Тавра, а самъ спасся въ Тарсъ. Лициній разбилъ войска его въ проходахъ Тавра, и тогда Максиминъ, отчаявшись въ спасеніи, отравился. Лициній объявилъ его, даже по смерти, врагомъ государства и казнилъ все его семейство и родственниковъ, равно дѣтей Галерія и Севера, вдову и дочь Діоклитіяна.

Затѣмъ въ римской имперіи остались уже только Константинъ и Лициній, каждый изъ которыхъ явно стремился къ единовластію. При такихъ отношеніяхъ не могло быть недостатка въ несогласіяхъ и поводахъ къ войнѣ между ними — и она дѣйствительно произошла уже въ 314 г. Константинъ потребовалъ новаго раздѣленія имперіи, но Лициній отвергнулъ это и принялъ мѣры для защиты силою оружія новыхъ завоеваній своихъ на востокѣ. 8 октября 314 г. при Цибалисѣ, недалеко отъ Сирмія и впаденія р. Дравы въ Дунай, между ними произошло упорное и кровопролитное сраженіе, продолжавшееся 12 часовъ и кончившееся пораженіемъ Лицинія и побѣдой Константина. Лициній спасся въ Сирмій и оттуда въ Адріанополь, гдѣ началъ собирать новую армію. Константинъ же взялъ его лагерь при Цибалисѣ и Сирмій и быстро прошелъ чрезъ верхнюю Мизію и часть Дакіи, гдѣ былъ принятъ какъ побѣдитель. Въ Филиппополѣ къ нему прибыло посольство Лицинія, для мирныхъ переговоровъ; но какъ

Константинъ первымъ условіемъ поставилъ низложеніе только-что назначеннаго Лициніемъ Цезаря Валента, а Лициній не согласился на это, то при Мардіи, между Филиппополемъ и Адріанополемъ произошло вторичное сраженіе между Константиномъ и Лициніемъ. Хотя оно не имѣло рѣшительнаго результата, однако требованіе Константина было исполнено: Валентъ былъ низложенъ, а Лициній, вслѣдствіе мирнаго договора съ Константиномъ въ Адріанополѣ, получилъ въ управленіе въ Европѣ только Ѳракію, нижнюю Мизію и Малую Скиѳію на правой сторонѣ нижняго Дуная, всѣ остальныя же области на востокѣ долженъ былъ уступить Константину (314 г.). Три года спустя, въ 317 г. Константинъ и Лициній согласились назначить Цезарями своихъ малолѣтнихъ сыновей, младшаго Константинова—Константа и единственнаго Лициніева—Лициніяна.

Но согласіе между Константиномъ и Лициніемъ не могло долго продолжаться, потому что первый покровительствовалъ христіанамъ, а послѣдній жестоко гналъ ихъ. Поэтому взаимное раздраженіе между обоими императорами постепенно возрастало все болѣе и болѣе и черезъ 8 лѣтъ послѣ Адріанопольскаго мира—въ 323 г. повело къ новой войнѣ между ними (19-й римской междуусобной), которую можно считать 1-ю христіанскою религіозною войною. Главною цѣлію Константина было отнять у Лицинія господство на морѣ, и съ этою цѣлію онъ собралъ въ гавани Пирея до 200 военныхъ и до 2 т. перевозныхъ судовъ, при Ѳессалоникѣ же 120 т. чел. пѣхоты и 10 т. конницы. Лициній же, съ своей стороны, собралъ 400 военныхъ судовъ при входѣ въ Геллеспонтъ (Дарданеллы) и 150 т. чел. пѣхоты и 14 т. чел. конницы, при Адріанополѣ. Оба императора находились при своихъ сухопутныхъ арміяхъ, и Константинъ первый открылъ военныя дѣйствія внезапнымъ нападеніемъ на армію Лицинія на такомъ пунктѣ, гдѣ послѣдній наименѣе ожидалъ того, считая армію свою достаточно прикрытою р. Гебромъ (Hebrus). Въ произшедшемъ, вслѣдствіе того, въ 323 г. сраженіи Лициній былъ разбитъ на голову, съ урономъ до 34 т. чел. убитыхъ, съ потерей лагеря своего, взятаго съ боя, и спасся бѣгствомъ въ Византію; остатки же арміи его перешли къ Константину.

Послѣдній обложилъ Лицинія въ Византіи съ сухаго пути, а противъ его флота послалъ свой подъ начальствомъ сына своего, Криспа. Начальникъ Лициніева флота, Абантъ, былъ разбитъ въ устьѣ Геллеспонта, а остальная часть флота Лицинія у малоазіятскихъ береговъ была истреблена бурей, и затѣмъ Криспъ обложилъ Византію съ моря. Лициній, слишкомъ слабый для сопротивленія, успѣлъ съ лучшими войсками своими спастись изъ Византіи въ Халкедонъ. Назначеннаго имъ Цезаря Мартиніяна онъ послалъ въ Лампсакъ, съ

приказаніемъ какъ можно долѣе удерживать при немъ флотъ Константина, а самъ между тѣмъ успѣлъ собрать новую армію силой до 130 т. чел. войскъ. Константинъ, снявъ осаду Византіи, переправился въ Малую Азію и выше (къ сѣверу) отъ Халкедона, близъ Священнаго мыса, построилъ свою армію въ боевой порядокъ. Снова предпринятые Лициніемъ мирные переговоры были отвергнуты и въ происшедшемъ затѣмъ сраженіи при Хрисополѣ Лициній былъ разбитъ на голову, съ урономъ до 100 т. чел. частію убитыми, частію взятыми въ плѣнъ, и едва спасся въ Никомидію (323 г.). Здѣсь онъ былъ принужденъ сложить съ себя санъ императора и удалиться въ частную жизнь въ Ѳессалоникѣ. Мартиніанъ былъ казненъ, а всѣ прочіе приверженцы и сподвижники Лицинія были помилованы. Византія и Халкедонъ покорились Константину, всѣ восточныя области признали его императоромъ, и такимъ образомъ онъ сдѣлался единодержавнымъ властителемъ римской имперіи.

Въ слѣдующемъ 324 г. Лициній, подъ предлогомъ заговора, былъ умерщвленъ, а нѣсколько времени спустя и сынъ его Лициніанъ имѣлъ туже участь. Въ 325 г. Константинъ, положивъ перенесть правленіе въ Византію, приступилъ къ распространенію и укрѣпленію этого города и черезъ 5 лѣтъ—въ 330 г. 11 мая освятилъ его по христіанскому обряду, подъ названіемъ Новаго Рима (Neo-Roma) или Константинополя (что̀ въ православныхъ славянскихъ святцахъ именуется обновленіемъ Цареграда).

Въ 9 лѣтъ мира, съ 323 г., Константинъ издалъ цѣлый рядъ мудрыхъ государственныхъ законовъ, гражданскихъ и военныхъ, явивъ себя въ нихъ столько же великимъ государемъ, сколько и полководцемъ. Изъ военныхъ законовъ его особеннаго вниманія заслуживаютъ: 1) уничтоженіе злоупотребленія, состоявшаго въ томъ, что сыновья ветерановъ, даже не поступившіе въ военную службу, пользовались одинаковыми правами съ своими отцами: они были обязаны военною службой наравнѣ съ прочими согражданами; 2) отнятіе у низшихъ частныхъ начальниковъ войскъ (офицеровъ) незаконно присвоеннаго ими себѣ, со временъ послѣднихъ междуусобныхъ войнъ, права требовать выдачи своего содержанія, не натурой, какъ прежде, а деньгами: Константинъ снова ограничилъ выдачу имъ содержанія только натурой, съ особеннымъ при этомъ повелѣніемъ, чтобы все, недобранное ими изъ складовъ, поступало въ пользу фиска (fiscus, государственной казны); 3) уничтоженіе злоупотребленій, вкравшихся въ увольненіе нижнихъ чиновъ изъ пограничныхъ легіоновъ: Константинъ постановилъ, чтобы всякій военачальникъ, уволившій своихъ нижнихъ чиновъ въ отпускъ во время военныхъ дѣйствій противъ варваровъ, былъ казненъ смертію, а въ мирное время — нака-

занъ вѣчнымъ изгнаніемъ; 4) вмѣсто одного преторіянскаго префекта, прежде столь вреднаго и даже пагубнаго для императоровъ, онъ учредилъ четырехъ, но значительно ограничилъ власть ихъ, каждому изъ нихъ назначилъ свой особенный діоцезъ, которымъ онъ долженъ былъ управлять по гражданской части; военную же власть, отнятую отъ нихъ, онъ передалъ двумъ магистрамъ войска (magistri militum), которые наоборотъ не имѣли никакой гражданской власти, и пр. т. п.

Послѣднія 5 лѣтъ (332—336) царствованія Константина были возмущаемы частыми нападеніями варваровъ. Противъ готѳовъ онъ самъ двинулся въ походъ и разбилъ ихъ, а когда они возобновили свои нападенія, послалъ противъ нихъ старшаго сына своего, Константина. Послѣдній истребилъ ихъ до 100 т., частію въ бояхъ, частію голодомъ и отъ заразительныхъ болѣзней. Наконецъ, благодаря переговорамъ, мудро веденнымъ съ ними самимъ Константиномъ, миръ съ этимъ многочисленнымъ и воинственнымъ народомъ былъ наконецъ возстановленъ.

Сарматы, также грабившіе пограничныя дунайскія римскія владѣнія, были разбиты и отражены. Когда же послѣ того они вступили въ войну съ готѳами и были разбиты ими, то просили помощи Константина. Тогда до 300 т. ихъ, съ женами и дѣтьми, были переселены во Ѳракію, Македонію и Италію, а молодые люди изъ нихъ распредѣлены по легіонамъ.

Наконецъ въ послѣднемъ, 336 г. своего царствованія Константинъ былъ снова принужденъ вооружиться противъ персовъ, царь которыхъ Сапоръ II потребовалъ возвращенія ему тѣхъ 5 областей, которыя были отняты у его предшественника Нарзеса. Константинъ отвѣчалъ на это требованіе, что самъ лично дастъ Сапору отвѣтъ и вслѣдъ затѣмъ выступилъ въ походъ съ многочисленнымъ войскомъ и прибылъ къ Никомидіи. Отсюда онъ отправилъ посольство къ Сапору, уже перешедшему черезъ Тигръ и разорявшему Месопотамію. Неизвѣстно, былъ ли заключенъ мирный договоръ, но только персы очистили римскія владѣнія и удалились въ свои.

Въ слѣдующемъ же 337 г. 22 мая Константинъ умеръ въ Ахиронѣ (Achyron) близъ Никомидіи, на 64 году жизни и 31 году царствованія своихъ, торжественно принявъ передъ смертію св. крещеніе. Два главные историка и жизнеописателя его, язычникъ Зосима и христіанинъ Евсевій, изображаютъ его совершенно различно, послѣдній— столько же въ пользу его, сколько первый — наоборотъ. Но безпристрастная оцѣнка его дѣяній во всякомъ случаѣ показываетъ, что онъ несомнѣнно имѣлъ отъ природы необыкновенныя дарованія и, какъ мудрый государь и искусный полководецъ, долженъ быть по-

ставленъ на ряду съ лучшими римскими императорами, но что до своего крещенія передъ смертію онъ часто принужденъ бывалъ приводить свои замыслы въ исполненіе съ коварствомъ и жестокостью.

§ 411.

Войны и походы Юліяна (356—363 г.г.).—I-й походъ 356 г.

Безпрестанныя вторженія франковъ, аллеманновъ и саксовъ въ Галлію побудили наконецъ императора Констанція (337—361 г.г.), втораго сына Константина В., назначить Цезаремъ двоюроднаго брата своего, Флавія Юліяна, и поручить ему обезпеченіе Галліи отъ вторженій германцовъ.

Юліянъ, воспитанный въ тяжкой школѣ несчастія, подъ гнетомъ тиранскаго правленія, и получившій высшее, многостороннее образованіе въ Аѳинахъ, съ самаго начала своихъ войнъ и походовъ явилъ въ себѣ отличнаго полководца. Въ короткое время онъ довершилъ свое военное образованіе, успѣлъ близко узнать какъ подчиненныя ему войска и провинцію, такъ и непріятелей, съ которыми долженъ былъ воевать, и уже въ первомъ походѣ своемъ далеко опередилъ тѣхъ, которыхъ недовѣрчивый Констанцій назначилъ ему руководителями и наблюдателями. Онъ возстановилъ въ войскахъ упавшую дисциплину, во всѣхъ отношеніяхъ подавая имъ превосходный личный примѣръ. Его мудрое и кроткое управленіе Галліей снискало ему въ высокой степени благорасположеніе жителей ея. Опустошенная германцами, она снова разцвѣла и въ ней возстановились спокойствіе и безопасность.

Пребывая въ Віеннѣ, Юліянъ узналъ, что аллеманны переправились черезъ Рейнъ и обложили Августодунъ (Augustodunum, нынѣ Troyes), и немедленно двинулся для освобожденія его. По приближеніи его, аллеманны сняли обложеніе и стали отступать къ Рейну. Юліянъ, вопреки совѣту своихъ приближенныхъ, рѣшился преслѣдовать аллеманновъ своими легкими войсками. Кратчайшимъ путемъ дошелъ онъ до Августодуна, а оттуда, въ безпрерывныхъ частныхъ дѣлахъ, возстановившихъ въ легіонахъ самодовѣріе, до Дурокортора (Durocortorum, нынѣ Rheims), гдѣ соединился съ главными силами арміи, прибывшими туда по удобнымъ дорогамъ. Отсюда онъ обратился къ нын. Діёзу (Dieuze) противъ аллеманновъ и хотя арріергардъ его потерпѣлъ нѣкоторый уронъ изъ засады, но за то Юліянъ одержалъ при Брокомагѣ (Brocomagus, нынѣ Brumpt) легкую побѣду надъ аллеманнами и прогналъ ихъ на острова Рейна. Затѣмъ онъ

немедленно двинулся къ Колоніи (Кёльну), уже 10 мѣсяцовъ находившейся въ развалинахъ отъ разоренія германцовъ, возстановилъ и укрѣпилъ ее и снабдилъ сильнымъ гарнизономъ.

Между тѣмъ германское племя ютонговъ или ютунговъ вторглось чрезъ верхній Дунай въ римскія владѣнія. Констанцій двинулся на встрѣчу имъ изъ Медіолана (Милана) чрезъ Рэтію, а Юліянъ въ тоже время — вверхъ по лѣвому берегу Рейна до Базиліи (Базеля), дабы отрѣзать имъ отступленіе. Они были отброшены въ свои земли и послѣднія опустошены огнемъ и мечомъ. Атакованные со всѣхъ сторонъ, они были принуждены просить мира, который и былъ дарованъ имъ, послѣ чего Констанцій воротился въ Медіоланъ, а Юліянъ—въ Агендикъ (Agendicum, нынѣ Sens), гдѣ и провелъ зиму.

§ 412.

2-й походъ Юліяна (357 г.).

Между тѣмъ, какъ онъ готовился къ походу слѣдующаго года, германцы осадили его въ Агендикѣ, тѣмъ болѣе надѣясь на успѣхъ, что Юліянъ, какъ имъ извѣстно было, по недостатку продовольствія раздѣлилъ свои силы. Но онъ 30 дней оборонялся такъ упорно, что германцы наконецъ сняли осаду.

Въ продолженіи зимы Юліянъ, получивъ отъ Констанція полномочіе, значительно усилилъ свою армію и, послѣ осады Агендика, разставилъ на всемъ протяженіи отъ Рейна до этого города наблюдательные караулы, которые должны были громкимъ крикомъ передавать одни другимъ извѣстія о переходѣ германцовъ черезъ Рейнъ.

Такимъ образомъ Юліянъ, едва узнавъ о вторженіи германцовъ, немедленно двинулся къ Дурокортору (Durocortorum). Въ тоже время Констанцій послалъ префекта Барбаціо (Barbatio) съ 25 т. чел. войскъ изъ Италіи къ Базиліи, дабы поставить германцовъ между двухъ армій. Однако леты, присоединившіеся къ аллеманнамъ, быстро прошли между обѣими арміями даже до Лугдуна (Lugdunum, нынѣ Ліонъ), съ цѣлію разграбить этотъ богатый городъ. Узнавъ объ этомъ, Юліянъ немедленно послалъ три лучшіе отряда своей конницы, для занятія трехъ переправъ черезъ Рейнъ, по одной изъ которыхъ германцы необходимо должны были отступить. Это было увѣнчано полнымъ успѣхомъ: леты были почти всѣ истреблены и вся награбленная ими добыча отнята у нихъ. Только небольшая часть ихъ спаслась съ той стороны, гдѣ стоялъ Барбаціо, вѣроломно давшій имъ свободный пропускъ; аллеманны же отступили на острова Рейна. Юліянъ

потребовалъ отъ Барбаціо 7 барокъ для переправы войскъ на эти острова; но Барбаціо, изъ зависти къ нему, отказалъ въ нихъ и тогда Юліянъ переправилъ часть своихъ войскъ на ближайшіе острова въ бродъ, другую — вплавь и на щитахъ, а остальную на найденныхъ судахъ, на другіе острова. Такимъ образомъ аллеманны были частію истреблены, частію прогнаны съ этихъ острововъ и переправились на правый берегъ Рейна. Юліянъ тотчасъ возстановилъ разоренный ими городъ Сабрину (Sabrina, нынѣ Zabern или Saverne) и поставилъ въ него сильный гарнизонъ. Барбаціо же, хотѣвшій перейти черезъ Рейнъ по мосту на судахъ, былъ разбитъ аллеманнами и преслѣдованъ до Базиліи. Эта побѣда исполнила германцовъ такой гордости, что семь королей ихъ соединили свои силы, подступили къ правому берегу Рейна близъ города Аргентората (Argentoratum) и потребовали отъ Юліяна, чтобы онъ удалился изъ покоренныхъ ими земель, представивъ вмѣстѣ съ тѣмъ письма Констанція къ нимъ, которыми они во времена Магненція были приглашены вторгнуться въ Галлію и имъ за то были обѣщаны въ собственность тѣ земли, которыми они завладѣли бы.

Юліянъ задержалъ пословъ ихъ въ своемъ лагерѣ при Сабринѣ, а между тѣмъ силы германцовъ ежечасно умножались болѣе и болѣе. Три дня и три ночи переправлялись они черезъ Рейнъ и расположились на равнинѣ Аргентората въ боевомъ порядкѣ, дерзко вызывая римлянъ на бой. Юліянъ, узнавъ объ этомъ, двинулся съ своею арміею отъ Сабрины къ Аргенторату въ боевомъ порядкѣ и, послѣ 6-ти часоваго похода, хотѣлъ дать войскамъ своимъ краткій отдыхъ, но они, полныя нетерпѣнія вступить въ бой, принудили Юліяна немедленно вести ихъ противъ германцовъ. Произошло упорное и кровопролитное сраженіе: римская конница была разбита, но пѣхота поддержала древнюю славу, а храбрость батавовъ рѣшила побѣду. Аллеманны были разбиты на голову съ огромнымъ урономъ; знатнѣйшій изъ королей ихъ, Хнодомаръ, въ бѣгствѣ взятъ въ плѣнъ и въ оковахъ посланъ къ Констанцію, который отослалъ его въ Римъ, гдѣ онъ и умеръ. Юліянъ же потерялъ не болѣе 247 чел. убитыхъ.

Эта рѣшительная побѣда спасла Галлію и возстановила старинныя границы ея. Вся честь ея вполнѣ принадлежала Юліяну, но Констанцій приписалъ ее себѣ. Юліянъ, отправивъ всю взятую добычу и плѣнныхъ въ Диводуръ (Divodurum, нынѣ Мецъ), твердо рѣшился преслѣдовать свои успѣхи и за Рейномъ, и когда армія, утомленная предшествовавшими усиліями и трудами, казалась несогласною на то, онъ сказалъ ей: «недостаточно того, что непріятель отраженъ, нужно еще отмстить ему за всѣ совершенныя имъ оскорбленія и разоренія, и, по пораженіи его, уже не трудно будетъ и совершенно истребить

его!» Эти слова любимаго полководца тотчасъ склонили армію его къ согласію и она перешла черезъ Рейнъ по мосту на судахъ при Могонціакѣ (Майнцѣ). Аллеманны, угрожаемые ею въ собственныхъ земляхъ, сначала казались склонными къ покорности, но вскорѣ собрались въ большихъ силахъ и съ угрозами потребовали немедленнаго удаленія римской арміи. Въ отвѣтъ на это, Юліанъ послалъ 800 чел. отборныхъ войскъ вверхъ по Майну, оба берега котораго они разорили огнемъ и мечомъ. Аллеманны отступили въ глубь своихъ дремучихъ лѣсовъ. Юліанъ же, при дальнѣйшемъ наступленіи, узналъ отъ переметчиковъ, что аллеманны устроили въ этихъ лѣсахъ засаду, съ тѣмъ, чтобы на единственномъ прямомъ пути чрезъ эти лѣса напасть со всѣхъ сторонъ на римскую армію и истребить ее, какъ легіоны Вара въ Тевтобургскомъ лѣсу. Но не это, а позднее время года и выпавшій уже снѣгъ заставили Юліана остановиться, возстановивъ одинъ замокъ или фортъ, построенный еще Траяномъ, но потомъ разрушенный германцами, и поставивъ въ него гарнизонъ. Однако еще прежде того аллеманны просили мира и обѣщали оставить этотъ гарнизонъ въ покоѣ и снабжать его продовольствіемъ. Этимъ и кончился 2-й походъ Юліана.

Между тѣмъ префектъ Северъ былъ посланъ Юліаномъ съ отрядомъ войскъ противъ франковъ (около 1 т. чел.) на р. Мозѣ (Маасѣ) въ Бельгіи. Послѣдніе, по приближеніи Севера, бросились въ два покинутые замка на Мозѣ и упорно оборонялись въ нихъ. Самъ Юліанъ прибылъ въ отрядъ Севера и дѣятельно продолжалъ осаду, не смотря на зимнее время. Осада эта продолжалась въ декабрѣ и январѣ 54 дня, доколѣ голодъ не принудилъ франковъ сдаться. Этихъ первыхъ плѣнныхъ франковъ Юліанъ отослалъ къ Констанцію, который опредѣлилъ ихъ въ свою гвардію.

Остальное время зимы Юліанъ провелъ въ Лютеціи паризіевъ (н. Парижъ).

§ 413.

3-й походъ Юліана (358 г.).

Галлія, обезпеченная Юліаномъ, постепенно заселялась снова, но отъ безпрестанныхъ разореній германцовъ земледѣліе въ ней было пренебрежено и хлѣба было недостаточно. Это побудило Юліана приказать доставить въ нее запасы зерноваго хлѣба моремъ и Рейномъ изъ Британніи. Констанцій предложилъ аллеманнамъ нѣкоторую сумму денегъ для того, чтобы они не мѣшали этой доставкѣ хлѣба вверхъ по Рейну. Но Юліанъ положилъ, вмѣсто этого постыднаго средства,

достигнуть того же силою оружія и для того очистить оба берега нижняго Рейна отъ саліевъ, расположившихся на лѣвомъ, и отъ хамавовъ—на правомъ. Съ этою цѣлію, еще въ концѣ зимы (въ февралѣ 358 г.) онъ двинулся изъ Лютеціи къ Адуатукѣ тунгровъ (Aduatuca tungrorum). Здѣсь его встрѣтили послы саліевъ, но онъ, не входя въ переговоры съ ними, внезапно напалъ на ихъ одноплеменниковъ, между тѣмъ какъ Северъ шелъ внизъ по берегамъ Мозы. Саліи, не имѣя возможности сопротивляться, покорились и были пощажены. Хамавы же были такъ часто тревожимы и такъ ослаблены, что изъявили покорность и заключили съ римлянами договоръ. Съ этого времени и саліи, и хамавы выставляли вспомогательныя войска въ римскія арміи.

Юліанъ возстановилъ на берегахъ Мозы три разрушенныя германцами крѣпостцы. Здѣсь въ арміи его возникли неудовольствіе и ропотъ, по причинѣ недостатка въ продовольствіи, невыдачи ей Констанціемъ денежныхъ наградъ и непризнанія имъ ея заслугъ. Эти справедливыя жалобы побудили Юліана перенесть войну на правый берегъ Рейна, дабы пособить недостатку въ продовольствіи. Съ пріобрѣтеніемъ послѣдняго, въ арміи возстановилась и дисциплина, и хотя Северъ малодушными и вѣроломными дѣйствіями затруднилъ успѣхи Юліана, однако страхъ имени и оружія послѣдняго заставилъ Суомара, короля племени аллеманновъ, обитавшаго между Майномъ и Рейномъ, униженно просить у Юліана мира, и онъ получилъ его, выдавъ плѣнныхъ и заложниковъ. Затѣмъ Юліанъ обратился противъ Гортарія, короля другаго племени, обитавшаго на берегахъ Ницера (Nicer, н. Неккаръ), и его также принудилъ покориться на тѣхъ же условіяхъ. Такимъ образомъ до 20 т. плѣнныхъ галловъ были возвращены своимъ семьямъ, и это возбудило глубокую благодарность галловъ Юліану; разоренная Галлія снова заселилась, оживилась и стала процвѣтать, а доходы ея—умножаться. И если побѣды и успѣхи Юліана не были достойно оцѣнены при дворѣ Констанція и возбудили противъ него многихъ завистниковъ, то съ другой стороны онъ былъ вполнѣ вознагражденъ за то любовью арміи и преданностью Галліи къ нему.

§ 414.

4-й походъ Юліана (359 г.).

Не смотря на успѣхи, одержанные Юліаномъ надъ прирейнскими аллеманнами, значительнѣйшая часть остальныхъ изъ нихъ была еще непокорною и въ своихъ дремучихъ лѣсахъ дерзко посмѣвалась

надъ римскимъ оружіемъ. Юліанъ, желая развѣдать обитаемый ею край и нравы и обычаи ея жителей, послалъ одного своего трибуна, хорошо знавшаго языкъ аллеманновъ, къ королю Гортарію, подъ предлогомъ вступленія въ переговоры съ аллеманнами. А между тѣмъ онъ собралъ свою армію и довершилъ возстановленіе разрушенныхъ или разоренныхъ германцами городовъ по Рейну. По полученіи же отъ воротившагося трибуна нужныхъ свѣдѣній, онъ двинулся съ арміей къ Могонціаку (Майнцу). По другую сторону этого города, въ земляхъ союзника римлянъ, короля Суомара, расположилось лагеремъ многочисленное войско аллеманновъ. Юліанъ, имѣя въ виду предохранить земли Суомара отъ разоренія, двинулся вверхъ по лѣвому берегу Рейна, а войско аллеманновъ — вверхъ по правому. Послѣ 3-хъ дневнаго такого похода ихъ, римская армія расположилась въ укрѣпленномъ лагерѣ, и ночью Юліанъ послалъ 300 чел. отборныхъ войскъ, подъ предводительствомъ отличныхъ начальниковъ, на правый берегъ. Бóльшая часть вождей и предводителей союзнаго войска аллеманновъ была приглашена на ночной пиръ, на обратномъ пути съ котораго въ лагерь они были атакованы римскимъ отрядомъ. Конвой ихъ былъ изрубленъ, а сами вожди и предводители спаслись только благодаря быстротѣ своихъ коней и темнотѣ ночи. Это распространило въ лагерѣ аллеманновъ такую тревогу, что они, вообразивъ, что вся римская армія шла противъ нихъ, обратились въ поспѣшное бѣгство во внутренность своей страны.

Вслѣдъ затѣмъ Юліанъ переправился безъ препятствія черезъ Рейнъ, провелъ свою армію въ величайшемъ порядкѣ черезъ земли Гортарія и разорилъ земли непріятелей. Два короля ихъ покорились и получили просимый миръ, но три другіе, принявшіе участіе въ сраженіи при Аргенторатѣ, получили отказъ; земли ихъ были разорены и изъ нихъ уведено множество плѣнныхъ. Но послѣ этого наказанія Юліанъ вошелъ въ переговоры съ ними и даровалъ имъ миръ на такихъ же условіяхъ, что и сосѣдямъ ихъ. Затѣмъ онъ воротился за Рейнъ и расположилъ свою армію въ зимнихъ лагеряхъ.

Первые четыре похода его въ Галліи и Германіи были самыми блистательными изъ его военнаго поприща.

§ 415.

5-й походъ (Юліана 361 г.).

Во время походовъ Юліана въ 358 — 359 г.г. въ Галліи и Германіи, на востокѣ Констанцій велъ войну съ снова возставшимъ про-

тивъ него Сапоромъ, и велъ ее не лично, а чрезъ своихъ полководцевъ, и очень неудачно. Сапоръ, отраженный отъ Низиба, двинулся къ верховьямъ Евфрата, а полководецъ Констанція Урзицинъ — по пути къ Самосатѣ и къ мостамъ на верхнемъ Евфратѣ при Зевгмѣ и Каперсанѣ, но на походѣ туда былъ разбитъ авангардомъ Сапора и съ трудомъ спасся въ Эдессу, а Амміянъ Марцеллинъ (историкъ)— въ Амиду, гдѣ собралось 6 легіоновъ и до 20 т. вспомогательныхъ войскъ. Сапоръ долго не могъ взять Амиды, но наконецъ успѣлъ овладѣть ею посредствомъ внезапнаго нападенія открытою силой и, потерявъ до 30 т. войскъ при осадѣ и взятіи этого города, по позднему уже времени года отступилъ (въ концѣ 359 г.) за Тигръ.

Констанцій, поручивъ магистру пѣхоты (magister peditum) Агило удерживать Сапора, приказалъ Юліяну отправить на востокъ 4 лучшіе своихъ легіона, составленные изъ геруловъ, батавовъ и галловъ, а посланнаго Юліяномъ въ Британнію, для покоренія пиктовъ и скоттовъ въ Каледоніи (Шотландіи), префекта Лупицина отозвать обратно въ Галлію.

Выше (§ 406) было изложено, что легіоны Юліяна, назначенные идти на востокъ, воспротивились этому и провозгласили Юліяна императоромъ, и все, что̀ было послѣдствіемъ того. Между тѣмъ, какъ переговоры между Констанціемъ и Юліяномъ продолжались весь 360 г. безъ результата и Констанцій продолжалъ войну съ Сапоромъ, Юліянъ въ 4-й разъ перешелъ черезъ Рейнъ и наказалъ племя аттуаріевъ за разореніе предѣловъ Галліи. Затѣмъ, видя, что единственнымъ средствомъ спасенія для него было возстать войною противъ Констанція, онъ началъ дѣятельно готовиться къ ней, сосредоточивая свои силы въ южной Галліи, гдѣ имѣлъ пребываніе въ Віеннѣ на Роданѣ (Ронѣ). Но отъ ранняго открытія похода въ 361 г. онъ былъ удержанъ вторженіями аллеманновъ, побужденныхъ къ тому Констанціемъ, занятымъ войною съ Сапоромъ. Дабы самому не задерживаться этимъ, онъ послалъ противъ аллеманновъ комиса или графа Либиніо съ 2-мя лучшими галльскими легіонами. Но Либиніо былъ разбитъ и убитъ при нын. Секингенѣ, а Юліянъ приказалъ захватить въ плѣнъ и отправить въ Испанію короля аллеманновъ Вадемара, который былъ хотя и союзникомъ его, Юліяна, но въ тоже время и въ тайныхъ сношеніяхъ съ Констанціемъ. Затѣмъ Юліянъ перешелъ черезъ Рейнъ, внезапно и быстро напалъ на аллеманновъ, нанесъ имъ рѣшительное пораженіе и тѣмъ обезпечилъ съ этой стороны границы имперіи (361 г.).

§ 416.

Война съ персами (362—363 гг.).

Воротясь изъ похода противъ аллемановъ въ южную Галлію, Юліянъ привелъ армію свою къ присягѣ на вѣрность ему, назначилъ довѣреннаго ему Саллустія преторіянскимъ префектомъ или гражданскимъ правителемъ Галліи и съ 23 т. чел. войскъ 3-мя колоннами двинулся въ походъ къ Сирмію въ Иллиріи. На пути туда онъ завладѣлъ всѣми складами запасовъ Констанція и всѣми горными проходами, вмѣстѣ съ занимавшими ихъ отрядами войскъ, вовсе не ожидавшими нападенія; всѣ города отворяли ему ворота, всѣ жители края изъявляли ему свою покорность и преданность, и даже непокорныя племена варваровъ присылали ему вспомогательныя войска, словомъ— походъ его былъ скорѣе торжественнымъ шествіемъ. Безъ труда овладѣлъ онъ важными городами Бононіей (Болонья) и Сирміемъ и горнымъ проходомъ, который велъ чрезъ горы во Ѳракію. Римъ, Италія, Македонія, Греція, до крайности недовольныя угнетеніями Констанція, объявили себя за Юліяна. Золотые и серебряные рудники Иллиріи доставили ему нужныя для уплаты жалованья войскамъ его, золото и серебро. Мятежъ 2-хъ легіоновъ, отказавшихся идти изъ Панноніи въ Галлію и бросившихся въ Аквилею, заставилъ его послать префекта Іовина для осады этого города.

Вѣсти о всѣхъ этихъ успѣхахъ Юліяна побудили Констанція прекратить войну съ Сапоромъ и обратиться противъ Юліяна. Полководцы его собрали во Ѳракіи армію и старались удержать наступленіе Юліяна. Сапоръ, по старости лѣтъ и утомленію войною, воротился въ Персію, а Констанцій съ лучшими войсками своими—въ Антіохію, откуда послалъ префекта Гвіомара съ сильнымъ отрядомъ войскъ въ подкрѣпленіе арміи во Ѳракіи. Но среди приготовленій своихъ къ войнѣ съ Юліяномъ, 3 ноября 361 г. онъ умеръ въ гор. Мопсукренѣ близъ Тарса въ Киликіи.

По смерти его, Юліянъ остался единодержавнымъ императоромъ всей римской имперіи, избѣжавъ тѣмъ междуусобной войны, которой не желалъ и опасался. Немедленно двинулся онъ чрезъ Филиппополь къ Гераклеѣ, гдѣ всѣ войска, назначенныя противъ него Констанціемъ, подчинились ему, всѣ города открыли ему свои ворота и 17 декабря 361 г. онъ торжественно вступилъ въ Константинополь. Первымъ дѣломъ его въ немъ было совершить великолѣпное погребеніе тѣла Констанція, а затѣмъ приступить къ наказанію всѣхъ тѣхъ, кото-

рые во зло употребляли довѣріе слабаго и неспособнаго Констанція и тѣмъ возбудили противъ себя ненависть народа. Сокративъ до 17-ти почти 10-ти-тысячный составъ императорскаго двора и громадное содержаніе его, Юліянъ возстановилъ въ арміи строгую дисциплину, потому что въ войска Констанція мало по малу вкрались вся роскошь и вся изнѣженность востока; военачальники обогащались на счетъ рядовыхъ воиновъ, а послѣдніе—на счетъ истощенныхъ провинцій, и съ повиновеніемъ и подчиненностью изчезло и военное мужество. Юліянъ, посредствомъ строгаго очищенія рядовъ войскъ, уволилъ всѣхъ неспособныхъ и недостойныхъ военачальниковъ, замѣнивъ ихъ только такими, которые продолжительною службою доказали свои военныя и боевыя способности. Онъ постоянно заботился, чтобы войска никогда не нуждались ни въ одеждѣ, ни въ оружіи, ни въ жалованьѣ, ни въ содержаніи, законами установленныхъ, все же излишнее сверхъ того отмѣнилъ. Войска были снова пріучены къ работамъ и трудамъ, и тѣмъ снова упрочена военная дисциплина. Самъ Юліянъ подавалъ первый примѣръ простоты жизни и чистоты нравовъ. Онъ облегчилъ налоги и подати провинцій, правителями которыхъ назначилъ людей испытанной честности, но и затѣмъ соблюдалъ строгій контроль надъ ними. Государственными дѣлами онъ занимался съ неутомимою дѣятельностью и, по словамъ историка его, Амміяна Марцеллина, подобно Юлію Цезарю имѣлъ даръ въ одно и тоже время писать, слушать, диктовать и отдавать приказанія. Словомъ—во всѣхъ отношеніяхъ (за исключеніемъ его отступничества отъ христіанской вѣры) онъ по всѣмъ правамъ можетъ и долженъ быть поставленъ въ число великихъ людей, государей и полководцевъ древности. Въ послѣднемъ отношеніи, слава военныхъ подвиговъ и побѣдъ его въ Галліи и Германіи, распространилась не только по всей римской имперіи, но и далеко за предѣлами ея. Изъ Мавританіи, Босфора Киммерійскаго, Индіи и даже многихъ дотолѣ неизвѣстныхъ странъ стекались въ Константинополь посольства съ богатыми дарами и съ изъявленіями уваженія и пріязни. Только одна Персія не участвовала въ этомъ и сохраняла равнодушіе, близкое къ пренебреженію. Ей-то Юліянъ, немедленно по принятіи главныхъ государственныхъ мѣръ, и положилъ отмстить наконецъ за столь многократное оскорбленіе чести и достоинства римской имперіи.

Сокращеніемъ издержекъ на содержаніе двора своего и мудрыми финансовыми мѣрами пріобрѣтя нужныя для войны съ Персіей денежныя средства, Юліянъ въ іюнѣ 362 г. собралъ при Константинополѣ армію и двинулся съ нею къ Антіохіи. Здѣсь онъ намѣревался провести зиму, довершить приготовленія къ войнѣ и раннею весною слѣдующаго 363 г. открыть походъ. Подчиненное ему лично начальство-

ваніе войсками онъ ввѣрилъ Гормизду (Hormisdas), родомъ персидскому царевичу, и Виктору, которые оба отличились потомъ строгимъ соблюденіемъ въ войскахъ военной дисциплины. Въ западныхъ же и прочихъ европейскихъ провинціяхъ онъ такъ упрочилъ управленіе ими, что въ нихъ не произошло ни малѣйшихъ безпорядковъ во время его отсутствія. Даже пограничные народы по Рейну и Дунаю не отваживались переходить черезъ границы имперіи.

2-хъ-мѣсячный походъ его отъ Константинополя до Антіохіи произведенъ былъ въ іюлѣ и августѣ 362 г. чрезъ Халкидонъ, Никомидію, Анкиру (Ancyra) и Кесарею (Caesarea).

Между тѣмъ Сапоръ, едва примѣтивъ изъ военныхъ приготовленій Юліана, что въ лицѣ его онъ имѣлъ уже совершенно инаго противника, нежели какимъ былъ Констанцій, отправилъ къ нему посольство съ мирными предложеніями и, въ тоже время, для развѣданія и пріобрѣтенія нужныхъ свѣдѣній о силахъ и намѣреніяхъ Юліана. Но послѣдній объявилъ посольству Сапора, что никогда не вступитъ въ переговоры о мирѣ среди развалинъ городовъ Месопотаміи, разрушенныхъ персами, и что притомъ безполезно было вести переговоры о мирѣ черезъ посольство, потому что онъ положилъ лично посѣтить персидскій дворъ.

И такъ между двумя тогдашними, большими и могущественными государствами, которыми управляли одинаково способные государи и полководцы, должна была произойти необыкновенно важная война, долженствовавшая, по видимому, рѣшить вопросъ о бытіи или небытіи одной изъ этихъ державъ — по всей вѣроятности не римской, а персидской.

Юліанъ мудро положилъ открыть походъ самою раннею весною 363 года, на томъ основаніи, что персидскія войска не въ состояніи были переносить зимняго и даже перваго весенняго холода, между тѣмъ какъ римскія могли дѣйствовать и дѣйствовали обыкновенно и одинаково во всѣхъ странахъ и климатахъ, при дѣйствіяхъ же въ Азіи раннею весною избавлялись отъ сильнаго зноя лѣтнихъ мѣсяцовъ. Царя Арменіи Арзака Юліанъ просилъ имѣть свое войско въ готовности. Вспомогательныя войска готскія были взяты на жалованье, въ видѣ заложниковъ въ вѣрности ихъ единоплеменниковъ. Наконецъ, римскимъ войскамъ было приказано выступить изъ своего расположенія по сю сторону Евфрата и на другой сторонѣ его ожидать прибытія Юліана.

5 марта 363 г. Юліанъ двинулся отъ Антіохіи чрезъ Берэю (Beröa) и Батны (Batnä) къ Іерополю (Hieropolis), назначенному общимъ сборнымъ мѣстомъ арміи. Въ этомъ городѣ, лежавшемъ близъ Евфрата, Юліанъ учредилъ склады продовольствія для арміи и пригла-

силъ сосѣднихъ аравитянъ присоединиться къ нему, если они хотѣли быть друзьями, а не врагами римлянъ. Когда вся армія собралась, то немедленно перешла черезъ Евфратъ по мосту на судахъ и двинулась къ старинному городу Карры (Carrhä), близъ котораго нѣкогда Крассъ былъ разбитъ пароянами. До сихъ поръ Юліянъ никому не открывалъ своего плана дѣйствій; но какъ изъ Карръ на востокъ шли двѣ дороги, то и надлежало рѣшить выборъ одной изъ нихъ, для нападенія на Персію, или со стороны Тигра, или со стороны Евфрата. Юліянъ избралъ послѣдній путь чрезъ Ассирію. А дабы обезпечить Месопотамію отъ вторженія персовъ, онъ послалъ префектовъ Прокопія и Севастіяна съ 30 т. войскъ и приказаніемъ присоединиться къ Арзаку арменскому и, когда самъ Юліянъ проникнетъ внутрь Персіи черезъ Кордуэну и Мидію, соединиться съ нимъ по ту сторону Тигра. Самъ же онъ съ главными силами, въ числѣ 65 т. войскъ, двинулся къ Каллинику или Никифору (Nicephorum), куда и прибылъ 27 марта. Флотъ изъ 50 военныхъ и около 1 т. перевозныхъ судовъ, подъ начальствомъ префектовъ Констанціяна и Лукилліяна, везъ внизъ по Евфрату всѣ необходимые арміи запасы оружія, военныхъ машинъ, мостовъ, продовольствія и пр. Въ Каллиникѣ къ арміи присоединились вспомогательныя войска аравитянъ, и Юліянъ двинулся къ послѣднему римскому пограничному городу Цирцезію или Киркезію (Circesium). Здѣсь армія перешла черезъ притокъ Евфрата Хаборасъ (Chaboras) по мосту на судахъ, который, по переходѣ арміи, Юліянъ приказалъ развесть. На другой сторонѣ Хабораса, уже на персидской землѣ, Юліянъ одушевилъ собранные легіоны приведеннымъ имъ примѣромъ непоколебимаго мужества и славныхъ успѣховъ предковъ ихъ, живо изобразивъ при этомъ высокомѣріе персовъ и потребовавъ отъ своихъ войскъ, или истребить этотъ вѣроломный народъ, или же, по примѣру его, Юліяна, въ войнѣ съ персами пасть со славой. Сильное впечатлѣніе, произведенное его рѣчью, при его дарѣ слова, на войска, онъ подкрѣпилъ еще выдачею по 130 серебряныхъ монетъ на человѣка.

Слѣдующимъ утромъ (уже въ апрѣлѣ) предпринятъ былъ дальнѣйшій походъ въ Персію, со всѣми военными предосторожностями, въ слѣдующемъ порядкѣ: въ самомъ передовомъ отрядѣ шли 1,500 чел. легкихъ войскъ, а за ними главныя силы въ 3 колоннахъ. Средняя состояла изъ лучшей пѣхоты, при которой находился Юліянъ лично. Префектъ Невитта велъ правую колонну внизъ по лѣвому берегу Евфрата. Префектъ Аринѳей (Arinthäus) и Гормиздъ съ конницей въ лѣвой колоннѣ шли большею частію открытыми равнинами. Въ хвостѣ арміи слѣдовали префекты Дагалаифъ (Dagalaiphus) и Секундинъ съ арріергардомъ, тяжести же арміи—между 3-мя колоннами. Ряды и шеренги послѣднихъ, дабы казаться сильнѣе, были

разомкнуты на столько, что армія отъ головы до хвоста занимала протяженіе 3-хъ часовъ пути. Флотъ имѣлъ приказаніе плыть постоянно на одной высотѣ съ арміей. Въ доказательство необыкновенной заботливости Юліяна о своевременномъ и правильномъ снабженіи арміи продовольствіемъ, можетъ быть приведено, между прочимъ, то, что префектъ Саллустій приказалъ повѣсить, на самой дорогѣ, одного чиновника по продовольствованію войскъ за то, что ввѣренный ему транспортъ прибылъ сутками позже!

Послѣ 4-хъ-дневнаго похода, въ такомъ порядкѣ, частію сирійской пустыни, армія прибыла къ многолюдному городу Анато (Anatho), который былъ занятъ, благодаря преимущественно убѣжденіямъ Гормизда. Юліянъ поступилъ съ жителями великодушно, но переселилъ ихъ въ сирійскій городъ Халки (Chalcis), городъ же Анато разрушилъ.

На другой день надъ арміей разразилась страшная буря, сильнѣйшій вѣтеръ сорвалъ ставки въ лагеряхъ, Евфратъ выступилъ изъ береговъ и принудилъ армію искать убѣжища на ближайшихъ высотахъ. Но, не смотря на большія непріятности, претерпѣнныя отъ того войсками, въ средѣ ихъ не послышалось ни жалобъ, ни ропота, потому что Юліянъ считалъ долгомъ самъ первый показывать личный примѣръ твердости и терпѣнія въ перенесеніи трудовъ, лишеній и опасности.

Первое и упорное сопротивленіе встрѣтилъ онъ со стороны укрѣпленнаго города Тилхуты (Tilhuta). Но, не желая задерживать своего похода продолжительною осадой, онъ прошелъ мимо въ то пространство между Тигромъ и Евфратомъ, гдѣ они, ближе всего сходясь между собою, взаимно соединялись многими каналами. Первый, ближайшій изъ нихъ былъ обороняемъ сильнымъ отрядомъ персидскихъ войскъ. Юліянъ приказалъ своему авангарду переправиться черезъ каналъ выше персовъ и атаковать ихъ съ тыла, что́ и было исполнено съ такимъ успѣхомъ, что часть персидскаго отряда была изрублена, а другая обратилась въ бѣгство. Затѣмъ Юліянъ уже безъ сопротивленія перешелъ черезъ другіе каналы по мостамъ на судахъ, и ему открылась вся страна вплоть до многолюднаго города Перисаборы, значительнѣйшаго послѣ Ктезифона съ этой стороны. Тщетно требовалъ онъ сдачи его и взялъ наконецъ, послѣ 3-хъ-дневнаго приступа, открытою силой и преимущественно благодаря личнымъ своимъ храбрости и примѣру.

На другой день утромъ Юліянъ получилъ донесеніе, что сурена (или персидскій полководецъ) напалъ на 3 когорты легкихъ войскъ авангарда, часть ихъ изрубилъ вмѣстѣ съ однимъ трибуномъ и взялъ одно знамя. Юліянъ немедленно бросился туда въ сопровожденіи

*

лишь трехъ тѣлохранителей и встрѣтилъ бѣжавшій въ страхѣ авангардъ. Собравъ и устроивъ его, онъ тотчасъ атаковалъ персовъ, отнялъ у нихъ взятое знамя и обратилъ ихъ въ бѣгство. Затѣмъ онъ произвелъ строгій судъ надъ бѣжавшими войсками авангарда, 3-хъ трибуновъ разжаловалъ, а весь авангардъ децимировалъ и 10-го немедленно приказалъ казнить. Этотъ случай подалъ ему поводъ, сильною рѣчью передъ арміей, похвалить ее за оказанное дотолѣ мужество, а малодушныхъ передъ всѣми огласить и наказать презрѣніемъ. При этомъ всѣмъ воинамъ, участвовавшимъ во взятіи Перисаборы, онъ роздалъ по 100 серебряныхъ монетъ каждому.

Затѣмъ армія продолжала походъ къ столицѣ Персіи Ктезифону, и встрѣченныя ею на пути туда, искуственныя наводненія страны жителями не могли удержать ее. Подступивъ къ большому и многолюдному городу Маогамалхѣ (Maogamalcha), Юліанъ остановилъ армію, осмотрѣлъ и разведалъ мѣстоположеніе и укрѣпленія города и положилъ взять его приступомъ. Три дня сряду атаковалъ онъ его открытою силой, но гарнизонъ, состоявшій изъ лучшихъ, отборныхъ персидскихъ войскъ, былъ твердо намѣренъ скорѣе погибнуть, нежели сдаться, и оборонялся необыкновенно упорно. Однако наконецъ городъ былъ взятъ преимущественно помощью весьма искусныхъ подземныхъ (минныхъ) работъ и затѣмъ разрушенъ, а жители его истреблены. Такое успѣшное взятіе Маогамалхи, не смотря на ея высокія и толстыя стѣны и башни, армія Юліана признала такимъ необыкновеннымъ подвигомъ, что съ этого времени уже ничего не считала для себя невозможнымъ.

По мѣрѣ приближенія ея къ Ктезифону, край становился все благодатнѣе и плодороднѣе. Недалеко отъ Селевкіи Юліанъ далъ арміи два дня отдыха. Тутъ персидская легкая конница вблизи Ктезифона уже безпрестанно тревожила авангардъ, а также и главныя силы арміи, и съ фланговъ, и съ тыла, и успѣвала отхватывать многихъ плѣнныхъ.

Въ 30 стадіяхъ отъ Селевкіи находился укрѣпленный замокъ Сабата (Sabatha). Юліанъ положилъ овладѣть имъ и, послѣ очень жаркаго дѣла при немъ съ персами, взялъ и разрушилъ этотъ замокъ.

Но чтобы дойти до Ктезифона, необходимо было переправиться черезъ Тигръ. Тутъ вопросъ состоялъ въ томъ, какъ поступить съ римскимъ флотомъ. Оставить его на Евфратѣ значило бы подвергнуть его опасности взятія персами, а свою армію лишить продовольствія и военныхъ машинъ, находившихся на флотѣ. Спустить же его внизъ по Евфрату и потомъ поднять вверхъ по Тигру значило подвергнуть его и армію еще большей опасности. Но Юліанъ, благодаря своему знакомству съ исторіей прежнихъ войнъ, зналъ, что Тра-

янъ вырылъ судоходный каналъ изъ Евфрата въ Тигръ выше Ктезифона. Найдя этотъ каналъ полуразрушеннымъ и засореннымъ, онъ приказалъ исправить его, и хотя это стоило много усилій и трудовъ, однако наконецъ ему удалось провесть весь свой флотъ изъ Евфрата въ Тигръ.

Но затѣмъ представилось новое и большее затрудненіе: нужно было переправить армію черезъ Тигръ, который въ этихъ мѣстахъ былъ широкъ и имѣлъ быстрое теченіе и возвышенный, скалистый лѣвый берегъ, покрытый укрѣпленіями и занятый многочисленными персидскими войсками. Видъ этого привелъ римскую армію въ смущеніе, тѣмъ болѣе еще, что возлѣ себя она видѣла много каналовъ, съ праваго фланга по слухамъ приближалась усиленными переходами другая персидская армія, а въ тылу пустынный и разоренный край не представлялъ уже болѣе никакихъ средствъ къ продовольствованію.

Чтобы поднять духъ въ своей арміи, Юліанъ занялъ ее военными играми и упражненіями, а самъ между тѣмъ втайнѣ принялъ нужныя мѣры для переправы ея черезъ Тигръ ночью. Подъ предлогомъ осмотра запасовъ продовольствія, онъ приказалъ разгрузить и изготовить нѣсколько перевозныхъ судовъ флота. А съ наступленіемъ вечера онъ созвалъ въ свою ставку высшихъ начальниковъ войскъ и объявилъ имъ, что положилъ въ ту же ночь совершить переправу. Опровергнувъ всѣ сдѣланныя противъ того возраженія, онъ поручилъ Виктору начальствованіе авангардомъ. Немедленно войскамъ былъ приказанъ подъемъ и ихъ начали по частямъ сажать на суда. Викторъ съ храбрѣйшими воинами на 5-ти судахъ первый поплылъ черезъ Тигръ, вскорѣ скрылся въ темнотѣ ночи и на другомъ берегу былъ встрѣченъ зажигательными стрѣлами и горѣвшими факелами. Юліанъ, замѣтивъ неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное этимъ на армію, немедленно и громко объявилъ ей, что авангардъ уже ступилъ на другой берегъ и подаетъ оттуда условленный сигналъ. Немедленно затѣмъ вся армія была посажена на суда и пристала къ лѣвому берегу около полуночи. Преодолѣвъ необыкновенныя затрудненія въ восхожденіи на крутой и обрывистый берегъ, она построилась на вершинѣ его въ боевой порядокъ въ 3 линіи, на разсвѣтѣ атаковала боевыя линіи персовъ и къ полудню принудила 1-ю изъ нихъ къ отступленію. Вскорѣ оно превратилось въ общее бѣгство къ Ктезифону, и Юліанъ съ трудомъ могъ сдерживать слишкомъ горячее преслѣдованіе персовъ своими войсками, которыя въ эти ночь и день явили древнеримскія мужество, твердость и энергію. Богатая добыча въ лагерѣ непріятеля была наградой имъ. Персы оставили на полѣ сраженія до 2500 чел. убитыхъ, войска же Юліана не болѣе 70. Юліанъ роздалъ награды храбрѣйшимъ и ока-

завшимъ особенныя отличія и принесъ благодарственныя жертвы Марсу.

Послѣ 5-ти-дневнаго отдыха арміи въ лагерѣ при Абазатрѣ, Юліянъ построилъ ее въ боевой порядокъ, вызывая персовъ на бой въ открытомъ полѣ, и Аринѳей съ отрядомъ легкихъ войскъ уже разорялъ окрестности Ктезифона, когда Сапоръ прислалъ посольство съ мирными предложеніями. Но Юліянъ, замыслившій, подобно Александру В., вести войну съ персами до послѣдней крайности, отказался вступить въ переговоры.

Между тѣмъ уже насталъ срокъ, въ который Прокопій и Севастіянъ съ вспомогательными войсками Арзака, должны были присоединиться къ арміи Юліяна, а ихъ еще не было. Юліянъ посылалъ къ нимъ гонца за гонцомъ, но напрасно: Арзакъ измѣнилъ, допустивъ и вѣроятно даже побудивъ вспомогательныя войска свои уйти изъ лагеря Прокопія и Севастіяна, а эти послѣдніе были въ такомъ разладѣ между собою, что не могли составить и исполнить одного общаго плана дѣйствій.

Наконецъ Юліянъ рѣшился идти на встрѣчу имъ съ арміей и флотомъ вверхъ по Тигру. Въ это самое время въ лагерь его прибылъ одинъ знатный персъ, который, коварно увѣривъ Юліяна, будто бѣжалъ отъ несправедливости и жестокости Сапора, что народъ въ большомъ неудовольствіи противъ послѣдняго, а персидское правительство очень слабо, вызвался быть заложникомъ и проводникомъ римлянъ. Напрасно Гормиздъ предостерегалъ Юліяна отъ измѣны: Юліянъ, къ удивленію, по совѣту измѣнника, сжегъ флотъ свой, за исключеніемъ 22 малыхъ судовъ, сохраненныхъ для устройства мостовъ, и всѣ свои запасы, кромѣ нагруженныхъ на повозки для 22-хъ-дневнаго продовольствованія арміи. Войска съ громкимъ ропотомъ противъ сожженія флота собрались къ ставкѣ Юліяна и требовали казни персидскаго переметчика — и тогда послѣдній, изъ страха смерти, сознался, что далъ этотъ совѣтъ для спасенія своего отечества. Юліянъ тотчасъ отмѣнилъ данныя приказанія, но уже было поздно и только 12 судовъ были спасены. За всѣмъ тѣмъ были однако причины, нѣкоторымъ образомъ оправдывавшія сожженіе флота. Плыть ему противъ сильнаго и быстраго теченія Тигра было почти невозможно; тащить же его по рѣкѣ людьми съ берега потребовало бы половины арміи, тогда какъ другой половины было бы недостаточно для сопротивленія персамъ. Коль же скоро въ военномъ совѣтѣ было рѣшено не осаждать Ктезифона и идти вверхъ по Тигру въ Арменію, то пожертвованіе флотомъ становилось даже неизбѣжнымъ.

И такъ армія, значительно усилясь людьми съ флота, двинулась

отъ Тигра, не вверхъ по немъ, а внутрь Персіи, веденная персидскими проводниками, такъ какъ въ римской арміи никто дорогъ не зналъ. Сначала она шла черезъ плодородный и населенный край, но вскорѣ вступила въ такой, въ которомъ жители городовъ и селеній покинули ихъ, увезя съ собою всѣ запасы продовольствія. Близъ города Ноорды Юліянъ увидѣлъ себя въ необходимости остановиться на время. Здѣсь персы уже начали постоянно тревожить армію его, сначала малыми, потомъ все бо́льшими отрядами. И хотя всѣ дѣла съ ними оканчивались съ успѣхомъ для войскъ Юліяна, но послѣднія не могли пользоваться тѣмъ, преслѣдуя персовъ, потому что должны были постоянно идти скорѣе впередъ, чтобы достигнуть Арменіи и не подвергнуться недостатку въ продовольствіи. Въ собранномъ военномъ совѣтѣ было рѣшено, вмѣсто движенія черезъ безлюдныя и разоренныя пустыни, обратиться въ область Кордуэну. 16-го іюня армія двинулась изъ лагеря при Ноордѣ и едва отошла отъ него на нѣсколько часовъ пути, какъ увидала вдали густыя облака пыли. Юліянъ тотчасъ остановилъ ее и расположилъ въ укрѣпленномъ лагерѣ. Въ томительной неизвѣстности, были-ли то друзья или враги, настала ночь, а на слѣдующее утро оказалось, что передъ римскою арміею находилось многочисленное войско персовъ. Произошелъ конный бой, въ которомъ персы, не смотря на свое превосходство въ числѣ, были однако разбиты. Вслѣдъ затѣмъ римская армія перешла чрезъ р. Дуръ (Durus) по мосту на плотахъ, оставивъ персидскую армію вправо отъ себя, и дошла до города Бароѳтаса, разрушеннаго персами. Затѣмъ она продолжала походъ черезъ Хукумбру (Hucumbra), въ постоянномъ бою съ персами. При Хукумбрѣ она имѣла два дня отдыха и затѣмъ продолжала походъ между городами Данаба и Синка (Synca). На этомъ походѣ персы произвели врасплохъ нечаянное нападеніе на римскій арріергардъ. Юліянъ своею личною храбростью возстановилъ въ немъ порядокъ и наказалъ виновную своею оплошностью часть конницы тѣмъ, что отнялъ у нея знамена и отослалъ ее подъ стражей въ обозъ, а 4 трибуновъ разжаловалъ.

На другой день римская армія наткнулась при Акцетѣ (Acceta) на персовъ въ то время, когда они жгли засѣянныя поля. Разбивъ и прогнавъ ихъ, она расположилась лагеремъ при городѣ Марангѣ (Maranga). Здѣсь произошло сраженіе, въ которомъ персы, подъ предводительствомъ опытнаго полководца Мерама (Merames) и двухъ сыновей Сапора, были разбиты съ урономъ, что́ значительно ободрило римскія войска и возстановило духъ въ нихъ. Но тяжесть вооруженія ихъ при сильномъ лѣтнемъ зноѣ (это было въ половинѣ іюня) поставляла ихъ въ невозможность преслѣдовать персовъ да-

леко, долго и съ настойчивостью; притомъ персидская конница была особенно опасна въ бѣгствѣ, потому что отлично, мѣтко и сильно стрѣляла изъ луковъ во всѣ стороны и на всемъ скаку. А между тѣмъ недостатокъ въ продовольствіи возрасталъ съ каждымъ днемъ. Хотя Юліянъ, самъ всегда весьма умѣренный въ пищѣ и питьѣ, приказалъ раздать всѣ запасы свои и даже высшихъ начальниковъ войскамъ, однако это содѣлало еще болѣе чувствительною общую, крайнюю нужду въ продовольствіи, и мрачныя предчувствія лишали Юліяна сна и покоя.

Персы, потерпѣвъ неудачу въ нѣсколькихъ дѣлахъ, не отваживались уже болѣе вступать въ бой съ римскою пѣхотой. Но, гдѣ только позволяла мѣстность, они устроивали засады и нападали на римскія войска на походѣ, особенно когда послѣднія, при проходѣ чрезъ тѣснины, бывали принуждаемы размыкать сомкнутый порядокъ своего походнаго строя. Самъ Сапоръ, опасавшійся, чтобы Юліянъ не остался зимовать въ одной изъ областей Персіи, желалъ вступить съ нимъ въ мирные переговоры. Но полководцы его положили испытать еще одно послѣднее средство и, пользуясь однажды густымъ туманомъ, напали съ превосходными числомъ силами на римскій аррієргардъ. Вслѣдствіе того произошелъ жаркій бой, который рѣшился въ пользу римской арміи, съ большимъ урономъ для персовъ и не меньшимъ для римлянъ. Но успѣхъ послѣднихъ былъ помраченъ тѣмъ, что Юліянъ, незадолго до того, по причинѣ нестерпимаго зноя, снявшій съ себя латы и съ своею обычною храбростью бросившійся въ бой, былъ смертельно раненъ дротикомъ въ грудь. Пока бой еще продолжался, положеніе Юліяна стало уже столь опаснымъ, что врачи потеряли всякую надежду. Первыми словами его послѣ того, что онъ пришелъ въ чувство, было приказаніе подать ему оружіе и коня, но вскорѣ онъ самъ почувствовалъ близость смерти, и однако, не смотря на то, до ночи бесѣдовалъ съ своими полководцами и сопровождавшими его философами, съ необыкновенными твердостью, спокойствіемъ и достоинствомъ, о славной смерти въ бою съ непріятелемъ и, сдѣлавъ завѣщаніе и простясь со всѣми, скончался около полуночи на 25 іюня 363 г.

Таковъ былъ конецъ жизни и военныхъ подвиговъ этого необыкновеннаго человѣка, государя и полководца, который, хотя и отступникъ отъ христіанства и ревностнѣйшій язычникъ-философъ, стоялъ неизмѣримо выше римскихъ императоровъ до Константина В. и особенно самихъ христіанскихъ со временъ послѣдняго. Онъ подлинно и неоспоримо соединялъ всѣ высокія достоинства ума, обогащеннаго знаніями, и твердой воли, мудрости и искуства, мужества и храбрости, благодушія и чистой нравственности, которыя болѣе

или менѣе украшали всѣхъ великихъ полководцевъ. Подобно имъ, и ему также, сначала тяжко и горько испытанному несчастіемъ, счастіе потомъ всегда благопріятствовало въ его военныхъ подвигахъ, доколѣ не измѣнило ему въ послѣднемъ персидскомъ походѣ 363 года, по переходѣ черезъ Тигръ. До этого времени нельзя довольно удивляться мудрости всѣхъ его приготовленій и распоряженій къ войнѣ и походу и всѣхъ его военныхъ дѣйствій въ нихъ. Но послѣ перехода его черезъ Тигръ, счастіе до того измѣнило ему, что по языческимъ понятіямъ — неодолимый рокъ, а по единогласному свидѣтельству христіанскихъ историковъ—само Провидѣніе положило предѣлъ его дѣятельности и жизни, какъ кару за его отступничество.

§ 417.

Войны и походы Валентиніяна I.—1-я война (366 г.).

По смерти преемника Юліяна, Іовіяна, 26 февраля 364 г., близъ Никеи, армія его единогласно избрала императоромъ, 28 марта того же года, начальника 2-й схолы или роты щитоносцевъ императорской гвардіи, Валентиніяна, сына комиса или графа Граціяна, родомъ изъ Цибалиса въ Панноніи. Сильный и крѣпкій тѣломъ, съ здравымъ умомъ, безпорочной нравственности, храбрый и опытный въ войнѣ и любимый войсками, Валентиніянъ обладалъ, если и не всѣми, то во всякомъ случаѣ многими качествами, которыя въ то время были необходимы для римскаго императора. По требованію арміи, 30 дней спустя (въ концѣ апрѣля 364 г.) онъ назначилъ въ соправители себѣ, съ званіемъ Августа, брата своего, Валента, которому и ввѣрилъ управленіе востокомъ, себѣ предоставивъ западъ, съ столицей въ Медіоланѣ.

Почти все царствованіе Валентиніяна I (364—375) протекло въ безпрерывныхъ войнахъ съ германскими, славянскими и иными народами, которые тотчасъ послѣ смерти Юліяна снова начали жестоко нападать на Рейнѣ и Дунаѣ на предѣлы римской имперіи. Аллеманны безнаказанно опустошали Галлію и Рэтію, квады и сарматы—Паннонію, готы—Ѳракію, пикты и скотты — Британнію, мавританскія племена—Африку. Войны Валентиніяна съ этими народами на Рейнѣ и Дунаѣ принадлежатъ къ числу особенно замѣчательныхъ въ это время и заслуживаютъ быть изложенными здѣсь.

До 366 года Валентиніянъ былъ удержанъ въ Италіи дѣлами государственнаго управленія. Въ этомъ году аллеманны прислали въ

Медіоланъ пословъ для мирныхъ переговоровъ. Государственный министръ (magister officiorum) Валентиніяна, Урзацій, поступилъ съ ними презрительно и сверхъ того значительно уменьшилъ денежные дары, которые аллеманны съ давнихъ временъ привыкли получать отъ римскаго правительства при воцареніи каждаго императора. Въ отмщеніе за это оскорбленіе, аллеманны возстали поголовно и, въ значительныхъ силахъ перейдя черезъ Рейнъ, вторглись въ Галлію и начали разорять и грабить ее. Комисъ или графъ обѣихъ римскихъ Германій (верхней и нижней) въ Галліи, на лѣвой сторонѣ Рейна, Харіетто (Charietto) собралъ отборныя войска свои, соединился съ комисомъ Северіяномъ, находившимся съ 2-мя когортами въ Дуро-Каталаунѣ (нынѣ Шалонъ на Марнѣ), и двинулся противъ аллеманновъ, но былъ разбитъ ими съ большимъ урономъ и самъ, и Северіянъ, пали въ бою. При этомъ аллеманны отбили знамена геруловъ и батавовъ.

Вскорѣ послѣ того Валентиніянъ прибылъ въ армію убитыхъ Харіетта и Северіяна и строго покаралъ батавскія когорты, хотя онѣ и отняли у аллеманновъ обратно свои знамена. Передъ цѣлою арміей онъ разжаловалъ низшихъ начальниковъ (офицеровъ) этихъ когортъ, обезоружилъ рядовыхъ воиновъ и приговорилъ ихъ къ продажѣ въ рабство—наказаніе, котораго римляне страшились пуще смерти, и только по убѣдительнымъ просьбамъ всей арміи помиловалъ ихъ. Затѣмъ онъ назначилъ главнымъ начальникомъ войскъ опытнаго магистра конницы (magister equitum) Іовина, съ приказаніемъ отъискать и разбить аллеманновъ, раздѣлившихся въ это время на три части.

Іовинъ, столь же дѣятельный, сколько и благоразумно-осторожный, двинулся со всѣми военными предосторожностями къ Скарпоннѣ (Scarponna, выше нын. Pont-à-Mousson) и тутъ напалъ на одну изъ трехъ частей аллеманновъ такъ неожиданно, что истребилъ ее прежде, нежели она успѣла вооружиться. Другая часть, только-что разграбившая берега р. Мозели, также была внезапно атакована и почти вся истреблена. Третья, сильнѣйшая часть была расположена лагеремъ при Каталаунѣ (Шалонѣ), и Іовинъ засталъ ее готовою къ бою. На другой день произошло сраженіе, въ которомъ Іовинъ, не смотря на то, что былъ слабѣе въ силахъ, одержалъ побѣду, потерявъ 1200 чел. убитыми и 200 чел. ранеными, между тѣмъ какъ аллеманны оставили на полѣ сраженія до 6 т. чел. убитыхъ и до 2 т. ч. раненыхъ и на другой день отступили такъ поспѣшно, что римляне не могли настигнуть ихъ. Обезпечивъ такимъ образомъ границы Галліи, Іовинъ воротился въ Лютецію паризіевъ (Парижъ), изъ которой Валентиніянъ вышелъ на встрѣчу ему и назначилъ его консуломъ на слѣдующій годъ.

§ 418.

2-я война Валентиніана I (367 г.).

Въ слѣдующемъ 367 г. аллеманны уже успѣли поправиться отъ нанесеннаго имъ пораженія и одинъ изъ князей ихъ, Рандо, напалъ на Могонціакъ (Майнцъ), главный городъ римской верхней Германіи, во время празднованія одного христіанскаго праздника, разграбилъ этотъ городъ и увлекъ за собою множество плѣнныхъ и несмѣтную добычу. Римляне отмстили за это самымъ недостойнымъ и постыднымъ образомъ, хитростью умертвивъ германскаго князя Витикаба (Withicab), сына Вадомарова, находившагося въ римской службѣ.

Между тѣмъ Валентиніанъ получилъ извѣстіе, что пикты, скотты и другія племена сѣверной Британніи вторглись въ римскую провинцію ея, разграбили и разорили ее и даже разбили и убили обоихъ начальниковъ войскъ въ ней. Валентиніанъ тотчасъ поручилъ мужественному и опытному полководцу своему Θеодосію возстановить въ Британніи порядокъ и спокойствіе, съ ввѣренными ему когортами геруловъ, батавовъ, іовіянъ и викторовъ. Θеодосій, благополучно высадившись съ ними на берега Британніи при Рутупіи, немедленно двинулся къ Лондину. На пути туда встрѣтивъ многія толпы непріятелей съ награбленною ими добычей и плѣнниками, онъ разбилъ ихъ, отнялъ у нихъ добычу и плѣнныхъ и побѣдителемъ вступилъ въ Лондинъ. Здѣсь онъ узналъ, что пикты, скотты и другія племена отдѣльными толпами грабили римскую Британнію. Справедливо разсудивъ, что дѣйствовать противъ нихъ сосредоточенными силами было невозможно, онъ положилъ также раздѣлить свои силы и вести малую войну отрядами. Для этого, призвавъ къ себѣ бѣглыхъ воиновъ британнскихъ легіоновъ, бродившихъ въ краю одиночно или толпами, съ обѣщаніемъ имъ прощенія, онъ въ тоже время испросилъ у Валентиніана въ помощь себѣ опытнаго префекта Дукоція и гражданскаго правителя Цивилиса. Затѣмъ, открывъ походъ, онъ прежде всего прогналъ непріятелей съ равнинъ, устроивая имъ засады и истребивъ многія отдѣльныя толпы ихъ. Продолжая дѣйствовать такимъ образомъ съ неутомимою дѣятельностью все далѣе и далѣе, вскорѣ онъ оттѣснилъ непріятелей въ ихъ лѣса и горы. Затѣмъ онъ возстановилъ разоренные города, исправилъ укрѣпленные, занялъ границы войсками и отнялъ у непріятелей значительную пограничную полосу края, изъ которой образовалъ 5-ю британскую провинцію, назвавъ ее, въ честь Валентиніана, Валенціей.

§ 419.

3-я война Валентиніяна I.—(368—369 г.г.).

Возстановивъ порядокъ и безопасность въ Британніи, Өеодосій въ 368 г. обратился противъ саксовъ, жившихъ на берегахъ нын. Шлезвига и Голштиніи и которые, производя морскіе разбои, часто грабили берега Британніи и Галліи. Өеодосій преслѣдовалъ ихъ даже до оркадскихъ острововъ и истребилъ значительную часть ихъ. Затѣмъ онъ напалъ на собственную ихъ страну и на земли франковъ, разорилъ ихъ и воротился въ Медіоланъ, гдѣ, въ награду его, Валентиніянъ назначилъ его магистромъ конницы (magister equitum).

Между тѣмъ въ томъ же году Валентиніянъ, положивъ жестоко отмстить аллеманнамъ за разграбленіе Могонціяка, собралъ изъ Италіи и Илдиріи многочисленную армію и подъ предводительствомъ комиса или графа Севастіяна послалъ ее чрезъ Рэтію противъ аллеманновъ. А самъ съ другою арміею, въ сопровожденіи сына своего Граціяна, перешелъ безъ сопротивленія черезъ Рейнъ и 3-мя колоннами, среднею—подъ личнымъ предводительствомъ, правою—подъ начальствомъ Іовина, а лѣвою—Севера, двинулся въ земли аллеманновъ. Послѣ многодневнаго похода, армія встрѣтила наконецъ при Солицинѣ (Solicinum, нынѣ Зульцъ на р. Неккарѣ) поголовное ополченіе аллеманновъ, расположившееся на крутой горѣ, доступной только съ сѣвера, для прегражденія Валентиніяну дальнѣйшаго движенія. Валентиніянъ одержалъ здѣсь надъ аллеманнами полную побѣду, хотя и съ большимъ напряженіемъ силъ, и затѣмъ на зиму воротился съ арміей въ Тревиръ (Триръ) и торжествовалъ въ немъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, блистательный тріумфъ. Съ аллеманнами же онъ заключилъ мирный договоръ, въ силу котораго обѣ стороны обязались не вступать въ земли одна другой. Хотя Валентиніянъ и взялъ съ аллеманновъ многихъ заложниковъ, однако, для большаго обезпеченія верхнедунайскихъ и верхнерейнскихъ границъ имперіи, приказалъ построить на нихъ, даже до оксана, рядъ укрѣпленныхъ башенъ и замковъ. Но римляне первые нарушили договоръ, построивъ крѣпость на берегахъ Неккара и укрѣпивъ гору Пири (близъ нын. Гейдельберга).

Тщетно жаловались на это аллеманны, и въ 369 г. снова возстали, напали на римскихъ рабочихъ, возводившихъ укрѣпленія въ ихъ земляхъ, и почти всѣхъ ихъ перебили.

§ 420.

4-я война Валентиніяна I (370–371 г.г.).

Въ 370 г. саксы снова напали съ моря на берега Галліи. Комисъ или графъ Нанніянъ, оборонявшій ихъ, собралъ свои войска и двинулся противъ саксовъ, но былъ разбитъ ими и въ бою раненъ. Валентиніянъ послалъ въ помощь ему изъ Тревира Севера съ значительною арміей. Саксы, устрашенные числомъ и воинственнымъ видомъ римлянъ, просили мира, и съ ними былъ заключенъ договоръ, по которому они должны были выставить въ римскую армію всѣхъ своихъ молодыхъ людей, а остальные имѣли быть распущены по домамъ. Но вѣрность данному слову и заключеннымъ договорамъ уже такъ была чужда римлянамъ, что они устроили въ лощинѣ противъ Колоніи (Кёльна) засаду возвращавшимся на родину саксамъ. Несвоевременная торопливость нѣсколькихъ римскихъ воиновъ обнаружила эту засаду, и храбрые саксы, раздраженные такимъ вѣроломствомъ, съ яростью напали на римскій отрядъ и обратили его въ бѣгство. Но, по прибытіи на помощь ему конницы, саксы, не смотря на отчаянное сопротивленіе, были всѣ до одного изрублены. Однако это постыдное нарушеніе международнаго права не только осталось ненаказано Валентиніяномъ, но даже отпраздновано, какъ побѣда. — Это сильно раздражило аллеманновъ, и король ихъ Макріянъ тотчасъ произвелъ поголовное возстаніе. Валентиніянъ же, занятый въ это время укрѣпленіемъ береговъ Рейна и Дуная, положилъ, дабы не быть отвлечену отъ этого, вовлечь аллеманновъ въ войну съ бургундами, по поводу взаимныхъ раздоровъ ихъ между собою за обладаніе рѣчкою Салой, содержавшею въ себѣ соль. Бургунды согласились на предложеніе Валентиніяна подступить къ Рейну, куда и онъ самъ обѣщалъ прибыть въ опредѣленное время съ римскою арміею. Вслѣдствіе того, бургунды и прибыли на берега Рейна въ числѣ до 80 т. чел. Такое число ихъ, котораго Валентиніянъ не ожидалъ, устрашило и его, и аллеманновъ — и обѣщанная римская армія не явилась! Раздраженные этимъ бургунды выместили свою ярость на всѣхъ, попавшихъ имъ въ руки, римскихъ подданныхъ и, умертвивъ ихъ, двинулись обратно въ свою страну. Макріянъ же, по удаленіи ихъ, тотчасъ возобновилъ нападенія на римскіе предѣлы.

Валентиніянъ положилъ избавиться отъ него точно также, какъ нѣкогда Юліянъ избавился отъ короля Вадомара. Въ 371 г. онъ дол-

го оставался въ Тревирѣ, занятый по видимому укрѣпленіемъ границъ, а между тѣмъ втайнѣ готовился къ скрытному предпріятію. Узнавъ отъ переметчиковъ о мѣстопребываніи Макріана, онъ двинулся лишь съ небольшимъ числомъ войскъ къ Могонціяку (Майнцу). Отсюда онъ скрытно послалъ за Рейнъ Севера съ отрядомъ легкой пѣхоты. Северъ незамѣтно дошелъ до Aquae Mattiacae (нынѣ Висбаденъ), гдѣ ночью къ нему присоединился и самъ Валентиніянъ. Тотчасъ же оба двинулись впередъ, ведомые довѣренными проводниками и имѣя въ авангардѣ Ѳеодосія съ коннымъ отрядомъ. Всѣ мѣры были приняты такъ, чтобы захватить Макріяна во снѣ. Но страсть нѣсколькихъ римскихъ воиновъ къ грабежу повела къ неудачѣ предпріятія: Макріянъ спасся недоступными римской арміи тропинками въ горы, и Валентиніянъ выместилъ свою неудачу разореніемъ края миль на 50 кругомъ, послѣ чего воротился въ Тревиръ.

Въ послѣдніе 4 года (372—375) царствованія его происходили войны на востокѣ — Валента съ Сапоромъ, Ѳеодосія (отца) — въ Африкѣ, гдѣ произошло возстаніе, и на Дунаѣ въ Панноніи и Мизіи — съ квадами и сарматами. Изъ нихъ первая — война Валента съ Сапоромъ была неважная и нерѣшительная, во второй — въ Африкѣ особенно отличился Ѳеодосій - отецъ, а въ третьей, съ квадами и сарматами — Ѳеодосій - сынъ. Самъ Валентиніянъ до 375 года не участвовалъ въ этихъ войнахъ; въ 375 же году двинулся изъ Тревира въ Паннонію и, пославъ сильный отрядъ пѣхоты за Дунай разорять земли квадовъ, самъ перешелъ вслѣдъ за нимъ за Дунай и на зиму расположился съ арміей въ крѣпкой позиціи при Себаріи (Sebaria) на р. Раабѣ, но здѣсь вскорѣ умеръ. Первыя войны его съ аллеманнами были болѣе или менѣе замѣчательны, но послѣдующія не отличались особенными дѣятельностью или искуствомъ съ его стороны, и наибольшая честь ихъ принадлежала полководцамъ его, особенно двумъ Ѳеодосіямъ, отцу и сыну.

ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ.

ЗАМѢЧАТЕЛНѢЙШІЕ: ВОЙНЫ И ПОХОДЫ РИМЛЯНЪ ВЪ ЭТОМЪ ПЕРІОДѢ.

(Окончаніе).

§ 421. Войны и походы Θеодосія В. (379—395 г.г.). — § 422. Походы Стилихона и Алариха (395—408 г.г.). — § 423. Послѣдніе походы Алариха (408—410 г.г.). — § 424. Походы Аэція (425—432 г.г.). — § 425 Походы Аэція и Аттилы (451—452 г.г.). — § 426. Походы Рицимера (458—472 г.г.). — § 427. Походы Одоакра (476—480 г.г.).

§ 421.

Войны и походы Θеодосія В. (379—395 г.г.).

Послѣ страшнаго пораженія Валента готθами при Адріанополѣ 9 августа 378 г., Граціянъ въ 379 г. вызвалъ сына казненнаго въ 376 г. Θеодосія, именемъ также Θеодосія, жившаго частнымъ человѣкомъ въ Испаніи, но уже отличившагося до того военными дарованіями и подвигами. Назначивъ его Августомъ и ввѣривъ ему управленіе востокомъ (восточною Иллиріей, Дакіей, Мизіей, Македоніей, Эпиромъ, Θессаліей, Ахаіей, всѣми провинціями въ Азіи и Египтомъ, съ столицей въ Θессалоникѣ), Граціянъ поручилъ ему прежде всего очистить Θракію отъ готθовъ и прочихъ варваровъ.

Съ этою цѣлію Θеодосій прежде всего собралъ разсѣянныя войска Валента, возстановилъ въ нихъ упавшіе дисциплину и духъ, а между тѣмъ, уклоняясь отъ боя съ готθами, только старался утвердиться въ укрѣпленныхъ пунктахъ и сѣять раздоры между готθами, не имѣвшими одного общаго вождя. Осенью 379 г. онъ постепенно оттѣс-

нилъ готѳовъ, гунновъ и алановъ къ Дунаю и въ началѣ ноября одержалъ надъ ними рѣшительную побѣду. Часть ихъ, подъ предводительствомъ Фритигерна, Алаѳея (Alathäus) и Сафрара, удалилась за Дунай, а другая, оставшись во Ѳракіи, покорилась Ѳеодосію и выдала ему заложниковъ.

Въ тоже время полководецъ Ѳеодосія Модаръ или Модаиръ (Modares, Modair), родомъ готъ, вслѣдствіе ссоры съ Фритигерномъ вступившій въ римскую военную службу, былъ посланъ противъ готѳовъ съ другой стороны. Модаръ скрытными путями тайно приблизился къ лагерю готѳовъ и ночью, когда они, упившись виномъ, спали глубокимъ сномъ, напалъ на нихъ неожиданно и всѣхъ ихъ истребилъ, взялъ весь обозъ ихъ, а женщинъ, дѣтей и рабовъ переселилъ въ римскія провинціи.

Такимъ образомъ уже къ концу 379 г. Ѳракія была совершенно очищена Ѳеодосіемъ отъ варваровъ. Дѣятельно занявшись послѣ того утвержденіемъ въ своихъ провинціяхъ благоустройства внутри и безопасности извнѣ, Ѳеодосій въ 380 г. предложилъ готѳамъ, удалившимся за Дунай, вступить въ римскую военную службу на равныхъ правахъ съ римскими войсками. Готѳы согласились и прибыли изъ за Дуная въ такомъ большомъ числѣ, которое значительно превосходило число римскихъ войскъ. Но Ѳеодосій вызвалъ изъ Египта тамошніе легіоны, а ихъ замѣнилъ тамъ сильнымъ отрядомъ готѳовъ подъ предводительствомъ перса Гормизда, отличившагося въ походѣ Юліяна въ Персіи въ 363 г. и противъ возставшаго Прокопія. Готѳы же, поселившіеся во Ѳракіи, снова предались своей страсти къ грабежу и разоренію, не только во Ѳракіи, но даже и въ Панноніи, и помогали задунайскимъ варварамъ переходить на правую сторону Дуная. Граціянъ разбилъ ихъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ и заключилъ съ ними отдѣльный миръ, къ которому приступилъ и Ѳеодосій. Фритигернъ же, не включенный въ этотъ миръ, равно какъ и Алаѳей и Сафраръ, отдѣлился отъ нихъ и двинулся въ Ѳессалію, чтобы разграбить Ахаію (Грецію). Но Ѳеодосій разбилъ его въ нѣсколькихъ дѣлахъ и прогналъ какъ его, такъ Алаѳея и Сафрара, обратно за Дунай.

Въ 381 г. Ѳеодосій былъ принужденъ снова выступить изъ Константинополя въ походъ противъ гунновъ, алановъ и другихъ племенъ, вторгнувшихся изъ-за Дуная, разбилъ ихъ и прогналъ за Дунай. Въ тоже время полководцы Граціяна, франки Бауто и Арбогастъ принудили и готѳовъ, вторгшихся въ Македонію и Ѳессалію, удалиться чрезъ Ѳракію за Дунай. Но какъ тамъ ихъ постоянно тѣснили гунны, то Ѳеодосій переселилъ ихъ въ 382 г. во Ѳракію и Мизію, уже крайне обезлюдѣвшія. Получивъ въ нихъ земли, готѳы

стали за то поставлять въ римскія арміи вспомогательныя войска и тѣмъ прекратили тягостную и опасную для римской имперіи войну съ ними (383 г.).

Въ томъ же 383 г. Θеодосій былъ принужденъ, чрезъ своихъ полководцевъ на востокѣ, наказать аравитянъ за ихъ набѣги, а соединенныхъ гунновъ и персовъ, тщетно осаждавшихъ Эдессу, изгнать изъ Месопотаміи. Послѣднее изъ этихъ предпріятій съ честію исполнилъ полководецъ Рикомеръ (384 г.).

Въ 385 г. миръ на востокѣ ничѣмъ не былъ нарушаемъ; но въ 386 г. остготθы или грейтунги (Greuthungii), за 10 лѣтъ передъ тѣмъ вытѣсненные гуннами изъ сѣвернаго Черноморья и двинувшіеся къ Дунаю, вмѣстѣ съ присоединенными къ нимъ на пути племенами, подъ предводительствомъ вождя своего Одоθея (Odotheus), потребовали отъ Промота, римскаго префекта Θракіи, пропуска ихъ черезъ Дунай. Промотъ поспѣшно собралъ римскія войска для обороны Дуная. Но, будучи слабѣе непріятеля, онъ прибѣгнулъ къ хитрости: послалъ къ готθамъ нѣсколькихъ воиновъ, знавшихъ готθскій языкъ, съ тѣмъ, чтобы они обѣщали выдать имъ измѣной римское войско. Сначала воины потребовали отъ остготθовъ въ награду значительную сумму денегъ, а наконецъ тѣ и другіе согласились на половину ея. Затѣмъ римскіе воины возвратились въ свой лагерь, передали все Промоту и назначили остготθамъ одну темную ночь для внезапнаго нападенія на римскій лагерь.

Между тѣмъ Промотъ принялъ всѣ мѣры для встрѣчи остготθовъ: собралъ множество барокъ, которыя ночью помѣстилъ въ 3 линіи вдоль праваго берега, велѣлъ соблюдать величайшую тишину и, когда все было готово, подалъ условленный знакъ. Храбрѣйшіе изъ остготθовъ тотчасъ отчалили отъ лѣваго берега въ челнокахъ, а за ними послѣдовали и всѣ взрослые мущины, и только старики, женщины и дѣти остались на лѣвомъ берегу. Но на серединѣ рѣки остготθы были со всѣхъ сторонъ окружены и атакованы римскими вооруженными судами, плохіе челноки ихъ опрокинуты и потоплены, и бо́льшая часть остготθовъ потонула, въ томъ числѣ самъ Одоθей, и лишь немногіе успѣли спастись. Θеодосій простилъ и помиловалъ ихъ и назначилъ имъ земли для водворенія, чѣмъ пріобрѣлъ въ нихъ благодарныхъ и вѣрныхъ подданныхъ.

Между тѣмъ на западѣ Максимъ готовился къ войнѣ съ Валентиніаномъ II и въ 387 г. перешелъ съ многочисленнымъ войскомъ изъ Галліи черезъ Альпы въ Италію и вскорѣ занялъ безъ боя всѣ провинціи Валентиніана, спасшагося съ матерью своею Юстиной изъ Медіолана въ Аквилею, а изъ нея въ Θессалонику къ Θеодосію. За-

тѣмъ Максимъ занялъ проходы въ Юлійскихъ Альпахъ, дабы преградить Ѳеодосію путь въ Италію.

Ѳеодосій, принявшій сторону Валентиніяна, собралъ большое наемное войско изъ жителей Тавра, Кавказа и береговъ Танаиса (Дона) и Дуная, такъ какъ восточныя провинціи при Валентѣ очень обезлюдѣли. Къ этимъ наемникамъ присоединилось множество другихъ— готѳовъ, гунновъ, аланъ и пр., всегда охотно готовыхъ воевать изъ-за жалованья и особенно надежды на грабежъ и добычу. Однако Ѳеодосій устроилъ ихъ правильно по римски, далъ имъ опытныхъ римскихъ военныхъ начальниковъ, для обученія ихъ римскому строю и пріученія къ римской военной дисциплинѣ, и такимъ образомъ составилъ себѣ правильно-устроенную армію изъ однихъ варваровъ, которою, подъ его личнымъ главнымъ предводительствомъ, начальствовали четыре старшихъ и лучшихъ полководца его: Промотъ, Тимазій, Арбогастъ и Рикомеръ.

Когда все было готово, Ѳеодосій въ 388 г. двинулся съ арміей 3-мя колоннами черезъ верхнюю Паннонію и Македонію въ Италію. А въ это время Максимъ, при слухѣ, будто Валентиніянъ съ моря высадится на берега Италіи, вывелъ свои войска изъ горныхъ проходовъ въ Альпахъ и, посадивъ ихъ на суда, приказалъ имъ захватить Валентиніяна. Самъ же онъ раздѣлилъ главныя силы свои на двѣ части, изъ которыхъ каждая была сильнѣе арміи Ѳеодосія, и перейдя черезъ Альпы, двинулъ одну часть къ Сисціи (Siscia) на р. Савѣ, а другую—къ Петовіо (Pätovio) на р. Дравѣ, въ Панноніи. Все это было очень неблагоразумно и ошибочно съ его стороны и не оправдывалось превосходствомъ силъ его.

Ѳеодосій же, напротивъ, съ сосредоточенными силами быстро двинулся между обѣими рѣками Савой и Дравой и сначала на первой, при Сисціи, внезапно напавъ на часть арміи Максима, разбилъ ее на голову. Тотчасъ послѣ того онъ столь же быстро двинулся со всѣми своими силами къ Петовіо на Дравѣ и расположился въ укрѣпленномъ лагерѣ противъ такого же лагеря, въ которомъ находился полководецъ Максима Марцеллинъ съ другою частью арміи, составленною преимущественно изъ отборнѣйшихъ и лучшихъ войскъ. На третій день Ѳеодосій первый атаковалъ Марцеллина, и между ними произошло упорнѣйшее сраженіе въ открытомъ полѣ при Петовіо, продолжавшееся съ утра до поздней ночи. Марцеллинъ оборонялся съ необыкновеннымъ напряженіемъ и долго и удачно отражалъ сильнѣйшія атаки Ѳеодосія. Однако, не смотря на свои искусныя распоряженія и на отчаянную храбрость своихъ войскъ, наконецъ линіи его были прорваны и войска его окружены, смяты и, послѣ жестокаго кровопролитія въ рукопашномъ бою, почти совершенно истреб-

лены, а одинъ отрядъ ихъ самъ сломалъ свои знамена въ знакъ покорности Феодосію. Марцеллинъ, какъ кажется, палъ въ бою.

При вѣсти объ обѣихъ побѣдахъ Феодосія при Сисціи и Петовіо, Максимъ бѣжалъ въ Аквилею, куда Феодосій немедленно послѣдовалъ за нимъ съ легкими войсками.

Арбогастъ сразу взялъ приступомъ плохо-укрѣпленную Аквилею и въ ней Максима, котораго въ оковахъ послалъ въ лагерь Феодосія, гдѣ онъ былъ казненъ. Четыре или пять правительственныхъ сановниковъ его имѣли ту же участь, остальные же были помилованы. А полководецъ Максима Андроготъ, посланный съ войсками на судахъ, для захвата Валентиніяна въ морѣ, послѣ тщетныхъ морскихъ поисковъ хотѣлъ высадиться въ Аквилеѣ; но, узнавъ о взятіи ея и казни Максима, съ отчаянія утопился въ морѣ.

Такимъ образомъ эта междуусобная война была сразу рѣшена двумя побѣдами Феодосія, вслѣдствіе весьма искусныхъ съ его стороны, но неразумныхъ со стороны Максима, дѣйствій.

Три года (389—391) послѣ того Феодосій оставался въ Италіи, опытностью своею наставляя молодаго Валентиніяна въ дѣлахъ правленія и издавая мудрые законы на пользу западной и восточной половинъ имперіи. Затѣмъ, проѣзжая чрезъ Иллирію въ Константинополь, онъ нашелъ многія мѣстности, разоренныя какъ варварами его собственной арміи, такъ и бѣглыми изъ арміи Максима. По приближеніи Феодосія, они въ значительныхъ силахъ удалились въ горы, откуда производили разбои. Феодосій, только съ 5-ю сопровождавшими его лицами, самъ развѣдалъ тайные притоны ихъ въ горахъ и затѣмъ, напавъ на нихъ съ войсками, большею частію истребилъ. Но между тѣмъ какъ недавно-набранныя и устроенныя войска его предавались радости по случаю одержанной ими побѣды, они были внезапно атакованы остатками разбойниковъ и спасены отъ пораженія только поспѣшнымъ прибытіемъ Промота на помощь имъ.

Въ 392 г. Валентиніянъ, подававшій большія надежды, былъ умерщвленъ его магистромъ войска, франкомъ Арбогастомъ, который провозгласилъ императоромъ друга своего, ритора Евгенія, именемъ котораго хотѣлъ править западною имперіей. Слѣдствіемъ этого была новая междуусобная война Феодосія противъ Евгенія. Арбогастъ, которому Евгеній предоставилъ веденіе войны, заключилъ союзъ съ франкскими князьями Маркоміромъ и Сунно, получилъ отъ нихъ значительныя числомъ вспомогательныя войска и образовалъ себѣ изъ нихъ и изъ галловъ, аллемановъ и саксовъ многочисленную армію. Феодосій также собралъ со всѣхъ сторонъ разноплеменныя войска и старался установить между ними строгую дисциплину. Изъ нихъ римскіе легіоны онъ поручилъ начальствованію

полководцевъ Стиликона и Тимазія, а вспомогательныя войска изъ готѳовъ, персовъ, индійцовъ и другихъ народовъ—Гайнѣ, Аларику, Саулу и Бакурію. Затѣмъ въ 393 г. онъ двинулся черезъ Адріанополь къ Юлійскимъ Альпамъ. При вѣсти объ этомъ, и Арбогастъ съ Евгеніемъ двинулся туда же, поручивъ полководцу своему Флавіяну съ авангардомъ защищать горные проходы въ Юлійскихъ Альпахъ. Но Ѳеодосій, преодолѣвъ всѣ затрудненія со стороны мѣстности въ горахъ, разбилъ Флавіяна и, перейдя черезъ Альпы, двинулся къ Аквилеѣ. Недалеко отъ нея, на берегахъ р. Фригида, 6 сентября 394 г. онъ встрѣтилъ превосходную въ силахъ армію Евгенія, на знаменахъ которой было изображеніе Геркулеса, между тѣмъ какъ въ арміи Ѳеодосія знамена были осѣнены крестомъ. Ѳеодосій первый атаковалъ армію Евгенія иноплеменными вспомогательными войсками Гайны. Арбогастъ бросился на встрѣчу имъ на всѣхъ пунктахъ, и войска его сражались съ такими упорствомъ и ожесточеніемъ, что до 10 т. готѳовъ были истреблены. Ѳеодосій былъ вынужденъ ввести въ бой отборныя войска свои для возстановленія сраженія. Но Арбогастъ продолжалъ сражаться съ отчаяннымъ упорствомъ, такъ что полководецъ Ѳеодосія, Бакурій, послѣ многократныхъ атакъ, былъ разбитъ и убитъ. Наступившая ночь прекратила сраженіе прежде, нежели побѣда была рѣшена въ пользу той или другой стороны. Однако Евгеній признавалъ себя побѣдителемъ, потому что Ѳеодосій понесъ бо̀льшую, нежели онъ, потерю войскъ. Но вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ, въ лагерѣ Евгенія всю ночь пировали, и только опытный Арбогастъ послалъ комиса или графа Арбитріо съ отрядомъ войскъ въ тылъ арміи Ѳеодосія. Между тѣмъ въ военномъ совѣтѣ послѣдняго всѣ были того мнѣнія, чтобы не отваживаться на вторичное сраженіе, а отступить и слѣдующею весною открыть новый походъ съ возобновленными силами. Но Ѳеодосій опровергнулъ это мнѣніе и, полный довѣрія къ себѣ и надежды на успѣхъ, вслѣдствіе ночнаго сновидѣнія, на разсвѣтѣ собралъ остатки своей арміи и смѣло двинулся противъ превосходной числомъ арміи Евгенія. Арбогастъ съ своей стороны двинулся на встрѣчу ему, и Ѳеодосій уже былъ атакованъ имъ спереди, а Арбитріемъ съ тыла, какъ вдругъ послѣдній со всѣмъ своимъ отрядомъ перешелъ на его сторону. Тогда Ѳеодосій, въ главѣ своихъ отборныхъ войскъ, такъ стремительно атаковалъ армію Евгенія, что она не въ состояніи была выдержать атаки его и частію была истреблена, частію положила оружіе. Евгеній, выданный ею Ѳеодосію, былъ казненъ, а Арбогастъ, обратившійся въ бѣгство, бросился на свой мечъ, чтобы спастись отъ плѣна и казни. Такимъ образомъ и эта междуусобная война

была сразу, въ самомъ началѣ, прекращена искусными и рѣшительными дѣйствіями и побѣдой Феодосія.

Послѣдній, нося уже въ себѣ зародышъ смертельной болѣзни и чувствуя упадокъ силъ, назначилъ 11-лѣтняго сына своего Гонорія императоромъ западной римской имперіи, подъ опекой и руководствомъ полководца вандала Стиликона, а 18-лѣтняго сына своего Аркадія уже передъ тѣмъ назначилъ императоромъ восточной римской имперіи, подъ руководствомъ галла Руфина. 17 января 395 г. Феодосій умеръ, послѣ 16-лѣтняго, твердаго, мудраго и славнаго въ государственномъ и военномъ отношеніяхъ царствованія, достойно снискавъ прозваніе Великаго.

Современные ему историки и писатели единогласно жалуются на быстрые успѣхи роскоши, развращенія и изнѣженности нравовъ въ римской имперіи. Въ военномъ отношеніи эти успѣхи ихъ были пагубны для римскихъ войскъ и армій, въ которыхъ не было болѣе ни тѣни древнеримскихъ военныхъ дисциплины и упражненій. Римскіе воины все болѣе и болѣе отвращались отъ тягости военной службы, а начальники ихъ въ такой же мѣрѣ оказывали послабленіе имъ, до того, что наконецъ дозволяли имъ не надѣвать ни шлемовъ, ни латъ. Даже короткій мечъ и дротикъ (pilum) были облегчены. Эти злоупотребленія особенно усилились со времени Граціяна, и римскіе воины, не защищенные болѣе отъ мѣткихъ стрѣлъ готѳовъ, гунновъ, алановъ и др. народовъ, неохотно, съ отвращеніемъ шли на войну противъ нихъ и легко подвергались ранамъ и пораженію съ ихъ стороны. Тщетно старались преемники Граціяна ввести прежнее вооруженіе: римскіе легіонеры остались при легкомъ и все болѣе становились неспособными противустоять сѣвернымъ народамъ Европы. Тѣмъ болѣе чести приноситъ такимъ императорамъ, какъ Константинъ В. Юліянъ и Феодосій В., то, что они умѣли возстановлять и поддерживать въ римскихъ войскахъ и арміяхъ строгую дисциплину, одушевлять ихъ мужествомъ, твердостью и храбростью и одерживать съ ними побѣды, какъ во внѣшнихъ, такъ и во внутреннихъ войнахъ. И это, въ тогдашнихъ трудныхъ и опасныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась римская имперія, ни къ чему иному не можетъ быть отнесено, какъ только къ необыкновенному нравственному вліянію этихъ императоровъ и ихъ высокихъ личныхъ дарованій, какъ и всѣхъ великихъ полководцевъ, на подчиненныя имъ войска.

§ 422.

Походы Стиликона и Алариха (395—408 г.г.).

По смерти Өеодосія, Стиликонъ и Руфинъ вскорѣ сверглн съ себя личину, посредствомъ которой вкрались въ довѣріе Өеодосія и вводили его въ заблужденіе на свой счетъ, и сами стали, хотя и различными путями, явно стремиться къ верховной, нераздѣльной власти. Они раздавали за деньги государственныя должности и вскорѣ окружили себя болѣе многочисленными и блистательными дворами, нежели дворы Гонорія и Аркадія. Для содержанія этихъ дворовъ, провинціи, и безъ того истощенныя, были еще болѣе обременены до крайности налогами, податями, поборами и пр., а въ войскахъ дисциплина снова упала.

Стиликонъ, утвердясь на западѣ, положилъ низвергнуть Руфина и, дабы обезпечить себя съ тыла, со стороны германскихъ народовъ, возобновилъ съ ними прежніе договоры, а потомъ хотѣлъ двинуться съ войскомъ прямо къ Константинополю!

Руфинъ же, съ своей стороны, признавъ лучшимъ средствомъ для утвержденія и упроченія своего вліянія на Аркадія — возбужденіе большой войны (!), втайнѣ побудилъ задунайскихъ гунновъ произвесть нашествіе чрезъ Кавказскій перешеекъ на Азію (!).

Таковы были первыя, послѣ смерти Өеодосія В., начала той политики, которой съ этого времени уже постоянно слѣдовали первенствующіе въ обѣихъ имперіяхъ государственные правители и полководцы (первые министры и главные начальники войскъ), почти всѣ, за исключеніемъ Аэція, изъ варваровъ — германцовъ, франковъ, вандаловъ, готовъ и др. Эта политика, продолжавшаяся до самаго разрушенія западной римской имперіи и бывшая одною изъ главныхъ причинъ его, заключалась въ томъ, что означенныя выше лица, имѣя въ своей полной власти вооруженную силу, составленную преимущественно и наконецъ почти исключительно изъ варваровъ, предпочитали не самимъ быть императорами, но неограниченно править въ той или другой имперіи — подъ именемъ безсильныхъ и ничего незначившихъ императоровъ. Такимъ образомъ главными и замѣчательнѣйшими военными дѣятелями въ послѣднія 70 лѣтъ существованія западной римской имперіи были не римляне, а варвары—Стиликонъ, Аларихъ, Рицимеръ и Одоакръ, и только одинъ Аэцій былъ римляниномъ и получилъ въ исторіи прозваніе послѣдняго римлянина.

И такъ Стиликонъ и Руфинъ, имѣя въ виду только свои личныя

цѣли достиженія верховной власти подъ именемъ, первый—Гонорія, а второй—Аркадія, но безъ всякаго состраданія къ бѣдственному положенію обѣихъ имперій, положили: Стиликонъ—идти войною на Руфина, а послѣдній — двинуть на восточную имперію гунновъ въ Азіи и даже готѳовъ въ Европѣ (!).

Гунны и готѳы, всегда склонные къ грабежу и разоренію и всегда готовые на нихъ, охотно, даже съ радостью отозвались на призывъ Руфина и какъ бурный потокъ разлились, гунны—по областямъ римскимъ и персидскимъ въ Азіи, а готѳы, подъ предводительствомъ короля своего Алариха — въ Панноніи, Мизіи, Ѳракіи и Ѳессаліи въ Европѣ (395 г.).

Между тѣмъ Стиликонъ, обезпечивъ границы Галліи, положивъ предѣлъ морскимъ разбоямъ саксовъ и вторженіямъ пиктовъ и скоттовъ въ Британнію и заключивъ договоры съ прирейнскими германскими народами, въ главѣ сильной арміи двинулся противъ Алариха и готѳовъ. Перейдя черезъ Юлійскія Альпы и Далмацію, онъ присоединилъ къ себѣ войска Аркадія подъ начальствомъ готѳа Гайны и настигъ наконецъ готѳовъ Алариха на равнинахъ Ѳессаліи, гдѣ они выжидали нападенія его, по своему обычаю, за своимъ обозомъ (вагенбургомъ). Тщетно пытался Стиликонъ выманить ихъ на бой въ открытомъ полѣ и уже рѣшился атаковать ихъ въ обозѣ, какъ въ это самое время войска Гайны были отозваны Аркадіемъ, т. е. Руфиномъ, въ Ѳессалонику. Стиликонъ, ослабленный удаленіемъ ихъ, былъ принужденъ отказаться отъ атаки готѳовъ и отступить въ Италію. Но, въ высшей степени раздраженный этимъ противъ Руфина, онъ отмстилъ ему чрезъ Гайну, который, передъ вступленіемъ своимъ въ Константинополь, умертвилъ вышедшаго на встрѣчу ему Руфина. Аларихъ же съ своими готѳами, по удаленіи и Гайны, и Стиликона, разграбилъ и разорилъ безъ сопротивленія всю Грецію до крайнихъ береговъ Пелопоннеса, завладѣлъ Аѳинами, разрушилъ Элевзисъ, разграбилъ Мегару и взялъ приступомъ Коринѳъ, Аргосъ и Лакедемонъ. А Аркадій и заступившій мѣсто Руфина евнухъ Евтропій нималѣйше не препятствовали тому! Гунны же въ то же время разграбили и разорили въ конецъ Арменію, Каппадокію, Киликію, Сирію и персидскія области на лѣвой сторонѣ Тигра.

Весною 396 г. Стиликонъ съ арміей переправился моремъ на флотѣ въ Пелопоннесъ и разбилъ готѳовъ во многихъ дѣлахъ, съ большимъ для нихъ урономъ. Аларихъ отступилъ въ горы и лѣса Аркадіи и укрѣпился на горѣ Филэ (Philö). Стиликонъ обложилъ его здѣсь, но пока предавался чувственнымъ наслажденіямъ и безпечно стерегъ Алариха, послѣдній ловко и удачно прорвался въ Эпиръ, гдѣ и продолжалъ грабить и разорять край. А Стиликонъ, вмѣсто того,

чтобы преслѣдовать его, спокойно воротился въ Италію и тѣмъ возбудилъ противъ себя общее подозрѣніе, что дѣйствовалъ въ тайномъ согласіи съ Аларихомъ. Евтропій побудилъ Аркадія объявить Стиликона врагомъ государства и конфисковать его помѣстья въ восточной имперіи, Алариха же съ его готѳами принять въ свою службу и назначить магистромъ войскъ въ восточной Иллиріи.

Лѣтомъ 397 г. римскій правитель провинціи Африки, комисъ или графъ Гильдо явно возмутился, въ намѣреніи сдѣлаться самостоятельнымъ владѣтелемъ, и, задержавъ въ Карѳагенѣ флотъ, нагруженный хлѣбомъ для Рима, произвелъ этимъ въ послѣднемъ страшный голодъ. Стиликонъ, именемъ Гонорія и сената, объявилъ Гильдо врагомъ отечества и послалъ противъ него брата его Масцезиля (Mascezil), состоявшаго въ римской военной службѣ и вполнѣ преданнаго римскому правительству, съ 8 т. отборныхъ и лучшихъ войскъ, состоявшихъ изъ старыхъ іовіянъ и геркуліянъ (иллирійскихъ легіоновъ, такъ названныхъ еще Діоклитіяномъ). Гильдо въ Африкѣ двинулся на встрѣчу ему съ войскомъ, простиравшимся до 70 т. чел., но очень дурно устроенныхъ и вооруженныхъ туземцовъ-варваровъ. Оба брата и войска встрѣтились на берегахъ р. Ардаліона, между Ѳивастой или Тебастой (Thebaste) и Аммедарой въ Нумидіи. Гильдо охватилъ со всѣхъ сторонъ Масцезиля, который, не смотря на то, смѣло вступилъ въ бой. Въ самомъ началѣ его одинъ знаменосецъ изъ 1-й линіи Гильдо, увлекшійся впередъ, былъ раненъ Масцезилемъ, упалъ и уронилъ знамя. Войска Гильдо, принявъ это за знакъ, что 1-я линія ихъ положила оружіе, обратились въ бѣгство и преслѣдовавшими ихъ войсками Масцезиля были частью истреблены, частію разсѣяны, а Гильдо взятъ въ плѣнъ и въ темницѣ удавился. Но Стиликонъ, усматривая въ Масцезилѣ опаснаго для себя соперника, приказалъ умертвить его!

Между тѣмъ Аларихъ, съ 396 г. до 400 г. начальствовавшій войсками Аркадія въ восточной Иллиріи и стремившійся къ начальствованію также и въ западной, вступилъ въ союзъ съ Радагайсомъ, вождемъ части задунайскихъ готѳовъ, и прошелъ чрезъ всю Паннонію, въ намѣреніи оттуда вмѣстѣ съ Радагайсомъ напасть на беззащитную Италію. Они осадили Аквилею и разоряли ея окрестности безъ всякаго сопротивленія со стороны и Аркадія, и Гонорія, однако не могли взять Аквилеи и отступили обратно за Юлійскія Альпы, дабы еще болѣе усилить свои войска.

Исполнивъ это, собравъ многочисленное войско и хорошо вооруживъ его оружіемъ, кованнымъ въ рудникахъ Иллиріи, Аларихъ осенью 401 г. вторично двинулся въ Италію въ то время, когда западные легіоны были заняты изгнаніемъ германцовъ изъ Рэтіи. Пе-

рейдя через Юлійскія Альпы, онъ частію силой, частію подкупомъ овладѣлъ многими городами, разорилъ Венецію и Лигурію и распространилъ въ Италіи такой страхъ, что многія знатныя семейства спаслись на острова Сардинію, Корсику и Сицилію. Самъ Гонорій хотѣлъ изъ Медіолана спастись въ Галлію, но Стиликонъ, человѣкъ мужественной твердости, не допустилъ его до того, поспѣшно отправился въ Рэтію, заключилъ миръ съ германцами, присоединилъ къ себѣ когорты съ Рейна и усиленными переходами двинулся къ Медіолану, самъ съ легкой конницей впереди. Аларихъ уже перешелъ черезъ р. Адду и завладѣлъ мостами на ней, когда Стиликонъ ночью перешелъ черезъ Адду въ бродъ, опрокинулъ встрѣтившій его отрядъ Алариха и съ передовою конницей благополучно достигъ Медіолана, но главныя силы его отстали и были еще назади. Такимъ образомъ Аларихъ очутился между двухъ римскихъ войскъ и вступилъ въ переговоры съ Гоноріемъ. Слѣдствіемъ ихъ было то, что Гонорій назначилъ Алариху и его готѳамъ земли для водворенія за Альпами, отдѣлявшими Галлію отъ Италіи, а Аларихъ за то обѣщалъ хранить миръ. Онъ уже перешелъ черезъ По и двигался къ Альпамъ, когда Стиликонъ, хотѣвшій этимъ договоромъ только обмануть его, быстро двинулся съ арміей за нимъ и, настигнувъ его при Полленціи (Pollentia) на р. Танаро, положилъ принудить его къ бою. Но, дабы отклонить отъ себя такое вѣроломное нарушеніе заключеннаго договора, онъ передалъ начальствованіе арміей Саулу, одному изъ бывшихъ полководцевъ Ѳеодосія В.

Аларихъ, вовсе не ожидавшій нападенія, поспѣшно построилъ свое войско въ боевой порядокъ и былъ стремительно атакованъ Сауломъ. Вспомогательный отрядъ аланъ въ арміи послѣдняго, опрокинутый готѳами, въ бѣгствѣ своимъ увлекъ за собою римскую конницу, и побѣда уже начала склоняться на сторону готѳовъ, когда Саулъ съ пѣхотой возстановилъ бой. Послѣ упорнаго сопротивленія, готѳы были опрокинуты и разбиты, лагерь ихъ разграбленъ, и въ немъ взято въ плѣнъ семейство Алариха. Но пока войска Саула грабили лагерь готѳовъ, Аларихъ собралъ часть разсѣявшихся войскъ своихъ, бросился съ ними на римлянъ и нанесъ имъ такой же уронъ, какой самъ потерпѣлъ; однако римляне сохранили за собой мѣсто боя и взятую добычу, и Аларихъ былъ принужденъ отступить за Аппеннины. Но Стиликонъ, во власти котораго находились жена и дѣти Алариха, принудилъ его удалиться изъ Италіи тѣмъ же путемъ, которымъ онъ вошелъ въ нее, и слѣдовалъ за нимъ, для немедленнаго отмщенія за всякій вредъ, нанесенный имъ краю на пути, или же чтобы воспользоваться удобнымъ случаемъ для нанесенія ему пораженія. Близъ Вероны онъ обвинилъ готѳовъ въ грабежѣ и

напалъ на нихъ. Аларихъ употребилъ всѣ усилія для сопротивленія и самъ лично подвергался такой опасности въ бою, что едва не былъ взятъ въ плѣнъ. Но и Стилихонъ также отличился столько же личною храбростью, сколько и искусными распоряженіями, и готѳы были разбиты, а Алариха спасла только быстрота его коня. Онъ хотѣлъ пробиться чрезъ Рэтію въ Галлію, но Стиликонъ велѣлъ занять всѣ проходы въ горахъ, и Аларихъ, укрѣпившійся въ выгодной позиціи, вскорѣ подвергся такому голоду, что готѳы его цѣлыми толпами передавались Стиликону. Покинутый ими, Аларихъ спасся черезъ горы въ Иллирію, гдѣ, твердо намѣренный отмстить римлянамъ, началъ набирать новое войско.

Страхъ его имени принудилъ Гонорія перенесть свое пребываніе изъ Медіолана въ Равенну, а въ римскихъ легіонахъ произвелъ большіе побѣги. Гонорій издалъ строгіе законы противъ того, уничтожилъ гладіаторскіе бои и, по убѣдительнымъ просьбамъ сената, переселился на 6 мѣсяцовъ въ Римъ (404 г.). Стиликонъ находился неотлучно при немъ и замышлялъ доставить наслѣдованіе западнаго престола сыну своему. Съ этою цѣлію онъ завязалъ тайные переговоры съ Аларихомъ, съ тѣмъ чтобы послѣдній сначала ослабилъ Аркадія, а потомъ напалъ на западныя провинціи, дабы самъ Стиликонъ въ общей смутѣ могъ исполнить свои замыслы! Хотя Аларихъ пылалъ мщеніемъ Стиликону, однако, не довольно сильный еще для вступленія въ войну съ нимъ, до времени склонился на его предложенія. Гонорій принялъ его въ свою службу и далъ ему въ управленіе западную Иллирію.

Въ 405 г. Аларихъ двинулся съ войскомъ готѳовъ въ Эпиръ, гдѣ расположилъ цѣпь отрядовъ вдоль моря до Диррахія (н. Дураццо). Стиликонъ долженъ былъ послѣдовать за нимъ съ римскою арміею, но былъ удержанъ вторженіемъ Радагайса въ Италію. Послѣдній, раздраженный дарованіемъ Алариху большихъ преимуществъ, перешелъ черезъ Альпы въ главѣ многочисленнаго (до 200 т. чел.) войска и распространилъ страхъ до самаго Рима. Стиликонъ поспѣшно собралъ 30 легіоновъ, взялъ на жалованье сильный отрядъ аланъ, присоединилъ къ себѣ царя гунновъ Улдеса и независимаго германскаго вождя Сара (Sarus) и быстро двинулся на встрѣчу Радагайсу. Послѣдній между тѣмъ прошелъ уже черезъ область Тусцію и осадилъ Флоренцію. Войско его, раздѣленное на три большіе отдѣльные отряда, было такъ оплошно, что еще прежде, нежели онъ узналъ о приближеніи Стиликона, одинъ изъ этихъ отрядовъ былъ разбитъ и истребленъ гуннами и Радагайсъ принужденъ снять осаду Флоренціи и отступать. Онъ такъ мало разумѣлъ въ способѣ веденія войны, что вмѣсто того, чтобы пользоваться обширными равнинами

для дѣйствій своей многочисленной конницы, допустилъ обложить себя въ горахъ Ѳессулъ (Fessulae). Страшный голодъ вскорѣ привелъ войска его въ отчаяніе, и когда онъ хотѣлъ спастись бѣгствомъ, то былъ задержанъ ими же и казненъ. Затѣмъ все войско его положило оружіе, и каждый въ немъ былъ проданъ въ рабство, но большая часть ихъ погибла отъ голода, а 12 т. отборнѣйшихъ людей Стиликонъ принялъ въ римскую службу.

Избавивъ Италію такимъ образомъ отъ угрожавшей ей опасности, Стиликонъ въ 406 г. изготовился къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ съ Аларихомъ, предложилъ ему открыть походъ и обѣщалъ вскорѣ присоединиться къ нему съ своею арміей. Но прежде, нежели онъ успѣлъ исполнить это, страшное нашествіе вандаловъ, свевовъ и аланъ на Галлію отозвало его въ эту страну, уже давно почти беззащитную. Означенные народы взяли и разрушили нын. Майнцъ, Вормсъ, Шпейеръ, Кёльнъ, Страсбургъ и многіе другіе города, и разлились, какъ потокъ, по всей Галліи и Бельгіи, и только Лаонъ оказалъ имъ упорное сопротивленіе, да Тулуза спаслась отъ нихъ, благодаря выгодному мѣстоположенію своему. А тѣ изъ несчастныхъ жителей, которые спаслись отъ меча, погибли отъ голода. Три года (406—408) продолжалось это страшное опустошеніе, и Стиликонъ былъ не въ состояніи положить ему предѣлъ, а долженъ былъ ограничиться осторожною обороной. Но за названными тремя народами, увлеченные ихъ примѣромъ послѣдовали аллеманны и бургунды. Изъ нихъ первые завладѣли всею полосою края отъ Майнца до Базеля, доколѣ ихъ не вытѣснили франки, а бургунды водворились въ Гельвеціи, юговосточной Галліи и нын. Савоіѣ и вскорѣ распространились далѣе въ земли секвановъ и эдуевъ (407 г.).

Страхъ этихъ нашествій варваровъ на Галлію распространился и въ Британніи. Находившіеся въ ней легіоны, угрожаемые восточными варварами и сѣверными скоттами и пиктами и не надѣясь получить помощи изъ Италіи, провозгласили простаго рядоваго легіонера Константина императоромъ! А онъ положилъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ покорить всю западную имперію! Высадясь въ Гессоріякѣ (Булони), онъ былъ признанъ всею Галліей, а преторіянскій префектъ ея, Лименій, со страху бѣжалъ. Константинъ раздѣлилъ свою армію на четыре части, разбилъ варваровъ въ большомъ сраженіи въ земляхъ нервіевъ, но, не воспользовавшись побѣдой и преслѣдовавъ ихъ недостаточно быстро и сильно, дозволилъ имъ оправиться. Затѣмъ, двинувшись къ Рейну, онъ заключилъ союзъ съ тѣми аллеманнами, которые водворились въ нын. Эльзасѣ.

Стиликонъ послалъ противъ него изъ Равенны префекта Сара (Sarus) съ арміей. Сначала Саръ разбилъ одного изъ полководцевъ

Константина, Юстина, а другаго, Небіогаста, вступившаго съ нимъ, Саромъ, въ переговоры, приказалъ умертвить. Но затѣмъ онъ былъ опрокинутъ двумя другими полководцами Константина, Эдобинкомъ и Геронтіемъ, за Альпы, и Константинъ, занявъ всѣ проходы въ нихъ, учредилъ въ Арелатѣ (нынѣ Арль) свои столицу и пышный дворъ. Признавъ весьма важнымъ для себя обладаніе Испаніей, въ 408 г. онъ послалъ въ нее сына своего, Константина, котораго назначилъ Цезаремъ, подъ руководствомъ Геронтія, съ вспомогательными войсками варваровъ, которые прежде были въ службѣ Гонорія. Многочисленный и могущественный родъ Өеодосія В. въ Испаніи сначала оказалъ сопротивленіе, но вскорѣ былъ принужденъ къ покорности. Тогда Константинъ отправилъ къ Гонорію посольство съ требованіемъ признанія его, Константина, императоромъ.

Между тѣмъ Аларихъ, три года тщетно ожидавшій въ Эпирѣ прибытія Стиликона съ обѣщанною вспомогательною арміей, не въ состояніи былъ, при своемъ честолюбивомъ, воинственномъ и предпріимчивомъ духѣ, долѣе переносить такого продолжительнаго бездѣйствія. Онъ обратился назадъ, прошелъ черезъ Далмацію, вторгнулся черезъ Паннонскія горы въ Норикъ и, прибывъ на границы Италіи, потребовалъ отъ Стиликона денежнаго вознагражденія издержекъ 3-хъ-лѣтняго пребыванія въ Эпирѣ. Стиликонъ отправился изъ Равенны въ Римъ для совѣщанія о томъ съ Гоноріемъ и сенатомъ и склонилъ ихъ къ выдачѣ Алариху 4 т. фунтовъ золота, цѣною чего послѣдній и остался въ покоѣ.

Смерть Аркадія и воцареніе сына его, Өеодосія II, разрушили честолюбивые замыслы Стиликона: о завоеваніи всей Иллиріи уже не могло быть рѣчи, такъ какъ Гонорій гласно объявилъ, что введетъ Өеодосія II во владѣніе всею восточною имперіей нераздѣльно, и послалъ Стиликона съ 4-мя легіонами въ Константинополь для возведенія Өеодосія на престолъ. Но между тѣмъ, какъ Гонорій ѣхалъ изъ Рима въ Равенну, Стиликонъ, опасаясь лишиться вліянія на него во время долгаго отсутствія своего, оставался въ бездѣйствіи въ Бононіи (Болоньѣ). А успѣвшій вкрасться въ довѣріе Гонорія Олимпій раскрылъ ему замыслы и козни Стиликона и тайное соглашеніе его съ Аларихомъ, съ цѣлію лишенія Аркадія престола. Слѣдствіемъ этого было возстановленіе Олимпіемъ Гонорія, народа и войска противъ Стиликона и его приверженцовъ, и сначала послѣдніе въ Павіи были умерщвлены, а затѣмъ и Стиликонъ, спасшійся въ Равенну, былъ казненъ 23 августа 408 г. Такъ погибъ этотъ крайне честолюбивый, но и необыкновенно даровитый государственный дѣятель и полководецъ, твердѣйшая опора западной римской имперіи, два раза спасшій ее, честолюбіе котораго увлекло его съ пути долга и

вѣрности Гонорію, но который въ тоже время дѣйствовалъ не довольно рѣшительно для исполненія своихъ преступныхъ замысловъ.

§ 423.

Послѣдніе походы Алариха (408—410 г.г.).

Между тѣмъ Аларихъ, еще не получившій назначенныхъ ему денегъ и стоявшій на границахъ Италіи, потребовалъ отъ Олимпія уплаты этихъ денегъ, предложилъ заложниковъ и обѣщалъ удалиться изъ Норика въ Паннонію. Получивъ отказъ, онъ положилъ немедленно идти прямо къ Риму (въ 408 г.). Ему вполнѣ благопріятствовали въ этомъ: безразсудныя мѣры Олимпія, раздавшаго важнѣйшія военныя должности неспособнымъ и недостойнымъ военачальникамъ и не оставившаго въ Италіи ни одного легіона, равно и необходимая, по понятіямъ варваровъ, кровная месть за казнь Стиликона и присущая имъ страсть къ грабежу и обогащенію добычей. Готѳы, аланы и другія племена варваровъ, доселѣ удерживаемыя въ дружественныхъ отношеніяхъ къ западной имперіи невольнымъ уваженіемъ или страхомъ къ военнымъ дарованіямъ Стиликона, предложили свои услуги Алариху, требуя, чтобы онъ повелъ ихъ въ Италію для отмщенія. Аларихъ охотно согласился на то и, потребовавъ отъ шурина своего, Атаульфа, начальствовавшаго сильнымъ войскомъ готѳовъ, гунновъ и аланъ въ Панноніи, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ въ Италію, усиленными переходами двинулся безъ сопротивленія мимо Равенны, Конкордіи и Атина (Atinum), не теряя времени на осаду Равенны перешелъ при Кремонѣ черезъ По и черезъ Пиценъ неожиданно явился передъ самымъ Римомъ. Нимало не медля, онъ тѣсно обложилъ его, захватилъ судоходство по Тибру и совершенно отрѣзалъ всѣ сообщенія Рима съ окрестностями. Римъ, со времени взятія его галлами никогда не видавшій непріятеля внутри себя, а со временъ Аннибала—и передъ вратами своими, нисколько не былъ приготовленъ къ выдержанію обложенія и, вслѣдствіе того, въ скоромъ времени подвергся страшному голоду и смертности отъ чумы. Поэтому римскій сенатъ былъ вынужденъ вступить отъ своего имени въ переговоры съ Аларихомъ, и послѣдній потребовалъ 5 т. фунтовъ золота, 30 т. фунтовъ серебра, множества драгоцѣнныхъ тканей и другихъ вещей, и заложниковъ изъ дѣтей знатнѣйшихъ римлянъ, обѣщая не только миръ, но и свою защиту противъ всякаго врага. Затѣмъ, до сбора и выдачи ему потребованныхъ денегъ, Аларихъ зимою (въ концѣ 408 г.) удалился въ область Тусцію (Тоскану)

на зимнія квартиры. Здѣсь къ нему присоединился Атаульфъ и кромѣ того множество рабовъ изъ варваровъ. Аларихъ ждалъ какъ полученія потребованныхъ имъ денегъ и пр., такъ и принятія сдѣланныхъ имъ прежде и повторенныхъ снова предложеній—низложить государственнаго магистра (magister officiorum) Олимпія и назначить его самого, Алариха, магистромъ или главноначальствующимъ всѣхъ войскъ западной имперіи (magister utriusque militiae). Первое предложеніе было исполнено—Олимпій былъ замѣненъ Іовіемъ, но на второе ни Гонорій, ни Іовій не соглашались. Вмѣсто того они вызвали изъ Далмаціи 5 легіоновъ (едва 6 т. чел.) отборныхъ войскъ, для защиты Рима (въ 409 г.). Но эти легіоны были разбиты и почти совершенно истреблены Аларихомъ и, послѣ тщетныхъ переговоровъ и ожиданій, онъ обложилъ Равенну и находившагося въ ней Гонорія. Послѣдній уже принялъ мѣры къ бѣгству, когда получилъ отъ Өеодосія 6 когортъ въ подкрѣпленіе, которымъ и поручилъ защиту Равенны, бѣгство же изъ нея отложилъ до полученія извѣстій изъ Африки, въ которой произошло возмущеніе. Обложеніе и осада Равенны затянулись, и Аларихъ, оставивъ для продолженія ихъ часть войска, съ главными силами вторично двинулся къ Риму и заставилъ сенатъ и народъ въ немъ провозгласить императоромъ префекта Рима Аттала, а этотъ назначилъ его, Алариха, магистромъ войскъ гвардіи (comes domesticorum). Аларихъ хотѣлъ этимъ только устрашить Гонорія и сдѣлать его сговорчивѣе. Но какъ это не удалось ему, то въ 410 г. онъ низложилъ Аттала за то, будто по его винѣ потеряна была провинція Африка, оставшаяся вѣрною Гонорію, снялъ обложеніе Равенны, снова вступилъ въ переговоры съ Гоноріемъ и наконецъ заключилъ съ нимъ договоръ. Но Гонорій не только не исполнилъ этого договора, но и нарушилъ его: Аларихъ на походѣ отъ Равенны къ Аримнію былъ внезапно атакованъ отрядомъ наемныхъ готѳовъ на жалованьѣ Гонорія. Въ отмщеніе за то, Аларихъ въ третій разъ двинулся къ Риму и снова обложилъ его. Подробности этого обложенія неизвѣстны; извѣстно только, что оно продолжалось очень долго и снова произвело въ Римѣ страшный голодъ. Хотя на этотъ разъ жители Рима и приготовились къ оборонѣ, но это не помогло имъ: въ ночь съ 23 на 24 августа Алариху измѣной были отворены Саларіянскія ворота (porta Salariana), войска его вторглись въ Римъ и три дня жестоко грабили его и производили въ немъ страшное кровопролитіе, щадя только однѣ церкви, ибо были христіанами. Бо̀льшая часть города сгорѣла, а на 4-й день Аларихъ двинулся въ южную Италію, увлекши за собою множество плѣнныхъ и въ томъ числѣ сестру Гонорія, Плацидію. На пути онъ взялъ приступомъ Нолу, а Регій былъ разграбленъ. Отсюда онъ хотѣлъ

переправиться въ Сицилію, а изъ нея въ Африку, но, не имѣя флота, сталъ переправлять свои войска на судахъ, какія могъ собрать, даже на лодкахъ и въ челнокахъ, съ горестью видѣлъ, какъ они гибли въ морѣ, и вскорѣ умеръ въ Козенціи. Готѳы похоронили тѣло его на днѣ рѣки Бузентина и избрали въ преемники ему Атаульфа, который тотчасъ же сталъ искать примиренія съ Гоноріемъ и въ 412 г. заключилъ съ нимъ договоръ, перешелъ съ готѳами въ Галлію и водворился въ югозападной части ея.

§ 424.

Походы Аэція (425—432 г.г.).

По смерти Гонорія въ 425 г. и по переходѣ права на престолъ къ малолѣтнему сыну сестры его, вдовы Констанція, Плацидіи, Валентиніяну, Ѳеодосій II хотѣлъ предъявить собственныя права на престолъ западной имперіи и уже двинулъ войска свои въ Далмацію. Но магистръ войскъ въ Италіи, Кастинъ, и полководецъ Аэцій, изучившій войну подъ предводительствомъ Алариха и пользовавшійся одинаковымъ уваженіемъ и у готѳовъ, и у гунновъ, провозгласили императоромъ бывшаго главнаго министра Гоноріева, Іоанна. Послѣдній отправилъ къ Ѳеодосію посольство съ просьбой о признаніи его, но, получивъ отказъ, далъ свободу рабамъ, призвалъ на помощь гунновъ и послалъ къ нимъ Аэція, съ приказаніемъ напасть на войска Ѳеодосія съ тыла, если они вступятъ въ Италію (424 г.). Но Ѳеодосій рѣшился уступить западную имперію Плацидіи, съ титуломъ Августы, и сыну ея Валентиніяну III и послалъ на западъ сильные армію и флотъ, подъ начальствомъ полководцевъ Ардабура, сына его, Аспара, и Кандидіяна, возвесть и утвердить Плацидію и Валентиніяна на престолѣ. Но, по позднему уже времени года, армія Ѳеодосія расположилась на зиму въ Далмаціи. На западѣ же всѣ провинціи признали Іоанна, исключая Африки, которую правитель ея, полководецъ Бонифацій, преданный Плацидіи, удержалъ въ ея власти.

Весною 425 г. армія и флотъ Ѳеодосія открыли походъ. Салона, главный городъ Далмаціи, была взята приступомъ, и Аспаръ съ конницей, и при немъ Плацидія съ Валентиніаномъ, двинулся къ Аквилеѣ и взялъ ее. Кандидіянъ съ другою частію арміи покорилъ многіе города, признавшіе Іоанна. Но Ардабуръ, хотѣвшій съ частію флота напасть на берега Италіи, во время бури попалъ на своей галерѣ въ средину непріятельскаго флота, былъ взятъ въ плѣнъ и отвезенъ

въ Равенну, гдѣ находился Іоаннъ, обошедшійся съ нимъ великодушно. Ардабуръ вскорѣ даже вкрался въ довѣріе его, подкупилъ его войска и тайно указалъ Аспару мѣсто, удобное для нападенія на крѣпкую мѣстностью и укрѣпленіями Равенну. Аспаръ, проникнувъ въ нее, захватилъ Іоанна, выданнаго своими войсками, и онъ былъ казненъ, а Кастинъ сосланъ въ Африку. Между тѣмъ Кандидіанъ покорилъ всю Далмацію, Истрію и Паннонію, а Аэцій, приведшій до 60 т. гунновъ къ Равеннѣ въ помощь Іоанну, уже послѣ казни его, предпочелъ лучше быть первымъ въ службѣ Плацидіи, нежели воевать съ нею, а она съ своей стороны—имѣть его за себя. И такимъ образомъ Аэцій сталъ главнымъ министромъ Плацидіи и главнымъ начальникомъ всѣхъ войскъ западной имперіи.

Въ 426 г. Теодорихъ, король вестготѳовъ въ Аквитаніи, имѣя въ виду распространить свои владѣнія на востокъ, осадилъ Арелатъ (н. Арль). Но Аэцій поспѣшилъ на помощь этому городу, принудилъ Теодориха снять осаду, просить мира, заключить договоръ и возвратиться въ Аквитанію.

Въ томъ же году въ Африкѣ Бонифацій, назначенный Плацидіей начальникомъ гвардіи (comes domesticorum), сохранялъ порядокъ и спокойствіе, но, угрожаемый кознями Аэція и полководца Феликса, былъ вынужденъ возстать, чтобы не погибнуть. Онъ набралъ войска и упорно сопротивлялся посланнымъ противъ него полководцамъ Маворцію, Гальбіону, Синецесу (Sinöces) и Сигисвульту, изъ которыхъ послѣдній овладѣлъ Карѳагеномъ и Гиппономъ. До крайности стѣсненный ими, Бонифацій призвалъ на помощь вандаловъ изъ Испаніи, обѣщавъ имъ половину Африки, подъ условіемъ постоянной взаимной помощи. Король вандаловъ Гензерихъ, необыкновенно даровитый, храбрый, благоразумный, презиравшій роскошь, но жестокій, согласился на предложеніе Бонифація и на присланныхъ послѣднимъ судахъ переправился въ Африку съ своими вандалами, которыхъ, кромѣ стариковъ, женщинъ и дѣтей, было до 80 т. способныхъ сражаться. Бонифацій уступилъ ему три Мавританіи, такъ что границей между ними была р. Ампсага.

Между тѣмъ какъ, вслѣдствіе козней Аэція противъ Бонифація, западная имперія утратила одну изъ своихъ богатѣйшихъ провинцій, житницу Рима и Италіи, снабжавшую ихъ хлѣбомъ, Аэцій вознаградилъ эту утрату съ другой стороны. Онъ нанесъ сильные пораженіе и уронъ франкамъ, водворившимся на лѣвой сторонѣ средняго Рейна (въ нын. Эльзасѣ), и принудилъ ихъ удалиться за эту рѣку. Однако этотъ важный успѣхъ не могъ воспрепятствовать вторженіямъ варваровъ на другихъ пунктахъ. Никогда еще западная имперія не подвергалась имъ съ столькихъ сторонъ, какъ въ это вре-

мя (429 г.), именно: франковъ—съ Рейна, вестготѳовъ—изъ Аквитаніи, свевовъ и аланъ — въ Испаніи, вандаловъ — въ Африкѣ, ютунговъ и другихъ Альпійскихъ горцевъ — въ сѣверной Италіи. И въ этомъ-то опасномъ для западной имперіи положеніи она могла имѣть опору и защиту только со стороны двухъ даровитыхъ полководцевъ, Аэція и Бонифація, но и изъ нихъ послѣдній былъ вынужденъ первымъ къ возстанію и отложенію. Всѣ прочіе же римскіе полководцы на границахъ были такъ мало способны и достойны, что исторія даже почти не сохранила именъ ихъ.

Плацидія, вѣрно цѣня достоинства Аэція и Бонифація и необходимость помощи ихъ для имперіи и желая пользоваться услугами того и другаго, примирилась съ Бонифаціемъ, съ тѣмъ только, чтобы онъ устранилъ бѣду, которую накликалъ на Африку. Но всѣ усилія его склонить Гензериха къ возвращенію въ Испанію остались тщетными: Гензерихъ, признавая это вѣроломствомъ со стороны Бонифація, уничтожилъ догороръ съ нимъ и открылъ противъ него войну, которую вандалы вели съ неимовѣрною жестокостью (430 г.). Все было страшно опустошено ими огнемъ и мечомъ, а въ Нумидіи и въ проконсульской Африкѣ Гензерихъ овладѣлъ всѣми городами, исключая только Цирты, Гиппона и Карѳагена. Бонифацій, съ несравненно слабѣйшими силами старавшійся удержать вандаловъ, былъ разбитъ ими и осажденъ въ Гиппонѣ. Но незнающіе и неопытные въ осадномъ искуствѣ вандалы 10 (по другимъ 14) мѣсяцовъ тщетно осаждали Гиппонъ и, понеся отъ голода большой уронъ умершими, наконецъ сняли осаду.

Между тѣмъ Аэцій постоянно боролся въ разныхъ мѣстахъ съ варварами и разбилъ толпы вестготѳовъ, разорявшихъ окрестности Арелата (Арля), а потомъ ютунговъ, вторгнувшихся въ Рэтію, и винделиціевъ, уже готовыхъ соединиться съ ними.

Въ 431 г. Бонифацій, получивъ съ востока подкрѣпленія подъ начальствомъ Аспара, вмѣстѣ съ послѣднимъ двинулся противъ Гензериха, но оба были разбиты имъ и удалились, Аспаръ въ Константинополь, а Бонифацій въ Равенну. Гензерихъ же взялъ и разрушилъ Гиппонъ и, оставшись полнымъ обладателемъ Африки, основалъ въ ней Ново-Карѳагенское государство вандаловъ, съ столицей въ Карѳагенѣ.

По возвращеніи Бонифація въ Равенну, Плацидія назначила его магистромъ всѣхъ войскъ въ западной имперіи, Аэція же, за его честолюбивыя козни, лишила этого званія. Слѣдствіемъ этого была междуусобная война Аэція съ Бонифаціемъ—новаго мятежника съ прежнимъ. Первый немедленно двинулся съ арміей, съ береговъ Рейна черезъ Альпы въ сѣверную Италію, а Бонифацій со всѣми вой-

скамп, бывшими въ Равеннѣ и около нея, на встрѣчу ему (432 г.). Въ происшедшемъ между ними (неизвѣстно гдѣ именно) сраженіи Аэцій былъ разбитъ, но тяжело ранилъ собственноручно Бонифація, который черезъ три мѣсяца умеръ. Плацидія назначила на его мѣсто комиса или графа Севастіяна, Аэцій же удалился къ своимъ старымъ друзьямъ гуннамъ и съ набраннымъ между ними войскомъ снова вступилъ въ сѣверную Италію и распространилъ страхъ до самой Равенны, гдѣ находилась Плацидія съ дворомъ. Она потребовала помощи отъ Теодориха, но, какъ на то требовалось много времени, рѣшилась лучше примириться съ Аэціемъ и, возвративъ ему прежній его санъ магистра всѣхъ войскъ, сверхъ того назначила его патриціемъ.

Три года спустя, въ 435 г. Аэцій съ арміей, составленной большею частью изъ гунновъ, геруловъ, франковъ и сарматовъ, разбилъ бургундовъ, вторгшихся въ Бельгію и даровалъ имъ миръ. Гунны, уволенные имъ послѣ того изъ арміи, вторглись въ земли бургундовъ, въ юговосточной Галліи и въ Гельвеціи, а вестготы—въ нарбонскую провинцію въ южной Галліи. Теодорихъ, овладѣвъ многими городами, осадилъ Нарбонъ. Гарнизонъ этого города оказалъ упорное сопротивленіе, до тѣхъ поръ, пока на помощь ему не прибылъ посланный Аэціемъ изъ Арморики (въ сѣверо-западной Галліи) префектъ Литорій съ вспомогательнымъ отрядомъ войскъ. Литорій, быстро прослѣдовавъ съ отрядомъ гуннской конницы чрезъ земли арверновъ (нынѣ Овернь), прибылъ къ Нарбону. Однако вестготы продолжали осаду его и сняли ее только тогда, когда римскій полководецъ Авитъ съ новыми войсками принудилъ ихъ удалиться въ Аквитанію.

Въ 438 г. франки прервали миръ, за 6 лѣтъ передъ тѣмъ заключенный ими съ Аэціемъ, и король ихъ Хлодіонъ положилъ непремѣнно и окончательно водвориться въ Галліи. Переправясь черезъ Рейнъ, онъ двинулся къ Камараку (Camaracum, нынѣ Cambrai), разбилъ при немъ римскій отрядъ, хотѣвшій удержать его, взялъ этотъ городъ, распространилъ свои завоеванія до самой р. Самары (Соммы) и взялъ Самаробриву и многіе другіе города. Но въ то время, когда онъ на равнинахъ близъ Вика-Елены (Vicus-Helena, нынѣ Lens) праздновалъ бракосочетаніе одного изъ своихъ военачальниковъ, вдругъ совершенно неожиданно явился Аэцій съ конницей и разбилъ франковъ еще прежде, нежели они успѣли вооружиться. Однако они все еще были достаточно сильны для того, чтобы удержаться въ покоренныхъ ими городахъ. Аэцій же, присутствіе котораго было необходимо въ другихъ мѣстахъ, предпочелъ заключить съ Хлодіо-

номъ мирный договоръ и уступить ему край между р. р. Рейномъ и Самарой.

Въ южной же Галліи въ 439 г. Теодорихъ, обложенный Литоріемъ въ Толозѣ (нынѣ Тулуза), разбилъ его подъ стѣнами этого города, и хотя послѣ того весь край до Родана (Роны) былъ совершенно открытъ ему, однако внялъ убѣжденіямъ римскаго префекта Галліи, Авита, и возобновилъ съ нимъ прежніе договоры.

Западная имперія въ это время (въ 440 г.) уже была такъ раздроблена и ослаблена, что Аэцій, угрожаемый въ Галліи со всѣхъ сторонъ, былъ вынужденъ уступить части аланъ (славянъ), подъ предводительствомъ вождя ихъ Самбиды (Sambida), земли для водворенія у Валенціи (нынѣ Valence) на р. Роданѣ, а также и на берегахъ р. Лигера (Луары).

Между тѣмъ Гензерихъ, утвердясь въ Африкѣ, положилъ открыть дѣйствія и на морѣ, противъ Италіи и острововъ ея. Валентиніанъ III тотчасъ приказалъ усилить склады запасовъ продовольствія въ Римѣ и принять мѣры обороны Италіи и южныхъ и западныхъ береговъ ея, къ которымъ и былъ направленъ полководецъ Сигисвультъ съ войсками. Аэцій, единственный защитникъ имперіи въ это время, поспѣшилъ съ арміей изъ Галліи въ Италію, а Өеодосій II послалъ въ нее сильный отрядъ войскъ. Гензерихъ сначала напалъ со всѣми своими морскими силами на Сицилію, разорилъ равнины ея и осадилъ Панормъ (нынѣ Палермо). Но римскій префектъ Кассіодоръ мужественно и упорно оборонялся въ немъ, и Гензерихъ, послѣ долговременной осады, былъ принужденъ снять ее.

Пока все это происходило на западѣ, восточная римская имперія, управляемая во время малолѣтства Өеодосія II преторіянскимъ префектомъ Анөиміемъ, находилась почти въ постоянной борьбѣ съ персами въ Азіи и съ гуннами въ Мизіи и Өракіи. Борьба съ послѣдними была гораздо важнѣе сначала для одной восточной имперіи, но потомъ особенно для западной.

§ 425.

Походы Аэція и Аттилы (451—454 г.г.).

Выше (§ 408) уже было сказано, что съ 375 г., когда гунны побѣдили готөовъ, распространились отъ Волги до Дуная и стали нападать на римскія дунайскія области, эти нападенія ихъ еще не были слишкомъ опасны для римской имперіи, потому что гунны были раздѣлены на многія орды, которыя не имѣли одного общаго, верхов-

наго вождя. Но съ 433 г. это совершенно измѣнилось, когда по смерти Роаса или Ругиласа, вождя гуннской орды, поселившейся въ Панноніи, племянники его, сыновья брата его, Мунцука, Аттила и Бледа начали покорять сосѣднія гунскія племена и послѣ 441 г. принудили ихъ и обитавшія между ними германскія племена покориться, а Θеодосія II—удвоить платимую гуннамъ ежегодную дань (700 вмѣсто 350 фунтовъ золота ежегодно). Въ 445 г. Аттила умертвилъ брата своего Бледу и сталъ единымъ повелителемъ всѣхъ гунновъ, признававшихъ необыкновенное умственное и нравственное превосходство его личности. Утвердивъ свое пребываніе въ обширномъ деревянномъ городѣ, извѣстномъ по его имени подъ названіемъ города Аттилы, между Дунаемъ, Тейсой и Карпатами, онъ началъ отсюда все болѣе и болѣе тѣснить, разорять и грабить восточную римскую имперію. Но по смерти Θеодосія II въ 450 г. и по вступленіи сестры и преемницы его, Пульхеріи, въ бракъ съ сенаторомъ Маркіяномъ, котораго она возвела въ императоры, послѣдній съ твердостью прекратилъ постыдную, рабскую покорность имперіи гуннамъ. Тогда Аттила, оставивъ ее въ покоѣ, обратился противъ западной имперіи, къ чему его побуждали и король вандаловъ въ Африкѣ, Гензерихъ, и одинъ изъ двухъ враждовавшихъ князей франковъ, просившій помощи гунновъ, между тѣмъ какъ другой просилъ ея у римлянъ. Аттила положилъ силою оружія поддерживать своихъ союзниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ себя защитникомъ сестры Валентиніяна III, Гоноріи, которая предложила Аттилѣ свою руку. А когда онъ уже принялъ рѣшительное намѣреніе начать войну противъ западной имперіи, то прямо потребовалъ руки Гоноріи и приличнаго ей приданаго—части имперіи и, получивъ отказъ, въ 451 г. двинулъ всѣ свои силы:, по инымъ до 500 т., а по другимъ даже до 700 т. чел., изъ своего мѣстопребыванія между Дунаемъ, Тейсой и Карпатами на западъ вдоль Дуная въ Галлію. Всѣ племена на пути его, какъ то: ругіи, гепиды, герулы, турцилинги, остготы, свевы, маркоманны, квады, туринги, франки на Неккарѣ и др. были принуждены присоединить къ нему свои войска. Особеннымъ значеніемъ у него пользовались Ардарихъ, король гепидовъ, и Валамиръ, король остготовъ. Близъ нынѣшняго Констанцскаго озера Аттила перешелъ черезъ верхній Рейнъ, разбивъ и истребивъ бургундовъ, отважившихся противустать ему. При этомъ города Равранъ, Виндонисса и Аргентоварія были совершенно разрушены. Перейдя на лѣвую сторону верхняго Рейна, Аттила прошелъ чрезъ всю первую или верхнюю римскую Германію, встрѣтилъ упорное сопротивленіе со стороны нын. города Меца и двинулся далѣе чрезъ весь край между Рейномъ, Мозелью, Самброю и Сеной. Повсюду на опустоши-

тельномъ походѣ своемъ онъ распространялъ слухъ, будто, какъ другъ и союзникъ римлянъ, имѣлъ въ виду только защитить законнаго короля франковъ отъ его брата Меровея и затѣмъ наказать вестготѳовъ на лѣвой сторонѣ Луары. Многіе города впустили его и были разграблены, а другіе пытались сопротивляться ему, но были взяты и также разграблены, въ томъ числѣ главный и лучшій городъ Галліи Триръ былъ въ пятый разъ разрушенъ.

Между тѣмъ Аэцій, при вѣсти о вторженіи Аттилы въ Галлію, съ немногими войсками поспѣшилъ изъ Италіи черезъ Альпы въ Арелатъ. Здѣсь онъ разсчитывалъ на содѣйствіе легіоновъ, находившихся въ Галліи, и Теодориха, котораго общая опасность должна была соединить съ римлянами. Но узнавъ, что Теодорихъ, обманутый ложными обѣщаніями Аттилы, положилъ оставаться въ бездѣйствіи, онъ послалъ къ нему полководца Авита, который долженъ былъ убѣдить его, что Аттила хотѣлъ только отдѣлить вестготѳовъ отъ римлянъ, дабы тѣмъ легче одолѣть тѣхъ и другихъ порознь, въ доказательство чего Авитъ долженъ былъ предъявить Теодориху письмо Аттилы къ Валентиніану. Тогда Теодорихъ положилъ со всѣми своими силами поддержать римлянъ. Оставивъ четырехъ своихъ сыновей въ своихъ земляхъ, съ двумя старшими, Торисмундомъ и Теодорихомъ и со всѣмъ взрослымъ мужскимъ населеніемъ своимъ онъ двинулся къ Арелату и соединился съ Аэціемъ. Послѣдній между тѣмъ поспѣшно созвалъ сюда вспомогательныя войска изъ всѣхъ провинцій, незанятыхъ гуннами. Вскорѣ къ Арелату постепенно прибыли: Меровей съ франками, бургунды, арморики, леты, бреоны, рипуаріи и сарматы, и по прибытіи Теодориха съ вестготѳами, подъ начальствомъ Аэція собралась уже армія, не уступавшая въ числѣ Аттиловой.

Между тѣмъ Аттила, двинувшійся къ Луарѣ, уже приближался къ городу Авреліяну (Aurelianum, н. Орлеанъ). Здѣсь начальствовалъ аланъ Сангибанъ; но епископъ Аріянъ, не довѣрявшій ему, подозрѣвая его въ соглашеніи съ Аттилой, поспѣшно принялъ дѣятельныя мѣры для обороны города, отправился въ Арелатъ просить помощи Аэція и Теодориха и оттуда обратно въ Авреліянъ, твердо намѣренный скорѣе погибнуть въ немъ, нежели сдаться Аттилѣ, если не получитъ помощи отъ Аэція и Теодориха. Вскорѣ по возвращеніи его, несмѣтныя полчища гунновъ подступили къ Авреліяну съ сѣвера и напали на ту часть его, которая находилась на правомъ берегу Луары. Но 3-хъ-дневный проливной дождь удержалъ ихъ отъ приступа, и Аріянъ воспользовался этимъ временемъ для того, чтобы просить Аттилу о пощадѣ города. Но Аттила гордо отказалъ въ томъ, и на 4-й день гунны двинулись

на приступъ, но встрѣтили упорное сопротивленіе. Однако наконецъ имъ удалось ворваться въ городъ черезъ нѣсколько воротъ разомъ. Жители въ ужасѣ бросились въ другую часть города на лѣвой сторонѣ Луары, какъ вдругъ въ тоже самое время въ нее вступилъ Аэцій, вслѣдъ за которымъ шелъ Теодорихъ. Аэцій немедленно бросился на гунновъ, грабившихъ городъ, и произвелъ страшное кровопролитіе между ними. Поспѣшное прибытіе и нападеніе Аэція были такъ неожиданны для Аттилы, что онъ, собравъ за городомъ опрокинутые изъ него остатки гунновъ, съ большимъ урономъ убитыми и плѣнными предпринялъ отступленіе въ Бельгію. Аэцій и Теодорихъ послѣдовали за нимъ въ большомъ порядкѣ, но не нападая на него. Такимъ образомъ обѣ арміи, одна близко за другою, прибыли на обширныя каталаунскія равнины (Campi Catalaunici, въ окрестностяхъ нын. Шалона на Марнѣ). Здѣсь Аттила остановился на мѣстности, мало пересѣченной и особенно удобной для дѣйствій многочисленной конницы его. Здѣсь же обѣ стороны положили на слѣдующій день вступить въ общее, рѣшительное сраженіе.

Избранная для него Аттилой равнинная мѣстность простиралась, по сказанію лѣтописца Іорнанда, на 30 миль въ длину и на 20 въ ширину; къ западу лежала одна высота, очень важная для обѣихъ сторонъ. Опытный въ военномъ дѣлѣ Аттила, сознавая всю важность для него предстоявшей битвы, спросилъ своихъ жрецовъ-предвѣщателей о судьбѣ ея. Они отвѣчали, что внутренности жертвенныхъ животныхъ не предвѣщали ему побѣды, но что предводитель непріятелей лишится въ бою жизни. Аттила, разумѣя подъ этимъ опаснѣйшаго врага своего, Аэція, положилъ пожертвовать хотя половиною своего войска, лишь бы только погибъ Аэцій. Но дабы по возможности сократить битву и ночью обезпечить себѣ надежное отступленіе, онъ положилъ вступить въ бой только при захожденіи солнца.

Оба войска расположились одно противъ другаго лагеремъ, и въ слѣдующую ночь, неизвѣстно по какому случаю, но вѣроятно съ цѣлію развѣданія, сильный отрядъ франковъ столкнулся съ равносильнымъ отрядомъ гепидовъ, и между ними произошелъ такой упорный и жестокій ночной бой, что съ обѣихъ сторонъ легло до 15 т. чел. на мѣстѣ.

На другой день Аттила послалъ отрядъ войскъ занять высоту на западѣ, на лѣвомъ флангѣ непріятельскаго войска. Но Аэцій и Теодорихъ предупредили его, и Торисмундъ, отразивъ гунновъ съ урономъ, занялъ высоту и утвердился на ней.

Не желая, чтобы эта первая неудача имѣла вредное вліяніе на его войска, Аттила созвалъ военный совѣтъ и, обыкновенно несловоохотливый, на этотъ разъ произнесъ длинную, восторженную рѣчь,

въ которой распространился о прежней военной славѣ гунновъ, о ихъ тогдашнемъ положеніи и о многообѣщавшемъ будущемъ, съ презрѣніемъ изобразилъ жалкія усилія римлянъ предотвратить неминуемую гибель ихъ и надежды ихъ въ этомъ на союзныхъ съ ними варваровъ, и сказавъ, что жизнь человѣческая не во власти противниковъ, кончилъ тѣмъ, что самъ первый ударитъ на непріятеля. Воодушевивъ этимъ своихъ вождей, онъ построилъ свое войско въ боевой порядокъ: гунновъ, подъ личнымъ своимъ предводительствомъ—въ серединѣ, друга своего Ардариха съ его гепидами—на правомъ крылѣ, а Валаміра съ его остготоами—на лѣвомъ.

Съ противной стороны Аэцій съ римскими войсками сталъ на лѣвомъ крылѣ (противъ Ардариха), престарѣлый Теодорихъ съ своими вестготоами—на правомъ крылѣ (противъ Валаміра), въ срединѣ же (противъ Аттилы и гунновъ) Аэцій поставилъ Сангибана, вождя аланъ, съ остальными вспомогательными войсками, потому что не довѣрялъ ему и счелъ нужнымъ имѣть его между обоими крылами.

Къ сожалѣнію, современные писатели не передали намъ ближайшихъ подробностей объ этомъ замѣчательномъ сраженіи, которое должно было рѣшить участь западной римской имперіи, а можетъ быть и всей Европы. Всѣ они согласны въ томъ, что сраженіе было крайне разнообразно, сложно, упорно и кровопролитно, и что равнаго ему не бывало прежде и не будетъ впослѣдствіи. А впрочемъ извѣстно только, что въ вечерніе часы короткаго осенняго дня Аттила первый съ гуннами стремительно ударилъ противъ середины непріятельскаго войска, подъ начальствомъ Сангибана, опрокинулъ и прорвалъ ее и немедленно напалъ на лѣвый флангъ вестготоовъ. Теодорихъ, сражавшійся въ первыхъ рядахъ и примѣромъ своимъ одушевлявшій своихъ вестготоовъ, былъ смертельно раненъ копьемъ знатнаго остготоа Андега. Но въ это время сынъ его Торисмундъ, занимавшій высоту на лѣвомъ флангѣ Аэція, бросился гуннамъ во флангъ, опрокинулъ ихъ и тѣмъ далъ вестготоамъ время снова собраться и устроиться. Тогда гунны были атакованы спереди и на обоихъ флангахъ, между ними распространился безпорядокъ, они обратились въ бѣгство, увлекли за собою самаго Аттилу и только наступившая ночь спасла его отъ совершеннаго пораженія. Впервые разбитый на голову, понеся до 100 т. чел. урона, онъ отступилъ въ свой обозъ и приказалъ сложить костеръ изъ самыхъ дорогихъ сѣделъ и другой конской сбруи, въ намѣреніи сжечь себя на немъ въ случаѣ непріятельскаго приступа, и шумною музыкой и дикими криками старался снова возбудить мужество своихъ войскъ и скрыть отъ непріятеля свое трудное положеніе. Но послѣдній, самъ понеся

до 10 т. чел. урона, не помышлялъ о нападеніи на обозъ Аттилы. Только Торисмундъ, увлеченный преслѣдованіемъ гунновъ, въ темнотѣ ночи наткнулся на обозъ ихъ и, въ стычкѣ съ ними выбитый изъ сѣдла, едва не былъ взятъ въ плѣнъ. Аэцій также былъ въ той же опасности и, воротясь въ свой лагерь и еще не зная положительно результата сраженія, до разсвѣта держалъ войска подъ оружіемъ.

На слѣдующее утро онъ пытался атаковать Аттилу въ его обозѣ, но встрѣтилъ такое упорное сопротивленіе, что отказался отъ дальнѣйшихъ нападеній и положилъ только обложить обозъ Аттилы. Опасаясь, чтобы притязанія Торисмунда, котораго вестготы провозгласили своимъ королемъ, и короля франковъ Меровея, не лишили римлянъ плодовъ одержанной побѣды, Аэцій убѣдилъ ихъ обоихъ воротиться въ свои земли для обезпеченія ихъ; самъ же, по удаленіи ихъ, не уступалъ въ силахъ Атиллѣ, вслѣдствіе огромнаго урона, понесеннаго послѣднимъ. Черезъ нѣсколько дней онъ послѣдовалъ за отступленіемъ Аттилы къ Рейну и, не нападая на него, позволилъ ему безпрепятственно удалиться за эту рѣку, а затѣмъ вдоль Дуная чрезъ Паннонію воротился въ Италію.

Совершенная неудача предпріятія Аттилы въ 451 г. не только не поколебала ни мужества, ни силы послѣдняго, но и еще болѣе возвысила ихъ. Въ 452 г. онъ вторгнулся съ новымъ войскомъ въ Паннонію и Норикъ, опустошилъ ихъ огнемъ и мечомъ и угрожалъ Италіи. Аэцій, устрашенный этимъ, удалился въ Галлію, а Валентиніянъ въ Римъ.

Аттила, перейдя черезъ Юлійскія Альпы, осадилъ Аквилею. Этотъ богатый городъ, мужественно и упорно сопротивлявшійся Алариху и Радагайсу, оказалъ такое же сопротивленіе Атиллѣ, имѣя достаточный для того гарнизонъ. Аттила уже собирался снять осаду, когда случайно успѣлъ овладѣть Аквилеей и такъ разрушилъ ее до основанія, что въ послѣдствіи даже мѣста, гдѣ она находилась, нельзя было отъискать. Затѣмъ Аттила продолжалъ свое опустошительное нашествіе на Италію, изливая на эту несчастную страну всю свою месть за пораженіе, претерпѣнное имъ въ Галліи. Города Алтинъ (Altinum), Конкордія, Падуа, Виченца, Брешія и Бергамо были сожжены, а Миланъ и Павія, покорившіеся добровольно, должны были заплатить огромный выкупъ. Жители провинціи Венеціи спаслись на острова Адріатическаго моря и основали на нихъ знаменитую въ послѣдствіи венеціянскую республику. Аттила же, дойдя до мѣста впаденія р. Минчіо въ По, остановился на время, обдумывая, идти-ли ему къ Риму.

Между тѣмъ Аэцій, собравъ войска въ Галліи и получивъ подкрѣпленія отъ восточнаго императора Маркіяна, сталъ угрожать

Аттилѣ съ тыла, т. е. со стороны Юлійскихъ Альповъ, разбилъ и истребилъ отряды гунновъ, высланные противъ него Аттилой, и тѣмъ нанесъ войску его значительный уронъ. Послѣдній увеличился еще болѣе вслѣдствіе того, что въ войскѣ Аттилы, расположенномъ въ крайне нездоровой лѣтомъ мѣстности при устьѣ Минчіо въ По, распространились между людьми и лошадьми повальныя болѣзни и большая смертность. Въ этихъ обстоятельствахъ малодушный Валентиніянъ III, по совѣту сената, рѣшился мирнымъ посольствомъ къ Аттилѣ достигнуть того, чего не отваживался пріобрѣсть силою оружія. Папа римскій Левъ I былъ посланъ имъ къ Аттилѣ, вмѣстѣ съ искуснѣйшими въ дѣлахъ мирныхъ переговоровъ, консуломъ Авіеномъ и преторіянскимъ префектомъ Тригеціемъ. Это посольство было принято Аттилой благосклоннѣе и имѣло успѣхъ лучшій, нежели ожидало того. Полныя достоинства и убѣжденія представленія Льва I и трудное положеніе, въ которомъ находился Аттила и которое предстояло ему при движеніи къ Риму, склонили его къ мирнымъ переговорамъ и къ заключенію перемирія, на условіи уплаты ему ежегодной дани. Затѣмъ онъ удалился изъ Италіи, давъ однако слово воротиться съ бо́льшими еще силами, если ему не будетъ выдана Гонорія съ приличнымъ приданымъ — изъ земель въ римскихъ владѣніяхъ. Но, къ счастію для Италіи и западной имперіи, смерть Аттилы избавила ихъ отъ ужасовъ новаго нашествія его. Воротясь въ свой городъ на Дунаѣ, онъ вскорѣ внезапно умеръ отъ сильнаго кровоизліянія. По смерти его, между многими сыновьями и потомками его произошли раздоры и несогласія, орды гунновъ снова раздѣлились, были отброшены за Днѣпръ къ Волгѣ, откуда вышли — и царство Аттилы рушилось столь-же скоро, сколько и возникло.

Но едва Италія и вся западная имперія избавились отъ Аттилы, какъ недостойный Валентиніянъ III, вмѣсто благодарности къ Аэцію, неразъ спасавшему имперію, обратилъ противъ него всю свою ненависть. Вкравшійся въ полную довѣренность его, низкой души евнухъ Ираклій очернилъ доблестнаго Аэція клеветой, будто онъ домогался верховной власти. Валентиніянъ вызвалъ Аэція въ Римъ и здѣсь, въ собственныхъ покояхъ своего дворца, снизошелъ до того, что собственноручно вонзилъ въ него мечъ свой, а его примѣру послѣдовали всѣ его царедворцы — и несчастный Аэцій палъ мертвымъ подъ ударами ихъ къ ногамъ Валентиніяна! Подобная же участь постигла друга Аэція, преторіянскаго префекта Бэѳія (Böthius) и всѣхъ довѣренныхъ приверженцовъ его (454 г.).

Военная слава Аэція при жизни его удерживала варваровъ съ разныхъ сторонъ отъ нападеній на западную римскую имперію и

даже отъ конечнаго разрушенія ея. Но по смерти его они сугубо стали угрожать ей, вполнѣ убѣжденные, что въ немъ она лишилась послѣдней опоры своей. Морскіе разбойники въ Эвксинскомъ Понтѣ (Черномъ морѣ) вторглись въ Арменію и разорили ее, Меровей съ Франками все болѣе и болѣе распространялъ свои владѣнія въ Галліи, цѣлое племя свевовъ изъ-за Рейна вторглось въ нее, и Валентиніянъ, безчестно умертвившій защитника имперіи Аэція, вынужденъ былъ возобновить съ варварами договоры, заключенные последнимъ. Но, ненавидимый всѣми, онъ самъ въ 455 г. былъ умерщвленъ на Марсовомъ полѣ, передъ войсками, заговорщиками изъ частныхъ начальниковъ ихъ, возбужденныхъ къ тому знатнымъ патриціемъ Максимомъ, котораго Валентиніянъ лично оскорбилъ и который на другой же день былъ провозглашенъ императоромъ.

§ 426.

Походы Рицимера (457—472 г.г.).

По убіеніи Максима и разграбленіи Рима вандалами Гейзериха въ іюнѣ 455 г., король вестготѳовъ Теодорихъ II въ августѣ того же года склонилъ префекта Авита принять императорское достоинство и обѣщалъ ему свою помощь, за что Авитъ уступилъ ему, кажется, часть Испаніи. Въ Римѣ Авитъ былъ встрѣченъ холодно и даже непріязненно, потому что римляне называли его галльскимъ узурпаторомъ, а варвары въ римской службѣ опасались потерять при немъ прежнія силу и вліяніе, такъ какъ онъ былъ избранъ вестготѳами. Между вождями ихъ особенно возвышался тогда Рицимеръ, сынъ свева и матери готѳянки. Онъ отказалъ Авиту въ повиновеніи, и Авитъ, лишенный помощи вестготѳовъ, отказался отъ престола, поступилъ въ духовное званіе, но, не считая себя безопаснымъ, бѣжалъ въ Галлію и на пути туда умеръ (въ концѣ 456 г.). По отреченіи его, верховная власть находилась съ 16 октября 456 г. въ рукахъ Рицимера. Умный, храбрый, опытный въ военномъ дѣлѣ, которое изучилъ въ войнахъ и походахъ Аэція, и одинаково способный и на геройскіе и на злодѣйскіе подвиги, Рицимеръ былъ именно такимъ человѣкомъ, который могъ быть главнымъ дѣятелемъ въ эти послѣдніе годы западной римской имперіи. Еслибы онъ провозгласилъ себя не императоромъ ея, но королемъ Италіи, то эта имперія уже въ 456 г. перестала бы существовать. Но онъ предпочелъ властвовать въ ней подъ именемъ избраннаго имъ въ императоры друга своего Маіоріяна, который, по своимъ дарованіямъ, качествамъ и храбрости,

пользовался доброю славой и, ставъ императоромъ (съ 1 апрѣля 457 г.), оказался достойнымъ того даже болѣе, нежели сколько ожидалъ Рицимеръ. Послѣдняго онъ назначилъ магистромъ всѣхъ войскъ.

Едва онъ утвердился на престолѣ, какъ въ 458 г. множество вандаловъ и мавританъ, переправясь изъ Африки на берега Кампаніи, стали грабить богатый край между р.р. Лирисомъ и Вультурномъ. Маіоріанъ тотчасъ послалъ противъ нихъ отрядъ римскихъ войскъ, который разбилъ ихъ и заставилъ съ большимъ урономъ сѣсть на суда и удалиться въ Африку. Но единственнымъ средствомъ навсегда прекратить эти разбойничьи набѣги изъ Африки было сокрушеніе царства вандаловъ въ ней. И западный, и восточный дворы ясно сознавали это; но еще прежде, нежели Маіоріанъ могъ приступить къ тому, онъ былъ принужденъ возстановить порядокъ въ Галліи, гдѣ Теодорихъ II возбудилъ многіе народы противъ римлянъ, пригласивъ къ тому же и свевовъ и вступивъ въ союзъ съ Гензерихомъ. Онъ осадилъ Арелатъ, но префектъ Эгидій принудилъ его снять осаду.

Между тѣмъ Маіоріанъ, устроивъ дѣла въ Италіи и собравъ армію, двинулся въ Галлію, откуда имѣлъ въ виду перейти въ Испанію и изъ нея переправиться въ Африку. Въ арміи его, сверхъ римскихъ войскъ, было очень много бастарновъ, свевовъ, гунновъ, ругіевъ, бургундовъ, остготѳовъ, аланъ и сарматовъ, словомъ—варваровъ гораздо болѣе, нежели римлянъ. Не смотря на позднее уже время года (осенью 458 г.), онъ перешелъ черезъ покрытыя снѣгомъ Альпы, личнымъ своимъ примѣромъ поддерживая въ своей арміи строгую дисциплину.

Въ это время въ сѣверной Галліи произошло событіе, которое рѣзко рисуетъ эту эпоху и могло случиться только въ нее. Франки, совершенно уже утвердившіеся въ сѣверной Галліи, изгнали своего короля Хильдериха за его непомѣрныя распутства и выбрали себѣ въ короли—римскаго полководца Эгидія!—и послѣдній нѣсколько лѣтъ потомъ соединялъ въ себѣ, такимъ образомъ, званія короля франковъ и римскаго полководца! Маіоріанъ, не имѣя, кажется, средствъ назначить франкамъ короля вмѣсто Эгидія, зимою 458—459 г. ограничился тѣмъ, что возстановилъ прежніе блескъ и славу Лугдуна, весною же 459 г. прибылъ въ Арелатъ, гдѣ уже собралась вся армія его. Въ тоже время въ гаваняхъ Аквилеи, Равенны и Мизена снаряжался флотъ изъ 300 военныхъ судовъ. Пораженіе, нанесенное римлянами Теодориху въ южной Галліи, принудило его, прервавъ союзъ съ Гензерихомъ, заключить такой же съ Маіоріаномъ.

Въ 460 г. Маіоріанъ перешелъ съ арміей черезъ Пиренеи и дошелъ уже до нын. Сарагоссы, на пути къ Кадиксу, гдѣ армія его

имѣла сѣсть на флотъ, когда Гензерихъ, устрашенный предпріятіемъ Маіоріяна, предложилъ ему миръ. Но Маіоріянъ отвергъ его, и Гензерихъ за то разорилъ Мавританію, уничтожилъ въ ней всѣ запасы продовольствія, даже отравилъ колодцы и подкупомъ склонилъ многихъ начальниковъ римскаго флота передать ему часть судовъ послѣдняго. Этимъ предпріятіе Маіоріяна было совершенно разрушено, и онъ былъ принужденъ обратно перейти за Пиренеи и въ Арелатѣ строить новыя суда.

Въ 461 г. вторичное мирное посольство Гензериха къ Маіоріяну имѣло уже болѣе успѣха, и между ними былъ заключенъ новый договоръ. Но неудача предпріятія Маіоріяна и послѣдствія ея послужили для Рицимера поводомъ приписать ихъ, будто бы, неспособности имъ же избраннаго Маіоріяна, который, по силѣ своего характера и по уваженію войска къ нему, не могъ быть, какъ хотѣлъ и надѣялся Рицимеръ, въ зависимости отъ него. Поэтому 2 августа 461 г. Маіоріянъ былъ принужденъ отречься отъ престола, а черезъ пять дней умеръ, какъ полагаютъ, насильственною смертью. Рицимеръ три мѣсяца послѣ того снова правилъ имперіей одинъ, а въ ноябрѣ того же года избралъ въ императоры какого-то *Либія Севера*, человѣка самаго незначущаго и даже неизвѣстнаго происхожденія! Восточный императоръ Левъ I не призналъ Севера, но склонялъ Гензериха прекратить разореніе Сардиніи, Сициліи и береговъ Италіи. Однако Гензерихъ продолжалъ разорять ихъ, не смотря на прежніе договоры.

Въ 462 г. Рицимеръ, опасаясь храбраго комиса или графа *Марцеллина*, который, бывъ назначенъ еще Маіоріяномъ въ Сицилію, мужественно оборонялъ ее противъ вандаловъ, старался подкупомъ склонить остготскія наемныя войска Марцеллина къ отложенію отъ него. Вслѣдствіе того Марцеллинъ лично удалился въ Далмацію, объявилъ себя независимымъ владѣтелемъ ея и вскорѣ такъ усилился, что внушилъ Рицимеру еще бо̀льшія опасенія. Но отложеніе Эгидія въ Галліи и продолжавшіеся набѣги вандаловъ поставили Рицимера въ невозможность предпринять войну противъ Марцеллина. Вслѣдствіе того онъ искалъ посредничества Льва I для приведенія Марцеллина къ покорности. Но послѣдній обѣщалъ только не враждовать противъ обѣихъ имперій, доколѣ онѣ будутъ оставлять его въ спокойномъ владѣніи Далмаціей.

Въ тоже время Эгидій въ Галліи, оскорбленный кознями Рицимера противъ него, объявилъ себя главнымъ начальникомъ войскъ въ Галліи отъ имени сената и народа римскихъ и открытымъ врагомъ Севера и Рицимера. Онъ былъ уже готовъ вступить въ Италію съ сильною арміей, когда Рицимеръ, для отвращенія опасности, скло-

нилъ Теодориха, цѣною уступки ему Нарбона, вступить въ войну съ Эгидіемъ. Бургунды также возстали противъ франковъ, и король ихъ Гондіякъ получилъ званіе римскаго магистра, съ уступкой ему нѣсколькихъ городовъ близъ Роны. Эгидій же, съ своей стороны, вступилъ въ союзъ съ аланами, арморикамп, англо-саксами и даже съ Гензерихомъ, который обѣщалъ напасть на римлянъ съ моря.

На берегахъ р. Лигера (Луары), близъ Авреліяна (Орлеана), между франками и вестготѳами произошло сраженіе, въ которомъ Эгидій разбилъ вестготѳовъ и предводитель ихъ Фридерихъ былъ убитъ. Въ тоже время Гензерихъ былъ отраженъ отъ Сициліи, а Рицимеръ нанесъ такое рѣшительное пораженіе аланамъ, вторгшимся въ Италію, что они, вмѣстѣ съ вождемъ своимъ, были почти всѣ истреблены.

Но все это ни малѣйше не послужило на пользу несчастной западной имперіи. Вслѣдствіе все болѣе и болѣе усиливавшихся смутъ, безпорядковъ и раздробленій, она быстрыми шагами шла къ конечному разрушенію. Среди этихъ тяжкихъ обстоятельствъ, Северъ въ 465 г. умеръ, какъ полагаютъ, отравленный Рицимеромъ, и престолъ западной имперіи $1\frac{1}{2}$ года оставался никѣмъ незанятымъ. Рицимеръ, власти котораго ни сенатъ, ни народъ не въ состояніи были противиться, неограниченно правилъ имперіей. Варвары страшились его имени, и только вандалы не прекращали своихъ набѣговъ на острова и берега Италіи. Рицимеръ положилъ разрушить царство ихъ въ Африкѣ и уже снарядилъ большой флотъ и готовился переправиться въ Африку, но сильные вѣтры и бури помѣшали ему въ томъ (466 г.).

Наконецъ онъ самъ убѣдился въ невозможности долѣе оставаться въ подобномъ положеніи и предоставилъ Льву I назначить западной имперіи императора. Левъ сдѣлалъ очень удачный выборъ, назначивъ Августомъ зятя Маркіяна, Анѳимія, который въ 467 г. и прибылъ въ Римъ съ войскомъ и казною, былъ принятъ въ немъ съ восторгомъ и, для утвержденія добраго согласія съ Рицимеромъ, выдалъ за него дочь свою.

Дружественныя отношенія, установившіяся съ этого времени между обѣими имперіями, вскорѣ повели къ возобновленію неудавшагося при Маіоріянѣ плана противъ вандаловъ. Самъ Гензерихъ подалъ поводъ къ тому: послѣ многократнаго разоренія острововъ и береговъ Италіи, онъ совершилъ тоже самое противъ острововъ и береговъ Греціи. Тогда Левъ и Анѳимій снарядили огромный флотъ въ 1113 судовъ, посадили на него до 100 т. чел. войскъ и, ввѣривъ его начальствованію брата жены Льва, В а с и л и с к а, въ 468 г. отправили его къ берегамъ Сициліи, откуда онъ долженъ былъ переправиться въ Африку. Въ тоже время Марцеллинъ, уже признавшій

власть Льва, получилъ назначеніе вытѣснить вандаловъ изъ Сардиніи, а полководцы Ираклій и Марсъ—напасть на берега Триполійской провинціи.

Марцеллинъ, очистивъ Сардинію отъ вандаловъ, присоединился къ Василиску, а Ираклій и Марсъ, высадясь на берега Африки и отразивъ вандаловъ, двинулись къ Карѳагену, гдѣ надѣялись уже найти Василиска. Но послѣдній, остановясь въ 14 часахъ разстоянія отъ Карѳагена въ бездѣйствіи, далъ Гензериху время оправиться и собрать войска. Такой поступокъ Василиска былъ слѣдствіемъ отчасти его неспособности, отчасти же того, что полководцы Льва Ардабуръ и Аспаръ, давно недовольные имъ, обѣщали Василиску престолъ, если онъ обратитъ предпріятіе противъ вандаловъ въ ничто. Сверхъ того, честолюбивый Василискъ допустилъ подкупить себя Гензерихомъ и согласился на 5-ти-дневное перемиріе. А въ эти 5 дней Гензерихъ снарядилъ множество зажигательныхъ судовъ (брандеровъ) и, воспользовавшись южнымъ вѣтромъ, пустилъ ихъ ночью противъ римскаго флота и сжегъ его. Съ немногими остатками его Василискъ постыдно воротился къ Сициліи, Ираклій и Марсъ поспѣшили назадъ въ Триполисъ и оттуда сухимъ путемъ въ Египетъ, а вандалы совершенно завладѣли Сициліей. Таковъ былъ конецъ послѣдняго предпріятія противъ вандаловъ въ Африкѣ, ибо съ этого времени ни Левъ I, ни западные императоры уже не отваживались нападать на нихъ.

Къ довершенію несчастія западной римской имперіи, которая уже ограничивалась предѣлами одной Италіи, въ 469 г. между Анѳиміемъ и Рицимеромъ возникла вражда, скоро превратившаяся въ открытую войну. Анѳимій обвинялъ Рицимера въ тайныхъ связяхъ и соглашеніяхъ съ варварами, а Рицимеръ Анѳимія въ несправедливомъ подозрѣніи его въ этомъ. Рицимеръ удалился изъ Рима въ Медіоланъ, и съ обѣихъ сторонъ начались приготовленія къ войнѣ. Однако, стараніями епископа Павіи Епифанія, Рицимеръ примирился съ Анѳиміемъ, но неискренно, а съ намѣреніемъ вовлечь послѣдняго въ войну съ варварами и въ ней погубить его. Тайно возбужденный имъ король вестготѳовъ Еврихъ вторгнулся въ римскую Галлію, дабы завладѣть краемъ между Луарой и Роной. Анѳимій тотчасъ приказалъ собрать римскія войска въ Галліи и въ тоже время склонилъ Ріоѳама (Riotham), короля бретоновъ, напасть на вестготѳовъ. Ріоѳамъ, чтобы не раздѣлить чести побѣды съ римлянами, отдѣльно отъ нихъ напалъ на вестготѳовъ, которые были гораздо сильнѣе его, и былъ на голову разбитъ ими, а они вслѣдствіе того утвердились въ позднѣйшей области Берри.

Два года спустя, въ 472 г. Рицимеръ уже явно возсталъ противъ

Анөимія, выступилъ въ главѣ арміи изъ Медіолана, двинулся къ Риму и сталъ лагеремъ на берегу Тибра, у Мильвійскаго моста. Въ самомъ Римѣ одна партія была за Анөимія, а другая за Рицимера.

Левъ I, при первой вѣсти о томъ, послалъ сенатора Олибрія примирить Анөимія и Рицимера. Но послѣдній склонилъ Олибрія, женатаго на дочери Валентиніяна III, Плацидіи, быть императоромъ и вмѣстѣ съ нимъ обложилъ Анөимія въ Римѣ. Анөимій держался и защищался въ немъ три мѣсяца, но наконецъ Рицимеръ взялъ городъ приступомъ и отдалъ его своимъ войскамъ на разграбленіе (11 іюля 472 г.). Это третье, въ теченіи 62 лѣтъ, разграбленіе Рима было самое ужасное, потому что, сверхъ разоренія города огнемъ и мечомъ, онъ былъ опустошенъ еще и чумой. Анөимій при этомъ былъ взятъ въ плѣнъ и убитъ. Но Рицимеръ недолго пережилъ его, ибо 20 августа того же года самъ умеръ отъ чумы, оставивъ по себѣ память способнаго, но недостойнаго правителя и полководца.

§ 427.

Походы Одоакра (476—480 г.г.).

По смерти и Олибрія въ 473 г., въ западной римской имперіи, состоявшей уже только изъ Италіи, Далмаціи и небольшой части сѣверной Галліи, верховная власть въ теченіи трехъ лѣтъ переходила въ руки магистровъ войска: бургундскаго князя Гундобальда, Ореста, родомъ римлянина, но характеромъ совершеннаго варвара, и наконецъ германца племени ругіевъ Одоакра или Оттокара, властвовавшихъ именемъ незначущихъ императоровъ Гликерія, потомъ Юлія Непота и наконецъ сына Орестова, еще отрока, Ромула Августула. Наскучивъ частыми перемѣнами императоровъ и неопредѣленностью своихъ отношеній къ римскому правительству, варвары, состоявшіе въ римской арміи въ Италіи, наконецъ, въ исходѣ 475 г. потребовали отъ Ореста третьей части Италіи для своего поселенія въ ней. Получивъ отказъ, они обратились къ магистру войскъ Одоакру, надѣясь чрезъ него силой достигнуть, чего требовали. Вокругъ Одоакра собрались варвары изъ всѣхъ лагерей и городовъ Италіи, и онъ повелъ ихъ къ Павіи, гдѣ заперся Орестъ. Осадивъ Павію, Одоакръ въ августѣ 476 г. взялъ и разрушилъ ее, а Ореста, взятаго въ плѣнъ, казнилъ. Затѣмъ онъ двинулся къ Равеннѣ и, разбивъ Орестова брата Павла, взялъ этотъ городъ и въ немъ малолѣтняго Ромула Августула. Именемъ его онъ могъ

бы захватить въ свои руки верховную власть и править, какъ правили Стиликонъ, Аэцій, Рицимеръ и Орестъ; но, давъ своимъ войскамъ положительное обѣщаніе исполнить ихъ требованіе земель въ Италіи, онъ низложилъ Ромула Августула и назначилъ ему мѣстопребываніемъ бывшее помѣстье Лукулла въ Кампаніи, съ 6 т. золотыхъ въ годъ на содержаніе. Войскамъ своимъ онъ роздалъ въ собственность третью часть земель въ Италіи, а самъ остался вождемъ ихъ, съ названіемъ короля Италіи; данный же ему восточнымъ императоромъ Зинономъ титулъ римскаго патриція доставилъ ему законную власть и надъ римскимъ народонаселеніемъ. Римъ покорился ему, но онъ учредилъ свое мѣстопребываніе или столицу въ Равеннѣ, не измѣнивъ прежнихъ формъ правленія. Варвары, составлявшіе его войско, заняли всю Италію и водворились въ ней. Гензерихъ уступилъ ему Сицилію, а Одоакръ за то обязался платить ему ежегодную дань.

Такимъ образомъ въ 476 г. отъ Р. Х. и въ 1229 г. отъ основанія Рима западная римская имперія окончательно прекратила свое существованіе, и въ бывшихъ провинціяхъ ея образовались новыя государства германскихъ народовъ, а собственно въ Италіи—королевство италійское. Однако еще $2\frac{1}{2}$ года послѣ того оставался въ живыхъ римскій императоръ Юлій Непотъ, державшійся въ Салонѣ, и хотя онъ былъ уже императоръ только по названію, безъ имперіи, но нѣкоторые новѣйшіе историки считаютъ совершенное прекращеніе существованія западной римской имперіи и титула императора ея только съ 4 мая 480 г., когда Непотъ былъ умерщвленъ.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЕРВАЯ.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА РИМСКУЮ ВОЕННУЮ ИСТОРІЮ ОТЪ АВГУСТА ДО 476 Г. ПО Р. Х.

I.

Римскій міръ, христіанство и варвары, въ военномъ отношеніи.

§ 428.

Римскій міръ.

Четвертый и послѣдній періодъ всеобщей военной исторіи древнихъ временъ, отъ Августа до паденія западной римской имперіи, обнимающій цѣлыхъ пять вѣковъ,— періодъ постепеннаго упадка военныхъ учрежденій и военнаго искуства римлянъ, имѣетъ однако и въ военномъ отношеніи такое же громадное, міровое значеніе, какое представляетъ и въ религіозномъ, и въ политическомъ, и въ

общественномъ. Съ одной стороны—крайнѣйшіе упадокъ и разложеніе древняго языческаго міра вообще и римскаго въ особенности, а съ другой—совершенное преобразованіе его, вліяніемъ христіанства и варваровъ, т. е. сѣверныхъ народовъ Европы, не могли, естественнымъ образомъ, не остаться безъ существеннаго вліянія и на весь римскій военный бытъ. Постепенныя: борепіе и взаимнодѣйствіе этихъ трехъ элементовъ содѣлали изъ этого періода времени—переходный отъ древняго міра къ новому, заключавшій въ себѣ, хотя еще въ зародышѣ, всѣ начала новой жизни въ мірѣ вообще и въ Европѣ по преимуществу. Преобразованный и обновленный двумя могущественными силами—христіанствомъ и варварскимъ міромъ, древній, отжившій свое время, языческій міръ передалъ, какъ преемственное наслѣдство, плодъ своей 25-ти-вѣковой дѣятельности человѣческимъ поколѣніямъ послѣдующихъ среднихъ вѣковъ. И еще долго потомъ вліяніе его могущественно дѣйствовало на новую цивилизацію Европы и на всѣ стороны новаго общественнаго строя последней.

По тѣсной связи съ этимъ строемъ и всего военнаго быта, и на этомъ послѣднемъ отражались всѣ вліянія падавшаго и разлагавшагося древняго языческаго міра и преобразовавшихъ его, христіанства и варварскаго міра. Поэтому и любопытно, и поучительно вкратцѣ разсмотрѣть эти различныя вліянія, и прежде всего—римскій міръ въ періодѣ отъ Августа до паденія западной римской имперіи.

Римскій міръ, въ правленіе Августа достигшій высшей степени своего историческаго развитія и сосредоточившій въ себѣ всю цивилизацію языческихъ временъ древности, вмѣстѣ съ тѣмъ достигъ также и высшей степени своей испорченности и своего разложенія, далѣе которой уже не могъ болѣе идти. Не касаясь вліянія этой испорченности и этого разложенія на государственный и общественный строй, на умственное и нравственное состояніе римлянъ этого времени, обратимъ исключительное вниманіе на вліяніе ихъ собственно на весь римскій военный бытъ въ теченіи послѣднихъ пяти вѣковъ древнихъ временъ.

Римъ, эта небольшая въ началѣ, вольная, военная община, въ первые 552 года со времени основанія своего (752—200 г.г. передъ Р. Х.) былъ обязанъ неимовѣрными успѣхами своими, сверхъ превосходныхъ военныхъ учрежденій своихъ, простотѣ, суровости и чистотѣ своихъ нравовъ, отличному военному духу и строжайшей военной дисциплинѣ. Но уже послѣ 2-й пунической войны, по мѣрѣ того, какъ римляне стали распространять успѣхи своего оружія внѣ предѣловъ Италіи на востокъ, въ Грецію, въ Македоніи и далѣе въ Азіи, въ военныхъ нравахъ и обычаяхъ ихъ уже

начали постепенно происходить болѣе или менѣе важныя перемѣны къ худшему—къ любостяжанію, роскоши, изнѣженности и развращенію востока и къ ослабленію военныхъ дисциплины и порядка. Междуусобныя войны съ 134 г. передъ Р. Х. нанесли имъ первый жестокій ударъ и въ 100 лѣтъ времени до Августа совершенно развратили римскія войска, такъ что мѣсто древнеримскихъ военныхъ добродѣтелей и—въ главѣ ихъ—строгой военной дисциплины заступили совершенно противуположные имъ пороки, особенно своеволіе и мятежный духъ.

Августъ, своими преобразованіями, мудрыми учрежденіями и энергическимъ поддержаніемъ и соблюденіемъ ихъ въ продолженіи 44 лѣтъ своего правленія, положилъ преграду развращенію и испорченности войска и сдѣлалъ изъ него то, чѣмъ войску слѣдуетъ быть, именно, по прекрасному выраженію Фридриха В., основаніемъ славы и охраненія государства (das Fundament von dem Ruhm und der Conservation des Staats,—инструкція генераламъ).

Но по смерти Августа прежнее зло, корень котораго скрывался въ междуусобныхъ войнахъ, развилось и достигло такихъ страшныхъ размѣровъ и силы, какихъ нѣтъ примѣра въ исторіи, даже по смерти Александра В. на востокѣ. Примѣръ подали еще при Тиберіѣ преторіянцы, сдѣлавшіеся, не охранителями особы императоровъ, но неограниченными деспотами и тиранами ихъ, язвой, грозой и ужасомъ государства, доколѣ не были уничтожены Діоклитіяномъ. А ихъ примѣръ заразилъ и легіоны, стоявшіе въ провинціяхъ и на границахъ, гдѣ они, подобно тому, какъ преторіянцы въ Римѣ, присвоили себѣ право возводить и низлагать императоровъ, возводить—за деньги, низлагать—смертоубійствомъ. Съ угрожающими быстротой и силой росли въ войскѣ, изъ вѣка въ вѣкъ, даже изъ года въ годъ, гнуснѣйшіе пороки, составлявшіе совершенную противуположность древнеримскимъ военнымъ добродѣтелямъ, позорившіе имя войска и обращавшіе его, не въ оплотъ, а въ язву и пагубу государства. Развращенность нравовъ, лѣность, праздность, распутство, изнѣженность, непомѣрная алчность къ деньгамъ и корысти, страсть къ грабежу, разоренію и убійству и вмѣстѣ съ тѣмъ мятежный духъ, дерзкое своеволіе, неповиновеніе властямъ, попраніе святости присяги и долга, клятвопреступленіе, вѣроломство, коварство, а противъ непріятеля малодушіе и трусость,-словомъ—всѣ грубые животные инстинкты и всѣ низкія, подлыя чувства и страсти человѣческія, заразившія весь римскій міръ, одушевляли и собственно римскія войска, т. е. составленныя изъ римскихъ подданныхъ, особенно городскаго населенія и всего болѣе—изъ гнусной черни Рима, и низводили ихъ на степень разбойниковъ и даже гораздо ниже послѣднихъ. И тщетны были, съ

одной стороны—строгія до безчеловѣчной жестокости наказанія за военные проступки и преступленія, а съ другой—непомѣрныя денежныя и драгоцѣнныя вещественныя награды, льготы и преимущества. Ничто не могло болѣе положить предѣлъ нравственной заразѣ, обуявшей и войско римское, какъ весь римскій міръ, особенно въ высшихъ слояхъ, и возраставшей все болѣе и сильнѣе, и возвратить то, что уже было утрачено навсегда. Глубочайшее нравственное паденіе войска, какъ и всего народа римскаго, не могло образовать изъ него поддержки, охраны и оплота государства, а напротивъ должно было создать изъ него внутренняго врага его, несравненно опаснѣйшаго, нежели всѣ внѣшніе и грозные враги его въ эти мрачныя времена.

§ 429.

Христіанство.

Обратимся теперь къ тѣмъ двумъ могущественнымъ силамъ, которыя Провидѣніе назначило для преобразованія и обновленія древняго языческаго міра вообще и римскаго въ особенности, и разсмотримъ и ихъ вліяніе также собственно въ военномъ отношеніи.

Въ 31-мъ году правленія Августа свершилось великое всемірное событіе, положившее начало обновленію рода человѣческаго—Рождество Христа въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ, трехъ-лѣтнею проповѣдію Своею въ Іерусалимѣ, Іудеѣ и Галилеѣ, и Своими крестною смертію и воскресеніемъ положившаго основаніе новому, Божественному ученію и вѣрѣ Христіанской. Распространенное его учениками—Апостолами во всѣ концы вселенной, т. е. извѣстнаго тогда міра, ученіе это, въ первые же три вѣка по Р. Х., не смотря на жестокія и страшныя гоненія его со стороны языческихъ римскихъ императоровъ и властей, пріобрѣло повсюду, во всѣхъ сословіяхъ и званіяхъ, безъ различія возраста и пола, и въ томъ числѣ въ войскѣ римскомъ, столькихъ приверженцовъ, что уже образовало новую, могущественную силу противъ прежней, падавшей все болѣе и ниже. Въ крайнюю, совершенную противуположность языческимъ порокамъ, истинно христіанскія добродѣтели послѣдователей ученія Христа сіяли, по вѣрному выраженію христіанскихъ писателей этого времени (Оригена, Іустина, Тертулліяна и др.), какъ «свѣтъ среди тьмы, какъ свѣтила въ мірѣ». Краткое разсмотрѣніе нравственныхъ началъ жизни и поведенія первыхъ христіянъ среди языческаго міра вообще и римскаго въ частности можетъ дать понятіе и о вліяніи его собственно въ военномъ отношеніи въ средѣ римскаго войска.

1) Въ государственномъ отношеніи. Первые христіане, какъ въ народѣ, такъ и въ войскѣ, никогда не были возмутителями противъ императоровъ, а, напротивъ, охотно повиновались имъ, оказывали имъ самое искреннее уваженіе и молились за нихъ, потому что смотрѣли на нихъ, какъ на поставленныхъ Богомъ. Они никогда не были ни явными, ни тайными врагами императоровъ и ихъ правительствъ и нарушителями ихъ законовъ общественнаго благоустройства. Язычники же, напротивъ, всегда почитали христіанъ врагами императоровъ и возмутителями, но это была языческая ложь, такъ какъ язычество вообще и римское въ особенности совершенно изолгалось, для христіанства же истина и правда были закономъ вѣры и совѣсти ихъ. Въ отношеніи къ христіанамъ, какъ въ народѣ, такъ и въ войскѣ, замѣчательны слова Тертулліяна въ его апологіи христіанъ: «Еслибы, вмѣсто того, чтобы мстить въ тихомолку, мы вздумали дѣйствовать какъ явные враги, то, конечно, не имѣли бы недостатка ни въ силахъ, ни въ войскахъ. Мавры, маркоманны, пареяне или другіе народы, заключенные впрочемъ въ своихъ предѣлахъ, не столь многочисленны, какъ наша нація (т. е. христіанская), имѣющая предѣлами своими всю вселенную. Неужели мы были бы неспособны воевать, даже и при неравныхъ силахъ, въ то время, какъ столь охотно позволяемъ умерщвлять себя, еслибы не вмѣняли себѣ въ правило, что лучше переносить, нежели причинять смерть? Не принимаясь даже за оружіе, не производя мятежа, мы могли бы побѣдить васъ однимъ тѣмъ, что отдѣлились бы отъ васъ». Бывъ неспособны къ возмущеніямъ и бунтамъ, первые христіане никогда не участвовали и въ заговорахъ противъ императоровъ. Напротивъ, они болѣе всѣхъ другихъ старались содѣйствовать общественному спокойствію, какъ въ народѣ, такъ и въ войскѣ. Они воздавали правительству и властямъ языческимъ всякую честь и повиновеніе во всемъ, что̀ не касалось идолопоклонства, и притомъ не внѣшнія только и не рабскія, но свободныя, добровольныя и искреннія, не отъ лицемѣрія, лести или страха, а отъ искренняго сердца и полнаго сознанія долга въ этомъ. Они молились Богу не только за императоровъ, но и за все государство и жителей его и за благосостояніе ихъ. Только одному никогда не повиновались они—именно исполненію, по законамъ, языческихъ обрядовъ, предпочитая тому самыя жестокія мученія и смерть.

Не смотря на все это, императоры и власти римскіе-языческіе ненавидѣли первыхъ христіанъ и воздвигали противъ нихъ, и въ войскѣ, какъ и въ народѣ, безъ различія, жестокія гоненія. Христіане же во время этихъ гоненій являли искренность и великодушное терпѣніе, соединяемое съ удивительнымъ благоразуміемъ, и та-

кимъ образомъ, повинуясь, сколько можно было, повелѣніямъ императоровъ, постоянно старались сохранять неприкосновенными правила своей вѣры и нравственности. И сколько было примѣровъ тому со стороны христіанъ во всѣхъ сословіяхъ и званіяхъ, безъ различія возраста и пола, въ народѣ вообще—отъ простыхъ сельскихъ жителей до знатнѣйшихъ сенаторовъ и сановниковъ, такъ равно и въ войскѣ—отъ рядовыхъ воиновъ до высшихъ военачальниковъ! Равнодушно перенося отъ язычниковъ жесточайшія мученія, первые христіане являли необыкновенныя кротость и незлобіе къ самимъ гонителямъ своимъ и не только не мстили, но и благотворили имъ. Постоянно заботясь объ общественномъ спокойствіи, они и во время гоненій всячески старались о сохраненіи его въ тѣхъ областяхъ, гдѣ ихъ преслѣдовали.

2) Въ общественномъ отношеніи они, въ отношеніи къ язычникамъ, являли постоянную любовь къ нимъ и различнаго рода благотворительность, и всячески старались жить въ мирѣ и согласіи съ ними. О страннопріимствѣ ихъ къ язычникамъ извѣстенъ, между прочимъ, случай изъ жизни св. Пахомія. Онъ, съ молодыхъ лѣтъ служивъ язычникомъ въ римскомъ войскѣ, нѣкогда отправился съ своимъ легіономъ по морю и присталъ къ одному городу, гдѣ весьма удивился встрѣчѣ жителей, принимавшихъ воиновъ такъ дружелюбно, какъ будто они были старые друзья ихъ. На вопросъ Пахомія, что это за люди?—ему отвѣчали, что это люди особенной религіи, называющіеся христіанами. Тогда Пахомій пожелалъ узнать ученіе ихъ, и это было началомъ его обращенія. Благодѣянія язычникамъ первые христіане особенно оказывали во время общенародныхъ бѣдствій, какъ-то: голода, болѣзней, чумы, пожаровъ, наводненій, войны и т. п. Благотворя язычникамъ постоянно, явно и тайно, во всѣхъ случаяхъ, они не ограничивались въ этомъ ни временемъ, ни мѣстомъ, ни другими внѣшними обстоятельствами.

Въ отношеніи къ различнымъ общественнымъ должностямъ, занятіямъ и увеселеніямъ, въ гражданской и военной жизни римскихъ язычниковъ, первые христіане удалялись отъ этихъ должностей, занятій и увеселеній, какъ несогласныхъ съ правилами ихъ вѣры и соединенныхъ или съ принесеніемъ языческой присяги или съ изъявленіемъ радости среди общенародныхъ языческихъ празднествъ и торжествъ и съ разными языческими обрядами при этомъ. Впрочемъ, между христіанами были и такіе, которые защищали позволительность принятія на себя общественныхъ должностей. Оттого между ними не было недостатка въ начальникахъ всякаго рода, какъ-то сенаторовъ, префектовъ, трибуновъ, квесторовъ, консуловъ и даже между царедворцами, вельмо-

жами и знатью. Что касается военнаго званія, то оно затрудняло первыхъ христіанъ болѣе, нежели гражданскія должности. Кромѣ того, что военное званіе необходимо требовало отъ христіанъ участія въ нѣкоторыхъ языческихъ обрядахъ, оно казалось имъ несогласнымъ съ духомъ вѣры ихъ, которая, по ихъ убѣжденію, водворивъ повсюду миръ и согласіе, учила и жить всѣмъ въ мирѣ и согласіи. Впрочемъ, такъ какъ имъ невозможно было избѣгать службы въ войскѣ, то они и не осуждали тѣхъ, которые, ставъ воинами, оставались въ этомъ званіи, доколѣ это не вредило вѣрѣ ихъ. Состоя же въ этомъ званіи, они исправляли свои обязанности усерднѣе, вѣрнѣе и гораздо полезнѣе, нежели язычники. И они служили въ войскѣ не одиночно или въ маломъ числѣ: изъ нихъ бывали цѣлые легіоны. Сколько пользы оказалъ Марку Аврелію, въ походѣ противъ германцовъ, христіанскій громоносный легіонъ (legio fulminatrix), свидѣтельствовали сами язычники. А другой храбрый христіанскій легіонъ ѳивскій (legio thebana), по примѣру префекта своего, Маврикія, весь принялъ мученіе и казнь отъ императора Максиміяна Геркулія, соправителя Діоклитіянова. Но если первые христіане отказывались иногда отъ военной службы, то это происходило отъ принужденія ихъ язычниками отрекаться отъ своей вѣры и участвовать въ языческихъ обрядахъ (напримѣръ мученики: центуріонъ Гордій при Діоклитіянѣ, трибунъ Урпасіянъ при Максиміянѣ, центуріонъ Маркеллъ при Галеріи и мн. др.). Живя съ язычниками въ однихъ городахъ и селеніяхъ, первые христіане не участвовали съ ними въ ихъ страсти къ чувственнымъ наслажденіямъ, а съ нѣкоторыми изъ нихъ— въ отвращеніи ихъ и отъ всего міра и отъ позволительныхъ удовольствій въ немъ, но держались благоразумной середины между этими крайностями—воздержанія, умѣренности, смиренія чувствъ любви и духовныхъ радости и веселія. Согласно съ этимъ, они не чуждались ни общенія съ язычниками, ни промышленности, ни торговли, но всегда въ предѣлахъ правилъ своей вѣры. Но язычники въ этомъ отношеніи смотрѣли на христіанъ, какъ на народъ, не любившій міра, умершій и безполезный для него. Христіане же на эти клеветы отвѣчали особенными честностью, правдивостью, нелюбостяжаніемъ, неучастіемъ въ преступленіяхъ, обычныхъ язычникамъ. Въ отношеніи къ наукамъ и искуствамъ они считали для себя запрещенными только тѣ, которыя стояли въ тѣсной связи съ идолослуженіемъ (наприм. изготовленіе и украшеніе идоловъ, строеніе языческихъ храмовъ и жертвенниковъ, астрологія, магія, искуства гаданія и волшебства, а также языческія: философія и разнаго рода сочиненія, если послѣднія причиняли вредъ христіанской вѣрѣ). Къ боямъ гладіаторовъ, травлямъ дикихъ звѣрей и другимъ подоб-

нымъ общенароднымъ зрѣлищамъ, къ которымъ такъ страстны были язычники и особенно римляне и которые были соединены съ необычайною, даже звѣрскою жестокостью, первые христіане имѣли отвращеніе и не позволяли себѣ участвовать въ нихъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о другихъ зрѣлищахъ язычниковъ, какъ-то: мимическихъ играхъ, комедіяхъ и трагедіяхъ, конскихъ ристалищахъ и вообще о всякомъ посѣщеніи цирковъ и театровъ, на которые христіане смотрѣли, какъ на скопища идолослуженія и разврата, прямо проистекавшія изъ идолопоклонства.

Наконецъ 3) въ отношеніяхъ домашнихъ и семейственныхъ первые христіане были совершенною противоположностью язычниковъ. Послѣдніе, занимаясь болѣе дѣлами общественными, гдѣ находили пищу ихъ честолюбіе и корыстолюбіе, очень мало заботились о домашней семейственной жизни. Женскій полъ былъ у нихъ въ большомъ презрѣніи, а дѣтей воспитывала не мать, а раба-служанка. Такой образъ домашней, семейной жизни служилъ поводомъ къ обманамъ и распутству, разрушалъ семейное счастіе и лишалъ его чистыхъ домашнихъ удовольствій. У первыхъ же христіанъ бракъ былъ церковнымъ таинствомъ и освящалъ семейный союзъ и всю семейную, домашнюю жизнь, и взаимныя отношенія между супругами и ихъ дѣтьми, и все, что было соединено съ этимъ. Смѣшанные браки христіанъ съ язычницами и христіанокъ съ язычниками не были допускаемы, какъ противные миру и согласію христіанской брачной жизни. Но при переходѣ мужа или жены-язычниковъ въ христіанство, христіанамъ не позволялось разводиться, а должно было освящать брачный союзъ своимъ поведеніемъ въ пользу христіанской вѣры. Въ случаѣ же несогласія при этомъ, супруги разлучались. При смѣшанныхъ бракахъ мужъ или жена-христіане старались воспитать дѣтей въ христіанской вѣрѣ. Но случалось, что дѣти отца и матери-язычниковъ обращались въ христіанство и оставались въ почтеніи и повиновеніи родителямъ, доколѣ это не служило препятствіемъ къ исповѣданію ими христіанской вѣры, въ какомъ случаѣ оставляли домъ родителей и даже претерпѣвали мученія. Дружескія сношенія христіанъ съ язычниками не прекращались, но только освящались поведеніемъ первыхъ и стараніемъ ихъ обратить послѣднихъ въ христіанство. При этомъ христіане въ домахъ язычниковъ воздерживались отъ идоложертвенныхъ: мяса и вина, крови животныхъ и пищи, посвященной на служеніе идоламъ.

Христіанство совершенно измѣнило отношенія между рабами и господами, содѣлавъ тѣхъ и другихъ равными передъ Богомъ дѣтьми Его и даровавъ рабамъ свободу внутреннюю, хотя бы внѣшнія отношенія и оставались прежнія. Рабство христіанъ у язычниковъ до-

пускалось только доколѣ не становилось противнымъ христіанской вѣрѣ. Такимъ образомъ рабы-христіане у господъ-христіанъ были какъ бы членами ихъ семействъ, язычникамъ же служили искренно и вѣрно.

Наконецъ, христіанство измѣнило также понятія о внѣшнемъ украшеніи тѣла, дошедшемъ у римлянъ-язычниковъ до крайняго злоупотребленія. Въ этомъ видѣ оно считалось запрещеннымъ для христіанъ, и имъ дозволялась только самая скромная и простая одежда, которая служила бы не для украшенія тѣла, а для сохраненія здоровья, и это какъ для мущинъ, такъ и для женщинъ. Но особенно запрещалось имъ украшеніе тѣла, тѣсно связанное съ языческими обрядами и обычаями (напримѣръ носить вѣнки на головѣ, умащать лица и волосы, мущинамъ стричь волосы и брить бороду и т. п.).

Таково вообще было поведеніе христіанъ въ отношеніи къ язычникамъ, въ первые и самые лучшіе три вѣка отъ Р. Х. Изъ этого можно составить себѣ ясное понятіе, чѣмъ и каково было христіанство въ это время между язычниками въ римской имперіи вообще и въ римскомъ войскѣ въ частности. Собственно въ послѣднемъ, при чрезвычайно быстромъ распространеніи христіанства, число христіанъ, еще тайныхъ, росло съ каждымъ вѣкомъ и въ концѣ III вѣка составляло уже большинство во всѣхъ арміяхъ. Изъ нихъ въ гальской, британской и испанской въ началѣ IV вѣка, при Констанціѣ Хлорѣ и сынѣ его Константинѣ, благопріятствовавшихъ и покровительствовавшихъ христіанамъ, они впервые получили бо̀льшую свободу исповѣданія своей вѣры, безъ опасенія преслѣдованія. Чудесное же обращеніе Константина, еще до крещенія, къ христіанству, въ 312 г. на походѣ изъ Галліи въ Италію противъ Максентія, сооруженіе имъ христіанскихъ хоругвей (labarum) и осѣненіе знаменъ, шлемовъ и щитовъ воиновъ крестомъ и монограммой имени Іисуса Христа, произвели такой религіозный восторгъ въ арміи Константина, переполненной христіанами, что она побѣдоносно одолѣла вдвое сильнѣйшую армію язычника Максентія и торжествующею христіанскою арміей вступила въ языческій Римъ, немедленно обращенный въ христіанскій, какъ все это было изложено выше (§ 410). Вслѣдъ затѣмъ Константинъ даровалъ христіанамъ, на пространствѣ всей римской имперіи, полную свободу своего вѣроисповѣданія и, побѣдивъ всѣхъ соперниковъ и противниковъ, создалъ въ Византіи новую, христіанскую столицу—Новый Римъ или Константинополь, который посвятилъ христіанскому Богу, созвалъ 1-й вселенскій соборъ, устроилъ дѣла Церкви и крестился передъ смертію въ 337 г. И съ тѣхъ поръ христіанская вѣра,

три вѣка жестоко гонимая, стала торжествующею и господствующею въ римскихъ: государствѣ, народѣ и войскѣ.

Но тутъ приходится съ глубокимъ прискорбіемъ отнестись къ послѣдствіямъ. Едва прошло полъ-вѣка со времени смерти Константина В., какъ архіепископъ Константинополя Іоаннъ Златоустъ уже всенародно громилъ съ каѳедры церковной пороки, чуть не языческіе, не только въ народѣ и войскѣ, но и особенно въ высшихъ сословіяхъ, и среди самаго двора императорскаго, и даже среди духовенства! Прискорбный фактъ въ исторіи падшаго рода человѣческаго! Чистота христіанскихъ нравовъ и обычаевъ въ три вѣка гоненій уступила мѣсто смѣси этихъ нравовъ и обычаевъ съ языческими, въ послѣдующіе $1^1/_2$ вѣка свободы христіанства. Это отразилось и на военномъ бытѣ обѣихъ римскихъ имперій, и на ихъ арміяхъ и войскахъ, и на ихъ начальникахъ, и даже на самихъ императорахъ, за исключеніемъ лучшихъ и достойнѣйшихъ. И христіане, и тѣ, и другіе, предавшись страстямъ, явили въ дѣйствіяхъ своихъ дѣла, не столько христіанскія, сколько прежнія языческія, свойственныя римскому міру, изображенному выше. И въ этомъ состояніи христіанство (за исключеніемъ монашества, начавшагося при Константинѣ В. и по смерти его) перешло преемственно, по разрушеніи западной римской имперіи, и въ основанныя на развалинахъ ея новыя христіанскія государства. Ибо, должно прибавить, въ IV и V вѣкахъ христіанство распространилось и далеко внѣ предѣловъ римской имперіи, между такъ называемыми у римлянъ варварами и скиѳами (по слову апостола Павла), т. е. народами германскими и славянскими, изъ которыхъ первые, и въ томъ числѣ особенно готѳы, были во множествѣ христіане. Съ вѣроятностью предположить можно, что и между придунайскими славянами, значительно участвовавшими, вмѣстѣ съ германскими народами, въ нападеніи на обѣ римскія имперіи и въ разрушеніи западной, христіанство также было болѣе или менѣе распространено.

§ 430.

Варвары.

Римляне, въ своей непомѣрной гордости, называли всѣ иноплеменные народы внѣ предѣловъ римскаго государства общимъ именемъ варваровъ, что̀ вообще означало у нихъ необразованныхъ иноплеменниковъ. Но въ частности названіе варваровъ присвоивалось ими преимущественно германцамъ; народовъ же восточной Европы

(позднѣйшихъ славянъ) они вообще называли скиѳами, что однако также означало у нихъ варваровъ.

И такъ эти варвары составляли третій важный элементъ, имѣвшій значительное вліяніе на преобразованіе дряхлаго римскаго міра. Выше (§ 395—402) уже были изображены вкратцѣ общественное устройство, нравы, обычаи и военный бытъ ихъ. Въ дополненіе къ тому приводимъ здѣсь еще: 1) изображеніе германскихъ народовъ и ихъ нравовъ и обычаевъ Тацитомъ (De situ, moribus et populis Germaniae) и 2) изображеніе германскихъ народовъ и главнаго—свевовъ новѣйшими германскими историками.

Тациту мы обязаны самымъ полнымъ и связнымъ изображеніемъ быта и отношеній германцовъ во 2-й половинѣ I-го и 1-й половинѣ II-го вѣковъ по Р. Х. Составленіемъ своей книги онъ имѣлъ въ виду изобразить самымъ нагляднымъ образомъ противуположность между неиспорченными нравами народа въ естественномъ его состояніи и испорченностью римлянъ, и въ образѣ сильнаго, хотя и необразованнаго, но и не дикаго народа показать, какъ въ зеркалѣ, всю ничтожность утонченной жизни римлянъ. Поэтому каждому римскому пороку онъ противупоставляетъ германскую добродѣтель, и свидѣтельство его—римлянина—тѣмъ болѣе заслуживаетъ вѣры и вниманія. Кромѣ того, его описаніе германскихъ народовъ можетъ быть, въ большей или меньшей мѣрѣ, отнесено и ко всѣмъ вообще народамъ сѣверной Европы, какъ западнымъ, такъ и восточнымъ, находившимся въ тоже время въ такомъ же первобытномъ состояніи, какъ и германцы.

По свидѣтельству Тацита, общественный бытъ германскихъ народовъ былъ вполнѣ естественный и простой. Единственнымъ основаніемъ его было земледѣліе и занятіе войною. Всякій владѣлецъ участка земли, которая могла прокормить его съ семьей, былъ свободнымъ гражданиномъ общаго отечества и имѣлъ равныя со всѣми другими, такими же согражданами своими, права̀ на участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Онъ жилъ на своемъ участкѣ, а жившіе вокругъ него поселяне платили ему оброкъ съ предоставленныхъ имъ участковъ земли. Гдѣ на близкомъ разстояніи находилось нѣсколько такихъ поселеній, возникало большое, соединенное извѣстными связями мѣстечко (Burg), но не городъ: ибо городская жизнь, съ ея промышленными и торговыми занятіями, была чужда германцамъ. Впрочемъ съ самаго начала равенство въ имуществѣ и помѣстьяхъ не существовало. Дурное хозяйство, многочисленность дѣтей, которыя, при небольшомъ имѣніи, не всѣ могли быть обезпечены, несчастіе въ игрѣ, которой германцы были страстно преданы—все это породило между ними множество людей, хотя и свободныхъ, но не довольно

достаточныхъ для того, чтобы имѣть какое-либо общественное значеніе. Такіе люди обыкновенно вступали въ службу къ людямъ достаточнымъ и особенно къ богатымъ и составляли ихъ дружины, по германски Gasindi, каждый членъ которыхъ носилъ названіе Thegn, Than, Degen (мечъ) или Gefariun (графъ). Чѣмъ многочисленнѣе была дружина, которую богатый человѣкъ могъ содержать на свой счетъ, тѣмъ болѣе принималъ онъ видъ владѣтельнаго князя. Въ то время, когда римляне ознакомились съ германцами, между послѣдними уже существовали многіе роды (фамиліи), по своимъ многочисленнымъ и блистательнымъ дружинамъ могущественные и пользовавшіеся большимъ уваженіемъ, изъ которыхъ избирались вожди народные и военные. Римляне называли такіе роды или фамиліи царскими (stirpes regiae), хотя у германцовъ еще не было и слѣдовъ царской власти. Таково было общественное устройство и политическое состояніе германскихъ народовъ, когда римляне, распространивъ свои владѣнія до Рейна, пришли въ соприкосновеніе съ ними *). Имена отдѣльныхъ племенъ германскихъ были приведены выше (§ 350), но всѣ они впослѣдствіи исчезаютъ въ исторіи, теряясь въ большихъ союзахъ многихъ народовъ, соединявшихся для большихъ военныхъ предпріятій или для образованія большихъ политическихъ обществъ. Исторія же столкновеній ихъ съ римлянами со временъ Юлія Цезаря до самаго паденія западной римской имперіи была изложена въ IV и настоящей V частяхъ В. В. И. древнихъ временъ.

Въ началѣ 1 вѣка по Р. Х. Германія была покрыта дремучими лѣсами и обширными болотами, между которыми находились пространства воздѣланныхъ земель. Климатъ былъ суровый и сырой. Жители были огромнаго роста и крѣпкаго, сильнаго тѣлосложенія, бѣлокурые и голубоглазые, нравовъ грубыхъ, но простыхъ и неиспорченныхъ, честныхъ и вѣрныхъ, столько же воинственные и храбрые, хитрые и жестокіе на войнѣ, сколько добродушные и гостепріимные въ мирное время. Они занимались преимущественно земледѣліемъ, скотоводствомъ, звѣриною ловлей и войной; въ свободное же отъ трудовъ время были большіе охотники до пировъ, вина и игры. Главнаго и любимаго занятія своего — войны они искали въ набѣгахъ на сосѣднія земли и страны, въ междуусобіяхъ, въ частныхъ и общихъ военныхъ предпріятіяхъ (Heerfahrten) и въ службѣ наемниками въ иноплеменныхъ войскахъ, къ чему побуждали ихъ корыстолюбіе и страсть къ обогащенію грабежомъ и добычей. Къ женскому полу они имѣли большое уваженіе и имѣли высокое понятіе о женскомъ цѣ-

*) Лоренца: Руководство къ Всеобщей Исторіи, часть II, отдѣлъ I.

ломудріи и супружеской вѣрности. Образъ общественнаго управленія въ различныя времена былъ также различный. Большею частію правленіе было народное, и верховные вожди (Heerzöge или вожди войскъ, воеводы) были избираемы только для войны. Иные народы имѣли князей (Fürsten, отъ словъ der firste, fürderste — первый, главный), а другіе—готоы, вандалы, франки, аллеманны и пр. — наслѣдственныхъ королей (Chunige, Könige, отъ словъ Chuhne, Kühne— храбрый, смѣлый). Но и тѣ, и другіе имѣли весьма ограниченную власть и управляли народомъ и войскомъ болѣе силой древнихъ обычаевъ и личнаго примѣра, нежели силой законовъ или своей верховной власти. Народъ раздѣлялся на благороднорожденныхъ (Edelinge), свободнорожденныхъ (Freilinge) и рабовъ или работниковъ (Knechte, Schalke, Thrälle; послѣдніе состояли большею частію изъ военноплѣнныхъ и преступниковъ).

Важнѣйшія общественныя дѣла были рѣшаемы въ народныхъ собраніяхъ (Thing Mal), въ которыхъ участвовали, подъ предсѣдательствомъ старшинъ (Grauen, Graffen), всѣ благородно и свободнорожденные взрослые мущины, имѣвшіе право носить оружіе (Freye Wehren, Warmannen, Thing-или Mal-Mannen, Rachimburgen). Совѣщанія обыкновенно производились среди пировъ, народныхъ игръ и увеселеній. Ссоры частныхъ лицъ и племенъ были разрѣшаемы, первыя— поединками, а вторыя—междуусобіями. Вмѣсто судебныхъ изслѣдованій служили ордаліи или суды божіи (Urtheile, Gottesgerichte).

Князья и другія богатыя и знатныя лица окружали себя дружинами сподвижниковъ (Gefolge, Geleite) изъ свободнорожденныхъ, но бѣдныхъ молодыхъ людей, которые получали отъ своего дружинника оружіе, продовольствіе и часть добычи, участвовали во всѣхъ его военныхъ и гражданскихъ дѣлахъ, играхъ и забавахъ и служили ему тѣлохранителями, клянясь побѣдить или умереть съ нимъ. Въ случаѣ болѣе важныхъ военныхъ предпріятій, нѣсколько такихъ гелейтовъ или дружинъ соединялись и, избравъ главнаго вождя или герцога, составляли германней или ариманію (Heermanney, Arimanie, армію). Такія народныя ополченія, принявъ названіе отъ своихъ поселеній, предводителя, главнаго оружія или т. п., являлись иногда въ исторіи въ видѣ народовъ (Mark-Mannen — пограничные люди, Alle-Mannen — всѣ воины, Franken—вольные, Hermunduren — люди Германна, Lange-Barden — длинныя копья и т. п.). Могущество или слава герцога, богатство ожидаемой добычи, удача самаго предпріятія увеличивали силу ариманіи, утверждали надъ нею власть вождя и, предавая ей завоеванную страну, служили поводомъ къ основанію новыхъ государствъ. Въ случаѣ неудачи, ополченія расходились и имя ариманій исчезало. Въ общенародныхъ же войнахъ были обяза-

ны участвовать всѣ свободнорожденные, совершеннолѣтніе мущины, и такія общенародныя ополченія назывались гербаннами (Heer-Bann, поголовное ополченіе.) [1]).

Старожилами Германіи были свевы и изъ нихъ самое благородное племя семноновъ, обитавшее между Эльбой и Одеромъ, и сосѣди ихъ, воинственные лангобарды изъ Старой Мархіи (Alt-Mark). Въ странѣ семноновъ находилась величайшая святыня свевскихъ племенъ—священная роща съ статуей бога войны, Одина. Онъ считался самымъ знаменитымъ изъ всѣхъ германскихъ боговъ, потому что, по убѣжденіямъ германцовъ, во всякой войнѣ давалъ и побѣду, и добычу, отверзалъ врата Валгаллы только павшимъ въ бою и пр. Поэтому неудивительно, что жизнь свободныхъ свевовъ протекала въ безпрестанныхъ бояхъ, то съ дикими звѣрями, то съ чуждыми народами. Величайшими добродѣтелями у нихъ считались мужество и стойкость въ битвахъ. Съ величайшимъ благоговѣніемъ приближались семноны и другія свевскія племена къ рощѣ, посвященной Одину. Не зная, какъ лучше выразить свое благоговѣніе передъ нимъ, они приносили ему въ жертву высшее свое благо—свободу и приближались къ рощѣ его не иначе, какъ въ оковахъ и въ самомъ униженномъ положеніи. Только вдали отъ рощи слагали они съ себя оковы и, гордо подымая головы, снова становились свободными и отважными [2]).

§ 431.

Вліяніе этихъ трехъ элементовъ вмѣстѣ.

Внимательно вникая въ значеніе каждаго изъ означенныхъ трехъ элементовъ и въ одновременное сочетаніе и взаимодѣйствіе ихъ собственно въ военномъ отношеніи, не трудно придти къ слѣдующему общему заключенію:

На крайне испорченный и развращенный римскій міръ прежде всего и болѣе всего имѣло могущественное вліяніе высокое, чистое и свѣтлое христіанство первыхъ, лучшихъ трехъ вѣковъ его. Вліяніе это выражалось необыкновенно быстрымъ увеличеніемъ числа христіанъ въ народѣ и войскѣ римскихъ и внесеніемъ въ испорченную среду ихъ новыхъ и лучшихъ началъ жизни, не смотря на ненависть язычниковъ къ христіанамъ и гоненія ими послѣднихъ. Чѣмъ болѣе

---

[1]) Барона Зедделера: Обозрѣніе исторіи военнаго искуства, ч. 2.

[2]) Очерки изъ исторіи и народныхъ сказаній, Ч. 2 (Средняя исторія).

росла первая, чѣмъ сильнѣе становились послѣднія, тѣмъ болѣе росли изъ вѣка въ вѣкъ, даже изъ полъ-вѣка въ полъ-вѣкъ, и число христіанъ въ народѣ и войскѣ, и благодѣтельное вліяніе умноженія числа ихъ и высокихъ добродѣтелей ихъ. Во II-мъ вѣкѣ, когда уже начались наступательныя дѣйствія сѣверныхъ народовъ противъ римской имперіи, можно предположить, что въ арміяхъ римскихъ уже было на половину язычниковъ и христіанъ, а въ концѣ III-го и началѣ IV-го вѣковъ и того болѣе. Но пока господствующею религіей была языческая, и верховная власть находилась въ рукахъ императоровъ и правительствъ языческихъ, христіане же, ненавидимые, гонимые и преслѣдуемые ими, оставались еще тайными, вѣдомыми только между собою, вліяніе ихъ еще не имѣло внѣшней силы. Притомъ, какъ выше (§ 429) было сказано, война была противна правиламъ и чувствамъ первыхъ христіанъ: они честно и добросовѣстно исполняли долгъ свой къ государству и правительству, по необходимости поступали въ военную службу, шли на войну, сражались храбро, но были народомъ миролюбивымъ, а не воинственнымъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, элементъ христіанскій въ римскомъ войскѣ въ первые три вѣка представляетъ совершенную противуположность языческому, превосходя его въ нравственномъ отношеніи, но уступая ему въ политической и военной активной или дѣйствующей силѣ, а будучи въ положеніи пассивномъ или страдательномъ.

Между тѣмъ, въ одно время съ христіанствомъ, въ римское войско уже съ I вѣка по Р. Х. началъ постепенно болѣе и болѣе проникать также и элементъ варварскій. Уже при Августѣ и ближайшихъ его преемникахъ, въ римскомъ войскѣ начали служить и образовываться многіе знатные германцы, хотя ряды римскихъ войскъ и не пополнялись еще, по крайней мѣрѣ значительно, массой ихъ. Но позже, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, римскія арміи стали быть пополняемы варварами, или насильно, или добровольно по найму на жалованьѣ. Этотъ элементъ, съ своей стороны, представляетъ, подобно христіанскому, также совершенную противуположность языческому и даже христіанскому, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ являетъ сходство съ послѣднимъ. Величиною своего роста, крѣпостью и силою тѣлесными, воинолюбивымъ, безпокойнымъ духомъ, мужествомъ, твердостью, храбростью и своими простыми, суровыми, неиспорченными нравами варвары рѣшительно превосходили язычниковъ въ римскомъ войскѣ, а своего рода добродѣтелями, хотя и языческими, честностью и вѣрностью, также превосходя римлянъ-язычниковъ, не уступали нѣкоторымъ образомъ христіанамъ. Но они превосходили послѣднихъ тѣмъ, что далеко не были, подобно имъ, элементомъ пассив-

нымъ или страдательнымъ а напротивъ, самымъ активнымъ и дѣятельнымъ.

Такимъ образомъ, въ первые три вѣка римское язычество, христіанство и варварскій языческій элементъ въ римскомъ войскѣ вообще представляются въ слѣдующихъ взаимныхъ отношеніяхъ:

Христіанскій и варварскій элементы постепенно растутъ и берутъ верхъ надъ римскимъ язычествомъ, христіанство — въ числительномъ и нравственномъ отношеніяхъ, а варварство—и въ числительномъ, и въ своего рода нравственномъ, и преимущественно въ воинственномъ. Но римскій языческій элементъ имѣетъ рѣшительное превосходство надъ ними въ томъ отношеніи, что ему принадлежитъ власть и политическая, и гражданская, и военная, и ей въ войскѣ подчинены и христіане, и варвары, какъ и язычники. А какъ римскій языческій элементъ былъ до крайности испорченный и развращенный, то и власть его въ войскѣ была такою же и производила тѣ безобразныя явленія, которымъ примѣра нѣтъ въ исторіи— бунты войскъ, убіеніе ими своихъ начальниковъ, провозглашеніе императоровъ, своеволіе, безначаліе, распутство и всевозможные гнусные пороки и вмѣстѣ съ тѣмъ малодушіе, безчестность и пр. и пр. Этою римскою языческою властію только и можно объяснить кажущееся противорѣчіе между числительнымъ, нравственнымъ и воинственнымъ превосходствомъ христіанъ и варваровъ и такою же относительною слабостью противъ нихъ римскаго языческаго элемента, въ римскомъ войскѣ, въ первые три вѣка. И вотъ почему неосновательными кажутся односторонніе приговоры и древнихъ, и новѣйшихъ писателей, будто всѣ злодѣянія римскаго войска въ первые три вѣка падаютъ на него въ цѣломъ его составѣ, а не на одинъ только римскій языческій элементъ, власть имѣвшій. Христіане, съ своею чистою нравственностью и по правиламъ своей вѣры, притомъ ненавидимые, презираемые и гонимые, никогда и ни въ чемъ не участвовали въ этихъ злодѣяніяхъ. Про варваровъ вообще того же утвердительно сказать нельзя, потому что они, хотя имѣли нравы простые, неиспорченные, честные, но притомъ страстно любили войну, грабежъ и деньги, и ихъ всегда можно было увлечь первою и вторымъ и подкупить деньгами. Кромѣ того, они ненавидѣли и презирали римлянъ, и какъ своею потребностью грабить римскія области и искать въ нихъ земель для своего водворенія, такъ и особенною какою-то неодолимою силою были движимы болѣе и болѣе къ опустошительной, грабительной и истребительной войнѣ противъ ненавистной имъ римской имперіи.

И такъ вообще, все военное зло въ ней въ первые три вѣка проистекало изъ единственнаго, растлѣннаго и зараженнаго источ-

ника—римскаго языческаго міра, все еще имѣвшаго верховную политическую власть.

Но когда эта власть перешла въ руки Константина В., хотя еще и не христіанина, но уже даровавшаго христіанамъ свободу вѣроисповѣданія, тогда все или по крайней мѣрѣ многое измѣнилось. Римское войско уже было составлено наибольшею частію изъ христіанъ и варваровъ, изъ которыхъ и въ числѣ послѣднихъ уже было много христіанъ. Эти два элемента получили рѣшительныя превосходство и первенство надъ римскимъ язычествомъ, и послѣднему положена преграда въ его тлетворномъ господствующемъ вліяніи. Арміи римскія уже стали вполнѣ христіанскими, и при мудрыхъ правительственныхъ мѣрахъ Константина В. прежнее военное зло замѣнилось новымъ добромъ.

Но, къ сожалѣнію, это продолжалось недолго—только при жизни Константина В. и позже Θеодосія В., всего въ теченіи 31 года царствованія перваго и 16 лѣтъ—послѣдняго, всего 47 лѣтъ или около полувѣка изъ 170 лѣтъ послѣдняго существованія западной римской имперіи. Но при недостойныхъ преемникахъ ихъ, исключая Юліяна, представляется совершенно иное, новое и прискорбное явленіе. И христіанскій, и варварскій элементы начинаютъ постепенно портиться, хотя послѣдній болѣе и болѣе становится христіанскимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крайне усиливается численно, а римскій языческій при Юліянѣ, хотя, по счастію, и не на долго—всего на три года (361—363), снова становится господствующимъ. А послѣ Θеодосія В., въ послѣдніе 81 годъ западной римской имперіи, и въ ней, и въ восточной господствующимъ элементомъ становится рѣшительно варварскій, хотя и преимущественно христіанскій, но уже значительно испорченный нравственно. Нѣтъ въ немъ болѣе первобытныхъ добрыхъ нравовъ его, а остались и возрасли только дурные. И снова въ обѣихъ имперіяхъ явилось то зло, хотя и въ нѣсколько иномъ видѣ, которое было язвой и позоромъ первыхъ трехъ вѣковъ—бунты, возстанія, междуусобія, малодушіе, коварство, вѣроломство, убійства и всякаго рода пороки и злодѣянія. И это, погубивъ западную римскую имперію, перешло, какъ наслѣдство, и къ слѣдующимъ поколѣніямъ такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ...

Таково было, говоря вообще, вліяніе римскаго міра, христіанства и варваровъ на военный бытъ римской имперіи, нераздѣльной въ первые четыре вѣка по Р. Х. и раздѣленной на восточную и западную—въ послѣднемъ и самомъ жалкомъ, V вѣкѣ. И однако, въ частности, это нимало не мѣшало болѣе или менѣе свѣтлымъ и отраднымъ, въ военномъ отношеніи, явленіямъ въ теченіи всѣхъ этихъ пяти знаменательныхъ вѣковъ. Честь и слава такихъ явленій все-

цѣло принадлежать столь же свѣтлымъ и отраднымъ, необыкновеннымъ личностямъ многихъ императоровъ, полководцевъ и военныхъ дѣятелей, какъ римлянъ, такъ и варваровъ, и какъ язычниковъ, такъ и христіанъ, о которыхъ и будетъ говорено особенно ниже.

Въ заключеніе, здѣсь слѣдуетъ прибавить, что о вліяніи означенныхъ выше трехъ элементовъ въ первые пять вѣковъ по Р. Х., собственно въ военномъ отношеніи, сужденія и мнѣнія, какъ древнихъ писателей, языческихъ и христіанскихъ, такъ, къ удивленію, и новѣйшихъ, болѣе или менѣе разнорѣчивы, даже противурѣчивы, или односторонни, или поверхностны, или невѣрны и несправедливы, а нѣкоторыя изъ новѣйшихъ (преимущественно 2-й половины XVIII и начала XIX вѣковъ) поражаютъ даже своими воззрѣніями, болѣе классическими-языческими, нежели истинно-христіанскими.

II.

Военное устройство, военное искуство и войны.

§ 432.

Военное устройство государства, армій и войскъ римскихъ.

Изобразивъ съ высшей, преимущественно нравственной, точки зрѣнія взаимныя отношенія и вліянія римскаго міра, христіанства и варваровъ въ римской имперіи до 476 г. въ военномъ отношеніи и имѣя сказанное о томъ постоянно въ виду, бросимъ общій взглядъ на состояніе въ томъ же періодѣ времени военнаго устройства государства, армій и войскъ римскихъ, военнаго искуства у римлянъ и на войны ихъ.

Военное устройство государства, армій и войскъ римскихъ въ этомъ періодѣ представляетъ двѣ главныя формы: 1) установленную Августомъ и съ нѣкоторыми частными измѣненіями или дополненіями существовавшую три вѣка—съ 30 г. передъ Р. Х. до 284 г. послѣ Р. Х.,—и 2) установленную Діоклитіяномъ и полнѣе развитую Константиномъ В.—отъ 284 и 306 г.г. до паденія западной римской имперіи.

Первая была монархическая, съ республиканскими, но лишь внѣшними, не имѣвшими болѣе значенія, формами, и по смерти Августа

перешедшая въ необузданный военный деспотизмъ, безпримѣрный въ исторіи. Она, какъ при жизни Августа, такъ и по смерти его, представляетъ явленіе очень любопытное.

Военная система Августа, по истинѣ, составляетъ одно изъ украшеній такъ называемаго золотаго вѣка 44-хъ лѣтняго правленія его, по всѣмъ вообще частямъ военнаго устройства государства, армій и войскъ римскихъ. Мудрыя военныя учрежденія Августа по всѣмъ этимъ частямъ заслуживаютъ справедливыхъ вниманія и одобренія. Они вполнѣ обезпечили спокойствіе и благосостояніе государства внутри и безопасность его извнѣ, исцѣлили раны, нанесенныя ему цѣлымъ столѣтіемъ внутреннихъ междуусобныхъ войнъ, внесли лучшій порядокъ въ военное начальствованіе и управленіе, въ тактическое и внутреннее устройство армій и войскъ и особенно обновили, оживили и укрѣпили духъ ихъ утвержденіемъ надлежащей, строгой военной дисциплины. Благодаря имъ, римское войско при Августѣ стало наконецъ тѣмъ, чѣмъ было въ лучшія времена республики, чѣмъ всегда и вездѣ должно быть—охраною государства внутри и оплотомъ его извнѣ, знаменіемъ силы его лишь для блага и славы его, страхомъ враговъ его внутреннихъ и внѣшнихъ. И оно съ истинными достоинствомъ и славой исполнило этотъ долгъ государству во все время правленія Августа и такимъ, свѣтлымъ и яркимъ, занесено исторіей на свои страницы.

Но смерть Августа все разрушила, все измѣнила—и 44 года сдерживаемая умомъ и волей Августа, крайняя испорченность римскаго міра вообще и римскаго войска въ частности ниспровергла поставленную ей преграду. Какъ бурный потокъ разрушаетъ плотину, такъ и она, низложивъ эту преграду, тѣмъ съ большею силой и яростью прорвалась наружу, разлилась и далеко, и широко, и тотчасъ же облеклась въ форму самаго страшнаго, необузданнаго военнаго деспотизма, сначала—преторіянскихъ когортъ, а вслѣдъ затѣмъ—и легіоновъ, особенно пограничныхъ. Разомъ сокрушились и изчезли всѣ благіе труды и учрежденія Августа, и войско римское изъ благоустроеннаго, какимъ было при Августѣ, обратилось въ какое-то разбойничье, гораздо болѣе опасное и страшное для государства, нежели для враговъ внутреннихъ и особенно внѣшнихъ. А съ тѣмъ вмѣстѣ, куда дѣвались и всѣ преимущества, дарованныя ему Августомъ, порядокъ въ военномъ начальствованіи и управленіи, въ тактическомъ и внутреннемъ устройствѣ армій и войскъ и особенно военная дисциплина и надлежащій, истинный военный духъ и всѣ военныя добродѣтели, которыя должны украшать войско? Оно было и мужественно, и храбро, но и жестоко, какъ шайка разбойниковъ; не стало въ немъ ни правды, ни чести, ни совѣсти, ни вѣрности

присягѣ и долгу, ни любви къ отечеству и подобныхъ ей благородныхъ и возвышенныхъ чувствъ. Ubi bene, ibi patria (гдѣ хорошо, тамъ и отечество) снова стало девизомъ его, какъ во времена междоусобій, а себялюбіе, корыстолюбіе, алчность къ деньгамъ, богатству, роскоши, грабежу и крови и неограниченное своеволіе—пороками, его вмѣсто прежнихъ добродѣтелей. Неустройства, безпорядки, злоупотребленія и всевозможныя безобразныя явленія по всѣмъ частямъ военнаго устройства быстро слѣдовали одни за другими и превзошли все, что было подобнаго по смерти Алексндра В. на востокѣ и въ римскихъ междуусобныхъ войнахъ до Августа. Но вѣнцомъ всего была та низость чувствъ, тѣ, говоря прямо, малодушіе и подлость, которыя обуяли римское войско съ верху до низу и которымъ также нѣтъ примѣра въ исторіи!—И это все проистекало, какъ сказано выше, изъ одного, мутнаго источника—совершенно испорченнаго и растлѣннаго римскаго міра, представителя и владыки въ войскѣ, какъ и въ народѣ, не взирая на постепенное увеличеніе въ немъ элементовъ христіанскаго и варварскаго. И такъ все шло, и возрастая, и усиливаясь, доколѣ Діоклитіянъ и особенно Константинъ В. и потомъ Ѳеодосій В. снова не положили тому, къ сожалѣнію лишь на время, преграды.

Обуявшее зло Діоклитіянъ и Константинъ В. думали одолѣть новою формою государственнаго и военнаго устройства—и дали ему форму, искони свойственную восточнымъ неограниченнымъ монархіямъ. Окруживъ себя многочисленнымъ и пышнымъ дворомъ, создавъ ихъ даже нѣсколько, по числу Августовъ и Цезарей, не считая самозванцовъ, учредивъ царскую стражу тѣлохранителей или гвардію и различные роды войскъ, дѣйствующихъ, полевыхъ, областныхъ, пограничныхъ, поселенныхъ, вспомогательныхъ, наемныхъ и др., многочисленную и разнообразную іерархію военныхъ чиновъ, званій и должностей, увеличивъ жалованье и содержаніе имъ, возстановивъ и военную дисциплину, установивъ и порядокъ во внутреннемъ устройствѣ армій и войскъ и пр. т. п.,—они все-таки достигли своей цѣли лишь при своей жизни, и то далеко не вполнѣ. По смерти ихъ повторилось то-же, что и послѣ Августа, но едва-ли не съ бо́льшими силой и опасностью, потому что и обстоятельства измѣнились, и арміи наполнились варварами, и усугубленными ударами сокрушали ихъ все новыя и новыя полчища варваровъ извнѣ. А тутъ, какъ нарочно, Юліянъ, при всѣхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ своихъ, вздумалъ отречься отъ христіанства и возстановить язычество съ его зловреднымъ вліяніемъ на войско, какъ на народъ и на государство. А Ѳеодосій В., твердою рукою правившій государствомъ и на 16 лѣтъ положившій преграду злу, передъ смертію своею раздѣ-

лилъ имперію на восточную и западную и ввѣрилъ ихъ неспособнымъ и недостойнымъ сыновьямъ своимъ. Они же и преемники ихъ сдѣлались слѣпыми и незначущими орудіями первыхъ министровъ и полководцевъ своихъ — честолюбцевъ, захватывавшихъ верховную власть въ свои руки и раздиравшихъ собственное отечество безумными междуусобными войнами. И такимъ образомъ отъ смерти Константина В. до паденія западной римской имперіи военное устройство и военныя учрежденія ея, измѣнивъ характеръ европейскій и нося близкое подобіе восточныхъ азіятскихъ, пришли въ самый крайній упадокъ и въ самое жалкое состояніе по всѣмъ частямъ, въ какомъ видѣ и перешли на западѣ въ новыя государства германскія, а на востокѣ сохранились еще надолго въ Византійской имперіи.

§ 433.

Военное искуство.

Римское военное искуство въ теченіи этого періода представляетъ странную картину, и процвѣтанія въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, въ нѣкоторыхъ эпохахъ и въ войнахъ и походахъ нѣкоторыхъ лучшихъ императоровъ и полководцевъ, и значительныхъ измѣненій—въ другихъ, и упадка вообще—постепенно отъ начала до конца.

Въ наилучшемъ и даже цвѣтущемъ состояніи находилось оно во времена Августа, когда часто напоминало даже времена Юлія Цезаря и прежнихъ лучшихъ полководцевъ римскихъ. Въ войнахъ и походахъ Тиберія, Друза, Германика, Агриппы и другихъ искусныхъ полководцевъ Августа всѣ отрасли его, можно сказать, соперничали въ достоинствѣ съ состояніемъ ихъ до и во время междуусобныхъ войнъ. И въ мрачный періодъ до Діоклитіяна и Константина В., и при жизни ихъ, и даже послѣ нихъ, особенно при Юліянѣ и Ѳеодосіѣ В., онѣ во многомъ не уступали прежнему состоянію своему. Единственными причинами того были высокія личныя и военныя дарованія многихъ императоровъ, которые были избираемы изъ числа лучшихъ полководцевъ, а также и многихъ подчиненныхъ имъ главныхъ начальниковъ армій и войскъ. Таковы были, напримѣръ, по порядку времени: упомянутые выше Тиберій, Друзъ и Германикъ (особенно), Агриппа, Агрикола и Корбулонъ, Веспасіянъ и Титъ (особенно), Цереалисъ, Траянъ и Маркъ Аврелій (особенно), Септимій Северъ, Песценній Нигеръ, Александръ Северъ, Максиминъ, Гордіянъ III, Децій, Оденатъ и даже вдова его Зиновія Пальмирская, Клавдій II, Авреліянъ и

Пробъ (особенно), Каръ, Діоклитіянъ, Константинъ В. и Юліянъ (особенно), Валентиніянъ I, Өеодосій В. (особенно), Стиликонъ, Аларихъ, Рицимеръ и Одоакръ. Какъ видно, число хорошихъ полководцевъ въ этомъ періодѣ было немалое, а искуство, ими оказанное, болѣе или менѣе замѣчательное.

Изъ всѣхъ отраслей римскаго военнаго искуства въ этомъ періодѣ, въ главѣ безспорно слѣдуетъ поставить кастраметацію, баллистику, фортификацію и поліорцетику. Онѣ не только не находились въ упадкѣ, но и получили большее еще, нежели когда-либо прежде, развитіе и во многихъ отношеніяхъ даже совершенство. Кастраметація и фортификація получили ихъ вслѣдствіе вошедшаго въ постоянный обычай содержанія войскъ на границахъ и зимою въ постоянныхъ лагеряхъ (castra stativa), которые уподоблялись малымъ крѣпостцамъ и были устроиваемы не только по Рейну, Дунаю и Евфрату, но даже и въ Германіи, и за Дунаемъ и Евфратомъ, и въ Азіи, и въ Египтѣ, и въ Африкѣ, въ большомъ числѣ. Кромѣ того, въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ было устроено множество отдѣльныхъ укрѣпленій (фортовъ и укрѣпленныхъ замковъ) и обширныя укрѣпленныя линіи, валы и даже стѣны, особенно между Дунаемъ, Рейномъ и океаномъ, въ Британніи отъ одного моря до другаго (таковы были Траяновъ и Адріяновъ валы) и многія другія, тому подобныя укрѣпленія противъ внѣшнихъ пограничныхъ непріятелей. Баллистика получила необыкновенное развитіе и усовершенствованіе вслѣдствіе чрезвычайныхъ: увеличенія числа метательныхъ орудій въ полѣ и крѣпостяхъ и распространенія употребленія ихъ при атакѣ и оборонѣ. Вмѣстѣ съ баллистикой большое развитіе и употребленіе получило также искуство составленія и метанія зажигательныхъ снарядовъ (какого именно рода и вида—достовѣрно неизвѣстно), весьма замѣчательное по своимъ послѣдствіямъ въ позднѣйшія времена. Наконецъ поліорцетика, со всѣми различными, соединенными съ нею, надземными и подземными работами, находилась, можно сказать, даже въ цвѣтущемъ состояніи до самаго паденія западной римской имперіи, по множеству болѣе или менѣе замѣчательныхъ въ этомъ періодѣ обложеній и осадъ. И въ этомъ состояніи всѣ четыре упомянутыя отрасли военнаго искуства перешли въ наслѣдство и послѣдующимъ поколѣніямъ въ среднихъ вѣкахъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что лучшими дѣятелями по нимъ, учеными строителями, техниками и механиками всегда были преимущественно греки, особенно занимавшіеся этими предметами и особенно искусные въ нихъ.

Въ римской тактикѣ въ этомъ періодѣ важнѣйшія перемѣны произошли въ пространствахъ времени: 1) отъ Августа до Нервы

(отъ 30 г. передъ Р. Х. до 96 г. послѣ него—устроеніе легіоновъ по когортамъ въ 2 линіи),— 2) отъ Нервы до Діоклитіяна (отъ 96 г. до 284 г.— устроеніе легіоновъ по когортамъ въ одну линію въ видѣ фаланги), и наконецъ 3) отъ Діоклитіяна и Константина В. до паденія западной римской имперіи (отъ 284 и 306 г.г. до 476 г.— устроеніе легіоновъ уже совершенно въ видѣ фаланги, притомъ крайне несовершенное). Первыя двѣ тактическія формы имѣли еще основательныя и уважительныя причины въ примѣненіи ихъ по необходимости къ противудѣйствію варварамъ и ихъ строю и образу дѣйствій и были не безъ выгодъ въ этомъ отношеніи. Но третья форма и даже вторая — переходъ отъ римскаго строя къ греческому—уже происходили отъ постепеннаго нравственнаго упадка римскихъ армій и войскъ, означали большой шагъ назадъ въ тактическомъ искуствѣ и, обнимая собою наибольшее пространство времени (374 года изъ 500 лѣтъ или $3^3/_4$ вѣка изъ 5-ти), тѣмъ самымъ прямо обличаютъ упадокъ этого искуства въ сравненіи съ прежними эпохами цвѣтущаго состоянія его во времена республики и даже до Нервы и 96 г. по Р. Х.

Затѣмъ, наконецъ, остается упомянуть еще о главной отрасли римскаго военнаго искуства — стратегіи или искуствѣ веденія войны вообще. Но о ней будетъ упомянуто особо въ слѣдующемъ § 434 о войнахъ вообще, веденныхъ римлянами въ этомъ періодѣ.

§ 434.

Войны.

Войны, веденныя римлянами въ этомъ періодѣ, весьма замѣчательны и заслуживаютъ особеннаго вниманія во многихъ отношеніяхъ. Онѣ были внѣшнія и внутреннія. Между тѣмъ, какъ въ I вѣкѣ римляне повсюду, за Рейномъ, Дунаемъ и Евфратомъ, воевали съ варварами еще наступательно, а съ II вѣка уже оборонительно, внутри государства происходили частыя и потомъ почти безпрерывныя междуусобныя войны, либо съ возстававшими провинціями, либо съ правителями и полководцами ихъ. Всего въ теченіи этого періода пяти вѣковъ насчитывается 18 большихъ междуусобныхъ войнъ (отъ 7-й до 24-й, по счету числа 6-ти первыхъ съ 134-го года до Августа) и до 80 большихъ внѣшнихъ войнъ, не считая меньшихъ. Промежутки мира были рѣдки, особливо въ III, IV и V вѣкахъ, всего чаще при Августѣ и въ періодѣ Антониновъ. А затѣмъ можно сказать, что воинственный Римъ, начавшій и возвысившійся ме-

чомъ, въ послѣдніе свои и въ первые христіанскіе пять вѣковъ не влагалъ меча въ ножны и, изначала принявъ мечъ, наконецъ отъ меча и погибъ!

Дабы составить себѣ многостороннѣйшее, по возможности, понятіе о его послѣднихъ, 5-ти-вѣковыхъ, внѣшнихъ и внутреннихъ войнахъ, необходимо принять въ соображеніе совокупность всего того, что́ касается, какъ внутренней и внѣшней политики его въ это время, такъ особенно военнаго устройства государства, арміи и войскъ его, во всѣхъ отношеніяхъ, нравственнаго состоянія его войскъ, состоянія римскаго военнаго искуства и всѣхъ отраслей его и наконецъ образа и искуства веденія римлянами войны. Сообразивъ все это, можно будетъ вообще придти къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Предсмертныя, 5-ти-вѣковыя войны Рима, въ числѣ всѣхъ 12-ти вѣковыхъ войнъ его, были, говоря вообще, не безъ славы для него въ военномъ отношеніи. Хотя окончательное паденіе его въ 476 г. было безславное, но должно сказать, что изъ 98 внѣшнихъ и внутреннихъ войнъ его, отъ Августа до паденія, наибольшая часть болѣе или менѣе замѣчательна въ отношеніи къ искуству. И не удивительно, во 1-хъ потому что онъ, воинственный съ начала до конца, имѣлъ за собою 12-ти-вѣковую военную и боевую опытность и предшествовавшіе примѣры такихъ войнъ, какъ бывшія въ лучшія времена республики и во времена междуусобій, и образцы въ такихъ великихъ полководцахъ, какъ Александръ В., Аннибалъ и Юлій Цезарь, и многихъ второстепенныхъ, но искусныхъ полководцахъ древности,—во 2-хъ потому, что почти всѣ императоры его (за исключеніемъ немногихъ) были избираемы почти исключительно войскомъ изъ числа любимыхъ и уважаемыхъ ими, за свои военныя дарованія, опытность, искуство, успѣхи и побѣды, полководцевъ,—и въ 3-хъ потому, что эти императоры—полководцы дѣйствительно были люди, одаренные всѣми такого рода качествами, а нѣкоторые изъ нихъ—особенно искусные и замѣчательные полководцы. Имена всѣхъ ихъ уже неразъ были упомянуты выше, но изъ нихъ слѣдуетъ еще разъ особенно отмѣтить имена Августа, Тиберія, Друза и Германика, Агриппы, Агриколы и Корбулона, Веспасіяна и Тита, Цереалиса, Траяна и Марка Аврелія, Септимія Севера, Песценнія Нигера, Максимина, Клавдія II, Авреліяна, Проба, Кара и Діоклитіана, Констанція Хлора, Константина В, Юліяна и Өеодосіевъ отца и сына, Стиликона, Аларика, Аэція, Рицимера и Одоа́кра. Имъ особенно слѣдуетъ приписать ту степень искуства, занимательности и поучительности, которую имѣютъ веденныя ими войны и совершенные ими походы. И такъ какъ всякая искусная война вообще носитъ на себѣ преимущественно рѣзкій отпечатокъ лич-

ныхъ дарованій и качествъ полководца, руководящаго ею, а они, какъ естественно, весьма разнообразны, почему и войны такихъ полководцевъ столь же разнообразны, то и войны и походы названныхъ выше полководцевъ этого періода, сходные въ главныхъ основаніяхъ и чертахъ, весьма разнообразны въ подробностяхъ. Послѣднія можно было усмотрѣть изъ изложенія ихъ войнъ и походовъ выше, главныя же основанія и черты ихъ—тѣ же или подобны тѣмъ, которыя свойственны всѣмъ великимъ полководцамъ и которыя были указаны въ изложеніи войнъ и походовъ Александра В., Аннибала и Юлія Цезаря. Внимательно изучивъ ихъ, какъ отдѣльно, такъ и сравнительно съ другими того же періода и съ войнами и походами великихъ полководцевъ, нетрудно будетъ усмотрѣть достоинство ихъ въ отношеніи къ искуству и составить себѣ надлежащее понятіе о состояніи этого искуства — стратегическаго, въ этомъ послѣднемъ періодѣ римской и всеобщей военной исторіи древнихъ временъ. Предѣлы этого изданія не дозволяютъ войти въ подробности критическаго анализа войнъ и походовъ названныхъ выше лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ полководцевъ этого періода. Но нельзя не сказать здѣсь вообще, что въ стратегическомъ отношеніи римская военная исторія этого періода времени далеко не лишена занимательности и поучительности, а искуство стратегическое также является въ ней не на низкой степени, а напротивъ. Но—прибавимъ—только въ войнахъ и походахъ названныхъ выше лучшихъ полководцевъ; въ остальныхъ же ничего особеннаго въ такомъ родѣ не усматривается. Какъ и всегда въ древности и у римлянъ въ частности, искуство стратегическое было просто и несложно: война рѣшалась боемъ, съ цѣлію котораго двѣ противныя арміи и шли прямо одна на встрѣчу другой, и въ бою, по свойству древняго оружія всегда рѣшительномъ, одна побѣждала, другая терпѣла пораженіе, соединенное съ огромнымъ урономъ, а иногда и съ совершеннымъ истребленіемъ, потому что бой былъ рукопашный. И хотя въ настоящемъ періодѣ, особенно во 2-й половинѣ его, количество метательныхъ оружія и орудій увеличилось и употребленіе ихъ распространилось чрезвычайно, но дѣйствія ихъ были второстепенными, вспомогательными, рукопашное же бѣлымъ оружіемъ — главнымъ, первенствующимъ. Линейная, тяжеловооруженная пѣхота поэтому была, какъ и всегда прежде, главнымъ, рѣшительнымъ и рѣшавшимъ родомъ войскъ. Но участіе конницы тяжелой и легкой и пѣхоты легковооруженной въ нанесеніи непріятелю пораженія въ бою и вообще на войнѣ и въ одержаніи побѣды въ первомъ, стало гораздо значительнѣе прежняго, и какъ употребленіе, такъ и дѣйствія ихъ, въ связи съ дѣйствіями тяжелой пѣхоты, заслуживаютъ

особеннаго вниманія. Не менѣе того достойны вниманія, въ дѣйствіяхъ лучшихъ полководцевъ, фланговыя движенія и дѣйствія на театрахъ войнъ и походовъ и такія же фланговыя атаки въ бою, или въ косвенномъ боевомъ порядкѣ, или же дѣйствіемъ массъ конницы и легкой пѣхоты во флангъ и въ тылъ. Войны и походы лучшихъ полководцевъ этого времени въ этомъ именно отношеніи и представляютъ особенное разнообразіе соображеній и средствъ исполненія ихъ. Войны же и походы остальныхъ не представляютъ этого, какъ вообще, такъ особенно противъ варваровъ, которыхъ требовалось просто и прямо удерживать съ фронта и какъ можно скорѣе и рѣшительнѣе разбивать. Это также составляетъ черту отличія войнъ внѣшнихъ съ варварами и войнъ междуусобныхъ. Въ послѣднихъ римскія (въ концѣ періода только по названію) арміи дѣйствовали и сражались противъ такихъ же римскихъ, одинаково вооруженныхъ и устроенныхъ и предводимыхъ римскими же (подъ конецъ также только по названію) полководцами. Поэтому междуусобныя войны, говоря вообще, и представляютъ болѣе занимательности и поучительности, нежели внѣшнія съ варварами. Но такія войны и походы, какъ Тиберія, Друза и Германика въ Германіи, Юліяна въ Персіи и другихъ лучшихъ полководцевъ въ Британніи, Галліи, дунайскихъ и восточныхъ провинціяхъ, составляютъ исключеніе изъ этого и заслуживаютъ особеннаго вниманіе. Къ сожалѣнію, должно сказать, что римскіе и греческіе историки этого періода даютъ намъ очень мало чисто-военныхъ свѣдѣній о подробностяхъ войнъ, походовъ, сраженій, осадъ и пр. т. п. этого времени. Многія изъ ихъ сочиненій не дошли до насъ, другія—только въ отрывкахъ или въ неискусныхъ сокращеніяхъ или извлеченіяхъ, и притомъ авторы ихъ были большею частію люди невоенные. Только Діонъ Кассій, Арріянъ и Амміянъ Марцеллинъ, бывшіе сами полководцами, составляютъ исключеніе изъ этого, а сочиненія ихъ служатъ лучшими военными источниками для изслѣдованія и изученія войнъ и походовъ этого времени. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія по этому предмету приведены въ началѣ настоящей части, въ указаніи источниковъ и историческихъ пособій.

III.

Главные и замѣчательнѣйшіе военные дѣятели этого періода.

§ 435.

Августъ.

Кaiй Юлiй Цезарь Октавiянъ, первый императоръ римскiй, получившiй отъ войска прозванiе Августа (Augustus, достойный уваженiя), а отъ сената и народа—отца отечества (Pater patriae), родился въ 63 г. до Р. Х., принадлежалъ къ знатному и многочисленному роду въ Велитрахъ (Velitrae, нын. Velletri) и былъ по матери своей внучатнымъ племянникомъ Юлiя Цезаря и родственникомъ Помпея. На 19-мъ году отъ роду, занимаясь изученiемъ краснорѣчiя у Аполлодора въ Аполлонiи Эпирской, онъ узналъ о смерти *Юлiя Цезаря* (съ которымъ совершилъ первый походъ свой въ послѣднемъ походѣ его въ Испанiи, въ 46 — 45 г.г.), который назначилъ его своимъ наслѣдникомъ. Онъ немедленно отправился въ Италiю, щедростью своею прiобрѣлъ помощь приверженцовъ своего дѣла и успѣлъ склонить на свою сторону Цицерона, который и защищалъ его въ сенатѣ отъ нападокъ Антонiя. Затѣмъ онъ принялъ на себя управленiе государственными дѣлами и велъ 5 междуусобныхъ войнъ, которыя кончилъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ для себя. Первую велъ онъ, лично предводительствуя армiей, противъ Антонiя, разбилъ его (въ 43 г.), одинъ воспользовался плодами того и сталъ предписывать законы сенату. Потомъ онъ заключилъ трiумвиратъ съ Антонiемъ и Лепидомъ, причемъ Цицеронъ и многiе именитые римляне были принесены въ жертву примиренiю трiумвировъ. Вмѣстѣ съ Антонiемъ возсталъ онъ войною противъ убiйцъ Юлiя Цезаря, Брута и Кассiя, и разбилъ ихъ при Филиппахъ (Philippi) въ 42 г., гдѣ оба они лишились жизни. Послѣ того онъ воевалъ съ Луцiемъ Антонiемъ, братомъ трiумвира (въ 40 г.), съ Секстомъ Помпеемъ, сыномъ Помпея В. (въ 36 г.) и наконецъ съ самимъ трiумвиромъ Антонiемъ, котораго разбилъ при Акцiѣ (Actium) въ 30 г., и съ этого времени сталъ неограниченнымъ монархомъ римскаго государства, съ званiемъ императора и Августа. Сверхъ упомянутыхъ междуусобныхъ войнъ, онъ въ 44 г. своего правленiя велъ удачныя войны въ Африкѣ, особенно въ Испанiи, Галлiи и Италiи, завоевалъ

Аквитанію, Паннонію, Иллирію, Далмацію и удерживалъ въ повиновеніи даковъ, нумидянъ и эѳіоплянъ. Парѳяне заключили съ нимъ мирный договоръ, которымъ уступили ему Арменію и возвратили римскіе орлы, отняты у Красса и Антонія. Онъ воздвигъ у подошвы Альповъ памятники своимъ побѣдамъ надъ горными народами (великолѣпные остатки ихъ донынѣ видны въ Сузѣ и Аостѣ). Возстановивъ всюду, и на сухомъ пути, и на морѣ, миръ, въ 10 году до Р. Х. онъ закрылъ храмъ Януса — въ 3-й разъ по основаніи Рима. Но миръ этотъ былъ нарушенъ въ 9 г. по Р. Х. пораженіемъ Вара и 3-хъ легіоновъ его въ Тевтобургскомъ лѣсу, въ Германіи, германцами подъ предводительствомъ Германна или Арминія. Вѣсть объ этомъ такъ огорчила его, что онъ часто восклицалъ: «Варъ! отдай мнѣ мои легіоны!» Но посланный имъ Тиберій удержалъ германцовъ въ ихъ предѣлахъ. Пять лѣтъ спустя, въ 14 г. по Р. Х. Августъ умеръ въ родительскомъ загородномъ домѣ въ Нолѣ, въ Кампаніи, на 51-мъ году отъ роду. Онъ былъ невысокаго роста, но пріятной наружности, имѣлъ пламенные глаза, прекрасныя черты лица и внушительную, царскую осанку. Хотя онъ не имѣлъ особенныхъ военныхъ дарованій полководца, но счастливо и удачно велъ войны и тѣмъ искуснѣе управлялъ государственными дѣлами, говорилъ краснорѣчиво и умѣлъ скрывать свои страсти и намѣренія, разгадывать мысли другихъ и предвидѣть, что̀ могло случиться. 44-лѣтнее царствованіе его представляетъ непрерывный рядъ неусыпныхъ попеченій его о сохраненіи мира и тишины, какъ въ Римѣ, такъ и въ провинціяхъ, даже самыхъ отдаленныхъ, объ исправленіи нравовъ, украшеніи Рима и другихъ городовъ и объ успѣхахъ наукъ и словесности, искуствъ и художествъ, почему царствованіе его и названо золотымъ вѣкомъ ихъ.

§ 486.

Германнъ или Арминій и Цивилисъ.

Вслѣдъ за свѣдѣніями объ Августѣ умѣстно привесть такія же о Германнѣ или Арминіи, нанесшемъ пораженіе Вару, а кстати при этомъ и о Цивилисѣ, хотя онъ жилъ и дѣйствовалъ позже Германна, но былъ такимъ же героемъ, какъ онъ.

Побѣды Друза покорили власти римлянъ всѣ земли въ нижней Германіи между Рейномъ, Эльбой и Салой, и римляне принимали всѣ мѣры для утвержденія своего въ нихъ. Сикамбровъ они переселили на берега Рейна и даже во внутренность Галліи, а вѣрность другихъ

племенъ обезпечивали заложниками и дѣтей главныхъ германскихъ вождей отправляли въ Римъ для воспитанія. Германцы, хотя были воинственны и храбры и болѣе всего любили свободу, но не могли дружно и сильно противуборствовать римлянамъ, потому что были разрознены, враждовали между собою и не умѣли искусно вести войну противъ римлянъ. Въ это время въ странѣ херусковъ, между Гарцомъ и Эльбой, жилъ молодой сынъ Сигимера (Сигмара или Зигмара), главнаго вождя херусковъ, по имени Германнъ, а у Тацита и другихъ римскихъ писателей называемый Арминіемъ. Онъ родился за 18 лѣтъ до Р. Х., получилъ воспитаніе въ Римѣ и служилъ въ римскомъ войскѣ. Живой и возвышенный духъ его нашелъ тамъ много пищи для себя: Арминій научился римскому языку, римскому военному искуству, но и римской хитрости и пріобрѣлъ себѣ въ Римѣ такую любовь, что Августъ даровалъ ему римское гражданство и пожаловалъ его въ римскіе всадники. По смерти отца своего, Германнъ, съ дозволенія римлянъ, воротился на родину, и они думали, можетъ быть, что онъ, изъ благодарности за оказанныя ему милости, будетъ преданъ имъ и внушитъ такія же чувства и своимъ соотечественникамъ. Но Германнъ и сердцемъ, и душою остался вѣрнымъ сыномъ Германіи. Воротясь на родину, онъ увидалъ быстрые успѣхи римлянъ въ Германіи и близкое порабощеніе ея ими. Кромѣ того, что они набирали германскую молодежъ въ римское войско, они высылали въ Германію толпы своихъ чиновниковъ и адвокатовъ, которые рѣшали споры германцовъ по римскому праву и всячески угнетали послѣднихъ. Но еще болѣе угнеталъ ихъ римскій проконсулъ Квинтилій Варъ, и они ненавидѣли его еще болѣе прочихъ римлянъ. Сердце Германна исполнилось гнѣвомъ при видѣ униженія своего отечества и ревностію къ освобожденію его отъ власти римлянъ. Но это было очень трудно, потому что римляне имѣли въ Германіи большія военныя силы и много укрѣпленныхъ пунктовъ, германцы же были разъединены и трудно было соединить ихъ, еще труднѣе — удержать въ согласіи. Въ открытомъ полѣ германцы не могли устоять противъ римлянъ и могли надѣяться на успѣхъ въ этомъ только въ своихъ лѣсахъ и болотахъ, хорошо имъ извѣстныхъ. На этомъ именно Германнъ и основалъ задуманный имъ планъ.

Братъ его Флавій сдѣлался совершеннымъ римляниномъ, и Варъ, часто приглашавшій его къ своему столу, надѣялся, что и Германнъ также раздѣлялъ его чувства. Германнъ оставлялъ его при такихъ мысляхъ, пока еще не созрѣлъ планъ его. Наконецъ, онъ тайно созвалъ лучшихъ людей своего племени въ глубинѣ лѣсовъ—и всѣ признали, что только тогда избавятся отъ римлянъ, когда совершенно

истребятъ ихъ въ Германіи. Съ этою цѣлію Германнъ пригласилъ къ соучастію бруктовъ, марсовъ и еще нѣкоторыя другія племена и заключилъ съ ними союзъ на жизнь или смерть. Но до времени они положили наружною покорностью совершенно усыпить римлянъ.

Между тѣмъ Германнъ полюбилъ дочь херуска Сегеста, Туснельду, и она полюбила его и раздѣляла его чувства и мысли объ освобожденіи отечества. Но Сегестъ, бывшій приверженцомъ римлянъ, съ помощью которыхъ надѣялся получить власть надъ херусками, отказалъ Германну въ рукѣ своей дочери. Тогда Германнъ увезъ Туснельду и женился на ней, а Сегестъ изъ мести обвинилъ Германна передъ Варомъ въ измѣнѣ. Но Варъ не повѣрилъ этому и пренебрегъ предостереженіемъ Сегеста.

Лѣтомъ, когда онъ находился въ лагерѣ на Везерѣ, до него дошла вѣсть о возстаніи германцовъ на р. Амизіѣ (Эмсѣ) и объ умерщвленіи ими тамъ всѣхъ римлянъ. Это было преднамѣренное начало исполненія плана Германна и его союзниковъ, въ той увѣренности, что Варъ немедленно двинется туда съ своими войсками, что̀ дѣйствительно и случилось. Наканунѣ выступленія Вара, ввечеру на ужинѣ у него были и Сегестъ, и Германнъ, и первый снова предостерегъ Вара, но онъ снова не повѣрилъ ему, а напротивъ приказалъ Германну собрать всѣ подчиненныя ему, вспомогательныя войска германцовъ и привесть ихъ на помощь римлянамъ. Затѣмъ онъ двинулся съ 3-мя испытанными въ бояхъ легіонами къ горамъ при Везерѣ, гдѣ нынѣ находятся города Герфордъ и Зальцуфельнъ. Германнъ же, собравъ свои войска, повелъ ихъ по извѣстнымъ одному ему кратчайшимъ дорогамъ въ тылъ легіонамъ Вара и неожиданно напалъ на ихъ арріергардъ. Самонадѣянный Варъ сначала счелъ лишь дерзкою выходкой нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ то, что̀ было глубоко и хорошо разсчитаннымъ планомъ Германна: послѣдній хотѣлъ сначала раздѣлить и ослабить силы Вара, а потомъ тѣмъ вѣрнѣе уничтожить ихъ.

Въ гористой и лѣсистой мѣстности, по которой Варъ, по необходимости, шелъ разомкнутымъ строемъ, германцы на каждомъ шагу, въ каждомъ ущельѣ, истребляли воиновъ его поодиночно. Къ ночи Варъ остановилъ легіоны, приказалъ имъ наскоро окопаться и сжечь все, что̀ могло затруднить дальнѣйшій походъ. На другой день легіоны его, не смотря на окружавшіе ихъ отряды германцовъ, вышли на равнину въ боевомъ порядкѣ и двинулись въ страну, гдѣ стоялъ высокій Тевтобургъ, а нынѣ находится городъ Детмольдъ. Но здѣсь изъ-за каждаго куста, съ каждаго дерева, изъ каждаго оврага посыпались на римлянъ тучи стрѣлъ, и въ тоже время разразилась буря съ проливнымъ дождемъ. Римляне вязли въ грязи; громадные дубы,

низвергаемые бурей, давили ихъ въ своемъ паденіи; германцы со всѣхъ сторонъ сильно напирали на римлянъ, а они должны были сражаться съ ними за каждый шагъ земли и только къ ночи могли перевесть духъ. Варъ расположилъ ихъ въ укрѣпленномъ лагерѣ, но и въ немъ они не имѣли покоя отъ военныхъ кликовъ германцовъ. На третье утро римляне увидали, какъ разрѣдѣли ихъ ряды, однако, тѣсно сомкнувшись, двинулись въ походъ и пришли на открытую поляну, называемую Сенной. Тутъ съ ужасомъ увидали они передъ собою всю массу союзниковъ, которые съ громкимъ крикомъ «свобода, свобода!», со всѣхъ сторонъ яростно напали на римлянъ, Германъ впереди всѣхъ, то поощряя своихъ, то сражаясь самъ съ неодолимою силой. Вскорѣ римляне были разрознены, разстроены, разбиты и большею частію истреблены, немногіе взяты въ плѣнъ или успѣли спастись бѣгствомъ; изъ нихъ плѣнные были принесены въ жертву богамъ. Варъ же, съ отчаянія, по обычаю римлянъ, бросился на свой мечъ.

Одержавъ такую рѣшительную побѣду, германцы разрушили римскія крѣпости въ Германіи и на правомъ берегу Рейна, но и не думали о завоеваніяхъ за Рейномъ. Германнъ помышлялъ только объ упроченіи свободы и независимости Германіи, составленіемъ общаго союза всѣхъ ея народовъ. Но этому воспрепятствовали, какъ честолюбіе германскихъ вождей, желавшихъ захватить власть въ свои руки, такъ особенно заклятой врагъ Германна Сегестъ. Разъ онъ даже внезапно напалъ на Германна и заключилъ его въ оковы, но сподвижники Германна освободили его и отмстили Сегесту.

Когда въ Римѣ узнали о несогласіяхъ между германцами, то положили воспользоваться тѣмъ и отмстить за пораженіе Вара. Августъ послалъ на Рейнъ Тиберія съ сильною арміей, но германцы удалились въ свои лѣса. Сынъ Друза Германикъ разбилъ каттовъ и марсовъ, разорилъ земли ихъ и, по призыву Сегеста, освободилъ его отъ осады германцами въ его замкѣ. При этомъ Сегестъ предалъ римлянамъ въ плѣнъ многихъ благородныхъ женщинъ, находившихся въ его замкѣ, и въ томъ числѣ Туснельду. Германнъ, узнавъ объ этомъ, бросался всюду, возбуждая германцовъ къ мести. Германикъ уже проникъ въ Тевтобургскій лѣсъ, похоронилъ въ немъ кости погибшихъ легіоновъ Вара и уже шелъ далѣе, когда подоспѣлъ Германнъ съ своими дружинами и, отразивъ римлянъ, заставилъ ихъ удалиться за Рейнъ.

Послѣ того Германикъ, собравъ армію и флотъ, напалъ на германцовъ съ моря, поднявшись вверхъ по р. Амизію (Эмсъ), и отъ нея двинулся къ среднему Везеру, къ странѣ херусковъ. Отступивъ за Везеръ, Германнъ съ херусками расположился для боя на правомъ

берегу этой рѣки, близъ нынѣшняго Миндена. Германнъ составилъ искусный планъ боя и искусно привелъ его въ исполненіе, но херуски, увлеченные своею пылкостью, слишкомъ рано спустились съ лѣсистыхъ холмовъ въ долину Везера и пришли въ безпорядокъ. Римляне воспользовались тѣмъ, опрокинули ихъ и завладѣли мѣстомъ боя, а Германнъ, совершившій необыкновенные подвиги храбрости и израненый, едва успѣлъ пробиться и спастись. Но когда римляне пошли обратно къ р. Эмсъ, то были атакованы возставшими на пути ихъ германцами, и затѣмъ флотъ ихъ былъ истребленъ бурею на морѣ. Не смотря на то, Германикъ снова напалъ на каттовъ и марсовъ и разорилъ ихъ земли, но вскорѣ былъ отозванъ Тиберіемъ въ Римъ. Туснельду же съ прочими плѣнниками онъ отослалъ въ Римъ, и она уже не видала болѣе Германна. Единственнымъ утѣшеніемъ послѣдняго въ этомъ была ревностная забота его о свободѣ и пользѣ Германіи. Освободивъ ее отъ римлянъ, онъ захотѣлъ освободить ее и отъ вліянія дурнаго примѣра единовластія Марбода, вождя маркоманновъ, образовавшаго сильное государство отъ Альповъ до Эльбы правившаго имъ съ неограниченною властью и, для утвержденія своей власти, подружившагося съ Тиберіемъ. Но два храбрѣйшихъ племени свевовъ, семноны и лангобарды, не могли снести такого союза и присоединились къ херускамъ. Дядя же Германна, Ингіомаръ, дотолѣ содѣйствовавшій Германну, теперь изъ зависти къ нему перешелъ на сторону Марбода. Послѣдній былъ сильнѣе, но воевалъ за собственную власть, Германнъ же и его союзники, напротивъ, хотя были слабѣе, но сражались за свободу Германіи. Марбодъ долженъ былъ уступить и просилъ помощи римлянъ. Тогда благородный юноша изъ племени готѳовъ, Катвальдъ, вторгнулся въ страну и замокъ Марбода и завладѣлъ его казною, а Марбодъ бѣжалъ къ римлянамъ, которые и назначили ему мѣстопребываніемъ Равенну. Благороднаго же и достойнаго Германна завистливые и неблагодарные соотечественники его обвинили въ посягательствѣ на единовластіе. Долго защищался онъ съ перемѣннымъ успѣхомъ, но наконецъ въ 21 г. по Р. Х., ровно 12 лѣтъ послѣ Тевтобургской битвы, сподвижники его предательски напали на него и убили на 38 году отъ роду. Но слава его, народнаго героя Германіи, воспѣтая въ современныхъ пѣсняхъ и признанная даже Тацитомъ и другими римскими писателями, жива въ исторіи, въ благодарномъ воспоминаніи потомства и въ новѣйшія времена воспѣта Клопштокомъ.

Подобнымъ ему героемъ, полвѣка спустя (въ 70 г.), былъ батавъ Цивилисъ, подобно ему хотѣвшій освободить батавовъ отъ ига

римлянъ. Онъ былъ благороднаго и знатнаго рода и начальствовалъ батавскими когортами въ составѣ римскаго войска, но уже давно возмущался позорными дѣлами развращенныхъ и алчныхъ римлянъ въ Батавіи и скорбѣлъ душою объ униженіи своего отечества. Провѣдавъ о томъ, Неронъ заключилъ его въ темницу, но Гальба освободилъ его. Вителлій снова лишилъ его свободы, но Цивилисъ бѣжалъ и, отростивъ волосы и бороду, поклялся не стричь ихъ до тѣхъ поръ, пока не отмститъ римлянамъ и не освободитъ Батавіи. Онъ разослалъ гонцовъ къ батавамъ, служившимъ въ римскихъ войскахъ въ Майнцѣ, а также къ фризамъ и каннинефатамъ. Оба эти племени напали на римлянъ и разбили ихъ, и по этому знаку противъ нихъ возстали и бельги, и германцы, жившіе на правомъ берегу нижняго Рейна, а батавы, служившіе въ Майнцѣ, поспѣшили на помощь своимъ соотечественникамъ.

Въ то время въ странѣ бруктеровъ, въ лѣсахъ на берегахъ р. Липпы, жила высокоуважаемая германцами прорицательница, дѣвица Веледа. Она прорекла, что боги благословляютъ эту войну и что римляне падутъ въ старомъ лагерѣ (Castra vetera, нынѣ Ксантенъ на Рейнѣ). По слову Веледы, бруктеры и тенхтеры, соединясь съ батавами, бросились на старый лагерь, взяли его и истребили вышедшій изъ него римскій гарнизонъ. Цивилисъ, думая, что обѣтъ его уже исполненъ, остригъ себѣ волосы, обрилъ бороду и лучшую часть добычи отослалъ Веледѣ.

Послѣ того галлы и батавы вступили въ союзъ съ нижнерейнскими германцами. Но опытный и искусный римскій полководецъ Цереалъ (Cerealis), посланный Веспасіяномъ съ отборными войсками въ Галлію, разбилъ при Трирѣ всѣ войска союзниковъ — и галлы отложились отъ германцовъ. Изъ нихъ убіи ночью напали на кавковъ и фризовъ и перебили ихъ; взятыхъ же при этомъ жену и сестру Цивилиса выдали римлянамъ. Не смотря на глубокую скорбь объ этомъ, Цивилисъ не упалъ духомъ, а напротивъ еще упорнѣе продолжалъ сражаться за свободу Батавіи. Онъ собралъ при старомъ лагерѣ войско, устроилъ на Рейнѣ плотину, чтобы затопить римлянъ, и, построивъ свое войско клиномъ, ударилъ на 6 римскихъ легіоновъ. Но одинъ переметчикъ указалъ римлянамъ окольную дорогу, по которой они напали на Цивилиса съ тыла и разбили его. Однако надежда все таки не покинула его: онъ разрушилъ одну плотину, нѣкогда сооруженную Друзомъ, наводнилъ весь край до самой р. Ваала и тогда съ 4-мя дружинами напалъ на римлянъ. Но они и тутъ, храбростью своею и искуствомъ Цереала, одержали побѣду. Союзные германцы обратились въ бѣгство, и напрасно Цивилисъ преградилъ имъ дорогу и убѣждалъ вернуться въ бой: наконецъ лошадь подъ

нимъ была убита и онъ спасся вплавь черезъ Рейнъ. Но вскорѣ онъ снова явился въ Батавіи и вступилъ въ бой съ римлянами на судахъ. Побѣда не осталась ни за кѣмъ и Цивилисъ переправился за Ваалъ, чтобы снова напасть оттуда на римлянъ. Но Цереалъ сознавалъ наконецъ, что ему не одолѣть батавовъ въ открытомъ полѣ и пока въ главѣ ихъ будетъ Цивилисъ съ своими упорствомъ и настойчивостью. Поэтому онъ возстановилъ противъ Цивилиса и знать, и народъ, и такъ настроилъ ихъ, что поколебалъ ихъ вѣрность. Тогда, покинутый всѣми, Цивилисъ былъ принужденъ согласиться на миръ съ заклятыми врагами своими.

§ 437.

Тиберій.

Тиберій Клавдій Неронъ, потомокъ цензора Аппія Клавдія, сынъ Тиберія Клавдія Нерона, у котораго Августъ отнялъ жену, Ливію Друзиллу, родился въ 42 г. до Р. Х. Одаренный отъ природы умомъ и военными способностями, онъ до смерти Августа пріобрѣлъ славу искуснаго полководца. Побѣдивъ жителей Рэтіи и Винделиціи, обративъ Паннонію въ римскую провинцію и, по смерти брата своего, Друза, покоривъ земли между Рейномъ и Везеромъ, не столько оружіемъ, сколько хитрою политикой, онъ въ 4 году до Р. Х. удалился на о. Родосъ, огорченный возвышеніемъ прямыхъ наслѣдниковъ Августа, Кайя Цезаря и Луція. Шесть лѣтъ спустя, во 2 г. по Р. Х. Августъ вызвалъ его въ Римъ, усыновилъ и послалъ въ Германію. Здѣсь Тиберій побѣдоносно прошелъ отъ Рейна до Эльбы, но не могъ побѣдить Марбода. Усмиривъ возстаніе въ Панноніи и Далмаціи, онъ предпринялъ походъ въ Иллирію, когда смерть Августа призвала его въ Римъ, гдѣ онъ и былъ провозглашенъ императоромъ (въ 14 г. по Р. Х.). Съ этого времени онъ снялъ съ себя личину лицемѣрія и, мстительный, завистливый, недовѣрчивый, подозрительный, жестокій и развратный, 23 года тиранствовалъ въ римской имперіи, пока не былъ умерщвленъ въ 37 г. Но 20 лѣтъ начальствованія его войсками и войнъ и походовъ, совершенныхъ имъ въ Рэтіи, Винделиціи, Панноніи, Далмаціи и особенно въ Германіи, до смерти Августа, обличаютъ въ немъ даровитаго и искуснаго полководца и въ этомъ званіи ставятъ его несравненно выше, нежели какимъ онъ былъ 23 года императоромъ.

Онъ-то первый, по крайнимъ своимъ недовѣрію и подозрительности, усилилъ до числа 10 т. чел. преторіянцовъ, которые съ тѣхъ

поръ стали грозою и ужасомъ имперіи. Они должны были охранять его особу и исполнять кровавые приговоры его и, живя въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ (castra praetoriana) у Вимипальскихъ воротъ Рима, въ роскоши, праздности и распутствѣ, держали цѣлый городъ въ постоянномъ страхѣ. И имъ, и Тиберію вполнѣ соотвѣтствовалъ начальникъ ихъ, Сеянъ, человѣкъ порочный и жестокій, но за это самое и дорогой Тиберію и именемъ его страшно тиранствовавшій въ Римѣ, пока не былъ умерщвленъ по повелѣнію самаго Тиберія, по подозрѣнію въ невѣрности.

§ 438.

Друзъ и Германикъ.

Совершенную противуположность этимъ первымъ, по времени, чудовищамъ Рима представляютъ Друзъ и сынъ его, Германикъ, самыя чистыя, свѣтлыя и отрадныя личности и вмѣстѣ съ тѣмъ отличные полководцы.

Друзъ былъ сынъ Ливіи, жены Августа, отъ перваго брака ея съ Тиберіемъ Клавдіемъ Нерономъ, который, по волѣ Августа, развелся съ нею въ то время, когда она была беременна. Три мѣсяца послѣ брака съ Августомъ она родила Друза, и Августъ усыновилъ его и старшаго брата его, Тиберія. Друзъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ обнаружилъ большія природныя дарованія и особенную склонность къ военному дѣлу. Онъ началъ военное поприще свое военными дѣйствіями въ Рэтіи, вмѣстѣ съ Тиберіемъ, и съ самаго начала оказалъ большія военныя способности и искуство. Но блистательные подвиги и успѣхи его впослѣдствіи въ Германіи прославили его еще болѣе: дѣйствія его между Рейномъ и Эльбой замѣчательны несомнѣннымъ искуствомъ и повели къ покоренію власти Августа народовъ, жившихъ на этомъ пространствѣ Германіи. Но смерть слишкомъ рано прекратила добродѣтельную и славную жизнь его. Въ то время, когда онъ намѣревался проникнуть въ сѣверную Германію, онъ умеръ (въ 9 г. по Р. Х., на 30 году отъ роду) отъ внезапной болѣзни, а по Титу Ливію—отъ паденія съ лошади. Августъ, узнавъ о его болѣзни, тотчасъ послалъ къ нему Тиберія, который засталъ его еще въ живыхъ, но только за нѣсколько часовъ до смерти. Это подало поводъ къ подозрѣнію, будто Друзъ былъ отравленъ Тиберіемъ по волѣ самаго Августа, но бо́льшая часть историковъ оправдываетъ послѣдняго. Войска, глубоко жалѣя о смерти любимаго полководца своего, соорудили ему на берегу Рейна великолѣпный

памятникъ. Тѣло его было перевезено въ Римъ, гдѣ самъ Августъ произнесъ надъ нимъ надгробное слово, и, по сожженіи тѣла его на Марсовомъ полѣ, прахъ его былъ погребенъ въ мавзолеѣ Августа. По опредѣленію сената, въ честь Друза были воздвигнуты тріумфальныя ворота и статуи его на главныхъ площадяхъ Рима. Сверхъ того, въ память его подвиговъ было выбито множество медалей и прозваніе Германика обращено въ наслѣдственное въ его родѣ. Друзъ былъ женатъ на Антоніи, дочери тріумвира Антонія и сестры Августа Октавіи, и имѣлъ отъ нея дочь Ливиллу и двухъ сыновей: Друза Германика, отца Калигулы, и Клавдія I, преемника послѣдняго.

Друзъ Германикъ былъ столько же добродѣтельный человѣкъ и даровитый, искусный полководецъ, сколько и отецъ его. При Августѣ онъ исправлялъ должность квестора и получилъ званіе консула, даже не имѣя законныхъ лѣтъ для того. Передъ смертію Августа, онъ начальствовалъ войсками въ Германіи и снискалъ такую любовь ихъ, что, по смерти Августа, они убѣждали его принять званіе императора, но онъ не согласился на то. Дядя его Тиберій, ставъ императоромъ, усыновилъ его. Перейдя черезъ Рейнъ, Германикъ разбилъ марсовъ и каттовъ, разорилъ земли ихъ, сжегъ городъ ихъ Матрій (Matrium, н. Марбургъ), затѣмъ освободилъ Сегеста, осажденнаго германцами, отразилъ войска Германна и воротился къ р. Эмсъ и къ устьямъ Рейна. Собравъ здѣсь новыя войска и построивъ флотъ, онъ моремъ приплылъ въ устье р. Эмсъ, съ арміей двинулся къ Везеру и близъ нын. Миндена одержалъ въ 16 г. по Р. Х. побѣду надъ Германномъ и херусками. Отсюда онъ воротился къ устью Эмса и моремъ на флотѣ въ устья Рейна, но при этомъ отъ бури потерялъ бо̀льшую часть флота и войска, однако еще разъ разбилъ марсовъ и разорилъ земли ихъ. Но Тиберій, уже начавшій завидовать ему и еще болѣе опасаться его, отозвалъ его и, чтобъ избавиться отъ него, послалъ его въ Азію, прекратить возникшія въ ней смуты и безпорядки. Германикъ исполнилъ это съ искусствомъ и успѣхомъ, но вскорѣ умеръ, отравленный намѣстникомъ Сиріи Пизономъ, по внушенію Тиберія, въ 19 г. по Р. Х., на 35 году отъ роду.

§ 439.

Веспасіянъ и Титъ.

Это были одни изъ лучшихъ императоровъ и полководцевъ римскихъ въ промежуткѣ времени между двумя мрачными періодами отъ Тиберія до Веспасіяна и отъ Коммода до Діоклитіяна.

Титъ Флавій Сабинъ Веспасіянъ родился въ 9 г. по Р. X., въ скромномъ деревенскомъ домикѣ близъ Ріети, и происходилъ отъ стариннаго плебейскаго рода Рима, Флавіевъ-Сабиновъ, другая вѣтвь котораго, Флавіевъ-Фимбріевъ, произвела нѣсколькихъ замѣчательныхъ лицъ во времена республики. Поступивъ въ военную службу, онъ съ отличіемъ прошелъ чрезъ всѣ степени ея и достигъ высшихъ званій. При Калигулѣ онъ начальствовалъ войсками въ Германіи, потомъ въ Британніи и затѣмъ былъ посланъ въ Африку въ званіи проконсула. Но здѣсь онъ навлекъ на себя своею скупостью общее неудовольствіе и во время народнаго бунта лишился всего имущества своего и едва спасъ жизнь свою. Неронъ бралъ его съ собою во время смѣшнаго путешествія своего по Греціи, при чемъ старый воинъ лишился его благосклонности, заснувъ однажды при чтеніи имъ своихъ стиховъ. Однако, когда въ 64 г. іудеи взбунтовались, Неронъ поручилъ Веспасіяну усмирить ихъ. Это порученіе было очень трудно, по причинѣ отчаяннаго сопротивленія іудеевъ, и стоило Веспасіяну и его войскамъ большихъ усилій и многихъ кровопролитныхъ битвъ. Одна осада Іотапата задержала его цѣлыхъ 7 недѣль. По взятіи этого города измѣной, Веспасіянъ помиловалъ, освободилъ и осыпалъ милостями искуснаго и храбраго защитника Іотапата, іудейскаго историка Іосифа, который предсказалъ ему, что онъ скоро будетъ императоромъ; Веспасіянъ даже пріобщилъ его къ своему роду, дозволивъ ему принять фамилію Флавія. Затѣмъ онъ уже готовился осадить единственный, но и важнѣйшій городъ Іудеи, остававшійся еще непокореннымъ—Іерусалимъ, когда въ 69 г. былъ вызванъ въ Римъ, по случаю умерщвленія Нерона и провозглашенія императорами, одного послѣ другаго, Гальбы, Отона и Вителлія. Сирійскіе легіоны провозгласили императоромъ Веспасіяна (въ іюлѣ 69 года), который долго отговаривался, но наконецъ былъ принужденъ согласиться — и передалъ сыну своему Титу начальствованіе арміей и окончаніе войны въ Іудеѣ. Вскорѣ и дунайскіе легіоны также признали Веспасіяна императоромъ. Полководецъ его, Антоній Примъ, разбилъ при Кремонѣ армію Вителлія, и послѣдній былъ убитъ (20 декабря 69 г.) въ Римѣ, во время народнаго бунта противъ него. 60-лѣтній Веспасіянъ, ставъ единственнымъ императоромъ, тотчасъ долженъ былъ усмирить возстаніе батавовъ, подъ предводительствомъ Цивилиса, котораго наконецъ и принудилъ къ миру (въ 70 г.) искусный полководецъ Веспасіяна Цереалисъ. Въ тоже время сынъ Веспасіяна Титъ покорилъ Іерусалимъ и всю Іудею, и въ 71 г. Веспасіянъ затворилъ храмъ Януса въ Римѣ—въ 6-й разъ послѣ Нумы и объявилъ Тита своимъ соправителемъ. Сверхъ того Родосъ, Самосъ, Ликія, Киликія,

Коммагена, Өракія и Ахаія были обращены въ римскія провинціи. Умиротворивъ имперію, Веспасіанъ соорудилъ въ Римѣ великолѣпный храмъ Миру (въ 75 г.) и приложилъ все свое стараніе къ внутреннему устройству и благосостоянію имперіи во всѣхъ отношеніяхъ, и это составило главнѣйшую славу его 10-лѣтняго царствованія. Въ финансовомъ отношеніи бережливость его доходила до скупости, къ которой онъ всегда имѣлъ склонность, даже и въ частной жизни. Однако онъ возстановилъ съ бо̀льшимъ еще блескомъ сгорѣвшій Капитолій, соорудилъ огромный Колизей и многія другія великолѣпныя зданія въ Римѣ, а также возстановилъ, или украсилъ, или укрѣпилъ и другіе города. Онъ покровительствовалъ просвѣщенію, наукамъ, литературѣ, искуствамъ, художествамъ, промышленности, торговлѣ и всѣмъ полезнымъ занятіямъ, но преслѣдовалъ роскошь, мотовство, развратъ и пороки и не терпѣлъ философовъ, особенно стоиковъ и циниковъ, и всѣхъ ихъ выслалъ изъ Рима, а нѣкоторыхъ даже разослалъ въ ссылку по островамъ. Но, не смотря на свою старость, онъ имѣлъ слабость къ женщинамъ и нѣсколькихъ наложницъ. Гнушаясь жестокостью, онъ не только не казнилъ злоумышлявшихъ противъ него, но и старался привязать ихъ къ себѣ благодѣяніями. Не смотря на неизлечимую внутреннюю болѣзнь, онъ до самой смерти своей неутомимо занимался дѣлами, говоря, что «императоръ долженъ встрѣтить смерть стоя». Онъ умеръ въ 79 г., 70 лѣтъ отъ роду, въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ родился, и послѣ Августа былъ первымъ императоромъ, умершимъ естественною смертію и оставившимъ престолъ въ наслѣдство сыну своему. Родъ Флавіевъ-Сабиновъ, котораго онъ былъ такимъ достойнымъ представителемъ, хотя и опозоренный вторымъ сыномъ его, Домиціяномъ, получилъ новый блескъ въ императорахъ Констанціѣ Хлорѣ и сынѣ его Константинѣ В., которые передали его своей династіи. Замѣчательно, что Веспасіанъ, подобно Наполеону I, покровительствуя просвѣщенію, наукамъ, искуствамъ, Квинтиліяну, Плинію старшему и т. п., не терпѣлъ и гналъ идеологовъ. Словомъ—онъ былъ отличный человѣкъ, государь и полководецъ, и въ послѣднемъ отношеніи можетъ и долженъ быть поставленъ въ число лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ между римскими полководцами.

Титъ Іосифъ Флавій Веспасіанъ, старшій сынъ и преемникъ Веспасіана, родился въ 40 г. по Р. Х., былъ воспитанъ при дворѣ Нерона, вмѣстѣ съ несчастнымъ Британникомъ и связанъ съ нимъ тѣсною дружбой. Съ раннихъ лѣтъ обучался онъ краснорѣчію и творческому искуству и отличился въ обоихъ. Въ званіи трибуна, въ войнѣ въ Германіи и потомъ въ Британніи, онъ снискалъ всеобщія любовь и уваженіе своимъ достойнымъ и привлекательнымъ

обращеніемъ, мужествомъ, военными способностями и личною пріятностью. По возвращеніи въ Римъ, онъ занимался судебными дѣлами и многія изъ нихъ велъ весьма искусно. Затѣмъ онъ съ отличіемъ исправлялъ должность квестора и въ званіи легата легіона сопровождалъ своего отца въ войнѣ іудейской. По убіеніи Нерона и провозглашеніи Гальбы, онъ былъ посланъ къ послѣднему отцомъ своимъ, для выраженія его преданности. Но, узнавъ на пути объ убіеніи Гальбы и междуусобіи Отона и Вителлія, онъ воротился къ отцу своему, дабы не впасть въ ихъ руки. По провозглашеніи же Веспасіяна императоромъ, онъ принялъ отъ него начальствованіе арміей въ Іудеѣ, со славой кончилъ войну въ ней замѣчательною осадой Іерусалима и взятіемъ его послѣ кровопролитнѣйшаго боя. Хотя онъ при этомъ старался оказывать столько человѣколюбія, сколько по обстоятельствамъ было возможно, однако трудно оправдать распятіе имъ на крестахъ многихъ плѣнныхъ. По взятіи Іерусалима, онъ отправился на время въ Александрію и, принявъ здѣсь пословъ парѳянскаго царя, воротился въ Римъ, гдѣ торжествовалъ блистательный тріумфъ. Принятый Веспасіяномъ въ соправители, онъ все время жизни послѣдняго былъ съ нимъ въ полномъ согласіи. Если вѣрить Суэтонію, этотъ періодъ жизни его нисколько не былъ особенно славнымъ для него, потому что онъ, Титъ, предавался невоздержности, обращался съ самыми распутными молодыми людьми Рима, былъ жестокъ, подкупенъ въ судебныхъ дѣлахъ, безъ вѣдома отца своего продавалъ важныя должности, произвелъ большой соблазнъ въ Римѣ тѣмъ, что привезъ съ собою изъ Іудеи прекрасную Вереннку, дочь Агриппы I, царя іудейскаго, и вдову Ирода, царя халкійскаго, въ которую страстно влюбился, и пр. т. п. Вообще, по словамъ Суэтонія, въ Римѣ тогда всѣ ожидали, что Титъ будетъ вторымъ Нерономъ. Но это не только не оправдалось, но по смерти Веспасіяна, въ Титѣ произошла совершенная перемѣна. Сердечная доброта и милосердіе сдѣлались главными чертами характера его, почему онъ справедливо названъ былъ любовью и отрадой рода человѣческаго (amor et deliciae humani generis). Правиломъ его было, что «никто не долженъ былъ уходить отъ него недовольнымъ», а однажды, не успѣвъ сдѣлать въ теченіи дня никакого благотворенія, онъ сказалъ друзьямъ, что «потерялъ одинъ день». Но его упрекали въ излишней угодливости царедворцамъ и грубымъ страстямъ римской черни, жаждавшей зрѣлищъ. Онъ произвелъ въ Римѣ общее удовольствіе тѣмъ, что отослалъ Вереннку въ Іудею. При немъ Геркуланъ, Помпея, Стабія и др. города были засыпаны страшнымъ изверженіемъ Везувія, а въ Римѣ былъ большой пожаръ и послѣ него чума. Съ трогательнѣйшею добротою старался Титъ

помочь этимъ общественнымъ бѣдствіямъ и пострадавшимъ отъ нихъ. Къ сожалѣнію, правленіе его было слишкомъ кратковременно: въ 81 г., во время путешествія въ область сабинянъ, онъ занемогъ смертельною горячкой и умеръ въ томъ-же деревенскомъ домикѣ, въ которомъ умеръ и отецъ его, на 41 году жизни, послѣ 1 года и 9 мѣсяцовъ правленія, не оставивъ по себѣ дѣтей и потомства, и былъ искренно оплаканъ римлянами, обыкновенно не воздававшими своимъ императорамъ достойной справедливости и чести. Какъ императора, его нельзя поставить на ряду съ Траяномъ и Антонинами, но во всякомъ случаѣ его можно причислить къ лучшимъ римскимъ императорамъ, а въ военномъ отношеніи—къ отличнѣйшимъ римскимъ полководцамъ.

§ 440.

Траянъ.

Маркъ Ульпій Траянъ, сынъ отличнаго Веспасіанова полководца Траяна, родился въ Испаніи и еще въ молодыхъ лѣтахъ сопровождалъ отца своего въ походѣ противъ пареянъ на Евфратѣ, а потомъ служилъ на Рейнѣ. Вездѣ и всегда отличался онъ мужествомъ и храбростью, старался закалить свое тѣло большими переходами пѣшкомъ, освоился со всѣми нужными военными познаніями и своимъ привлекательнымъ обращеніемъ съ воинами, безъ униженія своего достоинства, снискалъ особенную любовь ихъ. Въ 86 г. онъ былъ назначенъ преторомъ, а въ 91 г. консуломъ. Затѣмъ онъ прожилъ нѣсколько времени въ частной жизни въ Испаніи, откуда былъ вызванъ Домиціяномъ и посланъ въ нижнюю Германію начальникомъ войскъ. По воцареніи же престарѣлаго Нервы, послѣдній не нашелъ никого, достойнѣе Траяна, быть соправителемъ его и потому усыновилъ его и въ 97 году назначилъ Цезаремъ. Въ это время Траяну было 42, а по другимъ 45 лѣтъ отъ роду и, сверхъ всѣхъ личныхъ преимуществъ, дававшихъ ему полное право на высокое званіе его, онъ имѣлъ величественную осанку и красивое, умное лицо. Немедленно по назначеніи его Цезаремъ, онъ ограничилъ права преторіянцовъ, вынудившихъ Нерву выдать имъ для наказанія убійцъ Домиціяна, и казнилъ зачинщиковъ бунта ихъ. Въ 98 г., по смерти Нервы, онъ безъ всякаго сопротивленія заступилъ мѣсто его и съ самаго начала обворожилъ всѣхъ безъ исключенія, какъ въ Римѣ, такъ и въ провинціяхъ, своею добротой, вниманіемъ и милостями. Онъ вполнѣ обезпечилъ продовольствованіе Рима, изгналъ изъ

него на острова доносчиковъ (delatores), расплодившихся при Домиціанѣ, узаконилъ строжайшія наказанія впредь за ложные доносы, ввелъ въ финансы величайшія умѣренность и бережливость, государственныя должности ввѣрилъ заслуженнымъ, знающимъ и честнымъ людямъ, съ сенаторами и прочими знатными и даже частными лицами продолжалъ обращаться по прежнему самымъ дружественнымъ образомъ, почему Плиній и сказалъ про него, что «онъ имѣлъ друзей, потому что самъ былъ другомъ». Въ дворцѣ своемъ онъ былъ вполнѣ доступенъ всѣмъ; къ столу его, всегда умѣренному и простому, собирались люди всѣми уважаемые, умные и образованные. Хотя въ первоначальной военной службѣ своей онъ и не получилъ ученаго образованія, но цѣнилъ науки и ученыхъ, учредилъ библіотеки и покровительствовалъ наукамъ и литературѣ. Всѣ такія доказательства столькихъ добродѣтелей отличнаго государя, единственною цѣлію котораго было счастіе его народа, побудили сенатъ единогласно дать ему прозваніе Optimus (лучшій), и хотя оно ему дано было еще въ началѣ его правленія, онъ никогда не оказалъ себя недостойнымъ его. Въ 4-мъ году его правленія произошла война съ вождемъ или царемъ даковъ Децебаломъ, кончившаяся смертію его и торжествомъ Траяна, получившаго за то второе прозваніе Dacicus (дакскій). Его прирожденная страсть къ войнѣ — единственная, въ которой его можно упрекнуть—была еще болѣе возбуждаема постояннымъ счастіемъ, и остальное время его правленія представляетъ его преимущественно искуснымъ и побѣдоноснымъ полководцемъ, цѣлію котораго было распространить предѣлы римской имперіи. Давнишній споръ между римлянами и парѳянами о замѣщеніи престола Арменіи послужилъ Траяну поводомъ къ войнѣ съ парѳянскимъ царемъ Хозроемъ и къ завоеванію въ 107 г. Арменіи. Затѣмъ Траянъ возстановилъ дружественныя отношенія съ царемъ Эдессы, Авгаремъ, завоевалъ всю Месопотамію, покорилъ всѣ мелкія владѣнія въ сѣверной Арменіи, между Чернымъ и Каспійскимъ морями, и обратилъ Каменистую Аравію въ римскую провинцію. Въ 114 г. онъ соорудилъ въ Римѣ великолѣпный Forum Trajanum и донынѣ существующую колонну—Columna Trajani, на которой были изображены всѣ его побѣды. Въ 115 г., восторженно возбужденный славой Александра В., онъ хотѣлъ не только уподобиться ему, но даже превзойти его успѣхами въ Парѳіи, Персидскомъ заливѣ и Индійскомъ океанѣ. Перейдя черезъ Тигръ, онъ покорилъ области Адіабену и Ассирію, столицы Ктезифонъ и Сузу, былъ первымъ и послѣднимъ римскимъ полководцемъ, явившимся на флотѣ въ Персидскомъ заливѣ и Индійскомъ океанѣ, разорилъ берега Счастливой Аравіи и сожалѣлъ, что не былъ довольно молодъ для того, чтобы провести

свое оружіе даже до самой Индіи. Но, не смотря на блескъ такихъ успѣховъ его, прискорбна мысль, что такой мудрый и человѣколюбивый государь, увлекшись военной славой, обратился въ честолюбиваго завоевателя, жертвовавшаго этой славѣ лучшимъ достояніемъ государства и народа своихъ. Однако смерть вскорѣ положила предѣлъ его славолюбивымъ военнымъ подвигамъ: въ 117 г., когда онъ хотѣлъ снова двинуться съ арміей въ Месопотамію, онъ заболѣлъ и, передавъ армію усыновленному имъ, двоюродному брату своему Адріяну, моремъ отправился въ Италію, но 11 августа 117 г. умеръ въ Киликійскомъ городѣ Селинунтѣ (Траянополѣ), на 64-мъ году жизни и въ 20-й годъ своего правленія, оставивъ по себѣ прекрасную память. Кромѣ страсти къ войнѣ и военной славѣ, его, какъ государя, ни въ чемъ нельзя упрекнуть. Онъ тщательнѣйше заботился о соблюденіи законовъ, былъ справедливъ, снисходителенъ, благодушенъ и благодѣтеленъ, всячески старался увеличивать благосостояніе государства и народа, построилъ новые города, дороги, мосты, гавани (между прочимъ Centumcellä, нынѣ Civita Vecchia), поощрялъ промышленность, торговлю, науки, литературу и искуства, и отечески заботился о воспитаніи юношества вообще и сиротъ въ особенности. Бывшія при немъ гоненія христіанъ были слѣдствіемъ принятаго имъ правила не допускать въ государствѣ никакихъ тайныхъ обществъ (гэтэрій или братствъ). Свидѣтельствомъ тому можетъ служить переписка его съ Пдиніемъ младшимъ, котораго онъ назначилъ консуломъ и потомъ намѣстникомъ Понта и Виѳиніи, и который написалъ превосходное похвальное слово ему. Любовь и уваженіе римлянъ къ нему были такъ велики, что даже 100 и 200 лѣтъ послѣ его смерти сенаторы желали новоизбираемымъ императорамъ «быть счастливѣе Августа и лучше Траяна». Собственно же въ военномъ отношеніи, онъ безспорно былъ отличнымъ военнымъ администраторомъ и предводителемъ войскъ, столь же опытнымъ и искуснымъ, сколько счастливымъ и замѣчательнымъ.

§ 441.

Маркъ Аврелій.

Маркъ Анній Веръ Антонинъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Марка Аврелія, прозванный Философомъ или Мудрымъ, происходилъ отъ древняго и знатнаго римскаго рода, былъ сынъ Аннія Вера и родился 26 апрѣля 121 г. по Р. Х. Усыновленный дядей своимъ, императоромъ Антониномъ Піемъ или Набожнымъ,

онъ, по смерти его въ мартѣ 161 года, 40 лѣтъ отъ роду вступилъ на престолъ и добровольно раздѣлилъ правленіе съ усыновленнымъ имъ сыномъ умершаго Коммода, Луціемъ Коммодомъ Веромъ, котораго назначилъ Цезаремъ и потомъ Августомъ и женилъ на своей дочери Луциллѣ. Воспитанный и образованный племянникомъ Плутарха Секстомъ, риторомъ Иродомъ (Herodes) и знаменитымъ законовѣдомъ Велузіемъ Меціаномъ, онъ сталъ ученымъ человѣкомъ и особенно полюбилъ стоическую философію. Между тѣмъ какъ полководцы его: Стацій Прискъ, Авидій Кассій, Марцій Веръ и Фронтонъ побѣждали парѳянъ, завоевали Арменію, Мидію и Вавилонію и разрушили большой городъ Селевкію на Тигрѣ, самъ онъ обратилъ свое вниманіе на Римъ и Германію. Первый подвергся чумѣ, голоду и наводненіямъ, а германскія и придунайскія (славянскія) племена безпрестанно тревожили сѣверные предѣлы имперіи своими нападеніями. Однако послѣднія были отражены, а бѣдствіямъ Рима Маркъ Аврелій помогъ по возможности, стараясь въ тоже время исправлять и нравы и судопроизводство. По окончаніи войны съ парѳянами, оба императора торжествовали тріумфъ и приняли прозваніе Parthicus (парѳянскій). Но вскорѣ сирійская армія заразилась чумой, которая изъ Сиріи распространилась по всей имперіи и долго свирѣпствовала въ ней съ ужасною силой. Къ этому присоединились большія наводненія, сильныя землетрясенія и всеобщее возстаніе противъ имперіи всѣхъ пограничныхъ съ нею варваровъ, отъ Галліи до Чернаго моря. Въ томъ числѣ всѣхъ сильнѣе и опаснѣе были маркоманны. Оба императора двинулись съ арміей противъ нихъ, и часть ихъ покорилась, но вскорѣ всѣ снова произвели общее нападеніе, и война съ ними, извѣстная подъ названіемъ маркоманнской, продолжалась цѣлыхъ 8 лѣтъ съ перемѣннымъ успѣхомъ. Веръ умеръ въ первомъ (169) году этой войны, и Маркъ Аврелій послѣ того велъ ее уже одинъ. Вскорѣ маркоманны нанесли префекту Виндексу сильное пораженіе и до 20 т. чел. урона и проникли до самой Аквилеи. Въ это время государственная казна въ Римѣ была до того истощена, что Маркъ Аврелій былъ принужденъ продать всѣ драгоцѣнности свои и жены своей, для содержанія войскъ и найма готѳовъ, вандаловъ и другихъ варваровъ. Однако варвары продолжали разорять Паннонію, Иллирію и Грецію до тѣхъ поръ, пока полководецъ Пертинаксъ не изгналъ германцовъ (въ 171 г.) изъ Рэтіи (или Рэціи), а самъ Маркъ Аврелій—маркоманновъ и языговъ (славянъ) за Дунай. По возстановленіи мира съ ними, Маркъ Аврелій обратился противъ квадовъ за Дунай и проникъ до р. Нейтры. Здѣсь, близъ нын. города Грана въ Венгріи, онъ былъ окруженъ квадами и, по недостатку въ водѣ, пришелъ въ крайнее положеніе. Но тутъ вдругъ разразилась

страшная буря, проливной дождь освѣжилъ римскую армію, квады были разбиты и, вмѣстѣ съ маркоманнами, просили и получили миръ и возвратили до 113 т. римскихъ плѣнниковъ. Тогда Маркъ Аврелій тщательно занялся благоустройствомъ государства и вскорѣ отправился на востокъ для усмиренія возстанія намѣстника своего въ Сиріи, Авидія Кассія. Однако еще до прибытія его туда, Авидій Кассій былъ убитъ своими приверженцами, и Маркъ Аврелій съ величайшею кротостью возвратилъ къ повиновенію увлеченныхъ возстаніемъ Авидія Кассія. Но едва онъ воротился въ Римъ, какъ вскорѣ снова былъ принужденъ обратиться противъ маркоманновъ и другихъ варваровъ, вторгнувшихся изъ-за Дуная. Полководцы его Пертинаксъ и Квинтилій дѣйствовали успѣшно въ Иллиріи, а Патернъ (Paternus) разбилъ маркоманновъ (въ 178 г.). При этомъ Маркъ Аврелій всегда находился при дѣйствующей арміи, руководилъ ея дѣйствіями и своими искусными распоряженіями и личною храбростью особенно способствовалъ побѣдамъ надъ варварами. Но, готовясь къ 3-му походу противъ маркоманновъ, 17 марта 180 г. онъ умеръ въ Виндобонѣ (Вѣнѣ) на Дунаѣ отъ чумы, на 59 г. отъ рожденія и 19-мъ своего правленія. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ римскихъ императоровъ и полководцевъ и послѣднимъ изъ числа мудрыхъ и добродѣтельныхъ Антониновъ, золотой вѣкъ Рима при которыхъ прекратился съ смертію Марка Аврелія. Однако ни его прирожденное величіе души, ни его философія не удержали его отъ гоненія христіанъ въ имперіи, которое впрочемъ только увеличило число ихъ и въ народѣ, и въ войскѣ.

§ 442.

Діоклитіянъ.

Маркъ Валерій Діоклеціянъ (по римски) или правильнѣе Діоклитіянъ (по гречески, такъ какъ онъ жилъ и умеръ на востокѣ) родился въ 245 г. Прежнее его имя было Доклесъ или Діоклесъ, заимствованное вѣроятно отъ города Діоклеи въ Далмаціи, родомъ изъ котораго была его мать. Отецъ его былъ писарь (scriba) изъ вольноотпущенниковъ. Благопріятныя предсказанія и всего болѣе собственная склонность побудили его поступить въ военную службу рядовымъ воиномъ. Своими способностями, усердіемъ, храбростью и отличіями онъ дослужился до самыхъ высшихъ военныхъ званій, былъ правителемъ Мизіи, консуломъ и наконецъ начальникомъ гвардіи (regens domesticorum) при императорахъ Карѣ и сы-

нѣ его Нумеріанѣ. По смерти послѣдняго, армія его, возвращавшаяся изъ персидскаго похода, 17 сентября 284 г. у Халкедона, въ Малой Азіи, провозгласила 39-лѣтняго Діоклитіяна императоромъ, и первымъ дѣломъ его было—собственноручно заколоть префекта гвардіи, Аррія Апера, обвиненнаго въ умерщвленіи Нумеріяна. Разсказывали, будто прорицатели предсказали Діоклитіяну, что онъ будетъ императоромъ, если убьетъ апера (aper—кабанъ), и потому Діоклитіянъ убилъ многихъ кабановъ, но когда убилъ Аррія Апера, то сказалъ Максиміяну (взятому имъ въ соправители): «теперь сбылось предсказаніе». Но послѣ Апера, ему осталось еще избавиться отъ старшаго сына Кара и брата Нумеріяна, Карина, который располагалъ всѣми войсками на западѣ. Оба они двинулись одинъ на встрѣчу другому, въ августѣ 285 года сразились при Маргѣ, въ Мизіи, близъ Дуная—и войска Діоклитіяна, ослабленныя болѣзнями и смертностью и утомленныя дальнимъ походомъ изъ Персіи, уступили побѣду Карину. Діоклитіянъ уже предался отчаянію, какъ въ это самое время Каринъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ трибуновъ — и Діоклитіянъ былъ признанъ и его арміей и остался одинъ императоромъ безъ соперниковъ. Низкое происхожденіе его не подаетъ повода полагать, что онъ получилъ воспитаніе и образованіе, нужныя не только для званія императора, но даже и для высшихъ военныхъ должностей. Судя по тому, что онъ достигъ послѣднихъ, нельзя не приписать ему военныхъ дарованій; но нѣкоторые утверждали, будто онъ всѣми успѣхами своими былъ обязанъ жестокому и грубому, но способному и храброму Максиміяну, съ которымъ всегда былъ друженъ. Историки говорятъ, что онъ не имѣлъ предпріимчиваго, геройскаго духа, за то обладалъ качествами, хотя и не столь блистательными, но болѣе полезными въ отношеніи къ государственному управленію: твердостью души, укрѣпленною опытомъ и знаніемъ людей, прямотою и смѣтливостью въ дѣлахъ, благоразумнымъ сочетаніемъ бережливости съ щедростью, снисходительною строгостью, глубокимъ притворствомъ, но подъ личиной откровеннаго и веселаго обхожденія воина, постоянствомъ въ достиженіи цѣли, ловкостью и расторопностью въ изобрѣтеніи средствъ, особенно же большимъ искуствомъ направлять свои и чужія страсти къ пользамъ своего честолюбія, а это послѣднее прикрывать видомъ справедливости и общей пользы. Такими-то качествами можно объяснить первые поступки Діоклитіяна по воцареніи: 1) умѣніе скрыть ненависть къ своимъ врагамъ и приверженцамъ своихъ предшественниковъ, занимавшимъ высшія государственныя должности, единственно по уваженію пользы ихъ для государства, и 2) принятіе имъ въ соправители, съ званіемъ Цезаря, а потомъ и Августа, друга своего, Мак-

симіяна, не только изъ дружбы, но и съ хитрымъ намѣреніемъ. Максиміянъ, будучи низкаго происхожденія, не имѣлъ никакого образованія, ни дарованій полководца, и отличался только тѣмъ, что долго служилъ въ войскѣ на границахъ, но за то обладалъ мужествомъ, твердостью и опытностью, необходимыми для исполненія самыхъ трудныхъ предпріятій, хотя при этомъ былъ нрава жестокаго. Діоклитіянъ старался умѣрять его жестокость, но когда нужно было мстить и поступить жестоко, онъ давалъ волю Максиміяну. Такимъ образомъ, сберегая себѣ любовь народа, ненависть его онъ обращалъ противъ Максиміяна. Поэтому народъ называлъ правленіе Діоклитіяна золотымъ вѣкомъ, а Максиміяново желѣзнымъ. Не смотря на то, оба императора продолжали ненарушимо сохранять между собою прежнюю дружбу. Неизвѣстно, суевѣріе или гордость внушили имъ мысль присвоить себѣ названія, Діоклитіяну — Іовія (Iovius), а Максиміяну — Геркулія (Herculius). Вся эта характеристика обоихъ можетъ дать понятіе, какова была нравственная испорченность римлянъ въ это время.

Что касается до государственныхъ дѣяній Діоклитіяна, то принятіе имъ и Максиміяномъ еще двухъ соправителей съ званіемъ Цезарей, Галерія и Констанція Хлора, и раздѣленіе между ними четырьмя правленія обширной римской имперіи, съ постоянными: согласіемъ ихъ между собою и первенствомъ между ними Діоклитіяна, словомъ — то, что̀ въ исторіи называется новою государственною системою управленія имперіей, имѣло полезныя для нея послѣдствія и послужило основаніемъ дальнѣйшимъ управленію и раздѣленію ея на двѣ главныя половины, съ подраздѣленіемъ каждой еще на двѣ. Между тѣмъ, какъ Максиміянъ, Галерій и Констанцій Хлоръ торжествовали надъ внутренними и внѣшними врагами въ Галліи, Британніи, на Рейнѣ и въ Африкѣ, Діоклитіянъ, имѣвшій мѣстопребываніе не въ Римѣ, котораго не любилъ и былъ въ немъ только одинъ разъ для тріумфа, но въ Медіоланѣ и всего чаще и болѣе въ Никомидіи, не участвовалъ непосредственно ни въ распоряженіяхъ, ни въ дѣйствіяхъ военныхъ. Но когда Египетъ отложился и аравитяне заняли Александрію, онъ личными распоряженіями взялъ съ боя этотъ городъ, наказалъ мятежниковъ и возстановилъ въ Египтѣ спокойствіе. Противъ Персіи же, завладѣвшей Арменіей, онъ послалъ Галерія, и когда послѣдній проигралъ сраженіе и едва спасся бѣгствомъ, Діоклитіянъ, ласково принявъ его, какъ соправителя и Цезаря, заставилъ его однако цѣлую милю идти пѣшкомъ въ императорскомъ облаченіи за своею колесницей, въ главѣ и въ виду всей арміи. Когда же Галерій послѣ того загладилъ свое пораженіе

и нанесъ его персамъ, Діоклитіанъ вмѣстѣ съ нимъ торжествовалъ тріумфъ въ Римѣ.

Такимъ образомъ онъ ознаменовалъ себя военными подвигами только во время продолжительной военной службы своей до воцаренія, отъ воцаренія же до отреченія—только въ Египтѣ взятіемъ Александріи. Покушеніе, послѣ того, сената въ соглашеніи съ преторіянцами произвесть перемѣну въ правленіи онъ разрушилъ не лично, а чрезъ Максиміяна, котораго всегда употреблялъ въ подобныхъ случаяхъ.

Наконецъ въ 305 г.—21-мъ своего правленія, пользуясь любовью своихъ подданныхъ и уваженіемъ, даже почти повиновеніемъ своихъ соправителей, Діоклитіанъ, по слабости здоровья и собственному побужденію, добровольно отрекся отъ престола и удалился въ уединеніе въ Салонѣ. Здѣсь, по выздоровленіи, онъ еще 8 лѣтъ занимался садоводствомъ и говаривалъ друзьямъ своимъ, что «не прежде сталъ жить, какъ по отреченіи отъ престола» — замѣчательная, хотя и странная, черта въ его характерѣ. Въ 313 г. онъ умеръ на 68-мъ году отъ рожденія, оставивъ по себѣ память замѣчательнаго, не столько полководца, сколько государя. Онъ любилъ пышность и украсилъ Римъ, Медіоланъ, Никомидію, Карѳагенъ и многіе другіе города великолѣпными зданіями. Пышность его была полезна для имперіи тѣмъ, что возвысила въ глазахъ народа императорское достоинство. Онъ много сдѣлалъ также и для императорской власти, раздѣленіемъ ея между четырьмя соправителями, чѣмъ отнялъ у войска (только во время своего царствованія) власть назначать императоровъ, а изъ Цезарей образовалъ будущихъ Августовъ. Вообще ему нельзя отказать въ большихъ царственныхъ достоинствахъ: управляя обширнымъ государствомъ, при разнохарактерности своихъ соправителей и при многочисленности внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ имперіи, онъ успѣлъ однако утвердить порядокъ внутри ея и безопасность ея извнѣ. А для этого потребно было много ума, опытности, знанія людей и политическихъ смѣтливости и соображенія. Только одни безпрерывныя гоненія имъ христіянъ, жесточайшія изъ всѣхъ, помрачаютъ славу его. Особенно начавшееся съ 303 г. было такъ жестоко, что христіанская церковь долгое время принимала эрою лѣтосчисленія и называла ее Діоклитіяновою — время съ 29 августа 284 года, дня провозглашенія Діоклитіяна императоромъ (эта эра и до сихъ поръ въ употребленіи у абиссинцовъ и коптовъ).

§ 443.

Константинъ В.

Константинъ (Кайй Флавій Валерій Аврелій Клавдій), сынъ римскаго императора Констанція Хлора и жены его Елены, родился въ 274 г., въ городѣ Наиссѣ, въ Далмаціи. Когда Діоклитіянъ назначилъ Констанція Хлора Цезаремъ, то взялъ 18-лѣтняго сына его, въ видѣ заложника, къ своему двору, но велѣлъ дать ему тщательное воспитаніе. Когда же Констанцій Хлоръ воевалъ въ Галліи и Британніи, Константинъ, въ званіи трибуна, совершилъ съ Діоклитіяномъ первый походъ свой въ Египетъ противъ мятежника Ахилла. Онъ вскорѣ пріобрѣлъ общую любовь своею благородною осанкою, умственными способностями, скромностью и умѣренностью. Но этимъ самымъ онъ навлекъ на себя зависть преемника Діоклитіянова, Галерія, который не разъ старался погубить его, посылая въ опасныя военныя предпріятія противъ сарматовъ и другихъ варварскихъ народовъ. Константинъ всегда и вездѣ былъ побѣдителемъ, но, видя непримиримую непріязнь къ нему Галерія, просилъ и получилъ отъ него позволеніе отправиться къ отцу своему, для участія въ его военныхъ дѣйствіяхъ въ Британніи. Но вскорѣ по прибытіи его туда, отецъ его умеръ въ Эборакѣ (нын. Іоркъ) лѣтомъ 306 г., назначивъ Константина преемникомъ своимъ. Войско и народъ провозгласили Константина императоромъ, но Галерій призналъ его только Цезаремъ. Не смотря на то, Константинъ вступилъ въ управленіе Галліей, Британніей и Испаніей и первыя военныя дѣйствія свои открылъ противъ франковъ, перешедшихъ черезъ Рейнъ и разорявшихъ Галлію. Онъ разбилъ ихъ, плѣнилъ двухъ князей ихъ и предалъ ихъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ, въ острастку франковъ и другихъ германцовъ впредь. Разбитыхъ франковъ онъ преслѣдовалъ до Рейна, разорилъ завоеванныя земли и взялъ множество плѣнныхъ, которые погибли подобно двумъ князьямъ своимъ. Затѣмъ Константинъ обезпечилъ Галлію съ востока рядомъ крѣпостей по лѣвому берегу Рейна, флотомъ и постояннымъ мостомъ въ Колоніи (Кёльнѣ) на этой рѣкѣ.

Вскорѣ послѣ того онъ двинулся въ Италію противъ Максентія и на походѣ туда, въ Галліи, былъ пораженъ видѣніемъ знаменія Креста на небѣ, приказалъ устроить христіанскія хоругви (labarum) и осѣнилъ знамена, шлемы и щиты въ своей арміи крестомъ, чѣмъ возбудилъ необыкновенный восторгъ въ многочисленныхъ христіа-

нахъ, состоявшихъ въ его арміи. Пройдя побѣдоносно чрезъ всю сѣверную Италію отъ Сегузы (нын. Суза) до Вероны и отъ Вероны до Тибра и на правомъ берегу его, у Мильвійскаго моста близъ Рима, 2 октября 312 г. разбивъ Максентія, онъ побѣдителемъ вступилъ въ Римъ, осѣнилъ Капитолій крестомъ, освободилъ и помиловалъ всѣхъ заключенныхъ и изгнанныхъ Максентіемъ, и цѣлымъ рядомъ милостей и мудрыхъ правительственныхъ мѣръ возбудилъ всеобщіе восторгъ, благодарность и преданность. Сенатъ провозгласилъ его первымъ или главнымъ Августомъ, а онъ назначилъ Лицинія Цезаремъ и женилъ его на сестрѣ своей Констанціи, и оба они въ 313 г. даровали христіанамъ свободу ихъ вѣроисповѣданія, подобно тому, какъ и всѣмъ вообще разновѣрцамъ. При этомъ христіанамъ были возвращены всѣ отнятыя у нихъ дотолѣ недвижимыя имѣнія и запрещено не только преслѣдовать ихъ, но и устранять отъ общественныхъ должностей. Это было торжественною побѣдой христіанства надъ язычествомъ, три вѣка жестоко и безпощадно преслѣдовавшимъ его.

Вскорѣ Константинъ и Лициній обратились противъ франковъ и соправителя Голерія, Максимина, вторгнувшихся, первые—въ сѣверныя, а второй — въ южныя провинціи, и отразили ихъ. Но затѣмъ они сами вступили въ междуусобную войну, вслѣдствіе зависти и непріязни Лицинія къ Константину и гоненія имъ христіанъ. Разбитый Константиномъ при Цибалисѣ, близъ устья Дравы въ Дунай, въ Панноніи, 8 октября 314 г., Лициній собралъ новую армію во Ѳракіи, но послѣ новаго, нерѣшительнаго сраженія при Мардіи, примирился, уступивъ пять провинцій (315 г.).

Въ продолженіи 8 лѣтъ послѣ того Константинъ былъ занятъ исключительно благоустройствомъ государства внутри и обезпеченіемъ его извнѣ. Онъ разбилъ готѳовъ и сарматовъ, вторгнувшихся въ Иллирію, въ 320 г. при Кампанѣ, близъ нын. Офена, въ 321 г. при Бононіи и въ 322 г. при Маргасѣ, гдѣ палъ король готѳовъ Розимундъ. Въ 323 г. Лициній снова возсталъ войною противъ Константина, но былъ разбитъ при Адріанополѣ въ іюнѣ 323 г., а флотъ его на морѣ истребленъ бурей. Константинъ преслѣдовалъ Лицинія въ Малой Азіи, въ 324 г. снова разбилъ его при Хрисополѣ, близъ Халкедона, въ 325 г. казнилъ его вмѣстѣ съ сыномъ его, Лициніаномъ, и какъ Галерій и Максиминъ умерли еще прежде того, то и остался единственнымъ императоромъ всей имперіи. Послѣ многолѣтнихъ раздробленій и смутъ снова соединенная подъ сильною и мудрою властію Константина, она наконецъ отдохнула, оправилась и насладилась миромъ. Главными заботами Константина были прочное утвержденіе общественныхъ спокойствія и благоустройства

и распространеніе христіанства. Съ этою цѣлію онъ установилъ многія мудрыя учрежденія и законоположенія, уменьшилъ поземельныя подати, приказалъ произвесть новыя: измѣреніе и оцѣнку земель (кадастръ), установилъ многія мѣры для увеличенія доходовъ фиска или государственной казны, призрѣнія престарѣлыхъ, больныхъ, неимущихъ, вдовъ и сиротъ, народнаго образованія, улучшенія судопроизводства, развитія и поощренія земледѣлія, промышленности и торговли и пр. и пр. Вмѣсто Рима онъ основалъ новую столицу въ Византіи, посвятилъ ее христіанскому Богу и назвалъ Новымъ Римомъ, но ей усвоилось названіе Константинополя. Въ религіозномъ отношеніи онъ вполнѣ обезпечилъ христіанство въ имперіи съ юридической стороны, въ правахъ имущественныхъ и пр., созвалъ 1-й вселенскій соборъ въ Никеѣ, устроившій дѣла Церкви, и лично присутствовалъ на немъ. Всю имперію онъ раздѣлилъ на 4 префектуры: восточную, иллирійскую, италійскую и галльскую, 13 діоцезовъ и 117 провинцій. Въ военномъ отношеніи онъ расположилъ римскіе легіоны внутри государства, вслѣдствіе упадка въ нихъ военнаго устройства и духа, а на границахъ — наемныя войска варваровъ, чѣмъ ослабилъ однако охраненіе границъ и сдѣлалъ этимъ большую, хотя и вынужденную необходимостью, ошибку. Начальствованіе войскомъ онъ ввѣрилъ одному магистру пѣхоты и одному магистру конницы, подчиненными которымъ военачальниками были разнаго рода и названій префекты.

Вообще римская имперія при Константинѣ, съ 325 г. до смерти его въ 337 г., явилась совершенно преобразованною во внутреннемъ своемъ устройствѣ. Хотя мысль Діоклитіана о раздѣленіи верховной власти и не сохранилась, однако это не помѣшало развитію всѣхъ прочихъ элементовъ его системы. Проистекшее изъ нея новое раздѣленіе имперіи и ея провинцій, значительное умноженіе, вслѣдствіе того, гражданскихъ чиновъ и совершенное отдѣленіе гражданской власти отъ военной дали государству совершенно иной видъ. И еслибы только однѣ внѣшнія формы управленія могли доставить государству благоденствіе, то въ этомъ отношеніи римская имперія со временъ Константина могла бы считать себя счастливою. Но, вмѣсто того, чтобы увеличить и укрѣпить силы государства, новая государственная система Константина, съ постоянно возраставшимъ числомъ должностныхъ лицъ, только истощала эти силы и вела къ увеличенію налоговъ, которые сдѣлались наконецъ неоплатными для подданныхъ *).

Такимъ образомъ, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ Константи-

*) Лоренцъ. Руководство къ Всеобщей Исторіи Ч. II Отд. I.

на, государственныя мѣры и преобразованія его не достигли вполнѣ благодѣтельныхъ видовъ и цѣлей его и рядомъ съ многими полезными результатами имѣли и многіе вредные, развившіеся особенно впослѣдствіи.

Вторая половина правленія Константина протекла почти вся въ мирѣ и тишинѣ. Со времени Августа онъ первый праздновалъ тридцатилѣтіе своего правленія (въ 336 г.), въ такое время, когда римская имперія наслаждалась глубочайшимъ миромъ и была столько же грозна для внѣшнихъ враговъ, сколько уважаема въ отдаленныхъ странахъ. Отъ того Константинъ въ 336 г. могъ безъ опасенія рѣшиться на войну съ персами, царь которыхъ Шапуръ или Сапоръ II въ этомъ году потребовалъ возвращенія ему персидскихъ областей, уступленныхъ по договору съ Діоклитіяномъ, и, получивъ отказъ, открылъ войну. Константинъ положилъ весною 337 г. лично отправиться съ арміею на востокъ, но внезапно заболѣлъ и 21 мая 337 г. умеръ въ замкѣ Анхирѣ (Anchirum) близъ Никомидіи, на 63-мъ году отъ рожденія и 31-мъ своего правленія. Передъ смертію своею онъ торжественно принялъ св. крещеніе, а въ оставленномъ имъ духовномъ завѣщаніи, онъ, который соединилъ всю римскую имперію подъ своею единоличною властію, снова раздѣлилъ ее между тремя сыновьями своими, Константиномъ, Констанціемъ и Константомъ, отъ 2-й жены своей Фавсты (Fausta), что нельзя не признать политическою ошибкой, имѣвшей вредныя послѣдствія. Сколько онъ былъ счастливъ во всѣхъ своихъ государственныхъ дѣлахъ, столько же несчастливъ въ своемъ семействѣ. Старшій сынъ его отъ 1-го брака съ Минервиной, Криспъ, былъ жертвой козней мачихи своей, Фавсты, и въ 326 г. казненъ Константиномъ. Впослѣдствіи, когда невиновность его обнаружилась, Константинъ казнилъ Фавсту, къ тремъ сыновьямъ которой, означеннымъ выше, и перешло наслѣдство имперіи, и они всѣ трое, одинъ за другимъ, еще при жизни Константина были назначены Цезарями и приняли участіе въ правленіи. Въ тоже время Константинъ возвысилъ также племянниковъ своихъ, Далмація и Аннибаліяна, назначивъ перваго Цезаремъ, а втораго царемъ Арменіи. Но родственники его по боковой линіи имѣли противъ себя сильную партію при дворѣ и въ войскѣ, ибо отъ раздѣленія имперіи между столь многими наслѣдниками Константина всѣ опасались новыхъ раздоровъ и междуусобій. И потому, еще не было погребено въ Константинополѣ тѣло Константина, перевезенное изъ Никомидіи, какъ войско громко объявило, что править государствомъ могли только сыновья умершаго императора. Братья и племянники послѣдняго ждали прибытія въ Константинополь Констанція, надѣясь получить отъ него защиту

и утвержденіе дарованныхъ имъ правъ. Но Констанцій былъ слишкомъ слабъ для того, чтобы съ честію выйти изъ такого труднаго положенія, и если не приказалъ, то и не воспрепятствовалъ умерщвленію двухъ дядей своихъ, шести двоюродныхъ братьевъ и многихъ другихъ родственниковъ императорскаго дома, за исключеніемъ только малолѣтнихъ сыновей Юлія Констанція, 12-ти-лѣтняго Галла и 6-ти-лѣтняго Юліяна (впослѣдствіи императора). Такового рода кровавая тризна, вовсе не христіанская, а языческая, была совершена по томъ, который даровалъ христіанству въ имперіи свободу и самъ умеръ христіаниномъ, и причтенный церковью къ лику святыхъ, исторіей нареченъ Великимъ.

§ 444.

Юліянъ.

Флавій Клавдій Юліянъ, сынъ Юлія Констанція, двоюроднаго брата Константина В., и Василиссы, 2-й жены его, дочери префекта Юліяна, родился 6 ноября 331 г. въ Константинополѣ. Вскорѣ по смерти Константина В., едва 6 лѣтъ отъ роду, онъ, съ старшимъ, 9-ти-лѣтнимъ братомъ своимъ Галломъ, едва спасся отъ общаго избіенія всѣхъ родственниковъ умершаго императора, съ вѣдома и согласія сына его, Констанція. Галлъ былъ пощаженъ потому, что былъ при смерти боленъ, а Юліяна епископъ Ареѳузскій скрылъ подъ церковнымъ престоломъ. Позже оба были отданы на воспитаніе епископу Никомидіи Евсевію, который воспиталъ ихъ въ христіанствѣ и даже посвятилъ ихъ въ духовное званіе церковными чтецами, дабы удалить ихъ отъ двора и всякой опасности съ его стороны. Это воспитаніе имѣло совершенно различное вліяніе на каждаго изъ нихъ. Галлъ не измѣнилъ христіанству и заслужилъ тѣмъ похвалы христіанскихъ писателей. Юліянъ же былъ глубоко и живо тронутъ гоненіемъ всего его рода и тѣми стѣсненіемъ и страхомъ, въ которомъ его воспитали. Когда Констанцій назначилъ Галла Цезаремъ и намѣстникомъ Сиріи, послѣдній изъ мести составилъ заговоръ и за то въ 354 г. былъ умерщвленъ по приказанію Констанція. Та же участь угрожала и Юліяну, и только по заступничеству императрицы Евсевіи жизнь его была спасена и, послѣ 7-ми-мѣсячнаго пребыванія его при дворѣ въ Медіоланѣ, ему дозволено было удалиться въ Аѳины для своего образованія. Здѣсь пробылъ онъ 6 лѣтъ (348 — 354 г.г., отъ 17 до 23 лѣтъ отъ роду), обучаясь изящнымъ наукамъ и философіи у лучшихъ учителей того времени, особенно у

софиста Либанія (Libanios). Это время онъ считалъ счастливѣйшимъ въ своей жизни, и если что возмущало его счастіе, такъ это было только ненавистное для него принужденіе — скрывать свое отвращеніе отъ христіанства и расположеніе къ язычеству. Но, какъ справедливо замѣчаютъ нѣкоторые, онъ, не смотря на свои необыкновенныя способности, не имѣлъ, кажется, довольно силы разсудка для того, чтобы возвыситься надъ грубыми заблужденіями языческихъ ученій. По крайней мѣрѣ извѣстно, что онъ вѣрилъ въ астрологію—науку предвѣщаній, въ искуство располагать въ свою пользу какихъ-то посредствующихъ духовъ и черезъ нихъ узнавать будущее, и въ другія, тому подобныя, языческія нелѣпости. Въ числѣ сверстниковъ его по ученію въ Аѳинахъ были, между прочимъ, столь знаменитые впослѣдствіи святители и учители Церкви, Василій В. и Григорій Богословъ, а какъ различны были пути, которыми шли и цѣли, къ которымъ пришли эти послѣдніе и Юліянъ! По прошествіи 6 лѣтъ, въ 355 г. Констанцій вызвалъ его въ Медіолань, ибо чувствовалъ, что одному ему править было не по силамъ, тѣмъ болѣе, что персы угрожали съ востока, а германцы на Дунаѣ и Рейнѣ; жена же его, Евсевія, убѣдила его женить Юліяна на сестрѣ своей Еленѣ и назначить его Цезаремъ и правителемъ западныхъ провинцій: Галліи, Британніи и Испаніи. Онъ былъ облеченъ въ эти званія въ торжественномъ собраніи въ Медіоланѣ, въ присутствіи войскъ. Послѣднія приняли молодаго, еще нѣсколько робкаго и застѣнчиваго Цезаря съ явнымъ сочувствіемъ, и когда Констанцій кончилъ длинную и витіеватую рѣчь свою при этомъ случаѣ, воины дружнымъ удареніемъ мечей о щиты выразили свое удовольствіе и одобреніе назначенію Юліяна Цезаремъ.

Внезапно призванный такимъ образомъ изъ уединенія на поприще государственной дѣятельности и отъ ученія къ оружію, Юліянъ въ 9 слѣдующихъ лѣтъ (355—363 г.г.) сталъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ въ исторіи римскихъ императоровъ. Если смотрѣть на него безъ пристрастія и предразсудковъ, то онъ представляется человѣкомъ съ необыкновенными способностями, пылкимъ воображеніемъ и сильными страстями, который могъ бы совершить великія дѣла, еслибы понялъ свое время и дѣйствовалъ сообразно съ нимъ. Но, къ сожалѣнію, несчастія, испытанныя имъ съ ранней молодости, поставили его на совершенно ложный путь — и онъ, воспитанный въ христіанской истинѣ, совратился съ нея и сдѣлался ревностнымъ язычникомъ. Вслѣдствіе того все существо его принимаетъ какой-то неестественный видъ, и вся жизнь и дѣятельность его носятъ на себѣ отпечатокъ какой-то пустоты, такъ что остается только сожалѣть, что человѣкъ съ такимъ умомъ увлекся до страсти не-

лѣпостями язычества, къ вѣрованію въ которыя долженъ былъ самъ себя принуждать и въ которыя даже лучшіе изъ язычниковъ его времени не вѣрили *). Будучи Цезаремъ, онъ еще скрывалъ свое отступничество отъ христіанства; но, провозглашенный войсками своими Августомъ и ставъ въ непріязненныя отношенія къ Констанцію, въ 360 г. онъ уже гласно объявилъ себя язычникомъ и съ этого времени до самой смерти своей въ 363 г.—даже жестокимъ гонителемъ христіанства. И еслибы даже онъ не умеръ въ 363 г., то несомнѣнно сдѣлался бы жертвой своего безразсуднаго, упорнаго и жалкаго противуборства христіанству, уже съ нечеловѣческою силой охватившему всю вселенную или весь римскій міръ.

Впрочемъ, собственно какъ государственному и военному дѣятелю, ему слѣдуетъ воздать полную и достойную справедливость. Въ томъ и другомъ отношеніи онъ явилъ много мудрости, дарованій, искуства и прекрасныхъ свойствъ и потому снискалъ любовь своихъ подданныхъ, говоря вообще, и войска въ особенности, и оказалъ столько же заслугъ государству въ военномъ отношеніи, сколько и въ политическомъ и гражданскомъ. Вовсе не готовившись, ни ученіемъ, ни военною службой съ низшихъ чиновъ, быть полководцемъ, онъ сразу сталъ въ число лучшихъ и искуснѣйшихъ, самъ себя образовавъ въ самое короткое время военнымъ ученіемъ и практикой въ войнѣ. И самые первые 4 похода его въ Галліи, на Рейнѣ и въ Германіи были лучшими и замѣчательнѣйшими и сразу же доставили ему вполнѣ заслуженную военную славу отличнаго полководца. Послѣдующіе походы его, до персидскаго включительно, также достойны всякаго вниманія и похвалы, персидскій же въ особенности, по искусному плану его и не менѣе искусному исполненію его до перехода черезъ Тигръ. Но послѣ того какая-то роковая судьба поставила Юліяна въ такое безвыходное положеніе, что онъ сжегъ флотъ свой, былъ принужденъ къ трудному и опасному движенію вверхъ по лѣвой сторонѣ Тигра, преслѣдуемый и тѣснимый персами, и самъ палъ въ бою съ ними, хотя какъ онъ, такъ и предводимыя имъ войска, оказали необыкновенные подвиги мужества, твердости, терпѣнія и храбрости. Но, говоря вообще, въ военномъ отношеніи Юліянъ, какъ полководецъ, во всѣхъ отношеніяхъ достоинъ занять одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду отличнѣйшихъ полководцевъ древности.

Сужденія же о немъ, какъ о человѣкѣ и государѣ, какъ въ древнія времена, такъ и въ новѣйшія, были чрезвычайно различны и даже противурѣчивы. Одни превозносили необыкновенныя способности и дарованія его, образованность, великодушіе, умѣренность и

---

*) Лоренца: Руководство къ Всеобщей Исторіи Ч. II Отд. I.

воздержность, осторожность, правосудіе и пр., другіе же изображали его легкомысленнымъ, непостояннымъ, страннымъ, суевѣрнымъ, честолюбивымъ, софистомъ съ ложнымъ сужденіемъ и пр. Можетъ быть это происходило отъ того, что дѣйствительно въ характерѣ его было много противурѣчій и столько хорошихъ и дурныхъ свойствъ, что легко можно и хвалить, и порицать его, не нарушая истины, и что всѣмъ означеннымъ чертамъ характера его служили основаніемъ насмѣшливое, софистическое равнодушіе и притворство. Изъ многихъ его сочиненій до насъ дошли рѣчи, письма и сатиры, обнаруживающія дарованія, умъ, живость и легкость изложенія и нѣкоторую плодовитость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вліяніе испорченнаго вкуса его времени, вмѣсто истиннаго краснорѣчія — риторическую декламацію, вмѣсто мыслей — антитезы или противуположенія и вмѣсто остроумія—игру словъ.

§ 445.

Θеодосій В.

Флавій Θеодосій, потомокъ Траяна, родился въ 345 г. въ Каукѣ, въ сѣверной Испаніи (нын. Галиціи) и былъ сынъ компса или графа Θеодосія, который въ 376 г., въ началѣ правленія Граціяна, былъ казненъ въ Карθагенѣ, по наговорамъ приближенныхъ Граціяна. Сынъ его Θеодосій, 31 года отъ роду, съ молодыхъ лѣтъ бывшій въ военной службѣ и уже значительно образовавшій себя въ военномъ дѣлѣ, отличившійся военными подвигами и достигшій высшихъ чиновъ, вышелъ, послѣ казни отца своего, изъ службы и удалился въ частную жизнь въ своемъ родовомъ имѣніи въ Испаніи (недалеко отъ нын. Вальядолида). Но три года спустя, въ 379 г. Граціянъ вызвалъ его ко двору, назначилъ Августомъ и правителемъ востока, съ тѣмъ, чтобы онъ сначала очистилъ его отъ вторгнувшихся варваровъ. Граціянъ сдѣлалъ это не столько изъ раскаянія за казнь отца Θеодосіева, сколько по тому, что Θеодосій имѣлъ большой вѣсъ въ войскѣ и что опасное положеніе государства, угрожаемаго варварами, требовало даровитаго и искуснаго императора - полководца, какимъ именно могъ быть Θеодосій. Послѣдній вполнѣ оправдалъ выборъ Граціяна: благоразумными и искусными дѣйствіями онъ привелъ готθовъ къ покорности и изъ нихъ вестготθовъ поселилъ во Θракіи, а остготθовъ во Фригіи и Лидіи, съ тѣмъ, чтобы они выставляли 40 т. вспомогательныхъ войскъ. Между тѣмъ въ 380 г. онъ принялъ св. крещеніе и, ставъ ревностнымъ православнымъ христіа-

ниномъ и явнымъ противникомъ аріянской ереси, въ продолженіи правленія своего совершенно уничтожилъ ее въ восточной части имперіи. Вскорѣ и западъ подчинился его вліянію: по умерщвленіи Граціяна въ 383 г. похитителемъ престола на западѣ Максимомъ, Өеодосій явился защитникомъ противъ него несовершеннолѣтняго брата Граціяна, Валентиніяна II, и побѣдилъ Максима. Когда же Валентиніянъ не могъ утвердиться на престолѣ и былъ убитъ магистромъ своимъ, франкомъ Арбогастомъ, Өеодосій возсталъ противъ провозглашеннаго послѣднимъ императора Евгенія и съ арміей, составленной изъ однихъ варваровъ, въ 394 г. между Альпами и Адріатическимъ моремъ побѣдилъ въ сраженіи армію Евгенія и Арбогаста, составленную также изъ однихъ варваровъ. Одною этою побѣдой онъ рѣшилъ войну, точно также, какъ передъ тѣмъ разомъ рѣшилъ ее съ Максимомъ, и затѣмъ, два раза завоевавъ западъ, соединилъ его съ востокомъ, подъ единоличною своею властію (394 г.). При этомъ во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ своихъ, какъ противъ готөовъ, такъ и противъ Максима и Евгенія, онъ обнаружилъ необыкновенныя военныя дарованія первостепеннаго полководца и побѣдами своими, вслѣдствіе того, оказалъ государству великую заслугу. Другими двумя важными заслугами его въ религіозномъ и законодательномъ отношеніяхъ были: уничтоженіе въ государствѣ язычества и возвышеніе христіанской церкви и ея духовенства, и изданіе мудрыхъ законовъ касательно церковнаго управленія и жизни общественной и частной, которые позже при Өеодосіѣ II вошли въ извѣстный Өеодосіевъ сводъ законовъ.

Өеодосій I, справедливо прозванный Великимъ, несомнѣнно имѣлъ гораздо болѣе правъ быть римскимъ императоромъ, нежели его соправители и противники. Сила и пылкость ума его, постоянныя, непрерывныя дѣятельность и бдительность, благоразуміе, соединявшее по обстоятельствамъ и строгость, и кротость, и большею частію счастливый выборъ своихъ совѣтниковъ, пособниковъ и правителей содѣлали изъ него одного изъ достойнѣйшихъ и славнѣйшихъ императоровъ римскихъ въ ряду его предшественниковъ и преемниковъ. Онъ возстановилъ порядокъ внутри государства и уваженіе римскаго имени извнѣ между варварами въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, и также въ частной жизни своей и въ личныхъ оскорбленіяхъ явилъ болѣе самообладанія и великодушія, нежели сколько въ то время привыкли видѣть въ римскихъ императорахъ. За необыкновенную ревность его къ Церкви и православному ученію ея онъ удостоился единогласныхъ и большихъ похвалъ со стороны христіанскихъ писателей, свѣтскихъ и особенно церковныхъ. Нѣкоторые не довѣряютъ имъ и выставляютъ то, что Өеодосій первый далъ духовенству слишкомъ

большую силу и большое вліяніе надъ самимъ собою и, преслѣдуя язычество, былъ сравнительно снисходительнѣе даже къ іудеямъ и т. п. Но все это слишкомъ односторонно и несправедливо. Впрочемъ въ политическомъ отношеніи ему справедливо поставляютъ въ ошибку то, что, возстановивъ единство имперіи, онъ передъ смертію своею снова разрушилъ его и уже навсегда, раздѣливъ имперію на восточную и западную между двумя сыновьями своими, однимъ—18-лѣтнимъ, а другимъ—лишь 11-лѣтнимъ, и притомъ неспособными и дурно воспитанными, подъ опекой хитрыхъ, коварныхъ и честолюбивыхъ варваровъ Стиликона и Руфина. И это послѣдовало менѣе нежели черезъ 4 мѣсяца по низложеніи Евгенія: 17 января 395 г. Ѳеодосій умеръ въ Константинополѣ (отъ болѣзни, зародышъ которой носилъ въ себѣ и которая быстро развилась вслѣдствіе послѣдняго похода его въ 394 г.), 50 лѣтъ отъ роду и въ 15-мъ году своего славнаго правленія.

§ 446.

Стиликонъ, Аэцій и Рицимеръ.

По смерти Ѳеодосія В. главными и замѣчательнѣйшими политическими и военными дѣятелями въ обѣихъ римскихъ имперіяхъ, до паденія западной, уже были не императоры римскіе, большею частію неспособные, недостойные и незначущіе, но главные ихъ министры и полководцы, правившіе именемъ ихъ, либо особенно замѣчательные вожди варварскихъ народовъ. Изъ числа первыхъ, особеннаго упоминовенія заслуживаютъ Стиликонъ, Аэцій, Рицимеръ и Одоакръ а изъ вторыхъ—Аларихъ и Аттила.

Стиликонъ или Стилихонъ, родомъ вандалъ, сынъ полководца императора Валента, дарованіями своими постепенно возвысился до высшаго военнаго званія магистра всѣхъ войскъ (magister utriusque exercitus) и участвовалъ во всѣхъ войнахъ и походахъ Ѳеодосія В. Онъ вкрался въ довѣренность послѣдняго, который сначала женилъ его на своей племянницѣ Серенѣ, а передъ смертію своею назначилъ опекуномъ 11-лѣтняго сына своего Гонорія, западнаго императора. Родство съ царствующимъ домомъ усилило честолюбіе его, и по смерти Ѳеодосія В. онъ рѣшился низложить опекуна Аркадія, галла Руфина, и именами сыновей Ѳеодосія самовластно править обѣими имперіями. Руфинъ, съ своей стороны, имѣлъ туже цѣль, и слѣдствіемъ того была междуусобная война, имѣвшая пагубныя слѣдствія для обѣихъ имперій. Кознями Стиликона Руфинъ погибъ, но

преемникъ его Евтропій, поддержанный римскимъ полководцемъ, готѳомъ Гайной, вооружилъ противъ Стилпкона вождя вестготѳовъ Алариха, изучившаго римское военное искуство въ арміяхъ и войнахъ Ѳеодосія. Аларихъ воспользовался враждебными отношеніями между обѣими имперіями и устремился въ Италію, но послѣ сраженій при Полленціи (въ нын. Піемонтѣ) и Веронѣ (въ 403 г.) удалился изъ Италіи, заключилъ съ Стилпкономъ миръ и былъ возбужденъ имъ къ войнѣ противъ восточной имперіи. Въ слѣдующемъ 404 г. вандалы, свевы и бургунды вторглись въ Галлію, войска въ Британніи возмутились и провозгласили императоромъ похитителя престола Константина, который завладѣлъ всею Галльскою префектурой. Враги Стилпкона при дворѣ Гонорія воспользовались всѣми этими обстоятельствами, чтобы обвинить Стилпкона какъ въ нихъ, такъ и въ тайномъ соглашеніи съ Аларихомъ, съ цѣлію возвесть сына своего на престолъ восточной имперіи. Слабый Гонорій, забывъ заслуги Стилпкона, два раза спасшаго западную имперію, приказалъ казнить его въ Равеннѣ (въ 408 г.) и тѣмъ лишилъ свою имперію твердой опоры и защиты, которыя она имѣла въ даровитомъ и искусномъ, хотя и честолюбивомъ полководцѣ Стилпконѣ. Военныя дѣйствія послѣдняго въ 396 г. въ Пелопоннесѣ противъ Алариха и вестготѳовъ, въ 398 г. въ Африкѣ противъ Гильдона, въ 403 г. въ сѣверной Италіи противъ Алариха и въ 405 г. тамъ же противъ Радагайса и германцовъ, искуствомъ своимъ дѣйствительно обличаютъ въ Стилпконѣ отличнаго полководца и приносятъ ему тѣмъ бо̀льшую славу, что два раза спасли западную имперію отъ большой опасности. Нельзя не сознаться, что онъ обладалъ большою энергіей и необыкновенными дарованіями, какъ въ военныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ, и что заслуги, оказанныя имъ государству, важны и очевидны, между тѣмъ какъ преступленіе, въ которомъ его обвиняли, темно и невѣроятно.

Аэцій, родомъ римлянинъ, родился въ концѣ IV вѣка и былъ сынъ простаго римскаго воина. Въ молодости, находясь заложникомъ у готѳовъ и гунновъ, онъ, хотя и римлянинъ по происхожденію, но по воспитанію сталъ скорѣе варваромъ и успѣлъ пріобрѣсть нѣкоторое вліяніе на готѳовъ и гунновъ. Вступивъ затѣмъ въ римскую военную службу, онъ вскорѣ необыкновенными дарованіями своими и храбростью, пройдя всѣ чины, достигъ высшихъ званій въ западной имперіи. По смерти Гонорія въ 423 г., Кастинъ и Аэцій провозгласили императоромъ Іоанна, на помощь которому Аэцій и повелъ 60 т. войскъ, набранныхъ имъ между готѳами и гуннами. Но онъ прибылъ уже слишкомъ поздно: Равенна была взята Аспаромъ, полководцемъ Ѳеодосія II, а Іоаннъ, захваченный въ ней, казненъ. Не могши

спасти его, Аэцій не хотѣлъ мстить за него: для него было все равно, служить-ли Іоанну или Валентиніяну III, потому что приведенное имъ войско обезпечивало ему важное значеніе въ имперіи. Дѣйствительно Плацидія, мать малолѣтняго Валентиніяна, правившая государствомъ, желая имѣть Аэція скорѣе за себя, нежели противъ себя, приняла его съ войскомъ въ свою службу и назначила магистромъ всѣхъ войскъ и главнымъ министромъ, а Кастинъ утратилъ всякое вліяніе. Но Аэцій наслѣдовалъ отъ него ненависть къ Бонифацію, пользовавшемуся большою милостью у Плацидіи, и, опасаясь имѣть въ немъ опаснаго соперника, положилъ низложить его. Эта личная вражда двухъ человѣкъ, которые своими дарованіями могли бы поддержать падавшее государство, имѣла напротивъ прискорбныя для него послѣдствія. Бонифацій, вслѣдствіе козней Аэція противъ него, отложился въ Африкѣ отъ Плацидіи и призвалъ на помощь Гензериха, короля вандаловъ, изъ Испаніи. А когда послѣдній въ 429 г. прибылъ въ Африку съ 80 т. вандаловъ, алановъ, вестготѳовъ и другихъ варваровъ, которые стали страшно разорять Африку, Бонифацій раскаялся, что призвалъ ихъ, вскорѣ примирился съ Плацидіей и, хотя былъ подкрѣпленъ Аспаромъ съ войскомъ, но былъ разбитъ Гензерихомъ, и въ 431 г. и онъ, и Аспаръ удалились изъ Африки, которою и завладѣлъ совершенно Гензерихъ, основалъ въ ней ново-карѳагенское государство и вскорѣ овладѣлъ также Сардиніей и Корсикой. По возвращеніи же Бонифація въ Равенну, къ двору Плацидіи, и по назначеніи его магистромъ всѣхъ войскъ, вражда между нимъ и Аэціемъ превратилась въ междуусобную войну. Бонифацій отъ Равенны, а Аэцій изъ Галліи, оба съ арміями, двинулись на встрѣчу одинъ другому, и въ происшедшемъ между ними въ 432 г. сраженіи Бонифацій одержалъ побѣду, но, тяжело раненый самимъ Аэціемъ, черезъ 3 мѣсяца умеръ. Аэцій удалился къ своимъ друзьямъ гуннамъ и, предводительствуя набраннымъ изъ нихъ войскомъ, вступилъ въ Италію и принудилъ Плацидію примириться съ нимъ и возвратить ему званіе магистра всѣхъ войскъ.

Если до сихъ поръ онъ употреблялъ свои военныя дарованія и искуство полководца какъ орудія для удовлетворенія своихъ честолюбивыхъ цѣлей, возбужденіемъ междуусобныхъ войнъ во вредъ государству, то послѣ того онъ, напротивъ, вполнѣ загладилъ это, употребивъ ихъ на защиту и спасеніе западной имперіи отъ троекратнаго и страшнаго нашествія гунновъ, подъ предводительствомъ Аттилы, на Галлію и Италію. И въ этомъ случаѣ и политическія, и военныя дѣйствія его заслуживаютъ полной похвалы, и онъ справедливо стяжалъ себѣ чистую славу защитника и спасителя западной имперіи. Собственно въ военномъ отношеніи, особеннаго вниманія за-

служиваютъ дѣйствія его противъ Аттилы въ Галліи при Авреліанѣ, на равнинахъ Каталаунскихъ и до Рейна, а въ Италіи—въ Аппенинахъ. Но, вмѣсто признанія его заслугъ и благодарности ему, неспособный и недостойный Валентиніянъ III въ 454 г. снизошелъ на собственноручное убіеніе его въ собственныхъ своихъ покояхъ, для того чтобы избавиться отъ его вліянія и править самому самостоятельно. Такимъ образомъ палъ доблестный Аэцій, около 30 лѣтъ мудро правившій государственными и военными дѣлами западной имперіи, трижды спасшій ее отъ Аттилы, заслужившій тѣмъ общія (за исключеніемъ Валентиніяна) уваженіе и признательность и прозванный въ исторіи послѣднимъ римляниномъ.

Рицимеръ или Рецимеръ, также Ретимеръ, сынъ одного свевскаго князя въ Испаніи и дочери вестготскаго короля Валліи, смолоду отличался храбростью и дарованіями, особенно возвышался между варварскими вождями вспомогательныхъ римскихъ войскъ и по смерти Аэція былъ назначенъ магистромъ всѣхъ войскъ. Послѣ разграбленія Рима въ 455 г. Гензерихомъ, королемъ вандаловъ, и замѣщенія упраздненнаго престола западной имперіи префектомъ Рима Авитомъ, котораго возвели вестготы и король ихъ Теодорихъ II, Рицимеръ отказалъ ему въ повиновеніи. Авитъ отрекся отъ престола и вскорѣ умеръ, и $5^1/_2$ мѣсяцовъ (съ 16 октября 456 г. до 1 апрѣля 457 г.) верховная власть въ западной имперіи находилась въ рукахъ Рицимера. Еслибы онъ объявилъ себя военнымъ королемъ Италіи, то эта имперія уже тогда перестала бы существовать. Но онъ продлилъ еще существованіе ея, найдя, подобно Стиликону и Аэцію, болѣе выгоднымъ для себя управлять дѣлами ея и имѣть вліяніе на жившихъ въ ней варваровъ — подъ именемъ избраннаго имъ императора, друга своего, Маіоріяна. Восточный императоръ Маркіянъ утвердилъ выборъ его и далъ Рицимеру санъ патриція. Вслѣдъ затѣмъ правительства обѣихъ имперій положили отнять у вандаловъ и возвратить западной имперіи Африку. Маіоріянъ оказалъ столько же энергіи, сколько и искуства, въ приготовленіяхъ къ тому, но Гензерихъ внезапно сжегъ римскій флотъ въ гавани Карѳагена. Это послужило Рицимеру поводомъ избавиться отъ Маіоріяна, который оказался человѣкомъ съ сильнымъ характеромъ и заслужилъ уваженіе войска и потому уже не могъ, какъ того желалъ и надѣялся Рицимеръ, быть въ зависимости отъ него. Обвинивъ его въ неудачѣ предпріятія противъ Африки, будто бы по неспособности, Рицимеръ въ 461 г. заставилъ его отречься отъ престола и подозрѣвается въ умерщвленіи его 5 дней послѣ того. И снова 3 мѣсяца престолъ имперіи никѣмъ не былъ занятъ, и дѣлами правилъ Рицимеръ. А черезъ 3 мѣсяца, въ ноябрѣ 461 г., онъ провозгласилъ импе-

раторомъ нѣкоего, совершенно безвѣстнаго Либія Севера! Ни германскіе военные короли, ни римскіе намѣстники въ Галліи и Далмаціи не признали Севера, и власть его или, лучше сказать, Рицимера простиралась только на Италію и Сицилію. Предоставленныя самимъ себѣ, онѣ подверглись такимъ бѣдствіямъ, что Рицимеръ, по низложеніи или умерщвленіи Севера въ 465 г., предоставилъ восточному императору Льву I назначить западнаго, которымъ Левъ и наименовалъ зятя умершаго Маркіяна, Анѳимія. Послѣдній, прибывъ въ 467 г. въ Римъ съ войскомъ и богатою казною, былъ принятъ съ восторгомъ и, для упроченія добраго согласія съ Рицимеромъ, выдалъ за него дочь свою. Обѣ имперіи возобновили планъ противъ вандаловъ въ Африкѣ и снарядили для того многочисленные войско и флотъ. Но и это предпріятіе не удалось, вслѣдствіе частію ошибокъ, частію тайной измѣны главнаго предводителя Василиска и вторичнаго сожженія римскаго флота Гензерихомъ. Слѣдствіемъ этого было то, что Гензерихъ завладѣлъ Сициліей, и западная имперія ограничилась только предѣлами Италіи. Къ этому присоединилась еще вражда между Анѳиміемъ и Рицимеромъ, которая вскорѣ превратилась въ открытую войну между ними. Рицимеръ избралъ и провозгласилъ императоромъ сенатора Олибрія, женатаго на дочери Валентиніяна III, Плацидіи, и вмѣстѣ съ нимъ немедленно двинулся къ Риму и осадилъ въ немъ Анѳимія. Послѣдній оборонялся 3 мѣсяца, но наконецъ 11 іюля 472 г. Рицимеръ взялъ Римъ приступомъ и отдалъ его своимъ войскамъ на разграбленіе. Это третье разграбленіе его было самое ужасное, потому что къ нему присоединилась еще чума. Анѳимій былъ взятъ въ плѣнъ и убитъ, но и Рицимеръ недолго пережилъ эту послѣднюю жертву своего честолюбія, ибо 20 августа того же года самъ умеръ отъ чумы. Несомнѣнно способный и искусный государственный и военный дѣятель, онъ, подобно Стиликону, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ себялюбивымъ честолюбцомъ, имѣвшимъ только жалкую цѣль править имперіей подъ чужимъ именемъ и, неразборчивый на средства, готовъ былъ на всякія злодѣйства для достиженія своей цѣли.

Эти три человѣка — Стиликонъ, Аэцій и Рицимеръ, а послѣ нихъ Гундобальдъ и Орестъ, были характеристическими типами тѣхъ лицъ, отъ интересовъ и воли которыхъ, въ послѣдніе 81 годъ жалкаго существованія западной римской имперіи, единственно зависѣло—прекратить или продлить еще на время одинъ призракъ политическаго бытія ея. Всѣ они, одинъ какъ другой, нося званіе магистровъ государства и всѣхъ войскъ, возводили и низводили императоровъ, чтобы именемъ ихъ имѣть вліяніе на варваровъ, переполнявшихъ немногія области имперіи и наконецъ только одну Италію.

Всѣ они, болѣе или менѣе, были способные и искусные полководцы, но употребляли способности и искусство свои исключительно или преимущественно для удовлетворенія своего жалкаго честолюбія, явно во вредъ государству. За всѣмъ тѣмъ Стиликона все-таки должно поставить выше Рицимера, Гундобальда и Ореста, а Аэція —выше и Стиликона, и ихъ всѣхъ.

§ 447.

Аларихъ.

Когда, по смерти Ѳеодосія В., Стиликонъ и Руфинъ вступили въ открытую вражду между собою, съ цѣлію низвергнуть одинъ другаго, войска, отъ которыхъ зависѣла безопасность обѣихъ имперій, состояли большею частію изъ германцовъ, готѳовъ и других варваровъ и имѣли главныхъ начальниковъ также изъ варваровъ. Эти военачальники неохотно повиновались правительствамъ имперій и, если они не исполняли ихъ желаній и требованій, то грабили и разоряли ихъ области.

Первый подобный примѣръ подали готѳы, тотчасъ по смерти Ѳеодосія В. принявшіе, подъ предводительствомъ храбраго и хитраго вождя своего, Алариха, грозное положеніе противъ восточной имперіи. Аларихъ происходилъ отъ одного изъ самыхъ благородныхъ готѳскихъ родовъ — Балтовъ, нѣкогда воевалъ противъ Ѳеодосія, позже служилъ ему, а когда онъ умеръ—былъ оскорбленъ тѣмъ, что его не назначили магистромъ всѣхъ войскъ восточной имперіи. Выйдя изъ римской службы, онъ склонилъ находившіяся въ ней вспомогательныя готѳскія войска нарушить договоръ, заключенный съ Ѳеодосіемъ, и присягнуть лично ему, Алариху. Вскорѣ они были значительно усилены отрядами гунновъ, аланъ и сарматовъ, перешедшихъ черезъ Дунай зимою по льду, и безъ сопротивленія разлились по Ѳракіи, Македоніи, Ѳессаліи, чрезъ Ѳермопилы проникли въ самую Грецію и Пелопоннесъ, страшно грабя и разоряя край на пути, и угрожали самой Италіи (396 г.).

Стиликонъ ополчился противъ нихъ, съ арміей на флотѣ изъ Равенны переправился въ Пелопоннесъ, прямо двинулся противъ готѳовъ Алариха, побѣдилъ ихъ въ Аркадіи, окружилъ и стѣснилъ въ горахъ этой области и могъ бы совершенно уничтожить ихъ тутъ, еслибы не потерялъ времени въ пирахъ и весельѣ. Аларихъ же храбро и искусно пробился сквозь обложившія его войска Стиликона въ Эпиръ и тамъ собрался съ новыми силами. Стиликонъ же, изъ нена-

вісти и противудѣйствія ему Руфина, возвратился въ Италію, не довершивъ пораженія Алариха. Руфинъ, именемъ Аркадія, заключилъ съ Аларихомъ мирный договоръ, по которому предоставилъ ему званіе магистра войскъ въ восточной Иллиріи, принадлежавшей восточной имперіи. Аларихъ воспользовался тѣмъ для усиленія и лучшаго вооруженія и устройства своего войска по римски. Тутъ-то готѳы, въ восторгѣ отъ Алариха, въ общемъ собраніи своемъ подняли его на щитахъ и провозгласили своимъ военнымъ королемъ. Такимъ образомъ Аларихъ, король готѳовъ и полководецъ Аркадія, стоя на предѣлахъ двухъ имперій, враждебныхъ одна другой, помогалъ то той, то другой и втайнѣ замышлялъ отважное предпріятіе противъ западной.

Наконецъ, достаточно приготовясь къ тому, Аларихъ въ 402 г. перешелъ черезъ Юлійскія Альпы и вторгнулся въ сѣверную Италію, съ цѣлію занять и въ западной имперіи такое же важное званіе, какое имѣлъ въ восточной. Нашествіе его и движеніе къ самому Медіолану привели Гонорія и всѣхъ жителей Италіи и самаго Рима въ ужасъ. Стиликонъ, собравъ всѣ войска изъ Италіи и приказавъ привесть Римъ въ оборонительное положеніе, самъ поспѣшилъ въ Галлію и, собравъ войска, находившіяся въ ней и въ Британніи и набранныя въ Германіи, поспѣшно двинулся въ сѣверную Италію. Въ 403 г., въ недѣлю Пасхи, онъ принудилъ Алариха къ сраженію при Полленціи (близъ Асти въ Піемонтѣ), и хотя результаты его не были рѣшительными, однако главныя преимущества остались на сторонѣ Стиликона. Аларихъ, потерявъ обозъ и плѣнныхъ, отступилъ къ Веронѣ, гдѣ снова претерпѣлъ пораженіе. Тогда Стиликонъ, удовольствовавшись тѣмъ, что далъ почувствовать превосходство своихъ силъ Алариху, согласился на его требованіе и уступилъ ему въ управленіе западную Иллирію. Такимъ образомъ Аларихъ сталъ правителемъ всей Иллиріи и сталъ усиливаться и готовиться къ новому нашествію на Италію, въ отмщеніе за претерпѣнныя въ ней пораженіе и неудачу.

По умерщвленіи Стиликона въ 408 г., готѳы, аланы и другіе варвары, дотолѣ удерживаемые отъ нападеній на западную имперію уваженіемъ къ военнымъ дарованіямъ его или страхомъ его имени, обратились къ Алариху съ изъявленіемъ готовности послѣдовать за нимъ, если онъ поведетъ ихъ въ Италію для кровной мести за убіеніе Стиликона и родственниковъ его. Аларихъ охотно согласился на это и, получивъ отъ Гонорія отказъ въ назначеніи его на мѣсто Стиликона, въ 408 г. вторично вторгнулся въ Италію. Найдя ее совершенно безъ войскъ, онъ безъ сопротивленія дошелъ до Равенны, но, не теряя времени на осаду ея, двинулся

прямо къ Риму. Послѣдній вовсе не былъ приготовленъ къ оборонѣ, и когда Аларихъ обложилъ его и отрѣзалъ ему подвозы продовольствія, то въ немъ открылся жестокій голодъ. Сенатъ былъ принужденъ золотомъ откупиться отъ осады, и Аларихъ въ концѣ 408 года отступилъ въ Тусцію (Тоскану), гдѣ зимою былъ усиленъ новыми отрядами готѳовъ, гунновъ и другихъ варваровъ, которые привелъ ему Атаульфъ. А между тѣмъ онъ вступилъ въ переговоры съ Гоноріемъ, требуя низложенія главнаго магистра (перваго министра) его, Олимпія, назначенія его, Алариха, магистромъ всѣхъ войскъ и уступки ему Норика, Венеціи и Далмаціи, а потомъ—даже одного Норика. Первое требованіе было исполнено — замѣщеніемъ Олимпія Іовіемъ, но на послѣднія ни Гоноріи, ни Іовій никакъ не соглашались. Тогда Аларихъ въ 409 г. провозгласилъ императоромъ префекта Рима, Аттала, и получилъ отъ него то, въ чемъ отказывалъ Гонорій— званіе магистра войскъ для себя и начальника гвардіи для зятя своего, Атаульфа. Но увидавъ, что Гонорій не сдѣлался уступчивѣе отъ того, Аларихъ въ 410 г. снова подступилъ къ Риму и, хотя нашелъ его приготовленнымъ къ оборонѣ, однако въ ночь на 24 августа ворвался въ него черезъ отворенныя ему Саларіянскія ворота. Три дня продолжалось страшное разграбленіе Рима, а на 4-й день Аларихъ вышелъ изъ него съ громадною добычей и двинулся въ южную Италію, дабы переправиться въ Сицилію и Африку. Не имѣя флота, онъ сталъ переправлять свои войска въ Сицилію на баркахъ, лодкахъ и даже челнокахъ, съ горестью видѣлъ съ берега, какъ они погибали въ морѣ, и вскорѣ занемогъ и умеръ 34 лѣтъ отъ роду въ Козенціи (нынѣ Козенца) на р. Бузентинѣ (нынѣ Бузенто). Готѳы похоронили тѣло его на днѣ рѣки Бузентина и назначили преемникомъ ему Атаульфа, который тотчасъ же сталъ искать примиренія съ Гоноріемъ.

Таковы были военные подвиги молодаго, храбраго, отважнаго и предпріимчиваго короля готѳовъ Алариха, который привелъ въ ужасъ Римъ и всю Италію и могъ бы прекратить существованіе западной имперіи и основать въ Италіи готѳское королевство, еслибы не былъ столь великодушенъ и умѣренъ, что желалъ только владѣть Иллиріей, Норикомъ, Венеціей и Далмаціей и быть главнымъ магистромъ имперіи и всѣхъ войскъ ея. Дѣйствительно, такая умѣренность со стороны его въ тогдашнихъ обстоятельствахъ достойна вниманія и удивленія. И какъ въ этомъ отношеніи, такъ и по своимъ несомнѣннымъ дарованіямъ, въ молодыхъ еще лѣтахъ, Аларихъ былъ замѣчательнымъ дѣятелемъ въ эти послѣднія времена западной римской имперіи.

§ 448.

Аттила.

Въ совершенно иномъ родѣ былъ этотъ грозный для обѣихъ имперій и даже для всей Европы вождь гунновъ, прозванный бичомъ Божіимъ. Онъ родился въ 406 году и былъ сынъ Мунцука или Мундзука, который, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Роасомъ или Ругиласомъ, былъ вождемъ орды гунновъ, поселившейся въ Панноніи. Отсюда они принуждали правительство восточной имперіи платить имъ ежегодную дань, простиравшуюся подъ конецъ до 350 фунтовъ золота. Съ Аэціемъ же они были въ дружественныхъ отношеніяхъ и два раза помогали ему принуждать императрицу Плацидію къ назначенію его магистромъ всѣхъ войскъ. Мунцукъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей, Аттилу и Бледу, которые были воспитаны дядей Роасомъ и по смерти его въ 433 году наслѣдовали ему во власти. Они начали съ того, что стали покорять себѣ сосѣднія орды гунновъ. Нападая на нихъ, они или умерщвляли князей ихъ, не хотѣвшихъ подчиниться имъ, или же принуждали ихъ искать убѣжища въ областяхъ восточной имперіи. Но они преслѣдовали ихъ и тамъ, и по этому случаю вступили въ войну съ Θеодосіемъ II, кончившуюся въ 444 г. миромъ при Маргѣ въ Мизіи, постыднымъ для Θеодосія и гибельнымъ для гуннскихъ князей, искавшихъ защиты у него. Онъ обязался удвоить дань Аттилѣ и Бледѣ (700 фунтовъ золота вмѣсто 350) и выдать бѣглыхъ гуннскихъ князей — и они передъ глазами римлянъ погибли самою мучительною смертью. Въ слѣдующіе затѣмъ годы всѣ прочія орды гуннскія, равно какъ и обитавшія между и въ сосѣдствѣ съ ними германскія и иныя племена были принуждены покориться Аттилѣ и Бледѣ. Такимъ образомъ постепенно, но скоро образовалось обширное гуннское царство, и не доставало только человѣка, который могущественно скрѣпилъ бы его. Такимъ именно явился Аттила. Вожди гуннскихъ ордъ были покорны ему, потому что признавали умственное превосходство его надъ собою. Въ 445 г. онъ велѣлъ умертвить брата своего Бледу и остался одинъ повелителемъ обширнаго гуннскаго царства. Чтобы освятить власть свою религіей, онъ воспользовался также суевѣріемъ гунновъ. Одинъ гуннскій пастухъ примѣтилъ, что одна изъ коровъ его ранила себѣ на пастбищѣ ногу. Онъ пошелъ по оставленному ею кровавому слѣду, увидѣлъ въ травѣ острый конецъ желѣза, скрывавшагося въ землѣ, и, извлекши его оттуда, нашелъ, что то былъ

необыкновенной величины мечъ, и принесъ его къ Аттилѣ. Послѣдній принялъ его, какъ мечъ бога войны, и распустилъ молву, будто мечъ этотъ ниспосланъ ему и гуннамъ небомъ, въ знакъ будущаго господства ихъ надъ всѣми народами земли. Съ этого времени чудесный мечъ сопровождалъ Аттилу во всѣхъ его походахъ и сдѣлался главнымъ предметомъ поклоненія всѣхъ подвластныхъ ему народовъ *). Аттила учредилъ мѣстопребываніе свое въ обширномъ деревянномъ городѣ, названномъ по его имени городомъ Аттилы, на равнинахъ между Дунаемъ, Тейсой и Карпатами. Отсюда онъ не переставалъ тѣснить восточную римскую имперію, обращался съ правительствомъ ея самымъ грубымъ и унизительнымъ образомъ и объявлялъ ему одно требованіе за другимъ. А оно такъ боялось войны съ нимъ, что, пока живъ былъ слабый Ѳеодосій II, старалось отвратить это покорными посольствами, платою значительныхъ суммъ денегъ и богатыми дарами. Но по смерти Ѳеодосія въ 450 г. и наслѣдованіи ему сестры его, Пульхеріи, сенаторъ Маркіянъ, съ которымъ она вступила въ бракъ и возвела его на престолъ, умѣлъ поддержать достоинство имперіи и прекратилъ рабскую покорность ея Аттилѣ. Тогда послѣдній оставилъ ее въ покоѣ и обратилъ вниманіе и оружіе свои противъ западной имперіи. Поводомъ къ тому послужили просьбы о помощи: Гензериха, опасавшагося за свои владѣнія въ Африкѣ, одного князя франковъ противъ другаго, просившаго помощи римлянъ, и наконецъ — сестры Валентиніяна Гоноріи, которая, за связь съ однимъ царедворцемъ заключенная въ монастырь, предложила, чтобъ избавиться отъ того, руку свою Аттилѣ! Послѣдній, окончательно рѣшась ополчиться противъ западной имперіи, потребовалъ руки Гоноріи, съ полъ-имперіей въ приданое за послѣднею. Получивъ отказъ, въ 451 г. онъ двинулся вверхъ по Дунаю со всѣми своими силами, къ которымъ принуждены были присоединиться войска всѣхъ племенъ, жившихъ на пути Аттилы. Вся эта несмѣтная (по сказаніямъ до 700 и даже 800 т. чел.) масса людей переправилась черезъ Рейнъ на всемъ его теченіи отъ Констанцскаго озера до низовьевъ и вторглась въ восточную и сѣверную Галлію. Самъ Аттила переправился черезъ верхній Рейнъ и спустился внизъ по лѣвому берегу его, разорилъ всю сѣверную Галлію и, двинувшись къ югу, осадилъ Авреліянъ (н. Орлеанъ). Но отраженный здѣсь Аэціемъ и Теодорихомъ I вестготскимъ, онъ отступилъ и на поляхъ Каталаунскихъ понесъ отъ Аэція и Теодориха такое пораженіе, что удалился за Рейнъ и къ себѣ на Дунай. Но въ слѣдую-

---

*) Выше (§§ 399 и 400) было сказано, что скиѳы и сарматы также поклонялись богу войны въ видѣ меча, ниспосланнаго имъ съ неба.

щемъ 452 г. онъ снова обратился противъ западной имперіи, только не въ Галлію, а въ сѣверную Италію, которую нашелъ беззащитною и, разграбивъ и разоривъ ее, въ іюлѣ расположился на время на лѣвой сторонѣ р. По, при устьѣ р. Минчіо. Здѣсь, въ мѣстности, лѣтомъ крайне нездоровой и лихорадочной, въ войскѣ его распространились повальныя болѣзни и конскій падежъ. Это обстоятельство, въ соединеніи съ убѣжденіями пословъ, присланныхъ Валентиніаномъ изъ Рима, и особенно высокоуважаемаго всѣми римскаго папы Льва I, склонило Аттилу къ удаленію изъ Италіи. Тогда онъ вторично двинулся въ Галлію *), но встрѣтилъ такой сильный отпоръ со стороны вестготѳовъ подъ предводительствомъ короля ихъ Торисмунда, что принужденъ былъ вторично безъ успѣха воротиться въ свой городъ на Дунаѣ. Здѣсь онъ умножилъ большое число своихъ женъ еще одною — красавицею Ильдиго или Гильдегундою, дочерью германскаго князя Герика, обрученною уже съ другимъ, но которую отецъ противъ воли ея уступилъ Аттилѣ. Бракъ съ нею былъ отпразднованъ съ необыкновенною пышностью, а ночью Ильдиго убила заснувшаго Аттилу. По другимъ же сказаніямъ, Аттила, отъ природы въ высочайшей степени преданный плотскимъ наслажденіямъ, въ эту ночь умеръ отъ кровоизліянія вслѣдствіе такой же неумѣренности. Во всякомъ случаѣ, смерть его была достойна его жизни, и дикое царство его, по счастію, рушилось такъ же скоро, какъ и образовалось.

Не напрасно усвоилось ему прозваніе бичъ Божій: онъ дѣйствительно былъ имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Дикій, грубый и жестокій варваръ во всемъ значеніи этого слова, онъ имѣлъ однако много здраваго смысла, былъ человѣкъ очень тонкій и хитрый, въ совершенствѣ владѣлъ искуствомъ управлять людьми по своей волѣ и, великодушный къ отдѣльнымъ лицамъ, былъ безпощаденъ къ человѣческому роду вообще, который презиралъ и ненавидѣлъ, какъ Неронъ. Вообще онъ имѣлъ звѣрскіе инстинкты гораздо болѣе, нежели человѣческія чувства. И наружность его соотвѣтствовала тому: малый ростомъ, онъ имѣлъ тѣлосложеніе, какъ и волю, желѣзное. Осанка его была гордая и надменная; передъ взглядомъ его небольшихъ, но огненныхъ глазъ трепетали самые смѣлые люди. Война была его стихіей и средствомъ для покоренія ему, по его убѣжденію, всѣхъ народовъ міра. Подданные его — гунны, такіе же дикари, какъ онъ, дышавшіе только разбоемъ и грабежомъ, почти боготворили его. Вельможи его вели неумѣренную, распутную жизнь, но онъ жилъ очень просто, на пирахъ подчивалъ гостей множествомъ яствъ и на-

*) О второмъ вторженіи Аттилы въ Галлію говоритъ только одинъ Іорнандъ.

*

питковъ въ золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ, а самъ ѣлъ и пилъ умѣренно изъ деревянныхъ. Вообще несловоохотливый, въ иныхъ случаяхъ, хотя и рѣдко, онъ говорилъ краснорѣчиво и увлекательно. Въ непомѣрной гордости своей воображая себя чуть не богомъ, онъ въ умѣ своемъ считалъ всю землю своей собственностью и думалъ, что никто на свѣтѣ не осмѣлится поднять на него руку и не устоитъ противъ него. Однако онъ былъ на голову разбитъ въ Галліи Аэціемъ и Теодорихомъ и съ урономъ отраженъ въ ней потомъ Торисмундомъ, а въ Италіи покорился убѣжденіямъ папы Льва и трудному положенію своихъ дикихъ полчищъ, гибнувшихъ отъ повальныхъ болѣзней. Только одно, что̀ ему удалось, было страшное разореніе всѣхъ странъ, черезъ которыя онъ проходилъ съ востока на западъ и югъ, и въ которыхъ не пощадилъ ничего, ни людей, ни городовъ, ни селеній.

§ 449.

Одоакръ.

То, что̀ могли, но не хотѣли сдѣлать ни Стиликонъ, ни Аэцій, ни Рицимеръ, ни Гундобальдъ, ни Орестъ — объявить себя военными королями Италіи и тѣмъ прекратить наконецъ, еще въ началѣ или половинѣ V вѣка, призрачное существованіе западной римской имперіи, суждено было исполнить Одоакру (или по нѣмецки Оттокару). Ни происхожденіе, ни военные подвиги его не составляютъ особенной славы его: вся она заключалась въ томъ, что онъ разомъ, въ одномъ году, въ одинъ или два мѣсяца рѣшилъ судьбу и существованіе западной римской имперіи и основалъ новое, военное королевство Италійское.

Происхожденіе и отечество его въ точности неизвѣстны: существуютъ только преданія, что онъ былъ низкаго, незнатнаго рода, но съ ранней молодости имѣлъ неясныя, высокія стремленія и предчувствія своего будущаго величія. Изъ числа этихъ преданій, одно гласитъ, что разъ нѣсколько германцовъ-христіанъ сговорились идти въ Италію и искать въ ней счастія. Въ числѣ ихъ былъ великорослый, сильный, красивый молодой человѣкъ, съ огненными глазами, именемъ Одоакръ. На пути, тамъ, гдѣ нынѣ Пассау, они зашли къ одному пустыннику — миссіонеру Северину, испросить у него благословенія. Въ низкой хижинѣ его, великанъ Одоакръ принужденъ былъ стоять, нагнувъ голову, и отшельникъ, взглянувъ на него, ска-

залъ: «Ступай съ Богомъ въ Италію: теперь на тебѣ плохая одежда но придетъ время, когда ты будешь повелителемъ многихъ».

Величайшій безпорядокъ царствовалъ въ Италіи, когда въ нее прибылъ Одоакръ. Покоряясь общему стремленію къ переселенію съ сѣвера на югъ, въ Италію, многія мелкія германскія племена перешли черезъ Альпы и спустились въ долину р. По. Изъ всѣхъ этихъ племенъ, самымъ значительнымъ по числу и мужеству были ругіи, пришедшіе съ своей родины на южныхъ берегахъ Балтійскаго моря гдѣ нынѣ Померанія и память о нихъ еще хранится въ названіи острова Рюгена. Полагаютъ, что Одоакръ также принадлежалъ къ этому племени. Вступивъ въ римскую военную службу, онъ своимъ разумомъ и военными подвигами и отличіями возвышался постепенно въ чинахъ и наконецъ достигъ званія магистра войскъ (magister militum). Когда въ октябрѣ 475 г. магистръ всѣхъ войскъ Орестъ принудилъ императора Непота къ бѣгству въ Салону, а на его мѣсто возвелъ малолѣтняго сына своего Ромула, германскія и другія варварскія войска въ Италіи, наскучивъ частыми перемѣнами императоровъ и неопредѣленностью своихъ отношеній къ римскому правительству, потребовали отъ Ореста точнаго и прочнаго опредѣленія этихъ отношеній и третьей части Италіи для своего поселенія и водворенія въ ней. Получивъ отказъ, они обратились съ тѣми же требованіями къ Одоакру—и онъ далъ имъ положительное обѣщаніе исполнить эти требованія. Тогда вокругъ него собрались варвары изъ всѣхъ гарнизоновъ и лагерей Италіи, и онъ въ 476 году повелъ ихъ къ Павіи, гдѣ Орестъ положилъ обороняться. Въ августѣ того же года Одоакръ взялъ Павію, при чемъ Орестъ былъ убитъ. Затѣмъ онъ двинулся къ Равеннѣ, разбилъ при ней Орестова брата Павла и взялъ Равенну и въ ней сына Орестова, императора Ромула Августула. Щадя его молодость, онъ только низложилъ его съ престола и назначилъ ему мѣстопребываніемъ бывшее нѣкогда помѣстье Лукулла въ Кампаніи, съ 6 т. золотыхъ въ годъ на содержаніе. Затѣмъ онъ роздалъ своимъ войскамъ третью часть земель въ Италіи и самъ остался главою ихъ, съ званіемъ короля Италіи, а данное ему восточнымъ императоромъ Зенономъ I званіе патриція доставило ему законную власть и надъ римскимъ населеніемъ Италіи. Непотъ же держался въ Салонѣ до 4 мая 480 г., когда былъ умерщвленъ, и тогда наконецъ прекратилось существованіе и западной римской имперіи, и самаго титула ея императора.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРАЯ.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА ВОЕННУЮ ИСТОРІЮ ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

I. Военное устройство и военныя учрежденія. — § 450. Военныя учрежденія. — § 451. Военное образованіе. — § 452. Вооруженіе. — § 453. Различные роды войскъ.— § 454. Внутреннее устройство войскъ и армій.— Содержаніе.— 1) У первобытныхъ народовъ и евреевъ.—2) У египтянъ.— 3) У карѳагенянъ. — 4) У персовъ. — 5) У грековъ.— 6) У македонянъ.— 7) У римлянъ. — 8) У германскихъ и другихъ народовъ европы. — § 455. Начальствованіе, дисциплина, награды и наказанія, духъ войскъ.

I.

Военное устройство и военныя учрежденія.

§ 450.

Военныя учрежденія.

Въ заключеніе настоящей, послѣдней части всеобщей военной исторіи древнихъ временъ, бросимъ общій взглядъ на нее и сдѣлаемъ изъ нея общіе выводы по тремъ главнымъ предметамъ: I. военному устройству и военнымъ учрежденіямъ, II. военному искусству и III. военной наукѣ. Каждый изъ нихъ отдѣльно и всѣ они въ совокупности представляютъ особенную степень занимательности уже тѣмъ, что были первоначальными въ мірѣ и послужили основаніемъ и первою ступенью къ дальнѣйшему развитію своему въ послѣдующія времена. Получивъ первое начало свое въ этомъ

періодѣ древности, вмѣстѣ съ первою же причиной и источникомъ ихъ—войною, они, въ постепенномъ развитіи своемъ, всегда находились въ естественной и понятной, тѣсной и неразрывной связи съ ходомъ и развитіемъ общественнаго и политическаго устройства человѣческихъ обществъ, ихъ гражданственности, образованности и успѣховъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Всегда идя ровнымъ шагомъ вровень съ ними, они, подобно имъ, то возвышались, то, достигнувъ высшей степени развитія, постепенно склонялись къ упадку и уступали мѣсто возникавшимъ, развивавшимся и въ свою очередь упадавшимъ въ иныя времена, въ иныхъ мѣстахъ, у иныхъ дѣятелей на историческомъ поприщѣ древняго міра. Такъ, въ отношеніи ко времени и мѣсту, исторія развитія ихъ представляетъ вообще три главныхъ періода: 1-й—начала на востокѣ—въ Азіи и Африкѣ, 2-й—дальнѣйшаго, бо́льшаго и лучшаго развитія въ Европѣ—въ Греціи и 3-й—полнѣйшаго и конечнаго въ Европѣ же—въ Римѣ и его обширной, всемірной державѣ. Въ каждомъ изъ нихъ они, какъ человѣкъ отдѣльно, какъ родъ человѣческій въ совокупности, имѣли свои возрасты: младенчества, юности, зрѣлости и наконецъ старческой дряхлости и немощи. Но результаты ихъ передавались преемственно отъ однихъ поколѣній къ другимъ, изъ вѣка въ вѣкъ, въ историческомъ движеніи съ востока на западъ и потомъ обратно съ запада на востокъ и во всѣ страны извѣстнаго въ древности міра, и такимъ образомъ перешли къ послѣдующимъ поколѣніямъ, народамъ и государствамъ, образовавшимся въ Европѣ послѣ паденія западной римской имперіи, и послужили основаніемъ развитію въ нихъ въ новыхъ формахъ жизни.

Но при этомъ нельзя не замѣтить рѣзкаго различія въ ходѣ и развитіи ихъ на востокѣ—въ Азіи и Африкѣ, и на западѣ—въ Европѣ, въ Греціи и Римѣ. Если востоку принадлежитъ начало и младенчество ихъ, то дальнѣйшіе зрѣлость и успѣхи, до высшей, конечной степени, принадлежатъ западу и именно Европѣ, которой уже съ древнихъ временъ какъ бы суждено было стать въ этомъ отношеніи въ главѣ всѣхъ частей свѣта. Въ ней уже искони замѣчается постоянное, непрерывное движеніе впередъ, все далѣе и далѣе, между тѣмъ какъ востокъ, достигнувъ извѣстной степени своего своеобразнаго развитія, искони же какъ будто обреченъ былъ на неподвижность, по крайней мѣрѣ относительно поступательнаго движенія на западѣ въ Европѣ. Свидѣтельствомъ тому могутъ служить, какъ неуспѣхъ мысли и желанія Александра В. сдѣлать востокъ участникомъ греческой цивилизаціи, такъ и невоспріимчивость азіятскаго востока по ту сторону Евфрата и Тигра, т. е. за предѣлами римской республики и потомъ имперіи, къ европейской, греко-римской цивилизаціи, между

тѣмъ какъ варвары сѣверной Европы, напротивъ, легко и скоро воспринимали ее. За исключеніемъ краткаго періода времени по смерти Александра В., востокъ всегда имѣлъ свои своеобразныя гражданственность и образованность, существенно отличныя отъ греко-римскихъ, упорно пребывалъ въ нихъ, относительно, какъ бы неподвижнымъ и такимъ остался и въ послѣдующіе періоды среднихъ, новыхъ и новѣйшихъ временъ.

По упомянутой выше тѣсной связи военнаго быта съ общими гражданственностью и образованностью, все, что̀ сказано было о ходѣ, развитіи и состояніи послѣднихъ, относится также и къ первому и можетъ служить руководствомъ къ надлежащему, правильному и вѣрному воззрѣнію на него во всѣхъ трехъ главныхъ, означенныхъ выше, отношеніяхъ. Изъ числа ихъ, обратимся сначала къ военнымъ учрежденіямъ и военному устройству вообще *).

Въ первобытномъ состояніи народовъ, чѣмъ проще было оно, тѣмъ проще были и ихъ военныя учрежденія, даже дотого, что ихъ, можно сказать, вовсе не существовало. Каждый взрослый мущина, способный сражаться, былъ воиномъ, воевавшимъ за свою жизнь, семью, достояніе, свободу и родину.

Народы пастушескіе или кочевые всегда были готовы къ войнѣ и шли на нее со всѣми своими, способными къ ней силами. Въ примѣръ того можно привесть евреевъ въ странствованіи ихъ изъ Египта въ Обѣтованную землю, а также народовъ сѣверной Европы и Азіи, переселявшихся на западъ и югъ первой изъ нихъ въ III, IV и V вѣкахъ по Р. Х.

Но у народовъ осѣдлыхъ, занимавшихся земледѣліемъ, промышленностью и торговлей, возникла необходимость военныхъ учрежденій, согласныхъ съ общественнымъ бытомъ и устройствомъ ихъ. Какъ бы ни были они различны въ частности и подробностяхъ у каждаго народа, но въ продолженіи всего періода древнихъ временъ имѣли одно общее основаніе—всеобщую военную повинность.

Каждый гражданинъ былъ воиномъ, и это возвышало вооруженную силу народа или государства до крайней возможной степени. Исключенія изъ этого представляютъ только нѣкоторыя неограниченныя монархіи Азіи и Африки, какъ-то Египетъ, равно и Индія, въ которыхъ существовали касты и въ числѣ ихъ одна особенная—воиновъ. Но онѣ поэтому и не могутъ считаться воинственными, хотя и были древнѣйшими. Въ Египтѣ замѣчательны военныя учрежденія Сезос-

---

*) Руководствомъ по этому и слѣдующему отдѣламъ служила преимущественно Handbibliothek für Offiziere: I B. I Abth.: Geschichte des Kriegswesens des Alterthums (von Brandt).

триса, раздѣлившаго государство на 36 номовъ или военныхъ округовъ, которые выставляли 160 т. каласиріянъ и 250 т. гермоѳивянъ, поселенныхъ на отведенныхъ имъ земляхъ и выставлявшихъ ежегодно и поочередно 2 т. чел. царскихъ тѣлохранителей. При этомъ заслуживаетъ вниманіе то, что Сезострисъ, какъ говорятъ, уничтожилъ въ войскахъ тѣлесныя наказанія.

Но и у тѣхъ народовъ, у которыхъ существовала общая военная повинность, въ обыкновенныхъ случаяхъ на войну назначалась только извѣстная, опредѣленная часть военныхъ силъ. Однимъ изъ древнѣйшихъ примѣровъ того служатъ военныя учрежденія евреевъ при царяхъ Саулѣ, Давидѣ и Соломонѣ. При Давидѣ считалось 1.300,000 войноспособныхъ чел. свыше 20 лѣтъ отъ роду, но изъ нихъ только 288 т. чел. были назначены для отбыванія военной службы и раздѣлены на 12 частей, въ 24 т. чел. каждая и на каждый мѣсяцъ года поочередно. Каждая такая часть въ продолженіи своего мѣсяца была обучаема строевой службѣ. Подъ непосредственнымъ начальствомъ царя состояла особенная стража тѣлохранителей его.

Военныя учрежденія Кира I или Старшаго не менѣе замѣчательны, хотя и позднѣе по времени. Завоевательныя войны Кира требовали содержанія постоянныхъ войскъ, которыя и были расположены частію въ полѣ (полевыя), частію въ гарнизонахъ по городамъ (городскія), каждыя подъ начальствомъ своихъ особенныхъ начальниковъ. Военная власть была отдѣлена отъ гражданской. Ежегодно войскамъ производились смотры на опредѣленныхъ сборныхъ пунктахъ въ каждомъ военномъ округѣ. Войска раздѣлялись на десятки, сотни, тысячи и 10-ти-тысячныя части. Кромѣ царскихъ войскъ, были также собственныя войска сатраповъ.

Такимъ образомъ начало постоянныхъ войскъ замѣчается уже съ древнѣйшихъ временъ и состоитъ въ естественной связи съ образованіемъ большихъ монархій. Изъ старѣйшинъ или главъ семействъ, родовъ, поколѣній, которые они вели на войну и имѣли единство власти надъ ними—отношенія, вѣроятно всегда предшествовавшія образованію государствъ—со временемъ произошли военные вожди и гражданскіе правители и позже государи. Для поддержанія своей власти, имъ, безъ сомнѣнія, необходимы были постоянныя военныя силы. На востокѣ, гдѣ издревле образовались и всегда существовали большія государства—неограниченныя монархіи, необходимо должны были вмѣстѣ съ тѣмъ возникнуть и первыя постоянныя арміи (ядромъ которыхъ были стражи царскихъ тѣлохранителей) и составлять существенную часть всѣхъ военныхъ силъ. Такъ 10 т. безсмертныхъ Ксеркса были постояннымъ войскомъ, ядромъ и главною,

лучшею частью военныхъ силъ Персіи. Остальныя же войска были, болѣе или менѣе, областными военными ополченіями.

Подобныя тому явленія замѣчаются и на западѣ — въ Европѣ, только преимущественно въ эпоху переселенія народовъ. Но здѣсь любовь народовъ къ свободѣ и ненависть ихъ къ неограниченной власти и даже къ единовластію повели къ образованію республикъ съ народнымъ правленіемъ. А это оказало существенное вліяніе и на военныя учрежденія, и на военный духъ этихъ народовъ. Въ древнѣйшихъ европейскихъ республикахъ любовь къ свободѣ и независимости и общее участіе въ общественныхъ дѣлахъ содѣлали еще болѣе возможнымъ и нужнымъ приводить въ дѣйствіе всѣ необходимыя для того общественныя силы. И потому общая военная повинность прямо проистекала изъ всего общественнаго строя этихъ республикъ или, лучше сказать, служила главнымъ основаніемъ ему. Изъ числа этихъ республикъ преимущественное вниманіе обращаютъ на себя греческія и римская. Изъ нихъ первыя побѣдили и на время покорили востокъ, а вторая—половину извѣстнаго тогда міра, и военныя учрежденія ихъ, своимъ внутреннимъ устройствомъ и совершенствомъ, превзошли всѣ прежде существовавшія и один за другими сдѣлались господствующими въ тогдашнемъ мірѣ.

У грековъ въ первобытныя времена они находились еще въ совершенномъ младенчествѣ и даже были менѣе благоустроены, нежели современные въ Малой Азіи и Египтѣ. Это ясно усматривается изъ первыхъ греческихъ войнъ въ героическія времена и изъ важнѣйшей въ числѣ ихъ — Троянской. Впослѣдствіи общенародное участіе въ общественныхъ дѣлахъ и всеобщая войноспособность, обусловленныя простотою и строгостью нравовъ, обычаевъ и образа жизни, достигли высокой степени силы и размѣровъ чрезъ политическое развитіе и устройство у греческихъ народовъ республикъ съ народнымъ правленіемъ и чрезъ законы, послужившіе основаніемъ для нихъ. Въ этомъ отношеніи все вниманіе обращаютъ на себя республики Аѳинская и Спартанская. Защита отечества была въ нихъ первымъ и священнѣйшимъ долгомъ, преимуществомъ и почетнымъ правомъ каждаго гражданина и одна доставляла права на почести и общественныя должности. На этомъ-то правѣ и основывалось раздѣленіе народа на классы или разряды. Въ Аѳинахъ Солонъ раздѣлилъ его на 4 класса, изъ которыхъ 1-й, знатнѣйшій и богатѣйшій, образовалъ конницу, 2-й и 3-й — оплитовъ или тяжело-вооруженную пѣхоту, а 4-й, бѣднѣйшій—легко-вооруженную или псиловъ. Только первые три класса имѣли права на должности, 4-й же—только право голоса въ избраніи на должности и въ изданіи законовъ. Въ каждомъ классѣ всѣ отъ 18 до 20 лѣтъ были обязаны

внутреннею службой въ Аѳинахъ и Аттикѣ, а съ 20 до 40—внѣ ея. Въ Спартѣ военная повинность начиналась съ 30 лѣтъ. Государственное устройство, нравы, обычаи, образъ жизни, занятія—все, въ точности опредѣленное законами Ликурга, имѣло единственными цѣлію и предметомъ только одну войну, оживленіе и поддержаніе воинственнаго духа и ставило военныя добродѣтели выше всѣхъ. Спарта была подобна постоянному военному лагерю, въ которомъ всѣ постоянно приготовлялись къ войнѣ, и даже женскій полъ не исключался изъ этого. Всѣ одинаково долженствовали быть бѣдны, умѣренны, воздержны, сильны, крѣпки и особенно мужественны и храбры. Особенностью военныхъ учрежденій Спарты былъ обычай употреблять для войны также и илотовъ или рабовъ (тогда какъ у другихъ грековъ рабы должны были прежде получить свободу или обѣщаніе оной). Причиной этого было вѣроятно большее число рабовъ, нежели свободныхъ гражданъ. Поэтому послѣдніе не должны были оставлять первыхъ дома, идя на войну, тѣмъ болѣе, что обращались съ ними жестоко. Это составляетъ темную сторону военныхъ учрежденій Спарты и было причиной многихъ внутреннихъ смутъ и войнъ, вреда и опасности для этой республики.

У римлянъ первоначальныя военныя учрежденія имѣли тѣ же или подобныя же политическія и нравственныя основанія, что̀ и у спартанцовъ. Римъ, рожденный войною, возросшій и образовавшійся въ войнѣ, войною же поглотилъ половину извѣстнаго вдревлѣ міра. Во всеоружіи вышелъ онъ изъ рукъ перваго основателя и законодателя своего—Ромула, а первообразомъ его былъ—легіонъ. Ромулъ раздѣлилъ народъ на 3 трибы, изъ 10 курій каждую, и изъ нихъ набиралъ воиновъ для войны. Сервій Туллій прибавилъ 4-ю трибу, но впослѣдствіи число ихъ возрасло до 6-ти, а къ половинѣ III вѣка передъ Р. Х.—даже до 35-ти. Кромѣ того Сервій Туллій раздѣлилъ народъ на 6 классовъ, въ нѣсколько центурій каждый. Каждый классъ состоялъ изъ гражданъ отъ 17 до 45 лѣтъ для полевой службы и свыше 45 лѣтъ — для городской. Классы были раздѣлены по имущественному цензу: 1-й былъ богатѣйшій, 6-й — бѣднѣйшій. 1-й, состоявшій изъ патриціевъ и всадниковъ, имѣлъ 98 центурій. Всадники составляли 18 центурій и конницу. 2-й, 3-й и 4-й классы имѣли по 20 центурій, а 5-й—30. 6-й классъ, изъ бѣднѣйшихъ гражданъ и вольноотпущенниковъ, былъ освобожденъ отъ военной службы. Защита отечества была ввѣряема не имъ, а богатѣйшимъ и потому имѣвшимъ болѣе побужденій и средствъ защищать отечество. Такимъ образомъ военное право (jus militiae) или военная правоспособность была съ самаго начала и въ самомъ основаніи вполнѣ облагорожена. Но по учрежденіи народнаго правленія, доста-

точнѣйшіе изъ гражданъ 6-го, значительно умножившагося класса были обращены на сухопутную службу, а остальные — на морскую. Марій уничтожилъ и это различіе, обративъ весь 6-й классъ на военную службу. Въ случаяхъ особенной важности или опасности, какъ напримѣръ во 2-й пунической войнѣ, въ войско стали набирать даже ремесленниковъ, вольноотпущенниковъ и рабовъ, а со временъ Марія, во время междуусобныхъ войнъ, даже преступниковъ, разбойниковъ и т. п. людей. При Августѣ составъ легіоновъ былъ значительно улучшенъ, но послѣ Августа онъ постепенно становился все хуже и хуже, наполнялся преимущественно бѣднѣйшими и худшими людьми низшаго званія и городской черни, а также варварами, которые позже составляли главную и наконецъ исключительную силу легіоновъ и армій.

Такимъ образомъ вообще характеристическими чертами военныхъ учрежденій древности были право и обязанность служить въ войскѣ, и отъ этой обязанности были освобождены собственно только жрецы. У римлянъ отъ нея не освобождались даже люди съ такими тѣлесными недостатками, которые были или неважны, или неявны.

§ 451.

Военное образованіе.

Съ военными учрежденіями древнихъ народовъ и съ лежавшею въ основаніи ихъ общею военною повинностью находилась въ тѣсной связи способность служить въ войскѣ и на войнѣ. Достиженіе этой цѣли всегда и вездѣ было дѣломъ общественной или государственной важности, и средствомъ для того служило военное образованіе. Такъ какъ каждый гражданинъ былъ воиномъ, обязаннымъ защищать отечество, то и образованіе гражданина было тождественно образованію воина. Слѣды общественныхъ учрежденій для военнаго образованія усматриваются уже у ассиріянъ, египтянъ и персовъ. По преданіямъ, Нинъ учредилъ съ этою цѣлію военную школу, о которой впрочемъ свѣдѣній не имѣется, а отецъ Сезостриса приказалъ собрать всѣхъ мальчиковъ, родившихся въ одинъ день съ его сыномъ, обучать ихъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ, тѣлеснымъ упражненіямъ и военному дѣлу и изъ нихъ впослѣдствіи избиралъ главныхъ начальниковъ своего войска. Исторически достовѣрнѣе свѣдѣнія объ учрежденіяхъ съ этою цѣлію у персовъ при Камбизѣ. Все число гражданъ—120 т. чел. было раздѣлено на 4 класса: отроковъ, юношей, мужей и старцовъ. Каждый классъ имѣлъ своего старшину: от-

роки—изъ старцовъ, юноши—изъ мужей, мужи и старцы—изъ своихъ классовъ. Всѣ граждане должны были пройти черезъ эти классы съ 10-ти-лѣтняго возраста, по 10 лѣтъ въ 1-мъ и 2-мъ классахъ и 25 лѣтъ въ 3-мъ. Каждому классу были назначены свои особенныя упражненія и занятія, отроки—во владѣніи оружіемъ, юноши и мужи—въ военныхъ упражненіяхъ, а мужи сверхъ того шли на войну. Старцы свыше 45 лѣтъ были освобождены отъ военной службы и получали государственныя должности. Кромѣ того, первые три класса были пріучаемы ко всѣмъ тѣлеснымъ и нравственнымъ военнымъ добродѣтелямъ, укрѣпленію тѣла, умѣренности, воздержности и пр. т. п. Изъ подобной военной школы вышли и Киръ, и сподвижники его завоеваній.

Въ подобномъ духѣ были устроены и военныя училища у грековъ и римлянъ. Въ нихъ обучались не только отроки, юноши и граждане отдѣльныхъ городовъ, но и мужи, и всѣ вообще граждане государства. Въ Спартѣ особенно военное воспитаніе начиналось съ самаго рожденія и продолжалось до старости. Во всѣхъ главныхъ городахъ Греціи были гимназіи, въ которыхъ преподавались гимнастика, тактика и другія военныя и невоенныя науки и искуства. Это гимназическое воспитаніе и образованіе было тѣсно связано съ тогдашнимъ вооруженіемъ и образомъ дѣйствій въ бою бѣлымъ оружіемъ и потому имѣло главною цѣлію умѣнье владѣть имъ и развитіе необходимыхъ для того силы и ловкости тѣлесныхъ. Общественныя же игры (немэйскія, пиѳійскія и преимущественно олимпійскія) доставляли гражданамъ случай и возможность всенародно являть свое искуство и соотвѣтствовали нѣкоторымъ образомъ публичнымъ испытаніямъ новѣйшихъ временъ. И такъ какъ это были всенародныя торжества и празднества, то юноши и мужи считали за особенную честь участвовать въ нихъ, въ виду полученія лестныхъ наградъ за побѣду. Въ гимназіяхъ обучали также и тактическимъ или строевымъ упражненіямъ, особенно въ Спартѣ. Эта отрасль военнаго образованія была особенно развита и приведена въ правильную систему у македонянъ при Филиппѣ и Александрѣ В., включительно до производства примѣрныхъ сраженій съ деревяннымъ оружіемъ.

Но вообще военное воспитаніе и образованіе было гораздо болѣе чисто-практическое, нежели теоретическое. Тѣмъ не менѣе у грековъ существовала своего рода теорія тактики и стратегіи, и ей обучали, вмѣстѣ съ математикой и другими науками, вездѣ въ Греціи, особенно въ Аѳинахъ, не исключая Спарты. Но ей обучали не теоретически—книжнымъ способомъ, а практически—словесно, бывшими на войнѣ и опытными въ ней гражданами, что́ имѣло несомнѣнныя и большія преимущества и выгоды. Въ этомъ смыслѣ каждый отецъ

семейства былъ военнымъ учителемъ въ немъ, и такимъ образомъ опытность отцовъ передавалась сыновьямъ.

Но и сверхъ всего этого, преданія народной военной славы передавались всѣмъ и научали и воспламеняли ихъ—посредствомъ народныхъ пѣвцовъ и ихъ пѣснопѣній, а впослѣдствіи—твореній такихъ историковъ, какъ Геродотъ, Ѳукидидъ, Ксенофонтъ и др. И такимъ образомъ народная исторія была наставницей юношей и мужей, которая воспламеняла въ нихъ воинственный духъ и возбуждала въ нихъ ревность къ подражанію подвигамъ предковъ.

Очевидно, что такого рода система военнаго воспитанія и образованія имѣла большія достоинства, преимущества и выгоды и много способствовала военнымъ успѣхамъ грековъ.

У римлянъ, какъ народа практическаго, военное воспитаніе и образованіе также было чисто-практическое и столько же строгое, сколько и въ Спартѣ, но не имѣло въ себѣ ничего теоретическаго. Оно обнимало тѣлесныя или гимнастическія упражненія, а также и тактическія или строевыя, соединенныя со всѣми упражненіями и работами, употребительными на войнѣ, какъ-то: устроеніемъ лагерей, примѣрными походами и битвами и т. п. Такого рода упражненія росли и развивались соразмѣрно съ ходомъ и развитіемъ римской республики и военнаго искуства въ ней. Обыкновеннымъ мѣстомъ производства ихъ служило Марсово поле въ Римѣ, на которомъ уже Ромулъ обучалъ своихъ гражданъ-воиновъ. Позже Сципіонъ производилъ большія тактическія упражненія, а во время междуусобныхъ войнъ, при Помпеѣ, Цезарѣ, Августѣ и лучшихъ императорахъ послѣ него были особенныя постановленія для того. Но, за этими исключеніями, военное образованіе у римлянъ съ ходомъ времени постепенно не только падало, но и выходило совершенно изъ употребленія.

Такимъ образомъ военныя учрежденія, имѣвшія въ основѣ общую военную повинность и тѣсно соединенное съ нею, болѣе практическое, нежели теоретическое, но столько же нравственное, сколько и тѣлесное, военное воспитаніе и образованіе, составляли могучую силу народовъ и государствъ древности, какъ вообще, такъ въ особенности персовъ при Кирѣ и грековъ и римлянъ въ лучшія времена ихъ исторіи, и преимущественно при Александрѣ В., Юліѣ Цезарѣ и Августѣ. Своимъ военнымъ учрежденіямъ и военному образованію преимущественно обязаны были греки и римляне необыкновенными успѣхами своего оружія и военною славой, которая пережила столько вѣковъ и доселѣ возбуждаетъ справедливое удивленіе. Но какъ скоро и военныя учрежденія, и военное образованіе ихъ стали утрачивать внутреннюю силу свою и приходить въ упа-

докъ, тогда и успѣхи оружія и военная слава этихъ народовъ стали постепенно умаляться и меркнуть. Эта внутренняя сила была именно—сила нравственная, упадокъ которой всегда велъ и ведетъ и къ упадку народовъ и государствъ: когда нравственная основа подточена и поколеблена, тогда и все зданіе государственное рушится. На эту нравственную силу прежде всего и болѣе всего всегда вредно вліяло богатство, которое вело за собою роскошь, изнѣженность, развращеніе нравовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ отвращеніе отъ военной службы, недостатокъ военнаго образованія и способности къ войнѣ, упадокъ военной дисциплины, военнаго духа и всѣхъ качествъ, которыя принято называть военными добродѣтелями. Все, что̀ было болѣе знатнаго и богатаго въ народѣ, уклонялось отъ военной повинности, и вся тяжесть ея падала на массу низшихъ классовъ народа. Это постепенно вело къ отчужденію военнаго сословія въ государствѣ и къ возникновенію наемныхъ войскъ вмѣсто національныхъ. Бѣднѣйшіе народы съ неиспорченными нравами всегда побѣждали въ богатствѣ развратившихъ свои нравы, но затѣмъ, сами разбогатѣвъ и развратившись, въ свою очередь подвергались такой же участи. Персы при Ксерксѣ и Даріи были уже далеко не тѣ, что̀ при Кирѣ, греки послѣ Пелопоннезской войны и завоеваній своихъ въ Азіи—не тѣ, что̀ до того, македоняне при послѣднемъ Филиппѣ—не тѣ, что̀ при первомъ и при Александрѣ В., наконецъ римляне во времена междуусобныхъ войнъ и особенно имперіи — не тѣ, что̀ въ лучшія времена республики до конца 2-й пунической войны. Военное искуство можетъ не только сохраняться въ прежнемъ состояніи, но даже и совершенствоваться, какъ то̀ и было, болѣе или менѣе, и у грековъ, и у римлянъ во времена ихъ упадка, но это совершенно ничтожно, когда вмѣстѣ съ тѣмъ нравственная сила ослабѣла и наконецъ пала: тогда все потеряно.

§ 452.

Вооруженіе.

Вооруженіе людей для войны съ самаго начала всегда было сообразно степени ихъ гражданственности и образованности, общественнаго, государственнаго и военнаго устройства. Чѣмъ естественнѣе и проще были послѣднія, тѣмъ проще и несложнѣе было и первое. Въ первобытномъ состояніи народовъ оборонительнымъ и напа-

дательнымъ оружіемъ были дубина *) и камень, которыя у всякаго были подъ рукою, позже—пращи и луки съ стрѣлами. Когда люди ознакомились съ свойствами и обработкой металловъ, сначала—мѣди, потомъ—желѣза, дубина была окована ими и изъ нихъ устроена боевая коса къ колесницамъ и наконецъ стали выдѣлываться мечи, кинжалы, желѣзные наконечники стрѣлъ и копій, свинцовыя пули для пращей и оборонительное вооруженіе: шлемы, латы грудныя, поясныя, ручныя, ножныя, щиты и пр. Испытанное вліяніе свойствъ вооруженія повело къ постепенному совершенствованію его, но при этомъ большею частію было обусловлено привычкой, ловкостью и искуствомъ употребленія того или другаго оружія, а это въ свою очередь проистекало отъ свойствъ того или другаго края и того или другаго народа, жившаго въ немъ. Такъ, напримѣръ, бо̀льшая часть народовъ Азіи: ассиріяне, мидяне, вавилоняне, лидійцы, персы, парѳяне и др. употребляли преимущественно метательное оружіе: стрѣлы, пращи, дротики, но не имѣли оборонительнаго вооруженія, за исключеніемъ небольшихъ и легкихъ щитовъ. У другихъ были въ употребленіи длинныя копья, большіе мечи и щиты, какъ напримѣръ у египтянъ, евреевъ, филистимлянъ и др. Послѣдніе особенно отличались хорошимъ вооруженіемъ. Египтяне имѣли большіе, въ ростъ человѣка, толстые и тяжелые щиты, длинныя копья и короткіе, но очень широкіе мечи. Замѣчательно, что у евреевъ любимымъ оружіемъ былъ мечъ, какъ позже у римлянъ. Киръ вооружилъ персовъ щитами, латами, мечами и боевыми косами, для того чтобы сдѣлать ихъ способными къ рукопашному бою. Однако впослѣдствіи (при Ксерксѣ) греки превосходили персовъ хорошимъ вооруженіемъ. Любимымъ оружіемъ ихъ было копье, у македонянъ—длинная (до 18 футовъ) сарисса, а у римлянъ—короткій, обоюдуострый мечъ и дротикъ (pilum). Подобные, но гораздо худшіе роды оружія у галловъ и германцовъ (и вѣроятно у народовъ восточной Европы) были очень невыгодны для нихъ противъ римлянъ.

Родъ вооруженія, въ отношеніи къ разстоянію между сражавшимися, имѣлъ такого рода вліяніе, что произвелъ два существенно различные рода боя: дальній и ближній. Тотъ и другой зависѣли отъ преимущественныхъ: вооруженія и образа дѣйствій въ бою того или другаго народа. Исключительный дальній бой означалъ низшую степень воинственнаго духа и военнаго дѣла, исключительный ближній—противное тому, а смѣшанный—благоразумную середину и истин-

*) Дубина (massue, Knittel, Keule) была первымъ оружіемъ, которое употребилъ человѣкъ: ею Каинъ убилъ Авеля и тѣмъ положилъ жалкое и незавидное начало войны на землѣ!

ное искуство. Дальній бой былъ приготовленіемъ и поддержаніемъ ближняго, а этотъ — главнымъ и рѣшительнымъ. Однако военная изобрѣтательность не ограничилась выгодами, пріобрѣтаемыми единственно метательнымъ оружіемъ, когда и бой не ограничился только одною открытою мѣстностью. Необходимость прикрытія жилищъ и позже лагерей войскъ отъ внезапныхъ нападеній непріятеля повела къ искуственному укрѣпленію тѣхъ и другихъ, особенно городовъ, а это, въ свою очередь, къ изобрѣтенію и введенію военныхъ метательныхъ орудій, которыя у грековъ и римлянъ назывались катапультами и баллистами. Сначала орудія эти употреблялись только при атакѣ и оборонѣ лагерей и городовъ, но потомъ и въ открытомъ полѣ, только въ меньшихъ размѣрахъ и болѣе легкія и удободвижимыя. Поэтому они и были раздѣлены на крѣпостныя, осадныя и полевыя. Филиппъ и Александръ македонскіе были первыми, которые стали употреблять ихъ въ открытомъ полѣ, но только при переправахъ черезъ рѣки, для очищенія тѣснинъ, лѣсовъ и т. п. Персы также употребляли ихъ иногда противъ Александра В. для обороны тѣснинъ, укрѣпленій и т. п. Преемники Александра В., равно македоняне и греки въ Европѣ и Азіи стали уже чаще употреблять ихъ въ открытомъ полѣ. У римлянъ они вошли въ большее еще употребленіе послѣ пуническихъ войнъ и въ междуусобныхъ, даже у Юлія Цезаря, но болѣе для обороны лагерей и укрѣпленій. Каждый легіонъ перевозилъ съ собою 30 полевыхъ катапультъ и баллистъ, съ 10 чел. прислуги при каждой. При императорахъ число и употребленіе ихъ въ открытомъ полѣ распространялось все болѣе и болѣе, и въ числѣ ихъ появились болѣе малыя и легкія, подъ названіемъ онагровъ, а по словамъ Вегеція—даже ручныя для одного человѣка, подъ названіемъ скорпіоновъ. Но какъ у грековъ, такъ особенно у римлянъ, чрезмѣрное распространеніе числа и употребленія метательныхъ орудій явно обличало упадокъ военнаго искуства и особенно нравственной силы, съ которымъ и совпало одновременно. Когда спартанскому полководцу Архидаму показали катапульту, привезенную изъ Сициліи, онъ въ изумленіи воскликнулъ: «Пропала храбрость!» — и былъ правъ.

Кромѣ всѣхъ родовъ оружія, о которыхъ говорено выше, слѣдуетъ упомянуть еще о военныхъ колесницахъ и вооруженныхъ слонахъ, верблюдахъ и даже лошадяхъ, которые всѣ были очень распространены въ древности, первоначально и всегда въ Азіи и Африкѣ, а потомъ, болѣе или менѣе, и въ Европѣ. Употребленіе военныхъ колесницъ съ косами и слоновъ, вооруженныхъ стрѣлками и даже башнями съ стрѣлками, было самое древнѣйшее, въ Азіи—въ первыхъ монархіяхъ и у персовъ, парѳянъ и пр., и также въ Индіи, а

въ Африкѣ — въ древнемъ Египтѣ, въ сѣверозападной Африкѣ, у кароагенянъ, мавританцовъ и пр. Въ Европѣ употребленіе военныхъ колесницъ существовало въ первыя, героическія времена Греціи, потомъ изчезло, но послѣ Александра В. распространилось въ Азіи, вмѣстѣ съ употребленіемъ вооруженныхъ слоновъ, какъ у грековъ, такъ и позже у римлянъ, и въ Азіи, и въ Африкѣ, и даже отчасти въ Европѣ. Въ странахъ Азіи и Африки, особливо въ пустынныхъ, гдѣ водились верблюды, и эти послѣдніе также употреблялись на войнѣ для боя, вооруженные, какъ слоны, стрѣлками. Что касается лошадей, то и въ Азіи, и въ Африкѣ, и у грековъ и римлянъ въ Европѣ, послѣ Александра В., распространился обычай покрывать и лошадей тяжелыхъ конныхъ латниковъ, названныхъ у грековъ катафрактами, также латами и даже съ желѣзными остріями на лбу и груди. Но и колесницы, и слоны, и верблюды, и лошади, покрытыя латами, извинительныя восточнымъ народамъ въ Азіи и Африкѣ, были пренебрегаемы греками и римлянами, Александромъ В. и Юліемъ Цезаремъ, по смерти же двухъ послѣднихъ распространились у римлянъ при императорахъ, не только въ Азіи и Африкѣ, но даже отчасти и въ Европѣ, и также означали упадокъ нравственной силы и военнаго искуства, съ которымъ совпали.

Вообще всѣ означенные выше роды оружія и средства нанесенія вреда непріятелю или боевыя средства были въ употребленіи въ древности съ самаго начала историческихъ временъ до паденія западной римской имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и бой въ древности, въ главныхъ своихъ основаніяхъ, съ частными измѣненіями только въ формахъ, долженъ былъ оставаться всегда тѣмъ же. Но одни только боевыя средства не вліяютъ еще исключительно на измѣненія въ военномъ искуствѣ. Внутреннія политическія условія народовъ и государствъ значительно входятъ при этомъ также въ разсчетъ. А пока они не подверглись коренному преобразованію, какое именно произошло послѣ паденія западной римской имперіи, то и военное искуство древности въ сущности должно было оставаться безъ измѣненія.

§ 453.

Различные роды войскъ.

Первымъ, единственнымъ и древнѣйшимъ, по времени, родомъ войскъ была пѣхота. Въ самыя первыя времена люди сражались пѣшими. Гораздо позже явились военныя колесницы и конница.

Ранѣе всего въ исторіи онѣ усматриваются въ Египтѣ при Сезострисѣ, Нинѣ и Семирамидѣ. Первый изъ нихъ имѣлъ, по Діодору, 600 т. чел. пѣхоты, 24 т. чел. конницы и 27 т. военныхъ колесницъ. Вотъ первое взаимное относительное число родовъ войскъ въ арміи. Когда Саулъ пошелъ войною противъ филистимлянъ, то послѣдніе двинули на встрѣчу ему 6 т. чел. конницы и 30 т. военныхъ колесницъ, а пѣхоты, по выраженію лѣтописцовъ, столько, сколько песка на берегу моря. Отъ нихъ-то, кажется, евреи и заимствовали употребленіе военныхъ колесницъ. Давидъ, въ войнѣ съ царемъ Гададъ-Эзеромъ, пріобрѣлъ 1 т. колесницъ, 7 т. чел. конницы и 20 т. чел. пѣхоты. При Соломонѣ было 1,400 колесницъ, 40 т. колесничныхъ лошадей и 14 т. чел. конницы, которыхъ Соломонъ, какъ кажется, содержалъ постоянно. Хотя иные сильно сомнѣваются въ такомъ большомъ числѣ военныхъ колесницъ, однако не подлежитъ сомнѣнію, что онѣ составляли главную силу армій у древнихъ азіятскихъ и африканскихъ народовъ. Греки отмѣнили ихъ у себя послѣ Троянской войны, но у азіятскихъ народовъ онѣ существовали еще при Александрѣ В. и даже противъ римлянъ при Юліѣ Цезарѣ, хотя и въ гораздо меньшемъ числѣ. Такъ Киръ 1 при Ѳимврѣ имѣлъ ихъ только 300, Дарій при Арбелѣ—200, а Архелай, полководецъ Митридата, при Херонеѣ—90. Объ устройствѣ и употребленіи ихъ первыя положительныя свѣдѣнія сообщаетъ Гомеръ въ Иліадѣ. Ихъ употребляли собственно знатнѣйшіе воины и болѣе какъ скорое перевозное средство, нежели какъ боевое, потому что сражались пѣшими, а конями управлялъ возничій. У Пора на каждой колесницѣ было 2 тяжело-и 2 легко-вооруженныхъ воина и 2 возничихъ, всего 6 чел. Особеннаго рода военныя колесницы были у Кира I, съ копьями и косами спереди, сзади и по бокамъ у осей, и съ лошадьми въ латахъ. Юлій Цезарь нашелъ у британцовъ также военныя колесницы.

Конница вошла въ употребленіе впервые въ Азіи и Африкѣ и вѣроятно позже колесницъ. Восточные народы съ самаго начала и всегда были преимущественно военно-конные: особенно славилась конница лидійцовъ, позже пареянъ, персовъ, нумидійцовъ, а также скиѳовъ, сарматовъ и гунновъ въ Европѣ. У грековъ во время Троянской войны конницы еще не было, а позже—ея было всегда менѣе пѣхоты. Лучшею и болѣе многочисленною была ѳессалійская и этолійская.

Верблюды и слоны (о которыхъ говорено выше) также были, кажется, въ употребленіи съ раннихъ временъ въ Азіи, въ Ассиріи и Индіи, и въ Африкѣ. У Кира I при Ѳимврѣ было 300 верблюдовъ съ стрѣлками на нихъ. Употребленіе слоновъ на войнѣ сдѣлалось извѣстнымъ Александру В. чрезъ Пора, потомъ распространилось въ Азіи и позже появилось даже въ Греціи, именно у Пирра, въ арміи

котораго устрашило римлянъ. Они были вооружены башнями съ 10—15 и до 30 стрѣлковъ. Арріанъ говоритъ, что даже клыки слоновъ были вооружены желѣзными остріями. Но вскорѣ послѣ Пирра перестали употреблять слоновъ въ Европѣ.

Говоря вообще, за исключеніемъ военныхъ колесницъ, слоновъ и верблюдовъ, главную силу армій въ продолженіи всѣхъ древнихъ временъ составляли конница—въ Азіи и Африкѣ, и пѣхота—въ Европѣ. Значеніе и важность каждаго изъ этихъ двухъ родовъ войскъ точно и ясно опредѣляются всею военною исторіею древнихъ временъ. Пѣхота всегда и во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ была первостепеннымъ и главнымъ родомъ войскъ. Пригодность же и важность конницы зависѣли отъ многихъ случайностей и потому имѣли только относительное значеніе. Военно-конные народы были способны быстро производить нашествія на страны и проходить черезъ нихъ, но не покорять ихъ и утверждаться въ нихъ прочно, военно-пѣшіе же народы—совершенно наоборотъ. Киръ I сначала вовсе не имѣлъ конницы и только позже образовалъ 10 т. чел. оной. Съ умноженіемъ же ея при его преемникахъ, и военное дѣло у персовъ пришло въ упадокъ. Напротивъ, Александръ В. съ своею пѣхотою и лишь съ небольшимъ числомъ конницы завоевалъ полъ-Азіи, римляне—половину извѣстнаго въ то время мира, а сѣверные варвары Европы разрушили западную римскую имперію. Нашествіе же конныхъ гунновъ было отражено и не оставило слѣдовъ (кромѣ разрушенія и разоренія). Поэтому главная сила армій всегда заключалась въ пѣхотѣ, пока въ нихъ сохранялась нравственная сила. Но упадокъ ея и умноженіе конницы свыше извѣстной мѣры всегда были въ связи съ упадкомъ военнаго дѣла, какъ у персовъ и у римлянъ.

Свойства вооруженія (см. выше) уже рано повели къ различію между тяжело-и легко-вооруженными пѣшими и конными войсками. Сначала они были не отдѣлены одни отъ другихъ и сражались вмѣстѣ, но потомъ составили отдѣльные роды войскъ: тяжело-вооруженные—для ближняго или рукопашнаго боя, а легко-вооруженные—для дальняго или метательнымъ оружіемъ. Относительное число тѣхъ и другихъ всегда зависѣло отъ нравовъ и обычаевъ народовъ и отъ свойствъ обитаемыхъ ими странъ. Самыя раннія свѣдѣнія о разныхъ родахъ пѣхоты относятся къ евреямъ во времена судей. Въ войнѣ Израиля противъ колѣна Веніаминова было 26 т. чел. мечниковъ или вооруженныхъ мечами, 700 пращниковъ изъ города Гибеона и, кромѣ того, легко-вооруженные стрѣлки. Точно также и въ Троянской войнѣ, по Гомеру, были особые тяжело-и легко-вооруженные воины и, въ числѣ послѣднихъ, пращники и стрѣлки. Это различіе усматривается и у всѣхъ вообще народовъ древности. Од-

нако азіятская пѣхота была вооружена легче греческой, и не всѣ легко-вооруженные и не всегда были пращники и стрѣлки. Вообще они отличались отъ тяжело-вооруженныхъ меньшимъ количествомъ оборонительнаго вооруженія и болѣе легкимъ свойствомъ его, а также метательными дротиками вмѣсто копій. У грековъ такого рода легко-вооруженные составляли среднюю пѣхоту, подъ названіемъ пельтастовъ (отъ ихъ небольшихъ и легкихъ щитовъ — пельтъ). Ксенофонтъ причислялъ ихъ еще къ легкой пѣхотѣ, но Ификратъ образовалъ изъ нихъ отдѣльный родъ пѣхоты, а Филиппъ и Александръ В. послѣдовали его примѣру. Такого же рода были спартанскіе илоты. Изъ отступленія 10 т. грековъ видно, что у нихъ до того времени было мало пращниковъ и стрѣлковъ, почему Ксенофонтъ былъ принужденъ образовать 200 родосскихъ пращниковъ и назначить имъ болѣе жалованья. Позже въ дѣйствіи метательнымъ оружіемъ особенно отличались акарнаняне, а пращники Эгины, Патръ и Димъ превосходили даже балеарскихъ.

Конница у грековъ была также тяжелая и легкая, и кромѣ того средняя, сражавшаяся и конною, и пѣшею. Тяжелую конницу составляли знатнѣйшіе и богатѣйшіе граждане, а легкую—наемники. Аѳинская была тяжелая, а этолійская — легкая. У Александра В. были также конные стрѣлки. Позже у грековъ были катафракты — тяжело-вооруженные конные латники, у которыхъ и лошади были покрыты латами.

У римлянъ, также какъ у грековъ, была тяжелая и легкая пѣхота, первая—легіонеры, а вторая—стрѣлки и пращники, и изъ нихъ лучшіе стрѣлки—критскіе и ѳракійскіе, а пращники—балеарскіе. Юлій Цезарь и Титъ Ливій упоминаютъ также о средней пѣхотѣ, въ родѣ греческихъ пельтастовъ — цетратахъ (cetrati). Конница римская сначала была легкая, а позже, во время Полибія, и тяжелая, на подобіе греческой. Бо̀льшую часть римской конницы составляла союзная и вспомогательная, а по мѣрѣ распространенія римлянами своихъ завоеваній, они пріобрѣтали болѣе и болѣе хорошей конницы отъ народовъ, у которыхъ она отличалась особенною добротой, именно ѳессалійцовъ, ѳракіянъ, нумидянъ, испанцовъ, галловъ и прирейнскихъ германцовъ, а еще позже отъ гунновъ, сарматовъ и скиѳовъ.

§ 454.

Внутреннее устройство войскъ.—Содержаніе. *)

Съ начала войны въ мірѣ долго содержаніе воевавшихъ всемъ, необходимымъ имъ, производилось тѣми же средствами, что и во время мира. Такъ, напримѣръ, у народовъ звѣроловныхъ, каждый человѣкъ—столько же воинъ, сколько и звѣроловъ, и въ томъ, и въ другомъ званіи имѣетъ тѣже источники содержанія. У народовъ пастушескихъ, стоящихъ нѣсколько выше, также каждый взрослый мущина—воинъ, и цѣлое племя, цѣлый народъ перемѣняетъ мѣсто пребыванія своего или перекочевываетъ, смотря по временамъ года или другимъ случайнымъ причинамъ. Поэтому и въ случаѣ войны имъ нетрудно такое передвиженіе, ни содержаніе себя во время его отъ своихъ стадъ. У народовъ, стоящихъ еще выше, именно — осѣдлыхъ, земледѣльческихъ, но не промышленныхъ и не торговыхъ, также каждый взрослый мущина—воинъ, закаленный трудомъ на воздухѣ, при всякой погодѣ, и хотя и не столь боевой, какъ звѣроловъ, но и столь же мало нуждающійся въ особомъ снаряженіи и содержаніи для войны. Народъ осѣдлый не можетъ идти на войну въ цѣломъ своемъ составѣ, и даже воины его не могутъ идти на нее во время посѣва и жатвы. Поэтому войны такихъ народовъ продолжаются недолго — отъ посѣва до жатвы или между ними. Такимъ образомъ, кажется, вели свои войны греки до конца 2-й персидской войны и жители Пелопоннеза до конца Пелопоннезской. У народовъ, стоящихъ еще выше, т. е. занимающихся и земледѣліемъ, и промышленностью, и торговлей, идущіе на войну уже рѣшительно не могутъ содержать себя въ ней сами на свой счетъ, во 1-хъ по причинѣ необходимости постояннаго продолженія упомянутыхъ занятій и во 2-хъ—усовершенствованія самаго военнаго дѣла. Поэтому военное содержаніе ихъ ложится уже на тѣхъ, въ пользу которыхъ ведется война, или на одного, или на общину, или на цѣлое племя, или на весь народъ. Наконецъ у народовъ, достигшихъ уже высшей степени гражданственности и образованности, а въ военномъ дѣлѣ собственно уже искусства, и у которыхъ война продолжается не отъ посѣва до жатвы и не рѣшается одною стычкой или одною битвой, но продолжается болѣе или менѣе долго и въ теченіи нѣсколькихъ походовъ, существенно необходи-

*) Руководствомъ въ этомъ служила преимущественно Handbibliothek für Offiziere V B. 1 Theil (historischer): Der Haushalt der Kriegsheere (von Freiherrn von Richthofen).

мымъ становится, чтобы ведущіе войну, по крайней мѣрѣ въ продолженіи ея, были содержимы тѣми, для пользы и выгодъ которыхъ, ближнихъ или дальнихъ, ихъ собственныхъ или общихъ, ведется война. Тогда уже содержаніе воюющихъ получаетъ характеръ общественныхъ: потребности и попеченія, и вслѣдствіе того образуется особенное управленіе, имѣющее предметомъ содержаніе воюющихъ во время войны (военно-хозяйственное управленіе или военно-экономическая администрація), первоначально, можетъ быть, только нужнѣйшимъ продовольствіемъ, позже и всемъ вообще. Изъ этого прямо проистекаютъ: 1) необходимость излишка предметовъ, нужныхъ для содержанія воюющихъ, противъ добываемыхъ трудомъ невоющихъ для себя,—2) зависимость войны и воюющихъ отъ запасовъ земледѣльческихъ, промышленныхъ и торговыхъ, добываемыхъ невоющими посредствомъ мирныхъ трудовъ,—3) возможность или невозможность веденія войны, соразмѣрно большему или меньшему обилію такихъ средствъ для содержанія воюющихъ,—и 4) необходимость соразмѣренія потребностей войны съ производствомъ страны и ея жителей, такъ чтобы уравновѣшивать ихъ между собою и, удовлетворяя первымъ, не истощать послѣдняго. Такого рода главный характеръ военно-хозяйственное управленіе сохраняетъ во всѣхъ степеняхъ своего развитія, отъ низшихъ до высшихъ, и составляетъ часть всего государственнаго хозяйства (политической экономіи), спеціально посвященную войнѣ.

На этомъ основаніи, бросимъ общій краткій взглядъ на содержаніе войскъ въ древности всемъ нужнымъ для веденія войны и во время оной, какъ-то: продовольствіемъ (въ особенности), одеждой, оружіемъ, жалованьемъ, лошадьми, тяжестями и пр.

1) Въ глубокой древности и преимущественно у евреевъ. До половины IV вѣка передъ Р. Х. (350 г.) войны были большею частію международныя, т. е. цѣлыхъ народовъ противъ другихъ такихъ же. Сначала онѣ требовали содержанія войскъ только продовольствіемъ, за исключеніемъ оружія, одежды, жалованья и пр. т. п., но потомъ и всемъ этимъ, когда войны стали быть ведены не всею массой народонаселенія, а только извѣстною, большею или меньшею частью его, назначенною для того подъ названіемъ арміи или войска. Такъ евреи содержали себя на войнѣ первоначально собственными средствами и военной добычей, отчего часто находились въ весьма трудномъ положеніи. Гедеонъ, въ одномъ предпріятіи съ 300 воинами, добывалъ для нихъ хлѣбъ реквизиціей отъ городовъ. Симеонъ первый сталъ выдавать войскамъ жалованье, притомъ изъ собственныхъ денегъ, но сколько—неизвѣстно, и собиралъ для нихъ запасы зерноваго хлѣба.

Замѣчательно, что у древнихъ народовъ, гдѣ и когда только впервые упоминается о смотрахъ войскъ въ мирное время или о податяхъ, обѣ эти повинности являются въ тѣсной взаимной связи. Такъ у евреевъ уплата первой подати происходила по закону при годовомъ смотрѣ, и подобное же явленіе замѣчается и у другихъ народовъ древности. Причина этого заключалась частію въ томъ, что денежная подать была вмѣстѣ съ тѣмъ и военною, частію же въ томъ, что только подлежавшіе военной повинности подлежали и денежной подати, и наоборотъ—податные подлежали военной повинности.

2) У египтянъ наслѣдственная каста воиновъ требовала особенныхъ издержекъ и вмѣстѣ съ тѣмъ управленія назначенными ей средствами содержанія. Ибо съ вѣроятностью полагать можно, что она не имѣла права заниматься ни земледѣліемъ, ни ремеслами, и потому должна была жить на счетъ излишковъ производства другихъ кастъ. Жалованье 410 т. воиновъ заключалось въ земельныхъ участкахъ одинаковой, опредѣленной величины на каждаго воина; владѣльцы этихъ участковъ отдавали ихъ въ аренду за плату произведеніями съ нихъ натурой. 1000 воиновъ, которые поочередно одинъ годъ составляли стражу царскихъ тѣлохранителей, получали въ это время, сверхъ доходовъ своихъ участковъ, по 5 фунтовъ хлѣба, по 2 ф. мяса и по 2 мѣры вина каждый въ день. Такое щедрое содержаніе поощряло ихъ къ брачной жизни и размноженію военной касты и числа защитниковъ государства. Жрецъ-царь Сеѳонъ (Sethon) отнялъ у военной касты земельные участки ея, однако способъ содержанія ея остался тотъ же. Псамметихъ, пріобрѣтшій верховную власть помощью греческихъ и карійскихъ наемныхъ войскъ, роздалъ имъ земли въ одномъ округѣ, назначенномъ прежде воинамъ, что̀ послужило поводомъ къ выселенію военной касты.

Подобный означенному здѣсь способъ содержанія воиновъ рѣдко встрѣчается въ исторіи другихъ странъ и народовъ и самъ собою предполагаетъ тяжкій, обязательный трудъ обработывавшихъ земли воиновъ. Но ближайшихъ подробностей объ этомъ способѣ исторія не сообщаетъ, хотя точное указаніе пространства земель, назначенныхъ воинамъ, заставляетъ заключать, что земли эти имѣли извѣстное, правильное управленіе.

3) У кароагенянъ, еще гораздо ранѣе, чѣмъ у египтянъ, усматриваются наемныя и постоянныя войска, а потому и правильное содержаніе ихъ. Какъ именно оно было устроено и производилось — съ достовѣрностью неизвѣстно. Но и изъ тѣхъ немногихъ свѣдѣній, которыя дошли до насъ, видно, что для содержанія наемныхъ войскъ введены были общественныя подати, въ видѣ дани съ союзныхъ городовъ, бывшихъ подъ покровительствомъ Кар-

ѳагена, съ африканскихъ подданныхъ его, съ внѣшнихъ областей, особенно Сардиніи, и съ кочевыхъ народовъ въ Африкѣ, съ послѣднихъ—натурой, а съ прочихъ — деньгами. Кромѣ того были также: 1) таможни и сборы на нихъ, даже болѣе важные, нежели дани, для содержанія наемныхъ войскъ,—2) доходы съ рудниковъ, особенно въ Испаніи и всего болѣе съ серебряныхъ близъ Новаго Карѳагена,—и 3) военная добыча, правильно взимаемая (въ видѣ частію реквизицій, частію контрибуцій) съ странъ, чрезъ которыя проходили или въ которыхъ дѣйствовали карѳагенскія арміи, если эти страны хотѣли избѣжать грабежа. Съ послѣдняго рода средствами преимущественно Аннибалъ предпринялъ и совершилъ свой походъ изъ Испаніи черезъ Пиренеи, Галлію и Альпы въ Италію и дѣйствовалъ въ ней 17 лѣтъ. Изъ продовольственныхъ способовъ, которые карѳагенскія войска носили и возили съ собою, слѣдуетъ упомянуть, сверхъ муки, о винѣ, маслѣ, гранатныхъ яблокахъ (которыя римляне называли пуническими), фигахъ, финикахъ и особенно соленой рыбѣ тунцѣ (scomber thynus). Изображеніе этой рыбы на карѳагенскихъ монетахъ заставляетъ предполагать, что она составляла главный предметъ продовольствованія войскъ и служила мѣрою цѣнности другихъ предметовъ его. Таковы были вообще источники и средства продовольствованія и содержанія карѳагенскихъ наемныхъ войскъ, но главными между ними, конечно, были правильно взимаемыя подати и получаемые съ таможенъ и рудниковъ доходы. Продовольствованіе же войскъ производилось, безъ сомнѣнія, наибольшею частію поставками въ натурѣ, частію въ самыя войска, частію въ склады (магазины) въ Карѳагенѣ. Жалованье деньгами или кожаными знаками ихъ (въ родѣ нын. ассигнацій) производилось, кажется, только гарнизонамъ Карѳагена и важнѣйшихъ приморскихъ торговыхъ городовъ. Принятый способъ содержанія войскъ производился какъ въ военное, такъ и въ мирное время. Трехъ-рядныя стѣны цитадели Карѳагена заключали въ себѣ, по Аппіану, и жилья, и магазины. Въ каждой изъ этихъ стѣнъ, съ внутренней стороны, были подъ сводами внизу—помѣщенія на 300 слоновъ и ихъ вожаковъ, а вверху—на 4 т. лошадей, 20 т. чел. пѣхоты и 4 т. чел. конницы, и магазины со всѣми запасами продовольствія. По всему этому можно съ вѣроятностью заключить, что у карѳагенянъ было и управленіе всею частію содержанія войскъ, безъ сомнѣнія въ самомъ Карѳагенѣ и въ вѣдѣніи двухъ высшихъ учрежденій—герузіи (gerusia или сенатъ) и синклетоса (sygkletos). Отъ нихъ зависѣли и сами полководцы и придавались послѣднимъ на время войны члены этихъ учрежденій, какъ для политическаго руководства и надзора, такъ и для всѣхъ военно-хозяйственныхъ мѣръ, распоряженій и контроля. Та-

кимъ образомъ замѣчательно, что въ этихъ первыхъ въ исторіи слѣдахъ военной администраціи усматривается, что она принадлежала не военной, а гражданской власти, очевидно по самому политическому, гражданскому и военному устройству карѳагенской республики и по ея цѣлямъ, преимущественно торговымъ. Выгода и польза этого были несомнѣнны до самаго начала войнъ (пуническихъ) съ Римомъ. Но съ этого времени постепенныя: увеличеніе военныхъ потребностей, какъ главныхъ — морскихъ, такъ и сухопутныхъ, и уменьшеніе и наконецъ истощеніе нужныхъ для того средствъ повлекли за собою финансовыя затрудненія и, вслѣдствіе того, частыя возмущенія наемниковъ, нерѣдко чрезвычайно опасныя для Карѳагена, отложеніе ихъ, а потомъ и областей и наконецъ паденіе самаго государства.

4) У древнихъ персовъ усматривается уже правильное военно-хозяйственное управленіе. Сначала они, въ первобытномъ состояніи, какъ народъ полу-звѣроловный, полу-кочевой, переселялись всею массой, съ семействами и стадами своими, которыя значительно увеличивали собою арміи ихъ. Но по завоеваніи ими Верхней и Малой Азіи и по необходимости содержать, вслѣдствіе того, постоянныя арміи, вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ установилось уже правильное военно-хозяйственное управленіе. Оно принадлежало не военной, а гражданской власти—сатрапамъ въ областяхъ, которые были обязаны управлять жителями ихъ, взимать подати, выдавать войскамъ жалованье и заботиться о прочихъ нуждахъ ихъ. Начальники же войскъ не имѣли ничего общаго съ содержаніемъ послѣднихъ. Жители поставляли все, слѣдовавшее съ нихъ для содержанія войскъ, въ натурѣ сатрапамъ, которые уже раздавали это войскамъ чрезъ подчиненныхъ иархововъ или экономовъ, какъ ихъ называли греки. Позже сами войска получали слѣдовавшіе имъ предметы продовольствія натурой отъ жителей области, по особымъ назначеніямъ (или ассигновкамъ). Еще позже только одни греческія наемныя войска получали жалованье деньгами (которыя, какъ извѣстно, стали чеканиться только при Даріѣ Истаспѣ), именно: передъ временами Кира Младшаго—по дарику (около нын. червонца) на человѣка въ мѣсяцъ, а Киръ Младшій увеличилъ это жалованье еще на половину (т. е. $1\frac{1}{2}$ дарика въ мѣсяцъ). На одной сторонѣ дарика былъ изображенъ Дарій, а на другой — стрѣлокъ, а такъ какъ греческіе наемники состояли частію изъ стрѣлковъ, то изъ этого ясно, что введеніе наемныхъ войскъ и плата имъ жалованья именно и заставили чеканить деньги. Ежегодно самъ царь или его уполномоченные ревизовали области, расположенныя въ нихъ войска и содержаніе и состояніе послѣднихъ. Но въ послѣдствіи сатрапамъ, особенно если они были цар-

скаго рода, было ввѣрено также и начальствованіе войсками въ ихъ областяхъ, а слѣдовательно и содержаніе ихъ. Эта мѣра со временемъ повела къ возмущенію и отложенію сатраповъ и была одною изъ причинъ паденія персидской монархіи.

Въ случаѣ войны, для содержанія большихъ персидскихъ армій и особенно наемныхъ войскъ, подати были значительно увеличиваемы и платились частію натурой, частію золотомъ и серебромъ въ слиткахъ, ежегодно, по словамъ Геродота, до 14,500 талантовъ (отъ 13½ до 14½ милліоновъ рублей). Сверхъ того царь назначалъ суммы изъ собственной казны, и на военные расходы поступали также разнаго рода доходы (напримѣръ съ рыбныхъ ловель и т. п.) и особенно добровольныя пожертвованія богатыхъ частныхъ лицъ. Царь призывалъ всѣ области къ войнѣ, назначая, сколько каждая должна была выставить людей, лошадей, судовъ, продовольствія и пр. Но содержаніе отъ казны присвоивалось, кажется, только двору и наемнымъ войскамъ. Содержаніе царя и его двора было до того дорого, что совершенно истощало средства областей и особенно городовъ. Въ областяхъ и чужихъ странахъ на пути слѣдованія заблаговременно заготовлялись, перевозились и сплавлялись огромные запасы хлѣба и фуража. Сами персы не получали ни жалованья, ни продовольствія и должны были содержать себя на свой счетъ. Подвластные же народы шли на войну съ семействами и стадами своими и всемъ, нужнымъ имъ для своего содержанія. По рѣкамъ и морямъ за арміей слѣдовали цѣлые флоты перевозныхъ судовъ съ кладью. Объ одеждѣ и вооруженіи каждый долженъ былъ самъ заботиться. Ставки имѣли только царь и его дворъ; армія же и слѣдовавшіе за нею народы располагались подъ открытымъ небомъ. Понятно, что для продовольствованія такого громаднаго числа людей, лошадей, верблюдовъ и пр. никакія средства не были достаточны, и естественнымъ слѣдствіемъ этого всегда былъ недостатокъ продовольствія. Это именно и заставило Ксеркса еще въ Азіи раздѣлить свою армію на 3 части и послать ее по 3-мъ направленіямъ, но и это мало помогло. Отъ недостатка въ продовольствіи происходили: голодъ, болѣзненность и смертность, а спасавшіеся отъ нихъ погибали либо отъ меча грековъ (какъ послѣ сраженія при Платеѣ) и жителей края, либо во время отступленія или, лучше сказать, бѣгства обратно въ Персію. Такимъ образомъ недостатокъ продовольствія былъ главною причиной неудачи этихъ нашествій персовъ, особенно противъ Греціи, и лучшимъ союзникомъ относительно-малочисленныхъ грековъ, а также и одною изъ причинъ неуспѣха обороны Дарія противъ Александра В. и, напротивъ, успѣха завоеванія послѣднимъ обширной персидской

монархіи небольшимъ, но правильно снабженнымъ запасами продовольствія войскомъ.

Когда же въ началѣ III вѣка по Р. Х. персидская монархія была снова возстановлена первымъ Сассанидомъ Артаксерксомъ I, то онъ, по свидѣтельству Иродіана и Амміяна Марцеллина, вѣрно выразилъ здравыя понятія о правленіи и объ условіяхъ военной силы слѣдующими словами: «Значеніе государя должно быть обезпечено военною силой; военная сила можетъ быть сохраняема только податями; подати падаютъ на сельскихъ жителей, а земледѣліе можетъ процвѣтать только подъ защитой справедливости и умѣренности». Эти мудрыя правила были совершенно противуположны тѣмъ, которыми руководились позднѣйшіе преемники Кира I; они и возстановили персидскую монархію, которая потомъ существовала еще болѣе 400 лѣтъ.

5) У грековъ первые слѣды правильнаго военнаго хозяйства усматриваются только со временъ персидскихъ войнъ. Но и въ героическія времена, особенно во время Троянской войны, какъ можно заключить изъ Иліады, греки заботились уже, кажется, о хорошемъ продовольствованіи своихъ войскъ. И это не было особенно трудно до персидскихъ войнъ, потому что у небольшихъ греческихъ республикъ и арміи были небольшія, и даже соединеніе нѣсколькихъ республикъ и выставленіе ими большихъ союзныхъ армій не представляли особеннаго затрудненія для содержанія ихъ. Частная жизнь и частныя выгоды были такъ тѣсно связаны съ общественными, что военная служба была не только общественною повинностью, но и личнымъ дѣломъ каждаго гражданина, который заботился самъ о себѣ. Но со времени персидскихъ войнъ, такія отношенія начали измѣняться и, вмѣстѣ со всѣми отраслями военнаго искуства, у грековъ развились, опредѣлились и установились начала правильнаго военно-хозяйственнаго управленія, особенно въ аѳинской республикѣ, о военныхъ учрежденіяхъ которой до насъ дошло болѣе свѣдѣній, нежели о другихъ. Потребности войны первоначально были невелики: даже когда всѣ шли на войну, число войскъ было очень ограничено. Большія арміи выставлялись только союзами нѣсколькихъ республикъ, и многочисленнѣйшею была армія при Платеѣ — въ 111 т. чел., въ томъ числѣ 38 т. оплитовъ и 37 т. спартанскихъ илотовъ. Съ этого же времени до Эпаминонда, т. е. въ лучшія времена Греціи, арміи рѣдко бывали свыше 30 т. чел. За то морскія военныя силы постепенно росли все болѣе и болѣе, а содержаніе ихъ стоило гораздо дороже сухопутныхъ; служба же на флотѣ не была ни обязательною для гражданъ, ни согласною съ ихъ гражданскою честью, и потому въ гребцы брали рабовъ, а въ морскія войска набирали наемниковъ, содержаніе которыхъ стоило дорого. Такимъ образомъ

морское военно-хозяйственное управленіе сдѣлалось общественнымъ ранѣе сухопутнаго, которое долго еще оставалось болѣе частнымъ дѣломъ. Однако не всѣ издержки на флотъ были съ самаго начала отнесены на счетъ общественныхъ средствъ, а только построеніе судовъ и жалованье морскимъ наемникамъ; прочія же поставлены въ обязанность только однихъ достаточныхъ и состоятельныхъ гражданъ и въ разрядъ натуральныхъ повинностей, главными изъ которыхъ были снаряженіе и содержаніе военныхъ судовъ (триремъ и др.) Эта повинность сначала не была постоянною, но сдѣлалась ею постепенно въ послѣдствіи и притомъ была очередною по одному году. Поэтому снаряжавшій и содержавшій одно военное судно (трирему) назывался тріерархомъ и отправлялся съ нимъ въ море самъ или назначалъ уполномоченнаго. Позже было постановлено, чтобы два тріерарха (синтріерархи) несли издержки пополамъ и одинъ изъ нихъ находился на триремѣ или же каждый по полугоду. Во времена Демосѳена тріерархіи были даже составляемы изъ нѣсколькихъ соучастниковъ на общій счетъ ихъ, но съ однимъ тріерархомъ, который былъ какъ бы главнымъ хозяиномъ. По предложенію же Демосфена, тріерархія содержалась нѣсколькими соучастниками, по мѣрѣ состоянія каждаго, до опредѣленнаго наименьшаго размѣра, а одинъ бралъ тріерархію, на этихъ издержкахъ, въ собственное предпріятіе и содержаніе. Это учрежденіе было основано на чести и соревнованіи гражданъ, и изъ нихъ отличавшійся въ скорѣйшемъ и лучшемъ снаряженіи военнаго судна получалъ тріерархическій вѣнецъ—награду чрезвычайно лестную. Тріерархъ находился въ тѣсной связи съ общественною казною тѣмъ, что, получая отъ нея военное судно и нерѣдко всѣ принадлежности его, а также и деньги на жалованье морскимъ чинамъ и наемникамъ, доставлялъ послѣднимъ продовольствіе на счетъ казны и давалъ ей во всемъ этомъ отчетъ. Поэтому тріерархи имѣли своихъ казначеевъ для счетоводства. Число триремъ было, смотря по обстоятельствамъ, различное: у Аѳинъ ихъ было иногда до 400, каждая съ 200 гребцовъ и воиновъ (всего 80 т. чел.). Что касается издержекъ тріерархіи, то показанія древнихъ писателей вообще согласны въ томъ, что онѣ были не ниже 40 минъ (1 мина= около 20 р., а 40 = 800 р.) и не свыше 1 таланта (1 талантъ = 60 минамъ = около 1,200 р.), а половинной тріерархіи — отъ 20 до 30 минъ (отъ 400 до 600 р.). Вообще тріерархальная повинность, при правильномъ распредѣленіи и хорошемъ порядкѣ, не была обременительна, и наоборотъ. Еслиже флотъ не былъ содержимъ помощію этого способа, то содержаніе его всецѣло падало на общество и было для него бременемъ. Обязанность заботиться о постройкѣ судовъ и рѣшать спорныя дѣла по тріерархіямъ лежала въ Аѳинахъ на со-

вѣтѣ 500, чрезъ особенную коммиссію судостроителей. Но какъ въ Аѳинахъ, да и въ другихъ республикахъ древней Греціи, завѣдывавшіе общественными доходами большею частію были не очень добросовѣстны и безкорыстны, то суда вообще строились дурно а при Демосѳенѣ даже вовсе не строились цѣлый годъ, потому что казначей бѣжалъ съ деньгами! Жалованье морскимъ войскамъ стало производиться ранѣе, нежели сухопутнымъ, и колебалось, такъ что сначала было больше, потомъ меньше и затѣмъ снова больше. Во флотѣ (какъ позже и въ сухопутномъ войскѣ) различались жалованье и содержаніе. Послѣднее производилось большею частію деньгами и отъ казны, по исчисленію Демосѳена—ежемѣсячно по 20 минъ (около 400 р.) на 200 чел. одной триремы (по 2 обола=2 р. на человѣка). А какъ размѣръ жалованья и содержанія былъ одинаковъ, то 1 морской воинъ получалъ 4 обола (4 р.) въ мѣсяцъ.

Все приведенное выше о содержаніи флота относится преимущественно къ Аѳинамъ и Аттикѣ; въ другихъ республикахъ оно болѣе или менѣе сходствовало съ нимъ либо отличалось отъ него. Свѣдѣнія по этому предмету приведены были потому, какъ сказано, что военноморское хозяйственное управленіе учредилось въ Греціи прежде военно-сухопутнаго, къ которому затѣмъ и слѣдуетъ обратиться.

Греческія войска состояли, какъ извѣстно, изъ тяжелой пѣхоты (оплитовъ)—главнаго и почетнаго рода войскъ, изъ легкой (псиловъ)—второстепеннаго, вспомогательнаго и менѣе уважаемаго, и изъ конницы—почетнѣйшей, но малочисленной и, за исключеніемъ ѳессалійской, большею частію очень посредственной, даже плохой, и содержаніе лошадей которой стоило казнѣ очень дорого (въ Аѳинахъ, по Ксенофонту, не свыше 1 т. лошадей—40 талантовъ=около 48 т. р., подъ надзоромъ и контролемъ совѣта 500). Конница появилась только со времени учрежденія народнаго правленія, а прежде оной не было. Жалованье войскамъ первый ввелъ Периклъ, а до него оно выдавалось только наемникамъ. Но еще прежде жалованья, войскамъ начали выдавать, какъ во флотѣ, деньги на содержаніе, позже въ одинаковомъ размѣрѣ съ жалованьемъ во флотѣ же, т. е. всего 4 обола одному въ мѣсяцъ (см. выше). Изъ жалованья воинъ долженъ былъ снаряжать себя одеждой и оружіемъ, а остальное могъ откладывать въ свою пользу. Оружіе стоило недешево (въ позднѣйшія времена, по Аристофану и высшимъ цѣнамъ, кольчатый панцырь—10 минъ=около 200 р., шлемъ—1 мину=около 20 р., военная труба—60 драхмъ = около 12 р. и т. д.). Для изготовленія обыкновеннаго оружія — мечей и щитовъ, было очень много частныхъ мастерскихъ; торговля оружіемъ была свободна отъ таможенныхъ сборовъ. Вообще воины-свободные граждане были, по тогдашнему времени,

хорошо оплачиваемы, даже лучше, нежели военачальники и полководцы, потому что, какъ граждане, мало отличались отъ нихъ, которымъ честь начальствованія и бо̀льшая доля въ добычѣ служили вознагражденіемъ. Всадники въ конницѣ позже также стали получать жалованье и содержаніе деньгами, вдвое, или втрое, или даже вчетверо противъ пѣхоты (въ Аѳинахъ втрое). Содержаніе лошади на счетъ казны не входило въ этотъ разсчетъ. Высшее противъ пѣхоты содержаніе конницы имѣло причиной бо̀льшія издержки на одежду, оружіе и вооруженіе, болѣе дорогія, и на содержаніе 2-хъ лошадей и 1 конюха. Выдача же и жалованья, и содержанія деньгами объясняется тѣмъ, что реквизиція была бы слишкомъ обширна и потому неудобна и въ непріятельскомъ краѣ затруднительна, расквартированія же войскъ и довольствія отъ жителей у грековъ не существовало, потому что они были ненужны и въ своемъ краю политически противны нравамъ и обычаямъ грековъ, а въ непріятельскомъ—невозможны по тогдашнимъ военнымъ понятіямъ и многоразличнымъ причинамъ.

Во всякомъ случаѣ, полководцы имѣли непремѣнную обязанность во время войны, какъ на сухомъ пути, такъ особенно на морѣ, заботиться о продовольствованіи своихъ войскъ. Обыкновенно тамъ, гдѣ располагалась армія, учреждался большой рынокъ, на которомъ воины снабжали себя всемъ нужнымъ; слуги же оплитовъ и всадниковъ свозили сюда продовольствіе на вьючныхъ животныхъ. Кромѣ того за арміей слѣдовали маркитанты и ремесленники. При Платеѣ за греческою арміей слѣдовали изъ Пелопоннеса большія продовольственныя колонны на попеченіи служителей. Никій, при экспедиціи въ Сицилію, взялъ съ собою изъ Аттики запасы пшеницы и хорошаго ячменя на перевозочномъ флотѣ изъ 30 судовъ съ зерновымъ хлѣбомъ и хлѣбопеками, 100 меньшихъ судахъ и многихъ другихъ частныхъ торговыхъ. Но и въ мирное время, по крайней мѣрѣ въ Аѳинахъ, всегда были склады продовольствія въ зернѣ, печеномъ хлѣбѣ и т. п., покупаемаго на счетъ казны. Для пріема, вѣса и продажи его были назначены особенныя учрежденія и лица, составляемыя и избираемыя изъ надежнѣйшихъ людей.

Еслиже продовольствіе выдавалось (сухопутнымъ войскамъ рѣдко, но морскимъ чаще) натурой, то предводители покупали его на выдаваемыя имъ на то отъ казны деньги. Тріерархи выдавали пшеничную крупу, сыръ и лукъ или чеснокъ, которые перевозились въ сѣтяхъ. Изъ крупъ приготовлялось печенье съ водой и масломъ, а иногда и съ виномъ при этомъ. Роды печенаго хлѣба у грековъ и особенно у аѳинянъ были многоразличны, но наиболѣе обыкновенными были пшеничный (артосъ) и ячменный (маза); а̀литой же называ-

лись, то пшеничная крупа, то печеный изъ нея, особеннаго рода вкусный хлѣбъ.

Хотя милосердіе вообще не было добродѣтелью грековъ, однако аѳиняне составляли исключеніе изъ этого, и у нихъ у первыхъ усматриваются слѣды призрѣнія старыхъ и увѣчныхъ воиновъ (инвалидовъ) и военныхъ сиротъ. Основателемъ этого называютъ Пизистрата: увѣчные воины начали получать, въ родѣ пенсіи, отъ 1 до 2 оболовъ въ мѣсяцъ, по предварительнымъ освидѣтельствованію совѣтомъ 500 и утвержденію народомъ. Военныя же сироты—мальчики до 18 лѣтъ получали содержаніе и обученіе, а въ 18 лѣтъ—полное вооруженіе. Изократъ говоритъ, что ихъ было очень много.

Что касается управленія всемъ, касавшимся жалованья, содержанія и т. п. войскъ, то въ этомъ отношеніи въ различныхъ республикахъ Греціи было, кажется, большое разнообразіе, что̀ и естественно, и понятно. Въ тѣхъ, гдѣ въ главѣ правительства стали знатнѣйшіе и богатѣйшіе роды, имъ же принадлежало и военно-хозяйственное управленіе. Уже въ двухъ главныхъ республикахъ было большое въ этомъ отношеніи различіе: въ аѳинской оно принадлежало совѣту 500, а въ спартанской—эфорамъ. Безъ сомнѣнія, такое же различіе существовало и въ личномъ составѣ этого управленія. Но только объ аѳинской республикѣ имѣются въ этомъ отношеніи (какъ и въ другихъ) точныя свѣдѣнія. Общественная казна была образуема изъ двухъ источниковъ, которые оба были непрочны. По стариннымъ законамъ, излишки въ военное время назначались на войско, но позже народъ потребовалъ обращенія ихъ на теорику, т. е. на суммы, назначенныя на общественныя празднества и народныя увеселенія. Кромѣ того, для военной казны была назначена чрезвычайная подать съ имуществъ; но какъ она была утверждена очень неохотно, то и дохода почти не приносила. Но когда Аѳины достигли гегемоніи (верховенства въ Греціи), то, кромѣ этихъ двухъ источниковъ, располагали еще данью съ союзниковъ. Для завѣдыванія ею нѣкоторое время существовало особое управленіе или эллинское казначейство на о. Делосѣ, учрежденное по почину Аристида и сначала составленное изъ однихъ аѳинянъ. Они собирали дань и хранили ее въ казнохранилищѣ храма Аполлона, гдѣ происходили и собранія союзниковъ, а потомъ въ Аѳинахъ, куда союзная казна была перенесена для большей безопасности. Сначала изъ нея производились только расходы на союзныя войны и празднества, но позже аѳиняне обратили ее на собственные военные расходы. По Евклиду, такого рода учрежденій въ его время уже не было, но средства для расходовъ военныхъ и на общественныя празднества были отдѣлены одни отъ другихъ, и ими завѣдывали два особенныя управле-

нія. Для первыхъ былъ назначаемъ особый казначей, но, кажется, только на военное время. Впрочемъ для храненія и выдачи военныхъ суммъ были потребны многія высшія и низшія должностныя лица. Не всѣ полководцы и военачальники, по крайней мѣрѣ во времена Демосѳена, начальствовали исключительно войсками, но иные пѣхотой, другіе конницей, а третьи завѣдывали военнымъ управленіемъ, какъ по военно-судной части, такъ особенно по выдачѣ жалованья, для чего имѣли при себѣ казначеевъ. Демосѳенъ именно требовалъ, чтобы для храненія и расходованія военной казны были назначаемы казначеи и общественные служители, чтобы надъ ними былъ всевозможный надзоръ и чтобы отчеты были требуемы отъ нихъ, а не отъ полководцовъ. Между тѣмъ казначеи полководцовъ были, кажется, ихъ частными, а не общественными.

Контроль и отчетность военныхъ доходовъ и расходовъ были очень различны въ разныхъ республикахъ Греціи. Въ аристократическихъ, какъ Спарта и Критъ, высшія управленія были совершенно безконтрольны и безотчетны, но въ демократическихъ, особенно въ Аѳинахъ, было совершенно противное. Поэтому въ послѣднихъ существовали извѣстныя формы военно-хозяйственнаго управленія, счетоводства, письмоводства и дѣлопроизводства, исполнявшіяся подчиненными управлявшихъ и писцами, большею частію свободными, но иногда и рабами, нарочно тому обученными. Совершенно отличны отъ нихъ были дѣйствительные писцы совѣта и народа, имѣвшіе другихъ писцовъ помощниками при себѣ, и писцы-контролеры при совѣтѣ. Эти государственные писцы были, по словамъ Корнелія Непота, очень уважаемы у грековъ, и между ними находились даже лица высокихъ званія и состоянія. Они были, подобно членамъ совѣта, избираемы только на одинъ годъ и не два года сряду. По окончаніи срока выбора, счетоводство и контроль его образовали надлежащую отчетность въ нихъ. Послѣдняя была въ Аѳинахъ чрезвычайно широка и строга: никто не смѣлъ уклоняться отъ нея, особенно полководцы и тріерархи. Счеты и отчеты были вырѣзываемы на камнѣ и выставляемы публично на усмотрѣніе каждаго. Полководецъ, пока не представилъ, по окончаніи похода, въ назначенное время, надлежащаго отчета, не могъ получить ни награды, ни почести, ни отлучиться, и по закону отвѣчалъ всемъ своимъ имуществомъ. Тѣ управленія и лица, которыя въ Аѳинахъ были обязаны повѣрять счеты и отчеты, имѣли право находить ихъ неудовлетворительными или изобличать въ нихъ злоупотребленія, и въ этомъ случаѣ дѣло подлежало рѣшенію суда. А кто не представилъ въ свое время отчета, могъ быть преслѣдованъ судомъ.

Такимъ образомъ въ Аѳинахъ не было недостатка въ хорошихъ,

въ этомъ отношеніи, законахъ и учрежденіяхъ, даже теоретически совершенныхъ. Иное дѣло было исполненіе ихъ на самомъ дѣлѣ, въ практикѣ, для чего необходимы честная нравственность и хорошій духъ управленія. Но этого-то именно и недоставало грекамъ: за исключеніемъ меньшинства лучшихъ, нравственнѣйшихъ и безкорыстнѣйшихъ людей, большинство или масса народа была движима корыстными побужденіями, правительства и правители — безпорядочными страстями и дурными наклонностями, всѣ — поврежденными правилами и дурнымъ духомъ. Поэтому неудивительно, что какъ въ государствѣ вообще, такъ и въ военно-хозяйственномъ управленіи въ частности, царствовали обманъ, злоупотребленія и казнокрадство. Уже Аристидъ, современникъ Ѳемистокла, жаловался на это, а позже Демосѳенъ—и еще болѣе. Почти всѣ полководцы и особенно Мемнонъ Родосскій, Клеоменъ, Алкивіадъ, Хабрій и многіе другіе запятнали себя злоупотребленіями и присвоеніемъ себѣ денегъ, назначенныхъ на содержаніе войскъ. Даже Ѳемистоклъ и Периклъ не были свободны отъ упрековъ въ этомъ. По этой же причинѣ неудивительно, что греки въ своихъ войнахъ часто должны были находиться и дѣйствительно находились въ крайне трудномъ положеніи. Еще менѣе удивительно послѣ того, что греки прибѣгали, кромѣ означенныхъ выше источниковъ содержанія войскъ, къ такимъ, какъ персидскія субсидіи (напримѣръ Спарта противъ Аѳинъ), военная добыча, требованія добровольныхъ общественныхъ пожертвованій, займы, чеканеніе дурной монеты и т. п. Изъ нихъ военною добычей, по древнему народному праву, считались всѣ жители завоеваннаго края, безъ исключенія, съ ихъ женами, дѣтьми, рабами, движимымъ и недвижимымъ имуществомъ и проч., что̀ все поступало въ полную и совершенную собственность побѣдителя или завоевателя и у грековъ нерѣдко продавалось и изъ полученныхъ денегъ часть шла на содержаніе войскъ, а бо́льшая расхищалась. А вообще всѣ, означенные здѣсь источники, соединенные большею частію съ обманомъ, плутовствомъ, мошенничествомъ, кражей и пр. съ корыстолюбивыми цѣлями, были стыдомъ и позоромъ для грековъ вообще и для аѳинянъ въ частности (такъ какъ все сказанное выше относится преимущественно къ нимъ).

Все это, вмѣстѣ взятое, ведетъ къ тому общему заключенію, что и законные, и незаконные военные источники, при недобросовѣстномъ употребленіи ихъ, не были постоянными и прочными, а военные расходы превосходили средства греческихъ республикъ, особенно аѳинской, и, истощая непріятельскій или завоеванный и даже собственный край, не только не способствовали хорошему содержанію войскъ, но и были противны и вредны ему. А какъ зло это съ

ходомъ времени росло все болѣе и болѣе, то и не удивительно, что, въ числѣ многихъ другихъ причинъ, оно повело къ упадку Греціи и покоренію ея римлянами.

6) У македонянъ, до временъ Филиппа и Александра В., учрежденія касательно содержанія войскъ, исторически неизвѣстныя, вѣроятно были болѣе или менѣе общія народамъ, находящимся въ первобытномъ состояніи. Но даже и о состояніи ихъ при Филиппѣ и Александрѣ имѣется гораздо менѣе свѣдѣній, нежели о состояніи ихъ у грековъ. Это тѣмъ болѣе жаль, что, по многимъ согласнымъ указаніямъ Діодора, Плутарха и Квинта Курція, они должны были, кажется, быть сообразны съ цѣлію, хотя и не отличались существенно отъ греческихъ, такъ какъ Филиппъ и Александръ ввели въ Македоніи гражданственность, образованность, нравы и обычаи греческіе. Единственнымъ отличіемъ ихъ отъ греческихъ, безъ сомнѣнія, было то, что они были обусловлены монархическимъ правленіемъ, которое сообщало болѣе единства и силы управленію вообще и военному въ частности. Уже Филиппъ заслужилъ въ исторіи хвалу за то, что съ прозорливою заботливостью приготовилъ для войны съ Греціей нужныя средства въ людяхъ, оружіи, деньгахъ и пр. и побѣдилъ преимущественно хорошимъ устройствомъ своихъ военныхъ силъ. При этомъ достовѣрно извѣстно, что македонскія войска получали жалованье и содержаніе такимъ же образомъ, какъ и греческія.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ военно-хозяйственныя мѣры Александра В. въ его войнахъ, но, къ сожалѣнію, исторія даетъ мало свѣдѣній о нихъ. По остроумному замѣчанію одного французскаго писателя, если исторія умалчиваетъ о военно-хозяйственныхъ мѣрахъ и распоряженіяхъ, то это значитъ, что они были хороши; если-же они были нехороши, то исторія непремѣнно выставляетъ это. Допустивъ такое положеніе, можно сказать, что такого рода мѣры и распоряженія Александра В. вообще были вѣроятно хороши, такъ какъ исторія мало что́ сообщаетъ о нихъ. Причиною можно принять то, что Александръ В., болѣе нежели кто-либо изъ полководцовъ тогдашняго времени, ясно сознавалъ какъ зависимость войска отъ состоящихъ въ распоряженіи средствъ продовольствованія и вообще содержанія его, такъ и необходимость правильнаго взаимнаго отношенія ихъ, и потому умѣлъ избѣжать главной ошибочности тогдашняго образа веденія войны.

Онъ открылъ войну противъ Персіи лишь съ 35 т. войскъ, снабженныхъ продовольствіемъ на 30 дней, въ продолженіи которыхъ могъ надѣяться вести войну независимо отъ собственныхъ средствъ и содержать свою небольшую армію въ непріятельскомъ краю удобнѣе, нежели еслибы она была сильнѣе. Поэтому и совѣтъ Мемнона—

отступать, разоряя край—по этой же причинѣ не былъ бы особенно вреденъ для арміи Александра В. Тому же способствовала и ограниченность тяжестей или обоза этой арміи, въ которомъ было только самое необходимое число повозокъ, людей и животныхъ и ничего лишняго, а также и то, что въ персидскихъ областяхъ и прежде всего въ малоазіятскихъ способъ содержанія персидскихъ войскъ могъ тотчасъ же безъ труда и неудобства быть обращенъ на содержаніе небольшой арміи Александра В. Это именно и было исполнено послѣднимъ послѣ сраженія при Граникѣ и позже: онъ замѣнялъ персидскихъ сатраповъ своими намѣстниками, съ приказаніемъ собирать туже дань, что́ и прежде, и никакъ не болѣе. Этимъ онъ избѣгалъ всякой перемѣны въ гражданскомъ и военномъ управленіи края, которая произвела бы только уменьшеніе доходовъ и правильности содержанія арміи. Такимъ образомъ вся Малая Азія значительно способствовала содержанію этой арміи; Тиръ, еще до осады его, выслалъ Александру продовольствіе и дары, дабы склонить его въ свою пользу, и во всѣхъ богатыхъ приморскихъ областяхъ Сиріи, Финикіи, Палестины и до границъ Египта армія не имѣла недостатка въ продовольствіи, а напротивъ у жителей края былъ для нея излишекъ запасовъ. Когда позже Александръ далъ своей арміи отдыхъ при Экатомпилонѣ, то ей со всѣхъ сторонъ стали подвозить продовольствіе, такъ что это уже былъ родъ правильной реквизиціонной системы, при содѣйствіи мѣстныхъ властей. И въ этомъ случаѣ также продовольствованіе небольшой арміи Александра было гораздо удобнѣе и легче, нежели огромныхъ персидскихъ армій. По единогласнымъ показаніямъ Діодора, Арріяна и Курція, Александръ нашелъ въ Дамаскѣ 2,600 талантовъ (въ томъ числѣ 500 въ слиткахъ), въ Арбелѣ 4 т., въ Сузѣ 40 т. и 9 т. дариковъ, въ Персеполѣ 120 т., въ Пасаргадѣ 6 т., въ Экбатанѣ 180 т., всего болѣе 352,600 талантовъ (болѣе 423.120,000 р.) въ общественной казнѣ и употребилъ ихъ на потребности какъ своей арміи, такъ и завоеваннаго края, и одинаково правильно и справедливо удовлетворилъ тѣмъ и другимъ. Еслибы въ персидскихъ областяхъ вовсе не было никакого гражданскаго или спеціально-военнаго устройства для содержанія войскъ, то правильная реквизиціонная система была бы неисполнима, а неправильная, вмѣсто нея, была бы крайне вредна и для арміи, и для края.

Позже, когда Александръ не нашелъ такого же гражданскаго и военнаго устройства въ сѣверо-восточныхъ областяхъ Персіи и особенно на походѣ черезъ Паропамизъ къ сѣверу, армія его начала сильно нуждаться въ продовольствіи и терпѣть отъ голода и холода въ горахъ, отъ болѣзней и смертности. Тогда же правильная рек-

визиціонная система сдѣлалась невозможною и была по необходимости замѣнена скуднымъ содержаніемъ войскъ отъ жителей края. Но послѣдніе скрывали свои запасы, и войска наконецъ были принуждены питаться кореньями, рыбой изъ рѣкъ и даже своими вьючными животными. Только въ Бактріанѣ прибыло въ армію много вьючныхъ животныхъ и 2 т. верблюдовъ съ продовольствіемъ и стада́ скота. Для дальнѣйшаго похода войска должны были взять съ собою на 6 сутокъ вареной пищи (какой именно—неизвѣстно). При Нисѣ (Nysa), по сдачѣ ея, армія 10 дней отдыхала, праздновала религіозное празднество Вакху и пировала изъ собраннаго по этому случаю продовольствія. Но что и при этомъ Александръ постоянно слѣдовалъ плану правильнаго продовольствованія арміи, свидѣтельствуется Курціемъ. По его словамъ, въ походѣ къ Инду и внизъ по немъ, окрестные жители были щадимы и только обязаны поставлять въ армію продовольствіе. Не смотря на то, при дальнѣйшемъ движеніи произошелъ голодъ и, вслѣдствіе его, даже заразительныя болѣзни. Поэтому намѣстникамъ областей въ тылу было приказано поспѣшно выслать въ армію на верблюдахъ запасы продовольствія и готовую пищу. Но въ 60-дневномъ обратномъ походѣ чрезъ Гедрозію и Караманію $^3/_4$ арміи, по Плутарху, погибли отъ голода и болѣзней.

По возвращеніи въ Вавилонъ, Александръ предалъ суду сатраповъ и намѣстниковъ, которыхъ обвинилъ въ небрежности и медленности доставленія продовольствія въ армію. Изъ этого можно заключить, что они были обязаны правильно производить такого рода доставки, и что Александръ съ этою цѣлію приложилъ особенное стараніе къ уничтоженію многихъ злоупотребленій и притѣсненія жителей края, къ введенію правильнаго гражданскаго и военнаго хозяйственнаго управленія, а также и къ постоянному соблюденію хорошихъ взаимныхъ отношеній между войсками и жителями. Такъ, напримѣръ, по возвращеніи въ Вавилонъ, онъ приказалъ воинамъ своей арміи объявить свои долги, и когда они отнеслись къ этому недовѣрчиво и медлили исполненіемъ, онъ велѣлъ разставить въ лагерѣ столы съ деньгами на нихъ и уплатить изъ нихъ долги каждаго, вѣря ему на слово, даже безъ записыванія его имени, и такимъ образомъ уплатилъ всего до 20 т. талантовъ (около 24 милліоновъ рублей) долгу.

Такимъ образомъ война Александра В. съ Персіей отличалась отъ прежнихъ войнъ тѣмъ, что онъ смотрѣлъ на продовольствованіе арміи и всѣ связанныя съ нимъ соображенія и распоряженія, какъ входящія въ область стратегіи, съ правильной и вѣрной точки зрѣнія. Поэтому онъ считалъ упроченіе и обезпеченіе ихъ важною частію обязанностей полководца, зналъ истинную цѣну ихъ, согласовалъ съ ними собственно военныя дѣйствія и тѣмъ избѣжалъ

невыгодныхъ послѣдствій, которыя часто вело за собою пренебреженіе такихъ мудрыхъ и необходимыхъ правилъ.

По смерти Александра В. и распаденіи монархіи его на четыре части, полководцы-преемники его продолжали руководствоваться тою же системой, хотя и не съ такимъ искуствомъ. Но ближайшихъ свѣдѣній объ этомъ не имѣется, и притомъ государства, образовавшіяся изъ монархіи Александра В., впослѣдствіи вошли въ кругъ политики и наконецъ завоеваній Рима.

7) У римлянъ все, касающееся вообще содержанія войскъ, представляетъ особенную занимательность, тѣмъ болѣе, что имѣетъ наибольшую въ древности степень совершенства и что о немъ сохранились въ исторіи подробныя и вѣрныя свѣдѣнія. Частную исторію этого предмета можно раздѣлить на 4 главные періода: 1) отъ основанія Рима до введенія жалованья войскамъ въ 404 году передъ Р. Х., 2) отъ этого времени до Августа, 3) отъ Августа до Діоклитіяна и 4) отъ Діоклитіяна до паденія западной имперіи. При разсмотрѣніи каждаго изъ нихъ (какъ и вообще военно-хозяйственнаго управленія въ древности) необходимо постоянно имѣть въ виду слѣдующіе вопросы: какія были потребности? затѣмъ средства удовлетворенія ихъ? далѣе способы исполненія того? и наконецъ вся система военно-хозяйственнаго управленія?

Въ отношеніи къ 1-му періоду, всѣ эти вопросы разрѣшаются очень просто и несложно. Римъ, съ необширною землею вокругъ, съ гражданами, кормившимися земледѣліемъ, съ самаго начала не могъ имѣть большихъ военныхъ потребностей. Изъ нихъ, общественныхъ расходовъ прежде всего потребовали построеніе и содержаніе укрѣпленій Рима, именно — наружной ограды или стѣны и внутренней крѣпости или цитадели — Капитолія, въ которомъ хранились казна и все драгоцѣннѣйшее для Рима. Сооруженіе ихъ принадлежало къ тѣмъ предметамъ, которые римляне называли opera publica (общественные предметы), т. е. которые устроивались и содержались на общественный счетъ. Они были впрочемъ почти единственными въ этомъ родѣ, потому что войска не получали ни жалованья, ни содержанія и сами должны были снабжать себя и одеждой, и оружіемъ, и продовольствіемъ. А это было не слишкомъ трудно, потому что и кругъ военныхъ дѣйствій, и продолжительность ихъ были очень ограничены. Главною пищей римскихъ воиновъ въ походѣ первоначально былъ мучной кисель (puls), потомъ въ мѣдныхъ котлахъ изготовляли родъ хлѣба (panis clibanites) и сухарей (buccetatum), послѣдніе, можетъ быть, изъ того же хлѣба и въ тѣхъ же котлахъ. Мучной провизіи для этого каждый воинъ бралъ на 15 дней и несъ на себѣ въ кожаномъ мѣшкѣ (на спинѣ,

а позже на лагерномъ колѣ, на правомъ плечѣ). Но лошадей конницы покупало и содержало правительство, и оно же должно было устроивать нужныя для осадъ военныя машины и орудія. Титъ Ливій говоритъ, что при Серзіѣ Тулліѣ на это назначено было 10 т. ассовъ (1 фунтъ мѣди на вѣсъ *). Кромѣ того, консуламъ и проконсуламъ, какъ въ мирное время багряница (praetexta), такъ въ походѣ ставка и походныя и лагерныя принадлежности были выдаваемы на счетъ правительства. Но расходы на всѣ эти предметы въ то время были еще очень незначительны, даже и на постройку и содержаніе укрѣпленій Рима, для чего имѣлись ничего не стоившіе каменоломни и рабы, и нужно было только кормить послѣднихъ. Всѣ военныя потребности вообще удовлетворялись изъ общественныхъ податей съ римскихъ гражданъ, до Сервія Туллія — подушныхъ, а съ его времени — имущественныхъ по цензу. Титъ Ливій называетъ военные расходы — belli munia, изъ чего можно заключить, что поводомъ къ нимъ послужили военныя потребности и они сначала производились исключительно на военныя цѣли. О военно-хозяйственномъ же управленіи въ 1-мъ періодѣ ничего достовѣрнаго неизвѣстно.

Во 2-мъ періодѣ, съ введеніемъ въ Римѣ жалованья войскамъ и, вслѣдствіе того, постояннаго войска, государственные финансы постепенно стали получать большіе: размѣры, разнородность, сложность и искуственность въ управленіи. Первоначальная мысль назначить легіонамъ жалованье возникла въ сенатѣ въ 348 г. отъ основанія Рима или 404 г. до Р. Х., во время войны съ вольсками. Гласною причиной того было намѣреніе наградить легіоны за храбрость, оказанную ими при взятіи одного города вольсковъ, но негласною — то, что римлянамъ необходимо было, во что ни стало бы, овладѣть крѣпкимъ городомъ Веіи, лежавшимъ слишкомъ близко отъ Рима, а въ одинъ лѣтній походъ этого сдѣлать было невозможно. Поэтому положено — впервые продолжать обложеніе и осаду Веій осенью и зимой, пока этотъ городъ не былъ бы взятъ, а чтобы легче склонить на то легіоны, доселѣ не имѣвшіе обычая совершать осеннихъ и зимнихъ походовъ, сенатъ именно и положилъ назначить имъ за это время жалованье, а народъ съ радостью и благодарностью къ отцамъ, т. е. къ сенаторамъ, утвердилъ эту новую мѣру. Поэтому въ самомъ началѣ жалованье войскамъ служило вовсе не побужденіемъ къ военной

*) Считая 1 ассъ цѣнностью на теперешнія деньги около $6\frac{1}{2}$—7 коп. или 2—$2\frac{1}{2}$ прусскихъ гроша, 10 т. ассовъ=около 700 р.=около 666 прусскихъ талеровъ. Но у Рихтгофена назначено около 4 т. прусскихъ талеровъ, можетъ быть потому, что деньги во время Сервія Туллія были еще очень дороги и имѣли гораздо бо́льшую цѣнность, нежели позже.

службѣ, а только воспособленіемъ во время ея. Такимъ образомъ возникла новая статья военныхъ расходовъ, уже гораздо значительнѣйшая, нежели всѣ прежнія, сдѣлавшаяся постоянною, постепенно все возроставшая и наконецъ достигшая, можно сказать, такой же несоразмѣрности и даже чрезмѣрности, чтó и само государство.

Жалованья (stipendium) первоначально было назначено ежедневно пѣшему воину 2 обола, а конному 6 или 1 драхма (такъ означаетъ его Полибій на греческія деньги, при чемъ 1 драхма равнялась 10 римскимъ ассамъ). Такъ какъ Римъ содержалъ въ первыя времена обыкновенно 4 легіона = 4 т. чел. пѣхоты и 300 чел. конницы, то они получали ежедневно около 5,634 драхмъ (т. е., считая 1 драхму на теперешнія деньги цѣнностью около 5 прус. грошей = 15 коп., ежедневно всего около 1,173 прус. талеровъ = около 1,056 рублей, а въ годъ около 422,280 талеровъ = 380,052 рублей). По этому легко можно разсчитать, въ какой мѣрѣ этотъ расходъ долженъ былъ возростать съ умноженіемъ числа легіоновъ и людей въ нихъ. При этомъ нужно еще принять въ соображеніе, что золото и серебро въ то время были еще очень рѣдки въ Италіи (серебряная монета появилась въ Римѣ только въ 485 г. отъ О. Р. или въ 267 г. до Р. Х., а золотая въ 547 г. отъ О. Р. или въ 205 г. до Р. Х.). До 2-й пунической войны 10 римскихъ мѣдныхъ ассовъ равнялись 1 греческой серебряной драхмѣ, которую римляне называли денаріемъ (denarius), и такими-то денаріями и производилось жалованье римскому пѣшему воину по одному каждые 3 дня, а конному—по одному ежедневно.

Когда впослѣдствіи, по финансовымъ затрудненіямъ, сенатъ былъ вынужденъ чеканить мѣдную монету низшаго достоинства, именно изъ 1 фунта мѣди не 10 ассовъ, а 12 и наконецъ даже 24, то сдѣлалъ соразмѣрную тому прибавку къ жалованью и поступилъ мудро, потому что все зависѣло отъ того, чтобы войска были довольны и расположены хорошо служить.

Однако изъ жалованья производились вычеты: пѣшему воину — за $^2/_3$ аттическаго медимна (греческая мѣра по Полибію) пшеницы ежемѣсячно, а конному — за 2 медимна пшеницы и 7 медимновъ ячменя, ежемѣсячно же выдаваемыхъ отъ казны. Но пшеница и ячмень въ то время были очень дешевы, такъ что пѣшему воину изъ 30 дней (каждый мѣсяцъ считался одинаково въ 30 дней) вычиталось только около одного дня жалованья. Легіоны возили за собой на лошадяхъ ручныя мельницы для перемола пшеницы.

Позже изъ жалованья производились вычеты также за одежду, вооруженіе и ставки, выдаваемыя отъ казны (по свидѣтельству Тацита), но въ какомъ размѣрѣ — въ точности неизвѣстно.

Когда кромѣ римскихъ легіоновъ стали набираться и союзные, получавшіе вооруженіе и жалованье отъ народовъ, выставлявшихъ ихъ, то римское правительство выдавало имъ безплатно столько же пшеницы и ячменя, сколько и римскимъ.

Замѣчательно, что въ эти времена легіоны никогда не жаловались на недостаточныя мѣру или доброту выдаваемаго имъ продовольствія. Причинами этого были частію умѣренность римлянъ въ пищѣ и первоначальная ограниченность способовъ продовольствованія, частію же всеобщая, въ первые 5 вѣковъ отъ О. Р., честность въ поставкѣ и раздачѣ продовольствія, общая всѣмъ гражданамъ, и исключеніе вольно-отпущенниковъ и рабовъ, которые не допускались къ тому. Кромѣ того, и сами полководцы считали своимъ долгомъ всегда лично присутствовать при раздачѣ продовольствія. Юлій Цезарь, въ случаѣ отсутствія изъ лагеря, ко дню раздачи всегда возвращался въ него.

Розданный зерновой хлѣбъ воины сами перемалывали, либо между двухъ камней, либо ручными мельницами, которыхъ было по одной на центурію, и сами варили себѣ кисель (puls) или пекли хлѣбъ. Каждый имѣлъ при себѣ уксусъ, для примѣси къ водѣ во время жаровъ.

Къ каждому полководцу назначался квесторъ, который завѣдывалъ всею военно-хозяйственною частью въ арміи, раздавалъ жалованье и продовольствіе, наблюдалъ за мѣрой и добротой продовольствія и бойнаго скота и пр.

Одежда римскихъ воиновъ была уже достаточно описана прежде. Первоначально она состояла изъ субукулы (subucula)—родъ рубашки на тѣлѣ, на ней туники (tunica) безъ рукавовъ, и тоги (toga) сверху въ накидку, а въ дождь или холодъ—пенулы (paenula) съ наголовникомъ и подобной ей лацерны (lacerna). Голова обыкновенно оставалась непокрытою и только въ сильный жаръ прикрывалась угломъ тоги, или же головнымъ уборомъ служила шляпа съ широкими полями (petasus), или небольшая кожаная каска (cudo), или же металлическій шлемъ (cassis). Ноги обыкновенно оставались голыми, но зимою воины носили udones — родъ кожаныхъ носковъ. Исподняго платья (штановъ) не носили и презирали его, какъ свойственное однимъ варварамъ (они вошли въ употребленіе только послѣ Августа). Обувью служили калиги (caligae)—родъ полусапоговъ, солеи (soleae), также calceus и sculponea. Юлій Цезарь назначилъ награду за изобрѣтеніе лучшей, непромокаемой обуви и изъ представленныхъ ему выбралъ одну, кожаную, выше прежней (въ родѣ теперешнихъ сапоговъ), сказавъ при этомъ: isti valent (эти годятся); изъ соедине-

нія этихъ двухъ словъ по мнѣнію ученыхъ произошли, будто бы позднѣйшія слова—итальянское stivale и отъ него нѣмецкое Stiefel.

Вооруженіе было описано выше. По новѣйшимъ вычисленіямъ, вѣсъ всего того, что римскій воинъ въ походѣ несъ на себѣ, простирался до 60 фунтовъ (гораздо болѣе, нежели вѣсъ того же въ наше время). Одеждой воины снабжали себя сами; только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ быть, казна выдавала матеріалъ по поставкамъ, съ вычетомъ изъ жалованья. Совершеннаго однообразія въ одеждѣ (какъ нынѣ) не было, но начальники наблюдали только за чистотою ея и достаточностью для здоровья воиновъ. Если къ этому прибавить шалаши изъ досокъ или камыша и позже кожаныя ставки, со временъ Пирра всегда перевозимыя за войсками, то окажется, что римскій воинъ былъ достаточно для здоровья защищенъ отъ перемѣнъ воздуха и погоды.

Денежные расходы на все вообще содержаніе войскъ, по введеніи жалованья, покрывались изъ податей, платимыхъ самими же римскими гражданами и опредѣляемыхъ исключительно сенатомъ, а народъ не имѣлъ въ этомъ голоса. Это очень важно, потому что если бы народъ утверждалъ подати, то Римъ никогда не былъ бы въ состояніи содержать армій, вести завоевательныя войны и достигнуть всемірнаго владычества. Уже 6 лѣтъ послѣ взятія Веій народъ роиталъ на подати, однако платилъ ихъ. Титъ Ливій говоритъ, что чѣмъ болѣе увеличивалось число войскъ, тѣмъ болѣе было потребно денегъ на содержаніе ихъ, но подати для того, на которыя всѣ роптали, должны были взиматься и были взимаемы, даже и тогда, когда съ распространеніемъ завоеваній римлянъ стали открываться новые источники доходовъ. Но эти доходы поступали въ государственную казну, а народъ все таки долженъ былъ платить подати, послѣ сраженія при Каннахъ даже двойныя. И чѣмъ болѣе завоевательныхъ войнъ вели римляне, тѣмъ бо́льшія подати долженъ былъ платить народъ. Слова Юлія Цезаря: «война питаетъ войну» въ этомъ отношеніи вовсе непримѣнимы: въ дѣйствительности завоеванія Рима были искуплены не одними только кровью и жизнью его гражданъ, но и имуществомъ ихъ. Подати платились ими съ имущества по цензу, тѣсно связанному съ содержаніемъ войскъ. Цензъ, производившійся каждыя 5 лѣтъ, состоялъ во 1-хъ изъ общаго смотра всѣхъ гражданъ, способныхъ къ военной службѣ, на Марсовомъ полѣ, сначала передъ царями, потомъ передъ консулами и, по учрежденіи цензоровъ, передъ этими послѣдними, съ переписью при этомъ всѣхъ и каждаго по имени, возрасту, годамъ службы и пр.,—и во 2-хъ изъ народной и имущественной переписи, т. е. семействъ, свободныхъ лицъ и родовъ, земли, скота и пр. На основаніи ценза

производилось распредѣленіе на классы народа и войска, а сенатъ могъ въ точности расчитывать, сколько и въ какой соразмѣрности различные классы должны были платить нужныхъ податей. Особенностью при этомъ было то, что подати платили одни высшіе классы или, по крайней мѣрѣ, въ сравнительно высшихъ размѣрахъ, и это считалось особенною честью для нихъ. Изъ этой черты національнаго характера уже можно заключить, что подати по цензу, подтверждаемому кромѣ того присягой, взимались добросовѣстно. По мнѣнію Полибія, ничто такъ не содѣйствовало величію Рима, какъ эти честность и добросовѣстность національнаго характера, въ это время, въ уплатѣ податей и управленіи общественною и военною казной. Онѣ были, какъ и всегда будутъ, твердымъ и прочнымъ основаніемъ правильныхъ и прочныхъ содержанія войска и военно-хозяйственнаго управленія и причиною устраненія нуждъ, лишеній и неуспѣховъ армій.

Сверхъ податей, опредѣленныхъ цензомъ, источникомъ средствъ для содержанія войскъ были еще: 1) подать съ вольноотпущенниковъ, при освобожденіи ихъ, и 2) соляная монополія, на которую указываетъ, кажется, и происшедшее изъ нея слово salar (соляныя деньги), отъ котораго произошли позднѣйшія слова: французское—salaire и нѣмецкое—Sold (жалованье).

По совершеніи завоеваній въ Италіи и внѣ ея, источники содержанія войскъ значительно умножились и были частію случайные и неопредѣленные, частію постоянные.

Къ первымъ принадлежали: 1) выкупъ, получаемый за продаваемыхъ, по обычаю того времени, въ рабство военноплѣнныхъ, 2) военная добыча, т. е. все безъ исключенія, взятое въ завоеванномъ краѣ, 3) всѣ цѣнности въ наличныхъ деньгахъ, металлахъ и т. п., также взятыя въ немъ, 4) поставки изъ него, посредствомъ контрибуцій, продовольствія, матеріаловъ для одежды, оружія, ставокъ, лошадей, судовъ и пр. т. п., и 5) дань, налагаемая на жителей того же края, на жалованье войскамъ. Всѣ эти источники доставляли громадныя средства.

Но вѣрнѣе ихъ были постоянные источники: 1) подушныя подати и таможенные сборы, какъ съ римлянъ,—2) подати поземельныя, съ произведеній земли, съ скота и т. п.,—3) подати произведеніями земли натурой, шедшія частію на продовольствованіе войскъ въ завоеванномъ краѣ, частію въ склады запасовъ въ Римѣ, при чемъ перевозка этихъ запасовъ производилась преимущественно моремъ или по рѣкамъ и гораздо менѣе сухимъ путемъ на вьючныхъ животныхъ, которыхъ вообще было мало. Однако каждый легіонъ имѣлъ опредѣленное число своихъ вьючныхъ живот-

ныхъ и повозокъ, на которыхъ перевозились ставки съ принадлежностями, оружіе, одежда, рабочія орудія, продовольствіе, вино и пр. Все это называлось у римлянъ impedimenta (буквально—препятствія, т. е. къ скорому движенію, собственно—тяжести, нынѣ багажъ). Но вьючныя животныя (преимущественно мулы) были въ большемъ употребленіи, нежели повозки, по причинѣ бо̀льшаго удобства прохода по труднымъ дорогамъ. Въ числѣ тяжестей перевозились, на придѣлываемыхъ колесахъ, также мостовыя лодки (ponticuli, понтоны) для устройства мостовъ, а въ нихъ—разныя тяжести.

При разнообразіи источниковъ и увеличеніи расходовъ на содержаніе войскъ, и управленіе доходами и расходами на него также должно было требовать новыхъ учрежденій. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что всѣ деньги, принадлежавшія государству, складывались и хранились въ казнохранилищѣ (aerarium, отъ aes, родит. aeris —мѣдь, изъ которой первоначально была выбиваема монета), въ сводчатомъ склепѣ подъ храмомъ Сатурна въ Капитоліѣ. Особеннаго раздѣленія денегъ въ немъ еще не было, но было особенное отдѣленіе— aerarium sanctius или священное казнохранилище, въ которомъ хранился неприкосновенный капиталъ на случай крайней потребности. Казнохранитель не могъ выдавать изъ казны ни малѣйшей суммы денегъ безъ приказанія сената, который одинъ имѣлъ распоряженіе казной.

По свидѣтельству Тита Ливія, ежегодно послѣ выборовъ сенатъ опредѣлялъ расходы на слѣдующій годъ, и главными были военные. Поэтому у римлянъ, у первыхъ въ исторіи, усматривается составленіе военной смѣты. Она, по годамъ и обстоятельствамъ, бывала различная, смотря по тому, сколько выставлялось легіоновъ. Изъ этого слѣдуетъ также, что римляне въ этомъ періодѣ всегда соразмѣряли военные расходы съ имѣвшимися средствами и этимъ именно достигали систематическаго и прочнаго способа содержанія своихъ армій.

Военно-хозяйственное управленіе не было отдѣлено отъ общаго государственнаго, и оба лежали на квесторахъ, которые уже при царяхъ, а потомъ при консулахъ, были избираемы народомъ. Первоначально ихъ было два и они завѣдывали государственною казной, выплачивали войскамъ жалованье, продавали съ публичнаго торга военную добычу и военноплѣнныхъ, равно и достававшіяся государству имущества, а также чеканили монету. Но уже въ 333 г. отъ О. Р. или 421 г. до Р. Х., сверхъ этихъ двухъ квесторовъ, которые оставались въ Римѣ, стали быть избираемы еще два, которые назначались состоять при консульскихъ арміяхъ казначеями и управлявшими всею вообще военно-хозяйственною частію въ нихъ (по Тациту—

ad ministeria belli; они соотвѣтствовали нынѣшнимъ генералъ-интендантамъ). Впослѣдствіи вѣроятно избиралось столько же квесторовъ, сколько было провинцій и армій въ нихъ. Со времени Силлы, по свидѣтельству Тацита, ихъ ежегодно избиралось 20, которые по жребію назначались во столько же армій. Кандидатъ на эту должность долженъ былъ передъ тѣмъ прослужить 10 лѣтъ въ военной службѣ (или 10 полугодовыхъ походовъ) и поэтому, такъ какъ военная служба считалась съ 16 лѣтъ, имѣть не менѣе 26 лѣтъ. Квесторы стояли ниже цензоровъ и, кажется, находились подъ ихъ надзоромъ и контролемъ. И тѣ, и другіе имѣли многихъ подчиненныхъ имъ чиновниковъ, какъ-то: писцовъ (scribae), изъ которыхъ состоявшіе при квесторахъ назывались квесторскими (scribae quaestorii) и занимались счетоводствомъ, письмоводствомъ, расчетомъ и выдачею продовольствія, составленіемъ строевыхъ вѣдомостей и т. п.,—метаторовъ и мензоровъ (metatores, mensores), выбиравшихъ мѣста подъ лагери и разбивавшихъ ихъ,—фрументаріевъ (frumentarii), завѣдывавшихъ перевозкой продовольствія, и вообще—либраріевъ (librarii) или книго-и счето-водителей. Всѣ эти чины у римлянъ были въ пренебреженіи и считались приличными только вольноотпущенникамъ. Это кажется довольно страннымъ, потому что квесторы мѣнялись ежегодно, и всѣ подробности военно-хозяйственнаго управленія лежали собственно на писцахъ, которые, по замѣчанію Плутарха, одни преимущественно вели всѣ дѣла по этому управленію, а Цицеронъ даже прямо говоритъ, что римляне должны были признавать законнымъ только то, что̀ подчиненные квесторовъ, какъ и цензоровъ, выдавали за такое. Такимъ образомъ лица, входившія въ личный составъ военно-хозяйственнаго управленія, не принадлежа къ сословію римскихъ гражданъ и стоя ниже ихъ, внѣ народа и войска, не имѣли тѣсно связанныхъ съ ними интересовъ, а напротивъ даже противуположные имъ. А это естественно должно̀ было имѣть большее или меньшее вліяніе на благосостояніе и войска, и государства вообще. Вольноотпущенники не раздѣляли съ римскими гражданами той честности, которую исторія представляетъ лучшею добродѣтелью ихъ и такъ высоко восхваляетъ. Плутархъ говоритъ, что когда Катонъ младшій былъ назначенъ квесторомъ, то самъ входилъ во всѣ подробности квестуры, нашелъ много и непроизвольныхъ, и преднамѣренныхъ упущеній и злоупотребленій подчиненныхъ, которые за то возненавидѣли его и старались всячески вредить ему. Вообще изъ всего, что̀ Плутархъ говоритъ объ этомъ, оказывается, что этотъ классъ людей позволялъ себѣ большія злоупотребленія всякаго рода, тѣмъ болѣе, что получалъ небольшое жалованье, а должности ихъ были продажныя. Писцы вообще раздѣлялись на декуріи по 16 чел.,

опредѣлялись, перемѣщались и повышались своими начальниками, но были пожизненными и несмѣняемыми. Кромѣ нихъ, квесторы въ провинціяхъ имѣли при себѣ еще переводчиковъ (interpretes), а при государственной казнѣ состояли еще tribuni aerarii, черезъ руки которыхъ шло, кажется, жалованье войскамъ, но о которыхъ болѣе свѣдѣній никакихъ не имѣется. Изъ всего этого слѣдуетъ вообще то, что у римлянъ въ это время существовало правильное и обширное военно-хозяйственное управленіе, съ полнымъ личнымъ составомъ и своеобразнымъ устройствомъ и дѣлопроизводствомъ.

Управленіе странами или областями, завоеванными или занятыми римскими арміями, различалось по времени, именно—во время самыхъ военныхъ дѣйствій и послѣ нихъ. Въ первомъ случаѣ, ни реквизиціи, ни неправильныя фуражировки, ни полумѣсячное продовольствіе, которое римскій воинъ носилъ на себѣ, не устраняли необходимости имѣть въ тылу арміи продовольственнаго и инаго основанія дѣйствій. Причиною этого было частію то, что военныя дѣйствія нерѣдко продолжались долго, и въ началѣ ихъ трудно было находить на театрѣ войны или военныхъ дѣйствій нужные способы, частію же то, что римляне, въ своихъ постепенныхъ завоеваніяхъ, не знали ни новыхъ для нихъ странъ, ни свойствъ, ни жителей ихъ, ни языка, ни нравовъ и обычаевъ послѣднихъ. То, что̀ было находимо, было расхищаемо, признаваемо военной добычей, продаваемо за безцѣнокъ и, слѣдовательно, мало могло служить къ обезпеченію содержанія армій. Поэтому сообщенія въ тылу и подвозы по нимъ все-таки составляли главное основаніе для обезпеченнаго содержанія дѣйствовавшихъ армій, сначала—изъ собственныхъ римскихъ провинцій, а потомъ постепенно—изъ первой завоеванной во вторую, третью и т. д., въ которыхъ подвозимые способы и складывались въ особыя мѣста храненія ихъ (магазины). Вегецій говоритъ, что голодъ есть самое страшное зло, грозящее арміи, и потому полководецъ долженъ прежде и болѣе всего заботиться о лишеніи непріятеля средствъ продовольствованія и о п о с т о я н н о м ъ, с в о б о д н о м ъ и д о с т а т о ч н о м ъ п о д в о з ѣ и х ъ д л я с а м а г о себя, а для того заблаговременно дѣлать вѣрный расчетъ всего необходимаго для арміи, въ удобныхъ и хорошо-укрѣпленныхъ мѣстахъ учреждать магазины, собирать запасы продовольствія изъ занимаемаго края, тщательно сберегать ихъ, бережливо расходовать, болѣе по числу людей, нежели по чинамъ, зимою заготовлять дрова и фуражъ, лѣтомъ заботиться о свѣжей водѣ, во всякое же время—о достаточныхъ запасахъ зерна, вина, уксуса и соли, и мѣста склада всѣхъ этихъ запасовъ снабжать достаточными гарнизонами, оружіемъ и метательными орудіями. О снабженіи продовольствіемъ крѣпостей Вегецій говоритъ,

что послѣднія можно брать либо приступомъ, либо отрѣзываніемъ отъ нихъ продовольствія и воды и принужденіемъ ихъ къ сдачѣ голодомъ. Для отвращенія же этого онъ совѣтуетъ заблаговременно снабжать крѣпости всякаго рода продовольствіемъ, фуражомъ и пр., а также высылать вонъ стариковъ, женщинъ и дѣтей. Изъ комментаріевъ Цезаря видно, какія затрудненія всегда причиняли замедленіе въ доставкѣ или недоставка въ его армію союзными племенами продовольствія, какое невыгодное вліяніе на военныя дѣйствія его имѣло какъ это, такъ и прерваніе, хотя бы временное, свободнаго движенія по сообщеніямъ въ тылу его арміи и какъ онъ тщательно заботился всегда объ обезпеченіи этого движенія, этихъ путей сообщенія и складовъ запасовъ на нихъ. Вообще исторія войны его въ Галліи богата доказательствами, до какой степени Цезарь былъ убѣжденъ въ первостепенномъ вліяніи продовольствованія войскъ и управленія имъ на самыя военныя дѣйствія, и самъ смотрѣлъ на это, какъ на предметъ большой важности для полководца.

И въ глазахъ римскаго сената эти соображенія и, вслѣдствіе ихъ, хорошее управленіе завоеванными провинціями имѣли большія важность и цѣну. Поэтому до начала междуусобныхъ войнъ сенатъ и обращалъ особенное вниманіе на хорошее управленіе этими провинціями, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ военномъ отношеніи, и не съ цѣлію обогащенія, а съ всевозможною пощадой. Но позже это измѣнилось совершенно и, вмѣстѣ съ твердо поставленною задачей—покорить міръ и господствовать въ немъ, съ распространеніемъ роскоши и развращеніемъ нравовъ при этомъ, управленіе завоеванными провинціями служило только къ разоренію и истощенію ихъ и къ обогащенію правителей ихъ всякими незаконными способами.

До этого же времени, по завоеваніи новой провинціи и назначеніи правителя въ ней, первымъ дѣломъ сената всегда было утвердить военный штатъ ея, съ квесторомъ при правителѣ. Этотъ квесторъ, при всѣхъ обязанностяхъ своихъ, означенныхъ выше, преимущественно долженъ былъ заботиться объ учрежденіи въ провинціи, во всѣхъ отношеніяхъ, военнаго основанія для дальнѣйшихъ дѣйствій въ одной или болѣе сосѣднихъ провинціяхъ, особенно по части продовольствованія дѣйствовавшихъ въ нихъ войскъ. И при означенной выше системѣ сената, такого рода управленіе провинціями могло быть сугубо выгоднымъ и для нихъ, и для армій римскихъ, и для всего государства, еслибы тому не стали неблагопріятно противудѣйствовать двѣ причины. Первою была отдача доходовъ провинцій въ откупъ лицамъ, жившимъ въ Римѣ, собирав-

шимъ доходы на мѣстѣ посредствомъ своихъ агентовъ и обогащавшимся, какъ и эти послѣдніе, на счетъ этихъ провинцій. Обогатившіеся откупщики поступали въ сословіе эквитовъ или всадниковъ и со временемъ пріобрѣли въ Римѣ политическое вліяніе, такъ что объ отмѣнѣ пагубнаго откупа доходовъ провинцій уже нельзя было и помышлять. Другою причиной было то, что правители провинцій и ихъ подчиненные не только не щадили этихъ провинцій, но, дѣйствуя за одно съ откупщиками, въ ихъ и свою пользу, сами незаконно и неимовѣрно обогащались, а провинціи разоряли. Они до того не стыдились собирать съ городовъ огромныя контрибуціи, что эти безсовѣстные поборы даже получили особенное названіе **преторскихъ таможенныхъ сборовъ** (vectigal praetorium), изъ котораго позже произошло другое — epidemeticum. Поэтому состояніе провинцій совершенно зависѣло отъ большей или меньшей честности или безчестности такихъ правителей ихъ - преторовъ, какъ Катонъ или Верресъ, Цицеронъ или Аппій Клавдій.

Эти причины имѣли существенное вліяніе на содержаніе войскъ въ провинціяхъ, во всѣхъ отношеніяхъ вообще. Преторы, обогащая себя и разоряя провинціи, приводили и войска, расположенныя въ нихъ, по неудовлетворенію ихъ тѣмъ, что̀ имъ слѣдовало и было нужно, въ необходимость незаконно, неправильно и силой добывать себѣ то, въ чемъ терпѣли недостатокъ. Впрочемъ до конца этого періода всѣ эти явленія были еще не всеобщими, а скорѣе частнымъ исключеніемъ изъ общаго правила, которое люди благомыслящіе строго порицали, и содержаніе цѣлой римской арміи этимъ не было еще поставлено въ опасность. Напротивъ, оно все еще было существенно обезпечено тѣмъ, что духъ большинства римскихъ гражданъ все еще оставался возвышеннымъ, а помыслы его—все еще устремлены къ великой цѣли славы Рима. Доказательства тому имѣются у Тита Ливія, въ особенности въ прекрасной рѣчи къ своимъ военнымъ товарищамъ Спурія Лигустина, съ отличіемъ и честію прослужившаго 22 года въ военной службѣ, въ разныхъ странахъ, под начальствомъ разныхъ полководцевъ и отъ всѣхъ ихъ получившаго почетныя награды. Эта рѣчь его (въ 32-й до 35-й главахъ 42-й книги Тита Ливія) служитъ свидѣтельствомъ возвышеннаго и благороднаго еще образа мыслей и чувствъ римскаго гражданина (во время войнъ: 1-й македонской, съ Антіохомъ и др., между 182 и 160 г.г. до Р. Х.).

Въ 3-мъ **періодѣ**, отъ Августа до Діоклитіяна, содержаніе римскихъ войскъ и управленіе имъ значительно измѣняются. Августъ, сознавъ, что тотъ, кто начальствуетъ войсками, но въ содержаніи ихъ жалованьемъ зависитъ отъ другихъ, собственно не имѣетъ влас-

ти и, напротивъ, что кто имѣетъ власть и надъ войсками, и надъ деньгами, тотъ имѣетъ ее и надъ государствомъ, обратилъ главное вниманіе свое на пріобрѣтеніе полнаго и неограниченнаго распоряженія средствами содержанія войскъ. Онъ избѣжалъ ошибки Цезаря, завладѣвшаго государственною казной и лишившагося изъ-за того популярности: оставивъ ее въ распоряженіи сената, Августъ учредилъ другую, исключительно военную казну (aerarium militare), и первоначально доходы ея долженъ былъ назначать сенатъ, а расходы—одинъ Августъ, но вскорѣ и тѣ, и другіе перешли въ одни руки Августа. Такимъ образомъ, начиная съ него, римскіе императоры сдѣлались постепенно и совершенно независимыми отъ сената въ отношеніи къ уплатѣ войскамъ жалованья. Они могли, когда и сколько имъ было угодно, увеличивать имъ жалованье, давать денежные подарки, и такимъ образомъ войско стало орудіемъ ихъ, даже противъ сената.

Эта новая военная казна была названа фискомъ (fiscus—слово, буквально означающее большую корзину; римскіе этимологисты объясняютъ это названіе военной казны тѣмъ, что большія суммы казенныхъ денегъ стали переноситься въ большихъ корзинахъ или коробахъ, между тѣмъ какъ частныя лица хранили и носили свои деньги въ кисахъ или ящичкахъ). Она состояла въ полномъ вѣдѣніи, управленіи и распоряженіи императора. На самомъ же дѣлѣ, говоритъ Діонъ Кассій (III, 16), и aerarium также вполнѣ зависѣлъ отъ него, когда въ его же единственномъ распоряженіи находилось и войско. Это повело къ тому, что названія aerarium и fiscus сдѣлались однозначущими, и позже римскіе юристы совершенно замѣнили первое вторымъ. Завѣдывавшіе фискомъ префекты были избираемы сначала сенатомъ, а потомъ императорами. При Августѣ даже завѣдываніе эраріемъ было отнято у квесторовъ и передано тремъ префектамъ. Тѣ и другіе префекты были поставлены наравнѣ съ преторами и консулами и даже, по Діону Кассію, должны были прежде прослужить преторами и консулами, нѣсколько лѣтъ засѣдать въ сенатѣ и потому быть знакомы съ финансовыми дѣлами. Очевидно, что Августъ имѣлъ при этомъ двѣ цѣли—положить преграду честолюбивымъ стремленіямъ къ этимъ должностямъ и подчинить префектовъ одному себѣ, а съ другой стороны—должности эти, отъ которыхъ зависѣли правильное содержаніе войска и, слѣдовательно, главныя опора и орудіе власти его, Августа, раздавать только совершенно пригоднымъ и надежнымъ людямъ.

Все это повело къ полезнымъ для военнохозяйственнаго управленія сосредоточенію и единству его въ рукахъ Августа, возвысило

характеръ войска на степень національнаго и личной силы во власти самаго императора.

Легко понять, что какъ Августъ, такъ и его преемники, всячески старались умножить доходы фиска и, слѣдовательно, численность войска. Все содержаніе войска и всѣ доходы на него перешли отъ сената и эрарія къ императору и фиску, — изъ доходовъ именно подушныя, поземельныя и пастбищныя подати и десятина въ натурѣ съ обильныхъ хлѣбомъ провинцій (Африки, Египта и др.). Этимъ Августъ совершенно обезпечилъ содержаніе войска какъ денежными средствами, такъ особенно повинностями въ натурѣ.

Но очень скоро доходы, поступавшіе въ фискъ, начали болѣе и болѣе становиться далеко несоразмѣрными численному увеличенію войска, отчужденію его отъ народа, умноженію его потребностей и дороговизнѣ содержанія его и особенно преторіянцовъ, получавшихъ вдвое болѣе и жалованья, и всего содержанія. Вообще, римское императорское войско стоило несравненно дороже прежняго римскаго народнаго, потому что, подобно наемному, служило только изъ-за жалованья и денежныхъ цѣлей. Сознавая значеніе, важность, силу и необходимость свою для императоровъ лично, оно и особенно преторіянцы росли гордостью и требованіемъ дорогой платы себѣ за свои услуги императорамъ, а не государству. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого было увеличеніе жалованья войску. Уже Цезарь удвоилъ его, а послѣднее увеличеніе его было мѣрой недовѣрчиваго къ сенату Домиціяна. При немъ большія денежныя суммы разсчитывались на золото, монетой aureus (золотой, на нынѣшнія деньги около 5 талеровъ или 4 р. 50 к.). Домиціянъ увеличилъ жалованье войску на $^1/_3$, къ тремъ стипендіямъ прибавивъ четвертую (каждому воину выдавалась до Домиціяна одна стипендія въ 3, а съ его времени—въ 4 золотыхъ въ каждую треть года, а въ годъ 12 золотыхъ =около 60 талеровъ или 54 рублей). Этимъ расходы на войско увеличились чрезвычайно. Во времена республики число легіоновъ въ полѣ доходило только два раза (во время 2-й пунической войны, въ 213 и 210 г.г. до Р. Х.) до числа 23. А при императорахъ постоянное число легіоновъ было 30; сила ихъ сначала была почти таже—числомъ пѣхоты (6 т. чел.), но гораздо болѣе (свыше 800 чел.)—числомъ конницы. А позже сила легіоновъ до Константина В. все росла и достигла числа 12 т. чел.

Честолюбіе Цезаря и подозрительность Домиціяна легко объясняютъ увеличеніе ими жалованья войску для того, чтобы привязать его къ себѣ лично. Уже и прежде Цезаря подобные ему честолюбцы—Марій, Силла, Помпей и др. — считали подкупъ войскъ дѣйствительнѣйшимъ средствомъ для того, а легіоны привыкли призна-

вать себя защитниками не отечества, а своихъ полководцевъ и ихъ военными сподвижниками. Цезарь, переходя черезъ Рубиконъ, обѣщалъ легіонамъ большія награды, а по одолѣніи всѣхъ своихъ политическихъ противниковъ, въ 4-й день своего тріумфа подарилъ каждому легіонеру по 5 т. драхмъ или по 20 т. сестерцій (около 600 талеровъ или 540 рублей)! Октавіянъ, впервые идя въ Италію и угрозой получивъ званіе консула, далъ каждому легіонеру 2,500 драхмъ или 10 т. сестерцій (около 300 талеровъ или 270 рублей). И съ тѣхъ поръ, говоритъ Діонъ Кассій, легіоны утвердились въ мысли, что такого размѣра денежная награда слѣдовала имъ каждый разъ, когда они сопровождали своего полководца въ Римъ. Да и за каждую важную услугу, оказанную ему лично, они привыкли ожидать отъ него чрезвычайной денежной награды. Изъ преемниковъ Августа, къ этому средству особенно прибѣгали деспотическіе, подозрительные или слабые императоры; войска же знали, что отъ нихъ получатъ то, чего никогда не получили бы отъ сената.

Эти денежныя награды войскамъ были названы donativa (дары) и давались будто бы изъ собственныхъ денегъ императоровъ, но по Діону Кассію — почти несомнѣнно изъ эрарія или фиска, которые всѣ постепенно и привыкли считать собственною казною императоровъ. Вегецій говоритъ, что воины должны были половину наградныхъ денегъ откладывать въ запасъ, для того, чтобы быть удерживаемы отъ мотовства и побѣговъ, поощряемы къ храбрости и къ сбереженію себѣ капиталовъ, а также, вѣроятно, и въ видѣ залога вѣрности и усердія войскъ. Съ этою цѣлію были учреждены въ каждой когортѣ по одной, а въ легіонѣ—по десяти бурсъ или денежныхъ мѣшковъ для запасныхъ, неприкосновенныхъ денегъ изъ наградныхъ. Сверхъ того, легіонъ прибавлялъ къ нимъ еще деньги на погребеніе. Эти бурсы или мѣшки наполнялись взносами передъ орлами (ante signa) и потому ввѣрялись орлоносцамъ. Однако, эта мѣра не предохраняла войска отъ мотовства.

Гальба первый отказалъ войску въ наградныхъ деньгахъ, сказавъ, что «привыкъ избирать, а не покупать воиновъ». но отчасти онъ не имѣлъ достаточно силы поступать согласно съ этими словами своими, отчасти войска уже слишкомъ заразились духомъ наемничества и убѣдились, что не они служатъ государству и императорамъ, а императоры имъ, а потому отложились отъ Гальбы и убили его. Сто лѣтъ спустя, это зло возрасло до того, что, по убіеніи Пертинакса, преторіянцы публично продавали званіе императора, какъ съ торговъ, тому, кто болѣе давалъ денегъ, и продали Дидію Юліяну, обѣщавшему 6,250 драхмъ, преимущественно передъ тестемъ Пертинакса, Сульпиціяномъ, предложившимъ только 5 т. драхмъ!

Позже Каракалла, по словомъ Діона Кассія, раздавалъ войскамъ наградъ до 70 милліоновъ драхмъ (около 17 милліоновъ талеровъ или 15.300,000 рублей) ежегодно! Онъ довелъ до крайней степени злоупотребленія правило Септимія Севера (вынужденное обстоятельствами, но умно и въ извѣстныхъ предѣлахъ примѣняемое)—«обезпечивать себѣ расположеніе войска, а всѣхъ прочихъ подданныхъ не ставить ни во что» .Чтобы расположить къ себѣ войска, онъ снизошелъ даже до того, что перенялъ грубые нравы и обычаи и даже самую одежду рядовыхъ воиновъ!

Между тѣмъ, какъ войско было осыпаемо всякаго рода богатствомъ, но вмѣсто того, чтобы укрѣпляться строгою дисциплиной въ лагеряхъ, проживалось отъ роскоши въ городахъ, народъ и государство истощались все болѣе и болѣе. Къ означеннымъ выше военнымъ расходамъ прибавились еще нѣкоторые, дѣйствительно нужные, но которые войска признавали средствомъ утвержденія своего самовластія. Такъ, напримѣръ, до 219 г. передъ Р. Х. у римлянъ не было, ни въ мирѣ, ни въ войнѣ, врачей, и они лечили себя, какъ могли и знали. Но съ 219 г. въ Римъ начали пріѣзжать врачи изъ Греціи; однако до самаго Августа врачей при легіонахъ не было. Августъ первый назначилъ по 1 врачу на когорту или по 10 на легіонъ. Въ Игиновомъ описаніи римскаго лагеря уже опредѣлены мѣста полевыхъ больницъ для воиновъ (valetudinaria) и для лошадей (veterinaria). Но эти дѣйствительныя потребности все таки были незначущи, по расходамъ на нихъ, передъ означенными выше расходами изъ одной расточительности, требовавшими все новыхъ источниковъ удовлетворенія имъ. Поэтому уже при Августѣ были введены новые таможенные сборы, преимущественно съ предметовъ роскоши, и взиманіе 1% съ продажныхъ цѣнъ всѣхъ предметовъ торговли на рынкахъ и публичной продажи. Эти доходы поступали въ фискъ. Но какъ и этого было недостаточно, то Августъ въ 5 г. по Р. Х. предложилъ сенату найти достаточный и постоянный источникъ поддержанія фиска. Сначала старались пріискать такой источникъ только въ общихъ мѣрахъ: самъ Августъ внесъ за себя и за Тиберія, изъ собственныхъ денегъ, извѣстную сумму въ фискъ и обѣщалъ ежегодно дѣлать то же; то же обѣщали нѣкоторые цари, общины и частныя лица; однако послѣдніе не исполнили обѣщаннаго. Тогда Августъ повторилъ свое предложеніе сенату; но какъ послѣдній медлилъ и ничего не могъ или не хотѣлъ придумать, то Августъ провелъ собственный планъ, по которому со всѣхъ наслѣдствъ и завѣщаній римскихъ гражданъ, до извѣстной наименьшей цѣны ихъ, исключая принадлежавшихъ ближайшимъ родственникамъ, 20-я часть имѣла поступать въ фискъ. Эта новая подать (vigesima hereditatum) была въ высшей степени

доходна, особенно когда при преемникахъ Августа право римскаго гражданства все щедрѣе давалось жителямъ провинцій. Наконецъ Каракалла, побуждаемый алчными войсками все къ новымъ наградамъ, не нашелъ иного средства удовлетворенія ихъ, какъ возведеніе всѣхъ жителей провинцій въ званіе римскихъ гражданъ, только для того, чтобы подвергнуть ихъ этой подати, которую вмѣстѣ съ тѣмъ возвысилъ съ 5% на 10. Нѣкоторое время въ фискъ были обращаемы также имѣнія осужденныхъ государственныхъ преступниковъ, вполнѣ или отчасти, смотря по строгости приговора. Этотъ источникъ иногда умѣли дѣлать очень доходнымъ. Такъ Коммодъ по словамъ Діона Кассія, имѣя недостатокъ денегъ для своей непомѣрной расточительности, приказывалъ обвинять невинныхъ людей въ вымышленныхъ преступленіяхъ, дабы завладѣвать ихъ имѣніями, и они либо жертвовали ими для спасенія жизни, либо были казнимы, а имѣнія ихъ конфискуемы въ пользу фиска. Плиній говоритъ, что послѣдній сдѣлался вертепомъ разбойниковъ, наполненнымъ награбленнымъ имуществомъ невинныхъ и казненныхъ гражданъ. Были и еще многіе другіе источники доходовъ фиска, на которыхъ преемники Августа единственно основывали свой военный деспотизмъ, и въ томъ числѣ такіе низкіе и недостойные, которые даже и назвать стыдно, но къ которымъ однако прибѣгали не стыдясь,—такъ велики были военные потребности и расходы. Чтобы судить о послѣднихъ въ концѣ этого періода, должно сказать, что по штатному числу 30 легіоновъ (которыхъ часто было и больше), въ 12 т. чел. каждый, всего на жалованьѣ нужно было содержать 360 т. чел. Каждый пѣшій легіонеръ получалъ 12 золотыхъ въ годъ, а конный—36. Такъ какъ конница составляла $^1/_8$ пѣхоты, то изъ 315 т. чел. пѣхоты каждый получалъ по 12 золотыхъ въ годъ, а всѣ—3.780,000, изъ 45 т. чел. конницы каждый—по 36, а всѣ—1.620,000, а всѣ вмѣстѣ—5.400,000 золотыхъ или около 27.000,000 талеровъ или 24,300,000 рублей въ годъ, и то только считая однихъ нижнихъ чиновъ. Если же къ этому прибавить наградныя деньги, которыхъ при Каракаллѣ было до 17.000,000 талеровъ или 15.300,000 рублей штатныхъ, то всѣ наличные расходы жалованья и наградныхъ денегъ простирались до 44.000,000 талеровъ или 39.000,000 рублей въ годъ!

Но если принять въ соображеніе, что кромѣ того на счетъ фиска долженствовали быть удовлетворяемы еще весьма многія военныя потребности, какъ-то: снаряженіе и содержаніе флотовъ, осадныя машины и орудія, возведеніе укрѣпленій, выдаваемое позже легіонамъ полное вооруженіе, а со времени Марка Аврелія—печеный

хлѣбъ вмѣсто зерноваго, безъ вычетовъ изъ жалованья, да сверхъ того жалованье и содержаніе военныхъ начальниковъ и чиновъ военнаго управленія, то общую сумму всѣхъ военныхъ расходовъ при императорахъ въ этомъ періодѣ можно положить, по меньшей мѣрѣ, въ 100 милліоновъ талеровъ или 90 милліоновъ рублей въ годъ, что, по тогдашней цѣнѣ золота, составляло въ три раза болѣе противъ теперешнихъ денегъ (т. е. 300—270 милліоновъ).

Хотя всѣ сознавали тогда несоразмѣрность такихъ громадныхъ военныхъ расходовъ и что она неизбѣжно должна была повесть къ конечному разоренію и паденію имперіи, но зло это пустило уже такіе глубокіе корни, что даже лучшимъ и благонамѣреннѣйшимъ императорамъ этого періода уже невозможно было не только совершенно отвратить это паденіе, но и замедлить его. Еслибы преобразованіе всего военнаго устройства еще было возможно, то успѣхъ въ этомъ могли бы имѣть соединенныя столько же съ пощадой государства и жителей его, сколько и съ мудростью и силой, мѣры Александра Севера. При исполненіи своего предпріятія съ этою цѣлію, онъ старался являть любовь къ войску, но не страхъ къ нему. Строжайшая бережливость во всѣхъ отрасляхъ государственнаго хозяйства доставляла золото и серебро для обыкновеннаго жалованья и для чрезвычайныхъ наградъ войску. Онъ освободилъ войска отъ обременительной обязанности носить на себѣ въ походахъ на 17 дней продовольствіе. На военныхъ дорогахъ онъ учредилъ магазины, а въ чужихъ странахъ—правильный подвозъ продовольствія изъ этихъ магазиновъ на мулахъ и верблюдахъ, и тѣмъ ввелъ правильную систему продовольствованія войскъ, пріучилъ ихъ къ порядку и удерживалъ отъ самовольнаго вымогательства у жителей. Не смѣя надѣяться совершенно отъучить ихъ отъ роскоши, онъ старался, по крайней мѣрѣ, дать ей другое направленіе — къ военной пышности, хорошимъ лошадямъ, богатому вооруженію и т. п. Всѣ тягости, налагаемыя имъ на войска, онъ самъ дѣлилъ съ ними, посѣщалъ больныхъ и раненыхъ, всегда имѣлъ точныя свѣдѣнія о службѣ воиновъ и данныхъ имъ наградахъ и, проявляя такимъ образомъ самое горячее вниманіе и участіе къ военному сословію, отъ благосостоянія котораго зависѣло, какъ онъ часто говорилъ, благополучіе государства, самымъ кроткимъ образомъ старался возвратить необузданное войско къ порядку и повиновенію, военные же расходы привесть также въ порядокъ и уменьшить. Но тщетны были всѣ благія и мудрыя старанія его: его попытки преобразованій послужили только къ усиленію зла, которое онъ хотѣлъ исцѣлить — и онъ былъ убитъ тѣми же самими

войсками, которымъ такъ благодѣтельствовалъ *)! И Императоръ Декій искалъ, но не нашелъ спасенія императорскому званію въ дѣйствительномъ возстановленіи цензорской должности въ прежнемъ ея значеніи.

Самымъ большимъ и труднымъ изъ расходовъ, падавшихъ на фискъ, еще долго до и послѣ Александра Севера былъ расходъ на содержаніе императорскаго двора, такъ какъ императоръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ и верховнымъ главою всего войска. Стремленіе же императоровъ къ личной пышности, увеличеніе роскоши и расходовъ на дворъ и введеніе потому новыхъ, тяжелыхъ налоговъ постепенно возрастали все болѣе и болѣе. Но съ другой стороны въ той же мѣрѣ возрастало уменьшеніе и обѣдненіе государственныхъ и частныхъ имуществъ, особенно въ низшемъ, рабочемъ классѣ народа, и несоразмѣрность между спросомъ и предложеніемъ, между доходами и расходами фиска на дворъ и войско. А это вело наконецъ къ совершенному упадку и народа, и войска, и цѣлаго государства, который уже сильно развился въ этомъ періодѣ, а въ слѣдующемъ еще сильнѣе.

Въ 4-мъ и послѣднемъ періодѣ (284—476 г.г.), именно уже при Діоклитіанѣ, войско окончательно получило, въ общемъ мнѣніи, характеръ не вооруженной охраны и защиты государства, а личной военной силы самихъ императоровъ, не противъ внѣшнихъ враговъ, а противъ самаго государства. Подъ военной службой стали уже разумѣть личную службу, не государству, а императору, по тогдашнему выраженію — въ священныхъ палатахъ или дворцѣ (in sacro palatio militare). Содержаніе этихъ священныхъ палатъ всецѣло пало на фискъ, который и пересталъ уже быть исключительно военною казной, а сдѣлался преимущественно дворцовою. Расходы на нее, а съ ними и насильственныя средства удовлетворенія имъ, росли съ страшною силой и въ громадныхъ размѣрахъ. Со временъ Діоклитіана къ этимъ прежнимъ средствамъ прибавились еще два— индикція (indictio) и люстрація (lustratio), тяжелыя и разорительныя для народа и возбуждавшія единогласныя и самыя горькія жа-

---

*) Припомнимъ при этомъ случаѣ то, что̀ было сказано о немъ выше (§ 362), именно — что онъ былъ воспитанъ въ правилахъ самой чистой нравственности матерью своею, Маммеей, которая, если и не была, какъ говоритъ Орозій, христіанкой, то во всякомъ случаѣ религія и нравственность христіанскія имѣли несомнѣнное и большое вліяніе и на нее, и на воспитаніе, данное ею Александру. Достаточно сказать, что онъ былъ великимъ почитателемъ Христа, хранилъ ликъ его между изображеніями извѣстнѣйшихъ своими добродѣтелями мужей, повторялъ и исполнялъ многія заповѣди христіанскія и пр., и все это уже въ 1-й половинѣ III вѣка!

лобы всѣхъ современныхъ писателей, языческихъ и христіанскихъ безъ различія. Люстрація была родъ налога съ имуществъ, а индикція—съ земель на основаніи установленнаго кадастра (измѣренія и оцѣнки). Индикція собиралась частію натурой — зерномъ, виномъ, масломъ, лошадьми и т. п., частію деньгами и преимущественно золотомъ и была назначена большею частію на содержаніе двора и войска. Сборъ натурой производился въ присутствіи оффиціальныхъ вѣсильщиковъ и мѣрильщиковъ (ponderatores, mensores), а сборъ денегъ—такихъ же денежныхъ сборщиковъ (defensores), для обезпеченія и плательщиковъ, и фиска отъ злоупотребленій непосредственныхъ сборщиковъ. Сборъ натурой производился по третямъ года, въ 4-й мѣсяцъ, а сборъ деньгами—въ послѣдніе 40 дней года. А кто не вносилъ ни того, ни другаго, подвергался конфискаціи имѣнія. Для перевозки сборовъ натурой въ приморскихъ и прирѣчныхъ провинціяхъ, множество содержателей пристаней и судовъ были обязаны на свой счетъ не только содержать нужныя для того суда, но и производить самую перевозку. За то они были освобождены, вполнѣ или отчасти, отъ другихъ податей и имѣли еще нѣкоторыя другія привиллегіи. Все это было опредѣлено множествомъ уставовъ и постановленій. Подобнымъ же образомъ была устроена и сухопутная перевозка запасовъ натурой, посредствомъ обязаннаго ею и привиллегированнаго сословія или, скорѣе, компаніи или общества, называвшагося bastaga, а члены его—bastagarios. Запасы натурой сдавались въ провинціяхъ: 1) на дорожныхъ почтовыхъ станціяхъ (mutationes), гдѣ перемѣнялись лошади и повозки и находились запасы продовольствія для почтарей и почтовыхъ лошадей; — 2) на такихъ же почтовыхъ дорожныхъ станціяхъ съ гостинницами (mansiones), гдѣ проѣзжавшіе на счетъ казны пользовались столомъ; — въ особенности же 3) въ гарнизонные магазины (horrea) главныхъ городовъ, изъ которыхъ войска и получавшіе содержаніе отъ казны принимали свои раціоны натурой, — и 4) въ главные военные магазины, изъ которыхъ полевымъ войскамъ выдавались продовольствіе и фуражъ (per limites et castra).

Такъ какъ сверхъ обыкновенной индикціи бывали и чрезвычайныя (super-indictiones) и въ высокихъ размѣрахъ, да кромѣ того еще происходили при этомъ злоупотребленія казенныхъ чиновниковъ, то землевладѣльцы были приводимы этимъ болѣе и болѣе въ полное разореніе. Точно то же было и съ капиталистами, промышленниками и торговцами, обязанными люстраціей. Почти ни съ чьей стороны подати не были собираемы легко, безъ труда. Поэтому и государственное имущество, и народонаселеніе все уменьшались, и уже не было возможности содержать легіоны въ прежней силѣ. Къ это-

му еще присоединилось отвращеніе отъ военныхъ званія и службы, овладѣвшее всѣми до такой степени, что молодые люди въ Италіи и провинціяхъ нимало не колебались отрубать себѣ пальцы правой руки, чтобъ избѣжать военной службы. Не смотря на строжайшія наказанія за то, число такихъ добровольныхъ увѣчныхъ было такъ велико, что имъ усвоилось даже особенное названіе мурціевъ (murci).

По всѣмъ этимъ причинамъ, Константинъ В. былъ принужденъ уменьшить силу легіоновъ до $^1/_4$ — 3 т. чел. и даже до $^1/_6$ — 2 т. чел., а чтобы содержать равносильную прежней армію — принимать на жалованье варварскія войска. Хотя уже со временъ Цезаря въ римское войско были принимаемы инородцы или иноплеменники, но не иначе какъ въ самые легіоны, съ обращеніемъ ихъ въ римскихъ легіонеровъ, обученныхъ по римски. Константинъ же нанималъ цѣлыя массы варваровъ, съ ихъ собственнымъ устройствомъ и вооруженіемъ. Съ вождями, королями или царями ихъ онъ заключалъ формальные договоры (контракты) и платилъ имъ опредѣленныя суммы денегъ, предоставляя имъ самимъ вооружать свои войска и содержать ихъ, какъ продовольствіемъ, такъ и въ дисциплинѣ. Эта мѣра — дѣло ложнаго финансоваго разсчета—сначала казалась выгодною для фиска. Грубые, неиспорченные варвары стоили гораздо дешевле легіоновъ: содержанія тысячъ 20-ти ихъ было бы, можетъ быть, недостаточно для содержанія двухъ легіоновъ, уменьшенныхъ уже до 2 т., 1,500 и даже 1 т. чел. Такимъ образомъ сначала фискъ былъ облегченъ этимъ. Но съ ходомъ времени предводители варваровъ, сознавъ свою важность и необходимость въ нихъ, стали требовать все большей платы, такъ что наконецъ плата эта уже обратилась въ дань, которая превзошла расходы на содержаніе легіоновъ. Современные писатели не означаютъ въ точности размѣровъ такой дани, но только единогласно отмѣчаютъ постоянное увеличеніе числа варваровъ на жалованьѣ въ римской арміи, возрастаніе наглой требовательности предводителей ихъ, обращеніе наконецъ всѣми этими наемными готѳами, вандалами, свевами, герулами, аланами, сарматами и проч. оружія своего противъ тѣхъ самыхъ, которые платили имъ дань, и отторженіе ими тѣхъ самыхъ римскихъ провинцій, которыя они должны были защищать. Все это не оставляетъ никакого сомнѣнія, что варвары, по мѣрѣ убѣжденія своего въ слабости римской имперіи, все возвышали свои требованія и разрушили западную половину ея не одними только воинственностью и храбростью своими. Римъ и его императоры и войско сами разрушили свою силу, и особенно войско, достигнувъ высшей степени своего могущества, превзошедшаго средства и способы государства, само разрушило ихъ, истощило источники своего содержанія и, ли-

шивъ себя средствъ къ тому, неминуемо навлекло и свое паденіе, и паденіе государства. Словомъ—Римъ погубила преимущественно совершенная несоразмѣрность требованій и расходовъ двора и войска съ производительными силами, средствами и способами государства. Коль скоро естественная, существенно необходимая соразмѣрность между ними была нарушена и нарушалась все болѣе и болѣе, естественнымъ слѣдствіемъ того долженствовало быть и паденіе государства. Войско же римское, при постоянныхъ и сильныхъ ударахъ извнѣ, содѣлалось причиной не противудѣйствія, но именно способствованія этому паденію.

Сохраненіе именно означенной соразмѣрности или равновѣсія было въ эти времена у римлянъ, какъ и всегда, вездѣ и у всѣхъ народовъ было, есть и будетъ, весьма трудною, даже труднѣйшею задачей государственнаго военно-хозяйственнаго управленія или военно-политической экономіи. Причиной было то, что силу войска и государства признавали въ числѣ людей въ войскѣ: этимъ хотѣли внушать страхъ сосѣдямъ и для того и въ мирѣ содержать массу войскъ. Къ этому присоединилось еще, вслѣдствіе перемѣны образа правленія, то, что лучшимъ блескомъ престола считали очень сильное войско, которое должно̀ было видимо представлять могущество монарха; въ содержаніи же его не всегда могли держаться въ границахъ необходимаго. Войско сдѣлалось предметомъ наружныхъ блеска, пышности, роскоши, щегольства, особенно въ ближайшихъ къ престолу частяхъ—войскахъ палатинскихъ или дворцовыхъ, императорскихъ тѣлохранителяхъ или схолахъ. И это повело къ жалкому щегольству не только наружнымъ блескомъ, но и числительностью массы войска. Но все это нимало не способствовало охраненію и сохраненію государства, а напротивъ привело къ тому, что содержаніе войска, даже въ мирное время и въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ, стоило, если не болѣе, то во всякомъ случаѣ столь же дорого, сколько по средствамъ государства едва было достаточно. Въ случаѣ движенія на войну хотя небольшой части войска, содержаніе ея увеличивалось, можетъ быть, втрое и ставило въ затрудненіе, нерѣдко непреодолимое, удовлетворять расходамъ его. Въ случаѣ же употребленія на войну всего войска, это затрудненіе увеличивалось еще гораздо болѣе, замедляло движенія и дѣйствія войскъ, даже приводило послѣднія въ безсиліе и бездѣйствіе, потому что не доставало средствъ, т. е. денегъ и запасовъ въ натурѣ. Слишкомъ поздно уже убѣдились въ своемъ заблужденіи: еслибы менѣе ослѣпились пустымъ и жалкимъ блескомъ одной числительной силы войска, содержали бы его на $^1/_4$ менѣе и расходы на эту $^1/_4$ не отвлекали бы отъ государственнаго достоянія, то могли бы имѣть запасъ денегъ

и средствъ, чтобы въ случаѣ надобности $^3/_4$-мъ во всякое время давать нужную движимость (мобилизацію). Еслибы при этомъ, кромѣ того, расходы на эти $^3/_4$ ограничили чисто-военными и необходимѣйшими потребностями, съ исключеніемъ всѣхъ расходовъ на дворцовыя войска и на одинъ наружный блескъ, то съ болѣе подвижными и менѣе стоившими $^3/_4$-ми войска достигали бы гораздо бо̀льшаго, нежели съ неподвижною и дорого-стоившею цѣлою массой войска.

Вѣрность этого воззрѣнія была очень хорошо постигаема и сознаваема въ древнія времена. Если военно-политическая и чисто-военная экономія и не была развита теоретически въ видѣ науки, то въ практическомъ отношеніи недостатка въ основныхъ началахъ ея не было. Даже въ самыя раннія времена говорили, что для веденія войны особенно нужны «деньги, продовольствіе, оружіе и воины» (pecunia, commeatus, arma et viri). Квинтиліянъ говорилъ, что «прежде начатія войны нужно приготовить всѣ необходимыя для нея потребности» (prius enim est parare bellum, quam exercere), а Публій Мимъ прибавлялъ: «задолго дѣлай всѣ приготовленія, дабы тѣмъ скорѣе побѣдить» (diu apparandum est, ut vincas celerius). Но, зная и говоря это, на дѣлѣ не исполняли того: слово и дѣло были не одно и то же.

Константинъ В. раздѣлилъ войска на два главные рода: палатинскія или дворцовыя, и полевыя или пограничныя. Съ тѣхъ поръ между тѣми и другими установилось огромное различіе и непріязненная отчужденность. Палатинскія стоили очень дорого, въ мирное время спокойно квартировали въ большихъ и богатыхъ внутреннихъ городахъ, жили въ роскоши и наслажденіяхъ, военными упражненіями не занимались, жителей угнетали и, будучи страхомъ для нихъ, сами трепетали передъ непріятелемъ. Полевыя же, пограничныя войска, напротивъ, расположенныя на границахъ въ постоянныхъ лагеряхъ, неся тягость пограничной службы, имѣли едва $^2/_3$ жалованья, содержанія, преимуществъ и жизненныхъ удобствъ противъ палатинскихъ и были непріязненно расположены къ нимъ. Такимъ образомъ, самая дорогая часть войска была и наименѣе полезною для государства, и наиболѣе опасною для него.

Съ другой стороны, варвары, поступавшіе не только въ пограничныя войска, но даже и въ палатинскія, вскорѣ убѣждались и въ слабости государства, и въ собственной силѣ, и постепенно болѣе и болѣе принимали видъ повелителей.

Къ этому присоединилось еще то, что, при несоразмѣрности военныхъ расходовъ съ доходами, въ содержаніи войскъ часто происходилъ недостатокъ или недоброкачественность. Чтобы помочь этому,

нужно было прибѣгать къ разнымъ новымъ мѣрамъ, всегда стѣснительнымъ и очень часто безнравственнымъ. Оттого и военно-хозяйственное управленіе становилось все хуже и хуже и не только не достигало цѣли содержанія войскъ въ блистательномъ состояніи, но все болѣе и болѣе удалялось отъ нея. Не только народъ былъ угнетаемъ и истощаемъ налогами, податями, поборами и пр., но и войско было безсовѣстно и безпощадно обкрадываемо и обираемо чинами военно-хозяйственнаго управленія, не получало всего слѣдовавшаго ему или получало его недоброкачественнымъ. И тщетны были всѣ мѣры лучшихъ императоровъ противъ злоупотребленій этихъ людей. Можно сказать, что они одни боролись со всѣми, потому что эгоизмъ, своекорыстіе, корыстолюбіе, страсть къ наживѣ, богатству, роскоши, наслажденіямъ и пр. уже заразили всѣхъ, находившихся въ государственной службѣ. Le Beau (XXIII Mémoire sur la Légion Romaine, въ Mém. de l'Acad. des Inscriptions T. XLI) говоритъ, что «чиновъ военно-хозяйственнаго управленія была цѣлая армія, и изъ нихъ начальники обирали и государство, и войско, а подчиненные—и послѣдніе остатки того, что слѣдовало войскамъ. Одни изъ нихъ принимали въ провинціяхъ запасы въ натурѣ, другіе свидѣтельствовали ихъ, третьи перевозили, четвертые хранили въ магазинахъ, пятые раздавали. Надъ ними были надзиратели, надъ этими другіе, третьи и т. д. Были и протоколы, и вѣдомости, и счетныя книги, и отчеты и пр. т. п. И все-таки были арміи, умиравшія съ голода, тогда какъ и чиновники, и надзиратели, и поставщики были и сыты, и богаты. Ѳеодосіевъ и позже Юстиніяновъ кодексы исполнены законовъ противъ злоупотребленій и злоупотребителей, и эти законы были все строже и строже, что значитъ, что предшествовавшіе ничего и ничему не помогали. Да и могли ли они помогать, когда сами законодатели большею частію заботились объ удовлетвореніи собственныхъ вожделѣній, а не о благѣ своихъ провинцій и не о здоровьѣ и жизни своихъ войскъ. Что одинъ установлялъ хорошаго, то другой искажалъ дурнымъ и иногда даже самъ научалъ, какъ обманывать войска (какъ напримѣръ Валентиніянъ I, который приказалъ затхлое зерно перемѣшивать съ свѣжимъ, чтобы не вводить казну въ убытки). А конечнымъ результатомъ всего этого было то, что продовольствованіе и все содержаніе войскъ становилось хуже и хуже. Войска же, съ своей стороны, самовольно возмѣщали имъ недоданное насильственнымъ отнятіемъ у жителей послѣднихъ остатковъ, необходимыхъ имъ для собственнаго прокормленія. Такимъ образомъ несчастныхъ сельскихъ жителей грабили и внѣшніе враги, и свои войска, и особенно чины военно-хозяйственнаго управленія, сообща съ гражданскими правителями.

Что касается устройства этого управленія, то оно, какъ и въ предъидущемъ періодѣ, было провинціяльное, т. е. въ каждой провинціи свое особенное, съ своею особенною кассой, въ которую поступали всѣ подати и налоги. Такихъ провинцій и кассъ въ нихъ было, со времени Константина В., по 59-ти въ восточной и западной половинахъ имперіи, всего 118. Главные начальники этихъ кассъ или главные сборщики податей (thesaurensium praefecti) выдавали суммы, назначенныя на содержаніе войскъ въ провинціи, комисамъ или графамъ (т. е. начальникамъ) денежныхъ выдачъ (comes largitionum), а они выдавали жалованье войскамъ и должны были заботиться объ удовлетвореніи всѣхъ вообще потребностей ихъ. Остатки главный сборщикъ передавалъ правителю провинціи, который отсылалъ ихъ въ государственную казну въ столицѣ.

Безчисленныя подробности счета, расчета, контроля и повѣрки всѣхъ приходовъ и расходовъ занимали многія сотни лицъ, раздѣленныхъ и подраздѣленныхъ на разныя отдѣленія. Число ихъ все болѣе и болѣе умножалось, и неразъ, хотя и тщетно, правительство помышляло объ увольненіи изъ нихъ ненужныхъ, но алчныхъ къ обогащенію въ своихъ должностяхъ. Государственная казна (сначала aerarium, потомъ aerarium militare и наконецъ fiscus) со времени Константина В. стала называться arca largitionum (буквально—ящикъ щедротъ и милостей). Она, равно какъ и все вообще управленіе финансами государства, находилась въ вѣдѣніи главнаго казначея (comes sacrarum largitionum—комиса или графа священныхъ щедротъ и милостей), который принадлежалъ къ высшимъ государственнымъ чинамъ, съ титуломъ illustris (сіятельнаго). Онъ же завѣдывалъ всѣми дѣлами фабрикъ и заводовъ, имѣвшихъ отношенія къ военнымъ потребностямъ, какъ-то: полотняныхъ, бумажныхъ и разныхъ другихъ.

До Константина В. жалованье войскамъ входило въ разрядъ тѣхъ государственныхъ расходовъ, которые назывались necessitates (нужныя потребности), и только donativum причислялось къ largitiones. Но со времени Константина В. названіе largitiones было присвоено и жалованью войскамъ, дабы тѣмъ означить, что оно было необязательнымъ, а лишь милостью и щедротой самаго императора, и что отъ него одного зависѣли, ему одному должны были служить и повиноваться войска. А прилагательное священныя должно было означать огромное различіе между дающимъ и получающимъ и напоминать послѣднему, что онъ все получалъ изъ рукъ императора, какъ будто отъ щедраго божества. Это можетъ служить къ характеристикѣ тогдашняго военно-хозяйственнаго управленія, представляющагося, такимъ образомъ, основаннымъ на неограничен-

номъ произволѣ и потому совершенно ненадежнымъ учрежденіемъ. Войско было совершенно отчуждено отъ народа, который видѣлъ въ немъ только кровавый бичъ своего благосостоянія. Пріобрѣтя и сознавъ рѣшительное вліяніе на провозглашеніе и низложеніе императоровъ, оно стало неограниченнымъ владыкой въ государствѣ, и въ послѣднемъ установился полный военный деспотизмъ его.

Цензоры и квесторы уже въ началѣ имперіи—много, а подъ конецъ — и совершенно утратили прежнее свое вліяніе па военное управленіе. Для полководцевъ они сдѣлались только помѣхой ихъ недобросовѣстнымъ и властолюбивымъ побужденіямъ и стремленіямъ. Тщетно императоры старались возстановить вліяніе цензоровъ и квесторовъ и наконецъ были принуждены совершенно отмѣнить контроль ихъ. Вслѣдствіе того все военное управленіе вполнѣ перешло въ руки главныхъ начальниковъ войскъ—императорскихъ легатовъ. Каждому изъ нихъ, для завѣдыванія прежними дѣлами квестуры, приданъ былъ одинъ легіонный префектъ (praefectus legionis), который имѣлъ надзоръ за выдачей войскамъ жалованья, одежды, продовольствія и всѣхъ военныхъ потребностей. Такимъ образомъ войскамъ и ихъ предводителямъ была предоставлена полная и неограниченная власть самимъ опредѣлять свои потребности и, для удовлетворенія ихъ, распоряжаться остатками почти совершенно истощеннаго достоянія народа и государства. А эта неограниченность повела къ необузданной роскоши войска и къ крайнѣйшей нищетѣ народа. При такихъ условіяхъ, о правильномъ военно-хозяйственномъ управленіи не могло быть, не только рѣчи, но даже и мысли. О государственномъ благосостояніи никто и не помышлялъ: дѣло шло только объ удовлетвореніи вожделѣній развращеннаго войска и объ обогащеніи предводителей его. Военные трибуны брали у воиновъ и продавали имъ за деньги все—и жалованье, и отпуски, и отставки, и увольненіе отъ служебныхъ обязанностей и пр. И не даромъ сатирикъ Ювеналъ назвалъ полгода лагерной стоянки трибуновъ съ войсками золотымъ семестромъ (aureum semestre). Не смотря на старанія многихъ императоровъ, особенно Отона, Адріяна, Песценнія Нигера и Александра Севера, уничтожить эти злоупотребленія, послѣднія возрастали все болѣе и болѣе. Поэтому нечего удивляться той роскоши главныхъ квартиръ трибуновъ, о которой говорятъ современные историки. Многочисленная и блистательная свита (штабъ) и собственные герольды окружали трибуновъ, которые, подобно сенаторамъ, носили золотые перстни, а всякаго рода вещественное имущество ихъ въ лагерѣ и перечислить трудно. Соразмѣрно съ ними, подобная же роскошь распространилась и между всѣми подчиненными ихъ, до послѣдняго воина, и непомѣрно увеличила

тяжести и обозы армій и число прислужниковъ при нихъ, обязательныхъ (calones) и вольнонаемныхъ (lixae), изъ которыхъ послѣдніе были также маркитантами и продавцами разныхъ товаровъ. Число ихъ, по словамъ Тацита, превосходило наконецъ число строевыхъ чиновъ и воиновъ въ арміяхъ.

При всѣхъ такого рода условіяхъ, особенно должна была страдать западная половина имперіи. Въ Италіи и особенно въ Римѣ, гдѣ издавна привыкли продовольствовать не только войска, но и народъ, подвозами изъ другихъ провинцій (Африки, Египта и иныхъ), достаточно было одного внѣшняго удара, съ сухаго пути или съ моря, для того, чтобы разомъ лишить войско и народъ средствъ продовольствованія этими подвозами. Это отчасти обнаружилось уже и прежде раздѣленія имперіи, когда Константинъ В. приказалъ александрійскому флоту запасы изъ Египта перевозить въ Константинополь, а не въ Римъ, гдѣ они на 4 мѣсяца обезпечивали продовольствованіе войскъ въ городѣ и цѣлой Италіи. Войска же варваровъ, нанимаемыя вмѣсто легіоновъ, должны были, не смотря на то, продовольствовать себя сами въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ находились, путемъ поставокъ либо фуражировокъ. Къ этой мѣрѣ Константина В., возбудившей всеобщія жалобы въ Римѣ и послужившей однимъ изъ первоначальныхъ поводовъ къ послѣдующему паденію западной римской имперіи, присоединилась еще и та потеря, которую претерпѣла эта имперія отъ перенесенія столицы въ Константинополь. Сюда привлекались всѣ лучшія силы, средства и способы государства, отсюда истекало и важнѣйшее вліяніе на всѣ внутреннія и внѣшнія условія устройства, силы, благосостоянія, оборонительныхъ и продовольственныхъ средствъ и пр. Понятно поэтому, какое вредное вліяніе должно было это имѣть на средства содержанія и продовольствованія войскъ въ западной имперіи. Послѣдняя утратила возможность самостоятельно содержать и продовольствовать свои войска. Вспомогательныя войска варваровъ уже ранѣе стали бы полными обладателями ея, еслибы связь ея съ восточною имперіей не замедлила еще этого. Но по раздѣленіи ихъ скоро послѣдовало быстрое паденіе западной, между тѣмъ, какъ восточная существовала еще почти 1000 лѣтъ.

И такъ ошибочныя военно-хозяйственныя мѣры отчасти имѣли непосредственнымъ слѣдствіемъ эти историческія событія, отчасти же способствовали и ускорили ихъ. Дѣйствительно, исторія не представляетъ другаго, болѣе поразительнаго зрѣлища, какъ паденіе западной римской имперіи, произведенное рѣзкимъ раздѣленіемъ націи на два враждебныя одно другому, совершенно противуположныя по условіямъ и правиламъ, сословія—военное и гражданское, изъ ко-

торыхъ послѣднее, униженное ниже закона, безъ сопротивленія и жалобъ должно было терять все, что своеволіе, жестокость и грабительство перваго, поставленнаго выше закона, могло задумать.

Сотни народовъ, тѣсно соединенныхъ подъ властію Рима, источники народныхъ богатствъ лучшихъ областей трехъ частей свѣта, всѣ утонченности опытнаго государственнаго искуства, всѣ преимущества правильнаго и твердаго военнаго устройства, постоянное войско, въ три раза сильнѣйшее, нежели то, которымъ Римъ нѣкогда покорилъ міръ—все это могло быть одолѣно, подавлено и разрушено военными полчищами бѣдныхъ, варварскихъ, но соединенныхъ и согласныхъ между собою племенъ. И почему? Потому что расточительность, недостатокъ контроля, полный произволъ въ военно-хозяйственномъ управленіи царствовали въ римскомъ войскѣ, своеволіе и грабительство котораго подточили и разрушили всѣ основы собственнаго содержанія его и всѣхъ оборонительныхъ средствъ государства.

Наконецъ, у германскихъ и другихъ народовъ сѣверной Европы, разрушившихъ западную римскую имперію, содержаніе войскъ на войнѣ представляется вообще въ слѣдующемъ видѣ:

Исторія застаетъ германцовъ въ самомъ началѣ раздѣленными на бо́льшія и меньшія племена и общины, самостоятельныя во внутреннихъ дѣлахъ своихъ, но во время войны становившихся подъ предводительство одного военнаго вождя, котораго римляне называли королемъ. Но бо́льшая часть военныхъ предпріятій ихъ производилась не общими народными ополченіями, а отдѣльными дружинами изъ сподвижниковъ, дружинниковъ, изъ эделинговъ или благороднорожденныхъ людей. Однако съ самаго начала, кажется, у отдѣльныхъ народовъ существовалъ устроенный геербанъ или общенародное ополченіе, съ своеобразнымъ, не совсѣмъ неправильнымъ способомъ продовольствованія. Уже Цезарь въ своихъ комментаріяхъ говорилъ, что «наибольшій и воинственнѣйшій германскій народъ— свевы, имѣвшій до 100 общинъ (Gauen), ежегодно высылалъ столько же тысячъ вооруженныхъ людей за границу на войну. Остававшіеся же дома кормили и ихъ, и себя, и такимъ образомъ ни земледѣліе, ни война не прерывались. Но у нихъ не было ни осѣдлой земельной собственности, ни обычая болѣе года оставаться на одномъ мѣстѣ ради земледѣлія. Вообще они питались менѣе зерновымъ хлѣбомъ, нежели молокомъ, мясомъ и добычей звѣриной ловли. Поэтому торговые люди имѣли доступъ къ нимъ болѣе для покупки и перепродажи военной добычи ихъ, нежели для ввоза какихъ-либо особен-

ныхъ предметовъ торговли, такъ какъ сами германцы не употребляли чужаго рабочаго скота, но имѣвшейся у нихъ туземной породѣ посредственной доброты придавали всевозможную рабочую силу ежедневнымъ упражненіемъ».

Между тѣмъ у такого воинственнаго народа вскорѣ должны были явиться общія военныя потребности, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ служили средствами и для обороны, и для нападенія, заставлявшими извѣстною долей частнаго достоянія жертвовать общей пользѣ. Изъ приведенныхъ выше и другихъ подобныхъ показаній Цезаря, равно и Тацита, можно заключить, что продовольствованіе германцовъ, шедшихъ на войну, вообще заключалось преимущественно въ живомъ скотѣ, который они гнали за собою, и въ добычѣ отъ охоты, а не единственно въ грабежѣ и военной добычѣ, какъ многіе полагали. Эти послѣднія средства могли быть вспомогательными, но не главными. Это подтверждается и тѣмъ, что военная исторія не представляетъ примѣровъ, чтобы воюющій, даже въ первобытномъ состояніи народовъ, могъ отъ начала до конца войны существовать единственно грабежомъ и добычей, не прибѣгая къ собственнымъ средствамъ продовольствованія. Эти средства древнихъ германцовъ не могли быть значительны, потому что и потребности этого народа были ограничены: мясо, молоко, крѣпкое пиво и хлѣбное вино вполнѣ удовлетворяли ихъ. Но какъ бы ни были онѣ ограничены, все же онѣ существовали и требовали удовлетворенія не изъ однихъ чужихъ, но и изъ собственныхъ средствъ. По описанію Тацита, обязанность удовлетворенія ихъ лежала на вождяхъ племенъ или на предводителяхъ дружинъ. Принадлежа къ наиболѣе достаточнымъ и вліятельнымъ, благороднымъ землевладѣльцамъ, они имѣли и наиболѣе средствъ къ тому, по своему вліянію на общественныя дѣла вообще и на снабженіе воевавшихъ продовольствіемъ въ частности. Вмѣстѣ съ тѣмъ было въ обычаѣ, что общины приносили вождямъ и предводителямъ дары оружія, продовольственныхъ запасовъ и позже даже денегъ въ ихъ и общую пользу. Изъ этихъ-то средствъ предводители содержали и себя, и свои дружины. По словамъ Тацита, боевой конь, дротикъ и обильный, хотя и грубый столъ были единственнымъ жалованьемъ, который одинъ могъ давать, а другіе принимать. Вообще взаимныя отношенія членовъ германскихъ племенъ и общинъ представляются въ видѣ свободныхъ, непостоянныхъ дружинъ воиновъ гораздо болѣе, нежели общинными и племенными союзами, какими они извѣстны были римлянамъ. Военное хозяйство ихъ, хотя еще находившееся въ младенчествѣ, получило однако своеобразный характеръ касательно удовлетворенія военныхъ потребностей, позже принявшій болѣе систематическій видъ. Основная

мысль при этомъ долго оставалась таже: посредствомъ признанныхъ всѣми власти предводителя надъ завоеванными землями и правомъ его раздѣлять ихъ по общеустановленнымъ правиламъ, обработываніе ихъ и пользованіе ими передавались свободными людьми несвободнымъ, всегда подъ условіемъ тѣхъ или другихъ обязательствъ, въ видѣ податей на содержаніе предводителя, благородныхъ и свободныхъ людей или иначе—всего военнаго сословія. Въ этомъ древніе германцы находили единственную награду за успѣхи своего оружія. И такимъ образомъ происшедшее отсюда, позднѣйшее ленное право, въ смыслѣ земли за военную службу, и отношенія несвободныхъ къ благороднымъ и свободнымъ землевладѣльцамъ, состоявшія въ тягловыхъ, податныхъ и даже крѣпостныхъ повинностяхъ, возникли уже очень рано и въ основаніи своемъ были сначала только учрежденіями для прокормленія и содержанія воиновъ и удовлетворенія военныхъ потребностей, словомъ—военно-хозяйственными учрежденіями. Конечно, сначала они были еще грубы и неразвиты, но и тогда уже въ основѣ ихъ лежала возможность содержанія воиновъ. Въ той мѣрѣ, въ какой военныя потребности увеличивались въ войнахъ, особенно съ римлянами, и эти учрежденія также должны были развиваться, утверждаться и становиться болѣе полезными. Такое совершенствованіе ихъ сообразовалось поэтому съ военнымъ образованіемъ и съ успѣхами военныхъ учрежденій, и они взаимно поддерживали одни другихъ въ достиженіи цѣлей, направленныхъ къ завоеванію и распространенію земельныхъ владѣній.

Слѣдствіемъ означенныхъ выше причинъ, по которымъ древніе германцы смотрѣли на охоту и скотоводство, какъ на главнѣйшіе источники прокормленія и содержанія своего и особенно воиновъ на войнѣ, были: частыя переселенія и перекочевки ихъ, пріисканіе другихъ плодородныхъ мѣстностей, вытѣсненіе обитавшихъ на нихъ и необходимость этихъ послѣднихъ, въ свою очередь, искать другихъ мѣстъ жительства. Отсюда вообще происходило постоянное передвиженіе племенъ и народовъ, которому нашествіе гунновъ дало наконецъ характеръ общаго переселенія народовъ и въ которомъ германскіе народы занимали главное мѣсто. При такомъ переселеніи народовъ не могло быть, конечно, никакихъ слѣдовъ правильнаго военнохозяйственнаго управленія, возможнаго лишь тогда, когда военныя потребности начинаютъ особенно выдѣляться изъ частныхъ и общественныхъ и когда войны ведутся не цѣлымъ взрослымъ мужскимъ поколѣніемъ, но одною или нѣсколькими частями его. При переселеніи народовъ, они перевозили съ собою не только все то, что̀ было потребно для войны, но и все свое народное имущество и что̀ должно было служить къ прокормленію несражавшихся — старцовъ,

женщинъ и дѣтей. Переселявшіеся жили, гдѣ и какъ могли, безъ всякаго вмѣшательства предводителя, какъ тѣмъ, что̀ имѣли съ собою, такъ и тѣмъ, что̀ доставляли имъ новыя жилища, доколѣ истощеніе ихъ не заставляло предводителя вести народъ далѣе. При такихъ переселеніяхъ все было разоряемо, все, что̀ можно было увезти съ собою—увозимо, а туземные жители—увлекаемы въ плѣнъ. При этомъ, конечно, не могло быть никакой правильности—перваго и главнаго основанія военно-хозяйственнаго управленія, а потому его и не было.

И за всѣмъ тѣмъ однако переселеніе народовъ имѣло существенное вліяніе на военно-хозяйственное управленіе позднѣйшихъ временъ и народовъ. Оно дало Европѣ и всѣмъ учрежденіямъ ея совершенно другой видъ. Новые люди, нравы, учрежденія, законы, отношенія, государства, образъ веденія войны и способы состава, устройства и содержанія войскъ внезапно заступаютъ мѣсто прежнихъ, древнихъ. Новый порядокъ вещей, почти безъ связи съ старымъ, но источникъ позднѣйшей будущности, возникаетъ и утверждается въ Европѣ, народы которой своими военными учрежденіями должны были нѣкогда завоевать господство въ мірѣ.

Въ заключеніе слѣдуетъ прибавить нѣсколько замѣчаній касательно способовъ содержанія, въ военное время, народовъ восточной Европы, участвовавшихъ, вмѣстѣ съ германцами, какъ въ нападеніяхъ на римскую имперію, такъ и въ разрушеніи западной половины ея и въ общемъ переселеніи народовъ. Рѣчь не о готѳахъ, одного происхожденія съ германцами, еще менѣе о гуннахъ, изверженныхъ въ Европу изъ самой отдаленной глубины Азіи, но о скиѳахъ, сарматахъ, аланахъ, роксаланахъ, языгахъ и другихъ народахъ, коренныхъ обитателяхъ восточной Европы, извѣстныхъ съ VI вѣка по Р. Х. подъ общимъ названіемъ славянъ. Первобытные: исторія, этнографія и военные подвиги ихъ уже были вкратцѣ изложены выше; изъ нихъ можно видѣть, какія были черты сходства и различія между этими народами и грманцами. Сходство заключалось въ томъ, что первые, какъ и послѣдніе, были народами, частію звѣроловными, частію пастушескими, но всѣ большею частію земледѣльческими и воинственными, имѣли семейное и общинное устройство и на войну шли цѣлыми племенами и народами, подъ предводительствомъ своихъ старѣйшинъ и главныхъ вождей, съ семействами, стадами, всемъ имуществомъ, искали новыхъ земель для своего поселенія и содержанія, по истощеніи ихъ двигались далѣе и, какъ германцы нападали преимущественно на западную половину римской имперіи, такъ они—на восточную, хотя значительно участвовали съ германцами также въ ихъ нападеніяхъ на западную и даже проникли (аланы) въ Галлію, Испанію и Африку. Но у нихъ было существенное раз-

личіе съ германцами въ томъ, что не было господствующихъ сословій благородно-и свободно-рожденныхъ людей и подвластнаго—рабовъ и работниковъ, но всѣ они были одинаково свободны и равны въ правахъ,—рабовъ не имѣли, а военные плѣнники оставались у нихъ въ работѣ только извѣстный срокъ и за выкупъ освобождались. Отъ этого и экономическій или хозяйственный бытъ ихъ, въ мирное и военное время, былъ иной, нежели изображенный выше у германцовъ, и имѣлъ иныя условія и потребности мирнаго и военнаго времени. Ближайшіе изъ нихъ къ предѣламъ восточной половины римской имперіи, обитавшіе на пространствѣ отъ Дуная до Дона и Волги, будучи отчасти увлечены движеніемъ германскихъ народовъ на югъ, за Дунай, отчасти тѣснимы сзади народами своего или чужихъ племенъ, они нападали на восточную римскую имперію и на сухомъ пути—за Дунаемъ и Кавказомъ, и на Черномъ и даже Средиземномъ моряхъ, ища и земель для водворенія, и добычи для своего содержанія. Добывъ же ихъ себѣ, они дѣлили ихъ между собою и употребляли въ свою пользу согласно съ свойственными имъ обычаями своего общественнаго устройства, существенно отличнаго отъ германскаго, означеннаго выше. А потому у нихъ и не видно въ это время ни малѣйшихъ слѣдовъ зачатка позднѣйшаго леннаго права, который уже усматривается у германцовъ (см. выше), но видны тѣ же начала удѣльнаго права (или права удѣловъ или надѣловъ), которыя существовали у нихъ и прежде, и послѣ, и въ послѣдствіи составили такое существенное различіе между общественнымъ и государственнымъ устройствомъ славянскихъ и германскихъ народовъ въ Европѣ.

Что же касается собственно военныхъ потребностей ихъ и способовъ удовлетворенія ихъ и содержанія своего всѣмъ необходимымъ во время войны, то въ этомъ отношеніи, безъ сомнѣнія, не могло быть большаго различія съ тѣмъ, что объ этомъ сказано было выше о германцахъ.

Оканчивая этимъ изложеніе § 454 о содержаніи войскъ и армій въ древнія времена, нужнымъ считаю замѣтить, что предметъ этотъ былъ изложенъ сравнительно съ бо̀льшими обстоятельностью и подробностью по слѣдующимъ уважительнымъ причинамъ:

Во 1-хъ потому, что въ военной экономіи, какъ и во всѣхъ другихъ отросляхъ государственныхъ учрежденій, имѣются свои извѣстные, общіе, для всѣхъ отношеній и народовъ всегда одинаковые, основные законы, изъисканіе и изложеніе которыхъ возможны только посредствомъ изслѣдованія прошедшаго времени, заключающаго въ себѣ уроки и для настоящаго, и для будущаго. Вѣрнѣйшій же путь

для этого — изслѣдовать военно-хозяйственныя часть и управленіе въ самыхъ коренныхъ началахъ ихъ, въ связи ихъ съ другими общественными учрежденіями, въ періодахъ ихъ возрастанія и значенія для всей государственной жизни, и въ прошедшее время, какъ и въ настоящее. Ибо военная экономія или военно-хозяйственное управленіе сохраняетъ свой основный характеръ во всѣхъ періодахъ или возрастахъ своего развитія, отъ самыхъ первоначальныхъ до теперешняго, и составляетъ одну изъ многихъ отраслей государственной или политической экономіи [1]).

Во 2-хъ потому, что она имѣетъ существенныя важность и значеніе въ отношеніи къ войнѣ и исторіи ея, изслѣдованіе и изученіе которыхъ безъ историческаго изслѣдованія ея не можетъ имѣть надлежащей полноты. Ибо военная дѣятельность человѣка требуетъ не однихъ нравственныхъ силъ, но и вещественныхъ или матеріальныхъ, и правильное устройство, направленіе и употребленіе ея обнимаютъ одинаково и ту, и другую эти ея стороны. [2])

И въ 3-хъ въ частности потому, что изображеніе, хотя бы и болѣе или менѣе краткое, военнохозяйственнаго управленія въ древности, съ самыхъ первыхъ историческихъ временъ до паденія западной римской имперіи, въ разныя времена и у разныхъ народовъ, имѣетъ свои особенныя важность и значеніе въ отношеніи къ военной исторіи не только древнихъ временъ, но и послѣдующихъ, какъ ближайшихъ къ нимъ, такъ и новѣйшихъ. Изображая различныя степени первоначальныхъ хода, развитія и состоянія военной экономіи въ древности, оно, по тѣсной связи своей съ исторіей войны и военнаго искусства въ древнія времена, значительно способствуетъ уясненію и лучшему уразумѣнію ея.

§ 455.

Начальствованіе, дисциплина, награды и наказанія, и духъ войскъ.

Природными вождями и предводителями у всѣхъ народовъ въ глубокой древности и вообще въ первобытныя времена всегда были старѣйшины семействъ, родовъ, поколѣній и племенъ. Такъ было сначала и у евреевъ, у которыхъ позже были сотники, пятисотники и т. д. Давидъ назначилъ Іоава главнымъ предводителемъ войска, а

---

[1]) Handbibliothek für Offiziere, V B. I T. Der Haushalt der Kriegsheere (von Richthofen).

[2]) Тамже.

подъ его начальствомъ состояло 37 знатныхъ военачальниковъ и въ числѣ нхъ начальники 12-ти упомянутыхъ выше ежемѣсячныхъ отрядовъ.

Вообще кажется, что съ древнѣйшихъ временъ у всѣхъ народовъ болѣе или менѣе принято было десятичное дѣленіе войскъ, а вслѣдствіе того и согласное съ нимъ раздѣленіе военачальниковъ. Оно существовало и у древнихъ персовъ при Кирѣ I и позже. По Ксенофонту, Киръ I ядромъ своего войска образовалъ фалангу изъ 10 т. чел. пѣхоты, раздѣленную на 10 частей въ 1 т. чел., которыя были подраздѣлены на 10 сотенъ каждая, а сотня на 4 отдѣленія въ 25 чел.,— каждая изъ этихъ различныхъ частей подъ начальствомъ своего особеннаго начальника. Но, какъ извѣстно, Киропедія Ксенофонта заключаетъ въ себѣ, кажется, не столько то, что̀ дѣйствительно было у персовъ при Кирѣ I, но что̀ предлагалъ Ксенофонтъ въ видѣ примѣровъ и совѣтовъ Киру II или Младшему, а потому показанія его недостовѣрны.

Изъ Иліады Гомера видно, что у древнихъ грековъ, въ героическія времена и въ троянской войнѣ, главными вождями были цари и воины-герои или богатыри. Но только въ 10-мъ году Троянской войны, по совѣту Нестора, союзное греческое войско было раздѣлено по племенамъ и поколѣніямъ, подъ предводительствомъ старѣйшинъ ихъ и подъ верховнымъ начальствомъ царя Агамемнона. Но вообще военные вожди грековъ въ это время заботились болѣе о томъ, чтобы отличиться въ единоборствѣ, нежели объ управленіи движеніями и дѣйствіями войскъ.

Послѣ троянской войны и введенія народнаго правленія, начальствованіе греческими арміями вообще было раздѣляемо между нѣсколькими полководцами, ежегодно избираемыми народнымъ собраніемъ. Они имѣли равную власть, начальствовали арміями поочередно въ продолженіи одного или нѣсколькихъ дней и всѣ вмѣстѣ составляли военный совѣтъ. Часто при арміяхъ находились также одинъ или нѣсколько членовъ высшихъ правительственныхъ учрежденій, для надзора за дѣйствіями полководцевъ, соглашенія послѣднихъ, предсѣдательствованія въ военныхъ совѣтахъ и т. п. Поэтому такого рода начальствованіе арміями, проистекавшее изъ свойствъ самаго образа правленія у грековъ, не имѣло надлежащаго единства и было сопряжено съ большими неудобствами.

Частное начальствованіе въ греческихъ арміяхъ или фалангахъ было согласно съ тактическимъ раздѣленіемъ ихъ на бо̀льшія и меньшія части, неодинаковымъ, но болѣе или менѣе сходнымъ въ разныхъ республикахъ. Въ двухъ главныхъ изъ нихъ, спартанской и аѳинской, частными военачальниками были: въ первой, въ морѣ

или полку пѣхоты (по Ксенофонту)—1 полемархъ, 4 лохагоса, 8 пентекостиріевъ и 16 эномотарховъ, а во второй—10 хиліарховъ или тысячниковъ, по числу 10 хиліархій, и 10 же стратеговъ или главныхъ предводителей; послѣдніе имѣли равную власть, начальствовали арміей поочередно въ продолженіи сутокъ, а всѣ вмѣстѣ составляли военный совѣтъ. Въ Спартѣ же арміями въ военное время начальствовали цари съ неограниченною властію, но съ обязанностью строгаго отчета народному собранію. Если армій въ полѣ было двѣ, то каждый царь начальствовалъ одною изъ нихъ, а если одна, то по жребію одинъ начальствовалъ ею, а другой оставался въ Спартѣ. При царяхъ состояли: по одному или по два полемарха для помощи, нѣсколько увѣнчанныхъ на общественныхъ играхъ атлетовъ или бойцовъ и отборные, по выбору эфоровъ, молодые конные воины, составлявшіе какъ бы царскихъ тѣлохранителей. Сами эфоры, вскорѣ послѣ Ликурга, стали сопровождать царей на войну и составлять ихъ военный совѣтъ.

Такого рода начальствованіе войсками у грековъ оставалось на томъ же основаніи и въ періодѣ отъ начала греко-персидскихъ войнъ до Филиппа и Александра македонскихъ. У ѳивянъ въ это время оно было раздѣлено между нѣсколькими полководцами, числомъ отъ 4-хъ до 11-ти, избираемыми отъ разныхъ городовъ Віотіи, почему они и назывались віотархами. Они начальствовали арміей поочередно и по прошествіи года были обязаны слагать съ себя начальствованіе, подъ страхомъ смертной казни въ противномъ случаѣ.

Такимъ образомъ вообще главное начальствованіе греческими арміями, не имѣя должнаго единства, составляло одну изъ слабыхъ сторонъ военнаго устройства грековъ и часто имѣло невыгодныя и даже вредныя послѣдствія. Да и частное начальствованіе въ греческихъ фалангахъ, по свойствамъ образа правленія, народнаго характера, нравовъ и обычаевъ грековъ, тоже не имѣло надлежащихъ условій твердости и силы.

Совсѣмъ иное усматривается у македонянъ при Филиппѣ и Александрѣ В. Начальствованіе войскомъ у нихъ значительно превосходило описанное выше у грековъ, потому что было сосредоточено, вмѣстѣ съ царскою властію, въ рукахъ Филиппа и Александра и потому имѣло важное преимущество единства, твердости и силы. Соотвѣтственно тому было и частное начальствованіе въ македонской фалангѣ, въ которой каждая часть, отъ малѣйшихъ: лохоса (ряда 16 оплитовъ) и подраздѣленій его — 2-хъ димерій и 4-хъ эномотій, до бо̀льшихъ—простой, двойной и большой фалангъ, имѣла своего особеннаго начальника, обязаннаго строго соблюдать въ ней надлежащіе устройство и порядокъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о на-

чальствованіи въ тактическихъ раздѣленіяхъ и подраздѣленіяхъ пелтастовъ и конницы.

По смерти Александра В. начальствованіе войсками у грековъ и македонянъ, до покоренія ихъ римлянами, сохраняло прежнія внѣшнія формы, но уже утратило внутреннія достоинства свои—единство, твердость и силу и пришло въ разстройство и безпорядокъ.

У карѳагенянъ начальствованіе войсками имѣло важные недостатки въ томъ отношеніи, что предводители армій были избираемы (всегда изъ гражданъ Карѳагена) народомъ большею частію не по личнымъ способностямъ и дарованіямъ, военнымъ отличіямъ или заслугамъ отечеству, но по прихоти или расположенію народа, знатности рода и богатству, связямъ или вліянію политическихъ партій. Безпрерывная же борьба этихъ послѣднихъ, зависть къ побѣдамъ и завоеваніямъ искусныхъ или счастливыхъ полководцевъ и особенно опасеніе, чтобы они не употребили своей власти противъ свободы Карѳагена, были причинами, что ихъ часто смѣняли, даже въ продолженіи войны и военныхъ дѣйствій, отказывали имъ въ деньгахъ, въ подкрѣпленіяхъ войсками и въ военныхъ потребностяхъ, всячески стѣсняли распоряженія и дѣйствія ихъ и наконецъ совершенно ограничили власть ихъ. Она уже и прежде была ограничена тѣмъ, что при предводителяхъ армій, по недовѣрію къ нимъ, находились назначенные сенатомъ члены его или особые уполномоченные, для надзора за ихъ дѣйствіями и руководства ихъ, и отъ которыхъ они вполнѣ зависѣли. Но въ V вѣкѣ передъ Р. Х. (между 480 и 410 г.г.) сенатъ (герусія) сталъ самъ управлять изъ Карѳагена войною и военными дѣйствіями, даже въ отдаленныхъ странахъ, составлялъ военныя предначертанія, требовалъ отъ полководцевъ непремѣннаго и точнаго исполненія ихъ и строго, нерѣдко жестоко наказывалъ полководцевъ за отступленія отъ нихъ, неудачныя дѣйствія и пораженія. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что военныя предначертанія сената были рѣдко сообразны съ обстоятельствами, полководцы, связанные въ своихъ дѣйствіяхъ, не отваживались на смѣлыя и рѣшительныя дѣйствія, и войны карѳагенянъ большею частью были ведены медленно, нерѣшительно, слабо и часто неудачно.

У римлянъ, напротивъ, съ самаго основанія Рима и до конца пуническихъ войнъ — въ періодѣ лучшихъ временъ при царяхъ и народномъ правленіи, начальствованіе войскомъ превзошло все, что въ этомъ отношеніи существовало въ древности, не только въ Азіи и Африкѣ, но и въ Европѣ у грековъ и даже у македонянъ при Филиппѣ и Александрѣ В. и послѣ нихъ. Съ самаго начала въ римскихъ войскахъ было установлено точное распредѣленіе военной власти и строгое чиноначаліе во всѣхъ раздѣленіяхъ и подраздѣле-

ніяхъ легіона. Арміями же начальствовали полновластно и неограниченно сначала цари, а потомъ консулы. Если въ полѣ была одна армія, то ею начальствовалъ по жребію одинъ изъ двухъ консуловъ, если двѣ—то каждою одинъ изъ нихъ, а если онѣ соединялись—то каждый изъ нихъ начальствовалъ ею поочередно одни сутки (что̀ однако нарушало единство начальствованія и нерѣдко имѣло невыгодныя послѣдствія). Съ 497 же года передъ Р. Х., въ случаяхъ особенной важности или опасности, стали избираться диктаторы, съ неограниченною властію набирать и распускать войско, объявлять войну и заключать миръ и пр., но только на 6 мѣсяцовъ или до минованія опасности. Диктаторъ былъ непосредственнымъ начальникомъ всей пѣхоты и самъ избиралъ себѣ или иногда сенатъ либо народъ назначали ему товарища и помощника въ званіи магистра или начальника конницы (magister equitum). Частными же начальниками войскъ въ легіонахъ были легаты, военные трибуны, центуріоны или сотники, подцентуріоны, декуріоны или десятники и поддекуріоны, а въ союзныхъ легіонахъ — начальствовавшіе ими префекты.

Послѣ 2-й пунической войны, главное начальствованіе надъ римскими и другими войсками въ подвластныхъ и завоеванныхъ областяхъ ввѣрялось намѣстникамъ ихъ — проконсуламъ, пропреторамъ или проквесторамъ, съ неограниченною военною и гражданскою властію, но съ обязанностью давать сенату и народу отчетъ въ употребленіи ея.

Предводители римскихъ армій и наружно были значительно отличены, какъ особенными одеждой и вооруженіемъ, такъ и состояніемъ при нихъ ликторовъ или исполнителей ихъ приказаній и приговоровъ, и чиновъ управленія арміей: квесторовъ или казначеевъ, контуберналовъ или сподвижниковъ, мензоровъ, метаторовъ, либраріевъ, фрументаріевъ, авгуровъ и пр.

Но со времени начала междуусобныхъ войнъ званіе диктатора уже сдѣлалось цѣлію и орудіемъ честолюбцевъ, стремившихся къ завладѣнію верховною властію, и давалось почти непрерывно. Званіе легатовъ уже обратилось въ старшій военный чинъ въ войскѣ; имъ начали ввѣрять начальствованіе однимъ или нѣсколькими легіонами и даже арміями, и число ихъ значительно умножилось. Военные же трибуны начальствовали когортами, а центуріями въ нихъ центуріоны, изъ которыхъ начальствовавшій 1-ю центуріей 1-й когорты по прежнему назывался примипиломъ (первымъ копьемъ), охранялъ легіонный орелъ и былъ членомъ военнаго совѣта съ голосомъ.

При Августѣ военное чиноначаліе сохраняло еще почти всѣ преж-

нія черты, за исключеніемъ того, что легіонами начальствовали легаты, преторіянскими когортами—два префекта преторія или преторіянцовъ, а арміями — императорскіе или консульскіе легаты (намѣстники императорскихъ провинцій), при которыхъ были помощниками квесторы и прокураторы. А самъ Августъ, въ званіи императора, былъ верховнымъ предводителемъ всѣхъ военныхъ силъ имперіи. Но со временъ Отона легіонами стали начальствовать легіонные префекты, а со временъ Септимія Севера преторіянскіе префекты, сверхъ начальствованія преторіянскими когортами, стали завѣдывать финансами и судебною частію въ имперіи и сдѣлались одними изъ первыхъ и важнѣйшихъ государственныхъ людей въ ней.

Діоклитіянъ значительно ограничилъ власть и вліяніе преторіянскихъ префектовъ и войска, изданіемъ строгихъ законовъ о томъ и введеніемъ строгаго законнаго порядка. А Константинъ В. совершенно отдѣлилъ военную власть отъ гражданской, умножилъ число военныхъ правительственныхъ лицъ и начальниковъ, установилъ между ними взаимныя зависимость и подчиненность, на основаніи вновь введеннаго чиноначалія, и подчинилъ ихъ высшимъ государственнымъ учрежденіямъ (министерствамъ), управленіе которыми сосредоточивалось въ лицѣ императора, а подъ нимъ—двумъ магистрамъ пѣхоты и конницы и двумъ начальникамъ пѣшей и конной гвардіи. Послѣ Константина В. число этихъ магистровъ увеличилось, а по раздѣленіи имперіи Ѳеодосіемъ В. на восточную и западную, въ каждой былъ одинъ магистръ всѣхъ войскъ, имѣвшій, послѣ императора, власть, не только военную, но и гражданскую, а въ западной даже правившій ею именемъ императора.

Таковы были ходъ, развитіе и состояніе начальствованія войсками въ древнія времена вообще и у грековъ и римлянъ въ частности. Въ наилучшемъ состояніи оно находилось, какъ изъ изложеннаго выше видно, у македонянъ при Филиппѣ и Александрѣ В. и особенно у римлянъ до окончанія пуническихъ и начала междуусобныхъ войнъ.

Съ военными чиноначаліемъ и начальствованіемъ тѣсно соединены военные подчиненность и порядокъ (дисциплина) и духъ войскъ, и учрежденія, какъ для ихъ соблюденія, возбужденія, утвержденія и поощренія, такъ и для наказанія всякаго нарушенія ихъ. Состояніе ихъ въ древности, въ разныя времена и у разныхъ народовъ, также представляетъ свои лучшіе и мрачные періоды и эпохи, и послѣднихъ едва-ли не было болѣе первыхъ. Вообще говоря, эта существенная и важнѣйшая часть состоянія войскъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ древности, въ началѣ всегда была болѣе или менѣе удовлетворительна, но подъ конецъ, напротивъ, въ разстройствѣ, безпорядкѣ и упадкѣ.

У древнихъ народовъ Азіи и Африки, у которыхъ существовало раздѣленіе на касты, военное воспитаніе и постоянное занятіе военными упражненіями содѣлывали военныя касты особенно способными къ войнѣ, знающими военное дѣло и привычными къ военному повиновенію и порядку, и питали въ нихъ воинственный духъ. Наслѣдственность военнаго званія также способствовала тому, но съ другой стороны была противна успѣхамъ военнаго искуства. Притомъ военныя касты, составляя исключительную вооруженную силу государства, легко могли дѣлаться опасными ему, пользами его жертвуя собственнымъ своимъ, тѣмъ болѣе, что были совершенно отчуждены отъ другихъ кастъ и вообще отъ народа. Эти недостатки и невыгоды ихъ и обнаруживались дѣйствительно рано или поздно, особенно вслѣдствіе обогащенія, роскоши, изнѣженности, развращенія нравовъ и упадка поэтому военныхъ: порядка и духа. Замѣтимъ разъ навсегда, что эти самыя причины и послѣдствія усматриваются во всѣ періоды и эпохи древнихъ временъ и у всѣхъ народовъ. Простота, даже суровость нравовъ, бѣдность образа жизни и обычаевъ, чрезвычайно благопріятныя для военныхъ: порядка (дисциплины) и духа—въ началѣ, всегда умалялись и искажались постепенно по мѣрѣ обогащенія и всѣхъ слѣдствій его, и окончательно приходили въ бо̀льшій или меньшій, а иногда и крайній упадокъ, совершенно противный истиннымъ и необходимымъ порядку и духу военнымъ. Тогда мѣсто чинопочитанія, повиновенія, порядка, воинственнаго духа и всѣхъ военныхъ добродѣтелей, безъ которыхъ правильно-устроенное войско немыслимо, заступали безначаліе (анархія), своеволіе, мятежный духъ, корыстолюбіе, алчность насильственнаго обогащенія грабежомъ и добычей, немилосердіе и жестокость къ мирнымъ жителямъ, но малодушіе и трусость передъ внѣшними, вооруженными врагами и пр. т. п. пороки, совершенно помрачавшіе войско и дѣлавшіе его недостойнымъ этого званія. Обращаясь въ громадную, вооруженную силу разбойниковъ, войско становилось не тѣмъ, чѣмъ до̀лжно быть—вѣрнѣйшими и надежнѣйшими оплотомъ, защитой и охраной государства, а злѣйшимъ внутреннимъ врагомъ, язвой и бичомъ его, несравненно опаснѣйшимъ всѣхъ внѣшнихъ враговъ его, каковы бы они ни были. Вотъ явленіе, которое постоянно и правильно, въ большей или меньшей степени, повторяется во всѣ времена и у всѣхъ народовъ древности. Цѣль и объемъ настоящаго изданія не позволяютъ, да и не требуютъ изслѣдованія и изложенія всѣхъ причинъ такого явленія. Ихъ очень много, но главными и всегда общими для всѣхъ народовъ были указанныя выше—обогащеніе и всѣ послѣдствія его. Укажемъ только на періоды, эпохи и характеръ этого явленія у народовъ древности.

Изъ числа древнихъ азіятскихъ и африканскихъ народовъ и государствъ, у перваго народа, исторически болѣе извѣстнаго съ начала VIII вѣка передъ Р. Х.—ассиріянъ военные: порядокъ и духъ войскъ были кажется, въ хорошемъ состояніи до половины VII в., но въ упадкѣ съ того времени до разрушенія ассирійскаго царства Навопаласаромъ вавилонскимъ и Кіаксаромъ мидійскимъ въ концѣ VII вѣка (въ 610 г.).—У вавилонянъ—съ этого времени только при первыхъ двухъ царяхъ новой династіи вавилоно-халдейской, Навопаласарѣ (610—606 г.г.) и особенно сынѣ его Навуходоносорѣ (606—562 г.г.).—У мидянъ—только со времени отложенія ихъ отъ ассиріянъ и образованія независимаго царства мидійскаго до заключенія мира съ лидіо-фригійскимъ царствомъ въ Малой Азіи (въ 585 г.), 25 лѣтъ послѣ чего (въ 560 г.) царство мидійское уже было покорено Киромъ I.—У древнихъ персовъ—только при Кирѣ I, Камбизѣ, Даріѣ Гистаспѣ и Ксерксѣ (560—465 г.г.), послѣ чего они постепенно пришли въ тотъ страшный упадокъ, въ которомъ находились во время войны съ Александромъ В. (336—324 г.г.).—У древнихъ евреевъ—отъ исхода изъ Египта и вступленія въ Обѣтованную землю до раздѣленія царства іудейскаго, по смерти Соломона, на іудейское и израильское (1491—975 г.г.), послѣ чего происходитъ постепенный и быстрый упадокъ до покоренія царства израильскаго Салманассаромъ ассирійскимъ въ 720 г. и царства іудейскаго Навуходоносоромъ вавилонскимъ въ 587 г. По возстановленіи же царства іудейскаго подъ властію первосвященниковъ въ 536 г. и особенно при Маккавеяхъ (153—135 г.г.) военные порядокъ и духъ въ іудейскомъ войскѣ также возстановились въ прежнихъ силѣ и славѣ. Но съ 135 г., со времени первосвященника, потомъ царя, Гиркана и до взятія и разрушенія Іерусалима и покоренія Іудеи Титомъ въ 70 г. по Р. Х., нравственный упадокъ, безначаліе, своеволіе, мятежный духъ и всевозможныя злодѣянія іудейскаго войска, какъ и народа, быстро растутъ съ такою силою, которая представляетъ одинъ изъ первыхъ и рѣдкихъ примѣровъ того въ исторіи вообще и древнихъ временъ въ частности.—У египтянъ самымъ блистательнымъ въ этомъ отношеніи періодомъ было время царствованія XIX-й династіи фараоновъ-Сезостридовъ (между 1485 и 1200 г.г. передъ Р. Х.) и особенно при первомъ изъ нихъ Рамзесѣ III или Сезострисѣ I (1485—1416 г.г., начавшемъ царствовать 6 лѣтъ послѣ исхода евреевъ изъ Египта при фараонѣ Кенхресѣ или Кенресѣ). Съ XII вѣка (1200 г.) начался упадокъ, въ VIII вѣкѣ (800—700 г.г.) достигшій высшей степени, а при Псамметихѣ I, основателѣ XXVI династіи саисской (660—617 г.г.), поведшій къ выселенію большинства мятежной и буйной военной касты въ Эѳіопію и къ замѣнѣ ея греческими

наемными войсками—до самаго покоренія Египта Киромъ I въ 524 г.— Наконецъ у кареагенянъ, съ основанія Кареагена за 878 лѣтъ передъ Р. Х. до половины VI вѣка (550 г.), войско ихъ находилось въ первобытномъ, хорошемъ состояніи въ отношеніи къ порядку и духу въ немъ, а съ половины VI вѣка до половины III (550—250 г.г.), періодѣ наибольшихъ могущества и славы Кареагена, въ еще лучшемъ, хотя преимущественный составъ войска изъ наемниковъ и разноплеменниковъ уже заключалъ въ себѣ сѣмена и безпорядка, и дурнаго духа, уже и въ этомъ періодѣ нерѣдко проявлявшіяся вредными и опасными признаками. Но послѣ 1-й пунической войны до разрушенія Кареагена (241—146 г.г.) упадокъ въ этомъ отношеніи уже рѣшительно и быстро растетъ все болѣе и болѣе, и производитъ страшныя внутреннія потрясенія въ кареагенской республикѣ и наконецъ совершенное разрушеніе ея римлянами.

Обращаясь затѣмъ къ европейскимъ народамъ—грекамъ, римлянамъ и народамъ сѣверной Европы, разрушившимъ западную римскую имперію, поражаемся тѣмъ же явленіемъ, но въ несравненно большей и замѣчательнѣйшей степени.

Періодами наилучшаго состоянія военныхъ: порядка, духа и дисциплины безспорно были: у грековъ по Иліадѣ Гомера—даже время троянской войны, а по свидѣтельству исторіи — отъ этой войны до конца пелопоннезской и особенно во время грекоперсидскихъ войнъ (1194—404 г.г. передъ Р. Х.),—у римлянъ же—отъ основанія Рима до конца пуническихъ войнъ (754—146 г.г.). Послѣдующія затѣмъ времена, у грековъ—съ 404 г. и особенно у римлянъ съ 146 г., представляютъ такую мрачную картину, подобной которой не встрѣчается въ исторіи и которая, какъ страшный призракъ, стоитъ на вѣки грознымъ урокомъ и предостереженіемъ потомству, особенно военному. Когда тѣ же общія причины, которыя были указаны выше— роскошь, междуусобія, развращеніе нравовъ, корыстолюбіе и пр. заглушили въ грекахъ и римлянахъ чувства чести и любви къ отечеству и всѣ военныя добродѣтели прежнихъ, лучшихъ временъ военной славы, въ войскахъ ихъ стали развиваться и достигли страшныхъ размѣровъ всѣ виды пороковъ, о которыхъ также было говорено выше. Но главнѣйшими и существеннѣйшими изъ нихъ были своеволіе и мятежный духъ, которые уже прямо противурѣчили той строгой военной дисциплинѣ, которая должна быть душою всякой правильно-устроенной арміи и была ею въ греческихъ и римскихъ арміяхъ въ тѣ лучшія времена исторіи грековъ и римлянъ, которыя снискали имъ достойную славу. Но какъ бы ни было мрачно состояніе, въ этомъ отношеніи, греческихъ армій, все же оно далеко не можетъ сравниться съ состояніемъ римскаго войска послѣ Августа

до самаго разрушенія западной римской имперіи. Послѣднее сосредоточило въ себѣ, можно сказать, всѣ ужасы подобнаго рода у всѣхъ исчисленныхъ выше народовъ древности вмѣстѣ. И потому весьма естественнымъ послѣдствіемъ было — паденіе Греціи и Македоніи передъ побѣдоноснымъ оружіемъ римлянъ, а западной римской имперіи—подъ ударами тѣхъ народовъ сѣверной Европы, которыхъ римляне, въ своей непомѣрной гордости, называли варварами, но которые были орудіями Провидѣнія для разрушенія и преобразованія того, что̀ не могло и не должно было болѣе существовать, но долженствовало подвергнуться коренному и совершенному преобразованію.

Они—эти сѣверные варвары, германскаго и отчасти славянскаго происхожденія—были народы новые, свѣжіе, первобытные, неиспорченные и неразвращенные подобно римлянамъ, и при всей своей грубости и необразованности, въ военнонравственномъ отношеніи стоявшіе неизмѣримо выше переродившихся и жалкихъ потомковъ нѣкогда державнаго Рима. Строгое повиновеніе своимъ вождямъ и предводителямъ и необыкновенно воинственный духъ ставили ихъ въ совершенную противуположность тѣхъ, которые, достигнувъ высшей степени цивилизаціи древняго міра, въ первые пять вѣковъ по Р. Х. ниспали съ нея до степени одичалости, сравнительно даже низшей противъ ихъ побѣдителей—варваровъ.

А между тѣмъ, какія средства не были употребляемы у народовъ древности для развитія, поддержанія и охраненія строгаго порядка и истиннаго духа въ войскахъ, и для кары за всякое нарушеніе ихъ! Система военныхъ наградъ и наказаній, отъ простѣйшихъ, первобытныхъ до сложнѣйшихъ въ послѣднія времена, особенно у грековъ и еще болѣе у римлянъ, была широко развита и тѣмъ шире развивалась, чѣмъ глубже падали и дисциплина, и духъ въ войскахъ. Исторія не сохранила намъ почти никакихъ свѣдѣній по этому предмету касательно древнѣйшихъ народовъ и государствъ Азіи и Африки. Преданія и сохранившіеся памятники египетскіе свидѣтельствуютъ, что при Сезотрисѣ и послѣ него въ лучшія времена Египта (1500—1200 г.г. до Р. Х.) военная дисциплина была строго соблюдаема въ египетскихъ войскахъ и они были одушевлены воинственнымъ духомъ. Преданія свидѣтельствуютъ также, что Сезострисъ установилъ и соблюдалъ въ войскахъ военные подчиненность и порядокъ, нарушеніе которыхъ было строго наказываемо, но замѣнилъ тѣлесныя наказанія лишеніемъ чести, которую виновный могъ снова снискать не иначе, какъ особенными подвигами храбрости и военными

заслугами. Ксенофонтъ въ Киропедіи приводитъ многія мудрыя мѣры Кира I для соблюденія въ персидскихъ войскахъ порядка и поддержанія въ нихъ хорошаго военнаго духа; но неизвѣстно, было-ли это дѣйствительно такъ, или Ксенофонтъ выразилъ этимъ только свое наставленіе Киру Младшему по этому предмету. Въ Іудейскихъ древностяхъ Іосифа Флавія можно найти свѣдѣнія по тому же предмету у евреевъ съ древнѣйшихъ временъ до самаго Іосифа Флавія, особенно до царей и при Саулѣ, Давидѣ и Соломонѣ—въ лучшія времена исторіи евреевъ. Что касается Кареагена, то кажется, что онъ гораздо строже обходился съ своими полководцами, нежели съ своими наемными войсками, которыхъ могъ держать въ повиновеніи и порядкѣ только исправною платою имъ жалованья, въ противномъ же случаѣ былъ безсиленъ совладѣть съ ними и подвергатся большимъ опасностямъ отъ нихъ.

Но о грекахъ и особенно о римлянахъ исторія сохранила намъ, въ этомъ отношеніи, положительныя и обстоятельныя свѣдѣнія.

Изъ приведеннаго выше указанія способовъ начальствованія войсками у грековъ уже можно было видѣть вредныя для военнаго порядка условія ихъ. Въ Спартѣ сначала эфоры, а позже 30 совѣтниковъ при царяхъ въ дѣйствующей арміи стѣсняли послѣднихъ въ ихъ свободѣ дѣйствій, мѣръ и распоряженій во всѣхъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ и въ соблюденіи въ войскахъ строгаго порядка. Въ аѳинской же и другихъ республикахъ ежегодныя избраніе и перемѣна стратеговъ и подчиненіе ихъ строгой отчетности правительства и народа очевидно были неблагопріятны и даже вредны для самостоятельности распоряженій и дѣйствій стратеговъ. Послѣдніе были смѣняемы въ продолженіи своихъ военныхъ предпріятій и побѣдъ, и замѣняемы другими, которые не могли или не хотѣли дѣйствовать такъ какъ ихъ предшественники. Греки вообще и аѳиняне особенно видѣли въ каждомъ побѣдоносномъ стратегѣ своемъ угнетателя своей свободы и тайнаго врага отечества. Благосклонность народа и политическихъ партій назначала и низлагала стратеговъ, не всегда избирая способнѣйшихъ, и при малѣйшихъ неудачѣ или подозрѣніи въ честолюбивыхъ видахъ, стратеги подвергались вопіющей неблагодарности, какъ напримѣръ Мильтіадъ, Кимонъ, Ѳемистоклъ, Аристидъ, Алькивіадъ, Фокіонъ и др. Это проистекало какъ отъ образа правленія грековъ, такъ и отъ ихъ національнаго характера, своевольнаго, мятежнаго, склоннаго къ раздорамъ и несогласіямъ. А отъ этого страдалъ и военный порядокъ или дисциплина въ греческихъ войскахъ. У грековъ были строгіе военные законы въ этомъ отношеніи, но нравственную силу имъ сообщали не столько наказанія за нарушеніе ихъ, сколько господствовавшіе въ греческой націи,

особенно свойственные ей чувства и духъ. Сверхъ тѣлесныхъ, смертныхъ и денежныхъ наказаній, клятвопреступленіе, малодушіе и трусость были наказываемы разнаго рода всенародными, позорными карами, какъ-то выставленіемъ передъ всѣми въ женской одеждѣ, лишеніемъ участія въ религіозныхъ и гражданскихъ обрядахъ, запрещеніемъ брака, перенесеніемъ отъ всякаго побоевъ, наряженіемъ въ грязныя лохмотья и т. п. За этими общественными карами слѣдовали частныя, семейныя: опозоренныхъ первыми позорно исключали изъ своей среды и собственныя ихъ семейства. Особенно строги, даже до жестокости, были въ этомъ отношеніи военные законы Спарты. Военныя награды, съ своей стороны, также обусловливались тѣми же чувствами и духомъ греческой націи. Повышенія въ чинахъ и должностяхъ, разнаго рода подарки и т. п. служили поощреніемъ для низшихъ военачальниковъ и рядовыхъ воиновъ, а вѣнки изъ масличныхъ, лавровыхъ или дубовыхъ листьевъ, золотые или серебряные вѣнцы, побѣдныя пѣсни, вывѣшеніе собственнаго оружія ихъ въ Акрополѣ (въ Аѳинахъ), подарки полнаго вооруженія, сооруженіе статуй и пр. т. п.—наградами для стратеговъ. Однако всѣ такія награды назначались скупо и рѣдко. Мильтіаду разъ отказали въ масляничномъ вѣнкѣ, и послѣ одной побѣды всему войску была назначена первая награда, а стратегу его только вторая, потому что каждый въ войскѣ стремился получить награду и считалъ себя заслужившимъ ее.

На такихъ основаніяхъ утверждена была военная дисциплина въ греческихъ войскахъ до начала войны съ персами, и въ нихъ царствовали порядокъ, повиновеніе и умѣренность. Но впослѣдствіи эти военныя добродѣтели, отъ вреднаго вліянія восточной изнѣженности и развращенности нравовъ, превратились въ противуположные имъ пороки. А соразмѣрно съ тѣмъ умножились и наказанія, и награды военныя, что уже прямо указываетъ на нравственную испорченность массы народа и на упадокъ военной дисциплины въ войскахъ. Военные законы умножаются и становятся строже, но соблюденіе ихъ зависитъ уже преимущественно отъ личной энергіи стратеговъ. Вскорѣ послѣ пелопоннезской войны Ификратъ въ Аѳинахъ особенно отличился улучшеніемъ военной дисциплины; значитъ она въ этой войнѣ уже начала приходить въ упадокъ. А между тѣмъ военный бытъ вообще и военное искуство въ частности достигли именно въ это самое время высшей степени своего развитія у грековъ. Эти два явленія рядомъ вообще всегда усматриваются въ древности: съ развитіемъ цивилизаціи всегда ровнымъ шагомъ шли и успѣхи военнаго искуства, и нравственный упадокъ. Частыя и продолжительныя войны одинаково содѣйствовали какъ первымъ, такъ и послѣднему. Рядомъ съ лучшими военными добродѣтелями возникали

самые противуположные имъ пороки, слѣдствія разнузданныхъ страстей, удовлетвореніе которыхъ вело тогда даже къ пользованію ими для поощренія усердія, а требованія ихъ принуждали къ снисхожденію имъ. Недостойное усиленіе ихъ выступало всегда, когда требовались безпрестанныя услуги, не истекавшія прямо изъ условій общей пользы, и когда, вслѣдствіе того, явилась наклонность къ награжденію ихъ, потому что благороднѣйшія побужденія къ тому уже были въ усыпленіи. Тогда требованія отдѣльныхъ лицъ въ войскѣ становились уже выше ихъ заслугъ, а награды — многочисленнѣе подвиговъ. Строгія наказанія казались уже слишкомъ жестокими, а самыя щедрыя награды — слишкомъ малыми для корыстолюбія и честолюбія. Военные законы уже не могли быть строго соблюдаемы, и полководецъ, рѣшавшійся на это, встрѣчалъ всеобщее сопротивленіе, съ которымъ уже не могъ совладѣть, потому что не имѣлъ силы устранить коренныхъ причинъ. Вліяніе такого рода людей, въ самыхъ благопріятныхъ случаяхъ, бывало только временнымъ. Послѣ Ификрата военная дисциплина у грековъ падала все ниже и ниже, у аѳинянъ — скорѣе, а у спартанцовъ — медленнѣе всѣхъ *).

У македонянъ при Филиппѣ и Александрѣ В., напротивъ, военная дисциплина достигла несуществовавшей дотолѣ степени совершенства. Тому значительно способствовали единство и сила монархической власти, которую имѣли надъ войскомъ такіе высокоспособные и воинственные государи, какъ Филиппъ и Александръ. Все это, вмѣстѣ взятое, и было понятною причиной, что ни Греція, ни еще менѣе Персія не могли устоять противъ отлично-дисциплинированныхъ македонскихъ войскъ, предводимыхъ Филиппомъ и Александромъ. Но уже при жизни послѣдняго обнаружились признаки упадка превосходной македонской военной дисциплины. Неумѣренные, никогда не останавливающіеся завоеватели всегда болѣе или менѣе становятся рабами своихъ же войскъ. Такъ случилось и съ Александромъ В. — и рѣшительный отказъ войска его идти черезъ р. Гифазъ далѣе на востокъ заставилъ Александра покориться волѣ его. А по смерти его, необъятная монархія его распалась еще скорѣе, нежели возникла, раздираемая междуусобіями честолюбцовъ—преемниковъ его и орудіемъ ихъ—войскомъ, въ которомъ разомъ рушилась всякая тѣнь военной дисциплины.

Такъ неодинаковы были слѣдствія ея въ греческихъ и македонскихъ войскахъ, и въ лучшія, цвѣтущія времена, и во времена упадка ея. Если въ греческихъ войскахъ она повела къ менѣе блистательнымъ внѣшнимъ успѣхамъ, то явила не менѣе необыкновенные

*) Handbibl. für Offiz. I B. I. Abth. etc. (Brandt).

подвиги, но была менѣе вредна міру, нежели македонская. Основныя условія первой были тѣснѣе связаны съ нравственными свойствами греческой націи, нежели послѣдняя, которая была скорѣе плодомъ личныхъ высокой мудрости и силы ума и воли Филиппа и Александра и разрушилась по смерти ихъ.

У римлянъ военная дисциплина, какъ и весь вообще военный бытъ и все военное устройство, были отличны отъ греческихъ, хотя въ нѣкоторыхъ основныхъ элементахъ и нѣсколько сходны съ ними. Будучи вообще далеко не столь своебразнымъ народомъ, сколько греки, римляне превзошли ихъ гораздо болѣе собственно въ военномъ отношеніи.

Въ первыя и потомъ въ лучшія времена Рима, то, что придавало особенныя связь и силу формѣ набора и состава римскихъ армій, былъ одушевлявшій ихъ духъ, обнаруживавшійся въ такой превосходной военной дисциплинѣ, которой не только равной, но даже и подобной въ древности не было и которая осталась образцомъ для всѣхъ временъ. Хотя римское государственное устройство во времена республики соединяло въ себѣ смѣсь демократическихъ, аристократическихъ и монархическихъ элементовъ, поддержаніе равновѣсія между которыми произвело столь многія и сильныя внутреннія смуты, однако военная дисциплина мало пострадала отъ того. Республиканскія добродѣтели соединялись съ гражданскими отношеніями для того, чтобы сохранять уваженіе къ государственной власти и законамъ и оказывать неограниченное повиновеніе имъ. И въ этомъ римляне значительно превосходили грековъ вообще и даже спартанцовъ въ частности. Греки вели большею частію оборонительныя войны, у римлянъ же въ основѣ войны лежало завоеваніе. Отсюда проистекала такая энергія военной дѣятельности, столь тѣсно связанная съ существованіемъ государства, что изъ нея развилась суровая необходимость удовлетворять, во что ни стало бы, безъ всякаго милосердія, военнымъ законамъ. И они исполнялись съ неумолимою строгостью, при чемъ военныя наказанія вообще состояли, какъ у грековъ, изъ денежныхъ пеней, тѣлесныхъ наказаній, смертной казни и лишенія чести и имущества. Римскій воинъ, хотя и свободный гражданинъ, переносилъ тѣлесныя наказанія, потому что ихъ налагалъ законъ, не освобождавшій отъ нихъ преступника, но вмѣстѣ съ тѣмъ и опирался на законъ въ охрану свою отъ злоупотребленія этихъ наказаній. Но позорныя наказанія съ лишеніемъ чести, особенно за трусость, были гораздо чувствительнѣе и страшнѣе для римскаго гражданина-воина. Они состояли въ отнятіи оружія, въ позорномъ исключеніи изъ военной службы, въ принужденіи къ разнымъ низкимъ и землянымъ работамъ, къ выставленію на показъ въ разодранной

одеждѣ и съ босыми ногами, къ худшей пищѣ, къ расположенію внѣ лагеря и т. п. Къ такого рода наказаніямъ иногда были присуждаемы цѣлые легіоны. Такъ, напримѣръ, разбитымъ во время 2-й пунической войны войскамъ консула Фульвія было запрещено зимовать въ городахъ, но приказано располагаться на 2 мили разстоянія отъ своего лагеря. У спасшихся изъ сраженія при Каннахъ эквитовъ были отняты лошади, а они сами были объявлены недостойными служить въ конницѣ.

Если лишеніе чести и позоръ были сильнѣйшимъ и дѣйствительнѣйшимъ военнымъ наказаніемъ, то и воздаяніе чести было такою же наградой. Для воиновъ и ихъ частныхъ начальниковъ оно состояло во всенародномъ провозглашеніи похвалъ имъ, въ подаркахъ оружія, украшеній и т. п. отъ консуловъ, въ вѣнкахъ изъ травы, полевыхъ цвѣтовъ и листьевъ разныхъ деревьевъ, въ вѣнцахъ изъ серебра и золота, въ правѣ носить ихъ во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ, взятую у непріятеля добычу (оружіе и пр.) развѣшивать въ своихъ жилищахъ и т. п. Полководцы же въ лучшія времена Рима довольствовались сознаніемъ заслугъ, оказанныхъ ими отечеству, и честію большаго или малаго, но скромнаго тріумфа, который лишь позже, послѣ пуническихъ войнъ и особенно со временъ междуусобныхъ, утратилъ прежній характеръ простоты и скромности и сдѣлался цѣлію ненасытныхъ честолюбія и тщеславія.

Такія строгость военныхъ наказаній и умѣренность почетныхъ наградъ могли существовать только при простотѣ нравовъ и суровыхъ добродѣтеляхъ римлянъ въ лучшія времена Рима. А когда при этомъ честь оказанныхъ заслугъ стояла выше личныхъ выгодъ, тогда и личныя дарованія и заслуги сами находили открытые пути и поприща рѣзко и ярко обнаруживаться всѣмъ. Слѣдствіемъ же этого было то, что отличій удостоивались лишь завѣдомо способнѣйшіе и достойнѣйшіе люди—обстоятельство, особенно благопріятное для соблюденія строгой военной дисциплины. Она находилась всецѣло въ рукахъ военныхъ трибуновъ—людей въ зрѣломъ возрастѣ, испытанныхъ, твердыхъ, нравственныхъ правилъ и опытныхъ въ военномъ дѣлѣ. Они избирали такихъ же центуріоновъ, а эти—такихъ же подначальныхъ имъ чиновъ въ центуріяхъ.

Съ всеобщимъ, по всѣмъ частямъ и во всѣхъ отношеніяхъ, началомъ измѣненія и испорченности нравовъ римлянъ послѣ пуническихъ войнъ и особенно со временъ междуусобныхъ (какъ уже неразъ было объяснено выше), начался и постепенный, но быстрый упадокъ военной дисциплины въ римскихъ войскахъ. Хотя еще при тріумвирахъ и даже при первыхъ императорахъ основныя черты древнихъ римскихъ военныхъ добродѣтелей, подъ вліяніемъ такихъ

же республиканскихъ элементовъ, отчасти сохранялись и доставляли блистательные внѣшніе успѣхи римскому оружію, но эти успѣхи проистекали уже не отъ доброкачественности массы войска, а преимущественно отъ вліянія личныхъ дарованій полководцевъ. Всеобщая же нравственная испорченность и уродливое политическое значеніе войска въ государствѣ при императорахъ не только противудѣйствовали стараніямъ лучшихъ изъ этихъ послѣднихъ возстановлять и поддерживать въ войскѣ военную дисциплину, но и еще болѣе способствовали большему и большему упадку ея. Коль скоро императоры содержали постоянное войско преимущественно для поддержанія личной власти своей, они уже этимъ самымъ были принуждены даровать ему разныя и большія льготы и преимущества, дабы пріобрѣтать и укрѣплять тѣмъ преданность его своей особѣ. Это естественнымъ образомъ развило въ войскѣ посѣянныя еще при тріумвирахъ сѣмена необыкновенныхъ высокомѣрія, требовательности и поползновеній его. Слѣдствіями того были насилія его, сначала — противъ своихъ же согражданъ, а потомъ — и противъ самихъ императоровъ. И такимъ образомъ оно — орудіе угнетенія собственныхъ согражданъ и государства — вскорѣ содѣлалось повелителемъ самихъ императоровъ и стало, по прихотямъ и волѣ своимъ и изъ своекорыстныхъ цѣлей своихъ, возводить ихъ на престолъ и низводить съ него насильственною смертію ихъ. Первый примѣръ тому подали преторіянцы—эта главная язва римской имперіи, а ихъ примѣру послѣдовали и легіоны въ провинціяхъ. Главные начальники ихъ присвоили себѣ высшія и почетнѣйшія должности въ государствѣ, и такимъ образомъ послѣднее подпало подъ чудовищное иго безграничнаго военнаго деспотизма войска — примѣръ столь же исключительный и поразительный, сколько и многозначительный и поучительный въ военной исторіи древнихъ временъ.

А между тѣмъ римскія военныя учрежденія, имѣвшія цѣлію пополненіе и усовершенствованіе военныхъ: образованія, упражненій и дисциплины, въ это самое время все растутъ и множатся числомъ. Вегецій сохранилъ въ своихъ твореніяхъ постановленія объ этомъ Катона, Августа, Траяна и Адріяна. Но они возбуждаютъ только чувство жалости, ибо какую силу могли они имѣть, когда главная сила — нравственная — пала, когда въ римскомъ войскѣ совершенно упалъ духъ!

И такъ, приведя все, сказанное выше въ различныхъ §§ этой главы, къ одному общему заключенію, нельзя не придти къ слѣдующему выводу:

Военныя учрежденія, военное образованіе, вооруженіе, различные роды войскъ, внутреннее устройство ихъ, содержаніе, управленіе, начальствованіе, дисциплина, награды и наказанія, духъ войскъ, словомъ—все военное устройство и весь военный бытъ народовъ и государствъ въ древнія времена находились лишь кратковременно въ цвѣтущемъ положеніи, но затѣмъ наибольшею частію въ состояніи упадка, особенно у двухъ главныхъ, образованнѣйшихъ народовъ древности — грековъ и римлянъ, и съ крайнѣйшимъ упадкомъ ихъ у послѣднихъ изъ нихъ пала и западная римская имперія, и на развалинахъ ея образовались новыя, варварскія государства.

Вотъ два явленія, которыя справедливо останавливаютъ на себѣ вниманіе изслѣдователя всеобщей военной исторіи древнихъ временъ. Возвышеніе и затѣмъ упадокъ, тѣсно связанные съ такими же возвышеніемъ и упадкомъ самихъ народовъ и государствъ, и вслѣдствіе однихъ и тѣхъ же причинъ — превосходства и затѣмъ упадка нравственныхъ силъ! — Поучительный урокъ и строгое предостереженіе, которыя преподаетъ потомству всеобщая военная исторія древнихъ временъ!

Изслѣдованіе причинъ такого рода явленій, общихъ всѣмъ народамъ и государствамъ древности, выходитъ изъ предѣловъ настоящаго изданія. Ограничиваюсь указаніемъ ихъ: они способны и достойны возбудить многія и глубокія размышленія. Не буду также сличать ихъ съ тѣмъ, что̀ было въ послѣдующія времена до нашихъ дней, но въ свое время и въ своемъ мѣстѣ сличу послѣднее съ тѣмъ, что̀ было въ древнія времена, и тогда сдѣлаю надлежащіе изъ того выводы.

Здѣсь же только поставлю вопросъ: что̀-же, и по времени, и по свойству, преобладало въ древности: возвышеніе-ли и цвѣтущее состояніе, или глубокій упадокъ?

Первое, т. е. возвышеніе и цвѣтущее состояніе, по времени, продолжалось, какъ уже было означено выше, у ассиріянъ — около 112, у вавилонянъ—около 50 и у мидянъ—около 130 лѣтъ, исторически извѣстныхъ; у древнихъ персовъ—около 111 лѣтъ, у евреевъ — около 474, у египтянъ — около 300, у карѳагенянъ — около 309, у грековъ — около 790, у македонянъ — около 37 и у римлянъ—около 608 лѣтъ. Слѣдовательно, изъ 30 вѣковъ или 3,000 лѣтъ (съ начала исторически-извѣстныхъ временъ до 476 г. по Р. Х,), не говоря объ ассиріянахъ, вавилонянахъ, мидянахъ, персахъ, егип-

тянахъ и карѳагенянахъ, наибольшая продолжительность цвѣтущаго состоянія военнаго быта въ древности принадлежитъ: евреямъ — около $4^1/_2$ или 5 вѣковъ, за ними римлянамъ — около 6 и наконецъ грекамъ — около 8-ми. Все остальное же затѣмъ время ознаменовано упадкомъ и до той крайней степени, въ которомъ онъ усматривается и у евреевъ, и у грековъ, и особенно у римлянъ въ послѣднія, худшія времена ихъ военной исторіи!

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что состояніе всего вообще военнаго быта у грековъ и римлянъ въ лучшія, цвѣтущія времена военной исторіи ихъ стояло на такой высокой степени, которая справедливо возбуждала и до сихъ поръ возбуждаетъ вниманіе и удивленіе и объясняетъ восторженное восхваленіе классической греко-римской военной древности и въ среднія, и въ новыя, и даже въ новѣйшія времена. Но можетъ-ли оно выдержать неизбѣжное сравненіе съ другою, оборотною и мрачною стороною—упадка нравственнаго и гораздо болѣе продолжительнаго? Въ состояніи-ли оно искупить послѣдній такъ, чтобы онъ передъ нимъ обратился въ ничто? Или не приходится-ли сказать на оборотъ, что послѣдній омрачаетъ, подавляетъ и уничтожаетъ первое, такъ что общее впечатлѣніе всеобщей военной исторіи древнихъ временъ въ этомъ отношеніи гораздо болѣе мрачное, тяжелое и прискорбное, нежели свѣтлое и отрадное?

Люди нашего времени, здраво мыслящіе и чувствующіе, но не увлекающіеся безусловнымъ пристрастіемъ, во что ни стало бы, къ классической военной древности, едва-ли не согласятся скорѣе съ послѣднимъ, нежели съ первымъ изъ двухъ означенныхъ выше вопросовъ.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЪ ТРЕТЬЯ.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА ВОЕННУЮ ИСТОРІЮ ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

(Продолженіе).

II. Военное искуство. — § 456. Тактика. — § 457. Кастраметація. — § 458. Фортификація. — § 459. Поліорцетика. — § 460. Баллистика. — § 461. Стратегія.

II.

Военное искуство.

§ 456.

Тактика.

Тактика была главною отраслью военнаго искуства древнихъ временъ, потому что предметъ ея—бой былъ главнымъ и рѣшительнымъ военнымъ дѣйствіемъ войны въ древности. Такъ какъ формы боя въ древности, въ главныхъ основаніяхъ и чертахъ, были болѣе или менѣе одинаковы у всѣхъ народовъ ея, то и о формахъ тактики слѣдуетъ сказать тоже. Частныя различія ихъ происходили отъ географическихъ и топографическихъ свойствъ странъ въ Азіи, Африкѣ и Европѣ, и отъ этнографическихъ, общественныхъ, гражданскихъ, военныхъ, политическихъ и особенно нравственныхъ свойствъ и условій жителей, народовъ и государствъ этихъ частей древняго міра.

Изъ того, что̀ было изложено въ предъидущей главѣ LXII, уже

можно заключить, что и въ древнѣйшія времена не могло не существовать особенныхъ формъ строя, движеній и боевыхъ дѣйствій войскъ. Но свѣдѣній о томъ въ исторіи не имѣется.

Первыя вѣрныя свѣдѣнія объ этомъ сообщаетъ Иліада Гомера, и по нимъ можно, кажется, заключить, что они изображаютъ тогдашнюю первую историческую форму тактики. Главная черта ея— длинный, сомкнутый строй, уже съ наименованіями праваго и лѣваго крылъ и середины, но еще безъ идеи о фронтѣ линіи. Пѣхота строилась въ тѣсно-сомкнутыхъ рядахъ и шеренгахъ, позади военныхъ колесницъ, причемъ, по совѣту Нестора, впереди ставились менѣе надежные воины, въ серединѣ—храбрые, а сзади—храбрѣйшіе. Число шеренгъ неизвѣстно, но, по свойству тогдашняго боя, не должно было, кажется, превышать трехъ или четырехъ На узкомъ и тѣсномъ мѣстѣ боя различныя племена, съ своими колесницами, строились одно позади другаго, на болѣе широкомъ же, по совѣту Нестора — рядомъ въ одну линію, имѣя свои колесницы въ 1-й. Но въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ пѣхота строилась въ 1-й линіи, а колесницы во 2-й. Для атаки греческихъ укрѣпленій Гекторъ построилъ троянскія войска въ 5 отдѣльныхъ массъ или отрядовъ, съ какою именно цѣлію—неизвѣстно, но вѣроятно для того, чтобы успѣхъ атаки не зависѣлъ только отъ одного отряда, а чтобы они могли поддерживать другъ друга. 2,500 ѳессалійцовъ Ахилла также были построены имъ въ 5 отрядовъ, по 500 чел. подъ начальствомъ особаго предводителя каждый. Изъ описанія битвъ въ Иліадѣ усматривается также, что съ тяжелою пѣхотой перемѣшивалась легкая, а военныя колесницы съ пѣхотой. О походныхъ и особенно боевыхъ движеніяхъ, въ Иліадѣ свѣдѣній не имѣется, но съ вѣроятностью можно предполагать, что свойства мѣстности заставляли и грековъ, и троянцовъ двигаться то узкимъ, то широкимъ фронтомъ, то линіями, то колоннами, рядами или шеренгами и т. п. Иначе не имѣло бы смысла то, что Аристидъ назвалъ Паламеда, двоюроднаго брата Агамемнонова, изобрѣтателемъ тактики, а другіе—Мнесѳея. Несторъ также могъ бы имѣть право на честь изобрѣтенія ея.

Бой открывали военныя колесницы, по совѣту Нестора — тѣсно-сомкнутою линіей, съ всевозможнымъ равненіемъ ея. Подскакавъ къ непріятельскимъ колесницамъ, воины, бывшіе на колесницахъ, бросались съ нихъ въ пѣшій, одиночный, рукопашный бой, съ копьями въ рукахъ. Ихъ примѣру слѣдовали и воины 2-й линіи пѣхоты, и бой превращался въ общій, пѣшій, одиночный, рукопашный, въ которомъ такимъ образомъ не могло быть никакого тактическаго порядка. Свойства такого боя, для удобства дѣйствій копья-

ми, требовали разомкнутаго строя. А между тѣмъ легковооруженные воины метали копья, дротики, стрѣлы и пращами каменья. Бой продолжался такимъ образомъ до вечерней темноты, а на слѣдующее утро хоронили убитыхъ. Побѣду рѣшало большею частію единоборство главныхъ героевъ или богатырей. Въ это время общій бой пріостанавливался и только тогда возобновлялся, когда единоборство оставалось нерѣшеннымъ или требовалось отнять либо спасти тѣло и оружіе убитаго.

Такова была эта первоначальная форма боя и всей вообще тактики. При этомъ никакихъ особенныхъ движеній для рѣшенія побѣды еще не усматривается. Только одинъ разъ, когда разбитые наканунѣ греки опасались внезапнаго нападенія троянцовъ, они не отважились выйти изъ своихъ укрѣпленій, имѣя впереди колесницы, а сзади пѣхоту, а сдѣлали наоборотъ. Когда же пѣхота вступила въ бой, колесницы изъ-за нея незамѣтно выстроились на флангахъ и этимъ такъ растянули линію, что троянцы не могли устоять и были принуждены отступить къ стѣнамъ Трои.

Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ, что весь успѣхъ боя зависѣлъ отъ числа и личныхъ: силы, боевой способности и храбрости сражавшихся и что вообще бой состоялъ изъ единоборствъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Слѣдующею, второю формою тактики былъ строй и образъ движеній и дѣйствій въ видѣ фаланги. Цѣлію ея было — увеличить дѣйствующую силу соединенныхъ и тѣсно-сомкнутыхъ войскъ, для произведенія въ сомкнутомъ строѣ и боѣ удара съ опредѣленнымъ предначертаніемъ. Какъ бы далеко ни восходили первые слѣды фаланги въ древности, но достовѣрно то, что примѣненіе ея прежде и болѣе всего получило значенія и извѣстности отъ грековъ, и потому она должна быть признана особенно свойственною этому народу формою строя и образа боеваго дѣйствія войскъ.

Греческая фаланга отличалась отъ подобныхъ ей у азіятскихъ народовъ и у египтянъ меньшею глубиною строя. Но до Ксенофонта ближайшихъ свѣдѣній о ней не имѣется, равно какъ и никакихъ тактическихъ подробностей въ описаніяхъ сраженій, даже у Геродота. Неизвѣстно также, была-ли уже тактика греческой фаланги развита въ такой же степени до Ксенофонта, какъ и въ его время, или-же она достигла лишь постепенно и мало по малу полнаго развитія у грековъ и потомъ у македонянъ. По Ксенофонту, строй и движенія фаланги заключались въ строѣ и движеніяхъ сотни воиновъ въ 4, 8 или 16 рядовъ во фронтѣ и въ 24, 12 или 6 шеренгъ въ глубину, или наоборотъ—въ 6, 12 или 24 ряда во фронтѣ и въ 16, 8 или 4 шеренги въ глубину, а въ движеніи—даже въ 1 рядъ и 100 чел. въ глубину. Сотни становились одна возлѣ другой въ одну линію, и во

времена Ксенофонта обыкновенная глубина строя фаланги была въ 12 шеренгъ. Македонская же двойная фаланга имѣла 500 рядовъ во фронтѣ и 16 шеренгъ въ глубину, а большая или четверная — 1 т. рядовъ и 16 шеренгъ или 500 рядовъ и 32 шеренги. Наименьшая глубина фаланги вообще была въ 8 шеренгъ, но иногда и въ 6 и даже въ 4.

Протяженіе фронта фаланги, по Эліану, было: 1) въ разомкнутомъ строѣ—по 6 футовъ на человѣка въ ширину и глубину, 2) въ обыкновенномъ сомкнутомъ—по 3 фута и 3) въ тѣсно-сомкнутомъ, щитъ къ щиту—по $1^1/_2$. Послѣдній строй былъ употребляемъ какъ для атаки, такъ и для обороны. Корнелій Непотъ приписываетъ изобрѣтеніе его аѳинскому полководцу Хабрію: онъ поставилъ фалангу противъ Агезилая такъ, что воины, выгнувъ впередъ лѣвое колѣно и плотно прикрывшись щитами, съ выставленными копьями выжидали нападенія непріятеля, который, при видѣ этого, не посмѣлъ произвесть его. Иногда воины прикрывали щитами голову, образуя такъ называемый синаспизмъ или черепаху, непроницаемую для стрѣлъ и каменьевъ. Копья въ 24 фута длины выступали изъ 1-й шеренги на 12 футовъ и даже изъ 6-й еще на 3 фута, а въ тѣсно-сомкнутомъ—и изъ 12-й передъ фронтомъ фаланги. Македонскія сариссы или копья были длиною только отъ 14 до 16 и 18 футовъ и при сомкнутомъ строѣ выступали только изъ 4-й, а при тѣсномъ—изъ 8-й шеренги.

Въ переднія и заднія шеренги фаланги ставились всегда храбрѣйшіе воины, въ первыхъ — для атаки, а въ заднихъ — для обороны съ тыла.

Движенія или эволюціи фаланги состояли изъ оборотовъ въ $^1/_4$, $^1/_2$, $^3/_4$ и полный кругъ, контрмаршей, вздвоиванія фронта и движеній впередъ и назадъ. Контрмарши, рядами или шеренгами, были различнаго рода: македонскіе, лаконскіе, критскіе и дорійскіе или персидскіе. Вздвоиваніе производилось или шеренгами, или рядами.

Для боя фаланга раздѣлялась на правое и лѣвое крыла или сверхъ того и на середину, а каждое изъ этихъ отдѣленій подраздѣлялось еще на два, съ промежутками для прохода передней легкой пѣхоты. Такимъ образомъ фаланга стояла не въ непрерывной линіи и не всегда атаковала цѣлою линіей, но часто и по отдѣленіямъ (въ большей части сраженій, особенно Эпаминонда и Александра В.). Смотря по свойствамъ мѣстности или по особеннымъ видамъ полководцевъ, отдѣленія становились также одно за другимъ, слѣдовательно съ большею глубиною, нежели въ 16 шеренгъ. При Левктрѣ часть ѳивской фаланги Эпаминонда имѣла 48 шеренгъ при 32-хъ рядахъ во фронтѣ. Филиппъ македонскій далъ своей фалангѣ такіе же глубину и

фронтъ, почему она и была названа, въ отличіе отъ греческихъ, македонскою.

Иногда фалангу строили съ двумя фронтами, впередъ и назадъ, либо пустымъ или полнымъ клиномъ, либо клещами, либо ромбомъ, либо полнымъ треугольникомъ и свиною головой. Послѣдній строй состоялъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій, постепенно увеличивавшихся отъ головы до хвоста. Но всѣ эти клинообразныя построенія служили болѣе для строевыхъ ученій, нежели для боя, въ цѣляхъ котораго греки подъ клинами разумѣли вообще строй къ атакѣ съ большею противъ фронта глубиною. Очень часто необыкновенную глубину фаланги вынуждала мѣстность.

Для обороны противъ конницы фаланга строилась четвероугольникомъ, фронтомъ на всѣ четыре стороны, или пустымъ четвероугольникомъ, фланги котораго были длиннѣе фронта и который назывался башней.

Образъ дѣйствій грековъ въ бою вообще былъ очень простъ: конница и легкая пѣхота открывали бой, и послѣдняя отступала черезъ промежутки фаланги или въ обходъ фланговъ ея, когда она сама съ опущенными копьями двигалась въ атаку (у спартанцовъ—подъ звуки флейтъ, въ тактъ музыки, для сохраненія порядка и равненія въ движеніи). Но о движеніяхъ греческой пѣхоты мѣрнымъ шагомъ въ ногу свѣдѣній въ исторіи не имѣется. Во время боя полководецъ отдавалъ приказанія или самъ, собственнымъ голосомъ, или чрезъ герольдовъ, или же чрезъ сигналы на трубахъ или знаменами.

Конница греческая сражалась также въ глубокомъ строѣ, болѣе или менѣе въ видѣ квадрата (напримѣръ илъ въ 84 чел.—въ 8 рядовъ и въ 8 шеренгъ). Спартанская конница строилась глубиной отъ 5 и 6 до 12 шеренгъ. Но при такомъ глубокомъ строѣ шеренги вѣроятно атаковали поочередно, по 2, 3 или 4 разомъ, строясь потомъ за задними. Эпаминондъ, Филиппъ и Александръ македонскіе строили свою конницу лишь въ 4 шеренги, чтó позже установилъ въ теоріи и Арріанъ.

Третьею тактическою формой въ древнія времена былъ римскій легіонъ, который въ теченіи 12 вѣковъ отъ О. Р. до паденія западной римской имперіи имѣлъ всего 8 основныхъ или главныхъ видовъ, именно: 1-й—въ строѣ фаланги, при царяхъ, 2-й—по манипуламъ, съ начала народнаго правленія, 3-й—въ строѣ квинкунціальномъ или шахматномъ, съ начала пуническихъ войнъ, 4-й—въ томъ же строѣ, усовершенствованномъ Регуломъ по поводу сраженія противъ карѳагенянъ при Тунисѣ, 5-й—1-й строй по когортамъ, съ конца 3-й пунической войны (послѣ того, что Катонъ-цензоръ написалъ свое сочиненіе о военномъ искуствѣ) или съ начала между-

усобныхъ войнъ, 6-й—2-й строй по когортамъ, при Цезарѣ и до Августа, 7-й—3-й строй по когортамъ, при Августѣ и до Траяна, и 8-й—снова въ строѣ фаланги, при Траянѣ и до паденія западной римской имперіи. Нѣкоторыми особенными видами строя легіона въ необыкновенныхъ случаяхъ были: 1) черепаха (testudo), подобная синаспизму грековъ (см. выше), употреблявшаяся какъ для обороны, такъ и для атаки, особенно полевыхъ укрѣпленій и городовъ; 2) кругъ (orbis) или строй фронтомъ во всѣ стороны противъ охватывавшаго и окружавшаго непріятеля, хотя и не въ видѣ правильнаго круга;— 3) строй четвероугольникомъ (agmen quadratum) пустымъ внутри, въ походномъ движеніи, особенно противъ непріятеля, дѣйствовавшаго со всѣхъ сторонъ;— 4) шаръ (globus), означавшій не строй, а отдѣльную часть или отрядъ войскъ, сомкнувшихся, чтобъ пробиться,— и 5) клинъ (cuneus), значеніе котораго было весьма различно: иногда— полнаго внутри четвероугольника, иногда—отдѣльныхъ манипулъ и когортъ, иногда—атакующихъ въ неправильномъ строѣ варваровъ, иногда—и собственнаго строя клиномъ, какъ при Каннахъ, а иногда и въ стратегическомъ смыслѣ—клинообразнаго вторженія въ страну нѣсколькими колоннами.

Образъ дѣйствій легіона въ бою былъ въ главныхъ основаніяхъ подобенъ такому же фаланги тѣмъ, что легкая пѣхота открывала бой метаніемъ стрѣлъ и каменьевъ, а затѣмъ 1-я линія легіона метала свои полукопья или дротики (pilum) на 25-ти до 50-ти—60-ти шаговъ разстоянія отъ непріятеля и тотчасъ атаковала мечами. 2-я линія поддерживала 1-ю, а третья — тріаріи — рѣшала бой. Конница также сначала метала свои дротики, а затѣмъ атаковала мечами, но иногда на пересѣченной и даже на ровной мѣстности спѣшивалась и сражалась пѣшею. При осадѣ Капуи къ ней была присоединена вновь образованная, особеннаго рода легкая пѣхота (jaculatores, вольтижёры), которая садилась за всадниками и потомъ сражалась пѣшею вмѣстѣ съ ними. Этотъ обычай сохранился съ того времени и впослѣдствіи.

Въ строѣ легіона по когортамъ образъ дѣйствій войскъ былъ такой же или подобный, съ тою только разницей, что 2-я и 3-я линіи когортъ поддерживали 1-ю. Для обороны же противъ непріятельской конницы, 2-я и 3-я шеренги тѣсно смыкались съ 1-ю и выставляли свои копья, а 4-я и слѣдующія метали свои черезъ нихъ.

Боевые порядки у грековъ въ первыя времена послѣ Троянской войны были очень просты: пѣхота строилась въ одну линію, тяжелая въ серединѣ, легкая по обѣимъ сторонамъ ея, а конница на флангахъ, при чемъ середина и оба крыла имѣли своихъ особенныхъ начальниковъ. Эта простѣйшая форма боеваго порядка, съ ходомъ

времени и успѣхами военнаго искуства, была болѣе или менѣе измѣняема, пополняема и совершенствуема. Легкія пѣхоту и конницу стали располагать или впереди тяжелой пѣхоты, или позади ея, или въ ея промежуткахъ, тяжелую же конницу—или на одномъ флангѣ, или и позади тяжелой пѣхоты. Позже легкую пѣхоту стали перемѣшивать съ конницей и употреблять вмѣстѣ съ нею. Но вообще греки всегда довольствовались одною линіей, по причинѣ какъ глубины главной части своихъ армій—фаланги, такъ и немногочисленности этихъ армій. Однако встрѣчаются и исключенія изъ этого: 2-я линія или резервъ изъ пѣхоты или конницы или обѣихъ—за серединой или однимъ изъ крыльевъ (между прочимъ въ сраженіяхъ при Мантинеѣ 1-мъ и 2-мъ и при Арбелѣ). Александръ В. собиралъ бо̀льшую часть конницы на атакующемъ флангѣ.

Персы строили свои большія арміи въ 2 и болѣе линій, а военныя колесницы впереди 1-й. Въ сраженіи при Ѳимврѣ, Киръ I, будучи слабѣе Креза, имѣлъ свою армію построенною въ нѣсколько линій, Крезъ же, будучи сильнѣе и хотѣвшій охватить персовъ—въ 2 линіи. Въ сраженіи при Кунаксѣ многочисленная армія Артаксеркса была построена въ 2 линіи, а въ 8 разъ слабѣйшая армія Кира II—въ одну короткую линію. Въ сраженіи при Иссѣ армія Дарія была расположена, по тѣснотѣ мѣстности, въ нѣсколько многихъ линій, по Арріану—лишь въ 300 чел. во фронтѣ и въ 2 т. чел. въ глубину! Въ сраженіи при р. Гидаспѣ вся пѣхота Пора стояла въ одной линіи, наибо̀льшая часть конницы—въ 2 линіяхъ на лѣвомъ флангѣ противъ главной атаки Александра В., а меньшая часть—въ одной линіи на правомъ флангѣ, впереди пѣхоты—слоны, на 100 шаговъ одинъ отъ другаго, а впереди ихъ — военныя колесницы.

По смерти Александра В., въ продолженіи болѣе 150 лѣтъ, македонскій боевой порядокъ, распространившійся и въ Греціи, и въ Македоніи, и въ западной и въ верхней Азіи, не измѣнился существенно, за исключеніемъ того, что употреблялся уже не столь искусно и что къ нему примѣшались туземные обычаи, какъ напримѣръ употребленіе слоновъ. Пѣхота строилась фалангой, конница, поддержанная легкой пѣхотой—на флангахъ, слоны—впереди конницы или и пѣхоты, также поддержанные легкой пѣхотой, или и позади конницы. Такого рода боевой порядокъ былъ введенъ Ксантиппомъ и у карѳагенянъ, которые посредствомъ его и одержали первую побѣду надъ римлянами при Тунисѣ. Боевые порядки Аннибала были такого же рода, за исключеніемъ сраженія при Замѣ, въ которомъ онъ въ 1-й линіи поставилъ 80 слоновъ, за ними во 2-й—

вспомогательныя войска, въ 3-й—кароагенскія и греко-македонскія и въ 4-й—набранныя въ Италіи.

Подобнымъ же образомъ Архелай, полководецъ сирійскаго царя Антіоха, поставилъ противъ Силлы военныя колесницы съ косами впереди, фалангу—во 2-й линіи и вспомогательныя войска—въ 3-й.

У римлянъ боевой порядокъ легіона былъ такимъ же и для цѣлой арміи. При этомъ въ первыя времена, при строѣ легіона фалангой и по манипуламъ, встрѣчаются боевые порядки армій въ 2 линіи, даже съ особеннымъ резервомъ. Когда были учреждены союзные легіоны, они стали образовать крыла боеваго порядка. 2 когорты пѣхоты ихъ и 4 турмы конницы образовали экстраординарныя войска, а $1/2$ когорты пѣхоты и 1 турма конницы ихъ—аблектовъ; тѣ и другіе, составляя прикрытіе (конвой) полководца, становились тамъ, гдѣ онъ указывалъ. Остальная часть союзнаго легіона образовала затѣмъ 10 когортъ пѣхоты и 10 турмъ конницы.

Конница обыкновенно становилась на флангахъ, римская на правомъ, а союзная на лѣвомъ. Но бывали случаи, что она была располагаема болѣе или менѣе различно. Въ сраженіяхъ Цезаря она почти всегда находилась на флангахъ, а передъ сраженіями—впереди. Цезарь всегда держалъ ее вмѣстѣ и употреблялъ весьма искусно. Въ пуническихъ войнахъ римляне были принуждены увеличить число своей конницы и подкрѣплять ее легкою пѣхотой. У Цезаря, галловъ и германцовъ конница всегда дѣйствовала вмѣстѣ съ легкою пѣхотой.

Сравнивая греческіе и римскіе боевые порядки, можно усмотрѣть, что въ полномъ развитіи ихъ, основнымъ правиломъ было смѣшеніе всѣхъ родовъ войскъ для взаимнаго поддержанія и усиленія совокупнаго дѣйствія ихъ. При этомъ видно также, что только въ такомъ смѣшеніи заключалась пригодность фаланги для рѣшительнаго боя, сама же она одна не соотвѣтствовала всѣмъ условіямъ одержанія побѣды. Въ бою фаланги противъ фаланги побѣду рѣшало преимущественно превосходство нравственной силы и искуства. Когда же по смерти Александра В. нравственный элементъ у грековъ и македонянъ повредился и упалъ, то и фаланга утратила главную свою силу—внутреннюю, нравственную, которая вознаграждала ея слабыя стороны, именно: необходимость открытой и ровной мѣстности для ея дѣйствій, то, что малѣйшій безпорядокъ въ ней сообщался всей массѣ ея и что съ пораженіемъ ея все было потеряно, потому что въ запасѣ не было войскъ для поправленія дѣла. Поэтому уже въ боевыхъ порядкахъ Александра В. и послѣ него усматривается стремленіе не надѣяться на одну самую фалангу, но приготовлять средства къ ея побѣдѣ помощію взаимнаго поддержанія разныхъ ро-

довъ войскъ, 2-й линіи, резервовъ и засадъ. Вслѣдствіе того первоначальная мысль ея уже измѣнилась, и кромѣ того фаланга уже не всегда дѣйствовала цѣлою, нераздѣленною массою своею, но и отдѣльными частями, изъ которыхъ нѣкоторыя служили резервами. Но она сохранила главную особенность свою — дѣйствіе удара массой людей и копій.

Основный строй легіона составлялъ совершенную противуположность фаланги и имѣлъ полную способность сдѣлаться опаснымъ для тактическихъ слабостей ея. Легіонъ не образовалъ тѣсно-сомкнутой массы, предназначенной для удара на одинъ извѣстный пунктъ, но гибкое цѣлое, удобно-примѣнимое даже къ трудной мѣстности. Меньшія, но самостоятельныя части его—манипулы имѣли полную свободу дѣйствій, были поддерживаемы въ нихъ близстоявшими манипулами, могли пользоваться безпорядками въ строѣ непріятеля, бросаться въ происходившіе въ немъ отъ того разрывы, атаковать непріятеля во флангъ и пр. Пораженіе одной или нѣсколькихъ манипулъ не приводило тотчасъ всего строя въ безпорядокъ. Преслѣдовавшій непріятель попадалъ между другихъ манипулъ и могъ быть атакованъ ими во флангъ. Легіонъ вступалъ въ бой не весь сразу, но своими тремя линіями поочередно, одною послѣ другой. Такимъ образомъ то, что у грековъ зависѣло отъ болѣе или менѣе искусныхъ мѣръ ихъ полководцевъ, у римлянъ было основнымъ началомъ ихъ тактики.

Въ такихъ обстоятельствахъ фаланга, со всѣхъ сторонъ поражаемая метательнымъ оружіемъ римлянъ и принужденная обращаться фронтомъ во всѣ стороны, этимъ самымъ утрачивала силу своего удара и сомкнутость своего строя и, образуя разрывы въ немъ, давала римлянамъ возможность проникать въ нихъ съ короткимъ мечомъ. А коль скоро въ ней происходили разстройство и безпорядокъ, то съ ними всѣ преимущества сомкнутаго строя и даже длинныхъ копій утрачивались, и римскій короткій мечъ могъ безпрепятственно поражать ее.

Однако однимъ этимъ причинамъ нельзя приписать превосходства легіона надъ фалангой. Римскій легіонъ и римская тактика также были не безъ своихъ слабыхъ сторонъ. Весь фронтъ легіона, по причинѣ многихъ промежутковъ, не имѣлъ достаточно твердой связи, а части его—манипулы имѣли слишкомъ много фланговъ. Это давало непріятелю возможность безъ труда проникать въ промежутки манипулъ и брать послѣднія во флангъ и въ тылъ. Каждая манипула сама по себѣ была слаба, и сомкнутыя части непріятеля съ болѣе широкимъ фронтомъ могли разомъ опрокинуть нѣсколько манипулъ на заднюю линію ихъ и эту также привесть въ разстройство

Эти невыгоды именно способствовали пораженію римлянъ Пирромъ и Аннибаломъ (пѣхота которыхъ сражалась въ строѣ фаланги), не смотря на то, что манипулы были вздвоены, а промежутки ихъ уменьшены вдвое. Однако при этомъ нельзя не принять въ соображеніе превосходства искуства Пирра и Аннибала и числа легкой пѣхоты и конницы послѣдняго. Если же позже римляне побѣдили Аннибала и Аздрубала, то не столько потому, что умножили число своей легкой пѣхоты и конницы, сколько потому, что ими предводительствовалъ такой полководецъ, какъ Сципіонъ.

Такого же рода соображенія могутъ служить объясненіемъ пораженія фаланги легіономъ въ сраженіяхъ при Киноскефалахъ, Пиднѣ и Магнезіи. Одною изъ причинъ того было и то, что фаланга въ этихъ сраженіяхъ не была употреблена столь же искусно, сколько Александромъ В., всегда окружавшимъ и усиливавшимъ ее большимъ числомъ легкой пѣхоты. Кромѣ того, пораженію фаланги въ этихъ сраженіяхъ способствовали и другія, невыгодныя для нея обстоятельства и причины.

Все это доказываетъ, что не всегда легіонъ имѣлъ рѣшительное превосходство надъ фалангой, а фаланга безусловно уступала легіону. Искусное употребленіе того и другой много значило при этомъ. Нѣкоторые легіоны Цезаря даже подверглись пораженію галлами. Въ войнахъ съ послѣдними въ особенности римляне чувствовали недостаточность строя легіона противъ смѣлаго и сильнаго натиска. Уже Камиллъ призналъ нужнымъ съ этою цѣлію вооружить 1-ю линію копьями. Позже они перешли къ тріаріямъ въ 3-й линіи, а противъ стремительныхъ нападеній галловъ римляне прибѣгли къ замѣнѣ манипулъ когортами. Послѣ Августа строй легіона приблизился къ строю фаланги въ такой же мѣрѣ, въ какой удалился отъ него въ лучшія времена военной славы римлянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ снова придано было большее значеніе употребленію копій.

Нѣкоторые военные писатели считали строй легіона при императорахъ лучшимъ изъ всѣхъ прежде употреблявшихся. Но это несправедливо, потому что наибольшіе успѣхи были одержаны римлянами посредствомъ строя легіона квинкунціальнаго и по когортамъ, между тѣмъ какъ со сближеніемъ строя легіона съ строемъ фаланги и съ бо̀льшимъ развитіемъ военнаго искуства римляне утратили всемірное владычество. Изъ этого слѣдуетъ, что всѣ тактическія формы въ древности имѣли относительную цѣну, обусловливаясь нравственною силой и духомъ націй. Свободные греки и опытные въ войнѣ македоняне видѣли залогъ побѣды въ атакѣ массой людей и копій не менѣе того, сколько римляне усматривали его въ атакѣ съ дротикомъ и мечомъ въ строѣ легіона. То, чего обоимъ строямъ

не доставало въ тактическомъ совершенствѣ, вознаграждали нравственная сила массы и воинственный духъ каждаго воина отдѣльно. Греки въ своихъ внѣшнихъ войнахъ должны были сражаться противъ несмѣтныхъ войскъ и многочисленной конницы, противъ которыхъ обезпечивалъ только строй фаланги. Римляне же, сильные въ единоборствѣ и полагаясь на свою ловкость и искуство, отваживались нападать на непріятеля отдѣльными частями съ промежутками. Однако строй по когортамъ кажется вѣрнѣйшею серединой и лучшею тактическою формой, которыя служили опорой мужеству римлянъ и средствомъ одержанія ими лучшихъ успѣховъ.

Когда римляне при императорахъ стали уже не тѣмъ, чѣмъ были во времена республики, тогда старались недостатокъ нравственной силы замѣнить тактическимъ искуствомъ. Впрочемъ въ постоянныхъ войнахъ съ варварами на востокѣ и западѣ они находились въ такомъ же положеніи, что̀ и греки въ войнахъ съ персами. Поэтому и они прибѣгли къ тому же строю, въ которомъ и греки нашли защиту для себя, т. е. къ фалангѣ, хотя римская фаланга не имѣла ничего общаго съ греческою, кромѣ формы. И нравственная сила, и способъ употребленія ея были существенно различны: у грековъ— нападеніе, у выродившихся римлянъ же — оборона, а потому и результаты были совершенно различны.

Бо̀льшая часть сраженій древности происходила на открытыхъ равнинахъ, на что̀ прямо указываютъ свойства фаланги, конницы и ближняго или рукопашнаго боя. Наибольшей способности къ нему воюющіе искали въ наибольшей же независимости отъ мѣстности для взаимнаго сближенія, стремились скорѣе сойтись и начинали бой обоюднымъ, одновременнымъ нападеніемъ. Мысли же объ оборонѣ, стоя на мѣстѣ, собственно не было.

Главною цѣлью атаки было напасть на слабѣйшія части боеваго порядка непріятеля, т. е. на его фланги, на которые и были съ обѣихъ сторонъ направляемы усилія съ тѣмъ, чтобы охватить ихъ и опрокинуть на середину. И часто одна изъ сторонъ была поражаема на одномъ или и на обоихъ флангахъ, а иногда и обѣ стороны въ одно время на своихъ правыхъ или лѣвыхъ флангахъ.

Изобрѣтатательность человѣка повела къ противупоставленію мѣрамъ атаки мѣръ противудѣйствія имъ, посредствомъ особыхъ резервовъ, готовыхъ не только встрѣтить обходившаго, но и охватить его самаго. Другое, хотя и рѣже употреблявшееся средство избѣжанія охватыванія состояло въ примыканіи фланговъ къ непроходимымъ или трудно-одолимымъ предметамъ мѣстности. Изъ греческихъ

сраженій, въ которыхъ усматривается усиленіе расположенія войскъ мѣстностью и вліяніе этого на ходъ и участь боя, въ позднѣйшія времена примѣромъ служитъ сраженіе при Селлазіи, въ которомъ спартанцы были расположены въ очень гористой и пересѣченной мѣстности и сверхъ того укрѣпились въ ней.

Сраженія римлянъ представляютъ уже частые примѣры примѣненія къ мѣстности, болѣе возможнаго и удобнаго для легіона, нежели для фаланги. Свойства театра войны въ Италіи рѣдко представляли римлянамъ совершенно ровныя и открытыя поля сраженій. Поэтому у нихъ почти всегда встрѣчаются примыканіе фланговъ къ рѣкамъ или горамъ и расположеніе на горахъ или въ долинахъ. Въ этомъ-то Фабій Кунктаторъ и нашелъ средство привесть въ бездѣйствіе тактическое искуство Аннибала. Послѣдующіе походы римлянъ въ Италіи и Галліи представляютъ не менѣе многочисленные примѣры примѣненія боя къ мѣстности.

О препятствіяхъ подступу непріятеля къ фронту расположенія сначала мало помышляли, и единственными были рѣки. Но въ Греціи онѣ были большею частію незначительны и только въ нѣкоторыхъ сраженіяхъ составляли важное препятствіе (напримѣръ при Оропѣ на р. Азопѣ и при Кримиссѣ). Въ войнѣ съ Александромъ В. персы и другіе противники его старались пользоваться рѣками для удержанія его (Граникъ, Пинаръ, Гидаспъ и др.). Но Александръ въ виду ихъ переходилъ черезъ оныя и тѣмъ первый открылъ длинный рядъ такихъ удачныхъ переходовъ силой черезъ рѣки.

Искуственныя же препятствія подступу непріятеля, именно укрѣпленія, въ войнахъ въ открытомъ полѣ являются большею частію только въ двухъ отношеніяхъ—для прикрытія лагерей и для прегражденія тѣснинъ.

Изобрѣтательность оборонительная повела къ новымъ средствамъ атаки. Такъ какъ параллельная атака цѣлымъ фронтомъ, съ охватомъ фланговъ, была невозможна противъ превосходнаго числомъ непріятеля, послѣднему же противудѣйствовали резервы во 2-й линіи, то возникла мысль—главную атаку превосходными силами направлять на одинъ, по возможности слабѣйшій пунктъ непріятельской линіи. Это было второе и замѣчательнѣйшее тактическое изобрѣтеніе. Съ этою цѣлію усиливали атакующее крыло, строили на немъ колонны къ атакѣ, а другое крыло уклоняли назадъ или удерживали на мѣстѣ. Изъ этого возникло косвенное расположеніе собственной боевой линіи въ отношеніи къ непріятельской или такъ называемый косвенный боевой порядокъ. Изобрѣтателемъ и первымъ, употребившимъ его, былъ Эпаминондъ, одержавшій имъ двѣ знаменитыя побѣды свои при Левктрѣ и Мантинеѣ и ставшій тѣмъ въ ряду перво-

степенныхъ полководцевъ всѣхъ временъ. Въ обоихъ сраженіяхъ онъ атаковалъ усиленнымъ лѣвымъ крыломъ своимъ, уклонивъ правое, но при Левктрѣ — одною пѣхотой, а при Мантинеѣ — пѣхотой и конницей вмѣстѣ, что уже было большимъ успѣхомъ тактики того времени.

Изобрѣтеніе Эпаминонда было примѣнено впослѣдствіи съ необыкновенными искуствомъ и успѣхомъ Александромъ В., который одержалъ посредствомъ его четыре знаменитѣйшія побѣды свои, покорившія ему полъ-Азіи. При этомъ, искусно примѣняясь къ обстоятельствамъ, онъ значительно усовершенствовалъ его. Имѣя противъ себя слабѣйшую числомъ и (исключая наемныхъ грековъ) гораздо худшую, нежели его собственная, пѣхоту, но сильнѣйшую и отличную конницу, онъ долженъ былъ прежде всего разбивать эту послѣднюю, а потомъ уже пѣхоту. Поэтому впереди атакующаго крыла (праваго, а на Граникѣ и лѣваго) онъ направлялъ конницу, а за нею пѣхоту—македонскія, какъ главныя и лучшія. Изъ нихъ первую онъ строилъ въ нѣсколько линій, переднюю—для фронтальной атаки, а другія—для атаки во флангъ и въ тылъ. Атаку онъ всегда направлялъ по діагонали косвенно къ боевой линіи непріятеля, и только въ сраженіи при Персидскихъ вратахъ или тѣснинахъ, по особеннымъ причинамъ, стоялъ параллельно ей, а потомъ обходомъ напалъ на нее съ тыла. Двигаясь по діагонали въ косвенномъ направленіи, вся армія его, по достиженіи атакующимъ крыломъ непріятельскаго, обращалась фронтомъ къ непріятелю и атаковала его во флангъ и въ тылъ. Таковы были общія и главныя черты атакъ Александра В. въ косвенномъ боевомъ порядкѣ; но въ каждомъ сраженіи онѣ имѣли притомъ свои частныя особенности, согласно съ обстоятельствами, соединяя съ главными наступательными мѣрами и оборонительныя на всякій случай.

Послѣ Александра В. косвенный боевой порядокъ, къ удивленію, пришелъ въ совершенное забвеніе. Ни одинъ изъ преемниковъ Александра не употреблялъ этого боеваго порядка, а военная исторія римлянъ, за исключеніемъ сраженія Сципіона при Илингѣ и сраженій Юлія Цезаря, представляетъ только одни параллельные боевые порядки съ охватываніемъ фланговъ непріятеля, для опрокидыванія ихъ на центръ—совершенно такъ, какъ было до Эпаминонда и Александра В. Да и самый боевой порядокъ римлянъ въ три линіи уже указываетъ на то, что рѣшеніе побѣды они усматривали преимущественно въ постепенномъ усиленіи фронтальной атаки одною линіей за другою. Сраженіе при Каннахъ представляетъ замѣчательный примѣръ неудачной усиленной атаки римлянами центра арміи Аннибала, послѣдствіемъ чего было совершенное пораженіе и даже истреб-

леніе римской арміи. Сраженіе Сципіона при Илингѣ, напротивъ, представляетъ искуснѣйшую атаку въ косвенномъ боевомъ порядкѣ обоими крылами, на каждомъ тяжелою пѣхотой, имѣвшею на наружныхъ флангахъ легкую пѣхоту и конницу. Сраженія же Цезаря имѣли совершенно отличный отъ прежнихъ римскихъ характеръ. Въ нихъ распоряженія Цезаря къ атакѣ, подобно Александровымъ, имѣли цѣлію устремленіе главныхъ силъ на рѣшительный пунктъ поля сраженія и боеваго порядка непріятеля. При этомъ и Цезарь, подобно Александру, умѣлъ мастерски употреблять свою конницу въ содѣйствіи съ пѣхотой. Противники его всегда были сильнѣе его и притомъ страшнѣе, нежели персы противъ Александра, именно въ Галліи — галлы, а въ междуусобной войнѣ — римскія войска и римскіе полководцы. Все это, вмѣстѣ взятое, часто лишало его преимущества почина (инициативы) въ мѣропріятіяхъ, такъ что онъ часто бывалъ внезапно атакуемъ въ своихъ лагеряхъ и на походѣ и принуждаемъ къ оборонѣ. Всему этому онъ могъ противупоставлять только свои необыкновенныя дарованія и силу ума и духа. Въ первыхъ онъ находилъ неистощимыя средства для одолѣнія всѣхъ возможныхъ затрудненій, а въ послѣднихъ — твердость и настойчивость для преодолѣнія всѣхъ опасностей и господствованія надъ всѣми обстоятельствами и случайностями, сколь ни грозны были они для него. Подвергаясь частымъ нападеніямъ сильнѣйшихъ числомъ армій, онъ по необходимости долженъ былъ прибѣгать къ различнымъ предохранительнымъ, оборонительнымъ мѣрамъ, тактическимъ и фортификаціоннымъ. Но при этомъ онъ никогда не упускалъ изъ вида наступательныхъ дѣйствій и атаки, въ нихъ находя лучшее средство для своей обороны. Однако постоянная числительная слабость его не позволяла ему, подобно Александру В., сразу рѣшать побѣду однимъ движеніемъ и ударомъ. Пылкая храбрость противниковъ его всегда могла бы отражать атаки его въ косвенномъ боевомъ порядкѣ противными тому мѣрами. Въ атакѣ онъ устремлялся на слабѣйшій пунктъ непріятеля, а въ оборонѣ выжидалъ удобной минуты для перехода къ атакѣ. Для обоихъ случаевъ онъ держалъ часть войскъ въ резервѣ, дабы направлять ее либо на помощь угрожаемымъ пунктамъ, либо противъ слабыхъ пунктовъ непріятеля во флангъ и въ тылъ. Таковъ былъ общій характеръ всѣхъ его сраженій.

Въ заключеніе слѣдуетъ прибавить нѣсколько общихъ замѣчаній касательно нѣкоторыхъ особенныхъ движеній, мѣръ и обстоятельствъ во время боя въ древнія времена. Они служатъ не только къ характеристикѣ состоянія военнаго искуства въ извѣстное время, но и какъ

свидѣтельство того, что проистекаютъ изъ умственныхъ и нравственныхъ способностей полководцевъ. Поэтому-то изслѣдованіе и изученіе ихъ въ военной исторіи чрезвычайно занимательны и поучительны. Уже и сраженія раннихъ временъ представляютъ болѣе или менѣе примѣровъ тому. Такъ въ сраженіи между спартанскимъ царемъ Ѳеопомпомъ и мессенянами подъ предводительствомъ Евфая, этотъ послѣдній, когда правыя крыла обоихъ армій были разбиты, послалъ конницу своего лѣваго крыла на помощь правому, что̀ возстановило на немъ бой и рѣшило побѣду мессенянъ. Тоже и съ такимъ же успѣхомъ исполнилъ спартанскій царь Агисъ въ 1-мъ сраженіи при Мантинеѣ, пославъ пѣхоту и конницу своего праваго крыла, одержавшаго побѣду, на помощь лѣвому. При Иѳомѣ спартанцы направили свою резервную конницу на подкрѣпленіе охваченнаго лѣваго крыла своего; но она сама была охвачена тяжелою и легкою пѣхотой, стоявшею въ засадѣ за правымъ крыломъ мессенянъ, вслѣдствіе чего крыло спартанцовъ было опрокинуто на центръ. При Капросѣ Анаксандръ спартанскій и Аристоменъ мессенскій полководцы дѣйствовали оба такъ, чтобы рѣшить побѣду на лѣвомъ атакующемъ крылѣ спартанцовъ. Анаксандръ послалъ свою резервную конницу атаковать правый флангъ праваго крыла мессенянъ, а Аристоменъ — свою такую же конницу изъ-за своего праваго крыла атаковать спартанскую конницу въ лѣвый флангъ, что̀ и рѣшило побѣду. Въ сраженіи при Платеѣ, въ то время, когда спартанцы на правомъ крылѣ находились въ бою съ персами, аѳиняне съ лѣваго крыла двинулись фланговымъ маршемъ вправо на помощь имъ, но были сами атакованы въ лѣвый флангъ союзными съ персами греками праваго крыла ихъ и тѣмъ принуждены обратиться во фронтъ. Сраженіе при Ольпѣ было рѣшено въ пользу аѳинянъ одновременнымъ движеніемъ части пѣхоты ихъ изъ засады за ихъ правымъ крыломъ, а резервной конницы ихъ изъ середины линіи во флангъ и въ тылъ обоихъ крылъ спартанцовъ, которыя одержали побѣду. Тоже было и въ сраженіи при Оропѣ.

Сраженіе при Кунаксѣ представляетъ нѣсколько различныхъ моментовъ, которые подали поводы къ особеннымъ движеніямъ и наконецъ даже какъ бы къ вторичному сраженію въ совершенно измѣнившемся взаимномъ положеніи обѣихъ сторонъ. Такъ 1-мъ моментомъ была атака греками лѣваго крыла Артаксеркса, а Тиссаферномъ съ конницей этого крыла—грековъ во флангъ и потомъ—лагеря въ тылу ихъ. 2-мъ моментомъ было пораженіе греками и обращеніе въ бѣгство лѣваго крыла Артаксеркса, а 3-мъ моментомъ—атака Кира съ 600 чел. конницы противъ самаго Артаксеркса и 6 т. чел. конныхъ тѣлохранителей его въ центрѣ его арміи и убіеніе его, Кира,

въ бою съ ними. 4-мъ моментомъ было захожденіе праваго крыла Артаксеркса на лѣво, пораженіе имъ лѣваго крыла грековъ, соединеніе у ихъ лагеря съ Тиссаферномъ и движеніе вмѣстѣ съ нимъ въ боевомъ порядкѣ въ тылъ центра и праваго крыла грековъ, увлекшихся преслѣдованіемъ лѣваго крыла персовъ. 5-мъ моментомъ было обращеніе грековъ фронтомъ назадъ, тыломъ къ Евфрату. Наконецъ 6-мъ и послѣднимъ моментомъ было рѣшительное наступленіе грековъ противъ персовъ, неоднократное отраженіе ихъ и прибытіе къ ночи въ свой лагерь, одержавъ такимъ образомъ побѣду въ двухъ сраженіяхъ въ одинъ и тотъ же день.

Подобный же ходъ имѣло сраженіе при Коронеѣ между спартанцами и віотійцами. Послѣдніе были разбиты на лѣвомъ крылѣ, но побѣдили на правомъ, гдѣ стояли ѳивяне. Спартанская резервная конница возстановила бой на своемъ лѣвомъ крылѣ и удержала ѳивянъ. Тогда послѣдніе обратились на лѣво, на помощь своему лѣвому крылу. Агезилай двинулъ изъ своего центра отдѣленіе пѣхоты, для прегражденія пути ѳивянамъ, и атаковалъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Но они построились квадратомъ, отразили всѣ атаки, принудили спартанскую фалангу пропустить ихъ и отступили непобѣжденными.

Въ сраженіи при Левктрѣ спартанцы хотѣли отразить атаку Эпаминондовой колонны тѣмъ, что отодвинули правое крыло свое вправо и захожденіемъ его на лѣво намѣревались взять эту колонну во флангъ. Ѳивская священная дружина, находившаяся въ хвостѣ колонны, выдвинулась на лѣво и взяла самихъ спартанцовъ во флангъ, чѣмъ побѣда и была рѣшена въ пользу ѳивянъ. Между тѣмъ лѣвое крыло спартанцовъ произвело также движеніе впередъ въ косвенномъ направленіи на право, но это не принесло никакой пользы.

Во 2-мъ сраженіи при Мантинеѣ, при видѣ успѣховъ ѳивскаго лѣваго крыла, правофланговая конница и за нею пѣхота ѳивянъ опрокинули лѣвофланговую конницу аѳинянъ и атаковали непріятельскую пѣхоту въ лѣвый флангъ; но спартанская резервная конница двинулась имъ на встрѣчу и возстановила бой. Между тѣмъ аѳинская конница, снова устроившись, атаковала віотійскую пѣхоту въ правый флангъ и большею частію истребила ее. Это, можетъ быть, послужило одною изъ причинъ, что главная лѣвофланговая атака ѳивянъ не имѣла такого рѣшительнаго результата, какой могла бы имѣть.

Сраженіе при Херонеѣ также представляетъ то явленіе, что правыя крыла съ обѣихъ сторонъ были разбиты. Но Филиппъ двинулъ пѣхоту центра своего противъ лѣвофланговой аѳинской конницы, въ безпорядкѣ преслѣдовавшей разбитую правофланговую македонскую. Она была легко опрокинута, а затѣмъ греческая пѣхота прорвана и разбита.

Въ сраженіяхъ Александра В. планы атакъ его всегда имѣли такое рѣшительное вліяніе и нравственное превосходство было въ такой степени на его сторонѣ, что со стороны противниковъ его видно очень мало слѣдовъ какихъ-нибудь искусныхъ движеній и дѣйствій, а если они и замѣчаются, то со стороны наемной греческой пѣхоты, а также и конницы.

Въ сраженіи при Иссѣ персидскіе греки, воспользовавшись тѣмъ, что средняя македонская фаланга, при переходѣ черезъ Пинаръ, не могла довольно скоро послѣдовать за передними шеренгами, двинули нѣсколько отдѣленій своей пѣхоты лѣваго фланга за Пинаръ и атаковали ими отставшую македонскую фалангу. Но эта частная атака не была поддержана, а между тѣмъ Александръ В. обратился назадъ съ своею конницей и, атаковавъ грековъ во флангъ и въ тылъ, разбилъ ихъ.

Въ сраженіи при Арбелѣ персидская конница явила дѣятельный образъ дѣйствій, какъ контръ-атаками на обоихъ флангахъ, такъ и фронтальной атакой изъ центра. Александръ В. велъ это сраженіе образцовымъ образомъ. Разбивъ лѣвое крыло персовъ, онъ поспѣшилъ на помощь Парменіону на своемъ лѣвомъ крылѣ, сильно тѣснимомъ персидскою конницей, частію прорвавшеюся даже до македонскаго лагеря. На пути туда, онъ встрѣтилъ эту конницу, хотѣвшую пробиться, имѣлъ съ нею жестокій бой, но наконецъ разбилъ ее и, прибывъ къ Парменіону, нашелъ, что онъ уже опрокинулъ правое персидское крыло. Тогда онъ снова поспѣшилъ къ своему правому крылу и до ночи продолжалъ довершеніе пораженія персовъ и преслѣдованіе ихъ.

Въ сраженіи при р. Гидаспѣ индійская правофланговая конница долго держалась противъ смѣлыхъ и рѣшительныхъ атакъ македонской лѣвофланговой конницы во флангъ и въ тылъ, хотя при этомъ была принуждена уступить флангомъ назадъ. Но, атакованная и съ тыла, она обратила обѣ свои линіи фронтомъ впередъ и назадъ и уступила только превосходнымъ силамъ атакующихъ.

Въ сраженіи при Рафіи центръ и лѣвое крыло Антіоха были разбиты, а правое крыло его одержало побѣду. Тогда Эхекратъ, начальникъ правофланговой конницы египтянъ, поспѣшилъ съ нею на лѣвое крыло, атаковалъ преслѣдовавшую конницу Антіоха во флангъ и въ тылъ и одержалъ тутъ побѣду.

Въ сраженіи при Селлазіи легкая пѣхота Клеомена ударила во флангъ и въ тылъ атакующаго лѣваго крыла Антигона. Знаменитый впослѣдствіи Филопеменъ, тогда еще только начальникъ 1 т. чел. пѣхоты, обратилъ вниманіе начальника конницы Александра на опасность этого крыла, но Александръ пренебрегъ этимъ

и остался въ бездѣйствіи. Тогда Филопеменъ самъ собою, безъ приказанія, бросился на непріятеля, прогналъ его и далъ возможность лѣвому крылу продолжать свою атаку, которая и повела къ побѣдѣ.

Сраженія римлянъ представляютъ не менѣе примѣровъ особенныхъ движеній и дѣйствій, рѣшавшихъ побѣду.

Въ началѣ 1-го боя при Фиденахъ альбанцы (жители Альбы), составлявшіе правое крыло римлянъ, внезапно покинули ихъ. Туллъ Гостилій немедленно занялъ ихъ мѣсто 2-ю линіей и громко провозгласилъ, что альбанцы ушли по его приказанію, чтобъ атаковать непріятеля съ тыла. Это воодушевило войска его, а непріятеля привело въ смятеніе, и римляне одержали побѣду.

Въ сраженіи М. Фабія съ веіентянами и этрусками онъ послалъ одну часть своей 3-й линіи на помощь правому крылу, а другую— лѣвому. Между тѣмъ этруски съ своей стороны послали часть пѣхоты изъ центра кругомъ лѣваго фланга атаковать лагерь въ тылу римлянъ. Но консулъ Манлій поспѣшилъ на помощь ему съ отдѣленіями 2-й линіи, и непріятель былъ вездѣ разбитъ.

Во 2-мъ бою при Фиденахъ жители этого города произвели вылазку изъ него и съ зажженными факелами атаковали лѣвое крыло римлянъ, но, взятые во флангъ и въ тылъ конницею ихъ, были разбиты.

Въ сраженіи при Требіи римляне, атакованные во флангъ и въ тылъ и тѣснимые со всѣхъ сторонъ, пробились, въ числѣ 12 т. чел., въ центрѣ, послѣ жестокаго боя, сквозь кареагенскую армію и отступили въ Плаценцію.

Сраженіе при Каннахъ представляетъ примѣръ, подобный дѣйствію македонской конницы при Иссѣ. Аздрубалъ, разбивъ и истребивъ римскую правофланговую конницу, смѣло и быстро поскакалъ на другое крыло, опрокинулъ и на немъ римскую конницу и, пославъ за нею нумидянъ, атаковалъ римскую пѣхоту съ тыла, чѣмъ и рѣшилъ побѣду въ пользу Аннибала.

Но особенно замѣчательны мгновенныя мѣры, принимаемыя во время боя, опредѣлявшія ходъ и рѣшавшія исходъ его въ сраженіяхъ Юлія Цезаря, который въ этомъ самомъ является величайшимъ полководцемъ. Никто изъ предшественниковъ его не умѣлъ такъ отлично, какъ онъ, употреблять въ бою легіоны въ видѣ самостоятельныхъ тактическихъ единицъ. Онъ образовалъ изъ своихъ легатовъ искусныхъ подчиненныхъ военачальниковъ, вполнѣ способныхъ вникать въ общій планъ сраженія и дѣйствовать согласно съ нимъ и обстоятельствами. Раздѣленіе легіоновъ на когорты и построеніе ихъ въ 3 линіи доставляли Цезарю всѣ средства подкрѣплять угрожаемые пунк-

ты, усиливать предпринятыя атаки, угрожать флангамъ непріятеля и противудѣйствовать неожиданнымъ случайностямъ.

Такъ въ сраженіи при Бибрактѣ, когда гельветы напали на аріергардъ Цезаря, чтобы воспрепятствовать движенію послѣдняго къ этому городу, Цезарь, подъ прикрытіемъ конницы, занимавшей гельветовъ, построилъ въ боевой порядокъ 4 старые легіона въ 3 линіи на полусклонѣ высоты, а за ними на вершинѣ 2 новые легіона и вспомогательныя войска съ тяжестями. Римская конница была опрокинута, и пѣхота гельветовъ атаковала римлянъ фалангами, но была отражена и расположилась на высотѣ позади. Преслѣдовавшіе ихъ римляне были атакованы съ фланга и фронта, при чемъ 3-я линія ихъ бросилась противъ атаковавшихъ во флангъ. Бой, продолжавшійся съ 7 часовъ утра до вечера, кончился пораженіемъ гельветовъ, преслѣдованіемъ ихъ до самаго обоза и окончательною побѣдой въ немъ надъ ними ночью.

Въ сраженіи съ Аріовистомъ Цезарь двинулся въ атаку съ 3-мя легіонами, открылъ бой правымъ крыломъ своимъ противъ лѣваго непріятельскаго, какъ слабѣйшаго, и разбилъ его. Но правое крыло Аріовиста держалось упорно, до тѣхъ поръ, пока Крассъ съ 3-ю линіею не подоспѣлъ на помощь лѣвому крылу и, вмѣстѣ съ нимъ разбивъ германцовъ, не рѣшилъ побѣду.

Въ сраженіи при Бибраксѣ на р. Аксонѣ Цезарь былъ расположенъ тыломъ къ этой рѣкѣ, на высотѣ, прикрывъ фланги рвами съ укрѣпленіями и метательными орудіями, оставивъ въ лагерѣ 2 новые легіона, а передъ фронтомъ имѣя небольшое болото, отдѣлявшее римлянъ отъ бельговъ. Послѣдніе перешли по частямъ черезъ Аксону, чтобъ уничтожить на ней мостъ позади Цезарева лагеря. Но Цезарь предупредилъ ихъ, перейдя съ конницей и легкой пѣхотой черезъ мостъ, атаковалъ и разбилъ ихъ.

Въ сраженіи на р. Сабисѣ нервіи первоначально положили атаковать римлянъ съ тяжестями ихъ между когортами—на походѣ. Но Цезарь, узнавъ объ этомъ, перемѣнилъ походный порядокъ, пославъ впередъ конницу и легкую пѣхоту, за ними 6 старыхъ легіоновъ, тяжести и въ хвостѣ 2 новые легіона. Въ то время, когда 6 легіоновъ разбивали и укрѣпляли лагерь на берегу Сабиса, нервіи перешли черезъ эту рѣку и стремительно атаковали легіоны. Цезарь лично поспѣшилъ къ лѣвофланговымъ 10-му и 9-му, опрокинулъ тутъ нервіевъ и преслѣдовалъ ихъ за Сабисъ. 8-й и 11-й въ центрѣ одержали такой же успѣхъ, но 7-й и 12-й на правомъ флангѣ были атакованы превосходными силами съ фронта, во флангъ и въ тылъ. Цезарь поспѣшилъ на помощь имъ, ободрилъ ихъ, приказалъ имъ сомкнуться и построиться фронтомъ во всѣ стороны. Прибывшіе

2 задніе легіона Лабіена, 10-й легіонъ спереди и собравшаяся снова конница помогли отразить нервіевъ, римляне перешли въ наступленіе, и нервіи были разбиты на голову, послѣ отчаяннаго сопротивленія.

Сраженіе при Фарсалѣ, исключительно въ тактическомъ отношеніи, уже потому должно быть признаваемо замѣчательнѣйшимъ изъ всѣхъ сраженій Цезаря, что, въ отношеніи вооруженія, устройства, искуства и нравственнаго одушевленія, сражавшіеся въ немъ съ обѣихъ сторонъ находились въ одинаковомъ положеніи, исключая того, что 1) Цезарь имѣлъ только 80 когортъ или 32 т. чел. пѣхоты и 1 т. чел. конницы въ полѣ и 2 когорты въ лагерѣ, между тѣмъ какъ у Помпея было 47 т. чел. пѣхоты и 7 т. чел. конницы въ полѣ и 7 т. чел. пѣхоты въ лагерѣ, и 2) бо̀льшая часть войскъ Цезаря была вновь набранная. При такомъ взаимномъ относительномъ положеніи, одно обстоятельство должно̀ было имѣть рѣшительный перевѣсъ, именно—умственныя и нравственныя способности полководцевъ. Въ этомъ отношеніи сраженіе при Фарсалѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ означенное обстоятельство имѣло первостепенное вліяніе и должно̀ было рѣшить, кто изъ двухъ, Цезарь или Помпей, былъ болѣе великимъ полководцемъ. При этомъ слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ, которое всегда имѣло большое вліяніе, но также заключалось въ личности полководца, именно — о довѣріи войскъ къ нему и духѣ, оживлявшемъ ихъ. Въ этомъ отношеніи войска Цезаря стояли рѣшительно выше Помпеевыхъ, имѣя неограниченное довѣріе къ Цезарю и убѣжденные, что подъ его предводительствомъ ничто не было невозможнымъ для нихъ. И эти довѣріе и убѣжденіе вполнѣ перешли отъ старыхъ войскъ Цезаря къ новымъ. При этомъ легіоны Цезаря были бѣдны и неизнѣжены, а Помпеевы — совершенно напротивъ. И такъ какъ тѣ и другіе сражались за личныя выгоды своихъ предводителей, то личность послѣднихъ должна была имѣть могущественное вліяніе на духъ первыхъ. Цезарь господствовалъ надъ своими легіонами, Помпей только повелѣвалъ своими.

Все, изложенное здѣсь, вполнѣ объясняетъ мѣры и дѣйствія Цезаря и Помпея въ сраженіи при Фарсалѣ и въ свою очередь вполнѣ объясняется и подтверждается ими. Въ отношеніи къ предварительнымъ распоряженіямъ, сраженіе это, между прочимъ, имѣетъ нѣкоторое сходство съ сраженіемъ при Ѳимврѣ: Помпей сдѣлалъ ошибки Креза, а Цезарь дѣйствовалъ въ духѣ Кира.

Въ сраженіи при Руспинѣ задача для Цезаря была, можетъ быть, еще труднѣе, нежели при Фарсалѣ. Имѣя только 30 когортъ и 400 человѣкъ конницы противъ превосходной числомъ конницы Лабіена,

въ тѣсно-сомкнутомъ строѣ, съ легкою пѣхотой между нею, Цезарь двинулся противъ нея, имѣя легкую пѣхоту впереди когортъ, а конницу по флангамъ. Конница Лабіена была опрокинута, но пѣхота его удержалась и дала конницѣ время снова устроиться, атаковать и постепенно болѣе и болѣе охватывать линію войскъ Цезаря. Послѣдній построилъ когорты въ строй круга (orbis) или фронта во всѣ стороны и наконецъ перешелъ въ наступленіе. Когорты бросились на право и на лѣво, опрокинули фланги Лабіена, а потомъ и отдѣленный отъ нихъ центръ его. Но Цезарь не преслѣдовалъ отбитаго непріятеля, а положилъ воротиться въ свой лагерь. Лабіенъ же, получивъ подкрѣпленія, снова перешелъ въ наступленіе, что принудило Цезаря вступить во вторичный бой (какъ случилось при Кунаксѣ). Послѣ обоюднаго обстрѣливанія, войска Цезаря произвели общую атаку и окончательно опрокинули непріятеля.

Сраженіе при Тапсѣ произошло помимо воли Цезаря, который не хотѣлъ атаковать. Но 10-й легіонъ на правомъ флангѣ принудилъ трубача подать сигналъ къ атакѣ, другіе повторили его, всѣ когорты двинулись впередъ, и самъ Цезарь былъ вынужденъ подать также свой сигналъ къ атакѣ. Результатомъ было полное пораженіе непріятеля.

Въ сраженіи при Мундѣ Цезарь имѣлъ только 80 когортъ и 8 т. человѣкъ конницы противъ 13 легіоновъ съ конницей, съ 6 т. чел. легкой пѣхоты и почти такимъ же числомъ вспомогательныхъ войскъ Помпея-сына, расположеннаго въ выгодной позиціи на высотахъ. Войска съ обѣихъ сторонъ сражались храбро и упорно, но Помпеевы очень пострадали. Помпей, видя, что 10-й легіонъ сильно тѣснилъ лѣвое крыло его, и опасаясь быть взятымъ во флангъ, послалъ 1 легіонъ на помощь. Какъ только Цезарь замѣтилъ это, то немедленно произвелъ рѣшительную атаку конницей. Не смотря на упорнѣйшее сопротивленіе, войска Помпея были наконецъ разбиты на голову съ огромнымъ урономъ.

Заключая этимъ замѣчанія и примѣры по части тактики въ древнія времена, слѣдуетъ сказать, что эта отрасль военнаго искуства достигла при Цезарѣ, и именно въ его войнахъ, походахъ и сраженіяхъ, высшей степени своего развитія и совершенства въ древности. А самъ Цезарь не былъ превзойденъ въ ней никѣмъ изъ своихъ предшественниковъ (съ Александромъ В. и Аннибаломъ онъ стоялъ въ этомъ отношеніи наравнѣ) и еще менѣе преемниковъ, хотя между ними были болѣе или менѣе искусные и замѣчательные тактики-полководцы. Приведеніе же тактическихъ примѣровъ изъ временъ имперіи и упадка римскаго военнаго искуства вообще и тактики въ частности, послѣ примѣровъ изъ войнъ, походовъ и сра-

женій Цезаря, уже не представляетъ подобной степени занимательности и поучительности.

§ 457.

Кастраметація.

После тактики, второе мѣсто въ ряду различныхъ отраслей военнаго искуства древности занимаютъ кастраметація, фортификація, поліорцетика и баллистика — всѣ четыре относящіяся къ оборонѣ мѣстныхъ предметовъ и пунктовъ и къ атакѣ ихъ различными искуственными средствами: укрѣпленіями, относящимися къ тому работами и метательными оружіемъ и орудіями. Обратимся сначала къ кастраметаціи — искуству расположенія и укрѣпленія полевыхъ лагерей войскъ.

Положительныхъ историческихъ данныхъ о началѣ и состояніи ея въ отдаленнѣйшія времена не имѣется. Но не можетъ, кажется, быть сомнѣнія, что она возникла очень рано. Необходимость въ ней такъ естественна и понятна, что полевые лагери войскъ вѣроятно были укрѣпляемы даже и въ то время, когда военное искуство было еще мало развито. Самыя раннія данныя объ этомъ представляетъ Иліада Гомера. Согласно съ ними, греки подъ Троей вытащили свои суда на берегъ и расположили ихъ въ 2 линіи, одну за другою. Лагерь войскъ находился между ними и былъ укрѣпленъ землянымъ валомъ съ деревянными башнями, съ широкимъ и глубокимъ рвомъ впереди и съ тыномъ въ немъ. Войска въ лагерѣ были расположены въ ставкахъ. Изъ Иліады же извѣстно, что при одной вылазкѣ троянцовъ греки нашли свое спасеніе только въ оборонѣ своихъ судовъ и лагеря.

Позже греки укрѣпляли свои лагери въ полѣ, но опредѣленной, постоянной формы для того не было. Только одни спартанцы всегда располагали ихъ въ продолговатой круглой (овальной) формѣ. Ѳивяне, подъ предводительствомъ Эпаминонда проходя черезъ Пелопоннесъ, всегда ограждали свои лагери засѣками, для чего рубили всѣ деревья вокругъ.

При выборѣ мѣстъ подъ лагери, греки принимали въ соображеніе также свойства мѣстности. Ксенофонтъ постоянно соблюдалъ это во время отступленія 10 т. грековъ. Позже Пирръ особенно отличился искусными расположеніемъ и укрѣпленіемъ своихъ лагерей. Лагерная служба исполнялась очень старательно.

Впрочемъ кастраметація получила гораздо менѣе развитія и совершенства у грековъ, нежели у народовъ Италіи и особенно у рим-

лянъ. Изъ числа первыхъ, войска ограждали свои лагери земляными валами и засѣками. Римляне, по мнѣнію иныхъ, научились устройству и укрѣпленію своихъ лагерей у Пирра, во время войны съ нимъ, а по болѣе вѣроятному мнѣнію другихъ, самъ Пирръ, впервые увидавъ римскій лагерь, пришелъ въ изумленіе и призналъ искуство его расположенія и укрѣпленія. Форма римскихъ лагерей всегда была продолговатая четвероугольная. Въ каждомъ боку лагеря было по однимъ воротамъ. Войска въ лагерѣ располагались въ опредѣленномъ боевомъ порядкѣ. Лагери были временные или походные, постоянные или зимніе. Первые были укрѣпляемы тщательнѣе и сильнѣе греческихъ, а вторые—и того болѣе. Укрѣпленія ихъ состояли изъ землянаго вала съ тыномъ и рвомъ впереди, меньшихъ или бо̀льшихъ профилей, а въ постоянныхъ лагеряхъ сверхъ того—изъ круглыхъ, возвышенныхъ укрѣпленій или башенъ на исходящихъ углахъ, гдѣ помѣщались метательныя орудія (баллисты и катапульты). Походные лагери укрѣпляли сами войска и очень скоро, вблизи отъ непріятеля--подъ прикрытіемъ особеннаго отряда. Лагерная служба исполнялась чрезвычайно строго и исправно.

Лагери свои римляне располагали переднимъ фасомъ на полусклонѣ высотъ, а заднимъ на вершинѣ, вблизи воды и лѣса и съ ровною и открытою мѣстностью впереди для боя. Диктаторъ Фабій Кунктаторъ первый сталъ употреблять походные лагери какъ оборонительныя укрѣпленныя позиціи въ пересѣченной мѣстности, на высотахъ и даже горахъ. Послѣ него особеннымъ искуствомъ въ этомъ отличились Юлій Цезарь, Веспасіянъ, Агрикола и мн. др.

Въ отношеніи къ бою, походные лагери служили римлянамъ опорными пунктами для него впереди и вблизи отъ лагеря. Однако въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ (нападенія многочисленнаго непріятеля и т. п.) походные лагери служили имъ также и для обороны въ нихъ. Это особенно часто случалось позже и преимущественно противъ варваровъ на востокѣ и въ Европѣ. Но высшей степени развитія и совершенства кастраметація у римлянъ достигла въ войнахъ и походахъ Цезаря, вслѣдствіе особеннаго искуства его въ расположеніи и укрѣпленіи лагерей съ цѣлями, какъ наступательными, такъ преимущественно оборонительными противъ непріятелей его, всегда болѣе многочисленныхъ, нежели его войска. Лагери его иногда достигали такихъ большихъ размѣровъ въ объемѣ, профиляхъ и разныхъ вспомогательныхъ способахъ укрѣпленія ихъ и пространствъ впереди ихъ, что образовали обширные укрѣпленные лагери болѣе или менѣе многочисленной арміи. Таковы особенно были лагери при Алезіи, Диррахіѣ, Руспинѣ, Утитѣ и т. п.

Позже, во времена имперіи, кастраметація у римлянъ получила еще

большее развитіе, не только въ тактическомъ, но и въ стратегическомъ отношеніи. Устройство большихъ, постоянныхъ, укрѣпленныхъ лагерей, въ родѣ малыхъ крѣпостей, образовало особенную систему, какъ для обороны границъ имперіи на Рейнѣ, Дунаѣ и Евфратѣ, такъ и для постепенныхъ наступательныхъ дѣйствій и завоеваній за этими границами, особенно въ Германіи, между Рейномъ, Везеромъ и Эльбой. Въ этотъ разрядъ входили и большіе, и меньшіе постоянные укрѣпленные лагери (отъ крѣпости до малыхъ фортовъ и блокгаузовъ). Впрочемъ, собственно въ техническомъ отношеніи, кастраметація у римлянъ не пошла далѣе той высокой степени, которой достигла у Цезаря.

Вообще слѣдуетъ сказать, что кастраметація въ древности ни у одного народа не достигла такихъ развитія, совершенства и искуства, какъ у римлянъ, и въ лучшія времена республики, и во времена междуусобныхъ войнъ, особенно Цезаря, и во времена имперіи. Даже у грековъ и македонянъ она значительно уступала состоянію ея у римлянъ. Главною причиной того были особенныя свойства строя и образа дѣйствій римскихъ войскъ и всей вообще военной системы римлянъ.

§ 458.

Фортификація.

Фортификація едва-ли не древнѣе кастраметаціи. Уже съ самаго начала осѣдлости людей и народовъ необходимо должна была явиться потребность въ защитѣ жилищъ отъ непріятельскихъ нападеній. Этой цѣли старались достигнуть сначала, вѣроятно, искуственными огражденіями ихъ, деревянными и потомъ каменными, а позже расположеніемъ большихъ населенныхъ пунктовъ, особенно городовъ, на неудободоступныхъ или совершенно недоступныхъ мѣстахъ, какъ-то: высокихъ горахъ, крутыхъ скалахъ, морскихъ мысахъ и т. п. Такимъ образомъ прежде всего возникла постоянная или долговременная фортификація и только позже—временная, собственно военная или полевая.

Развитіе и совершенствованіе первой слѣдовало, безъ сомнѣнія, естественному ходу. Первоначальныя огражденія или укрѣпленія состояли изъ земляныхъ валовъ со рвами и тыномъ и съ деревянными башнями. Позже первые и послѣднія были замѣнены каменными, ранѣе всего въ Египтѣ и Азіи, для защиты столицъ и главныхъ городовъ, а потомъ и всякихъ другихъ. Обширные объемы большихъ городовъ повели къ такимъ же размѣрамъ вышины и толщины ка-

менныхъ стѣнъ, ограждавшихъ города въ 1, 2 и болѣе рядовъ, съ башнями, рвами, воротами и съ внутренними крѣпостями (цитаделями) на самомъ высокомъ мѣстѣ въ серединѣ городовъ. Самыми громадными городами и укрѣпленіями ихъ на востокѣ въ древности были Нинeвія, Вавилонъ, Экбатана и Персеполь, описаніе которыхъ Геродотомъ и Діодоромъ приводитъ въ изумленіе, но подтверждается теперешними развалинами ихъ. Они были образцами наибольшаго развитія укрѣпленія большихъ городовъ или долговременной фортификаціи въ древней Азіи.

Огражденные каменными стѣнами съ башнями города въ Греціи и Италіи усматриваются лишь позже. Прежде и болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе такого рода укрѣпленіе Аѳинъ во время Пелопонезской войны, по описанію Ѳукидида, неодинаковое съ укрѣпленіемъ четырехъ названныхъ выше городовъ Азіи, но во многомъ подобное имъ. Сила тѣхъ и другихъ заключалась особенно въ профиляхъ ихъ, въ вышину и въ толщину, и въ кладкѣ ихъ изъ массивныхъ камней съ желѣзными связями. Подобно Аѳинамъ, и другіе главные города Греціи были болѣе или менѣе также укрѣплены и имѣли особенныя крѣпости на ближайшихъ, господствовавшихъ высотахъ, а не внутреннія, какъ въ Азіи (Акрополь, Кадмея, Акрокоринѳъ и др.).

Но не одни города, а и гавани, границы и тѣснины были ограждаемы или преграждаемы каменными стѣнами, напримѣръ: Фалерійская стѣна до внѣшнихъ стѣнъ Аѳинъ, протяженіемъ въ 35 стадій (1 стадія=250 шагамъ въ 2 фута 4 дюйма, а 40 стадій=1 нѣмецкой милѣ=7 верстамъ), стѣна до Пирея (40 стадій), стѣна, ограждавшая и Пирей, и Мунихію вмѣстѣ (60 стадій), Пелузійская стѣна Сезостриса (отъ Пелузія до Иліополя, въ 180 миль=1260 верстъ), стѣна поперегъ Коринѳскаго перешейка, Мильтіядова стѣна поперегъ Ѳракійскаго Херсоннеса, Ѳермопилы, Персидскія врата или тѣснины, каменные валы или стѣны римлянъ въ Британніи и пр.

Только одни спартанцы, по законамъ Ликурга, презирали всякаго рода укрѣпленія, и однако городъ Спарта никогда въ греческихъ войнахъ и никѣмъ не былъ взятъ. Но за то спартанцы, покоряя чужіе города, принуждали ихъ разрушать свои стѣны, потому что столько же были невѣжественны въ осадѣ городовъ, сколько и въ укрѣпленіи ихъ.

Правители большихъ государствъ видѣли послѣднее средство охраненія ихъ въ оборонѣ своихъ столицъ, а небольшія государства, въ родѣ греческихъ республикъ, предѣлами которыхъ нерѣдко были стѣны городовъ ихъ, на оборонѣ ихъ основывали охраненіе своей независимости и свободы. При множествѣ же такихъ мелкихъ государствъ, особенно въ Греціи и Италіи, было поэтому и множество

укрѣпленныхъ городовъ, и самая война по необходимости должна была имѣть и всегда имѣла въ древности двоякій характеръ—и полевой, и крѣпостной или осадной.

Полевая фортификація въ видѣ кастраметаціи или укрѣпленія военныхъ полевыхъ лагерей возникла, вѣроятно, въ одно время съ постоянною или долговременною. Но, за исключеніемъ кастраметаціи, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ своихъ, примѣнительно къ полевой войнѣ, она вѣроятно началась позже и развилась постепенно болѣе и болѣе, сначала въ Азіи и Африкѣ, позже въ Европѣ у грековъ и особенно у римлянъ, въ каждой части свѣта и у каждаго народа болѣе или менѣе своеобразно, но въ Европѣ болѣе, нежели въ Азіи и Африкѣ, а у римлянъ гораздо болѣе, нежели у грековъ. У послѣднихъ она не имѣла особенныхъ значенія, важности, развитія и совершенства, у римлянъ же—по причинамъ, указаннымъ въ § 457 о кастраметаціи — совершенно наоборотъ. У нихъ она развивалась постепенно болѣе и болѣе со времени пуническихъ войнъ, достигла большихъ размѣровъ въ междуусобныхъ войнахъ, особенно въ войнахъ и походахъ Цезаря, въ отношеніи какъ размѣровъ, такъ преимущественно искуства, и наконецъ во времена имперіи, но наоборотъ—болѣе въ отношеніи размѣровъ, нежели искуства. Цезарь, частію по существовавшимъ въ его время военнымъ понятіямъ, частію по необходимости и частію по собственному пристрастію прибѣгалъ къ ней почти постоянно и производилъ такія громадныя работы, которыя въ наше время приводятъ въ невольное изумленіе и своими размѣрами, и трудомъ, и временемъ, употребляемымъ на нихъ, и искуствомъ самаго Цезаря, изобличаемымъ ими. Въ это время и вообще во времена междуусобныхъ войнъ, сверхъ укрѣпленія разнаго рода и вида полевыхъ и постоянныхъ лагерей, полевая фортификація у римлянъ состояла преимущественно въ устройствѣ разныхъ укрѣпленныхъ линій, какъ полевыхъ, соединявшихъ одни лагери съ другими или служившихъ мѣстными преградами, такъ и блокадныхъ и осадныхъ, подъ двумя главными видами — циркумвалаціонныхъ и контрвалаціонныхъ. Онѣ состояли изъ земляныхъ валовъ со рвами и тыномъ, земляныхъ или каменныхъ башенъ и разныхъ искуственныхъ преградъ впереди ихъ, какъ-то: засѣкъ, волчьихъ ямъ и т. п., а по близости морей или рѣкъ—соединенныхъ и съ плотинами, наводненіями и т. п.

Во времена же имперіи полевая фортификація развилась въ этомъ самомъ направленіи до чрезвычайности, въ видѣ обширныхъ укрѣпленныхъ линій на большихъ протяженіяхъ, какъ напримѣръ между Рейномъ и Дунаемъ съ одной стороны и океаномъ и Средиземнымъ и Сѣвернымъ морями съ другой, въ Британніи, на границахъ Каледоніи,

между двумя морями,—въ Панноніи, Иллиріи, на Ѳракійскомъ полуостровѣ, въ Азіи на границахъ Арменіи и Персіи и пр. Вмѣстѣ съ этимъ совпало и такое же непомѣрное развитіе долговременной фортификаціи—устройствомъ, независимо отъ множества существовавшихъ уже укрѣпленныхъ городовъ, значительнаго числа пограничныхъ, отдѣльныхъ, большихъ и малыхъ крѣпостей, замковъ или фортовъ и т. п., такъ что ими были усѣяны всѣ границы имперіи и позже обѣихъ половинъ ея, на всемъ протяженіи Рейна, Дуная и Евфрата. Такимъ образомъ, по мѣрѣ упадка въ римской имперіи военнаго устройства, искуства и духа, фортификація, и полевая, и долговременная, все болѣе и болѣе расширяла свои предѣлы и размѣры, съ цѣлію удержанія постояннаго и усиливавшагося напора внѣшнихъ враговъ. Но эти матеріальныя средства, при необыкновенномъ нравственномъ упадкѣ, совершенно безсильны были достигать своей цѣли и ни малѣйше не удерживали неодолимаго стремленія сѣверныхъ и восточныхъ народовъ разграбить, раздробить и завоевать пограничныя римскія области, а на западѣ—и Британнію, и Галлію, и Испанію, и въ особенности Италію — главный предметъ ихъ стяжанія.

§ 459.

Поліорцетика.

Искуство овладѣнія укрѣпленными городами долго, даже до самаго VI вѣка передъ Р. Х., находилось въ состояніи большаго несовершенства и значительно уступало силѣ и искуству обороны. Свидѣтельствомъ тому служатъ многолѣтнія осады городовъ, какъ напримѣръ: Аздода египетскимъ царемъ Псамметихомъ — 29 лѣтъ, древняго Тира Навуходоносоромъ — 13, Иѳома—14 и Иры—10 лѣтъ спартанцами, Вавилона Киромъ — 2 года и позже Даріемъ Гистаспомъ—20 мѣсяцовъ. Конечно, то были собственно лишь обложенія (блокады), а не осады съ непрерывными атаками, какъ доказывается и примѣромъ 10-лѣтней, такъ называемой осады греками Трои.

Но несовершенство поліорцетическаго искуства было не единственною причиной такихъ продолжительныхъ осадъ или, правильнѣе говоря, обложеній. Даже и тогда, когда искуство это сдѣлало успѣхи и, съ увершенствованіемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и способовъ обороны, если и не превосходило ихъ, то по крайней мѣрѣ было въ равновѣсіи съ ними, осажденные все-таки часто держались необыкновенно долго, какъ напримѣръ города Веіи, Тиръ, Карѳагенъ, Спра-

кузы, Нуманція и мн. др. Причинами этого были во 1-хъ то, что въ древнія времена осажденные отстаивали не только жизнь и имущество, но и свободу и политическое существованіе свои, и это до невѣроятной степени возвышало мужество ихъ, терпѣніе въ преодолѣніи величайшихъ трудовъ, лишеній и золъ и изощряло изобрѣтательность ихъ въ оборонѣ, — и во 2-хъ то, что въ оборонѣ участвовало все мужское населеніе города, способное сражаться, такъ какъ въ тѣ времена вообще каждый гражданинъ былъ воиномъ, почему осажденные образовали такую массу силъ, которая большею частію равнялась силѣ осаждавшихъ или мало уступала ей, но нерѣдко и превосходила ее. Поэтому требовалось много времени, пока постоянное усиленіе матеріальныхъ силъ и средствъ осаждавшихъ, противъ постояннаго же ослабленія ихъ у осажденныхъ, не вступало наконецъ въ полное дѣйствіе. Наибольшая трудность обороны заключалась въ продовольствованіи огромнаго числа людей въ осажденномъ городѣ, которымъ окончательно всегда угрожалъ голодъ, а съ нимъ болѣзни и смертность. Но при этомъ нельзя не признать, что успѣхъ той или другой стороны существенно зависѣлъ отъ бо̀льшаго или меньшаго искуства ихъ въ атакѣ и оборонѣ.

Средствами атаки и взятія городовъ первоначально были внезапныя нападенія, хитрости и открытая сила или приступъ, а когда они одни были недостаточны, то разныя искуственныя средства. Первые слѣды этого усматриваются въ Египтѣ и Азіи, особенно въ первомъ, о правильномъ военномъ устройствѣ котораго имѣются первыя, хотя и не вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія. Однако невозможно въ точности опредѣлить, когда именно начали быть употребляемы искуственные способы атаки городовъ. Съ вѣроятностью можно только предположить, что они были уже извѣстны евреямъ по вступленіи ихъ въ Обѣтованную землю. Это можно заключить изъ историческихъ книгъ священнаго писанія ветхаго завѣта. Такъ Моисей заповѣдалъ евреямъ, щадя плодовыя деревья, изъ всѣхъ прочихъ строить осадныя башни противъ осаждаемыхъ городовъ. Какъ евреямъ въ Ханаанѣ нужно было овладѣть многими укрѣпленными городами, то они и имѣли достаточно поводовъ и случаевъ научиться осадному искуству. При Давидѣ, по случаю осады Іоавомъ городовъ Авема и Виѳмааха возмутившагося Зевы, говорится уже о земляной насыпи вокругъ этихъ городовъ и засыпкѣ рвовъ ихъ землею. Пророкъ Іезекіиль упоминаетъ сверхъ того о таранахъ. Навуходоносоръ также употреблялъ ихъ при осадѣ Тира за 600 лѣтъ до Р. Х.— Осія, царь іудейскій (въ 777 г. до Р. Х.), устроилъ въ Іерусалимѣ, на башняхъ и углахъ стѣнъ, искуственныя укрѣпленія (брустверы), для стрѣльбы стрѣлами изъ-за нихъ, можетъ быть изъ катапультъ

и баллистъ. Между тѣмъ объ этомъ ничего еще не упоминается при предшественникахъ Осіи, даже при Іосафатѣ (за 888 лѣтъ до Р. Х.), возстановившемъ военное искуство у іудеевъ. Поэтому неизвѣстно, былъ-ли Осія изобрѣтателемъ военно-осадныхъ машинъ, но извѣстно то, что онъ первый устроилъ склады матеріаловъ для осады и обороны городовъ.

Нѣкоторые греческіе писатели приписываютъ грекамъ изобрѣтеніе искуственныхъ средствъ осады и взятія городовъ. Но какъ ни при осадахъ Ѳивъ и Трои, ни даже позже Иѳома и Иры о нихъ не упоминается, то нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что знаніе и употребленіе ихъ проникли въ Грецію изъ Азіи. Однако грекамъ принадлежитъ честь усовершенствованія ихъ и изобрѣтенія другихъ новыхъ.

Нѣсколько усовершенствованною поліорцетика является только во время Пелопоннезской войны. А позже Александромъ В. и Димитріемъ Поліорцетомъ она была доведена до наибольшаго совершенства у грековъ. Послѣдніе служили въ этомъ образцами римлянамъ, которые между всѣми народами древности отличились не столько новыми изобрѣтеніями, сколько примѣненіемъ уже существовавшихъ поліорцетическихъ средствъ въ громадныхъ размѣрахъ. Начало этого относится ко времени 3-й пунической войны, а честь того принадлежитъ Сципіону. Позже Цезарь, соревнуя Александру В. и Димитрію Поліорцету, силою своихъ необыкновенныхъ дарованій умѣлъ такъ мастерски владѣть и этою отраслью военнаго искуства, что возбуждаетъ этимъ въ высокой степени удивленіе. Наконецъ, при первыхъ императорахъ въ осадахъ были развиты всѣ тѣ средства, которыя слѣдуетъ признать крайними предѣлами поліорцетики въ III, IV и V вѣкахъ по Р. Х. и вообще въ древности и которыя въ такомъ состояніи перешли въ наслѣдство среднимъ вѣкамъ.

Ни одна отрасль военнаго искуства не способна такъ, какъ поліорцетика, къ возбужденію человѣческой изобрѣтательности въ области наукъ, искуствъ и промышленности. Поэтому вспомогательныя средства ея и умножились разнообразно, по мѣрѣ успѣховъ образованности.

Разсматривая тѣ изъ нихъ, которыя служили къ овладѣнію городами, можно видѣть, что они имѣли цѣлію или всхожденіе на стѣны ихъ, или разрушеніе послѣднихъ въ одномъ извѣстномъ мѣстѣ и въ тоже время обезопасеніе осаждающихъ отъ осажденныхъ и отъ помощи имъ извнѣ. Оборона же, съ своей стороны наоборотъ, имѣла цѣлію всѣми возможными средствами противудѣйствовать тому. Этими обоюдными усиліями опредѣлялся характеръ крѣпостной войны въ древности.

Первымъ и простѣйшимъ средствомъ всхожденія на стѣны были

лѣстницы. Употребленіе ихъ есть, безъ сомнѣнія, самое древнее, потому что усматривается въ древнѣйшей, исторически извѣстной осадѣ Ѳивъ за 1230 лѣтъ до Р. Х. Позже онѣ были усовершенствованы и разнообразны, между прочимъ были веревочныя, употреблявшіяся преимущественно для всхода на стѣны приморскихъ городовъ со стороны моря.

Вторымъ средствомъ была черепаха изъ щитовъ, которыми воины прикрывали себя сверху; греки называли ее синаспизмомъ, а римляне — testudo. При осадахъ она служила другимъ воинамъ для всхода по ней на стѣны. Греки употребляли ее уже при осадѣ Самоса (441 г.). Ею же позже были взяты Гераклея и Антоніемъ предмѣстія Кремоны. Судя по описаніямъ Тита Ливія, Тацита, Діона Кассія и др., она была такъ усовершенствована въ употребленіи и имѣла такія крѣпость и силу, что по ней могли всходить не только люди, но даже, будто бы, лошади и повозки.

Недостаточность атаки открытою силой, посредствомъ всхода на стѣны, повела къ приготовительнымъ, вспомогательнымъ средствамъ или собственно къ осадѣ. Этими средствами были: 1) мѣры обезпеченія отъ вылазокъ осажденныхъ и отъ помощи извнѣ, 2) прикрытія отъ непріятельскихъ метательныхъ орудій и оружія и 3) средства собственно самой атаки.

1) Мѣры обезпеченія отъ вылазокъ осажденныхъ и отъ помощи извнѣ заключались въ контрвалаціонныхъ линіяхъ противъ города и въ циркумвалаціонныхъ со стороны поля или внѣшней. Иногда эти линіи имѣли цѣлію только одно обложеніе города, чтобы голодомъ принудить его къ сдачѣ, а иногда—въ случаѣ неудачи осады. Онѣ усматриваются уже въ древнѣйшихъ осадахъ, но первое обстоятельное описаніе ихъ во времена Пелопоннезской войны принадлежитъ Ѳукидиду. Особенно замѣчательны относящіяся къ обложенію и осадѣ Платеи пелопоннезцами и Сиракузъ аѳинянами. Почти при всѣхъ позднѣйшихъ осадахъ усматриваются такія же или подобныя имъ линіи. Когда ѳивяне осадили въ замкѣ Ѳивъ, Кадмеѣ, македонскій гарнизонъ и устроили контръ - и циркумвалаціонныя линіи, Александръ В., прибывшій изъ Иллиріи, взялъ послѣднія открытою силой приступомъ. При осадѣ имъ Галикарнасса, онъ не устроилъ такого рода линій, но по этому именно много потерпѣлъ отъ вылазокъ осажденныхъ.

Не менѣе замѣчательныхъ примѣровъ такого рода линій представляетъ римская военная исторія. Первое употребленіе циркумвалаціонной линіи усматривается въ ней при осадѣ Лавинія (487 г.). Позже осадныя работы римлянъ получили громадные размѣры. Замѣча-

тельнѣйшими были: при осадѣ Нуманціи и Карѳагена Сципіономъ и особенно Алезіи и обложеніи Дирахія Цезаремъ.

Особеннымъ вспомогательнымъ средствомъ атаки бывало иногда искуственное наводненіе низменной мѣстности вокругъ осажденнаго города. Такимъ способомъ спартанцы, подъ предводительствомъ Агезилая, покорили Мантинею. Особенно замѣчательны водяныя работы Цезаря при Илердѣ въ Испаніи.

2) Прикрытіями отъ непріятельскихъ метательныхъ орудій и оружія служили:

а) Земляная насыпь и крытые подступы. Первая велась противъ фронта атаки до самаго рва и обнимала обыкновенно нѣсколько городскихъ башенъ и куртинъ между ними. Прежде заложенія ея, начинали подвигаться впередъ крытыми подступами, и затѣмъ, подъ прикрытіемъ ихъ, устроивалась насыпь, все болѣе и болѣе возвышавшаяся по мѣрѣ приближенія къ городу и на которой, равно и по сторонамъ ея, строили башни для обстрѣливанія его. По доведеніи ея до рва, его засыпали землей и придвигали стѣнобитные тараны. Многія осады въ древности были ведены такими насыпями, напримѣръ Платеи—Архидамомъ, Тира, Газы и Аорнской скалы въ Индіи—Александромъ В., Родоса—Димитріемъ Поліорцетомъ, всѣ осады Цезаря, Іерусалима — Титомъ, Массады — Силлой, Эдессы — Хозроемъ и др. Изъ нихъ особенно замѣчательны насыпи Александра В противъ Тира и Газы, Цезаря противъ Битуриги (Буржа) и Массиліи (Марсели) и Силлы противъ Массады. Послѣдняя была, кажется, высочайшая изъ всѣхъ, именно — въ 286 футовъ, на ней кавальеръ въ 70 и на немъ башня въ 85, слѣдовательно всѣ 441 футъ вышины отъ основанія!

б) Башни, деревянныя, подвижныя на каткахъ, изобрѣтенныя греками и придвигаемыя къ стѣнамъ. Онѣ были трехъ родовъ: малыя, среднія и большія, вышиною отъ 60 локтей и менѣе до 120 локтей и болѣе и отъ 4—6 ярусовъ до 10 и 20. Высочайшими изъ нихъ, подъ названіемъ элеполей, были построенныя Димитріемъ противъ Родоса и Митридатомъ противъ Кизика. Первая была вышиной въ 100 кубитовъ (1 кубитъ = $1\frac{1}{2}$ римскимъ футамъ, 100 которыхъ=94,2 рейнландскихъ футовъ) и въ 9 ярусовъ и приводилась въ движеніе 3,400-ми чел. посмѣнно. При осадѣ Саламиса Димитрій построилъ меньшій элеполь въ 90 локтей и 9 ярусовъ вышины: въ нижнемъ ярусѣ стояли баллисты, въ среднихъ—большія и въ верхнихъ—малыя катапульты и другія метательныя орудія. Обыкновенныя башни имѣли внизу таранъ, а на самомъ верху находились стрѣлки и пращники. Вегецій упоминаетъ объ одной башнѣ, которую называетъ Plicatilis и которая вывинчивалась вверхъ, дабы внезапно

превышать городскую стѣну и тѣмъ не давать осажденнымъ времени возвышать послѣднюю. Возможность передвигать такія громадныя башни возбуждаетъ изумленіе и даже недоумѣніе, но въ древности это было, кажется, дѣломъ очень обыкновеннымъ, потому что ни одинъ изъ древнихъ писателей не объясняетъ механизма для такого передвиженія. Но кромѣ подвижныхъ башенъ были и неподвижныя, иногда, при продолжительныхъ осадахъ, строимыя даже изъ камня. При осадахъ приморскихъ городовъ употреблялись также плавучія башни на судахъ, какъ напримѣръ Димитріемъ противъ Родоса.

в) Черепаха или штурмовая кровля, впервые употребленная въ сраженіи при Пометіи (въ 502 г.). Она была трехъ родовъ: земляная—для засыпки рва, уравненія земли, возведенія вала или прикрытія башенъ отъ вылазокъ; треугольная, съ наклонною кровлей—для прикрытія подкоповъ подъ стѣны (у римлянъ называлась musculus),—и на козлахъ, выше и шире, но короче предъидущей—для прикрытія тарана.

3) Средствами собственно самой атаки были:

а) Таранъ — главное и рѣшительное орудіе осаждавшихъ для пробитія стѣнъ. Плиній признаетъ его (но бездоказательно) уже въ троянскомъ деревянномъ конѣ. Витрувій приписываетъ изобрѣтеніе его тирскому кузнецу Пефасмену у карѳагенянъ при осадѣ Гадеса (Кадикса). Достовѣрныя свѣдѣнія объ употребленіи тарана греками сообщаетъ Ѳукидидъ въ описаніи осадъ Самоса и Платеи во время Пелопоннезской войны.

Первоначально таранъ состоялъ изъ длиннаго и толстаго желѣзнаго бруса съ заостреннымъ концомъ, которымъ воины на рукахъ разбивали стѣны; потомъ—изъ такого же деревяннаго бруса съ желѣзною бараньею головой, повѣшеннаго между двухъ балокъ съ перекладиной; наконецъ—изъ такого же бруса въ черепахѣ на козлахъ, съ болѣе или менѣе усовершенствованными двигательными механизмами, все бо̀льшаго вѣса и въ 50 футовъ и болѣе длины (у Антонія противъ пареянъ въ 80 футовъ, у Димитрія противъ Родоса въ 120). Таранъ Веспасіяна въ іудейской войнѣ имѣлъ только 50 ф. длины, но громаднѣйшую голову и на заднемъ концѣ тяжесть въ 1,500 талантовъ (1875 центнеровъ). Для перевозки его потребны были 150 паръ воловъ или 300 паръ лошадей или муловъ, а для дѣйствія имъ — 1,500 чел. Для перевозки тараны могли разбираться, но, по чрезвычайно сильному дѣйствію ихъ, числомъ ихъ при осадахъ было немного, напримѣръ противъ Карѳагена и Родоса—по 2, а противъ Іерусалима—3.

б) Метательныя орудія и машины, главными видами которыхъ

были катапульты и баллисты. Римскіе писатели часто смѣшивали оба эти названія и тѣмъ подали поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ. Позже они называли баллистами орудія, метавшія горизонтально балки и большія стрѣлы, а катапультами—метавшія большія каменья и разныя тяжести навѣсно. Но болѣе общепринятое, вѣрное и согласное съ названіями этихъ двухъ родовъ орудій мнѣніе—совершенно обратное, т. е. что катапульты стрѣляли горизонтально, а баллисты—навѣсно. Римскіе онагры по инымъ были греческія баллисты, а по другимъ—меньшихъ размѣровъ и даже ручныя полевыя баллисты, стрѣлявшія навѣсно. Вегецій упоминаетъ еще о скорпіонахъ—родѣ катапультъ и баллистъ, разныхъ размѣровъ и даже ручныхъ. О дѣйствіи катапультъ и баллистъ особенно говорится ниже въ слѣдующемъ § 460.

в) Подкопы. Древнѣйшія свѣдѣнія объ употребленіи ихъ восходятъ до VII вѣка передъ Р. Х. Римляне употребляли ихъ уже при 1-й осадѣ Фиденъ (въ 610 г.). Послѣ того они всрѣчаются все чаще и чаще, напримѣръ при осадахъ Милета и Халкидона персами, Фиденъ (2-й осадѣ), Платеи, Веій, Амвракіи, Аѳинъ, Аполлоніи, Алпибея и др. Осаждавшіе прибѣгали къ нимъ для низпроверженія стѣнъ, а осажденные — для разрушенія осадныхъ работъ и подкоповъ. Подкопы требовали чрезвычайныхъ усилій, труда и времени. Они естественно долженствовали быть очень глубоки и обширны для того, чтобы низпровергнуть тогдашнія, необыкновенно высокія и толстыя стѣны. Они подпирались огромнымъ количествомъ деревянныхъ балокъ и наполнялись множествомъ дерева и горючихъ матеріаловъ. Для открытія подкоповъ осаждавшихъ употреблялись разнообразныя средства. Это само собою вело къ подземнымъ подкопнымъ работамъ съ обѣихъ сторонъ. Примѣры того представляютъ многія осады, между прочимъ осада Амвракіи консуломъ Фульвіемъ, при которой осажденные, замѣтивъ, что римляне дѣлали подкопы, вырыли внутри города, вдоль всего атакованнаго фронта, глубокій ровъ, изъ котораго повели противу-подкопы, наткнулись на непріятельскіе, вступили въ нихъ бой и наконецъ принудили римлянъ удалиться изъ нихъ отъ невыносимаго смрада перьевъ, зажженныхъ въ желѣзной бочкѣ, поставленной въ подкопѣ.

Изобразивъ въ частности различныя средства атаки городовъ, представимъ общій ходъ ея.

По выборѣ фронта атаки, изготовленныя осадныя машины устанавливались внѣ дальняго разстоянія полета стрѣлъ (около 90—100 саженъ или 270—300 шаговъ), именно: башни—противъ куртинъ, а черепахи на козлахъ—противъ городскихъ башенъ (послѣднія строились одна отъ другой также на разстояніи полета стрѣлъ, для пе-

рекрестнаго обстрѣливанія). Тѣ и другія соединялись подвижными крытыми ходами, между которыми находились также земляныя черепахи. Для придвиженія машинъ нужно было предварительно уравнять землю, на что̀ употреблялось множество рабочихъ, труда и времени. За линіею машинъ ставились отдѣльно по нѣскольку катапультъ и баллистъ вмѣстѣ (по нынѣшнему—батарей), въ разстояніяхъ, смотря по величинѣ и дальнострѣльности ихъ. Подъ прикрытіемъ стрѣльбы ихъ, башни и черепахи съ ихъ соединительными ходами подвигались шагъ за шагомъ до самаго городскаго рва. Въ тоже время производились подкопы подъ стѣны или засыпался ровъ для придвиженія башенъ и черепахъ вплоть къ стѣнамъ. Все это прикрывалось общею, усиленною стрѣльбой метательныхъ: орудій и оружія съ подвижныхъ башенъ и черепахъ и съ пространствъ за и между ними, для того, чтобы прекратить стрѣльбу осажденныхъ и согнать послѣднихъ со стѣнъ и башенъ. Подвозили таранъ, пробивали стѣну и наконецъ въ проломъ, пробитый имъ или образовавшійся паденіемъ стѣны отъ подкопа, производили приступъ. Если же не успѣвали ни сдѣлать пролома, ни низвергнуть стѣну подкопомъ, то съ осадныхъ башенъ спускали на нее опускные мосты и по нимъ сходили на стѣну и въ городъ.

Средства обороны вполнѣ сообразовались съ средствами атаки и разнообразились, какъ они, будучи результатомъ какъ мгновенной изобрѣтательности въ минуту опасности, такъ и успѣховъ поліорцетическаго искуства. Послѣдніе были равномѣрнымъ удѣломъ и оборонявшихся, какъ и атаковавшихъ, именно въ отношеніи употребленія метательныхъ орудій и оружія. Каждому средству атаки противупоставлялось соотвѣтствовавшее средство обороны: такъ, напримѣръ, всходамъ по лѣстницамъ—опрокидываніе послѣднихъ или возвышеніе стѣны блиндажами, по отнятіи которыхъ лѣстницы опрокидывались со всѣми находившимися на нихъ воинами. Кромѣ того, послѣднихъ обливали кипящимъ масломъ или оловомъ, зловонными жидкостями, осыпали горячимъ пескомъ, большими каменьями, бревнами и т. п. Противъ осадныхъ земляныхъ насыпей обезпечивали себя усиленіемъ оборонявшихъ и орудій на атакованномъ фронтѣ, возвышеніемъ стѣнъ соразмѣрно возвышенію насыпей, разрушеніемъ послѣднихъ вылазками, подкопами и разными другими средствами. Въ случаѣ же безуспѣшности или невозможности ихъ, воздвигали за атакованною стѣною другую, какъ напримѣръ при осадахъ Платеи, Тира, Галикарнасса, Аѳинъ и Родоса.

Для прикрытія себя отъ непріятельской стрѣльбы, равно и для дѣйст-

вія собственныхъ орудій, городскія стѣны и башни были возвышаемы щитами (брустверами) и снабжаемы крытыми галлереями или ходами.

Для предохраненія своихъ военныхъ машинъ отъ сожженія, облпвали ихъ уксусомъ или обивали желѣзомъ, мѣдью, свинцомъ, сырыми кожами, дерномъ и т. п.

Однимъ изъ главныхъ средствъ обороны было зажженіе осадныхъ работъ и машинъ разными метательными зажигательными снарядами, о которыхъ особенно говорится въ слѣдующемъ § 460.

Противъ пролома стѣнъ тараномъ, ихъ прикрывали сверху до низу мѣшками съ пескомъ, каменьями, деревомъ или шерстью, либо плетнемъ, дерномъ, парусиной и т. п. Кромѣ того, самый таранъ старались опутывать канатами и поднимать на верхъ, либо отбивать голову его большими балками и каменьями. Успѣхъ въ этомъ платейцовъ, вмѣстѣ съ возведеніемъ ими 2-й внутренней стѣны, заставилъ пелопоннезцовъ превратить осаду Платеи въ обложеніе. Противъ тарана употребляли также воронъ (corvus) или балку съ когтями, для поднятія его на верхъ, а иногда и собственный противутаранъ сквозь проломъ въ стѣнѣ.

Придвиженію къ стѣнѣ черепахъ на козлахъ старались препятствовать длинными балками, утвержденными въ стѣнѣ, съ желѣзными острыми наконечниками.

Наконецъ, постоянно употребительнымъ, часто съ большимъ успѣхомъ, сильнымъ, рѣшительнымъ и главнымъ средствомъ обороны были вылазки, для разрушенія работъ осаждавшаго и прогнанія его. Онѣ производились обыкновенно ночью или передъ разсвѣтомъ, причемъ производившіе вылазку снабжались горючими матеріалами для сожженія осадныхъ (деревянныхъ) работъ. Одною изъ замѣчательнѣйшихъ была вылазка платейцовъ, съ цѣлію пробиться сквозь тѣсное обложеніе Платеи пелопоннезцами. Не менѣе дѣятельны и сильны были вылазки тирянъ во время 7-ми-мѣсячной осады Тира Александромъ В. Весьма хорошіе примѣры удачныхъ вылазокъ представляютъ обѣ осады Сиракузъ, одна—аѳинянами, а другая—карѳагенянами. Очень сильныя вылазки производили также родосцы: между прочимъ одна изъ нихъ принудила Димитрія отвезть свои осадныя машины назадъ, потому что онѣ подверглись крайней опасности быть сожженными. Вообще осада и оборона Родоса представляютъ картину едва-ли не высшей степени поліорцетическаго искуства въ это время, такъ какъ при нихъ были употреблены въ дѣйствіе съ обѣихъ сторонъ почти всѣ указанныя выше средства атаки и обороны. Димитрій же является при этомъ искуснѣйшимъ поліорцетомъ въ древности, и это названіе (покорителя городовъ) было до-

стойно присвоено ему. Іудеи, при осадѣ Іерусалима, производили частыя и запальчивыя вылазки, но слишкомъ малочисленныя и потому неудачныя.

§ 460.

Баллистика.

Выше (§ 452) было сказано, что въ первобытномъ состояніи народовъ оборонительнымъ оружіемъ были дубина и камень, которые у всякаго были подъ рукою. Изъ нихъ камень, метаемый рукою человѣка въ человѣка, былъ первообразомъ метательнаго снаряда, для метанія котораго позже стали употребляться пращи. Вмѣстѣ съ тѣмъ или послѣ того изобрѣтены были луки, для метанія стрѣлъ въ звѣрей на охотѣ и въ людей на войнѣ. Вслѣдствіе того образовалось метательное оружіе — пращи и луки и особый родъ легкой пѣхоты—пращниковъ и лучниковъ или стрѣлковъ изъ луковъ, для метанія каменьевъ, металлическихъ пуль и деревянныхъ стрѣлъ съ металлическими остріями. Это метательное оружіе и воины, дѣйствовавшіе имъ, усматриваются съ древнѣйшихъ временъ у всѣхъ народовъ до самаго паденія западной римской имперіи и были причинами, какъ существованія въ древности особеннаго рода войскъ легкой пѣхоты, такъ и особеннаго же образа дѣйствій ея— метательнаго въ разсыпномъ строѣ издали. Но сверхъ того и тяжелая пѣхота, и конница метали руками полукопья и дротики, которые такимъ образомъ также вошли въ разрядъ метательнаго оружія издали.

Изобрѣтательность людей не ограничилась этимъ и отъ ручнаго метательнаго оружія перешла къ метательнымъ орудіямъ—катапультамъ и баллистамъ, метавшимъ большія стрѣлы, копья, каменья и тяжести на дальнее разстояніе — одни горизонтально, а другія навѣсно, сначала преимущественно при атакѣ и оборонѣ укрѣпленныхъ жилищъ и городовъ, а потомъ, кромѣ того, и укрѣпленныхъ лагерей, мѣстныхъ преградъ, рѣкъ, тѣснинъ, лѣсовъ и самыхъ войскъ въ бою въ открытомъ полѣ. Съ ходомъ времени употребленіе метательныхъ оружія и орудій развивалось и распространялось, а вмѣстѣ съ тѣмъ и количество этихъ оружія и орудій, и число войскъ, дѣйствовавшихъ ими, умножались постепенно все болѣе и болѣе. И наконецъ, въ послѣднемъ періодѣ древнихъ временъ, особенно въ IV и V вѣкахъ по Р. Х., въ римскомъ войскѣ они достигли наибольшаго развитія, такъ что сверхъ пѣхоты, дѣй-

ствовавшей ручнымъ метательнымъ оружіемъ—пращами, стрѣлами, полукопьями и дротиками издали, образовался какъ бы новый родъ метательнаго оружія, метавшаго большія стрѣлы, каменья, тяжести и даже зажигательные снаряды, горизонтально и навѣсно, на дальнія разстоянія, какъ при атакѣ и оборонѣ городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, такъ и въ бою въ открытомъ полѣ.

Все это, вмѣстѣ взятое, образовало въ древности особеннаго рода искуство, которое можно и должно назвать баллистикой или искуствомъ метанія отъ руки или помощію орудій, издали, разнаго рода снарядовъ, имѣвшихъ цѣлію, какъ нанесеніе вреда непріятелю, такъ и разрушеніе его искуственныхъ военныхъ преградъ и прикрытій. Искуство это несомнѣнно существовало въ древности, какъ въ техническомъ, такъ и въ тактическомъ отношеніяхъ, хотя собственно и не составляло особенной отрасли военнаго искуства, а принадлежало отчасти тактикѣ и отчасти поліорцетикѣ. Все это въ совокупности заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что было, такъ сказать, древнимъ первообразомъ той баллистики или того метательнаго искуства, которое 9 вѣковъ послѣ паденія западной римской имперіи произвело такой рѣшительный переворотъ въ военномъ искуствѣ и, положивъ послѣдній конецъ древнему, послужило первымъ началомъ новаго. Кромѣ того, все это тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ древнія времена вообще и въ первые 5 вѣковъ по Р. Х. въ особенности, въ древнюю баллистику входило и метаніе зажигательныхъ снарядовъ, имѣвшее еще болѣе отношенія къ позднѣйшей баллистикѣ новыхъ временъ, о которой упомянуто выше.

Въ виду этого, сверхъ всего того, что выше и прежде неразъ говорено было о метательныхъ оружіи и орудіяхъ и объ образѣ и искуствѣ употребленія ихъ въ древности, здѣсь слѣдуетъ прибавить нѣсколько общихъ замѣчаній о нихъ и о древней баллистикѣ.

Метательныя оружіе и орудія древности дѣйствовали силою упругости натягиваемыхъ и потомъ внезапно опускаемыхъ тетивъ либо крылъ, изъ которыхъ первыя, для бо̀льшихъ силы и прочности, были сплетаемы изъ сухихъ жилъ, волосъ или ремней, а вторыя—устроиваемы изъ дерева съ желѣзомъ. Хотя сила, обнаруживаемая такимъ образомъ, и скорость, дальность полета, цѣльность и мѣткость стрѣльбы и вредоносное или разрушительное дѣйствіе метаемыхъ снарядовъ въ древности были болѣе или менѣе значительны, но не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣми, которыхъ достигла позднѣйшая баллистика, помощью новой, невѣдомой въ древности силы. За всѣмъ тѣмъ, разсматриваемыя отвлеченно, независимо отъ этого сравненія, все таки они заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Древнія метательныя орудія—катапульты и баллисты были воспроиз-

веденіемъ пращей и луковъ въ большихъ размѣрахъ. Когда именно они были изобрѣтены—неизвѣстно, но несомнѣнно въ весьма древнія времена. Употреблялись же они первоначально только при осадѣ и оборонѣ городовъ, а въ полѣ впервые, кажется, Филиппомъ и Александромъ македонскими въ ихъ войнахъ и у римлянъ — Друзомъ противъ германцовъ. Впослѣдствіи, въ IV и V вѣкахъ по Р. Х. они стали уже составлять главную силу римскихъ армій.

Общимъ названіемъ ихъ у римлянъ было tormenta, а два главные рода ихъ, какъ у римлянъ, такъ и у грековъ — катапульты и баллисты. Древніе писатели не оставили намъ опредѣлительныхъ и ясныхъ описаній ихъ и даже смѣшивали ихъ названія. Поэтому новѣйшіе писатели старались пополнить и уяснить ихъ описанія собственными изслѣдованіями и догадками, и въ этомъ отношеніи наиболѣе отличились Фоларъ и Зильбершлагъ.

Приложенные къ настоящей книгѣ чертежи двухъ катапультъ и двухъ баллистъ могутъ дать понятіе объ устройствѣ ихъ. Изъ нихъ верхняя катапульта изображена по изслѣдованію Фолара (который называетъ ее однако баллистой), а нижняя—Зильбершлага; верхняя же баллиста была простая, дѣйствовавшая только навѣсно, а нижняя—сложная, дѣйствовавшая и навѣсно, и горизонтально.

Катапульты (горизонтальныя) были разной величины. Самыя большія, употреблявшіяся только въ укрѣпленіяхъ, дѣйствовали на разстояніи 800 шаговъ, но мѣтко не далѣе 400. Сила метаемыхъ ими стрѣлъ или копій была такова, что они иногда пробивали 4 ряда толстыхъ плетней. Меньшія катапульты или скорпіоны употреблялись преимущественно въ полѣ, были также большія и малыя и дѣйствовали на разстояніи отъ 300 до 500 шаговъ. Катапульты вообще метали иногда также зажигательныя стрѣлы (falaricae, malleoli), къ остріямъ которыхъ прикрѣплялась желѣзными кольцами пакля, пропитанная сѣрой, смолой и даже такимъ неизвѣстнымъ составомъ, который, по свидѣтельству Энея-тактика, горѣлъ неугасаемымъ огнемъ въ водѣ (что̀ заслуживаетъ особеннаго вниманія по отношенію къ позднѣйшимъ зажигательнымъ составамъ).

Баллисты (навѣсныя) также были большія и малыя, простыя и сложныя. Большія, употреблявшіяся преимущественно при осадѣ и оборонѣ городовъ, метали каменья въ 9—10 пудовъ и болѣе, кучи свинцовыхъ пуль и другія тѣла на разстояніи отъ 400 до 600 шаговъ. Малыя баллисты или онагры употреблялись преимущественно въ полѣ. Въ позднѣйшія времена онаграми назывались всѣ вообще метательныя орудія, дѣйствовавшія навѣсно.

Древніе писатели упоминаютъ также о ручныхъ скорпіонахъ и

онаграхъ, которые одинъ человѣкъ могъ передвигать и дѣйствовать ими.

Метательныя орудія большихъ размѣровъ не перевозились за арміями, а только однѣ принадлежности ихъ—тетивы, желѣзо и т. п.; дерево же для нихъ или станки устраивались тамъ, гдѣ была надобность въ нихъ. Но полевыя орудія, нѣтъ кажется сомнѣнія, были на колесахъ и перевозились лошадьми, мулами или на рукахъ.

Исключительная или по крайней мѣрѣ преимущественная честь всѣхъ изобрѣтеній и усовершенствованій въ метательныхъ орудіяхъ и всемъ вообще, относившемся къ баллистикѣ въ техническомъ, механическомъ и математическомъ отношеніяхъ и къ соединеннымъ съ ними разсчетамъ, безспорно принадлежитъ грекамъ. Особенно отличился въ этомъ Архимедъ при оборонѣ Сиракузъ противъ римлянъ подъ начальствомъ Марцелла въ 213—212 г.г. до Р. Х., а въ позднѣйшія времена многіе отличные греческіе математики и военные зодчіе, преимущественно въ Александріи—средоточіи греческой учености. Имъ обязана была древняя баллистика вообще такимъ ученымъ развитіемъ, которое возвысило ее не только на степень искуства, но и науки (см. выше источники и ниже § 466).

§ 461.

Стратегія.

Въ заключеніе всего обращаемся къ главной отрасли военнаго искуства—стратегіи, которая не могла не существовать и существовала въ древности, хотя и не подъ этимъ названіемъ и даже не въ видѣ особенной отрасли военнаго искуства, а скорѣе въ видѣ военныхъ хитростей и особенно—личнаго искуства полководца, у грековъ носившаго вообще названіе стратега.

Понятіе о войнѣ само собою уже совмѣщаетъ и понятіе объ искуствѣ веденія ея. Первая безъ втораго, по простымъ законамъ здраваго разсудка, немыслима. Когда, кѣмъ и какъ война ни производилась бы, какъ бы естественны и просты ни были и она, и искуство веденія ея, но одна безъ другаго быть не можетъ. Поэтому нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія, что началу войны современно и начало искуства веденія ея. Но составить себѣ положительное и опредѣлительное понятіе о началѣ той и другаго на основаніи историческихъ свѣдѣній невозможно, по той простой причинѣ, что такихъ свѣдѣній не имѣется. Нѣтъ сомнѣнія, что и искуство веденія войны получило свое начало тамъ же, гдѣ его получили и всѣ другія искуства—на

востокѣ древняго міра. Но древній языческій востокъ не оставилъ намъ полной и достовѣрной исторіи, а что изъ нея и дошло до насъ, то лишь въ отрывкахъ и не составляетъ такого рода исторія. Только отъ одного народа древняго востока, именно еврейскаго, въ началѣ чуждаго язычества, дошла до насъ истинная и достовѣрная исторія въ такъ называемыхъ историческихъ книгахъ св. писанія ветхаго завѣта. Въ нихъ, между прочимъ, заключаются и первыя историческія свѣдѣнія о войнахъ и образѣ веденія ихъ у еврейскаго и другихъ народовъ древняго востока. Позже, въ XII вѣкѣ передъ Р. Х., вмѣстѣ съ первымъ появленіемъ въ Европѣ у грековъ исторіи, хотя еще въ формѣ эпической поэмы—Иліады Гомера, впервые явились и свѣдѣнія объ образѣ и искуствѣ веденія войны у грековъ во времена героическія. Наконецъ, еще позже, съ V вѣка передъ Р. Х., сначала у грековъ, а потомъ и у римлянъ, съ возникновеніемъ подлинной, истинной науки исторіи, явились и дошли до насъ такія же историческія свѣдѣнія, между прочимъ, и объ образѣ и искуствѣ веденія войны у грековъ и у римлянъ.

Но въ отношеніи къ временамъ, предшествовавшимъ XII вѣку до Р. Х., мы можемъ только дѣлать болѣе или менѣе вѣроятныя догадки объ этомъ предметѣ. Мы знаемъ, что въ эти времена Нинъ, Семирамида, Сезострисъ и ихъ предшественники вели большія завоевательныя войны и сдѣлали обширныя завоеванія, но не знаемъ, какими именно соображеніями они при этомъ руководствовались. Мы можемъ только предполагать съ вѣроятностью, что когда на древнемъ востокѣ образовались первыя большія монархіи, народы ихъ производили изъ различныхъ побужденій и съ различными цѣлями большія нашествія на сосѣднія и даже отдаленныя страны и государства. Предметомъ дѣйствій ихъ могли быть богатые города или области, направленіемъ—ближайшіе или лучшіе пути къ нимъ, а цѣлію—завоеваніе ихъ и обогащеніе. Подвергавшіеся нашествію или преграждали путь ему, или, въ случаѣ слабости либо неудачи, запирались въ свои города, преимущественно въ главный или столичный. Въ томъ или другомъ случаяхъ являлась необходимость открыть себѣ прегражденный путь, либо покорить города или столицу боемъ, и побѣда въ немъ рѣшала дѣло въ пользу той либо другой изъ воюющихъ сторонъ. Вотъ коренной, основный характеръ искуства веденія войны, который можно назвать естественнымъ и простѣйшимъ.

Можно предположить, что при дальнѣйшемъ развитіи его болѣе сложности придавало ему вліяніе мѣстности. Оборонявшійся, по причинѣ слабости своей или по преимущественному образу дѣйствій своихъ, укрывался въ свои горы и лѣса, замыкалъ тѣснины ихъ, тревожилъ и затруднялъ наступленіе противника, производилъ на него частныя

нападенія, отрѣзывалъ ему способы продовольствованія, разорялъ край и пр., словомъ старался всячески вредить наступавшему, затруднять его наступленіе и даже воспрепятствовать ему. Таковъ вѣроятно былъ въ глубокой древности естественный характеръ обороны, сообразной съ мѣстностью края и съ образомъ жизни жителей его. При этомъ мѣстность края разумѣется всякаго рода — и горная, и равнинная, и лѣсистая, и открытая, и въ оборонѣ на ней дѣло рѣшалъ духъ народа, обитавшаго на ней.

Поэтому нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что первое развитіе, усложненіе и усовершенствованіе естественнаго характера искуства веденія войны должно было произойти со стороны оборонявшагося, какъ слабѣйшаго. Сильнѣйшій возлагаетъ надежду на свою силу, слабѣйшій же —на вспомогательныя средства, чтобъ уравновѣсить неравенство выгодъ. Но вообще, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, искуство веденія войны и въ естественномъ видѣ своемъ обнимало четыре главныя, естественныя же начала: расположеніе, движеніе, продовольствованіе и бой, изъ которыхъ первое, второе и четвертое входятъ въ область тактики. Изъ нихъ бой былъ крайнимъ и рѣшающимъ дѣйствіемъ въ столкновеніи двухъ противуборствующихъ сторонъ и ихъ видовъ, цѣлей, мѣръ и распоряженій. И чѣмъ естественнѣе, проще и малосложнѣе было искуство веденія войны, тѣмъ сильнѣе было и стремленіе обѣихъ сторонъ сколь можно скорѣе рѣшить дѣло боемъ. Это стремленіе и возвышало веденіе войны, точно также какъ и веденіе боя, на степень искуства.

И такъ бой въ древности всегда былъ главнымъ, господствовавшимъ, стратегическимъ, какъ и тактическимъ, дѣйствіемъ, и рядомъ съ нимъ не стояло равномѣрнаго ему искуства движенія и расположенія на театрѣ войны. Такой естественный характеръ стратегія имѣла вѣроятно и въ древности, какъ и въ рукахъ всѣхъ искусныхъ и даже великихъ полководцовъ, по той простой причинѣ, что онъ прямо проистекаетъ изъ самой природы человѣка; истинное же искуство всегда остается вѣрнымъ природѣ и стремится подражать ей, только облагороживая ее. Поэтому и въ искуствѣ веденія войны, какъ и въ другихъ искуствахъ, согласіе въ основныхъ чертахъ его и природы имѣетъ простой, но величественный характеръ. Этимъ оно не унижается до простаго единоборства на полѣ сраженія, потому что еще прежде того политическія и военныя соображенія, съ цѣлію выигранія наибольшихъ для себя выгодъ до и во время боя, составляютъ для обѣихъ сторонъ немаловажно - обширную область. При этомъ, такъ какъ каждая сторона имѣетъ въ виду сражаться при выгоднѣйшихъ для себя условіяхъ, выборъ мѣста боя не всегда можетъ быть одинаково выгоденъ для обѣихъ. Такому выбору пре-

имущественно способствуетъ близкое и вѣрное знаніе театра войны и его средствъ и способовъ. У древнихъ этой выгоды не существовало, потому что единственными средствами пріобрѣтенія надлежащихъ свѣдѣній о театрѣ войны и его жителяхъ, средствахъ и способахъ были свѣдѣнія изустныя и доставляемыя особенно посылаемыми для того развѣдчиками, слѣдовательно не въ той степени удовлетворительныя, въ какой это было необходимо.

Нѣкоторая извѣстная правильность въ составленіи и исполненіи плановъ войнъ или походовъ, указывающая на начало искуства, какъ бы ни были еще грубы основныя черты его, усматривается уже въ древнѣйшихъ, исторически извѣстныхъ войнахъ.

Первый полководецъ и завоеватель азіятскій, о которомъ имѣются такого рода свѣдѣнія, былъ Киръ, пользовавшійся, именно какъ полководецъ и завоеватель, большимъ уваженіемъ въ древности. Покоривъ одно за другимъ царства мидійское, армянское и лидійское, послѣднее вслѣдствіе искуснаго боя и побѣды при Ѳимврѣ, и поручивъ своему полководцу Гарпагу покорить малоазіятскія греческія колоніи (что онъ и исполнилъ), Киръ завоевалъ всѣ страны отъ Средиземнаго моря до Тигра и взятіемъ Вавилона довершилъ завоеваніе вавилонскаго царства и всей средней, малой и западной Азіи, все это въ 21 годъ (560—539 г.г. до Р. Х.). Подъ конецъ своей жизни онъ обратилъ свое оружіе противъ массагетовъ, кочевавшихъ въ странахъ къ юго-западу отъ Каспійскаго моря, вѣроятно для того, чтобы обезпечить отъ нихъ персидскую монархію съ сѣвера. Сначала онъ хотѣлъ выманить ихъ изъ-за Аракса и разбить въ предѣлахъ Персіи, но потомъ, по совѣту Креза, перешелъ по мостамъ черезъ Араксъ, заманилъ массагетовъ въ засаду и множество ихъ истребилъ, однако затѣмъ самъ, въ свою очередь атакованный главными силами ихъ, претерпѣлъ пораженіе и былъ убитъ (въ 529 г.). Хитрость, употребленная имъ, по совѣту Креза, противъ массагетовъ, заключалась въ томъ, что, для приманки ихъ, въ лагерѣ персовъ былъ изготовленъ большой пиръ съ обильными яствами и питіями и оставлены при этомъ худшія войска; съ лучшими же и главными силами Киръ и Крезъ отступили къ Араксу въ засаду. Отсюда Киръ внезапно напалъ на массагетовъ въ то время, когда они пировали въ лагерѣ персовъ и грабили его, и нанесъ имъ полное пораженіе. Но ихъ была тутъ только третья часть, главныя же силы съ намѣреніемъ остались назади, и когда Киръ двинулся впередъ, то въ свою очередь былъ разбитъ ими наголову. Такимъ образомъ обѣ стороны употребили военныя хитрости, и одна хитрость окончательно побѣдила другую; и въ этихъ-то военныхъ

хитростяхъ, по древнимъ понятіямъ, и заключалось искуство веденія войны.

Съ большею еще хитростію, т. е. искуствомъ, дѣйствовали скиѳы противъ Дарія Гистаспа. Постоянно уклоняясь отъ боя, охватывая персовъ съ фланговъ, отрѣзывая имъ пути отступленія къ мосту на Дунаѣ, опустошая край на пути и всѣ его запасы, засыпая источники и колодцы и т. п., они однако не разоряли края совершенно, дабы тѣмъ не принудить персовъ слишкомъ скоро къ отступленію, а оставляли часть произведеній и запасовъ страны нетронутыми для того, чтобы завлечь персовъ далѣе во внутренность ея и тѣмъ болѣе утомить и ослабить и тѣмъ легче одолѣть ихъ. Сверхъ того, дабы развлекать вниманіе и силы персовъ и оставлять послѣднихъ въ неизвѣстности, гдѣ именно находились главныя силы ихъ, скиѳовъ, они раздѣлялись обыкновенно на три главныя части и отступали въ трехъ различныхъ направленіяхъ, съ фронта и обоихъ фланговъ и преимущественно въ тѣ стороны, жителей которыхъ хотѣли тѣмъ принудить открыто присоединиться къ нимъ противъ общаго врага. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ хитростей или иначе искуства дѣйствій скиѳовъ было то, что Дарій Гистаспъ никогда не могъ знать, гдѣ находились главныя силы ихъ, дабы направиться туда и вступить съ ними въ бой, и наконецъ, безпрестанно тревожимый и ослабляемый скиѳами и нуждаясь въ продовольствіи, не безъ труда и опасности отступилъ обратно за Дунай, пробывъ въ Скиѳіи болѣе 70 дней и потерявъ болѣе 80 т. чел.

И такъ вотъ второй примѣръ полнаго успѣха, одержаннаго въ войнѣ военною хитростью противъ превосходства силъ, послѣ перваго примѣра въ войнѣ скиѳовъ съ Киромъ—противъ военныхъ дарованій и славы предшествовавшихъ успѣховъ и завоеваній его.

Слѣдующій затѣмъ примѣръ, уже гораздо болѣе примѣчательный и поучительный, исторія являетъ въ нашествіи Ксеркса съ персами на Грецію и въ послѣдовавшихъ за нимъ греко-персидскихъ войнахъ. Тутъ уже война происходила не между азіятскими монархами и народами, и не между персами и скиѳами, но между грозными силами востока—Азіи и Африки—и сравнительно слабѣйшими силами небольшой страны Греціи въ Европѣ, и то еще не всей, а первоначально почти лишь однихъ главныхъ республикъ, аѳинской и спартанской. Окончательный успѣхъ въ этой неравномѣрной борьбѣ остался на сторонѣ грековъ и впослѣдствіи повелъ ихъ отъ обороны къ наступательнымъ дѣйствіямъ и обширнымъ успѣхамъ въ Азіи. Причинъ того было много, но всѣ онѣ сосредоточиваются въ одной главной—въ превосходствѣ греческихъ военныхъ устройства и искуства и нравственной силы грековъ.

Четыре года употребилъ Ксерксъ на свои громадныя вооруженія и не пренебрегъ, казалось, ничѣмъ, что̀ могло и должно было обезпечить успѣхъ предпріятія. Болѣе $2^1/_2$ милліоновъ людей, по исчисленію Геродота, двинулъ онъ черезъ Геллеспонтъ и Ѳракію въ Грецію съ сѣвера сухимъ путемъ, въ сопровожденіи огромнаго флота вдоль береговъ моря. Греки, съ своей стороны, прежде всего положили занять и оборонять Ѳермопильскій проходъ въ Грецію, но послѣ того, по совѣту Ѳемистокла, отказались отъ обороны на твердой землѣ и положили рѣшительно дѣйствовать противъ персовъ на морѣ. Это былъ безспорно мудрый планъ дѣйствій, потому что пораженіе персовъ на морѣ должно было все нашествіе ихъ обратить въ ничто, какъ дѣйствительно и случилось. По разрушеніи Аѳинъ, Ксерксъ, вмѣсто движенія, по совѣту Мардонія, черезъ Коринѳскій перешеекъ въ Пелопоннесъ, положилъ напасть на послѣдній съ моря. Греки же, потерявъ Ѳермопильскій проходъ, преградили Коринѳскій перешеекъ стѣною, собрали свой флотъ при Саламинѣ и одержали въ ней ту рѣшительную побѣду, которая спасла Грецію. Ксерксъ тѣмъ же путемъ, которымъ пришелъ, воротился въ Азію; оставивъ въ Греціи Мардонія съ 300 т. чел. войскъ. Но и онъ въ слѣдующемъ же году были разбиты и истреблены въ битвахъ при Платеѣ и Микале. Такимъ образомъ, какъ ни велика была азіятская военная хитрость, заключавшаяся въ намѣреніи и увѣренности подавить небольшую Грецію громадными силами востока, но ее далеко превзошла и побѣдоносно одолѣла европейская греческая, заключавшаяся въ мудрости соображеній и въ мужествѣ исполненія ихъ, въ соединеніи съ превосходствомъ правильнаго устройства греческихъ войскъ, словомъ — въ превосходствѣ искуства и нравственной силы грековъ.

Слѣдующій затѣмъ примѣръ представляетъ уже другаго рода и еще бо̀льшую занимательность тѣмъ, что греки противъ грековъ 27 лѣтъ вели междуусобную войну, извѣстную подъ названіемъ Пелопоннезской. Тутъ силы, средства и способы, какъ вещественные, такъ и нравственные, уже были равные и восторжествовать могло и должно было только превосходство искуства. Однако вообще нельзя сказать, чтобы въ этомъ отношеніи всегда и вездѣ обнаружились обширныя и искусно исполненныя соображенія. Постоянныя взаимныя борьба и противудѣйствіе второстепенныхъ видовъ и выгодъ со стороны меньшихъ греческихъ республикъ, союзныхъ съ аѳинскою и спартанскою, и вліяніе политическихъ партій и отдѣльныхъ лицъ, честолюбиво стремившихся къ власти, были слишкомъ значительны и сильны для того, чтобы въ общихъ предначертаніяхъ войны и военныхъ дѣйствій могло быть извѣстное, необходимое единство. Театръ войны

обнималъ всю Грецію на твердой землѣ и простирался даже до береговъ Ѳракіи и Илліріи и до острововъ Архипелага. При этомъ война на морѣ была главною, господствующею. Въ войнѣ принимали участіе не одни греки, но и народы, обитавшіе къ сѣверу отъ Греціи, жители острововъ и подъ конецъ даже персы, смотря по часто измѣнявшемуся присоединенію ихъ или къ Аѳинамъ, или къ Спартѣ, согласно съ собственными политическими цѣлями. Въ продолженіи войны, не только въ нее вмѣшивались новые участники, но и участвовавшіе измѣняли свое политическое расположеніе, слишкомъ часто побуждаемые къ тому золотомъ персовъ. Военныя силы раздроблялись на различныя предпріятія, часто лишь съ очень мелочными, второстепенными цѣлями.

Но среди всего этого, можно сказать, хаоса, постоянно господствовала и была настойчиво проводима однако одна мысль — политическое соперничество Аѳинъ и Спарты, стремившихся къ гегемоніи или верховной власти въ Греціи. Изъ нихъ послѣдняя имѣла причины завидовать первой, которая, помощью значительныхъ морскихъ силъ своихъ, простирала вліяніе и власть свои на греческіе острова и на берега Ѳракіи и Илліріи. Главная же сила Спарты, неимѣвшей флота, заключалась въ ея превосходномъ сухопутномъ войскѣ, съ которымъ она и старалась постоянно нападать на Аѳины въ собственныхъ ихъ предѣлахъ, т. е. въ Аттикѣ, но безъ особеннаго успѣха, кромѣ разоренія края. Во всю эту 27-лѣтнюю войну насчитывается очень мало—едва 6—важныхъ сраженій, безъ особенныхъ послѣдствій. Это явленіе происходило, независимо отъ мѣстныхъ свойствъ Греціи, большею частію отъ самаго военнаго устройства грековъ, которое соотвѣтствовало гораздо болѣе оборонительнымъ войнамъ, нежели наступательнымъ и завоевательнымъ. У спартанцовъ именно было противное тому, коренное правило — не преслѣдовать разбитаго непріятеля.

Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, дѣлаютъ понятнымъ, почему война эта продолжалась такъ долго, безъ всякаго другаго результата, кромѣ совершеннаго истощенія силъ всѣхъ участвовавшихъ въ ней.

За всѣмъ тѣмъ, въ этой общей картинѣ Пелопоннезской войны болѣе или менѣе рѣзко выдѣляются однако нѣкоторыя отдѣльныя черты, которыя означаютъ немалую степень искуства многихъ даровитыхъ полководцевъ, проистекавшаго какъ изъ ихъ соображеній и предначертаній, такъ и изъ исполненія ихъ. Въ этомъ отношеніи наименьшая доля принадлежитъ спартанцамъ, у которыхъ только одинъ Бразидъ, по своимъ дарованіямъ и отважности, даже въ сравненіи съ своими противниками, занималъ одно изъ первыхъ

*

мѣстъ въ ряду искусныхъ полководцевъ. Несравненно выше въ искуствѣ веденія войны стояли аѳиняне, особенно все время, пока въ главѣ правительства ихъ находился Периклъ. Въ рѣчи, въ которой онъ, по Ѳукидиду, развилъ передъ аѳинянами свой планъ войны, послѣдній несомнѣнно являетъ необыкновенно мудрое, глубокое и многостороннее соображеніе всѣхъ обстоятельствъ и взаимныхъ, относительныхъ военныхъ: положенія, устройства, силъ, средствъ и способовъ обѣихъ сторонъ. Периклъ усматривалъ выгоду превосходства на сторонѣ аѳинянъ преимущественно въ трехъ главныхъ причинахъ: въ единствѣ управленія войною, въ обиліи вспомогательныхъ средствъ и въ господствѣ на морѣ. При этомъ онъ первый назвалъ деньги главнымъ вспомогательнымъ средствомъ войны, выразивъ это впослѣдствіи словами, что «главное въ войнѣ— умъ и деньги». Планъ его заключался именно въ томъ, чтобы аѳинянамъ запереться со всемъ своимъ имуществомъ въ Аѳинахъ, укрѣпиться и ограничиться обороною въ нихъ, не вступать въ сраженіе въ открытомъ полѣ, но на морѣ дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ. И пока Периклъ былъ живъ и управлялъ войною по своему плану, перевѣсъ былъ на сторонѣ аѳинянъ. Но по смерти его, аѳинская республика, вслѣдствіе борьбы честолюбцевъ, впала въ состояніе внутреннихъ раздоровъ, среди которыхъ единство и сила управленія войною совершенно утратились.

Однако счастіе еще нѣкоторое время благопріятствовало аѳинянамъ, и высокія дарованія одного изъ ихъ полководцевъ, Демосѳена, даровали имъ, посредствомъ отлично соображеннаго предпріятія (противъ Пилоса) даже такой перевѣсъ надъ спартанцами, что послѣдніе два раза видѣли себя вынужденными просить мира. Вообще въ этой войнѣ, рядомъ съ многими ошибочными стратегическими дѣйствіями, по вліянію различныхъ, указанныхъ выше причинъ (какъ, напримѣръ, въ особенности экспедиція аѳинянъ противъ Сициліи), усматриваются и нѣкоторыя, болѣе или менѣе искусныя и замѣчательныя, преимущественно и даже исключительно по личному вліянію лучшихъ и даровитѣйшихъ людей и полководцевъ. Такъ, напримѣръ, сюда слѣдуетъ отнести оборону Сициліи Гармократомъ и Гилиппомъ, занятіе и укрѣпленіе Декеліи въ Аттикѣ спартанцами по совѣту Алкивіада, походъ Бразида во Ѳракію и дѣйствія его противъ иллиріянъ, отступленіе Никія отъ Сиракузъ и преслѣдованіе его сиракузцами и др. Угаданіе намѣреній противника, стремленіе ввести его въ заблужденіе касательно собственныхъ намѣреній и побудить къ ложнымъ мѣрамъ и пр. т. п., словомъ—употребленіе въ дѣйствіе хитрости, скрытности, зрѣло-обдуманныхъ соображеній и мѣръ, дабы сражаться въ выгоднѣйшихъ условіяхъ и заранѣе обез-

печить себѣ побѣду—все это вело къ различнымъ стратагемамъ, какъ ихъ называли въ древности, или военнымъ хитростямъ, которыя, какъ бы ни былъ ограниченъ кругъ ихъ дѣйствій, но будучи сообразны съ данными цѣлями, обстоятельствами и средствами, имѣли дѣйствительную цѣну въ отношеніи къ стратегическому искуству.

Пелопоннезская война была отличною военною школой, образовавшею многихъ хорошихъ полководцевъ. Въ числѣ ихъ, сверхъ названныхъ выше, въ концѣ войны и послѣ нея отличились Өразивулъ, Кононъ, Ификратъ, Хабрій, Тимоѳей, Товлатій, Лизандръ, Пелопидъ и въ особенности Агезилай и Эпаминондъ, превзошедшіе всѣхъ ихъ въ высшемъ искуствѣ веденія войны и въ славѣ военныхъ подвиговъ.

Агезилай первый перенесъ войну противъ персовъ въ Азію и былъ именно такимъ человѣкомъ, который могъ указать и проложить Александру В. путь къ завоеванію Персіи. Ему самому не было суждено идти далѣе по этому пути, но и то уже приноситъ ему большую честь, что онъ замыслилъ такую великую цѣль. Его походы въ Малой Азіи противъ персовъ и потомъ, какъ его, такъ и Эпаминонда, въ Греціи, являютъ рядъ такихъ искусныхъ стратегическихъ соображеній, движеній и дѣйствій, которыя свидѣтельствуютъ о необыкновенныхъ военныхъ дарованіяхъ этихъ двухъ знаменитыхъ полководцевъ, и о той высокой степени, на которую они вознесли стратегическое искуство въ Греціи и которая достойно предшествовала еще высшей послѣ нихъ, въ войнахъ и походахъ Филиппа и Александра македонскихъ.

Въ послѣднемъ въ особенности стратегическое искуство обрѣло наконецъ такого великаго человѣка, монарха и полководца, который, вполнѣ свободный отъ всякой зависимости и стѣсненія въ дѣйствіяхъ, впервые въ древности вознесъ это искусство на такую высокую степень, которой оно никогда и нигдѣ еще дотолѣ не достигало. Не ограничиваясь уже тѣсными предѣлами небольшой Греціи и мелкими размѣрами ея внутреннихъ междуусобій, оно получило и цѣль, и размѣры обширнѣйшіе и величественные, подъ условіями которыхъ и по вліянію великихъ дарованій Александра могло свободно развиться въ широкомъ, небываломъ дотолѣ объемѣ. Уже и по самой цѣли войны своей съ Персіей и по весьма ограниченнымъ, первоначальнымъ матеріальнымъ средствамъ своимъ для достиженія этой цѣли, Александръ выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ завоевателей и стоитъ выше своихъ предшественниковъ. До самаго похода своего въ Индію онъ никогда не имѣлъ болѣе 40 тыс. войскъ, а потому и способъ употребленія имъ оныхъ для достиженія такихъ великихъ цѣлей на такомъ обширномъ театрѣ войны есте-

ственно долженъ былъ носить на себѣ отпечатокъ величія. Это и ставитъ Александра въ число величайшихъ полководцевъ всѣхъ временъ, а подвиги его—въ образецъ искуства веденія войны, въ отношеніи какъ предначертаній его, Александра, такъ и тѣхъ дѣйствій, дѣятельности, благоразумной осторожности, постоянства, твердости и терпѣнія, съ которыми онъ приводилъ эти предначертанія въ исполненіе и преодолѣвалъ встрѣчавшіяся ему затрудненія.

Обезпечивъ тылъ свой со стороны Греціи, Илліріи и Ѳракіи и переправясь съ 35 т. войскъ и 30-дневнымъ продовольствіемъ чрезъ Геллеспонтъ въ Малую Азію, онъ въ три похода и послѣ двухъ большихъ сраженій и трехъ такихъ же осадъ покорилъ всѣ восточные берега Средиземнаго моря, Малую Азію, Сирію, Палестину и Египетъ. Учредивъ такимъ образомъ второе основаніе дѣйствій противъ Персіи, съ господствомъ на морѣ, онъ въ одинъ походъ и послѣ одной побѣды при Арбелѣ завоевалъ внутреннія области Персіи и утвердился въ нихъ. Но завоеваніе сѣверовосточныхъ, горныхъ областей Персіи, обитаемыхъ воинственными и храбрыми народами, стоило ему четырехъ трудныхъ походовъ, крайнимъ предѣломъ которыхъ на сѣверѣ была р. Яксартъ (нынѣ Сыръ-Дарья). Затѣмъ онъ совершилъ одинъ походъ въ Индію и наконецъ послѣдній—отъ р. Гифазиса обратно въ Вавилонъ, гдѣ преждевременная смерть не дозволила ему упрочить свои завоеванія въ Азіи и Африкѣ.

Общіе результаты 8-ми походовъ его въ нихъ подлинно изумительны. Въ 8 лѣтъ онъ завоевалъ до 100 т. миль или 700 т. верстъ квадратныхъ, прошелъ отъ Геллеспонта до Гифазиса до 1500 и отъ Гифазиса до Вавилона до 500, всего до 2 т. миль или 14 т. верстъ, одержалъ побѣды въ 5 главныхъ сраженіяхъ и многихъ меньшихъ дѣлахъ, произвелъ нѣсколько большихъ и малыхъ осадъ и покорилъ множество укрѣпленныхъ городовъ, въ томъ числѣ главные и большіе города Персіи. Побѣды его: при р. Граникѣ—на половину покорила ему Малую Азію, при Иссѣ—Сирію, Палестину и Египетъ, при Арбелѣ—внутреннюю, собственную Персію, а при Гидаспѣ—Индію. Во всѣ эти 8 походовъ армія его перешла черезъ такія рѣки, какъ Нилъ, Евфратъ, Тигръ, Оксъ, Индъ и Гидаспъ, черезъ всѣ высокіе горные хребты Азіи до нынѣшняго Тибета и черезъ безплодныя, безводныя и безлюдныя пустыни Гедрозіи и Караманіи. Повсюду онъ тщательно заботился о прочномъ занятіи войсками въ тылу своемъ завоеванныхъ областей и городовъ, употребивъ на это до 20,000 чел. войскъ, не считая другихъ, численность которыхъ въ точности неизвѣстна. Кромѣ того, изъ арміи его во время его походовъ были увольняемы македонскіе воины, выслужившіе сроки. Потери его въ бояхъ были поразительно, почти невѣроятно малы, особенно въ четы-

рехъ главныхъ сраженіяхъ, а именно: убитыми при Граникѣ—129 чел., при Иссѣ—450, при Арбелѣ—500, при Гидаспѣ—980, всего 2,059, и ранеными при Иссѣ 504. Общаго, достовѣрнаго числа убитыхъ, раненыхъ и умершихъ отъ ранъ и болѣзней опредѣлить нельзя, но примѣрно полагаютъ, что до Гидаспа число убитыхъ простиралось до 10 т. чел. На обратномъ же походѣ изъ Индіи въ Вавилонъ Александръ, по словамъ Плутарха, изъ 135 т. войскъ своей арміи потерялъ болѣе ³/₄ или болѣе 100 т., а привелъ съ собою только ¹/₄ или около 34 т. Но за то на усиленіе арміи прибыло изъ Македоніи и Греціи всего до 38 тыс. чел., не считая наборовъ войскъ въ завоеванныхъ областяхъ. Этимъ не только была пополнена убыль войскъ въ арміи, но и значительно усилена послѣдняя. Такъ въ сраженіи при Арбелѣ въ ней было уже до 50 т. войскъ, а въ Индіи даже до 135 т. Всѣ подкрѣпленія съ тыла слѣдовали однимъ, опредѣленнымъ путемъ, отъ одного сборнаго мѣста къ другому, а главнымъ была Экбатана. Отсюда до крайнихъ предѣловъ Мидіи было 11 дней похода, а отъ этихъ предѣловъ до Бактры около 225 миль или 1575 верстъ.

Всѣ эти данныя достаточно свидѣтельствуютъ, что Александръ В. явилъ въ своемъ необычайномъ предпріятіи изумительныя смѣлость, дѣятельность и быстроту, но вмѣстѣ съ тѣмъ и благоразумную осторожность. И въ данныхъ обстоятельствахъ, съ соотвѣтственными средствами, всегда умѣвъ принимать вѣрныя мѣры для достиженія своихъ цѣлей, онъ несомнѣнно дѣйствовалъ согласно съ условіями и требованіями высшаго искуства веденія войны. Послѣднее, благодаря ему, получило такіе размѣры, которые не представляли уже болѣе ничего невозможнаго для человѣческаго духа, и каждому необыкновенному полководцу открывало безпредѣльное поприще для великихъ предпріятій. Для нихъ уже не стало болѣе слишкомъ отдаленныхъ странъ, обширныхъ морей, широкихъ рѣкъ, высокихъ горъ, трудныхъ войнъ, походовъ и завоеваній въ другихъ частяхъ свѣта. Но иное положеніе дѣлъ, иныя обстоятельства и затрудненія производятъ и иное, разнообразное противуборство силъ. Важнѣйшее и замѣчательнѣйшее въ этомъ отношеніи явленіе послѣ Александра В. представляетъ подобный ему великій человѣкъ и полководецъ Аннибалъ.

Одно изъ величайшихъ военныхъ предпріятій въ древности, основную мысль котораго Аннибалъ унаслѣдовалъ отъ отца и дяди своихъ, онъ глубоко сообразилъ, вѣрно разсчиталъ, тщательно приготовилъ, прочно обезпечилъ и привелъ въ исполненіе съ необыкновенными: силою воли, твердостью, настойчивостью, рѣшительностью и искуствомъ. По переходѣ черезъ Пиренеи, Рону и Альпы, онъ три

года велъ наступательныя дѣйствія противъ римлянъ въ Италіи, являющія сочетаніе изумительныхъ смѣлости и рѣшительности, благоразумной осторожности и тонкой хитрости, мудрой политики и высокаго искуства въ соображеніи и исполненіи. Всѣ стратегическія предначертанія, движенія и дѣйствія его въ эти три года представляютъ образецъ искуства веденія войны, источникъ котораго таился исключительно въ его высокой личности. Движенія его изъ Испаніи черезъ Пиренеи, Рону, Альпы, По, Арно и въ южную Италію и четыре великія побѣды его—при Тицинѣ, Треббіи, Тразименскомъ озерѣ и Каннахъ достойны стать на ряду одни съ другими и изобличаютъ въ Аннибалѣ одного изъ величайшихъ полководцевъ не только древнихъ, но и всѣхъ временъ.

Но послѣ сраженія при Каннахъ, во 2-й половинѣ войны, онъ является еще болѣе великимъ. Почти вовсе не поддерживаемый своимъ правительствомъ и какъ-бы совершенно предоставленный имъ на произволъ судьбы, принужденный съ слабѣйшими силами, въ болѣе и болѣе тѣсномъ кругу дѣйствій, вести трудную и опасную наступательно-оборонительную войну противъ энергическихъ, дѣятельныхъ, искусныхъ и болѣе и болѣе усиливавшихся противниковъ, Аннибалъ превзошелъ все, что̀, за исключеніемъ дѣйствій Александра В., военная исторія предшествовавшихъ временъ представляетъ лучшаго въ искуствѣ веденія войны вообще и наступательно-оборонительной, перешедшей подъ конецъ почти въ чисто-оборонительную, въ особенности. Единственно силою своего генія, почти цѣлыя 13 лѣтъ еще сопротивлялся онъ римлянамъ и удерживался въ Италіи, нерѣдко побѣждая своихъ враговъ и постоянно заставляя ихъ страшиться одного имени своего. Въ это именно время военный геній его проявляется въ бо̀льшихъ еще, нежели въ началѣ, силѣ и блескѣ, хотя подвиги Аннибала и не столь блистательны и громки. Но наконецъ счастіе рѣшительно измѣнило ему: стеченіе самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ обратило противъ него невѣрныя случайности войны и послѣдняго боя при Замѣ: безсильны и тщетны были высокія дарованія его противъ превратностей судьбы—и счастливый въ началѣ, онъ былъ несчастливѣйшимъ въ концѣ, но и въ несчастіи, какъ и въ счастіи, остался одинаково великимъ.

Какъ великій полководецъ, много сходства представляетъ онъ съ Александромъ В., въ отношеніи какъ военныхъ дарованій, такъ и главныхъ основаній искуства веденія имъ войны. Но и въ томъ, и въ другомъ отношеніяхъ были между ними, какъ весьма естественно, черты различія. Говоря собственно въ отношеніи къ веденію имъ войны, главное различіе заключалось въ гораздо менѣе, противъ Александра В., благопріятномъ положеніи его, какъ подчиненнаго, зависимаго

полководца, воевавшаго съ римлянами въ самомъ средоточіи ихъ могущества и силы, почти неподдерживаемаго своимъ правительствомъ, имѣвшаго малонадежныхъ союзниковъ и слабѣйшія силы, принужденнаго самому создавать всѣ свои средства и способы къ веденію войны и притомъ наступательно-оборонительной противъ такой же со стороны римлянъ, и наконецъ, при необыкновенныхъ военныхъ дарованіяхъ и всѣхъ правахъ на удачу, болѣе подверженнаго превратностямъ судьбы и измѣнчиваго счастія,—болѣе несчастливаго, но и болѣе великаго въ своемъ несчастіи.

Веденіе имъ войны, основанное на одинаковыхъ или весьма сходныхъ съ Александровыми главныхъ основаніяхъ и началахъ, существенно отличалось уже тѣмъ, что только первые три года онъ велъ рѣшительную наступательную войну, послѣднія же 14 лѣтъ—наступательно-оборонительную и наконецъ—чисто-оборонительную. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи дѣйствія его особенно замѣчательны, какъ впервые въ древности проявленныя такимъ великимъ полководцемъ, въ такой важной и замѣчательной въ военномъ отношеніи войнѣ и противъ такихъ противниковъ, какими были римляне.

По этой самой причинѣ и 2-я пуническая война чрезвычайно замѣчательна въ отношеніи стратегическомъ или къ искуству веденія войны. Дотолѣ, за исключеніемъ войнъ и походовъ Александра В., въ войнахъ главную роль играла тактика, гораздо болѣе, нежели стратегія, болѣе или менѣе простая и несложная. Если и происходили военныя дѣйствія, выходившія изъ ряда чисто-тактическихъ, то или вслѣдствіе употребленія военныхъ стратагемъ или хитростей разнаго рода, или особенныхъ личныхъ соображеній полководцевъ. Но такихъ соображеній и дѣйствій, которыя имѣли бы цѣлію не искать боя, а избѣгать его, побѣждать непріятеля не силою оружія, а хитростью ума, не дѣйствіями въ бою, но движеніями въ полѣ, во флангъ и въ тылъ на сообщенія и т. п., встрѣчается очень мало и рѣдко, именно потому, что обѣ стороны одинаково дѣйствовали съ цѣлію боя. Но со времени принятія римлянами, по мысли Фабія, системы веденія наступательно - оборонительной войны, что́ заставило и Аннибала прибѣгнуть къ тому же, впервые въ древности усматривается явленіе, можно сказать, совершенно новое. Его безспорно слѣдуетъ признать чрезвычайно замѣчательнымъ въ отношеніи къ искуству веденія войны и новымъ видамъ развитія и успѣха его, потому что оно уже ясно означало преобладаніе хитрости, т. е. ума и искуства, надъ вещественною силой.

Веденіе войны римлянами въ это время также весьма замѣчатель-

но въ стратегическомъ отношеніи. Съ самаго начала, рѣшительно атакованные съ неожиданной для нихъ стороны, они сразу были поставлены на чуждую имъ дотолѣ почву собственной обороны. Впавъ въ непостижимое ослѣпленіе, они, вмѣсто прежней обычной мудрости, явили безразсудство, избравъ, вмѣсто чистой обороны, наступательную и избирая, для исполненія ея, одного за другимъ, неспособныхъ полководцевъ. Но четыре жестокихъ удара, нанесенныхъ имъ Аннибаломъ въ три первые года войны, образумили ихъ и заставили ихъ впервые прибѣгнуть, по мысли Фабія, къ неупотреблявшемуся ими дотолѣ образу веденія войны, сначала—чисто-оборонительной, а потомъ — наступательно - оборонительной, вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно умножая свои силы, избирая искусныхъ полководцевъ и дѣйствуя замѣчательно искуснымъ образомъ. Но грозное для нихъ имя Аннибала и могущественное нравственное вліяніе на нихъ необыкновенной личности его были причинами, что за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, говоря вообще, они уже слишкомъ долго и буквально держались системы Фабія. Постоянно имѣя по 2 и по 3 арміи противъ Аннибала, они ни разу не имѣли мысли и духа напасть на него этими арміями въ одно время, чѣмъ могли бы, если и не нанести ему рѣшительное пораженіе, то во всякомъ случаѣ гораздо скорѣе и ранѣе вытѣснить его изъ Италіи. Вообще они, послѣ сраженія при Каннахъ, дѣйствовали противъ Аннибала, хотя очень благоразумно, осторожно и искусно, но не довольно смѣло и даже слишкомъ робко и боязливо, чѣмъ и протянули войну на цѣлыхъ 14 лѣтъ и кончили ее съ торжествомъ для себя лишь потому, что у нихъ нашелся такой необыкновенный полководецъ и достойный соперникъ Аннибала, какъ Сципіонъ, смѣло перенесшій войну въ Африку, напавшій въ ней на Карѳагенъ и побѣдившій всѣ его арміи и наконецъ самаго Аннибала. Поэтому великое военное предпріятіе, которымъ онъ окончилъ войну, вполнѣ достойно стать на ряду съ тѣмъ, которымъ Аннибалъ открылъ ее, и, подобно ему, столько же замѣчательно въ отношеніи собственно къ искуству веденія войны.

Но вообще, за исключеніемъ слишкомъ робкаго и боязливаго образа дѣйствій противъ Аннибала во 2-й половинѣ войны, нельзя не отдать римлянамъ полной справедливости, что они дѣйствовали очень искусно. Ежегодныя распредѣленіе и расположеніе ими своихъ армій, всегда съ весьма мудрыми цѣлями и самымъ благоразумнымъ образомъ, усиленіе и содержаніе этихъ армій, ихъ движенія и дѣйствія — все это было весьма искусно соображаемо, разсчитываемо, обезпечиваемо и приводимо въ исполненіе. Многія изъ ихъ движеній и дѣйствій особенно замѣчательны искуствомъ соображенія

и исполненія; но однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ было движеніе Клавдія Нерона изъ южной Италіи въ сѣверную въ 7 сутокъ и обратно въ 6, послѣ пораженія Аздрубала, шедшаго изъ Испаніи на соединеніе съ Аннибаломъ. Весьма замѣчательны также дѣйствія ихъ до и во время осады Капуи и противъ Аннибала въ Луканіи и Апуліи, и наконецъ въ Бруттіѣ и Калабріи.

Словомъ — 2-я пуническая война, во всѣхъ отношеніяхъ, составляетъ замѣчательное явленіе въ исторіи искуства веденія войны въ древности, означаетъ значительное развитіе и успѣхъ его и имѣетъ высокую степень занимательности и поучительности въ этомъ отношеніи.

Послѣ 2-й пунической войны, образъ и искуство веденія римлянами войны вообще значительно распространились въ размѣрахъ и объемѣ, получили бо̀льшія развитіе, значеніе и важность и представляютъ сообразное съ обстоятельствами сочетаніе хитрости съ силой и осторожности съ рѣшительностью. Съ этого времени римляне уже проявляютъ явное стремленіе къ завоеваніямъ внѣ Италіи. Главнымъ средствомъ къ тому служила хитрая политика римскаго сената, а оружіе довершало то, что̀ было искусно приготовляемо ею. Постояннымъ правиломъ ея было—съ самаго начала вносить войну въ собственную страну непріятеля и рано или поздно рѣшать ее однимъ сильнымъ ударомъ въ бою. Поэтому римскія арміи смѣло и быстро двигались прямо во внутренность непріятельской страны или на встрѣчу непріятельской арміи и старались нанести ей пораженіе либо въ бою, либо иными способами, напримѣръ раздѣленіемъ силъ ея, ослабленіемъ ихъ, разсѣяніемъ, обложеніемъ, принужденіемъ къ сдачѣ и т. п. Этому значительно способствовали обычныя въ то время: немногочисленность римскихъ армій и тяжестей при нихъ, расположеніе ихъ каждую ночь въ укрѣпленныхъ лагеряхъ, продовольствованіе посредствомъ запасовъ, какъ носимыхъ воинами на себѣ, такъ и собираемыхъ фуражировками и сборами съ края и получаемыхъ подвозами съ тыла. Непріятельскіе города римляне брали преимущественно открытою силой, приступомъ, внезапнымъ нападеніемъ, хитростью, предательствомъ и т. п. и только въ случаѣ особенной важности или необходимости—обложеніемъ или правильною осадой. Такимъ образомъ вообще взятіе непріятельскихъ городовъ не замедляло быстроты и не ослабляло рѣшительности дѣйствій ихъ въ полѣ, дѣйствія эти, въ особенности бой, были главными, важнѣйшими, и тактика по прежнему рѣшала судьбу войнъ и государствъ

на поляхъ сраженій и была главнымъ дѣйствующимъ орудіемъ въ искуствѣ веденія войны.

Таковы были общія черты его у римлянъ послѣ 2-й пунической войны. Но различіе въ обстоятельствахъ и въ личныхъ свойствахъ и характерѣ полководцевъ, предводительствовавшихъ римскими арміями, были, какъ весьма естественно, причинами, что каждая война, при общихъ чертахъ, имѣла и свои особенныя. Римскія войны этого времени, по цѣлямъ ихъ, вообще были ведены либо для совершенія новыхъ завоеваній, либо для распространенія и упроченія прежнихъ. Словомъ — характеръ ихъ вообще былъ завоевательный, а съ тѣмъ сообразны были и образъ, и искуство веденія ихъ, которые поэтому и продолжали постепенно расширять свои размѣры, умножать свои средства, разнообразиться въ способахъ и тѣмъ влiять на развитіе искуства веденія войны.

Постепенно развиваясь, расширяясь и совершенствуясь такимъ образомъ со временъ греческихъ войнъ, искуство веденія войны достигло наконецъ высшей степени своего развитія въ древности—въ столѣтній періодъ римскихъ междуусобныхъ войнъ, который въ этомъ отношеніи и составляетъ любопытнѣйшую, занимательнѣйшую и поучительнѣйшую эпоху въ военной исторіи древнихъ временъ. Въ это именно время римляне, предводимые такими полководцами, какъ Марій, Силла, Метеллъ, Лукуллъ, Помпей и въ особенности величайшій изъ нихъ—Цезарь, вели въ различныхъ странахъ и противъ различныхъ народовъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ такія большія войны, какъ внѣшнія—противъ Югурты и Митридата, кимвровъ и тевтоновъ, испанцовъ, галловъ, германцовъ и парѳянъ, и внутреннія, междуусобныя — съ Серторіемъ, Марія съ Силлой и Помпея съ Цезаремъ. Въ это время и стратегія, какъ и всѣ прочія отрасли военнаго искуства, имѣя въ главѣ такихъ высокодаровитыхъ полководцевъ, получила такое многостороннее и многообразное развитіе, котораго не имѣла дотолѣ, обязанная тѣмъ преимущественно Цезарю.

Цезарь въ своихъ войнахъ и походахъ дѣятельнѣйше выразилъ вполнѣ усвоенную имъ себѣ главную цѣль исконной политики Рима— распространеніе власти его въ Италіи и внѣ ея, даже до отдаленнѣйшихъ предѣловъ тогдашняго міра, и главное средство къ тому— войну завоевательную. Поэтому онъ былъ вполнѣ римскій великій полководецъ, и въ образѣ веденія имъ войны вполнѣ отпечатлѣлся и образъ веденія войны римлянами вообще, но во всей его высотѣ и во всемъ совершенствѣ. Согласно съ этимъ, Цезарь отлично умѣлъ употреблять военную политику, какъ вспомогательное веденію войны средство. Начавъ оборонительнымъ образомъ веденіе войны противъ

гельветовъ, онъ послѣ того уже всегда велъ войну и дѣйствовалъ наступательно въ стратегическомъ отношеніи, а если и являлся иногда въ положеніи оборонительномъ, то лишь временно, для выигранія времени и силы и тѣмъ дѣятельнѣйшихъ затѣмъ наступательныхъ дѣйствій. Предметами первыхъ наступательныхъ движеній и дѣйствій его были ближайшіе или важнѣйшіе пункты, на которыхъ были сосредоточены силы непріятеля. Временные оборонительные промежутки между наступательными дѣйствіями Цезаря не ограничивались чистою обороной, но соединялись съ смѣлыми наступательно-оборонительными дѣйствіями, съ соблюденіемъ всѣхъ мѣръ предосторожности и обезпеченія съ разныхъ сторонъ. Ведя войну весною, лѣтомъ и осенью, на зиму онъ располагалъ войска въ укрѣпленныхъ лагеряхъ, но иногда возобновлялъ военныя дѣйствія и въ концѣ и даже въ серединѣ зимы. Передъ открытіемъ войнъ и походовъ своихъ, онъ всегда старался пріобрѣтать свѣдѣнія о краѣ, въ которомъ и о непріятелѣ, противъ котораго имѣлъ въ виду дѣйствовать. Будучи всегда числительно слабѣе своихъ непріятелей, онъ превосходилъ ихъ военнымъ устройствомъ своихъ войскъ, ихъ довѣріемъ къ нему и къ побѣдѣ и необыкновенною способностью ихъ производить неимовѣрныя движенія, дѣйствія и работы и переносить такіе же труды и лишенія. Числительное превосходство непріятелей побуждало его сколько можно рѣже и менѣе раздѣлять свои силы, но преимущественно держать ихъ сосредоточенными, а раздѣляя ихъ, по необходимости, лишь временно, затѣмъ снова соединять ихъ. Непріятелей же своихъ онъ, напротивъ, старался принуждать къ раздѣленію своихъ силъ, дабы, внезапно и быстро нападая на нихъ, разбивать ихъ по частямъ. Онъ раздѣлялъ свои силы также и въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было обезпечивать сообщенія арміи съ краемъ въ тылу ея, служившимъ ей основаніемъ дѣйствій. Средствомъ для того служили ему также отряды войскъ, оставляемые на сообщеніяхъ въ тылу арміи, въ городахъ, укрѣпленныхъ лагеряхъ и т. п. Онъ раздѣлялъ свои силы иногда также и для того, чтобы препятствовать непріятелю сосредоточивать собственныя, либо развлекать вниманіе и силы его. Средствомъ—искусно-соображаемыя дѣйствія съ успѣхомъ приводить въ исполненіе и достигать цѣли ихъ—служило ему, между прочимъ, надлежащее обезпеченіе войскъ продовольствіемъ, о чемъ онъ и заботился всегда необыкновенно.

Существеннымъ различіемъ между римскимъ (методическимъ) и варварскимъ (неправильнымъ, безпорядочнымъ) образомъ веденія войны онъ признавалъ занятіе рѣшительныхъ стратегическихъ пунктовъ, выборъ и укрѣпленіе лагерей и пресѣченіе сообщеній не-

пріятеля. Существеннымъ же признакомъ рѣшительныхъ пунктовъ онъ признавалъ способность ихъ служить къ открытію входа въ непріятельскую страну. Выборъ мѣста для лагеря могъ служить ему для принужденія непріятеля къ невыгодному для него бою, а пресѣченіе сообщеній его—къ перемѣнѣ имъ своего расположенія, къ вступленію въ бой, или къ отступленію, или даже къ сложенію оружія.

Лучшимъ средствомъ для соблюденія тайны своихъ дѣйствій онъ признавалъ быстроту дѣйствій или исполненіе ихъ немедленно вслѣдъ за соображеніемъ.

По занятіи рѣшительнаго пункта, онъ предпочиталъ бой на немъ въ открытомъ полѣ, какъ средство скорѣе достигнуть своей цѣли. Но если непріятель уклонялся отъ боя, заключаясь въ укрѣпленныхъ лагеряхъ, линіяхъ или городахъ, Цезарь по необходимости прибѣгалъ къ обложеніямъ или осадамъ.

При выборѣ мѣста для лагеря и боя онъ руководствовался также соображеніями о дѣйствіяхъ на непріятельскія сообщенія и особенно объ обезпеченіи собственныхъ, не только о пораженіи, но и объ истребленіи непріятеля, особенно же о предохраненіи самого себя отъ того же, и наконецъ, о занятіи самому рѣшительнаго пункта и о воспрепятствованіи въ томъ же непріятелю.

По одержаніи побѣды въ бою, въ открытомъ полѣ, онъ сильно преслѣдовалъ побѣжденнаго своею конницей и, разсчитывая при этомъ на нравственное вліяніе одержанной побѣды, считалъ возможнымъ раздѣлять соединенныя силы свои. Въ случаяхъ же неудачъ своихъ, онъ являлъ не меньшую, если не бо̀льшую еще, чѣмъ послѣ успѣховъ и побѣдъ, энергію дѣйствій. Прежде и болѣе всего онъ старался не допускать упадка духа въ своихъ войскахъ и сколько можно скорѣе выходить изъ невыгоднаго положенія, и не какъ побѣжденный, а какъ побѣдитель.

Хотя онъ не былъ чуждъ нѣкоторыхъ невольныхъ ошибокъ, особенно въ Галліи, въ началѣ своего военнаго поприща, но въ междуусобной войнѣ такихъ ошибокъ было уже гораздо менѣе. Въ этой послѣдней войнѣ онъ уже является истинно великимъ полководцемъ, въ полныхъ развитіи и силѣ своихъ необыкновенныхъ военныхъ дарованій и съ огромною военною опытностью, пріобрѣтенною въ войнѣ въ Галліи. И въ первой, какъ и въ послѣдней, онъ былъ вѣренъ тѣмъ же главнымъ, основнымъ правиламъ, которыя указаны выше. Искуство его возвышается тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ уже противъ себя римскія, правильно-устроенныя и сильнѣйшія числомъ войска, предводимыя римскими-же, болѣе или менѣе искусными полководцами, въ главѣ которыхъ стоялъ соперникъ его, Помпей, хотя всѣ

они стояли ниже его въ отношеніи къ военнымъ дарованіямъ и искуству. Чаще, нежели въ Галліи, онъ былъ принуждаемъ къ маневрированію, обложеніямъ и большимъ фортификаціоннымъ работамъ. А послѣ одержанія рѣшительныхъ побѣдъ, онъ преслѣдовалъ побѣжденныхъ съ необыкновенными напряженіемъ силъ, быстротою и рѣшительностью.

Вотъ, въ сущности и въ главныхъ основаніяхъ и чертахъ, какова была стратегія Цезаря, дѣйствительно достигшая, какъ изъ этого усмотрѣть можно, высшей степени развитія, разнообразія и совершенства своего въ древности. Въ ней сосредоточилась, можно сказать, вся стратегія древнихъ временъ, со всѣми ея опытами и чертами, подобно тому, какъ и самъ Цезарь сосредоточилъ въ себѣ всѣ черты идеала великаго полководца древности, выше котораго въ ней послѣ него уже болѣе не являлось.

Во времена имперіи, отъ Августа до Діоклитіяна, въ болѣе или менѣе искусныхъ и замѣчательныхъ войнахъ, походахъ и разнаго рода военныхъ дѣйствіяхъ римлянъ, предводимыхъ такими полководцами, какъ Друзъ, Тиберій, Германикъ, Веспасіянъ, Титъ, Траянъ, Маркъ Аврелій, Септимій Северъ, Александръ Северъ, Максиминъ, Клавдій II, Авреліянъ и Пробъ, искуство веденія войны, хотя и не могло сравниться съ Цезаревымъ, однако и не является въ упадкѣ, а достойно шло еще по слѣдамъ прежнихъ временъ славы своей.

И позже отъ Діоклитіяна до паденія западной римской имперіи, не безъ искуства и славы были войны и походы римлянъ, веденныя подъ предводительствомъ Констанція Хлора, Константина В., Юліяна, Өеодосіевъ отца и сына, Стиликона, Аларика, Аэція, Рицимера и Одоакра. Этому способствовали, какъ 12-ти-вѣковая военная опытность, пріобрѣтенная въ войнахъ лучшихъ временъ республики и такихъ великихъ полководцевъ, какъ Александръ В., Аннибалъ и Юлій Цезарь, и многихъ второстепенныхъ, но искусныхъ полководцевъ древности, такъ и то, что бо̀льшая часть императоровъ была избираема войсками изъ числа извѣстныхъ своими военными дарованіями, опытностью, искуствомъ, успѣхами и побѣдами. Изслѣдованіе и изученіе войнъ и походовъ этихъ, названныхъ выше, императоровъ и полководцевъ, свидѣтельствуетъ, что искуство веденія войны стояло еще на болѣе или менѣе высокой степени совершенства. Измѣнились во многомъ матеріальныя и нравственныя средства веденія войны, но искуство веденія ея, проистекавшее, какъ и всегда, изъ личныхъ дарованій и достоинствъ полководцевъ, ведшихъ войны, представляетъ немалую долю разнообразія, занимател-

ности и поучительности во многихъ отношеніяхъ. Это особенно усматривается въ междуусобныхъ войнахъ, въ которыхъ римскіе полководцы и войска дѣйствовали противъ такихъ же римскихъ, хотя и такія войны и походы, какъ Юліяна въ Персіи и другихъ, названныхъ выше; лучшихъ полководцевъ въ Галліи, Британніи и Африкѣ, на Рейнѣ, Дунаѣ и Евфратѣ, достойно заслуживаютъ вниманія въ отношеніи къ искуству веденія ихъ.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТАЯ.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА ВОЕННУЮ ИСТОРІЮ ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

(Окончаніе).

III. Военная наука.—§ 462. Тактика.—§ 463. Кастраметація.—§ 464. Фортификація.—§ 465. Поліорцетика.—§ 466. Баллистика.—§ 467. Стратегія. — § 468. Сочиненія Фронтина и Полiена.—§ 469. Сочиненіе Вегеція.—§ 470. Сочиненіе Оносандра.

III.

Военная наука.

§ 462.

Тактика.

Отъ древнѣйшихъ временъ и народовъ востока — Азіи и Африки до насъ не дошло никакихъ сочиненій о военномъ искуствѣ или о какихъ либо отрасляхъ его, а отъ первыхъ временъ грековъ и римлянъ—очень мало, и то большею частію въ отрывкахъ. Очень много утрачено и не дошло до насъ, и даже имена авторовъ утраченныхъ сочиненій большею частію остались неизвѣстны. То, что̀ дошло до насъ, принадлежитъ болѣе къ позднѣйшимъ временамъ, не ранѣе V вѣка передъ Р. Х., и преимущественно грекамъ. Нашествіе персовъ на Грецію, побудивъ грековъ къ развитію всѣхъ своихъ силъ и дѣятельности для отраженія персовъ и сохраненія своей политической независимости, послужило и главною причиной постепеннаго усовершенствованія ими военнаго искуства и всѣхъ отраслей его, не только въ практическомъ отношеніи, но и въ теоретическомъ, и даже

возведенія его на степень науки, чему много способствовали также своеобразный складъ ума грековъ и особенныя склонность и способность ихъ къ искуствамъ и наукамъ. Такимъ образомъ вообще можно сказать, что военная наука въ древности была обязана своимъ происхожденіемъ, развитіемъ, усовершенствованіемъ и достигнутаго ею состоянія — преимущественно грекамъ и можетъ быть названа по имени ихъ греческою. Хотя римляне также имѣли свою долю участія въ этомъ, но гораздо меньшую, какъ по времени—не ранѣе II и I вѣковъ передъ Р. Х., такъ и въ количественномъ, и даже въ качественномъ отношеніи; бо̀льшая часть римскихъ военныхъ писателей были также греки. Что̀ именно было сдѣлано въ этомъ отношеніи греками и римлянами въ древнія времена, разсмотримъ здѣсь по каждой отрасли военной науки отдѣльно, въ томъ порядкѣ, въ которомъ, въ предъидущей главѣ LXIII, были изображены успѣхи различныхъ отраслей военнаго искуства въ древности, начиная съ тактики.

О греческихъ писателяхъ, писавшихъ въ первыя времена грековъ о разныхъ предметахъ тактики, но сочиненія которыхъ не дошли до насъ, упоминаютъ нѣкоторые греческіе писатели позднѣйшихъ временъ. Такъ Эліянъ, писатель II вѣка по Р. Х., прозванный тактикомъ, въ своемъ сочиніи τακτικά (de instruendis aciebus) называетъ 12 такихъ древнихъ писателей: Стратокла (Stratokles) и Эрмія (Hermias), писавшихъ о военномъ дѣлѣ во время Гомера, Энея (Aeneas), написавшаго большое сочиненіе о строѣ войскъ, Кирея өессалійца, сдѣлавшаго извлеченіе изъ него, Пирра, царя эпирскаго, и сына его, Александра, писавшихъ о томъ же предметѣ, а также Павзанія, Евангела, Евполема, Ификрата, стоика Посидонія и Фронтина, писавшихъ вообще о военномъ дѣлѣ (послѣдній писалъ о немъ болѣе, нежели о военныхъ хитростяхъ, сочиненіе о которыхъ дошло до насъ, см. ниже § 467). О томъ же писали Демокритъ, Клеархъ, Димитрій фалерейскій и Біонъ или Бионъ, ограничившійся однако только начальными основаніями. Въ комментаріи Евстафія (Eustathios) на Иліаду упомянутъ Эрмолитъ (Hermolithos) тактикъ, сочиненіе котораго утрачено, равно какъ и Макроса (Makros) 2 книги о военномъ дѣлѣ и сочиненія: Павла о наказаніяхъ воиновъ, Тарругена Патерна (Tarrutenus Paternus) и Менадра (Menander). О всѣхъ этихъ послѣднихъ упомянуто въ спискѣ писателей, помѣщенномъ въ заглавіи Пизанскихъ пандектовъ. Утрачены также: высоковосхваленное Сундасомъ (Suidas) *), сочи-

*) Сундасъ былъ греческій грамматикъ XI-го, а по другимъ X-го вѣка по Р. Х., составившій реальный словарь, преимущественно географическаго и историческаго содержанія.

ненiе аѳинянина Симона о знанiи (свойствъ) лошадей и Сармена (Sarmenes), впервые (по словамъ Плинiя) писавшаго о конницѣ.

Подобную-же участь имѣли почти всѣ сочиненiя первыхъ римскихъ писателей. Вмѣстѣ съ 6-ю книгами К. Циннiя (C. Cinnius) De re militari, упоминаемыми Агеллiемъ (Agellius) и съ сочиненiемъ Корнелiя Цельза (Cornelius Celsus), о которомъ говорятъ Вегецiй и Рафаилъ Волатерранъ (Raphael Volaterranus), послѣднiй въ своей Антропологiи, утрачены также тактическiя сочиненiя Алимента, Плинiя, Варрона и М. Туллiя Цицерона; нѣкоторыя сохранившiяся сочиненiя послѣдняго признаются впрочемъ Ангеломъ Децембромъ (Angeles December), въ его сочиненiи De politia litteraria, плохими и искаженными. Если уже изъ творенiй лучшихъ историковъ: Дiодора Сицилiйскаго, Дiонисiя Галикарнасскаго, Дiона Кассiя и Тита Ливiя дошли до насъ только одни отрывки, то легко понять, что сочиненiя другихъ писателей того и болѣе ранняго времени совершенно утрачены, какъ напримѣръ Антимаха, Менелая, Аргiоса и многихъ другихъ, описавшихъ ѳивскiя войны, всѣхъ писателей о троянской войнѣ, о которыхъ упоминаютъ Элiанъ, Суидасъ и Аѳиней (Athenäos), до 300 писателей одного сраженiя при Мараѳонѣ и пр.

Дошедшiя до насъ творенiя греческихъ и римскихъ историковъ сообщаютъ между прочимъ и свѣдѣнiя о силѣ, составѣ и вооруженiи армiй. Сюда принадлежатъ: Гомеръ, приводящiй въ Илiадѣ число (1186) судовъ, на которыхъ греки приплыли къ Троѣ, и свѣдѣнiя о построенiяхъ, мѣрахъ, распоряженiяхъ и бояхъ грековъ и троянцовъ; Геродотъ, описавшiй греко-персидскую войну до сраженiя при Платеѣ; Ѳукидидъ, какъ очевидецъ — пелопонезскую войну и въ подробности — строи и построенiя войскъ, сраженiя, укрѣпленiя и осады, и послѣ него Ксенофонтъ, описавшiй въ Анабазисѣ походъ 10 т. грековъ въ Верхнюю Азiю до Кунаксы и оттуда обратно въ Малую Азiю и Грецiю, въ Киропедiи изложившiй наставленiе о военномъ устройствѣ и объ образованiи воиновъ и войскъ, а въ двухъ другихъ сочиненiяхъ—разсужденiя о познанiи свойствъ лошадей, объ уходѣ за ними и выѣздкѣ ихъ, и о качествахъ и обязанностяхъ предводителя конницы.

Первыми историками римлянъ были также греки: Дiодоръ сицилiйскiй, Дiонисiй Галикарнасскiй и Аппiянъ александрiйскiй, которые при случаѣ говорятъ также о военномъ дѣлѣ, однако съ меньшими обстоятельностью и тщанiемъ, нежели Полибiй. Послѣднiй вѣрно и обстоятельно описалъ какъ военное устройство и лагери римлянъ, такъ и строй и образъ дѣйствiй ихъ въ бою, и этимъ заслужилъ особенное уваженiе позднѣйшихъ военныхъ людей и писа-

телей. Эліянъ-тактикъ, о которомъ говорено выше, жившій, какъ полагаютъ, въ 1-й половинѣ II вѣка по Р. Х., написалъ сочиненіе о тактикѣ, подъ заглавіемъ τακτικά (въ латинскомъ переводѣ—de instruendis aciebus), на которыя ссылаются многіе писатели позднѣйшихъ временъ. Одинъ неизвѣстный греческій писатель въ 132 г. по Р. Х. посвятилъ императору Адріяну сочиненіе свое о строѣ и движеніяхъ войскъ для боя, въ томъ видѣ, въ какомъ они были у македонянъ при Александрѣ В. Арріанъ никомидійскій, также современникъ Адріяна, написавшій исторію походовъ Алексапра В., составилъ также сочиненіе о тактикѣ: Ars tactica и писалъ о построеніяхъ и эволюціяхъ конницы и о лучшихъ боевыхъ порядкахъ и образѣ дѣйствій въ бою противъ аланъ. При Валентиніянѣ II (383—393 гг.) Вегецій, въ своемъ сочиненіи: De re militari, соединилъ все вообще, что̀ до него было писано о военномъ дѣлѣ или установлено прежними правителями государства, хотя безъ разбора и критики, смѣшавъ и старое, и новое, въ томъ числѣ и все, касавшееся тактики. Это было главное и послѣднее въ древнія времена сочиненіе о военномъ искуствѣ вообще, надолго въ послѣдствіи послужившее образцомъ и руководствомъ по этому предмету. О немъ будетъ говорено особенно ниже въ § 470.

Изъ собственно римскихъ, позднѣйшихъ писателей и историковъ, особенно замѣчательны Юлій Цезарь, Саллустій, Титъ Ливій и Корнелій Непотъ. Юлій Цезарь, въ 7-ти книгахъ своихъ комментаріевъ или записокъ о войнѣ въ Галліи, изложилъ, между прочимъ, превосходныя свѣдѣнія, касающіяся римской тактики и строя и образа движеній и дѣйствій римскихъ войскъ, какъ въ походѣ, такъ и въ бою. И въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, комментаріи его были въ послѣдующія и даже позднѣйшія времена замѣчательнѣйшимъ и поучительнѣйшимъ для военныхъ людей сочиненіемъ, по которому образовали себя всѣ великіе и лучшіе полководцы и познаніе котораго всегда считалось безусловно необходимымъ для всякаго образованнаго военнаго человѣка.

Сочиненія греческихъ историковъ: Геродота, Ѳукидида, Ксенофонта, Полибія, Діодора и Діонисія, и римскихъ (сверхъ Юлія Цезаря) Саллустія, Тита Ливія и Корнелія Непота, жившихъ и писавшихъ въ V—I вѣкахъ передъ Р. Х. и позже, вообще касаются, не прямо, но косвенно, также военнаго дѣла и въ частности тактики, болѣе или менѣе подробно и удовлетворительно изображая тактическіе: устройство, строй и образъ дѣйствій въ бою войскъ и описывая сраженія. Извѣстно, что исторія въ древнія времена, отъ начала до конца, всегда, менѣе или болѣе, вмѣстѣ съ политическимъ и гражданскимъ характеромъ, имѣла часто преимущественно, а иногда

даже почти исключительно характеръ военный, потому что война была почти нормальнымъ состояніемъ народовъ и государствъ, военная повинность была всеобщею, каждый гражданинъ былъ воиномъ, военное званіе было важнѣйшимъ и почетнѣйшимъ, и высшіе дѣятели общественные и государственные были вмѣстѣ съ тѣмъ и военными и нерѣдко историками и военными писателями. Такъ, сверхъ Геродота, Ѳукидида, Ксенофонта, Полибія и Юлія Цезаря, о которыхъ уже было говорено выше, о сочиненіяхъ Діодора, Діонисія, Саллустія, Тита Ливія и Корнелія Непота можно сказать, что и въ нихъ, болѣе или менѣе, находятся свѣдѣнія, прямо или косвенно относящіяся къ тактикѣ и изложенныя болѣе или менѣе обстоятельно и удовлетворительно. Сочиненія Діодора и Діонисія заключаютъ въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній о военномъ дѣлѣ вообще и о тактикѣ въ частности, а сочиненія Діонисія отличаются преимущественно подробностью въ описаніи сраженій. Сочиненія Саллустія, принявшаго въ нихъ, за образецъ, какъ кажется, Ѳукидида, въ военномъ отношеніи хотя и служатъ полезнымъ источникомъ, однако не отличаются надлежащею точностью въ описаніи военныхъ дѣйствій вообще и тактическихъ въ частности. У Тита Ливія они описаны съ большою подробностью, но не всегда съ достовѣрностью, потому что Титъ Ливій часто легковѣренъ и не всегда безпристрастенъ. Въ жизнеописаніяхъ Корнелія Непота можно также найти, между прочимъ, историческія свѣдѣнія, касающіяся тактики, но изъ нихъ болѣе важныя часто изложены слишкомъ кратко, а менѣе важныя—слишкомъ подробно, и вообще —они не всегда почерпнуты изъ вѣрныхъ источниковъ.

Тоже, что здѣсь было сказано объ историкахъ и писателяхъ V—I вѣковъ до Р. X., можно сказать о такихъ же I—V вѣковъ по Р. X. Изъ нихъ, въ исторіи Александра В., сочиненія Квинта Курція, находятся многія тактическія свѣдѣнія о македонскихъ, греческихъ и персидскихъ войскахъ, но, какъ извѣстно, не заслуживающія большаго довѣрія. Въ исторіи Іосифа Флавія объ іудейской войнѣ, напротивъ, такого рода свѣдѣній находится много и они изложены съ знаніемъ дѣла, добросовѣстно и заслуживаютъ довѣрія. Въ историческихъ сочиненіяхъ Суэтонія, Тацита, Плутарха, Аппіяна (объ Арріянѣ уже было говорено выше), Іустина, Діона Кассія, Аммміяна Марцеллина (о Вегеціѣ было говорено выше и будетъ обстоятельнѣе изложено ниже) и Оносандра, также находятся свѣдѣнія, относящіяся къ тактикѣ, въ однихъ болѣе, въ другихъ менѣе. и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи, удовлетворительныя и полезныя. Въ особенности это слѣдуетъ отнести къ сочиненіямъ: Тацита (о германцахъ), Діона Кассія и Аммміяна-Мар-

целлина,—обоихъ бывшихъ полководцами, и Оносандра, хотя и не военнаго, а философа, но въ своемъ сочиненіи Στρατηγικὸν λόγον или наука полководца изложившаго много весьма хорошихъ правилъ и наставленій, какъ стратегическихъ, такъ и тактическихъ (о немъ будетъ говорено особенно ниже въ § 470).

И такъ, разсматривая въ совокупности все, что̀ въ древности было писано греками (преимущественно) и римлянами, прямо или косвенно, о тактикѣ и тактическихъ: устройствѣ, строѣ и образѣ движеній и дѣйствій войскъ, и что̀ дошло до насъ, а если и не дошло, то упомянуто позднѣйшими писателями, можно вообще заключить, что эта главная отрасль древняго военнаго искуства была теоретически и научно разработана въ довольно большой степени, и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи, и была, въ своемъ родѣ и въ нѣкоторой мѣрѣ, возвышена на степень науки, хотя можетъ быть и не вполнѣ систематической. По крайней мѣрѣ изъ нея можно, съ большею критическою разборчивостью, нежели та, которую въ такой слабой и неудовлетворительной степени проявилъ Вегецій, составить, такъ сказать, историческій и систематическій сводъ тактической теоріи или науки въ древности.

§ 463.

Кастраметація.

О кастраметаціи, фортификаціи, поліорцетикѣ, баллистикѣ и стратегіи, какъ наукахъ, вообще слѣдуетъ сказать тоже, что̀ было сказано выше о тактикѣ. И о каждой изъ нихъ можно найти, между прочимъ, разсѣянныя и отрывочныя, болѣе или менѣе полныя и удовлетворительныя свѣдѣнія въ сочиненіяхъ упомянутыхъ выше, греческихъ и римскихъ историковъ и какъ невоенныхъ, такъ преимущественно военныхъ писателей, въ особенности Геродота, Θукидида, Ксенофонта, Полибія, Діодора, Діонисія, Юлія Цезаря, Тита Ливія, Іосифа Флавія, Тацита, Плутарха, Фронтина, Игина-громатика (землемѣра), Арріяна, Поліена, Діона Кассія, Амміяна Марцеллина, Вегеція и Оносандра.

Въ частности же, въ отношеніи къ кастраметаціи, важнѣйшія свѣдѣнія заключаются въ твореніяхъ Полибія, Юлія Цезаря и Игина-громатика.

Полибій изъ Мегалополя въ Аркадіи (род. въ 202 г., ум. въ 121 г. до Р. Х.) составилъ дошедшее до насъ описаніе римскихъ лагерей въ лучшія времена республики (пуническихъ войнъ), замѣчательное

какъ потому, что расположеніе римскихъ лагерей въ это время особенно отличалось правильностью, удобствомъ въ размѣщеніи войскъ и способностью къ оборонѣ, такъ и потому, что Полибій описалъ его весьма обстоятельно и ясно.

Юлій Цезарь, въ 7-ми, имъ самимъ писанныхъ книгахъ своихъ комментаріевъ или записокъ о войнѣ въ Галліи, превосходно описалъ, между прочимъ, лагерныя расположенія своихъ войскъ въ различныхъ случаяхъ въ этой войнѣ, имъ самимъ, съ свойственнымъ ему искуствомъ, всегда вполнѣ примѣненныя къ обстоятельствамъ и мѣстности.

Игинъ-громатикъ, жившій при императорѣ Траянѣ (98—117 гг. по Р. Х.) составилъ, подобно Полибію, дошедшее до насъ описаніе расположенія римскихъ лагерей въ его, Игина, время, значительно уступающаго впрочемъ расположенію ихъ по описанію Полибія, такъ какъ оно было уже примѣнено къ весьма измѣнившимся: составу и устройству войскъ, военнымъ понятіямъ и обстоятельствамъ времени, въ которое писалъ Игинъ.

Эти три писателя даютъ полное понятіе о состояніи древней кастраметаціи во времена римской республики и имперіи и въ наибольшемъ, въ древнія времена, развитіи ея.

§ 464.

Фортификація.

Отдѣльныхъ, спеціальныхъ сочиненій древнихъ писателей о фортификаціи, полевой и долговременной, до насъ не дошло никакихъ. Въ числѣ древнихъ утраченныхъ упоминаются сочиненія о нѣкоторыхъ предметахъ, относящихся къ фортификаціи, какъ то: Иліодора Перигета (Heliodores Perigetes) и Полемона описанія Кекропіи—замка Аѳинъ, и Филона-механика о построеніи морскихъ гаваней и о построенномъ имъ въ Пиреѣ арсеналѣ. Правила же древней фортификаціи и постройки полевыхъ и долговременныхъ укрѣпленій изложены, между прочимъ, преимущественно въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ греческихъ писателей: Ѳукидида, Энея-тактика, Аѳинея (Athenaos), Филона византійскаго, Полибія, Діодора и Арріяна, римскихъ: Юлія Цезаря, Тита Ливія, Витрувія и Вегеція, и іудейскаго—Іосифа Флавія. Изъ нихъ можно составить полный сводъ правилъ древней фортификаціи, что отчасти и исполнилъ Вегецій въ своемъ сочиненіи (см. ниже).

§ 465.

Поліорцетика.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и о древней поліорцетикѣ, прибавивъ слѣдующее:

1) Въ числѣ древнихъ, утраченныхъ сочиненій упоминаются два, отчасти относящіяся къ предмету древней поліорцетики: Исторія Троянской войны, приписываемая критянину Диктису (Dictys), и Исторія разрушенія Трои, приписываемая фригійцу Даресу (Dares).

2) Предметы поліорцетики, механики и баллистики въ древности были тѣсно связаны между собою и относились къ атакѣ (преимущественно) и оборонѣ городовъ. Въ числѣ утраченныхъ и неутраченныхъ сочиненій древнихъ писателей есть нѣсколько такихъ о построеніи и употребленіи военныхъ машинъ вообще, какъ осадныхъ, такъ и метательныхъ. Такого рода сочиненія, по древнимъ понятіямъ, причислялись вообще къ поліорцетикѣ—искуству и наукѣ взятія городовъ; есть даже одно сочиненіе Аполлодора изъ Дамаска (II вѣка по Р. Х.) о военныхъ осадныхъ машинахъ, носящее названіе Поліорцетика. Но по новѣйшимъ понятіямъ они должны относиться частію къ военной баллистикѣ. А какъ послѣдняя едва-ли не должна считаться главною въ древнемъ искуствѣ атаки и обороны городовъ, то сочиненія о военныхъ машинахъ и отнесены къ слѣдующему § 466.

§ 466.

Баллистика.

Баллистика въ древности не составляла особенной отрасли военнаго искуства и военной науки, а входила въ составъ поліорцетики. Но по важности ея въ отношеніи къ ея судьбѣ въ послѣдующія времена, по теперешнимъ понятіямъ ее слѣдуетъ отдѣлить отъ поліорцетики. Дѣйствительно, устройство и дѣйствія древнихъ военныхъ машинъ вообще составляютъ предметъ, совершенно отдѣльный собственно отъ атаки и обороны городовъ и поліорцетики, хотя и находились въ связи съ нею. Притомъ главная цѣль древнихъ военныхъ машинъ заключалась въ разрушеніи городскихъ стѣнъ, снача-

ла—издали, метательными орудіями, а потомъ—вблизи, таранами, подкопами и др. т. п. средствами.

Одни изъ сочиненій древнихъ писателей о военныхъ машинахъ не дошли до насъ, но упоминаются позднѣйшими писателями, а другія—дошли.

Къ числу первыхъ принадлежатъ 10 сочиненій греческихъ писателей, вѣроятно механиковъ: Агаатарха, Димитрія, Анаксагора, Ктезифона, Метагена, Ихпна, Гермогена, Карпія, Аргелія и Сатира.

Въ числѣ греческихъ механиковъ, писавшихъ о военныхъ машинахъ, извѣстны, между прочимъ, три Герона (Heron или Hero). 1-й изъ нихъ, жившій въ концѣ II вѣка по Р. X., родомъ изъ Александріи (средоточія древнихъ ученыхъ вообще и механиковъ въ частности), ученикъ Ктезибія (Ktesibios) и современникъ Филона византійскаго—греческихъ же механиковъ, написалъ 2 сочиненія о построеніи, размѣрахъ и дѣйствіи ручныхъ баллистъ (въ позднѣйшемъ латинскомъ переводѣ: 1-е—De constructione et mensura manuballistae и 2-е—De telis conficiendis et jaculandis). 2-й Геронъ, жившій, какъ полагаютъ, гораздо позже (въ VII или VIII вѣкахъ по Р. X.), также написалъ сочиненіе о военныхъ машинахъ (въ латинскомъ переводѣ—De machinis bellicis). О 3-мъ же Геронѣ только упоминаетъ Маринъ неаполитанскій въ жизнеописаніи Прокла (Proklos).

О сочиненіи Аполлодора изъ Дамаска: Поліорцетикѣ или о военныхъ машинахъ, уже было упомянуто выше (§ 465).

Изъ римскихъ писателей, Плиній Младшій въ своей Historia naturae (естественной исторіи) и Маркъ Витрувій Полліонъ въ своемъ сочиненіи De architectura описали военныя машины для атаки и обороны городовъ, особенно катапульты и баллисты. О томъ же свѣдѣнія находятся въ сочиненіяхъ Аммiaна и Эгезиппа (Hegesyppus).

Изъ всего этого легко можно заключить, какое значительное участіе въ древней поліорцетикѣ, какъ искуствѣ и наукѣ, имѣли греческіе механика и механики. Они были, можно сказать, душою и главными дѣятелями ея въ позднѣйшія времена и имъ принадлежитъ и наибольшая честь атаки и обороны городовъ въ эти времена.

Но едва-ли не наибольшая слава въ этомъ отношеніи принадлежитъ знаменитому греческому математику и механику Архимеду, уроженцу Сиракузъ въ 287 г. до Р. X. Въ оборонѣ своего роднаго города въ 213—212 г.г. противъ Марцелла и римлянъ, онъ всецѣло развилъ и проявилъ свои необыкновенныя дарованія и знанія по части математики и механики. Полибій, Титъ Ливій и Плутархъ подробно и съ изумленіемъ говорятъ о всѣхъ машинахъ и механи-

ческихъ средствахъ, которыя онъ употребилъ противъ римлянъ. Послѣ него остались, дошли до насъ и изданы въ 1792 г. въ Оксфордѣ и въ 1807 г. въ Парижѣ (полнѣйшія и лучшія изданія) 9 сочиненій его, но всѣ они математическаго и механическаго содержанія и въ числѣ ихъ не находится ни одного, относящагося къ поліорцетикѣ или къ военнымъ машинамъ. Такимъ образомъ въ военномъ отношеніи Архимедъ снискалъ себѣ громкую славу только искуствомъ своей обороны Сиракузъ, но не какъ поліорцетъ—теоретикъ.

§ 467.

Стратегія.

Стратегіи или науки веденія войны, какъ отдѣльной отрасли военной науки, въ древности не существовало. Но условныя правила или скорѣе коренныя, основныя, главныя начала ея, въ томъ или другомъ видѣ, заключаются во всѣхъ главныхъ и лучшихъ древнихъ историческихъ и военныхъ сочиненіяхъ: Геродота, Ѳукидида, Ксенофонта, Полибія, Діодора, Діонисія, Юлія Цезаря (особенно), Тита Ливія, Фронтина (особенно), Арріяна, Поліена, Діона Кассія, Амміяна Марцеллина, Вегеція и Оносандра (всѣхъ 5-ти послѣднихъ особенно). Изъ нихъ можно извлечь и составить полный сводъ стратегической науки въ древности, что отчасти и исполнили Фронтинъ, Поліенъ, Вегецій и Оносандръ, какъ будетъ изложено ниже.

Говоря вообще, военное искуство и различныя отрасли его въ древности несомнѣнно имѣли и свою теорію или науку, но только не составлявшую одно отдѣльное, самостоятельное и систематическое цѣлое. Правила или законы ея, по ея различнымъ отраслямъ, были раздѣльно разсѣяны въ означенныхъ выше сочиненіяхъ и имѣли то важное преимущество, что не были плодомъ отвлеченныхъ, теоретическихъ умозрѣній, но проистекали прямо изъ единственнаго источника, изъ котораго только и могутъ, и должны проистекать— изъ самыхъ фактовъ войны и различныхъ военныхъ дѣйствій, особенно—первостепенныхъ, великихъ и другихъ, второстепенныхъ, искуснѣйшихъ полководцевъ древности. Поэтому, все вообще военное искуство и вся военная наука въ древности, преимущественно въ позднѣйшія времена—въ первые пять вѣковъ по Р. Х., справедливо приписывались полководцамъ и, по общему названію послѣднихъ у грековъ стратегами, справедливо же могли и должны были носить одно общее названіе стратегіи. Такое или подобное на-

званіе и присвоилъ имъ только одинъ писатель древности Оносандръ, назвавъ свое сочиненіе объ искуствѣ веденія войны или искуствѣ полководца—Στρατηγικὸν λόγον или стратегологіей (въ латинскомъ переводѣ: de imperatoris institutione, буквально—объ учрежденіи или уставѣ полководца). Даже Вегецій во всѣхъ 5 книгахъ своего сочиненія De re militari—о военномъ дѣлѣ вообще, прямо относящихся къ полководцу и особенно въ 3-й о большихъ военныхъ дѣйствіяхъ, нигдѣ не употребилъ, подобно Оносандру, слова стратегія. Ближайшее разсмотрѣніе сочиненій этихъ двухъ писателей, равно Фронтина и Поліена, лучше всего послужитъ къ подтвержденію изложеннаго выше.

По порядку времени, разсмотримъ прежде всего сочиненія Фронтина и Поліена.

§ 468.

Сочиненія Фронтина и Поліена.

Фронтинъ при Траянѣ и Поліенъ при Маркѣ Авреліи и Коммодѣ, значитъ въ недальнемъ времени одинъ послѣ другаго во II вѣкѣ по Р. Х., писали объ одномъ и томъ же предметѣ—о военныхъ стратагемахъ или хитростяхъ, хотя каждый въ своемъ родѣ и не съ одинаковымъ достоинствомъ. Фронтинъ, консульскаго званія, преторъ Рима при 2-мъ консульствѣ Веспасіяна и Тита, ведшій войну въ Британіи, гдѣ покорилъ силуровъ, жившихъ въ нынѣшнемъ Уэльсѣ (Wales), писалъ какъ человѣкъ военный, и сочиненіе его болѣе методическое и серьознѣе. Поліенъ же былъ ораторомъ въ Македоніи, защитникомъ судебныхъ дѣлъ (адвокатомъ) при императорскомъ дворѣ, человѣкомъ ученымъ, и сочиненіе его, въ своихъ изслѣдованіяхъ, обнимаетъ блистательнѣйшіе подвиги знаменитыхъ полководцевъ предъидущихъ вѣковъ древности. Но оно не всегда въ строгой точности соотвѣтствуетъ своему заглавію, по которому долженствовало бы ограничиваться только одвѣми военными хитростями; впрочемъ въ цѣлости оно составляетъ смѣсь не безъ занимательности. Болѣе обстоятельная, сравнительная оцѣнка обоихъ сочиненій будетъ приведена ниже, послѣ краткаго разсмотрѣнія каждаго изъ нихъ особо.

Сочиненіе Фронтина, подъ заглавіемъ Stratagematicon libri tres, Strategicon liber unus, заключаетъ въ себѣ:

Въ 1-й книгѣ: То, что дѣлается передъ сраженіемъ. Глава I: различныя средства скрывать свои намѣренія на войнѣ;—глава II:

средства раскрытія намѣреній непріятеля;—глава III: всегда слѣдуетъ сообразоваться съ положеніемъ своимъ и непріятеля;—глава IV: о безопасномъ переходѣ черезъ опасныя мѣста;—глава V: о выходѣ изъ опаснаго положенія, — глава VI: о засадахъ на пути слѣдованія; глава VII: о скрытіи или восполненіи того, чего намъ недостаетъ;—глава VIII: о возбужденіи раздора въ средѣ непріятеля; глава IX: о прекращеніи или отвращеніи возмущенія;—глава X: объ уклоненіи отъ боя, предлагаемаго непріятелемъ въ невыгодное для насъ время; — глава XI: о возбужденіи въ войскахъ боеваго пыла, нужнаго въ сраженіи,—и глава XII: мѣры противъ непредвидѣннаго страха или скорѣе для ободренія войскъ, когда авгуры или авспиціи (предзнаменованія) неблагопріятны.

Во 2-й книгѣ: Какъ дѣйствовать во время и послѣ сраженія. Глава I: о выборѣ времени для вступленія въ сраженіе;—глава II: о полѣ сраженія; — глава III: о боевомъ порядкѣ;—глава IV: о средствахъ къ произведенію безпорядка въ непріятельскихъ рядахъ;—глава V: о засадахъ; — глава VI: объ открытіи прохода непріятелю при отчаянномъ прорывѣ его; — глава VII: о притворномъ скрытіи того, что для насъ невыгодно;—глава VIII: о возбужденіи снова храбрости въ войскахъ; — глава IX: о пользованіи успѣхомъ, для рѣшенія войны; — глава X: о возстановленіи дѣлъ въ случаѣ неудачи;—глава XI: объ удержаніи въ повиновеніи долгу тѣхъ, которымъ мы не довѣряемъ; — глава XII: что дѣлать въ лагерѣ, если недостаточно довѣряемъ своимъ войскамъ,—и глава XIII: о способствованіи своему отступленію.

Въ 3-й книгѣ: Объ атакѣ и оборонѣ городовъ. Глава I: о внезапной атакѣ открытою силой;—глава II: о средствахъ введенія осажденныхъ въ обманъ;—глава III: о различныхъ средствахъ внезапнаго овладѣнія городами посредствомъ измѣны или предательства;—глава IV: для произведенія голода между осажденными;—глава V: для внушенія имъ мысли, что хотимъ продолжить осаду;—глава VI: для погубленія или уничтоженія непріятельскихъ гарнизоновъ;—глава VII: для отвода теченія рѣки и отнятія воды у непріятеля;—глава VIII: для устрашенія его;—глава IX: для направленія атаки противъ такого пункта, гдѣ ея не ожидаютъ;—глава X: для завлеченія осажденныхъ въ засаду; глава XI: для притворнаго показанія намѣренія отступить; — глава XII: для того, чтобы сдѣлать свои войска бдительными;—глава XIII: чтобы ввести и выпустить письмоносца (съ депешами);—глава XIV: чтобы ввести въ городъ подкрѣпленія или продовольствіе; — глава XV: чтобы заставить полагать, что имѣемъ то, въ чемъ нуждаемся; глава XVI: чтобы привлечь къ себѣ людей подозрительныхъ или отдѣлаться отъ

нихъ; — глава XVII: о вылазкахъ, — и глава XVIII: о рѣшимости осажденныхъ.

Во всѣхъ этихъ 3 книгахъ и 43 главахъ ихъ Фронтинъ объясняетъ озаглавленные въ нихъ предметы вовсе не теоретическими умозрѣніями и догматическими правилами, а исключительно примѣрами, взятыми изъ предшествовавшихъ войнъ и походовъ различныхъ временъ, народовъ и знаменитыхъ полководцевъ, и заключающими въ себѣ соотвѣтствующія этимъ предметамъ военныя стратагемы или хитрости. Затѣмъ, въ предисловіи къ 4-й книгѣ, онъ говоритъ: «Сдѣлавъ попытку (прочитавшіе скажутъ, успѣлъ-ли я въ томъ) совмѣстить въ 3 книгахъ стратагемы—плодъ моихъ многочисленныхъ чтеній, и распредѣлить ихъ въ порядкѣ съ особеннымъ тщаніемъ, я помѣщаю здѣсь (т. е. въ 4-й книгѣ) факты, которые не призналъ возможнымъ присоединить къ преждензложеннымъ, находя, что они принадлежатъ болѣе къ стратегіи, нежели къ стратагемамъ *). Это не потому, чтобы они не представляли также очень яснаго смысла, но потому, что они другаго рода и могло бы случиться, что читатель, случайно попавъ на одинъ изъ такихъ фактовъ, не подумалъ, что я сдѣлалъ пропускъ. Поэтому я даю эту (4-ю) книгу какъ дополненіе къ другимъ и буду по возможности сохранять тотъ же порядокъ въ распредѣленіи различныхъ частей ея».

Затѣмъ въ этой 4-й книгѣ, относящейся непосредственно къ стратегу или полководцу и къ стратегіи, онъ объясняетъ также военно-историческими примѣрами: въ главѣ I: дисциплину; — въ главѣ II: дѣйствія дисциплины;—въ главѣ III: воздержаніе;—въ главѣ IV: правосудіе; — въ главѣ V: твердость; — въ главѣ VI: кротость и умѣренность въ начальствованіи, — и въ главѣ VII: различныя наставленія касательно войны, слѣдовательно вообще—нравственные элементы войны и военнаго начальствованія, дѣйствительно относящіеся болѣе къ стратегіи, нежели къ стратагемамъ.

Поліенъ, въ 8 книгахъ и 348 главахъ (изъ числа послѣднихъ, 20-ти недостаетъ, а 21-й только первыя строки, безъ конца) своего сочиненія о военныхъ стратагемахъ или хитростяхъ, приводитъ историческіе примѣры ихъ (въ каждой главѣ по одному), также изъ предшествовавшихъ войнъ и походовъ всѣхъ временъ, народовъ и полководцевъ. Но онъ приводитъ ихъ безъ всякой системы и безъ строгой или, лучше сказать, безъ всякой разборчивости, включая въ число ихъ какъ военныя хитрости, которыя позволительны на

*) Слѣдовательно онъ явно различалъ ту и другія.

войнѣ и достойны образованнаго полководца, такъ и такія, которыя, напротивъ, и непозволительны, и недостойны, состоя въ гнусныхъ предательствахъ и коварствахъ, достойныхъ развѣ только дикихъ или полудикихъ народовъ, а не правильно-устроенныхъ войскъ образованныхъ народовъ и особенно ихъ полководцевъ. Правда, что въ 7-й книгѣ сочиненія Поліена находится много примѣровъ самыхъ коварныхъ обмановъ и хитростей варваровъ (азіятскихъ, африканскихъ и европейскихъ народовъ, не-греческаго и не-римскаго происхожденія) и предисловіе возвѣщаетъ, что эта книга предназначена для ознакомленія съ тѣми, къ которымъ эти варвары были способны. Тѣмъ не менѣе и въ другихъ книгахъ множество примѣровъ подобнаго же рода коварныхъ обмановъ помѣщено въ ряду военныхъ хитростей. Излишне говорить, что такой способъ имѣетъ совершенно ложное основаніе. «Еслибы»—говорится въ одной книгѣ новѣйшаго времени *) «на войнѣ было позволительно употреблять безъ разбора всѣ средства для успѣховъ въ своихъ намѣреніяхъ, военное искусство — побѣждать храбростью, осторожностью и ловкостью, сдѣлалось бы школой величайшихъ злодѣяній. Люди привыкали бы къ измѣнѣ и вскорѣ тщеславились бы самыми гнусными дѣлами. Но существуетъ правило для выбора этихъ средствъ и размѣра разстоянія, отдѣляющаго хитрость отъ коварства. Честь и честность дадутъ уразумѣть, гдѣ провести черту раздѣленія между ними».

Поэтому, сличая сочиненія Фронтина и Поліена, нельзя не поставить перваго выше, а послѣдняго ниже, во всѣхъ отношеніяхъ. Первое, какъ сказано, писано военнымъ человѣкомъ, изложено методически и съ болѣе строгою разборчивостью (хотя и Фронтинъ не совсѣмъ чуждъ недостатка смѣшенія хитрости и коварства) и имѣетъ серьозный военный характеръ. Второе же сочиненіе писано человѣкомъ, хотя и ученымъ, но невоеннымъ, гораздо пространнѣе, но безъ разумнаго плана и системы, безъ строгой разборчивости и съ странною смѣсью важнаго и неважнаго, полезнаго и безполезнаго и даже вреднаго и предосудительнаго, позволительнаго и непозволительнаго на войнѣ со стороны правильно-устроенныхъ войскъ просвѣщенныхъ народовъ, какими въ древности были греки и римляне, и ихъ полководцевъ. Поэтому и Фронтинъ, и Поліенъ, первый—менѣе, второй—гораздо болѣе, оба подвержены справедливому упреку въ томъ, что смѣшали военныя хитрости съ коварствомъ,

*) Bibliothèque historique et militaire, publiée par Liskenne et Sauvan, T. III, Paris 1840: «Remarques sur Polyen et Frontin».

измѣной и предательствомъ, достойными только дикихъ и полудикихъ народовъ.

А между тѣмъ самые примѣры, приводимые и Фронтиномъ, и Поліеномъ, свидѣтельствуютъ, что въ древности, даже у народовъ просвѣщенныхъ и нерѣдко у лучшихъ полководцевъ, военныя хитрости, приближавшіяся къ коварствамъ и даже сливавшіяся съ ними, не всегда считались незаконными и несправедливыми. Это не должно удивлять, потому что права народное и международное были совсѣмъ иного рода, нежели у просвѣщенныхъ народовъ новѣйшихъ временъ, и то, что теперь считается непозволительнымъ, недостойнымъ и предосудительнымъ, тогда не только не признавалось такимъ, но и совершенно наоборотъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ, сочиненія Фронтина и Поліена, имѣющія свои достоинства и свои недостатки, по предмету содержанія своего имѣли и въ древнія, и въ среднія, и въ новыя времена своего рода пользу, приводя примѣры военныхъ хитростей, позволительныхъ и даже полезныхъ на войнѣ, которымъ можно подражать, и рядомъ съ ними другихъ, непозволительныхъ и недостойныхъ, которыя полезно знать, дабы избѣгать или остерегаться ихъ. И въ наше время знакомство съ ними—необходимо для образованнаго военнаго человѣка, но только съ критическою осторожностью.

Во всякомъ случаѣ, сочиненіе Фронтина, въ стратегическомъ отношеніи, стоитъ гораздо выше Поліенова и заслуживаетъ большаго вниманія.

§ 469.

Сочиненіе Вегеція.

Совершенно въ иномъ родѣ и гораздо выше предъидущихъ—сочиненіе Вегенія: De re militari или о военномъ дѣлѣ. Этимъ сочиненіемъ своимъ онъ достойно снискалъ честь и славу одного изъ знаменитѣйшихъ древнихъ римскихъ писателей, и этими честію и славой сочиненіе его постоянно и высоко пользовалось въ среднія и новыя времена и доселѣ пользуется и въ новѣйшія. Дѣянія же Вегеція неизвѣстны. Извѣстно только, что онъ жилъ въ концѣ IV вѣка по Р. X., посвятилъ свое сочиненіе Валентиніяну II (383—393 г.г.), былъ христіаниномъ (что видно и изъ его прозванія Renatus—возрожденный и изъ изложенія его сочиненія), знатнаго рода и высокаго сана. Комментаторы называютъ его vir illustris—знаменитый мужъ, а одинъ изъ нихъ—Стевехій (Stewechius), на осно-

ваніи старинной рукописи, присвоиваетъ ему званіе comes Constantinopolitanus (комиса или графа Константинопольскаго), что означаетъ еще болѣе высокое положеніе; наконецъ — онъ жилъ по инымъ—въ Константинополѣ, по другимъ—въ Римѣ или, можетъ быть, въ Трирѣ, гдѣ Валентиніянъ II имѣлъ свое пребываніе. Но, какъ сказано, достоинство Вегеція не въ его высокомъ положеніи, а въ его единственномъ и весьма замѣчательномъ сочиненіи, составленномъ имъ, по его словамъ, по древнимъ великимъ образцамъ. Еслибы онъ даже и не сказалъ этого, то сочиненіе его, по своему неровному слогу, частой темнотѣ и множеству повтореній, само изобличило бы происхожденіе свое изъ многихъ и разныхъ источниковъ, словомъ—свойство компилятивное. Достойно сожалѣнія, что, предпринявъ такой трудъ, Вегецій не умѣлъ достаточно различить разныя эпохи римскаго войска, смѣшивалъ учрежденія его съ греческими и даже не сознавалъ, что боевой порядокъ его, Вегеція, гораздо болѣе походилъ на современный ему, нежели на древній боевой порядокъ легіона. Но съ другой стороны—онъ былъ первый и единственный изъ древнихъ писателей, который изслѣдовалъ и изложилъ систематически, методически и довольно подробно всѣ отрасли военнаго искуства. За то ни одинъ военный писатель послѣдующихъ временъ не писалъ о войскахъ древности, не ссылаясь на него, и многіе, разсуждая о войнѣ вообще, прямо указывали на него же. Онъ превосходенъ въ своихъ правилахъ; совѣты его Валентиніяну исполнены философскихъ мудрости и истины; всѣ его наставленія о военномъ искуствѣ содержатъ вѣрныя основныя начала. Самый планъ его сочиненія—методическій, заключая въ себѣ сначала разсужденія о военныхъ наборахъ и упражненіяхъ, потомъ о легіонѣ и его устройствѣ и строѣ, и наконецъ о тактикѣ и большихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Время, въ которое онъ писалъ свое сочиненіе, было мирное, и это, кажется, внушило ему слѣдующія слова, обращенныя къ его соотечественникамъ: «Вспомните, что послѣ 1-й пунической войны протекло двадцать лѣтъ мира, и римляне, дотолѣ всегда бывшіе побѣдителями, такъ ослабли въ праздности и забвеніи военнаго дѣла, что во 2-й пунической войнѣ не могли перевѣсить успѣховъ Аннибала и только послѣ утраты многихъ консуловъ, полководцевъ и многочисленныхъ армій, снова взялись за оружіе и, образовавъ себя въ войнѣ, успѣли склонить побѣду на свою сторону».

Сочиненіе его, по собственнымъ его словамъ, есть извлеченіе изъ Катона-цензора, Корнелія Цельза, Фронтина и Патерна, и изъ военныхъ учрежденій императоровъ Августа, Траяна и Адріяна. Такъ какъ передъ тѣмъ онъ говоритъ, что сочиненіе его состав-

лено по древнимъ военнымъ образцамъ, то странно видѣть въ числѣ ихъ Корнелія Цельза. Фронтина и Патерна, но не видѣть главнѣйшаго и первенствующаго надъ всѣми—великаго Цезаря!—Сочиненіе Вегеція состоитъ изъ 5-ти книгъ и 118 главъ. Передъ каждою книгою помѣщено посвятительное посланіе Валентиніану II. Всѣ они написаны чрезвычайно высокопарно и съ раболѣпными лестью и униженіемъ, которыхъ совершенно недостоинъ былъ Валентиніанъ II — императоръ ничтожный и вовсе не прославившій себя никакими славными военными подвигами, приписываемыми ему Вегеціемъ. Посланія эти свидѣтельствуютъ только о тогдашнемъ раболѣпствѣ передъ римскими императорами и объ упадкѣ и испорченности литературнаго вкуса, языка и слога. Въ примѣръ того можно привести одно первое посланіе:

«Есть древній обычай посвящать правительствующему государю то, что пишется объ изящныхъ искуствахъ; кто, послѣ Бога, могъ бы даровать имъ болѣе полезное покровительство? Поэтому прилично, чтобы владыка (т. е. государь) зналъ болѣе и лучшихъ предметовъ, нежели кто-либо изъ его подданныхъ, потому что познанія его могутъ содѣйствовать общественной пользѣ. Поэтому же и лучшіе государи наши благосклонно допускали, по примѣру Августа, благородную смѣлость авторовъ, посвящавшихъ имъ свои сочиненія и такимъ образомъ, покровительствуя дарованіямъ, умножали ихъ.

«Прельщенный этими примѣрами и единственнымъ правомъ всякаго писателя ожидать еще болѣе снисходительности со стороны лучшаго изъ государей, я стараюсь скрыть отъ самаго себя, на сколько я стою ниже древнихъ писателей, которымъ осмѣливаюсь подражать.

«Впрочемъ предметъ, мною изслѣдуемый, требуетъ менѣе пронипательности и изящества, нежели точности и вѣрности, такъ какъ вопросъ только въ томъ, чтобы собрать подъ одною точкою зрѣнія правила и примѣры военные, разсѣянные въ сочиненіяхъ разныхъ авторовъ.

«О! еслибы я могъ быть нѣсколько полезенъ нашимъ римлянамъ, напомнивъ имъ по порядку, какой былъ древній обычай касательно выбора и упражненія воиновъ! Сочиненіе это, которое не представитъ ничего новаго для васъ, великій государь, докажетъ вамъ лишь то, сколько справедливыя мѣры, принимаемыя вами на пользу республики, суть тѣ же, которыя сохранили ее при ея основателяхъ. Вы усмотрите въ немъ тѣ великія правила, которыя справедливо признаете нераздѣльными съ хорошимъ управленіемъ».

Въ подобномъ же родѣ изложены и остальныя четыре посланія.

Размѣры настоящаго изданія не позволяютъ войти въ разсмотрѣ-

ніе содержанія каждой изъ 5-ти книгъ сочиненія Вегеція. Поэтому здѣсь будетъ приведено только главное содержаніе 1-й, 2-й, 4-й и 5-й книгъ и каждой главы 3-й о большихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

Въ 1-й книгѣ, въ 24 главахъ, говорится о наборѣ войскъ и обученіи новобранцовъ.

Во 2-й, въ 24 главахъ, о раздѣленіи войскъ, о легіонѣ, его составѣ, устройствѣ, начальникахъ и ихъ обязанностяхъ, военныхъ орудіяхъ и машинахъ и пр. т. п.

Въ 3-й, въ 1-й главѣ: объ арміяхъ,—во 2-й о способахъ сохраненія здоровья въ арміяхъ,—въ 3-й о продовольствованіи армій,—въ 4-й, что̀ слѣдуетъ соблюдать, чтобъ избѣжать возмущеній,—въ 5-й—какіе различные военные сигналы,—въ 6-й—какія предосторожности слѣдуетъ принимать, когда армія двигается вблизи отъ непріятеля,—въ 7-й—о переходѣ черезъ большія рѣки,—въ 8-й—какъ располагать лагерь,—въ 9-й—въ какихъ обстоятельствахъ употреблять хитрость либо открытую силу,—въ 10-й—какъ поступать, когда войско состоитъ изъ молодыхъ (т. е. новонабранныхъ) воиновъ, или изъ старыхъ, но отвыкшихъ отъ военнаго дѣла,—въ 11-й—о предосторожностяхъ, которыя слѣдуетъ принимать въ день сраженія, и о выборѣ приличной и выгодной мѣстности,—въ 12-й—о томъ, что прежде вступленія въ бой слѣдуетъ вывѣдывать расположеніе (нравственное) воиновъ,—въ 13-й—какъ армія должна строиться къ бою, такъ чтобы при ударѣ быть непобѣдимой,—въ 14-й—о разстояніяхъ (дистанціяхъ) и промежуткахъ (интервалахъ),—въ 15-й—о расположеніи конницы,—въ 16-й—о запасномъ (или резервномъ) отрядѣ,—въ 17-й—о мѣстахъ главныхъ и высшихъ начальниковъ (генераловъ) въ сраженіи,—въ 18-й—какими средствами можно въ сраженіи воспротивиться храбрости и хитростямъ непріятеля,—въ 19-й—сколько существуетъ разныхъ боевыхъ порядковъ и какъ, даже будучи слабѣе числомъ и силами, можно надѣяться одержать побѣду,—въ 20-й—о томъ, что охваченному непріятелю слѣдуетъ облегчать выходъ, дабы тѣмъ легче разбить его,—въ 21-й—о средствахъ избѣжанія сраженія,—въ 22-й—о верблюдахъ и тяжеловооруженной конницѣ,—въ 23-й—о военныхъ колесницахъ, вооруженныхъ косами, и о слонахъ,—въ 24-й—что̀ предпринимать въ случаѣ, если часть арміи или вся она разбита,—и въ 25-й—общія правила войны. Изъ этихъ 25 главъ особеннаго вниманія заслуживаютъ: первыя 10 и 25-я—въ стратегическомъ отношеніи, какъ выражающія понятія объ этомъ, существовавшія въ древнія времена, а прочія главы—въ тактическомъ отношеніи и въ томъ же смыслѣ. Въ заключеніи 3-й книги Вегецій говоритъ, что изложилъ въ ней сущность правилъ или основныхъ началъ военныхъ, которыя лучшими римскими писате-

лями были основаны на опытѣ всѣхъ временъ и переданы потомству;—что, приведя правила касательно всѣхъ частей военнаго дѣла, онъ призналъ нужнымъ прибавить къ нимъ нѣкоторыя касательно великаго искуства сражаться или, лучше сказать, побѣждать.

Въ 4-й книгѣ, въ 30 главахъ, говорится о крѣпостяхъ или укрѣпленныхъ городахъ, объ укрѣпленіи, атакѣ и оборонѣ ихъ, о всѣхъ средствахъ и способахъ, служащихъ къ тому, о военныхъ орудіяхъ и машинахъ для атаки и обороны, и о всемъ томъ, что должны соблюдать и дѣлать осаждающіе и осажденные.

И наконецъ въ 5-й книгѣ, въ 15 главахъ — о римскихъ флотахъ и начальникахъ ихъ, о судахъ, постройкѣ ихъ, о вѣтрахъ, о четырехъ временахъ года, о буряхъ, приливахъ и отливахъ, о гребцахъ, о морскихъ: оружіи, орудіяхъ и машинахъ, о хитростяхъ на морѣ и о морскихъ сраженіяхъ.

Изъ этого можно видѣть, что сочиненіе Вегеція дѣйствительно обнимаетъ всѣ отрасли военнаго дѣла и военнаго искуства, въ томъ видѣ и смыслѣ, въ которомъ они вообще существовали въ древности.

§ 470.

Сочиненіе Оносандра.

Оносандръ, по свидѣтельству Суидаса, былъ философъ школы Платона. Неизвѣстно, въ какое именно время онъ жилъ. Невѣроятно, чтобы Квинтъ Вераній, которому онъ посвятилъ свое сочиненіе, былъ тотъ самый, о которомъ упоминаетъ Тацитъ. Біографы Оносандра говорятъ несомнѣнно, что онъ былъ современникомъ императора Клавдія I (41—54 г.г. по Р. Х.), но это очень сомнительно. Судя по тому, что Оносандръ, философъ отважился начертать наставленія полководцамъ, слѣдовало бы предположить, что онъ жилъ во времена крайняго упадка военнаго дѣла у римлянъ, именно въ III, IV или даже V вѣкахъ. Но судя по тому, что онъ говоритъ о богахъ, жрецахъ, жертвоприношеніяхъ, авспиціяхъ или жертвенныхъ предзнаменованіяхъ и тому подобныхъ языческихъ суевѣріяхъ и обрядахъ, скорѣе должно полагать, что онъ жилъ въ III вѣкѣ и не позже 1-й половины IV, когда христіанская вѣра не была еще господствующею въ римской имперіи.

Сочиненіе Оносандра Στρατηγικὸν λόγον, т. е. наука полководца или стратегологія, существенно отличается отъ сочиненій Фронтина и Поліена. Послѣднія, какъ изъ § 468 можно было усмотрѣть,

заключаютъ въ себѣ не догматическія правила, но исключительно примѣры изъ военныхъ дѣйствій лучшихъ полководцевъ. Сочиненіе же Оносандра, напротивъ, не содержитъ въ себѣ ни одного такого примѣра, но исключительно одни догматическія правила. Такъ какъ по всему видно, что Оносандръ почерпалъ ихъ изъ очень хорошихъ источниковъ, то и сочиненіе его заключаетъ въ себѣ также очень хорошія правила и наставленія, свидѣтельствующія о здравомъ и ясномъ смыслѣ писателей древности. Слогъ его довольно изященъ, хотя и изобличаетъ пристрастіе къ риторическимъ украшеніямъ, которое обще всѣмъ греческимъ писателямъ отъ временъ Антониновъ до Ѳеодосія В. включительно. Особенную извѣстность сочиненію Оносандра доставили: греческій императоръ Левъ-философъ (886—910 г.г. по Р. Х.), всецѣло помѣстившій его въ своемъ сочиненіи о военныхъ учрежденіяхъ, а въ XVIII вѣкѣ маршалъ графъ Саксонскій и Гишаръ.

Въ предисловіи къ своему сочиненію и въ посвященіи его Квинту Веранію Оносандръ говоритъ, что имѣетъ въ виду вовсе не наставленіе знатныхъ и даровитыхъ государственныхъ людей въ искуствѣ начальствованія арміями, но единственно то, чтобы они благосклонно приняли его сочиненіе, въ увѣренности, что они способны отличить истину отъ лжи и достоинство отъ самомнѣнія. «Я не опасаюсь»—прибавляетъ онъ—«упрека мнѣ въ томъ, что разсуждаю о предметахъ, уже извѣстныхъ, такъ какъ я вовсе не намѣренъ ограничиться простымъ разсказомъ военныхъ фактовъ, но предполагаю привесть въ систему все, что входитъ въ кругъ вѣдѣнія полководца, начальствующаго арміей, почему и нужно, чтобы читатели мои имѣли уже нѣкоторое понятіе о томъ. Я счелъ бы себя счастливымъ, еслибы успѣлъ включить въ мою книгу теорію всѣхъ военныхъ подвиговъ римлянъ, и въ такомъ случаѣ былъ бы увѣренъ не только въ томъ, что лица, которымъ я посвящаю ее, не отказали бы мнѣ въ своемъ одобреніи, но даже и въ томъ, что она послужила бы предметомъ размышленія для всякаго хорошаго полководца арміи. На нее смотрѣли бы, какъ на даръ небесный, посвященный богинѣ мира и завѣщанный потомству древними полководцами. Дѣйствительно, въ ней найдутъ изображенными въ полномъ свѣтѣ ошибки, бывшія причинами неудачи столькихъ полководцевъ, и причины успѣховъ и славы другихъ. Мы (т. е. римляне) можемъ призывать счастіе въ нашихъ предпріятіяхъ, но не должны ожидать, чтобы оно одно даровало намъ побѣду. Приписывающіе военный успѣхъ случаю и полагающіе, что дѣйствія полководца не способствовали тому, находятся въ грубомъ заблужденіи. Одинаково несправедливо и обвинять счастіе въ гибели арміи, и

лишать полководца чести побѣды, относя къ случаю то, что есть лишь слѣдствіе благоразумія полководца. Естественно вѣрить болѣе военнымъ писателямъ, которые сами обладаютъ опытомъ, нежели тѣмъ, которые знаютъ только теорію, хотя часто малыя основательность и вѣрность суть удѣломъ однихъ, а очевидность и точность —другихъ. Мое предпріятіе требуетъ, чтобы я предупредилъ этимъ несправедливый предразсудокъ. Моя книга есть только сборникъ замѣчаній на знаменитѣйшіе военные факты древности и на достовѣрнѣйшія подлинныя записки тѣхъ военныхъ людей, достойные потомки которыхъ хранятъ еще ту же склонность къ военному дѣлу и славѣ и превосходятъ въ этомъ всѣ другіе народы. Поэтому правила, мною излагаемыя, не выдуманы мною въ моемъ кабинетѣ. То, что я говорю, основано на практикѣ. Примѣры того можно найти въ различныхъ войнахъ, веденныхъ римлянами, потому что я тщательно собралъ все, что эти великіе наставники въ военномъ искусствѣ произвели на дѣлѣ, для избѣжанія опасностей и преодолѣнія препятствій. Писатель, обѣщающій нѣчто новое, для легковѣрныхъ покажется болѣе удивительнымъ, нежели отрекающійся отъ званія изобрѣтателя. Не ихъ одобренія домогаюсь я. Начальникъ арміи, который изложилъ бы систему войны, не унизилъ бы своего достоинства, заимствовавъ у другихъ свойственное его предмету и не ограничиваясь только указаніемъ на самаго себя. Поэтому не слѣдуетъ считать недостаткомъ моей книги то, что я говорю въ ней о предметахъ извѣстныхъ. Откровенно сознаюсь, что извлекъ ихъ изъ чужихъ источниковъ. Отъ этого для меня будетъ та выгода, что не заподозрятъ мою правдивость и что я буду имѣть менѣе завистниковъ».

Нельзя не сознаться, что всѣ эти мысли и сужденія Оносандра очень вѣрны и замѣчательны, возвышаютъ занимательность и достоинство его сочиненія, существенно отличаютъ его отъ сочиненій Фронтина, Поліена и даже Вегеція, и дѣлаютъ его достойнымъ тщательнаго изученія. За невозможностью здѣсь войти въ ближайшее разсмотрѣніе содержанія его, по необходимости должно ограничиться, вмѣсто того, только указаніемъ содержанія каждой изъ 33 главъ его.

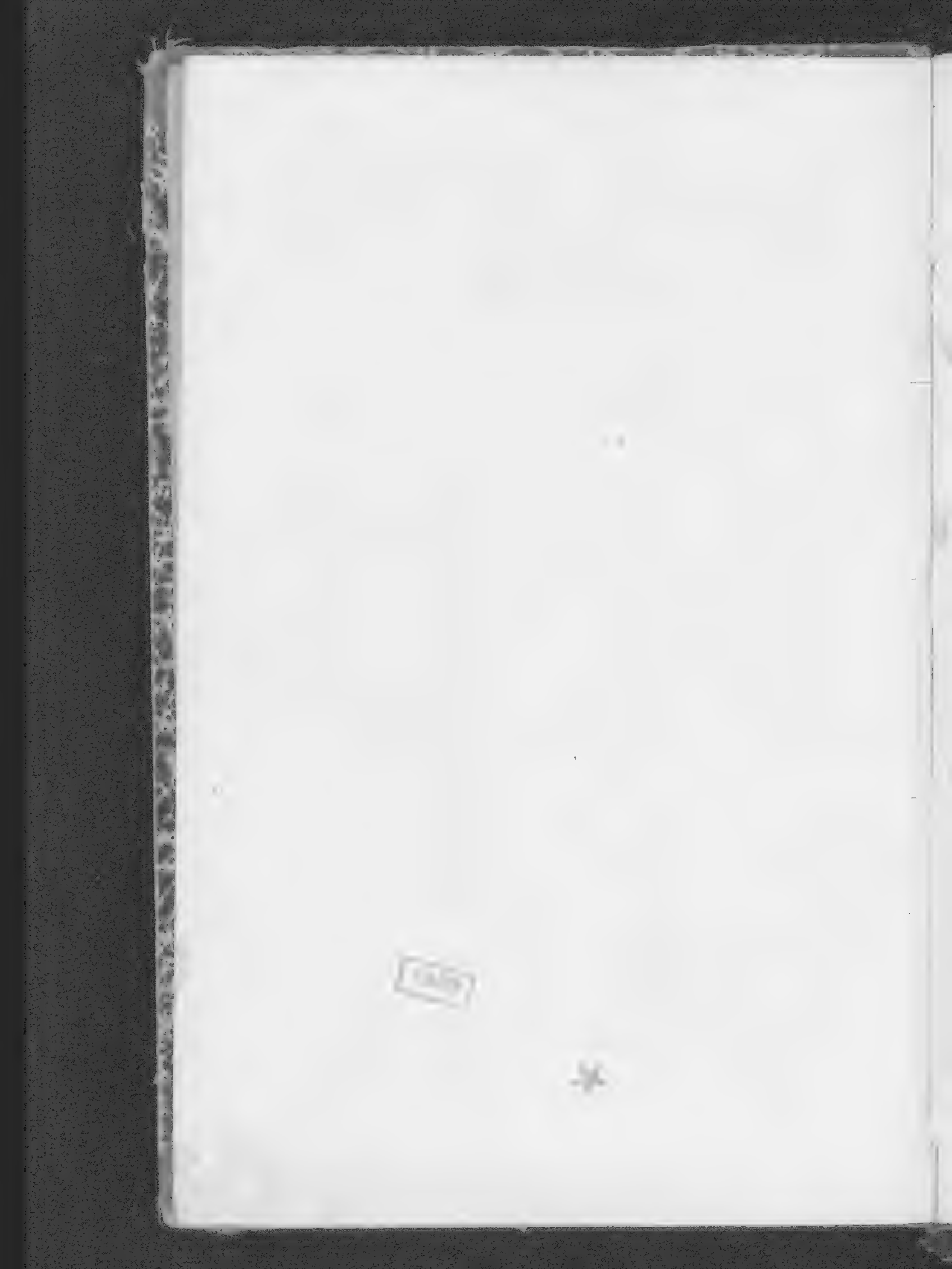
Въ главѣ 1-й говорится о выборѣ полководца,—во 2-й—о военномъ совѣтѣ,—въ 3-й—объ объявленіи войны,—въ 4-й—объ очищеніи (purificatio—языческій обрядъ) арміи,—въ 5-й—о движеніяхъ арміи,—въ 6-й—о лагеряхъ,—въ 7-й—о военныхъ упражненіяхъ въ зимнихъ лагеряхъ или квартирахъ,—въ 8-й—о фуражировкахъ,—въ 9-й—о шпіонахъ,—въ 10-й—о часовыхъ и караулахъ,—въ 11-й—о переговорахъ съ непріятелемъ,—въ 12-й—о переметчикахъ,—въ 13-й—о формѣ лагерей,—въ 14-й—о необходимости соблюденія тайны,—въ 15-й—объ экстиспиціяхъ (extispicio—жертвоприноше-

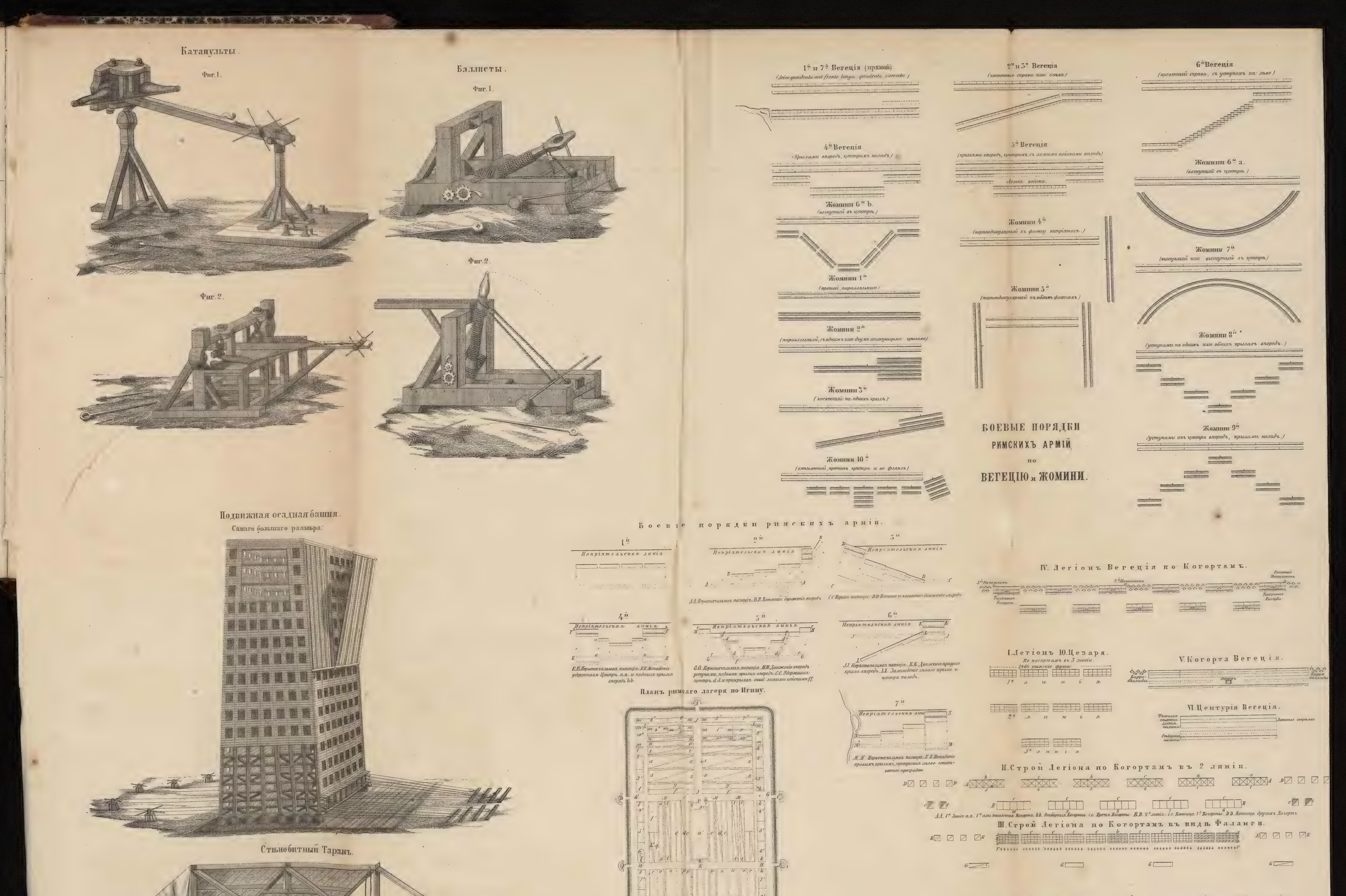
ніе передъ сраженіемъ),—въ 16-й—сколько необходимо соблюдать осторожность, слѣдуя за бѣгущимъ непріятелемъ,—въ 17-й—о выгодѣ пріобрѣтенія свѣдѣній о непріятелѣ,—въ 18-й—о часѣ, приличномъ для подкрѣпленія войскъ пищей,—въ 19-й—о необходимости одинаковаго настроенія духа полководца, даже въ неудачахъ,—въ 20-й—въ какихъ обстоятельствахъ слѣдуетъ внушать войскамъ опасеніе непріятеля или же ободрять ихъ,—въ 21-й—ободрять ихъ можно видомъ плѣнныхъ,—въ 22-й—о боевыхъ порядкахъ,—въ 23-й—о приказаніяхъ, паролѣ и знакахъ или сигналахъ къ распознаванію себя между собственными войсками,—въ 24-й—о точности, которую необходимо соблюдать въ шеренгахъ и рядахъ,—въ 25-й—о потребной чистотѣ оружія,—въ 26-й—о боевыхъ крикахъ,—въ 27-й—предметы размышленій для полководца до и послѣ сраженія,—въ 28-й—о томъ, что необходимо быть осторожнымъ даже во время перемирія или мира,—въ 29-й—о человѣколюбіи, потребномъ въ отношеніи завоеваній,—въ 30-й—о томъ, что нужно вѣрно исполнять свои обѣщанія, даже данныя измѣнникамъ,—въ 31-й—что полководцу полезны свѣдѣнія астрономическія,—въ 32-й—объ осадахъ,—и въ 33-й—какъ долженъ поступать полководецъ послѣ счастливаго окончанія войны.

Уже одно это можетъ дать понятіе о занимательности и поучительности сочиненія Онозандра и его содержанія въ отношеніи къ состоянію стратегіи, какъ искуства и какъ науки, и о понятіяхъ ея въ древности, особенно въ совокупномъ и сравнительномъ разсмотрѣніи его вмѣстѣ съ сочиненіями Фронтина, Поліена и Вегеція.

ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТРОКИ.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
5	21 сверху	безопастость	безопасность,
6	21 снизу	Тиверій	Тиберій
11	2 »	и 5-я, -на лѣвомъ флангѣ	и 5-я—на лѣвомъ флангѣ
17	въ заглавіи	Внугрипее	Внутреннее
25	въ выноскѣ внизу	пружія,	оружія,
33	15 сверху	лезвіяхъ,	лезвеяхъ,
35	11 »	р. Сига	р. Зига
—	17—21 »	Лонгобарды,	Лангобарды (т. е. длинныя копья),
37	17 »	Роксоланы	Роксаланы
40	15 »	пзвѣстное	извѣстное
44	6 снизу	(Бѣлградъ),	(Бѣлградъ),
46	8 »	(Висла)	(Висла);
59	22 сверху	противъ нихъ	противъ нихъ,
—	23 »	вождя ихъ.	вождя ихъ
76	въ заглавіи	имперія	имперія
97	19 сверху	Марсбурга,	Марбурга,
98	19 »	друзьей	друзей
113	9 »	вызадкѣ	вылазкѣ
144	11 »	колебавшійся хотѣлъ	колебавшійся, хотѣлъ
165	3 снизу	окспойствіе	спокойствіе
174	6 сверху	Максенціемъ	Максентіемъ
176	5 »	съ обязаппостью	съ обязанностью
195	11 снизу	пазывалась	пазывались
237	5 »	подъ равниной..	падъ равниной.
271	3 сверху	много усилій	многихъ усилій
295	8—9 »	въ этомъ:	въ этомъ
299	16 »	тогоророръ	договоръ
307	16 »	предстояло	предстояло
308	15 »	Гейзериха	Гензериха
314	[illegible] »	съ названіемъ	съ званіемъ
315	15 »	назначило	назначило
319	10 снизу	искреннаго	искренняго
342	4 сверху	отнятк	отнятые
363	19 »	Голерія,	Галерія,
367	16 »	Медіолонъ,	Медіоланъ,
408	4 »	дурно а	дурно, а
429	10 снизу	воиновъ».	воиновъ»,
438	1 »	правителями.	правителями».
466	9 сверху	тѣсно	тѣсно
507	1 снизу	дѣйвіямъ	дѣйствіямъ
527	14 »	сочинепія	сочиненія
532	17 сверху	Оносандра	Оносандра
541	16 снизу	Квинтъ Вераній,	Квинтъ Вераній,
—	13 »	философъ	философъ,

Ворота: A. Преторскія. B. Декуманскія. C и D. Правыя и лѣвыя главныя. E и F. Правыя и лѣв. Квинтанскія. Дороги: G.G. Главныя. H.H. Квинтанская. J.J. Преторская. K.K. Декуманская. L.L. Сагулярныя. M.M. Віацинальныя. X. Площадь (Грома) на ней 1. Жертвенникъ 2. Каѳедра. 3. Караулъ. Ставки: a. Преторій. b. Придворное войско c.c. Ставки придворныхъ чиновъ d.d. Преторіанская и другая тѣлохранительная конница e.e. Преторіанскія когорты. f.f. Ставки легатовъ g.g. Трибуновъ h.h. Квестора и его чиновниковъ. i.i. Мѣста для пословъ. k.k. 1[и] Легіонъ: когорты назначены № 1, 2, 3 и пр. l.l. 2[и] Легіонъ когорты назначены № 1', 2', 3' и пр. m.m. 3[и] Легіонъ: когорты имѣютъ № 1'', 2'', 3'' и пр. n.n. Тысячныя вспомогательныя когор. съ конницею. o.o. Таковыя же когорты безъ конницы. p.p. Пятисотныя вспом. когорты съ конницею. q.q. Таковыя же когорты безъ конницы. r.r. Прочія войска подвластныхъ народовъ (Nationes). s.s. Конные полки въ 1000 всадниковъ. t.t. Полки въ 500 всадниковъ. u.u. Мавританская конница. v.v. Морскіе воины. w. Баленская легкая пѣхота. w.w. Объѣздчики x. Больницы. y. Мастеровые

Картографическое Заведеніе А. Ильина по Екат. пр. д. № 11/43

III

2014080256

